

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
ARCHIVE. ST.-PETERSBURG BRANCH
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
STATE HERMITAGE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
АРХИВ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

EASTERN TURKESTAN AND MONGOLIA

HISTORY OF EXPLORATION
AT THE END OF THE XIX – FIRST THIRD OF THE XX CENTURY

Volume
IV

RUSSIAN EASTERN TURKESTAN EXPEDITIONS
OF 1909–1910 AND 1914–1915
OF S.F. OLDENBURG

Edited by
M.D. Bukharin, V.S. Myasnikov, I.V. Tunkina

«Indrik»
Moscow 2020

ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН И МОНГОЛИЯ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ
В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Том
IV

МАТЕРИАЛЫ
РУССКИХ ТУРКЕСТАНСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ
1909–1910 и 1914–1915 гг.
АКАДЕМИКА С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГА

Под общей редакцией
М.Д. Бухарина, В.С. Мясникова, И.В. Тункиной

«Индрик»
Москва 2020

УДК 930.3:950(470)
ББК 63.1(2)53 + 63.48(2)
В78

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 20-19-00050, не подлежит продаже)

Рецензенты:

доктор исторических наук А.В. Седов (Государственный музей Востока)
кандидат исторических наук Е.Н. Груздева (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН)

Утверждено к печати Учеными советами
Санкт-Петербургского филиала Архива РАН и
Института всеобщей истории РАН

Редакционная коллегия:

В.Г. Ананьев, М.Д. Бухарин, М.К. Басханов, В.С. Мясников,
И.В. Тункина, С.Л. Шевельчинская

Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века. Том IV. Материалы Русских Туркестанских экспедиций 1909–1910 и 1914–1915 гг. академика С.Ф. Ольденбурга / Под общ. ред. М.Д. Бухарина, В.С. Мясникова, И.В. Тункиной. М.: «Индрик», 2020. — 656 с., ил.

ISBN 978-5-91674-587-0

В четвертом томе многотомного издания «Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века» представлены результаты исследований Первой и Второй Русских Туркестанских экспедиций, работавших под руководством академика С.Ф. Ольденбурга в 1909–1910 и 1914–1915 гг. в Северо-Западном Китае: полевые дневники участников работ, архитектурные планы; освещается история музейных фондов, в которых хранятся материалы экспедиций, вводятся в научный оборот эпистолярные источники, отражающие историю исследований Восточного Туркестана, реконструируются биографии участников исследовательских работ.

Авторы и редакторы издания

Аброськина Евгения Вячеславовна	аспирант Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамеры)
Ананьев Виталий Геннадиевич	доктор культурологии, доцент Института философии Санкт-Петербургского государственного университета
Басханов Михаил Казбекович	доктор исторических наук, член Королевского общества по изучению Востока (The Royal Society for Asian Affairs, London)
Бухарин Михаил Дмитриевич	доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, действительный член РАН
Мясников Владимир Степанович	действительный член РАН, советник РАН
Селезнева Екатерина Юрьевна	архивист II категории Отдела рукописей и документального фонда Государственного Эрмитажа
Тункина Ирина Владимировна	доктор исторических наук, директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, член-корреспондент РАН
Шевельчинская Светлана Львовна	член исследовательской группы «Вторая Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг. академика С.Ф. Ольденбурга. Неизданные материалы из архивов РАН» (грант РФФИ № 18-09-00213)

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (документы, иллюстрации), 2020
© Е.В. Аброськина, В.Г. Ананьев, М.К. Басханов, М.Д. Бухарин, Е.Ю. Селезнева,
И.В. Тункина, С.Л. Шевельчинская (тексты, комментарии), 2020
© «Индрик» (предпечатная подготовка, издание), 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Авторы и редакторы издания	5
От редколлегии	11
ВОСТОЧНО-ТУРКЕСТАНСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ АКАДЕМИКА С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГА	
«Эта экспедиция вообще много труднее прежней»: неопубликованные архивные материалы Второй Русской Туркестанской экспедиции С.Ф. Ольденбурга 1914–1915 гг. (И.В. Тункина)	15
<i>В.Д. Головчинер.</i> <Китайский Туркестан> (В.Г. Ананьев, М.Д. Бухарин)	22
МУЗЕЙНЫЕ СОБРАНИЯ	
Фонд С.Ф. Ольденбурга и С.М. Дудина в Архиве Государственного Эрмитажа (Е.Ю. Селезнева)	55
ПЕРВАЯ РУССКАЯ ТУРКЕСТАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (1909–1910)	
<i>С.Ф. Ольденбург.</i> Записная книжка 1909–1910 гг. (М.Д. Бухарин)	61
Первая Русская Туркестанская экспедиция (1909–1910): архитектурные планы (М.Д. Бухарин)	73
ВТОРАЯ РУССКАЯ ТУРКЕСТАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (1914–1915)	
Маршрут и хронология работ Второй Русской Туркестанской экспедиции академика С.Ф. Ольденбурга (1914–1915) (М.Д. Бухарин)	153
PERSONALIA	
Виктор Сергеевич Биркенберг (Е.В. Аброськина)	167
Борис Федорович Ромберг (М.Д. Бухарин)	173
Дмитрий Арсеньевич Смирнов (Е.В. Аброськина, М.Д. Бухарин, С.Л. Шевельчинская)	183
Николай Арсеньевич Смирнов (Е.В. Аброськина, М.Д. Бухарин, С.Л. Шевельчинская)	193
А.А. Дьяков – русский консул в Синьцзяне: малоизвестные страницы жизни (М.К. Басханов)	197
ДНЕВНИКИ УЧАСТНИКОВ РАБОТ	
<i>С.Ф. Ольденбург.</i> Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг. (М.Д. Бухарин, И.В. Тункина, С.Л. Шевельчинская)	265
<i>С.Ф. Ольденбург.</i> Из записных книжек 1914–1915 гг. (М.Д. Бухарин)	291
I. От Хами до Чан-фо-дуна	291
II. Исследование пещерно-храмовых комплексов Туяк-мазар и Безеклик	301
III. Исследования Идиукт-шари и Яр-хото	313

С.М. Дудин. Дневник поездки в Дун-хуан (М.Д. Бухарин, И.В. Тункина, С.Л. Шевельчинская)	315
<i>Б.Ф. Ромберг.</i> Путевой дневник (1914–1915) (М.Д. Бухарин, И.В. Тункина, С.Л. Шевельчинская)	365
<i>Н.А. Смирнов.</i> Дневник (М.Д. Бухарин, И.В. Тункина, С.Л. Шевельчинская)	403
РАЗРОЗНЕННЫЕ ЧАСТИ ОТЧЕТОВ И НАУЧНЫХ ТРУДОВ УЧАСТНИКОВ РУССКО-ТУРКЕСТАНСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ В 1909–1910 И 1914–1915 гг.	
С.Ф. Ольденбург. <Введение> (М.Д. Бухарин, И.В. Тункина)	433
<i>С.Ф. Ольденбург.</i> <Дело о краже денег> (М.Д. Бухарин, И.В. Тункина)	434
<i>С.М.Дудин.</i> От Чугучака до Чан-фо-дуна (М.Д. Бухарин, И.В. Тункина)	435
<Маршрутное описание пути от Урумчи через Гучен и Баркуль в Хами> (М.К. Басханов, М.Д. Бухарин, И.В. Тункина)	440
<i>С.Ф. Ольденбург.</i> <Сообщение об итогах работ в Китайском Туркестане в 1909–1910 гг.> (М.Д. Бухарин, И.В. Тункина)	449
ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА В ПИСЬМАХ	
Письма Р. Пишеля В.Р. Розену (М.Д. Бухарин)	455
Письма Д.А. и Н.А. Смирновых С.Ф. Ольденбургу (М.Д. Бухарин, И.В. Тункина, С.Л. Шевельчинская)	469
«Кашгарский бродяга»: поездка поручика Кавалергардского полка Д.В. Коссиковского в Кашгарию (1910–1911) по его письмам к С.Ф. Ольденбургу (М.К. Басханов)	499
Письма Д.В. Коссиковского С.Ф. Ольденбургу (И.В. Тункина, С.Л. Шевельчинская)	521
Исследование Восточного и Западного Туркестана в переписке С.Ф. Ольденбурга и В.В. Бартольда (М.Д. Бухарин)	529
POSTFACTUM	
Первое заседание Постоянной Туркестанской комиссии 8 января 1921 г. (М.Д. Бухарин, И.В. Тункина)	595
<i>И.А. Орбели.</i> Академик Ольденбург – участник в музейном строительстве (В.Г. Ананьев)	602
<i>И.А. Орбели.</i> С.Ф. Ольденбург как искусствовед (В.Г. Ананьев)	623
Библиография	630
Сокращения	649
Указатель имен	650

CONTENTS

Authors and Editors	5
Editorial	11
EASTERN TURKESTAN EXPEDITIONS OF S.F. OLDENBURG	
“This Expedition is in All Much Harder Than the Previous One”: Unpublished Archival Materials of the Second Russian Eastern Turkestan Expedition of S.F. Oldenburg of 1914–1915 (I.V. Tunkina)	15
<i>V.D. Golovchiner</i> . <Chinese Turkestan> (V.G. Ananiev, M.D. Bukharin)	22
MUSEUMS’ COLLECTIONS	
Fund of S.F. Oldenburg and S.M. Dudin in the Archive of the State Hermitage Museum (E.Yu. Selezneva)	55
THE FIRST RUSSIAN EASTERN TURKESTAN EXPEDITION (1909–1910)	
<i>S.F. Oldenburg</i> . Diary for 1909–1910 (M.D. Bukharin)	61
The First Russian Eastern Turkestan Expedition (1909–1910): Architectural Plans (M.D. Bukharin)	73
THE SECOND RUSSIAN EASTERN TURKESTAN EXPEDITION (1914–1915)	
The Itinerary and Chronology and Works of the Second Russian Eastern Turkestan Expedition of S.F. Oldenburg (1914–1915) (M.D. Bukharin)	153
PERSONALIA	
Viktor Sergeevich Birkenberg (E.V. Abros’kina)	167
Boris Fedorovich Romberg (M.D. Bukharin)	173
Dmitri Arsenyevich Smirnov (E.V. Abros’kina, M.D. Bukharin, S.L. Shevelchinskaya)	183
Nikolai Arsenyevich Smirnov (E.V. Abros’kina, M.D. Bukharin, S.L. Shevelchinskaya)	193
A.A. Dyakov – Russian Consul in Xinjiang: The Unknown Life (M.K. Baskhanov)	197
DIARIES OF THE MEMBERS OF THE EXPEDITION	
<i>S.F. Oldenburg</i> . Russian Turkestan Expedition of 1914–1915 (M.D. Bukharin, I.V. Tunkina, S.L. Shevelchinskaya)	265
<i>S.F. Oldenburg</i> . From the Field Diaries (1914–1915) (M.D. Bukharin)	291
I. From Hami to Qien-fo-dong	291
II. Exploration of the Cave-Temples Tuyuk-mazar and Bezeklik	301
III. Exploration of Idikutshari and Yarkhoto	313

<i>S.M. Dudin</i> . The Travel to Dunhuang’s Diary (1914–1915) (M.D. Bukharin, I.V. Tunkina, S.L. Shevelchinskaya)	315
<i>B.F. Romberg</i> . Field Diary (1914–1915) (M.D. Bukharin, I.V. Tunkina, S.L. Shevelchinskaya)	365
<i>N.A. Smirnov</i> . Diary (M.D. Bukharin, I.V. Tunkina, S.L. Shevelchinskaya)	403
SEPARATE PARTS OF REPORTS AND SCIENTIFIC WORKS OF THE MEMBERS OF THE RUSSIAN EASTERN TURKESTAN EXPEDITIONS OF 1909–1910 AND 1914–1915	
<i>S.F. Oldenburg</i> . <Introduction> (M.D. Bukharin, I.V. Tunkina)	433
<i>S.F. Oldenburg</i> . <Fact-Finding on Money Theft> (M.D. Bukharin, I.V. Tunkina)	434
<i>S.M. Dudin</i> . From Chuguchak to Chan-fo-dun (M.D. Bukharin, I.V. Tunkina)	435
<Description of the Way from Urumqi through Guqung and Barköl to Hami> (M.K. Baskhanov, M.D. Bukharin, I.V. Tunkina)	440
<i>S.F. Oldenburg</i> . <A Brief Report on the Results of Works in Chinese Turkestan in 1909–1910> (M.D. Bukharin, I.V. Tunkina)	449
HISTORY OF EXPLORATION OF EASTERN TURKESTAN THROUGH LETTERS	
Letters of R. Pischel to V.R. Rozen (M.D. Bukharin)	455
Letters of D.A. and N.A. Smirnov to S.F. Oldenburg (M.D. Bukharin, I.V. Tunkina, S.L. Shevelchinskaya)	469
“The Vagabond of Kashgar”: A Journey of Lieutenant D.V. Kossikovskii, The Cavalier-Guards Regiment, to Kashgaria (1909–1910) through his Letters to S.F. Oldenburg (M.K. Baskhanov)	499
Letters of D.V. Kossikovskii to S.F. Oldenburg (I.V. Tunkina, S.L. Shevelchinskaya)	521
Exploration of Eastern and Western Turkestan in Correspondence between S.F. Oldenburg and V.V. Barthold (M.D. Bukharin)	529
POST FACTUM	
First Session of the Permanent Turkestan Commission on January 8, 1921 (M.D. Bukharin, I.V. Tunkina)	595
<i>I.A. Orbeli</i> . S.F. Oldenburg as a Museologist (V.G. Ananiev)	602
<i>I.A. Orbeli</i> . S.F. Oldenburg as an Art Historian (V.G. Ananiev)	623
Bibliography	630
Abbreviations	649
Index of Proper Names	650

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Четвертый том многотомной серии «Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века» завершает публикацию материалов Первой Русской Туркестанской экспедиции академика С.Ф. Ольденбурга 1909–1910 гг. и начинает издание материалов экспедиции 1914–1915 гг. Первый том серии был посвящен изданию эпистолярных источников, в которых прослеживается история организации и проведения российских и ряда иностранных экспедиций в Северо-Западном Китае. Во втором и третьем томах были представлены как готовые, но ранее не издававшиеся работы, например «Отчет по объезду округа консульства в Кашгаре» М.И. Лаврова или «Историческое значение древнетюркских надписей» академика В.В. Бартольда, ранее известное только в переводе на немецкий язык, так и дневники, подготовленные в ходе полевых работ, – Д.А. Клеменца 1898 г., М.М. Березовского 1907 г., С.Ф. Ольденбурга и С.М. Дудина 1909–1910 гг. Также введены в научный оборот два фотоархива – Д.А. Клеменца и С.М. Дудина.

В четвертом томе представлены материалы, завершающие публикацию работ экспедиции 1909–1910 гг., проведенной под руководством академика С.Ф. Ольденбурга, – в научный оборот вводятся архитектурные планы, подготовленные в ходе работ на целом ряде городищ. Публикуются записные книжки и более систематические – дневниковые – записи С.Ф. Ольденбурга, С.М. Дудина, Б.Ф. Ромберга, художественные зарисовки и карты местности, научные работы, подготовленные по итогам работ.

Фактически новую жизнь в науке получает имя В.Д. Головчинер. Ее статья, в которой были подведены итоги исследованиям российских археологов в Восточном Туркестане, послужила введением к тому: в ней сжато, но со знанием дела представлены основные вехи истории Восточного Туркестана, главные черты его географического положения, очерчен ход работ и поставлены задачи перед следующими поколениями историков, искусствоведов, интересы которых сконцентрированы на материалах экспедиций академика Ольденбурга и его коллег. Другим относительно новым именем, представленным в томе, является Д.В. Косиковский, письма которого к С.Ф. Ольденбургу являются ценным источником по истории исследования Восточного Туркестана военными востоковедами.

Биографии главных действующих лиц обеих Русских Туркестанских экспедиций – С.Ф. Ольденбурга и С.М. Дудина – хорошо известны. Им посвящены и монографии, и статьи, и сборники документов. Значительно меньше известно о жизненном и творческом пути других участников работ – архитектора В.С. Биркенберга, инженеров братьев Д.А. и Н.А. Смирновых,

художника Б.Ф. Ромберга и консула в Урумчи А.А. Дьякова. Отдельный раздел тома призван заполнить данную лакуну.

Несмотря на обилие эпистолярных источников, введенных в научный оборот в первом томе издания, этот фонд информации не был исчерпан. Письма Р. Пишеля к В.В. Розену, переписка С.Ф. Ольденбурга с В.В. Бартольдом, письма С.Ф. Ольденбургу братьев Д.А. и Н.А. Смирновых, а также Д.В. Косиковского значительно расширяют наши познания об истории как европейского востоковедения в целом, так и исследования Восточного (Китайского) и Западного (Русского) Туркестана.

Дополняют палитру материалов обзор архивного фонда Государственного Эрмитажа, в котором хранятся находки экспедиций, а также оценка научной деятельности академика С.Ф. Ольденбурга, данная академиком И.А. Орбели в двух ранее не публиковавшихся очерках.

Фактически данные материалы являются введением к изданию главной работы С.Ф. Ольденбурга – «Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дунь-хуана», которая будет опубликована в следующем томе.

Документы публикуются согласно «Правилам издания исторических документов» (1990) по современной орфографии, с сохранением некоторых стилистических особенностей оригинала. Названия топонимов и оронимы переданы так же, как в публикуемых документах. Подчеркивания переданы курсивом. Сокращенные слова восстанавливались без оговорок в случаях, не имеющих другого толкования. Пропущенные и восстановленные по смыслу слова и цифры заключены в угловые скобки. Непрочитанные слова обозначены отточиями в квадратных скобках. Вычеркнутые фрагменты при публикации не восстанавливаются, если не имеют особой важности.

ВОСТОЧНО-ТУРКЕСТАНСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ АКАДЕМИКА С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГА

**«ЭТА ЭКСПЕДИЦИЯ ВОООЩЕ МНОГО ТРУДНЕЕ ПРЕЖНЕЙ»:
НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ВТОРОЙ РУССКОЙ ТУРКЕСТАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГА
1914–1915 гг.**

Академик С.Ф. Ольденбург (1863–1934) оставил исключительный след в изучении древностей Восточного (Китайского) Туркестана. Еще на заре научной деятельности он как приват-доцент факультета восточных языков Петербургского университета приступил к изучению артефактов, в том числе памятников древней письменности, доставленных в Санкт-Петербург дипломатами и путешественниками. Исследуя древние тексты, полученные от русского генерального консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского¹, С.Ф. Ольденбург первым в мире в 1892 г. обнаружил факсимильную фототипию (без транскрипции) найденного в Куче памятника на мертвом языке. В собрании Н.Ф. Петровского оказались также тексты на неизвестных науке мертвых восточноиранских языках – хотано-сакском, согдийском и др., написанные на бумаге, бересте и коже².

С начала 1890-х гг. именно С.Ф. Ольденбург способствовал международной кооперации ученых разных стран для изучения индоевропейской и индийской культуры Восточного Туркестана³. Опубликованный им текст с факсимиле был написан не на санскрите, а «новым, доселе не встречавшимся алфавитом»⁴, ранее неизвестным науке вариантом североиндийского письма – наклонным брахми, скорописью, засвидетельствованной только в памятниках Восточного Туркестана. Публикация текстов из собрания Н.Ф. Петровского дала толчок развитию *тохароведения*, поэтому С.Ф. Ольденбург по праву считается одним из родоначальников новой отрасли востоковедения – центральноазиатской филологии и палеографии⁵. Только 16 лет спустя, к 1908 г., мертвый индоевропейский язык V–VIII вв. был дешифрован и назван немецкими

¹ Петровский 2010; Тункина 2013b: 36–42.

Петровский, Николай Федорович (1837–1908) – военный служащий, дипломат, археолог-любитель, коллекционер, консул (1882–1895), генеральный консул Российской империи в Кашгаре (1895–1903). С 1886 г. присылал в Императорскую Академию наук и в Восточное отделение Русского археологического общества собиравшиеся им артефакты. Коллекции Н.Ф. Петровского были переданы в Государственный Эрмитаж и в Азиатский музей (ныне – Институт восточных рукописей РАН).

² Воробьева-Десятовская 2016: 69.

³ Воробьева-Десятовская 2016: 68–69; Tunkina 2015: 261–264; Тункина 2016: 314–317.

⁴ Ольденбург 1892: 81.

⁵ Tuomkin 1997; Памятники 2004: 14–33.

учеными Э. Зигом и В. Зиглингом тохарским А (тексты на вертикальном центральноазиатском брахми найдены на северо-востоке Синьцзяна – близ Турфана и Карашара) и тохарским В (или кучанским, документы на наклонном центральноазиатском брахми найдены по всему Восточному Туркестану, как на северо-востоке (Турфан и Карашар), так и на юго-западе, в Куче и вокруг нее), на котором и был написан обнаруженный в 1892 г. С.Ф. Ольденбургом текст.

В разгар «Большой игры» в центральных районах Евразии Россия направила в Синьцзян ряд военных разведчиков и экспедиций для исследования географии, этнографии, экономики региона и выявления остатков письменной и материальной культуры населявших его народов¹. Мечта С.Ф. Ольденбурга, остававшегося сугубо кабинетным ученым, самому попасть в Восточный Туркестан по различным причинам откладывалась и была реализована лишь в начале XX в., после ряда экспедиций – В.И. Роборовского² и П.К. Козлова³ (1893–1895) в Центральную Азию с посещением Восточного Туркестана и Тибетского нагорья, рекогносцировочной поездки хранителя Музея антропологии и этнографии Императорской АН Д.А. Клеменца⁴ по северным оазисам Восточного Туркестана (1898), ставшей первой русской археологической экспедицией в этот регион, путешествий этнографа и фотографа С.М. Дудина⁵ в Кашгар (1901–1902) и натуралиста М.М. Березовского в Кучу (1905–1907)⁶.

Первая (1909–1910) и Вторая (1914–1915) Русские Туркестанские экспедиции под руководством академика С.Ф. Ольденбурга были снаряжены Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (РКСВА, 1903–1923) – центральном координирующим органом Международной ассоциации по изучению Средней и Восточной Азии, которая была создана в 1902 г. в Гамбурге на 13-м международном конгрессе востоковедов⁷, однако научные результаты этих экспедиций сохранились исключительно полно⁸, но они лишь в последние 25 лет активно вводятся в научный оборот. Руководитель обеих РТЭ С.Ф. Ольденбург был одним из создателей РКСВА.

К моменту снаряжения I РТЭ из материалов английских, французских и немецких экспедиций были изданы результаты работ Первой Прусской экспедиции А. Грюнведеля⁹ и экспедиции

А. Стейна¹ в Восточный Туркестан. С.Ф. Ольденбург резонно полагал, что решение, где именно проводить систематические исследования, нужно принимать на месте², поэтому I РТЭ Ольденбурга, покинувшая Санкт-Петербург 6 июня 1909 г., носила разведочный характер. Экспедиция в составе С.Ф. Ольденбурга, этнографа, художника и фотографа С.М. Дудина, горного инженера Д.А. Смирнова, выполнившего все топографические съемки и планы, в сопровождении отряда охраны из казаков и переводчика побывала в Карашаре, Турфане и Куче, исследовала три городища и около десятка руин наземных и пещерных буддийских храмов и монастырей. Столкнувшись со следами раскопок трех немецких экспедиций А. Грюнведеля³ и А. фон Лекока⁴, С.Ф. Ольденбург охарактеризовал их как грабительские и критично отозвался о методике раскопок западноевропейских коллег, которые проводили раскопки не до материка: «Все это в значительной степени перерыто немцами [...] немцы тоже копали, – выяснилось, что они копали до известной глубины [...] Ясно, что здесь все было копано и брошено. Ни о каких слоях и речи нет»; о фресках и скульптурах: «Безбожно вырезано и попорчено»⁵. В археологическом отношении осмотренные памятники были «опустошены», но несмотря на это разведка включала шурфовку, фиксацию объектов на планы и фотографии, зарисовку и описание обследованных памятников. В Петербург С.Ф. Ольденбург вывез лишь то, что нуждалось в спасении и реставрации, – найденные на полу пещер фрагменты рукописей, обломки фресок и статуй, остальное расчищалось, затем фиксировалось и, по возможности, консервировалось. Первая РТЭ привезла свыше 30 ящиков коллекций (фресок, деревянных и бронзовых статуэток, других предметов искусства), почти сотню фрагментов рукописей, главным образом найденных при раскопках, свыше 1500 фотографий монастырей, пещер, храмов и пр. С.Ф. Ольденбург успел издать лишь краткий отчет об экспедиции⁶, остальные материалы, за исключением материалов раскопок Шикшина⁷, остались неизданными и были целое столетие погребены в архивах⁸. В их числе – подробное описание Турфанских пещер в 6 тетрадах объемом около 30 печатных листов⁹.

Из-за начала Первой мировой войны, двух русских революций 1917 г. и разразившейся Гражданской войны С.Ф. Ольденбург успел издать лишь несколько кратких обзорных статей об этой экспедиции¹⁰.

¹ Постников 2005; Смирнов 2011: 334–365; Воробьева-Десятовская 2011.

² Роборовский, Всеволод Иванович (1856–1910) – российский исследователь Центральной Азии в составе экспедиций Н.М. Пржевальского и М.В. Певцова, а также самостоятельно.

³ Козлов, Петр Кузьмич (1863–1935) – выдающийся исследователь Центральной Азии, совершивший ряд путешествий под руководством Н.М. Пржевальского и самостоятельно.

⁴ Клеменц, Дмитрий Александрович (1847–1914) – российский путешественник, археолог, исследователь Сибири и Центральной Азии, руководитель Монголо-Туркестанской экспедиции 1898 г., фактически проторившей путь немецким и российским коллегам в Восточный Туркестан; сотрудник МАЭ РАН (1899–1902), заведующий Этнографическим отделом Русского музея (1902–1910).

⁵ Дудин, Самуил Мартынович (1863–1929) – художник, фотограф, археолог, этнограф, спутник С.Ф. Ольденбурга по двум туркестанским экспедициям (1909–1910, 1914). Штатный фотограф (на 1918), заведующий отделом изображений (на 1926), заведующий отделом (ученый хранитель) туркестанских древностей (на 1918–1926) и секретарь Совета (на 1926) Музея антропологии и этнографии РАН. Преподаватель географического института (на 1923), старший ассистент кафедры рисования и фотографии, заведующий кабинетом фотографии географического факультета ЛГУ (на 1926). Заведующий библиотекой Общества им. А.И. Куинджи (на 1926). О нем см.: Наука 1920: 4; Наука 1923: 39; Востоковедение 1923: 62; Наука 1926: 16, 17, 88, 151, 152, 263; Прищепова 2011b: 608–649.

⁶ Березовский, Михаил Михайлович (1848–1912) – крупный зоолог и археолог-искусствовед; о нем см.: Российские экспедиции 2008; Воробьева-Десятовская 2011; Воробьева-Десятовская 2012: 176–182.

⁷ См. подробнее: Назирова 1992.

⁸ Тункина 2013a: 105–123; Тункина 2015: 19–33; Тункина 2016: 313–347; Тункина 2015: 259–275.

⁹ Грюнведель, Альберт (Grünwedel, Albert; 1856–1935) – немецкий археолог-искусствовед, филолог-индолог, музейный работник, руководитель работ двух Прусских Императорских Турфанских экспедиций (1902–1903 и 1905–1907 гг.). Грюнведель поддерживал тесные контакты с С.Ф. Ольденбургом, активно пользовался его помощью при организации работ.

¹ Стейн, Марк Аурел (Stein, Marc Aurel; 1862–1943) – выдающийся британский археолог венгерского происхождения, исследователь Среднего Востока и Южной Азии; участвовал в центральноазиатских экспедициях в 1900, 1906–1908, 1913–1916 и 1930 гг., нацеленных на изучение Восточного Туркестана, Куньлуня, Памира и верховьев Инда. Главное открытие – «Пещеры тысячи будд» рядом с Дуньхуаном (1907). Автор многочисленных публикаций. О нем и его научной деятельности см., в частности: Литвинский, Терентьев-Катанский 1998: 43–48; Whitfield 2004; Whitfield 2008.

М.А. Стейн тепло благодарил Н.Ф. Петровского за помощь (Stein 1901: 69). В «Архиве востоковедов» (Институт восточных рукописей РАН) сохранилось письмо М.А. Стейна Н.Ф. Петровскому. Публикацию см. в Приложении V.

² Ольденбург 1914: 5.

³ Имеется в виду Третья Прусская императорская Турфанская экспедиция (декабрь 1905 – май 1907 гг.), которая, как и первая, проводилась под началом А. Грюнведеля; отчет см.: Grünwedel 1912; описание работ см.: Dreuer 2015: 132–197.

⁴ фон Лекок (Le Cocq, Albert; 1860–1930) – немецкий путешественник, археолог, тюрколог; ассистент А. Грюнведеля в Этнографическом музее, возглавлял Вторую (1904–1905) и Четвертую (1913–1914) Турфанскую экспедицию.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 162. Л. 166, 196, 206.

⁶ Ольденбург 1914.

⁷ Дьяконова 1995.

⁸ Тункина 2013b: 39; Тункина 2015: 22.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 167. Л. 4.

¹⁰ Ольденбург 1921a: 10–12; Ольденбург 1921b: 25–30; Ольденбург 1922: 57–66; Ольденбург 1925: 41–52.

Основные материалы II РТЭ (1914–1915 гг.) так и остались неизданными и хранились раздельно в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, Государственном Эрмитаже, Институте восточных рукописей РАН и Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН. Главной задачей II РТЭ стал поиск материалов для установления времени сооружения и бытования памятников буддийского искусства и сбор информации с целью характеристики его отдельных стилей на территории Восточного Туркестана. Экспедиция целенаправленно изучала пещерный монастырский комплекс Тысячи будд рядом с совр. Дуньхуаном (г. Дуньхуан, префектура Цзюцюань, провинция Ганьсу, КНР)¹. Здесь в 1900 г. в одной из пещер был случайно обнаружен замурованный вход в помещение, заполненное рукописями, которые оказались библиотекой буддийского храма, скрытой перед нашествием тангутов в XI в. В Дуньхуане вскоре побывали экспедиции М.А. Стейна (1907) и П. Пеллио (1908)², вывезшие в Европу свыше 11 тысяч артефактов. Только в 1910 г. власти Китая организовали вывоз остатков бесценной дуньхуанской библиотеки в Пекин (около 16 тыс. ед. хр.), но в 1911 г. японская экспедиция Отани и очередная экспедиция М.А. Стейна купили у смотрителя монастырской библиотеки еще около 900 свитков и их фрагментов³. За прошедший век исследование Дуньхуана превратилось в самостоятельную научную дисциплину *дуньхуановедение* с собственной источниковой базой, методами исследования и историей изучения памятников⁴. Тем более непростительно, что вклад II РТЭ в изучение памятников Дуньхуана малоизвестен мировому научному сообществу.

Одним из предшественников II РТЭ С.Ф. Ольденбурга был французский ученый Поль Пеллио, который дал нумерацию пещерам Могао и только в 1920–1924 гг. опубликовал шесть традеш фотоснимков своей экспедиции 1908 г. в Дуньхуане, но без объяснительного текста. Пещеры были пронумерованы им с юга на север, сфотографированы статуи и фрески. Это практически первая фотофиксация памятников, включая те объекты, что были позже утрачены из-за стихийных бедствий и антропогенного воздействия⁵.

Вторая РТЭ работала в составе С.Ф. Ольденбурга, фотографа и этнографа С.М. Дудина, художника Б.Ф. Ромберга, топографа Н.А. Смирнова и архитектора В.С. Биркенберга⁶. Экспедиция отправилась из Санкт-Петербурга 20 мая 1914 г. и через три месяца прибыла в Дуньхуан, в знаменитый монастырь Тысячи будд (Цянфодун), в сопровождении отряда из 7 казаков, выполнявших охранные функции, и переводчика-китайца. Практически сразу стало ясно, что участников работ ждут нелегкие испытания: «Эта экспедиция вообще много труднее прежней», – записал С.Ф. Ольденбург в своем путевом дневнике 19 июня 1914 г.⁷

19–21 августа 1914 г. был произведен предварительный беглый осмотр комплекса «для выяснения хода работ». С.Ф. Ольденбург решил продолжить нумерацию, начатую П. Пеллио, «добавляя намеченные у него по его же системе и только обозначив три пещеры в начале, открытые после него, прописными А.В.С.»⁸. Экспедиция провела раскопки отдельных пещер и обнаружила большое количество новых фрагментов рукописей, фресок и статуй. Вторая РТЭ

¹ Скачков 1993.

² Пеллио, Поль (Pelliot, Paul; 1878–1945) – французский востоковед-археолог, иностранный член РАН (1922), коллега С.Ф. Ольденбурга по изучению Восточного Туркестана и пещер Цянфодуна (Дуньхуана) в 1908 г. Пеллио поддерживал тесные контакты с российскими коллегами, особенно с С.Ф. Ольденбургом. См. о его работе в Дуньхуане: Pelliot 1920–1924.

³ Меньшиков 1993: 329; Попова 2008а: 159–163.

⁴ Дуньхуановедение 2012: 7.

⁵ Pelliot 1920–1924.

⁶ Биографические очерки о В.С. Биркенберге, Д.А. и Н.А. Смирновых см. ниже в соответствующих разделах.

⁷ Текст см. ниже в разделе: С.Ф. Ольденбург. Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг.

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 173. Л. 2.

подробно изучила и зафиксировала вырубленные в скале сотни пещерных храмов IV–X вв. и сняла общий план храмового комплекса, названного С.Ф. Ольденбургом «музеем китайского буддийского искусства». Стены и ниши пещер украшали фрески и статуи, причем многочисленные картуши на мертвых языках Центральной Азии объясняли сцены изображений, что позволило ученым уточнить даты их создания. Члены экспедиции, считавшие своим долгом «описание пещер и распределение их по последовательным эпохам» (Ф. 208. Оп. 1. Д. 167. Л. 5), сняли копии и кальки со стенописей, провели подробное описание интерьеров и фотофиксацию большинства святилищ фотоаппаратом и полископом¹.

Уже 1 ноября 1914 г. С.Ф. Ольденбург и Б.Ф. Ромберг остались вдвоем – их спутники вернулись в Россию. Упаковка собранных материалов заняла начало следующего года. 28 января 1915 г. экспедиция двинулась в обратный путь и обследовала памятники Турфанского оазиса, впервые осмотренные руководителем экспедиции в конце 1909 – начале 1910 гг. С.Ф. Ольденбург вернулся в Петроград через 11 месяцев – 23 апреля 1915 г.

Материалы экспедиции были доставлены в Петроград в конце лета 1915 г. – 29 тюков материалов весом свыше 89 пудов². Это коллекция памятников скульптуры, живописи и прикладного искусства Китая и Индии (2500 объектов), около 2000 негативов, фотографии, зарисовки и кальки фресок, планы и чертежи пещер, копии картушей, записи о стенописи, детальное описание 450 пещер, выполненное С.Ф. Ольденбургом, с подробным перечислением всех особенностей (фресок, статуй и пр.) и характеристикой их по цветовой гамме и стилям. Вторая РТЭ пополнила рукописное собрание Азиатского музея Академии наук почти 20.000 единицами хранения – сохранившимися отрывками, китайскими, уйгурскими и тибетскими документами и ксилографами³. Собранные археологические памятники поступили в Музей антропологии и этнографии АН, откуда в 1930–1934 гг. по настоянию самого С.Ф. Ольденбурга были переданы в Отдел Востока Государственного Эрмитажа (включая коллекционные описи и богатейший фотоархив экспедиции, планы, кальки и другой иллюстративный материал). Фотоархив экспедиции оказался разрознен между Архивом РАН, МАЭ (Кунсткамерой), Институтом восточных рукописей РАН и Эрмитажем.

Большая часть полевой документации экспедиции хранится в личном фонде академика С.Ф. Ольденбурга, а также в фондах РКСВА и МАЭ в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Среди материалов II РТЭ полевые дневники и записные книжки С.Ф. Ольденбурга⁴, описание привезенных коллекций⁵, дневники его спутников – художника, фотографа и этнографа С.М. Дудина⁶, художника и фотографа Б.Ф. Ромберга⁷, топографа Н.А. Смирнова – с описанием пути от Чугучака до Ан-си-чжоу с зарисовками отдельных участков пути 17 июня – 15 августа 1914 г.⁸ Сохранились снятые экспедицией карты и планы архитектурно-археологических остатков, описания городищ, храмов, пещер, силуэтные копии фресок, краткие обзоры, разрозненные части отчетов, отдельные фотографии, полные перечни и карточные каталоги фотографий и негативов⁹, материалы по археологии Китайского Туркестана¹⁰, а также письма участников с научно-организационными и финансовыми документами о подготовке и ходе

¹ Полископ – стереоскопическая фотокамера для съемки стереопар (стереоскопических фотоснимков).

² СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 193. Л. 67.

³ Попова 2008а: 168.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 167–176, 179–180, 193–194.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 177.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 183.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 181.

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 106.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 179–182, 184–186.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 210–211.

проведения экспедиции¹. Часть полевых дневников и документов II РТЭ сохранилась в фонде РТЭ в Архиве и Отделе Востока Государственного Эрмитажа. Так, на выставке в Отделе Востока Эрмитажа «Пещеры тысячи будд: российские экспедиции на Шелковом пути. К 190-летию Азиатского музея» (9 декабря 2008 г. – 5 апреля 2009 г.) демонстрировались копии путевых дневников С.Ф. Ольденбурга, начатых 30 мая 1914 г. (подлинники хранятся в СПбФ АРАН), и его рукописи «Роспись и статуи Чан-фо-дуна: (Краткий общий очерк)». В Отделе Востока хранятся визитные карточки на китайском языке и рукописи, написанные рукой С.М. Дудина, – «Очерк истории буддийского искусства, рассказанный С.Ф. Ольденбургом на пароходе по Иртышу. Июнь 1909 г.» во время I РТЭ и «Очерк истории буддийского искусства. Конспект нескольких лекций С.Ф. Ольденбурга, читанных на пути от Урумчи до урочища Чанфудун (провинции Гань-су, Западный Китай) летом 1914 г. Составил С.М. Дудин» во время II РТЭ, а также конспекты послереволюционных лекций – «Сергей Ольденбург. Введение в историю индийского искусства. Лекции, читанные в Институте истории искусств и Университете в 1919–20 г.».

В 1920-х гг. С.Ф. Ольденбург отверг предложения ряда издательских фирм о многотомном издании материалов II РТЭ на одном из европейских языков, полагая, что первоначально они должны быть изданы на русском языке². Вслед за своим учителем академиком В.Р. Розеном он настойчиво призывал коллег-востоковедов изучать русский язык, считая русскую ориенталистику равноправным партнером западноевропейской науки³. Из-за огромной административной загруженности в Академии наук большая часть исследований неперемного секретаря (1904–1929) и директора Азиатского музея – Института востоковедения АН СССР (1916–1934) С.Ф. Ольденбурга о языках и культуре Центральной Азии осталась лишь в проектах – в советское время ученый отдал весь свой организационный талант спасению русской науки и культуры от уничтожения.

Через четыре года после смерти академика его вдова Е.Г. Ольденбург и коллеги-востоковеды во главе с академиком Ф.И. Щербатским⁴ стали готовить материалы II РТЭ к печати как имеющие «мировой научный интерес». Изучив полевые документы, акад. Ф.И. Щербатский констатировал, что «материалы... С.Ф. Ольденбурга по буддийскому китайскому искусству являются в настоящее время уникальным собранием», а «описания настолько полны, законченны и интересны, что они могут быть напечатаны без изменений текста»⁵.

Подготовительная работа по изданию материалов II РТЭ, потребовавшая «значительного напряжения и чрезвычайной внимательности и настойчивости» со стороны Е.Г. Ольденбург, О.А. Крауш и Ф.И. Щербатского, была завершена к 1940 г. Ими была проведена дешифровка полевых рукописей, их перепечатка в чистовом виде, тщательная считка дневников С.Ф. Ольденбурга, которые были дважды сверены с машинописью, вставлены санскритские и другие иноязычные термины. Копии с чертежей и рисунков текста были выполнены М.С. Халтурин. По 6 тетрадям рукописных полевых дневников С.Ф. Ольденбурга⁶ была напечатана рукопись объемом около тысячи страниц (свыше 40 п.л.) «Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дунь-хуана», просмотренная и исправленная акад. Ф.И. Щербатским⁷. Первые шесть тетрадей

¹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 165, 187–192.

² СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 167. Л. 6.

³ Тункина 2015: 316.

⁴ Щербатской (Щербатский), Федор Ипполитович (1866–1942) – российский востоковед-индолог, специалист по истории древнеиндийской философии, логики, академик РАН (1918).

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 175. Л. 2, 1006, 1007; Оп. 4. Д. 100а.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 174–176, 179, 193.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 167–172; Д. 175. Л. 9–991.

были перепечатаны в трех экземплярах (два первых имели копии всех рисунков и схем и были переплетены), один хранился в Отделе Востока Государственного Эрмитажа, где работала Е.Г. Ольденбург, второй, с рукописной правкой и вставками академика Ф.И. Щербатского, – в Институте востоковедения АН СССР, третий – в Архиве АН СССР (ныне два последних экземпляра хранятся в СПбФ АРАН).

Продолжение (тетради машинописи 7–10) включало личные записи С.Ф. Ольденбурга – незавершенный общий очерк и характеристику росписи пещер по эпохам, заметки о композициях, пантеоне, надписях и пр.¹, путевые дневники этнографа С.М. Дудина² и художника Б.Ф. Ромберга³. Тетради 7–10 машинописных копий хранятся в Архиве и Отделе Востока ГЭ, а подлинники рукописи – в СПбФ АРАН.

«Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дунь-хуана» – основной научный труд всей жизни С.Ф. Ольденбурга. Дуньхуан, обследованный II РТЭ, представлял собой «один из наиболее важных археологических комплексов Центральной и Восточной Азии, оазис, через который проходили торговые пути, объединялись два огромных культурных мира – Китай и Индия... Европейские научные экспедиции, в течение 20 лет следовавшие друг за другом, посетили эти районы, установив там существование цивилизаций и языков, совершенно ранее неизвестных». По словам Е.Г. Ольденбург, профессор П. Пеллио, побывавший в Ленинграде в 1925 и 1932 гг., ознакомился с материалами С.Ф. Ольденбурга по Дуньхуану и «отметил их полноту и высокое качество», признав фотографии II РТЭ «лучшими по исполнению, чем его собственные, и более полными по содержанию». Однако Великая Отечественная война, смерть академика Ф.И. Щербатского (1942) и Е.Г. Ольденбург (1955) вновь отложили издание материалов двух экспедиций С.Ф. Ольденбурга⁴.

В 2005 г. издательством «Шанхайская древняя книга» в серии «Памятники искусства из Дуньхуана, хранящиеся в Государственном Эрмитаже» увидел свет китайский перевод труда С.Ф. Ольденбурга «Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дунь-хуана» по экземпляру машинописи из Отдела Востока Государственного Эрмитажа, но без учета иллюстративных и других материалов II РТЭ, хранящихся в СПбФ АРАН, ИВР РАН, МАЭ РАН. Книга С.М. Дудина об архитектурно-археологических памятниках Синьцзяна⁵ в 2006 г. вышла в Пекине в переводе на китайский язык⁶.

Одна из насущных задач отечественной ориенталистики начала XXI в. – максимально полное издание материалов II РТЭ на русском языке⁷.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 167–177, 179, 180–182, 186–188, 193–194.

² СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 183.

³ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180.

⁴ Тункина 2016: 336–341.

⁵ Дудин 1916.

⁶ Тункина 2016: 341.

⁷ Бухарин, Тункина 2017: 507.

В.Д. ГОЛОВЧИНЕР <КИТАЙСКИЙ ТУРКЕСТАН>

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в фонде академика С.Ф. Ольденбурга¹ хранится статья В.Д. Головчинер «Китайский Туркестан». Этот экземпляр представляет собой, очевидно, законченный полный текст работы. Другой ее вариант – фрагментарный и отличающийся от первого – оказался среди документов другого архивного дела – «Разрозненные части отчетов и научных трудов участников Русско-Туркестанских экспедиций 1909–1910 и 1914–1915 гг.»². Судя по обилию сокращений, тот вариант статьи, который оказался в «Разрозненных отчетах...», написанный на ученической тетради по английскому языку, – предварительный, исправленный при переписывании набело.

Статья освещает географию, историю Восточного Туркестана, а также историю его исследования начиная с Марко Поло. Особое внимание автор уделил экспедициям российских исследователей, прежде всего I и II РТЭ академика С.Ф. Ольденбурга. Ранее в очерках по истории изучения Восточного Туркестана, даже в наиболее подробных³, имя В.Д. Головчинер не упоминалось.

Характерной особенностью статьи Головчинер, отличающей ее от других работ, является постановка задач перед сотрудниками Эрмитажа, в котором хранятся находки экспедиций. Это обращение к сотрудникам музея повторяется в статье неоднократно. Объяснить его в данный момент мы затрудняемся, так как, насколько известно, сама Викторина (Виктория) Даниловна Головчинер (урожденная Данилевская, 1893–1980) никогда не являлась сотрудником Эрмитажа.

Много лет, однако, там служил ее второй ~~супруг~~ Степан Петрович Яремич (1869–1939), художник и искусствовед, специалист в области реставрации. Придя в Эрмитаж в 1918 г., он оставался сотрудником музея вплоть до последнего года жизни, в разное время будучи членом Совета Эрмитажа, хранителем Отделения гравюр и рисунков, заведующим реставрационной мастерской⁴. Безусловно, он был знаком с Сергеем Федоровичем Ольденбургом, поддерживавшим с Эрмитажем тесные контакты и в 1932–1934 гг. в должности профессора Отдела Востока⁵. Возможно, составление доклада было связано с передачей в Эрмитаж из Музея

антропологии и этнографии Академии наук материалов экспедиций Ольденбурга, проведенной при активном участии самого ученого.

Проблематика доклада не занимала сколько-нибудь значимого места в научной деятельности В.Д. Головчинер. «...здоровенная, энергичная малороссиянка, с некоторым уклоном в сторону внутреннего притяжения нынешних обстоятельств», – так отзывался о ней в дневнике А.Н. Бенуа, познакомившийся с Викторией Даниловной и ее первым супругом, В.Л. Головчинером, в июле 1926 г. по рекомендации их соседа, С.П. Яремича, считавшего пару самыми подходящими кандидатами на вселение в квартиру Бенуа, собиравшихся отбыть за границу¹.

В.Д. Головчинер родилась в с. Березань Полтавской губернии, в семье православного священника, окончила с золотой медалью Кременчугскую женскую гимназию². В 1912–1916 гг. она училась на историко-филологическом факультете Бестужевских курсов, специализируясь по русской филологии³, а госэкзамены сдавала в 1917 г. при Петроградском университете⁴. С середины 1920-х гг. она преподавала в ленинградском техникуме народных промыслов, занималась изучением ремесел Ленинградской области, опубликовала несколько статей о русской литературе XVIII в., сотрудничала с «Литературным наследием». Но основной и наиболее ценный ее вклад в историю русской науки и культуры заключался в сохранении памяти и архива второго супруга, С.П. Яремича, и близкого ему круга деятелей русского искусства первой четверти XX в. Перед началом Великой Отечественной войны она передала в Эрмитаж «пять повозок»⁵ материалов архива и коллекции Яремича (включая примерно 2 000 рисунков зарубежных художников), в годы войны сохранила остатки архива и в конце 1960-х гг. передала в дар Русскому музею несколько десятков работ супруга⁶. Она же поддерживала зарождавшийся в то время исследовательский интерес к кругу Яремича, помогала начинающим исследователям, собирала материалы⁷. Достаточно сказать, что первая и до сих пор наиболее полная публикация дневников А.Н. Бенуа стала возможной именно благодаря ей. К сожалению, сделанные искусствоведом И.И. Выдриным записи ее мемуаров полностью до сих пор не опубликованы⁸.

Описание географического положения Восточного Туркестана в статье сопровождается и его характеристикой в системе административного деления Китая. От географии автор переходит к древнейшему периоду истории региона: возникновению оазисов в тех местах, где была доступна питьевая вода. Распространение оазисов в свою очередь дало толчок

Рис. 1

В.Д. Головчинер в юности
© Екатерина Данилевская

¹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 4. Д. 17а.

² СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 182. Л. 133–145.

³ Литвинский, Терентьев-Катанский 1988: 17–83.

⁴ Журналы заседаний...

⁵ Журналы заседаний... (Т. 2): 852; Пиотровский 2016.

¹ Цит. по: Головчинер 2005: 108, прим. 1.

² Вахромеева 2008: 337.

³ О преподавании русской филологии на курсах см.: Вахромеева 2018: 683–717.

⁴ Вахромеева 2015: 306, 351.

⁵ Головчинер 2005: 103.

⁶ От главного редактора 2005: 7.

⁷ Зильберштейн 2005: 142–143.

⁸ Головчинер 2005: 101.

распространению культуры в данном регионе, а выгодное географическое положение сделало Восточный Туркестан предметом постоянных войн. Эти войны обусловили волнообразные циклы в истории Северо-Западного Китая: периоды упадка сменялись временами нового расцвета.

Пробуждение собственной исторической памяти в Восточном Туркестане В.Д. Головчинер связывает с мирзой Абу-бекром – дулгатским правителем Кашгарии в 1480–1514 гг., при котором были вытеснены монголы и киргизы.

Историю ~~же~~ пробуждения интереса к Восточному Туркестану и смежным регионам в Европе автор начинает с Марко Поло (1254–1324), который в 1275 г. посетил Шаджу (современный Дуньхуан), и Бенедикта Гоэса, предпринявшего в начале XVII в. попытку достичь Китая. Автор называет английских путешественников Уильяма Джонсона (?–1883) и Дугласа Форсайта (1827–1886), которые посетили Восточный Туркестан в 1865 и 1870, 1873–1874 гг. соответственно, а также Ж. Дютрей де Рена (1846–1894), Свена Гедина (1865–1952), Марка Аурела Стейна (1862–1943), Альберта фон Ле Кока (1860–1930), Поля Пеллио (1878–1945).

На фоне блестящих и трагичных путешествий западноевропейских ученых В.Д. Головчинер ~~разворачивает~~ развитие российской индологии и исследований Восточного Туркестана. Особую роль автор отводит Ивану Павловичу Минаеву (1840–1890), Николаю Михайловичу Пржевальскому (1839–1888), Михаилу Васильевичу Певцову (1843–1902) и Николаю Федоровичу Петровскому (1837–1908), которые своими усилиями на ниве университетского преподавания, географии и работы по собиранию коллекций определили высокий уровень исследований главного действующего лица дальнейшего изучения региона, будущего академика Сергея Федоровича Ольденбурга (1863–1934), а также его старших коллег – Дмитрия Александровича Клеменца (1848–1914) и Михаила Михайловича Березовского (1848–1912).

В.Д. Головчинер со знанием дела описывает подробности дальнейших работ в регионе, формирования ~~Международной ассоциации по изучению Центральной Азии с Русским комитетом как центральным координирующим органом~~. Автор характеризует работы первой экспедиции С.Ф. Ольденбурга 1909–1910 гг. Нельзя не отметить, что она была знакома с отчетами Ольденбурга вплоть до мельчайших деталей. В общих чертах, но не упуская главного, она описала ход работ и второй экспедиции 1914–1955 гг., работавшей, в частности, в Дуньхуане.

Статья снабжена кратким конспектом, который, возможно, служил опорой для устного выступления, а также избранной библиографией и списком путешественников, причем некоторые из них не были упомянуты в основном тексте статьи.

Статья написана чернилами на нелинованной бумаге ясным почерком. Текст подвергался правке: дополнения вписывались сверху строк синим карандашом. Работа не датирована, однако судя по косвенным данным (ссылки на ожидание работ А. Грюнведеля со стороны С.Ф. Ольденбурга), она была начата до 1934 г., однако закончена в 1945 г.

Статья Головчинер, определенно, не была полностью подготовлена к печати, так как написание географических названий, дат и имен собственных не унифицировано: наряду с написанием Яркенд встречается и Яркент, имя шведского исследователя Центральной Азии, путешественника Свена Гедина¹ пишется то «Свен», то «Сён».

Написание географических названий в настоящей публикации унифицировано и приведено в соответствие с современными нормами.

¹ Гедин, Свен Андерс (Hedin, Sven Anders; 1865–1952) – шведский путешественник, исследователь Центральной и Южной Азии, Ближнего и Среднего Востока.

К единому формату приведено указание дат – века указаны римскими цифрами, тогда как в оригинале – то римскими, то арабскими.

Листы 19–25 об., определенно, повторяют те положения, которые были высказаны в статье ранее.

Название работы указано только на обложке архивного дела, в самом тексте его нет.

На листе 1 указаны полное имя автора и адрес: Головчинер Викторина Даниловна, ул. Марата, 70, кв. 51.

Разночтения между версиями статьи В.Д. Головчинер обозначаются в подстрочных примечаниях

[2]

<КИТАЙСКИЙ ТУРКЕСТАН>

Восточный Туркестан с трех сторон замкнут горами: на севере – Тянь-Шанем, на западе – Памиром, на юге – Кунь-Лунем¹, с востока за долиной реки Тарима его ограничивает Бей-Шань, т. е. та горная страна², которая, постепенно расширяясь и повышаясь, на Дальнем Востоке неоднократно сливается с одной стороны с отрогами Тянь-Шаня, с другой – с хребтом Кунь-Лунской³ горной системы. Восточный Туркестан обнимает собой территорию, обладающую не только естественными границами, но населенную расой, говорящей одним языком, исповедующей одну религию и, несмотря на свое разделение на естественные центры, имеющей общую историю и судьбу.

[2 об.]

В настоящее время Восточный Туркестан составляет часть Си-Цзянской⁴ провинции Китайской республики и разделяется на три крупных округа – Кашгарский, Аксунский и Урумчинский, которые в свою очередь распадаются на более мелкие округа⁵.

Внутренняя часть этой страны, общая площадь которой равняется 412 000 кв. м, приблизительно представляет песчаную степь, которая на западе, между Яркендом и Янги-Гиссаром, начинается узкой холмистой полосой, но к востоку быстро расширяется и образует самую страшную в Средней Азии пустыню, почти лишенную воды и органической фауны. Пески здесь нагромождаются такими высокими грядами, что туземцы называют их песчаными горами; они подвижны и ложатся меридиональными гривами в зависимости от двух господствующих здесь ветров – северо-восточного и западного. Пески этой пустыни образуются из окружающих гор, главным образом из горной области Бей-Шань, которая лежит к востоку за рекой Таримом и которая в настоящее время представляет собой уже не горы, а цепь сглаженных холмов⁶.

Так как Восточный Туркестан окружен со всех сторон горами⁷, покрытыми снегом, то весной благодаря таянию снегов с гор сбегают реки.

[3]

С незапамятных времен люди воспользовались этими весенними реками и развили сеть арыков, чтобы задержать воду и провести ее далее от горы. Природа и люди образовали из подножия гор местности, в которых задерживалась вода и сделалась возможной⁸ жизнь. Так возникли знаменитые в древности оазисы – Черчен, Хотан, Каргалык, Яркент, Кашгар, Аксу, Куча, Турфан, Токсун, Хами и другие, которые, расположенные у подножия величайших гор земного шара, окружают пустыню почти сплошным кольцом зелени, которое смыкается на востоке у Лоб-Нора и нижнего течения Тарима. Только в этих оазисах благодаря воде и была жизнь, на остальной же площади Восточного Туркестана, где дождь или снег – совершенная редкость, где климат – строго континентальный и где горы, нагромодившись на юге, севере и западе, дают доступ только сухим ветрам, – там мертвая песчаная пустыня.

¹ Вычеркнуто: Тянь-Шанем (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 182. Л. 133).

² Сверху вписано: область.

³ Написание наименования горной системы Кунь-Лунь в статье В.Д. Головчинер следует модели написания Тянь-Шань, когда оба элемента пишутся через дефис и с прописной буквы. В «эталонном издании» (Тихвинский, Литвинский 1988) написание названий этих оронимов следует разным моделям: Тянь-Шань, но Куньлунь.

⁴ Так в рукописи. Правильно: синьцзянской.

⁵ «Округа» отсутствует в черновике (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 182. Л. 133).

⁶ Далее в черновике вычеркнуто: «Около самих гор благодаря рекам, которые образуются от таяния снегов <и> сбегают вниз, лежат местности...» (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 182. Л. 133 об.).

⁷ Сама В.Д. Головчинер выше указывает на то, что Восточный Туркестан окружен горами только с трех сторон. Действительно, с востока его окружает песчаная и полупесчаная равнина.

⁸ В оригинале – «возможным».

Но, несмотря на такие неблагоприятные условия, Восточный Туркестан издавна известен своими оазисами как очагами культуры¹.

История Восточного Туркестана записана в китайских летописях и представляет собой страницы постоянных войн. Китайцы, стремясь сделать Восточный Туркестан своей колонией, борются за обладание страной² то с тибетцами, то с уйгурами; в XII в. Восточный Туркестан становится добычей Чингисхана, затем опять являются то одни, то другие завоеватели, борьба идет все время, в XVI в. на сцену выступают калмыки как завоеватели, пока, наконец, китайцы окончательно не завладевают страной.

Оазисы, когда-то бывшие центрами культуры и привлекавшие народы своими богатствами и плодородием, благодаря постоянным войнам становятся местами оскудения, запустения, население или убивается во время войны, или бежит из них в более спокойные места, арыки покрываются песком, вода исчезает, жизнь замирает.

Города, жилища заносятся слоями песка. Но как только наступает мирное время, люди опять возвращаются, они селятся на новых местах, неподалеку от старых разрушенных мест, но эти новые оазисы не достигают прежнего цветущего состояния. Среди нового населения живут воспоминания о старой привольной жизни, как всегда, складываются легенды о прошлом богатстве оазисов, и засыпанные песком разрушенные города привлекают к себе жителей новых поселений как места, где погребены клады, золото, серебро.

[3 об.]

В историческом сочинении XVI в. Тарихи-Рашиди рассказывается, как правитель Кашгарии Мирза Абу-бекр³ производил раскопки старинных городов руками преступников и были найдены многочисленные сокровища, состоявшие из драгоценных камней, золота, серебра. (В хотанской цитадели был найден клад из двух сосудов, размером в рост человека. Внутри каждого сосуда находилось по медному кувшину с золотым песком. После открытия клада Мирза Абу-бекр заставил копать и нашел еще клады в старинных городах в Кашгаре, Яркенде и Хотане. Работа велась так: около 18 или 20 узников сковывались общей цепью, прикрепленной к ошейнику каждого. В руки давались лопаты. Работали летом и зимой. Днем работали, а на ночь их запирали в тюрьму.)

Таким образом, уже в XVI веке эти места подвергались раскопкам, как это видно из исторического сочинения XVI в. Тарихи-Рашиди, но, конечно, не с археологической целью, а с целью грабежа⁴.

Но с течением времени эта страна стала привлекать к себе внимание не только погребенными под песками ее богатствами, но своей древностью, т. е. к этой стране стал пробуждаться исторический интерес. Не говоря уже о Марко Поло, который был здесь в XIII веке, после него европейские путешественники посещают эти места и оставляют о них любопытные сведения. Так, в XVII веке здесь был иезуит Бенедикт Гозс⁵, в XVIII веке братья-армяне Атанасовы⁶, в XIX веке число путешественников, которые оставили описания своих путешествий, становится

[4]

¹ Далее в черновике вычеркнуто:

«Три величайшие культуры человечества: китайская, индийская и греческая сошлись на юге Восточного Туркестана и оставили свои следы.

Чем привлекал к себе в древности народы Восточный Туркестан?»

(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 182. Л. 134 об.).

² В оригинале – «страны».

³ В рукописи: Мираз Аба-бекра.

⁴ Иначе в черновике: «Таким образом, уже в 16 веке эти места подвергались раскопкам, но, конечно, не с археологической, а с грабительской целью» (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 182. Л. 135 об.).

⁵ Бенедикт Гозс (Бенто де Гош, Bento de Gois; 1562–1607) – португальский миссионер-иезуит в Индии, совершивший в 1603 г. пеший переход из Индии в Китай.

⁶ Братья-приказчики Атанасовы, торговавшие по всему Ближнему Востоку, в 1790–1791 гг. прошли путь от Константинополя до Хотана.

Схематическое изображение системы Куэнь-луня отъ Кашгара до Цайдама.

По сообщению К.И. Богдановича
о Северо-западном Тибете и Куэнь-луни.

Масштабъ въ дюймахъ
100 верстъ.

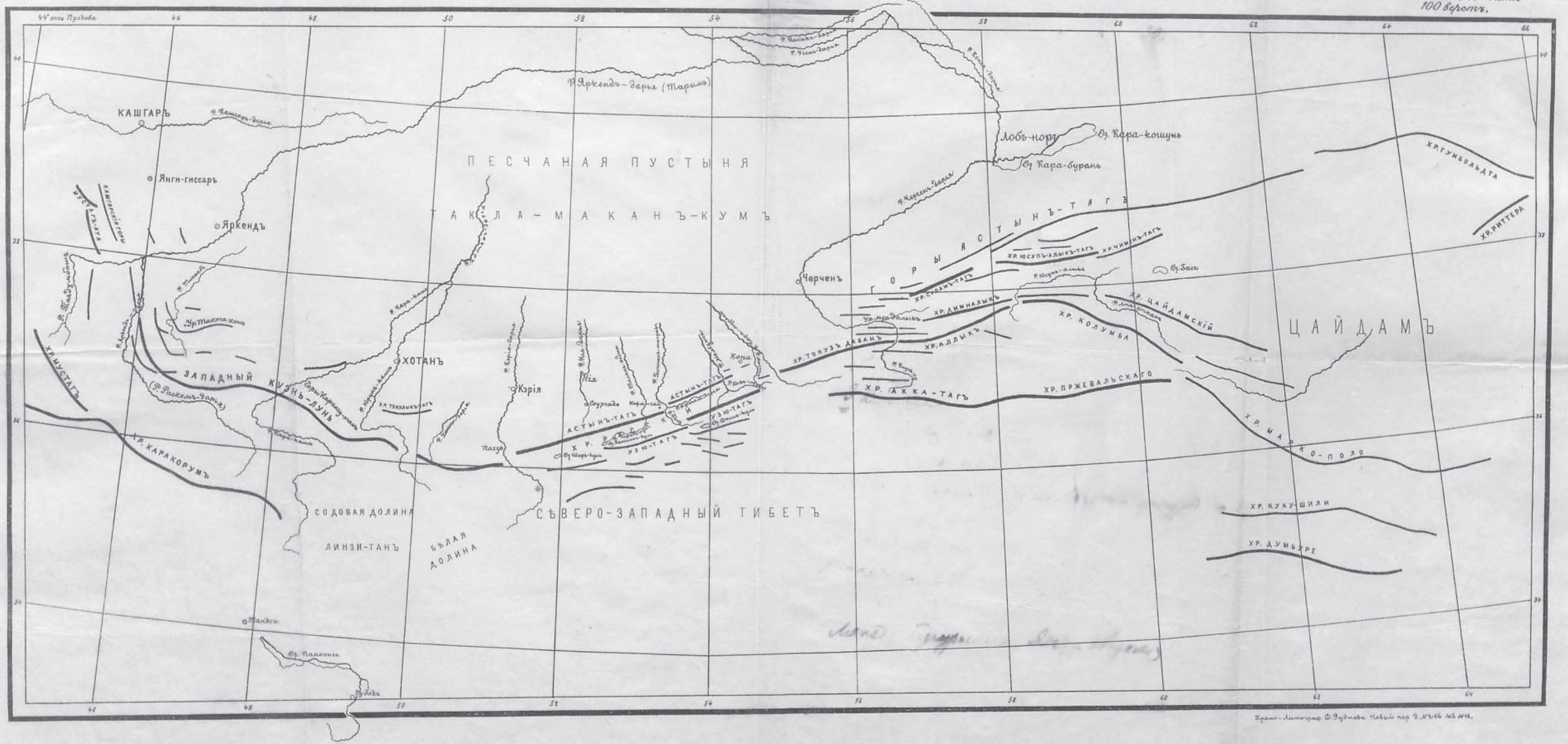

Рис. 2

Схематическая карта К.И. Богдановича (Кашгар – Хотан – Северо-Западный Тибет)

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 166. Л. 10

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Рис. 3
Русская печатная карта
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 178. Л. 53
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Рис. 5

Английская карта бассейна оз. Лоб-нор и прилегающих областей Центральной Азии
 СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 178. Л. 58
 © Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Рис. 6
Маршруты экспедиций Д.А. Клеменца 1883–1891 гг.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 166. Л. 20
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

[5 об.]

и серебряные вещи. Про эту экспедицию можно сказать, что ей принадлежит честь установления первой настоящей карты Восточного Туркестана. Впоследствии материалы, привезенные Певцовым, дали отчасти толчок к экспедиции Дмитрия Александровича Клеменца.

Из этого беглого очерка можно видеть, что целый ряд путешественников начиная со второй половины XIX века отмечал существование остатков древних городов и поселений в Китайском Туркестане, но сведения эти были отрывочны и не давали много представления о том, что на самом деле можно еще найти. Первый, кому действительно принадлежит заслуга в очередном систематическом собирании древностей Восточного Туркестана и¹ кто первый заставил ученых обратить деятельное внимание на научные сокровища Китайского Туркестана, это был русский генеральный консул в Кашгаре Николай Петрович Петровский².

Николай Петрович Петровский не был специалистом-востоковедом по своему образованию. Он получил военное образование (был преподавателем в кадетском корпусе, затем оставил военную службу, служил в разных министерствах, наконец, в министерстве иностранных дел, откуда) и в 1882 году был назначен генеральным консулом в Кашгар³, когда это консульство было открыто в том же 1882 году. Те отчеты о своей работе как консула, которые Петровский давал в министерство иностранных дел, указывают на всю сложность, трудность и обширность его деятельности, которая обнимала административное устройство, управление, подати, повинности, земледелие, промыслы, естественные богатства, торговлю с Россией, с Малым Тибетом и соседними странами. Недаром Петровского в шутку называли «Roi de Kaschgarié»⁴ (Петровскому постоянно приходилось быть настороже по отношению к англо-индийскому правительству, которое постоянно показывало интриги с русской стороны и одним из источников этих интриг считало Кашгарское консульство. Современный Кашгар доставлял много работы генеральному консулу и требовал от него большого внимания к себе. «Но интерес к современному, естественный в консуле, не ослабил в Николае Федоровиче интереса к старине»). Ко времени его поселения в Кашгаре мало было еще известно о древностях в Китайском Туркестане; существовали только отдельные случайные заметки членов миссии сэра Д. Форсайта и некоторых других англичан, главным образом относительно Хотана; им же были вывезены отдельные предметы. Были, наконец, литературные упоминания о памятниках старины в Западном Китае, но никем еще не была сделана попытка начать систематическое собирание древностей и исследование того, что еще осталось от прежних культур.

[6 об.]

Николаю Федоровичу Петровскому принадлежит громадная заслуга в этом деле: он первый, насколько ему только позволяют его сложные и трудные занятия по Кашгарскому консульству, стал последовательно собирать все относящееся к прошлому края. Он или лично собирал древности, или же, в местах, куда он лично не мог отправиться, посылал собирать своих агентов. Чтобы при обследовании страны собирать по возможности самое важное и нужное, Петровский составил на персидском языке «Наставление и программы вопросов для туземных разведчиков, посылаемых в малоизвестные страны Средней Азии».

Когда к нему в 1891 году обратилось Восточное отделение Императорского Русского археологического общества с запросом о древностях Кашгарии, то Петровский писал: «Сведения об остатках в Восточном Туркестане древностей – несторианских, буддистских и всяких других – собираются мною давно». И затем вскоре начались присылки древностей

¹ Здесь вычеркнута фраза: «пробуждении научного глубокого изучения Восточного Туркестана, чье имя навсегда будет связано с пробуждением глубокого научного интереса к Восточному Туркестану».

² Отчество указано ошибочно. Правильно – Федорович.

³ В оригинале дата «1882» вычеркнута, затем вписана снова сверху между строк. Дата ошибочна. Н.Ф. Петровский был назначен генеральным консулом в 1895 г.

⁴ Царь Кашгара (фр.).

Рис. 7

Китайская карта

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 178. Л. 12

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

в Петербург – в Императорский Эрмитаж, в Азиатский музей Императорской академии наук и в музей Императорского Русского археологического общества.

Все присылки Петровского находятся ныне в Государственном Эрмитаже. (Работа для сотрудников Государственного Эрмитажа – составить полное описание коллекций Н.Ф. Петровского и издать их.) Кроме собирания древностей, Петровский написал несколько статей, относящихся к Восточному Туркестану и к его археологии. В своих статьях он указывает, что Кашгар представляет собой любопытнейший пример того, как местные культуры переживают смену господствующих религий.

Ценные присылки Петровского вызвали целый ряд заседаний в Восточном отделении Императорского Русского археологического общества, в «Записках» Общества появились

[7]

многочисленные статьи, посвященные описанию присылок Петровского, принадлежащие почти целиком перу С.Ф. Ольденбурга, громадная научная важность находок Петровского, деятельная переписка с ним наших востоковедов и его указания на выдающееся в археологическом отношении значение Восточного Туркестана побудили Академию наук и Русское археологическое общество озаботиться снаряжением экспедиции в места бассейна Тарима, к югу от Тянь-Шаня.

Одной из первых экспедиций была экспедиция Дмитрия Александровича Клеменца в 1898 г. в Турфанский округ и снаряженные Академией наук экспедиции братьев Михаила Михайловича и Николая Михайловича Березовских¹.

Экспедиция ученого консерватора Музея этнографии и антропологии Академии наук Дмитрия Александровича Клеменца, снаряженная Академией наук в 1898 г., имела громадное значение в том смысле, что она не только подтвердила справедливость настойчивых указаний Петровского на богатства Восточного Туркестана, но она показала как бы дорогу ученым в Восточный Туркестан, и за этой экспедицией последовали экспедиции западноевропейских ученых, горящих желанием скорее самим увидеть и если возможно воспользоваться теми научными сокровищами, о которых Дмитрий Александрович Клеменц говорил в своих отчетах (о своей поездке и академик Радлов² в своем докладе на 12 съезде ориенталистов в Риме). Однако экспедиция Д.А. Клеменца, являясь как бы первой ласточкой, извещающей ученому миру о научных богатствах Восточного Туркестана, не могла выявить всех возможностей, которые ожидалась от нее. Причины для этого были основательные: недостаточность времени, средств и людей. Срок экспедиции был определен всего в 6 месяцев – этого, конечно, было слишком мало, принимая во внимание трудность путешествия во всех отношениях и медленность передвижения. Средства также были недостаточными: 2000 руб. были ассигнованы на путешествие Академией наук, 300 руб. – от Географического общества, 500 руб. – от Ботанического сада и сверх того 400 руб. от одного частного лица с особой целью поимки живых диких лошадей *Equus Przewalscoj*, водящихся в пределах Джунгарской Гоби. Таким образом, экспедиция, чтобы

[7 об.]

¹ В черновике добавлено:
«... в самом конце 19 века.

Предметы, вывезенные нашими первыми путешественниками, сейчас у нас в Государственном Эрмитаже, но, к сожалению, за неимением надлежащих специалистов эти все материалы – скульптуры, фрески, калька, фотографии, путевые дневники до сих пор не обработаны и не приведены в систему» (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 182. Л. 138).

Далее (Л. 139–139 об., 141) следуют относительно бессистемные записи о работах братьев Березовских и Клеменца, которые перемежаются обращениями к работникам Эрмитажа:

«Работа для ученого Эрмитажа – установить приблизительно хронологический порядок в материале, вывезенном из Восточного Туркестана русскими путешественниками.

Березовский был в Кучарском округе в местечке Субаши, разрыл здесь чайтья, где были типы с зеленою поливою, куски посуды, в нишах – остатки статуй, вообще систематические раскопки дали бы здесь богатый материал. Пелью копал здесь, но каждый ученый действовал на свой страх, не сговорившись с другими работниками. В пещерах ущелья Сым-сым М.М. Березовский снял, как образчик реалистической живописи, рисунок на своде одной из пещер – изображены два зеленых [...]. Вообще материалы М.М. Березовского богаты и ждут своего появления на свет, т.е. издания.

...Интересна часть фриза из пещер Кызыл, привезенная Березовским в Санкт-Петербург, которая изображает медальон с утками, держащими в клюве гирлянды из драгоценных камней и жемчуга, – это в Эрмитаже. Березовский привез из Кызыла несколько скульптур рыцарей, т.е. шакьев, которые изображаются обыкновенно на сценах из *Maharaginiḡvāna*.

Mahāraginiḡvāna – «великая нирвана» Гаутамы Будды.

² Радлов (Radloff), Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм; 1837–1918) – востоковед-тюрколог, этнограф, музеевед; ординарный академик по истории и древностям азиатских народов ИАН (1884), директор Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (1894–1918), председатель РКСВА (1903–1918), председатель правления Общества изучения Сибири и улучшения ее быта (1908–1918); инициатор создания Этнографического отдела Русского музея императора Александра III.

обеспечить себе необходимые средства, должна была, кроме главной задачи, взять на себя несколько второстепенных поручений и в зависимости от этого изменить свой маршрут: надо было и ловить диких лошадей, и составлять гербарий для Ботанического сада. Экспедиция была малочисленной: сам Д.А. Клеменц, его жена Е.Н. Клеменц¹, ботаник Ботанического сада, и М.С. Андреев², преподаватель мусульманских языков в Ташкентском реальном училище. Но, несмотря на все эти недостатки, экспедиция выполнила свое задание: она открыла ученому миру археологические богатства Восточного Туркестана и повторно снова подтвердила вполне все настоятельные указания Н.Ф. Петровского на важное научное значение этой страны. Экспедиция указала на чрезвычайно важное собрание памятников живописи в находящихся на месте пещерах, на большое количество фрагментов рукописей.

В 1899 году со 2-го по 14 сентября происходил съезд ориенталистов в Риме (по счету 12-й). Представителями от России на этом съезде были академик В.В. Радлов и молодой профессор Санкт-Петербургского университета санскритист С.Ф. Ольденбург, который работал на съезде в иранской и индийской секциях.

[8 об.]

Так как давно уже учеными разных стран изучалась необходимость археологических раскопок в Индии и индийское правительство щедро содействовало археологическому исследованию управляемой им страны, то теперь на съезде была образована международная ассоциация для археологического исследования Индии. Так как западноевропейские ученые были очень заинтересованы крупными научными открытиями, сделанными в последнее время в Средней Азии в области индийско-буддийских и уйгурско-буддийских древностей, то на заседаниях индийской секции были прочитаны академиком В.В. Радловым сообщения об экспедиции Д.А. Клеменца в Турфан и об уйгурских и рунических памятниках, найденных Д.А. Клеменцом в Турфане.

Сообщения академика Радлова вызвали живейший интерес среди ученых индийской и иранской секции, и было постановлено в виду важности вопроса образовать по примеру только что открытой индийской международной ассоциации для археологического изучения Индии подобную ассоциацию, которая поставила бы своей целью исследование Средней Азии, (Этот новый международный союз изучения Средней и Восточной Азии должен образовать русский центральный комитет) с тем, чтобы центральным комитетом союза был русский комитет, заседающий в Петербурге.

Русским ученым Радлову и Ольденбургу было поручено к следующему съезду востоковедов представить проект устава нового союза.

[9]

Вернувшись в Россию, профессор Ольденбург, который и раньше был в постоянных сношениях с Н.Ф. Петровским, снова стал работать над замечательными древностями, которые продолжал посылать все время Петровский. Ольденбург помещал свои статьи в Записках ВОИРАО³, и вот в 1900 году им совместно еще с двумя членами Восточного отделения была подана в Отделение записка о необходимости продолжать исследования Восточного Туркестана, обследуя, прежде всего, Турфанский округ⁴, затем произвести обследование остатков буддийских монастырей на востоке от Турфана, а именно оазис Хами, затем местности на запад от Турфана, т.е. исследование Кучинского округа, попутных городов Карашара и Курля.

¹ Клеменц (урожд. Зверева), Елизавета Николаевна (1853/1854–1914) – ботаник, супруга Д.А. Клеменца. Ей принадлежит заслуга открытия известного древнетюркского рунического памятника в честь Тоньюкука в Северной Монголии в 1897 г. (см.: Кляшторный 1964: 65–67).

² Андреев, Михаил Степанович (1873–1948) – историк-востоковед, археолог, лингвист, этнограф; сопровождал Д.А. Клеменца в ходе Турфанской экспедиции 1898 г.; о нем см.: Акрамова 1969.

³ Имеется в виду издание «Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества».

⁴ См.: Веселовский, Клеменц, Ольденбург 1900: IX–XVIII.

2)¹ Куча была одним из центров буддизма, здесь было развито изучение санскрита, в окрестностях Кучи упоминают о больших и малых пещерах с изображениями 1000 будд.

1)² Записка особенно усиленно указывает на исследование Кучинского округа, ставя его на первый план. Дальнейшие исследования предполагалось бы направить через Турфан или Токсун на Лоб-нор, оттуда в Черченский оазис вплоть до Хотана включительно, а боковыми маршрутами в степь в те места, куда туземцы отправляются за поисками древних и ценных вещей, а также посетить в пустыне города, открытые Сён-Гедином³.

Но этот план, в полной мере отвечающий пожеланиям покойного Ивана Павловича Минаева, не был осуществлен, так как археологическому обществу было отказано в средствах на устройство экспедиции. Русским ученым оставалось только изучать здесь в Петербурге древности, высылаемые Петровским.

Осенью 1902 г. в Гамбурге был собран снова съезд востоковедов (13-й по счету). Русские востоковеды, Радлов и Ольденбург, представили на рассмотрение съезда проект устава Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии, составленный русскими учеными. 8 сентября н. ст. устав этот был утвержден съездом, который вместе с тем поручил В.В. Радлову и С.Ф. Ольденбургу озаботиться учреждением в Петербурге Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии.

Остановимся несколько на истории Русского комитета⁴, так как его деятельность тесно связана с экспедициями в Восточный Туркестан.

Когда русские представители съезда, Радлов и Ольденбург, вернулись домой, они обратились к различным русским ученым и представителям разных ведомств с предложением принять участие в создании центрального Русского комитета. Был выработан проект устава, который, как тогда требовалось, был представлен на утверждение царю и был утвержден 2-го февраля 1903 г.

Комитет, по мысли лиц, его утверждавших, не должен был являться новым ученым обществом, изучавшим Азию. Такими учеными обществами, в течение многих лет с успехом занимавшимися исследованием Азии, были Археологическое и Географическое общества и Археологическая комиссия. Организаторы нового Комитета находили нужным создать такой орган, который имел бы более широкие задачи, чем ученые учреждения, мог бы интенсивнее вести свою работу и являлся как бы соединительным звеном для различных научных предприятий в деле изучения Средней и Восточной Азии. Поэтому в состав центрального Русского комитета кроме ученых вошли представители от министерств.

Состав Комитета был следующий: по одному представителю от Академии наук, факультета восточных языков, Археологической комиссии, Географического общества, Археологического общества и министерств: Императорского двора, иностранных дел, военного, финансового, внутренних дел и народного просвещения. Кроме того, от 3 до 7 русских ученых, избранных и приглашаемых Комитетом. Комитет состоял при министерстве иностранных дел, причем министр утверждал членов Комитета.

Распорядительным органом Комитета является его бюро, которое состоит из представителя, его товарища и двух секретарей. Председателем бюро был избран академик В.В. Радлов, товарищем – декан факультета восточных языков В.А. Жуковский⁵ и секретарем – профес-

¹ Вписано postscriptum синим карандашом.

² Вписано postscriptum синим карандашом.

³ Написание имени ошибочно. Правильно: Свенон Гедином.

⁴ Подробнее см.: Назирова 1992.

⁵ Жуковский, Валентин Алексеевич (1858–1918) – востоковед-иранист, специалист по истории персидского языка и литературы; профессор СПбУ (1889), член-корреспондент ИАН (1899).

сор В.В. Бартольд¹ и этнограф музея антропологии и этнографии Академии наук Л.Я. Штернберг². От Академии наук представителем ее был избран академик С.Ф. Ольденбург. Каковы были задачи Комитета?

§ 1 Устава говорит: «Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии имеет целью: 1) всячески содействовать изучению сохранившихся памятников, как вещественных, так и духовных, в соответствующих странах, 2) путем постоянных сношений с местными деятелями и учреждениями выяснить, какие памятники подлежат скорейшему изучению и какие народности должны быть в ближайшем будущем исследованы в лингвистическом и этнографическом отношении и таким образом важны для науки, 3) ходатайствовать перед соответствующим правительством об установлении охраны тех или других памятников, которым грозит равнодушие от времени или от рук человеческих, 4) наметить планы совместного исследования общих научных вопросов, касающихся в своей совокупности народов соответствующих стран, 5) облегчить всем ученым без различия национальностей участие в предстоящей научной работе в районе действий Комитета».

Комитету назначено из сумм государственного назначения 5000 руб. в год. Из них 1000 руб. отделены на расходы по печатанию и письмоводству, а на остальные 4000 руб. оказывается содействие научным предприятиям³.

Заседания Центрального Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии происходили в Музее этнографии и антропологии Академии наук.

Одной из самых крупных экспедиций, снаряженных Русским комитетом, была в 1909–1910 году экспедиция академика С.Ф. Ольденбурга в Китайский Туркестан.

В своем предисловии к отчету этой экспедиции, изданном в 1914 году Академией наук, академик С.Ф. Ольденбург пишет, что он изложил специальной комиссии Комитета свой взгляд на то, что эта первая его экспедиция в силу вещей должна иметь только *разведочный* характер.

Несмотря на то, что в Восточном Туркестане до академика Ольденбурга было несколько экспедиций западноевропейских ученых – германская Грюнведеля и Ле-Кока, английская сэра Штейна и французская Поля Пелью, однако к моменту снаряжения экспедиции академика Ольденбурга в Восточный Туркестан, кроме первой экспедиции профессора Грюнведеля, ничего еще не было издано из трудов прежних экспедиций, и поэтому в Санкт-Петербурге совершенно нельзя было решить вопроса о том, где именно вести систематическую работу. Кроме того, академик Ольденбург считает большим препятствующим *недостатком* успешности работы то, что ученые, стремящиеся изучить Китайский Туркестан, до сих пор не сговорились о совместном планомерном изучении этой страны, не распределили отдельных

¹ Бартольд, Василий Владимирович (1869–1930) – тюрколог, арабист, иранист; академик ИАН (1913), управляющий Восточным отделением РАО (1918–1923), секретарь РКСВА (1918–1922), директор Музея антропологии и этнографии РАН (1918–1921), профессор Петроградского университета. В РАИМК/ГАИМК: заведующий разрядом археологии Средней Азии и разрядом мусульманской археологии (с 1919 г.), председатель Постоянной Туркестанской комиссии (с 1921 г.), товарищ председателя по ученой части (1921–1922), председатель II (Археологического) отделения, член Комиссии по раскопкам, заведующий разрядом Центральной Азии (1929–1930). См.: Наука 1920: 90; Востоковедение 1923: 20; Академическая археология 2013: 331.

² Штернберг, Лев Яковлевич (1861–1927) – этнограф, с 1901 г. по приглашению В.В. Радлова – сотрудник МАЭ, профессор Петроградского университета (с 1918 г.), член-корреспондент АН СССР (с 1924 г.); секретарь Русского комитета.

³ Здесь в черновике: «В первый же год комитет проявил энергичную деятельность: приват-доцент Санкт-Петербургского университета А.Д. Руднев был командирован в Восточную Монголию для исследования монгольских наречий, а также буддийской иконографии, оказана субсидия известному знатоку якутского языка Пекарскому в приготовлении его к изданию якутско-русского словаря, выдана субсидия буряту Барадину для изучения санскрита, выдано пособие Пильсудскому для изучения быта айнов, оказаны пособия двум студентам факультета восточных языков» (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 182. Л. 140).

[9 об.]

[10 об.]

[10]

[11]

мест между отдельными специалистами и не установили известить – общие принципы и методы работы. Все эти указанные факты заставили академика Ольденбурга признать за его экспедицией только разведочный характер. Далее академик Ольденбург пишет, что, побывав в Восточном Туркестане и практически познакомившись с работой, он вынес убеждение, что для успешного ведения дела необходимо иметь в составе экспедиции технически и специально научно подготовленных людей, потому что находимые древности возбуждают и с научной, и с технической стороны ряд вопросов, на которые в состоянии ответить лишь специалист и откладывать решение которых до перевозки материала в Европу часто совершенно невозможно. Необходима съемка местностей, потому что карт сколько-нибудь пригодных нет, без чего замедляется работа и получает характер незаконченности. Необходимы планы, без которых архитектурная сторона древностей считается неизученной. Совершенно необходимы кальки и рисунки, но при условии контрольных фотографий, так как только совершение рисунка от руки с механическим воспроизведением дает¹ прочные гарантии – одним словом, по глубокому убеждению академика Ольденбурга, к его экспедиции возможно отнести лишь как к разведочной. Экспедиция состояла, собственно, всего из 3-х лиц – начальник ее – академик С.Ф. Ольденбург, заведующий художественной и фотографической частью С.М. Дудин, съемка и снятие планов поручено было горному инспектору Дмитрию Арсеньевичу Смирнову².

Наблюдение за раскопками было поручено археологу Каменскому и его помощнику Петренко, но оба они заболели в самом начале путешествия и вернулись назад.

Экспедиция выехала 6 июня 1909 г. из Санкт-Петербурга до Омска по железной дороге, от Омска до Семипалатинска паромом, затем до Чугучака, Урумчи, Карашара лошадьми, по дороге до Карашара снимали фотографии курганов, незначительных развалин пещер.

Систематическую работу начали вести в Карашарском округе с буддийского монастыря Шикшина, с которого Смирнов снял план. Академик Ольденбург делает общее замечание, говоря о Шикшине, что как здесь, так и в других местах приходилось постоянно сталкиваться с тем печальным обстоятельством, что исследователям теперешним совершенно неизвестно, как работали предшествующие экспедиции, – никаких следов правильных систематических раскопок не было видно, а раскопки имели целью поиски вещей и рукописей. При большой площади страны, покрытой большим числом памятников древности, при совершенном отсутствии карт и при нежелании экспедиции сосредоточить работу на определенном месте, – все экспедиции носили разведочный характер и нигде раскопки не ведены окончательно. Академик Ольденбург, строго придерживаясь взгляда, что вести раскопку³ можно только в том случае, если копать планомерно и довести ее до конца, раскопал в Шикшине⁴ лишь одну значительную часть храма, уже кем-то ранее беспорядочно копанную. Здесь им была обнаружена скульптурная сцена Mahāraṅgīrīvāṇa – великая кончина Будды.

Эти скульптуры были засняты Дудиным, что приложено к отчету. Отсюда же вывезено и частей тела так называемых рыцарей, то есть шакиев, несколько глиняных головок. Уже сэр Штейн указывал на связь карашарских скульптур с Гандхарой и Хотаном. Все эти материалы находятся в Государственном Эрмитаже, и будет интересно произвести работу над ними – описание и определение стиля и т. п. Далее академик Ольденбург произвел исследование пещер к северо-востоку от монастыря Шикшина. Эти пещеры описаны профессором Грюнведелем, всего их 10, но академик Ольденбург считает их 11 и дает в своем отчете описание 11-й пещеры. В заключение

¹ В оригинале – «дают».

² О Д.А. Смирнове см. биографический очерк ниже.

³ Так в оригинале.

⁴ Вписано сверху между строк; неоднократно исправлено; поддается прочтению гипотетически.

академик Ольденбург говорит, что шикшинские пещеры представляют собой много необычного и в живописи, и в скульптуре, что они сближаются то с памятниками Турфана, то с памятниками Кучара. Это объясняется историей Карашара, который в разные времена в силу тех или других политических обстоятельств становится то ближе к Кучару, то к Турфану.

После Шикшина экспедиция академика Ольденбурга направилась в Турфанский округ, где был намечен постепенный осмотр многочисленных образцов старины в зависимости от того, что уже было отчасти осмотрено Клеменцем и Грюнведелем. Были осмотрены Старинный город на Яре, Старый Турфан, Идикут-шари¹, большая ступа в местечке Астане и небольшие ущелья к северу от Турфана. Что касается первого осмотра старинного города на Яре, то так как ценные сведения об Яре были сообщены Д.А. Клеменцем в его отчете, то академик Ольденбург раскопал лишь один небольшой край, где нашли много обрывков китайских и уйгурских рукописей. Академик Ольденбург указывает, что для него, как и для других ранее его бывших путешественников, этот город представляет много любопытного и отчасти загадочного, как, например, многочисленные здания, вырубленные из леса и дополненные пристройками и надстройками из кирпича. Вообще на выяснение истории и значения этого города требуется значительное время и систематические раскопки. Относительно места Идикут-шари профессор Ольденбург говорит, что хотя профессор Грюнведель дал прекрасное и полное описание этого старинного города, но он не снял инструментального плана, а город постепенно подвергается разрушению. Академик Ольденбург произвел съемку планов многих зданий Идикут-Шари. Особенное внимание привлек к себе храм, названный буквой Z, где остатки фресок на стенах, по мнению академика Ольденбурга, могут быть сближены по композиции и по стилю с древними тибетскими образами, найденными в Хара-Хото Козловым. Далее академик Ольденбург обращает внимание на другой большой монастырь, из которого происходит великолепный образ на шелку превосходной сохранности, изображающий тысячерукого Avalokiteśvara². Этот образ находится ныне в Государственном Эрмитаже.

Из храмов Идикут-шари³ художником Дудиным сняты рисунки и кальки изящной живописи этих стен. Все эти материалы находятся в Государственном Эрмитаже. Из ущелий около Турфана академик Ольденбург остановился более на ущелье под названием Таллык-булак, и главным образом на пещере 84 волхвов. Об этом ущелье и пещере пишет профессор Грюнведель в своем отчете, и академик Ольденбург делает к его выводам свои дополнения. Он высказывает мнение, что эти 84 волхва, или, как их называют, Siddha, во многом носят сходство с образами из Хара-Хото. Профессор Грюнведель готовил работу, посвященную исследованию этой пещеры (и академик Ольденбург ждет с нетерпением появления этой работы). Но вопрос в том, вышла ли в свет эта работа или война 1914 г. и одновременно тяжелая болезнь профессора Грюнведеля помешали ее окончанию. Из этого беглого обзора мы видим, какой обширный научный материал еще остался в Восточном Туркестане, сколько интересных научных вопросов и проблем встает перед каждым ученым, когда он только начинает касаться остатков этих древностей.

¹ Идикут-шари – городище в Турфанском оазисе, исследованное экспедицией А. Грюнведеля в 1902–1903 гг. (Grünwedel 1909) и Первой РТЭ 1909–1910 гг.

² Avalokiteśvara (санскр.) – в буддизме махаяны бодхисаттва милосердия и сострадания, выслушивающий молитвы всех будд и отказывающийся от достижения нирваны до тех пор, пока каждое существо не достигнет ее. Традиционно изображается с 1000 руками и 11 головами.

³ Идикут-шари (кит. 高昌, Гаочан; др. уйгур. قوچو, Кочо; тюрк. قاراغوجا, Кара-ходжа) – древний город на трассе северного участка Великого шелкового пути. Расположен на территории современного района городского подчинения Гаочан городского округа Турфан Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая (СУАР), в 45 км к юго-востоку от Турфана.

Следующее ущелье, на котором остановился академик Ольденбург, называется Сенгим-Агыз¹, и академик Ольденбург остановился на нем, так как древности этого ущелья описаны отчасти Клеменцем и потом Грюнведем. Академик Ольденбург находит, что монастырские пещеры, выросшие здесь, в горах, содержат необыкновенно богатые и любопытные древности и, несмотря на описание их Клеменцем и профессором Грюнведем, требуют подробных внимательных и кропотливых исследований и очень осторожных и умелых раскопок, иначе весь этот богатый материал фресок, покрытых слоями глины, может окончательно погибнуть для науки. В своем отчете академик Ольденбург помещает подробные планы и несколько таблиц фресок из монастырей этого ущелья. Переходя далее к обзору ущелья Безеклика², академик Ольденбург указывает на прекрасную книгу профессора Грюнведела, которая посвящена фрескам Безеклика, и на таблицы д-ра Ле-Кока, который срезал и увез в Берлин значительное количество фресок из этих пещер. Академик Ольденбург прежде всего снял план Безеклика, так как до него никто не производил инструментальной съемки. Он указывает, что Безеклик был, по-видимому, сперва манихейским храмовым поселением и затем уже занят буддистами, которые переделали ряд пещер. Из этих пещер С.М. Дудин снял несколько калек фигур богатств и росписей пещер. В одной из пещер стены оказались сплошь покрытыми санскритскими надписями – это буддийский катехизис в форме беседы божества с буддой. Из этой страшно пострадавшей пещеры академик Ольденбург срезал несколько фресок, которые находятся в Государственном Эрмитаже (и ждут дальнейшей работы и исследования).

[14]

[14 об.]

Следующее ущелье, которое посетила экспедиция, было Туюк-Мазар³, где уже были Клеменц, Грюнведель, фон Ле-Кок, сэр Штейн. Так же как и предыдущие путешественники, Ольденбург снял фотографии, кальки и, главным образом, планы пещер монастырей (общее впечатление получилось как и от ранее уже виденных остатков монастырей – нужно длительное основательное пребывание в этих местностях, тщательное исследование и ознакомление с ними, а не торопливый, как бы набегом, осмотр местностей и желание приобрести рукописи, фрески и др. памятники старины, чтобы увезти их в Западную Европу в музей). Особенно в смысле расхищения пещер, бесцеремонного вырезания фресок, не обращая внимания на то, что от такого разрушения стен часто гибнет и дальнейшее продолжение фрески, а иногда и вся стена, отличалась немецкая экспедиция фон Ле-Кока. Так как экспедиция академика Ольденбурга не преследовала совершенно музейные цели, а носила чисто осведомительный разведочный характер, то она вывезла сравнительно с западноевропейскими экспедициями очень небольшой⁴ материал, который может служить лишь образцами – показателями того, что имеется на местах, т. е. какие научные богатства представляет из себя Китайский Туркестан и что необходимы дальнейшие экспедиции для выявления на свет древностей, покоящихся в тех отдаленных местностях заброшенных.

[15]

¹ Сенгим-Агыз или Сангим (кит. 胜金口) – буддийский пещерный комплекс близ северной оконечности современного селения Бадам сельского округа Эрбао городского округа Турфан СУАР Китая, в 40 км к востоку от Турфана.

² Безеклик (кит. 柏孜克里克) – буддийский пещерный комплекс V–XIV вв. на территории современного района городского подчинения Гаочан городского округа Турфан СУАР Китая, в 50 км к юго-востоку от Турфана. Насчитывает 83 пещеры, из которых сохранились 57. Общая площадь настенной живописи – ок. 1200 кв. метров. Крупнейший буддийский пещерный комплекс в пределах СУАР.

³ Туюк-мазар (кит. 吐峪沟麻扎村) – селение в современном уезде Шаньшань, городской округ Турфан СУАР Китая. Расположено на выходе из речного ущелья Тууюй (Туюк). В селении находится знаменитый мазар, который в Синьцзяне мусульмане часто называют «второй Меккой». По преданию, в усыпальнице мазара покоятся первые проповедники ислама в Синьцзяне, прибывшие из Йемена. Вместе с ними похоронен и первый местный житель, принявший ислам.

⁴ Здесь в рукописи вычеркнуто: «музейный».

Когда в начале 1914 года происходило печатание этого отчета первой экспедиции академика С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан, то одновременно академик Ольденбург уже готовился отправиться во вторую экспедицию Восточного Туркестана, в знаменитую буддийскую святыню «Пещеры тысячи будд». Они лежат между городами Ань-Си и Дунь-Хуаном, ближе к последнему, в провинции Западного Китая Гань-Су. Пещеры вырыты в небольшом ущелье предгорья в крутом скате, 14–15 столетий тому назад. Пещер насчитывается здесь много сотен, из них свыше четырехсот сплошь покрыты стенными росписями. Вы видите перед собой целый музей буддийского искусства, древнейшие памятники которого восходят к шестому либо даже пятому веку до Р. Х., а новейшие являются печальной «реставрацией» китайских маляров, не художников, XX века, когда академик Ольденбург был в этих пещерах, то в его присутствии маляр грубыми кричащими красками расписывал разные деревянные части галерей.

До академика Ольденбурга в Дунь-Хуане в 1908–1909 годах¹ были англичанин Штейн и французский ученый китаист Paul Pelliot.

Но когда в 1914 году академик Ольденбург собрался в Дунь-Хуань, то материалы, привезенные Paul Pelliot, не были еще изданы, ничего не было опубликовано (и перед своей экспедицией академик Ольденбург два раза был за границей и частным образом знакомился с результатами французской экспедиции). К сожалению, надо сказать, что до настоящего дня Mr. Paul Pelliot не дал никакого описания художественного материала пещер Дунь-Хуана – через 10 лет после его экспедиции, в 1918 году, появились 6 тетрадей², в которых воспроизведены фотографические снимки стеной живописи Дунь-Хуана (текстов, письма), но описания пещер, всей росписи и статуй с точки зрения композиции, манеры письма, отдельных тем – ничего не было дано, т. е., другими словами, никакого словесного текста не существует до сих пор. Экспедиция академика Ольденбурга дала в этом отношении гораздо больше – она не только привезла богатый (несколько сотен) фотографический материал, массу калек, рисунков в красках, подробные планы пещер, но, в чем состоит ее несравненное преимущество перед французской экспедицией, – академик Ольденбург дал подробное описание пещер, описание росписи и статуй. Это подробное описание в связи с наличием прекрасных фотографий, калек и рисунков дает полную возможность специалисту по живописи определить роспись пещер с точки зрения времени, манеры, письма, композиции.

[15 об.]

[16]

К сожалению, сам академик Ольденбург не успел дать полного анализа живописи пещер, в его дневниках, заметках, журнальных статьях разбросаны справочные замечания, указания, выводы, которыми, конечно, будущий работник над «Пещерами 1000 будд» широко воспользуется.

Академик Ольденбург говорит: Чан-фо-дун – это создание вейского³ и танского⁴ времени, которое наложило, несмотря на все позднейшие изменения, свою неизгладимую печать на Чан-фо-дун. Чан-фо-дун справедливо может быть назван музеем китайского буддийского искусства, начиная, по-видимому, с Вейской династии и до наших дней, так как и мы еще застали работу реставрации, а частью и замены старого новым в полном ходу.

Синологи, может быть, найдут документы, которые позволят им рассказать историю этого любопытного буддийского сооружения, объединившего в маленьком оазисе среди песчаной пустыни сотни пещер с росписью и статуями. Мы же своей задачей считали описание пещер и распределение их по последовательным эпохам. Не имея под рукой сравнительного материала, мы могли, конечно, ошибиться в точных хронологических определениях, и потому

[16 об.]

¹ Дата указана неточно: правильно – в 1907–1909 гг.

² Фактически шеститомный альбом П. Пеллио вышел позже; см.: Pelliot 1920–1924.

³ Династия Вэй правила наиболее могущественным царством в период Троецарствия (220–266 гг. н. э.).

⁴ Имеется в виду время существования государства Тан (618–907 гг. н. э.).

наши определения *вейский*, *танский*¹, *сунский*², *минский*³ являются пока скорее указателями на последовательность манер росписи и лепки, чем точными определениями времени, особенно в переходных формах. Мы, тем не менее, предполагаем, что в общем приурочения наши правильные и что мы не допустили больших хронологических погрешностей. Далее в своих дневниках, описывая пещеры, академик Ольденбург придерживался этих подразделений⁴. Задача ученых, которые будут заниматься Чан-фо-дуном, – систематизировать этот богатейший материал, продолжить и закончить работу академика С.Ф. Ольденбурга. Он пишет, что пещеры расположены в небольшом ущелье предгорья, в ущелье протекает речка, совершенно пересыхающая летом, у левого берега реки крутой скат горы, в нем вырыто более 400 пещер; далее вниз по течению реки в том же скате вырыто еще несколько сот пещер, частью почти засыпанных песком. Снаружи пещер проходили деревянные галереи, в верхние этажи вели лестницы. Теперь большая часть галерей и лестниц разрушилась, но когда жертвователи дарят деньги на ремонт, то эти постройки воспроизводятся. На стенах пещер среди росписей сохранились многочисленные записи жертвователей, которые в старые времена усердно посещали «Пещеры тысячи будд». И теперь, в настоящее время, иногда являются сюда на поклонение монголы из Цайдама, тибетцы, немногочисленные китайские чиновники пещеры начинают забывать.

[17]

С галереи видны четырехугольные отверстия, иногда закрытые деревянными дверями, – это входы в пещеры. Через вход попадаешь в преддверье пещеры, где три стены – две боковых покрыты росписью и третья задняя с дверью в саму пещеру. Роспись в преддверьях почти всегда более новая. Очевидно, преддверья подвергались разрушению, и их приходилось от времени до времени восстанавливать. Из преддверья в пещеру идет проход, иногда очень длинный, так как многие пещеры идут глубоко в гору.

Что изображено в пещерах? Конечно, сам Будда, главная культовая фигура. Академик Ольденбург указывает, что в древнейших пещерах, которые он относит к вейскому и танскому периоду, Будда царит в пещерах. Второй темой живописи пещер является «Великая Кончина», вступление Будды в нирвану, – это живопись танского периода. И, наконец, третья тема – это Будда Амитабха, беспредельный свет, в своем раю Сукхавати, или Блаженном. Интересно произвести бы работникам Эрмитажа, занятым материалами академика Ольденбурга, произвести хотя бы приблизительное распределение находящихся в Эрмитаже фотографий Дунь-Хуана по этим *трем темам* – композициям. Также одновременно с этой работой была бы произведена также ориентировочная тактика – распределить росписи пещер по периодам, по манере, стилю письма. Первый период V–VI веков, указать в живописи влияние Индии, даже специально Гандхары, где греческое искусство сочеталось с индийским. Второй период – танский – период с VII по X в., когда уже буддизм, достигнув своего высочайшего развития, начинает умирать в Индии и начинает особенно сильно влиять на Китай. Академик Ольденбург указывает, что роспись танского периода надо считать не китайской, а индийской, до того в ней мало китайских элементов. Третий период – высший расцвет национального китайского искусства – *сунский* период (X–XIII вв.), о котором академик Ольденбург говорит, что сунское искусство никто не решится не признать китайским. И, наконец, четвертый период – это период упадка, когда роспись становится трафаретной, схематической.

[17 об.]

Задача ученых, которые будут заниматься Чан-фо-дуном, – систематизировать этот богатый материал.

¹ Династия Тан правила в Китае в 618–907 гг.

² Династия Сун правила в Китае в 960–1279 гг.

³ Династия Мин правила в Китае в 1368–1644 гг.

⁴ Далее вплоть до конца л. 17 об. текст перечеркнут.

В Хотане вплоть до VIII века, пока Хотан был под буддийским влиянием, не было влияния турецкой крови, пока не было ислама.

[21]

Когда в 1908 г. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии снарядил экспедицию и поставил во главе ее академика С.Ф. Ольденбурга, то, к сожалению, к этому времени из всех европейских экспедиций, бывших в Китайском Туркестане, английской, германской и французской, ни одна не приготовила и не выпустила в свет своих отчетов (за исключением первой экспедиции проф. Грюнведеля), поэтому в Санкт-Петербурге и нельзя было решить вопроса, где именно надо вести работу, и главное, о чем постоянно сожалел академик Ольденбург, – не было установлено планомерного *совместного* изучения Китайского Туркестана, не было общности работы между европейскими археологами, а каждый работал сам по себе. Поэтому академик Ольденбург постановил, что экспедиция его будет носить только разведочный характер.

[19]

Эта экспедиция состояла из троих лиц: академика Ольденбурга, на котором лежало общее наблюдение, руководство и изучение самого материала, художника и фотографа Самуила Мартыновича Дудина, который должен был вести все дело фотографии, рисунков, и третье лицо – это горный инженер Дмитрий Арсеньевич Смирнов, который снимал планы, вел все художественные работы. За наблюдением за раскопками был приглашен археолог Иван Каменский, но он заболел в начале дороги и вернулся в Петербург. Экспедиция выехала 8 июня 1909 года.

[20]

1) Ехали через Омск, Семипалатинск, Чугучак, Урумчи и Карашар. 2) Первое, что было ей намечено, – это обследование Карашарского округа. 3) Именно остатки буддийского монастыря в Шикшипе, где находятся 11 пещер с остатками фресок и скульптур, относящихся к совершенно разному времени – одни скульптуры носят гандхарский характер, другие – китайский и почти новейший облик. Первая задача – произвести какой-либо хронологический порядок в материале академика Ольденбурга – находит возможность лишь после того, как будет известен материал, вывезенный в Европу бывшими ранее его европейскими путешественниками. Раскопки в Шикшипе носят беспорядочный характер, систематическое копание отсутствует.

Из Шикшина академиком Ольденбургом было привезено несколько остатков скульптур, которые все находятся сейчас в Государственном Эрмитаже. Академик Ольденбург указывает, что, несмотря на все дефекты выполнения, по композиции, трактовке фигур они примыкают к лучшим гандхарским образцам. Кроме того, в Эрмитаже находится несколько кусков обломков фресок от большой картины Mahāraḡinivāṇa – распределение мощей, о которых академик Ольденбург отзывается, что фрески «беспощадно» обдирались европейскими учеными.

[21]

Грюнведель был в Шикшине до Сергея Федоровича и дал описание. Из пещеры № 11 вырезан кусок фрески из сцены раздачи мощей, а именно, фигура Vajraḡaṇi находится в Государственном Эрмитаже. Работа для сотрудника Эрмитажа – поставить в систематическую связь головки из Шикшина со снимками Штейна оттуда же.

Затем после Шикшинского округа экспедиция поехала в Турфанский округ, до Ольденбурга его посетили Клеменц и Грюнведель.

Из Турфанского округа привезли роспись на пьедестале из раскопки монастыря город на Яре¹.

Идикут-Шари – прекрасное описание дано Грюнведелем. Здесь был и Ле-Кок. Отсюда из развалин большого буддийского монастыря находится в Государственном Эрмитаже прекрасный образ на шелку, который является любопытнейшим памятником буддийской иконографии Китайского Туркестана. Научная работа для сотрудников Эрмитажа – дать описание этого памятника.

[23]

¹ Так в оригинале. Имеется в виду Яр-хото.

Далее идет в отчете описание ущелья Сенгим-Агыз. Храмы очень интересны в этом ущелье, но требуют очень внимательного и осторожного обращения при раскопках, так как монастыри заплывали глиной, завалены песком, щебнем, фрески стерты, поцарапаны. Клеменц и Грюнведель дают подробные описания, Ольденбург также находит этот монастырь очень интересным и дает в отчете подробное описание одного из храмов, именно главного, [...].

Безеклик. Там до Ольденбурга был <и> Ле-Кок, Грюнведель. Ле-Кок срезал много фресок из Безеклика для Берлина. В одной из многочисленных пещер Безеклика, а именно 43, имеются многочисленные санскритские надписи.

[23 об.] Это известные в буддийском мире «вопросы и ответы», как бы буддийский катехизис. Из этой пещеры взято несколько образцов фресок, которые находятся в Государственном Эрмитаже.

Ущелье Туок-мазар, связанное с памятью о сказании о Семи спящих отроках, посетили Грюнведель, Ле-Кок, сэр А. Штейн, из нее в Государственном Эрмитаже имеется кусок [...] фрески, где в медальонах помещены кабаньи головы.

Из Турфанского округа Дудин и Смирнов вернулись в Россию, а Сергей Федорович один поехал в Кучарский округ и начал здесь работу (см. № 3)¹. С.Ф. Ольденбург указывает на поразительные облики памятников Кучарского оазиса и также на то, как безобразно поступали с фресками европейские путешественники. Желание как можно скорее обогатить музеи и библиотеки предметами древности и рукописями побуждает путешественников к замене систематических научных раскопок просто копанием, которое большей частью для скорости

[24] и дешевизны поручается туземцам, без надлежащего надзора исследователя, при этом планы не снимаются, и в лучшем случае делаются эскизы. Трудно даже оценить в настоящее время размеры этого научного бедствия, но оно, несомненно, болезненно скажется, когда будет приступлено к систематической обработке громадного и ценнейшего материала, когда придется гадательно восстанавливать то, что было цело и понятно еще так недавно.

Итак, С.Ф. остался один за возвращением в Россию Дудина и Смирнова и 19 декабря 1909 г. (см. №)² приехал в город Кучар, где остановился и начал из Кучара делать поездки по округу. До академика Ольденбурга в Кучарском округе были из русских путешественников М.М. Березовский, из иностранных – Грюнведель, Пеллио и Ле-Кок, который занимался срезыванием фресок³.

Все европейские путешественники привезли значительное количество материала, из которого только в известной мере обработаны материалы профессора Грюнведеля.

[24 об.] Русские путешественники М.М. и Н.М. Березовские, посетившие Кучарский округ, сняли много превосходных фотографий, несколько планов и ряд калек с фресок. Эти все ценные материалы были переданы по возвращении путешественников в Музей этнографии и антропологии при Академии наук, а оттуда затем в Государственный Эрмитаж, на котором теперь лежит задача привести в наличность хранящиеся здесь материалы и составить их систематическое описание⁴.

Так как в Кучарском округе, как видно, работали многие лица до приезда С.Ф. Ольденбурга, то поэтому он осмотрел, дал описание и работал в тех местах, которые были менее исследованы. Так, С.Ф. Ольденбург привез⁵ несколько голов из одного из ступ, находящегося в ма-

¹ Вписано сверху между строк.

² Вписано сверху между строк.

³ Среди иностранных ученых, работавших в Кучарском округе, В.Д. Головчинер не указала К. Отани.

⁴ Здесь в тексте сделано примечание: «Вставить в начале, где говорится о Березовских».

⁵ Сверху приписка: взял.

заре по имени Мин-тен-ата – божества тысячи тел, по раскопкам статуй, по фрескам, которые здесь имеются, академик Ольденбург сближает эти древности с древностями храма в Идикут-Шари, а также с древностями Хара-Хато в Монголии. Это памятники под влиянием старинного тибетского искусства. Академик С.Ф. Ольденбург остановился более подробно на Мин-тен-ата, так как пока о нем не упоминалось его предшественниками, и материалы, взятые отсюда при дальнейших раскопках, могли бы дать интересный материал для выяснения пределов распространения тибетского влияния в Китайском Туркестане.

Вот опять работа для эрмитажников¹.

Замечательна группа пещер в местечке Кызыл, ей посвятил прекрасные описания профессор Грюнведель, и наш русский путешественник М.М. Березовский вывез много прекрасных фотографий, а Н.М. Березовский – прекрасные кальки. Но когда в эти пещеры попал С.Ф. Ольденбург, то оказалось, пещеры были разоренными и в значительной мере лишены фресок – весь этот богатый материал увезен доктором фон Ле-Коком в Берлин, так что для определения стиля, характера композиций надо ждать опубликования берлинских материалов. Сергей Федорович осмотрел пещеры, чтобы иметь возможность на основании оставшихся обломков фресок составить самостоятельное представление о богатстве пещеры. Сам Сергей Федорович привез несколько образцов росписи и скульптуры, такова роспись головы демона. (*Тема для работников Эрмитажа – привести в систему материал Ле-Кока и материал Березовских и Ольденбурга и определить стили фресок.*)

Географическое положение Восточного Туркестана.

Оазисы Восточного Туркестана и их краткая история. [...] раскопки в XVI веке Аба-Бекра, управителя Кашгарии.

Возникновение исторического интереса к оазисам, посещение оазисов рядом европейцев 17, 18 и 19 в.

Указание И.П. Минаева на археологическое значение Восточного Туркестана.

Отзыв Пржевальского, экспедиция Певцова.

Заслуга Н.П. Петровского² в систематическом собрании древностей Восточного Туркестана.

Экспедиция Клеменца в Турфан.

12-й съезд ориенталистов в Риме и вопрос об исследовании Средней Азии.

13-й съезд ориенталистов в Гамбурге. История Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии. Цель и его задачи.

Экспедиция академика Ольденбурга в Восточный Туркестан 1909–1910 гг.

Экспедиция академика Ольденбурга в Дунь-Хуан.

М.А. Stein. Preliminary Report of a Journey of Archaeological and Topographical Exploration in Chinese Turkestan. London, 1901. [20]

С.Ф. Ольденбург. Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 гг. Краткий предварительный отчет. Издание Академии наук 1914 г.

Сергей Ольденбург. Индийская и Иранская секции на XII съезде ориенталистов в Риме. С-Петербург 1900 г.

С. Ольденбург. Памяти Н. Ф. Петровского. З. В. О. Том XX.

И.П. Минаев. «Забытый путь в Китай». Журнал министерства народного просвещения. 1889 г. [20 об.]

Von D. Klementz. Turfan und seine Alterthümer. Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St-Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan.

¹ Далее вычеркнуто: «Далее Сергей Федорович смотрел места, где до него были Грюнведель».

² В рукописи ошибочный инициал. Правильно: Н.Ф.

Н.М. Пржевальский. Четвертое путешествие в Центральной Азии 1888 г.

М.В. Певцов. Труды Тибетской экспедиции 1889–1899¹.

Свен Гедин. В сердце Азии. Памир. Тибет. Восточный Туркестан.

Н.Ф. Петровский «Заметки о древностях» Кашгара. З. В. О. IX.

Г.Е. Кизерицкий. Хотанские древности из собрания Н.Ф. Петровского.

[21] На юге Китайского Туркестана сошлись в самом тесном взаимодействии три культуры: греческая, индийская и китайская. *Сведения* о нем дают с указанием на быт и религию, дают *китайские* паломники Фа-Сянь, Сун-юн, Сюан-Цзан.

Арабские и персидские историки и географы дают сведения о Китайском Туркестане. Об этом можно прочесть в книге В.В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» в Введении. СПб., 1900.

Европейские путешественники: XIII в. Марко Поло, в XVII в. – иезуит Бенедикт Гоэс, в XVIII в. – армяне братья Атанасовы.

1865–1866: англичанин Джонсон.

1870: *Shaw* – Шо.

1875: Дуглас Форсайт².

1886: Пржевальский. 4-е путешествие в Центральной Азии.

1887: Кэри.

Громбчевский: 1885.

Певцов, Робровский, Козлов, Богданович: 1889–1890.

Дютрейль де Ренс: 1890–1895.

Sven Hedin.

Капитан Дизи – Deasy.

[26 об.] Передано в издательство:

1) Введение в историю индийского искусства, 10 лекций.

2) Восточное влияние на средневековую повествовательную литературу запада, 74 стр.,

4 лекции.

3) Основы индийской культуры, 25 стр.

4) Индийский театр, 15 стр.

5) Четыре периода в истории индийского искусства, 13 стр.

6) Общий очерк истории Индии. 6 листочков, последний большой.

7) Герман Ольденберг, 8 стр.

8) Буддизм и массовые культы, 13 стр.

[27] 1903 г. 22 марта С.Ф. Ольденбург вступил в заведывание академической типографией. Формулярный список.

МУЗЕЙНЫЕ СОБРАНИЯ

¹ Так в рукописи. Дата издания ошибочна. Правильно – 1889–1890.

² Дата ошибочна. Д. Форсайт был в Восточном Туркестане в 1870 и в 1873–1874 гг.

ФОНД С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГА И С.М. ДУДИНА В АРХИВЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

В Отделе рукописей и документального фонда Государственного Эрмитажа хранятся материалы, связанные с Русскими Туркестанскими экспедициями академика С.Ф. Ольденбурга 1909–1910 и 1914–1915 гг. Документы «в одном ящике»¹, среди которых были также записи С.М. Дудина и М.М. Березовского, в 1935 г. передала в музей вдова ученого, Е.Г. Ольденбург. В настоящее время только часть фонда хранится в Архиве Эрмитажа, многие дела находятся в Отделе Востока. Дату точного поступления в Отдел рукописей (Архив) установить практически невозможно, так как документальных свидетельств этому не сохранилось.

Е.Г. Ольденбург начала работать в Эрмитаже в конце 1924 г. в Отделении древностей Кавказа, Ирана и Средней Азии. В 1930 г. она уволилась из музея по личным обстоятельствам, но с 1944 года вновь поступила в Отдел Востока. Несмотря на то, что официально Е.Г. Ольденбург уволилась по собственному желанию в 1950 г., фактически она продолжала работать там до своей смерти в 1955 г. Известно, что Е.Г. Ольденбург планировала опубликовать материалы фонда С.Ф. Ольденбурга и С.М. Дудина, но этот замысел был осуществлен не до конца. Та часть документов, которая состоит на учете в Архиве Эрмитажа, и вовсе никогда не публиковалась.

Сотрудники Отдела Востока, в частности Н.В. Дьяконова и О.А. Туманова, в дальнейшем также готовили фонд к изданию, но даже сейчас эрмитажная архивная коллекция С.Ф. Ольденбурга не введена в научный оборот.

Фонд № 76 – «Фонд С.Ф. Ольденбурга и С.М. Дудина» – состоит из 2 описей и 85 единиц хранения. Основная часть документов относится к периоду 1890–1930-х гг. Описи сформированы в соответствии с тематикой материалов, за исключением некоторых единиц хранения, вынесенных в раздел «Разное». Записи сотрудников Эрмитажа, так или иначе связанные с историей изучения данного фонда, выделены в отдельное приложение.

Первая опись «С.М. Дудин» включает в себя разнообразные материалы, связанные с его жизнью, творческой и научной деятельностью этнографа, фотографа и художника. Основной массив материалов в этой описи составляют рукописи и рисунки С.М. Дудина.

Единицы хранения в описи распределены по тематическим разделам, наиболее скромным из которых являются «Биографические материалы». Сюда входит машинопись автобиографии для Академии истории материальной культуры СССР, а также черновик характеристики

¹ АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. 1935 г. Ед. хр. 1887. Л. 170.

на С.М. Дудина из Музея антропологии и этнографии. Автобиография была написана С.М. Дудиным незадолго до смерти, летом 1929 г., и замечательна не только своей краткостью, но и точностью:

«В 1909–1914 гг., по поручению того же Комитета¹, участвовал в 2-х экспедициях академика С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан и Западный Китай (провинция Гань-су, урочище Чанфудун), где выполнил около 2000 негативов размером 24×30 и 18×24 по архитектуре, скульптуре и стенописи древних буддийских монастырей и храмов, несколько десятков квадратных метров прорисей и калек, срезал и впоследствии закрепил и смонтировал более 250 метров стенописей и т. п. Заснял путь обоих маршрутов на пластинках небольшого размера (находятся в Музее антропологии и этнографии А.Н.)»².

Среди материалов фонда сохранились два письма, адресованные С.М. Дудину: письмо С. Чуприенко от 6 ноября 1921 г. и письмо В. Квитко от 18 января 1929 г., а также рукописные протоколы заседаний Совета музеев, на которых С.М. Дудин выполнял роль секретаря (21.12.1920–19.06.1929).

Два документа в фонде непосредственно связаны с работой Дудина в Музее антропологии и этнографии: отчет за 1902 год и представляющие большой интерес «Заметки по Музею антропологии и этнографии СССР», включающие записи по Отделу древностей Восточного и Западного Туркестана с подробным планом экспозиции (1927 (?) г.).

Раздел «Рукописи С.М. Дудина» состоит из 27 единиц хранения, так или иначе охватывающих всю полноту научных и творческих интересов этнографа. Рукописи и черновики статей касаются преподавательской деятельности С.М. Дудина («Из программы по полевой этнографии (методические указания)», «Лекция 1-ая»³), фотографии («О методике фотографирования в полевых условиях (архитектуры, пейзажей, стенописей)»), архитектуры («Архитектура Средней Азии», «Заметки по архитектуре Шах-и-Зинде», «Заметка о землетрясении в Средней Азии»), прикладного и изобразительного искусства («Наименования контуров туркменских ковровых орнаментов» (возможно, копия), «Декоративная керамика Средней Азии», «К вопросу изучения орнамента в России», «История коврового производства», «Декоративная керамика Средней Азии», «Киргизский орнамент», «Ковровые изделия Средней Азии», «О среднеазиатском ковровом орнаменте», «Ковровый орнамент народов Кавказа», «Сартовский орнамент», «Коллекция керамических изделий Средней Азии из Музея антропологии и этнографии», «Художник А.И. Куинджи», «Художник Константин Яковлевич Крыжицкий (1858–1911)») и пр. («Записная книжка. Об устройстве западных музеев» (имеются чертежи и рисунки оборудования), «Отзыв на статью С.А. Истерадера», разрозненные листы записей).

Некоторые из рукописей связаны с Русскими Туркестанскими экспедициями («Развалины в урочище Безеклик (пещеры и надземные сооружения)», «Развалины у пикета Ушак-Тал и пещеры у пикета Ушак-тал»), а также другими экспедициями С.М. Дудина («Киргизия, перечень фотографий с аннотациями. Записная книжка. 1900 г.», «Из воспоминаний о В.В. Радлове» (Орхонская экспедиция 1891 г. с июня по декабрь), «Дневник поездки в Среднюю Азию. 1893 г.»).

В первую опись включен ряд графических материалов: графика художника на кальке и бумаге разных периодов, в том числе рисунки ковровых орнаментов, афганских орнаментов, рисунки и карандашные протирки с орнаментом изразцов и резьбы по металлу из Сартава, различных орнаментов из Салары, рисунки с изразцов из Сарая, карандашные эстампажи из Кафтарабада.

¹ Имеется в виду Русский комитет по изучению Восточной и Средней Азии.

² АГЭ. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1.

³ Вероятно, курс лекций читался С.М. Дудиным на историческом факультете ЛГУ.

Вторая опись «Материалы Первой и Второй Русских Туркестанских экспедиций» включает научные и экспедиционные материалы, в том числе рисунки и наброски, финансовую отчетность, телеграммы и другие документы.

Среди официальных документов – 2 паспорта экспедиции за 1909 г.: на китайском, русском и маньчжурском языках, таможенный билет на имя Павла Гнатта с переводом на маньчжурский, телеграммы на имя С.Ф. Ольденбурга за 1909–1915 гг., пересланные преимущественно через Чугучакскую почтово-телеграфную контору, записки начальника конторы С.Ф. Ольденбургу, а также значительное количество счетов, платежных квитанций и финансовых отчетностей, в том числе описи всего оборудования I РТЭ.

Дела в основной части описи разделены на две части: I и II Русские Туркестанские экспедиции; единицы хранения, с датировкой которых возникли затруднения, вынесены в конец. Экспедиционные материалы представлены, в первую очередь, записными книжками С.М. Дудина и С.Ф. Ольденбурга. Это, в частности, записные книжки Ольденбурга о съемках и зарисовках в пещерах Чанфодуна в 6 частях, записные книжки С.М. Дудина со списками негативов в 3 частях, записные книжки С.М. Дудина с зарисовками орнаментов в 2 частях. Помимо записных книжек, сохранилось также несколько описей негативов, сделанных С.М. Дудиным во время обеих экспедиций, список диапозитивов к докладу «Разведочная экспедиция в Китайский Туркестан 1909–1910 гг.», а также список аннотаций ко всем фотографиям 1909–1910 гг.

В фонде сохранилась записная книжка, принадлежавшая предположительно С.Ф. Ольденбургу¹, с путевыми зарисовками и набросками. К сожалению, датировок в этом документе нет, однако портрет, вероятнее всего В.С. Биркенберга, позволяет отнести его ко времени II РТЭ. Ко второй экспедиции также относится «Картотека вещей и орнаментов» (более 400 карточек).

Рукописные тетради «Надписи пещер Цяньфодуна» (всего 125 листов) – копии с надписей в пещерах Могао (сутра «Жизнь Будды»), выполненные, вероятнее всего, кем-то из местных жителей и позднее отредактированные специалистом.

В настоящее время в архиве музея хранятся первые две тетради «Русской Туркестанской экспедиции 1914–1915 гг. под руководством академика С.Ф. Ольденбурга» в твердом переплете. Известно, что один из трех экземпляров перепечатанных первых шести тетрадей полевого архива II РТЭ оказался в Отделе Востока Эрмитажа.

В основной раздел второй описи включены также отдельный оттиск из газеты «Правительственные ведомости» (1909 г., № 24), визитные карточки на китайском языке (1909–1915 гг., 27 листов) и китайские лотерейные билеты за 1909 год.

Часть материалов, хоть и не связана хронологически с экспедициями С.Ф. Ольденбурга, является достаточно значимой, а потому не перенесена в приложения к фонду: рукопись О.О. Розенберга «Отчет о проделанной работе по определению эпиграфического материала картушей на стеновой росписи пещеры 117» за 1919 г., опись «Собрание хотанских древностей инженера Л.М. Белинко», черновая опись архива С.Ф. Ольденбурга, копия описи вещей из Дуньхуана 1955 г., 2 тетради Е.Г. Ольденбург 1938 (?) г. со списком статуй и пещер Чанфодуна С.Ф. Ольденбурга, а также с заметками самой Елены Григорьевны.

В раздел «Разное» включены материалы по образованию фонда: служебные записки сотрудников Эрмитажа А.С. Стрелкова и К.В. Тревер о желании Е.Г. Ольденбург передать Эрмитажу часть материалов своего покойного мужа, а также о продаже библиотеки академика, и благодарность Е.Г. Ольденбург от директора И.А. Орбели.

Кроме того, в этот раздел включены приглашение на заседание Общего собрания АН, посвященное памяти С.Ф. Ольденбурга, приглашение на заседание Ученого совета

¹ Более вероятным кажется авторство С.М. Дудина.

Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР, посвященное 100-летию со дня рождения академика С.Ф. Ольденбурга, окончание письма С.С. Ольденбурга (начало утрачено, адресовано, по всей видимости, отцу) и несколько фотографий неизвестных людей.

Несмотря на то, что вплоть до недавнего времени фонд С.Ф. Ольденбурга и С.М. Дудина не был обработан и систематизирован, сотрудники Отдела Востока работали с ним на протяжении долгих лет. Записи, касающиеся этой работы и попыток описания материалов фонда, вынесены в приложения. Это, в том числе, выдержки из дневника С.М. Дудина, опись материалов, переданных Е.Г. Ольденбург (черновик), копии схем расположения пещер Дуньхуана, описания некоторых документов, выписки из документов других фондов Архива Эрмитажа, также связанных с деятельностью С.Ф. Ольденбурга и экспедициями в Восточный Туркестан, и др.

Теперь, когда фонд С.Ф. Ольденбурга и С.М. Дудина систематизирован, описан и доступен для широкого круга исследователей, потребуется дальнейшая работа по его изучению, реставрации и консервации. Часть дел фонда, хранящегося в Архиве Государственного Эрмитажа, находится в плачевном состоянии, некоторые рисунки и документы руинированы или находятся в процессе разрушения, что делает крайне желательной оцифровку данных материалов.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ТУРКЕСТАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (1909–1910)

С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 1909–1910 гг.

Одна из записных книжек С.Ф. Ольденбурга из собрания Санкт-Петербургского филиала Архива РАН¹ содержит записи, относящиеся к работам Первой Русской Туркестанской экспедиции 1909–1910 гг.

В записях С.Ф. Ольденбурга отмечаются архитектурные и художественные особенности памятников, приводятся списки фотографий, которые делались в ходе работ, бухгалтерские расчеты. Многие записи сделаны по-немецки, что нехарактерно для других документов Ольденбурга. Возможно, объяснение этой особенности данного документа следует искать в постоянной полемике с немецким искусствоведом и археологом А. Грюнведем, который также занимался исследованием городищ Кучинского и Кызылского округов. Обращаясь к работам Грюнведеля, Ольденбург *volens-nolens* сохранял и немецкую номенклатуру.

Некоторые листы (л. 196) содержат обрывочные записи – о пилах и ножах, видимо, необходимых для снятия фресок, цифровые данные, относящиеся к тем или иным памятникам (л. 197), перечни инструментов (л. 198), выписки из исторических источников (л. 199, 202), имена сотрудников с указанием на выплаты (л. 200, 213), списки покупок и трат (л. 212, 217), в том числе покупок мусульманских рукописей (л. 229а), вопросов, на которые следует обратить внимание (л. 212 об., 213 об. – 214). Выстроить в таких фрагментах связный текст без явных предположений, не имеющих прочных оснований, невозможно.

Для реконструкции хода исследований интерес представляет датированный список фотографий, сделанных в ходе работ I РТЭ. Указаны дни проведения работ, городища, места съемок, количество фотографий.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180.

[182]
[183]

План Кумтуры Березовского и фотографии

Кызыл. 1 с камином.
Из В, продолговатый (Рис. 1).

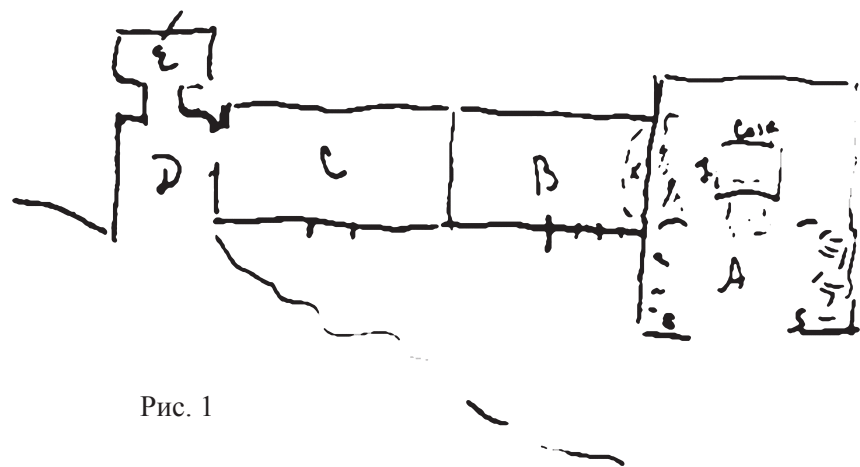

Рис. 1

В В., может быть, можно что-нибудь срисовать, есть орнаменты.
16. Ritter höhle¹.
По бокам prañidhi², сфотографировал Грюнведель.
Die Wölbung im [...] Gang nicht abgegeben bei Грюнведель³.
Музыканты
Стоит с потолка в красках.
Höhle mit Fresco-Boden⁴.
Здесь Maitreya⁵ с бодисатвой; см. Березовского⁶.
Mann mit Esel und [...] geht auf einer blauen Schlange⁷ (не срисовано).
Berg mit Gesicht⁸ (не срисовано).
Материя, сцены, бодисатва в воздухе (срисовать). Обратить внимание.
Kāśyapa⁹ изображается.
Просто Будда-спаситель [...] змеей.

[183 об.]

¹ Пещера рыцарей (нем.).² Prañidhi (санскр.) – обет смертного следовать учению Будды; в иконографии – отдельный жанр произведений живописи и пластики.³ «Грюнведель сводом в проходе не занимался» (нем.); ср. с замечанием самого Грюнведеля о сводах в пещере 15 в минуе под Кумтурой: „Der Streifen, welcher die Figuren enthält, ist rings herum im Gange etwa 95 cm hoch; über den Figuren läuft ein Ornamentstreifen herum und da, wo die gerade Wand in die Wölbung übergeht, bilden rautenförmige bunte Ornamente, welche Berge darstellen, die Dekoration des Plafonds der Gänge“ («Полоса с фигурами высотой ок. 95 см идет кольцеобразно в проходе; над фигурами там и там идет орнаментный пояс, где прямая стена огибает свод, образующий ромбовидный орнамент, изображающий горы, – украшение потолка прохода») (Grünwedel 1912: 11).⁴ Пещера с фресковым полом (нем.).⁵ Maitreya (санскр.) – бодхисатва и будда грядущего миропорядка, обитающий на небесах Тушита в ожидании рождения в мире людей.⁶ Экспедиция М.М. Березовского работала в Кызыле в январе 1906 г.⁷ Мужчина на осле и [...] едет на синей змее (нем.).

Ср.: „So ist die Gruppe des Mannes, welcher einen Esel treibt und mit dem Tier auf einer blauen Schlange dahinwandelt, wohl erhalten“ («Вполне сохранилась группа мужчины, который гонит осла с животным на синей змее» – Grünwedel 1912: 49).

⁸ Гора с лицом (нем.).⁹ Kāśyapa (санскр.) – последний из будд прошлого, предшествующий появлению Будды Шакьямуни.См. пещеры со сценой [...] полуживотных у Грюнведеля¹.

Нирвана. Не срисовано. И другие изображения.

Здесь в проходе 4×7 статуй = 28.

Сожжение.

Процессия.

Мелкие пещеры – мало (№ 8 Pohrt²).Kloster³. Все смерено. Комплекс пещер.Rothkuppelhöhle⁴. Может быть, взять орнамент? С тремя углублениями mit Korn⁵.Höhle der Statuen⁶ (Рис. 2).^{xx} отсек статуй хорошей работы.

--- были статуи нирваны. Боги над этими не срисованы.

. Lokarāla⁷. Много песка.

... Надо срисовать фигуры или взять.

Над ^ красивой работы аскеты в горох. Потолок разделен на поля, где музыканты (20 полей) или молящиеся. Стоило бы срисовать.

Столько и в Mahlerhöhle⁸.Mahler (nicht kopiert)⁹.Pfauenhöhle mit genommen (die Höhle)¹⁰ (Рис. 3)^{xx} Наказание Мары¹¹. Не взято.Бенарес¹². Zerkazt¹³.В основном будды, in die Ecke gemalt¹⁴.

Тут стена и указатели.

Die Höhle der behelmten¹⁵.

Солнце в плафоне не срисовано.

Много обезьян.

Höllentopfhöhle. Stifterbilder¹⁶. Одно не снять. Похоже на 16 Ritterhöhle¹⁷.

[184]

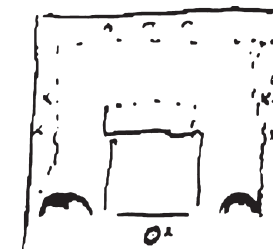

Рис. 2

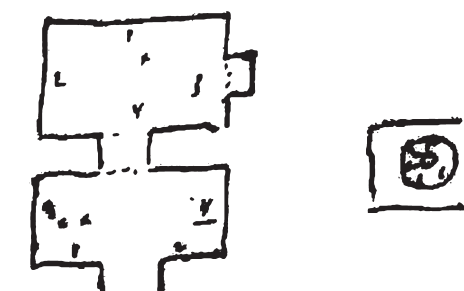

Рис. 3

[185]

¹ Данная запись сделана крайне небрежно, чтение предположительно.² Имеется в виду Германн Порт (Pohrt, Hermann; 1877–1950) – китаист, ассистент-переводчик А. Грюнведеля; о нем см.: Dreuer 2015: 135. Очевидно, С.Ф. Ольденбург упоминает пещеру, ранее исследованную Портом.³ Монастырь (нем.).⁴ Пещера с красным куполом (нем.).⁵ С зерном (нем.); возможно, имеется в виду тип орнамента.⁶ Пещера статуй (нем.).⁷ Lokarāla (санскр.) – божество, хранитель одной из сторон света.⁸ Пещера художника (нем.).⁹ Художник (не скопирован) (нем.).¹⁰ Столбовая пещера, взята (пещера) (нем.).¹¹ Мара (санскр.) – божество, воплощение злых сил, искуситель Будды.¹² Бенарес в буддийской традиции имеет особое значение как место первой проповеди Будды.¹³ Исцарапано (нем.).¹⁴ Нарисовано в углу (нем.).¹⁵ Пещера шлемоносцев (нем.).¹⁶ Пещера адского котла. Рисунки карандашом (нем.).¹⁷ Пещера рыцарей (нем.).

Schatzhöhle¹ (нигде Gold gefunden)².

Все снято и разломано.

Где лестницы? Грюнведель не работал.

Где ущелье.

Höhle mit Berg Meru ganz kopiert³.

Маленькие, не тронуты, одна снаружи.

Höhle mit Freitreppe. Photographiert⁴.

Легенда Будды и нападение Мары. Хорошо бы снять. Интересны.

Höhle mit kranztragendem Taube⁵.

Vorne Gewölbe⁶. Boddhisattva, Buddha. Helle Farben⁷.

[...] Будды внизу с kranztragendem Taube и 7 Ratna⁸.

Пещеры против в ущелье. [...]

От Freitreppenhöhle [...] как будто нельзя идти, но можно пройти, и видна долина, и там группа пещер и лежат головы. Там никто не работал.

Hinter der Treppenhöhle есть Asketenhöhle. Rohgemachte Asketen⁹.

Богиня пещеры по ту сторону. Желательно очистить.

Далее высоко [...] трудно подняться. Сняты частью плафоны.

Далее, выше, тут nāgarāja mit nackten Figuren¹⁰.

По-видимому, снято Березовским.

Kāśyapahöhle. Kauf der Leiter¹¹. Много вариантов дальше. Три пещеры рядом.

Рис. 4

Teufelshöhle¹² (Рис. 4).

(там, где глаза на человеке)¹³.

Mönch im Maule von 4 Gansen getragen. Mit einem Kranz von Schlangen¹⁴. Это позарисовать.

¹³ Головы. В медиальных. Надо срисовать.

Нирвана. Где Digambara¹⁵ с repis, но, может быть, кое-что срисовать.

¹ Пещера сокровищ (нем.).

² Золото нигде не найдено (нем.).

³ Пещера с горой Меру полностью скопирована (нем.).

⁴ Пещера с открытой лестницей. Сфотографировано (нем.).

⁵ Пещера с венценосным голубем (нем.).

⁶ Передние своды (нем.).

⁷ Светлые цвета (нем.).

⁸ Драгоценностей (санскр.).

⁹ За лестничной пещерой есть пещера аскетов. Насыро сделанные аскеты (нем.).

¹⁰ Царь змей с нагими фигурами (санскр., нем.).

¹¹ Пещера Кашьяпы. Покупка вожаков.

¹² Чертова пещера.

¹³ Здесь вычеркнуто: «С. История Sumāgadhā».

¹⁴ Четыре гуся несут во рту монаха. С венком из змей (нем.).

¹⁵ Digambara (санскр.) – нагой аскет.

[186]

[187]

64

Schloss¹ (это скопировал).

Изображение из жизни Māyā²? Может быть, история юности Будды?

Группа в городе снята и скопирована. Может быть, кое-что можно сделать?

Итоговые вещи; фотографии Грюнведеля. Не до старины.

С угла (справа налево 1–22).

12. Локапала и надписи брахми mit Recessen³.

17. Mahlerhöhle.

18. Fusswaschung Buddhas⁴. Тут с Sumāgadhā⁵. Снять. Нагие фигуры.

19. Mayā (?).

Dritte Anlage noch weiter in den Bergen⁶. В маленькой долине 9 пещер, но из них только 3 с фресками. Грубоваты. Одна – Ajātaśatru⁷ – описана Грюнведелем. Вряд ли стоит (не стоит).

Криш.

От <него> видел только маленькую группу.

Вообще в Куче были мало.

Кумтура.

Мало сделано.

Шорчук⁸ у Карашара

Höhlen ausgebeutet. Noch wenig. Stein. Im Schutt Vieles zu finden. Figuren⁹ (Рис. 5).

У большого здания. ½ часа от дороги в Карашар.

Рис. 5

Ушак-тал. [...] Stadt. Mongolen¹⁰.

Рис. 6

Или-кель у Хами¹¹. Мало.

Турфан (Рис. 6).

Муртук.

Начинается с могил в стороне.

5 пещер. II Anlage¹². На фреске изображены разрушения монастырей.

Надо срисовать.

Слева.

Муртук.

¹ Замок (нем.).

² Мауа (санскр.) – в буддийской традиции – мать Сиддхаты Гаутамы, будущего Будды.

³ С отступами (нем.).

⁴ Омывание ног Будды (нем.).

⁵ Sumāgadhā (санскр.) – персонаж буддийской традиции авадан – рассказов о перерождениях Будды, падчерица богатого торговца Анатха-пиндады, последовательница Будды.

⁶ Третий ансамбль еще дальше в горах.

⁷ Ajātaśatru (492–460) – царь Магадхи, современник Будды.

⁸ Шорчук – одно из названий городища Шикшин, тщательно исследованного в ходе работ I РТЭ в 1909 г.

⁹ Пещеры разграблены. Еще мало. Штейн. В мусоре можно многое найти. Фигуры (нем.).

¹⁰ [...] город. Монголы (нем.).

¹¹ См. описание раскопок в Или-Кель в «Дневнике поездки в Дун-хуан» С.М. Дудина в настоящем издании.

¹² Ансамбли (нем.).

[188]

[189]

[190]

65

1. Сидящие бодисатвы. Лепные (китайский стиль).
2. Kloster¹³. Мало осталось. Тут есть Manuscripts¹⁴.
3. Avalokiteśvara и Amitābha¹⁵.
4. Точно у Avalokitā.
5. Dākinī¹⁶.
6. Длинная. Много рисовано. Нирвана с мудрами¹⁷. Ниши.
7. [...] 4. Были и Avalokitā, и Helder [...] Götter¹⁸. Хорошо бы снять плафоны.
8. Plafond wie Kuzyl. Kopiert¹⁹.
Звери. 12 месяцев.
9. = 4. Все снято.
10. Prañidhi. Плохо сохранилось.
- 11–14. Маленькие с бодисватвами. Не стоит.
11. Взял. Боковые – повторение paṅivāra.
15. С лестницей. Ничего.
16. Ничего.
17. [...]
18. С Dākinī
- II. Späte Höhle. Lamaisch²⁰.
Не сделано.
Пустая [...].
- I. С китайской надписью. Тут были рукописи.
19. Götter auf Thieren reitend²¹.
Кто-то вырезал.
- 20–21. Prañidhi.
22. [...] ? = 4.
- 23–24. Prañidhi? Плохой сохранности.
25. Vorn Buddhist²². В глубине – манихейское – Rohezeichnung²³. Интересно.
26. Prañidhi и [...]
- 27–28. Взглянуть.
- 29–34. Ступы и Plafond [...].
35. Avalokiteśvara. Sujātā²⁴.
[...]
На стене изображены Amitābha и Dya с гонгом. См. Scholt в 50 годах.
Историю Amitābha стоит снять.

¹³ Монастырь (нем.).¹⁴ Рукописи (англ.).¹⁵ Amitābha (санскр.) – будда бесконечного света, владыка чистой земли или Земли радости (Сукхавати); наиболее популярный персонаж дальневосточного буддизма махаяны.¹⁶ Dākinī (санскр.) – в буддийской традиции женские божества, спутницы богов и небожителей, обладают уродливым обликом, однако почитаются как защитницы просветленных.¹⁷ Mudrā (санскр.) – положение рук с определенной символикой.¹⁸ Герои, боги (нем.).¹⁹ Потолок как в Кызыле. Скопировано (нем.).²⁰ Поздние пещеры. Ламайские (нем.).²¹ Божества верхом на животных (нем.).²² На первом плане – буддийское (нем.).²³ Фреска, рисование по сырому (нем.).²⁴ Sujātā (санскр.) – в буддийской традиции последовательница Будды; тот же персонаж, что и Сумагадха; см. выше.

[191]

Чикан-кель.
Может быть, есть после Муртука.
Сенгим-агыз. Не стоит

[192]

Туюк-мазар. Надо попробовать.

Лемджин. Только [...] путь.

Асса-шари. Ничего.

Яр-хото. Посмотреть пещеры. Город напротив. Не стоит копать?

Курутка. Бугра булайик. Посредине [...] Nestorianisches Kloster¹.

Сиррап. Почти все перекопано.

Курутка. Посмотреть внизу лежащие пещеры, где Siddhā².

Идикут-шари

К. Манихейское. Может быть, [...].

Образ Кроткова³ из подвалов В.

Tempel bei Kleinen⁴.

Stüpengruppe⁵ во II экспедиции.

(за рекой с [...]).

Сперва манихейское, потом буддийское.

Использованы очень толстые стены.

Stüpa A. Kleine gruppe⁶. Добавлено.

Во II Турфанскую vermessen⁷.

Лемджинские камни.

Странно, что справа налет.

[...] У Грюнведеля план.

[193]

¹ Несторианский монастырь (нем.).² Siddha (санскр.) – достигший совершенства; праведник, овладевший методами буддийской мистики.³ Кротков, Николай Николаевич (1869–1919) – российский востоковед-китаист, дипломат. На дипломатической службе занимал должности драгомана и секретаря русских консульств в Гирине и Цицикаре, секретаря консульства в Кульдже (1897–1908), управляющий консульством в Урумчи (1906–1907), консул в Урумчи (1908–1912), чиновник особых поручений при министре и агент министерства торговли и промышленности в Софии (1914–1915). Член российских научных обществ – ИРГО (1908), корреспондент Музея антропологии и этнографии (1911), член-корреспондент Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (1911) и Императорского Русского археологического общества (1912). За время работы в Восточном Туркестане Кротков собрал коллекцию, состоящую из уйгурских, китайских и согдийских рукописных фрагментов из Хотана, привезенную в конце 1907 г. в Петербург. По предложению К.Г. Залемана собрание Кроткова было приобретено за 5000 рублей, и его рукописная часть была передана в Азиатский музей ИАН (Рагоза 1972: 254).⁴ Храм рядом с мальми (нем.).⁵ Группа ступ (нем.).⁶ Маленькая группа (нем.).⁷ Измерено (нем.).

[194]

План.
Тут было brāhmī и уйгурская надпись (разрушены) (Рис. 8).
*Tempelner lokarālas¹
= тибетские рукописи и уйгурские надписи.
Auch [...] Hängebilder².

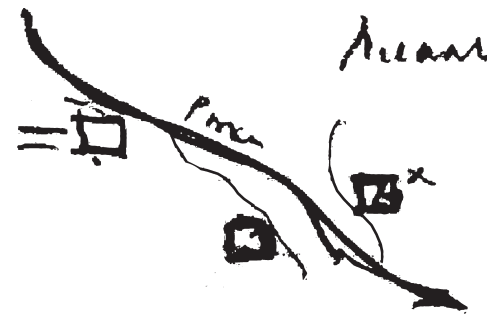

Рис. 8

Муртук. 40. ^{xx}
2 будды. Нагараджи.
История, вроде mahābhaya Муртук?
Паломничество, может быть, можно снять.
Там, где могилы, посмотреть, если можно.
37. Freskoboden³.
Попробовать пробить стенку, где новое.
30. Маленькие сцены из жизни Будды. Опять 2 будды.
Geschichte mit der Trommel. Verkratz⁴.
31. Булаик. Vorhalle⁵. Очень замечательно с шляпами. Stiefel⁶.
32. [...]
33. rote Gangehöhle⁷.
34. Benares Predigt⁸.
35. Malen⁹ (нужно).
36. Benares Predigt (Рис. 9).
2. Grosser Kreis von Wolken¹⁰.
1. Buddhakopf¹¹.
Samantabhadra¹², Mañjuśrī¹³. Fuss [...] mudra¹⁴.
Steinplatte mit menschlichem Kopf¹⁵.
3 5 Boddhis<attva>.
Интересно.
Höhle 38 malen¹⁶. Нужно. Интересные сцены.

[195]

[196]

Кумтура
Два больших друг против друга. [...]
Säge und Messer.

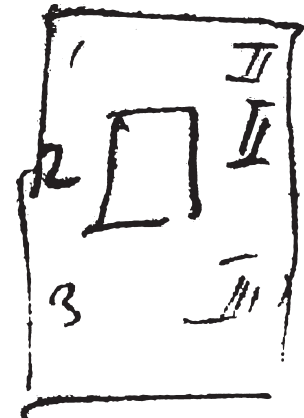

Рис. 9

¹ Храмовые локапалы (нем.).
² Также [...] подвесные изображения (нем.).
³ Пол с фресками (нем.).
⁴ История с барабаном. Выдрано (нем.).
⁵ Прихожая (нем.).
⁶ Сапог (нем.).
⁷ Пещера с красным проходом (нем.).
⁸ Бенаресская проповедь (нем.).
⁹ Рисовать (нем.).
¹⁰ Большой круг из облаков (нем.).
¹¹ Голова Будды (нем.).
¹² Samantabhadra (санскр.) – бодхисатва мудрости и знания, воплощение совершенного сострадания.
¹³ Mañjuśrī (санскр.) – (обладающий) великолепной славой – имя бодхисаттвы, почитаемого в буддизме махаяны и ваджраяны, считается воплощением праджняпарамиты – «наивысшей мудрости»; один из восьми великих бодхисаттв.
¹⁴ Нога [...] мудра (нем.).
¹⁵ Каменная пластина с человеческой головой (нем.).
¹⁶ Пещеру 38 рисовать (нем.).

Von oben an zu schneiden und sägen.
Sägen verschiedene¹ (Рис. 10).
Маленькие, такой ширины².
Палау-Сауд. Рекеб. Караходжа.
Яр-хото стоит, [...] мало копано, манихейское.
In Кизил. Kein Essen³.

Рис. 10

Sommer.
3. 5–8 Pause. Frühstück⁴.
4. 9–1. Mittag⁵.
4. 2–6½ Abendessen⁶.
Zahlung jeden Tag.
Jetons um bezahlt zu meiden⁷.
Посторонних не допускать.
(khaki)⁸
Около Или-кёля (ступы ausgeräumt⁹).
Чикан-кель. Тура. Посмотреть. Auf dem Festlande Art Kloster¹⁰.
Тут есть острая турфанская соль.
Тојок-мазар.

[197]

[...]
Aufwärts sehen oben in den Bergen¹¹
[...]
Messer,
Scheren,
Uhren,
Bilderbücher¹²,
Виды, [...]
Kopfbedeckung – Sommermütze,
Stiefel¹³.

[198]

[200]

М.М. Березовский. Куча.
Мир-Шериф Баба Баев.
100 руб. [...]
Абдул-Вахид Ризабаев.
Аксакал Халь-Махомед
Халмет.
Тонгуз-баш.

[201]

¹ Пила и нож. Резать сверху и пилить. Пилить различное (нем.).
² Имеются в виду пилы, изображенные на рисунке.
³ В Кизиле. Нет еды (нем.).
⁴ Перерыв. Завтрак (нем.).
В данном разделе речь идет о рабочем расписании.
⁵ Обед (нем.).
⁶ Ужин (нем.).
⁷ Оплата каждый день. Избегать жетонов для обозначения получивших плату (нем.).
⁸ Хаки (нем.).
⁹ Вычищено (нем.).
¹⁰ На материке своего рода монастырь (нем.).
¹¹ Далее смотреть вверх в горах (нем.).
¹² Нож, ножницы, часы, книги с иллюстрациями (нем.).
¹³ Головной убор – летняя шапка, сапоги (нем.).

[...] сети улиц, видно, резиденция, буддийские здания.

Подземный храм.

Тонгузбашская тура.

Там «кура» (большие ступы для воды?). По-китайски «чань».

В монастыре Таджит, где высокий, обнесенный стеной, дверь тоже врыта в землю.

Широкое горлышко.

[204]

18×24

Турфанский округ

Астана

Тайзан

23.XI.

1. с востока.

2. с востока

3. с севера. Испорчено.

4. с северо-запада.

5. с запада.

6. с юго-запада.

7. с юга.

27.XI.

7, 8? с северо-востока

9. с северо-востока

27.XI.10¹.

На крышах Астаны

Сыркип

Тура

24.XI.

1. с юга в 37 шагах.

2. с запада, немного дальше, из-за ступа.

3. с юго-запада.

4. подробности с юга (юго-западным углом).

5. с северо-востока.

6. с востока

7. общий вид с востока.

[204 об.]

25.XI.

8. тамгалыташ с востока Лемджинского ущелья.

9. Idem с севера. Испорчено.

10. овцы, гонимые к Лемджинскому ущелью.

11. Каменноугольные копи у агыза в Лемджинском ущелье

[205]

12.XII.

1. Вид на Курля-дарью и ее правый берег с разломанной части городской стены на левом берегу.

¹ Год, очевидно, указан ошибочно; правильно 1909.

15.XII.

1. Тура с севера от Чарчи, с северо-востока.

2. Тограковый лес близ Крук-Ешме.

16.XII.

3. Карагач-мазар. Второй двор.

4. Idem. Первый двор.

5. Общий вид с запада, где двор.

17.XII.

6. Мост через Бугуроля через Кызыл-акын.

7. Юсуп-бек зуң-шаңю в Бугуне. Снято в его доме.

18.XII.

8. Общий вид группы развалин в [...] за Таш-арыком с юго-востока.

9. Вид сайтуа из этой группы с северо-запада.

19.XII.

10. Монастырь за Чулабозоля с юго-востока.

11. Внутренний вид с юга.

Кучар

Мин-тен-ата

23.XII.

1. Общий вид с юго-запада.

2. Idem.

3. 8-угольная vihāga, копанная Березовским много с юго-запада.

26.XII.

5. Мазар с юго-востока.

6. Общий вид монастыря (?) с юга.

6.I.1910

3. Большая тура с юго-востока.

[206]

Сым-сым

3.I

? Вид у выхода сухой реки в степь.

Начало входа в ущелье

3.I

? 5. Вид на северную сторону долины.

Вид на долину с северо-восточного угла.

3.I

8. Западная группа обвалов с востока.

4.I

6. Пещеры 7 и 8 с севера.

9? Восточная группа пещер с запада с холмика.

10. Вид на долину с юго-востока.

11. Пещера № от входа.

12. Кладка камней. Стены.

5.I.

1. Испорчен Босуком Темировичем. Средняя ниша пещеры № 6.

2. Вид из пещеры № 3 на долину.

4. Пещера 48 через ущелье с северо-востока.

27.XII.

2. Испорчено. Вид на главную группу южного Кришского миноја с юго-запада.

Кызыл

24.I.

1. Восточная часть миноја
2. Группа, где пилено, с юга.
3. Группа рядом, с юга.
4. пещеры на горе и [...] восточная часть миноја.
5. Вид на миној, начиная с группы, где пилено, и далее на запад, с юга.
- 6–8. Вид с юга на западные части миноја, начиная с запада.
9. Пещера D Березовского. Rotkuppelhöhle снизу.
10. Idem. Образ против входа.
11. Испорчено, [...]
12. Вид из D на восточную группу.

26.I.

1. Дулдур-ахур с запада с другой стороны дороги.
2. Караул, с дороги.
3. Тура за караульной.

[207]

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ТУРКЕСТАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (1909–1910): АРХИТЕКТУРНЫЕ ПЛАНЫ

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в фонде С.Ф. Ольденбурга хранится дело «Иконографический материал по Русско-Туркестанской экспедиции 1914–1915 гг.»¹. В нем содержится 38 листов с архитектурными планами различных городищ, которые были исследованы экспедицией академика С.Ф. Ольденбурга 1909–1910 гг. При этом большая часть планов сохранилась в чистовом варианте, пригодном для издания, несколько листов – в виде карандашных черновиков. Некоторые планы – общие, некоторые представляют собой детали того или иного поселения. Составлены и черновые, и чистовые варианты архитектором экспедиции Д.А. Смирновым.

Некоторые планы были опубликованы (или полностью, или фрагментарно) в кратком отчете о работах самим С.Ф. Ольденбургом², С.М. Дудиным³ или Н.В. Дьяконовой⁴. Публикация планов городища Шикшин Н.В. Дьяконовой является более полной, однако качество издания общих планов следует признать не всегда удовлетворительным: в некоторых случаях они даны в слишком мелком масштабе⁵, общий план городища Шикшин в Карашарском округе – планы Д.А. Смирнова из собрания СПбФ АРАН (л. 2 и л. 25), вместе составляющие левую и правую половины общего плана Шикшина, – значительно подробнее. Некоторые легенды на планах, оставленные Д.А. Смирновым, пропущены. Определенно, Н.В. Дьяконова оперировала экземпляром из собрания Государственного Эрмитажа, отличным от хранящегося

¹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186.

² Ольденбург 1914.

³ Шикшин. Общий план буддийского монастыря, составленный Д.А. Смирновым (Дудин 1916: 7); планы буддийских храмов K9E, F4, F3a, C4, A2 (Дудин 1916: 11); планы различных вихар и храма A14; внутренний вид храма A14 (Дудин 1916: 29); план подземного храма в «Яре» (Дудин 1916: 49); план монастыря в Яре, второй монастырь в Яре, сто одна чайтъя (план) (Дудин 1916: 54); пещерный монастырек в Яре (Дудин 1916: 57); план монастыря в Идикут-Шари (Дудин 1916: 64); древний буддийский монастырь в Сенгим-Агызе (Дудин 1916: 75); план пещерного монастыря в Туок-Мазаре (Дудин 1916: 82). Некоторые планы (Дудин 1916: 49, 57, 75) не входят в собрание планов Д.А. Смирнова.

⁴ Дьяконова 1995.

⁵ Особенно это касается иллюстраций в книге С.М. Дудина (Дудин 1916: 7, 29); чуть более ясны планы отдельных пещер в Шикшине (Дудин 1916: 11), а также план чайтъя D2 и ступ D5, C2 и C3β (Дудин 1916: 31, 54, 64, 75, 82). Нельзя не отметить, что те планы, которые С.М. Дудин готовил самостоятельно, выглядят черновыми чернильными набросками и по качеству отличаются в худшую сторону от планов профессионального инженера Д.А. Смирнова.

в СПбФ АРАН, – планы Шикшина в работе Д.А. Смирнова из собрания СПбФ АРАН представлены лишь частично.

Однако из остальных планов других городищ С.Ф. Ольденбургом издана лишь меньшая часть.

Наиболее полным исследованием истории архитектуры и строительного дела Восточного Туркестана в древности и раннем средневековье, проведенным на базе материалов Русских Туркестанских экспедиций, а также иных доступных – как опубликованных, так и не изданных – материалов, является работа Б.А. Литвинского¹. Автору были доступны артефакты, а также дневники экспедиций и фотоархив, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, материалы французских экспедиций, хранящиеся в музее Гиме, а также находки из Восточного Туркестана из Музея азиатского искусства (Берлин), Британского музея и Токийского национального музея. Исследование Б.А. Литвинского является важнейшим для исследования истории архитектуры не только Восточного Туркестана, но и ряда других регионов, с которыми современный Синьцзян поддерживал культурно-исторические контакты.

Содержательная ценность данной работы до некоторой степени нивелируется невысоким уровнем иллюстративного материала. Автор многократно воспроизводил иллюстрации из работ А. Грюнведеля, которые в строгом смысле слова не являются документальными свидетельствами, так как Грюнведель не делал фотографий, а зарисовывал планы и интерьеры от руки.

В целом планы и фотографии, помещенные в издании, – достаточно четкие. Однако, как и в работе Н.В. Дьяконовой, помещены они зачастую слишком густо: например, общий вид пещерных комплексов в Кызыле (Мингой)² настолько мелок, что разглядеть на иллюстрации даже основные детали нелегко. Планы пещерных монастырей Туяук-мазара и Безеклика³ достаточно четки, однако также мелки: три крупных плана помещены на одну страницу, а планов и фотографий из Кочо (Идикутшари) на одной странице – сразу семь⁴!

Эти обстоятельства диктуют необходимость переиздать этот важнейший материал во всей его полноте, в максимальном качестве. Некоторые планы очень подробны, что обуславливает важность представления их отдельных составных частей в качестве самостоятельных изображений.

В некоторых случаях планы нескольких городищ даны на одном листе, что обуславливает их раздельное издание.

Публикация данных планов позволит представить историю архитектуры целого ряда городищ Восточного Туркестана значительно полнее. Реконструкция формы пещер, их расположения на городище в настоящий момент или невозможна, или в высшей степени затруднена. По этим причинам комплект планов, подготовленный Д.А. Смирновым, имеет исключительное значение для истории архитектуры Восточного Туркестана.

Планы расположены в хронологическом порядке в соответствии с ходом работ экспедиции от Улан-бая до Мин-тен-ата.

Кроме планов Д.А. Смирнова, в фонде С.Ф. Ольденбурга сохранились планы ряда городищ, выполненные в иной манере. В частности, речь идет о двух планах городища Шикшин⁵, плане городища Сым-сым, снятом Б.Т. Хохо 6 января 1910 г.⁶, планах памятников на городище Кумтура⁷. Эти карты дополняют работы Д.А. Смирнова.

ПЛАНЫ

¹ Литвинский 2000: 13–218.

² Литвинский 2000: 49. Табл. 8.

³ Литвинский 2000: 59. Табл. 12.

⁴ Литвинский 2000: 178. Табл. 35.

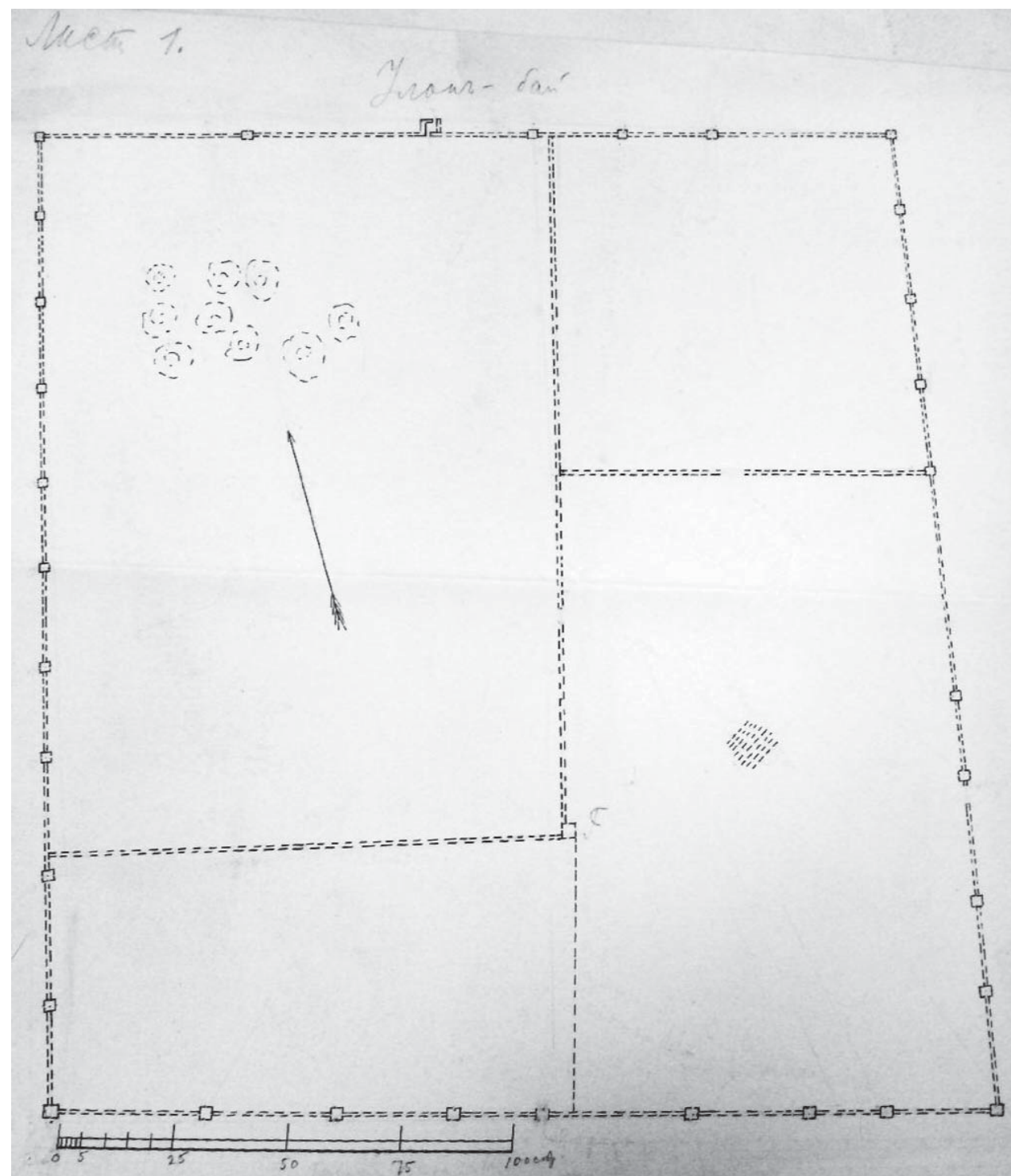
⁵ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 166. Л. 8–9.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 178. Л. 11.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 178. Л. 45, 47.

Улан-бай.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 1.

Публикуется впервые.

Улан-бай – первое городище, исследованное экспедицией С.Ф. Ольденбурга (31 июля 1909 г.). В кратком отчете говорится: «Осмотрели развалины старинного города Улан-бая в долине урумчийской реки, сделали общий план, сняли фотографии и немного раскопали один холм, где раньше стояло какое-то здание, может быть, кумирня»¹.

Сделанный общий план в отчете о работах экспедиции опубликован не был. Имеющийся в собрании СПбФ АРАН экземпляр – определенно, черновой, так как надписи на нем сделаны прописью простым карандашом.

Значительно более подробно говорится о работах в Улан-бае в рукописной версии отчета. В нем же представлена характеристика планировки самого городища:

«Город оригинально разделен на три части. А, по-видимому, торговая часть: следы улиц, масса следов строений, Б. чиновничий город (как указал Босук, отметив, что в этой части не должно быть наружных ворот). Смирнов делал съемку с 4, мы копали в 3. 1. по-видимому, тоже остатки кумирни; 2. дерево, единственное растущее внутри. Высота стен, по-видимому, около трех сажень, местами на половине высоты тянется нечто вроде рва, но ясно, что он позднейшего происхождения и что это вроде желоба, прорытого в оползле стены значительно позже. Босук говорит, что это работа Якуб-бековских войск. Долбежев и Дудин делит на четыре части, находя следы стены — — —, ни Смирнов, ни я не видели ее! По мнению Смирнова, высота 2–3 сажени, это мало, толщина аршина 2. Башни выше значительно, объем их трудно определить из-за размыва. Несомненно, что небольшими раскопками можно выяснить хронологический вопрос.

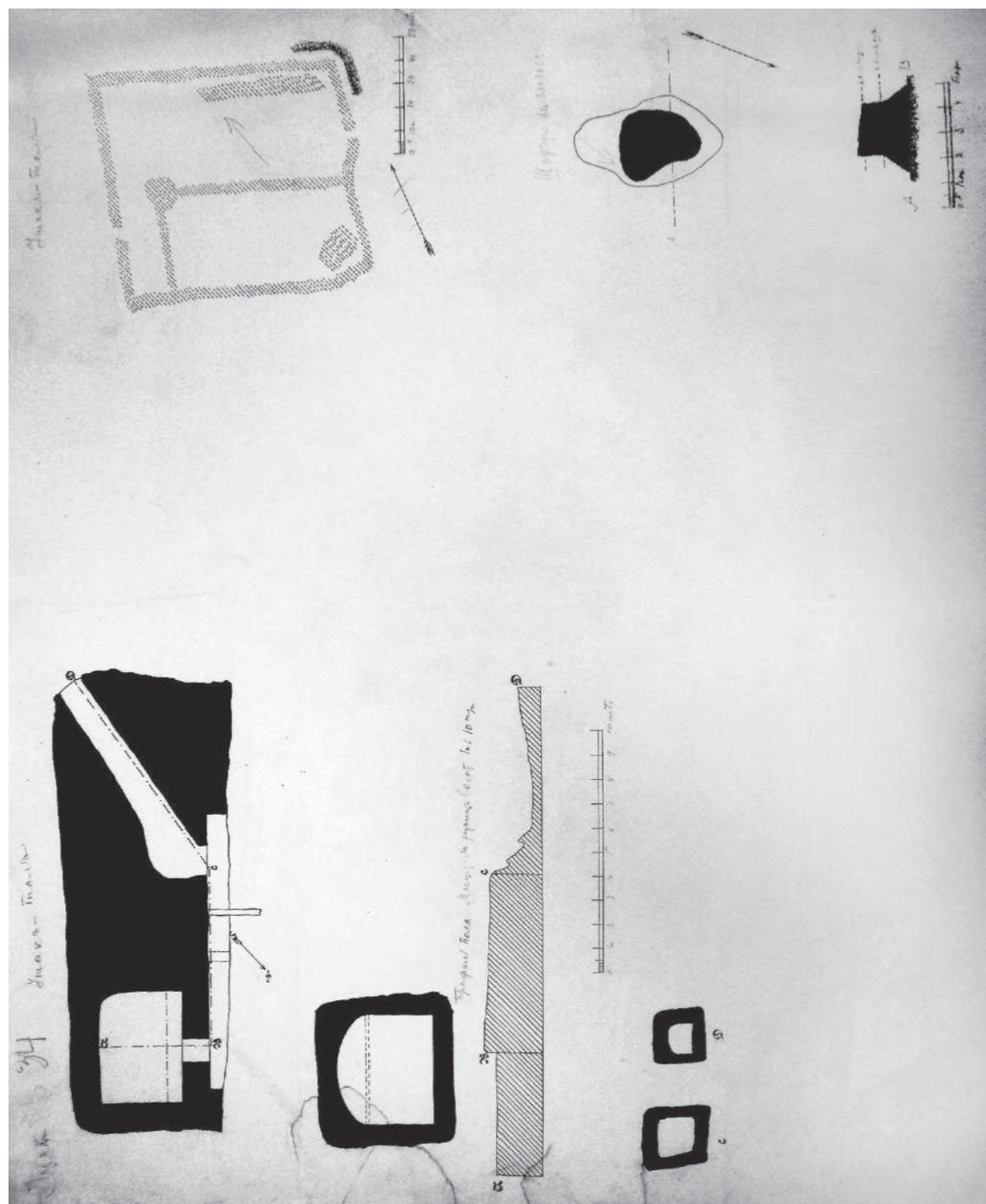
Найдены кусок медной монеты, совершенно зеленой, кусок заржавевшего железного, прясло-бусинка. Черепки же более или менее новые, есть ярко-красного обжига; куски кирпича, тонкого, ярко-красного обжига. Нашли след трех круглых печей, вероятно новых, виден ясно круг, с красным обжигом»².

¹ Ольденбург 1914: 2.

² Цит. по: Бухарин, Камалов 2018: 488.

Ушак-тал.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 34.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Публикуется впервые.

В кратком отчете С.Ф. Ольденбург сообщает об исследовании окрестностей Ушак-тала в нескольких предложениях: экспедиция провела на месте работ 3 дня. Местные жители сообщали, что буддийских пещер в Ушак-тале три, тогда как экспедиция зафиксировала одну. Обнаруженные в горах, в 7–8 верстах от деревни Ушак-тал, развалины, по мнению Ольденбурга, похожи скорее на небольшую крепость. Был сделан план, сделаны фотографии, кальки с фресок, были взяты сами элементы фресок¹.

Значительно более подробно описание пещеры Ушак-тал в рукописном дневнике экспедиции².

Лист подписан дважды: в правом и левом верхних углах.

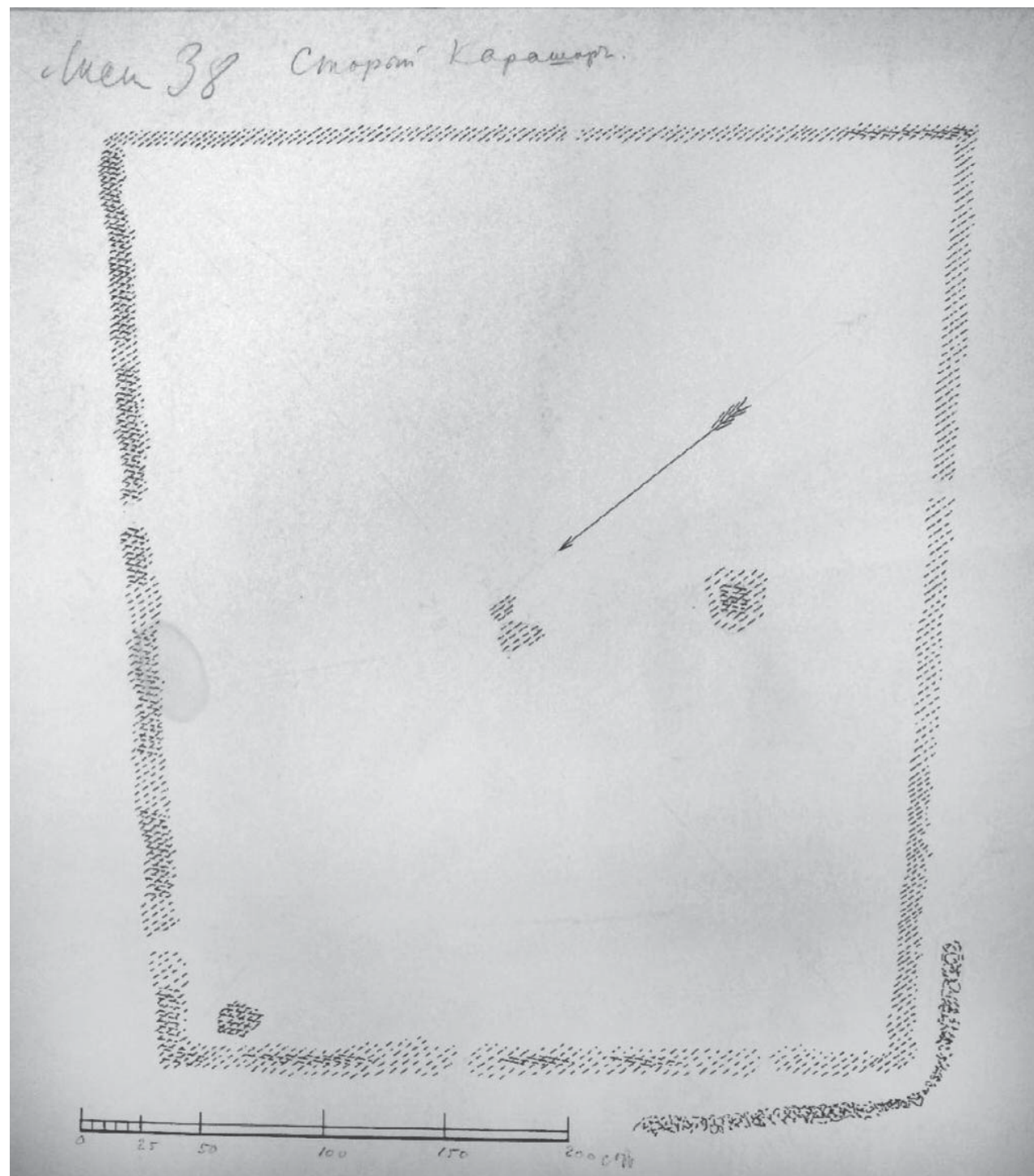
Легенда, сделанная простым карандашом:

Профиль пола пещеры. Разница высот 1 м в 10 [...]

¹ Ольденбург 1914: 2–3.

² Бухарин, Камалов 2018: 491–492.

Старый Карашар.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 38.

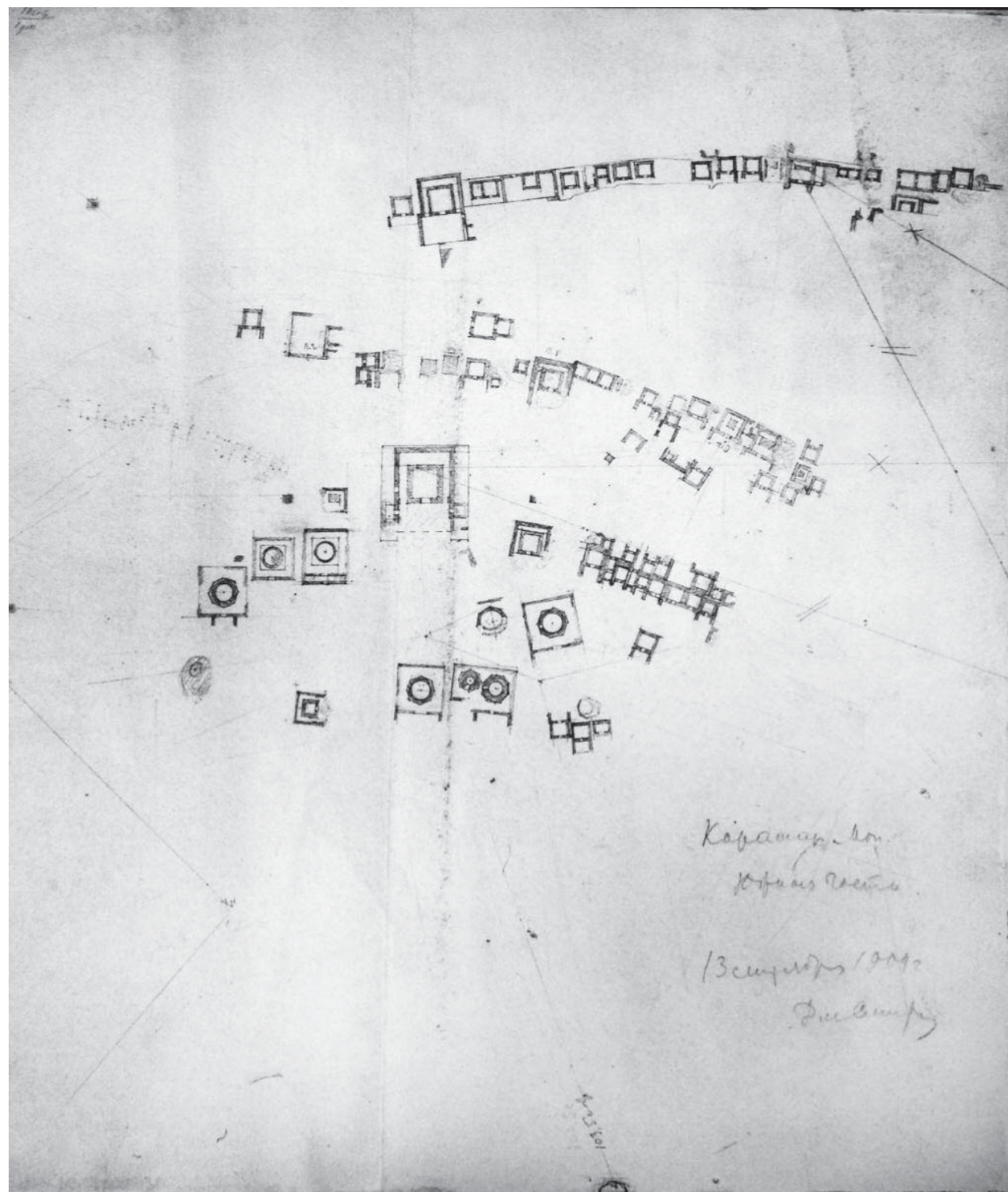

Публикуется впервые.

Памятник в точности не отождествлен. Вероятно, имеются в виду руины, которые экспедиция С.Ф. Ольденбурга осматривала при подъезде к Карашару после исследования Ушактала: «За местечком Табельгу, верстах в 12, налево от дороги, остатки, по-видимому, небольшого ступы и какой-то постройки. Подъезжая к Карашару, нашли также остатки разных старинных зданий, но настолько пострадавших от времени, что даже общий план их, вероятно, можно было бы восстановить лишь с трудом...»¹.

¹ Ольденбург 1914: 3.

Карашар. Монастырь.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 2.

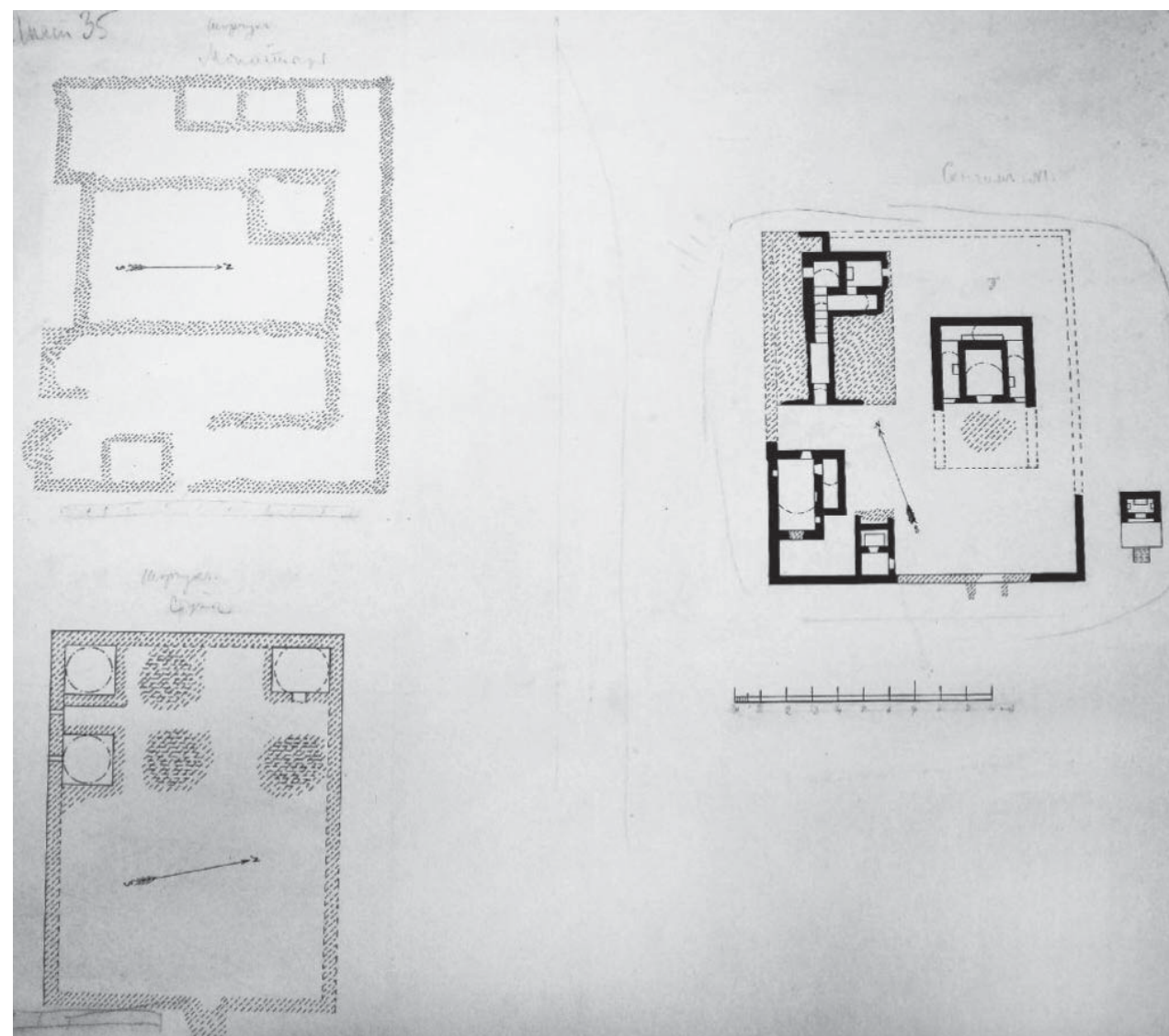
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Черновик публикации Ольденбург 1914: 4–5 (левая часть).
В правом нижнем углу легенда простым карандашом:
Карашар. Монастырь.
Южная часть.
13 сентября 1909 г.
Д. Смирнов

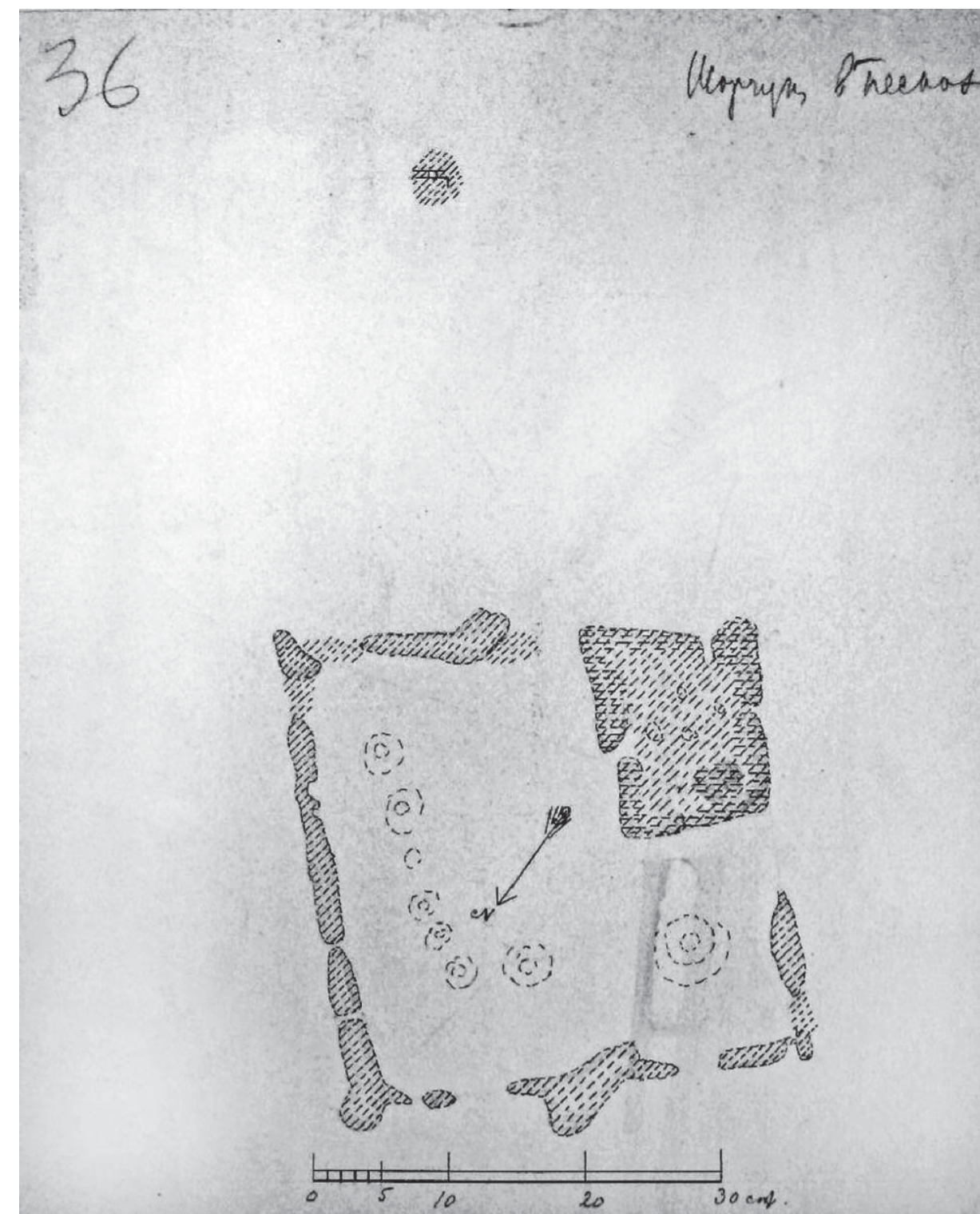
На нижнем поле видно схематическое изображение какой-то постройки, от которой к центральной части городища ведет прямая линия с указанием: 103,5 сажени. Очевидно, имеется в виду расстояние от отдельно стоящей постройки до главного комплекса зданий. На существование отдельных построек на подъезде к Карашару С.Ф. Ольденбург указывает в кратком отчете¹.

¹ Ольденбург 1914: 3.

Шорчук. А. Монастырь. В. Ступы.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 35 (левая часть).

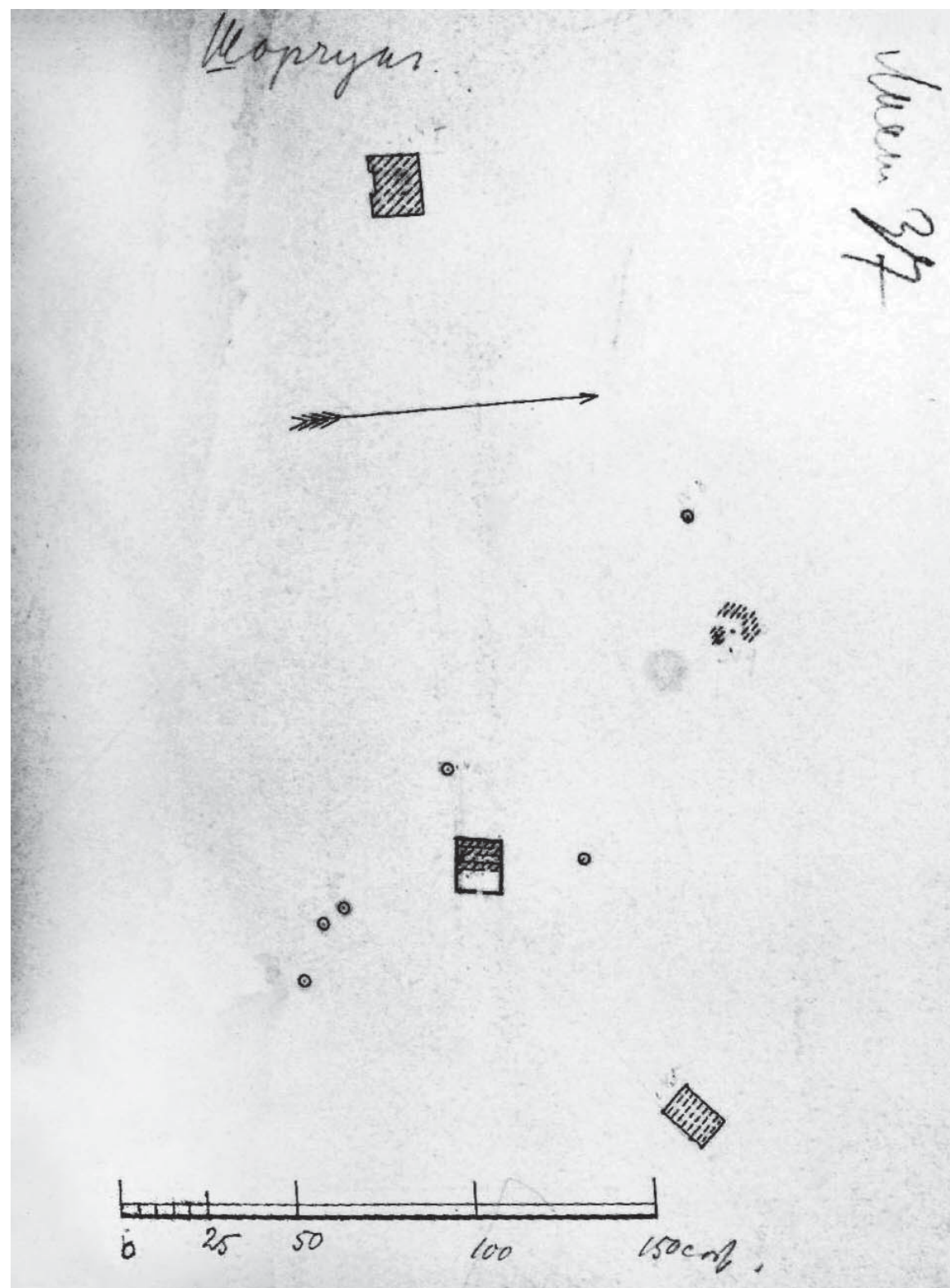

Шорчук в песках.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 36.

Шорчук.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 37.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Планы Шорчука публикуются впервые.

Шорчук – название местности Шикшин, которое использовали немецкие археологи. Топоним Шорчук появился от названия ближайшей почтовой станции по направлению к Курля. Название Шикшин участникам I РТЭ удалось выяснить лишь «при настойчивом расспрашивании»¹.

Несмотря на «германское» происхождение названия Шорчук, планы Д.А. Смирнова А. Грюнведелем² не использовались.

¹ Ольденбург 1914: 3.

² Grünwedel 1912.

Карашар.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 25.

Черновик публикации Ольденбург 1914: 4–5 (правая часть).

Легенды:

в левом верхнем углу: № 27. Точное значение определить затруднительно. Возможно, имеется в виду номер постройки в более общей перспективе.

В правом верхнем углу:

Масштаб 10 сажень = 1 дм.

Карашар. Монастырь. Северная часть.

В правом нижнем углу:

13 сентября 1909 г.

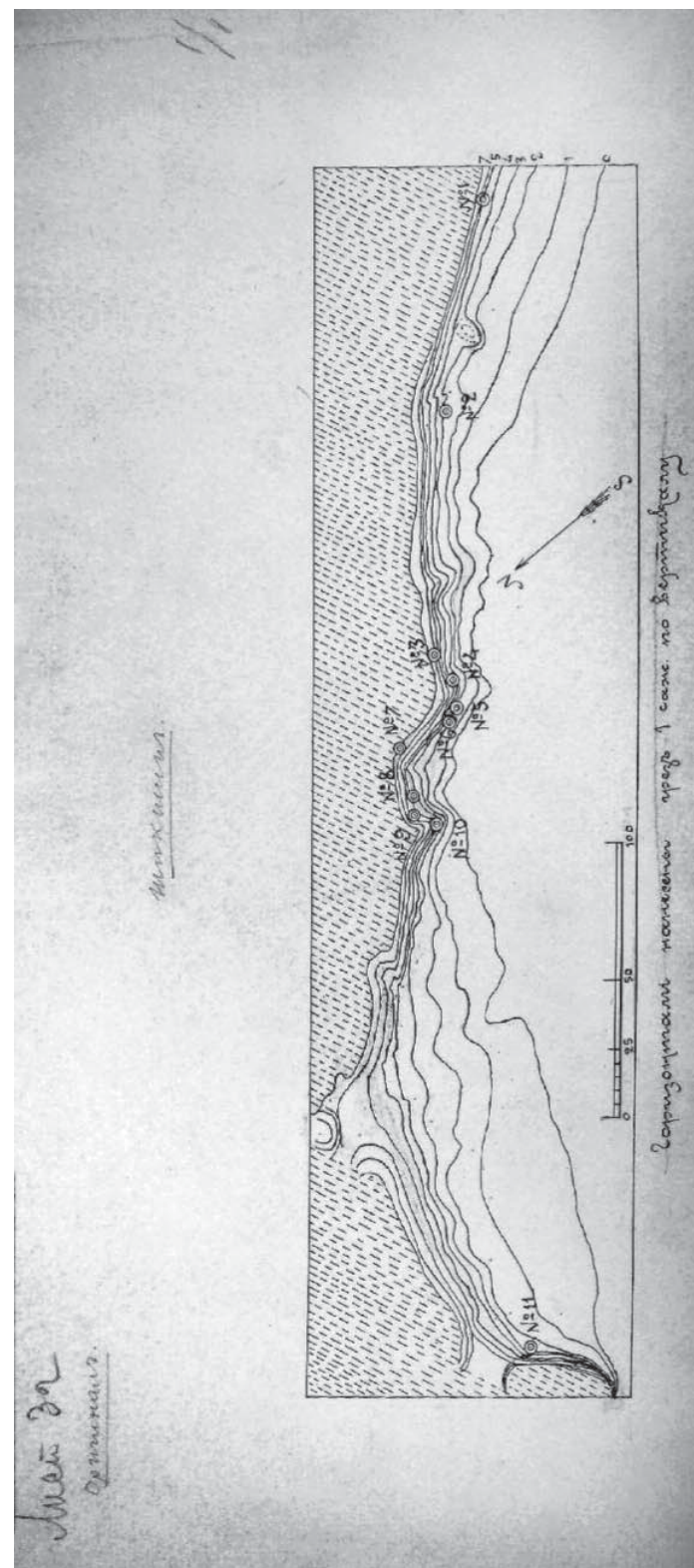
Д. Смирнов.

На обороте (л. 25 об.) простым карандашом пояснение:

Правая (северная часть) буддийского монастыря в Шикшине (Карашарского округа). Опубликовано: Ольденбург: РТЭ 1909–1910. СПб., 1914. Между с. 4–5.

Шикшин.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 32.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Опубликовано: Ольденбург 1914: 12. Рис. 13 (план местоположения пещер близ Шикшина, составленный Д.А. Смирновым. 50 сажней в дюйме. Горизонтали через 1 сажень); Дьяконова 1995: Таб. 576.

Легенды:

В левом верхнем углу:

Лист 32

Оригинал

Вверху посередине:

Шикшин

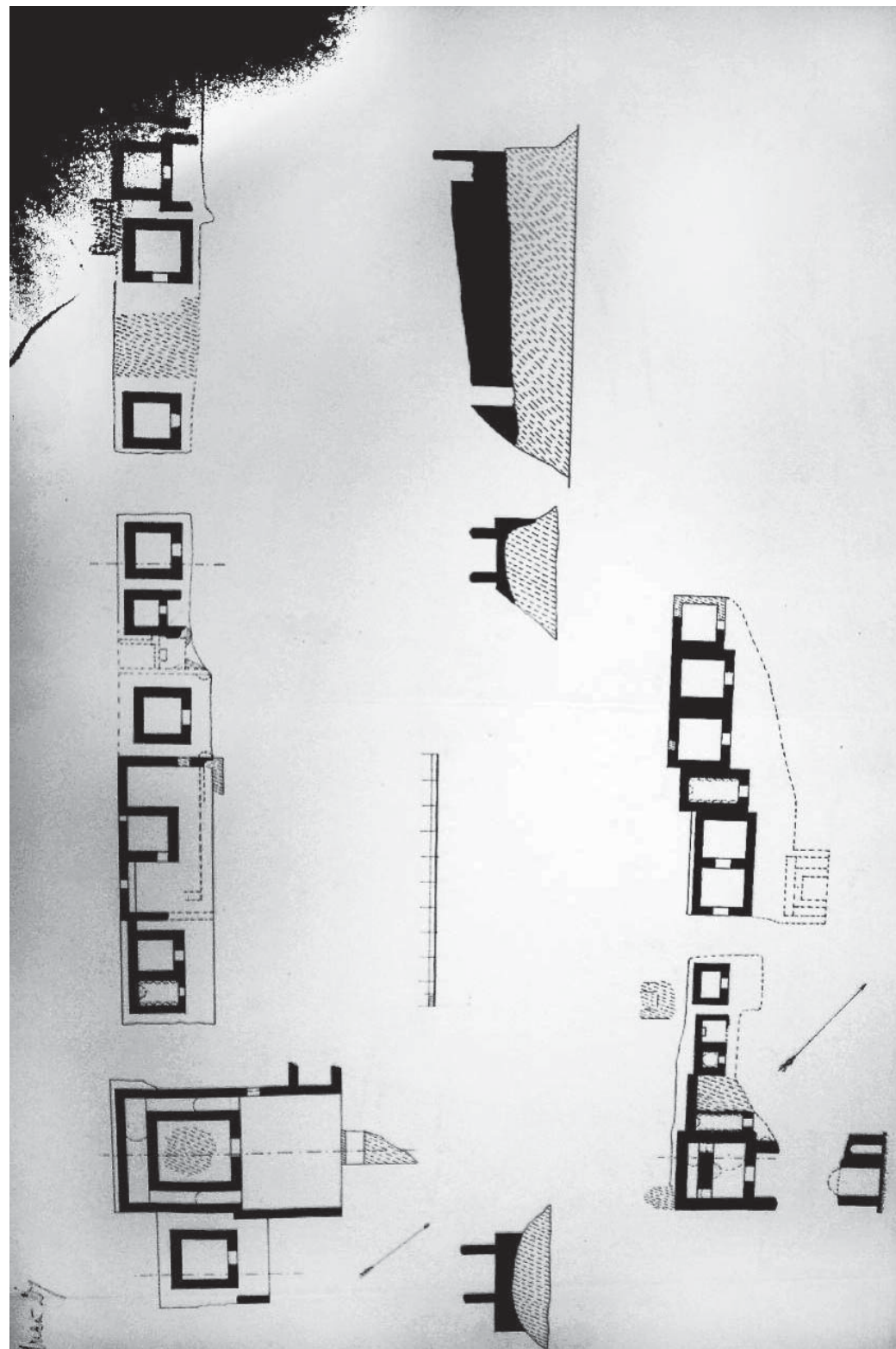
В верхнем левом углу:

1/1

Внизу посередине:

Горизонтали нанесены через 1 сажень по вертикали.

Шикшин. Общий план. Фрагмент: левая (южная) половина, сектор А (А1–А9).
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 27.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Публикуется впервые.

Фрагмент общего плана городища; см.: Дьяконова 1995: Таб. 2А; Ольденбург 1914: 4–5 (верхний ряд построек левой – южной – половины монастыря); Литвинский 2000: 188. Табл. 39 (некоторые планы, скомпонованные заново).

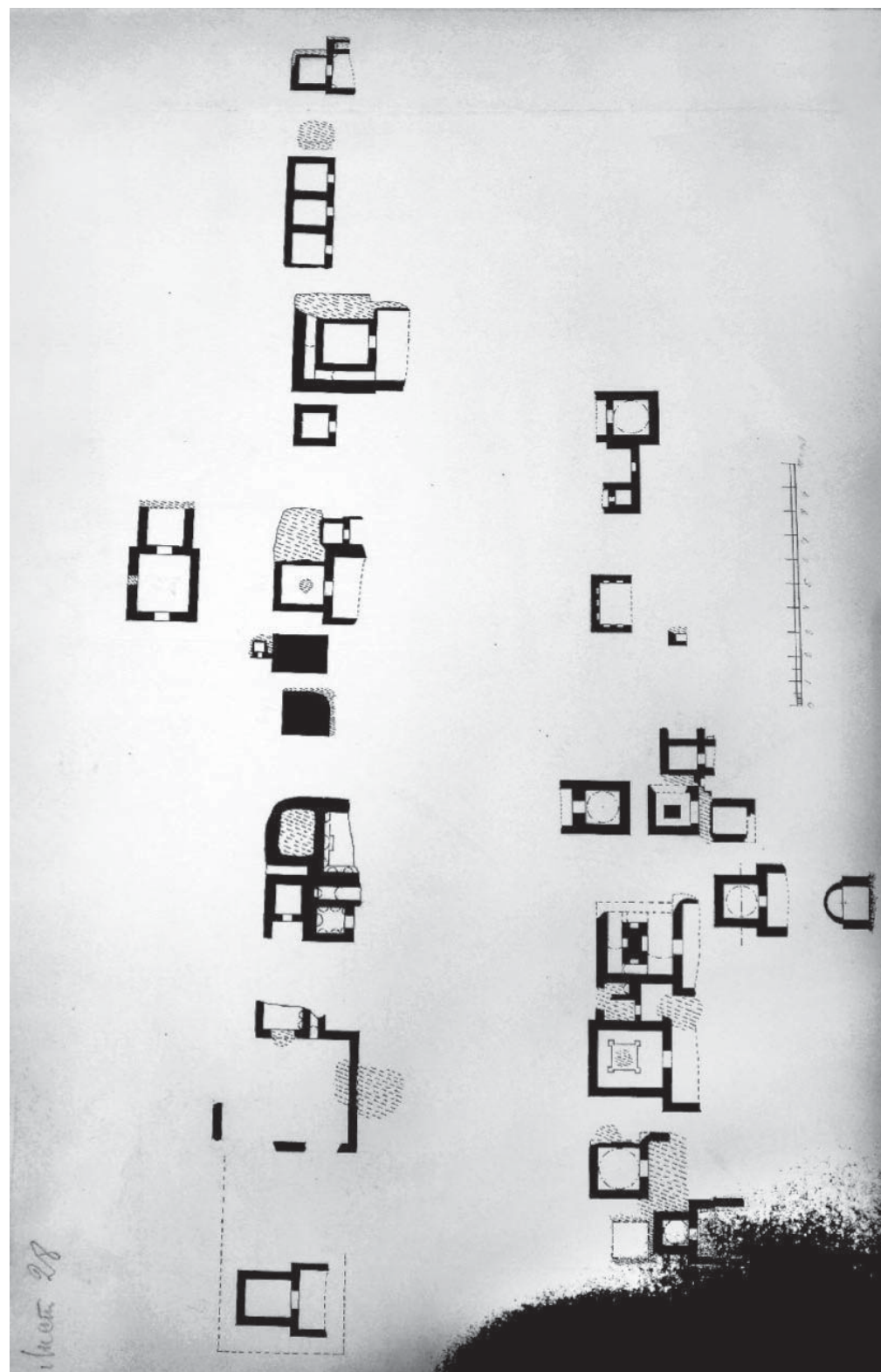
Лист 27 воспроизводит в деталях ряд построек южной половины монастыря Шикшин. В предшествующих изданиях данный план не публиковался, однако соответствие фрагменту общего плана сомнений не вызывает. Разница с имеющимися изданиями состоит в том, что правая часть построек, образующих на общем плане единый ряд, на данном листе изображена вторым рядом. Планировка пещер передана значительно точнее, чем на опубликованном общем плане. В частности, на л. 27 Д.А. Смирнов передал штрихом контуры несохранившихся элементов построек – стен, куполов и т. д., отдельно стоящих построек.

Фрагмент сектора А (А1–А9) отдельно воспроизведен Н.В. Дьяконовой (Дьяконова 1995: Таб. 6). План зданий А1, А2 и А8 воспроизведен также в разрезе. Данные планы ограничиваются уровнем земли, тогда как на плане Д.А. Смирнова разрез дан до уровня материка.

Планы зданий А10–А23 (правая половина верхнего ряда общего плана) также воспроизведены на отдельном плане (Дьяконова 1995: Таб. 7). Данный фрагмент общего плана на планах Д.А. Смирнова отсутствует.

Здания А14 и А15 также представлены на отдельном плане (Дьяконова 1995: Таб. 12). Расположение построек не соответствует общему плану.

Шикшин. Общий план. Фрагмент: левая (южная) половина, сектор В.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 28.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Публикуется впервые.
Фрагмент общего плана городища; см.: Дьяконова 1995: Таб. 2В; Ольденбург 1914: 4–5 (второй ряд построек левой – южной – половины монастыря).

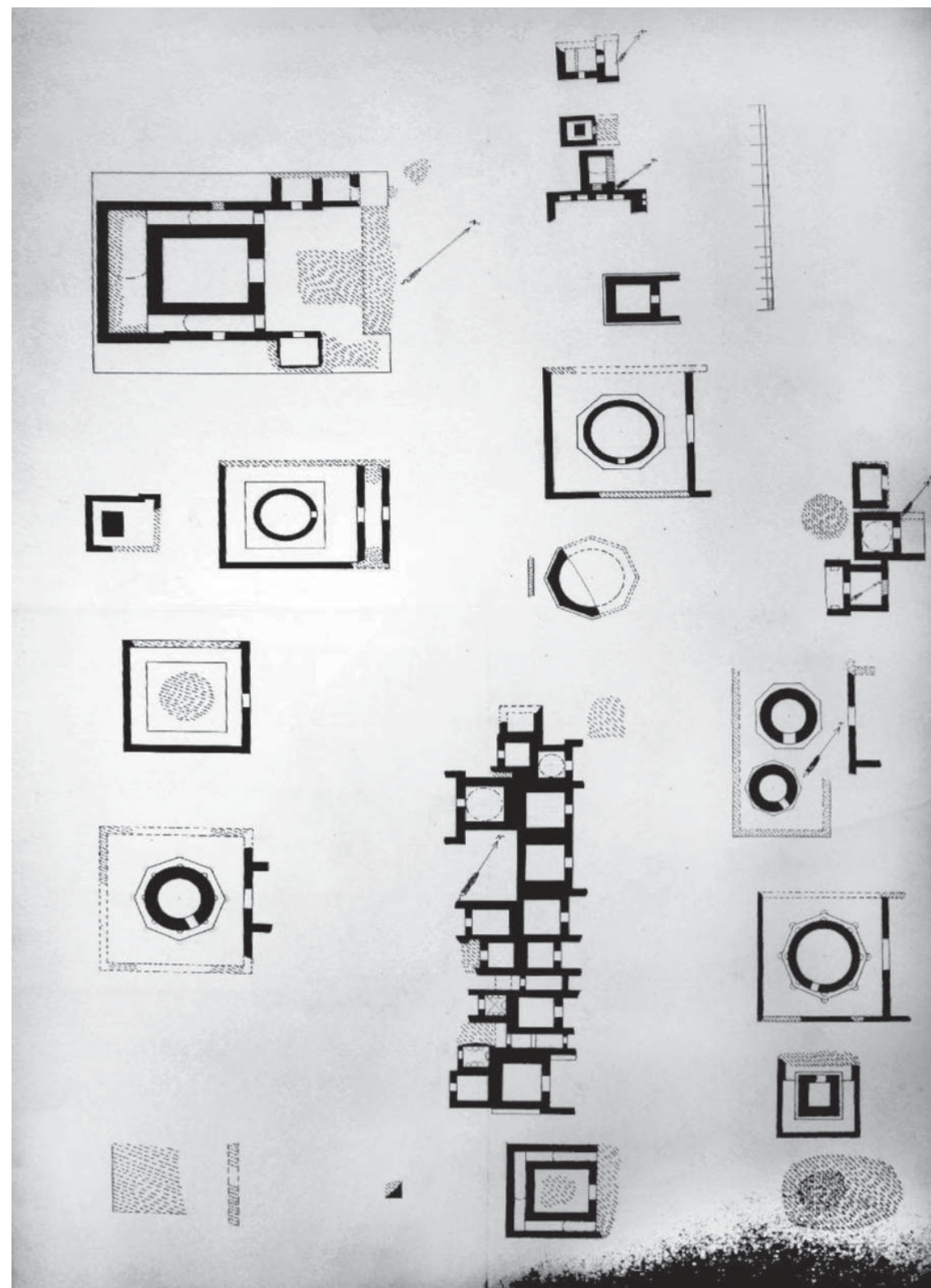
Лист 28 воспроизводит в деталях второй ряд построек южной половины монастыря Шикшин. В предшествующих изданиях данный план не публиковался, однако соответствие фрагменту общего плана сомнений не вызывает. Разница с имеющимися изданиями состоит в том, что правая часть построек, образующих на общем плане единый ряд, на данном листе изображена вторым рядом.

Планировка пещер передана значительно точнее, чем на опубликованном общем плане. В частности, на л. 28 Д.А. Смирнов передал элементы внутренней структуры пещер, отсутствующие на общих планах, опубликованных ранее С.Ф. Ольденбургом и Н.В. Дьяконовой.

План второго здания справа во втором ряду (В12b) отдельно воспроизведен Н.В. Дьяконовой (Дьяконова 1995: Таб. 196).

Расположение построек не соответствует общему плану.

Шикшин. Общий план. Фрагмент: левая (южная) половина, сектор С, сектор D.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 29.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Публикуется впервые.
Фрагмент общего плана городища; см.: Дьяконова 1995: Таб. 2С–D; Ольденбург 1914: 4–5 (третий и четвертый ряды построек левой – южной – половины монастыря).

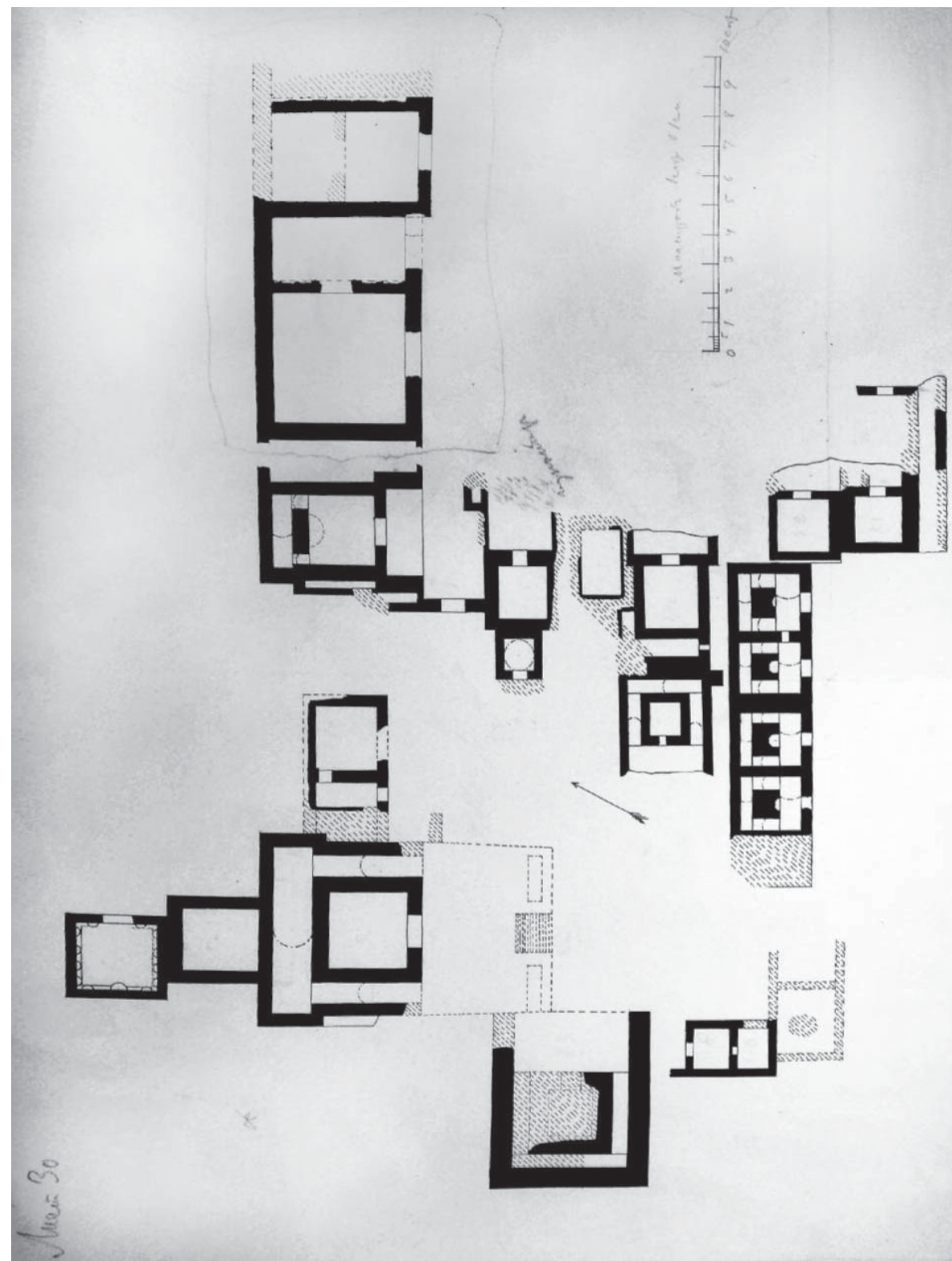
Лист 29 воспроизводит в деталях два ряда построек южной половины монастыря Шикшин. В предшествующих изданиях данный план не публиковался, однако соответствие фрагменту общего плана сомнений не вызывает. Разница с имеющимися изданиями состоит в том, что сектор С, образующий на общем плане единый ряд, на данном листе изображен в два ряда (первый и левая половина второго), а сектор D, представленный на общем плане третьим рядом с двумя выступающими постройками, представлен правой половиной второго и третьим рядом.

Планировка пещер передана значительно точнее, чем на опубликованном общем плане. В частности, на л. 29 Д.А. Смирнов передал элементы внутренней структуры пещер, отсутствующие на общих планах, опубликованных ранее С.Ф. Ольденбургом и Н.В. Дьяконовой, а также строительные элементы и участки построек вне сохранившихся построек.

Н.В. Дьяконова привела планы нескольких построек: Дьяконова 1995: Таб. 22 (C2a–b, C3a–b, C4, D2–3); Таб. 23 (C5b, C6a–b, C7a–b, C8a–b, C9a–b, C10a–b, C11a–b, C11a–b, C12a–b, C13, D4a, D5a–b, D6a–b, D7, Db).

Расположение построек не соответствует общему плану.

Шикшин. Общий план. Фрагмент: правая (северная) половина, сектор F, сектор K, сектор L.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 30.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Публикуется впервые.

Фрагмент общего плана городища; см.: Дьяконова 1995: Таб. 2К–L; Ольденбург 1914: 4–5 (левый конгломерат правой – северной – половины монастыря).

Лист 30 воспроизводит в деталях левый конгломерат правой (северной) половины монастыря Шикшин. План надписан в левом верхнем углу при горизонтальной ориентации листа, тогда как правильной (соответствующей общему плану) является ориентация вертикальная. В предшествующих изданиях данный план не публиковался, однако соответствие фрагменту общего плана сомнений не вызывает. Разница с имеющимися изданиями состоит в том, что левый нижний край сектора L на данном плане не передан.

Планировка пещер передана значительно точнее, чем на опубликованном общем плане. В частности, на л. 30 Д.А. Смирнов передал элементы внутренней структуры пещер, отсутствующие на общих планах, опубликованных ранее С.Ф. Ольденбургом и Н.В. Дьяконовой.

С другой стороны, планы зданий F2a–b, F3–6, K1–2, K3a–e, K4a–b, K5a–b, K6a–b¹, F4², K9³ воспроизведены на отдельных подробных планах.

Здания F7–F9, K10–K12 на плане Д.А. Смирнова не представлены⁴.

Легенда в центре листа, сделанная простым карандашом, не читается.

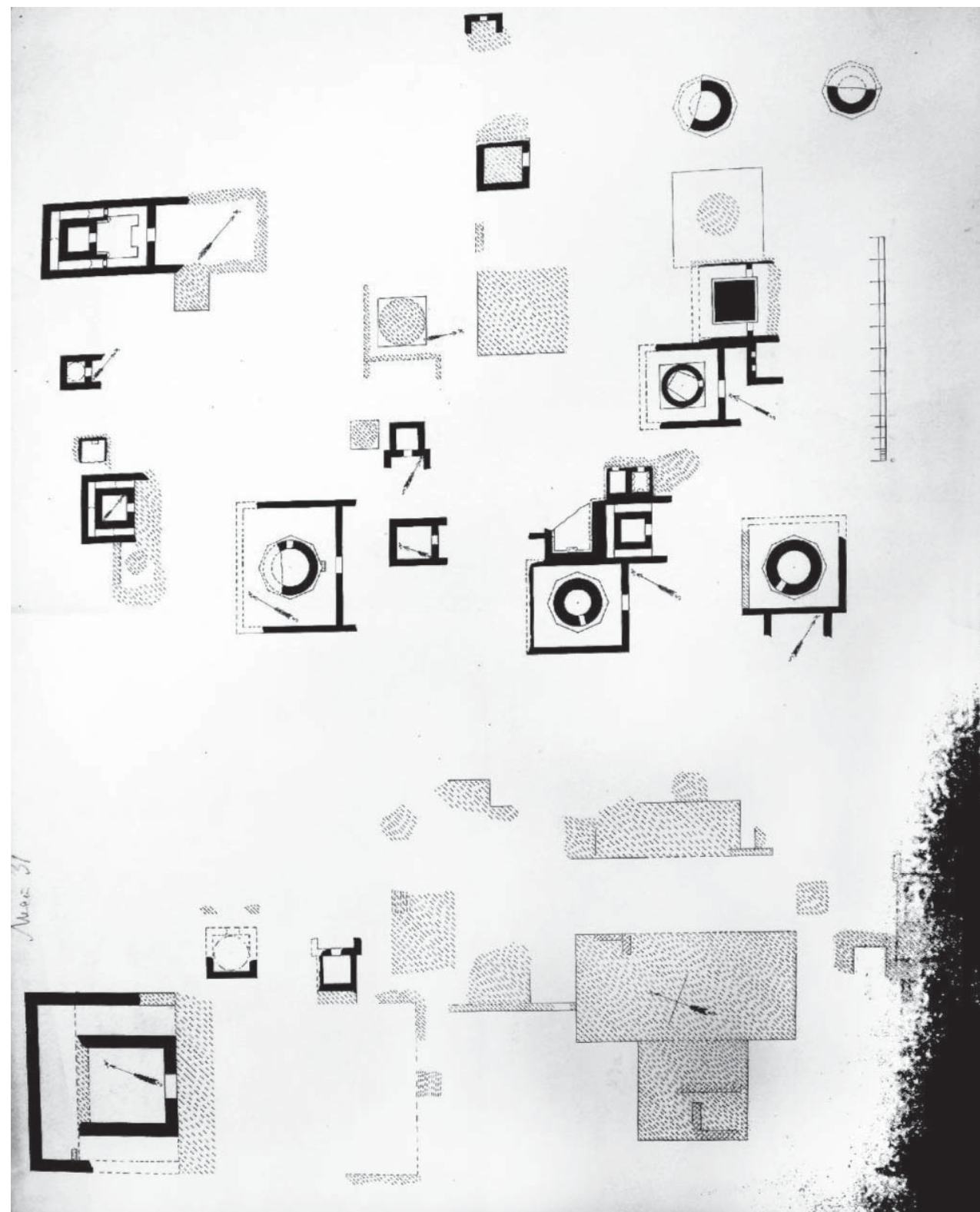
¹ Дьяконова 1995: Таб. 30.

² Дьяконова 1995: Таб. 33г. На плане Д.А. Смирнова из собрания СПбФ АРАН отсутствует.

³ Дьяконова 1995: Таб. 40б. На плане Д.А. Смирнова из собрания СПбФ АРАН отсутствует.

⁴ См.: Дьяконова 1995: Таб. 43.

Шикшин. Общий план. Фрагмент: правая (северная) половина, сектор L, сектор M, сектор N.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 31.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Публикуется впервые.

Фрагмент общего плана городища; см.: Ольденбург 1914: 4–5 (правый конгломерат правой – северной – половины монастыря); Дьяконова 1995: Таб. 2L–N; Таб. 49.

Лист 31 воспроизводит в деталях правый конгломерат правой (северной) половины монастыря Шикшин. Ориентация листа и расположение построек на л. 31 отличается от общего плана построек, опубликованного ранее. Лист 31 не надписан, но очевидно имеет вертикальную ориентацию, при которой сектор M расположен в верхней половине листа, а правая половина сектора L и сектор N – в нижней.

В предшествующих изданиях данный план не публиковался, однако соответствие фрагменту общего плана сомнений не вызывает.

Планировка пещер передана значительно точнее, чем на опубликованном общем плане. В частности, на л. 31 Д.А. Смирнов передал элементы внутренней структуры пещер, отсутствующие на общих планах, опубликованных ранее С.Ф. Ольденбургом и Н.В. Дьяконовой.

С другой стороны, планы построек L5b–c, L6a, L7b₂–L7c, M1b–M2b, M6a–b, M7, N1–2a¹, M1a–b, M2a–b, M3a–b, M4a–b и M5a–b², K9e, L1–2, L3a–b, L4a–c³, а также L8–9, L10a–b, L11, L12a–b⁴ воспроизведены отдельно.

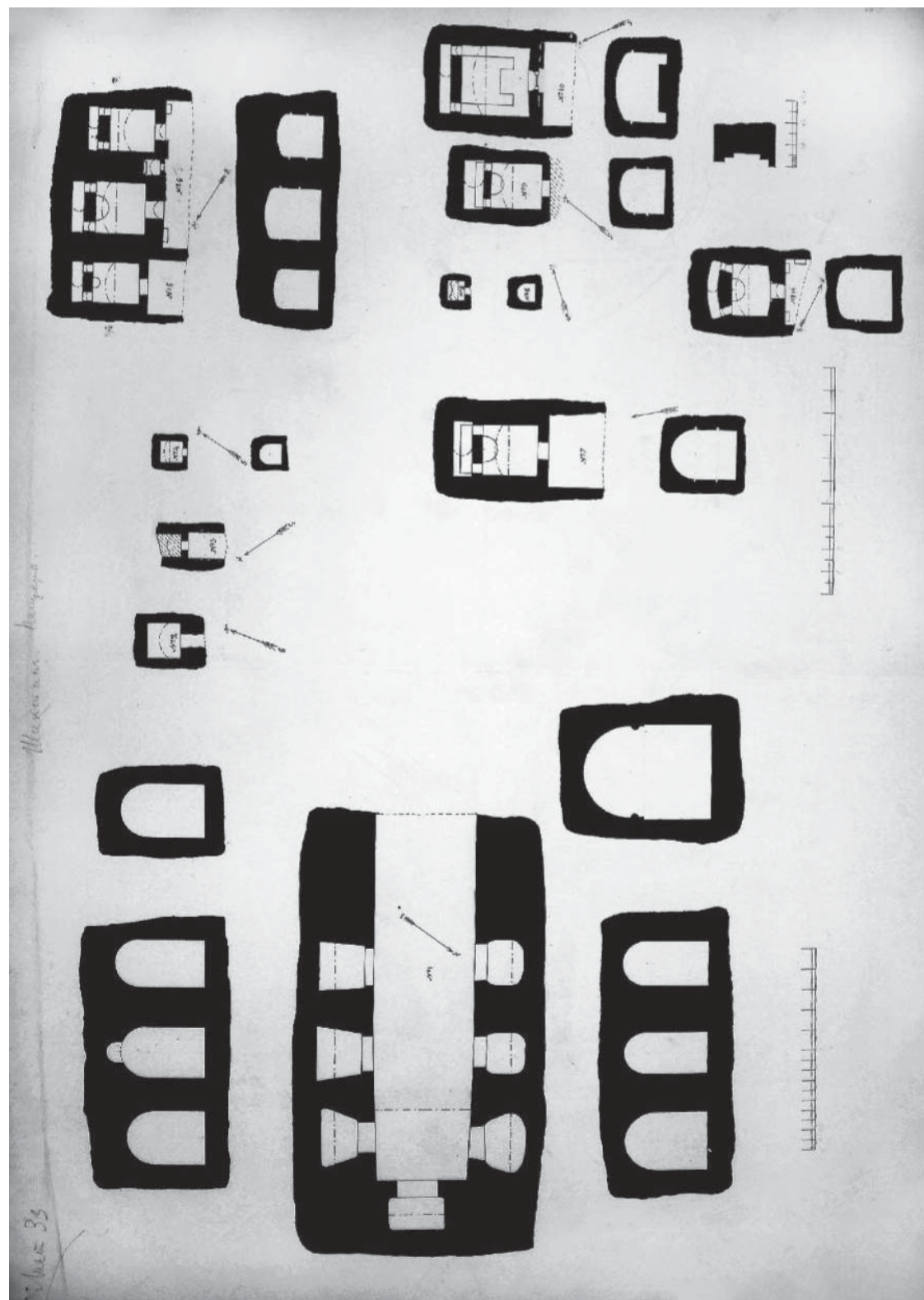
¹ Дьяконова 1995: Таб. 31.

² Дьяконова 1995: Таб. 46.

³ Дьяконова 1995: Таб. 48.

⁴ Дьяконова 1995: Таб. 49.

Шикшин. Пещеры. Планы пещер №1, 5–6, 11.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 33.

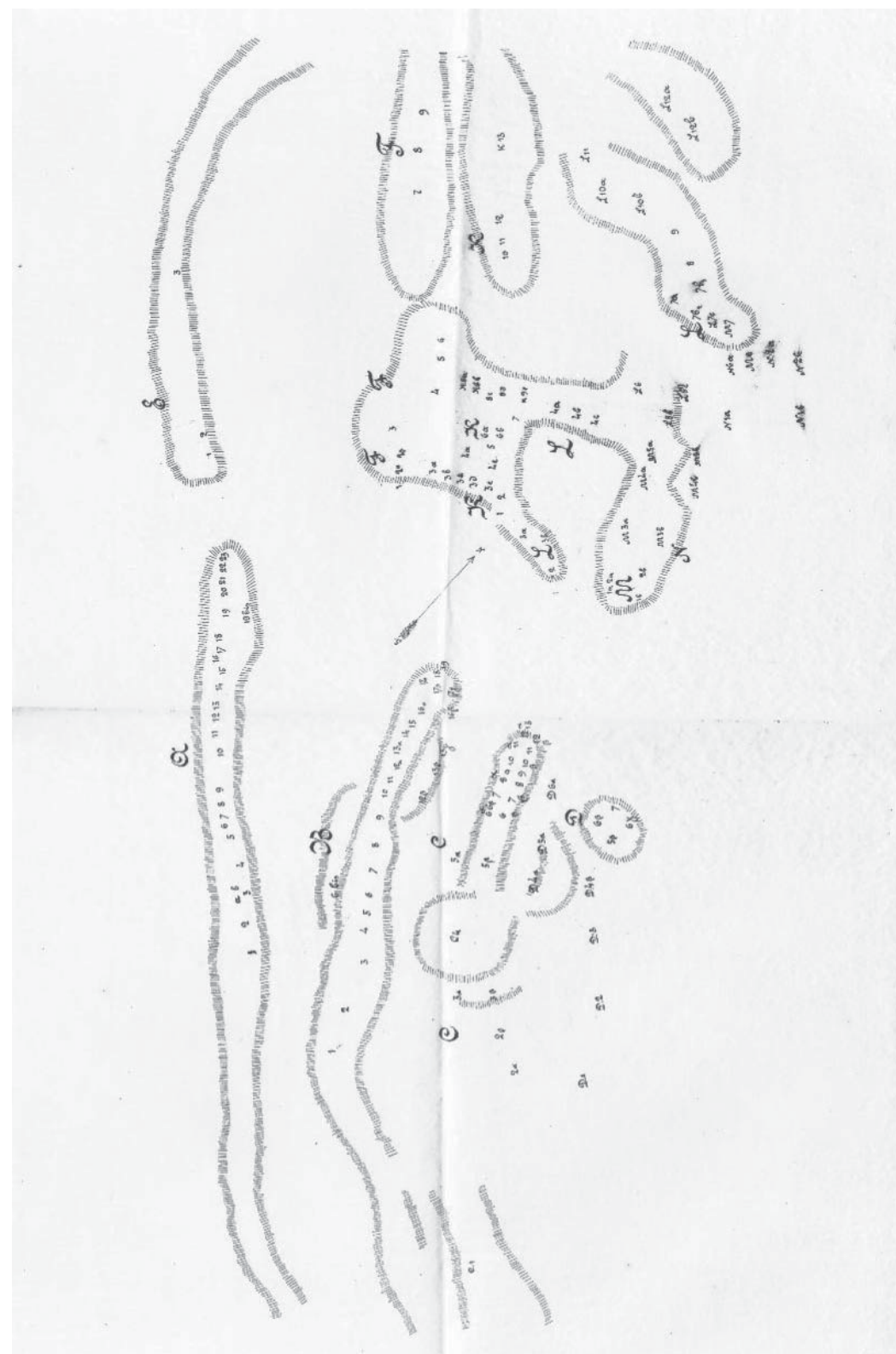

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Публикуется впервые.
Фрагменты плана – отдельные пещеры – издавались ранее:
Ольденбург 1914: 14. Рис. 15 (пещера № 1); 15. Рис. 16 (пещеры № 5–6); 19. Рис. 19 (пещера № 11);
Дьяконова 1995: Таб. 58 (пещера № 1), Таб. 61 (правая половина: пещеры № 5–6), Таб. 67 (пещеры № 7–10), Таб. 79 (пещера № 11).
План пещеры № 11 в издании Н.В. Дьяконовой отличается от плана Д.А. Смирнова, изданного С.Ф. Ольденбургом: внутренняя планировка пещеры представлена не только сплошной и пунктирной штриховкой¹, а сохранившиеся конструкции обозначены заливкой чернилами.

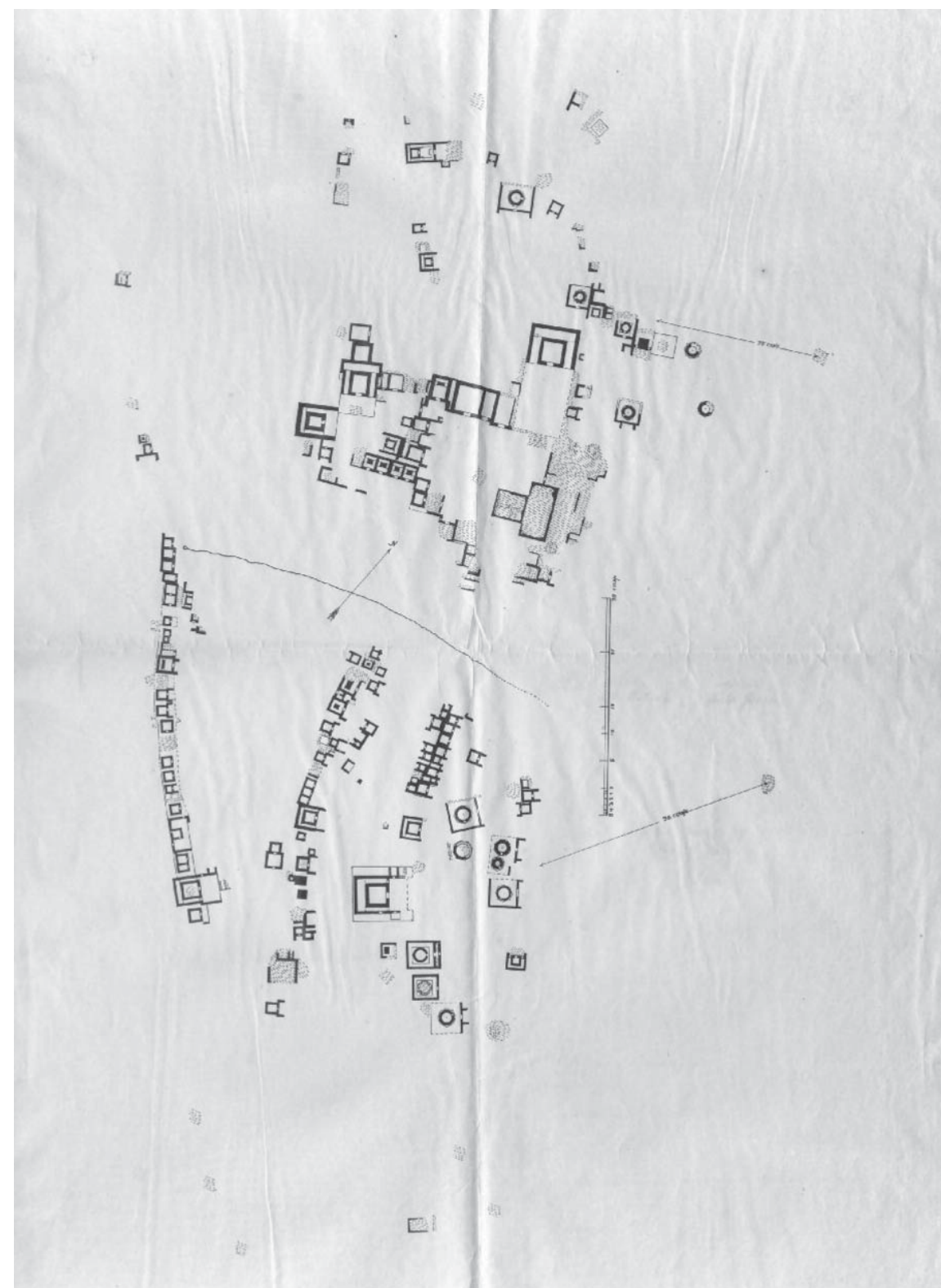
¹ Ср.: Дьяконова 1995: Таб. 79.

Шикшин. Общий план пещер.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 166. Л. 8.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

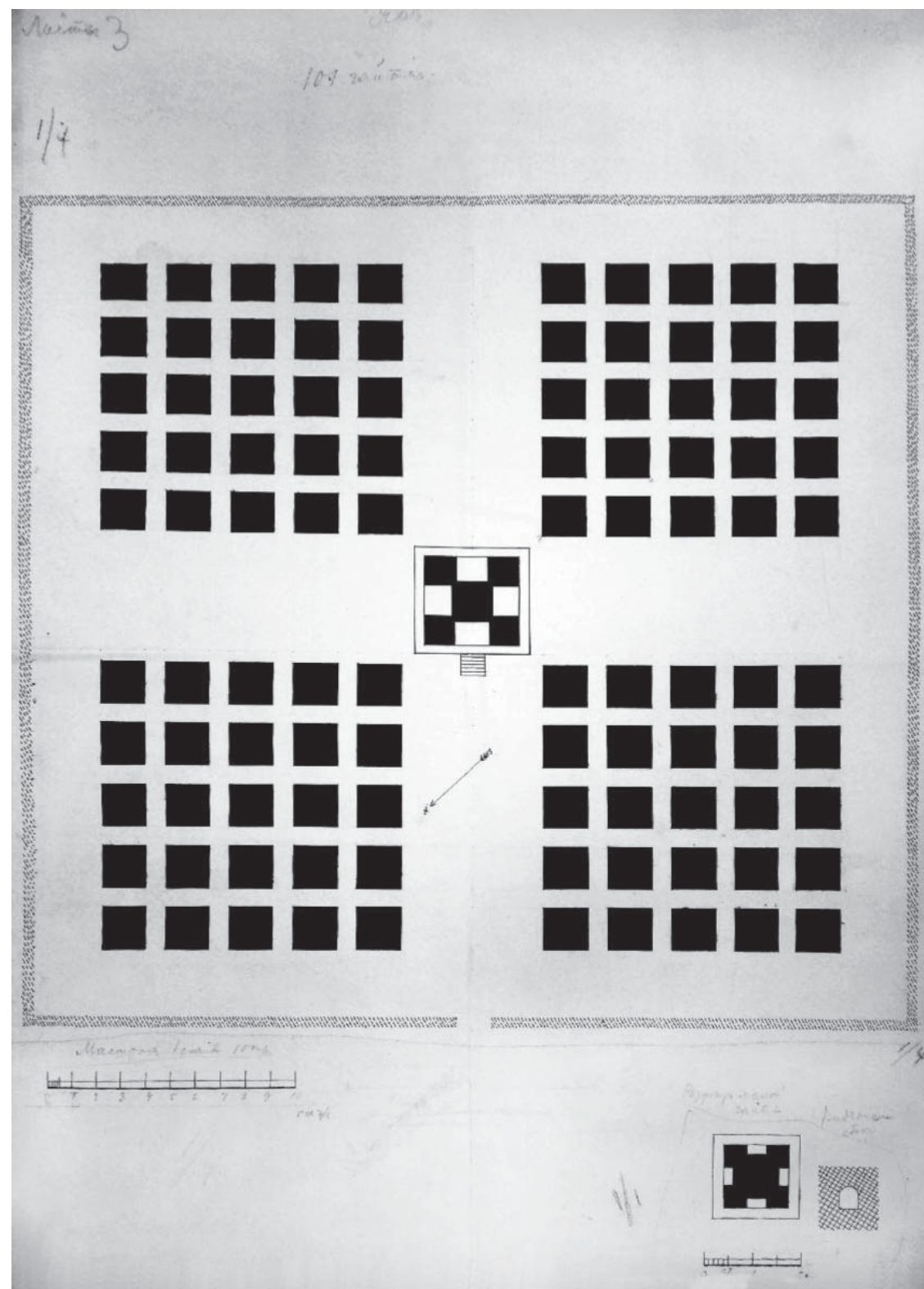
Шикшин. Общий план пещер.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 166. Л. 9 (нижняя часть).

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Яр-хото. Сто один чайтъя.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 3.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Опубликован (очень мелко, хотя и четко): Литвинский 2000: 217. Табл. 41.1; фрагмент (центральная часть) был издан: Ольденбург 1914: 23. Рис. 23.

Разрез малого чайтъя¹ и вид ниши сбоку, занимающие левый нижний угол плана Д.А. Смирнова, опубликован С.Ф. Ольденбургом в разделе, посвященном Идикут-шари². Практически полная идентичность структуры памятников могла обусловить ошибочное перенесение плана малого чайтъя и разреза ниши из Яр-хото в раздел об Идикут-шари.

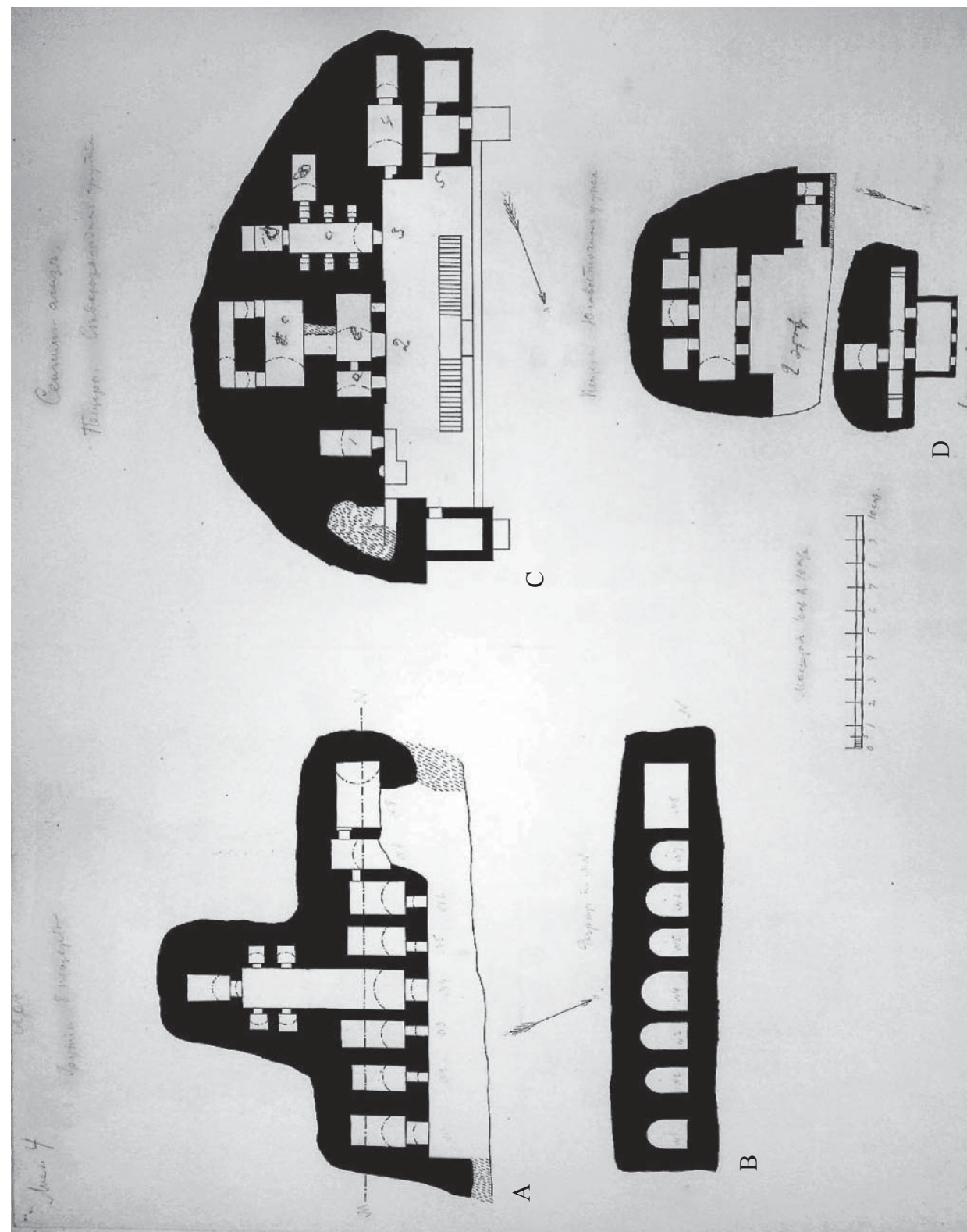
Название планов зданий дано в легендах, выполненных простым карандашом.

¹ Чайтъя – святилище в буддийской, джайнской, индуистской традициях.

² Ольденбург 1914: 25. Рис. 27.

Яр-хото. Группа из 8 пещер.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 4 А, В; С–D – Сенгим-агыз, пещеры северо-западной группы.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Публикуется впервые.
Группа из 8 пещер в Яр-хото отдельно не упоминается ни в кратком¹, ни в рукописном² отчетах. Предположительно речь может идти о группе пещер, представленных на фотографии в кратком отчете С.Ф. Ольденбурга³.

Легенды:

№ 1 № 2 № 3 № 4 № 5 № 6 № 7 № 8

Разрез по MN

№ 1 № 2 № 3 № 4 № 5 № 6 № 7 № 8

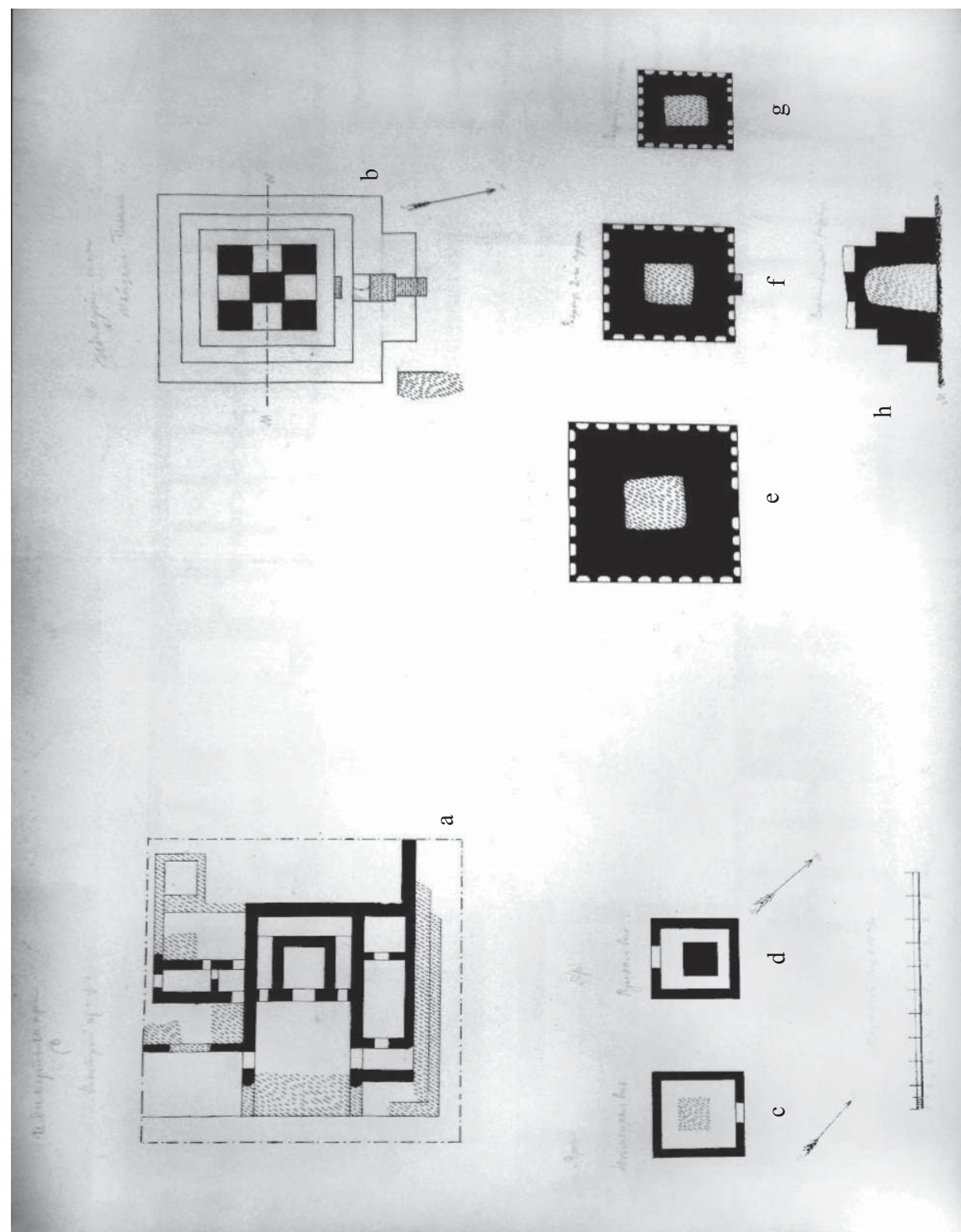
¹ Ольденбург 1914.

² Бухарин, Камалов 2018.

³ Ольденбург 1914: 24. Рис. 24.

Идикут-шари.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 7 а, е-ф.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Публикуется впервые.

Планы Д.А. Смирнова определенно противоречат изложению С.Ф. Ольденбурга. Руководитель экспедиции пишет, что при обследовании тайзана (большой ступы) в местечке Астана не удалось ни снять план, ни сделать замеры здания¹. Между тем карандашные подписи к плану на л. 7 говорят о том, что имеется в виду именно этот тайзан. Прорисовка А. Грюнведеля² – значительно худшего качества: мелкая, с нечеткими контурами.

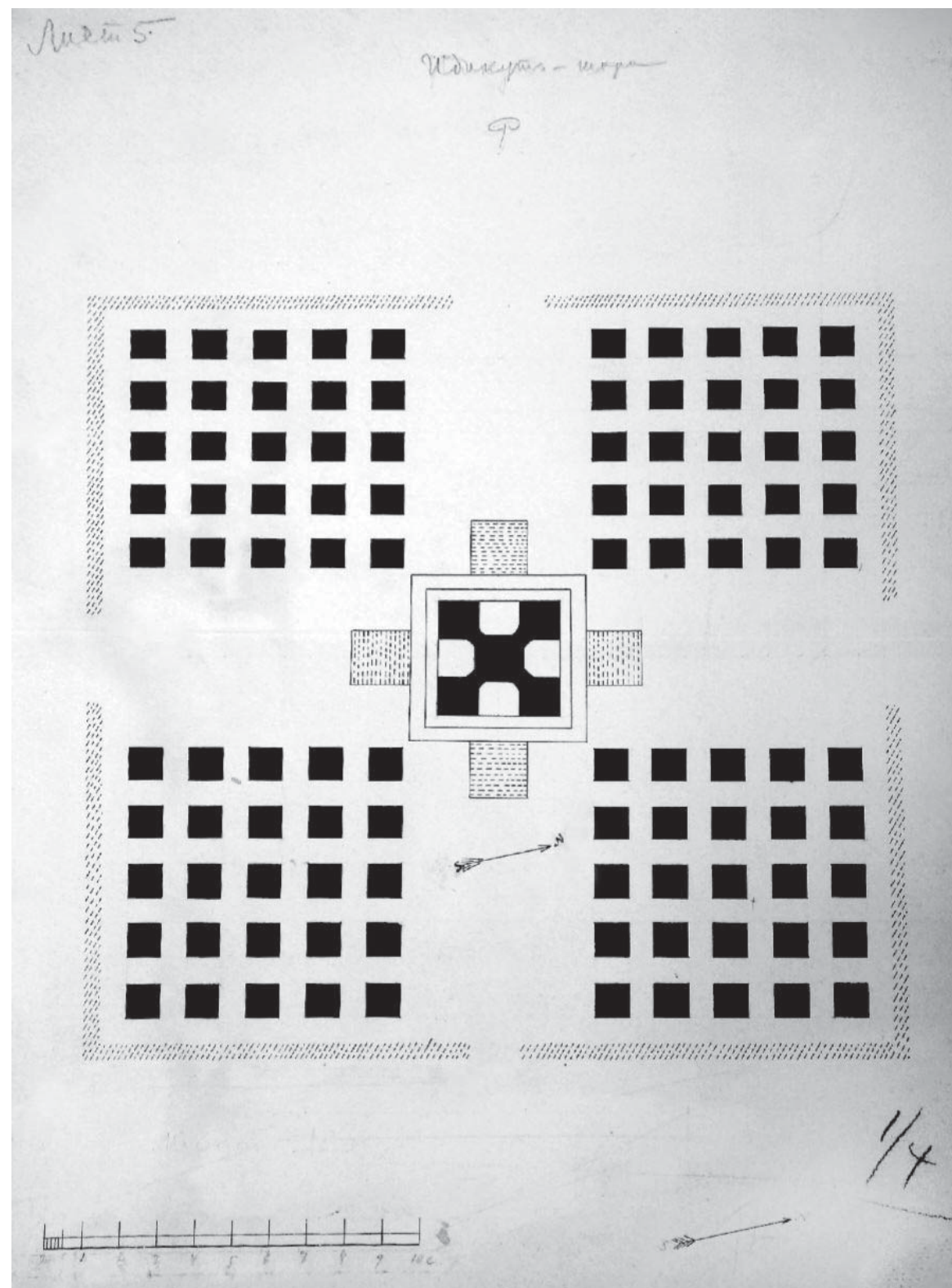
Легенды:

- а. Идикут-шари. β. Второй от [...]
 - б. Идикут-шари. Тайзан. План
 - с. Яр. Немецкий вид
 - д. Русский вид
 - е. Разрез 1-го яруса
 - ф. Разрез второго яруса
 - г. Разрез второго яруса
 - h. Вертикальный разрез M N
- Масштаб 1 [...] в 10 [...]

¹ Ольденбург 1914: 30.

² Grünwedel 1909: 50. Fig. 44.

Идикут-шари. Сто один чайтъя.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 5.

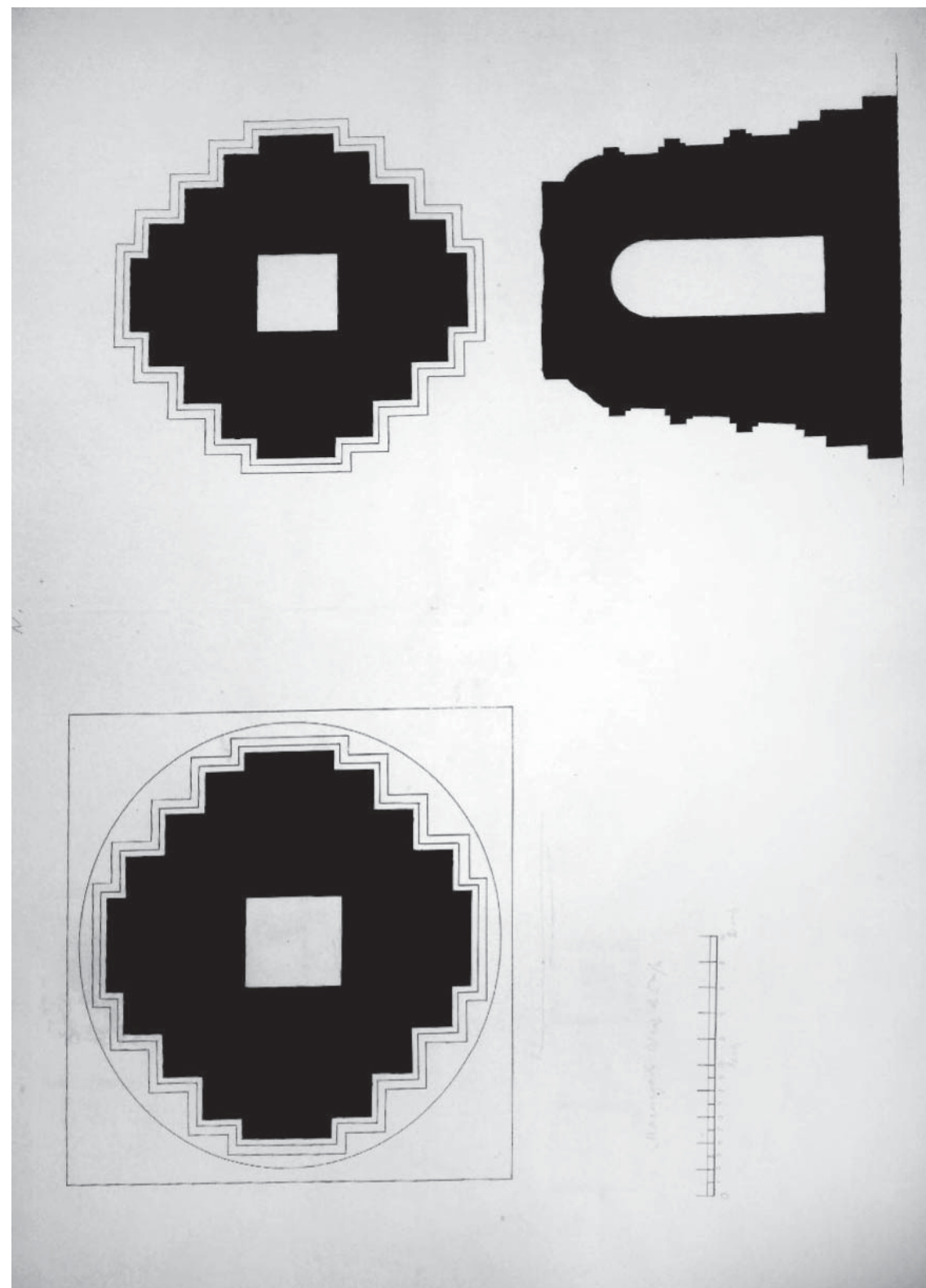

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Опубликовано: Ольденбург 1914: 25. Рис. 26; Литвинский 2000: 217. Табл. 41.2.
См. также: Grünwedel 1909: 32. Рис. 25.

В издании С.Ф. Ольденбурга план одного из центральных памятников Идикут-шари представлен мелко (в издании Б.А. Литвинского еще мельче). Вероятно, по ошибке рядом с изображением 101 чайтъя из Идикут-шари даны (крайне мелко) план малого чайтъя и разрез ниши из Яр-хото (см. л. 3) с пояснением: «План и разрез маленького чайтъя из 101 чайтъя в Идикут-шари». Вероятно, ошибка имела место в связи со схожестью структур обоих памятников.

Идикут-шари. <Здание> Z.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 6.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Фрагмент плана опубликован: Ольденбург 1914: 26. Рис. 29; Литвинский 2000: 217. Табл. 41.3.

С.Ф. Ольденбург указывает относительно раскопок в Идикут-шари применительно к зданию Z: «Мы произвели тщательный осмотр всего города, причем С.М. Дудиным были сняты некоторые фотографии, а Д.А. Смирновым вместе со мною были сняты для проверки планы некоторых зданий, планы-эскизы которых были помещены в книге профессора Грюнведеля. По отношению к некоторым зданиям, особенно там, где нами произведена была небольшая расчистка мусора, удалось получить несколько более точные планы»¹. Подписи к планам в издании А. Грюнведеля² не содержат указаний на то, кем они были подготовлены, так что установить, о каких планах Ольденбург ведет речь, невозможно. Можно лишь предположить, что Ольденбург имеет в виду планы храмов Б и Ц, так как в издании А. Грюнведеля они сохранили кириллическое обозначение³. Несмотря на внешнее сходство планов монастыря β (см. ниже), план Д.А. Смирнова А. Грюнведелем не использовался, о чем прямо говорит С.Ф. Ольденбург⁴.

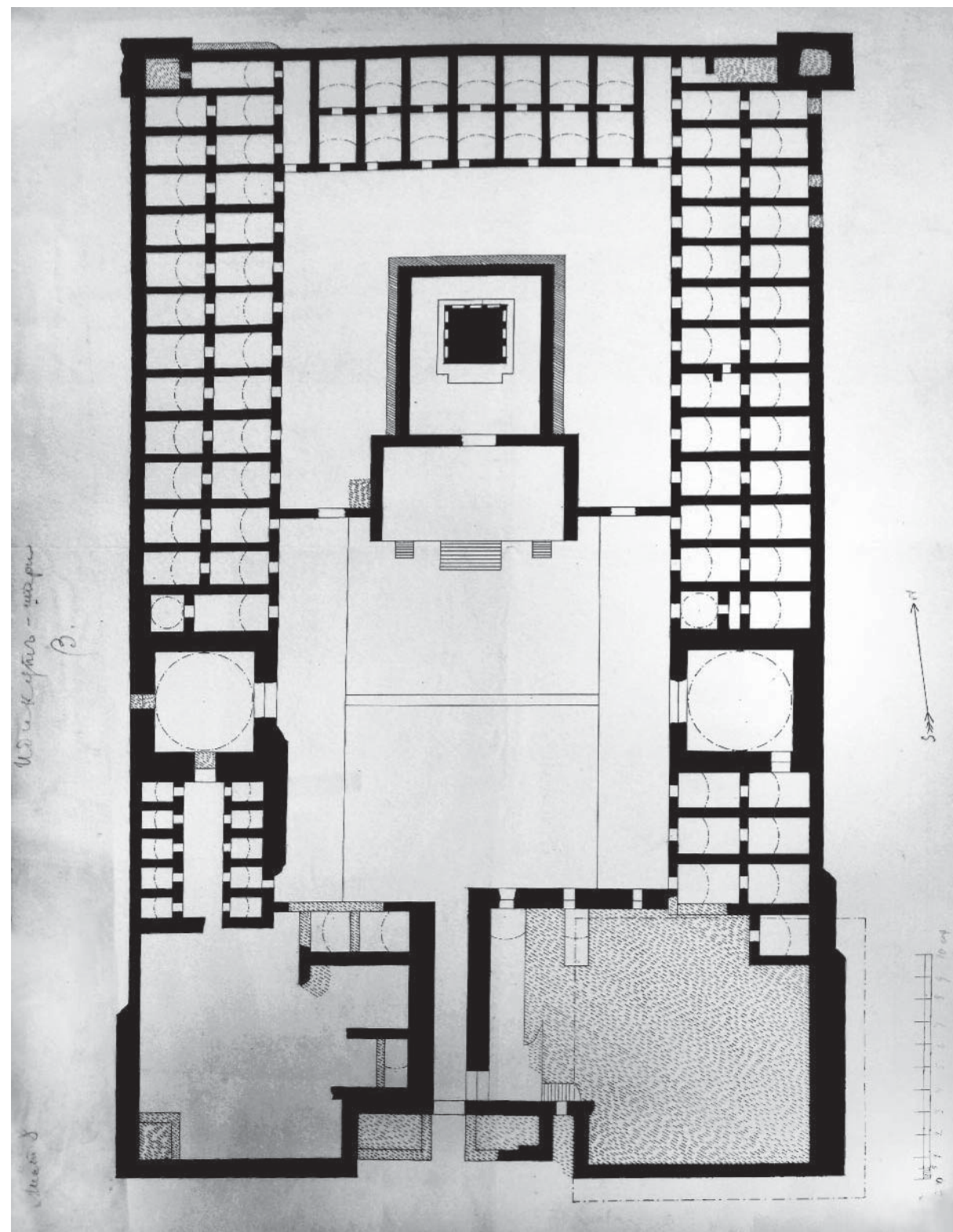
¹ Ольденбург 1914: 26.

² Grünwedel 1909.

³ Grünwedel 1909: 108. Fig. 96; 109. Fig. 98.

⁴ Ольденбург 1914: 28.

Идикут-шари. <Монастырь> β.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 8.

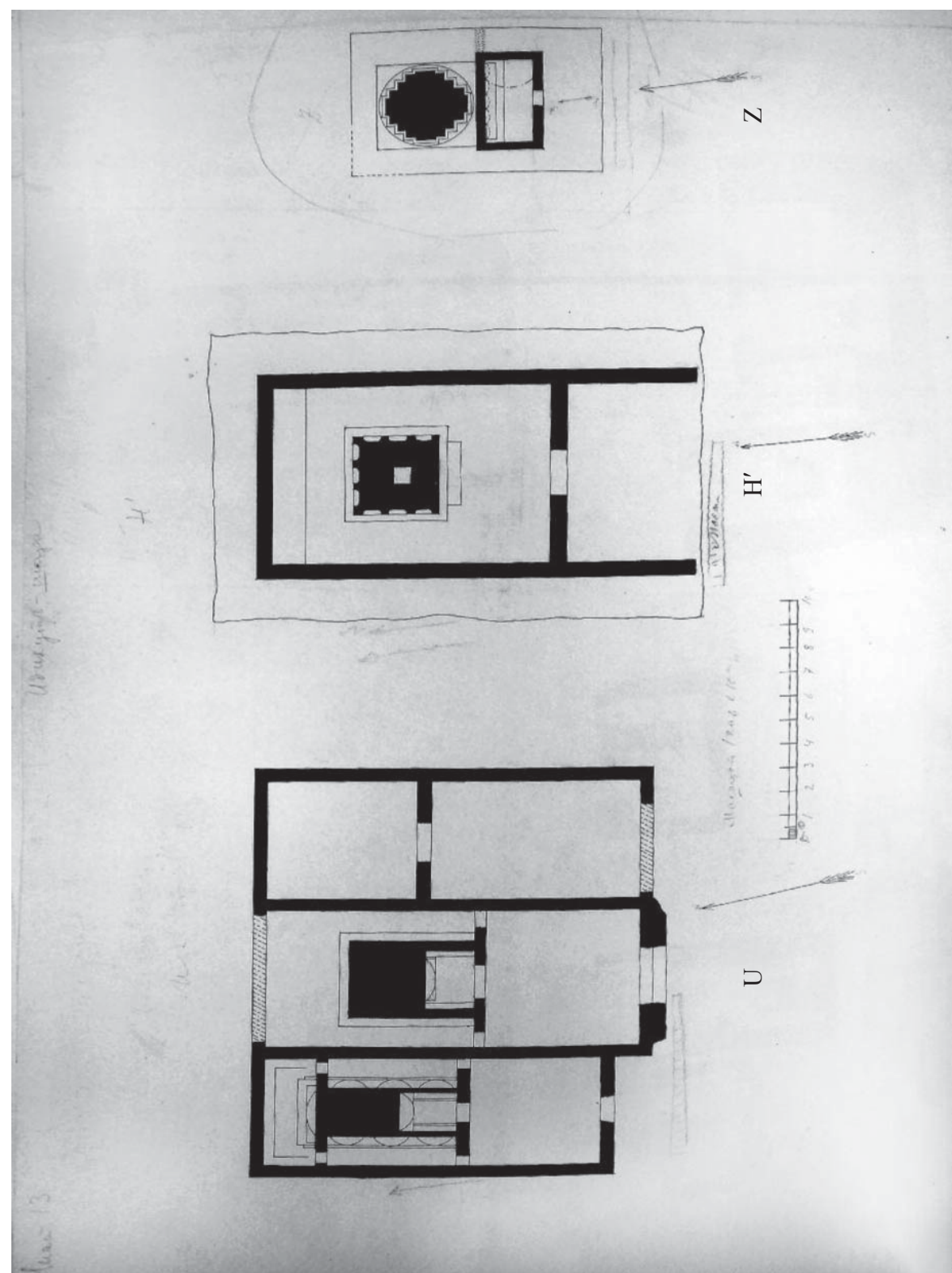
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Публикуется впервые; см. также карандашный эскиз: Grünwedel 1909: 74. Fig. 59.
Описание этого монастыря см.: Ольденбург 1914: 28.

С.Ф. Ольденбург указывает уникальную находку, сделанную внутри помещения Е (на плане заштриховано) монастыря β: изображение Авалокитешвары на шелке, переданное в итоге в Санкт-Петербург урумчийским консулом Н.Н. Кротковым. Изображение было откопано в присутствии А. Грюнведеля, но затем оно таинственно исчезло и было, вероятно, выкуплено Н.Н. Кротковым. Вот что пишет Грюнведель Ольденбургу по этому поводу в письме от 25 апреля (8 мая) 1907 г.: «В высшей степени удивительным мне представляется следующее. Теперь я знаю, что задняя стена целлы α в Идикутшахри, так же как и задняя стена целлы в северной башне β, содержали одно и то же культовое изображение, которое тождественно опубликованному мною изображению Авалокитешвары, – речь идет об огромном полотне на шелке под двумя разгневанными дхармапалами, которые мечут перуны и диск в двух поверженных демонов. Фигура Авалокитешвары могла лишь стоять перед стеной как статуя в целлах α и β, а точнее – над столбом, надпись с которого опубликовал его сиятельство Радлов»¹.

¹ Бухарин 2018b: 404.

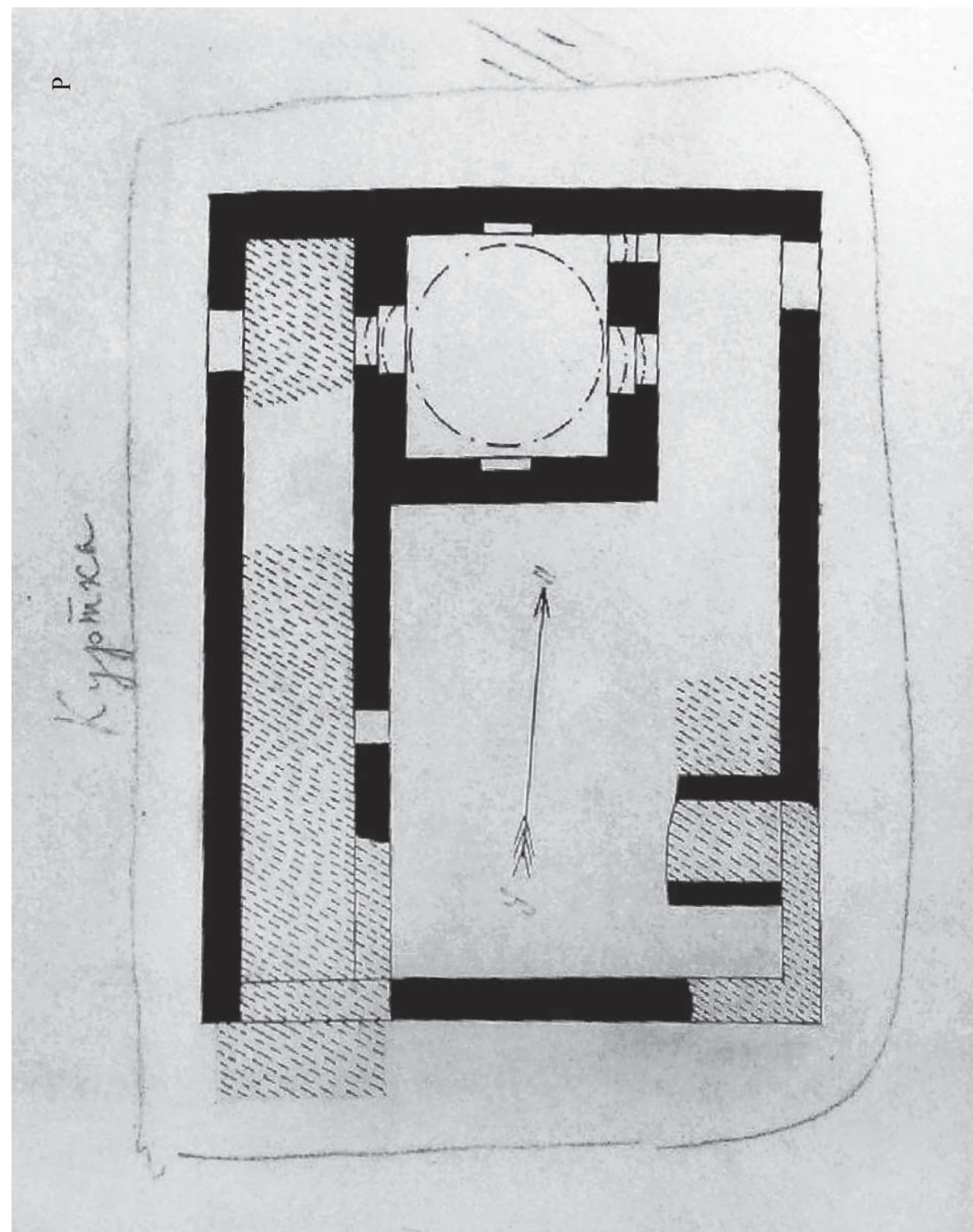
Идикут-шари. Здания U, H', Z.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 13.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

H' – мост
План здания Z опубликован: Ольденбург 1914: 26. Рис. 29.

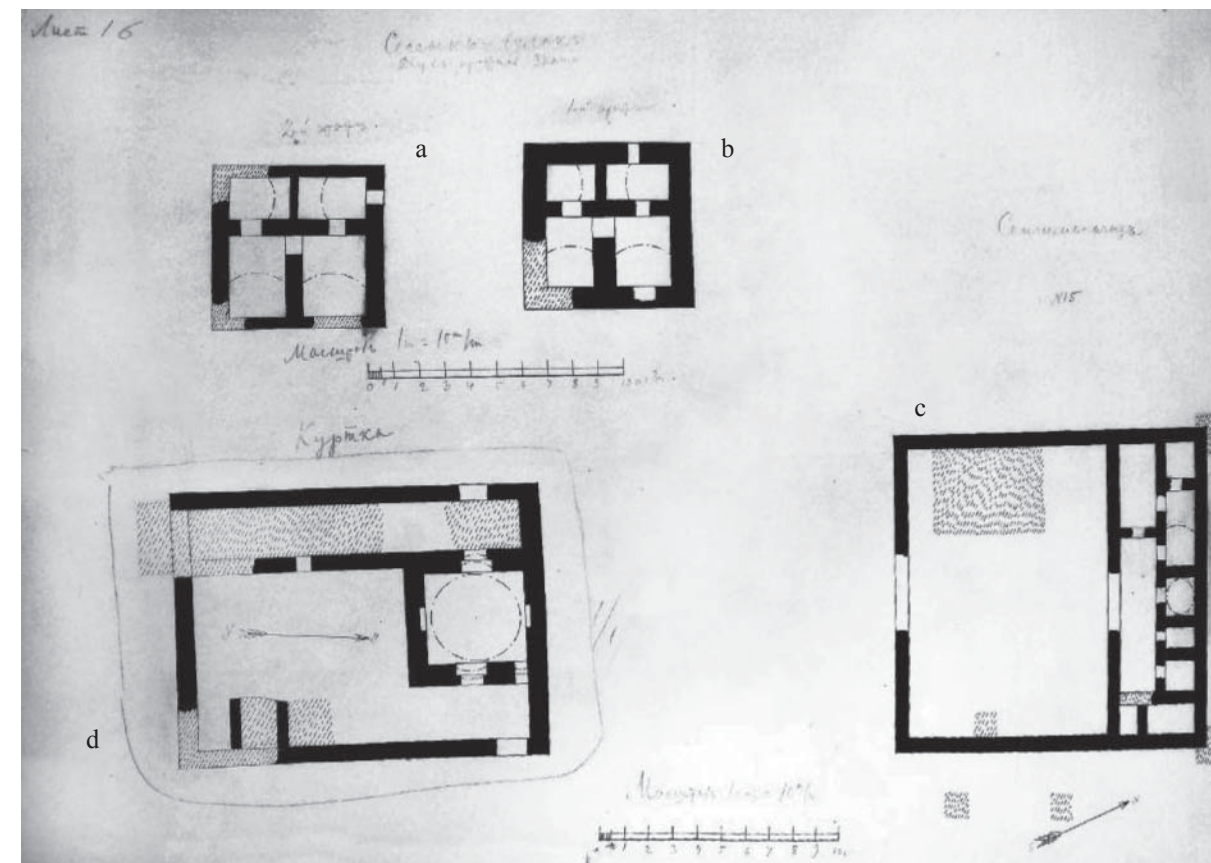
Курутка.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 16 (низ. левая часть).

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Опубликован: Ольденбург 1914. Рис. 34.

Курутка.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 16 (d).

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

После исследования Идикут-шари и Астаны экспедиция С.Ф. Ольденбурга перешла к работе на небольших ущельях к северу от Турфана. Первым из них является ущелье в деревне Курутка. План Д.А. Смирнова подписан «Куртка», что не является ошибкой, так как краткие гласные в разговорном варианте¹ часто подвергались редукции.

Как сообщает С.Ф. Ольденбург, рядом с деревней, на западном берегу протекавшей через деревню реки, располагался небольшой храм со статуей перед входом. Статуя не сохранилась, однако были видны следы постамента.

На восточном берегу был выявлен большой комплекс зданий, точный план которых нельзя было выяснить без проведения раскопок. Рядом находился другой комплекс зданий, напоминавших мусульманские мавзолеи. Одно из таких зданий, вероятно, и представлено на плане Д.А. Смирнова.

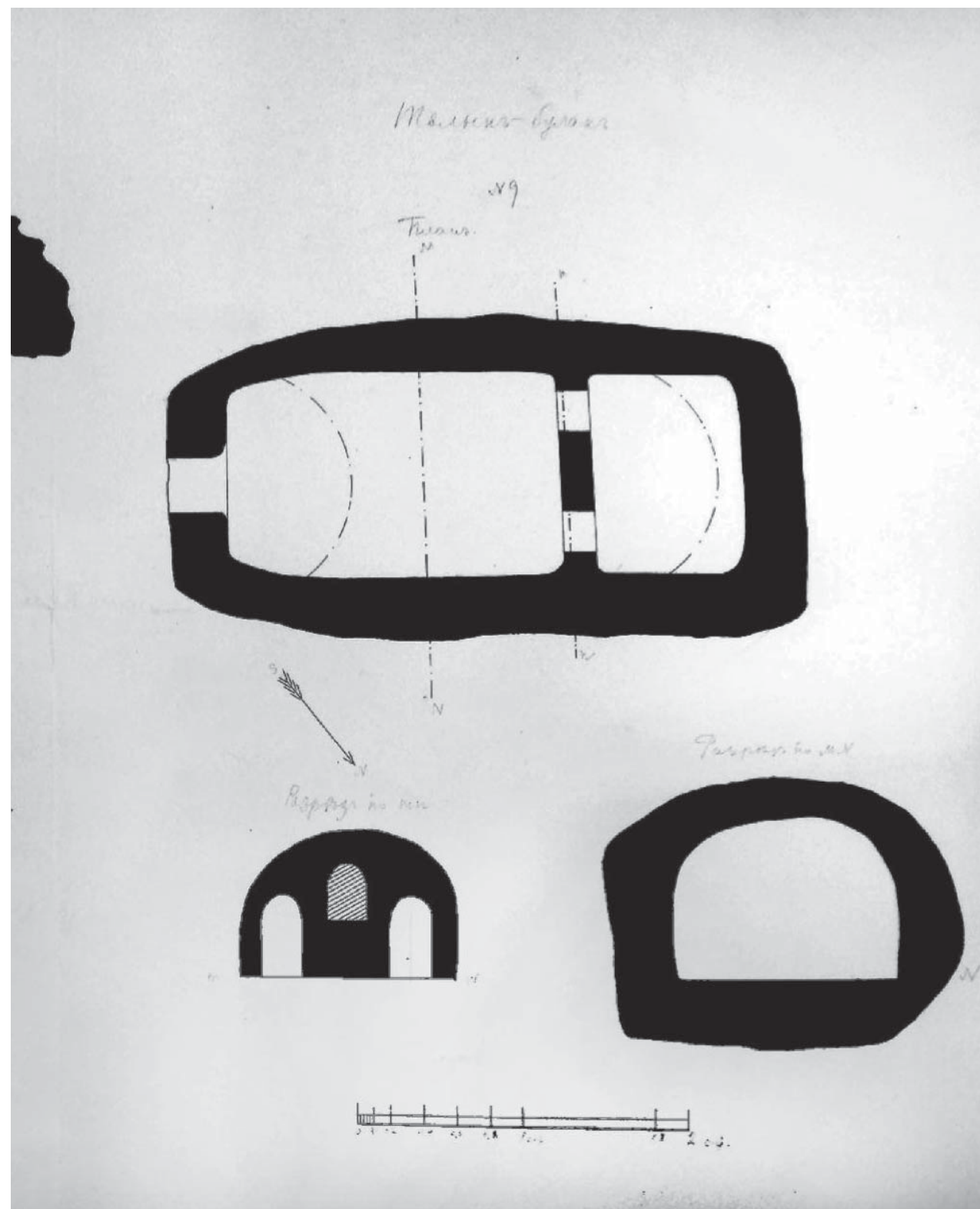
На этом же листе были выполнены планы ряда зданий из Сассык-булака (a, b) и Сенгим-агыз (c). Хронологически после исследований ущелья Курутка следует ущелье Таллык-булак, в котором расположена пещера 84 волхвов – выдающийся памятник буддийской стенописи.

Легенды:

Сассык-булак. Двухэтажное здание. a. 2-й этаж. b. 1-й этаж. c. Сенгим-агыз. № 15. d. Курутка.

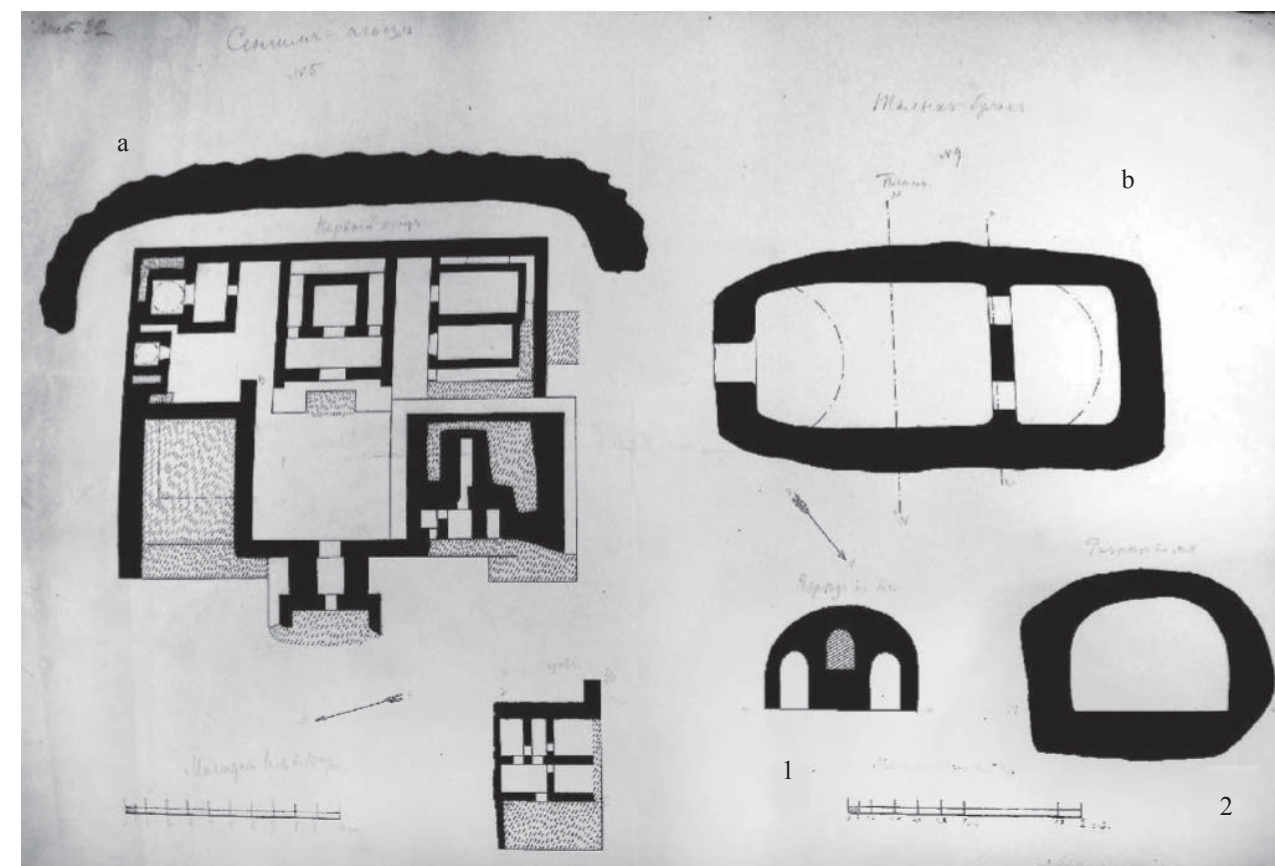
¹ С.Ф. Ольденбург (Ольденбург 1914: 31) приводит еще один вариант: فورتعه (Курт'а).

Таллык-булак. Пещера № 9 (пещера 84 сиддхов).
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 22 (правая часть).

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 22 (полностью).

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Публикуется впервые.

Легенды простым карандашом: План MN, mn, разрез MN, разрез mn.

Ольденбург не указывает подробностей о пещере № 9. Он лишь ссылается на работу А. Грюнведеля¹, утверждая, что это описание относится к данной пещере. При внимательном прочтении работы немецкого археолога выясняется, что ссылка Ольденбурга ошибочна: Грюнведель описывает пещеру № 9 другого памятника – Шорчук (Шикшин), да и страницы издания указаны неточно: правильно – с. 206–211. О соответствии пещеры № 9 пещере 84 сиддхов также не говорится ни в печатном отчете, ни в рукописном². Однако сравнение фотографии общего вида пещеры³ с планом пещеры № 9 Д.А. Смирнова позволяет утверждать, что речь идет об одном и том же памятнике.

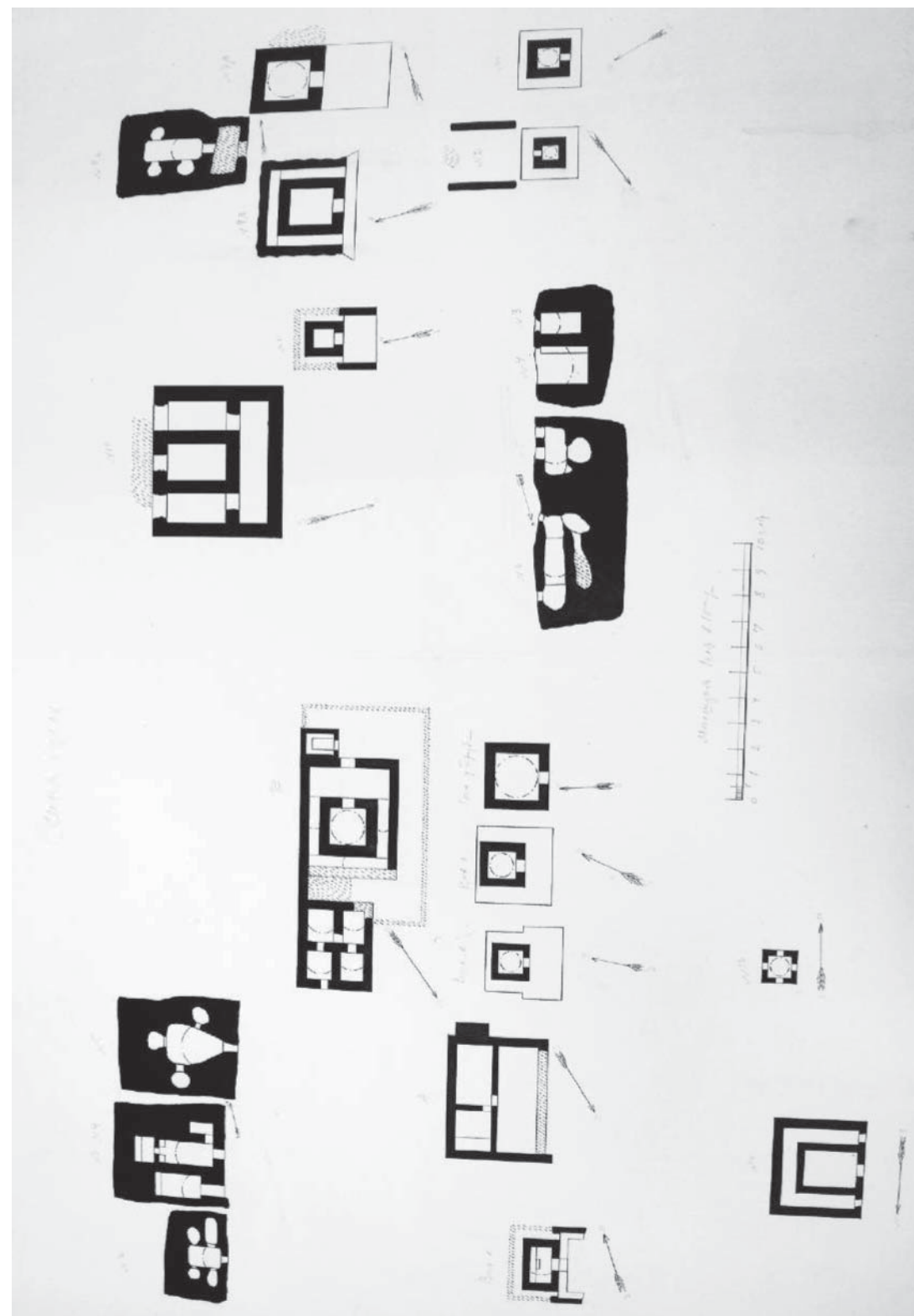
а. Сенгим-агыз. б. Таллык-булак. № 9. План. 1 – разрез по mn. 2 – разрез по MN.

¹ Grünwedel 1912: 211–216.

² См.: Бухарин, Камалов 2018: 505.

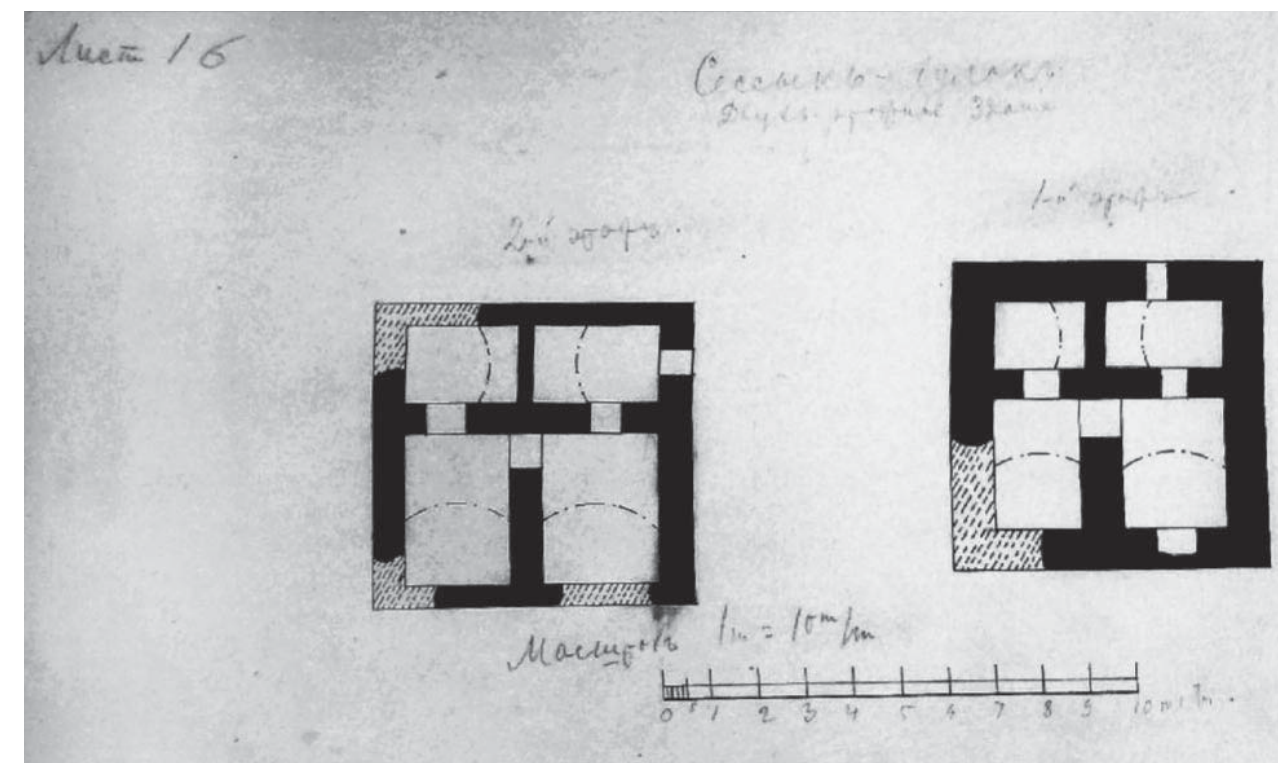
³ Ольденбург 1914: 33. Рис. 37.

Сассык-булак. Пещеры 2–14.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. б/н.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Сассык-булак. Двухэтажное здание.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 16 (верх).

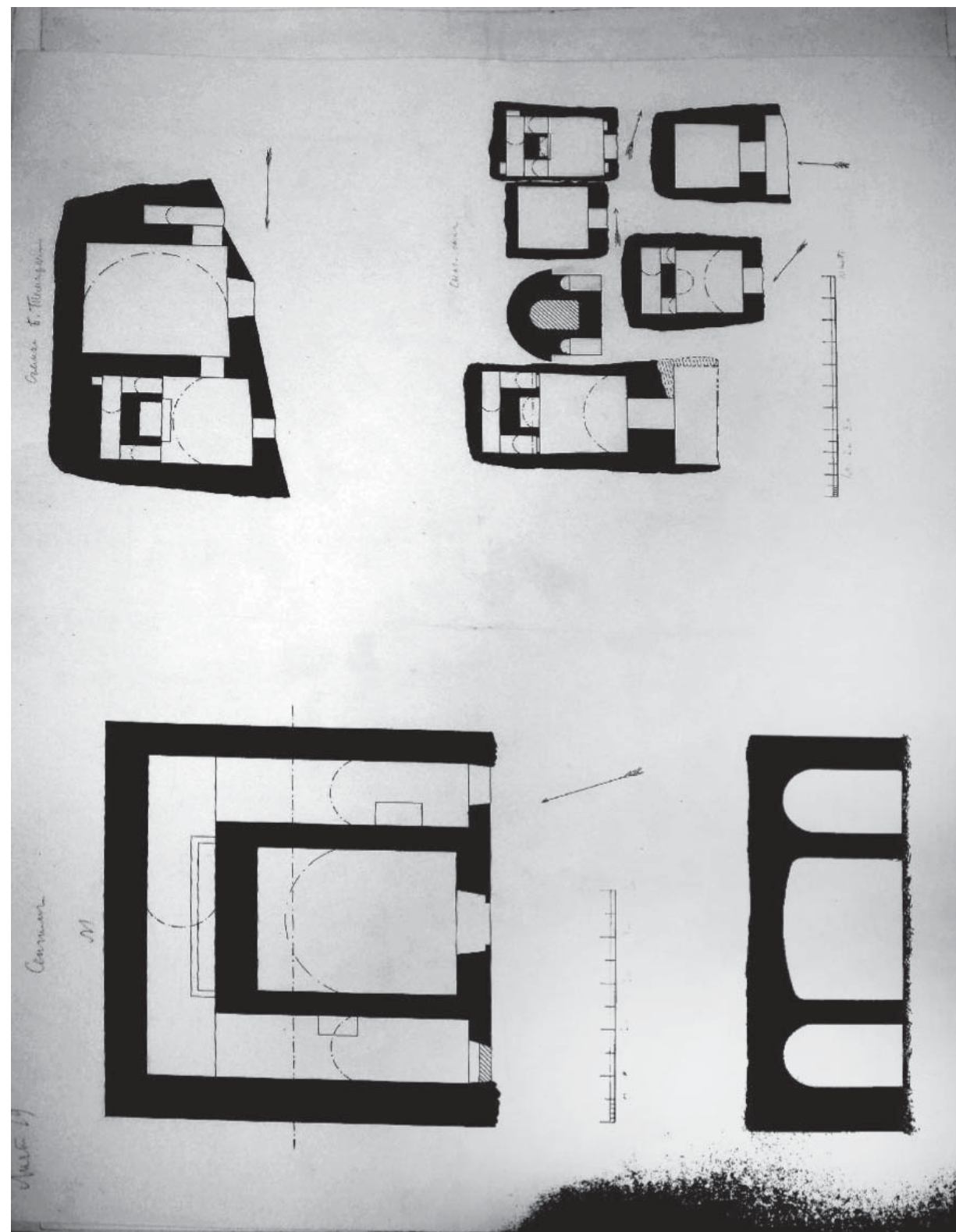
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Публикуется впервые.

В кратком отчете о работах экспедиции С.Ф. Ольденбург не представил планы пещер на городище Сасык-булак: он ограничился сопоставлением плана зданий, перечислением некоторых находок и фотографией элементов стенописи¹. Тем важнее издание планов как отдельного здания на л. 16, которое, судя по карандашным подписям (2-й этаж – 1й этаж), состояло из двух этажей, так и целого комплекса пещер на л. [б. н.].

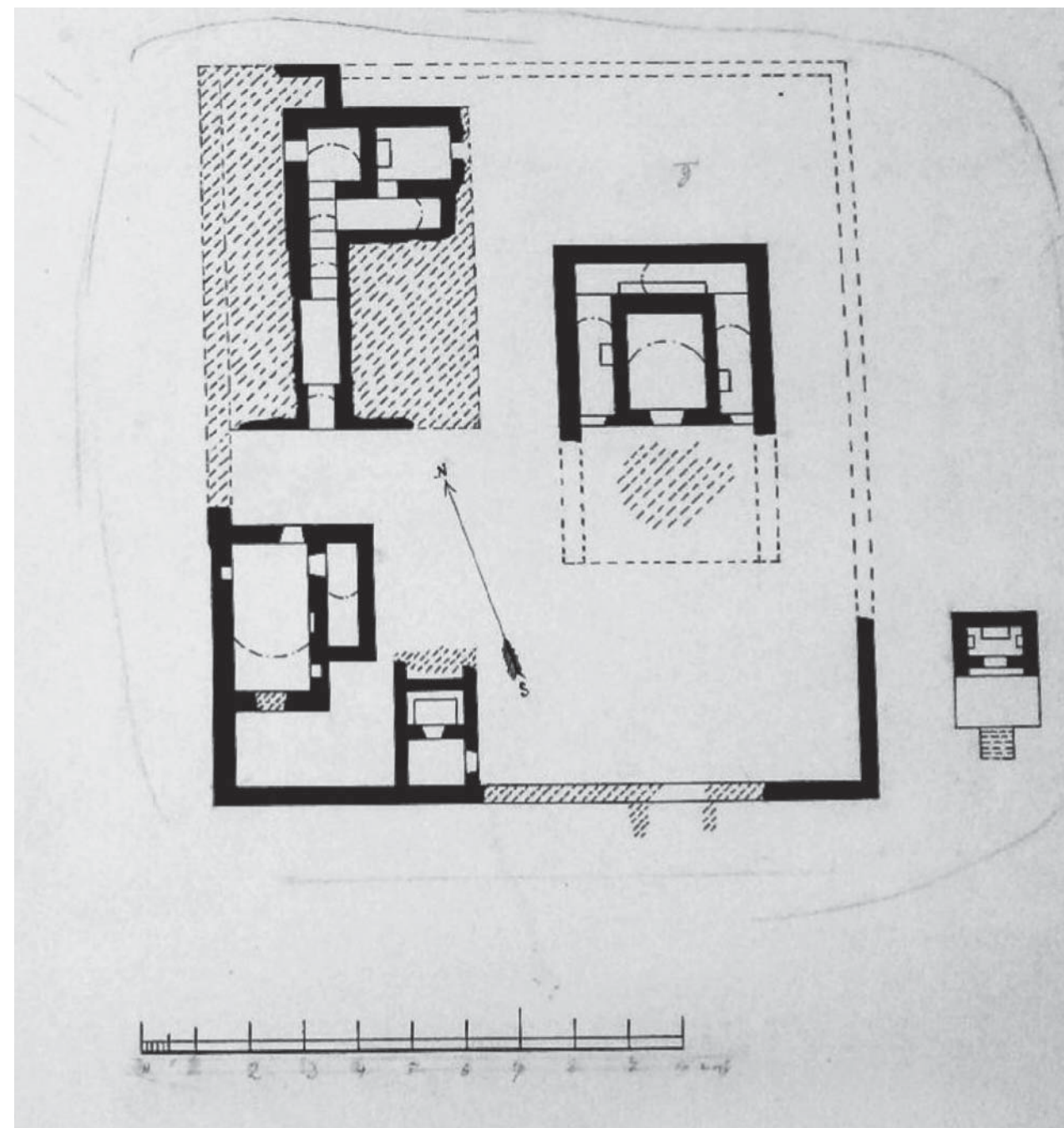
¹ Ольденбург 1914: 36–37; Таб. XXIX.

Сенгим-агыз. Монастырь № 1. Съемка Босука Темировича <Хохо>.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 19 (верх, низ, слева).

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

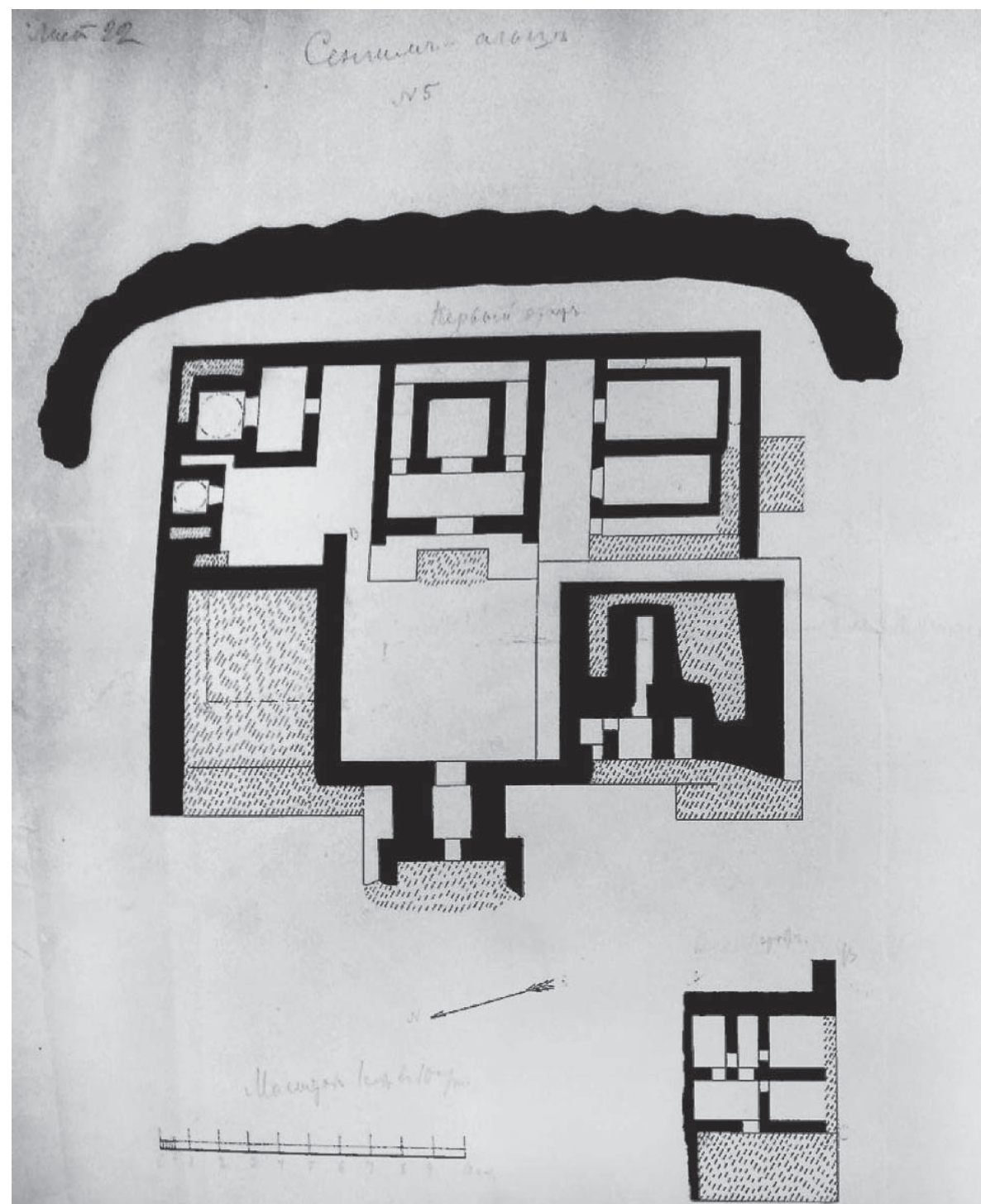
Сенгим-агыз. Монастырь № 1.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 35 (правая часть).

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

План опубликован: Ольденбург 1914: 38. Рис. 40.
На плане Д.А. Смирнова номер монастыря не указан, однако постройка А имеет совершенно точное соответствие на плане в издании С.Ф. Ольденбурга.

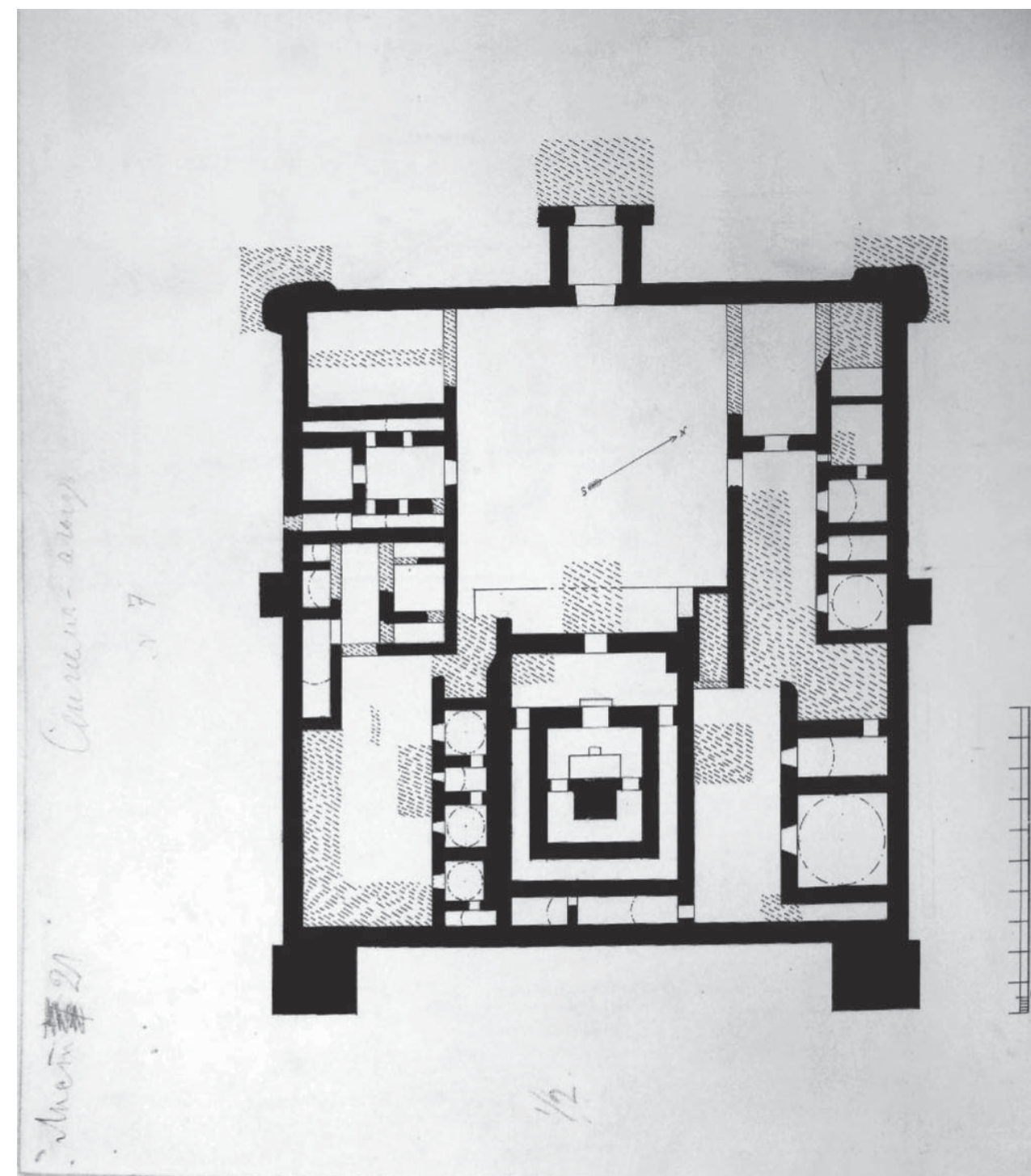
Сенгим-агыз. Монастырь № 5.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 22 (левая часть).

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Легенды: Первый этаж. [...] этаж.

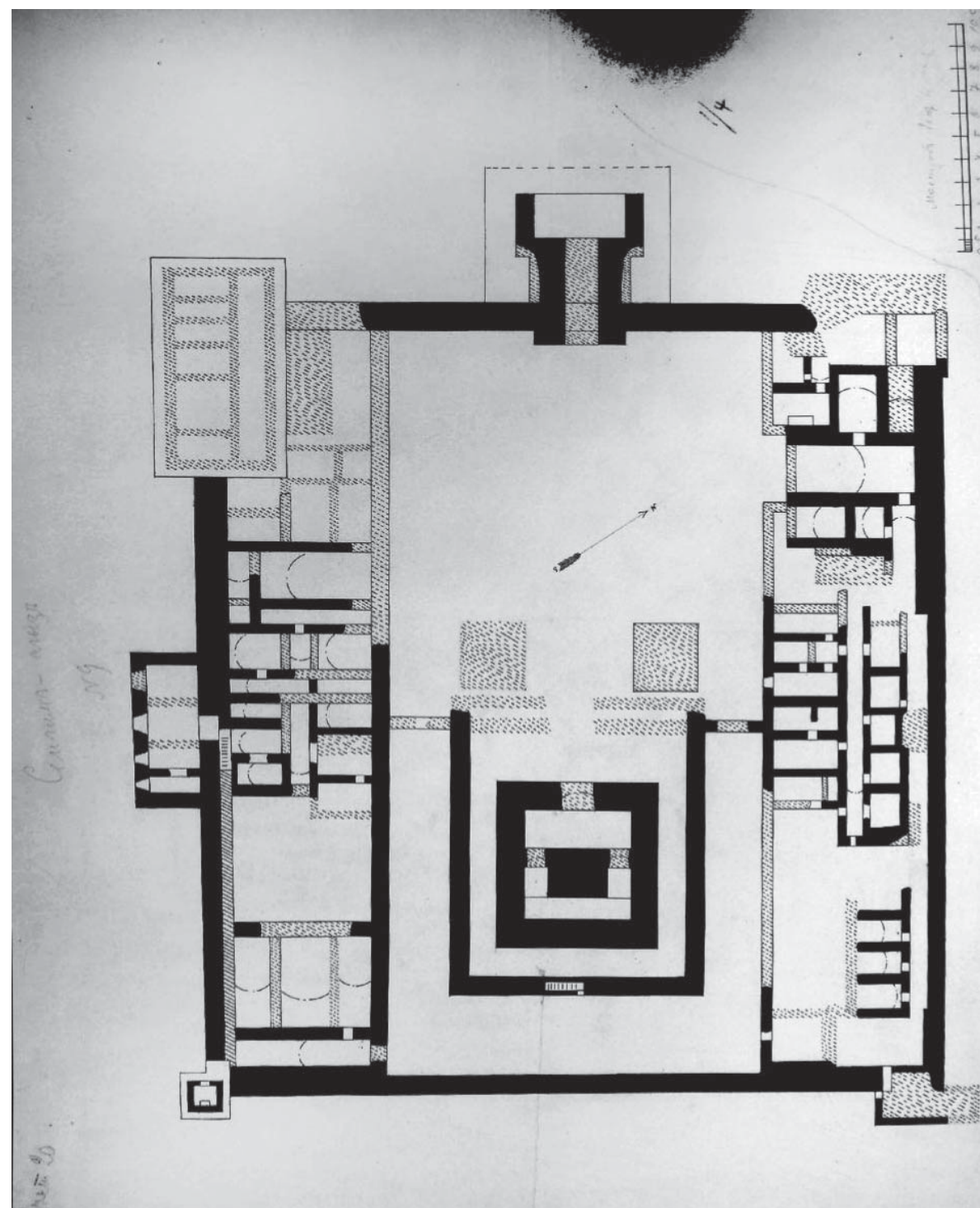
Сенгим-агыз. Монастырь № 7.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 21.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

План опубликован: Ольденбург 1914: 41. Рис. 41; Литвинский 2000: 217. Табл. 41.4.

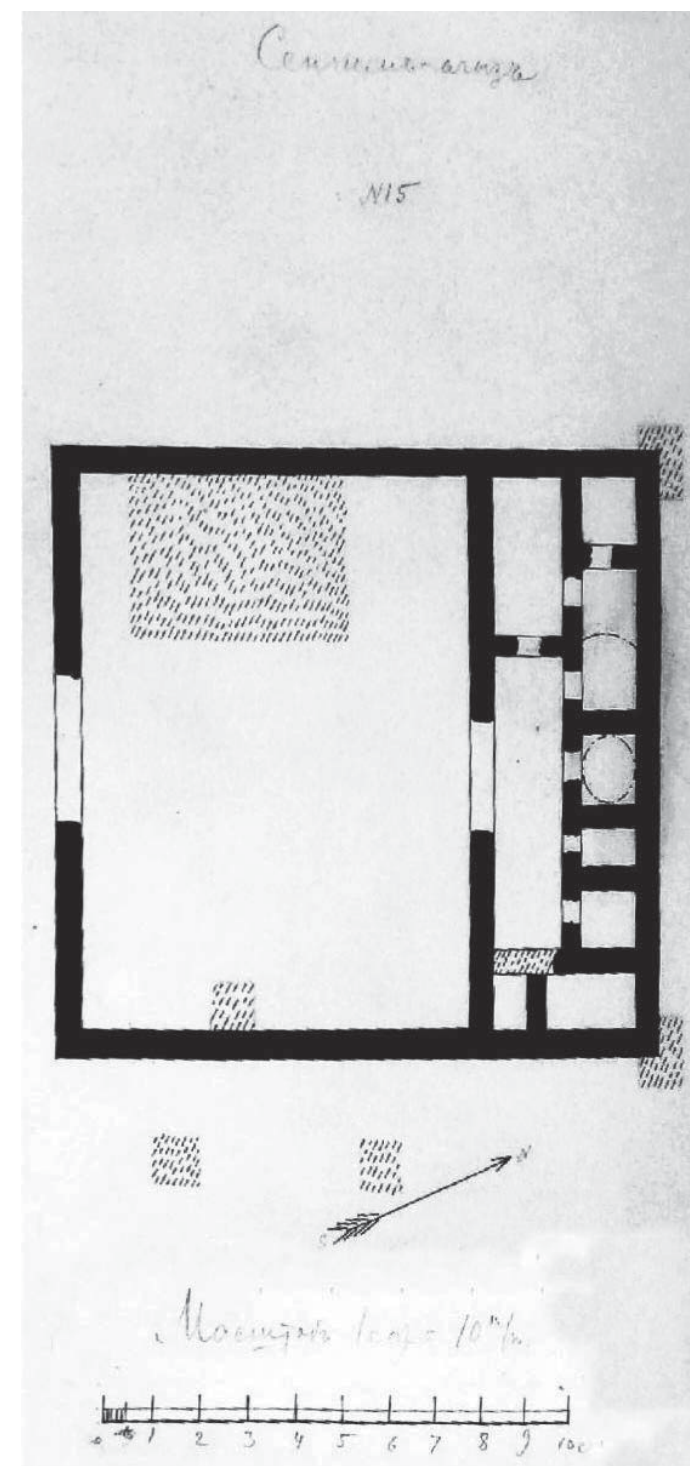
Сенгим-агыз. Монастырь № 9.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 20.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

План опубликован: Ольденбург 1914: 42. Рис. 42; Литвинский 2000: 217. Табл. 41.5.

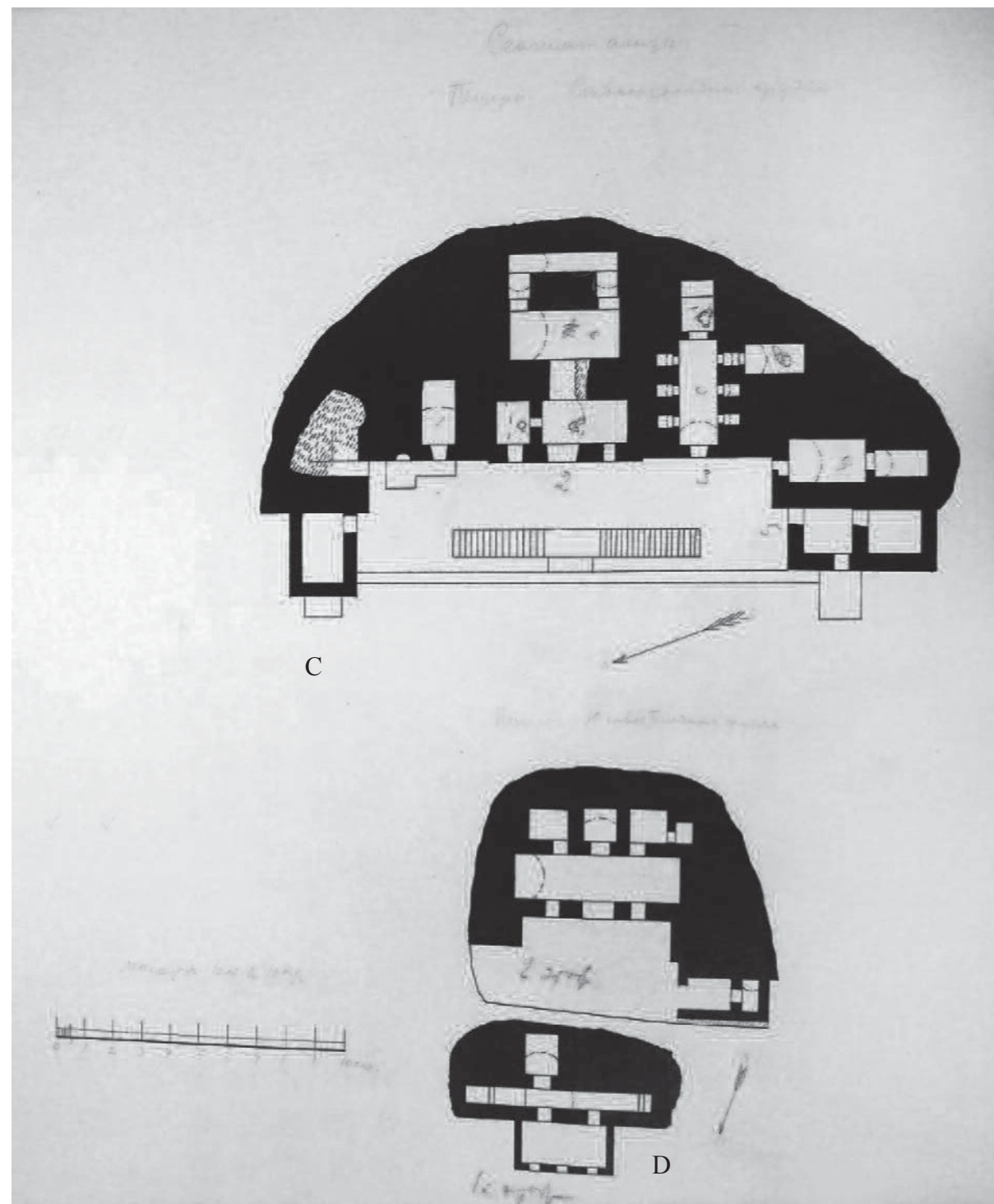
Сенгим-агыз. Монастырь № 15.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 16 (низ, справа).

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Публикуется впервые.

Сенгим-агыз. Пещеры. Северо-западная группа.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 4 (справа).

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Публикуется впервые.

Безеклик.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. [б.н.]

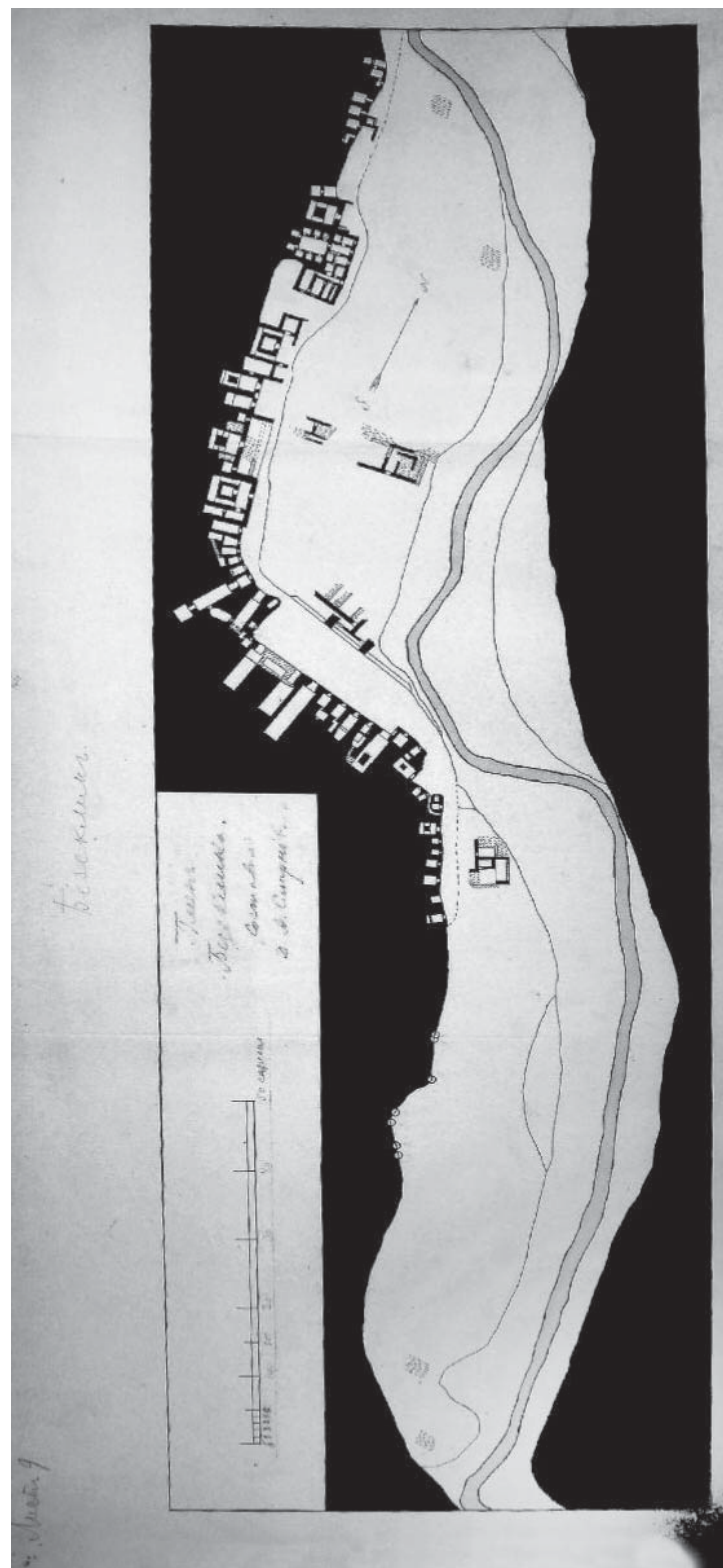

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Карандашный черновик. В правом верхнем углу дата: 28 октября 1909 г.
Публикуется впервые. Лежит в основе плана: Ольденбург 1914: Рис. 43 (см. следующий лист).
Изданный план мелок, детали практически неразличимы. Судя по рукописному дневнику, план был составлен через неделю после завершения работ на Безеклике¹.

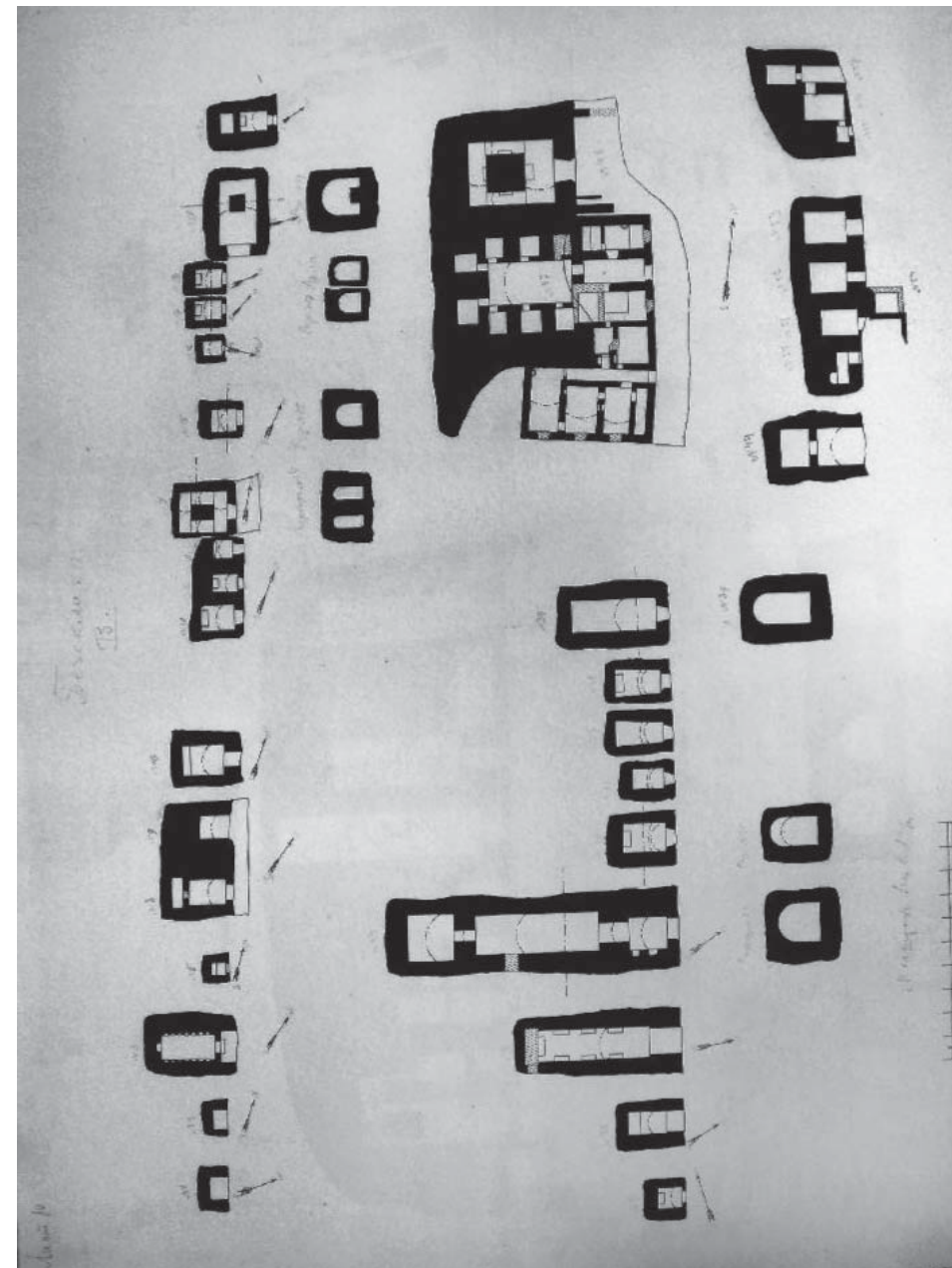
¹ Бухарин, Камалов 2018: 508.

Безеклик. Общий план.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 9.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Безеклик. Планы и разрезы пещер.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 10.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Легенды.

Первый ряд:

№ 1 № 2 № 3 № 5 № 8 № 9 № 10 № 11 № 12 № 13 № 14 № 15 № 16 № 17 № 18 № 19 № 20

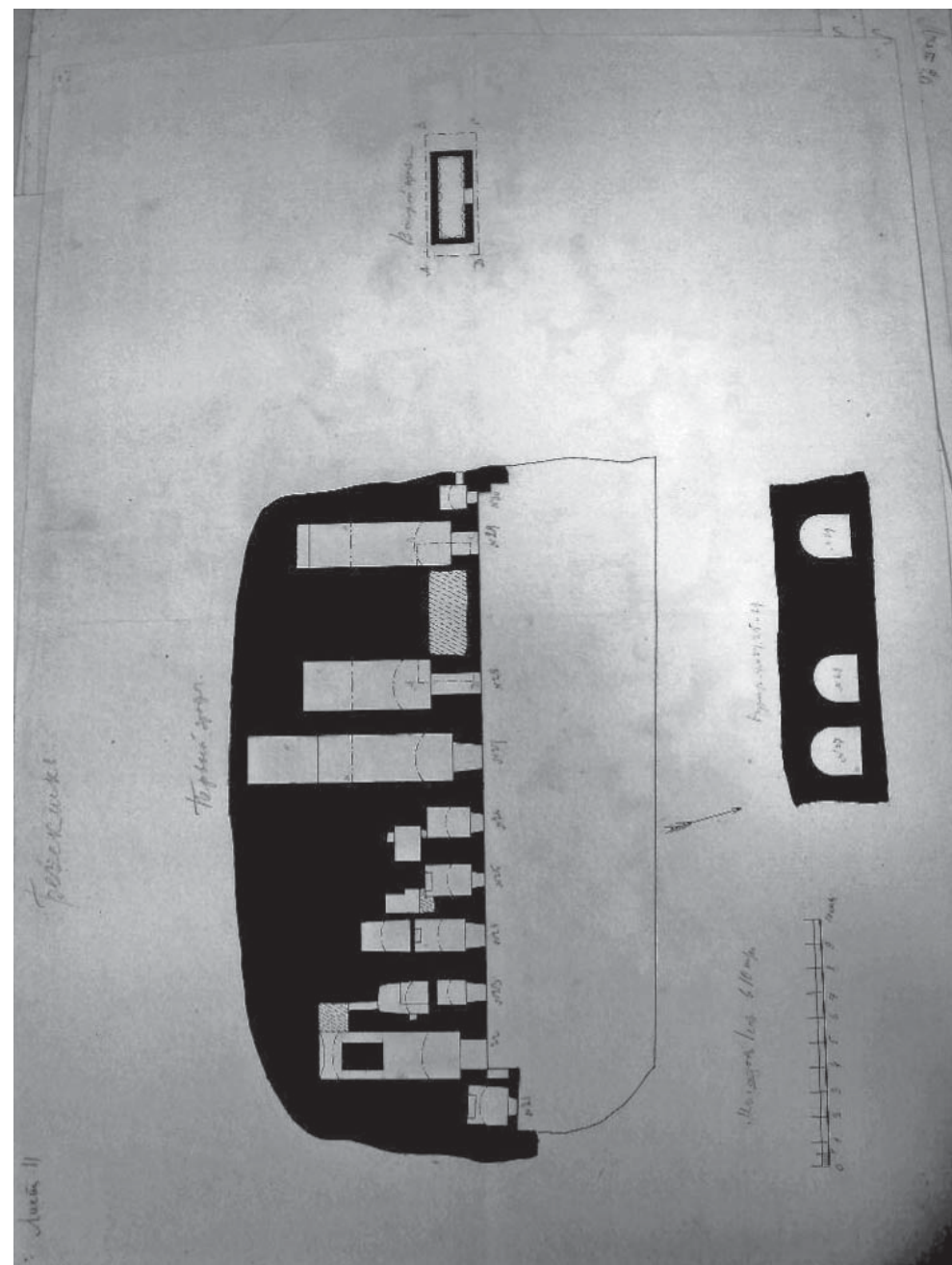
Второй ряд:

Разрез № 14 Разрез № 15 Разрез № 17 Разрез № 18 Разрез № 19

Третий ряд:

№ 31 № 32 № 33 № 34 № 35 № 36 № 37 № 38 № 39

Безеклик. Пещеры № 21–30. План.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 11.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Легенды:

Первый этаж.

№ 21 № 22 № 23 № 24 № 25 № 26 № 27 № 28 № 29 № 30

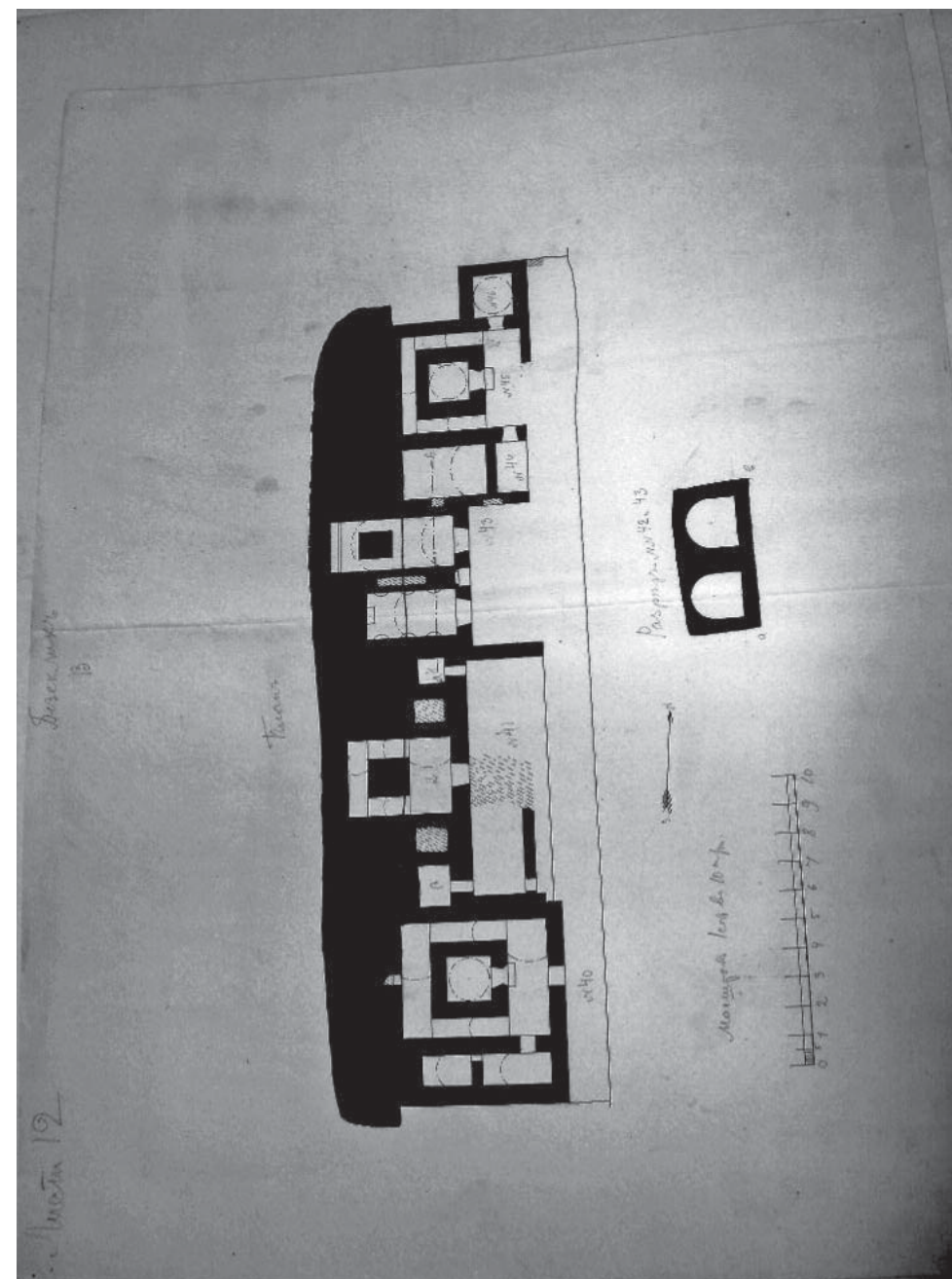
Разрез № 27 № 28 № 29

№ 27 № 28 № 29

Второй этаж.

ABCD

Безеклик. Пещеры № 40–46. План.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 12.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

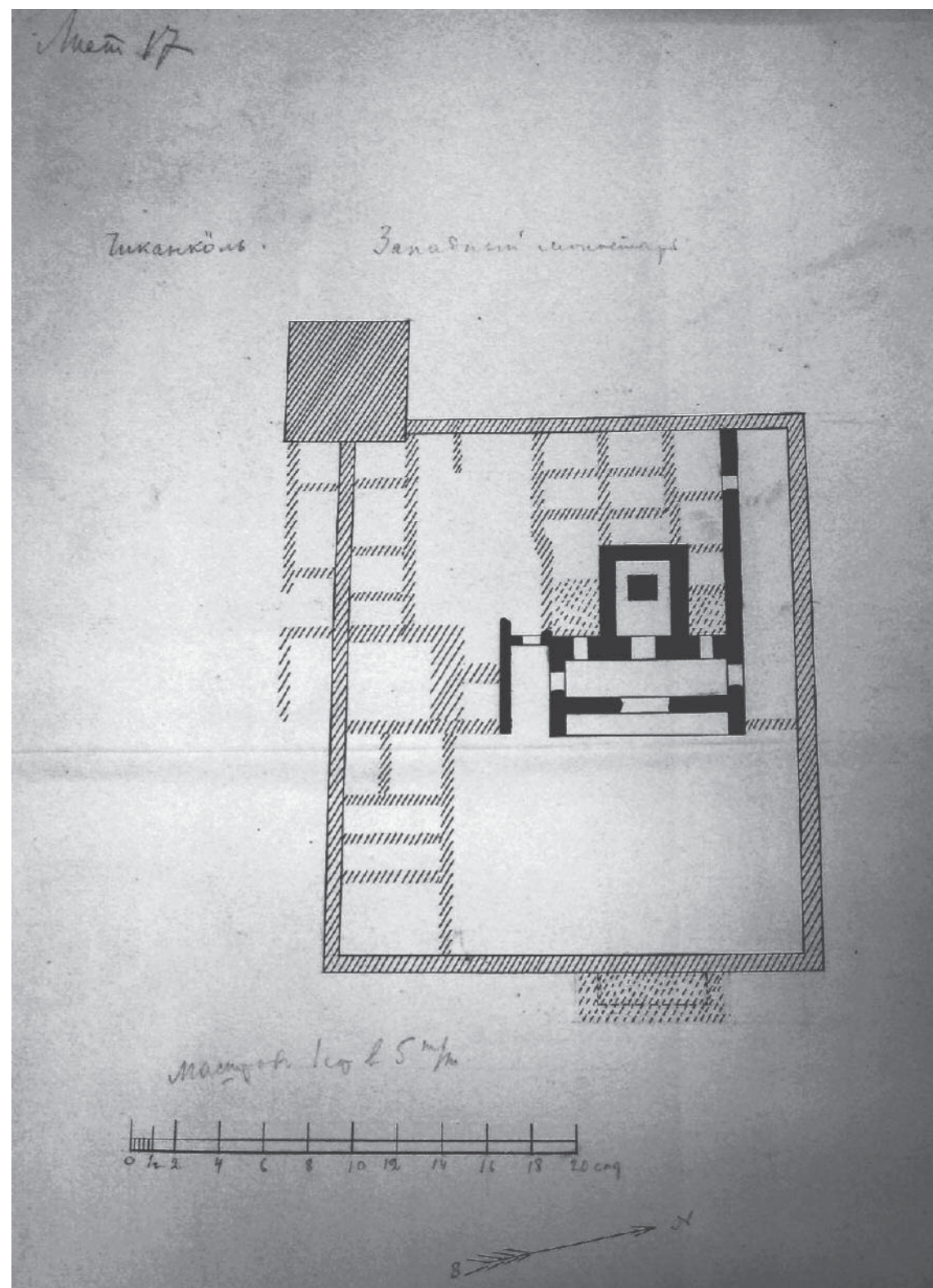
Легенды:

№ 40 № 41 (β, α, α, υ) № 43 № 44 (b) № 45 № 46

Разрез № 42, № 43

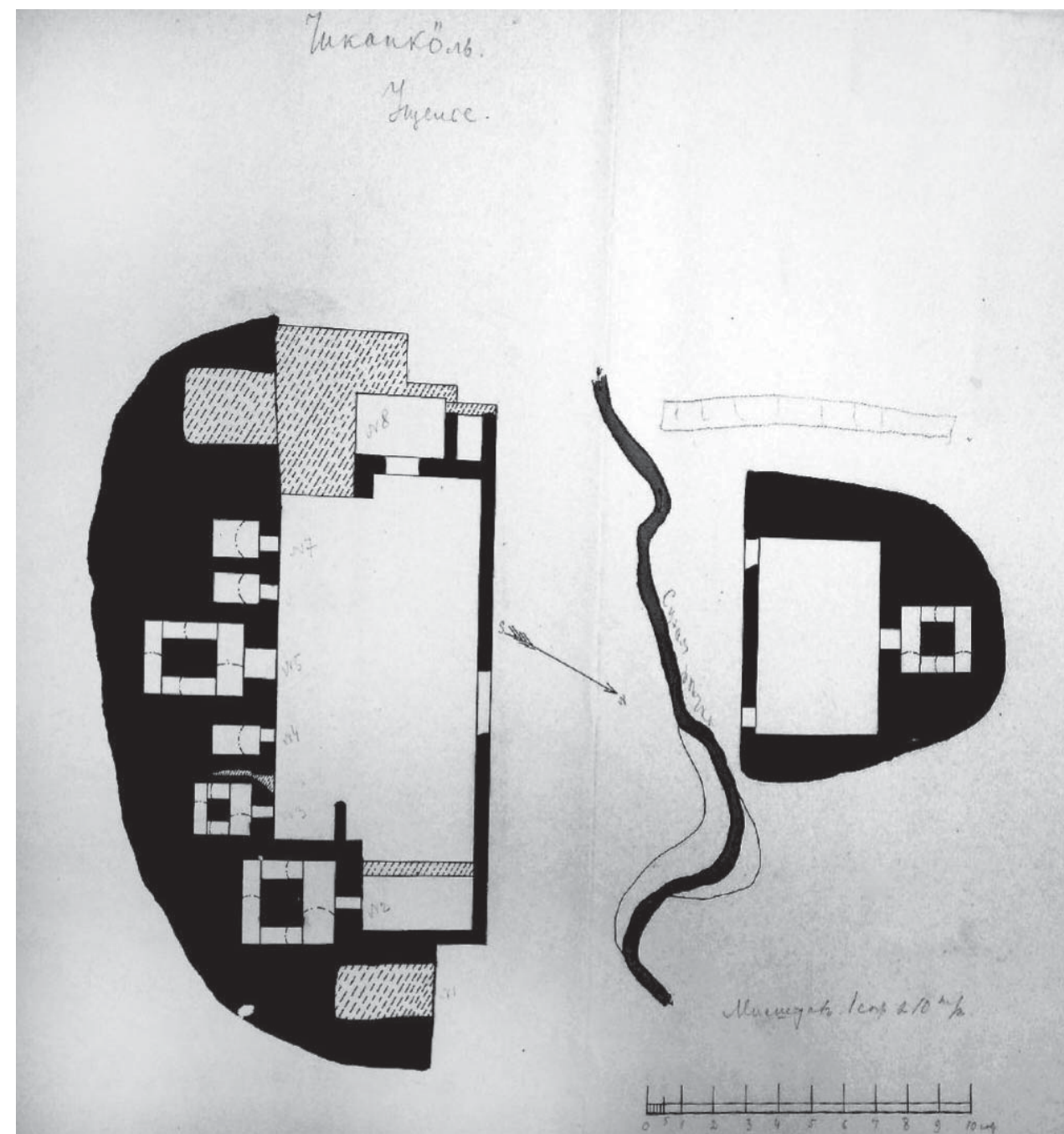
ab

Чиканкель. Западный монастырь.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 17.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

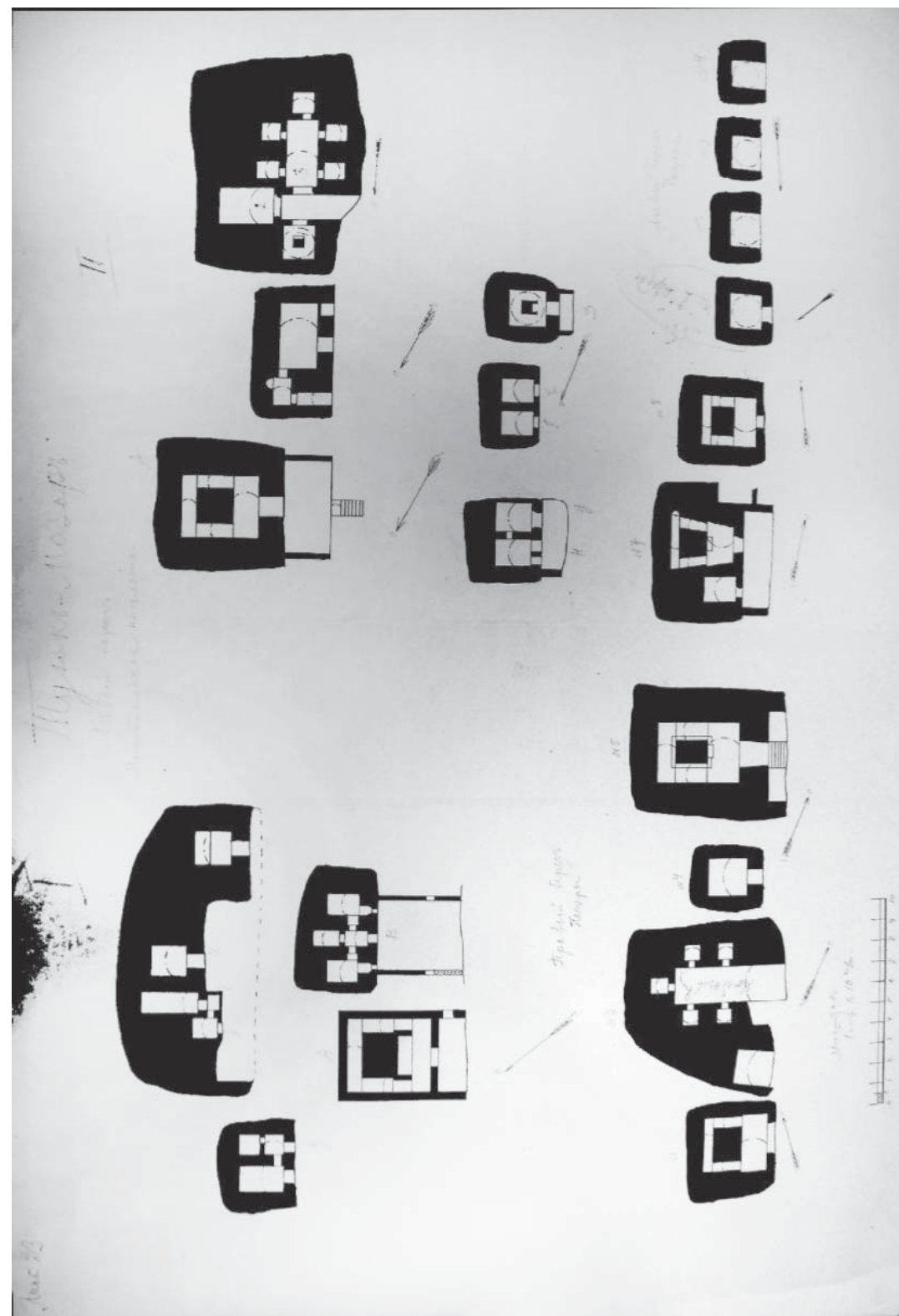
Чиканкель. Ущелье.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 18.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

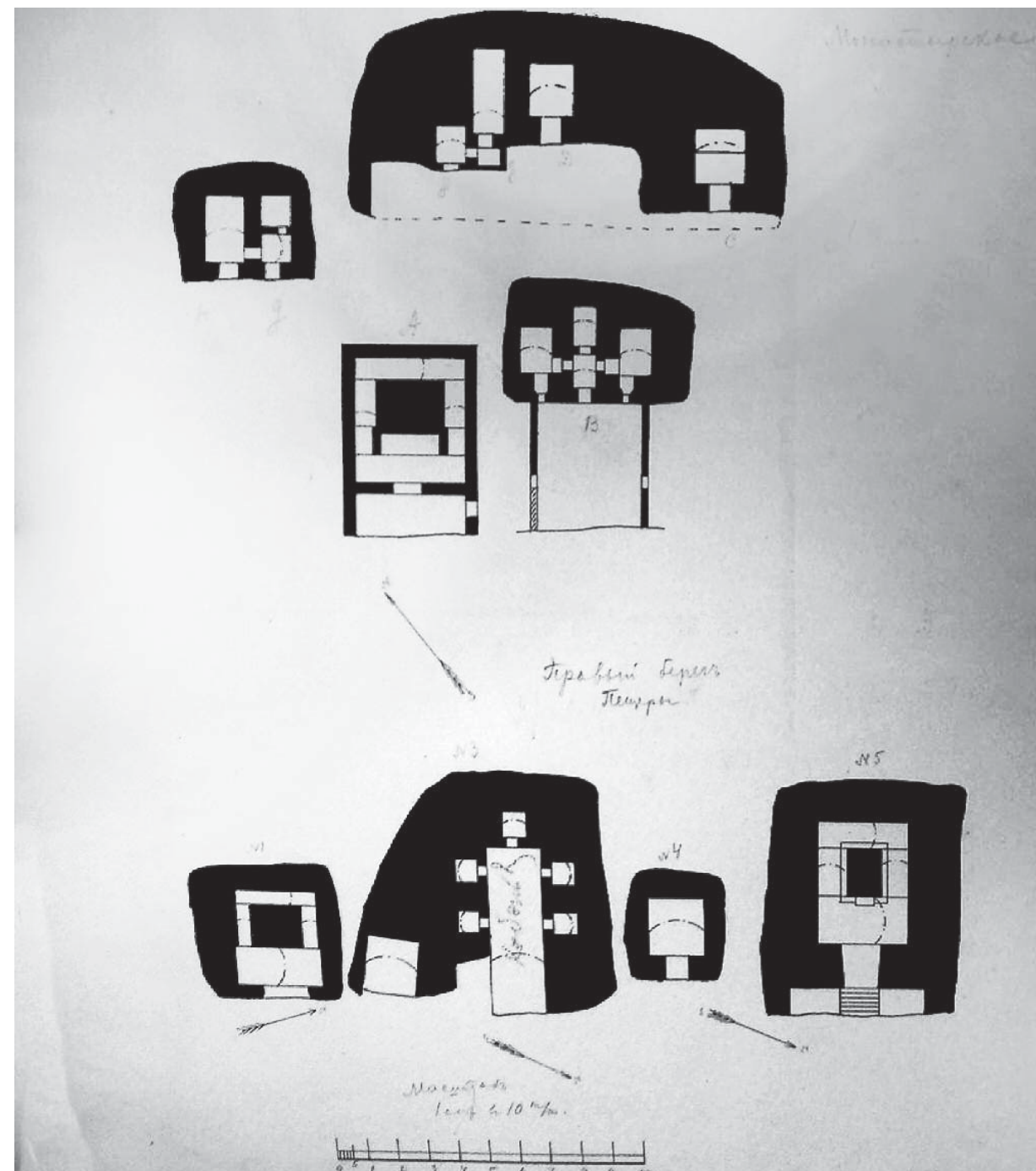
Публикуется впервые.
Описание см.: Ольденбург 1914: 49–50; Бухарин, Камалов 2018: 510–512.
Легенды:
№ 8 № 7 № 6 № 5 № 4 № 3 № 2 № 1
Сухая речка

Туюк-мазар. Левый берег. Монастырское поселение.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 23.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

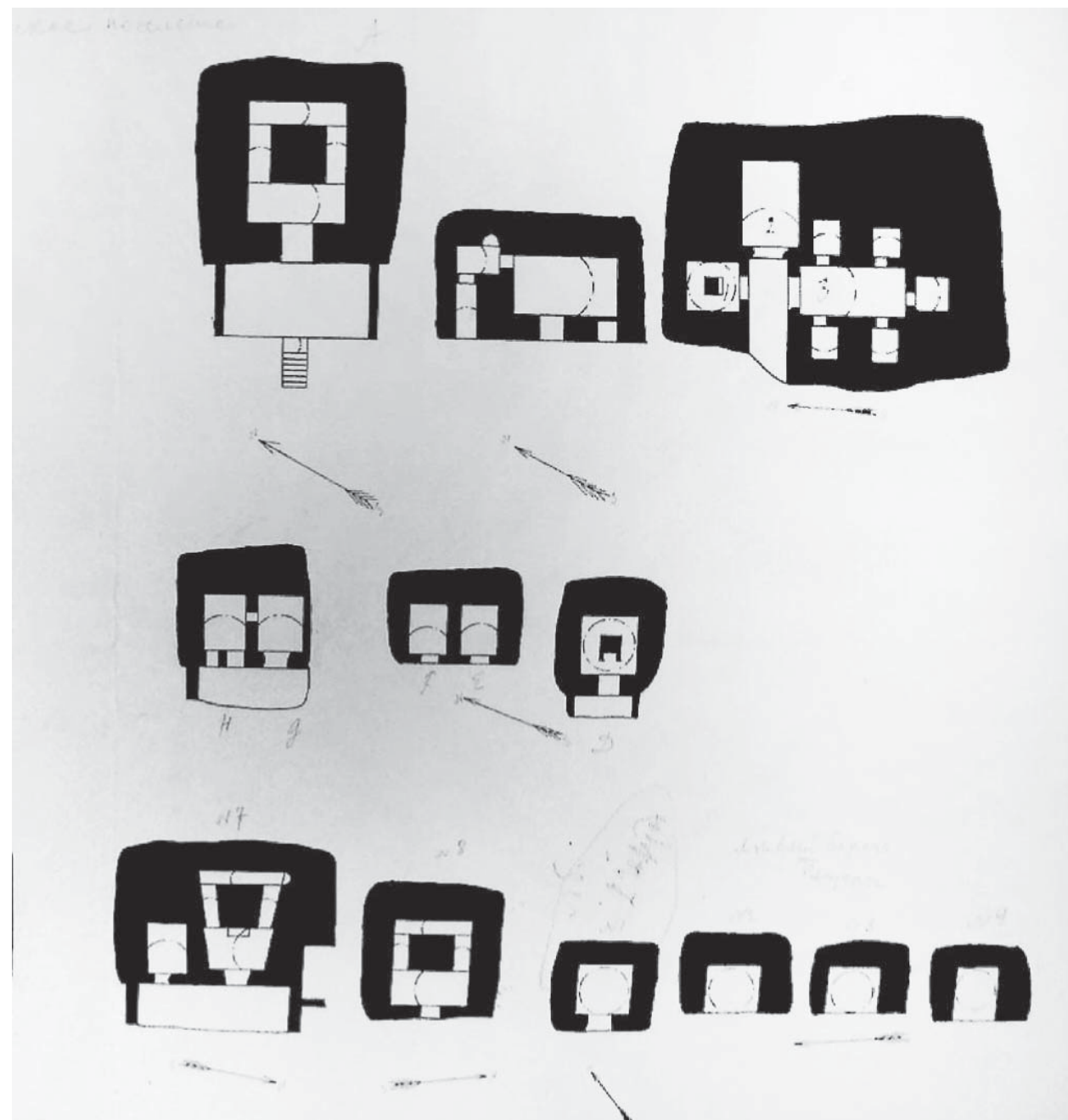
Туюк-мазар. Правый берег. Пещеры. I.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 23.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Легенды:
 H G F E D C
 A B
 № 1 № 3 № 4 № 5 № 7 № 8

Туюк-мазар. Левый берег. Пещеры. II.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 23.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Публикуется впервые.

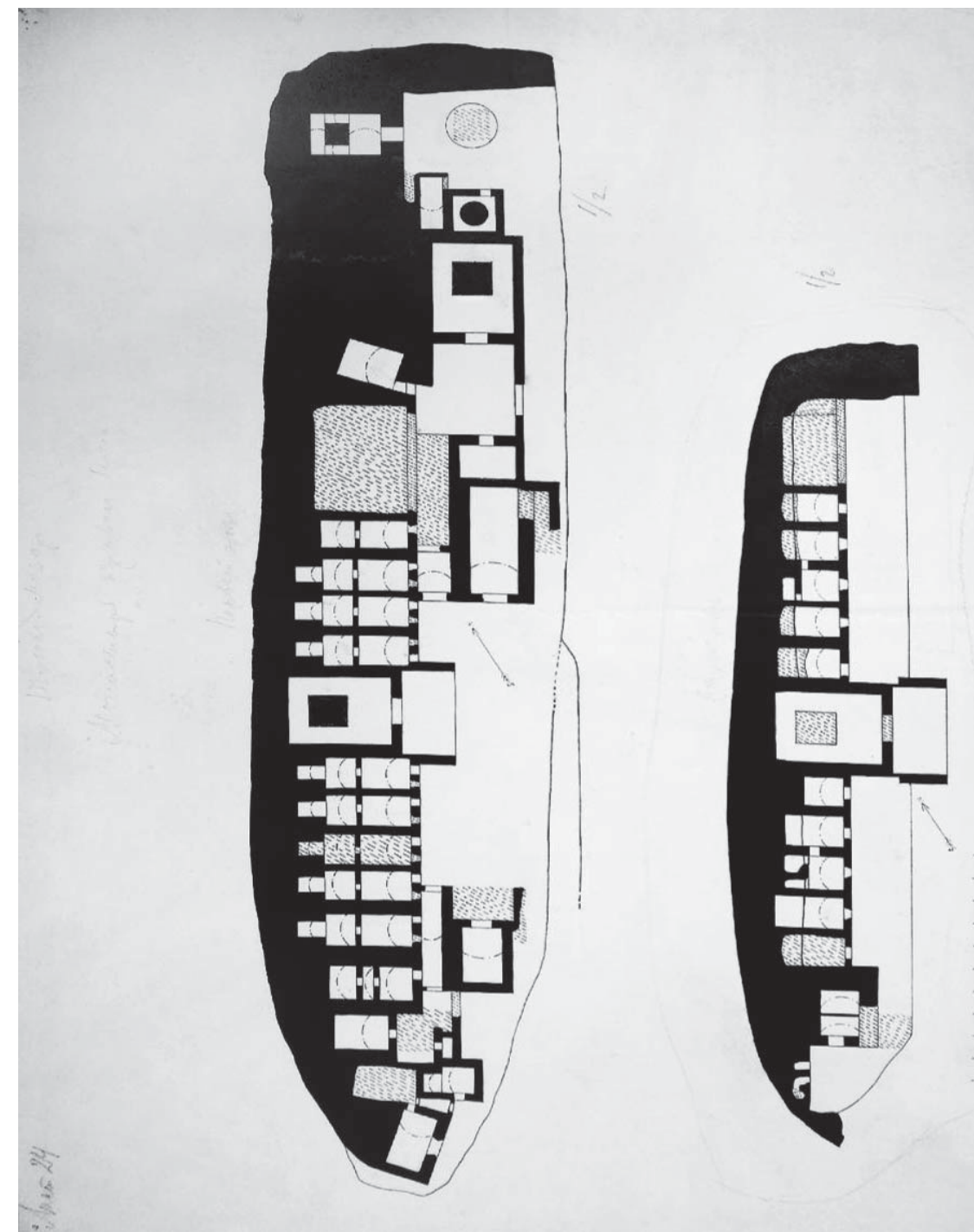
Легенды:

ABC (2 3)

H G F E D

№ 1 № 2 № 3 № 4

Туюк-мазар. Монастырь на правом берегу.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 24.

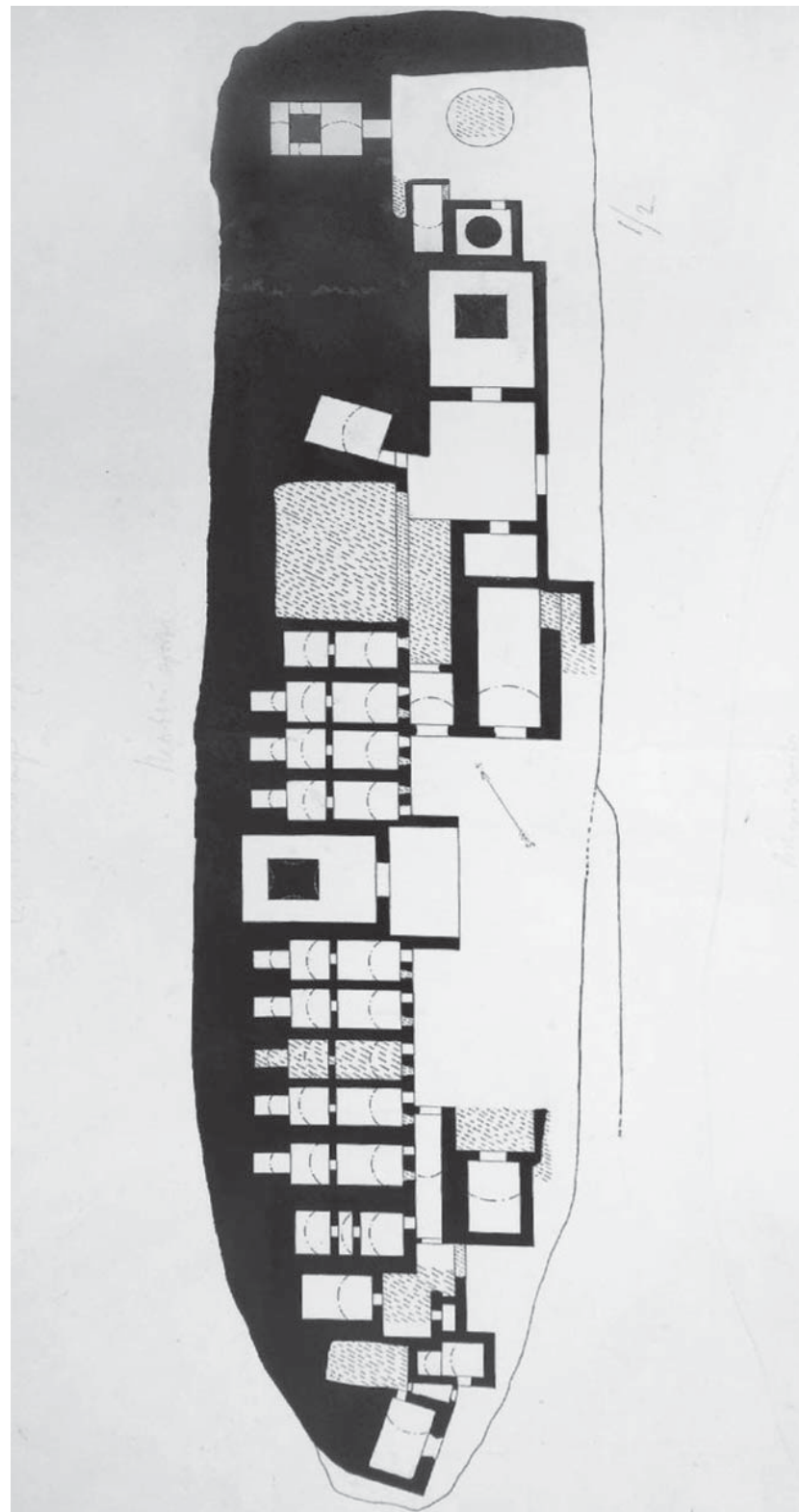
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Легенды:

Первый этаж

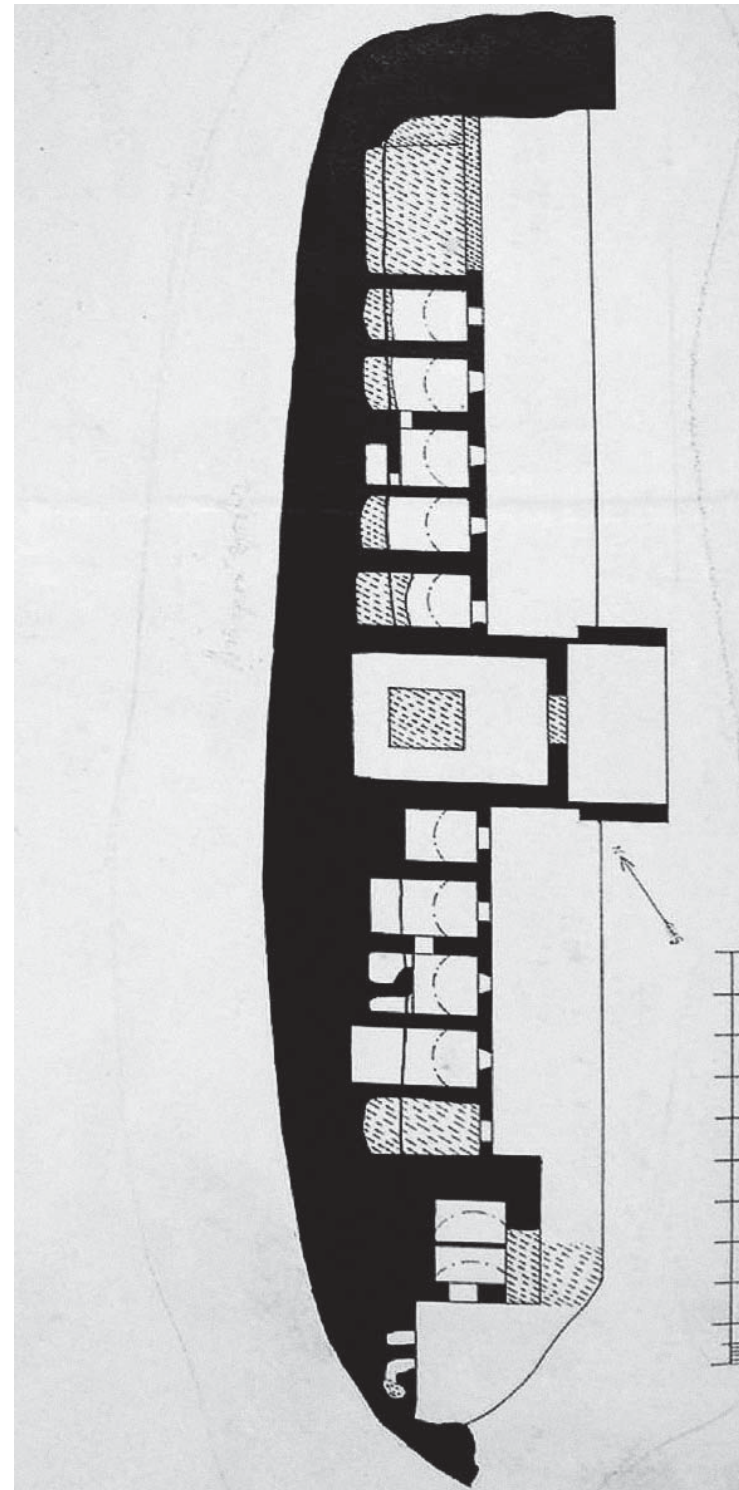
Второй этаж

Туюк-мазар. Монастырь на правом берегу. Первый этаж (верх).
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 24.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Туюк-мазар. Монастырь на правом берегу. Второй этаж (низ).
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 24.

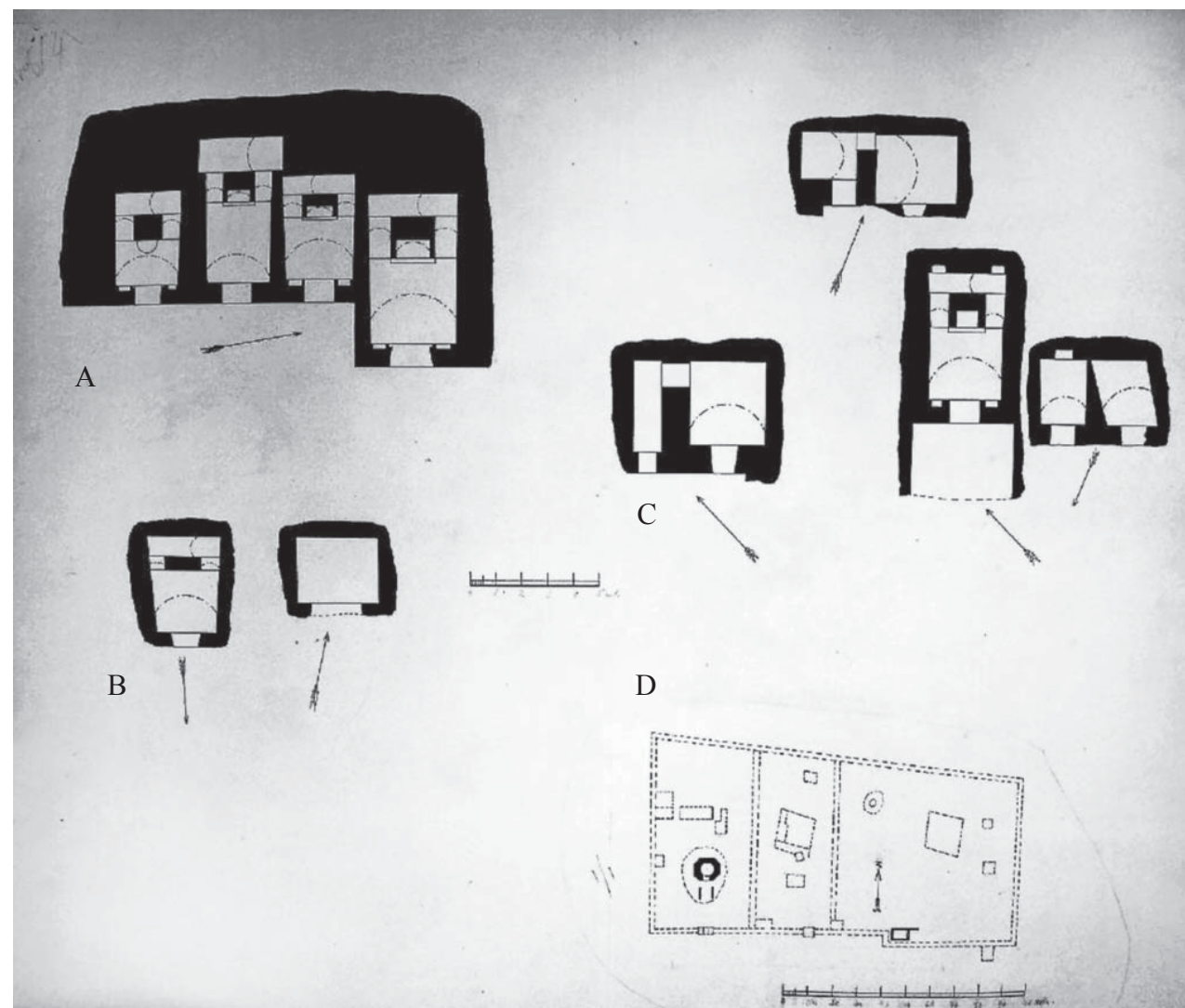
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Опубликовано: Ольденбург 1914: Рис. 48–49; Литвинский 2000: 59. Табл. 12.1–2.

Мин-тен-ата.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 14.

Четыре блока изображение обозначить А, В, С, D

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

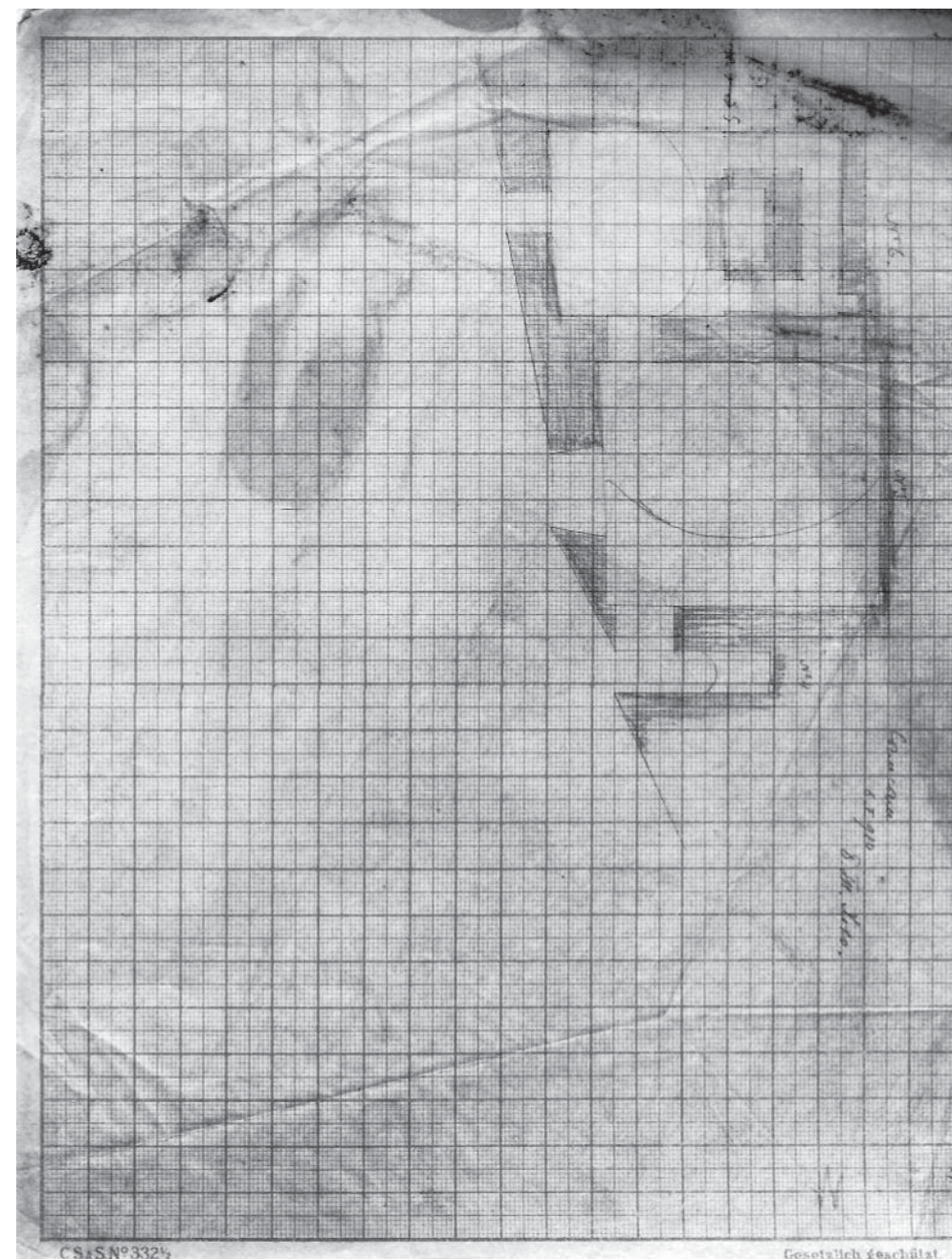
Планы л. 14 А–С публикуются впервые.

Схематический план северной части местности Мин-тен-ата (л. 14 D) опубликован: Ольденбург: 1914: 59. Рис. 53.

Планы Мин-тен-ата – хронологически последние подготовленные Д.А. Смирновым и единственные подготовленные им в Кучинском округе. Интересно, что, судя по рукописному дневнику, Д.А. Смирнов закончил работу в составе экспедиции 15 ноября 1909 г. после исследования Туяк-мазара. Вероятно, план Мин-тен-ата был снят Смирновым на обратном пути.

Сым-сым. План.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 178. Л. 11.

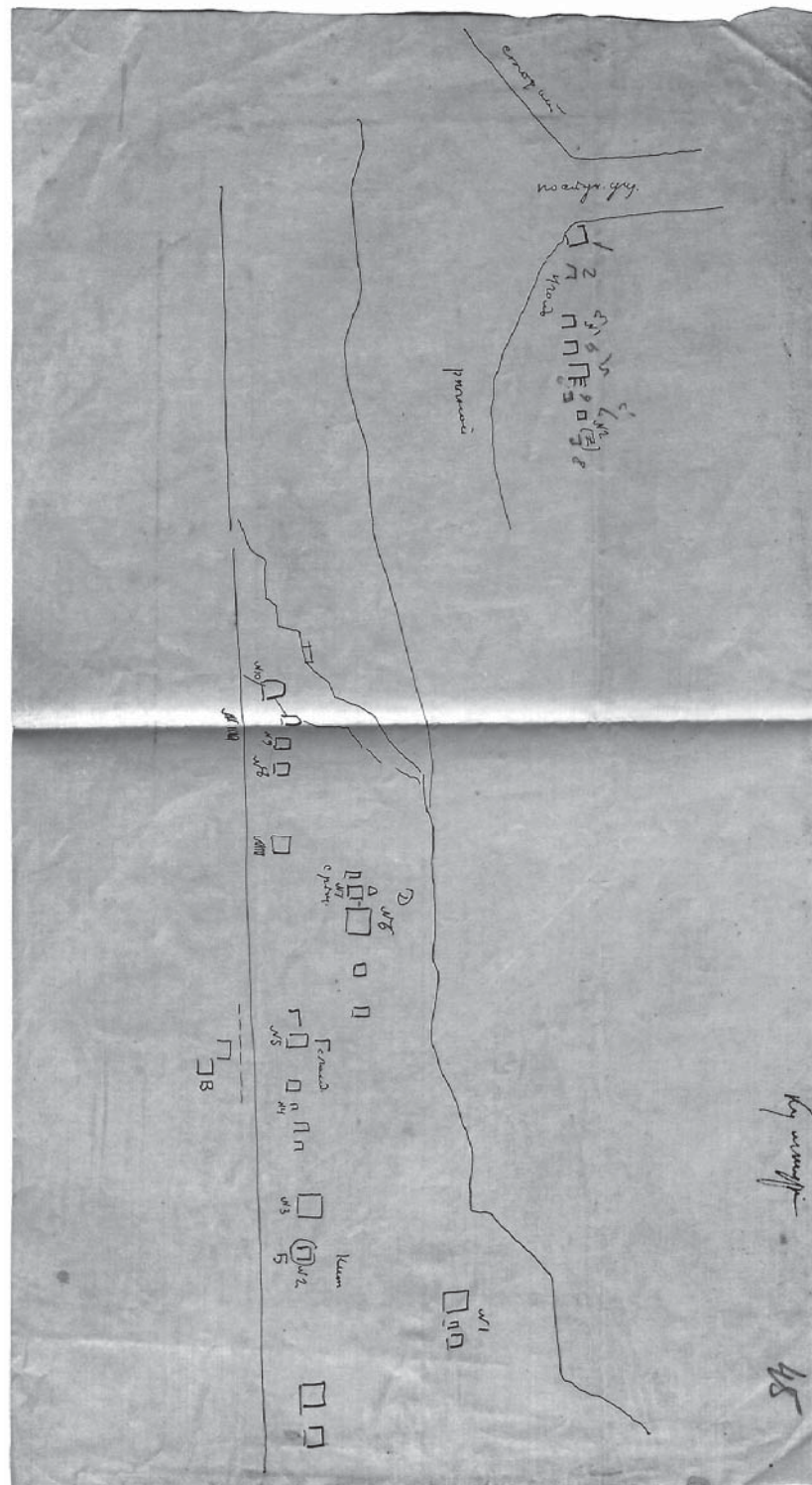

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Публикуется впервые.

Отчет о работах на городище Сым-сым¹ планов не содержит. Судя по краткому описанию городища, на плане могут быть изображены остатки ступы.¹ Ольденбург 1914: 62–63.

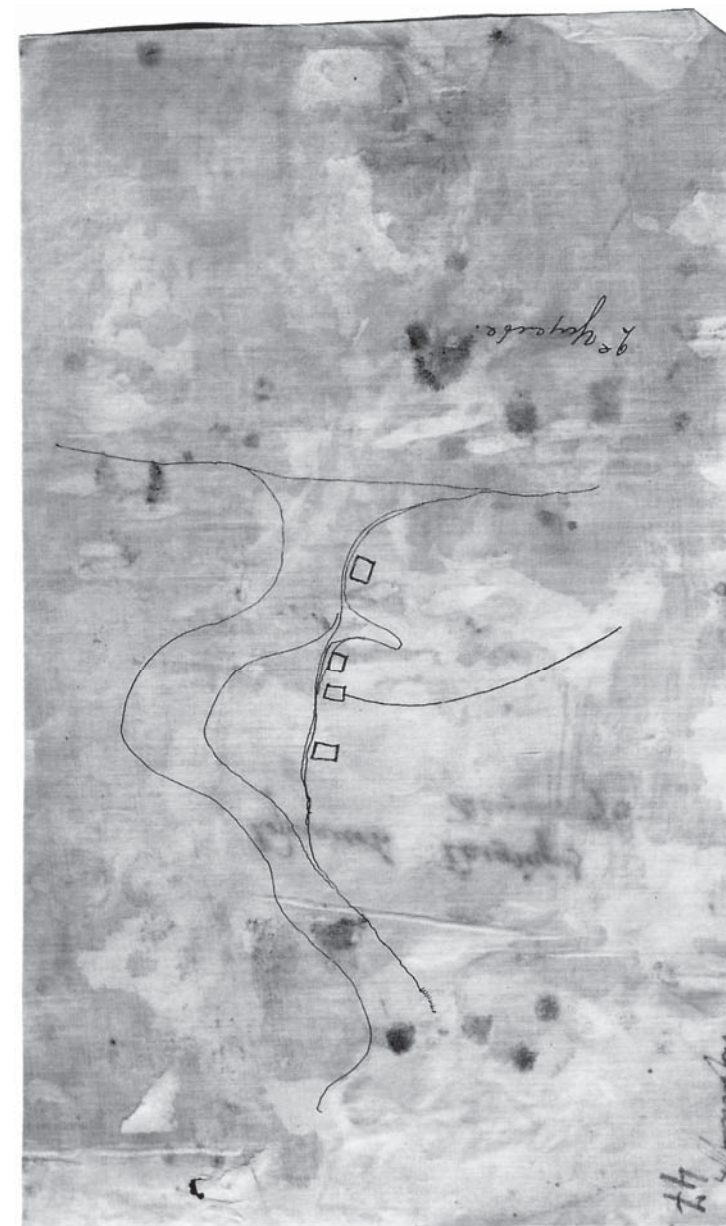
Кумтура. План.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 178. Л. 45.

Публикуется впервые.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Кумтура. План.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 178. Л. 47.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Публикуется впервые.

С.Ф. Ольденбург в отчете о работах экспедиции ссылается на фотографии М.М. Березовского и кальки Н.М. Березовского¹, однако не упоминает работ по снятию планов городища. Судя по тому, что к моменту работы на Кумтуре все спутники Ольденбурга, кроме Б.Т. Хохо, экспедицию покинули, а легенды на плане поставлены, как кажется, рукой руководителя экспедиции, к нему и следует отнести авторство планов Сым-сыма и Кумтуры.

¹ Ольденбург 1914: 69.

**ВТОРАЯ РУССКАЯ ТУРКЕСТАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
(1914–1915)**

МАРШРУТ И ХРОНОЛОГИЯ РАБОТ ВТОРОЙ РУССКОЙ ТУРКЕСТАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ АКАДЕМИКА С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГА (1914–1915)

Исследование истории оазиса Дуньхуана – ворот в Китай на Великом Шелковом пути – превратилось в самостоятельную научную дисциплину в рамках востоковедения: дуньхуановедение. Об этом, в частности, свидетельствует появление комплексных исследований по данной проблематике¹. Дуньхуан является предметом изучения для синологов, тибетологов, индологов, специалистов по истории нескольких мировых религий, в частности буддизма и христианства, археологов, историков искусства². Комплекс пещерных храмов, представляющий собой уникальный памятник мировой культуры, на протяжении более ста лет исследовал ряд международных археологических и искусствоведческих экспедиций. Начало изучению Дуньхуана было положено в 1907–1915 гг. работами А. Стейна (Великобритания), П. Пеллио (Франция)³, К. Отани (Япония) и Второй Русской Туркестанской экспедицией неперменного секретаря Императорской Петербургской академии наук академика С.Ф. Ольденбурга (И РТЭ).

Рукописи, привезенные С.Ф. Ольденбургом в 1915 г. и хранящиеся в Институте восточных рукописей РАН, – китайские и тибетские – долгое время исследуются российскими специалистами по данной теме. Составляются отдельные каталоги⁴, издаются отдельные тексты⁵.

Не меньшее значение (в сравнении с памятниками письменности) для мировой науки имеет исследование настенных росписей в пещерных храмах Дуньхуана с точки зрения как исторической перспективы, так и реставрационных и консервационных работ⁶. И в данном аспекте российские музейные собрания, основанные на результатах работ С.Ф. Ольденбурга, являются одним из основных источников информации, в том числе для зарубежных исследователей⁷.

У главного же труда академика С.Ф. Ольденбурга – «Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дуньхуана», где описано 443 пещерных храма, – довольно печальная судьба. Достаточно сказать, что практическая работа по его подготовке к изданию была возобновлена после нескольких десятилетий простоя только в 2018 г.

¹ Ророва, Liu Yi 2012.

² См. недавнюю обобщающую публикацию: Чай Цзяньхун 2016.

³ Объем вывезенной документации оказался столь велик, что актуальные современные исследования все еще базируются на ее основе (Drège 1999).

⁴ Савицкий 1991; Рукописи из Дуньхуана 1992–2001.

⁵ Меньшиков 1963; Рифтин 1972; Чугуевский 1981: 251–271, 364; Чунакова 2019: 73–83 и др.

⁶ См.: Whitfield *et al.* 2000; Wong, Agnew 2013.

⁷ См.: Цзинь Мэй 2004; Жэнь Лань Синь 2007.

Не один лишь главный труд академика Ольденбурга (возможно, работа всей его долгой жизни в науке), но и другие документы по истории II РТЭ до сих пор не введены в научный оборот. Так, хронология работ, маршрут, по которому экспедиция перемещалась, до сих пор известны в самых общих чертах. В литературе указываются только главные, опорные пункты (Чугучак, Урумчи, Гучэн, Хами)¹.

Между тем, документы II РТЭ позволяют вполне определенно восстановить маршрут и хронологию работы экспедиции. Публикуемый ниже документ представляет собой маршрутный лист с краткими комментариями (даты, места ночевки и работы), составленный в июне 1914 – марте 1915 гг., когда Вторая Русская Туркестанская экспедиция проводила работы в Восточном Туркестане. Документ хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук в личном фонде С.Ф. Ольденбурга². Лист 60 неверно атрибутирован как «Дорожник I РТЭ», т. е. экспедиции 1909–1910 гг., однако даты, места работы и упоминание Б.Ф. Ромберга, который в I РТЭ не участвовал, исключают такую атрибуцию.

Первый фрагмент «От Чугучака до Урумчи» указывает остановочные пункты на пути между двумя политическими центрами Северо-Западного Китая, в которых имелись российские консульства. В них экспедиции было необходимо оформлять документы для передвижения по Китаю и работы в стране.

Второй фрагмент «От Урумчи до Хами через Гучен» указывает маршрут, который экспедиция прошла до Хами, при этом этот маршрут отличается от обратного пути, который Ольденбург и его спутники прошли южнее, через Турфанскую котловину. Эти направления разошлись в Ляодуне.

Дальнейший путь («От Хами до Чан-фо-дуна через Ань-си-чжоу³») пролегал юго-восточнее Хами.

Обратный маршрут в Хами («От Чан-фо-дуна до Хами через Хун-лю-юан-цзы») пролегал в северном направлении от Дуньхуана (южном от Хами), без посещения (западнее) Аньси. Эти маршруты пересеклись в Хун-лю-юан-цзы.

Отрезок «От Хами до Туяк-Мазара» описывает обратный маршрут от Хамийской в Турфанскую впадину, в которой сконцентрировано наибольшее количество памятников древней и средневековой истории Восточного Туркестана.

Отрезок «От Туяк-мазара до Урумчи» описывает маршрут через основные памятники Турфанской долины в Урумчи – главный политический центр Синьцзяна. Примечательна запись от 3 марта 1915 г., в которой перечислены места работ в Турфанском оазисе: Туяк-мазар, Безеклик, Сенгим, Сенгим-аг'ыз, Идикут-шари, Безеклик. Работа II РТЭ на этих городищах не описана нигде, кроме записных книжек С.Ф. Ольденбурга, также хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН⁴.

Документ написан синими чернилами, четким почерком без использования знака «ять». Определенно, он был составлен по дневниковым записям по завершении экспедиции. Судя по почерку, текст был написан академиком С.Ф. Ольденбургом. Современная (архивная) пагинация листов не соответствует хронологии работ экспедиции.

¹ Попова 2008а: 165. В другой работе, посвященной истории работ II РТЭ (Скачков 1993), этот вопрос не рассматривается вовсе.

² СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 60, 62–64.

³ Ань-си-чжоу – уездный город в провинции Гань-су в 122 км от Чан-фо-дуна.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 193. Л. 238–269; см. ниже настоящее издание, раздел «С.Ф. Ольденбург. Из записных книжек 1914–1915 гг.».

		Дорожник экспедиции От Чугучака до Урумчи	
[Карта 1]			
1. VI.	17. Чугучак	–	Тоу-тай
2. -"-	18. Тоутай	–	Сара-хулсын ¹ (Шамол-уртон), через Куртэ ²
3. -"-	19. Сара-хулсын	–	Толу ³
4. -"-	20. Толу	–	Ямату ⁴
6. -"-	21. Ямату	–	Оту ⁵ Через Кюльденен ⁶
6. -"-	22. Оту	–	Олон-булак ⁷ Через Сарджак ⁸
7. -"-	23. Олон-булак	–	Кюль ⁹
8. -"-	24. Кюль	–	Чипей-цзы ¹⁰ [62]
9. -"-	24. Чипей-цзы	–	Шихо
10. -"-	26. Шихо	–	Куйтун ¹¹ 25. Дневка в Шихо.
11. -"-	27. Куйтун	–	Сандахоза ¹²
12. -"-	29. Сандахоза	–	Манас река ¹³ 28. Дневка в Санда-хоза.
13. -"-	30. Манас река	–	Манас город.
14. VII.	1. Манас	–	Сан-со-цзы
15. -"-	2. Сан-со-цзы	–	Цхан-цзи ¹⁴
16. -"-	3. Цхан-цзи	–	Урумчи

От Урумчи до Хами через Гучен

17. VII.	12. Урумчи	–	Гумиди
18. VII.	13. Гумиди	–	Фукан ¹⁵
	14. Дневка в Фукане.		
19. VII.	15. Фукан	–	стоянка в степи у арыка, версты 22 от Фукана.
20. VII.	16. Стоянка в степи	–	Стоянка у арыка за Цзи-ни-чуань ¹⁶ , приблизительно 45 верст от Фукана.

¹ Совр. Лаофункоу (Сарыхулсын) к юго-востоку от Чугучака.

² Населенный пункт между Эмин (Дульбурджин) и Лаофункоу.

³ Совр. Толи (Мапан) на хребте Джаир.

⁴ Пикет на одноименной реке.

⁵ Совр. Уту (Мяозргоу).

⁶ Совр. Кульденен на одноименной реке.

⁷ Пикет к юго-востоку от Сарджака.

⁸ Пикет в 75 км от Толи.

⁹ Совр. пикет Куль.

¹⁰ Совр. Чэпайцзы.

¹¹ Совр. Куйтун на одноименной реке к востоку от Усу.

¹² Совр. Сандухоза.

¹³ Река Манас протекает между совр. Шихэцзы и Манасом.

¹⁴ Вероятно, имеется в виду совр. Чан-цзи.

¹⁵ Населенный пункт к северо-востоку от Урумчи.

¹⁶ Совр. Цзиницюань к востоку от Фукана.

21. VII. 17. Стоянка у арыка	–	Сан-тай ¹
22. -"- 18. Сантай	–	Цзи-ми-сар ²
23. -"- 19. Цзи-ми-сар	–	Гучен ³
20 Дневка в Гучене.		
24. -"- 21. Гучен	–	Чи-тей-сянь
25. -"- 22. Чи-тей-сянь	–	Мулихэ ⁴
26. -"- 23. Мулихэ	–	Санго-чуан-цзы ⁵
27. -"- 24. Санго-чуан-цзы	–	Да-ши-ту ⁶
28. -"- 25. Да-ши-ту	–	Ту-шуй
29. -"- 26. Тушуй	–	Чиги-чинза ⁷
30. -"- 27. Чиги-чинза	–	Чегулу ⁸
31. -"- 28. Чегулу	–	Иван-чинза ⁹
32. -"- 29. Иван-чинза	–	Лёдун ¹⁰
33. -"- 30. Лёдун	–	Сан-дао-линза (Таранчи) ¹¹
34. -"- 31. Сандао-линза	–	Тогучи. Поездка в Или-кёль.
35. VIII. 1. Тогучи	–	Сум-каг'а (Ту-фу-лу) ¹²
36. -"- 1. Сум-каг'а	–	Хами

[63]

¹ Совр. Саньтай.
² Совр. Джимасар к востоку от Урумчи.
³ Совр. уезд Цитай в 32 км на восток от Джимасара.
⁴ Возможно, имеется в виду совр. Моря, обозначенный на карте 500k-k46-1; на карте 500k-l46-3 при указании дороги к данному поселению данный топоним обозначен как Мулэй.
⁵ Вероятно, имеется в виду совр. Саньгэюаньцзы к юго-востоку от Моря.
⁶ Совр. Дашитоу.
⁷ Возможно, имеется в виду совр. Цицзяоцин.
⁸ Совр. Чегулуньчуань.
⁹ Совр. Иваньцюань.
¹⁰ Совр. Ляодунь.
¹¹ Совр. Саньдаолин.
 Таранчи (земледелец – чагатайск.) – обозначение илийской (кульджийской) группы уйгуров.
¹² Вероятно, совр. Улу в 52 км к западу от Хами.

Карта 1. От Чугучака до Хами.

От Хами до Чан-фо-дуна через Ань-си-чжоу.

[Карта 2]

37. VIII. 5. Хами	—	Хуаң-лу-каң ¹
38. -"- 6. Хуаң-лу-каң	—	Чаң-лю-шуй (Алтемюр ²)
39. -"- 7. Чаң-лю-шуй	—	Яндун ³
40. -"- 8. Яндун	—	Куфи (Кушуй ⁴)
41. -"- 9. Куфи	—	Са-чуан-цзы ⁵ .
42. -"- 10. Са-чуан-цзы	—	Шинь-шинь-ся ⁶
43. -"- 11. Шинь-шинь-ся	—	Ма-лян-чинза ⁷
44. -"- 12. Ма-лян-чинза	—	Да чуань ⁸
45. VIII. 13. Да чуань	—	Хун-лю-юан-цзы ⁹
46. -"- 14. Хун-лю-юан-цзы	—	Бей-дун-цзы ¹⁰
47. -"- 15. Бей-дун-цзы	—	Ань-си-чжоу ¹¹
16. Дневка в Аньси.		
48. -"- 17. Ань-си-джоу	—	Куа-джу ¹² .
49. -"- 18. Куа-джу	—	Тан-фи-чинза
50. -"- 19. Тан-фи-чинза	—	Гада-чинза
51. -"- 20. Гада-чинза	—	Чан-фо-дун ¹³

[64]

¹ Совр. Хуанлунган.
² Совр. Эльтимур.
³ Совр. Яньдунь.
⁴ Совр. Кушуй в 115 км от Хами.
⁵ Совр. Сачуаньцзы. Переход от Кушуй до Сачуаньцзы пролегал вне дорог, по гравию на плотном, местами мягком грунте.
⁶ Вероятно, имеется в виду совр. Синсинся.
⁷ Совр. Маляньцзин.
⁸ Совр. Дацюань.
⁹ Совр. Лююань.
¹⁰ Совр. Байдуньцзы.
¹¹ Совр. Аньси в долине реки Шулэхэ.
¹² Возможно, имеется в виду совр. Гуанжоукоу к юго-западу от Аньси.
¹³ Совр. Цяньфодун (Чан-фо-дун) – цель экспедиции С.Ф. Ольденбурга, расположенная к юго-востоку от Дуньхуана.

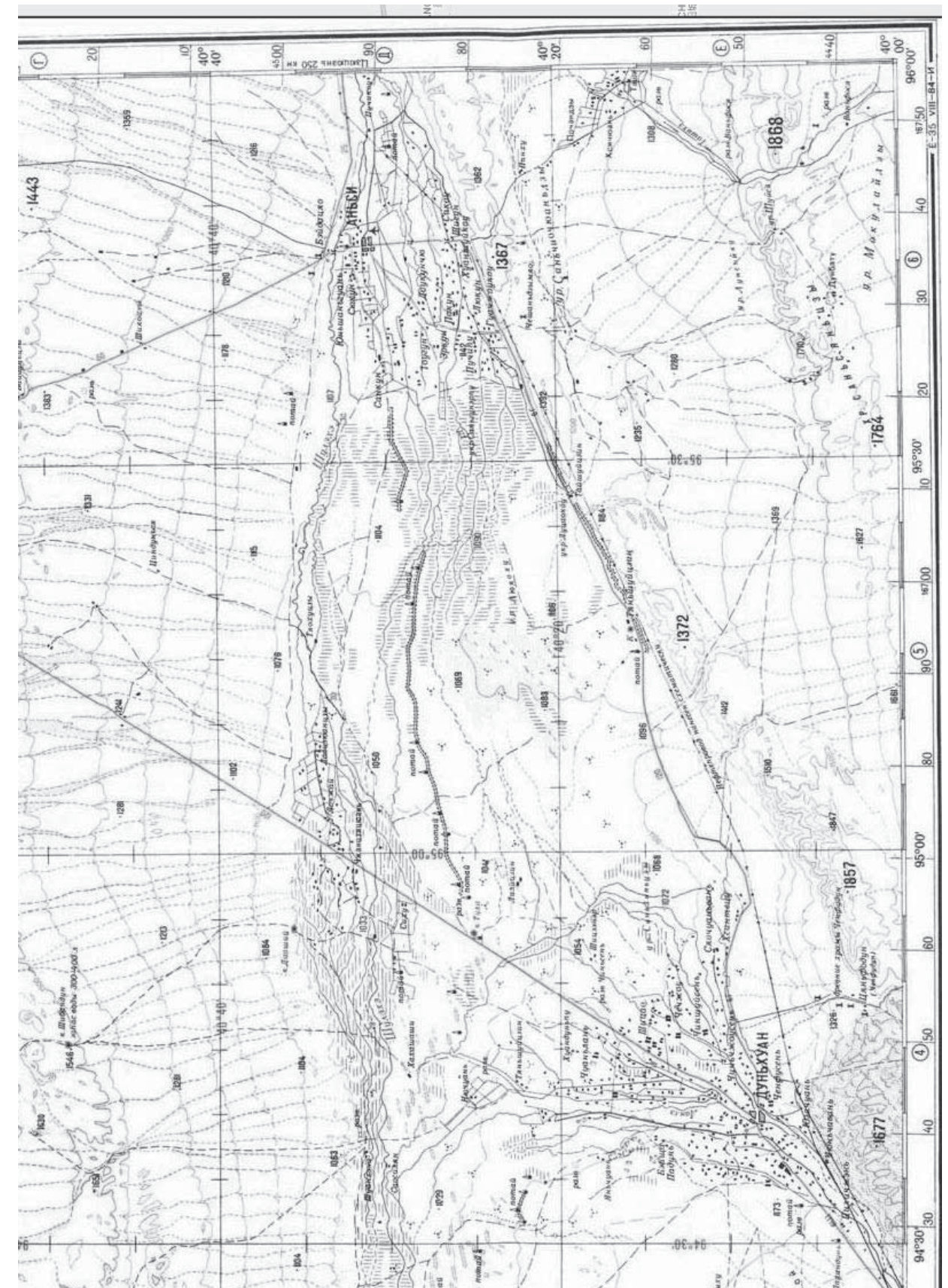

Карта 2. От Хами до Аньси.

От Чан-фо-дуна до Хами через Хун-лю-юан-цзы
[Карта 3]

1. I.	27. Чан-фо-дун	–	Чи-сор или, может быть, Са-мун-за
2. -"	28. Чи-сор	–	Чаң-чжа-чжуань ¹ (около Ляо-чжуань)
3. -"	29. Чаң-чжа-чжуань	–	Да-го-да
4. -"	30. Да-го-да	–	Хун-лю-юан-цзы
5. -"	31. Хун-лю-юан-цзы	–	Да-чуань
6. II.	1. Да-чуань	–	Ма-лян-чинза
7. -"	2. Ма-лян-чинза	–	Шинь-шинь-ся
8. -"	3. Шинь-шинь-ся	–	Са-чуан-цзы
9. -"	4. Са-чуан-цзы	–	Куфи
10. -"	5. Куфи	–	Ян-дун
11. -"	6. Ян-дун	–	Чаң-лю-шуй
12. -"	7. Чаң-лю-шуй	–	Хуаң-лу-каң (Сай-булак)
13. -"	8. Хуаң-лу-каң	–	Хами

¹ Совр. Чжанцзяцюань на реке Шулуэхэ.

Карта 3. От Аньси до Дуньхуана.

[60]

От Хами до Туяк-Мазара

[Карта 4]				
14. II	–	11.	Хами –	Астана остановка в Хами 9 и 10. II
15. -"	–	12.	Астана ¹ –	Таранчи
16. -"	–	13.	Таранчи –	Лёдун
17. -"	–	14.	Лёдун –	Иван-чинза
18. -"	–	15.	Иван-чинза –	Чеголу
19. -"	–	16.	Чеголу –	Отун-г'ауза (Дуң-яң-ши ²)
20. -"	–	17.	Отун-г'ауза –	Ши-яң-ши ³
21. -"	–	18.	Ши-яң-ши –	Крык-уртең (Туң-дуң-цзы) ⁴
22. -"	–	19.	Крык-уртең –	Чиктым ⁵
23. -"	–	20.	Чиктым –	Пичан ⁶
24. -"	–	21.	Пичан –	Туяк-мазар. Через с. Лемджин ⁷
От Туяк-мазара до Урумчи				
25. -"	–	25.	Туяк-мазар –	Сенгим-аг'ыз Через Субаши, Безеклик. 22, 23, 24. II остановка в Туюке для работы.
26. III	–	7.	Сенгим-аг'ыз –	Турфан 25, 26, 27, 28. II и 1, 2, 3, 4, 5, 6. III работы в Безеклике, Сенгиме, Сенгим-аг'ызе, Идикут-шари, Астане, причем экспедиция жила часть времени в Безеклике и другую часть в Сенгим-аг'ызе. Дорога ближе к горам и мимо Старого Турфана.
27. III. 10.	–		Турфан	Туг'ра-су ⁸ Через Яр ⁹ и Кендык ¹⁰
8,9 III	–			пребывание в Турфане, поездки Б.Ф. Ромберга в ущелья к северу от мусульманского Турфана и в Яр.
28. III.		11.	Туг'ра-су –	Хоглу
29. -"		12.	Хоглу –	Тудун-за Через Дабан-чен ¹¹
30. -"		13.	Тудун-за –	Джи-джи-со-дза ¹²
31. -"		14.	Джи-джи-со-дза –	Урумчи.

¹ Вероятно, имеется в виду совр. Астине к северо-западу от Хами.

² Совр. Дуняньчи-Гумбезходжам.

³ Вероятно, имеется в виду совр. Сяньчи.

⁴ Совр. Крыкэртун.

⁵ Совр. Чиктам или расположенный к югу Цыктим.

⁶ Совр. Шаньшань.

⁷ Совр. Лямджин.

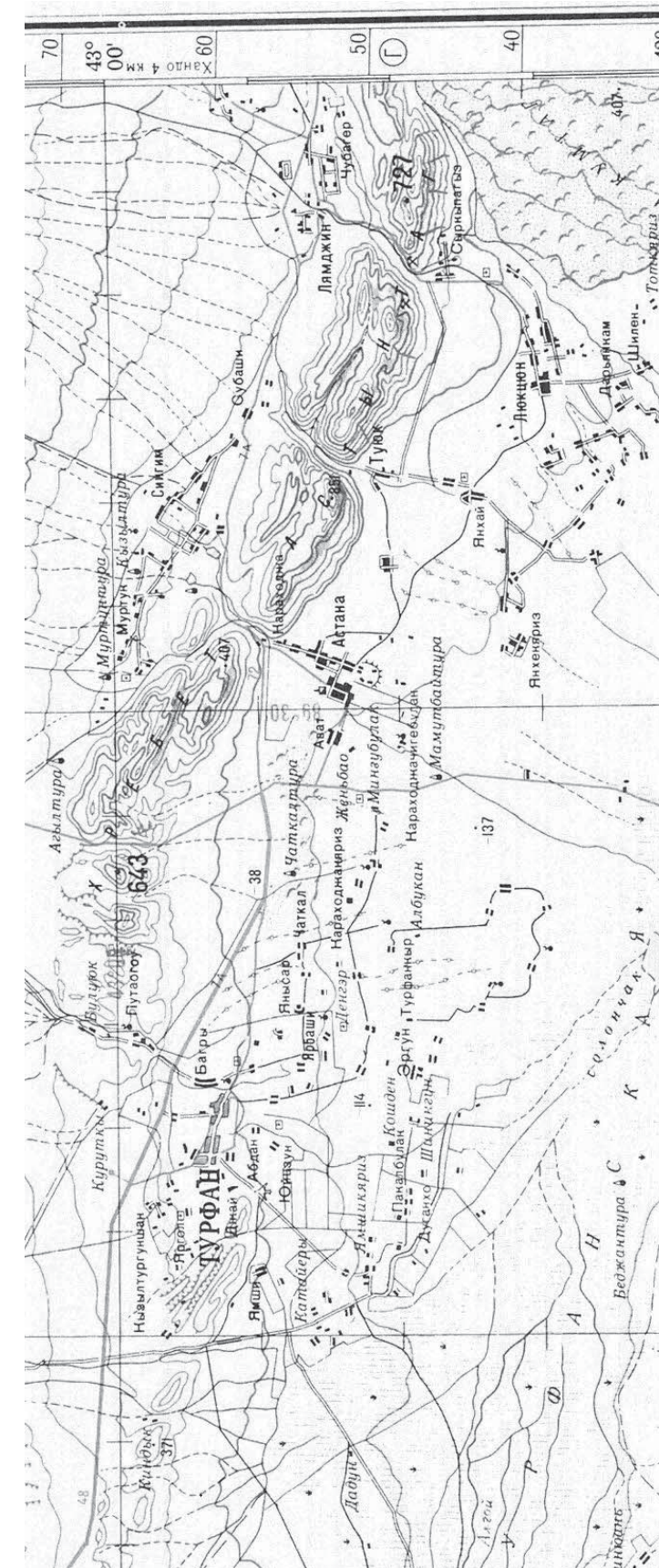
⁸ Имеется в виду совр. Тогрысубулак.

⁹ Вероятно, имеется в виду древний Ярхото (совр. Цзяохэ), расположенный в 13 км к западу от Турфана.

¹⁰ Совр. Киндык к северо-западу от Турфана.

¹¹ Совр. Дабанчэн.

¹² Совр. Цицизицаоцзы к югу от Урумчи.

Карта 4. Памятники Турфанского оазиса.

PERSONALIA

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ БИРКЕНБЕРГ

Биография участника работ II РТЭ не была еще предметом специальных исследований. Документы Российского государственного исторического архива (далее – РГИА) позволяют воссоздать до некоторой степени основные этапы его жизненного пути.

Виктор Сергеевич Биркенберг родился 21 января 1890 г. в Москве, в тот же день был крещен в церкви Иоанна Богослова на Бронной. Как указано в свидетельстве о его рождении, «родительница его: не объявившая своего звания, отчества и фамилии, по имени Мария, православного вероисповедания, из дома Лагорио у повивальной бабки Иноземцевой»¹. Через десять лет после его рождения, 7 сентября 1900 г., «по указу Его императорского величества, Московский окружной суд по VII отделению в публичном заседании, открытом под председательством товарища председателя Д.А. [...] в составе членов: П.А. Буханова и С.Г. Зиморева, слушали дело по прошению вдовы коллежского советника Евгении Карловны Биркенберг об усыновлении ею незаконнорожденного “Виктора”, родившегося от неизвестного звания женщины»². 17 октября 1900 г. было принято решение о разрешении на усыновление Виктора Евгенией Карловной. Таким образом, распространенная информация о том, что Виктор Сергеевич Биркенберг являлся немцем по национальности³, оказывается в корне неверной.

18 августа 1901 г. Биркенберг поступил в Набилковское коммерческое училище, которое на тот момент считалось одним из лучших в Москве: «в отличие от гимназий, подчиненных министерству просвещения, оно находилось в ведении министерства торговли и промышленности – более либерального и близкого к задачам современной жизни и практики. [...] При Набилковском училище оставался собственно приют, называемый пансионом, с бесплатным содержанием и обучением, но одновременно оно функционировало как обычная школа, в которой за установленную плату могли учиться все желающие»⁴.

Биркенберг закончил его «при отличном поведении» 28 мая 1908 г.⁵, получив звание личного почетного гражданина.

22 сентября 1911 г. Биркенберг подает прошение на имя ректора Императорской Академии художеств с просьбой «о допущении [...] к поверочным испытаниям, установленным

¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 13. Д. 112. Л. 4.

² РГИА. Ф. 789. Оп. 13. Д. 112. Л. 6.

³ См., например: База данных «Жертвы политического террора в СССР».

⁴ Муравьев 2011.

⁵ РГИА. Ф. 789. Оп. 13. Д. 112. Л. 3.

для поступления в число студентов по Архитектурному отделу вверенной Вашему превосходительству Академии»¹. Испытания он выдерживает и поступает на архитектурное отделение Императорской Академии художеств.

15 июня 1913 г. Биркенбергу поручено «обмерить, зарисовать и сфотографировать [...] старинные церкви гор. Пскова»². Он участвовал в исследовании псковской «Гремячей» башни, которая на тот момент рисковала «из важного военно-исторического памятника превратиться в руину»³. Это было первое исследование памятника: «Исследование производится под руководством архитектора-художника К.К. Романова⁴ и исполняется академистом в В.С. Биркенбергом, которым уже выполнен точный обмер всех деталей башни и произведено ретальное фотографирование»⁵. Во время этой же поездки «студент академии художеств Биркенберг, производя съемку Воскресенской церкви, зашел в подвальное помещение церкви в сопровождении священника о. Каведяева и церковного сторожа. Заметив небольшое углубление в стене, г. Биркенберг начал рыться, и вскоре оттуда, из углубления, выкатилась старинная глиняная кубышка. В ней было найдено 1.728 серебряных монет времен Михаила Федоровича и Алексея Михайловича»⁶.

Вернувшись из поездки в Псков, Биркенберг заболевает флегмонозной ангиной и не может посещать занятий, в связи с чем он не может сдавать экзамен по истории искусства и просит о переносе⁷.

Весной 1914 г. Биркенберг получает приглашение от академика Сергея Федоровича Ольденбурга участвовать по Второй Русской Туркестанской экспедиции, однако обстоятельства знакомства Ольденбурга и Биркенберга пока неясны. Чтобы все устроить, Виктор Сергеевич 21 марта 1914 г. пишет прошение в Совет Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств:

Ученика Виктора Биркенберга
Прошение

Ввиду сделанного мне Сергеем Федоровичем Ольденбургом приглашения участвовать в снаряжаемой Академией наук под его предводительством экспедиции в Китайский Туркестан и принимая во внимание дальность расстояния до места предполагаемых работ (около 56 дней пути туда и столько же обратно), покорнейше прошу Совет дать мне отпуск до декабря с/г., дабы я мог бы иметь возможность посвятить несколько летних месяцев делу изучения древнебуддийского зодчества и фресковой живописи⁸.

Однако Совет отказывает ему. 25 апреля 1914 г. Биркенберг снова пишет прошение: «Извиняясь за оказываемое беспокойство, позволяю себе еще раз обратиться в Совет с покорнейшей просьбой рассмотреть вторично мое предыдущее прошение и не отказать в продлении

¹ Личного почетного гражданина Виктора Сергеевича Биркенберга прошение (РГИА. Ф. 789. Оп. 13. Д. 112. Л. 2).

² РГИА. Ф. 789. Оп. 13. Д. 112. Л. 36.

³ Археологическая хроника 1913: 116.

⁴ Романов, Константин Константинович (1882–1942) – архитектор, реставратор, археолог, действительный член ИРАО, член-корреспондент ИАК (1910), хранитель Отдела этнографии Русского музея Александра III (1911–1921). В дальнейшем продолжал сотрудничество с Н.Я. Марром в рамках РАИМК (ГАИМК), в которой заведовал разрядом русского зодчества.

⁵ Археологическая хроника 1913: 116.

⁶ Археологическая хроника 1914: 116.

⁷ Прошение от 10 сентября 1913 г. РГИА. Ф. 789. Оп. 13. Д. 112. Л. 38.

⁸ РГИА. Ф. 789. Оп. 13. Д. 112. Л. 40.

моего летнего отпуска до 1-го декабря 1914 года»¹. Видимо, С.Ф. Ольденбург был в курсе происходящих бюрократических задержек, поскольку уже 24 апреля 1914 г., за день до подачи нового прошения Биркенберга, он лично пишет Леонтию Николаевичу Бенуа, который на тот момент был ректором Высшего художественного училища:

Милостивый государь Леонтий Николаевич,

Позволяю себе просить Ваше превосходительство не отказать доложить Совету Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств нижеследующую мою просьбу. В середине мая месяца я отправляюсь в экспедицию с археологической целью в Китайский Туркестан, экспедиция эта является продолжением моей первой экспедиции в 1909–1910 г., совершенной по высочайшему повелению и о которой я представил в свое время подробный личный доклад Его величеству. В настоящее время я направляюсь в Дунхуан, и мне необходимо для успеха экспедиции обставить ее возможно полнее в технически-художественном отношении, так как памятники, которые я имею в виду исследовать, представляют весьма большой интерес для истории искусства. Основываясь на научно-художественном интересе моей экспедиции, я и прошу Совет не отказать в разрешении ученику В.С. Биркенбергу ехать со мною и остаться на два месяца после каникулярного срока. Дальность расстояния не позволяет быстро окончить экспедицию. Экспедиция снаряжена состоящим под покровительством государя императора Русским комитетом по изучению Средней и Восточной Азии.

Прошу Ваше превосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности².

Уже 7 мая 1914 г. Биркенберг получил отпускной билет сроком до 7 января 1915 г.³ и стал участником Второй Русской Туркестанской экспедиции академика С.Ф. Ольденбурга. Во время экспедиции Виктор Сергеевич совместно с Дудиным, Ромбергом, Смирновым и Ольденбургом занимался составлением плана пещер по этажам (например, им был составлен план пещерного комплекса Дунхуана⁴), разрезов, фасадов, фотографированием орнаментов⁵.

2 мая 1916 г. Биркенберг получил свидетельство «из Императорской Академии художеств ученику Высшего художественного училища при Академии Виктору Сергеевичу Биркенбергу в том, что он, [...] после окончания научных курсов и состояния в мастерской профессора-руководителя по архитектуре, на основании примечания за § 62 временного устава Императорской Академии художеств, высочайше утвержденного 15 сентября 1893 года, приобрел право на производство построек, в чем канцелярия Императорской Академии художеств свидетельствует с приложением казенной печати»⁶.

Вероятно, в этот период времени Биркенберг поступил на службу в строительно-технический отдел товарищества «Треугольник» в Ярославле, откуда 24 августа 1917 г. писал в канцелярию Училища с просьбой сообщить, когда «предположено начало занятий в мастерских и состоится ли выпуск на конкурс архитекторов»⁷.

12 января 1918 г. он также пишет из Ярославля в канцелярию Училища уже с просьбой выяснить его «отношение к воинской повинности» – «в связи с циркулирующими

¹ Там же. Л. 41.

² Там же. Л. 42–42 об.

³ Там же. Л. 43.

⁴ Бухарин, Попова, Тункина 2018b: 31.

⁵ Бухарин 2018e: 76.

⁶ РГИА. Ф. 789. Оп. 13. Д. 112. Л. 53.

⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 13. Д. 112. Л. 61.

Рис. 1.

Биркенберг Виктор Сергеевич
(по «Электронной книге памяти Москвы
и Московской области»²⁴)

слухами о призыве на военную службу лиц от 18 до 30-летнего возраста»¹. На основании разрешения ректора Биркенберг, выпущенный на конкурс 21 декабря 1917 года, получил отсрочку от воинской повинности². В 1918 г. ему было присвоено звание архитектора-художника³.

После революции 1917 г. Биркенберг вернулся в Москву. С.Ф. Ольденбург не потерял следы своего коллеги в послереволюционное лихолетье и стремился привлечь его к совместной работе в Русском Туркестане. Так, на заседании Постоянной Туркестанской комиссии 7 февраля 1924 г. С.Ф. Ольденбург видел в Биркенберге замену Бартольд в ходе исследовательских работ:

В связи с возможностью поездки в ближайшем будущем председателя В.В. Бартольда в Туркестан, при чем может понадобиться архитектор с археологической подготовкой, С.Ф. Ольденбург рекомендовал пригласить в качестве такового архитектора Биркенберга, принимавшего участие в работах 2-й Туркестанской экспедиции.

Постановлено: иметь в виду⁵.

В 1930-е гг. В.С. Биркенберг работал во Второй архитектурной мастерской Моссовета, которую возглавлял известный архитектор Алексей

Викторович Щусев. В 1934 г. Биркенберг в ее составе становится одним из руководителей проекта по реконструкции Дома науки и культуры под театр оперы и балета в Новосибирске. Он разработал дизайн купола театра, и его проект стал «архитектурной «витриной» Новосибирска»⁶, был удостоен Золотой медали Всемирной выставки в Париже в 1937 г.

Затем Виктор Сергеевич оказался втянут в кампанию по травле своего руководителя. В газете «Правда» от 3 октября 1937 г. вышла заметка «Жизнь и деятельность архитектора Щусева» (с. 6), в которой тот обвинялся в использовании служебного положения в корыстных целях. В ряде прочих обвинений фигурирует: «Подобного рода подлогами Щусев присвоил себе работу архитектора Биркенберга (проект здания Академии наук)». Сам В.С. Биркенберг высказался о том, что тот присвоил его проект, не оставив даже в соавторах, в заметке «Кто же автор этих проектов?». В ней он, описав ситуацию, самокритично отметил, что сам не сопротивлялся действиям Щусева⁷. Художник Евгений Евгеньевич Лансере – друг гонимого архитектора – нелестно отзывался о происходящем в своих дневниках: «11 сентября 1937 года:

К крупной сволочи отношу Алабяна; матерый карьерист. К мелкой сволочи: Чернов, Биркенберг, какая-то бездарность француз...»⁸. Несмотря на нападки в прессе, снятие с должности и грозивший Щусеву арест, все обошлось: уже через несколько месяцев его назначают главным архитектором института «Академпроект».

Что касается самого В.С. Биркенберга, то одним из его последних проектов становится жилой дом в Москве на Ленинградском проспекте, который начали возводить в 1939 году для РЖСКТ «Культурный быт», однако в 1940 г. заказчик поменялся, а с ним и архитектурный проект⁹.

Затем в жизни В.С. Биркенберга происходит резкий и трагический поворот. 25 апреля 1938 г. он был обвинен в шпионаже и арестован. Вероятно, Биркенберг попал под «немецкую операцию» НКВД 1937–1938 гг. Вкратце ее суть сводится к следующему: «Агентурными и следственными материалами последнего времени доказано, что германский генеральный штаб и гестапо в широких размерах организуют шпионскую и диверсионную работу на важнейших, и в первую очередь оборонных, предприятиях промышленности, используя для этой цели осевшие там кадры германских подданных»¹⁰. Горькая ирония судьбы была лишь в том, что Биркенберг носил немецкую фамилию усыновившей его вдовы, а родителей своих не знал вовсе, как это было уже изложено выше.

По свидетельству архива «Мемориала», «список на расстрел, в который он был включен, 12 сентября 1938 утвердили Сталин, Молотов и Жданов. 15 сентября 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР В.С. Биркенберг был приговорен к расстрелу. Захоронен он на спецполигоне НКВД «Коммунарка». Семье сообщили приговор: «10 лет без права переписки». Расстрелян 15 сентября 1938»¹¹.

10 ноября 1956 г., как гласит «Книга памяти Российской ассоциации жертв незаконных политических репрессий»¹², Виктор Сергеевич Биркенберг был реабилитирован посмертно.

¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 13. Д. 112. Л. 62.

² РГИА. Ф. 789. Оп. 13. Д. 112. Л. 64.

³ Юбилейный справочник 2007: 242.

⁴ [https://ru.openlist.wiki/Биркенберг_Виктор_Сергеевич_\(1890\)](https://ru.openlist.wiki/Биркенберг_Виктор_Сергеевич_(1890)).

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 444. Л. 18.

⁶ Смольников 2012.

⁷ Рогачев 2014.

⁸ Хмельницкий 2015.

⁹ См.: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ленинградский_проспект (дата последнего обращения: 20.08.2019).

¹⁰ Охотин, Рогинский 1999.

¹¹ URL:<https://museum.memo.ru/author/297/> (дата последнего обращения: 20.08.2019).

¹² URL:<http://rosagr.natm.ru/card.php?person=502040> (дата последнего обращения: 20.08.2019).

БОРИС ФЕДОРОВИЧ РОМБЕРГ

В работах Второй Русской Туркестанской экспедиции принимали участие С.Ф. Ольденбург в качестве руководителя работ, С.М. Дудин – археолог, искусствовед, художник, Н.А. Смирнов – топограф-землемер, В.С. Биркенберг – архитектор, Б.Ф. Ромберг – художник, фотограф. В Дуньхуан экспедиция прибыла 18 августа 1914 г. Фактически Ольденбург провел полный сезон работ в Дуньхуане с одним только Ромбергом, так как 1 ноября Дудин, Смирнов и Биркенберг экспедицию покинули. Вернулись Ольденбург и Ромберг в Петроград 23 апреля 1915 г.

В исследовательской литературе изредка и кратко цитируются документы экспедиции, упоминающие Б.Ф. Ромберга¹. Между тем, судя по описи² главного труда С.Ф. Ольденбурга и итоговой работы II РТЭ «Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дунь-хуана», тетрадь IX этой работы, последняя, представляла собой отчет Б.Ф. Ромберга³, и его вклад в работу экспедиции не ограничивался чисто техническими задачами. Судя по рукописному варианту «Описания пещер...», Ольденбург поручал Ромбергу ведение самостоятельных исследовательских работ, всецело ему доверяя. Так, при описании пещеры № 63 Ольденбург пишет: «Б.Ф. Ромберг, бывший там, сообщает: ...»⁴. Далее, при описании пещеры № 124с, Ольденбург отдает должное наблюдательности Ромберга: «На узорных балках в треугольнике на В черный условный лев на синем (см. кальку) и (замеченный Б.Ф. Ромбергом) человек на D-3 (см. кальку)»⁵. Упоминается Ромберг и в других контекстах: как автор акварелей⁶ и как фотограф, для которого Ольденбург не считал зазорным лично расчищать пространство от помех⁷. В письме от 2 февраля 1915 г. из Хами ~~своему другу~~ академику В.И. Вернадскому по случаю кончины своего брата Федора⁸ С.Ф. Ольденбург из всех участников экспедиции выделил одного Ромберга: «Трудно справиться с собой, помогала очень работа; кажется, удалось соединить довольно много. У меня был очень хороший помощник Ромберг, талантливый и тонкий человек,

¹ Например, Попова 2008а: 167–168 (цитируется дневник экспедиции: СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 172. Л. 110).

² СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 175. Л. 1.

³ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 181.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 175. Л. 317.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 175. Л. 729.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 175. Л. 316.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 175. Л. 990.

⁸ Ольденбург, Федор Федорович (1861–1914) – педагог, общественный деятель; с 1887 г. преподавал в Тверской женской учительской школе; позднее открыл в Твери несколько учебных заведений; основатель школьной статистики в России; член Орфографической комиссии Академии наук.

очень чуткий, хороший и великолепный, неутомимый работник»¹. В этом же письме Ольденбург признавался, что был счастлив провести обратный путь в компании Ромберга: «Дорога по Гоби сейчас в мороз и при ветре верхом шагом не всегда легка, но от счастья мой спутник и я считаем материальные неудобства неважными... Завтра утром выезжаем в Турфан, куда 13 дней пути»². Известно также, что Ольденбург собирался хлопотать о награждении Ромберга крупной премией³.

Между тем биография коллеги С.Ф. Ольденбурга по II РТЭ, прошедшего с ним все тяготы работ, практически неизвестна. Все, что удалось найти в исследовательской литературе, заключается в нескольких строках: «Ромберг Борис Федорович (?–1935) – художник, близкий знакомый Г.В. Вернадского. В 1905 окончил школу Общества поощрения художеств; участник Восточно-Туркестанских экспедиций С.Ф. Ольденбурга (1909–1910, 1914–1915). В дальнейшем жил в Полтаве, заведовал местным краеведческим музеем (1919). В Белом движении – подпоручик инженерной Дроздовского роты; затем в эмиграции (Греция, Чехословакия). Занимался иконописью. Письма Б.Ф. Ромберга Г.В. Вернадскому за 1913–1920 см.: ГАРФ. Ф. 1137 (Г.В. Вернадский). Оп. 1. Д. 295, 412⁴; письма более позднего периода: ВАР. Г. Vernadsky Coll. Box 61, 62»⁵. Эта биографическая справка в силу своего объема не может не страдать неполнотой, в ней нет ссылок на документы, на которых она основана. И даже в таком конспективном виде она может и должна быть дополнена.

Ранний этап биографии Б.Ф. Ромберга восстанавливается благодаря документам из Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)⁶ и Эстонского национального исторического архива (г. Тарту)⁷. Дело из ЦГИА содержит 25 листов, которые относятся к периоду от рождения Ромберга 1 мая 1882 г. до перевода его из Санкт-Петербургского в Юрьевский (Дерптский) университет.

Наиболее ранний документ – свидетельство о рождении – говорит о том, что «тысяча восемьсот восемьдесят второго года в метрической Епархиального ведомства книге церкви Святыя Живоначальныя Троицы, что лейб-гвардии в Измайловском полку, части первой, мужеска пола под № 30-м в мае месяце первого числа значится родившимся и крещенным в сем же месяце шестнадцатого числа Борис, родители его: статский советник Федор Александрович Ромберг, лютеранского исповедания и законная его жена Надежда Николаевна, православного исповедания. Восприемниками при крещении были: статский советник Иван Николаевич Лаубе и вдова коллежского советника Надежда Порфирьевна Ильина. Таинство крещения совершал протоиерей Николай Наумов, с псаломщиком Иваном Соколовым; в чем с приложением церковной печати и свидетельствуем... Подписали: протоиерей Николай Наумов и исполняющий должность псаломщика Михаил Леонтьев»⁸.

В 1895 г. Боря Ромберг начал учебу в 5-й С.-Петербургской гимназии. Гимназист Ромберг отличался примерным поведением, о чем свидетельствует фрагмент характеристики, данной директором гимназии 3 июня 1903 г. по окончании восьмого класса: «Всегда вел себя прекрасно и ни в каком дурном поступке не был замечен»⁹. Вероятно, этот документ требовал-

ся для военного ведомства и поступления в университет, так как после окончания восьмого класса гимназии, в 1903 г., Борис Ромберг должен был пройти военную службу, что следует из свидетельства о приписке к призывному участку¹.

22 мая 1903 г. Б.Ф. Ромберг был признан потомственным дворянином «с правом на внесение в дворянскую родословную книгу, во вторую часть оной»² и получил аттестат зрелости. Учился Ромберг плохо: четверки вперемишку с тройками он имел лишь по Закону Божьему, математике, географии, истории и французскому языку. По русскому и церковнославянскому, логике, латыни, греческому и физике тройки с иными оценками не перемешивались. По немецкому языку в аттестате значится прочерк.

В том же году Ромберг совершает путешествие в Среднюю Азию. По итогам работы в Самарканде и Бухаре³ им составлен фотоархив, хранящийся ныне в МАЭ РАН⁴. Снимки Ромберга атрибутированы с ошибками: фотографии, сделанные в 1903 г., отнесены к результатам работ I РТЭ (1909–1910 гг.).

В 1903 г. Борис Ромберг поступает в Императорский Санкт-Петербургский университет на юридический факультет. Прошение о зачислении – стандартный документ. Однако он содержит указание на домашний адрес будущего спутника Ольденбурга:

Его превосходительству господину ректору
С.-Петербургского Императорского университета
сына действительного статского советника Бориса Федоровича Ромберга

Прошение

Прилагая при сем нижеследующие документы, честь имею покорнейше просить Ваше превосходительство зачислить меня слушателем С.-Петербургского Императорского университета по юридическому факультету.

Борис Ромберг

Местожительство: Коломенской части 1 уч. Пряжильная ул. д. 20 кв. 6

ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 41121. Л. 2.

15 января 1908 г. Б.Ф. Ромберг отправляет ректору СПбУ прошение о переводе его в Юрьевский университет на 4 курс юридического факультета⁵, 26 января 1908 г. СПбУ уведомил ректора Юрьевского университета о том, что препятствий для перевода нет⁶, 31 января 1908 г. были истребованы документы Ромберга⁷, а 6 февраля 1908 г. он был зачислен⁸. Причины, по которым состоялся данный перевод, не ясны. Возможно, требования, предъявлявшиеся в столичном университете, были для Ромберга высоки, что может следовать из не лучших баллов на экзаменах по целому ряду предметов: в зачет пошло семь предметов⁹.

¹ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 7. Д. 1196. Л. 24–24 об.

² Архив РАН. Ф. 518. Оп. 7. Д. 1196. 25, 24. Заключительная часть письма дописана над его начальной частью.

³ Попова 2008а: 169.

⁴ К сожалению, качество микрофильмирования писем Б.Ф. Ромберга Г.В. Вернадскому столь низкое, что пользоваться ими практически невозможно.

⁵ Сорокина 2004: 657, прим. 3.

⁶ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 41121.

⁷ ЕАА. Ф. 402. Оп. 1. Д. 23035.

⁸ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 41121. Л. 6–6 об.

⁹ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 41121. Л. 3.

¹ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 41121. Л. 5.

² ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 41121. Л. 24.

³ См.: Прищепова 2017: 375–383.

⁴ <http://www.kunstkamera.ru/kunst-catalogue/items/items.seam?c=PHOTO&qt=s&t=%D0%A0%D0%BE%D0%BC%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B3>

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 41121. Л. 7.

⁶ Л. 8–8 об.

⁷ Л. 9.

⁸ Л. 10.

⁹ Л. 13–14.

Вероятно, учеба и в Юрьевском университете по каким-то причинам не заладилась, так как уже 3 июня 1908 г. Ромберг направляет в канцелярию университета просьбу выслать ему документы на его домашний адрес: Санкт-Петербург, ул.Прядильная, д. 20, кв. 6¹. Однако обучение за полные четыре курса он прошел, и соответствующее свидетельство сохранилось:

Свидетельство

Предъявитель сего Ромберг Борис Федорович, православного вероисповедания, сын дворянина, родившийся 1-го мая 1882 года в Санкт-Петербурге, по аттестату пятой Санкт-Петербургской гимназии 1903 года принят был в число студентов Императорского Санкт-Петербургского университета в августе 1903 года и слушал лекции юридического факультета; в феврале 1908 года перешел на юридический факультет Императорского Юрьевского университета; слушал курсы: по истории римского права, догме римского права, государственному праву, церковному праву, полицейскому праву, политической экономии, статистике, уголовному праву и судопроизводству, финансовому праву, международному праву, энциклопедии права, истории философии права, гражданскому и торговому праву, гражданскому и торговому судопроизводству и истории русского права, участвовал в установленных учебным планом практических занятиях, подвергался испытанию по православному богословию (получил отметку четыре) и по немецкому языку (получил отметку четыре) и, по выполнении всех условий, требуемых правилами о зачете полугодий, имеет восемь зачетных полугодий.

В удостоверение чего, на основании высочайшего повеления 25 октября 1893 г., согласно статье 77 Общего устава Императорских российских университетов 23 августа 1884 г., выдано Ромбергу Борису это свидетельство от юридического факультета Императорского Юрьевского университета за надлежащей подписью и с приложением университетской печати 6 июня 1908 г. за № 300.

Свидетельство это видом на жительство служить не может.

Декан юридического факультета

Л. Шалланд.

Подписал секретарь Совета

А. Токовнев.

ЕАА. Ф. 402. Оп. 1. Д. 23035. Чернила, машинопись.

Более поздний период биографии Ромберга раскрывается на основе документов из Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ): сохранились и письма Б.Ф. Ромберга к Г.В. Вернадскому², а среди «Личных дел членов Союза русских педагогов в Чехословацкой республике» (1926 г.) имеется и личное дело Б.Ф. Ромберга³.

28 марта 1916 г. Ромберг пишет Вернадскому из Судака. Очевидно, что, вернувшись из Восточного Туркестана, он поселился в Крыму. Письмо, судя по тому, что можно разобрать, посвящено описанию морского путешествия. Море, по словам художника, «чуткое и всегда живое», далее упоминаются «буря и свист ветра», говорится, что море «каждую минуту новое».

«Сегодня ходил по Генуэзской крепости, там сохранились следы росписи», – переходит Ромберг на профессиональную стезю. Взор художника привлекают «изумрудная вода и большие

камни на дне». «Есть немного орнамента кругом, – продолжает он описание крепости. – Очень красивы такие как [...] цапли над морем, они летят быстро. Чем больше живу здесь, тем больше открываю этот новый, совсем другой мир. Видел кита недавно... высунул голову черную и быстро кивнул и пошел под воду. Думаю, что Вам, Георгий Владимирович, потому как раз я вспомнил о Вас в это время, хорошо бы попасть сюда. Вместе путешествовать здесь легко, и дороги хорошие; ночевать везде можно под открытым небом». Далее Ромберг благодарит Вернадского за письма, из чего следует, что переписка имеет длительную историю.

Через два дня (30 марта 1916 г.) Ромберг снова пишет Вернадскому, поводом для чего послужило полученное от друга письмо. В ответе Бориса Федоровича упоминаются обстоятельства из жизни некоего Ивана Михайловича, видимо, историка-медиевиста И.М. Гревса – общего друга семей Вернадских и Ольденбургов, которого, вероятно, хорошо знал и Ромберг. Он также жалуется на препятствия в работе, причина которых неясна: «Устроился здесь я очень хорошо. Вот только рисовать не дают. Это всюду запрещено, приходится выдумывать разные комбинации».

В следующем письме, недатированном (на штампе на конверте едва читается 1916 г.), Ромберг также описывает Вернадскому красоты Крыма: «Вот здесь замечательно-то. Никак не ожидал, что здесь так будет. Живу на самом берегу моря, а там направо много цветущих деревьев, розовых и больших. Дальше есть скалы и деревья на них, и над всем голубое небо. Вот бы Вам сюда приехать. Татарин, у которого я живу, очень хороший человек, так что и с этой стороны хорошо. Мне очень совестно перед Ниной Владимировной¹, что я счастлив...».

Вероятно, эти письма дают ответ на вопрос, почему в экспедицию С.Ф. Ольденбурга был взят именно Б.Ф. Ромберг. Хорошо известно, что семьи С.Ф. Ольденбурга и В.И. Вернадского дружили. В Архиве РАН сохранился исключительный объем переписки членов обеих семей. Вероятно, после переезда из Москвы в Санкт-Петербург в 1913 г. Г.В. Вернадский сдружился с Б.Ф. Ромбергом, и так как у последнего был опыт работы в Русском (Западном) Туркестане, он и посоветовал С.Ф. Ольденбургу взять Ромберга в экспедицию в Туркестан Восточный (Китайский).

С.Ф. Ольденбург продолжал сотрудничать с Б.Ф. Ромбергом. В 1920-е гг. Ольденбург действовал коллегу в работе Постоянной Туркестанской комиссии, в частности при работах на городище Афрасиаб в Самарканде. Судя по протоколу третьего заседания Постоянной Туркестанской комиссии от 12 июня 1921 г., Б.Ф. Ромберг занимался анализом стенописи, обнаруженной на Афрасиабе².

Дальнейшая судьба Б.Ф. Ромберга прослеживается уже в его эмигрантский период. Суть документов, хранящихся в «Личных делах членов Союза русских педагогов в Чехословацкой республике...», сводится к тому, что Б.Ф. Ромберг в 1926 г. пытался получить должность «государственного учителя» в Чехословакии. Для этого ему требовалось подтвердить свою личность, свой curriculum vitae, наличие педагогических навыков. После этого, уплатив взнос, он мог вступить в соответствующий профессиональный союз и претендовать на должность.

Наиболее ранний документ дела датируется 20 февраля 1926 г.: Г.В. Вернадский и П.А. Остроухов удостоверяют личность и краткую биографию Б.Ф. Ромберга (л. 2).

21 мая 1926 г. в письме к председателю союза В.Н. Светозарову (л. 13) Ромберг просит оказать содействие в получении искомого рабочего места и выдать удостоверение на основании удостоверения, выданного группой профессоров от Учебной коллегии в Праге. В ответном письме (л. 12) Светозаров сообщает, что он, Ромберг, имеет право на вступление в союз.

¹ ЕАА. Ф. 402. Оп. 1. Д. 23035. Л. 21.

² ГАРФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 295.

³ ГАРФ. Ф. Р-5900. Оп. 2. Д. 168. Л. 1–14.

¹ Имеется в виду сестра Г.В. Вернадского.

² См.: СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 444. Л. 3.

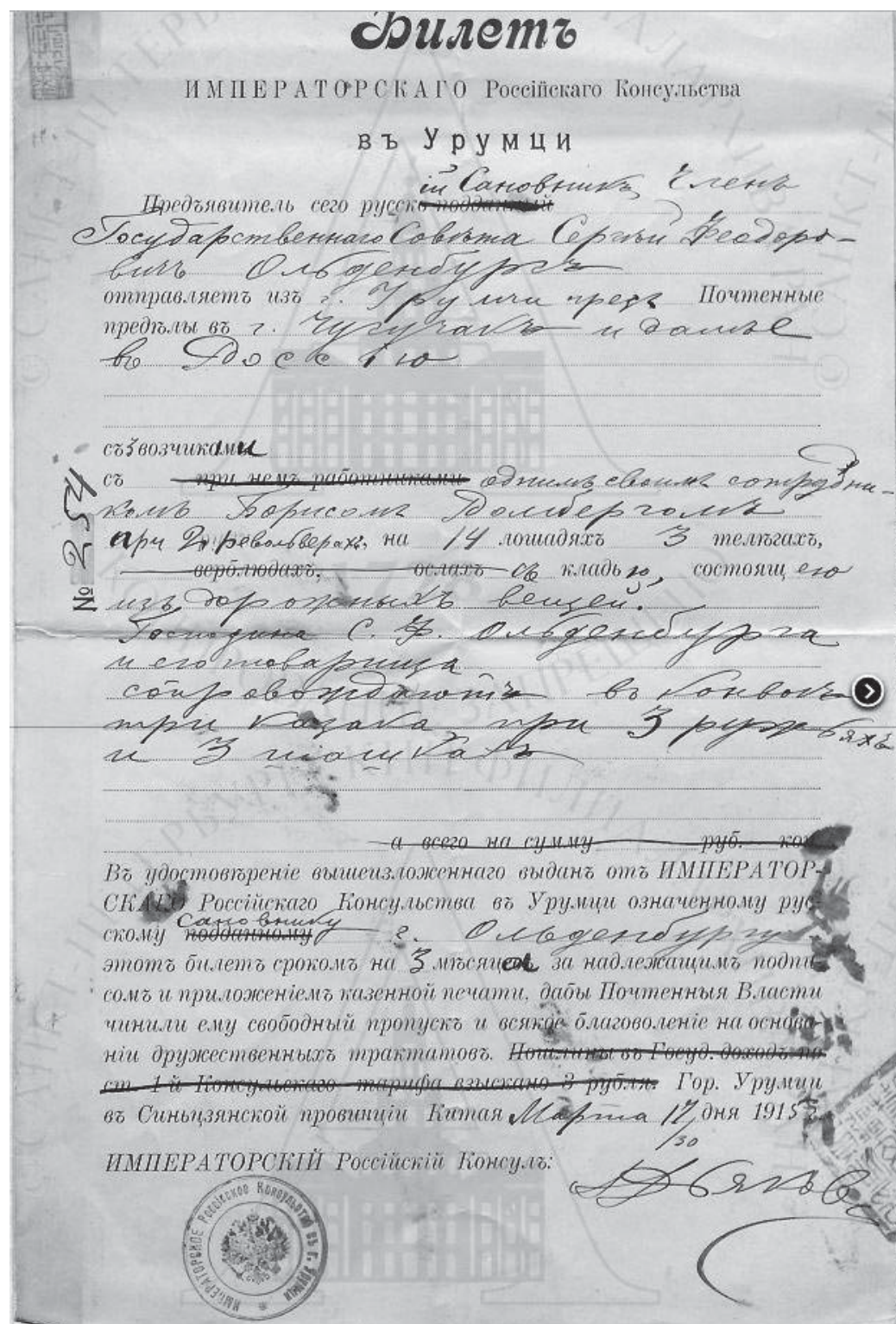

Рис. 1.

Билет Императорского российского консульства в Урумчи (Урумчи)
на имя С.Ф. Ольденбурга и Б.Ф. Ромберга
(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 162. Л. 3).
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

К этому его рекомендует Г.В. Вернадский, который аттестует Ромберга весьма неформально – «мой приятель». Вторую рекомендацию, как указано в ответном письме Вернадскому, готов дать сам В.Н. Светозаров (л. 11–12).

Лист 10 личного дела содержит машинописную анкету «О положении русских педагогов средней и низшей школ в Чехословацкой Республике», которую Б.Ф. Ромберг должен был собственноручно заполнить. Из этой анкеты можно узнать:

адрес – село Угля, почта Теревля, Марморечская жупа, Подкарпатская Русь,
дата и место рождения – 1 мая 1883 г. ст. стиля¹; место рождения не указано,
образование – V гимназия Санкт-Петербурга, закончил в 1903 г., в 1903–1907 гг. учился в Санкт-Петербургском университете на юридическом факультете, получил выпускное свидетельство, окончил школу Общества поощрения художников в Петербурге и занимался в частных художественных мастерских,
специализацию – живопись,

год начала педагогической деятельности – 1918 г., в Полтаве в гимназии В.П. Ахшарумовой (преподавал рисование) до прихода в город большевиков в 1919 г.,

способ заработка после эмиграции – занимался и зарабатывал живописью до 1924 г., был преподавателем на курсах неграмотных в селах Боводар-Драгово и Великая Уголька.

семейное положение – женат,
чем занимался на территории Чехословакии – жил в разных селах и занимался живописью, имеет ли желание поступить на педагогическую службу? – Имею желание продолжить работу в народных школах на Подкарпатской Руси в качестве державного учителя.

В этой анкете бросается в глаза контраст в судьбах участников Туркестанских экспедиций: С.Ф. Ольденбург, в целом относившийся негативно к власти большевиков, счел своим долгом остаться в России и пытаться спасти академическую науку путем переговоров, компромиссов, отсрочек... С.М. Дудин, не занимавший высоких административных постов, вполне органично влился в новую жизнь. Б.Ф. Ромберг – эмигрировал.

Чуть более подробно Ромберг пишет о своих мытарствах в письме к В.Н. Светозарову от 9 июня 1926 г.:

В течение двух учебных годов 1924–1925 и 1925–1926 занимаюсь преподаванием на курсах, так называемых для мало образованных в родном языке. Преподавание ведется на местном карпаторусском языке, очень близком нашему русскому.

Деревенской школы еще нет, и мне, как не чешскому подданному, только здесь есть возможность учить.

На будущее время мое положение не изменится.

Мне хочется закрепить свое положение и стать державным учителем, хотя это очень трудно при нынешних довольно тяжелых условиях учительства.

Очень буду рад, если найдет возможным Союз не отказать в моей просьбе вступить в него членом. Верю, что жить будет легче, главным образом в моральном отношении.

Борис Ромберг.

ГАРФ. Ф. Р-5900. Оп. 2. Д. 168. Л. 9–9об.

Далее Ромберг обратился в Союз с официальным заявлением о приеме (л. 8), на которое была наложена резолюция: взносов не поступало, удостоверение можно выдать только копией.

¹ Ср.: «Год его рождения неизвестен» (Прищепова 2017: 382).

Тем не менее 6 июня 1926 г. Б.Ф. Ромберг был зачислен в Союз русских педагогов в Чехословацкой республике (л. 6), а 8 июня (л. 4) уплатил членские взносы.

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в фонде С.Ф. Ольденбурга сохранилось недатированное письмо, которое Б.Ф. Ромберг написал С.М. Дудину с просьбой передать поклон С.Ф. Ольденбургу. Вероятно, Дудин переслал Ольденбургу данное письмо. Так как Дудин скончался в 1929 г., письмо может быть датировано периодом до 1929 г. Ромберг вспоминает времена совместной работы и разбора ее итогов, определенно, воспоминания о работе в Восточном Туркестане, о друзьях скрашивали его существование в Чехословакии.

[без даты; не позднее 1929 г.]

Угля – Подкарпатская Русь

Дорогой Самуил Мартынович,

Очень дорого было узнать, что Вы живы и работаете там же. Это можно особенно оценить теперь. Очень радостно узнать, что Вы так же, как раньше, живете в этом музее, где столько дорого сердцу. Надолго бы можно было погрузиться в разговоры о вновь виденных странах, новых очень дорогих воспоминаниях об Афинах, Греции, таких красивых. Но все-таки прелесть Самарканда, Бухары не может ни с чем сравниться, и очень часто вспоминаю прелесть Туркестана, наверное, у Вас есть связь с ним, ведь, судя по газетам, и Вяткин¹, и Кастальский² живы и копают там, может быть, у Вас прибавилось еще много интересного.

Так жаль, что работы экспедиции застряли³, когда кругом нового столько.

Слышу обо всем урывками. Сейчас лично у меня большая радость: приезд Инны⁴ и детей, пройдет скоро месяц, как они все здесь, и каждый день – такой счастливый. Хочется, чтобы как можно дольше тянулось время такой радостной встречи и жизнь бы длилась. Живу в настоящем медвежьем углу, очень глухом и не тронутым совсем культурой, не имеющем никакой культуры. Зеленые холмы и белый народ в красных платочках, очень красивые славянские живые лица и очень хорошее все время настроение. Жить все-таки очень хорошо на свете. Очень бы хотелось Вас повидать. У меня о моем сейчас житье-бытье очень мало что можно рассказать, работаю сейчас по случаю, все еще [...] очень мало, а работы много очень, хочу все-таки сделаться художником, но еще очень далеко от мастерства, и настоящего, в искусстве. Время проходит очень быстро.

Увидите Сергея Федоровича⁵, передайте ему мой поклон, если бы Вы написали мне сюда, был бы очень рад, может быть, я тоже чем-нибудь пригодился, а если не пригожусь, то просто так очень уже хорошо, весело было у Вас около большого окна среди массы негативов, когда у Вас всегда веет духом путешествий.

Всего хорошего, дорогой Самуил Мартынович.

Ваш Борис Ромберг.

¹ Вяткин, Василий Лаврентьевич (1869–1932) – археолог, исследователь Средней Азии; член-корреспондент Русского комитета (1903). После окончания Ташкентской учительской семинарии (1894) работал в Самаркандском статистическом комитете, организовал музей Комитета, с 1903 г. – смотритель памятников старины Самарканда; автор многочисленных трудов по истории Самарканда и Самаркандской области.

² Кастальский, Борис Николаевич (1868–1943) – военный служащий, с 1885 г. – в Туркестанском саперном полубатальоне (подпоручик), генерал-майор (1914); занимался археологическими исследованиями, собирательством.

³ Ромберг имеет в виду подготовку к изданию работ П РТЭ, в которой принимал участие.

⁴ Супруга Б.Ф. Ромберга. Сохранились ее письма Е.К. Брешко-Брешковской (ГАРФ. Ф. Р-5975. Оп. 1. Д. 595).

⁵ Имеется в виду С.Ф. Ольденбург; см. выше.

Село Угля – у станции Буштина. Uglya u Bustiny.

Почта Теревля.

Подкарпатская Русь.

Československa Republica.

Мне.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 167. Л. 35–36. Автограф. Чернила.

Определенно, и в 1930-е годы Б.Ф. Ромберг не оставлял попыток получить постоянную работу в Чехословакии, о чем свидетельствует следующий документ из Эстонского национального исторического архива (г. Тарту):

В канцелярию бывшего Юрьевского университета бывшего студента
Бориса Федоровича Ромберга прошение.

Прошу канцелярию университета не отказать в любезности выслать копию выпускного свидетельства о сдаче и зачислении полукурсовых испытаний Санкт-Петербургского и Юрьевского университетов в 1908–1909 году.

Исполнением просьбы крайне обяжете, почтовые расходы будут уплачены мною здесь на месте.

С истинным почтением,

Борис Ромберг.

Адрес:

Boris Romberg.

Selo Ternovv u Terešovu

Podkarpatská Ruś

Československó.

25 сентября 1930 г.

ЕАА. Ф. 402. Оп. 1. Д. 23035. Л. 29. Чернила. Автограф.

Возможно, обращение к чешским архивам позволит дополнить биографию Б.Ф. Ромберга – художника, которому выпала редкая удача – принимать участие в работах Второй Русской Туркестанской экспедиции.

ДМИТРИЙ АРСЕНЬЕВИЧ СМИРНОВ*

Дмитрий Арсеньевич Смирнов родился 13 мая 1883 г. в деревне Матвеевка Паскинской волости Корчевского уезда Тверской губернии в семье крестьянина Арсения Кузьмина и его жены Ксении Константиновой¹. Как указывают в своих воспоминаниях потомки Д.А. Смирнова, «мальчика взял в свой дом богатый помещик (видимо, владелец поместья, в котором проживала семья) для того, чтобы его собственный сын брал пример с Мити и проявлял больше усердия в обучении наукам. Вероятно, этот же помещик взял на себя дальнейшие расходы по его образованию, благодаря чему Дмитрий смог учиться в Горном институте». В свидетельстве о его рождении указано, что «по определению Тверской казенной палаты 5 июня 1901 года за означенным в сем свидетельстве Дмитрием Арсеньевым укрепленна фамилия “Смирнов” со дня означенного определения»².

В семье было 11 детей, из которых выжило четверо: кроме Дмитрия, Николай – участник II РТЭ (о нем см. ниже), Василий и Михаил. Как следует из письма Д.А. Смирнова Ф.Ф. Ольденбургу, В.А. Смирнов получал образование в Костромской губернии и в его судьбе брату приходилось принимать активное участие. Кроме того, это письмо примечательно тем, что в нем указан домашний адрес Д.А. Смирнова.

Д.А. Смирнов – Ф.Ф. Ольденбургу

Тверь, 31 октября [б. г.]

Глубокоуважаемый Федор Федорович!

Я заранее извиняюсь, что письмо мое будет не к месту и не к тону общественного земского настроения в Твери. Но все-таки обращаюсь к вам за советом, потому что чувствую необходимость сделать что-нибудь в этом направлении, а что именно, я пока совершенно не представляю.

* Выражаем сердечную благодарность потомкам Д.А. Смирнова: его внучке Наталье Александровне Смирновой, правнукам Софье Владимировне Смирновой (Витвер) и Александру Александровичу Малиновскому, которые поделились своими воспоминаниями и предоставили для публикации фотографии из семейного архива.

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 3687. Л. 69.

² РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 3687. Л. 69 об.

Дело вот в чем:

Мой брат сейчас учится в Костромском средне-техническом училище. Средств у него, как и у меня, абсолютно никаких нет. Нет ли надежды получить какую-либо сносную земскую стипендию? Он готов пойти на всякие обязательства.

Как Вы думаете, можно что-нибудь сделать? Если нужно навести справки, то к кому и когда надо обратиться?

Я был бы необычайно благодарен, если бы Вы были добры черкнуть мне об этом в Санкт-Петербург (Садовая, 67, кв. 9).

Преданный Вам

Дм. Смирнов.

P.S. Мой брат – Василий Арсеньевич Смирнов, ученик Приготовительного класса среднего механико-технического училища имени Чижова¹.

СПбФ АРАН. Ф. 887. Оп. 2. Д. 205. Л. 1.

Как следует из письма от 7 декабря 1908 г., Д.А. Смирнов был хорошо знаком с С.Ф. Ольденбургом: он просит маститого ученого вернуть ему некую рукопись, при этом напоминая это – уже не первое². Судя по более поздним документам, рукопись эта была литературного содержания. Трудно сказать, каким именно образом состоялось знакомство братьев Смирновых с С.Ф. Ольденбургом. Смирновы родились в Тверской губернии, в Твери располагалась гимназия П.П. Максимовича, в которой работал Ф.Ф. Ольденбург, отказавшийся от научной карьеры. Возможно, именно в этой связи Д.А. Смирнов и обратился к нему с письмом, приведенным выше.

Во время учебы в институте он познакомился с Эмилией Александровной Витвер, дочерью швейцарца-сыродела А.А. Витвера, владельца небольшого поместья Ильинское в Корчевском уезде Тверской губернии. У Эмили Александровны было два брата. Один из них, Иван Александрович Витвер (1891–1966), – впоследствии известный ученый-географ, доктор географических наук, профессор МГУ и МГИМО, заслуженный деятель науки РСФСР, основатель советской школы социально-экономического страноведения, автор серии учебников по экономической географии зарубежных стран. Все дети в семье Витвер получили хорошее начальное музыкальное образование. Иван Александрович, отучившись год на географическом факультете МГУ, решил продолжить учебу в Московской консерватории и учился там в течение трех лет. Второй брат, Николай Александрович Витвер (1882–1959), – музыкальный педагог, талантливый пианист, выпускник Московской консерватории, ученик В.И. Сафонова, внесший большой вклад в развитие музыкального образования в Пензе (преподавал и несколько лет руководил Пензенским музыкальным училищем).

Эмилия Александровна до замужества помогала семье, работая гувернанткой и преподавательницей музыки, в том числе в семье Ф.И. Шаляпина.

В 1909 г. Д.А. Смирнов окончил «курс наук в Горном институте Императрицы Екатерины II с званием горного инженера и с правом на чин коллежского секретаря при поступлении на службу»³ и получил диплом с отличием⁴.

¹ Училище было основано в 1897 г. по завещанию и на деньги известного общественного деятеля, промышленника, ученого, мецената Федора Васильевича Чижова (1811–1877). Оно имело первоклассное оборудование и превосходный педагогический состав. Плата за обучение составляла 30 руб. в год.

² СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 547. Л. 1 об.

³ РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 3687. Л. 60 об.

⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 3687. Л. 65–65 об.

7 июля 1909 г. в приказе № 10 по Горному ведомству значится: «Утверждаются в звании горного инженера нижеследующие лица, окончившие в весеннем семестре 1908/9 учебного года курс наук в Горном институте Императрицы Екатерины II, с правом, согласно ст. V высочайше утвержденного 18 марта 1896 г. мнения Государственного совета об утверждении положения о горном институте, на производство при поступлении на государственную службу в чин коллежского секретаря: [...] по горному разряду: [...] Смирнов Дмитрий»¹. За время обучения, как следует из «Свидетельства от 19 октября 1904 г. за № 1272», Дмитрий Арсеньевич «являлся к исполнению воинской повинности и зачислен в ратники ополчения первого разряда»², а также вступил 12 мая 1906 г.³ в законный брак с Эмилией Александровной Витвер – дочерью швейцарского гражданина⁴. В браке у четы Смирновых родились две дочери: Ольга (1909– ?) и Елена (1913–1989).

Рис. 1
Д.А. Смирнов и Э.А. Смирнова (Витвер)
с дочерьми Ольгой (слева) и Еленой (справа). Ок. 1917 г.
© Архив семьи Д.А. Смирнова

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 3687. Л. 1.

² РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 3687. Л. 60 об.

³ РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 3687. Л. 69 об.

⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 3687. Л. 61.

Окончив Горный институт, Дмитрий Арсеньевич отправился в составе «снаряженной в 1909 году по высочайшему повелению экспедиции в Китайский Туркестан под руководством неперменного секретаря Академии наук С.Ф. Ольденбурга»¹, где он производил съемку местности, делал обмеры и чертил планы отдельных зданий.

Первая Русская Туркестанская экспедиция была посвящена исследованию памятников Восточного Туркестана – буддийских монастырей, храмовых пещерных комплексов. Исследовательская группа состояла из трех человек: помимо Смирнова, в ней участвовали художник и фотограф С.М. Дудин и сам академик С.Ф. Ольденбург. Экспедиция, начавшаяся летом – 6 июня 1909 г., закончилась для Смирнова и Дудина в ноябре: начались холода, которые затрудняли работу обоих. «Ни рисовать, ни чертить сколько-нибудь удовлетворительно нельзя», – писал С.Ф. Ольденбург². Сохранились и письма Д.А. Смирнова, в которых он повествует о возвращении из экспедиции: из Урумчи от 21 ноября 1909 г.³, из Чугучака от 7 декабря 1909 г.⁴

Рис. 2
Д.А. Смирнов с дочерью Ольгой (?)
© Архив семьи Д.А. Смирнова

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 3687. Л. 12.

² Цит. по: Бухарин 2018е: 64.

³ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 2–2 об.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 3–4.

Показательно в этом отношении и письмо супруги Д.А. Смирнова Эмилии Александровны руководителю экспедиции С.Ф. Ольденбургу, написанное, вероятно, летом, скорее всего в начале июля 1909 г., после того как экспедицию покинули заболевшие С.П. Петренко и В.И. Каменский. В нем интересны оценки личности Дмитрия Арсеньевича, а также характеристика атмосферы среди членов экспедиции: определено, она была весьма тяжелой.

В более ранних публикациях, посвященных I РТЭ, причиной внезапного отъезда археологов В.И. Каменского и С.П. Петренко в самом начале экспедиции, уже из Урумчи, называлась болезнь, вызванная непривычными климатическими условиями, сильной жарой, тяжелыми переездами между населенными пунктами и пр. Как следует из письма С.Ф. Ольденбурга русскому консулу в Урумчи Н.Н. Кроткову¹, заболел С.П. Петренко, сам Ольденбург тоже жалуется на плохое самочувствие. Причиной же отъезда Каменского, видимо, был некий внутренний конфликт между участниками экспедиции, в связи с чем Э.А. Смирнова и выражает сожаление о том, что «дружба, согласие или хотя бы объединенность вокруг общей цели» не сохранились до конца экспедиции. Это подтверждается также фразой из письма Ольденбурга Кроткову, в котором он, объясняя причины последующего возвращения в Россию С.М. Дудина и Д.А. Смирнова, пишет: «Это не Владимир Иванович², и едут они по горькой необходимости...», и далее: «...это не неврастеники Владимировичи...».

Э.А. Смирнова – С.Ф. Ольденбургу

[начало июля 1909 г.]

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Меня очень огорчило сообщение Дмитрия Арсеньевича о том, что компания ваша развалилась и что только втроем вы продолжаете путешествие. Все казались такими бодрыми и дружными перед отъездом – верилось, что если не бодрость, то хотя <бы> дружба, согласие или хотя <бы> объединенность вокруг общей цели останутся до конца. Грустно, что вышло иначе.

Теперь, когда вас осталось только трое, я особенно радуюсь нескольким хорошим словам, которые Вы написали о Дмитрии Арсеньевиче. Хочется надеяться, что Ваше мнение о нем как о спутнике в путешествии не оказалось высказанным слишком рано. Так или иначе, я теперь еще раз прошу его – быть как можно менее эгоистичным и заботиться о Вас, ведь именно Вас неизменно задевает каждая неприятность.

Теперь, когда Ваша задача усложнилась, взаимная поддержка и доброе согласие особенно ценны. Так страшно, иногда, за вас. Перед получением письма из Урумчи был перерыв ровно в месяц – и я даже не знала, есть основания беспокоиться или нет.

Я забыла перед Вашим отъездом дать Вам адрес, по которому меня всегда можно было бы известить в случае надобности. Не совсем уверена в том, что Дмитрий Арсеньевич сделал это, поэтому на всякий случай сообщаю [49] адрес моей матери, которая всегда знает, где я, и перешлет мне.

Тверская губерния, Корчевский уезд, ст. Ильинская, М.Ф. Витвер, для Э.А. Смирновой.

От души желаю всем Вам силы и здоровья. Думаю, что теперь для вас это – самое важное условие для достижения победы.

Ваша Э. Смирнова

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 48–49.

¹ См.: Бухарин 2018f: 534 (письмо ошибочно датировано 15 июля <1908 г.>; правильно – 1909 г.).

² Имеется в виду В.И. Каменский.

Д.А. Смирнов вместе с С.М. Дудиным покинули экспедицию в середине ноября 1909 г. и вернулись в Москву. Они, определенно, сдружились по пути: судя по ироничным ремаркам, работа с Дудиным в Восточном Туркестане психологически была очень напряженной. Смирнов уведомляет Ольденбурга о превышении бюджета экспедиции, передает свои впечатления от Москвы после Туркестана¹.

Д.А. Смирнов отвечал за изготовление планов и чертежей как отдельных построек, так и их комплексов². Их судьба оказалась непростой: Смирнов выслал их Ольденбургу в Санкт-Петербург, однако чертежи были на почте утеряны, и в апреле – июне 1910 г. пришлось предпринимать определенные меры для их обнаружения³. Судя по всему, чертежи обнаружены не были, и Д.А. Смирнову в июне – июле 1910 г. пришлось их переделывать, затем, в июле – сентябре 1910 г., по получении замечаний от Ольденбурга, – переделывать еще раз⁴.

В письме Ольденбургу от 15 апреля 1910 г. он говорит о желании устроиться на работу «на службе по горному надзору на Урале». Вернувшись в Петербург по прошествии некоторого времени, 31 августа 1910 г. Дмитрий Арсеньевич подает прошение зачислить его на государственную службу⁵. Ни градоначальник, ни Геологический комитет, ни Горный департамент не нашли препятствий для этого⁶.

29 октября 1910 г. Смирнов пишет письмо на имя директора Горного департамента:

Его превосходительству господину директору
Горного департамента министерства торговли и промышленности
горного инженера Дмитрия Арсеньевича Смирнова

Прошение

Честь имею покорнейше просить Ваше превосходительство назначить меня на штатное место по Горному ведомству. Курс Горного института я кончил весной 1909-го года по рудничному отделению и получил диплом 1-го разряда. После окончания Института состоял в снаряженной в 1909 году по высочайшему повелению экспедиции в Китайский Туркестан под руководством неперменного секретаря Академии наук С.Ф. Ольденбурга. В этой экспедиции я производил съемку. В настоящее время я нахожусь на государственной службе по Главному горному управлению и откомандирован в распоряжение директора Геологического комитета. Сведения о моих работах могут дать: неперменный секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург, академик А.П. Карпинский и директор Геологического комитета Ф.Н. Чернышев, которым я лично известен.

РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 3687. 12.

В ноябре 1910 г. Д.А. Смирнов получил искомое место, но не на Урале, а в Ашхабаде⁷.

Приказом от 24 января 1911 г. за № 1 Смирнов «определен на службу по горному ведомству, с зачислением по Главному горному управлению (IX класса) и откомандированием

¹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 5–6.

² См. раздел «Архитектурные планы I РТЭ» в настоящем издании.

³ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 7–10, 12–14.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 16–19.

⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 3687. Л. 6.

⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 3687. Л. 8–11.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 20.

в распоряжение директора Геологического комитета, для практических занятий, сроком на один год, без содержания от казны, с 2 ноября 1910»¹.

15 апреля 1911 г. Смирнов, «согласно прошению, по резолюции начальника Горного управления Южной России назначен старшим смотрителем I-й Евпаторийской дистанции»², а с 1 февраля 1912 г., согласно такой же резолюции, назначен на должность помощника окружного инженера Горловского горного округа³. Однако непосредственно перед тем, как перебраться в Горловку для осуществления контроля над угольными шахтами, Дмитрий Арсеньевич занимался вопросами строительства грязелечебниц, а именно – изучением полезных свойств грязи⁴.

Д.А. Смирнов стремительно поднимался по общественной лестнице: «Прежде всего, как-никак я чиновник министерства торговли и промышленности и довольно важная персона в своей узенькой области – стало быть, в общественном и во всяком смысле стою выше всяких косых взглядов и подозрений», – признается он С.Ф. Ольденбургу⁵. Согласно приказу по гражданскому ведомству «от 9 сентября 1913 г. за № 56 он был утвержден в чине коллежского секретаря со старшинством с 3 мая 1911 г.»⁶, а за выслугу лет произведен в титулярные советники, со старшинством с 3 мая 1914 г.⁷

В конце 1913 г. Д.А. Смирнов жалуется С.Ф. Ольденбургу на тяжелую моральную обстановку на работе, конфликты и доносы. Узнав от брата Николая о подготовке следующей Туркестанской экспедиции, он хотел бы отправиться в нее, однако не видит возможности выбраться из окружающих его обстоятельств⁸. Д.А. Смирнов составил записку «Об особенностях археологической съемки в Китайском Туркестане», и он просит Ольденбурга найти ее и передать брату в качестве учебного пособия⁹.

Будучи на должности помощника окружного инженера Горловского горного округа, Смирнов оказался в центре конфликта. 13 июня 1915 г. на имя министра торговли и промышленности была написана анонимная жалоба на Смирнова, дополненная поддельной запиской, якобы написанной самим Дмитрием Арсеньевичем. Приведем текст в его оригинальной форме:

Ваше Высоко Превосходительство, прилагая при сем фактическое доказательство, разоблачающее не добропорядочность официального лица, служащего на должности помощника Окружного Инженера в Горловском Горном Округе, Дмитрий Смирнов и К. Сафонова. Просим Вас Ваше Высоко Превосходительства, освободить нас от таких пиратов. Катория взятки берут и работать угольные шахты не дают, фактическое доказательство Прилагаемого при сем.

Документ Этой Сафоновым был утерян на одной из шахт кристьянских при посещении таковой.

Это икономическое положение мелких промышленников которыя своей конкуренцией не дает большим рудникам развивать апититы и поднять неслыханные цены за угаль. Поабедает с Директором большого предприятия и Директору только слово. Дмитрий Арсентивич что вы смотрите на крестьянские шахты предавить вы можете заставте каждого крестьянина

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 3687. Л. 60 об.

² РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 3687. 61 об.

³ РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 3687. 61 об.

⁴ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1519. Л. 1–2; СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 22–23 об.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 27 об. – 28.

⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 3687. Л. 61 об.

⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 3687. Л. 61 об.

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 31 об., 33–33 об.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 39.

иметь штейгера стоить 200 рублей в месяц. Ответ О I Господин Директор мы уже сделали представления Горному управлению Юга России что крестьяном необходимо иметь каждой маленькой шахте штейгера [...] если не изменить своей политики то втечение одного года мало останца крестьянских шахт.

Ваше высоко превосходительство вот и развивай мелькую промышленность при взгляде и деяние таких начальников которые не воздоют мелкую промышленность, а изничтожают. Просим раследовать. Выступать трудно мелкому человеку ибо маленькое предприятие будет этими господами уничтожено.

РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 3687. Л. 2–2 об.

«Фактическое доказательство», о котором идет речь в жалобе, представляет собой небольшую записку, написанную на отрывке бумаги с подписью Смирнова:

Господину горному надсмотрщику К.Я. Сафронову.

Ввиду того, что упорно стали ходить слухи, что мы с Вами собираем поборы с шахтовладельцев, предлагаю приостановить такие поборы пока уляжется слух, а потом опять начинайте давить и берить не стесняйтесь, прочтите, порвите.

РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 3687. Л. 3.

На шахты выехал проверяющий – начальник Горного управления Южной России, который 23 июля 1915 г. написал на имя директора Горного департамента В.И. Арандаренко письмо. В нем он сообщил, что для проверки жалобы он выезжал в Горловский округ: «В районе Смирнова осмотрел 22 крестьянские шахты. [...] При осмотре шахт я старался узнать, нет ли жалоб на горных надсмотрщиков, и в частности на Сафонова, а также на Смирнова. Все опрошенные мною лица, причем на некоторых шахтах я видел самих хозяев, на других их доверенных, дали наилучший отзыв о Смирнове как о внимательном к их нуждам инженере, хотя и требующем исполнения правил для ведения горных работ. Не было также ни одной жалобы на горного надсмотрщика Сафонова. [...] Что касается приложенной при жалобе записки Смирнова, то в подложности ее, мне кажется, не может быть сомнения. Не говоря уже о том, что Смирнов отлично знает, что горного надсмотрщика зовут не Сафронов, а Сафонов, Смирнову не было никакой надобности писать безграмотную записку с официальной подписью своей, когда он видит Сафонова несколько раз в неделю на докладах и может вызвать его к себе в любой день. Можно полагать, что жалобщик заполнил придуманным им текстом место между каким-либо официальным извещением и подписью Смирнова»¹.

Д.А. Смирнов был освобожден от воинской службы в годы Первой мировой войны, однако в декабре 1915 г. на Щербиновском руднике произошло чрезвычайное происшествие. Из-за неправильно заложенного динамита произошел взрыв, и погибло 25 человек. Смирнов просит Ольденбурга устроить его по артиллерийскому ведомству «по приемке снарядов в Америке или в Японии»². В марте 1916 г. в Америку «принимать пулемет» отправился Н.А. Смирнов, и брат просит С.Ф. Ольденбурга помочь ему отправиться туда же³.

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 3687. Л. 4–5.

² СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 41.

³ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 42.

С 1 августа 1917 г. приказом по Горному ведомству от 19 июля 1917 г. за № 7 Дмитрий Арсеньевич был назначен окружным инженером Щербиновского горного округа¹. Он выражает Ольденбургу свое отношение к «так называемым большевикам вульгарного типа», пишет о нарастающем безвластии².

На октябре 1917 г. документальные сведения о жизненном пути Дмитрия Арсеньевича Смирнова обрываются. По воспоминаниям его потомков, после октябрьского переворота Д.А. Смирнов получил новое назначение по службе и выехал с семьей из Горловки. В пути поезд был перехвачен белыми и направлен в Крым. В пути все члены семьи переболели тифом,

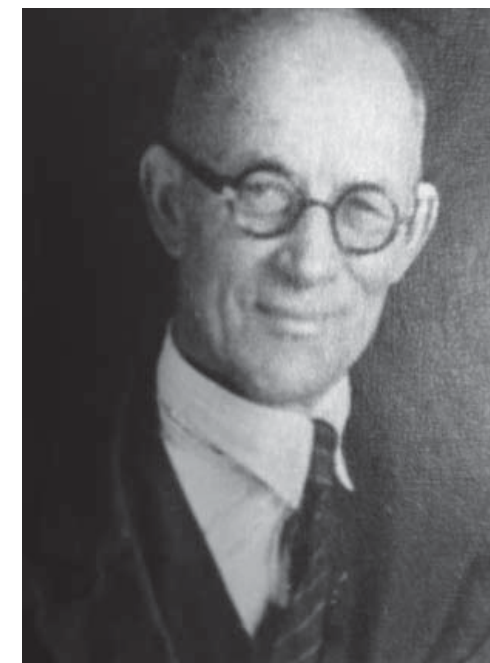

Рис. 3

Д.А. Смирнов. 1930-е годы.
© Архив семьи Д.А. Смирнова

но, к счастью, никто не умер. По прибытии в Крым Дмитрий Арсеньевич попал в тюрьму, так как властям стало известно о его политических (эсеровских) взглядах. После ухода белых он, опять же как эсер, снова оказался в тюрьме, но был отпущен по ходатайству кого-то из сокамерников, сторонников большевиков.

Смирновы жили в Крыму очень бедно, так как все имущество потеряли в дороге. Зарабатывали, торгуя цветами. Дмитрий Арсеньевич делал на продажу безделушки. Через некоторое время семье удалось перебраться в Подмосковье к родственникам (имения Витвер уже не существовало, его отобрали в 1918 г.), а впоследствии в Москву. Младшая дочь, Елена Дмитриевна, унаследовала музыкальный талант матери, получила серьезное музыкальное образование; училась в Московской консерватории, была одной из любимых учениц Г. Нейгауза. Работала некоторое время концертмейстером-аккомпаниатором, но, травмировав руку («переиграла»),

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 3687. Л. 61 об.

² СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 45.

вынуждена была оставить эту профессию. Видимо, под влиянием дяди поступила на вечернее отделение географического факультета МГУ. Впоследствии работала там же на кафедре физической географии СССР в должности старшего научного сотрудника, выпустив целый ряд научных работ и учебных пособий. В 30-е годы вышла замуж за выдающегося ученого, философа, специалиста в области биологии и генетики А.А. Малиновского (1909–1996), сына А.А. Богданова (Малиновского), экономиста, философа, политического деятеля, писателя-фантаста, организатора и директора первого в мире Института переливания крови. Елена Дмитриевна была соавтором некоторых научных публикаций мужа.

Рис. 4
Д.А. Смирнов. 1930-е годы.
© Архив семьи Д.А. Смирнова

В 1938 году у них родилась дочь Наталья, внучка Д.А. Смирнова. Она помнит своего деда очень добрым, тихим и спокойным человеком. В семье все решала энергичная и волевая Эмилия Александровна, в основном все держалось на ней. В начале войны Елена Дмитриевна с маленькой дочкой эвакуировались. Дмитрий Арсеньевич и Эмилия Александровна всю войну оставались в Москве. Дмитрий Арсеньевич скончался в конце 1945 или в начале 1946 года от рака желудка. В семейном архиве сохранилось письмо с соболезнованиями, датированное февралем 1946 года.

В 1948 году зять Д.А. Смирнова лишился работы, семья испытывала значительные материальные затруднения. В этот тяжелый период значительную помощь и поддержку им оказывал Иван Александрович Витвер. Эмилия Александровна умерла летом 1956 года. Дмитрий Арсеньевич и она похоронены на Донском кладбище в Москве. О братьях Дмитрия Арсеньевича известно немного.

Михаил Арсеньевич Смирнов стал строителем и запомнился в семье, в частности, тем, что помогал Дмитрию Арсеньевичу строить дом в дачном поселке Сходня под Москвой.

НИКОЛАЙ АРСЕНЬЕВИЧ СМИРНОВ

Николай Арсеньевич Смирнов (по метрическому свидетельству – Кузьмин¹) родился 21 апреля 1890 г. в деревне Матвеевка Паскинской волости Корчевского уезда Тверской губернии в семье крестьянина Арсения Кузьмина и его жены Ксении Константиновны. Николай Арсеньевич учился сначала в Корчевском городском училище, потом в Костромской гимназии, которую закончил экстерном, выдержав экзамен на свидетельство зрелости в мае 1913 г.² Одновременно с обучением в гимназии, как свидетельствует «Удостоверение из Ярославской губернской чертежной от 18 сентября 1913 г.», он работал помощником землемера в Землеустроительной комиссии Ярославской губернии, откуда не позднее сентября 1913 г. уволился³. По окончании гимназии Смирнов едет в Санкт-Петербург и подает прошение в Императорский Санкт-Петербургский университет с просьбой зачислить его «в число студентов по физико-математическому факультету математического отделения»⁴. Уже будучи зачисленным в университет, в ноябре 1913 г. Николай Арсеньевич, как явствует из «Выписи из метрической книги, часть вторая, о бракосочетавшихся за 1913-й год», вступает в брак с Ольгой Николаевной Варенцовой – дочерью титулярного советника Николая Дмитриевича Варенцова из села Лютова, Никольской волости, Ярославской губернии⁵.

Как следует из письма Д.А. Смирнова С.Ф. Ольденбургу от 4 января 1914 г., сам он отказался поехать во вторую экспедицию, однако с полным одобрением отнесся к идее Ольденбурга взять в нее его брата Николая. Он даже выразил готовность потратить месяц на то, чтобы привить Николаю должные навыки топографа. В марте 1914 г. братья приступили к занятиям⁶.

В апреле 1914 г. Смирнов получает в университете отпуск сроком на один год – до мая 1915 г., без зачета семестров: он едет «в научную экспедицию в Китайский Туркестан с академиком С.Ф. Ольденбургом»⁷. Это была Вторая Русская Туркестанская экспедиция Ольденбурга, проходившая в 1914–1915 гг. Николай Арсеньевич принял участие в экспедиции в качестве

¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 63517. Л. 9.

² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 63517. Л. 6–6 об.

³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 63517. Л. 15.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 63517. Л. 5.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 63517. Л. 7.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 37, 38.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 63517. Л. 32.

Рис. 1

Николай Арсеньевич Смирнов

© [Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга](#)

топографа и землемера¹. Брат Смирнова, Дмитрий Арсеньевич, горный инженер, участвовал в I РТЭ. Видимо, благодаря брату Николай Арсеньевич попал во вторую экспедицию Ольденбурга. Работа в экспедиции далась ему нелегко. Как пишет он сам в «Студента I курса Николая Арсеньевича Смирнова, физико-математического факультета, прошении»: «Ввиду того, что работа экспедиции осложнилась, я не мог явиться раньше января сего 1915 года, а потому у меня пропали 2 семестра 1913/14 года и один семестр 1914 года, а потому покорнейше прошу зачислить мне осенний семестр 1914 года или не применять ко мне ст. 126, т. к. опоздал не <по> своему желанию»². При этом Ольденбург характеризовал Николая Арсеньевича в письме своему брату Ф.Ф. Ольденбургу как человека «с большой выдержкой»³. Основной задачей Смирнова было совместно с художником В.С. Биркенбергом зарисовывать и чертить планы и разрезы изучаемых пещер.

В ноябре 1914 г. Николай Арсеньевич вместе с В.С. Биркенбергом и С.М. Дудиным отправляются назад в Россию⁴, а 15 января 1915 г., уже в Петрограде, Смирнов пишет заявление на имя проректора университета: «Имею честь довести до Вашего сведения, что я, будучи отпущен в экспедицию в Китайский Туркестан до 15 мая 1915 г., возвратился в январе сего года»⁵. При этом Н.А. Смирнов продолжает поддерживать тесные контакты с коллегами по экспедиции, информирует С.Ф. Ольденбурга об обстановке в стране и на полях Первой мировой⁶.

В мае 1915 г. Николай Арсеньевич запрашивает в университете документы: «Имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство переслать мои документы к нотариусу Харчикову для снятия с них копий, необходимых мне для конкурсных экзаменов в Горном институте»⁷.

В июле 1915 г. пишет прошение в канцелярию университета, чтобы ему предоставили бумагу, что он «безупречно себя вел в университете, для представления в Институт инженеров путей сообщений Императора Александра I»⁸.

Как следует из письма Д.А. Смирнова С.Ф. Ольденбургу от 13 марта 1916 г., Н.А. Смирнов «в конце марта или в начале апреля едет в Америку принимать пулемет»⁹, из чего можно за-

ключить, что Н.А. Смирнов, в отличие от брата, получил место в артиллерийском ведомстве. В мае 1916 г. он уведомляет Ольденбурга о прибытии в Англию на пути в США¹.

7 сентября 1916 г.² «по постановлению Правления Императорского Петроградского университета от 7/IX–1916 г. Смирнов Николай Арсеньевич временно отчислен из числа студентов университета как состоящий на военной службе»³.

В дальнейшем, в частности в 1920-е гг., С.Ф. Ольденбург и Н.А. Смирнов продолжали поддерживать контакты, их по-прежнему связывала Вторая Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг.⁴

¹ Бухарин, Тункина 2017: 499.

² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 63517. Л. 33.

³ Попова 2008а: 165.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 549. Л. 1–2 об.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 63517. Л. 32.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 549. Л. 3–6.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 63517. Л. 35.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 63517. Л. 38.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 42.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 549. Л. 7.

² Чернилами приписано – 13/X.

³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 63517. Л. 2.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 549. Л. 8–8 об.

А.А. ДЬЯКОВ – РУССКИЙ КОНСУЛ В СИНЬЦЗЯНЕ: МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

И, занывши от старых ран,
Я молю у тебя пред иконами:
Даруй фанзу¹, курму² и чифан³
В той стране, что хранима драконами.

Л. Ещин

Одной из интереснейших и мало разработанных тем в истории русской внешней политики императорского периода на Востоке является деятельность русской консульской службы в Синьцзяне, история которой насчитывает без малого 170 лет⁴. Среди русских консулов в Синьцзяне имеется немало тех, кто получил известность благодаря не только своей дипломатической службе, но и деятельности на ниве научного знания. Одним из представителей этой славной плеяды русских консулов является Алексей Алексеевич Дьяков, человек удивительной и трагической судьбы. Рассказать историю жизни Дьякова невозможно вне контекста турбулентной истории Синьцзяна, очевидцем и участником многих эпизодов которой Дьяков оставался в течение минимум 40 лет. По этой причине в настоящем очерке сведения из биографии Дьякова будут поданы в контексте ключевых событий политической истории Синьцзяна, что не только позволит более полно представить обстоятельства времени и событий, их взаимосвязь с личной судьбой героя нашего повествования, но и поможет в навигации по сюжету, хронологии и основным действующим лицам.

¹ Фанза (от кит. fāngzi 房子) – дом.

² Курма – куртка, обычно черного цвета, неотъемлемый атрибут одежды в цинском Китае.

³ Чифань (кит. 吃饭) – есть, питаться. Здесь – в значении «пища, еда».

⁴ Основы для создания русской консульской службы в Синьцзяне были заложены Кульджинским трактатом (25 июля 1851 г.), в соответствии с которым Россия получила право вести торговлю и открывать консульства в Кульдже и Чугучаке. Пекинский дополнительный договор (2 ноября 1860 г.) предоставил России право на открытие консульства в Кашгаре. Санкт-Петербургский договор об Илийском крае, границе и торговле в Западном Китае (12 февраля 1881 г.) не только подтвердил право России на консульства в Кульдже, Чугучаке и Кашгаре, но и предоставил возможность учреждения новых консульств – в Урумчи, Турфане, Хами и Гучене. Три последних так и не были открыты, консульский округ в Турфане был передан в ведение консульства в Урумчи, в связи с чем консульство иногда именовалось как консульство в Урумчи (Турфане). В 1913 г. в Алтайском округе провинции Синьцзян было учреждено российское консульство в Шара-Суме. Таким образом, к 1917 г. на территории Синьцзяна действовало пять российских консульских учреждений, расположенных в Кульдже, Чугучаке, Кашгаре (генеральное консульство), Урумчи и Шара-Сумэ.

Молодые годы: от рождения до окончания факультета восточных языков

О раннем периоде жизни А.А. Дьякова сохранилось относительно немного надежных сведений, основным источником которых являются документы семейного архива, бережно сохраненного его родственниками¹. А.А. Дьяков родился 6 апреля 1876 г. в деревне Осташевская² Вельского уезда Вологодской области в семье священника Алексея Дмитриевича Дьякова (1845–1895), служившего в Кулойской Одигитриевской церкви Вельского уезда, и его законной жены Павлы Протолеоновны (1848 – после 1905 г.), урожденной Мальцевой, дочери священника³. Дьяков происходил из духовного сословия, его дед и прадед также были священниками. В семье Дьяковых было шестеро детей: три сына – Александр, Алексей, Дмитрий (умер в раннем возрасте) и четыре дочки – Анна, Александра, Лариса и Павла.

В 1886 г. Алексея определили на учебу в ближайшее к дому Тотемское духовное училище, одно из крупнейших духовных училищ в Вологодской губернии. В 1890 г., после окончания полного курса училища, Алексей Дьяков был переведен в первый класс Вологодской духовной семинарии.

После шести лет обучения в семинарии Дьяков принял решение продолжить свое образование и поступить в Санкт-Петербургскую духовную академию – высшее учебное заведение Русской православной церкви. В 1896 г. он был принят в академию и переехал из Вологды в столицу российской империи. Учеба в академии открывала молодому и одаренному богослову широкие перспективы. Выпускники академии распределялись на церковноприходское служение, наставниками в духовные семинарии и училища, священниками при русских посольствах и миссиях за рубежом.

В 1898 г. А.А. Дьяков круто меняет линию своей судьбы и переводится с III курса Санкт-Петербургской духовной академии на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета. Мотивы и условия принятия им такого кардинального решения остаются неизвестными. Вполне возможно, что это было связано с общим интересом в русском обществе к изучению восточных языков, особенно дальневосточных. В эпоху развития русских дальневосточных окраин и активизации внешней политики в отношении Кореи, Японии и Китая востребованность в молодых специалистах со знанием восточных языков была значительна. Изучать восточные языки было не только перспективно, но и престижно, и даже где-то модно. Особенно это было заметно в таком крупном центре подготовки востоковедных кадров, каким являлся Петербург.

Но могло быть и другое обстоятельство, повлиявшее на решение А.А. Дьякова получить востоковедческое образование. В 1890-х гг. Святейший Синод для усиления Русской духовной

¹ Этот очерк состоялся во многом благодаря инициативе и энтузиазму Светланы Львовны Шевельчинской, которая оказала автору всестороннее содействие в сборе, обработке материала и в обсуждении ключевых сюжетов, за что приношу ей свою большую признательность. Отдельная благодарность близким родственникам А.А. Дьякова, Шамилю Маммаеву (родной правнук) и Анатолию Дьякову (правнучатый племянник), за любезно предоставленную возможность использовать документы семейного архива при работе над настоящим биографическим очерком. Автор также выражает признательность В.Г. Обухову, М. Блинову за предоставленные редкие материалы по истории русских беженцев в Синьцзяне, а также сотрудникам Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного военно-исторического архива, Государственного архива Российской Федерации (г. Москва), Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (г. Санкт-Петербург), Финского агентства по национальному наследию (Finnish Heritage Agency), Государственных музеев Берлина, Музея азиатского искусства (Staatliche Museen zu Berlin, Museum für Asiatische Kunst) и Британской библиотеки (The British Library) за оказанное содействие в подготовке настоящего очерка.

² Современная д. Осташевская сельского поселения Коленгское в составе Верховажского р-на Вологодской обл.

³ Справка Вологодской духовной консистории о выдаче метрической справки о рождении и крещении А.А. Дьякова. 24 августа 1896 г. // АВПИР. Ф. 159. Оп. 749/2, 1902 г. Д. 9. Л. 4.

миссии в Пекине¹ сделал запрос в духовные академии относительно поиска кандидатов из числа слушателей для поступления на службу в миссию. В качестве обязательного условия выставлялось принятие монашеского сана. Условия службы в миссии – длительный срок пребывания, отсутствие пенсий и др. – не были привлекательными, и желающих ехать в Пекин не нашлось². Но сама идея службы на Востоке, знакомства с языком и бытом дальневосточных народов вполне могла быть привлекательна для Дьякова и побудить к получению востоковедного образования.

Переход Дьякова на Восточный факультет, согласно записи в его личном деле в университете, состоялся в 1898 г. «из-за любви к изучению языков». Переход в университет сразу обострил денежный вопрос, потребовались средства на самостоятельную жизнь и оплату учебы и проживания. Его предыдущий опыт учебы был целиком основан на полном пансионе в духовных учебных заведениях. Получить материальную помощь со стороны он не мог. Мать с тремя несовершеннолетними дочками на руках жила в деревне на 70 руб. пенсии и ничем не могла помочь сыну. Тем не менее А.А. Дьякову удалось получить стипендию министерства народного просвещения, которая ему выплачивалась в 1900–1902 гг.³ Получение такой стипендии регламентировалось «Правилами для студентов университета во время прохождения курса», и в качестве главных условий предусматривались успешное обучение и политическая благонадежность.

В период обучения на Восточном факультете А.А. Дьяков был причислен к китайско-маньчжуро-монгольскому разряду. В одной группе с ним учился и В.М. Алексеев, впоследствии известный китаист и действительный член Академии наук СССР. Программа обучения на этом разряде предполагала изучение китайского языка как основного, маньчжурского, монгольского и калмыцкого – как дополнительных. Обучение Дьякова пришлось на период, когда Восточный факультет переживал свои не самые лучшие времена. Концепция деятельности факультета и его учебная программа нуждались в значительном обновлении, что было вызвано как условиями времени, так и необходимостью привития студентам комплексных современных знаний. На рубеже веков происходила и смена поколений академических кадров. На Восточном факультете уходили в отставку выдающиеся представители «старой школы» российского востоковедения – В.П. Васильев, К.Ф. Голстунский, Д.А. Пещуров. Кадровые перестановки на факультете серьезно осложняли учебный процесс. В период учебы Дьякова на факультете сменились лекторы по курсу всех изучаемых языков⁴.

Преподавание на факультете китайского и маньчжурского языков до начала 1900 г. велось ординарным профессором А.О. Ивановским. После его отставки преподавание китайского языка было возложено на Д.А. Пещурова. Преподавание маньчжурского языка было временно приостановлено. Представляется, что А.А. Дьяков проявил при изучении маньчжурского языка большие способности, что позволило ему в достаточно короткий срок основательно ознакомиться с этим языком. Изучением маньчжурского языка он интересовался и в более поздние годы. На кафедре монгольской словесности также произошли серьезные изменения. В 1899 г. умер профессор К.Ф. Голстунский, на смену которому пришел его ученик профессор А.М. Позднеев, который в том же году принял должность директора вновь образованного Восточного института во Владивостоке. Последние два года учебы Дьякова лекции по монгольскому и калмыцкому языкам читал приват-доцент В.Л. Котвич. С последним у Дьякова сложились хорошие отношения, которые продолжались и после выпуска из университета.

¹ Русская духовная миссия в Пекине – церковно-политическое представительство Русской православной церкви и государства, действовавшее в Пекине. Учреждена в 1713 г. Святейшим Синодом Русской православной церкви, действовала до 1954 г.

² См.: Логинова 2016: 76.

³ Из личного дела студента Санкт-Петербургского университета А.А. Дьякова // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 36111.

⁴ См.: Бартольд 1909: 185–186.

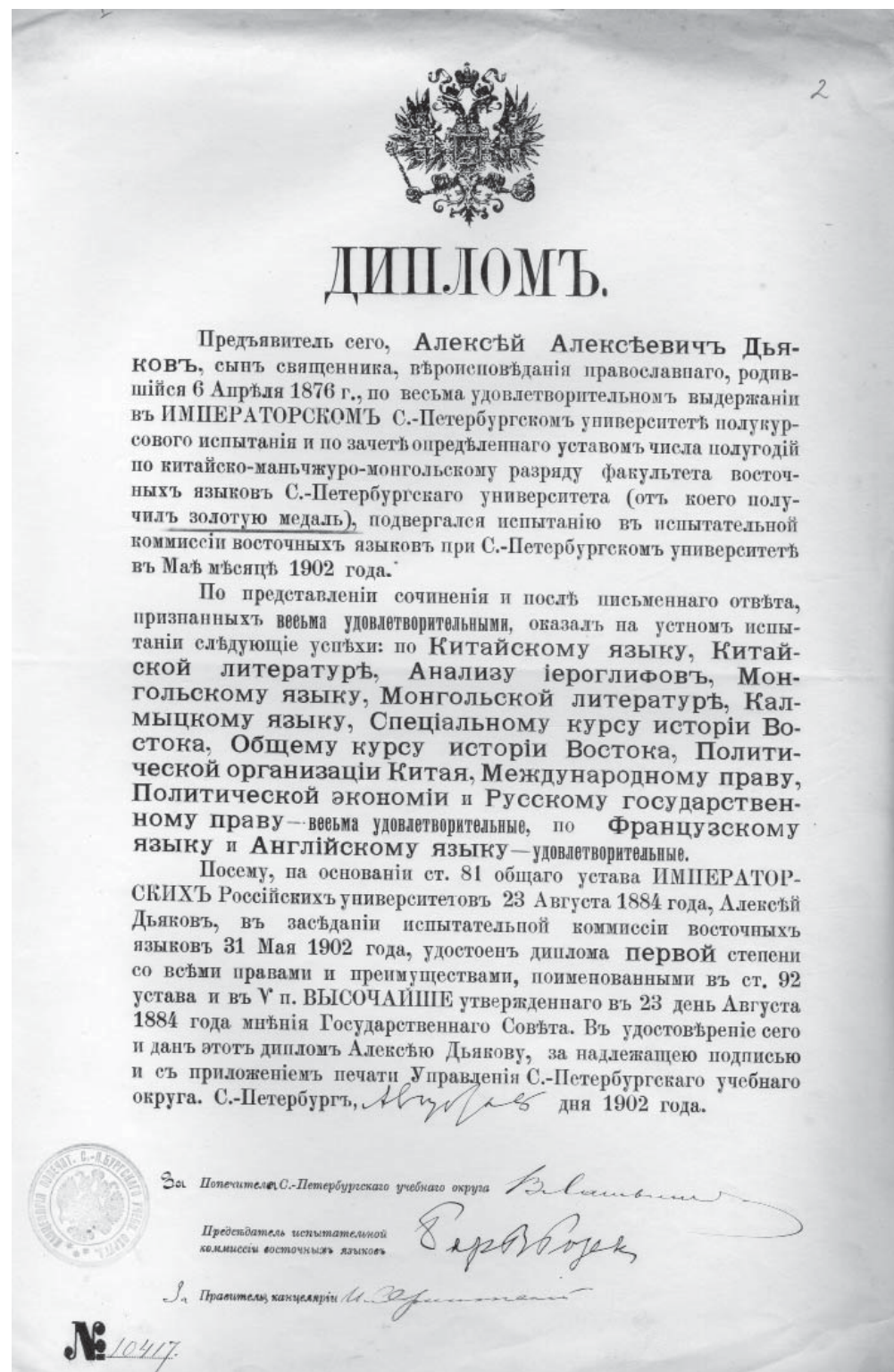

Рис. 1

Диплом А.А. Дьякова об окончании факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета.
 АВПРИ. Ф. 159. Оп. 749/2, 1902 г. Д. 9. Л. 2.
 © Архив внешней политики Российской империи

В мае 1902 г. на Восточном факультете состоялись выпускные экзамены. А.А. Дьяков представил экзаменационной комиссии выпускное сочинение и письменную работу, за которые получил отметку «весьма удовлетворительно»¹. Далее происходила сдача устных экзаменов по китайскому языку и литературе, анализу иероглифов, монгольскому языку и литературе, калмыцкому языку, политической организации Китая, международному праву, русскому государственному праву, политической экономии и истории Востока. По этим предметам он также получил отметку «весьма удовлетворительно». Экзамен по маньчжурскому языку Дьяков не сдавал ввиду того, что курс по этому языку не был им прослушан полностью. По французскому и английскому языкам он получил отметку «удовлетворительно». По заключению экзаменационной комиссии, заседавшей 31 мая 1902 г., А.А. Дьяков был удостоен диплома I степени². Обладание таким дипломом давало выпускнику право при зачислении на гражданскую службу получать чин X класса (коллежский секретарь).

Служба в министерстве иностранных дел в Петербурге

Прекрасное образование, полученное в стенах Восточного факультета, открывало для А.А. Дьякова широкие возможности по применению на практике полученных знаний. Выбор его остановился на министерстве иностранных дел, которое традиционно рассматривалось молодыми восточниками как наиболее перспективное место службы. 17 июня 1902 г., спустя две недели после выпуска из университета, он подает прошение в министерство иностранных дел с просьбой принять его на службу. Прошение было рассмотрено министром иностранных дел графом В.Н. Ламздорфом, который оставил на нем короткую резолюцию – «Согласен»³. В результате А.А. Дьяков приказом по министерству иностранных дел от 5 июля 1902 г. был зачислен в Первый (бывший Азиатский) департамент, ведавший сношениями со странами Азии. Так началась служба А.А. Дьякова в министерстве иностранных дел Российской империи. По стечению обстоятельств, в тот год министерство отмечало свой двухсотлетний юбилей.

Можно предположить, что для Дьякова быстрое и положительное решение вопроса о приеме на дипломатическую службу стало в какой-то степени неожиданным. Он не был выпускником привилегированных учебных заведений и не происходил из семьи аристократа, крупного чиновника или дипломата, то есть не принадлежал той категории лиц, которые пользовались преимущественным правом при поступлении на службу в министерство иностранных дел. Его низкое происхождение и принадлежность к духовному сословию совсем не могли этому способствовать, скорее наоборот, принимая во внимание расхожее в то время предубеждение к «семинаристам», распространенное не только в чиновничьей, но даже в академической среде, – достаточно вспомнить примеры с отношением к А.М. Позднееву на Восточном факультете или едкое замечание Г.Е. Грумм-Гржимайло по адресу консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского (хотя он и не происходил из духовного сословия)⁴.

¹ В императорский период оценка «весьма удовлетворительно» являлась высшим баллом в градации оценок знаний студентов.

² Диплом А.А. Дьякова об окончании факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. 5 августа 1902 г. // АВПРИ. Ф. 159. Оп. 749/2, 1902 г. Д. 9. Л. 2.

³ Прошение А.А. Дьякова о приеме на службу в МИД. 17 июня 1902 г. // АВПРИ. Ф. 159. Оп. 749/2, 1902 г. Д. 9. Л. 1–1 об.

⁴ «Петровский – выскочка из семинаристов и отъявленная дрянь». См.: Письмо Г.Е. Грумм-Гржимайло к С.Д. Шереметеву, 10 августа 1887 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 500. Л. 9.

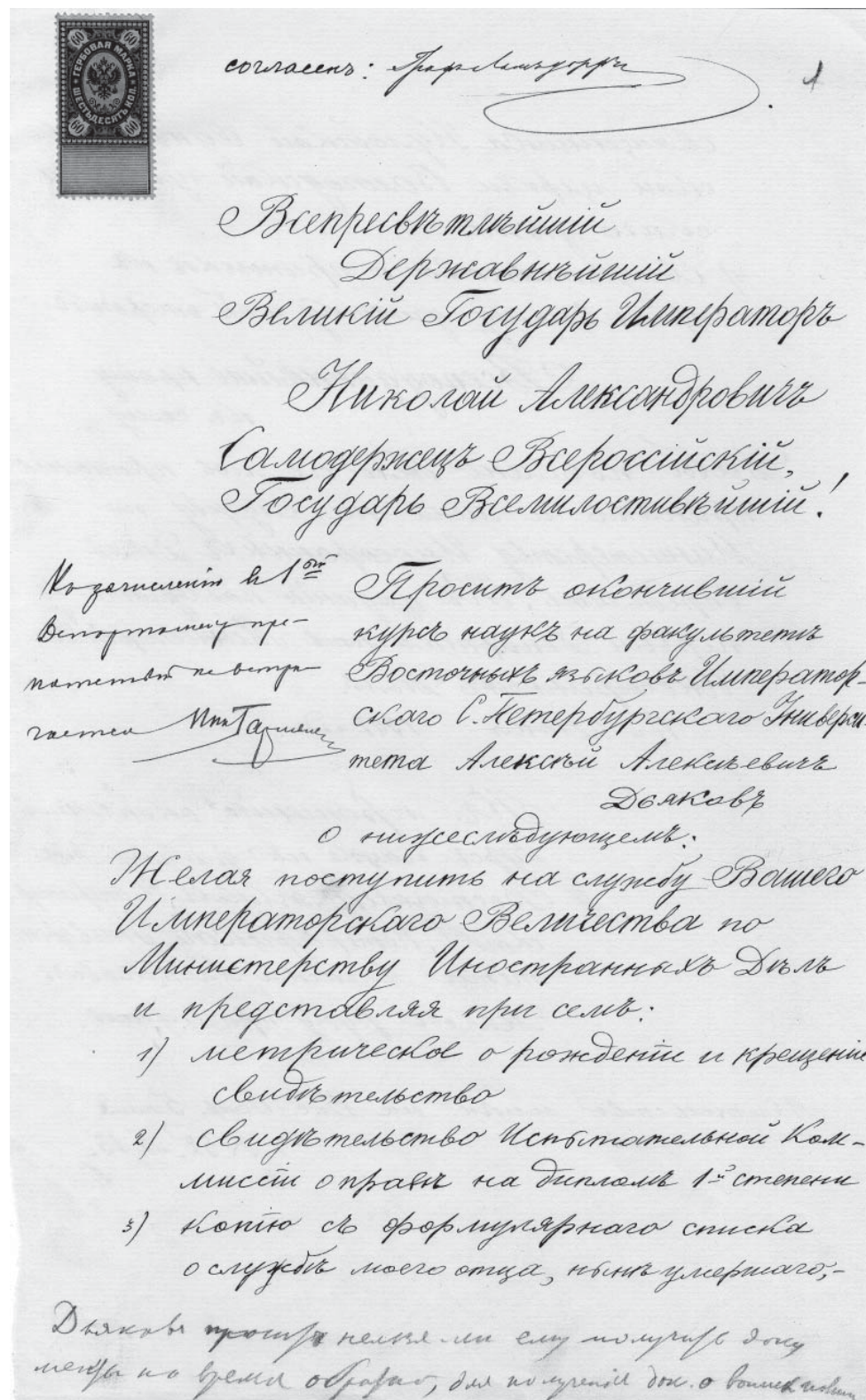

Рис. 2

Прошение А.А. Дьякова о приеме на службу в министерство иностранных дел
 АВПРИ. Ф. 159. Оп. 749/2, 1902 г. Д. 9. Л. 1.
 © Архив внешней политики Российской империи

Относительная легкость приема Дьякова в министерство иностранных дел может иметь свое объяснение. С.В. Чиркин¹, поступивший на службу в МИД в один год с Дьяковым, писал в этой связи: «Министерство иностранных дел всегда испытывало необходимость в людях, специально подготовленных для службы в восточных странах, и небольшое число таких специалистов, независимо от их происхождения и связей, ежегодно принималось на службу по бывшему Азиатскому, впоследствии – Первому департаменту, в дальнейшем Первому, Второму и Третьему политическим отделам министерства, по рекомендации выпускавших их учебных заведений, то есть факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета и Лазаревского института восточных языков в Москве. Поступление на службу так называемых китаистов было сравнительно легко, и окончившему курс Петербургского университета по китайскому отделению и, позднее, владивостокского Восточного института обычно прием на службу в министерство иностранных дел обеспечивался»².

В министерстве иностранных дел Дьяков был прикомандирован к китайскому «столу», который размещался на третьем этаже министерского здания с окнами, выходящими на Дворцовую площадь. В одной большой комнате с китайским столом располагались японский, персидский и среднеазиатский столы. В соседней комнате – размещались турецкий и балканские столы. По соседству с этими комнатами находились кабинет директора и вице-директора департамента. По другую сторону коридора размещалась комната регистратуры, где велся учет нескретной служебной переписки. Делопроизводителем (заведующим) китайского стола в то время был М.С. Щекин³, с которым Дьякову предстояло позже совместно служить в Китае. Жалованье Дьякова было довольно скромным, и ему приходилось сильно экономить. В Петербурге в этот период он проживал в доходном доме № 10 по Офицерской улице.

По заведенному тогда правилу вновь поступившие в министерство сотрудники из числа получивших специальное востоковедческое образование перед получением штатной должности проходили стажировку при российских посольствах и миссиях за рубежом в качестве «студентов». 2 декабря 1902 г. приказом по министерству иностранных дел Дьяков был назначен студентом русской дипломатической миссии в Пекине⁴. Это назначение не имело никакого отношения к реальному месту службы, Дьяков лишь переходил под управление миссии в Пекине. В полученном им предписании указывалась Урга – столица Внешней Монголии, являвшейся в то время частью Цинской империи. Назначение Дьякова в Ургу состоялось как результат положительного решения министерством просьбы генерального консула в Урге Я.П. Шишмарева⁵, высказанной еще в 1897 г., направить в консульство студента Пекинской миссии для помощи штатному драгоману⁶.

¹ Чиркин, Сергей Виссарионович (1879–1943) – русский дипломат; образование получил в Лазаревском институте восточных языков и на учебном отделении восточных языков при Первом департаменте МИД.

² Чиркин 2006: 9.

³ Щекин, Михаил Сергеевич (1871–1920) – русский дипломат. Служил в Первом департаменте МИД, консул в Триесте (1908), 1-й секретарь миссии в Пекине (1909–1913), исправлял должность поверенного в делах (ноябрь 1911 – апрель 1912), советник посольства в Токио (1914). После 1917 г. остался в эмиграции в Японии.

⁴ Формулярный список о службе Алексея Дьякова в министерстве иностранных дел // АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 1273. Л. 1 об.

⁵ Шишмарев, Яков Парфеньевич (1833–1915) – русский дипломат, тайный советник. Происходил из семьи потомственных селенгинских служилых-толмачей. Окончил Троицкосавскую войсковую русско-монгольскую школу (1849), на службе в канцелярии кяхтинского градоначальника (1855), принимал участие в Амурских экспедициях и в заключении Айгунского (1858) и Пекинского (1860) договоров, секретарь и переводчик консула в Урге, управляющий консульством (1861), консул (1865), генеральный консул (1882–1904), управляющий консульством (1907–1911). Являлся выдающимся знатоком Монголии, занимался географическими, историческими и этнографическими исследованиями, переводами литературы с санскрита и тибетского языка на монгольский. При его деятельном участии в Урге была основана школа переводчиков и толмачей (1865).

⁶ Отношение генерального консула в Урге на имя русского посланника в Пекине // АВПРИ. Ф. 292. Оп. 732. Д. 23. Л. 2.

Среди лам, монастырей и субурганов: служба в консульстве в Урге

К моменту приезда Дьякова в Ургу это был небольшой город с населением около 25 тыс. чел., расположившийся в обширной, окруженной невысокими горами долине р. Тола¹. Город состоял из двух частей – монгольской (хурен) и китайской (Маймачен)², отстоявшей от первой на пять верст. В восточной части монгольского города находилась резиденция Богдо-гегена (хутухты), главы буддийской общины (сангха) Монголии, третьего лица в иерархии тибетского буддизма. Урга была вторым по значимости после Лхасы религиозным центром тибето-буддийского мира. В этой части города находились многочисленные монастыри и храмы, в которых проживало до 10 тыс. лам и монахов. Вокруг культовых построек образовалось несколько торговых кварталов из китайских и русских лавок. Здесь же находилась китайская администрация и небольшая китайская крепость с гарнизоном. Маймачен имел форму квадрата с пересекающимися улицами, на которых располагались тесно прижавшиеся друг к другу глиняные фанзы за глиняными заборами. Внутренняя часть города, где проживали богатые китайские купцы и частью находились их лавки, была обнесена деревянным частоколом. Вокруг этого квартала находились мастерские ремесленников, базар, съестные лавки, постоянные дворы, кумирни и китайский театр.

Интересно мнение Г.Н. Потанина об Урге: «Это не город, а скорее лагерь, временный стан, который по первому слову вождя может сняться и уйти, не оставив следов на старом месте. Постигни город какая-нибудь катастрофа – пожар, землетрясение, набег неприятеля – потеря монгольского народа не будет чувствительна; если б сгорел какой-нибудь наш уездный город с населением в шесть-восемь тысяч жителей, то убытки нашего отечества, вероятно, были бы важнее, чем убытки монгольского народа от уничтожения Урги. Самое ценное в Урге – это ямбовое³ серебро, хранящееся в кладовых Богдо-гегена, и медные статуи в храмах. Но между последними ничего нет особенно ценного, нет никаких невозстановимых древностей или произведений каких-нибудь неподражаемых художников. Исчезни сегодня Урга – и через год она может быть восстановлена в этом же самом виде, с теми же статуями и церковными принадлежностями, сходными с прежними до мельчайших подробностей [...]. Тот же отпечаток временности, переносности и непрочной оседлости отразился и на общественной жизни города. Кроме храмов и монашеских общин, нет никаких общественных зданий и учреждений. Сюда съезжаются со всей северной Монголии учиться и лечиться, но обучение и лечение болезней производится частными практикантами из лам (т. е. монахов). Общественных школ и общественных больниц нет. В умственном центре такого гуманного культа, как буддизм, нет богаделен и тому подобных заведений милосердия. Потребность в городском благочинии властями города не сознается. На главных улицах и площадях вы видите валяющиеся трупы собак и кошек; видите нищих, проводящих суровые зимы на площадях под ворохом войлочной рвани и тут же на площадях умирающих, не вызывая к себе сожаления со стороны лам, проповедующих любовь не только к человеку и домашнему скоту, но даже и к паразиту-насекомому...»⁴.

Начало истории русского консульского присутствия в Монголии положил Пекинский договор (1860). В силу важности Монголии для торговых сношений с Россией в 1861 г. в Урге было

¹ Более подробное описание Урги см.: Пржевальский 1888: 74–79.

² Существовал еще и одноименный приграничный китайский г. Маймачен близ русской Кяхты.

³ Ямба или ямб (кит. 元宝) – русское название слитков серебра, обращавшихся в Китае до денежной реформы 1933 г. Ямбы имели разный вес: от 5 (187,5 г) до 50 лян (1875 г).

⁴ Потанин 1891: 131.

Рис. 3
Российское императорское консульство в Урге
(по: Козлов 1923: 27)

учреждено российское императорское консульство¹. Первым русским консулом был назначен подполковник К.Н. Боборыкин, которого в 1865 г. сменил состоявший при нем секретарем и переводчиком Я.П. Шишмарев, бессменно занимавший этот пост до 1904 г. Консульство в Урге, первоначально основанное в целях защиты русских интересов, с течением времени стало играть важную политическую роль во взаимоотношениях России с Китаем и Монголией².

Во второй половине XIX – начале XX в. Урга стала опорной базой для организации русских географических исследований в Монголии и Китае. Через город пролегли маршруты известных русских путешественников – Н.М. Пржевальского (1870, 1873, 1880, 1883), М.В. Певцова (1879), Г.Н. Потанина и В.А. Обручева (1892), П.К. Козлова (1883, 1901, 1905, 1908). Изучением ламаистских монастырей и монгольского языка в Урге занимался А.М. Позднеев в ходе двух экспедиций в Монголию (1876–1879, 1892–1893). Из Урги начинались маршруты знаменитой Орхонской экспедиции, организованной Императорской Академией наук в 1891 г. для археологического и лингвистического изучения Монголии, в которой приняли участие В.В. Радлов, Д.А. Клеменц, С.М. Дудин и Н.М. Ядринцев³.

Из Петербурга А.А. Дьяков добирался в Ургу по вновь построенной Сибирской железной дороге, которая значительно сократила время путешествия из столицы до восточных окраин

¹ Класс консульского учреждения за время его существования постоянно менялся – с консульства на генеральное консульство и обратно. В 1913 г. он был зафиксирован как генеральное консульство.

² Более подробно об истории русской консульской службы в Монголии и деятельности консульства в Урге см.: Сизова 2010; Сизова 2015.

³ См.: Сборник трудов 1892–1901.

империи. Открытие нового железнодорожного пути, проходившего через территорию Маньчжурии, ставшей новым рынком для русских промышленников и торговцев, ослабило торговое значение Монголии, и до окончания русско-японской войны эта страна выпала из сферы приоритетных русских торговых интересов. Выехав из Петербурга в середине января 1903 г., Дьяков 6 февраля 1903 г. благополучно прибыл в Ургу.

В русском консульстве А.А. Дьяков был встречен генеральным консулом Я.П. Шишмаревым и драгоманом консульства В.В. Долбежеевым. С последним Дьяков снова столкнется в период консульской службы в Синьцзяне. Вскоре по прибытию в консульство Дьяков был утвержден в чине коллежского секретаря (1 марта 1903 г.), но какой-либо штатной должности при этом не занимал и продолжал числиться в качестве студента Пекинской миссии.

В связи с расширением сферы активности консульства в Урге появилась настоятельная потребность во введении в штат консульства должности второго драгомана. Вопрос этот был поднят Шишмаревым перед министерством иностранных дел еще до команди-

ровки Дьякова в Ургу. Вскоре такое решение состоялось – 5 мая 1903 г. император Николай II утвердил мнение государственного совета об учреждении при консульстве в г. Урге второй должности драгомана с присвоением этой должности VIII класса по чинопроизводству и годового оклада содержания в 3 тыс. руб.⁴ На основе этого решения Дьяков 3 сентября 1903 г. был назначен драгоманом консульства в Урге с утверждением в чине коллежского секретаря⁵. В круг обязанностей драгомана консульства входили письменные и устные сношения с китайскими и монгольскими властями, ведение судебных дел, переводы документации. Драгоман часто привлекался к заведованию Ургинской школой переводчиков и толмачей.

Во время службы Дьякова в Урге состоялось важное событие – оставление генеральным консулом Я.П. Шишмаревым своего поста после почти сорокалетней службы в должности (март 1904 г.). С уходом этой знаковой фигуры закончилась целая эпоха русской внешней политики в Монголии, которая в связи с русско-японской войной вступала в новую фазу, полную бурных событий и быстро меняющейся политической обстановки. Новым консулом в Урге был назначен В.Ф. Люба⁶, выпускник

Рис. 4
А.А. Дьяков, ок. 1904 г.
© Архив семьи Дьяковых

⁴ Полное собрание 1905: 486.

⁵ Формулярный список о службе Алексея Дьякова в министерстве иностранных дел // АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 1273. Л. 1 об. – 2.

⁶ Люба, Владимир Федорович (1861–1928) – российский дипломат и востоковед. Образование получил на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета по китайско-маньчжуро-монгольскому разряду (1886), поступил на службу в МИД, драгоман (1890–1894), секретарь русского генерального консульства

факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Непродолжительное знакомство Дьякова с Любой в Урге будет иметь совершенно неожиданное продолжение в Синьцзяне, где они в роли консулов примут на себя удар русской революции и гражданской войны. Об этом заключительном эпизоде их знакомства еще будет сказано ниже.

В период службы в консульстве Дьяков стал свидетелем осложнения международных отношений в Центральной Азии в связи с британской вооруженной интервенцией в Тибет, начавшейся 12 декабря 1903 г. События в Тибете привели к кризису британско-русских отношений, русская дипломатия заявила решительный протест в связи с британским вторжением. В Монголии, связанной с Тибетом традиционными религиозными и духовными узами, также обострилась внутривосточная обстановка. 3 августа 1904 г. британские войска вошли в Лхасу, Далай-лама бежал в Ургу. Два года пребывания Далай-ламы в Урге стали серьезным испытанием для русской внешней политики. Россия, ослабленная русско-японской войной и последовавшей за ней революцией, стремилась уклониться от конфронтации с Великобританией по поводу Тибета и одновременно тяготилась пребыванием Далай-ламы близ русских пределов.

Русская дипломатия заняла в тибетском вопросе осторожную позицию, стремясь примирить Далай-ламу с Пекином и вернуть Тибет под формальный сюзеренитет Китая. Официальный Петербург не сочувствовал устремлениям Далай-ламы отложиться от Китая и создать собственное независимое государство. Одновременно прилагались усилия к поиску взаимопонимания с Великобританией по тибетскому вопросу с целью смягчить напряженность в русско-британских отношениях.

Тибетский кризис совпал с началом русско-японской войны. Монголия не соприкасалась своей территорией с театром войны, но с первых же дней боевых действий стала тыловым и отчасти операционным районом действующей армии. В Монголии велись заготовки продовольствия для частей русской армии, через ее восточные территории проходили войсковые коммуникации, для охраны которых выставлялись воинские контингенты.

Дьяков застал в Монголии только начальный этап войны с Японией. 4 апреля 1904 г. приказом по министерству иностранных дел он был назначен драгоманом русского императорского консульства в Кульдже¹. Причины этой ротации остаются не вполне понятными, принимая во внимание возросшую нагрузку на персонал консульства в Урге в связи с событиями русско-японской войны. Можно предположить, что перевод Дьякова состоялся в связи с назначением штатного драгомана консульства в Кульдже А.А. Вальтера на должность секретаря консульства в Чугучаке (апрель 1904 г.). 15 июля 1904 г. Дьяков навсегда покинул Ургу и отправился в китайскую провинцию Синьцзян, и судьбе будет угодно распорядиться, чтобы он провел там всю свою последующую жизнь.

Китайский город у русской границы: служба в консульстве в Кульдже

В начале августа 1904 г. Дьяков приехал в Кульджу, важный китайский торговый город близ русской границы в Семиречье. Русское консульство располагалось в северной части русской торговой фактории, на территории большого сада. Персонал консульства размещался

в Урге (1895–1899), чиновник МИД на правах консула в Гирине (1899–1902), консул (1904–1906), генеральный консул (1906–1907) в Урге, генеральный консул в Харбине (1907–1909), консул в Улясутае (1909–1911), генеральный консул в Урге (1911–1913), временно управляющий консульством в Кобдо (1913–1916), исполняющий обязанности консула в Кульдже (1917–1920), на службе в КВЖД. Скончался в Харбине.

¹ Формулярный список о службе Алексея Дьякова в министерстве иностранных дел // АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 1273. Л. 2 об.

в одноэтажных каменных домах, построенных еще в период русской оккупации Илийского края¹ в 1871–1881 гг. Близ консульства располагались казармы консульского конвоя – полусотни казаков с офицером, выставляемых от 1-го Сибирского казачьего полка. По соседству находились русская почтово-телеграфная контора и Русско-Китайский банк. В Кульдже также размещался небольшой русский военный отряд, выставленный на усиление консульства в 1900 г. в период беспорядков, возникших в связи с боксерским восстанием в Китае.

Район Кульджи, как и весь Илийский край, был хорошо изучен русскими офицерами Генерального штаба, строевыми офицерами и военными топографами еще в период оккупации края. Были составлены добротные военно-географические описания и подробные карты. В последующем эти сведения непрерывно пополнялись и освежались. Накануне приезда А.А. Дьякова в Кульджу там закончил почти двухлетнюю командировку Генерального штаба подполковник Д.Я. Федоров. Результатом его деятельности в Кульдже стало фундаментальное исследование – «Опыт военно-статистического описания Илийского края», – лучшее в кругу научных работ по этой части Синьцзянской провинции из имевшихся на то время в России².

Рис. 5
 Российское императорское консульство в Кульдже.
 © Частная коллекция. Великобритания

¹ Илийский край – гористый район Западного Китая, прорезанный долинами системы р. Или и расположенный на северном склоне Тянь-Шаньской горной системы.

² См.: Федоров 1903.

Работа полковника Федорова привлекла внимание В.В. Бартольда, откликнувшегося на ее выход в свет отдельной рецензией¹.

В описываемый период наиболее крупной в городе была русская торговая колония – свыше 200 чел., из которых только двое русских, остальные – татары, сарты², таранчи³ и дунгане⁴. В 1897 г. в городе насчитывалось 232 купца и 107 лавок, размещенных в каменных торговых рядах, выстроенных еще русской администрацией в период оккупации Илийского края⁵. Объем русской торговли в Илийском крае с конца XIX в. непрерывно нарастал, о чем свидетельствуют статистические данные по стоимости ввезенных в Кульджу товаров: 898 тыс. руб. (1898), 1 млн. 066 тыс. (1899), 960, 4 тыс. (1900), 1 млн. 520 тыс. (1904), 1 млн. 591 тыс. (1905)⁶. Главными предметами русского ввоза традиционно являлись хлопчатобумажные ткани, сахар, железо и изделия из него; предметами вывоза – шесть, кожи, скот. В силу географических и экономических условий Илийский округ Синьцзянской провинции представлял собой замкнутый рынок, и возможности его развития были достаточно ограниченными. В то время главными опорными базами русской торговли в Синьцзяне были города Кашгар и Чугучак, как пункты, наиболее близко отстоящие от железных дорог. Торговля с Кульджой имела второстепенное значение и обслуживала только ограниченные потребности местного населения.

Кульджа оставила заметный след в истории научного изучения Центральной Азии. Ввиду близости русской границы город часто становился исходной и конечной точкой для многих русских и иностранных экспедиций. До 1905 г. через Кульджу пролегли маршруты поездов и экспедиций русских исследователей – Е.П. Ковалевского (1841), Ч.Ч. Валиханова (1856), П.П. Семенова (1856), А.Ф. Голубева (1859), В.В. Радлова (1862), И.В. Мушкетова (1875), Н.М. Пржевальского (1876), А.Э. Регеля (1877, 1879), С.Н. Алфераки (1879), Г.Е. Грумм-Гржимайло (1889), В.А. Обручева (1894). В Кульдже побывали также иностранные исследователи – Ю. Скайлер (E. Schuyler, 1873), Ш. Уйфалви (Charles Eugène de Ujfalvy, 1877), Д. Морган (D. Morgan, 1880), Г. Бонвало и принц Г. Орлеанский (G. Bonvalot, Prince H. d'Orleans, 1889), Г. Ланделл (H. Lansdell, 1892), Ш.О. Бонен (Charles-Eudes Bonin, 1899), А. Грюнведель (A. Grünwedel, 1902), Г. Мерцбахер (G. Merzbacher, 1903).

В Кульдже А.А. Дьякову предстояло провести с небольшим перерывом почти восемь лет. Вся его консульская служба в этот период протекала под руководством опытного консула С.А. Федорова⁷ и во взаимодействии с секретарем консульства Н.Н. Кротковым, до перевода последнего на службу в консульство в Урумчи. В Кульдже Дьяков достаточно быстро продвигался по службе: 28 октября 1905 г. высочайшим приказом произведен за выслугу лет в титулярные советники, 26 января 1906 г. приказом по МИД назначен секретарем консульства в Кульдже⁸.

¹ Бартольд 1904: 131–137.

² Сарты – этноним, относительно которого в современной науке отсутствует устоявшееся мнение. Для рассматриваемого периода под ним условно можно понимать оседлую часть мусульманского населения Средней Азии.

³ Таранчи – историческое название крупной этнической группы уйгуров, компактно населявшей Илийскую долину.

⁴ Федоров 1903: 2: 47.

⁵ Федоров 1903: 2: 202.

⁶ Данные за 1898–1900 гг. приводятся на основе сведений из: Федоров 1903: 51; за 1904–1905 гг. – Федоров 1906: 369.

⁷ Федоров, Сергей Александрович (? – ?) – русский дипломат, драгоман (1883–1885), секретарь русского консульства в Урге (1886–1894), консул в Урумчи (1895–1897), Кульдже (1897–1912).

⁸ Формулярный список о службе Алексея Дьякова в министерстве иностранных дел // АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 1273. Л. 2 об.

Рис. 6

Илийский край и Кульджа.

Фрагмент карты южной пограничной полосы Азиатской России. Л. XII. Изд. 1910 г.

В период службы Дьякова в Кульдже город посетило несколько научных экспедиций. 12 апреля 1907 г. в русское консульство приехал полковник К.-Г.Э. Маннергейм, совершавший по высочайшему поручению секретную поездку по внутренним областям Китая. В своем дневнике Маннергейм приводит любопытные детали пребывания в Кульдже, в которых содержатся сведения о сотрудниках русского консульства, в том числе и о Дьякове. «Секретарь консульства А.А. Дьяков, – отмечал Маннергейм, – неутомимый охотник и бесстрашный наездник, проявлял большой интерес к археологическим исследованиям и обладал необходимой для этого подготовкой. К сожалению, его работа в консульстве не позволяла ему серьезно заниматься археологическими работами»¹.

Полковник Маннергейм в период своей поездки по Синьцзяну проявил большой интерес к археологии и сбору древностей. В октябре 1907 г. он совершил короткую поездку в урочище Безеклик, где ознакомился с одноименным буддийским пещерным комплексом. По замечанию Маннергейма, «сильно поврежденная настенная живопись (полностью разрушенная на значительных участках) все еще дает представление о том, что здесь было в минувшую эпоху»². Примечательно, что Маннергейм побывал на Безеклике за месяц до того, как туда приехал А. Стайн³.

Маннергейм и Дьяков быстро сошлись и часто совершали конные прогулки в окрестностях Кульджи. 2–3 мая Маннергейм по приглашению Дьякова совершил совместную с ним поездку

¹ Mannerheim 1969: 1, 215.

² Mannerheim 1969: 1, 360.

³ Whitfield 2010: 98.

Рис. 7

А.А. Дьяков во время совместной поездки с К.-Г.Э. Маннергеймом.
© Finnish Heritage Agency, Collection of the Finno-Ugrian Society,
С.G.E. Mannerheim Photographic Collection, VKK269_484

в село Кайнак, расположенное в 40 верстах от Кульджи. Дьяков и Маннергейм предприняли совместные раскопки древнего городища Цзиньдинсы, бывшей летней ставки калмыцких ханов. «[Городище] квадратной формы, – отмечал в дневнике Маннергейм, – с массивными стенами в 1,75–2 метра толщины у основания. В некоторых местах они возвышались на 2,5 метра, сложены из кирпича. Массы плоского кирпича лежали посреди внутреннего двора. Повсюду мы видели глазурованные изразцы голубого, зеленого и желтого цветов, подобные тем, что встречались мне ранее близ Кульджи. Фрагментов керамических сосудов было мало, те, которые я осмотрел, были изготовлены на гончарном круге и достаточно хорошего качества»¹. Сохранились уникальные фотографии, сделанные Маннергеймом в период совместной поездки с Дьяковым в окрестности села Кайнак, которые воспроизводятся в настоящем очерке.

Проехав к востоку от Кайнака, Маннергейм и Дьяков остановились у небольшого кургана, который, по словам местных жителей, также был частью бывших калмыцких поселений. На местности были заметны следы большого селения, виднелись вымытые дождями фрагменты керамических сосудов, кости и пр. Здесь Дьяков показал Маннергейму места своих предыдущих раскопок – неглубокие траншеи, вокруг которых виднелись керамические плитки, уже

¹ Mannerheim 1969: 1, 223.

Рис. 8
А.А. Дьяков во время археологических раскопок близ села Кайнак.
© Finnish Heritage Agency, Collection of the Finno-Ugrian Society, C.G.E. Mannerheim Photographic Collection, VKK269_454

встречавшиеся ранее в Цзиньдинсы. В одном месте Дьяков сделал раскоп глубиной в 1,5 метра, но не обнаружил ничего, кроме множества плиток и большого глиняного кувшина. Подобный кувшин Маннергейм купил у местного жителя, зарабатывавшего себе на жизнь кладоискательством.

В конце весны 1907 г. в Кульдже находилась немецкая географическая экспедиция Г. Мерцбахера, которая намеревалась продолжить ранее начатые исследования Центрального Тянь-Шаня¹. Необычно ранняя зима, сопровождавшаяся сильными снегопадами в горах, заставила экспедицию свернуть работы и вернуться в Кульджу. Мерцбахер провел в городе всю зиму и в марте 1908 г., с наступлением тепла, вновь отправился на исследование Тянь-Шаня.

¹ См.: Merzbacher 1908: 395–400.

Пребывание в Кульдже давало Дьякову широкие возможности для изучения восточных языков и научной деятельности. Не исключено, что значительное влияние в этот период на него оказал сослуживец по консульству Н.Н. Кротков, который активно занимался коллекционированием древностей и изучением маньчжурского языка, собирал материалы по этнографии народа сибо¹. Дьяков вскоре по прибытии в Кульджу стал брать уроки маньчжурского языка у Байлишаня, преподавателя Кульджинской школы переводчиков и толмачей, и собирать этнографический материал о сибинцах. По просьбе Дьякова Байлишань составил на маньчжурском языке воспоминания о дунгано-таранчийском восстании в Илийском крае (1864–1871). Дьяков подготовил перевод этого сочинения на русский язык и отправил в Петербург своему бывшему преподавателю В.Л. Котвичу². Работа Дьякова была опубликована на страницах престижного академического издания «Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества»³.

При издании работы В.Л. Котвич указал, что в его распоряжении имелся и более ранний вариант воспоминаний, написанный тем же илийским сибинцем для Н.Н. Кроткова, и что два текста существенно отличаются друг от друга. При этом вариант воспоминаний, подготовленный Кротковым, так и не был опубликован. С тем чтобы рассеять возникшее недоразумение, Дьяков сообщил Котвичу об истории происхождения более позднего варианта и о причинах, по которым его следует считать более точным. Для этого он попросил самого Байлишаня объяснить письменно наличие расхождений в работе. Письмо Байлишаня было опубликовано Котвичем⁴. Остается неизвестным, в какой степени это недоразумение могло повлиять на личные отношения Дьякова и Кроткова.

22 августа 1907 г. А.А. Дьяков был назначен управляющим консульством в Урумчи. К исполнению новых обязанностей он приступил в сентябре 1907 г. Это было первое знакомство Дьякова с городом, в котором ему предстояло провести большую часть своей жизни и где, вполне возможно, он и обрел последнее пристанище.

Короткое пребывание Дьякова в Урумчи, до августа 1908 г., было наполнено событиями, связанными с исполнением новых обязанностей в еще незнакомом ему консульском округе. Он совершал поездки по округу, знакомился с русскими торговыми аксакалами, изучал дела консульства. В этот период он активно занимался изучением состояния русской торговли в Урумчийском округе, для чего изучал дела консульства со сведениями по торговой статистике, собирал фактические данные через торговых аксакалов и китайскую администрацию. В 1908 г. обстоятельная работа Дьякова о состоянии русской торговли в Урумчийском консульском округе была опубликована в главном русском консульском журнале – «Сборнике консульских донесений» и значительно способствовала его профессиональному росту и укреплению авторитета⁵.

Годичное управление консульством в Урумчи явилось для А.А. Дьякова большой практикой в самостоятельном управлении делами консульского учреждения, ознакомлении с кругом задач и обязанностей консула. В Урумчи состоялось его знакомство с начальником консульского конвоя сотником И.В. Дорофеевым – негласным военным агентом в Западном Китае, с которым он поддерживал в дальнейшем дружеские отношения вплоть до начала Первой

¹ Н.Н. Кротковым по теме этнографического изучения сибо подготовлено несколько работ, из которых при жизни была опубликована одна статья: Кротков 1913. Отдельные работы Кроткова сохранились в рукописях и были изданы уже после его смерти. См.: Pang 1998; Пан 2007.

² Письмо А.А. Дьякова В.Л. Котвичу // АВ ИВР РАН. Р-1. Оп. 1. Д. 76. Л. 14.

³ Дьяков 1908b.

⁴ Дополнения 1910: 215.

⁵ Дьяков 1908a.

мировой войны. Через Дорофеева Дьяков был ознакомлен с состоянием русской военной разведки в Синьцзяне и основными задачами, которые решал русский негласный военный агент в этой части Синьцзянской провинции. Консул и начальник консульского конвоя в Урумчи

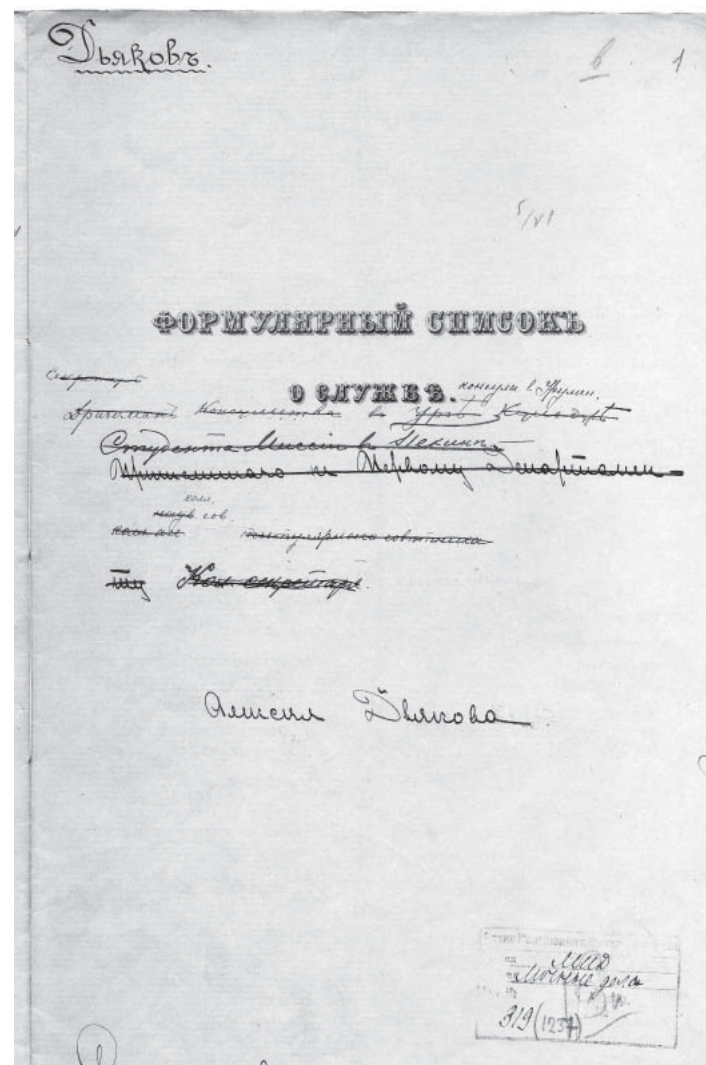

Рис. 9

Формулярный список о службе Алексея Дьякова в министерстве иностранных дел. АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 1273. © Архив внешней политики Российской империи

проявили согласованность действий при противодействии японской разведке, активизировавшейся в Синьцзяне после окончания русско-японской войны¹. Известен их совместный доклад по этому вопросу в штаб Омского военного округа с информацией о поездке японских агентов Хаяшиде и Хино в Тарбагатай².

Урумчи, находившийся в непосредственной близости к Турфанскому оазису, представлял удобную базу для занятий археологией, чем не преминул воспользоваться Дьяков, который был хорошо осведомлен о работе русских и иностранных экспедиций в этом районе. Научный интерес Дьякова во многом стимулировался и плодотворной деятельностью его коллег по консульству в Урумчи, о работах которых он также имел хорошее представление. Особенно это относится к деятельности Н.Н. Кроткова, которому в период службы в Урумчи удалось собрать уникальную коллекцию древностей и сделать себе громкое имя в науке.

В период годичного пребывания в Урумчи Дьяков с увлечением занимался коллекционированием рукописей и предметов древности, вел самостоятельные раскопки. В августе 1908 г. во время раскопок в урочище Астана³, в 40 верстах к юго-востоку от Турфана, им было обнаружено около 30 рукописей и фрагментов.

К этому времени относятся его первые контакты с русскими научными обществами. В конце 1908 г. он преподнес в дар Русскому комитету для изучения Средней и Восточной Азии (РКСВА) собрание рукописных фрагментов, среди которых оказались две рукописи исключительного научного значения¹. В связи с дарением рукописей Дьяков в январе 1910 г. обращался к В.В. Радлову с просьбой сообщить перевод их содержания, если такой будет исполнен, или об их публикации². Подаренные Дьяковым фрагменты рукописей вместе с коллекцией Н.Н. Кроткова, материалами экспедиции М.М. Березовского и предметами искусства из Русского Туркестана в собрании РКСВА были выставлены для высочайшего обозрения в здании Царскосельского дворца. Уникальные коллекции произвели большое впечатление на императора Николая II и во многом способствовали тому, что РКСВА был принят под высочайшее покровительство³.

В марте 1909 г. Дьяков отправил в адрес РКСВА еще несколько предметов – два шлема, фрагменты панциря и уйгурской одежды, найденных в Турфане. К ним была приложена краткая пояснительная записка. Он просил комитет возместить расходы по приобретению предметов (250 руб.). Просьба эта была удовлетворена, сами предметы переданы в Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого при Императорской Академии наук. Пояснительная записка Дьякова рекомендовалась к опубликованию в «Известиях» комитета⁴. Коллекция предметов древности, подаренная Дьяковым РКСВА, в 1909 г. была передана в Азиатский музей, откуда в 1930 г. поступила в Государственный Эрмитаж (кол. 1410). Коллекция рукописей Дьякова также была передана РКСВА в Азиатский музей. В настоящее время она входит в состав Сериндийского фонда ИВР РАН (32 единицы хранения). В коллекции находятся фрагменты уйгурских и китайских рукописей и киелографов, а также 48 фрагментов шестой главы «Сутры золотого блеска»⁵. 14 марта 1909 г. Дьякову за «пожертвование Русскому комитету для изучения Средней и Восточной Азии собрания рукописей на уйгурском языке» была объявлена высочайшая благодарность⁶.

По возвращении из командировки в Урумчи А.А. Дьяков 1 ноября 1908 г. высочайшим приказом произведен за выслугу лет в коллежские асессоры. В декабре того же года в связи с отъездом в отпуск С.А. Федорова Дьяков вступил в исполнение обязанностей консула в Кульдже. 29 марта 1909 г. он был награжден орденом Св. Станислава 3-й ст.

В марте 1909 г. Дьякову исполнилось 33 года, но он еще продолжал оставаться холостяком. Успешная служебная карьера вполне обеспечила его материальное положение, но одиночество и отсутствие семьи – обстоятельства, которые в условиях далекой азиатской окраины ощущались с большей остротой, – подводили его к мысли о необходимости поиска подруги жизни. Остается не вполне выясненным, каким образом Дьяков, не покидая Китая в течение семи лет, смог найти свою будущую спутницу жизни. Тем не менее в середине марта 1909 г. он получил разрешение на шестимесячный отпуск в связи с предстоящей женитьбой и выехал в Петербург.

Избранницей Дьякова была уроженка Петербурга потомственная дворянка Валентина Евгеньевна Селецкая, которой в 1909 г. исполнился 21 год. Отец невесты, Евгений Иванович

¹ См.: Noda 2018.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 28.

³ Астана (кит. 阿斯塔那) – название местности и древнего некрополя, занимающего площадь в 10 кв. км, который в IV–VIII вв. служил местом захоронения жителей Гаочана (кит. 高昌), столицы одноименного княжества и одного из первых центров буддизма на территории Китая. Астана получила известность в 1970-х гг. благодаря раскопкам китайских археологов, обнаруживших большое количество хорошо сохранившихся мумий и артефактов – предметов одежды, украшений, изделий из дерева и др., которые сейчас хранятся в Музее Синьцзяна в г. Урумчи. См.: Тяньшань 2002.

¹ Отчет 1909: 10.

² Письмо А.А. Дьякова В.В. Радлову, 29 января 1910 г. // АВ ИВР РАН. Ф. 177. Оп. 2. Д. 104. Л. 1.

³ Отчет 1909: 10.

⁴ Протоколы 1909: 3.

⁵ «Сутра золотого блеска» (санскр. Suvarṇaprabhāsottamasūtreṅdrarājah) – буддийский священный текст буддизма махаяны. Сутра получила широкое распространение в центральноазиатском регионе, существовали тибетские, монгольские, согдийские, тюркские, хотаносакские и тангутские версии.

⁶ Формулярный список о службе Алексея Дьякова в министерстве иностранных дел // АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 1273. Л. 3 об.

Рис. 10
Алексей и Валентина
Дьяковы.
© Архив семьи
Дьяковых

Селецкий, служил военным чиновником в Главном управлении казачьих войск, мать, Наталья Васильевна, была домохозяйкой. Разница в возрасте молодых была довольно значительна – 12 лет. Из выписки метрической книги церкви Александра Невского при Гомеопатической больнице Императора Александра II за 1909 г. следует, что 12 апреля 1909 г. в вышеуказанной церкви венчались секретарь российского императорского консульства в Кульдже, коллежский асессор Алексей Алексеевич Дьяков и дочь коллежского асессора, потомственная дворянка, девица Валентина Евгеньевна Селецкая. Оба православного вероисповедания, первым браком¹.

После свадьбы А.А. Дьяков, оставив молодую супругу в Петербурге, 24 сентября 1909 г. возвратился в Кульджу. Причины, по которым Дьяков вернулся на службу без жены, не вполне ясны, но возможно, что это было связано с ее беременностью, в связи с чем и было принято решение не подвергать жену и младенца опасности в далекой и неустроенной Кульдже. 3 апреля 1910 г. в семье Дьяковых родился первенец – девочка, которую нарекли Натальей.

По роду своих обязанностей Дьяков являлся инспектором Кульджинской школы переводчиков и толмачей. К тому времени школа переживала кризис в своей деятельности: с задержками поступали деньги на содержание школы, из-за низкого денежного содержания часто менялись преподаватели, что невыгодно отражалось на уровне знаний обучавшихся. По положению о школе (1884), в ней предоставлялось одно место для стипендиата от военного министерства для подготовки переводчиков из числа казачьих офицеров. В связи с введением в русской императорской армии нового положения об изучении офицерами восточных языков (1909) штабом Туркестанского военного округа был поднят вопрос о целесообразности подготовки военных переводчиков в Кульдже. Штаб выступал за подготовку таких специалистов на базе существовавшей Ташкентской офицерской школы восточных языков.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 2258. Л. 17 об. – 18.

Рис. 11
Кульджинская школа переводчиков и толмачей.
© Частная коллекция. Великобритания

Штаб Туркестанского военного округа вошел в переписку с консульством в Кульдже с целью выяснить целесообразность дальнейшей подготовки военных переводчиков в Кульджинской школе. Позиция, занятая А.А. Дьяковым в этом вопросе, имела решающее значение для переноса подготовки военных переводчиков в Ташкент. В письме в окружной штаб Дьяков изложил свой взгляд на постановку обучения в подведомственной ему школе: «Дело подготовки командированных в Кульджу офицеров к роли переводчиков китайского языка поставлено из рук вон плохо. Приезжающие сюда гг. офицеры изучают китайский язык разговорный (так определено по положению) при посредстве только одного учителя из школы переводчиков. Учитель-китаец ходит на известные часы к г. офицеру. И так дело тянется в течение двух лет. Потом офицер уезжает. Познания его никто не контролировал и не контролирует. И вдобавок, каждый изучающий китайский язык здесь офицер, не в укор ему будет сказано, думает, что изучил уже китайский язык, приобрел способность свободно изъясняться на этом труднейшем в мире языке. Но на самом деле не так. Офицер в течение двух лет слышал голос и звуки только одного своего учителя. И само собой разумеется, что можно было привыкнуть понимать его с полуслова. Но попробуй заговорить с изучавшим китайский язык другой китаец, как окажется, что этот китаец говорит почти на неизвестном языке [...]. Для изучения китайского разговорного языка нужна богатая практика и практика. И изучать китайский

язык нужно не здесь в Кульдже или в г. Курэ¹ (куда не пустят), а в каком-либо многолюдном городе. В этом отношении я указываю только на город Урумчи, как ближайший к Туркестанскому генерал-губернаторству. В таковом отношении и нужно организовать дело изучения офицерами китайского языка»².

В начале ноября 1909 г. Кульджу посетил лейтенант индийской армии П. Эдертон (Percy Etherton), находившийся в отпуске и совершавший путешествие по Синьцзяну. Эдертон поселился в Кульдже в доме, подготовленном для него британским торговым аксакалом. Он провёл в городе несколько дней, встречался с китайскими и русскими официальными лицами, осматривал достопримечательности и много фотографировал. Эдертон был приглашен на обед к русскому консулу С.А. Федорову и его жене. Хозяева накрыли отличный стол и, как могли, старались развлечь британского гостя, но толком пообщаться не удалось из-за языкового барьера. Когда Эдертон предложил консулу нанести ответный визит, то Федоров взял с собой Дьякова, знавшего английский язык. «Я, как мог, подготовил мою гостиную, – вспоминал об этом событии Эдертон, – стол был заставлен сладостями и деликатесами, приобретенными в соседних русских лавках и теми, что я захватил с собой из Кашмира и Индии. Секретарь русского консульства, представленный мне консулом, выступал в качестве переводчика, поэтому в этот раз мои высказывания передавались с гораздо большей скоростью и точностью в сравнении с туземным переводчиком»³.

Во время пребывания в Кульдже Эдертон еще несколько раз встречался с Дьяковым, что дало ему возможность хорошо сойтись с секретарем русского консульства. Эдертон вместе с Дьяковым был приглашен на обед к начальнику консульского конвоя подьесаулу И.М. Скрыподчикову⁴ и его жене. Спустя почти десять лет Эдертон станет одной из ключевых фигур британской политики в Синьцзяне, вступив в исполнение консульских обязанностей в Кашгаре в период наибольшего обострения отношений с большевиками в Средней Азии. Эдертон координировал работу миссии подполковника Ф. Бейли в Ташкент (1918–1919), а затем информировал власти Индии о политическом положении в Туркестане и Семиречье⁵. В период поддержки Великобританией контрреволюционного движения в России британский консул в Кашгаре осуществлял взаимодействие с русскими консулами в Синьцзяне, прежде всего в порядке обмена сведениями. В этой связи вполне допустимо, что Дьяков и Эдертон в 1918–1920 гг. могли поддерживать деловые контакты.

В Кульдже состоялось знакомство А.А. Дьякова с Генерального штаба полковником Л.Г. Корниловым, будущим верховным главнокомандующим русской армии и лидером Белого движения. Корнилов после завершения службы на посту военного агента в Китае получил разрешение начальника Генерального штаба на возвращение в Россию через внутренние провинции Китая и Монголию. С мая по ноябрь 1910 г. Корнилов совершил беспрецедентную рекогносцировку, проехав в течение 154 дней верхом от Калгана до Оша расстояние в 5720 верст⁶. В Кульдже Корнилов находился с 15 по 17 октября 1910 г. и останавливался

¹ Курэ (Хуйюаньчэн, кит. 惠远城) – город в 30 верстах к северо-западу от Кульджи, местопребывание китайской администрации Илийского округа. В русской исторической литературе известен также как маньчжурская Кульджа или новый Суйдун.

² Письмо управляющего Российским императорским консульством в Кульдже в штаб Туркестанского военного округа, 24 декабря 1911 г. // РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2294. Л. 429–430.

³ Etherton 1911: 306.

⁴ Скрыподчиков, Иван Михайлович (? – ?) – подьесаул 1-го Сибирского казачьего полка.

⁵ Более подробно о деятельности подполковника Эдертона в Кашгаре в 1918–1922 гг. см.: Басханов 2018а; Waugh 2007.

⁶ Корнилов Л.Г. Краткий отчет о поездке по Северной Монголии и Западному Китаю // РГВИА. Ф. 1396. Оп. 6. Д. 149. Л. 61.

в русском консульстве. В 1917 г. Дьяков внимательно следил за деятельностью Корнилова и тяжело переживал наиболее трагичные события его судьбы. В переписке он называл Корнилова «легендарным витязем и русским патриотом»¹.

В середине ноября 1910 г. в Кульджу из Монголии прибыла британская географическая и естественнонаучная экспедиция в составе Д. Карразерса (Alexander Douglas Mitchell Carruthers), Дж. Миллера (John Miller) и М. Прайса (Morgan Philips Price). В городе экспедиция находилась на зимних квартирах до середины февраля 1911 г., а затем отправилась в Урумчи, Гучен и Хами, откуда снова возвратилась в Кульджу и через Кашгар и Яркенд вернулась в Индию. Д. Карразерс оставил интересные записки о пребывании в Кульдже².

2 сентября 1911 г. в связи с оставлением должности консула С.А. Федоровым Дьяков был назначен управляющим консульством. На последний период его пребывания в Кульдже пришлось события Синьхайской революции в Китае (1911–1912). В этот период Дьяков оказался в центре крупного политического кризиса, что стало для него первым самостоятельным опытом урегулирования политических проблем.

С октября 1911 г. в Китае фактически установилось двоевластие: часть провинций находилась под контролем императорской власти, другая – перешла в руки революционеров. В Илийском округе также осложнилась политическая обстановка. 25 декабря 1911 г. в Кульдже произошел мятеж части китайского гарнизона, сопровождавшийся значительными жертвами среди мирного населения. В сторону русской границы потянулись беженцы. В феврале – марте 1912 г. мятеж был подавлен революционными войсками и дунганскими отрядами под общим командованием генерала Ян Цзэнсиня³.

Стабилизации обстановки в Кульдже во многом способствовали действия консула А.А. Дьякова, который настоял на вводе в город контингента русских войск. Координировал ввод войск полковник П.Н. Краснов, командир 1-го Сибирского казачьего полка, будущий донской атаман и один из лидеров Белого движения. Краснов, исполнявший на тот момент должность начальника Сибирской казачьей бригады, получил телеграмму от Дьякова с просьбой усилить консульский конвой в Кульдже. По согласованию с командующим войсками Туркестанского военного округа Краснов выдвинул в Кульджу две сотни 2-го Сибирского казачьего полка с пулеметной командой под командованием войскового старшины В.П. Шмонины. Несмотря на препятствия со стороны китайских официальных лиц, сотни Шмонины, двигаясь безостановочно от русского пограничного поста Хоргос, вечером 26 декабря вошли в Кульджу⁴. Русский отряд оставался в городе вплоть до начала Первой мировой войны.

9 апреля 1912 г. состоялось назначение А.А. Дьякова консулом в Урумчи. Назначение это произошло в результате оставления должности консула в Урумчи Н.Н. Кротковым, который начиная с 1909 г. предпринимал безуспешные попытки перевести консульство в класс генерального или хотя бы получить чин личного генерального консула. Министерство иностранных дел и миссия в Пекине были против идеи Кроткова, который в связи с этим разочарованно замечал: «В то время как китайские власти давно уже выражают желание, чтобы в Урумчи

¹ Копия отчета российского консула в г. Урумчи российскому чрезвычайному посланнику в Пекине о деятельности консульства за время с 1 октября 1917 г. по 1 ноября 1918 г. и о том, как отразился большевистский переворот на жизни русской колонии в Урумчийском консульском округе, 27 октября 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р200. Оп. 1. Д. 457. Л. 1.

² См.: Carruthers 1913.

³ Ян Цзэнсинь (кит. 杨增新, 1864–1928) – губернатор и командующий войсками (1911), затем фактически независимый правитель китайской провинции Синьцзян. Убит в результате заговора.

⁴ Более подробно о вводе русских войск в Кульджу в декабре 1911 г. см.: Краснов 1934.

Рис. 12
Нина и Наташа
Дьяковы.
© Архив семьи
Дьяковых

было русское генеральное консульство, для нашего Foreign Office¹ Урумчи все еще только трущоба, медвежий угол, не заслуживающий большого внимания»².

В течение месяца А.А. Дьяков сдавал дела по консульству, а затем выехал в трехмесячный отпуск в Петербург, чтобы навестить семью. Из отпуска Дьяков прибыл к новому месту службы в августе 1912 г. Семья по-прежнему оставалась в это время в Петербурге. 20 ноября 1912 г. за выслугу лет Дьяков произведен в надворные советники. 14 апреля 1913 г. награжден орденом Св. Анны 3-й ст. Из иностранных орденов Дьяков был награжден бухарским орденом Золотой звезды 3-й ст. (1912) и китайским орденом Двойного Дракона III класса 1-й ст. (1913)³.

16 февраля 1913 г. в семье Дьяковых родился второй ребенок – девочка, которую нарекли Ниной⁴. Весной 1914 г. Дьяков взял непродолжительный отпуск и выехал в Петербург, чтобы перевезти семью в Урумчи. К моменту приезда в Урумчи членов Второй Русской Туркестанской экспедиции (10 июля 1914 г.) семья Дьякова уже находилась в городе.

В столице Синьцзяна: Дьяков на посту консула в Урумчи

История учреждения русского консульства в Урумчи⁵ восходит к русско-китайскому Санкт-Петербургскому договору 1881 г., в котором предусматривалось открытие русского консульства в Турфане (ст. 10)⁶. Этим же договором оговаривалась и возможность открытия русского консульства в Урумчи «по мере развития торговли и по соглашению с китайским правительством». Территория Урумчийского консульского округа была обширна и непрерывно

¹ Здесь: министерство иностранных дел.

² Письмо Н.Н. Кроткова С.Ф. Ольденбургу от 4 ноября 1909 г., опубликованное в статье: Бухарин 2016а: 421.

³ Формулярный список о службе Алексея Дьякова в министерстве иностранных дел // АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 1273. Л. 6 – 7 об.

⁴ Выписка из метрической книги церкви Правительствующего сената о рождении и крещении Нины Алексеевны Дьяковой, 9 сентября 1913 г. // АВПРИ. Ф. 159. Оп. 749/2., 1902 г. Д. 9. Л. 5–6.

⁵ По распространенной версии, название города в переводе со старомонгольского языка означает «прекрасное пастбище». В описываемый период город имел китайское название Дихуа (кит. 迪化).

⁶ Русско-китайские договорно-правовые акты 2004: 120.

менялась¹. В пределах округа проживало многонациональное население – китайцы, уйгуры, татары, сибиряки, торгуты, дунгане и др.²

В сентябре 1895 г. вновь назначенный русский консул С.А. Федоров³ в сопровождении консульского конвоя (взвод казаков 1-го Сибирского казачьего полка) отправился в Турфан⁴. По прибытии в Урумчи и изучении местных условий С.А. Федоров высказался за необходимость нахождения консульства не в Турфане, а в Урумчи как важном административном, военном и экономическом центре Синьцзянской провинции.

Русское консульство располагалось в юго-восточной части Урумчи в так называемом «дунганском предместье», на полпути из старого города к китайскому арсеналу⁵. Оно состояло из небольшого каменного здания, дома секретаря и казармы консульского конвоя. Рядом с консульством по плану и указаниям консула была отстроена русская фактория – поселок в одну улицу с одноэтажными домами, магазинами и лавками русских торговцев из Ферганы и Семиречья. В 1908 г. в Урумчи и Урумчийском уезде проживало 261 чел. русских подданных⁶.

Консулом Н.В. Богоявленском в 1904 г. при консульстве была учреждена штатная должность врача⁷. В 1905 г. в саду консульства на деньги, собранные от пожертвований, началось строительство церкви⁸. В 1905 г. службу в церкви недолгое время вел отец Николай, но после его отъезда в церкви не было постоянного священника и богослужение совершал приезжавший из Кульджи иеромонах Серафим. В 1907 г. врач консульства В.А. Строковский оборудовал на территории консульства метеорологическую станцию, которая продолжила традицию метеорологического изучения Западного Китая, положенную в 1893 г. В.И. Роборовским, который в период работ экспедиции по Центральной Азии (1893–1895) оборудовал в Люкчуне в Турфанской котловине небольшую метеорологическую станцию, действовавшую в течение двух лет. С 1 августа 1907 г. на станции начались регулярные наблюдения.

Интересные записки о пребывании в Урумчи оставил полковник К.-Г.Э. Маннергейм, который останавливался в городе в период большой рекогносцировочной поездки по Китаю в 1906–1908 г.:

Консул Николай Николаевич Кротков⁹ любезно предложил в мое распоряжение канцелярию консульства, где уже была приготовлена для меня пара комнат. Я разместился в прохладной комнате, обращенной окнами на север, где имелась уже заправленная кровать, с видом на большой тенистый двор консульства.

Консул проживает в большом красивом доме, одно крыло которого отведено под канцелярию, другое – для проживания секретаря консульства. Казарма конвоя находится за зданием в небольшом

¹ В 1906 г. в состав округа входило семь уездов (сянь – кит. 县) – Дихуаский (собственно Урумчийский), Фуканский, Фуюаньский (Цзимисарский), Цитайский (Гученский), Чанцзийский, Манасский (Суйланский), Пичанский (Шаньшанский), а также четыре приставства (тин – кит. 厅) – Сихуское (Куркараусуское), Турфанское, Баркульское (Чженьсийское) и Хамийское. К началу Первой мировой войны Урумчийский консульский округ граничил с четырьмя другими российскими консульскими округами в Синьцзяне: Шарасумэским – на севере, Чугучакским – на северо-западе, Кульджинским – на западе, Кашгарским – на юго-западе.

² Мусульманское население округа было известно под общим названием «чаньтоу» (кит. 缠头 – чаньтоу, букв. «с тюрбаном на голове», мусульмане).

³ Об открытии консульства в Турфане и о назначении консулом надворного советника Федорова в 1895 г. // АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 2004.

⁴ Русское консульство 1895: 254.

⁵ АВПРИ. Ф. 294. Оп. 883. Д. 1.

⁶ Кротков 1908: 362.

⁷ См.: Об учреждении должности врача при российском консульстве в Урумчи. 1903 // АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 435.

⁸ Богоявленский 1906: 339.

⁹ Здесь имеется неточность. В момент приезда Маннергейма Н.Н. Кротков был управляющим консульством в отсутствие консула Н.В. Богоявленского.

саду. Большая и красивая церковь сооружалась между этими двумя зданиями. Вся территория была хорошо спланирована, с просторными дворами, садами и деревьями. Консульским конвоем командовал хорунжий 1-го Сибирского казачьего полка Игнатий Васильевич Дорофеев, распорядительный молодой офицер. Секретарь консульства был недавно назначен, но еще не прибыл на место¹. Доктор <В.А.> Строковский, консульский врач, недавно вернулся с [русско-японской] войны, в которой он принимал участие в составе Общества Красного Креста. Он полон энтузиазма и решил во время службы в консульстве заняться естественнонаучными исследованиями. Весь район за пределами консульства утопает в зелени тенистых деревьев и носит название «русской улицы». Это же название носит и вся русская фактория, населенная преимущественно русскими подданными².

Урумчи играл важную роль в развитии русской торговли в Синьцзяне и во всем Западном Китае. О торговом значении Урумчи высказывались почти все русские путешественники, посещавшие город, – А.Э. Регель (1879), Г.Е. Грумм-Гржимайло (1889), М.В. Певцов (1890), В.А. Обручев (1894), В.И. Роборовский и П.К. Козлов (1895). Касаясь значения Урумчи, Г.Е. Грумм-Гржимайло справедливо указывал, что значение город «имел и всегда будет иметь вовсе не потому, что представляет какие-нибудь особенно счастливые данные для развития промышленности фабричной или иной, а вследствие счастливого своего положения на месте пересечения многих путей»³.

Объем ввоза предметов русской торговли в Урумчи в стоимостном выражении в первые годы деятельности консульства был достаточно скромным, составив в 1895 г. всего 350 тыс. руб. Тем не менее русские консулы видели большой потенциал в развитии русско-китайской торговли в Синьцзянской провинции. Управляющий консульством в Урумчи В.О. фон Эттинген замечал в этой связи: «[...] хотя состояние русской торговли в здешнем крае и не может быть названо блестящим, но все же последняя заслуживает с нашей стороны всяческого внимания и поощрения. Деятельность нашего консульства направлена к тому, чтобы возбудить инициативу в наших торговцах, приучить их к более культурным коммерческим приемам и побуждать к солидарности между собой»⁴.

Между 1907 и 1912 гг. в русской торговле с Урумчи наблюдался заметный спад, о чем свидетельствуют данные о стоимости ввезенных товаров: 585 тыс. руб. (1908), 370 тыс. (1909), 376,5 тыс. (1910), 463,5 тыс. (1911)⁵. Непосредственно перед Первой мировой войной наблюдалось резкое увеличение объемов торговли: 1 млн. 977 тыс. руб. (1912), 2 млн. 739 тыс. (1913)⁶. Во время войны произошло значительное падение объема русской торговли, и она вернулась на уровень, наблюдавшийся после русско-японской войны. В 1916 г. русскими торговцами было ввезено в Урумчи товаров на сумму 870 тыс. руб.⁷ Главным предметом ввоза являлись мануфактурные изделия (больше 2/3 всего объема), затем следовали изделия из железа, керосин, сахар, галантерейный товар, мыло, спички и пр. Предметами вывоза служили овечья шерсть, чай, живой скот и шкуры, хлопок, войлоки, ковры, китайские ткани, галантерейный товар и пр. В 1913 г. российские торговцы вывезли из Урумчи товаров на сумму более 4 млн. руб.⁸

¹ Имеется в виду секретарь консульства Б.В. Долбежев.

² Mannerheim 1969: 1, 308.

³ Грумм-Гржимайло 1896: 150.

⁴ Эттинген 1902: 272.

⁵ Дьяков 1916: 66.

⁶ Дьяков 1916: 66.

⁷ Дьяков А.А. Краткие статистические данные о торговле русскоподданных в Урумчийском консульском округе за 1916 г. // ГАРФ. Ф. Р200. Оп. 1. Д. 428. Л. 13.

⁸ Дьяков 1914: 61.

Рис. 13

Российское императорское консульство в Урумчи.
© Finnish Heritage Agency, Collection of the Finno-Ugrian Society,
C.G.E. Mannerheim Photographic Collection, VKK269_688

Главными центрами русской торговли в Урумчийском консульском округе кроме самого Урумчи являлись города Турфан, Гучен и Хами. В 1914 г. постоянно проживающие колонии русских торговцев с семьями имелись в Турфане – 160 чел. и Гучене – 95 чел.¹ Русские товары, поступавшие в Урумчи, лишь частично продавались непосредственно в самом городе, в большей же части распределялись для последующей продажи в городах Турфане, Гучене, Манасе, Хами и Сучжоу.

Русское консульство в Урумчи с самого начала своей деятельности стало своеобразным форпостом русской науки в Западном Китае, оказывая содействие русским и иностранным научным экспедициям. Первой из них стала археологическая экспедиция Д.А. Клеменца в Турфан (1898)². В период работ экспедиции Клеменц дважды посещал Урумчи – в конце августа по пути в Турфанский оазис и в начале октября на обратном пути. В поездку в Турфан Клеменца сопровождал начальник консульского конвоя хорунжий С.С. Боков. В 1900 г. в период

¹ Дьяков 1916: 60–61.

² См.: Ольденбург 1917.

Рис. 14
А.А. Дьяков в саду консульства
в Урумчи.
© Архив семьи Дьяковых

подготовки русской археологической экспедиции в Турфан Д.А. Клеменц рекомендовал С.Ф. Ольденбургу прикомандировать к экспедиции хорунжего Бокова: «Он бывал в Турфане, хорошо знает по-китайски¹ и по-киргизски, хороший фотограф к тому же»². Консульство оказывало большое содействие 1-й, 2-й и 3-й Германским Турфанским экспедициям, которые в 1902–1907 гг. вели археологические работы в Турфанском оазисе.

К началу 1913 г. штат русского императорского консульства в Урумчи состоял из консула, секретаря консульства (место оставалось вакантным), начальника консульского конвоя и врача. В отличие от других русских консульств – Кашгарского и Кульджинского, – в штате консульства в Урумчи не была предусмотрена должность драгомана и переводчика. Число русских подданных в самом Урумчи в то время было относительно небольшое – 190 чел.³

¹ С.С. Боков изучал китайский язык в Кульджинской школе переводчиков и толмачей.

² См. письмо Д.А. Клеменца к С.Ф. Ольденбургу, 12 мая 1900 г. (Бухарин, Попова, Тункина 2018а: 242).

³ Дьяков 1916: 64.

Деятельность консула во многом опиралась на торговых старшин – аксакалов, которые назначались консулом по выбору, сделанному представителями русского торгового общества в наиболее значимых населенных пунктах Урумчийского консульского округа. Они докладывали консулу о нуждах русской торговли, выполняли роль полицейских в русской торговой фактории в Урумчи, вели разбор торговых тяжб, доводили устные поручения консула до китайских властей и пр. Аксакалы играли важную роль в сборе сведений о деятельности китайской администрации, русских и иностранных подданных, проживающих в Урумчи, а также выполняли различные поручения негласного характера.

Урумчи являлся важным политическим и военным центром Западного Китая. В русском военном ведомстве впервые серьезно обратили внимание на Урумчи в период Илийского кризиса (1880–1881), особенно после того, как город стал столицей вновь образованной Синьцзянской провинции (1884). С этого времени начинается планомерное изучение провинции в военно-географическом и статистическом отношении, организуются военные рекогносцировки, издаются отчетные работы и описания. После 1884 г. первая русская военная рекогносцировка Урумчи была осуществлена в 1885 г. Генерального штаба капитаном А.С. Галкиным (июнь – декабрь 1887 г.), в ходе которой были получены первые системные и достоверные военно-статистические сведения о китайских войсках в Западном Китае¹. Затем в изучении Урумчи и прилегающих к нему территорий наступила пауза, которая длилась вплоть до обострения русско-китайских отношений в Синьцзяне в связи с боксерским восстанием (1900–1901).

В связи с необходимостью иметь по возможности полные сведения из Урумчи – военного центра Синьцзянской провинции – Главный штаб активизировал разведывательную деятельность, возложив сбор сведений на начальников консульских конвоев при российском императорском консульстве в Урумчи. После ликвидации должности офицера Генерального штаба при российском генеральном консульстве в Кашгаре (1906) в распоряжении Туркестанского военного округа остался только один орган военной разведки на территории Синьцзяна – начальник консульского конвоя при русском консульстве в Урумчи с правами негласного военного агента. Начиная с 1906 г. он снабжал сведениями сразу два органа военного управления – штабы Туркестанского и Омского военных округов.

В годы, предшествовавшие русско-японской войне, и в период самой войны штабами Туркестанского и Омского военных округов был проведен ряд рекогносцировок, преимущественно по разведке путей, ведущих от русской границы к Урумчи. Рекогносцировки произвели офицеры консульского конвоя в Урумчи: сотники 1-го Сибирского казачьего полка А.И. Белов (1901), 2-го Сибирского казачьего полка М.С. Быков (1902)² и хорунжий того же полка А.Г. Бусыгин (1904 и 1905)³. После русско-японской войны в Урумчи вели работы полковник К.-Г.Э. Маннергейм (1907)⁴, сотник И.В. Дорофеев (1906–1909), офицеры Генерального штаба капитан Р.Ш.-А. Сыртланов (1909)⁵, полковник Л.Г. Корнилов (1910)⁶ и подполковник А.А. Васильев (1911)⁷.

¹ См.: Донесение штаба Омского военного округа в Главный штаб с предоставлением отчета капитана Галкина о состоянии вооруженных сил и военных средств Китая, составленного при поездке в Синьцзянскую провинцию, 1887 // РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 23; Галкин 1888. В ходе двух рекогносцировок Синьцзяна (1885, 1887) капитан А.С. Галкин составил альбом фотографий с видами местностей и типами местных жителей (42 снимка). Альбом в настоящее время хранится в НА РГО (Разряд 112. Оп. 1. № 941).

² См.: Маршрут 1904.

³ Маршрут 1910: 282.

⁴ Маннергейм 1909.

⁵ Сыртланов 1913.

⁶ Корнилов Л.Г. Краткий отчет о поездке по Северной Монголии и Западному Китаю // РГВИА. Ф. 1396. Оп. 6. Д. 149. Л. 39–60.

⁷ Васильев 1912.

Ключевой фигурой русской военной разведки в Синьцзяне в период до начала Первой мировой войны являлся сотник 1-го Сибирского казачьего полка И.В. Дорофеев. В марте 1906 г. он был назначен начальником консульского конвоя при консульстве в Урумчи и оставался на этой должности до июня 1909 г. На сотника Дорофеева кроме прямых должностных обязанностей было возложено исполнение должности негласного военного агента в Западном Китае. В течение более трех лет он снабжал штабы Туркестанского и Омского военных округов ценной информацией о состоянии китайских военных сил в Синьцзянской провинции. Для выполнения возложенной на него задачи он создал агентурную сеть из числа местных жителей, регулярно совершал объезды китайских войск и проводил рекогносцировки наиболее важных в военном отношении коммуникаций и местностей.

В представлении к награждению Дорофеева отмечалось: «[...] за время пребывания в пределах Китая постоянно доставлял ценные сведения об организации китайских войск, о строевой и тактической подготовке их и о постепенных изменениях в ходе военного дела [...]. В донесениях этих им представлялись не только голые факты, но делались выводы из них, причем последние обращают на себя внимание своей деловитостью, изобличая в авторе большое умственное развитие, солидные познания в военном деле и большое знакомство с военной литературой, умение разобраться в добытых разведкой материалах или личных наблюдениях. Все изложенное приобретает особую цену, если принять во внимание, что сотник Дорофеев – совсем молодой офицер (выпуска 1904 г.). Императорский российский консул в Урумчи также свидетельствует, что своими познаниями в военном деле сотник Дорофеев много помогал консульству при разработке вопросов, касавшихся организации, устройства и состояния войск Синьцзянской провинции, и за время пребывания в должности начальника конвоя отличался ревностным и примерным исполнением лежавших на нем обязанностей, проявляя похвальную осмотрительность и немалый такт»¹. За успешное выполнение задания в период службы в Урумчи Дорофеев награжден главной наградой российских военных разведчиков – орденом Св. Владимира 4-й ст. В 1910 г. Дорофеев был прикомандирован к штабу Омского военного округа «без ограничения срока для работ по разведке»².

Дорофеев в период службы в консульстве в Урумчи имел возможность наблюдать работу русских и иностранных археологических экспедиций. В коллекции Музея азиатского искусства в Берлине сохранилась редкая фотография участников 3-й Германской Турфанской экспедиции, на которой присутствует сотник Дорофеев в одной группе с консулом Н.В. Богоявленским и немецкими археологами – А. Грюнведелем (A. Grünwedel), Т. Бартусом (Th. Bartus) и Г. Портом (H. Port). Эта редкая фотография воспроизводится в настоящем очерке.

Урумчийский опыт был использован Дорофеевым в период службы в разведке штаба Омского военного округа. В июле 1914 г. штаб округа разрабатывал план проведения тайной рекогносцировки главного операционного направления, выводящего от русской границы в Семиречье к Урумчи, с целью пополнения сведений и уточнения возможностей движения крупных войсковых сил к Урумчи³. Для поездки был выбран подьесаул Дорофеев, как хорошо знакомый с районом рекогносцировки. Чтобы не привлекать внимание китайских властей, Дорофеев предложил оформить его поездку как археологическую экспедицию. Идея эта была принята штабом округа и одобрена Генеральным штабом

¹ Отношение командующего войсками Семиреченской области к командующему войсками Туркестанского военного округа, 14 августа 1909 г. // РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2304. Л. 197–197 об.

² См.: Послужной список есаула 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка Дорофеева. Сост. в августе 1917 г. // РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 108505 (1917 г.).

³ Соображение о заграничных негласных поездках офицеров штаба Омского военного округа в Западный Китай (Синьцзян) и Монголию с разведывательными целями // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 9707. Л. 255.

Рис. 15

Участники 3-й Германской Турфанской экспедиции в российском императорском консульстве в Урумчи (апрель 1907 г.). Слева направо – Г. Порт, И.В. Дорофеев, А. Грюнведель, Н.В. Богоявленский, Т. Бартус. © Staatliche Museen zu Berlin, Museum für Asiatische Kunst. MİK В 3051

и министерством иностранных дел¹. Начавшаяся вскоре война с Германией не позволила осуществить этот проект.

Русские консулы в Урумчи традиционно информировали штабы Туркестанского и Омского военных округов о наиболее важных военно-политических событиях в пределах Урумчийского консульского округа. Сведения военного характера, сообщаемые консулами, учитывались в военном планировании и публиковались в аналитических и информационных материалах штабов военных округов. Эту традицию продолжил и А.А. Дьяков в период службы консулом в Урумчи. Донесения за его подписью можно встретить среди документов за период 1912–1917 гг., отложившихся в фондах РГВИА. Ссылки на сообщенные им сведения встречаются в печатных изданиях разведывательных отделений штабов военных округов².

¹ Отношение 4-го Политического отдела (Дальневосточного) МИД в ГУГШ, 14 июля 1914 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 9707. Л. 254.

² См., к примеру: Сводка 1913: 24–25.

Город Урумчи и Урумчийский консульский округ были хорошо знакомы Дьякову по командировке 1907–1908 гг. Круг консульских обязанностей оставался примерно тем же и заключался в оказании содействия русской торговле, осуществлении консульского суда, разборе имущественных и гражданских дел русских подданных, выдаче паспортов (виз) китайским подданным, осуществлении контактов с китайской администрацией, выполнении поручений императорской дипломатической миссии в Пекине и др.

Сохранились редкие воспоминания начальника консульского конвоя в Урумчи хорунжего 2-го Сибирского казачьего полка А.П. Михайлова³, относящиеся к маю – ноябрю 1914 г., в которых содержатся интересные сведения к биографии А.А. Дьякова, а также о повседневной жизни консульства. В мае 1914 г. хорунжий Михайлов прибыл в Урумчи, чтобы принять командование над консульским конвоем. А. П. Михайлов вспоминал о пребывании в Урумчи:

Люди размещались в светлой, просторной казарме, с большой столовой, достаточной размерами для ведения взводного учения в пешем строю. Сзади казармы были расположены склады, кладовая, кухня, хлебопекарня, коновязь и конюшни. Левый задний угол двора пересекался широким с холодной и прозрачной водой арыком. Из-за карагачей, на противоположной стороне арыка, выглядывала взводная баня.

Квартира командира стояла впереди и левее казармы, и заключенный между ними большой прямоугольник служил и плацем, и манежем для строевых занятий. Здесь же стояли гимнастические снаряды, станки для рубки, уколов, барьеры и пр. От огромного консульского двора с его постройками конвой отделялся низкой загородкой. И все было обнесено общей высокой глинобитной стеной с русскими национальными флагами, гербами на воротах консульства и конвоя. Здесь был кусочек русской территории. Эта территория стояла вне городской стены китайского города, но соединялась с ним широкой улицей, населенной главным образом русскоподданными татарами, сартами и таранчами. Чисто русскую колонию составляли консул, его жена, их две девочки, одинокий врач и человек 7–8 только что прибывшего отделения от фирмы, кажется, Саввы Морозова или Бардыгиных⁴.

Скучать было некогда. Взвод был отдельным, имел свое хозяйство, и день шел по расписанию и инструкциям, присылаемым из полка, как и в сотнях. Численный состав взвода – 36 человек – требовал меньше затраты времени на обучение, чем в сотнях; а то, что среди конвойцев не было молодых, значительно облегчало работу. Занятия не были тяжелыми, нудными, и успехи были заметны. Не менее двух раз в неделю устраивались выезды в поле: полевые поездки, сторожевая и разведческая служба и даже маневры с обозначением противника и холостыми патронами. Иногда после полевых поездок взвод на широких аллюрах⁵ появлялся где-нибудь поблизости китайских казарм, выстраивался и сразу начинал джигитовку. Проскакав 3–4 раза, с песнями уходил домой. Все это проделывалось быстро, лихо, неожиданно и умышленно, ибо я знал наверняка, что лихость, смелость и отвага казаков внушали китайскому солдату уважение и страх.

³ Михайлов, Анатолий Петрович (1892–1971) – войсковой старшина, родился в Семиречье, военное образование получил в Сибирском кадетском корпусе (1910), Николаевском кавалерийском училище (1913), из училища вышел во 2-й Сибирский казачий полк, младший офицер полка, начальник консульского конвоя в г. Урумчи (1914). Участник Первой мировой войны, воевал в составе Сибирской казачьей бригады на Кавказском фронте. Участник Белого движения, в эмиграции в Китае, с 1939 г. – в США, атаман общеказачьей станицы в Сизтле. Скончался в Сизтле.

⁴ Имеется в виду промышленное и торговое товарищество «Никифора Михайловича Бардыгина наследник», принадлежавшее Михаилу Никифоровичу Бардыгину (1864–1933), крупному русскому фабриканту, общественному деятелю и меценату, депутату III Государственной думы. Товарищество имело многочисленные отделения в России, а также в Китае, в т. ч. и в Урумчи.

⁵ Аллюры (фр. allure, походка, бег) – вид походки лошади, при котором в каждый момент времени три ноги опираются на землю и только одна переставляется.

Вечерами плац-манеж устанавливался городками, играли в чехарду, пели песни, просто отдыхали, вспоминая о родных станицах, о полке. По субботам – уборка и баня, а очередная смена выезжала с командиром взвода на козловую охоту. Охота в окрестностях была прекрасная, и без трофеев для общего котла не возвращались.

Короче говоря, служба Урумчинского взвода мало чем отличалась от службы сотни в полку. Разницей было то, что конвойцам приходилось сопровождать консула в его поездках по делам в китайские казенные учреждения, к чиновникам с визитами, в гости, а порой его жену с детьми во время катания по городу или около городской стены¹.

По воспоминаниям А.П. Михайлова, его первая встреча с Дьяковым прошла достаточно холодно – «особого радушия не проявил; прием был официальным и сухим». Причиной этому стало то обстоятельство, что Михайлов в первый день по приезде в консульство не успел представиться Дьякову. Вскоре у Михайлова возник служебный конфликт с Дьяковым в связи с неудовлетворительным состоянием конского состава конвоя.

Еще в самом начале моей службы в Урумчи, как-то прихожу на вечернюю уборку и вижу – в стороне от коновязи ветеринарный фельдшер взвода Берников² возится с 2–3 лошадьми. Спрашиваю его, в чем дело. Фельдшер, показывая на побитые копыта коней, докладывает, что лошади только что вернулись из наряда к консулу. Вызываю старшего бывших в наряде людей и приказываю ему объяснить причины.

Старший докладывает, что консул ездит в коляске на великолепной паре светло-серых тропотунов³, за которыми казачьим коням приходится скакать не ниже широкого намета⁴, а так как консул иногда приказывает конвоирующим окружать его кольцом, а китайские улицы узки, с каменными плитами вместо тротуаров, то из каждого такого наряда 2–3 коня возвращались с засечками на ногах, побитыми копытами и просто без подков.

Приказываю вахмистру немедленно докладывать мне каждый раз, сколько коней ходило в наряд и в каком состоянии вернулись. Приказание на наряд исходило от самого консула непосредственно или дежурного по взводу, или вахмистра, минуя меня. Кроме того, чтобы старшим было вменено в обязанность водить коней только впереди и сзади коляски, ни в коем случае по каменным тротуарам, а в узких местах и на поворотах переводить коней в рысь. Однако этой меры оказалось мало; кони продолжают возвращаться с побитыми ногами. Мои доклады-просьбы не гонять коней по камням успеха не имеют; консул объясняет их излишней ретивостью в молодые годы.

Однажды, осмотрев прибывших из наряда коней, я отправился к консулу с твердым намерением настоять на своем. Разговор происходил в канцелярии. Консул, возражая мне, указывал на то, что ему, представителю императорской российской власти, и по русскому обычаю, и можно, и должно не иначе, как только лихо и быстро пронестись по людным улицам города полной тропотой его коней и тем вызвать восхищение и уважение к России среди китайцев. Ясно и понятно – престиж. И правильно. Но я считал себя не менее правым, неся ответственность за конский состав вверенных мне людей. Чтобы оградить себя от возможных в будущем неприятностей и не заставить моих казаков возвращаться со службы на конях с разбитыми ногами, докладываю консулу, что я вынужден буду принимать коней из наряда комиссией под моим предводительством в составе членов: вахмистра, ветеринарного фельдшера и образцового кузнеца.

¹ Михайлов 1941: 43–44.

² Берников, Артемий Андреевич (?–?), ветеринарный фельдшер, уроженец ст. Новорыбинской 2-го военного отдела Сибирского казачьего войска, умер от тифа в период Первой мировой войны.

³ Тропотун – лошадь со сбивчивой побегой, иноходец, у китайцев считалась лучшей лошадейю.

⁴ Намет – казачье название галопа.

Рис. 16

А.А. Дьяков с дочерью Наташей.

© Архив семьи Дьяковых

– Хорошо, коли того требуют ваши уставы, – холодно согласился консул.

Однако к этой мере прибегнуть не пришлось; консул стал ездить на более коротких аллюрах, часто верхом, отчего кони стали возвращаться из наряда с целыми ногами. Я успокоился. Были довольны и казаки. Но мои отношения с консулом дальше официальных не шли¹.

Отношения между консулом и начальником конвоя вскоре изменились и стали вполне дружественными. Помог тому случай. «Как-то пригласил меня консул поехать с ним на козлов, – сообщал Михайлов. – Стрельба консула была неудачной; он волновался, нервничал, и ему не удалось убить ни одного козла; а ему очень хотелось привезти козла к именинам дочки. Я дал ему одного из убитых мной козлов. Этот ли козел был причиной, или совместно проведенные два дня, но с той охоты консул изменился. Начал заходить, интересоваться жизнью конвоя, присоединялся к нашему пению, шутил, снимал своим фотоаппаратом казаков во время занятий, меня на параллельных брусьях, на джигитовке и пр. Словом, консул оказался милым, простым, гостеприимным, радушным русским барином»².

С началом Первой мировой войны и объявлении мобилизации Дьяков пытался оставить имевшийся при нем конвой и хорунжего Михайлова в Урумчи. Михайлов и казаки ожидали вызов в полк, уже зная, что им на смену идет взвод казаков 3-го Семиреченского казачьего полка. Дьяков через министерство иностранных дел добился разрешения оставить прежний конвой, а новый конвой на полдороге к Урумчи получил приказ вернуться к своему полку в Джаркент. О последующих событиях сообщает Михайлов:

На следующее утро, не говоря ни слова консулу, я посылаю телеграммы – одну в полк, другую – командующему войсками Семиреченской области, с просьбой не оставлять нас в заброшенном Урумчи, как пасынков полка, и что это просьба не моя, а всего взвода. Командиру полка вкратце было изложено, почему и как была возвращена смена. Вскоре получаю почту. Из приказов по полку и одного специального предписания узнаю, что по случаю выступления полка на фронт и согласно приказанию штаба Туркестанского военного округа я со своим взводом передаюсь на все время войны и на все виды довольствий в министерство иностранных дел через консульство в Урумчах. К предписанию приложены аттестаты³. Эта новость нас очень огорчила. Оставалась единственная надежда на командира полка, что, получив мою телеграмму, он нас не оставит.

¹ Михайлов 1941: 44–45.

² Михайлов 1941: 45.

³ Аттестат – здесь: документ на получение вещевого и продовольственного довольствия.

Наступил ноябрь [1914 г.]. Снова вызывает меня консул к себе. На этот раз он с грустью поведал мне о том, что нам подходит смена и вот-вот должна прибыть. Консул говорит, что ему ничего об этом не было известно, иначе он не допустил бы. Предлагает мне с моими людьми остаться, а смену вернуть обратно.

– Никак невозможно. Казаки ждут не дождутся смены, чтобы как можно скорее присоединиться к полку и принять участие в боях.

– Ну коли им так хочется воевать, пусть идут себе с тем, кто приведет смену, а вы оставайтесь командовать Семиреченским конвоем. Я берусь это устроить через министерство иностранных дел и обещаю, что это ни в коей мере не повредит вашей карьере.

Не желая отставать ни от своих людей, ни от полка, я отказался. <...> Накануне выступления консул выдал казакам на улучшение стола с водкой и, кроме того, каждому награды за службу; простился тепло и сердечно, пожелав вернуться домой и с наградами. Проводить нас выехала почти вся русская колония и часть мусульман. Отошли уже порядочное число верст; дальние проводы начали томить, как вдруг у дороги показалась палатка. Консул приглашает зайти выпить на прощание последний бокал вина. В палатке предложили вино, бутерброды, горячий чай. То же самое, но без вина было предложено на столах у палатки казакам.

Простились еще раз. Раздалась песня, заколыхались пики, и мы расстались навсегда. Все шероховатости, что создались поначалу из-за пользования конским составом, забылись бесследно, и я увозил с собой лишь самые теплые воспоминания о моей службе в Урумчах¹.

Как видно из писем А.А. Дьякова к С.Ф. Ольденбургу, война с Германией произвела на него большое впечатление: «Событие это прямо ошеломило нас. На все воля Божия!»² Как и большинством людей в тогдашней России, война была встречена Дьяковым с большим энтузиазмом, который по мере затягивания военных действий и неудач на фронте начал быстро ослабевать. В последних письмах Дьякова уже сквозит неуверенность в успехе военной кампании, растерянность и даже разочарование.

С первых дней пребывания в Урумчи в качестве консула А.А. Дьяков предпринимает шаги к установлению деловых отношений с РКСВА. В письме от 4 августа 1912 г. Дьяков уведомил комитет о «принятии» им консульства в Урумчи и выразил «готовность оказывать всякое содействие командируемому от комитета лицам»³. Он также интересовался судьбой ранее высланных в адрес комитета рукописей и заметок. В свою очередь, комитет обратился к Дьякову с просьбой установить местонахождение сотрудника Первой Русской Туркестанской экспедиции местного жителя Б.Т. Хохо, которому С.Ф. Ольденбург поручил произвести осмотр некоторых местностей Синьцзяна, интересных в археологическом отношении. Дьяков откликнулся на эту просьбу и разыскал Хохо⁴.

В апреле 1914 г. Дьяков сообщал в РКСВА подробности о пребывании в Урумчи японского археолога Ёсикава Коитиро и о сделанных им находках в конце зимы 1913–1914 г.⁵ Сведения эти имели важное значение для С.Ф. Ольденбурга, занимавшегося подготовкой Второй Русской Туркестанской экспедиции в район, где накануне работали японские археологи Ташибана и Ёсикава.

А.А. Дьяков оказывал активное содействие работам II РТЭ под руководством академика С.Ф. Ольденбурга. В конце июня 1914 г. Дьяков отправил С.Ф. Ольденбургу и его сотрудникам по экспедиции приглашение остановиться в русском консульстве в Урумчи: «Места

¹ Михайлов 1941: 46–47.

² Письмо А.А. Дьякова С.Ф. Ольденбургу, 21 июля 1914 г. (Бухарин 2018d: 594).

³ Протоколы 1912: 38–39.

⁴ Протоколы 1913: 32.

⁵ Протоколы 1914: 55.

Рис. 17

Участники II РТЭ в саду российского императорского консульства в Урумчи. Сидят слева направо: С.М. Дудин, Б.Ф. Ромберг, Н.А. Смирнов, А.А. Дьяков, С.Ф. Ольденбург, В.Е. Дьякова, В.С. Биркенберг, Наташа Дьякова (старшая дочь консула), на заднем плане младшая дочь консула Нина на руках у няни-сартянки.
СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 184. Л. 1–2.
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

свободного много, и Ваше пребывание в консульстве будет в высшей степени для меня приятно и важно для чести русского имени, престиж коего стоит здесь столь высоко»¹. 3 июля Дьяков с консульским конвоем встретил С.Ф. Ольденбурга и его спутников за восемь верст от Урумчи и проводил в консульство, где в отдельном флигеле было приготовлено для них жилье. В Урумчи экспедиция простояла с 3 по 12 июля, занимаясь покупкой выючных лошадей, починкой фургонов и визитами к китайским должностным лицам. В фондах СПбФ АРАН сохранилась редкая фотография – групповой снимок участников II РТЭ с А.А. Дьяковым и его семьей в саду консульства в Урумчи, который воспроизводится в настоящем очерке².

¹ Бухарин 2013: 442.

² Атрибуция фотографии при ее первой публикации в 2008 г. содержала неточности по месту события и кругу лиц, на ней запечатленных, см.: Российские экспедиции 2008: 166. Уточненная атрибуция фотоснимка выполнена С.Л. Шевельчинской.

В марте 1915 г. Дьяков принимал у себя членов II РТЭ – С.М. Дудина, В.С. Биркенберга и Н.А. Смирнова, возвращавшихся из Дуньхуана в Россию. 18 марта Дьяков и его супруга выехали за город провожать членов экспедиции на родину. До своего отъезда в Петербург в марте 1915 г. Дьяков состоял в переписке с С.Ф. Ольденбургом, продолжавшим вместе с Б.Ф. Ромбергом работы в Дуньхуане. В период работы экспедиции Дьяков отправлял Ольденбургу корреспонденцию, делился сведениями о положении дел на русско-германском фронте. Он также информировал РКСВА о передвижениях и работах экспедиции¹.

В конце марта 1915 г. Дьяков достаточно неожиданно выехал в Петербург, откуда совершил поездку в Финляндию. В это время С.Ф. Ольденбург еще находился в Синьцзяне. Предположительно, это было связано с необходимостью переправить туда жену и детей. Малокультурная среда, тяжелый климат, отсутствие условий для воспитания детей и прочие отрицательные факторы китайского захолустья заставляли мечтать о смене места службы. Как отражение этих настроений – строка из дневника С.Ф. Ольденбурга (запись от 6 июля 1914 г.), наблюдавшего чету Дьяковых в Урумчи: «Бедные консул и консульша, как им должно быть скучно с китайцами»². Дьяков с супругой приняли решение, что для всех будет лучше, если дети в тот тяжелый и неопределенный момент проживут с Валентиной Евгеньевной какое-то время в Петербурге. Мать В.Е. Дьяковой проживала в Петербурге, и семья на первое время могла остановиться у нее.

Деятельность Дьякова на посту консула в Урумчи в военное время протекала обычным порядком. Но влияние войны было уже заметно и в этой отдаленной китайской провинции. Значительно сократились объемы русской торговли, вызванные падением промышленного производства в России и обесцениванием русского рубля. Летом 1914 г. Дьяков занимался делом о взыскании оплаты по векселям Кульджинского отделения Русско-Китайского банка³. Под нажимом Дьякова губернатор провинции Ян Цзэнсинь согласился покрыть истребован-

Рис. 18

А.А. Дьяков в период Первой мировой войны
© Архив семьи Дьяковых

¹ Протоколы 1914: 55.

² См.: СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 183.

³ См.: Копия отчета российского консула в г. Урумчи российскому чрезвычайному посланнику в Пекине о деятельности консульства за время с 1 октября 1917 г. по 1 ноября 1918 г. и о том, как отразился большевистский переворот на жизни русской колонии в Урумчийском консульском округе, 27 октября 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 457. Л. 8.

ную банком сумму (513 тыс. лан)¹. Весной 1916 г. Дьяков по указанию русской миссии в Пекине совместно с консулами в Кашгаре и Кульдже принимал меры к задержанию на территории Синьцзяна тайной германской миссии, пытавшейся поднять восстание в Русском Туркестане и Индии². Летом 1916 г. он был задействован в событиях, связанных с восстанием мусульманского населения в Туркестане. В связи с этими событиями русским консулам в Синьцзяне была поставлена задача во взаимодействии с китайскими властями не допустить незаконного перехода русско-китайской границы вооруженными отрядами восставших и беженцами, а также воспрепятствовать угону скота с русской территории.

В сентябре 1916 г., когда обстановка в связи с восстанием в Семиречье несколько стабилизировалась, Дьяков выехал из Урумчи в трехмесячный отпуск в Петербург. Предположительно в декабре 1916 – январе 1917 г. умирает мать Валентины Евгеньевны – событие, потребовавшее от Дьякова продления отпуска еще на два месяца. Чтобы разместить семью, он снимает квартиру в Петербурге в доходном доме по адресу Гончарная улица, д. 11³. Это событие косвенно указывает на то, что семья оставалась в Петрограде и возвращаться с ним в Урумчи не собиралась, что в значительной мере диктовалось и сложившейся обстановкой – на фоне продолжавшейся войны произошла Февральская революция, круто изменившая привычный уклад жизни. Не исключено, что пребывание в Петербурге Дьяков использовал для встреч в министерстве иностранных дел с целью выяснить свое новое служебное положение. Сразу после образования Временного правительства в министерстве иностранных дел стали происходить замены должностных лиц. В ряде российских консульств были получены уведомления об отставках консулов или их понижении в должности. Эти меры не коснулись Дьякова, и он получил подтверждение своей консульской должности в Урумчи. В конце весны 1917 г. Дьяков простился с семьей и выехал к месту службы. Фактически это стало прощанием с женой и детьми, которых он больше никогда не увидит. С этих дней начинается новый период в жизни Дьякова, полный лишений, страданий и борьбы за выживание.

Раскаты «адского грома»:
Дьяков и последние дни русского консульства в Урумчи

Дьяков вернулся из Петербурга в Урумчи в начале лета 1917 г. Новая политическая обстановка в России мало отразилась на деятельности консульства, изменения коснулись больше внешней стороны – с фасада здания был убран императорский герб, на консульских бланках в заглавии «Императорское российское консульство» краской было запечатано «императорское». Консульский конвой продолжал держаться старых правил, придерживался субординации и устава. Между тем стремительно нарастающая в России революционная ситуация оставляла мало надежд на преодоление политического кризиса мирным путем. После подавления А.Ф. Керенским корниловского выступления в августе 1917 г., сил, способных сдержать приход к власти в России большевиков, уже не имелось, и падение Временного правительства было предreshено.

¹ Лан (кит. 兩) – денежная единица в императорском и раннем республиканском Китае, измеряемая массой серебра. В описываемый период 1 лан соответствовал примерно 40 г серебра. Европейцами часто именовался как таэль. В XIX – нач. XX в. насчитывалось около 180 разновидностей серебряного лана, выпускавшихся центральными и провинциальными властями Китая. Стандартный казначейский лан в описываемый период весил 37,5 г.

² Телеграмма российского посланника в Пекине российским консулам в Урумчи, Кашгаре и Кульдже, 9 марта 1916 г. // АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 486. Л. 1.

³ Весь Петроград 1917: 226.

Обстановка в Урумчи и в консульстве, сложившаяся к осени 1917 г., наглядно представлена в одном из редких документов того времени – в письме Дьякова на имя российского посланника в Пекине: «[...] Развал ее <России> и вообще хаос в ней сказались на нашу жизнь в г. Урумчи и во всех пунктах вверенного мне Урумчинского консульского округа в том отношении, что мы связь с Россией совсем потеряли. Почта стала ходить в высшей степени медленно, неправильно; газеты и вся корреспонденция, подходя к границе Китая, к г. Сергиополю¹, были заворачиваемы к югу на 1650 верст по наисквернейшей дороге на цензуру в г. Ташкент; оттуда они опять возвращались в г. Сергиополь и затем уже попадали в г. Чугучак и, наконец, уже в благословленную юдоль² в Урумчи, и зачастую выходило так, что писали-то уж нам милые покойнички: ибо письма, писанные в марте 1917 г., мы получали в сентябре и октябре 1917 г. Конечно, из-за такого неправильного функционирования почт в России, из-за прогулок их дважды via³ Сергиополь – Ташкент и из-за закрытия русско-китайской границы летом 1917 г. наши здешние коммерсанты страдали, ибо они не получали своевременно директив от своих принципалов, живущих в гг. Чугучаке и Семипалатинске, и не получали своевременно коммерческих сведений от нужных им лиц из разных городов России. Это было в лето от Рождества Христова в 1917-е, в царствование же иллюзионистов, безбожников Керенского и К¹-е⁴».

Представляет также интерес описание Дьяковым получения известия о революции в Петрограде, а также его реакции на это событие: «А после этого, над землей, прежде Великой Россией называемой, грянул адский гром. [...] Мы, русские, здесь в Урумчи, заброшенные вглубь Китая, лишенные почти всякой связи с Россией и культурным миром, испытали такое томление духа, такую кровавую печаль, что об этом знает только наше надтреснутое, полуоборвавшееся (кажется) сердце. Весть об окончательном ударе адской молнии в виде захвата в России власти вышеуказанными демонами была получена нами здесь 12 ноября 1917 г. телеграммой от господина чрезвычайного российского посланника в Пекине князя Н.А. Кудашева [...], извещавшего о большевистском перевороте в Петрограде и в России вообще. [...] Весть о захвате власти в России большевиками для нас, урумчинцев, была ужасна. Для нас Россия была отрезана, и мы очутились как бы на диком острове, в заточении... У меня, у русских вообще, как бы не было более дома, оставалось только одно и единственное убежище – это стяг спасения национальной чести, стяг спасения, наконец, жизни⁵».

Дьяков до конца своих дней продолжал оставаться человеком глубоко религиозным, убежденным в правоте своих христианских взглядов. Революция в России воспринималась им не только как личная трагедия, но и как столкновение сил света и тьмы, противоборство Христа с Антихристом. Большевики для Дьякова значили воцарение Антихриста с его борьбой против человечности и религии Христа. В этом смысле непринятие большевизма было для Дьякова чувством почти религиозным. Эти настроения, психические и умственные эволюции части русской интеллигенции в период революции и гражданской войны особенно метко заметил Н.А. Бердяев в своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма»⁶.

¹ Сергиополь – станция Сергиопольская в Лепсинском уезде Семиреченской области, через которую проходил почтовый тракт из Семипалатинска до русского укрепления Бахты на китайской границе, напротив Чугучака. Расстояние от Сергиополя до Бахты – 278 верст. Современное с. Мамырсу Аягоского района Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан.

² Юдоль – здесь: обитель, чертог.

³ Via – через (лат.).

⁴ Копия отчета российского консула в г. Урумчи российскому чрезвычайному посланнику в Пекине о деятельности консульства за время с 1 октября 1917 г. по 1 ноября 1918 г. и о том, как отразился большевистский переворот на жизни русской колонии в Урумчинском консульском округе, 27 октября 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р200. Оп. 1. Д. 457. Л. 1 об. – 2.

⁵ ГАРФ. Ф. Р200. Оп. 1. Д. 457. Л. 2–3.

⁶ См.: Бердяев 1955.

В действительности в начале 1918 г. Дьяков переживал сразу две большие трагедии. Вместе с утратой родины он потерял и семью. У жены, оставшейся с детьми в Петрограде, бурно развивался роман с его сослуживцем по Урумчи – консульским врачом М.А. Малышевым¹. Последний был холост и назначен в консульство незадолго до войны. Каким образом и когда Дьякову стало известно об этом событии, доподлинно неизвестно. Нравственное потрясение, связанное с открывшейся изменой любимого человека, было огромно и круто повлияло на его дальнейшую судьбу.

Для Дьякова, воспитанного в религиозной семье и в духе соответствующих представлений о браке и семейной жизни, это была не просто житейская измена, а покушение на всю систему его моральных и религиозных ценностей. Именно это событие дало начало его добровольному отшельничеству, почти монашескому уединению и стоицизму, которым сопровождалась вся его последующая жизнь в Урумчи. В той новой жизни он не предпринимал попыток ее изменения, например, завести новую семью, выехать из Синьцзяна; его перестали интересовать земные страсти, материальное благополучие, и он научился обходиться малым, самым необходимым для жизни. Дьяков стал жить в очень замкнутом мире прошлых воспоминаний, отдаваясь любимым увлечениям, проводя время среди книг и археологических коллекций. Он не опустил и не опростился, но круто изменил целеполагание и мотивацию, приобрел в новых обстоятельствах другой смысл и ощущение собственной жизни.

Октябрьский переворот и приход к власти большевиков Дьяков воспринял крайне отрицательно. Революции он не принял, как не приняли ее и многие русские дипломатические представители за границей. После ликвидации министерства иностранных дел вновь образованный Народный комиссариат по делам иностранным и его руководитель Л. Троцкий отправляли в русские посольства и консульства приказы и инструкции, которые никем из бывших русских дипломатов не выполнялись. Отсутствие в России законного правительства препятствовало русским дипломатам подать в отставку. Российские дипломатические представительства за рубежом отказались признать власть большевиков и продолжали защищать национальные интересы России и российских граждан за рубежом.

Новая ситуация сразу обострила вопросы выработки формы легитимности и финансирования. Для общего руководства российскими дипломатическими представительствами было создано Центральное управление в Париже, названное Советом послов. Вопросы с финансированием послы решали самостоятельно, прибегая для этого к самым разнообразным способам. Российскому посланнику в Пекине князю Н.А. Кудашеву удалось в декабре 1917 г. получить заем в 40 тыс. фунтов стерлингов под обеспечение «боксерским вознаграждением» – контрибуцией, выплачиваемой китайским правительством за ущерб, нанесенный иностранцам во время боксерского восстания (1900–1901). Вскоре этот заем был дополнен еще

¹ Как представляется, официального расторжения брака между Алексеем Алексеевичем и Валентиной Евгеньевной не состоялось. Валентина Евгеньевна вышла замуж за Михаила Алексеевича Малышева в 1918 г. При этом у дочек было изменено отчество, они стали носить отчество по отчиму. В 1922 г. у Малышевых родился совместный ребенок – Михаил. В следующем, 1923 г. Малышев скоропостижно скончался от тифа. По свидетельству родственников А.А. Дьякова, Валентина Евгеньевна была женщиной интеллигентной, волевой, твердого характера. Самостоятельно воспитала троих детей. Жила в Москве, в Великую Отечественную войну участвовала в защите столицы, за что награждена медалью «За оборону Москвы». Скончалась в 1965 г., похоронена на Востряковском кладбище. Старшая дочь А.А. Дьякова, Наталья Михайловна Зерковская (по мужу), всю жизнь прожила в Москве, умерла и похоронена на Востряковском кладбище вместе с Валентиной Евгеньевной. Младшая дочь, Нина Михайловна Волкова (по мужу), долгое время проработала машинисткой в Центральном военном клиническом госпитале им. П.В. Мандрыка. Умерла в 1995 г., похоронена на Хованском кладбище.

одним в размере 45 тыс. фунтов стерлингов. Из этих сумм осуществлялось финансирование всех русских дипломатических представительств в Китае, в том числе и русских консульств в Синьцзяне.

В начале 1918 г. русские консулы в Синьцзяне взяли на себя функции защиты национальных политических и экономических интересов и русской диаспоры. С началом гражданской войны в Сибири консулы оказывали содействие белым армиям в вопросах организации снабжения, урегулирования с китайскими властями переходов в Синьцзян частей русской армии и беженцев. Консулы вели обмен военно-политическими сведениями с командованием белых армий о положении в приграничной полосе, группировке китайских войск в Синьцзяне, обеспечивали телеграфное сообщение между отдельными частями. А.А. Дьяков, находясь в Урумчи в непосредственном контакте с китайской высшей администрацией провинции, оказывал содействие консулам в Кульдже и Чугучаке в решении ряда вопросов, возникавших в пределах их консульских округов.

Это наглядно проявилось в деле с оказанием помощи русскому консулу в Чугучаке В.В. Долбежеву. 17 февраля 1918 г. Долбежев телеграфировал Дьякову об образовании в Чугучаке «совдепа» под руководством Артемия Яснецова¹, бывшего бухгалтера торгового дома «Рамазан-хаджи Чанышев», и просил помочь выдворить его из Чугучака². Дьяков встретился с синьцзянским дущюнем Ян Цзэнсином и убедил его в необходимости выслать Яснецова. Одновременно он дал совет Долбежеву «осторожно и без шума» арестовать Яснецова в Чугучаке, что и было исполнено. В дальнейшем китайский конвой доставил арестованного Яснецова в Кульджу и выдворил его через русско-китайскую границу в Хоргос.

Важное внимание уделялось обмену сведениями между самими консулами. К примеру, А.А. Дьяков в связи с вопросом о боеготовности китайских войск и их способности предотвратить возможный переход границы красными частями сообщал консулу в Кульдже В.Ф. Любе: «[...] китайские войска в Синьцзянской провинции стоят ниже всякой критики, это не войска, а какая-то шваль... [...] это войска недисциплинированные, неученые, плохо одетые, плохо питаемые и непригодные для оперативных действий против русских войск, каковыми являются большевики, бывшие в большинстве фронтовыми солдатами, боровшимися не против каких-либо китайцев или дунган, а против немцев»³.

Китайские власти при всем негативном отношении к большевикам вели осторожную политику в вопросах русского беженства в Синьцзяне, уклоняясь от действий, которые могли бы спровоцировать большевиков на вооруженный конфликт. Эта политика со всей очевидностью проявилась в деле войскового старшины П.В. Бычкова. Первая группа русских беженцев – отряд семиреченских казаков под командованием Бычкова (271 чел., всего с семьями – более 300 чел.) – в начале июня 1918 г. прибыла в Илийский округ и была интернирована китайцами близ оз. Сайрам-нор. Бычков испрашивал содействия А.А. Дьякова в получении разрешения синьцзянских властей на возвращение в Россию через Чугучак. Несмотря на настойчивые просьбы Дьякова и обращение российского посланника в Пекине князя Кудашева, китайцы отказались пропустить вооруженный отряд Бычкова через границу.

Это было первое крупное недоразумение, возникшее у Дьякова с китайскими властями после 1917 г., и оно сразу и резко обозначило новую политическую реальность, падение престижа русской власти и авторитета русских консулов в Синьцзяне. В переписке с Бычковым

¹ В приветственной телеграмме в адрес Семиреченского областного совета (от 8 марта 1918 г.) Яснецов именовал себя председателем Союза служащих, рабочих, киргиз русской колонии Чугучака. См.: Образование Казахской АССР 1957: 53.

² ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 457. Л. 5 об.

³ Цит. по Шеметова 2013: 159.

Дьяков замечал: «Если бы Россия была, как прежде, такой же могущественной державой, а не такой, как сейчас, когда она искромсана разбойниками-большевиками на куски, обокрадена или подбита под корень, то голос российских консулов в Китае имел бы командующее значение. [...] А теперь карты изменились. Теперь я у дуду¹ только прошу защищать нас здесь и не обижать. Дуцзюнь² волен делать все, что ему угодно»³.

Отсутствие средств сильно сказывалось на деятельности консульства в Урумчи. 31 марта 1918 г. Дьяков вынужден был отпустить в Россию консульский конвой, на содержание которого в консульстве не имелось средств. Желание вернуться на родину заявляли и сами казаки, давно не видевшие свои семьи и обеспокоенные за их судьбу в условиях фактически начавшейся в Семиречье гражданской войны. Дьяков обратился к Ян Цзэнсиню с просьбой выдать ему беспроцентную ссуду в 1500 лан⁴ сроком на один год. Полученные деньги он использовал на покрытие долгов консульского конвоя и отправку казаков в Семиречье⁵. Оставшись без консульского конвоя, Дьяков, тем не менее, отказался от предложения китайских властей обеспечить охрану консульства.

«Синьцзянский дуцзюнь, – сообщал Дьяков, – все время предлагал мне ввести для охраны российского консульства и русской фактории в г. Урумчи свои войска – сколько угодно, хотя бы полк, ибо казармы были пусты, а участок консульства самый распрелестный в г. Урумчи. Дуцзюнь говорил, что и о содержании китайского конвоя беспокоиться не нужно. Но я все время благодарил дуцзюня, что, дескать, когда потребуется, то обращусь за его помощью, но пока не представляется необходимости. Так и отвертелся от китайского конвоя. Ибо я знал и предвидел, что это будет не особенно хорошо впоследствии для нас: для престижа, например. А возможно, что китайцы попросят впоследствии и денежки за постой своих войск на иностранной концессии для ее охраны. Кроме того, есть и другие многие причины, по коим крайне нежелательно было бы для нас сожительство изо дня в день с китайскими войсками в нашей русской фактории, самой благоустроенной части города Урумчи. Но благодаря нашему чрезвычайному российскому посланнику в Пекине князю Н.А. Кудашеву, ассигновавшему денежные средства, нанял для службы при консульстве “чабарманов” (посыльные, служилые люди) или джигитов. И они отчасти заменяют бывший при консульстве конвой из казаков. И при службе означенных “чабарманов” до сих пор, благодаря милости Божей, все обстоит пока благополучно»⁶.

3 августа 1918 г. Дьяков получил из Омска телеграмму министра иностранных дел Временного Сибирского правительства⁷ П.В. Вологодского с просьбой подтвердить принципиальное согласие остаться на посту консула в Урумчи в качестве представителя нового российского органа государственной власти⁸. Дьяков не спешил с ответом, тщательно обдумывая сложившееся положение и свои перспективы. Он вполне отчетливо понимал, что в условиях отсутствия реальной связи и поддержки со стороны законной государственной власти в России его деятельность в Синьцзяне теряла легитимные основания и какую-либо целесообразность. Власть Временного Сибирского правительства представлялась Дьякову вполне

¹ Дуду (кит. 都督) – в республиканском Китае губернатор провинции, ведавший делами гражданского управления.

² Дуцзюнь (кит. 督军) – в республиканском Китае командующий войсками провинции. Должности дуцзюня и дуду, как правило, совмещались в одном лице.

³ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 457. Л. 8.

⁴ Эквивалент 30 тыс. русских рублей по обменному курсу на начало 1918 г.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 457. Л. 14 об.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 457. Л. 15.

⁷ Временное Сибирское правительство (июнь – сентябрь 1918 г.) – орган государственного управления регионами Сибири и Дальнего Востока.

⁸ Телеграмма министра иностранных дел российскому консулу в Урумчи, 3 августа 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р200. Оп. 1. Д. 457. Л. 23.

законной, так как отстаивала идею русской государственности и противодействовала большевикам. 20 августа он отправил в Омск на имя министра иностранных дел письмо, в котором сообщал: «Приветствуя от всей души выступление российских патриотов (каковым и я всегда был), образовавших Временное Сибирское правительство и начавших воссоздание России, я принципиально согласен остаться на своем посту российского консула в г. Урумчи»¹. Свое решение Дьяков подтвердил и отдельной телеграммой².

После образования 19 ноября 1918 г. в Омске Российского правительства («Омское правительство») и формирования министерства иностранных дел российские консульства в Синьцзяне были переведены в подчинение Первого департамента министерства иностранных дел (4-й политический отдел), оставаясь формально в ведении российской дипломатической миссии в Пекине. В связи с этим консулы стали напрямую докладывать в Омск о положении в Синьцзяне и по текущим вопросам консульской деятельности.

Донесения Дьякова в Омск, эмоциональные и содержащие острые критические замечания и оценки, часто вне сферы его прямых служебных интересов, вызывали раздражение у руководства министерства иностранных дел. В отношении на имя российского посланника в Пекине князя Н.А. Кудашева товарищ министра иностранных дел В.Г. Жуковский указывал на «совершенно не соответствующий официальным сношениям тон, в котором редактируются донесения, поступающие от консула в Урумчи г. Дьякова»³. Выражалось также недовольство тем, что донесения Дьякова часто попадали в министерство не напрямую, а через другие ведомства – Главный штаб или министерство внутренних дел. Тон переписки свидетельствует о явном раздражении в Омске по поводу недостаточного проявления лояльности со стороны урумчийского консула к руководству министерства, а также его независимого взгляда по политическим вопросам. Сам Дьяков, не получавший от министерства в Омске никакой реальной помощи и поддержки, все отчетливее осознавал паралич колчаковского правительства и приближающуюся катастрофу Белого движения в Сибири.

В этой обстановке у А.А. Дьякова не оставалось иного выбора, как полагаться только на свой опыт и связи в руководстве китайской администрации для защиты русских интересов в Синьцзяне. После развала осенью 1919 г. Восточного фронта белых возможностей Дьякова влиять на складывавшуюся обстановку становилось все меньше и меньше. Но даже в этих сложных условиях он не прерывал работы по оказанию помощи белым армиям. Летом 1919 г. он организовал среди русской общины Урумчи сбор средств для действующей армии и отправил в штаб верховного главнокомандующего 4 тыс. руб. «на белье для армии»⁴.

С поражением белых армий в Сибири в жизни Дьякова наступил новый период. Он переживал сложный духовный кризис, вызванный крушением надежд на победу в борьбе с большевиками и возрождение России. С этого времени его неприятие большевиков приобрело почти религиозный характер. Борьбу с ними он воспринимал как гражданский и религиозный долг каждого русского патриота, как крестовый поход против сил зла и мрака. Своих взглядов он не менял до конца жизни и открыто выражал их даже тогда, когда советское влияние в Синьцзяне достигло своего наивысшего могущества.

¹ Письмо российского консула в Урумчи министру иностранных дел Временного Сибирского правительства, 20 августа 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р200. Оп. 1. Д. 457. Л. 25.

² Телеграмма российского консула в Урумчи управляющему министерством иностранных дел, 5 сентября 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р200. Оп. 1. Д. 457. Л. 24.

³ Отношение товарища министра иностранных дел к российскому посланнику в Пекине, 29 марта 1919 г. // ГАРФ. Ф. Р200. Оп. 1. Д. 457. Л. 19.

⁴ Донесение в Первый департамент министерства иностранных дел, 23 октября 1919 г. // ГАРФ. Ф. Р200. Оп. 1. Д. 457. Л. 22.

Весной 1920 г. в связи с разгромом белых армий в Сибири и Семиречье в Синьцзян устремился широкий и пестрый поток русского беженства. В течение почти 30 последующих лет русская беженская община в Синьцзяне будет играть заметную роль во внутривосточных событиях региона. Ее положение в Синьцзяне всегда было, что называется, между молотом и наковальней, постоянным пребыванием в опасной сфере китайских и советских политических интересов. При этом обе стороны пытались использовать фактор русской общины в Синьцзяне в своих политических и военных целях.

История «русского Синьцзяна» нашла достаточное освещение в современной литературе¹. Гораздо сложнее обстоит дело с документами по истории русского беженства в Синьцзяне, которые немногочисленны, фрагментарны и достаточно противоречивы. Круг выявленных археографических источников по этой теме достаточно полно рассмотрен в работах последнего времени². Содержащийся в них достаточно представительный перечень архивных фондов не должен у современного исследователя создавать иллюзию и вызывать излишний оптимизм относительно возможности их полноценного использования при разработке тем по истории русского беженства в Синьцзяне. В реальности конкретное содержание многих архивных фондов оказывается достаточно бедным на надежные сведения и больше раскрывает общие вопросы деятельности советских дипломатических и хозяйственных учреждений в Синьцзяне. Весьма противоречивым источником остаются донесения советской разведки из Синьцзяна по причине, о которой будет сказано ниже. Значительная часть документов все еще остается недоступна для исследователей. Эта бедность архивного материала отражается и в источниковедческой базе большинства современных исследований по истории русского беженства в Синьцзяне.

В.В. Марковчин, изучавший состав современных российских архивных фондов в части русского Белого движения и беженства в Синьцзяне, справедливо подметил их одну бросающуюся в глаза особенность: «Анализируя архивную источниковую базу [...], необходимо отметить ее очень плохую сохранность, отсутствие системности, фрагментарность. Это находит свое объяснение в резко отрицательном отношении советской историографии к Белому движению в целом. В основном хранились, собирались документы, характеризующие Белое движение с отрицательной стороны»³. Предвзятость и политическая ангажированность большинства советских источников по русским беженцам в Синьцзяне должна подразумевать их взвешенный анализ и критический подход.

После поражения Семиреченской группы Белой армии (остатки Отдельной Семиреченской и Оренбургской армий) весной 1920 г. на территорию Синьцзяна хлынул поток военных чинов и гражданских беженцев. Переходу китайской границы предшествовали переговоры, которые вели русские консулы и уполномоченные представители воинских частей с властями Синьцзянской провинции. Согласно достигнутым договоренностям, русские воинские части и беженцы получали разрешение на переход китайской границы и размещение в заранее оговоренных пунктах на китайской территории. Все имевшееся оружие подлежало обязательной сдаче. 27 марта 1920 г. группа генерала А.С. Бакича (15638 чел.⁴) пересекла границу с Китаем в районе Чугучака. 29 марта отряд оренбургского атамана А.И. Дутова (порядка 2 тыс. чел.⁵) перешел границу в районе Кульджи и расположился в г. Суйдуне. Отряд атамана Б.В. Анненкова (около 1 тыс. чел.⁶) перешел границу 26 мая в районе долины р. Боротала, разбив лагерь

¹ См.: Петров 2003; Комиссарова 2004; Наземцева 2010 и 2016; Обухов 2012 и др.

² См., к примеру: Марковчин 2010; Наземцева 2012.

³ Марковчин 2010: 12–13.

⁴ Ганин 2004: 111.

⁵ По сведениям секретаря русского консульства в Кульдже А.П. Загорского. См.: Загорский 2005: 13.

⁶ Ганин 2004: 116.

под г. Болэ. В эти цифры не входят небольшие группы белых и одиночки, перешедшие китайскую границу самостоятельно.

Ввиду закрытия в 1920 г. русских консульств в Синьцзяне интернированные остатки белых армий и беженцы остались без государственной защиты. За исключением группы генерала А.С. Бакича, другие русские отряды не имели с собой значительных денежных средств и материальных запасов. Летом 1920 г. в связи с возвращением части бывших чинов белых армий и гражданских беженцев в советскую Россию общее число русских, перешедших в Синьцзян, существенно сократилось. В начале сентября 1921 г. группа генерала Бакича покинула Синьцзян. Для оставшихся на китайской территории – начиналась новая жизнь в изгнании, полная лишений, страданий и опасностей.

В этот период о деятельности А.А. Дьякова в литературе имеется достаточно мало сведений¹, они очень фрагментарны и часто противоречивы. Одним из наиболее ценных источников для истории жизни Дьякова в Синьцзяне являются воспоминания А.Т. Понькина², лично его знавшего по совместной жизни в Урумчи в 1934–1945 гг. Понькин сообщает некоторые любопытные сведения о Дьякове: «В двадцатом году после провала Белого движения, возглавляемого Колчаком, остатки армий Дутова, Бакича и Анненкова отступили в Синьцзян. С этого момента началось самое трудное для Дьякова время за всю его карьеру. Оставшись консулом без государства, он все еще по инерции, пользуясь своим авторитетом, мог улаживать всевозможные проблемы, которые возникали из-за присутствия армий и множества беженцев. Его работа осложнялась еще тем, что многие армейские части не желали подчиняться никаким законам, не хотели ни с кем и ни с чем считаться и думали только о реванше. Некоторые части не задерживались в Синьцзяне и уходили на восток, правильно оценив опасность близости красного соседа. Так, часть дутовского отряда под командованием полковника Дмитриева³, отступившая из России в Чугучак, перезимовав в землянках на берегу реки Эмель, с наступлением тепла ушла караванным путем на восток через Гучен, куда из Урумчи приезжал А.А. Дьяков⁴ проводить их в дальнейший путь, который лежал через пустыню Гоби»⁵.

По поручению российского посланника в Пекине князя Н.А. Кудашева Дьяков участвовал в разборе «серебряного дела», обострившего отношения между генералом А.С. Бакичем и руководством других русских беженских групп в Синьцзяне. В апреле – мае 1920 г. Бакич конфисковал денежные средства бывшей Отдельной Семиреченской армии (243 пуда серебра), хранившиеся в русском консульстве в Чугучаке под наблюдением консула В.В. Долбежева, а также

¹ Даже в специальных исследованиях по вопросу о деятельности русских консулов в Синьцзяне после 1917 г. имя А.А. Дьякова встречается нечасто. См., к примеру: Бармин 2015.

² Понькин, Александр Тимофеевич (1893–1966) – родился в с. Чумляк Челябинского уезда Оренбургской губернии. Образование получил в Читинском землемерном училище и Иркутском военном училище (производство военного времени, 1916 г.). Участник Первой мировой войны, воевал в составе 3-го пограничного полка на Западном фронте. Участник Белого движения, в вооруженных формированиях адмирала Колчака. После завершения войны в Сибири жил на полулегальном положении. В октябре 1929 г. вместе с женой и малолетними детьми совершил переход китайской границы на синьцзянском участке. Старшина русской общины в Чугучаке (1931–1934), начальник хозяйственной части 2-го полка Русского отряда (1934), провел в общей сложности около восьми лет в китайской тюрьме по сфабрикованным обвинениям (1934–1936, 1938–1943), в 1945 г. вместе с семьей покинул Урумчи и через Шанхай прибыл в Австралию, поселился в г. Сидней, где и скончался. Автор ценных воспоминаний, посмертно изданных его сыном, см.: Понькин 1997. Сведения воспоминаний, относящиеся к А.А. Дьякову, удивительно точны и содержат неизвестные детали и подробности, указывающие на хорошую осведомленность Понькина и его продолжительные и доверительные отношения с Дьяковым. В этом смысле воспоминания Понькина являются весьма ценным источником для реконструкции жизни А.А. Дьякова на чужбине.

³ Здесь имеется неточность, следует – Н.А. Денисов, начальник штаба атамана Б.В. Анненкова.

⁴ В тексте воспоминаний Понькина имя и отчество Дьякова даются неверно – Павел Павлович. В тексте настоящего очерка приводится правильный вариант.

⁵ Понькин 1997: 110–111.

реквизировал скот и материальные запасы, закупленные в свое время колчаковским правительством на нужды армии. При этом Бакич отказался предоставить часть средств и запасов для других беженских групп. Дьяков обратился к генерал-губернатору Синьцзяна с просьбой арестовать конфискованное Бакичем серебро, являвшееся, по его мнению, общегосударственным достоянием. Просьба эта, впрочем, не была удовлетворена¹.

В августе 1920 г. китайцы потребовали от атамана Б.В. Анненкова перевести его отряд в Урумчи. Сделано это было с целью раздробления русских белых отрядов в Синьцзяне. В Урумчи отряд Анненкова расположился на территории бывшего императорского консульства, заняв помещения консульского конвоя. Это расквартирование не могло обойтись без содействия А.А. Дьякова. Между тем дисциплина отряда, после долгого времени опасностей и полуголодной жизни, оказалась не на высоте. Анненковцы были замечены в грабежах, буйном поведении, неподчинении местным властям. Дьякову стали поступать жалобы на Анненкова и его отряд не только от китайских властей, но и от русского населения Урумчи. Обращения Дьякова к Анненкову с просьбой повлиять на создавшуюся ситуацию успеха не имели. Это вызвало напряжение в отношениях между консулом и атаманом. Позже, когда Анненков был арестован китайскими властями в Урумчи, то среди прочих причин своего ареста рассматривал и возможное участие в этом деле Дьякова.

Вскоре китайские власти предложили Анненкову продолжить движение с отрядом на китайский Дальний Восток, мотивируя предложение тем, что там его отряду будет легче обустроиться. У Анненкова не было выбора, и он согласился с полученным предложением. Осенью 1920 г. отряд Анненкова выдвинулся в г. Гучен, куда прибыл в конце октября. В Гучене отряд остановился за городской стеной, разместившись в предместье по китайским постоянным дворам. Неожиданно китайские власти отказались пропустить отряд в г. Хами и приостановили его снабжение. Возникшие недоразумения в ночь с 6 на 7 января 1921 г. вылились в вооруженный конфликт с китайцами, с обеих сторон имелись убитые и раненые. Для расследования инцидента была образована русско-китайская комиссия, в которую с российской стороны вошел А.А. Дьяков. После последовавших продолжительных разбирательств конфликт был улажен, и отряду Анненкова в конце марта 1921 г. было разрешено продолжить движение на восток.

По свидетельству А.Т. Понькина, Дьяков лично приезжал в Гучен, чтобы проводить отряд Анненкова, которому предстояло совершить неимоверно трудный переход по пустынным районам провинции Ганьсу. 25 марта 1921 г. началось движение 1-го эшелона, на следующий день выступил 2-й эшелон. Общее руководство этим отрядом, в котором находилось 400 чел., осуществлял полковник П.Д. Илларьев². Этому отряду удалось без серьезных препятствий добраться до Хами, где он вынужден был простоять два месяца. Из Хами отряд проследовал в г. Аньси (провинция Ганьсу), близ которого остановился на стоянку в буддийском монастыре Цяньфодун (Дуньхуан), в котором чины отряда провели около месяца³. Со-

¹ Понькин 1997: 110–111.

² Илларьев (Илларьев), Павел Дмитриевич (?–1928) – полковник, военное образование получил в Николаевском военном училище (1915), участник Первой мировой войны, младший офицер 485-го пехотного Еланского полка, за отличия в боях награжден Георгиевским оружием (1916). Участник Белого движения, в белых армиях Восточного фронта, командир Кирасирского полка в отряде атамана Б.В. Анненкова, командир Анненковского конного дивизиона в Приморье (1922), в войсках армии Чжан Цзолиня, скончался в Харбине.

³ Американский археолог и искусствовед Ландон Уорнер (Langdon Warner, 1881–1955), совершивший поездку в Цяньфодун в 1924 г., был первым, кто сообщил о серьезном ущербе, нанесенном историческому памятнику продолжительной стоянкой отряда анненковцев. В ряде пещер на настенной живописи были оставлены граффити на русском языке, имелись следы костров и пр. Реальный нанесенный ущерб невозможно установить из других независимых источников. Самого Уорнера подвергают критике за уничтожение ряда ценных

Рис. 19

Отряд атамана Б.В. Анненкова во время стоянки в Дуньхуане (1921 г.).

© Музей Белого движения, Париж

хранилась уникальная фотография – групповое фото чинов отряда на фоне пещер буддийского монастыря. В августе 1914 г. – январе 1915 г. в пещерном комплексе Цяньфодун работала II РТЭ под руководством академика С.Ф. Ольденбурга, результаты которой стали подлинным триумфом русской науки. Через шесть лет история России совершит движение по крутой траектории, и в Цяньфодуне найдут приют остатки русского воинства, чтобы снова двинуться вглубь Азии и навсегда раствориться в истории. Зримый и печальный образ большой русской драмы.

Тем временем в связи с гученским инцидентом Анненков был вызван в Урумчи под предлогом переговоров с генерал-губернатором и арестован. В китайской тюрьме он провел три года, прежде чем был освобожден при содействии русской дипломатии, и, как представляется, не без участия А.А. Дьякова. Позже, во время судебного процесса в Семипалатинске, одним из виновников своего ареста в Урумчи он назвал консула А.А. Дьякова. По его словам,

композиций настенной живописи при их грубой вырезке. Как справедливо замечают некоторые исследователи вопроса, «разрушительный ущерб от деятельности Уорнера значительно превосходит вандализм русских солдат, которые там находились фактически в заточении». См.: Ming Dong Gu 2013: 182.

Дьяков по просьбе русских купцов в Урумчи лично просил генерал-губернатора об аресте Анненкова¹. В правдивости многих показаний Анненкова на советском судебном процессе, носившем пропагандистский и во многом постановочный характер, можно обоснованно усомниться. До ареста в 1921 г. Анненков был весьма признателен Дьякову за оказываемую Белому движению помощь «дипломатическим путем»².

С завершением гражданской войны в Туркестане и Сибири советское руководство обратило серьезное внимание на соседний Синьцзян, рассматривая регион как сферу советского военно-политического и экономического влияния. Начиная с 1920 г. советские власти предпринимали активные попытки учредить в Синьцзяне консульские и торговые представительства. Важным направлением деятельности стало распространение коммунистической пропаганды и работа по разложению белой эмиграции. Органами ВЧК–ГПУ на территории Синьцзяна велась активная деятельность по физическому устранению лидеров Белого движения. Советскими тайными агентами были убиты атаман А.И. Дутов (тяжело ранен и скончался 7 февраля 1921 г.) и помощник атамана Б.В. Анненкова полковник П.И. Сидоров (15 августа 1922 г.).

«Остров Урумчи»: начало жизни Дьякова в изгнании

23 сентября 1920 г. вышел декрет президента Китайской республики о прекращении официальных сношений с бывшими российскими императорскими дипломатическими представительствами в Китае. В январе 1921 г. прекратила существование российская дипломатическая миссия в Пекине, ее глава, князь Кудашев, с которым у Дьякова установились хорошие отношения, покинул Пекин. В том же году была свернута деятельность бывших российских консульств в Синьцзяне – в мае покинул Кульджу В.Ф. Люба, в ноябре – оставил Чугучак В.В. Долбежев.

Одновременно в Синьцзяне стали открываться советские торговые представительства, коммерческие организации, культурно-просветительные учреждения, под крышей которых активно действовали кадровые сотрудники ИНО ОГПУ³ и военной разведки⁴. А.А. Дьяков, не имея официального статуса, продолжал некоторое время занимать помещение старого русского консульства, но дни его там пребывания были сочтены. 31 мая 1924 г. состоялось подписание договора об общих принципах урегулирования вопросов между Китайской Республикой и СССР. В том же году в Урумчи⁵ и Кашгаре были учреждены советские генеральные

¹ Протокол допроса Б.В. Анненкова от 22 апреля 1926 года // Архив ДКНБ по г. Алматы. Д. 16635. Л. 1. См.: Гольцев 2009.

² См.: Бармин 2015: 29.

³ ИНО ГПУ – Иностранное отделение Государственного политического управления (ГПУ) НКВД РСФСР, затем – ИНО Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) при Совете народных комиссаров (1923), 7-й отдел ОГПУ НКВД СССР (1934), 5-й отдел Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР (1939), I управление Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ) СССР (1941), I управление Министерства государственной безопасности (МГБ) СССР (1946).

⁴ Разведывательное управление Штаба РККА (Разведупр, 1921), IV управление Штаба РККА (1926), 5-е управление Наркомата обороны СССР (1939), 5-е управление Красной армии (1940), Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной армии (1942). Среди советских генеральных консулов в Урумчи были и представители военной разведки, к примеру, Л.М. Гавро (1928–1929).

⁵ Секретарем и драгоманом генконсульства в Урумчи состоял А.П. Рогачев (1928–1934), впоследствии известный советский дипломат и китаист. Британский подполковник Р. Шомберг, лично встречавшийся с Рогачевым в Урумчи, дал ему краткую характеристику: «Рогачев – секретарь и переводчик советского генерального консульства. Высокий, широкоплечий, ладно сложенный. Хорошо говорит по-китайски, немного знает английский язык. По внешнему виду напоминает египтянина». См.: Political report on Chinese Turkestan by

консульства и открыты консульства в других городах Синьцзянской провинции – Кульдже и Чугучак и Шара-Сумэ.

В литературе достаточно часто встречаются упоминания о том, что А.А. Дьяков был активным противником советской власти и чуть ли не возглавлял антисоветское подполье в Урумчи¹. Относительно устойчивых антисоветских взглядов сомнений не имеется, гораздо более проблематичной остается роль Дьякова в организованном сопротивлении советской власти. Проблема заключается в том, что в действительности имеется слишком мало надежных источников, которые помогли бы в полной мере реконструировать участие А.А. Дьякова в политических событиях, имевших место в Синьцзяне в 1920–1940-х гг. Основными источниками сведений об активной антисоветской деятельности Дьякова являются донесения советских консульских представителей и сотрудников ИНО ОГПУ – ГУГБ НКВД СССР – источники достаточно специфичные и политически мотивированные, часто искажающие и искусственно драматизирующие реальное положение дел, ориентированные на поиск противников Советского Союза и создание образа врага. В условиях, когда, словами китайской пословицы, требовалось поймать черную кошку в темной комнате, все средства пускались в ход. В итоге даже самые невинные обыватели в сводках и донесениях трансформировались в убежденных врагов советской власти, террористов и шпионов. Это было не просто выявление конкретных лиц, но и формирование образа врага применительно ко всей многомиллионной зарубежной русской диаспоре, не по своей воле оказавшейся за пределами родины. Примечательно, что несколькими годами позже многие «авторы» разведывательных сводок и агентурных донесений сами будут обвинены по таким же надуманным обвинениям – в связях с белоэмигрантскими организациями, иностранными разведками и участии в антисоветской деятельности.

В этой обстановке бывший императорский консул в Урумчи оказался весьма удобной мишенью, из него можно было слепить демонический образ ярого противника советской власти, объединившего широкий спектр антисоветских сил – от монархистов и белогвардейцев до раскулаченных крестьян, укрывшихся в Синьцзяне от развернувшейся в советской России коллективизации.

Немногочисленные источники – документальные и нарративные – позволяют сделать вывод о том, что в конце 1920-х гг. политическая роль А.А. Дьякова и степень его участия в последующих событиях в Синьцзяне сильно ослабла. Он не упоминается среди основных действующих лиц синьцзянской смуты в сообщениях иностранной прессы из Китая, в отчетах британских и американских консульских представителей в Синьцзяне, в материалах британской разведки². Хронологически это совпадает с периодом активного усиления советского влияния в Синьцзяне. В последующие годы он продолжал открыто выражать свое непримиримое отношение к большевикам, но избегал участия в каких-либо формах политической борьбы. Возможно, что к этому времени он стал скептически воспринимать идею скорого краха большевистского режима, и по этой причине утратил интерес к политической деятельности вообще. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что в многочисленных изданиях русского зарубежья не имеется печатных работ Дьякова, в архивах русской эмиграции не отложилась его переписка с активными политическими оппонентами большевиков.

Lieut.-Col. R.C.F. Schomberg. 1930. Confidential // NAI/File No 135-X/30. Среди сотрудников генконсульства находился и А.Н. Зинькевич, старый знакомый А.А. Дьякова по консульской службе в Синьцзяне в императорский период. Зинькевич занимал должность секретаря консульства в Кульдже (1915–1917). В характеристике Р. Шомберга это был «невысокой приятный человек и явно не большевик». См.: Political Report on Chinese Turkestan by Lieut.-Col. R.C.F. Schomberg. 1930. Confidential // NAI/File No 135-X/30.

¹ К примеру, в работе: Наземцева 2013.

² См.: Political report on Chinese Turkestan by Lieut.-Col. R.C.F. Schomberg. 1930. Confidential // NAI/File No 135-X/30.

Здесь будет справедливым заметить, что литературной и публицистической активности Дьякова не способствовала и та культурная среда, в которой он оказался. Урумчи представлял собой глухой угол Китая, с достаточно ничтожной по численности русской общиной, не имевшей каких-либо форм политической, общественной и культурной самоорганизации, собственной печати. В ней оказалось мало интеллигентных и образованных людей, по своему социальному составу это была преимущественно крестьянско-казачья среда. Связи урумчийской русской общины с другими значительными центрами русского беженства в Китае в силу фактической изолированности Синьцзяна были крайне ограничены, не говоря уже о центрах русской эмиграции в Европе и Америке.

Тем не менее было бы заблуждением считать, что Дьяков не сотрудничал с русскими эмигрантскими организациями в Китае и за его пределами. Об этом свидетельствуют, к примеру, документы архива Гуверовского института при Стэнфордском университете (Hoover Institution on War, Revolution and Peace at Stanford University). В фонде П.Б. Струве (1870–1944), известного русского политического и общественного деятеля, редактора газет и журналов, имеется машинописная копия статьи А.А. Дьякова «Голос из туманной дали»¹. Статья может быть условно датирована 1925–1927 гг. и предлагалась для публикации в газете «Возрождение»². Остается неизвестно, была ли эта работа Дьякова опубликована.

Летом 1928 г. генерал Д.Л. Хорват основал Русскую национальную общину, которая стремилась объединить всю русскую диаспору в Китае и Японии. В деятельности новой организации главную роль играли бывшие офицеры белых армий. Представителем общины в Синьцзянской провинции был назначен А.А. Дьяков. Время и обстоятельства этого события не вполне ясны, известно только, что по состоянию на 1934 г. Дьяков продолжал состоять в организации³.

Дьяков симпатизировал деятельности Русского общевойскового союза (РОВС). В фондах ГАРФ в коллекции документов «Русский общевойсковой союз» (Ф. Р5826) имеется письмо А.А. Дьякова, написанное в 1928 г. и адресованное великому князю Николаю Николаевичу, возглавлявшему РОВС. В нем, в частности, сообщалось о положении русской общины в Урумчи: «Ныне нас, осевших в Урумчи православных, свыше ста человек. Все перебиваемся кое-как, заработка нет... [...] Один полковник в Кульдже – Петров⁴ с семьей – бедствует, но не расстается все еще со своими погонями. Другой – есаул Попелявский⁵, с гордостью все еще носящий погоны честные офицерские, – сидит в тюрьме вот уже семь лет. Полковник Жетанер⁶ практически ослеп из-за глазной болезни⁷. Дьяков просил великого князя Николая Николаевича о содействии в освобождении из тюрьмы есаула Попелявского и в отправке упомянутых в письме офицеров в Северный Китай.

По сообщению советского генерального консульства в Урумчи, А.А. Дьяков после смерти

¹ См.: *Diakov A.A. Golos iz tumannoi dali // Petr Berngardovich Struve papers, Hoover Institution Archives. Box 1–2, Folder 33: 47.*

² «Возрождение» – русская эмигрантская газета, выходившая в Париже (1925–1940). В 1925–1927 гг. газету редактировал П.Б. Струве.

³ См.: Хисамутдинов 2015: 29.

⁴ Петров, Александр Данилович (? – ?) – полковник, участник Первой мировой войны в составе 21-го Туркестанского стрелкового полка, кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст., участник Белого движения.

⁵ Попелявский (? – ?) – есаул, из семиреченских казаков, начальник гарнизона г. Пржевальска (1918), участник Белого движения.

⁶ Житанер, Михаил Константинович (1876– ?) – полковник (производства белых армий), военное образование получил в Иркутском пехотном юнкерском училище, участник Первой мировой войны в составе 44-го Сибирского стрелкового полка, неоднократно ранен, награжден Георгиевским оружием (1917), участник Белого движения.

⁷ Цит. по Смирнов 2019: 162.

великого князя Николая Николаевича (5 января 1929) организовал у стен консульства траурный митинг, который имел антисоветскую направленность. При этом особо отмечалось, что руководил действиями демонстрантов бывший царский консул Дьяков¹. Участники митинга требовали предоставить им доступ в церковь на территории генерального консульства, чтобы отслужить панихиду по покойному. После некоторого колебания советские консульские работники пошли на уступки собравшимся.

Положение А.А. Дьякова в русской беженской общине и возможности политического влияния на события в Синьцзяне значительно ослабли после убийства генерал-губернатора Ян Цзэнсиня (7 июля 1928 г.), ставшего жертвой заговора, за которым могла стоять советская разведка². После 1920 г., когда Дьяков оставил пост русского консула в Урумчи, его личные отношения с Ян Цзэнсином оставались очень хорошими, как он сам объяснял, «благодаря старинному с ним знакомству»³. В литературе имеется упоминание, что Дьяков даже был «советником губернатора Синьцзяна»⁴. Справедливость этого утверждения сомнительна, принимая во внимание реалии того времени. Первоисточником, очевидно, является советское консульское или разведывательное донесение из Синьцзяна.

Между молотом и наковальней:

Дьяков в годы смуты и политических репрессий в Синьцзяне

С конца 1920-х гг. советско-китайскую границу в Синьцзяне переходило значительное число бывших офицеров и казаков, раскулаченных и спасавшихся от массового голода крестьян, репрессированных советских служащих и пр. Это была вторая волна русского беженства в Синьцзяне, вызванная коллективизацией и усилением политических репрессий в СССР. Точного числа русских беженцев в Синьцзяне к 1930 г. не существует, оценочные значения весьма разнятся. По мнению В.А. Бармина, в Синьцзяне в этот период находилось до 50 тыс. русских⁵. Британский подполковник Р. Шомберг (R.C.F. Schomberg) по итогам поездки в Синьцзян в 1930–1931 гг. оценивал общее число русских беженцев в не более 18 тыс. чел., которые размещались в Илийском округе (15 тыс. чел.), Урумчи (2,2 тыс. чел.) и Чугучаке (500 чел.)⁶. С весны 1931 до зимы 1933 г. количество беженцев в Синьцзяне продолжало увеличиваться, преимущественно за счет раскулаченных крестьян и населения, спасавшегося от голода в Казахской ССР (1932–1933).

В Урумчи обосновалась сравнительно небольшая община русских беженцев, которая несколько увеличилась после отмены китайскими властями в 1923 г. запрета для русских на свободное перемещение по Синьцзяну. Точных данных о числе русских беженцев в Урумчи в эти годы не имеется. Изменения советской политики в отношении русских беженцев коснулись политики выдачи советского гражданства, получение которого всячески поощрялось генеральным консульством СССР в Урумчи. По состоянию на 1931 г. в Синьцзяне имелось четыре категории русских: советские граждане, находившиеся под юрисдикцией генерального консульства

¹ См.: Наземцева 2004: 130.

² В официальной церемонии, на которой был застрелен Ян Цзэнсинь, присутствовал советский генеральный консул с супругой. Детали этого события представлены в книге: Wu 1940: 48–51.

³ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 457. Л. 8 об.

⁴ См.: Наземцева 2013.

⁵ См.: Бармин 1998: 43.

⁶ См.: Political Report on Chinese Turkestan by Lieut.-Col. R.C.F. Schomberg. 1930. Confidential // NAI/File No 135X/30.

СССР; натурализованные лица, получившие китайское гражданство; лица без гражданства; лица с двойным гражданством (советским и китайским). Известно только число натурализованных русских, проживавших в Урумчи в 1931 г., – 56 семей (207 чел.)¹.

Беженцы первой волны испытывали значительную нужду, люди жили за счет мелкой торговли – от продажи мыла и колбасы до «дрессированных кошек и собак». По мере оседания беженцы осваивались с новыми условиями жизни, многие стали обзаводиться собственным хозяйством, вести небольшой бизнес. В Урумчи были открыты русские магазины, мастерские, рестораны, постоянные дворы. В окрестностях города русскими были разбиты сады и огороды, устроены птичники, пасеки и фермы. Город запестрел вывесками на русском языке, повсюду слышалась русская речь.

Вместе с тем русская община не была хорошо организована, в ней отсутствовали яркие лидеры, не действовали политические или общественные организации, отсутствовала пресса. В этом проявлялась одна из специфических особенностей русского беженства в Синьцзяне, которое, в отличие от других районов Китая – Маньчжурии, Шанхая, Тяньцзиня и Пекина, не имело в своей массе столь значительного образованного и культурного элемента. Эта особенность русской общины в Урумчи не ускользнула от внимания британского подполковника Р. Шомберга, указавшего в своем отчете на «полное отсутствие политического, общественно-го или коммерческого взаимодействия между белыми русскими <в Синьцзяне>»².

Оставив квартиру в бывшем императорском консульстве, Дьяков, за недостатком средств, поселился в небольшой хижине в китайской части Урумчи. Не вполне ясно, что было источником его заработка в эти годы. По своей квалификации он вполне мог подрабатывать в качестве переводчика китайского языка и консультанта русских торговых предприятий, ведущих операции в Синьцзяне. Во всяком случае, он не нуждался и не сводил с трудом концы с концами. В эти годы он продолжал заниматься любимым делом – коллекционированием древностей. Покупал предметы у местных торговцев, выезжал в близлежащие окрестности для небольших раскопок.

Весной 1926 г. в жизни Урумчи, отрезанного от внешнего мира, произошло значительное событие – 11 апреля 1926 г. в город приехал известный русский художник, писатель и путешественник Н.К. Рерих с женой и сыном. Рерих поселился на территории Русско-Азиатского банка³ и провел в Урумчи три недели. Вопреки ожиданиям местной русской общины, он так и не встретился с соотечественниками. Зато постоянно посещал советское генеральное консульство и проводил время в компании генконсула А.Е. Быстрова-Запольского⁴. Общение с «консульскими» сразу стало известно русской общине, поползли слухи о сотрудничестве Рериха с большевиками.

В Урумчи Рерих неожиданно изменил планы своей центральноазиатской экспедиции и вместо дальнейшего движения в Пекин направился к советской границе в Семиречье и далее в Москву. В советской столице ему был оказан прием на самом высоком уровне. Рерих заявил о своей идеологической близости к коммунизму и объявил Ленина «Махатмой». Поездка Рериха по Центральной Азии совершалась при содействии британских властей, в связи с чем

¹ Wang 1999: 205.

² Political Report on Chinese Turkestan by Lieut.-Col. R.C.F. Schomberg. 1930. Confidential // NAI/File No 135X/30.

³ Филиал Русско-Азиатского банка действовал в Урумчи в 1910–1926 гг. Банк являлся независимой финансовой организацией. Филиал в Урумчи был закрыт в связи с понесенными большими убытками. Вместо него в 1928 г. было открыто представительство небольшого советского акционерного банка – Азиабанка.

⁴ Быстров-Запольский, Александр Ефимович (1885–1979) – генеральный консул СССР в Урумчи (1925–1926) и резидент ОГПУ СССР в Западном Китае. Некоторые подробности пребывания Н.К. Рериха в Урумчи содержатся в книге его сына: Рерих 1994: 103–109.

изменение первоначального плана экспедиции и поездка в Москву вызвали большой переполох в Симле и Лондоне. Рерих был заподозрен в симпатиях к большевизму и вовлечении в тайные операции по усилению советского влияния в Индии и Центральной Азии. Британская разведка доносила, что после поездки в Москву Рерих стал располагать значительными суммами в валюте и буквально сорил деньгами¹.

В 1927 г. власть Гоминдана была распространена на всю территорию Синьцзяна. Внешне это событие мало отразилось на повседневной жизни русской общины, и тогда мало кто мог подозревать, какие бурные политические и военные события развернутся в провинции в ближайшие годы. Русские беженцы, пережив трагедию революции и гражданской войны в России, теперь оказались в водовороте политических и военных событий, имевших место в Синьцзяне в 1928–1949 гг. Для целого поколения русских в Синьцзяне гражданская война и политические катаклизмы на десятилетия стали фоном повседневной жизни, наполненной тревогами, неопределенностью и борьбой за выживание.

Интересная подробность жизни А.А. Дьякова в Урумчи сохранилась в воспоминаниях датского путешественника и антрополога Хеннинга Хаслунда², принимавшего участие в работах китайско-шведской экспедиции Свена Гедина. В Урумчи Хаслунд остановился в бывшей русской фактории, где проживало много русских беженцев. «Большинство наших соседей, – отмечал Хаслунд, – белые русские, почтенного возраста с женами и детьми, которые не осмелились пересечь опасные и труднодоступные территории, отделяющие их нынешнее место проживания от других, более цивилизованных мест. После разгрома Белого движения в Сибири тысячи солдат и их семьи, оставшиеся верными старым идеалам, прошли через Синьцзян на пути в <Центральный> Китай и Индию. Мы проживали среди нескольких сотен беженцев, которые были лишь небольшой частью, оставшейся от ушедшего потока беженцев. Прямо перед нами находился большой парк, окружающий русское консульство и церковь. Теперь над зданием консульства развевался красный флаг, а само консульство стало центром советской активности в Синьцзяне. Советские работники пытались обратить церковь в клуб, но вмешался добродетельный китайский генерал-губернатор провинции и предотвратил этот акт вандализма, и на луковичной главе церкви возвышается византийский крест как объединяющий символ для всех тех, кто еще был способен верить»³.

В январе 1928 г. Хаслунд находился в Урумчи и, узнав, что в городе проживает бывший русский императорский консул – человек большой учености и коллекционер древностей, – поспешил с ним встретиться. Хаслунд приводит небольшое описание этой встречи: «Последний императорский консул старался не смотреть в сторону советского флага, развевающегося над местом, которое долгие годы было его жилищем и местом работы. Он нашел приют в глинобитной лачуге в глубине китайского квартала в Урумчи. Мне стало известно, что в период долгой службы в Синьцзяне бывший консул проявил подлинную страсть в изучении центральноазиатской этнографии и имел в своей коллекции большое число редких и интересных предметов, собранных им во время продолжительных поездок.

Однажды я посетил его в жалкой лачуге. Мы совместно осмотрели его большие коллекции,

¹ Объемный том переписки британских правительственных учреждений и разведки о путешествии Н.К. Рериха по Центральной Азии и поездке в Москву хранится в фондах Индийского национального архива в Дели. См.: NAI/Home Political. NA. 1932/ F17-46/ 1932.

² Хаслунд, Хеннинг (Haslund, Henning; 1896–1948) – датский антрополог, писатель и путешественник. Продолжительное время занимался изучением повседневной жизни и культуры монголов, участник китайско-шведской научной экспедиции Свена Гедина. После Второй мировой войны возглавил работы 3-й Датской Центральноазиатской экспедиции, занимавшейся географическими, антропологическими, зоологическими и ботаническими исследованиями. Скончался в Кабуле 13 сентября 1948 г.

³ Haslund 1935: 163.

Рис. 20
Риксдалер 1707 г., Карл XII
(1697–1718), серебро.

и он давал по ним пояснения, долго рассказывая истории, которые были с ними связаны. Среди прочих предметов у него была обширная коллекция монет, которые он откопал в разных местностях и приобрел у местных жителей. Многие монеты – мягкие серебряные с добавлением свинца и медные, покрытые патиной, – проливали свет на пеструю историю Центральной Азии, и мы читали по ним хронологию господства иностранных завоевателей. Я заворожено слушал объяснения и предположения бывшего консула по поводу этих серебряных и медных монет, и высказанные им мысли сами по себе были словно золото»¹.

Во время осмотра нумизматической коллекции Дьякова внимание Хаслунда привлекла крупная серебряная монета явно европейского происхождения. При ближайшем рассмотрении это оказался редкий серебряный риксдалер времен правления шведского короля Карла XII. В верхней его части имелась проушина

для подвески, очевидно, для ношения монеты в качестве амулета. По объяснению Дьякова, он приобрел монету у монгольского князя Цагечин Бэйле², которому она перешла по наследству от отца. Вернувшись из экспедиции, Хаслунд провел собственное исследование на предмет того, как монета могла попасть к торгутам. Он пришел к выводу, что она могла принадлежать пленным шведским офицерам, оказавшимся в русском плену после Полтавского сражения, часть из которых отбывала ссылку в Тобольске. Среди них был и капитан шведской королевской артиллерии Йохан Густав Ренат (Johan Gustaf Renat). Вместе с несколькими другими шведами он в 1716 г. был отправлен на выручку отряду полковника И.Д. Бухгольца, оборонявшему Ямышевскую крепость, и при нападении ойратов попал в плен, в котором находился до 1733 г. Ренат на основе личных наблюдений и по имеющимся описаниям составил две ценные карты Джунгарии³. Хаслунд сделал предположение, что монета из коллекции Дьякова вполне могла принадлежать самому Ренату.

В октябре – декабре 1928 г. в Урумчи находился Свен Гедин, который тщетно пытался добиться для китайско-шведской экспедиции разрешения синьцзянских властей на ведение научных работ в некоторых местностях провинции. Под разными надуманными предлогами власти чинили препятствия работам экспедиции, которая была санкционирована Чан Кайши. Как полагают Гедин, такая обструкция была вызвана желанием новых властей Синьцзяна продемонстрировать самостоятельность в вопросах внутренней политики и номинальную зависимость от центральных властей. Свен Гедин вынужден был распустить экспедицию, 17 декабря 1928 г. он покинул Урумчи⁴.

В мае 1929 г. ему стало известно, что синьцзянские власти обвинили сотрудников экспедиции в шпионаже, контрабанде оружия и хищениях предметов древности. Тогда же стало известно об учреждении в Урумчи «Общества по охране древностей»⁵. Этот шаг стал первой попыткой китайских властей поставить под контроль работу иностранных археологических

¹ Haslund 1935: 164.

² Очевидно, имеется в виду князь Цин-ачиту-Бэйле, военный руководитель синьцзянских торгутов.

³ См.: Макшеев 1881.

⁴ См.: Hedin 1943: 36–39.

⁵ Hedin 1943: 58.

экспедиций и пресечь вывоз культурного наследия из Синьцзяна. Эпоха великой «археологической гонки», длившейся в Синьцзяне более 30 лет, подошла к концу.

После смерти Ян Цзэнсиня новым губернатором Синьцзяна стал Цзинь Шужэнь¹, бывший до этого комиссаром провинции по гражданскому управлению. Он немедленно приступил к укреплению своих позиций: расширил состав тайной полиции, увеличил денежное довольствие армии и полиции, ввел систему тотальной слежки и цензуры. Между тем политические, экономические и национальные проблемы в синьцзянском обществе, все еще остававшемся большей частью полуфеодальным и архаичным, непрерывно нарастали. Экономический кризис и ущемление прав мусульманского населения привели к Кумульскому восстанию (1931–1934), проходившему под антикитайскими и пантюркистскими лозунгами. Наличных военных сил у Цзинь Шужэня не хватало, и тогда он пригласил бывших русских офицеров к созданию из разрозненных остатков отрядов атаманов Дутова и Анненкова и беженцев из СССР особого воинского формирования – Русского отряда (гуйхуацзюнь)². Цзинь Шужэнь обещал хорошо вооружить русский добровольческий отряд и отпустить средства на содержание чинов отряда и их семей. Такой отряд вскоре был создан, во главе его стал полковник П.П. Паппенгут³, бывший порученец атамана Дутова. Большую помощь в формировании Русского отряда сыграл известный в Синьцзяне русский торговец К.В. Гмыркин⁴. Первой операцией Русского отряда стал захват Гучена, где находились склады с большими запасами оружия и боеприпасов.

Советскому генеральному консулу в Урумчи М.А. Немченко⁵ в связи с этими событиями 15 сентября 1931 г. была отправлена телеграмма НКВД с пояснением официальной позиции советских властей: «Мобилизация и вооружение белогвардейцев в состав провинциальных военных сил означает создание вооруженной силы, которая, помимо грабежа местного населения, может попытаться напасть на советские консульства и хозяйственные органы, а также, несомненно, еще теснее свяжется с бандитскими шайками, оперирующими на границе»⁶. Очень скоро в этой позиции советских властей произойдут коренные изменения и будет признано необходимым привлечь русскую общину в Синьцзяне для реализации военно-политических планов в приграничном с Советским Союзом регионе Китая.

В 1931 г. в жизни русских беженцев в Синьцзяне наступает крутой перелом, связанный с активизацией советской внешней политики на синьцзянском направлении. Летом 1931 г.

¹ Цзинь Шужэнь (кит. 金树仁; 1879–1941) – губернатор китайской провинции Синьцзян (1928–1933).

² Русские формирования на службе китайского правительства в Синьцзяне именовались гуйхуацзюнь (кит. 归化军 – букв. «войска из натурализованных граждан»).

³ Паппенгут, Павел Петрович (1894–1933) – сын действительного статского советника, помощника военного губернатора Самаркандской области. Военное образование получил в Ташкентском кадетском корпусе и Михайловском артиллерийском училище, поручик русской императорской армии. Участник Белого движения, полковник (производства белых армий), член подпольной Туркестанской военной организации (1918), в Оренбургской армии атамана Дутова (1919–1920), после разгрома войск Колчака с остатками Оренбургской армии перешел в Синьцзян, офицер для поручений атамана Дутова, начальник Русского отряда (1931), командующий объединенными вооруженными силами провинции Синьцзян (1933). 10 декабря 1933 г. обвинен Шэн Шицаем в заговоре, отстранен от должности и казнен (по другим сведениям – тайно вывезен в СССР и казнен).

⁴ Гмыркин, Константин Васильевич (? –1933) – крупный русский торговец в Синьцзяне, миллионер.

⁵ Немченко, Моисей Адольфович (1897? – не ранее 1931) – в описываемый период советский генеральный консул в Урумчи (1928–1931), где был известен как Михаил Адамович; репрессирован. Предположительно является отцом Е.М. Примакова. Имеется краткая его характеристика в донесении британского подполковника Р. Шомберга: «Низкорослый, тучный, типичный еврей. Интеллигентный и начитанный, убежденный большевик. Жена – дочь русского генерала старого режима». См.: Political report on Chinese Turkestan by Lieut.-Col. R.C.F. Schomberg. 1930. Confidential // NAI/File No 135-X/30.

⁶ Цит. по: Наземцева 2015: 81.

губернатор Цзинь Шужэнь обратился к советскому руководству с просьбой об оказании помощи военной техникой. В августе того же года советская сторона приняла решение о продаже Цзинь Шужэню партии военных самолетов¹. 1 октября 1931 г. между Цзинь Шужэнем и Советским Союзом было подписано секретное торговое соглашение, по которому в основных городах провинции открывались советские торговые представительства, существенно были снижены таможенные пошлины на советские товары, налажено радио- и телеграфное сообщение между Синьцзяном и СССР.

Летом 1932 г. при поддержке китайских властей командованием Русского отряда была проведена всеобщая мобилизация русского населения, в результате удалось развернуть три конных полка и артиллерийский дивизион (1500–1800 чел.). По мнению британской разведки, русские части, состоявшие из кадровых офицеров и нижних чинов бывшей императорской армии, имевших значительный боевой опыт, были наиболее боеспособной силой в период гражданской войны в Синьцзяне². Существенно снижало боеспособность отряда отсутствие офицеров, обладавших современными знаниями военного дела и опытом боевого управления крупными воинскими формированиями. Вовлечение русской общины во внутрикитайский конфликт не только нарушало международные нормы, но, как показали последующие события, имело трагические последствия для всей ее последующей жизни в Синьцзяне.

В июле 1932 г. военная ситуация в Хами значительно обострилась в связи с вступлением в конфликт на стороне восставших влиятельного военного предводителя дунган генерала Ма Чжунина³. Восстания против китайской власти вспыхнули в Кашгаре и Чугучаке. Зимой 1932–1933 гг. войска Ма Чжунина и мусульманских повстанцев осадили Урумчи. В защите Урумчи вновь активное участие приняли члены Русского отряда⁴.

В ночь на 12 апреля 1933 г. в Урумчи произошел вооруженный переворот, в результате которого был отстранен от власти губернатор Цзинь Шужэнь (бежал в Китай через СССР). Переворот был осуществлен силами Русского отряда, формально недовольного невыполнением Цзинь Шужэнем условий заключенного с отрядом договора о финансовом обеспечении и материальном снабжении. Представляется, что Русский отряд был лишь использован в качестве инструмента в более сложной политической игре, в которой участвовали как силы, оппозиционные Цзинь Шужэню, так и советская сторона⁵. В результате переворота к власти в Синьцзяне пришел главнокомандующий китайскими войсками в провинции Шэн Шицай⁶. Последующие двенадцать лет его правления в Синьцзяне будут представлять сплошной калейдоскоп трагических событий, которые будут иметь драматические последствия для русской общины в Синьцзяне.

После прихода к власти Шэн Шицай столкнулся с широким кругом политических,

¹ Тема советской политики в Синьцзяне с начала 1930-х гг. и до разгрома Восточно-Туркестанской республики достаточно полно представлена в работе: Гасанлы 2016.

² Chinese Turkestan: Internal situation. September 1930 – November 1933 // British Library/OIOC/L/P&S/12/2331. При оценке боеспособности Русского отряда не учитывалось наличие в нем советских беженцев, спасавшихся в Синьцзяне от коллективизации и политических репрессий, часть из которых прошла боевую подготовку во время обязательной службы в РККА.

³ Ма Чжунин (кит. 馬仲英, 1908–1937) – дунганский военный лидер в китайской провинции Ганьсу, после заключения союза с Гоминданом – командир 36-й дивизии Национальной революционной армии. По приказу Гоминдана пытался свергнуть синьцзянского губернатора Цзинь Шужэня, после бегства последнего из Синьцзяна воевал против Шэн Шицай, вооруженных формирований белых русских и советских войск. Позже занял просоветскую позицию, в 1936–1937 гг. участвовал в боях на стороне китайских коммунистов. Обстоятельства смерти Ма Чжунина противоречивы и не вполне выяснены.

⁴ См.: Абдуллаев 2015.

⁵ См.: Клинов 2018: 132.

⁶ Шэн Шицай (кит. 盛世才, 1895–1970) – губернатор Синьцзяна (1933–1944).

Рис. 21
Группа кавалеристов
Русского отряда,
ок. 1933 г.
(Wu 1940)

национальных, экономических и военных проблем. В мае 1933 г. генерал Ма Чжунин, после консолидации своих сил, начал повторное вторжение в Синьцзян на соединение с мусульманскими повстанцами, действовавшими в Хами. На юге Синьцзяна мусульманские повстанцы в ноябре 1933 г. провозгласили создание независимого от Китая государства – Тюрко-Исламской республики Восточного Туркестана. Наступал коллапс государственной власти в Синьцзяне. Гоминдан рассматривал Шэн Шицай как политического деятеля, не обладавшего серьезными навыками административного управления и не вполне преданного центральному правительству Китая. В этих условиях Шэн Шицай экстренно стремился легализовать и упрочить свое положение в Синьцзяне, и поддержку в этом он получил со стороны СССР в форме широкой экономической и военной помощи.

3 августа 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило «Директивы по работе с Синьцзяном», в которых определялась советская политика по поддержке китайских властей в Синьцзяне и оказанию помощи в борьбе с мусульманским повстанческим движением. В ноябре 1933 г. на территорию Синьцзяна были введены части так называемой Алтайской добровольческой армии, укомплектованной воинскими частями Главного управления пограничной охраны (ГУПО) и войск ОГПУ. Руководство операцией принял на себя начальник ГУПО и войск ОГПУ М.П. Фриновский¹, затем

¹ Фриновский, Михаил Петрович (1898–1940) – начальник Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ СССР (1933), Главного управления пограничной и внутренней охраны (1934), Главного управления пограничных и внутренних войск НКВД СССР (1937).

сменивший его Н.К. Кручинкин¹. К содействию операциям был привлечен личный состав Русского отряда, который получил от советской стороны вооружение и финансовую поддержку. Советские части были закамуфлированы под форму чинов Русского отряда, отдельные подразделения были переданы под командование офицеров отряда. Боевые операции Алтайской добровольческой армии велись в разных районах провинции и продолжались до мая 1934 г., закончившись полным разгромом повстанческого движения. В связи со стабилизацией военно-политического положения в Синьцзяне воинские подразделения были отозваны в СССР. На несколько месяцев был задержан лишь вывод конной группы «алтайцев», маскируемой под белоэмигрантов, общевойсковых командиров в качестве инструкторов, летчиков и пулеметчиков.

Свен Гедин, который продолжал в 1933 г. руководство работами китайско-шведской экспедиции, стал свидетелем разгрома дунганских войск генерала Ма Чжунина частями Алтайской добровольческой армии. Находясь в Курле, он наблюдал занятие города русскими казаками и красноармейцами и не мог понять, как непримиримые враги могли составить единую боевую силу, сметающую все на своем пути. Во время допроса в русском штабе он задал одному из казаков вопрос, как такое вообще возможно. На что последовал спокойный ответ: «Почему бы и нет, у нас общая цель, и мы вполне уживаемся»².

Летом 1934 г. Шэн Шицай отправил Сталину письмо, в котором благодарил за оказанную поддержку и клялся в верности, называя себя «убежденным сторонником коммунизма»³. Первые контакты с советским руководством Шэн Шицай осуществлял через советского генерального консула в Урумчи И.Я. Златкина⁴. В декабре того же года в Урумчи прибыл новый советский генеральный консул Г.А. Апресов⁵, который располагал «особыми полномочиями». Априесов быстро сделался ключевой фигурой в Урумчи⁶, стал выступать в роли политического советника Шэн Шицай. В донесениях британских консульских представителей он упоминался не иначе как «король Синьцзяна» (“The King of Sinkiang”)⁷. Вскоре Шэн Шицай приступил к зачистке руководства Русского отряда. По обвинению в подготовке антиправительственного заговора были арестованы и расстреляны полковник П.П. Паппенгут, К.В. Гмыркин и несколько командиров отряда, начались аресты офицеров и нижних чинов. Это были первые крупные репрессии против представителей русской общины в Синьцзяне.

Осенью 1934 г. началась демобилизация и разоружение русских отрядов, мобилизованных летом 1932 г. Всего было демобилизовано 1423 чел., которые были направлены в Илийский (858 чел.), Тарбагатайский (288) и Алтайский (157) округа, а также в г. Урумчи (120)⁸. В Карашарском, Илийском и Алтайском округах были созданы небольшие русские охранные отряды общим числом в 300 чел. В Урумчи была развернута русская конвойная сотня (около 330 чел.), возглавляемая генералом китайской службы Н.Н. Антоновым. Наиболее крупным

¹ Кручинкин, Николай Кузьмич (1897–1938) – на момент описываемых событий заместитель начальника ГУПО и войск ОГПУ СССР.

² Hedin 1936: 184.

³ См.: Письмо дубаня Шэн Шицай т.т. Сталину, Молотову, Ворошилову, июнь 1934 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 323. Л. 5.

⁴ Златкин, Илья Яковлевич (1898–1990) – советский военный деятель, дипломат и востоковед. В 1931–1934 гг. генеральный консул СССР в Урумчи, представитель советской военной разведки.

⁵ Априесов, Гарегин (Георгий) Абрамович (1890–1941) – советский дипломат и сотрудник органов госбезопасности, генеральный консул СССР и резидент ОГПУ в Урумчи (1934–1936).

⁶ Британский подполковник Р. Шомберг замечал в этой связи: «В таком городе, как Урумчи, центральной фигурой является <советский> консул. Чем он занимается, что говорит, что думает, куда направляется – каждое его действие представляет для всех большой интерес». См.: Political Report on Chinese Turkestan by Lieut.-Col. R.C.F. Schomberg. 1930. Confidential // NAI/File No 135-X/30.

⁷ См.: Nyman 1977: 124.

⁸ Смирнов 2019: 359.

воинским подразделением на китайской службе оставался Русский отряд, в состав которого к концу 1934 г. входили три конные сотни, пулеметная команда и артиллерийская батарея, общим числом около 700 чел. Во главе отряда был поставлен Н.И. Бехтеев¹, которого в русской общине считали агентом советской разведки.

Начиная с 1935 г. Шэн Шицай все менее считался с белыми русскими. Проводимая им политика советизации Синьцзяна вызывала негативное отношение к нему со стороны русской общины. В этот период значительно ослабла политическая и военная роль Русского отряда, в руководстве которого оказались лица с просоветской ориентацией.

В 1934–1937 гг. Советский Союз помог режиму Шэн Шицай кредитами на 8 млн. американских долларов, поставками вооружений, обучением специалистов². С участием советских войск были проведены операции против трех основных политических и военных соперников Шэн Шицай – Чжан Пэйюаня³ в Илийском округе, Ма Чжунина в Урумчи и Ма Хушаня⁴ в Хотане. Начиная с 1937 г. Советский Союз в условиях обострения китайско-японского вооруженного конфликта приступил к снабжению Китая через Синьцзян оружием, военной техникой и материально-техническими ресурсами⁵. Значение Синьцзяна как единственной коммуникационной линии между СССР и Китаем значительно возросло. На территории провинции были размещены советские войска, охранявшие пути снабжения во внутренний Китай. В Урумчи был развернут советский завод по производству авиатехники⁶, советскими специалистами началась разработка нефтяных месторождений и запасов полезных ископаемых.

Шэн Шицай все больше подпадал под советское влияние и зависимость от экономической и военной помощи СССР. Координирующим центром советской активности в Синьцзяне стало генеральное консульство в Урумчи, которое подчинялось напрямую Москве и фактически действовало в режиме посольства. Генеральный консул выступал в роли политического советника Шэн Шицай и посредника в его отношениях с Москвой. Шэн Шицай не только открыто объявил себя сторонником СССР, вступил в ВКП(б), но и активно насаждал в Синьцзяне советскую модель административного управления, национальной политики и деятельности репрессивных органов. При нем возникла тайная политическая полиция, внедрена система тотальной слежки и доносов, практика внесудебных расправ.

Начало массовых политических репрессий в СССР Шэн Шицай воспринял как сигнал к проведению подобной политики в Синьцзяне. Шэн Шицай в письме к В.М. Молотову от 10 ноября 1937 г. сообщал: «Недавно в Урумчи открыт заговор. Заговорщики, в том числе и троцкисты, уже почти все арестованы. Народы всех национальностей провинции

¹ Бехтеев (Бектеев), Николай Иванович (? – ?) – крещеный татарин; военное образование получил в Оренбургском казачьем училище, участник Первой мировой войны, воевал в составе 7-го Оренбургского казачьего полка, участник Белого движения, командир 2-го полка Русского отряда, генерал (китайского производства), командующий Южным фронтом, арестован китайскими властями (ок. 1940), дальнейшая судьба неизвестна. Оказывал содействие экспедиции Свена Гедина по Синьцзяну (1934), находился с ним в постоянной переписке и встречался в Курле (март 1934 г.). Свен Гедин оставил интересные воспоминания об этой встрече. См.: Hedin 1936: 186–200.

² Jacobs 2016: 103.

³ Чжан Пэйюань (кит. 張培元, 1894–1934) – китайский генерал, командир 8-й дивизии в Илийском округе. В союзе с Ма Чжунином выступил против Шэн Шицай, разгромлен советскими войсками. 6 января 1934 г. застрелился, чтобы не попасть в советский плен.

⁴ Ма Хушань (马虎山, 1910–1958) – шурином Ма Чжунина, фактический правитель Южного Синьцзяна и главный политический и военный союзник Ма Чжунина, командовал войсками при ликвидации Тюрко-Исламской республики Восточного Туркестана. Армия Ма Хушаня была разгромлена войсками Шэн Шицай и советскими подразделениями.

⁵ Более подробно см.: Батурин 2017.

⁶ См.: Шматов 2013.

горячо приветствуют мероприятия правительства по отношению к заговорщикам»¹. Репрессии затронули все слои общества и представителей различных национальных групп, проживавших в Синьцзяне.

Этот момент был использован советским правительством для нанесения последнего удара по русской общине с целью ликвидации политических противников – бывших белых офицеров и антисоветски настроенных беженцев. Координацию этой деятельности вело советское генеральное консульство в Урумчи, которое было укомплектовано штатными сотрудниками ГУГБ НКВД СССР – вице-консулы И.Т. Орельский (Бовкун-Луганец)², С.Л. Тихвинский³. По линии военной разведки непосредственное участие в мероприятиях принимал резидент IV управления штаба РККА в Урумчи Г.М. Цатуров⁴.

В наибольшей степени репрессии затронули Русский отряд и отдельные русские части в Синьцзяне. В 1938 г. были репрессированы многие белые офицеры, даже те из них, которые были вполне лояльны к советским властям. Среди репрессированных несколько десятков лиц командного состава – генералы Бехтеев, Антонов, Чернев, полковники Проскуряков, Вяткин, Ушаков, Мандрыгин и др. Значительно была сокращена численность русских в вооруженных формированиях Синьцзяна. В 1940 г. на службе в китайских войсках в провинции осталось только одно подразделение, укомплектованное русскими офицерами и нижними чинами, – Отдельный русский эскадрон, дислоцированный в Куче. Русские воинские формирования как военная сила и политический фактор фактически перестали существовать.

По свидетельству А.Т. Понькина, в конце 1937 г. в советском генеральном консульстве в Урумчи составлялись списки лиц, неугодных советской власти. По требованию советских представителей власти Синьцзяна проводили массовые аресты членов русской общины⁵. В Урумчи была закрыта церковь и приостановлена деятельность культурно-просветительного центра. Наступила атмосфера страха, взаимной подозрительности, опасений арестов. Русская община быстро теряла свою спайку, в ней происходил упадок самосознания, возникали серьезные материальные трудности.

В начале 1930-х гг. А.А. Дьяков переселился из китайской части Урумчи в район бывшей русской фактории. После закрытия церкви на территории бывшего императорского консульства Дьяков вместе с другими прихожанами вынес из церкви иконы и всю церковную утварь, не удалось только снять крест с церковного купола. В бывшем магазине купца М.Н. Бардыгина он оборудовал новую церковь для русских беженцев. Не исключено, что в этой церкви он сам и вел службу. Чтобы быть поближе к церкви, он снял квартиру в бывшем доме купца Бардыгина. Когда в Урумчи была образована Вторая синьцзянская правительственная гимназия⁶, то ей для размещения отвели дом купца Бардыгина и прилегающую к нему территорию. Чтобы не быть выселенным, Дьяков достиг с первым директором гимназии Л.Н. Аллимановым соглашения на право проживания в квартире. В обмен на это он передал гимназии

¹ Русско-китайские отношения 2010: 349.

² Орельский (Бовкун-Луганец), Иван Трофимович (1899–1939) – вице-консул советского генерального консульства в Урумчи (1936–1937), ответственный сотрудник ГУГБ НКВД СССР, полпред в Китае (1937–1939).

³ Тихвинский, Сергей Леонидович (1918–2018) – советский дипломат и востоковед, академик АН СССР. В описываемый период – вице-консул генерального консульства СССР в Урумчи (1939–1940), ответственный сотрудник ГУГБ НКВД СССР.

⁴ Цатуров, Гарегин Мосесович (1892–1981) – в описываемый период легальный резидент в Урумчи, заместитель военного советника в Синьцзяне (1936–1938).

⁵ Понькин 1997: 89.

⁶ Вторая синьцзянская правительственная гимназия (Русская гимназия) – открыта 1 сентября 1934 г. в Урумчи в рамках соглашения между китайскими властями и командованием Русского отряда для обучения детей русской общины. Действовала до 1942 г., всего было сделано два выпуска.

свою ценную личную библиотеку, любовно собиравшуюся в течение всей жизни¹.

К событиям 1937 г. в Урумчи относится первое упоминание А.Т. Понькина о А.А. Дьякове. Сам Понькин годом ранее освободился из китайской тюрьмы и устроился на работу в русскую гимназию преподавателем математики. Он часто общался с Дьяковым, проживавшим на территории гимназии. Обратимся к воспоминаниям Понькина:

Как-то во дворе гимназии Иванов², Алексей Алексеевич Дьяков (последний царский консул в Урумчи) и я вели какой-то безобидный разговор, в это время к нам подошла доктор Белова³. Иванов начал разговор о сыре «со слезинкой», поступившем в общественный магазин из СССР⁴. «Не с эмигрантской ли?» – заметил Алексей Алексеевич. Белова иронически ему ответила: «Очень дешевые эти слезы». – «Нет, нет. Это слезы миллионов русских крестьян, этого-то вы отрицать не можете», – возразил Дьяков.

[...] Я любил разговаривать с Алексеем Алексеевичем Дьяковым, единственным человеком, который не боялся говорить правду в глаза своим злейшим врагам – коммунистам. Но это был «глас вопиющего в пустыне». Алексея Алексеевича старались высмеять как выжившего из ума старика и довести окружающих его людей до того, чтобы они боялись с ним не только разговаривать, но даже встречаться. Люди, знавшие его годами, перестали останавливаться при встрече, отделяясь только быстрым приветствием. Со временем у меня сложилось впечатление, что Иванов старался помешать моим разговорам и встречам с Алексеем Алексеевичем. Однажды, когда мы разговаривали во дворе с Дьяковым, Иванов послал Собинова⁵ помешать нашему разговору. Тот, проходя мимо нас, громко спросил: «Что, опять мир делите?» Этот дерзкий вопрос явно исходил от Иванова. Мы только посмеялись, в какое положение поставила нас судьба. Было ясно, что Иванов борется со всяким независимым источником мысли, и наши встречи были ему крайне нежелательны. Иванов считал себя воспитанным человеком, однако бесцеремонно вмешивался в наши дружеские отношения с Дьяковым, не думая о том, что не все еще потеряли чувство порядочности и человечности. При всем своем умении держаться аристократом из него лезла наглость чекиста. Он был нравственным подонком, выполняющим роль сыщика-террориста, которого все боялись. Если Иванов, опираясь на посредничество академика Павлова⁶, просился на службу к узурпаторам власти в России, то Алексея Алексеевича сами большевики звали работать с ними, но он не польстился на их посулы, предпочел бедность и бесперспективность жизни на чужбине.

Алексей Алексеевич Дьяков происходил из мещанской семьи, окончил духовную семинарию и Институт восточных языков⁷ в Санкт-Петербурге. Он провел двадцать пять лет на ди-

¹ Понькин 1997: 111.

² Иванов, Викентий Викентьевич (1875 – не ранее 1943) – уроженец Санкт-Петербурга, директор гимназии с 1935 г. По убеждению Понькина, являлся советским агентом, был причастен к массовым арестам русских в Синьцзяне. В августе 1941 г. арестован в Урумчи сотрудниками УНКГБ по Алма-Атинской области. Через месяц дело прекращено «по недоказанности преступления». Как отмечал Понькин, в русской общине считали, что арест Иванова был операцией прикрытия после выполнения им специального задания.

³ Белова – советский врач, работала по контракту в Управлении тюрем Синьцзяна.

⁴ Речь идет о магазине «Совсиньторга», советской внешнеторговой организации в Синьцзяне.

⁵ Собинов, Федор Иванович (? –1964) – подполковник (производства белых армий), участник Первой мировой войны и Белого движения, командир сотни 2-го полка Русского отряда, преподаватель, затем заместитель директора Русской правительственной гимназии в Урумчи, арестован китайскими властями (1943), освобожден из тюрьмы в 1944 г. Информатор британского консульства в Урумчи. Из Китая переселился в Австралию, скончался в Сиднее.

⁶ Иванов часто бравировал хорошими личными отношениями с академиком И.П. Павловым, что, в череде других сообщаемых им фантастических историй, представляется полной выдумкой.

⁷ Неточность, следует – факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета.

пломатической службе в Китае, из них двадцать лет на должности консула в Урумчи¹, был большим знатоком китайского языка, к нему обращались китайцы прочесть им какие-нибудь древние письмена. Главным его сокровищем были коллекции древних золотых монет и предметов двухтысячелетней давности. У Иванова каждый раз загорались глаза, когда он видел эти коллекции, при этом он говорил, что они стоят громадных денег. Через год во время ареста Алексея Алексеевича его коллекции исчезли. В свое время, будучи консулом, он посылал в русские музеи древние предметы искусства и рукописи, а также снимки оригинальных построек, старинных надписей, изображений на скалах и в пещерах. Все свое свободное время Дьяков посвящал изучению истории края. На юге Синьцзяна он нашел следы когда-то существовавшего там христианства, так называемого несторианства, и даже пытался начать раскопки. Так в мирное время протекала его жизнь. После революции и гражданской войны в России у него появились новые проблемы².

Вполне допустимо, что Дьяков, известный своими антисоветскими убеждениями, оказался в первых списках лиц, переданных советской стороной китайским властям для последующего ареста. Такой арест не заставил себя ждать. В марте 1938 г. Дьяков был арестован и заключен в тюрьму в Урумчи – место, откуда редко кто выходил живым. По замечанию британского дипломата Э. Тейчмана (Eric Teichman), посетившего Урумчи в 1935 г., «урумчийская тюрьма даже по тюремным меркам была местом с дьявольской репутацией»³.

В заключении А.А. Дьяков, который был уже в почтенном возрасте и с расстроенным здоровьем, провел почти два года без предъявления каких-либо обвинений. В конце 1940 г. арестованных начали вызывать на допросы и выколачивать из них показания. Понькин, находившийся в одной тюрьме с Дьяковым, сообщает некоторые детали этих событий: «В одну ночь со мной был арестован Алексей Алексеевич Дьяков, но об этом я узнал на очной ставке, которая состоялась только в конце 1940-го года. Дьякова пытали и требовали признаться, что он является японским шпионом, а я – его сообщником. Несмотря на все издевательства и пытки, Алексей Алексеевич долго держался и не подписывал ложных обвинений. На последнем допросе Ступкин⁴ вставил дуло нагана в его ухо, закричал: “Твои мозги разлетятся во все стороны, если ты не подпишешь этого показания!” Старик, доведенный до иступленного безразличия, не выдержал и подписал»⁵.

Второй раз Понькин увиделся с Дьяковым во время очной ставки, состоявшейся в тюрьме в начале 1941 г. Обстоятельства этой встречи он приводит в своих воспоминаниях: «Меня снова стали вызывать по ночам на допросы, на которых Ступкин заставлял меня часами стоять на ногах, после чего требовал подписать признание, и я каждый раз категорически отказывался. Однажды на допросе он объявил, что мой отказ только усугубляет мое положение, так как главарь шпионской организации, в которой я якобы состою, уже признался и у меня будет с ним сейчас очная ставка. Тут же ввели Алексея Алексеевича Дьякова, вид у него был измученный и безразличный. Я стал смотреть на него в упор. Заметив это, Ступкин потребовал, чтобы я отвернулся. Алексей Алексеевич, словно по команде, стал говорить: “Я, Алексей Алексеевич Дьяков, признаю, что я японский шпион, и Александр Тимофеевич Понькин мой сообщник”. Дьякова моментально увели»⁶.

В тюрьме Дьяков помещался в камере совместно с другими заключенными,

¹ Точнее – 9 лет.

² Понькин 1997: 109–110.

³ Teichman 1937: 103.

⁴ Ступкин, Николай (?–?) – русский сотрудник китайской тайной полиции и агент НКВД.

⁵ Понькин 1997: 136.

⁶ Понькин 1997: 144.

представителями разных национальностей. В повседневную жизнь заключенных вносили разнообразие новые арестанты, которые были основным источником новостей. Кормили в тюрьме на китайский манер: приготовленным на пару хлебом, рисом с разнообразной зеленью, в зимнее время – с луком и китайской капустой, изредка давали лапшу с зеленью и растительным маслом. Молочных продуктов в рационе не имелось, так как китайцы их не употребляли в пищу. Заключенные, которые получали денежные передачи, могли покупать в тюремной лавке некоторые продукты и одежду. Для мытья и стирки белья не было никаких условий, и заключенные находили самые неожиданные способы поддержания гигиены. «Мыться было негде, – вспоминал Понькин. – Китайцы мыли себе только лицо и руки. Чтобы как-то поддержать себя в чистоте, мне приходилось просить у надзирателя горячей воды, чтобы смочить тряпку и, намывив ее, протереть себя. Со стиркой белья дело обстояло еще хуже, вшивое белье негде было проварить или прожарить, приходилось по одной вещи заливать кипятком в небольшой чашке, но и это не всегда удавалось сделать»¹.

Навстречу заходящему солнцу: последние годы жизни в Урумчи

13 апреля 1941 г. Советский Союз подписал с Японией договор о взаимном нейтралитете, который в значительной мере ущемлял интересы Китая. Одновременно советское руководство начало секретные переговоры с Гоминданом по возвращению Синьцзяна под полный политический контроль центральных китайских властей. Нападение фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. существенно повлияло на состояние советско-китайских отношений. В октябре 1941 г. советское правительство проинформировало официальный Чунцин о приостановке всех программ оказания экономической и военной помощи Гоминдану – шаг, в значительной степени обусловленный серьезной обстановкой на советско-германском фронте². К концу 1941 г. военные неудачи значительно подорвали советский престиж в Синьцзяне и уверенность Шэн Шица в способности СССР выступать в роли политического и военного союзника. В декабре 1941 г. в системе советско-китайских отношений возник новый могущественный фактор – после нападения Японии на Перл-Харбор Чан Кайши приобрел в лице Соединенных Штатов нового мощного союзника, источник военной и финансовой помощи, который мог заменить Советский Союз, находившийся в сложном военном и экономическом положении.

Это изменение военно-политического расклада сил было в полной мере учтено Шэн Шицаем при выработке нового политического курса в отношении СССР. С этого момента начинается серия событий, которые привели к охлаждению отношений Шэн Шица с Москвой и к усилению позиций Гоминдана в Синьцзяне. В октябре 1942 г. он приступил к реализации ряда политических шагов, направленных на ослабление советского влияния в Синьцзяне, – высылке советских советников и специалистов, закрытию советских предприятий и отзыву воинских частей³. В провинции началась чистка административного аппарата и командного состава армии, политическая и военная карьера которых была сделана в период советского доминирования в Синьцзяне.

С началом 1943 г. наблюдалось усиление политических позиций Гоминдана в Синьцзяне. В провинцию стали направляться гоминдановские части и советники, которые быстро брали

¹ Понькин 1997: 138.

² Более подробно см.: Волкова 2019.

³ См.: Forbes 1986: 159.

под контроль административное управление. Значительно усиливались военные позиции Гоминдана в Синьцзяне. Если с декабря 1942 г. по апрель 1944 г. в Синьцзян прибыло в общей сложности 7,5 тыс. военнослужащих, то в мае 1944 г. в провинцию из внутренних районов Китая было направлено 4 пехотные дивизии. Одновременно Синьцзян был включен в состав 8-го военного района Китая¹. Шэн Шицай все больше утрачивал политическую самостоятельность, и его скорое устранение с политической арены становилось все очевиднее. В Урумчи были открыты американское и британское консульства, которые стали координировать политику своих правительств по оказанию помощи Гоминдану и ослаблению советского влияния в провинции. К концу 1943 г., по сообщениям британской разведки из Урумчи, советское влияние в Синьцзяне практически сошло на нет².

Ближайшим следствием этой изменившейся обстановки стало смягчение условий содержания заключенных, находившихся в Урумчийской тюрьме. Допросы стали вестись формально, причем у следователей почувствовалось отсутствие серьезного интереса к подследственным. Летом 1943 г. политических заключенных стали выпускать из тюрьмы, многим так и не предъявив никаких обвинений. В августе 1943 г. из тюрьмы был выпущен Понькин. Время освобождения А.А. Дьякова остается неизвестным. Показания Дьякова против Понькина, казалось, навсегда должны были положить конец их отношениям, но этого не произошло. «Алексей Алексеевич Дьяков, – сообщал Понькин, – сразу же пришел ко мне и бухнулся в ноги, прося прощения за то, что подписал ложное обвинение. Наши отношения с ним остались прежними»³.

Начиная с 1940 г. русское население Синьцзяна, опасаясь репрессий со стороны режима Шэн Шицай, стало массово регистрироваться в советских консульствах и получать советское гражданство. Начался процесс добровольной репатриации в СССР. Русская молодежь не видела для себя перспектив в Синьцзяне. Под влиянием событий войны в ее среде имелось немало патриотически и идеалистически настроенных молодых людей, стремившихся вернуться на историческую родину. Вместе с тем имелось и значительное количество русских, особенно из числа натурализовавшихся и получивших китайское гражданство и лиц без гражданства, которые не желали возвращаться в СССР, опасаясь репрессий.

30 августа 1944 г. было официально объявлено об отставке губернатора Синьцзяна Шэн Шицай, получившего пост министра сельского и лесного хозяйства в центральном правительстве Китая. На смену Шэн Шицаю в сентябре 1944 г. к власти в Синьцзяне пришел ставленник Гоминдана У Чжунсинь⁴. Отставка всесильного диктатора прошла относительно спокойно, и это событие мало повлияло на повседневную жизнь русской общины. В провинции нарастал экономический кризис, росла инфляция и стоимость жизни. Вскоре стали проявляться и новые подходы в политике Гоминдана по отношению к русской общине Синьцзяна. Русские удалялись со всех руководящих постов в правительственных учреждениях, начался процесс сворачивания русской культурной автономии – был закрыт русский еженедельный бюллетень провинциальной газеты «Синьцзян жибао», сокращена программа изучения русского языка в учебных заведениях и др. Политика китаизации была негативно воспринята русской общиной, которая все еще оставалась значительной и по состоянию на 1945 г. насчитывала 19 392 человек⁵.

¹ *Turrall G.R.* Shen Shi-Ts'ai: Last Days of his Regime. British Consul at Urumchi to H. M. British Embassy, Chungking, 5th September, 1944 // NAI/File No 358 C. A.

² Special Survey of Intelligence on Sinkiang, 1943 // OIOC/L/P&S/12/2359/12.

³ Понькин 1997: 145.

⁴ У Чжунсинь (кит. 吳忠信) – губернатор Синьцзяна (1944–1946).

⁵ Benson 1990: 30.

Осенью 1944 г. в трех округах Синьцзяна – Илийском, Тарбагатайском и Алтайском – началось антикитайское повстанческое движение («восстание трех округов»), которое в значительной степени опиралось на политическую поддержку и военную помощь Советского Союза. Восстание, в котором приняли участие и представители русской общины Синьцзяна, привело к возникновению на территории трех округов независимой Восточно-Туркестанской республики (ВТР). История ВТР достаточно хорошо освещена в современной историографии¹, и мы не будем ее затрагивать ввиду неопределенности вопроса, в какой степени это событие могло отразиться на жизни А.А. Дьякова. Это связано с тем фактом, что последнее зафиксированное свидетельство о пребывании Дьякова в Урумчи относится примерно к июню 1945 г., когда между гоминдановцами и илийскими повстанцами велись ожесточенные бои на подступах к Урумчи.

«Неожиданно ко мне пришел Алексей Алексеевич Дьяков, – вспоминал Понькин, – с еще более неожиданным предложением: организовать отряд русских для борьбы с полиновцами². Я был поражен абсурдностью и бессмысленностью этого предложения, так как почти все русские были мобилизованы и воевали под командой Полинова на стороне Восточного Туркестана. Теперь, когда в Синьцзяне сталкивались интересы четырех великих держав, вмешиваться в такие дела было бы безумием. Я попросил А.А. Дьякова передать тому, кто его уполномочил, что не могу согласиться на их предложение, т. к. считаю его абсурдным»³.

Из этого свидетельства Понькина становится ясно, что летом 1945 г. Дьяков все еще находился в Урумчи и даже был вовлечен в какую-то игру гоминдановцев по привлечению русской общины к участию в подавлении «восстания трех округов». Исходя из реакции Понькина, можно предположить, что в то время Дьяков уже недостаточно полно разбирался в происходивших событиях, в создавшемся раскладе военно-политических сил. Прежними остались только его идейные взгляды и убеждения – стойкое неприятие коммунистической идеологии и советской власти. Если в условиях гоминдановского режима в Синьцзяне он мог особо не опасаться за свои взгляды и убеждения, то ситуация принципиально менялась с приходом к власти китайских коммунистов.

Начиная с 1945 г. в русской общине Синьцзяна происходило резкое размежевание по линии идейных взглядов и отношения к СССР – одна часть общины все более склонялась к репатриации в Советский Союз, другая, наоборот, стремилась оторваться как можно дальше от опасного соседа. Установившийся свободный режим перемещения иностранцев на территориях, подконтрольных Гоминдану, способствовал оттоку части русской общины на восток Китая. В сентябре 1945 г. навсегда покинул Синьцзян Понькин, перелетевший вместе с семьей на американском самолете в Ханчжоу.

С 1946 г. советские консульства в Синьцзяне начали массовую выдачу советских паспортов всем желающим вернуться в Советский Союз. Только в одном генеральном консульстве СССР в Урумчи в том году было выдано около 1 тыс. советских паспортов⁴. Русская колония в Урумчи стремительно таяла. Основная часть русского населения в 1947 г. оказалась на территории,

¹ См.: Петров 2003; Обухов 2012; Гасанлы 2016; Forbes 1986; Benson 1990; Wang 1999; Jacobs 2016.

² Имеются в виду русские, воевавшие на стороне восставших против гоминдановских войск, под командованием советского ставленника генерала Ивана Яковлевича (Георгиевича) Полинова, бывшего казачьего офицера и командира полка в войсках Шэн Шицай (до 1942). В «Илийской национальной армии» имел чин генерала, в правительстве ВТР занимал пост военного министра. В литературе встречается упоминание, что Полинов до Первой мировой войны служил в консульском конвое в Урумчи, факт этот не находит документального подтверждения. Биография И.Я. Полинова до сих пор полна белых пятен. После ликвидации ВТР проживал в Ташкенте, скончался в 1960-х гг. Написал кандидатскую диссертацию по истории Синьцзяна, см.: Полинов 1953.

³ Понькин 1997: 159.

⁴ Political Report on Sinkiang, September 9, 1948 / A. Doak Barnett Papers / Institute of Current World Affairs Record.

подконтрольной властям Восточно-Туркестанской республики (17 600 чел.), и только незначительная часть еще проживала в Урумчи, Кашгаре и других городах Синьцзяна (1700 чел.)¹.

Сложно с определенностью сказать, какой оставался у Дьякова выбор в этой непростой обстановке и был ли выбор у него вообще, принимая во внимание его почтенный возраст (почти 70 лет) и отсутствие каких-либо финансовых средств. 12 октября 1949 г. Народно-освободительная армия Китая развернула наступление на территории Синьцзяна, и спустя восемь дней ее части вошли в Урумчи. В последовавшие месяцы китайские коммунисты консолидировали контроль над всей провинцией, включая территорию бывшей Восточно-Туркестанской республики.

Последние белые русские в Синьцзяне, не желавшие возвращения в СССР, сделали отчаянную попытку покинуть территорию провинции через Кашгарский округ. В феврале 1950 г. большая группа русских беженцев (свыше 200 чел.) совершила тяжелейший переход из Яркенда через перевалы Каракорума на территорию Индии². Беженцы, среди которых находились женщины и дети, были размещены индийскими властями в лагере в Кашмире. В марте 1950 г. Объединенный комитет русских национальных организаций в Сан-Франциско (Consolidated Committee of the Russian National Organizations of San Francisco) обратился к правительству Индии с просьбой разрешить оказать помощь беженцам деньгами, медикаментами, продуктами и одеждой.

Был ли в числе этой последней группы беженцев А.А. Дьяков, остается неизвестным. С большой долей вероятности можно предположить, что Дьяков не покидал Урумчи после его занятия частями НОАК и встретил последние дни своей жизни в городе, где он провел почти сорок лет как русский императорский консул, ученый-востоковед и беженец и который стал немым свидетелем его триумфа и трагедии.

ДНЕВНИКИ УЧАСТНИКОВ РАБОТ

¹ Political Report on Sinkiang, September 9, 1948 / A. Doak Barnett Papers / Institute of Current World Affairs Record.

² См.: Refugees from Sinkiang, 1950 // NAI/File No 253-CJK/50.

С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГ РУССКАЯ ТУРКЕСТАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1914–1915 гг.

Как и в ходе Первой Русской Туркестанской экспедиции 1909–1910 гг., С.Ф. Ольденбург вел подробный дневник и в ходе работ 1914–1915 гг. Он содержит меньше записей собственно научного характера, чем дневник I РТЭ, однако полон различных подробностей, значительно обогащающих наши представления о работе Ольденбурга и его спутников в Северо-Западном Китае в 1914–1915 гг. Немало сведений относятся к характеристике личности самого руководителя экспедиции. Нет смысла подробно пересказывать содержание этого интереснейшего документа. Обратим внимание лишь на главное.

Маршрут экспедиции был проложен по наиболее естественным, «нахоженным» путям с известными опорными точками, которые, конечно, использовались и до, и после экспедиций Ольденбурга¹. Дневник дает точное представление о маршруте Ольденбурга и составе экспедиции. Не только научный состав – В.С. Биркенберг, С.М. Дудин, Б.Ф. Ромберг, Н.А. Смирнов, – но и все казаки сопровождения и ассистенты «на местах» названы по именам, и практически каждому дана живописная характеристика.

Уже 19 июня 1914 г. Ольденбург признается: «Эта экспедиция вообще много труднее прежней». Экспедиция, действительно, снова далась Ольденбургу с трудом. Если в ходе работ 1909–1910 г. он пережил потерю мамы, то теперь ему пришлось пережить смерть брата Федора. В ходе I РТЭ он лишился револьвера, в ходе II РТЭ – денег, и Ольденбургу пришлось решать участь пойманного вора. Завершение экспедиции также было вынужденным: угроза оказаться в зоне оккупации была достаточно серьезна. Однако результаты II РТЭ поставили С.Ф. Ольденбурга в ряд наиболее выдающихся исследователей древних и средневековых цивилизаций Востока и Запада. Все пережитое, все принесенные жертвы оказались не напрасны.

Немало можно узнать и об Ольденбурге-руководителе и Ольденбурге-человеке. Будучи непременным секретарем ИАН, он тяготился руководящей работой. Эту тяжесть он ощущал даже в масштабе экспедиции: «Несладко быть начальником», – признается он 25 июня 1914 г. Эта тяжесть нарастала длительное время, и в 1920-е годы Ольденбург предпринимал неоднократные попытки сбросить с себя иго административной нагрузки...

¹ Ср.: «Дорога Хоргос – Урумчи – Хами протяженностью по Синьцзяну 1477 км разделялась на естественные участки: Хоргос – Урумчи – 650 км; Урумчи – Хами – 607 км; Хами – Шин-Шинся – 220 км. Далее она проходила по провинции Ганьсу до Ланчжоу – около 900 км. Путь от Урумчи до Хами идет через Фукан (перегон 63 км), Гучен (перегон 201 км), Мулихо (перегон 272 км), Чиги-Чинзе (перегон 408 км) – всего 607 км» (Батурия 2014: 325).

Однако на дворе весна и лето 1914 г. Жара. Спутники Ольденбурга – 5 из 12 – страдали от климата. Приходилось формировать и менять планы по ходу работ в зависимости от обстоятельств. «Заболевание пяти лиц из двенадцати от жары заставляет меня предположить перемену плана – уделить месяц на Турфан для работы», – пишет он 27 июня 1914 г.

Академик Ольденбург не мог не коснуться серьезных научных вопросов и при работе с путевым дневником. 31 июля он характеризует неправильную методику разведочных раскопок, которыми так грешили многие экспедиции и путешественники, исследовавшие Восток в целом и Северо-Западный Китай в частности: «Ясно, что от перекапывания и дождей все очень сильно пострадало, а теперь ничего не сохранилось: ясно, что нельзя покопать, кое-что отрыть и бросить на произвол дождя и ветра, на уничтожение, не зафотографировав и не зарисовав. Вред этих пробных раскопок, с субъективными и бегло записанными впечатлениями, очень большой, особенно для датировок». Сам проведя разведочную экспедицию 1909–1910 гг., Ольденбург тщательно следил за тем, чтобы изучаемым памятникам не был нанесен урон в ходе работ и с горечью отмечал пагубные последствия работы иностранных коллег.

В своих воспоминаниях Е.Г. Ольденбург, вторая супруга С.Ф. Ольденбурга, вспоминала, что Сергею Федоровичу была совершенно чужда какая-либо религиозность. Дневниковые записи дают основание усомниться в точности этих суждений: «Перед выездом собрал всех, сказал, что праздник, но что надо ехать, предложил Николаю Арсеньевичу как младшему прочесть “Отче наш”», – отмечает он 29 июня 1914 г. И далее – 6 июля 1914 г.: «Утром читали всем главу Евангелия, затем Николай Арсеньевич прочитал “Отче наш”». 6 августа «выехали из Хуан-лю-кан в Чан-лю-шуй в 8½ после чтения Евангелия и молитвы». При этом, судя по записи от 8 августа, Ольденбург в ходе работ соблюдал пост.

Несмотря на либеральные убеждения, 30 июля 1914 г. Ольденбург «утром перед выездом собрал всех, провозгласил здравие наследника», явив себя верноподданным Его императорского величества.

Конечно, нельзя не отметить личную стойкость С.Ф. Ольденбурга, перенесшего, как и его спутники, приступы лихорадки. «Что-то тело начинает лихорадить, принял хины, большая вялость и слабость, которую трудно превозмочь», – пишет он 5 июля 1914 г.

Ольденбург-искусствовед также проявил себя в данном документе. Так, методика описания росписей святых рядом с Аньси в целом повторяется при описании основной цели работ – пещер Цяньфодуна (Чан-фо-дуна в транскрипции С.Ф. Ольденбурга). Записи от 14 августа 1914 г. – вероятно, наиболее ранние, в которых Ольденбург описывает настенную живопись.

Для истории исследования памятников Цяньфодуна важнейшее значение имел день 20 августа 1914 г. С.Ф. Ольденбург отмечал: «В 2¼ прибыли с Самуилом Мартыновичем в Чан-фодун и заглянули в пещеру, в 4 прибыли арбы. Смотрели все, впечатление сильное».

СЕРГЕЙ ОЛЬДЕНБУРГ
РУССКАЯ ТУРКЕСТАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
1914–1915 гг.

30 мая 1914
1914

20 мая выехали в 8 часов 35 минут вечера Самуил Мартынович Дудин и Виктор Сергеевич Биркенберг. 30 мая из Санкт-Петербурга в 8 часов 35 минут вечера выехали Сергей Федорович Ольденбург, Борис Федорович Ромберг и Николай Арсеньевич Смирнов. Перед Пермью вследствие осыпи насыпи прождали 4 часа. Во время остановки молодежь – студенты и курсистки из ожидавшего пассажирского поезда – сели под деревьями и запели студенческие песни, было удивительно хорошо – тоска то же, что и мое студенческое время – 30 лет тому назад. Яркая, веселая молодежь и песни, большей частью грустные, производили очень сильное впечатление: родина хорошо провожала нас, мы видели ее надежду и будущее – молодежь веселую, добрую, дружную. Что ждет их, кто знает? Да и зачем ждать, что ждет нас? Мы должны смотреть на будущее так, как будто бы оно было в наших руках, но не смущаться неудачей наших планов, и в этом отношении «довлеет дневи злоба его»¹. Езда на поезде была хорошая – в Омске отчаянный ломовик и неаккуратность народа. Но Омск, в котором, говорят, 170 000 человек, производит впечатление растущего города – большие новые здания, кипучая жизнь на улицах, но много хаоса и беспорядка, грязи без конца. Пароход очень сносный, в общем чистый, но в меблировке не все продумано достаточно. Масса пассажиров. Здесь ни с кем пока не знаком, а на поезде познакомились с инженерным капитаном Александром Андреевичем Рахмановым², командиром 28 Сибирского стрелкового полка³ в Иркутске, каким-то отставным полковником, владельцем копей угольных в Восточной Сибири и директором какого-то банка в Омске. Инженер интересный, видимо, очень интеллигентный, из Омского корпуса. Полковник командирован из Полтавы (Кобеляцкий уезд) и из Полтавского корпуса, добродушный. Никто особенным черносотенством не отличался, но у всех немного грустное и скептическое настроение. В Омске купили очки от пыли для всех. Петербург – Омск, 307 рублей 05 копеек. Расходы в Омске и билеты до Семипалатинска, с багажом, 90 рублей 20 копеек. На пароходе с 10 часов вечера 3 июня по 3 часа дня 8 июня. Расходы.

В Семипалатинске до 8 часов вечера 9 июня. На пароходе и в Семипалатинске очень интересный и образованный молодой горный инженер Александр Николаевич Тихонов. Расходы.

Выехали <в> 8 часов вечера 9 июня, при деятельной помощи Петра Ивановича Солонникова, в Сергиополе⁴ 11 июня <в> 3½ часа дня. В Бохтове 13-го <в> 8 часов вечера. Здесь встретили есаула и начальника гарнизона.

В Чугучаке в 10½ вечера 13-го. 14-го посещение и обед у консула Владимира Васильевича Долбежева, жена его Екатерина Александровна⁵, урожденная Борнеман. Александр Павлович

¹ Переложение слов Христа из Евангелия от Матфея: «довольно для каждого дня своей злобы» (VI. 34).

² Рахманов, Александр Андреевич (ок. 1885 – ?) – военный инженер, подполковник. Военное образование получил в Омском кадетском корпусе (1902) и Николаевском инженерном училище (1905). Младший офицер 11-го саперного батальона (1909). Участник Первой мировой войны. В период гражданской войны находился в составе белых войск Восточного фронта. В эмиграции проживал в Китае.

³ Речь идет о Генерального штаба полковнике Владимире Владимировиче Воронцовом (1866–1916), назначенном в апреле 1914 г. командиром 28-го Сибирского стрелкового полка. Участник Первой мировой войны, генерал-майор (1915), награжден Георгиевским оружием. Скончался от паралича сердца в рядах действующей армии (23 июня 1916 г.).

⁴ Совр. Аягоз в Восточно-Казахстанской области.

⁵ Е.А. Долбежева (Борнеман) (?–?) – вероятно, сестра чугучакского консула Н.А. Борнемана.

Ляпунов¹. Начальник почтово-телеграфной конторы Константин Григорьевич Воротников. 15<-го> посещение амбана². Отъезд у консула. 14-го все казаки: 1. урядник Матвей Горшков, 2. Клементий Веревкин, 3. Захар Гомонов, 4. Яков Михин, 5. Константин Горбунов, 6. Иван Манохин, 7. Тимофей Черников.

[3] 17.VI. Встал в 5 часов, поужинав, два казака уже во дворе. Выедем позже, решено ехать кратким путем до Курте. Небо с утра хмурое. Успели только к 12½. Прислан китайский эскорт из 7 рваных солдат. Амбань явно не доверяет нам и приказал следить. Взяли привезенное консулом, его семьею и другими лицами. Решили ехать на Курте. Китайцы отвратительны, дороги не показывают, отвечают вздор, местами пришлось их вынуждать помочь двигать. В день проехали верст 15, по-видимому, Тегу-той и ждали телеги, которые заблудились, хотя при них был китаец.

Ждали до 5 часов, масса полумок. Двинулись, по дороге опять полумки, объезд верст в 6 из-за дороги; автомобиль³, тем не менее, отлично пройдет, дорога в общем превосходна. Лошади непривычны к дышлу, лучше оглобли, здесь все к ним привыкли. Остановка у Пикета в 31? версте от Эмиля в поле у дороги. С.М.⁴ вечером очень продрог, ночь очень свежая, звездная, помогает луна. Опять полумки обнаружались. Настроение общее, однако, превосходное. Очень смущают китайцы, если так будет дальше, дело яман⁵. Встали в 6½. Казаки в 5½. Остальные в 7 ч. Поели чай, пойдём до Сары-Хулсына⁶. День ясный, солнечный. Место совсем ровное, пикет в ¼ версты налево от дороги. Не знаем, Сентер ли это. Развалин не видно нигде около пикета.

[3 об.] 18.VI. Казаки встали в 4 часа, я – в 6 часов, остальные – в 7 часов, укладывались не очень искусно. Выехали в 9½ перед Эмилем за 2½ <версты> – развалины, по-видимому, новые развалины, к Эмилю приехали в 12½. Поили лошадей, выкупались сами. Великолепное купанье, до Эмиля – 18 верст. От Эмиля до Курте – 15 верст, отличная дорога, через Эмель – легкий переезд автомобиля. Приехали в Курте в 3½, купили мясо 30 ф., 22 к. фунт! Курте – деревенька

¹ А.П. Ляпунов – агент конторы братьев Каменских в Чугучаке.

Как следует из писем Н.Н. Кроткова С.Ф. Ольденбургу от 9 октября 1909 г. и 1 марта 1910 г., А.П. Ляпунов принимал деятельное участие в доставке предметов древности С.Ф. Ольденбургу из Восточного Туркестана в Санкт-Петербург; см.: Бухарин 2018f: 543, 567.

Торговый дом «Товарищество пароходства и транспортирование грузов Федор и Григорий братья Каменские» (основан в 1871 г.) занимался водными перевозками пассажиров и транспортировкой грузов, располагал пассажирскими и буксирными судами и широкой сетью контор в 30 крупных грузоперевалочных центрах Российской империи. В начале XX в. правление дома располагалось в Москве, филиалы имелись в Петербурге, Нижнем Новгороде, Риге, а конторы располагались от Либавы на западе до Акмолинска и Семипалатинска на востоке, имелись заграничные отделения в Гамбурге и Лондоне.

Участник I РТЭ В.И. Каменский был двоюродным братом владельца компании. Через торговую контору братьев Каменских в Семипалатинске и Чугучаке – через агента А.П. Ляпунова – осуществлялось доснаряжение I РТЭ и отправка собранных материалов в Петербург. См.: Ольденбург 1914: 1.

² Амбань (*маньчж.* amban; *кит.* 昂邦) – правительственный комиссар, начальник округа в Синьцзянской провинции.

³ Возможность использования автомобилей для передвижения в Синьцзяне и, соответственно, внимание к такому вопросу не отмечены в русских предвоенных документах, относящихся к военному планированию. Нередкие замечания С.Ф. Ольденбурга и других участников II РТЭ, относящиеся к этому вопросу, могут свидетельствовать, что экспедиция по просьбе военного руководства пыталась установить возможность движения автомобилей по маршруту от русской границы в Семиречье до Урумчи. Не исключено, что и сам С.Ф. Ольденбург мог интересоваться этим вопросом, имея в виду возможность еще одной экспедиции в Синьцзян.

⁴ Здесь и далее имеется в виду С.М. Дудин.

⁵ Яман – в ряде тюркских языков – «плохо», «худо».

⁶ В рукописи: первая часть оронима – Хора. Сверху надписано Са-; данное исправление дает чтение Сары-Хулсын. Сары-Хулсын («желтый камыш» – *монг.*) – название остановочной станции, которой часто пользовались российские путешественники по Центральной Азии, в частности В.А. Обручев в 1905 г.; см.: Обручев 1951: 36. С другой стороны, далее используется вариант Хара-Хулсын.

с маленьким базаром, река с высоким размытым обрывом, река мелкая и у деревни вода ненадежная, арык вверху грязный, до Хара-Хулсына, говорят, 30 верст. Выехали окончательно в 4 часа 10 минут, приехали в 7.30. Примерно 28 верст. Хара-Хулсын. Остановились на равнине, недалеко от арыка. Ночь была очень холодная. Надо ставить палатки.

19.VI. Встал в 5, публика – около 6, сильно бубнили (любят засиживаться за чаем), казаки в 4½. Не знаю, как подогнать, а то казакам пример плохой. Поехали вперед Самуил Мартынович¹, Борис Федорович², Николай Арсеньевич³ и я. Выехали в 8 часов, приехали мы в 12. Верст примерно 25. Телеги пришли в 1½, кони пристали, <у> Виктора Сергеевича лошадь хромает. Надо, увы, ночевать в Толу. Приносил китаец яйца, просил за них по 10 копеек! Мне понятно, что здесь берут только русские деньги, а китайские не хотят. Мы китаюцу ничего не дали и отослали. Делают вид, что китайских денег не знают; как бы не вышло затруднения. Боюсь, что груз велик, но что делать? Здесь прекрасная вода, но в отвратительном виде. Наши расчистили источник.

Здесь дьянь⁴. Цены невероятные – связка клевера, которая в Чугучаке стоит две копейки, здесь 20! Во что еще обойдется баран, а дальше их не будет. Вообще денежный и продовольственный вопросы будут нелегки. Эта экспедиция вообще много труднее прежней. Теперь я, увы, начальник, хотя Самуил Мартынович очень много делает по организации, а Горшков распоряжается. Купили барана за 6 рублей 50 копеек, после большого торга; берем его с собою. Разбили в первый раз палатки, очень хороши, казаки захотели пока только одну. Поели гороховый суп немецкого приготовления, который оказался очень хорош. Мы с Самуилом Мартыновичем в одной палатке, молодые люди – в другой.

20.VI. Нечего было и думать ехать рано. Всю ночь лил дождь, наши новые палатки, увы, просыревают, старые – нет. Гомонов и Веревкин храпели, дали салипирин, Самуила Мартыновича немного лихорадит; принял цитрованилин вечером, салипирин утром. Встали около 8, пили чай, планы двигаться на Ямату, чтоб пройти еще хоть один станок⁵. Увы, дождь длится. Решено, все-таки, ввиду некоторого просвета собираться. Выехали в 11.50. Ехать телегам по намокшей дороге трудно. Для автомобиля дорога великолепная, и на всем станке никаких препятствий. Скоро после выезда начался холодный дождь, что было очень неприятно, особенно т. к. надо было останавливаться. Промокли наши зеленые плащи и ноги. Приехали мы в 6 часов. Примерный расчет – 25 верст. У Гомонова болит нога, дал вазелину. За траву: 20 копеек вязка, всего 6 рублей (30 вязок). За барана 6 рублей 50 копеек, купили на всякий случай. Надо бы купить лошадь, запросит Горшков. Ходил с Самуилом Мартыновичем и Борисом Федоровичем на горку, Николай Арсеньевич и Виктор Сергеевич – на еще более высокую. Есть цветы, есть камни. И там и там на вершинах маленькие «обо»⁶, но из камней, мы приложили свою лепту. Ужинал с аппетитом. Лег в 10 часов. Спалось средне, встал в 5.45.

21.VI. За лошадь, сносную, хотят 150 рублей, мы не дали. Поразительно упорство в запросах, считают, очевидно, что мы в их руках. Но мы поддаемся только там, где крайность, как с травой. Ночь прошла хорошо. Гомонову немного лучше, натер подъем⁷. Погода свежая, небо сильно облачное, солнце немного светит все-таки. Хотим выйти между 8 и 9. Роса была

¹ Здесь и далее имеется в виду С.М. Дудин.

² Здесь и далее имеется в виду Б.Ф. Ромберг.

³ Здесь и далее имеется в виду Н.А. Смирнов.

⁴ Дьянь (*кит.* 店) – постоянный двор, лавка.

⁵ Станок – уменьшительное от «стан» – место временной стоянки.

⁶ Нагромождения камней культового (анимистического) характера.

⁷ Имеется в виду подъем ноги, на котором С.Ф. Ольденбург натер мозоль.

сильная, но роса, а не иней, как в Сара-Хулсыне. Удивительная вещь, масса дурных запахов около каждого жилья. Без конца [...] место каменистое, масса полыни растет.

Палатка наша сырая снаружи и изнутри, у казаков – только снаружи. Несомненно, что Кебке¹ работал небрежно. Это сказалось и на зеленых плащах. Плохо у нас выработана путешественная техника.

Горы кругом, которые повыше – в снегу. Весь пикет, пикет (с зубцами), дьянь и еще дом, маленькое мяо². Речка извиляется лентою, по дороге из Толу были сильно выветренные скалы. Выступили в 9.45, доехали до места (в 5, примерно, верстах), где камни, мешающие ехать, здесь провозились 45 минут. Автомобиль, все-таки, пройдет. На перевал попали к 1.15 (Джаир), в Кюльденен – в 1.50.

Болото с дянем у дороги. По-видимому, расстояние между Ямату и Кюльдененом 17 верст. Выехали в 2 часа под дождем, доехали до Оту в 4.50, проехав скоро 22, примерно, версты.

[5] Корму и еды здесь нет.

VI.21–22

На подножный корм пришлось отправить лошадей поблизости с дневальными. Трудно им, даем зеленые плащи, кошму и брезент. В Оту вода лучше, чем я ожидал, и дорога вполне хорошая, с незначительными подъемами, для автомобиля превосходная. В Оту интересны выветренные камни фантастических форм. Поражает нас холод и почти не прекращающиеся дождь и ветер. Нога у Гомонова лучше. В палатках не чувствуешь ветер, и это большое благодеяние. Михин – повар сносный и в общем чистоплотный. Китайцы сопровождают нас, стали полубезнее. Хочу лечь пораньше.

22.VI. Оту. Просыпался много раз, дождь почти не переставал и дул резкий ветер с севера. Лошади в ночном ели. Встал в 5, казаки уже встали, выглянуло солнце, и как-то стало, видимо, всем бодрее, потому что положение довольно серьезное, если не доедем скоро до места, где еда и корм, здесь нет. Сцедили жердочку на дрова, а сегодня только кизяк, который плоховат как топливо. И здесь какой-то китаец нас рассматривает, как на каждом станке. Лицо у него как у других, лицо старой женщины, видимо, курит опиум.

Выехали из Оту в 9 часов 5 минут. Ехали отлично, дорога в общем превосходная, если бы китайцы захотели немного проложить путь, то дорога была бы безукоризненна. В Сарджак приехали в 11 часов 30 минут, не останавливались. Здесь громадная сухая река, немного вправо от дороги вода в ямах и, может быть, ключ, есть фанза. Сейчас за сухой рекой подъем в ущелье. От Оту до Сарджака. Из Сарджака в 11 часов 30 минут. Через 20 минут в ущелье телега Михина³ по его неосторожности, простояли 1 час 16 минут.

[5 об.]

VI.22–23

Поехали в 1 час 06 минут. В 1 час 30 минут новая задержка, надо тормозить, стояли 23 минуты. В 3 часа остановка из-за шкворня в 3 часа дня. 4 часа затем поехали отлично, приехали в 5^{3/4}. Чистой езды 3 часа 50 минут. Не менее 24 верст. Олон-Булак – ключ с маленьким болотцем вокруг. Три двора – дьянь. Дивная панорама Тянь-Шаня с холмика, видно и с ночевки. Баранов не достали, клевер хороший по 20 копеек. Вода немного соленая, но сносная. Запах падали кругом, обычный. Проезжий сарт сказал, что воды в Манасе мало и дорога хорошая. Небо безоблачное. Встали в 5 часов.

23.VI. Вышли из Олон-Булака, налюбовавшись Тянь-Шанем, в 7^{1/4}. Выехали в 10 часов 50 минут в Кюль. Вода гораздо лучше, чем раньше, хотя и солоноватая. Два строения, корм

¹ Кебке, Генрих Иоганн (Köbke, Johann Heinrich; 1841/2 – после 1917) – петербургский фабрикант, купец 2-й гильдии (1887), поставщик двора Его императорского величества; занимался в основном производством товаров для нужд флота, в том числе из ткани (паруса), среди номенклатуры товаров Кебке встречались и палатки.

² Мяо (кит. 庙) – храм, кумирня, гробница.

³ Сказуемое в предложении пропущено; вероятно, телега или сломалась, или упала.

покупной плохой, по 20 копеек связка. Поставили лошадей в дьянь. Две палатки: нам одна, казакам другая. Дорога хорошая, только местами по такой трудно телегам, так как дождь шел недавно. Оводов совсем не было до Кюля, где они появились. Думаем часов в 8 выехать. Температура вполне сносная, пили с восторгом шипучку. Казаки поспали, у нас не вышло. За траву для лошадей взяли по 30 копеек вязанка, говорят, что сами возят издалека. Выехали в 7 часов 53 минуты¹. Вскоре после заката солнца ехать было отлично, при луне, прохладно, почти без оводов. Ехали со средней скоростью 7 верст в час, приехали в Чипейдзы в 12 часов. Расстояние, по-видимому, верст 28. Остановился за мостом у Кийтыка², страшно быстрая, желтая, глинистой воды <река>. Мост крепкий. По дороге немало ехали лесом: джигда, тамариски и еще деревья, которые в темноте не разобрать.

VI.24–25

24.VI. Чипейдзы. Ночь прошла хорошо, Манохин еще спит, я просыпался много раз. С утра уже с 7 часов в палатке страшно душно. День, очевидно, будет жаркий. Бедная лошадь, оводов масса. Купаться в реке невозможно, страшное течение, дно, очевидно, илистое, берега крутые. Впрочем, сарты купались, оказывается, только местами глубоко. Купили большого барана за 10 рублей. День очень жаркий. Молодежь смотрела базар. Ромберг рисовал, мы с Самуилом Мартыновичем лежали на берегу, казаки брились, Самуил Матынович стриг Горшкова. В палатках невыносимо душно. Наличие деревьев на дороге показывает, вероятно, на наличие близких грунтовых вод. Весь день промаялись на жаре. Лошади в дьяне. Вода положительно плохая, глинистая, трудно осаждающаяся. Чипейдзы состоит примерно из 10 дворов, здесь китайцы, дунгане, сарты; игра в нарды, курение опиума, ничего-не-делание, живут, очевидно, проезжающими. Ромберг снял две фотографии; впечатление тоскливое – прозябание без движения вперед. Нужны новые животворные силы. Кто придет? Китаец или европеец? Кийтык на карте изображен неверно.

[6]

Выезжаем опять в ночь.

25.VI. Выехали в 7 часов 57 минут. Приехали в Тхеуте к 12, вскоре дальше: верно версты 22: далее ехали до Шихо, куда приехали окончательно около 6^{1/2}. Были остановки из-за плохой дороги. В Шихо отличная вода, без соли, здесь купались, есть базар. Клевер свежий 1^{1/2} копейки (6 ермаков³). Отпустил 4 солдат, дал им по 8 полу-ланов (по 1 в день) и одному еще 1/2 лана за розыски Смирнова. Послал с ними письма консулу и амбаню. В Шихо послал телеграмму консулу. На телеграфе понимают только по-китайски, ужасно все там халатно.

VI.25–26–27

Купались очень хорошо. У Самуила Мартыновича болит кожа на голове, Манохин все также, у Михина голова болит от солнца. Сегодня проснулся в 4^{1/2} и была нервная *angoisse*⁴, борюсь с этим настроением волею, а то беда. Нельзя поддаваться. Дорога только в начале; несладко быть начальником даже при хорошей публике, а публика теперь очень симпатичная. У Вережкина болят глаза.

[6 об.]

Выехали из Шихо в 8 часов 20 минут. Приехали на Кийтын⁵ в 10 часов 25 минут. Застрял сразу Михин. 1^{1/2} часа на переправу. Разлив по сухой реке версты в 2. В Куйтун приехали к 2 часам и остановились в китайском дяне, очень приличном. Завтра трудный переход,

¹ Здесь вычеркнутая, но поддающаяся прочтению фраза: «почти без оводов».

² Кийтык – крупнейшая река хребта Боро-Хоро Тянь-Шаньской горной системы; течет по ложу, глубина которого превышает 300 м.

³ Ермаки – половинный номинал фэня, название предположительно происходит от *уйгур.* йерим – половина.

⁴ Тревога, беспокойство, нетерпение (*фр.*).

⁵ Написание данного топонима в дневнике С.Ф. Ольденбурга разнится: Кийтын, Куйтун. На русской 40-верстной карте южной пограничной полосы Азиатской России – Кийчын. Кийчын (холодная – *монг.*) известен и как наименование высшей точки горного массива Табдын-Богдо-ула (4374 м).

выйдем рано. Дорога местами плоха из-за арыков, но доступная для автомобиля, но уже Кий-тын серьезен. В дяне масса подписей, семьи Дьякова¹, врача Малышева. В дяне, несомненно, хорошее помещение, только мириады мух. Завидел с крыши коз, побежали Горшков и Биркенберг... С настроением давно справился.

27.VI. Ночевали в Куйтуне, ночь была теплая, все спали хорошо, но мне что-то не спалось. Разбудил всех в 4 часа, снаряжаемся. Вышли в 6 часов утра.

Вчера охота кончилась ничем. В Куйтуне колодец журавлем, в Куле просто спускают веревку и тащат. На пикете за Куйтуном отличный сруб (веревка и блок), казаки посчитали до 40 аршин глубины. Вода в колодце дяня очень недурна, только слегка сернистая. В пикете еще сильнее серниста. Пикет, куда прибыли в 8 часов, примерно в 12 верстах. Яйца здесь по 3 копейки. В Куйтуне за ночлег 2 лана (спр.² 1½), клевер 20 копеек. В 12 ч. арык у Яндрыхана³, большой деревни. Дальше по оазису верст 6 ужасны. Здесь дорога по воде и грязи. Казаки выбились из сил. День страшно жаркий, у трех вроде солнечного удара. То же, видимо, у Биркенберга и Смирнова. Расстояние примерно 28 верст.

[7]

VI.27–28–29

К вечеру оказалось, что Биркенберга нет. Я с Ромбергом и Горшковым поехал на поиски, условились с очень интеллигентным муллою Ашур Хяфизбаевым, как он сам себя назвал, что пошлет двух людей до Куйтуна, сами остались на ночь в Яндрыхане, чтобы, в случае неудачи посланных, поехать самим. Спали плохо, волновались, и одолевала муха и запах шкур. Вода сносная, лучше ужасной арычной и речной. Ночевали у муллы. Посланные нашли в арбе Виктора Сергеевича, у него вырвалась лошадь, на которую он взвалил орла. Он страшно измотался и изнервничался, дал посланным по 5 полу-лан. Мулле 5 лан за ночлег и хлопоты. Он записал приметы лошади и взял на себя хлопоты относительно ее розыска. Вернулся Виктор Сергеевич в 3 часа. Около 9 выехали (8 часов 40 минут) и прибыли по хорошей дороге при облачном небе в 12¼ в Санда-Хозе⁴ – примерно 22 версты. Пошел страшный дождь. Положено еще ночевать, чтобы не томить людей. Ночью здесь был дождь, в Яндрыхан – гроза. 28 – дневка в Санда-Хозе. Вода весьма средняя. Заболевание пяти лиц из двенадцати от жары заставляет меня предположить перемену плана – уделить месяц на Турфан для работы. Сообщил мысль, все довольны.

29.VI. Встали в 5 утра. Утро немного пасмурное. Скоро стали собираться. Оказался китаец, по-видимому, католик – образ католический, китайский и красный крест на стене. Более опрятный с виду и симпатичный, женатый. Показал написанное кем-то латинским шрифтом Tchou chao ii Santho-ho (Сандо-хозе?). Перед выездом собрал всех, сказал, что праздник, но что надо ехать, предложил Николаю Арсеньевичу как младшему прочесть «Отче наш». Выехали в 6 часов 58 минут. Дорога несколько верст вроде дороги из Яндыхая, вода.

[7 об.]

29–30.VI.

В 8 часов 25 минут подъехали к деревне (Уко-и?)⁵, в 9 часов 25 минут опять деревня. В 10 часов 10 минут интересная башня, в ограде, башня из обожженного кирпича, с одним отверстием;

¹ Дьяков, Алексей Алексеевич (1876–?) – российский дипломат, драгоман, секретарь и консул российских консульств в Кульдже (1902–1912) и Урумчи (1912–1917); см. выше очерк «А.А. Дьяков – русский консул в Синьцзяне: малоизвестные страницы жизни» в данном томе.

² Суть сокращения неясна, возможно, «спрашивали».

³ На русской 40-верстной карте южной пограничной полосы Азиатской России – Аньцзыхай.

⁴ Санда-Хозе (Сань-дао-хэ-цзы) – село в 15 дворов, в котором проживали китайцы, дунгане и сарты. См.: Васильев 1912: Маршрут № 4: 14.

⁵ Село У-ко-шу, близ которого имелись развалины большого селения на 100 дворов. См.: Васильев 1912: Маршрут № 4: 14.

толщина стен – 4 кирпича по 5 вершков = 20 вершков. Сейчас заимка Улан-усу. Купили редиски и китайского хлеба, вода, по-видимому, плохая. Выехали в 10½. Идем все мимо заимок китайских, ни жилых, ни заброшенных, как будто земля очень плодородна, но народу мало, народ тмен и ленив. Затем пошли камыши. Видели китайца, читавшего¹ и говорившего по-русски, ехал в Чугучак. В 12½ путь – камень, страшные ямы с вонючей серистой грязью, здесь раньше была гать. Здесь застряла китайская арба, которую при нас попытались вывезти на быках, но хуже завязли и начали разгружать. Мы проехали с трудом, на это пошел 1 час 10 минут, поехали в 1 час 40 минут, но через 10 минут застряли у новой ямы. Уехали в 2 часа 40 минут, в 3 часа 25 минут приехали к «Дуну» [...] деревней г. Шан-зы-хан². К Манасу приехали в 5¼. Старого дяня уже нет, он стоит в развалинах, почему брошен, не знаем. Арба «казенная» ехать не захотела, ночуем на берегу. Великолепный вид на Богдо-улу³. Горшков поехал за фуражом.

30.VI. Встали в 5 часов. Никакой арбы нет. Солнце давно на небе. Одна лошадь заболела – надо лечить, резать, никто не умеет. Вообще казаки не очень обучены многому.

Вода в Манасе сносная. Смирнов и Биркенберг купили вчера хороших грецких орехов по 20 копеек фунт и скверный сухой изюм, и урюк тоже за 20 копеек фунт. Отсутствие хорошего переводчика очень дает себя знать. Лошадь полечили, ей лучше.

В 7 часов 5 минут начался переезд через Манас, арба ходила 7 раз, удивительно толковый, но и сердитый китаец-переводчик. Переправа кончилась в 12 часов. Вещи вновь загрузили, что заняло, в общем, под присмотром Самуила Мартыновича только 2 часа. Выехали в 2 ч. ¼, в 2¾ начались манасские деревни и затем сам Манас. Большой базар. Искали около часа ключ, затем решили остановиться в городе у реки, вода сносная. Купили сала, капусты, огурцов, орехов, дали дынь, но я не дал их пока есть. У Самуила Мартыновича лихорадка, он принял два раза хину. Решили встать в 7 часов.

[8]

1.VII. Встали в 6 часов, вышли в 7¼. В Тухуху, где арык, в 1¼. До Сан-со дзы (?)⁴, где из-за очень уставших лошадей пришлось остановиться, вода колодезная, чуть-чуть серная, но хорошая, есть арыки для лошадей и клевер 16 копеек сноп, 3 копейки яйца. Дорога трудная из-за разлившихся речек и арыков. Проехали около 40 верст. Купили барана за 5 лан ½. Гороховый суп прогорк, что почувствовалось потом, очевидно, нельзя брать – прокиснет при значительной жаре. Самуил Мартынович принял салитуину⁵ 5 грамм и чай с коньяком – ему лучше. У Веревкина болит рука – тоже чирей, как оказалось на ноге у Манохина. Поставили две палатки, казаки не захотели себе ставить.

2.VII. Ночью страшный ветер, рвало палатки, немного шел и дождь. Утром казаки отрицали дождь – проехали его, не заметив! У лошадей только клевер, нет ячменя, как-то не везут. До Урумчи с лишком 80 верст. Желательно дойти завтра. Утро пасмурное, много туч. Недалеко от нас рисовые поля. Поражает всюду масса брошенных жилищ, даже деревень. Не причина ли этому военные действия во время революций? Уже с Чугучака почти не видно верблюжьих караванов, торговля арбяная, и то, как будто, не очень интенсивная, возчики, как будто, больше дунгане. Здесь между последними деревнями почти пустыня, и деревни начинают носить характер оазисов. Местность

¹ В оригинале читается «читающего».

² Здесь в рукописи вычеркнуто: «Отсюда выехали, купив редиску и скверный китайский хлеб. Выехали в 3.45».

³ Богдо-ула – самая высокая вершина хребта Богдо-ула в Восточном Тянь-Шане, Китай; разделяет Турфанскую впадину и Джунгарскую равнину. Высота – 5 445 м.

⁴ Очевидно, вариант названия селения Ту-гу-ли. Села Сан-со-цзы в русских военных маршрутных описаниях путей на Урумчи не встречается. После г. Манаса караваны традиционно останавливались в селении Ту-гу-ли, где имелось два постоянных двора и источники хорошей воды. Расстояние от Манаса до Ту-гу-ли – 31 верста. См.: Васильев 1912: Маршрут № 4: 18–21.

⁵ Лекарство, по составу то же, что *Aurum hydrochloratum*, *Aurum hydrochloricum*, *Aurum muriaticum*, *Aurum salitum*.

[8 об.]

очень [2.VII–3.VII] окитаена. Сарты почти всюду здесь говорят по-китайски, с деньгами все затруднения, верят только русским деньгам, которых у нас уже нет, и не любят китайское серебро, которое иногда даже вешают. Крестьян трудно убедить, что лан выше рубля.

2.VII. Встали в 5 часов. Выехали в 8¼. В 9 часов 10 минут деревня, здесь остатки какого-то строения с высокой подставкой из крупной круглой гальки. Запись не удалось вести, надо было наблюдать за телегами при переправе через три реки, с глубокой местами водой (дождь). Люди и лошади измучились. В 1 час 35 минут – старый дьянь. 1 час 40 минут – дун. Вообще дорога трудная из-за воды. У реки¹ нас встретил джигит консульства Музаффар с любезным письмом от Дьякова (Алексея Алексеевича), приглашает в консульство. Переход через речки очень затруднительный для телег, верховым легок. Нам приготовлен ужин и ночлег у «китайского аксакала» – сарта. Дорога до Хутуба² – 14, затем до Джунгарской крепости³ – крюк 20 верст, потом до рек – 14. Затем 2 версты реками и еще 4 версты до Цхан-дзе⁴. Всего 54 версты. Хороший ночлег, у С.М., к сожалению, кровь в выделениях, он боится дизентерии. Веревкин как будто лучше, но все-таки неважно.

3.VII. Спали отлично во дворе. Плов, говорят, был отличный. Дом хороший – смесь между сартским и русским (окна). [...] ханэ отличное, но туземного типа. Казаки рядом в помещении хорошо. Встали в 5 часов, но провозятся, очевидно, немало. Написал Дьякову. Утром ели баранину и чай, я только 2 яйца и чай. Лошадям даны отруби. Дорога до реки вчера шла сплошной аллеей, вокруг поля. Выехали в 8.30. Около 2 часов, за 8 верст до Урумчи, встретил консул А.А. Дьяков с казаками. Жить будем в консульстве. Ветер от Цхан-дзе, где вода сносная (колодезь). До Урумчи примерно 33 версты. Дорога недурная ближе к Урумчи.

[9]

VII.3–4–5–6

Дорога очень красивая, легким косогором. А.А. Дьяков <говорит>, что лето к северу от Тянь-Шаня исключительно дождливое и холодное, зато, говорят, в Турфане лето исключительно жаркое, так что даже умирают от жары. Понятно теперь, почему путь был так труден, если год исключительный.

4.VII. Вызывал Чанышева и Мамлеева. Придется брать серебро в ямбах, потому что тезы⁵ только до Хами. С перевозчиком пока не налаживается. Мамлеев рассказал, как в Астане разбойники пришли в 9 часов вечера в дом Мумида Джиса и взяли его, ничего с ними не могли поделаться, они увели его в горы. Пришли китайские солдаты, за Джису давали выкуп, но некоторые люди требовали его смерти. Кончилось тем, что его пристрелили. Разбойники убежали в горы, а каких-то людей (я никак не могу понять кого) схватили и казнили – головы их были публично вывешены (фотографии у А.А. Дьякова). Случилось это в Агурьме, и Мамлеев говорит, что лично видел и китайские войска, и попытку отбить Джису.

С перевозчиком Якуб-джаном, привезенным Мамлеевым, не ладится, он хочет 100 рублей и как будто ехать не хочет. Я даю 40 рублей.

¹ Река Хутубихэ (Хутуби-уэнь), которая на 23–24-й версте от селения Ту-гу-ли разбивалась на семь рукавов, имевших глубину до 1,5 метров и быстрое течение.

² Ху-ту-би – небольшой город (250 дворов), расположенный на равнине и окруженный сетью арыков. См.: Васильев 1912: Маршрут № 4: 22.

³ В маршрутном описании Генерального штаба подполковника А.А. Васильева отмечается, что близ дороги находился широкий овраг, вдоль кромки которого на протяжении 250 метров имелись крепостные стены высотой в 4 метра. См.: Васильев 1912: Маршрут № 4: 24.

⁴ Точнее – Чан-ци. Расстояние от Ху-ту-би до Чан-ци – 32,5 версты.

⁵ Точнее – тецзы (*кит.* 帖子) – казначейское обязательство, кредитный билет. В республиканский период в Синьцзяне наравне с традиционными металлическими деньгами имели хождение и кредитные билеты, которые могли эмитироваться как провинциальными, так и окружными властями.

5.VII. Посетили père François Hoogers¹ и Mr. Tudhope², начальника почты в Синь-цзяне, симпатичного шотландца, молодого. Оба мрачно смотрят на китайскую разруху, ждут дальнейших революций. Очень симпатичные.

Что-то тело начинает лихорадить, принял хины, большая вялость и слабость, которую трудно превозмочь. На понедельник приведут лошадей.

6.VII. Утром художник рисовал Валентину Евгеньевну Дьякову³. Hoogers и Tudhope отдали мне визит.

Утром читали всем главу Евангелия, затем Николай Арсеньевич прочитал «Отче наш». Посетил дуду, бывший богатей в Аксу, которого я немного знал в прошлый приезд. Вяло и скучно. Были и у комиссара по иностранным сношениям, у него удивительно чисто и хорошо в Ямыне, подражает русским. Вечером опять хину, приняли и все, слабость очень большая, пренеприятно.

[9 об.]

7.VII. Купили лошадей за 840 рублей. 60 рублей, которые дали за две ослабевшие лошади, купили у Кряжева, русского торговца.

Уехал старый начальник конвоя Николая Павловича⁴. Отправлял телеграммы, мелкие чиновники ничего не понимают по-английски, пришел новый начальник телеграфа, говорит очень плохо, но понять его английский можно. Пишу в Комитет⁵ о пути. В горы поехал Музаффар за Ахмеджаном⁶, увидим, уговорит ли? Только что был Чанышев⁷, меняю у него серебро, только 3000 лан за 4350 рублей и покупаю на 315 рублей 500 лан бумажками. Следующие 3000 лан будут в октябре, когда Чанышев пошлет деньги в Дун-хуан.

8. Тоскливейший обед и дуду, бедные консул и консульша, как и им должно быть скучно с китайцами. Начали укладываться.

9. Принесли деньги 3004 лан 77 ф. = 4357 р. 05 к. + 500 л. тезами = 312 р. 50 к. Обмен ямбового серебра 1 лан = 1 рубль 45 копеек. Лихорадит.

10. Ахмед-джан согласился. А.А. сообщил маршрут до Хами. Верно, 19–20 переходов, многовато. Утром в 5 часов вышел, застал дневального Горбунова спящим. Сделал громкий выговор, затем проборку Горшкову. Продолжает лихорадить. Калькируют план Дун-хуана, чтоб было 5 экземпляров.

Мулла прислал письмо насчет лошади, спросим аксакала.

VII.10–12

Лошадь уже больше 10 дней у аксакала, будто потрава на 10 лан у дунган. Спрашивает указания. Придется лошадь продать, когда приведут; просили аксакала. Шел дождь, и была

[10]

¹ Хоогерс, Франс (Hoogers, Frans; ?–1937) в феврале 1892 г. прибыл вместе с братом-близнецом Жозефом с миссионерской миссией в Восточный Туркестан и покинул его в 1922 г. (Gorissen 2003: 327–339). Имя Франсуа было, возможно, дано ему вслед за святым Франсуа Ксавье (Francisco Javier, урожд. Francisco de Jasso y Azpilicueta; 1506–1552) – миссионером, проповедовавшим учение Христа в Центральной Азии и на Дальнем Востоке.

² Тадхоуп, Джордж (Tudhope, George; ?–?) – шотландец по происхождению, комиссар почт Синьцзянской провинции (1912–1918).

³ Имеется в виду супруга А.А. Дьякова.

⁴ Отождествление данной фигуры вызывает определенные сложности. Возможно, в данном случае следует исправить текст и читать вместо «Николая Павловича» «Николай Павлович». В таком случае здесь может иметься в виду хорунжий Николай Павлович Солнцев (1892 – после 1957) – обер-офицер 1-го Сибирского казачьего полка, занимавший должность начальника консульского конвоя при российском императорском консульстве в Урумчи и сдавший должность в период нахождения Ольденбурга в консульстве. Отождествление начальника конвоя с Н.П. Солнцевым заставляет предполагать, что под словом «старый» здесь имеется в виду «прежний».

⁵ Имеется в виду Русский комитет (РКСВА).

⁶ Ахмед-Джан Глеужанов (?–?) – проводник экспедиции С.Ф. Ольденбурга. Упоминается также ниже.

⁷ Чанышев, Рамазан (?–?) – крупный российский торговец татарского происхождения, владелец торгового дома «Рамазан Чанышев с племянниками».

гроза, ближе к вечеру. Продолжается дождь. Страшно сильно чувствуется большая нервность и напряженность.

Принесли от Чанышева 3018 л. 47 ф. = 4376 рублей 78 копеек и еще 160 лан тезами = 100 рублей (марок на 22 лан 47 ф.). Чанышев, может быть, не пошлет в октябре.

Нанят по 60 рублей перевозчиком Ахмед-Джан Тлеужанов, личная рекомендация консула, он очень молчалив, но, говорят, расторопен и честен. Вид у него мрачный, но он мне скорее нравится.

11.VII. Дневальными были Михин и Манохин, последний проверен в 5 часов, на месте. Дано Ахмед-Джану вперед 100 рублей. Куплено сукно для двух дифангуаней¹ и духи. Прощался с миссионерами и почтовым начальником, последний прислал список станков до Анси с примечаниями и письма для почты, замечательно мил и предупредителен. Миссионер сказал мне, что сочинение фактов о Синь-цзяне, относительно которого дуду мне сказал, что оно не окончено и не вышло, кончено, и экземпляры его разосланы самим луду по всем ямыням. Миссионер обещал поискать экземпляр, можно, по-видимому, иметь за 50 бумажных лан, книга объемистая и, говорят, хорошая. Прощальный ужин у консула. Самуил Мартынович, Борис Федорович и Николай Арсеньевич купались. Прощались с командиром конвоя, он горячо любит службу, немного самоуверенности и хорошего молодого задора, симпатичный.

12.VII. День выезда. Встали в 5½, казаки уже в 5 часов. Остальная публика – между 6 и 7. Выехали торжественно около 10½, телеги в 11 часов. Тройка заартачилась, чуть не разбила телеги Гомонова, впрягли другую и поехали; в палатки всю [...] миссионер и англичанин обмен речей. Выехали в 11 часов. Дано на конвой 25 рублей, 25 рублей Музаффару и 10 рублей фельдшеру, повару, казаку-денщику, 6 рублей кучеру. За шнурок джигиту 3 рубля. Проводы сердечные, хорошие. Ехали до первого ключа 20 минут. До Арасаны 40 минут, считают 20 минут, затем дорога все время живописной долиной реки, перед Арсаном (темными ключами) масса ключей. Около Арасана масса мельниц и монетный двор с башней (старой). Вдоль берега масса дико выветренных скал, дорога идет по брекчии². До Гумиди еще две китайские деревни и все время по бокам обработанные поля. Дошли до Гумиди в 3½ часа. От палатки (11–2½), по-моему, 21 верста, считают 40 ли³. Располагаемся на берегу речки до деревни, купили огурцы (4 ушака), раньше купили 4 арбуза за 1 лан 20 фэнь⁴; почти спелые. У Арасана громадное скопище народа, театр у мяо привлек толпу, здесь, в Гумиди, на нас глазуют китайцы большою толпою, очень добродушно. Николай Арсеньевич избран квартир- и провиантмейстером, очень хорошо справляется. Дивный вид на Богдо-улу. Здесь уже все китайское, турецкий (сартский) элемент почти совершенно отсутствует. Очевидно, китайская колонизация делает все дело. Перед самым нашим отъездом пришла в Урумчи почта, мы ее можем получить только в Гучене.

13.VII. Воскресенье. Вчера вечером расклеился Горшков, страшная головная боль, и Вережкин – рвота и расстройство желудка. Первому – цитрованилин и на голову огуречные шкурки, второму – опий. К утру Вережкин хорошо, а Горшков средне. Встали в 5 часов утра, я совершенно почти не [VII.13–14] спал всю ночь. Слышал, как арбы шли мимо, как стреляли, по-видимому, на баштанах, как Вережкин кого-то окликал. Ночь тянулась длинная. Складывают палатки быстро. Хотим дойти до Фукана. Встали в 5 часов, вышли в 8½, потому что больше получаса провозились с заартачившейся лошадей (бывшею Самуила Мартыновича). Черда дороги по населенным местам с деревьями и полями, низкие полые холмы, среди которых расположен китайский

дьянь у сухой в наше посещение речки. Далее пошла пустынная местность, покрытая главным образом полынью. 1) На половине с лишним пути чайхана китайская (50 ли = 20 верст), где хорошая, хоть и слегка солоноватая, вода, напились чаю, купили хорошие яйца вкрутую и тут же съели по два на всех (по 6 ермаков). Дали за угощение 1 лан. Пробыли час. 2) Далее опять очень низкие холмы и длинная дорога по оазису. Приехали в 3½. Не могли сразу вырешить место стоянки. Наконец, остановились за городом повыше у арыка. Купили ягненка, капусты, арбузов. Жареное мясо в 9 ч. Турка¹ около 11 ч. Казаки устали очень, некоторые легли без ужина. Ночью сильный ветер и дождь. Казаки палатки себе не поставили, спали под возами.

14.VII. Дождь, решил остаться на день из-за лошадей, которым нельзя ехать в дождь, чтобы не намять плеч; у нас сейчас сбита немного спина у моей, Самуила Мартыновича, хромает Вережкина лошадь, мокрецы² у <лошади> Николая Арсеньевича и одной упряжной. У моей, оказывается, старое (с тем она куплена в Чугучаке), неделю не придется ехать на ней.

1) раньше холмов, называется место Кинча-фу³. Туда приехали в 12 часов.

VII.14–15

День из-за дождя провели в палатке, в бездействии, в разговорах, немного писали письма. К вечеру пошли все пройтись в сторону гор, но не дошли версты 4–5 в маленьком китайское или дунганское маленькое кладбище (сфотографировано)⁴. Впереди посередине маленький храм или алтарь, на нем надпись в 4 иероглифа (эстампировано); все, видимо, новое. Погребальные бугорки низенькие, спереди устроено из камней вроде маленьких ворот, миниатюрных (так лежат камни), выше по ложку еще могилы. Ближе к городу по обе стороны арыка два довольно больших кладбища, одно по крайней мере, наверное, мусульманское с большой надгробной башенкой; удивительное разнообразие этих могильных надгробий. Интересно знать, откуда заимствуются формы. Кладбища всегда близко к деревне или городу, около дороги, чтобы проезжающие могли помолиться. Где бы узнать что-нибудь основательное о китайских или мусульманских погребениях.

15.VII. Красный, красивый закат, проясняется. Ночь была тихая, видна была луна, но не было звезд, облачно. Проснулся в 4 часа. Все спят, кроме дневального и лошадей, облачно, но сухо и на дождь не похоже. К северу ясно видно холмы, на карте к северу от Фукана болото, а за ним уже пески; неужели это видны барханы? Похоже на гряду холмов (в бинокль). Хотим выступить часов в 9. Клеверу много, брали по 10 фэней. Арбузы недурные по 30 ф., дороговато. Выехали в 9 часов 10 минут. Дорога ужасная, сперва по оазису, потом широкий конец оазиса 12 часов. В 1¼ приехали в дьянь Да-Чуань. Съели яйца, арбузы, кое-кто из казаков еще и чай (за яйца и чай 1 лан). И в 1 час 55 минут – дальше. Дорога – чистый шор⁵, по которому еле двигаются, ноги скользят, нет упора, пробились так 5 верст, Горшков доложил, что возы не могут идти дальше, лошади не идут, выбились из сил. Решили остаться тут, подыскав сухое место. У самой остановки в яме опрокинулся воз Манохина (палатки, инструменты, фотография). Казаки сейчас кинулись в воду и вытащили (раньше недалеко от Фукана завяз воз Горбунова, который тоже пришлось казакам вытаскивать). Проехали всего версты 22 (примерно 16–17 до Да-чуаня и 5 после). Нам пришлось не совсем хорошо, когда мы впятером ехали верхом, попали в мягкий «кара-шор», лошади стали увязать, некоторые по брюхо, испугались; слава Богу, выскочили на дорогу; кара-шор мог и очень глубоко завязать. Послали

¹ Здесь имеется в виду турка кофе.

² Мелкое насекомое, промежуточные хозяева онхоцерков (гельминтов, возбудитель речной слепоты) лошади.

³ На русской 40-верстной карте южной пограничной полосы Азиатской России – Ганчан-фу.

⁴ Так в рукописи; очевидно, в построении фразы имеются погрешности.

⁵ Шор, по определению С.М. Дудина (Дудин 1916: 6), – солончак с примесью большого количества перегноя от опавшей листвы кустарников (тамариска и саксаула) и травы.

[10 об.]

[11]

[12]

Горшкова и Ахмед-джана в деревеньку в сторону гор, около 2 верст отсюда. Привезли барашка (4 лана), с ними приехал живущий в деревне русский подданный сарт, привезший в дар 45 яиц, дали ему русскую трехрублевку. Деревня Ту-дун. Дивный вид на Богдо-улу при луне и звездах. Близ стоянки арык, лошади пущены на подножный корм. Начал лекции о буддизме и буддийском искусстве.

16.VII. Проснулся в 4. Дивный вид на Богдо-улу. Все стали вставать около 6 часов. Новых заболеваний пока, слава Богу, нет. Выехали в 8½, дорога сперва, шором, ужасная, потом ничего себе, легкий подъем. В Дзы-пи-чуань приехали в 11½, примерно 18 верст. Выехали в 12 часов 23 минуты, приехали на стоянку у большого арыка в 2 часа, примерно 7 верст, итого переход в 25 верст; не решился ехать дальше 32 версты. Вода превосходная в большом арыке, чуть-чуть мутная. Мимо проезжали хамийский дифан-гуань к Урумчи и телеграфный чиновник, второй говорит немного по-английски, с мальчиком. Послал джигита к дифан-гуаню, но тот уже уезжал, сказал, что в Гучене есть о нас телеграмма дуду, ехал 15 дней дифан-гуань, говорит, что за Мулейю до Тогучи нет совсем кормов, как быть, не взять ли арбу с провиантом? Купались в арыке, отличное купание. Виктор Сергеевич ушел на охоту, Горшков и Ахмед-джан поехали за клевером; казаки готовят пельмени. Чудный день, не жаркий и не холодный. Вид на горы отсюда замечательный. Близ стоянки современные развалины. Названия карты Нарит, Куренгу, Син-тара никто не знает, может быть, это старые, прежние названия, теперь пришлое дунганское, китайское население. Виктор Сергеевич застрелил утку и зайца, но их не ели. Ночью молодые люди убили у себя в палатке фалангу, Самуил Мартынович очень волновался этим в виду ядовитости фаланг. Нашли вторую фалангу.

[12 об.]

17.VII. Проснулся в 3½, не спал более, но лежал до 5¼. Утро великолепное, но есть тучки. Все встали в 6 часов. Горы утром дивные, холодные. Выступили в 8 часов 20 минут. Верст через 5 нашли разоренное мяо, заинтересовавшее Самуила Мартыновича. По-моему, новое и не буддийское – три сидящие статуи, следы пожара. Затем дорога через некоторое время подходит к холмам. Дянь, где ели дыни, данные нам проезжей китайской, хорошо одетой, семьей. Их сняли с их согласия. Постепенно дорога идет холмами, появляется вода и деревья, начинается оазис Сан-тай¹. Вскоре поели, начало оазиса, развалины города, разоренного при дунганском восстании. Грустные впечатления от этих свежих развалин, около отличной речки, среди великолепных деревьев. Борис Федорович взял кончики двух черепиц с крыши со стилизованной львиной головой. Затем Сан-тай, в начале которого тянется базар, бедный, нет даже арбузов, только дыни и огурцы. Много сартов. Николаю Арсеньевичу сказали, что ему Ахмед назвал разоренный город Фу-тай-шин, [VII.17–18] потому что будто бы там жила фу-тай² (сомнительно), здесь любопытных тоже немало. Есть несколько монголов, у одного круглое серебряное гау³ с Дзонхавой⁴ (позолоченный, глиняный), в другом четырехугольном, тоже серебряном, тибетская молитва с Ом посередине, другой гау не показал. Один знал «Господи, помилуй», другой сказал «лузье (ружье)», глядя на револьвер. До Сантая от стоянки примерно 31 верста, от Цзинишуана – 38 верст примерно. Остановились недалеко от хорошего арыка. Вода отличная. Решено встать раньше, легли в начале 11-го. Завтра в Ци-ми-сар⁵.

[13]

¹ Правильно Сань-Чай.

² Футай (кит. 抚台) – в цинском Китае губернатор провинции.

³ Гау (тиб. ga'u) – реликварий, футляр для хранения святынь; см.: Елихина 2015: 470–475. Кат. 332–338.

⁴ Дже Цонкапа (встречаются многочисленные иные написания; 1357–1419) – тибетский религиозный деятель, реформатор тибетского буддизма, основатель школы гелуг, наиболее многочисленной и влиятельной в Тибете и соседних странах.

⁵ Ци-ми-сар (совр. Цзимусаэр / Джимасар) – уезд и административный центр в САОР.

18.VII. Проснулся около 4, скоро встал, в 5 с небольшим встала вся публика. Утро великолепное, горы дивные. Вышли в 7 часов 18 минут. По оазису шли до 9 часов 50 минут, с небольшой остановкой в 1 час 10 минут один раз (глубоко завяз воз) и около 20 минут другой раз (опрокинулся воз). В 7 часов 50 минут деревня Угэн-иол (сомнительное название). В 11 часов дянь со сносною, слегка солоноватою водою; деревенька эта, Сан-са-хоу-дзы, частью разрушена и заброшена. В Ци-ми-сар приехали в 12 часов 55 минут. По-видимому, 28 верст всего (8 оазис + 6 до дяня, потом 14 верст) = 70 ли. Стали перед городом у речки с отличной водою, через нее мост. В городе маленький базар, видел чанышевского приказчика, который говорит немного по-русски. Поехали в Цянь-фо-дзы, версты 3 на холмах. Говорят, что китаец случайно отрыл лежащую статую Будды, потом построили мяо; теперь туда отличная дорога, недавно устроенная. По дороге по случаю бывшего праздника на высоких шестах красные матерчатые фонари, с чирагами¹ внутри, у входа в лошину два столба типа ямыньских², слева [VII.18–19] маленькое кладбище. По лугу течет ручеек, из ключа сверху. Домик новый, шло театральное представление. Встретили по дороге монаха с узловатою палкой, как часто изображается на образах. До верха от города версты 3. Монаха повели внутрь; в пещере на задней стороне столба громадный Будда в обычной позе; по-видимому, глина, лакированная бронзовым лаком, глаза – открытые, из какой-то массы. По стенам масса Будд, прикрепленных к кольшкам, сидящих и стоящих, на облаках и на лотосах, раскрашенные. Ближе к выходу из пещеры в нишах архаты³ хорошей, интересной работы, сантиметров 40–50 высотой. Впереди в храме новые статуи: Алмазнопрестольный, разные Будды, Avalokiteśvara (грустный). Впереди перед балкончиком две статуи: одна – Махарджа⁴, другая занесла правой рукой меч, в левой держит красную дощечку с нарисованным глазом. Храм посещается и монголами. Хошаны⁵ в синем и в черных шапках, вид более интеллигентный, чем у толпы. В пещере монах показал место против головы Будды, замурованное, за этим еще пещера, почему замуровали, не удалось выяснить, и что в ней, неясно.

[13 об.]

Вернулись скоро после 6 часов. Гроза, но без дождя. На базаре отличные яблоки, виноград, дыни и отвратительные арбузы. Завтра в Гучен, [VII.18–19–20] пишем потому письма. Встали в 5½, выехали в 8 часов 22 минуты. 9 часов 50 минут – дянь, 11 часов 19 минут – деревенька, дянь Да-чуань, вода сносная, хотя немного сернистая. Решили ехать быстро в Гучен на почту, ехали вчетвером (без Самуила Мартыновича) с Ахмед-джаном. Приехали в 2 часа в Гучен, дорога – прекрасная, по бокам густой чий⁶ и большие болота. Ли 20 от Ди-чуаня крошечный дянь Сё-гун. Гучен – большой город, уступит только Урумчи. Начали с почты, пакет у аксакала, который поступил в наше ведение на эти дни, он поедет и в Мулихо⁷. Оказался здесь не только ди-фан-гуань, но и дао-тай⁸, как-то вышло неловко с ним, обменялись карточками. Завтра будет ди-фан-гуань. Прислали барана, клевера, дров – придется отдаривать.

[14]

20.VII. Ночь опять не спал, лаяли без перерыва собаки, из города часто музыка, выстрелы. Посланному ди-фан-гуаня – 4 лана, вообще будет дорого в Гучене. Остановились

¹ Чираг – разновидность поливного светильника с длинным носиком.

² Ямэнь (кит. 衙门) – присутственное место, резиденция чиновника.

³ Архат (санскр. – достойный) – в буддизме человек, познавший истину и достигший нирваны.

⁴ Очевидно, ошибка, правильно – махараджа – (санскр.) «великий царь».

⁵ Странники буддизма Хэшана Махаяны (VIII в.), распространенного в Китае и Монголии и вытесненного из Тибета.

⁶ Чий – киргизское название пустынного растения, иначе – дыресун, дырису (монг.) (*Lasiagrostis splendens*); подробно описан Н.М. Пржевальским; см.: Пржевальский 1883: 5; см. также: Кожевникова 2013: 242–243.

⁷ На русской 40-верстной карте южной пограничной полосы Азиатской России – Му-ли-хе.

⁸ Даотай (кит. 道台) – губернатор округа в провинции Синьцзян.

на казенной мельнице, на отличной воде. Ночуем на площадке для тамаша¹ и т. п. под навесом. Для ди-фан-гуаня ковры, стулья и т. д. привезет аксакал. Вчера был и китайский аксакал-шанью². Как-то устроимся дальше с путем и кормами? С утра небо хмурое и ветер; только бы не было дождя. Будут ковать лошадей, оттого дневка. Веревкинская лошадь нехорошо.

Был ди-фан-гуань, маленький выносливый человечек, он обещал написать, чтобы на 3 станка до Мулихо было по 300 джин³ клеверу. Прислал подарки, отдали сукном и духами. Увидим, что выйдет из обещания – дао-тай пошлет солдат. Ди-фан-гуань сидел долго. Потом были русские подданные – купцы с виноградом, арбузами, говорил с ними. [VII.20] Дороги на Хами не знают. Купался: вода и для питья и для купания отличная, вообще с Урумчи мы избалованы водою. Вечером отправил заказное письмо консулу с 20 письмами и телеграммы Николая Арсеньевича и Ромберга. Телеграф испорчен, «через два дня будет» – тон домашний, пять человек сидят, маленькая девочка девяти лет chung-wou⁴; делать им нечего, так как телеграф в сторону Урумчи испорчен, сидят, болтают. Легли рано.

21.VII. Спали хорошо, сыро, накрапывает дождик. Выехали в 8½. Дорога отличная, дождь временами. За городом, верстах в 4 (?), речка с мостом. Дорога отличная, местами каменистая, в 11 часов 10 минут приехали в Сышилипу, колодезь с приличною водою, в 11 часов 56 минут дальше, приехали в Читэй-сянь в 2 часа 20 минут. До Сышилипу считают 50 ли, всего 90; по-моему, не более 32–34 верст. Здесь достали все: и корма и т. п. Виноград по 15 фэнь за джин. Клевер? Веревкина весь день тошнит и желудок плох. Ехал в колясочке аксакала, дал по приезде опий и цитрованилин, узнал конфиденциально, что он курит анашу. Надо к этому подойти, но осторожно, наших молодых людей тоже что-то познобило и пятеро получили хины.

22.VII. Дождь льет всю ночь, мелкий, только изредка крупный, все кругом мокро и дорога неважна. Проснулся в 4 часа, встал в 5. Веревкин спит, молодежь молодцами, встали без 10 минут 6 часов. Дождь покрывает, мы в бурках. Выехали в 8¾. В 10½ деревня Ши-дзар⁵ (р сильно картовое). Въезд в холмы в 2 часа. До холмов местность сперва населенная, потом чиевая равнина, на которой масса пасутся верблюды, их готовят к осенним и зимним караванам. Холмами хорошая дорога только местами. Значительная часть склонов холмов под пшеницей, отлично вспаханы; пшеница уже зреет; тут нет [22.VII–23] арыков, очевидно, довольно и дождевой влаги. Спуск к Мулихе (или -хо) довольно крутой, к спуску в 2¾. Открывается вид на реку, текущую по камням среди широкого ложа, берега лесовые, крутые. Мы расположились у берега, хотя русские подданные приготовили палатку для встречи, но далеко от базара; привезли, все-таки, кумыс. Аксакал огорчен, присланы сторожевые китайцы и карточка местного начальства (маленькая – нового типа). Обещано, что послано извещение на три станка. Договариваемся относительно двух арб: 200 снопов и 35 пудов фуража и по 7 лат в день за арбу, недешево, хозяин – китаец. Опять накрапывает временами дождик. Легли рано, около 9 часов. 30–32 версты.

23.VII. Ночью, или, вернее, рано утром, <в> 4 часа 29 минут было легкое землетрясение, кровать моя качалась в несколько приемов, длилось около ½ минуты, заметили еще: дежурный Манохин, разводивший огонь, у него щепки рассыпались и он видел, как качались телеги, сразу понял, что землетрясение; сидевший с ним рядом на корточках китаец упал на спину и, видимо, испугался. Колебание постелей чувствовали Дудин, Ромберг, Смирнов. Казаки и Биркенберг проспали, никаких видимых последствий не видно. Удивительно, что лошади

¹ Тамаша – *тюрк.* праздник, народное гуляние.

² Очевидно, искаженное от сянюэ (*кит.* 乡约) – аксакал, сельский старшина в Синьцзяне в цинский и республиканский периоды.

³ Искаженное от цзинь (*кит.* 斤) – старая китайская мера веса, равная 0.5 кг.

⁴ Очевидно, имя собственное.

⁵ На русской 40-верстной карте южной пограничной полосы Азиатской России – Ши-цзы-эр.

не испугались совершенно и стояли смирно. Утро холодное, кропил дождь, но к 6 начало разгуливаться. Выехали в 8 часов 40 минут. Горшков, Ахмед-джан и китаец остались по фуражному делу. Я обещал аксакалу хлопотать о награде. В 10 часов 52 минуты – дьянь, вода чистая, но солоноватая, в 12.15 – ручеек с хорошей водой, затем крутой подъем. В 11.50 до 12.25 – остановка лошадей, которые отлично идут; дорога все долинками и холмами, вроде террас; спуски и подъемы, дорога прекрасная, твердая, дождя нет, тепло, но не жарко. В 2 часа 50 минут приехали в Санго-чуань-изе, здесь, действительно, 3 колодца⁶, вода сносная; лежит в долинке несколько строений: два мяо, одно – старое, закоптелое и почти загаженное, другое лучше. Ма-ван-мяо⁷. [VII.23–25] В старом и новом роспись, интересная. Сцены.

В 4 часа 21 минуту почувствовали землетрясение в течение 10–15 секунд. Мы внизу очень слабо, точно качнуло несколько раз с запада на восток, Борис Федорович⁸ и Виктор Сергеевич, бывшие на горке, слышали гул, и при них колокол качнуло с запада на восток чуть-чуть, здание немного зашаталось, скрипели двери. Казаки ничего не заметили. Горшков и Ахмед-джан приехали в восьмом часу; выехав в 8 часов с арбами, арбы пришли между 12 и 1. Луна великолепная, местность красиво освещена. Здесь масса дикого чеснока, который сильно пахнет. Дополняю немного к описанию Мулихе. Другое русло реки, по которому она и течет с сильным шумом, проходит через город, и на нем мост, берега крутые, лес, выше города кирпичный завод. Отпустили гученских даотайских, дадено по 2 лана.

Дивный вид на Богдо-улу.

24.VII. Проснулся в 3½. Встал в 4½, великолепное утро, немного свежее. Именины Бориса Федоровича. Выступаем в 8 часов 7 минут, в 10 часов 50 минут остановка на 10 минут, еще раз стояли 7 минут, а то все ехали, приехали в 4 часа, расстояние, вероятно, 45 верст. Телеги шли хорошо. Местность все спуски и подъемы, теперь уже вошли в низкие горы. 12 часов 50 минут. Да-ши-ту в маленькой долинке с ручейком; солоноватый и мутноватый, но пить можно. Два дьяня, импань⁹, мяо, недалеко от него несколько деревцев в ограде. Стадо коров и яков, и есть овцы и козлы. Клеверу не оказалось, зато, к счастью, подножный корм лошадям есть, их отправили на ночь с 4 казаками. Ходили мы на гору вчетвером, видели явно хорошо Богдо-улу, вид далекий, взошла луна. Горшков и Ахмед-джан поехали за баранами (по 6 лан), привезли от китайца великолепного кумыса. Легли в 10-ом часу. Ночь холодная и сырая.

25.VII. Встали в 6 часов. Молодежь еще до 5 ушли на горы. Выехали в 7.45, утро великолепное; дорога идет все горами, [VII.25–27] сначала ряд подъемов, трудных для лошадей, затем спуск крутой (с тормозами), на 17-ой версте великолепный источник у развалин и скоро затем отделяется налево дорога на Баркуль. Дикие горы, любопытный длинный и довольно крутой спуск, перевал и скоро за ним импань, дьянь, в долинке, за импанью, начинается ущелье, в котором ключ солоноватой воды, текущий затем ручьем по ущельям; остановились в полверсты в ущелье. Ночь теплее и суше. Заготовлен аржанец¹⁰, по 300 джин, мало, прикупили 100. Интересно, кто же дарит нам эти 300 джин? На станках за них денег не берут (2 раза в Да-ши-жу не было). Путь от Да-ши-жу до Тушуя не более 25 верст.

26.<VII.> Все проснулись почему-то очень рано, уже в 6 часов отпили чай. Едем в Чигичинзу¹¹, выехали из Тушуя в 7 часов 34 минуты. Едем ущельем «умирающие горы». 8 часов 25 ми-

⁶ Отсылка к смыслу названия Санго-чуань-изе.

⁷ Здесь приводится название кумирни Ма-ван, упоминаемой и далее.

⁸ В рукописи Б.В. Второй инициал, очевидно, поставлен ошибочно; имеется в виду Б.Ф. Ромберг.

⁹ Искаженное инпань (*кит.* 营盘) – военный лагерь, укрепленные казармы.

¹⁰ Аржанец или тимофеевка (*лат.* Phléum) – род однолетних или многолетних трав семейства злаковых.

¹¹ Чигичинза – место соединения двух караванных дорог, ведущих из Урумчи к Хами: северной – через Гучэн и южной – через Турфан.

нут – ключ с питьевой водой, соленой, но возможной. 11.50–12.12 – остановки. 12.27. Выезжаем из гор в «Гоби». Камень с китайской надписью, новый. Через горы 23 версты. Гоби до тамарисков 8½ версты. Тамарисками до дьяна 2 версты. Всего около 34 верст. Приехали в 2 часа 5 минут. Перед тамарисками присоединяется Турфанская дорога и столбы, и тут опять камень с китайской надписью. Утро было жаркое, но начинают собираться тучи; в городе уже дождь. Ветрено. 2 дьяна, импань и мяо. Дул сильный ветер, немного накрапал дождь, слегка освежил, вечер и начало ночи были душные. К утру стало прохладно. У Черникова болит нога, у Самуила Мартыновича и Ахмед-джана – спина, у меня немного спина. Самуил Мартынович принимает опять хину. Вода здесь хотя и немного соленая, но хорошая, из колодца. Легли около 9, чудная лунная ночь.

27.VII. Проснулся в 4, встал в 5, также и Николай Арсеньевич, и Борис Федорович, попозже Самуил Мартынович, значительно позже – Виктор Сергеевич: организм у него не очень крепкий, он больше держится настроением. Пойдем в Чеголу: выехали [27.VII – 28] в 8 часов. Сперва тамариски, потом Гоби, затем в ущелье низких гор. Подъем утомительный для упряжных лошадей, непрерывный (1510 ф.). Чеголу – в расширившемся месте ущелья: два дьяна и что-то вроде импани, два колодца, из них один хороший, два мяо (Ма-ван). Расстояние – примерно 25 верст.

Намазали йодом ногу Черникову и спину Ахмед-джану; лошадь в дьяне. Закат багрово-оранжевый, какой-то зловещий и некрасивый, три тяжелых полосы нависли над небом.

28.VII. Ночью заболел Горбунов, около часу страшный озноб. Дали коньяку, накрыли его полушубком, моею буркой и запасной шинелью; скоро настал жар, через 2½ часа дал хинина 10 грамм. Заходил еще около 5, он спал и спит теперь в 7 часу. Арбы вышли ночью. Выехали из-за Горбунова в 8.30, ему гораздо лучше. Едем горами, потом умирающими холмами. Верст через 8 – ямка с водою и колодезь (пить можно, солоновато) у разрушенных стен. Разрушено, видно, давно. 10 лет назад Ахмет-джан видел эти развалины; ему тогда говорили, что это место называли Джи-джи-содза. Затем волнистая Гоби. Приехали в 2.50 в Иван-чинзу, расстояние не более 18–20 верст. Дорога очень трудна для телег: камень и галька, колеса врезаются. Иван-чинза: гоби и дьянь, немного к северу к горам маленькое мяо и хороший деревянный сруб-колодезь. Вода горьковато-соленая, но пить вполне можно. Нам сказали, что на юг, так 5–8 ли, есть источник и подножный корм. Поехали верхами, версты 4. Действительно, горка вся насыщенная водою, во все стороны текут ручейки. Кругом молодой камыш и трава. Вода горьковато-соленая. Поразителен контраст и гоби, тут даже распустился шиповник с белыми цветами. Ночь опять почти не спали: ветер вроде Парчи-саргала¹, дул без усталости всю ночь: рвал палатки, обложили [VII.28–29] их камнями. Дождя не было.

29.VII. Встали в 4 часа, чтобы выйти рано. Вышли в 6 часов 15 минут, приехали в 11 часов 55 минут. Верст максимум 30 (Николай Арсеньевич считает 27). Дорога – гоби, все спуски и подъемы. В Лёдуне² нет базара, несколько домов, карызи, деревья; все поспекает, по-видимому, поздно, лето позднее. Дул все время ветер. Здесь старое мяо с надписями, без рисунков, кроме деревьев и цветов: старый дун сторожевой: ход внутри с деревянной приставной лестницей и платформой наверху, у которой один угол повыше (для наблюдения) – тот же тип, что и старые. Карызи как в Турфане, но в заброшенном виде. Яблоки (тоже хамийские) по 3 феня. Перед городом растет молодой камыш; есть, очевидно, влага. Но очень скоро начинается пустыня – оазис крошечный, поразительно маленький. Достали барана (поздно)

¹ Название населенного пункта, который знаком С.Ф. Ольденбургу еще по первой РТЭ (Бухарин 2018а: 420). В написании М.И. Лаврова – Парча-сакал (Лавров 2018: 200).

² На русской 40-верстной карте южной пограничной полосы Азиатской России – Лодун.

и яблок, рассчитались с арбакешем¹; я оказался прав, он считал только дорогу туда, потому что 2 арбы стоили только 84 лана; дал ему еще награду – 2 серебряных лана. Он был в восторге.

30.VII. Встали в 6 часов, спали хорошо. Утром перед выездом собрал всех, провозгласил здравие Наследника², кричали «Ура!». Вышло хорошо. Выехали в 8 часов 05 минут. При выезде баркульская лошадка китайского солдата пыталась его скинуть, полетела с ним, но он великолепный всадник, вообще, от Гучена все симпатичные китайские солдаты. Нам дали немного винограда в Лёдуне как подарок. В 10 часов дун, деревья, вода, по-видимому, сносная. Чий, масса шиповника, тростник, видны желтые цветы. Дальше опять пустыня. От 10.55–11.10 – остановка, чтобы указать телегам, по какой дороге ехать (раздваивается). 11 часов 15 минут – деревья, хорошая вода, развалины дьяна (считают тут 40 или 50 ли, но воды немного). 11 часов 45 минут – опять деревья (великолепные старые ивы, шиповник), великолепная вода. Поля, дьянный дом и развалины [VII.30–31] мяо. Как будто или развивается оазис, или было больше и погибает, не разобрат. Приехали в 3 часа 50 минут. Расстояние, наверное, к 110 ли, не более 90 = 36–37 верст. Дорога не легкая для телег, для автомобиля хорошая. Есть еще выючная тропа из Лёдуна, она, видимо, много короче. Таранчи, по-китайски – Сан-дао-линзе, прелестный маленький оазис. Ванский дьянь, его хозяин, старый сарт 75 лет с большой семьей, принес нам молока и великолепных яиц. Другой китайский дьянь, домики, мяо, огороды, деревья; в бинокль видно к северу снежные горы, и от них тянутся к югу полосы деревьев, ряд маленьких оазисов. Лошадям достали ячменя. С вечера легкий дождичек. Весь день серый и приятная свежая погода.

31.VII. Ночью шел мелкий дождь. Выйдем пораньше, чтобы быть в Пин-кёле. Проснулся в 4, встал в 5¼. Опять принесли молоко те же сарты. Вчера маленькая девочка ругалась местным ругательством, поразительно. Явился вчера черный котенок, забитый и голодный. Утром и у казаков, у молодых людей нашли по зеленоватому скорпиону, небольшому. Выехали с Ахмед-джаном в 7 часов 25 минут. Едем быстро. В 9 часов 25 минут – маленький оазис Дёрбуль-джин (китайский Лю-фу-чуань). Здесь тоже карызи. Посеяно много желтых цветов, называют по-сартски кызыл-булак³, по-китайски – хун-хар⁴. Из него добывают масло. 10.50 – виден к югу большой оазис Ланчук, от дороги, говорят, 30 ли, он на той же реке, что Или-коль, и там коне-шар⁵ – меньше, чем Или-коль. В городе Тогучи, перед ним, спуск и у самого спуска две новых китайских башенки кумирни. Тогучи – богатое место, населенное главным образом камульлыками. Масса фруктов, по-видимому, главным образом яблоки. Здесь кази⁶ Нияз-ахун одевается уже по-китайски, ловкий и противный. Население все время глазло на нас, весело и добродушно. [VII.31–I.VIII] Приехали в Или-коль, где провели весь день. Туда ехали кругом 5 верст, назад версты 2½. Развалины упорно называют «Тайзан», речку – Крык-гол, говоря, что название со времен калмаков, оттого – «гол», эта речка течет до Ланчука, где тоже есть коне-шар, но меньше. Главные древности расположены в одном месте, по обе стороны речки (отличная вода, есть и ключи), немного ниже по течению *viñāra* с тремя отделениями и обходом (может быть это и старое мяо?), маленькая *viñāra* на платформе с чайтuebloобразною крышею и еще почти бесформенная старая маленькая чайтья. О них Grünwedel не упоминает. Смирнов снял на глаз общий план местности первого комплекса, Дудин и Ромберг фотографировали. Биркенберг – план β на глаз. Ясно, что от перекапывания и дождей

¹ Арбакеш – распространенное в Русском Туркестане название возчика.

² Имеется в виду день рождения цесаревича Алексея Николаевича Романова (род. 30 июля 1904 г.).

³ В данном фрагменте текст испорчен протекшими чернилами, чтение неточно.

⁴ Речь идет о сафлоре (*кут.* 红花), из которого получают сафлоровое масло, используемое в пищу.

⁵ От коне-шаар (шахр) – «старый город».

⁶ Кади или кази – мусульманский судья, совершающий суд на основе шариата.

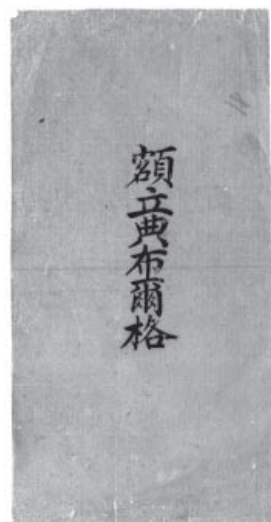

Рис 1

Визитная карточка
С.Ф. Ольденбурга
на китайском языке
СПбФ АРАН. Ф. 208.
Оп. 1. Д. 179. Л. 180
© Санкт-Петербургский
филиал Архива РАН

все очень сильно пострадало, а теперь ничего не сохранилось: ясно, что нельзя покопать, кое-что оторвать и бросить на произвол дождя и ветра, на уничтожение, не зафотографировав и не зарисовав. Вред этих пробных раскопок, с субъективными и бегло записанными впечатлениями, очень большой, особенно для датировок. Необходимо издание точных инвентарей находок. Кроме видимого Грюнведем, мы можем прибавить мало, хотя его эскизные планы неточны; наши тоже, конечно, только приблизительны, Самуил Мартынович дал эскизный планчик, недурный – ближайшая к Или-кёлю деревушка Яр-баши.

В Тогуци казий – юркий сарт, одетый китайцем نياز آحون Нияз-а-хун, на нас смотрит толпа все время, толпа добрая и веселая, больше сарты.

1.VIII. Выехали из Тогуци в Сум-карга (Ту-фулу китайское) в 8 часов 15 минут. Через ½ часа – речка, через 1 час 10 минут – ключ. В 9 часов 40 минут – ключ на горке (не для питья людей). Чинили дышло. До Астана 15 верст, далее 6 верст, всего 21 верста. Ночуем на мельнице, у пруда. Мало домов, большое кладбище, оазис значительно меньше. Выкупались мы все. Вода питьевая хорошая.

[1.VIII–]

2.VIII. Выехали из Сум-карга в Хами. Выехали в 7 часов 55 минут, в 9 часов 35 минут – колодезь с чистой водой у развалин. 11 часов 50 минут – деревня, дом, колодезь. Эрши-юл-тускэ (очень сомнительно название), довольно много скота, дали сносное молоко, до Хами считают то 20, то 30 ли. Число верст 21.

В 1 час 15 минут – Хами. Встретил посланный от вана¹ и приказчики Чанышева Ахмед-джан и Ильгам Жонов. Угостили фруктами. Поместились в хорошем сартском доме, лошади в дьяне. Письма и телеграммы. Федор скончался – моя жизнь оборвалась, ибо он был моим солнцем. Федор! Нам

объявлена война Германией².

[5.VIII] 5. Сегодня выезжаем, наняли 6 арб по 6 лан в день. От вана 1000 снопов и 75 пудов гаоляна. Арбы выехали в 12 часов, я с Горшковым и Ахмед-джаном – в 12½, выехали прощаться русские подданные. Сперва оазис, затем голый сой, потом песок с редким камышом, трудно для лошадей, потом камыш и шор. Проехали 5 часов 40 минут, считаем 28 верст. Кара-мукча (оазис – 4 часа, 20 верст), хороший колодезь. Это название ягоды. Китайское – И-ку-а-шур³. Хуан-лу-кан⁴. Сартское – Сай-булак. Колодезь в дьяни, несколько домов, немного деревьев, 6 часов дороги в Хами, камыш. Горбунов все нехорош, дали салипирину и коньяку. Меня лихорадит, может быть, нервы от плохих ночей, принял хину. Здесь комары и душно, оставили палатки открытыми. Вода сносная. Легли в 10-ом часу, арбы пришли вечером.

6. Проснулся в 2, не могу спать, плохо, никуда не годятся нервы. Место с виду сухое, за деревней, около По-тая, но много комаров, маленькие и сердитые. Арбы ушли только в 5¼, вместо 4, и то после моих понуканий Ахмед-джана (он несколько мямля). Выехали из Хуан-лю-кан

¹ Ван (кит. 王) – высший наследственный титул цинской аристократии.

² См. раздел «Разрозненные части отчетов и научных трудов участников Русско-Туркестанской экспедиции в 1914–1915 гг.». В условном введении С.Ф. Ольденбург пишет: «Не могу не отметить, что в Хами нас застала телеграмма с известием об объявлении войны. Возвращаться через всю Среднюю Азию, не сделав никакой работы, не имело смысла, и поэтому мы продолжили путь вперед».

³ На русской 40-верстной карте южной пограничной полосы Азиатской России – И-ко-шор (Хор-шук-чи).

⁴ На русской 40-верстной карте южной пограничной полосы Азиатской России – Хуан-Луган.

в Чан-лю-шуй в 8½ после чтения Евангелия и молитвы. Горбунову все плохо. Вчера вечером закат был красный, но ветра на дороге почти не было. Кругом горизонт обложен облаками. В Хами узнали, что в то же время, которое мы заметили, там было землетрясение, настолько сильное, что повалились разные стены. Из Хуан-лю-кан хорошо виден Багдаш, ванский сад. Едем шором, песком и мелким камышом, местами в значительном числе мелкие тограки¹, точно идущие на завоевание пустыни. Через 20 минут остатки строения и немного налево от дороги колодезь, с хорошим срубом. Воду не могли попробовать. Китайский конвоир сказал, что этот колодезь, как в других местах, устроен Ян-футаем (который был при [VIII.6–7.VIII] нас в Урумчи 5 лет назад) после войны с Кульджей². Дорога идет шором, местами сильно выступает песок, лошадям трудно. Пошел легкий мелкий дождик. Отдыхали, проехав верст 15. В 12¼ – развалины колодца и зданий, опять, по словам китайца, считают еще 20 ли. Сперва подъем, у самой деревни спуск. Расстояние 25–26 верст. Здесь хорошая вода, источник, деревья, несколько домов, два (?) дьяня, большое мяо на горе с изображениями, статуэткой, новые, и один интересный писанный образ типа буддийских композиций. Продать не согласились. В дьяне 15 солдат, едущих в Хами с 2 арбами винтовок. Горшков говорит – образец иностранный, на одной № 30740. Купили 4 баранов по 4½ лана. День свежий, облачный, чуть-чуть было жарко дорогой. Горбунов без перемены. Очень тревожусь за него. На душе трудно и пусто – Федор мой! В мяо на стене висит любопытный китайский образ Манчжушири³: он в середине на льве, справа attendant⁴ с книгой, слева – с мечом; внизу в середине сидит мужчина (кто?), справа Vīrūdhaka⁵, слева старец с жезлом, крючковатым, из корня (как мы видели у монаха около Цзе-ши-са). В Чан-лю-туй⁶ (он же Алтеюр) тоже разрушены здания землетрясением, бывшим 23 июня в 4.29 (здесь указали «до выхода солнца»). Оказалось, что еще в ночь с 5–6 августа в 11½, примерно, ощущалось⁷ легко только. Ахмед-джан чувствовал лежа, Горшков – на лестнице, Борис Федорович видел, как крышу балкона качнуло, и слышал скрип; слышал скрип и я, но не приписал землетрясению. Ахмед-джану сказали сарты, что еще был легкий толчок в первом часу.

7. Выехали в 9 часов 15 минут в Яндунь. 10¼ – ключ. 12.11–12.56. Приехали в 2 часа 35 минут. 24 версты по краткой, 26 верст – по большой дороге. Дорога на Гоби – спуски и подъемы (подробно [7.VIII–9.VIII] у Николая Арсеньевича). Яндунь – крошечное местечко, несколько домиков, частью заброшенных, мяо загажено, только [...] там останавливаются. Борис Федорович и Николай Арсеньевич нашли верстах в двух к северу заброшенную деревушку, о которой у них в дневниках⁸.

8. Встал в 4, разбудил всех, в ночь Горшков с Горбуновым выехали на арбе в Кушуй. В Ян-дуне землетрясение ощущалось слабо оба раза. Вышли в 6 часов 35 минут. По дороге, почти сплошь песочной и очень трудной для фургонов, три башенки для проезжающих в бурю: первая башенка (все с маленьким помещением внутри, форма улья). В 8.55 – подъем. 10.25 – старая башня, при ней колодезь с отвратительной водой (пил Виктор Сергеевич). В 11 часов 55 минут – дьянь, при котором вырытый пруд – цистерна для сбора снежной воды. Называют ее Бейсы джао данзе («Ста сорока половинка»). Воду возят сюда из Ян-дуна, считают 10 ли.

¹ Тограк или туграк – разновидность тополя, произрастающего в полупустынных местностях Китайского Туркестана.

² Имеются в виду события 1911 г., когда китайская администрация в Кульдже отказалась признать республиканскую власть, установившуюся в провинциальном центре. Мятеж в Кульдже был подавлен вооруженной силой.

³ Маїжушг (санскр.) – в буддизме Махаяны-бодхисаттва, ассоциируемый с озарением, познанием сущности.

⁴ Сопровождающий (фр.).

⁵ Вирудхака – один из четырех царей, живущих в воздухе горы Сумеру.

⁶ Точнее – Чан-лю-шуй-тай.

⁷ В оригинале – «ощущался». Имеется в виду землетрясение, подземный толчок.

⁸ Яндунь упоминается в «Дорожнике экспедиции» (см. выше) и дважды – в дневнике С.М. Дудина (см. ниже).

Выехали в 12.42, но из-за лошади Веревкина провозились до 12.53. В 12.55 – скала красно-желтой глины, похоже на крепость, называют «Божий дун». Потом построенная башня, тронулись в 2.10. В 2.55 сели под скалу до 3.30. В 4.30 – третья башенка, отсюда считают 40 ли (сыши-ли). Самуил Мартынович и Николай Арсеньевич проехали вперед, и Виктор Сергеевич поехал вскоре, далее нет записей, потому что мы с Борисом Федоровичем возились с фургонами, пришлось взять верховых лошадей и перепрячь несколько раз. Было довольно утомительно. Солнце зашло в 6 часов 25 минут, приехали в темноте. 8½ – в Кушуй. Горбунову немного легче. Напились чаю, съели яблок, едящие мясо поели его. Легли в 12-м часу.

9. Встали в 5½. Кушуй¹ лежит среди пустыни, несколько строений из красной глины, часть брошена. Мяо крошечное, примитивное, с примитивной статуей из красной глины с намазанными черным глазами, бородою, бровями, усами. [VIII.9–10] Куфи или Куши (горькая вода). Землетрясение как будто было здесь, показания не очень ясные. Старое, брошенное мяо и новое, с «полинезийской» статуей из глины. В старом мяо курильница, повторяющая старый тип; на ней любопытная крышка с изображением круглых черепиц с сильно условной львиной головой (ср. Laufer. Nan Pottery²). Сфотографировано. Заброшен ряд дяней, потому что, как говорят в Куши, теперь мало проезжают, хозяева дяней в Хами, на базаре. Чтобы дать людям отдохнуть, и лошадям особенно, выехали только в 11¼. Сперва дорога песчаная 3 часа 10 минут, дьянь с очень плохой водой, считают половину пути (40 ли) и оттого называют Джао-данзе («половина пути»), по-видимому, тут 45 ли. Устроена цистерна, пока пустая, все новенькое, немного камыша. Колодезь. Выехали в 3.53, перепрягали; приехали в 6.55. Уже горами. Дорога прямая, но подъемы. Место называют: одни – Са-Ша(?)-чуан-дзе – «Песочный ключ», другие – Санчуан-дзе – «Три колодца». И здесь покинуты дяни. Встретили, однако, 5 арб с товаром, везли из Лю-чжоу в Урумчи китайскую бумагу и еще китайский сахар.

10. Выступили из Са-чуан-дзы в Шинь-шинь-ся³ в 8.15. 11.35 – тамариски, камыши. Идет мелкий дождь. 11.45 – дьянь и колодезь с приличной водой. 11.45–12.25. До дьяня 13–14 верст, называют Шоу-ху-люнь-дзе (ху – камыш), до Шинь-шинь-ся считают 50 ли. Далее горами, дорога большей частью очень трудная для лошадей. У дьяня разрушенное мяо и сейчас, затем крутой подъем. 4.27 – очень крутой подъем по камням, перед ним масса обо. На вершине любопытное новое мяо. Там, по словам одного китайца, по-видимому, 2 хошана, причем это, видимо, просто церковные служители. По его же указанию, основана в 3-й год Гуань-сю⁴. Масса приношений [...] [VIII.10–11] надписей на красных кусках материи. Назвали Лоя-мяо. Затем крутой спуск по камням. Приехали в 5½. 31 или 32 версты. Шинь-шинь-ся (планчик у Н.А.) – ряд заброшенных дяней, импань, несколько мяо (в одном брошенном дьяне на горе сносная скульптура (голова) и роспись недурная, все загажено, закопчено, зацарапано, но видел сильный рисунок – дунганская мечеть с какой-то могилой, масса обо на горах. В двух местах безграмотная русская надпись о каких-то 30 дунганах «русска чело века» из Пекина.

11. Встал рано, ночь холодная, с вечера очень нездоровилось, принимал хину. Вышли в 8 часов 10 минут, в 10 часов 45 минут перешли границу Ганьсу: крошечное, брошенное мяо без статуй, одни надписи; маленькое обо, воткнуто две палки, густо обмазанных маслами (очевидно, жертвенное). В 12 часов станок, проехали 17–18 верст. Развалины, остатки цистерны, китайцы считают половину дороги, но это больше. 12.55. Остатки стены из камня, ямы, где, говорят, добывали золото. 1 час 05 минут – развалины стены. Приехали

¹ На русской 40-верстной карте южной пограничной полосы Азиатской России – Куфи.

² См.: Laufer, Schiff 1909.

³ Ближайший населенный пункт на территории округа Анси в провинции Гансу.

⁴ 1878 г.

в Ма-лянь-чинзу в 3 часа 5 минут, считаем 28–29 верст. Два мяо: одно – большое, подзаброшенное, в нем любопытный буддийский образ страшно примитивного письма, вне иконографических правил. Посередине белый Бекцэ¹ (?) в красных и зеленых одеждах, рядом с ним справа гора, под ним волны (?). В поднятой правой <руке> держит Sumegu (?)², левая поражает мечом (?) большого скорпиона. Над ним посередине золотистый Будда, с боков – по лотосу, на них: справа – гора, слева – китайская книга (синяя с белым). Направо от него – синеватый четверорукий, 2 руки с мечами на взлете над головой, две – в añjali³. Справа на белом коне в пестрых облаках белая богиня на белом коне. Грунтовка, обычного [...] на колени. Кругом обшит материями: красная и малиновая. Висит слева [VIII.11–13] отряд образков (?) тушью в середине. Тибетская дощечка от книги. Есть таньдин⁴. Новое мяо без настоящих изображений, только какая-то детская мазня. Вообще любопытно, по дороге, что старые мяо лучше новых! Встретили вчера 2 арбы, едет какой-то тяньдзинский купец торговать в Урумчи. Здесь несколько домиков на берегу сухой речки прямо среди равнины, кругом немного камышу. Начался ветер. Из Шинь-шинь-ся у нас 2 солдата. Они, начиная от Урумчи, все славные и услужливые. Вообще простой народ китайский всюду пока приветливый, хотя и очень любопытный.

12. Ночью и утром временами шел мелкий дождь. Ночь очень свежая. Выступили из Ма-лянь-чинзы в Да-чуань⁵ в 8.20. 11½ – развалины, 14, примерно, верст. В Цзы⁶ выехали в 11.37, прибыли в 3 часа 5 минут, остановок минут 15. Всего верст 28. Да-чуань – несколько домов, камыши кругом, источник солено-сернистый, и в колодеце вода плохая, но пьем. 3 мяо, два совсем уже заброшены. Едет одна временно с нами на арбе жена какого-то офицера китайского из Хами во Внутренний Китай, с ней только 2 солдата. Постоянно поражает заброшенность этой «большой дороги». Ночь холодная. Кругом, говорят, много диких коз; на них охотились, но безрезультатно. Вчера была масса куликов на прудиках и болоте около ключа.

13. Выехали из Да-чуаня в Хун-лю-юандзы в 8.33. В 9.56 – конец одного подъема, обо. 10½ – развалины дьяня, сернистый ключ (китайцы пили), камыши, трава. Покормили лошадь. 11.37. Считают половина 48 ли, я считаю 12–13. Остановка 11.48–12.18. Еще остановки в совокупности 15 минут. Приехали в 3.30, хорошо ехали. Расстояние, по-моему, 31 верста. Дорога большими долинами, пересеченными грядами [VIII.13–14] холмов.

Интересен разговор с китайцем-конвоиром о религии. Он говорит, что верит в бога Тянь⁷, а молится во всяком мяо, это безразлично, всюду можно молиться, согласился, что есть много китайских богов, но для него они, видимо, поглощались представлением Тянь. Молится и в фо-мяо⁸; пошел бы и в русскую церковь молиться. Ахмед-джан удивился и сказал, что в мечеть бы его не пустили. Эта идея безразличия культов видна повсюду. Все чаще следы буддизма, часто «этнографического». Здесь <в> Хун-лю-юань-дзы 6 мяо, из них в 2 – явные следы буддизма. В одном любопытный образ: Будда на скале, нимб желто-красный, над ним радуга неуклюжими разноцветными рядами. С боков облака. Внизу с боков 2 махараджи. В другом

¹ Бег-цзэ или Джамсаран – в буддийской мифологии гневный ангел-хранитель – «храитель веры» (драхмапала), защищающий буддийское учение, а также божество войны.

² Сумеру – священная гора.

³ Añjali (санскр.) – жест молитвы: распрямленные ладони касаются друг друга на уровне груди.

⁴ Вписано мелко между строк. Чтение предположительно. Возможно, имеется в виду изображение неба (кит. tiān – 天).

⁵ На русской 40-верстной карте южной пограничной полосы Азиатской России – Да-цюань.

⁶ Очевидно, неполное название местности или поселения.

⁷ В китайской традиции – божество Неба.

⁸ Буддийский храм (кит. 佛庙).

мяо видны фигуры махараджей на боковых стенах. Первоначальная роспись стены против входа замазана. В середине сидела какая-то статуэтка из глины (не буддийская), теперь обломана до колен (сверху) и заменена писанным образом. В одном мяо два слоя росписи. Борис Федорович снял верхний, и оказались недурные изображения: сцена и женская большая фигура. Штукатурка под фрески обычной техники и прикрепление в выбоине, слой для росписи – гипс. Импань брошенный, и у живописного местечка вид сильно заброшенный, как у всех станций этой дороги.

14. Ночь опять свежая, потеплее, к утру несколько раз начинал капать дождь. Выехали в Бей-дун-цзы¹ в 8.15. Спуск. 10 часов 15 минут. 2 ч. ямы золотоискателей. Видели мираж (сагым, кит. джяншизе). Приехали, «считаем» 29 верст. Бей-дун-цзы – земля белой башни. Из сторожевого дуна, построенного на холме, видно Ань-си. Вода сносная, но сернистая – ключ, видимо, влияет на желудок.

[23 об.]

[VIII.14–15–16] Выехали верхами с Ахмед-джаном. 9 часов – проехали примерно 13½ верст. 10 часов – развалины, 10½ – развалины. 11¼ – приехали к большому мяо, от которого до города версты две. Здесь перед большой фигурой (?) 4 attendants по два: справа – синий Gaṇaḍa² и 2 – белый человек со странным головным убором, держит сосуд. Слева – красный со знаменем. 2 – белый монах с драконо-змеею, у него на голове синее uṣṇīṣa³. Есть обход вокруг главной статуи, сзади ее на стенке – пейзаж. Второе мяо – женская фигура и 4 женщины-attendants: справа: 1-я держит жезл, 2 – клык слона; слева: 1-я держит коралл, 2-я держит раковину, из которой на стебле выходит пагода. Все мяо называют «Лу ван мяо». Расстояние до города, в общем, верст 36–37. Издалека видны деревья. Река мутная и слегка соленая, при нас была низкая, потому что пущена на арыки. Лошади очень устали, и потому дневка. Здесь телеграммы и одно письмо от Сережи⁴.

Город как-то напоминает Идикут-шари: внутри стенок сгруппировано много мяо, маленький базар, немного улиц, много пустого пространства, мяо занимают очень много места, жилья сравнительно мало. Здесь уже не только следы буддизма, но и сам буддизм. Мяо Māgīcī⁵, восьмирукая, золотая, padmāsana⁶, руки справа: 1 – четки, 2 – книги (или печать), стрела, меч, слева: 1 – четки = 1 справа пара, 2 – колокольчик, 3 – лук, 4 – меч и 4-я справа (скрещены над головою). 7 свиней, сзади горный пейзаж, спереди 2 attendants. Справа Mañjuśrī, золотой, поза вроде lalitāsana⁷ с поджатой ногой, в руках золотой цветок (лотос?), справа смеющийся, коричневый в лице, мальчик держит китайскую книгу. Слева Samantabhadra⁸ на белом слоне боком, та же поза и цветок, только цветок влево, и слева такой же attendant держит сосуд с цветком (розовый лотос). Фон у боковых фигур зеленый с розовыми лотосами, разделенный на отделения (срисован).

[24]

Другую кумирню называли Лао-тцы-мяо по ряду мотивов [...]: троны, нимбы; фон – горы, сидят три фигуры, у каждой по два attendants. Интересен борт у боковых фресочных панно: плоды, цветы с выпуклым контуром, фрукты местами походили на della Robia⁹, маленькие

¹ На русской 40-верстной карте южной пограничной полосы Азиатской России – Бай-дун-цзы.

² В буддизме и индуизме – получеловек-полуптица; в буддизме – символ просветленного ума.

³ Uṣṇīṣa (санскр.) – теменной выступ; здесь – разновидность головного убора.

⁴ Ольденбург, Сергей Сергеевич (1888–1940) – историк, публицист, сын С.Ф. Ольденбурга.

⁵ Māgīcī – (санскр. букв. «луч света») – в буддизме богиня рассвета, почитается как небесный воин и могущественный охранитель.

⁶ Padmāsana (санскр.) – поза лотоса со сложенными ногами.

⁷ Lalitāsana (санскр.) – поза, при которой правая нога спущена, а левая – согнута.

⁸ Samantabhadra (санскр.) – в буддизме – Махаяны бодхисаттва, ассоциируемый с ритуалом и медитацией, с Полным Состраданием и мудростью сущностной самости.

⁹ делла Роббиа, Лука (1400–1482) – флорентийский скульптор, изобретатель глазурованной терракоты.

пейзажи с монахами той же техники. Рельефные контуры попадаются вообще часто. На алтарях много мелких фигурок из папье-маше и дерева, вроде кротковских из Тойока¹.

Был ди-фан-гуань, простоватый, прислал в ответ барана и пуд риса. Барана купили за 4 серебряных лана, вообще мясо довольно дорого. Выехали возы рано, мы после почты в 3¼, приплутали в дороге и приехали затемно в 7½. Первый станок версты 23, 70 ли. Гуа-джу или Куа-джу-куда, 2 мяо, развалины, развалины потая.

18. Выезд из Куа-джу 8.17, прибыли в 2 часа 53 минуты. Две остановки 75 минут. В 12.6 остановка в Лу-солу, где вода ужасная, даже лошади не пьют. В Тан-фи-чинза дьянь и дом, плохая вода, и той не хватило – на лошадей больше ведра, все исчерпано. Ночь прохладная к утру, не холодно, днем жарковато, но не очень. Купили груш и персиков. Выезд из Тан-фи-чинзы в Гоза-чинзу. Выехали в 8.10. Ночь была нехолодная. 9 часов 40 минут – развалины потая². 10.10 – большой потай (очевидно Джео-данза), здесь протекает речка, проточная, лошади пили, что очень важно, так как на станке хватило только по ведру. По словам Ахмед-джана, это Куншуй-дун. Приехали в 2 часа. Верст примерно 24–25. В Года-чинза вода сернистая, в колодце воды мало. Виктор Сергеевич расчистил его, слезал [VIII.19–21] вниз по веревке, напоили лошадей вполне. Ночь была холодная. Место заброшенное: дьянь, домик, потай и сильно разрушенная кумирня на холмике.

[24 об.]

20. Лошади в плохом состоянии, сгружаем все возможное на арбы, облегчаем еще пудов на 25. Горшков с Ахмед-джаном в Дунь-хуань, мы – в Чан-фо-дун. Выступили в 8.23 из Года-чинзы. 9.40 – брошенный колодезь, фанза. 10.01 – колодезь, фанза. 11 часов – потай, мяо, дьянь или дом, арык, с отличной водой уже из Дун-хуана. Дальше без дороги прямо на песок³ черных гор. В 11¼ и 12.23 – старое (?) кладбище, большие квадраты с низким валиком, почти уже вровень с землей. 1¼ – стою на арбных следах у входа в ущелье. В 2¼ прибыли с Самуилом Мартыновичем в Чан-фо-дун и заглянули в пещеру, в 4 прибыли арбы. Смотрели все, впечатление сильное. Добыли барана, лошади – в дьянь. Вода соленая и немного сернистая, пока пьем. Первый день в Чан-фо-дуне.

21. Второй день в Чан-фо-дуне. С утра за работу.

[31.XII – 26 января 1915]

[25]

31 декабря. Вчера Горшков сообщил, что Ахмед-джану в Аньси почтмейстер говорил о войне и о готовящейся мобилизации Китая. Такие разговоры, о которых помину не было еще месяц назад, могут быть серьезны. Переговорив с Борисом Федоровичем Ромбергом, который согласен со мною, решил ускорить отъезд – выехать раньше трех недель, к сожалению, нельзя: через две недели – караван, через три недели – мы. Сегодня буду говорить с Горшковым. Меня уже смутила кража 28-го; в спокойное время здесь у иностранца не выкрадут ничего⁴. Доехать надо до Турфана, а там будет видно, как быть. Если возможно, будем работать там. Это ускорит отъезд всего на 2 недели против предположенного.

4 января. Третьего дня вечером приехал докладчик ди-фан-гуаня и джигит (ло-зун), привезли деньги: 2 больших ямбы и 47 маленьких. Дал докладчику 5 маленьких ямб и джигиту 1 большую ямбу. Они с Ахмед-джаном заявили, что ди-фан-гуань ждет моего решения: застрелить или отрубить голову, или назначить другое наказание; я, конечно, велел не убивать, но оставить в тюрьме. Третьего же дня объявилась бешеная собака, которая перекусала,

¹ Имеются в виду предметы искусства из Туяк-мазара, которые собирал и отправлял в Восточное отделение Русского археологического общества Н.Н. Кротков – консул в Урумчи.

² Искаженное от путай (кит. 铺台), стела – указатель расстояний между почтовыми станциями и сама почтовая станция.

³ Место испорчено чернильной кляксой и исправлением. Чтение предположительное.

⁴ Эта история более подробно рассказана в очерке: «Разрозненные части отчетов и научных трудов участников Русско-Туркестанской экспедиции в 1914–1915 гг.» (<Дело о краже денег>).

по-видимому, несколько собак. Китайцы оказались беспомощны и только кидали камнями. Черников застрелил ее из винтовки. Увидим, что будет дальше. Усиленно укладываем статуи и фрески, всего будет 8 или 9 ящиков.

26 января. Пересчитали серебро в ящике. 24 больших ямбы и 52 малых ямбы. 125 тез бумажками. Расплатились со старым монахом и с Чаном. Караван-баши, видимо, или бестолковый, или пробует нахальничать. Отъезд назначен на завтра 9 часов, и он предупрежден. Сегодня день солнечный, но холодно. На дорогу здесь нам пророчат холод и бураны. Увидим.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 179. Автограф. Чернила.

С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГ ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК 1914–1915 ГГ.

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранится важнейший источник информации по истории исследования Восточного Туркестана – записные книжки руководителя Первой и Второй Русских Туркестанских экспедиций С.Ф. Ольденбурга¹. Сведения записных книжек академика Ольденбурга, относящиеся к экспедиции 1909–1910 гг., были ранее изданы², в данном разделе публикуется три части записей: описание дороги от Хами до Чан-фо-дуна и описание пещер №№ 1–51, практически законченное исследование о пещерно-храмовых комплексах в Безеклике и Туяк-мазаре, а также фрагменты записей об Идикут-шари и Яр-хото.

I. От Хами до Чан-фо-дуна

В записных книжках С.Ф. Ольденбурга приводится подробная путевая информация: время подъема, отъезда, остановок, пройденные расстояния. Ольденбург зарисовывает варианты орнамента, приводит некоторые надписи.

Значительная часть надписей не закончена: текст не переходит на соседний лист. Возможно, часть листов утрачена, на что, в частности, может указывать значительное количество пропусков в пагинации.

В записных книжках приводится краткая информация о пещерах Чан-фо-дун (№№ 1–51) – основной цели экспедиции, которая затем легла в основу машинописного варианта главного труда С.Ф. Ольденбурга.

Большая часть текста записана карандашом. Карандашная запись, определенно, велась, как правило, «в поле». Судя по «скачкам» карандаша, можно предположить, что некоторые записи делались непосредственно в пути: на арбе, может быть, даже в седле. Карандашный текст читается крайне плохо, многие слова сокращались бессистемно. По этим причинам в публикации довольно много пропусков.

Чернильный текст, напротив, четкий, написан без сокращений.

Текст дневниковых записей Ольденбурга воспроизводится в современной орфографии и пунктуации; пропуски восполняются в угловых скобках <>, очевидные lapsus manus исправлены, сокращенные обозначения времени и денежных единиц³, а также неочевидные сокращения не раскрываются. Подчеркивание в оригинале передается курсивом.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 193.

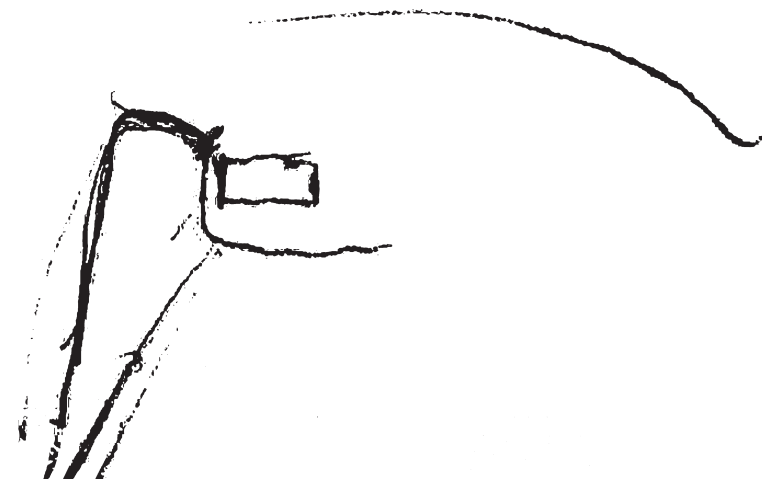
² Бухарин 2018а: 405–478.

³ я. – ямба, л. – лан., ф. – фэнь.

* * *

- [271] Хами. 5 VIII 914
Обменяли 197 л. 48 ф. ямб. серебра по 2 л. 3 мина = 457 л. 15 ф. и вынули 40 маленьких ямбочек примерно на 200 л., сдав их Горшкову.
Чан-пин. Урумчи – Хами. [...].
*Зайд-бек – каменный ящик.
Арбы выехали в 11 ч. 58 м.
За дьянь 10 л.
Сы-пу хозяину 30 л.
Переводчик 30 л.
За объезд посл<аннику> 6 л.
Кара-мукча – такая ягода
И-куа-шур
Сай-булак
Хуан-лу-кан
[271 об.] коза и сай
камыш-шор
Есть остатки старого ключа, потай, вход, внутрь примитивная лестница из грубо слепленных кирпичей.
6 VIII. Горбунову нехорошо.
Вчера вечером закат красный.
Сегодня кругом горизонта гроззовые облака.
В Хами узнали, что там землетрясение было сильно, обрушились и треснули некоторые стены. Хорошо виден со станка [...] там уже не виден.
- [272] [...] Колодец – остатки.
Колодец хороший сруб, чуть-чуть в стороне от дороги – воды немного (зимой больше) и на вид плохой.
Устроен ян [...] после войны с Кульджей.
[...] Когда ехал назад, распорядился...
Дорога идет шором, причем местами сильно выступает песок. Камыш, маленькие тограки,
[272 об.] ивы. Местами дорога трудная для фургонов. Остановились. 11.30. Дождик. Проехали верст 15.
½ <часа> отдыха в 12¼.
Опять развалины и остатки колодца.
[...] – кит [...] ост. – 20 ли.
Подъем, затем спуск.
37740. Под видом наших везут два воза ружей 15 солдат.
Чан-лу-шуй = Алтемюр.
Здесь также разрушенные стены от землетрясения (ср. Мулихэ). Фотографии.
[...]
- [273] 7 VIII. Почта 9.05
10¼ Ключ.
12. 11 м. остановка – 12.56.
2 ч. 35 м.
верст 24–26 по большой дороге.
Янбунь слабо ощущалось.

- Старое хамийское [...]
8 VIII. 6 <ч.> 35 мин.
8½ считают 30 ли.
Тур домой на случай бури.
8.55 подъем.
3½ ч. Много песка.
Колодец!
[...] Мы уже стояли 50 м. [273 об.]
(11 ч. 40 м.)
Вырыт пруд – цистерна.
И бейсы джао данзе.
(ста сорока половинка)
12 ч. 42
12.53 из-за лошади [...]
1 ч. 55 м.
[...] сделали башню 4 версты
Тронулся 2.10 м.
Сели под скалу 2.55
Сидел до 3.30
4½ сделали остановку
[...] Кулш-Кугри [274]
Старое мяо [...]
9 VIII. Выехали 11.13.
3.10 Дьянь. Есть вода, плохая. Считают 45 ли.
Приблизительно ½ пути. Мы проехали верст 18, по-моему. Немного [...], пустая цистерна.
Джао-данзе. 15½. Выехали 3.53. Позапрягли 6.55.

- 10 VIII. Ша или Са-чуандзе. [274 об.]
Старое мяо или Tāgā?
Посередине Avalokita.
Правое колено, поперек красный лотос, на котором он покоится на скале.
Справа голова снята с какой-то другой статуи.

Слева «хошан» без головы.
Ночью шел дождик.
Выехали в 8 ч. 15 м.
12. 35. Тамариск в цвету, направо камыш. Дождь.
Шоу-ху-люнь-янде.
Камыш.

[275]

Считают 50 ли до Шинь-шинь-ся.
Хорошая вода.
11.45–12.25 – остановка.
4. 27. Крутой подъем.
16. Лоя-мяо. 2 хошана.
4½ Туан-сю. Построена.
5½. 31 верста – 32 версты.

Шинь-шинь-ся – ряд дяней. Часть заброшенных, именно ряд дяней, дунганская мечеть с какой-то могилой в одном мяо на горе, остаток недурной новой скульптуры (головка). 2 раза малограмотная надпись по-русски: 30 русска человек дунган из Пекина (?).

[275 об.]

11. Вышли 8 ч. 10 м.
Ками. 10.15. 9 верст.
10.45. Граница Синьцзяна и Ганьсу.
12. Оттуда, по-моему, 17–18 китайских <верст> считают. Только по-моему.
12.30.
12.55. Остатки стены из камней, яма.

[276]

1 ч. 5 м. Развалины стены.
3 ч. 5 м. 29 верст.
2½. Мяо. Тибетская дощечка. [...] дозе. Любопытный образ.
Посередине [...], убивающий скорпиона мечом. Гора. Под ним вода. В правой руке Sumeru?
Наверху в середине Будда. [...] Справа vajra, слева [...] на лотосах.
Направо 4-х рук синеваый. Две руки с мечами скрещены над головой. Две в аїjali. Справа белая богиня на радужном облаке без грунтовок, а только подмалевка.

[276 об.]

Висит слева отряд картинок в середине.
11½ развалины. 14–15 верст.
Возы.
11.37. Выехали.
Янчуань. 15 верст.
3 мяо. Брошено.
[...]
Здесь на 2 арбах 20 китайских солдат с офицерами (сы-чуанцы) пойдут в Урумчи. Огород, кулики. Взял 2 черных камня с холмов.
12.VIII.
Капуста, репа, морковь, картофель, укроп. В источнике вода лучше, чем в колодце. Утром пили из источника.

[277]

Выехали в 8 ч. 33 м.
9.56. [...] большого подъема (7 м. стояли).
10½. Дянь. Развалины. Сернистый ключ (китайцы пили).
Камыш справа. Стоял и кормил лошадь.
11.37. 12–13 верст. 40 ли.
Начали <в> 11.48.

294

До остановки 15 верст. 1 ч. 40 – 1 ч. 50 остановка.
Стояли 5 минут.
Говорят, 8 ли.
5 мяо.
2 с буддами. 1 будда. Снял.
На другом на стене остатки (черным) махараджей.
14.VIII.

Выехал <в> 8 ч. 15 м.
Спуск. 10.15. Остановка. 5 м.
11¼–11¾ остановка.

Мираж.

[...]

15. 7.27
30 ли. 8¾ <версты>

[277 об.]

9 ч. 13½
10 м. рысь = 2 версты.
40 м. шагом.
9.50 – 10 рысь 10 м. рысью.
10 ч. дянь. 5 м. остановка.
10.5 – 10.15. 5 м. шагом, 5 рысь.
11 ч. 11 м. – 11 ч. 16 м. (5 м.) рысь.
11¾ мяо.

Справа синий Гаруда. Белый с [...] человек с оригинальным головным убором.

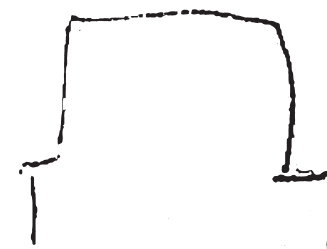
Слева красный со знаменем.

[278]

Белый с драконом-змеем. Это монах с usñīṣa на голове.

Есть обход вокруг статуи, сзади пейзаж.

Слева камень китайский маньчжурский.

Боковое заброшенное

II-ое мяо

4 женщины белых.

1. держит плод.

2. клык слона.

3. коралл.

4. раковина из¹ [...] на стебле пагода.

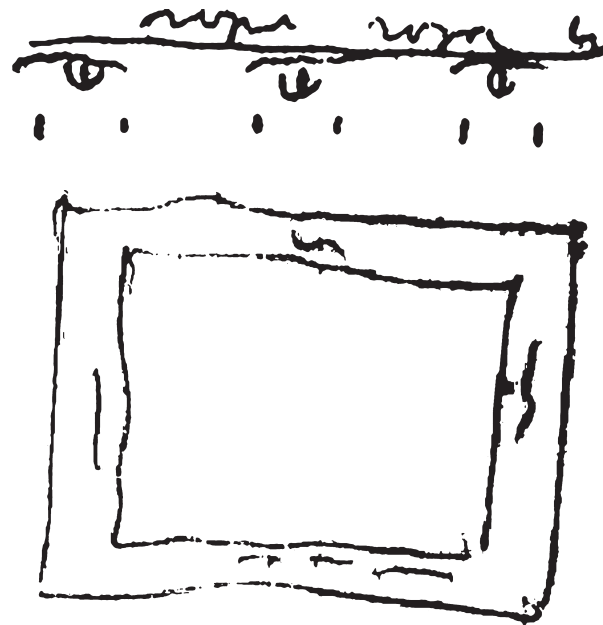
Это Му-ван-мяо. 11.45–12.39.

[278 об.]

Маленькие деревянные фигурки из Тойока, не игрушки, а стояли на алтарях, подобных в мяо.

¹ Здесь вычеркнуто: «коралла».

Рельефные контуры в Идикут-шари.
 [...] кумирня. Любопытные ряды мотивов (трон, нимб), взятые из ламайских [...], тоже контуры лепные, борт, горы, горы с фигурами

[279]

плоды
 листья
 фигурки монахов
 Панно перевернуто помещением [...].
 Lao-tzumjao назвали.

Синий человек, старик.
 Второй этаж «Сы-чуань». Синий Garuda немного разного плана на одной ноге.
 Балюстрада балкона глиняная - крестики, отверстия.
 [...] как-то удивительно напоминает мяо, занимающий много места, маленькие улицы.

[279 об.]

3 головы
 3 глаза
 8-рукая Магiси на 7 свиньях.
 8 рук

справа:
 1. четки ([...])
 2. книга
 3. [...]
 4. меч

слева:
 1. четки
 2. палка
 3. лук
 4. меч

Справа Маñjuśrī сидит на синем льве.
 Справа attendant с книгой.
 Слева Samantabhadra.

[...] на белом. Слева 6 сосудов с розовым лотосом.
 17–18. Мяо со статуями.
 Куа. 2 дня, развалины, развалины потая.
 2.53.

[280]

Тан-фи-джинза.
 Лу-со-чу 280 ли
 1. Гуаджу 70 хороших верст
 2. Тан-шуй 70 плохих верст
 3. Гада-джинза 70 хороших верст
 4. Цзянь-фо-дун 50
 6. Куа-джу-кун
 8.17 – 253 – 75 м.

[280 об.]

[281]

остановка 10.50 развалины
 вода ужасная
 12.6 остановка – 12.57
 прибыли 12.53 5 ч. 40 м. 25 верст

Дянь и дом
 Купили груш и персиков.
 19 VIII 914
 Выехали в 8.10.

[281 об.]

9.40 Развалины потая
 Большой [...] 10 ч. 10 м.
 Кун-шуй-дун?
 [...]
 вода сернистая
 20 VIII Газа-чинза
 8 ч. 23

9.40 брошенный колодец
 10.17 фанза
 11 ч. потай, [...] отличная вода
 [...] 11¼
 12.23

[282]

[...]
 1.45 остановка
 А – остатки¹ росписи. Amitabha. Стиль зеленый. Tārā.
 В – с боковыми нишами. Росписи красно-зеленые.

[282 об.]

в [...] Garuda
 Калька немного –
 [...] фот<?>
 С – калька прохода
 Безклик
 Фотография
 Зелено-черный стиль

Рядом полстены старой ниши
 № 1 Есть старая ниша [...] очень сложная

[283]

¹ Здесь вычеркнуто: «старой».

[...] очень любопытно

2. Калька и фотография. Мало интересного.

3. Две-три кальки.

Зелено-красное

Фотографии сомнительные.

Есть надписи.

4. Немного калек.

5. Вся новая теперь. Только форма. Кусочек лотоса.

В боковой нише остатки стены.

[...]

6. Фотография входа.

αα – внутри все фотографии, кальки, зелено-красный <стиль>

7. [...] фотографии и кальки

8. вход и фотографии

фотографии и кальки много (зелено-красный <стиль>)

Есть у Штейна и Пеллио.

[...] столба стоящий будда.

9. Немного фотографий, кальки – [...]

Орнамент на [...]

10. Стена и надписи. Эстампаж.

[...]

Калька у боков фигур жертвователей.

Фотографии и калька.

Орнамент – на кальке.

11. Калька. Тибетское влияние.

Калька.

12. Antichambre¹

Фотографии.

Калька прохода.

Статуи – фотографии.

13. Фотографии статуи.

Орнамент – калька.

14. Большая, длинная боковая пещера.

Кальки [...]

15. Образец [...] будды. 2 боковые ниши. Кальки.

15. Очень [...] орнамент

16. [...] роспись калька [...] фото. Пламя.

16 – 16 bis – 16 ter

Вид на статую.

17 ter bis

Калька [...] фотография

19 bis масса кальки и фотографий кальки очень хороши

[...]

17. [...] полископ [...] калька 19 фотографий

21. Полископ и орнамент. [...] как изображать.

23. Полископ и орнамент.

25. Кальки, полископ 2 наружная калька

27. Поперек плафона входа – калька. Полископом орнамент.

29. Калька. Есть вещи. Тибетская манера. Полископ и орнамент.

31. Фотографии одной стены. Орнамент.

33. Есть ниша. Фотография плафона.

Фотография 1000-¹

33 bis. Ничего.

37. 2 ниши

39. –

41. –

43. Снаружи –

45. Орнамент

45a. Снаружи

47. Ничего.

49. Над дверью *piṅvāṇa* калька

51a. Фотография калька орнамент

51g –

51b. Как будто новая (только [...])

18. и ? 16 настенных калек, полископ

20. кальки или фотографии

22. [...]

24. Фотографические снимки

26. Из прохода бодхисатвы калька. Одно бы. Фотографии стены.

28. Кальки.

30. Несколько калек.

32. Несколько калек в проходе.

Внутри кальки (дамы).

Фотографии.

34. Над входом нирвана – на левом боку².

Калька.

Внутри – кальки.

35. Внутри – калька.

36. Орнамент.

38. Калька *Avalokiteśvara* [...]

40. Орнамент.

42. Фотография 1000-рукого *Avalokiteśvara*

Орнамент.

¹ Передняя комната, прихожая (*фр.*).

¹ Вероятно, имеется в виду 1000-рукий Авалокитешвара.

² В финальном варианте машинописи «Описания пещер...» С.Ф. Ольденбург так описывал этот необычный сюжет: «D-3 – *maḥāraḡinīḡvāṇa*, причем будда лежит антиканонически, на левом боку, головой по направлению к В» (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 175. Л. 220).

ॐ नमो बुद्धाय
 ॐ नमो धर्माय
 ॐ नमो संघाय
 चन् फो दुन्
 दुन् हुअन्
 अन् सि

[320] Орнамент №1
 Наверху спереди над нишей фигуры.

Ādityasā śilavāṇḍi tato haṃ maṇiḥ.

[323a] Чан-фо-дун – Хами (через Кун-лу-нандзи) – Турфан – Урумчи – Чугучак
 Сергей Ольденбург

1915.

[324] 27. I. 915.

Встал в 6 ч.

10 ч. 40 м.

[...] приехали в Чи-сор.

6 ч. 10 м. В дороге. 7½ 6½?

По-видимому, 80 ли 32 версты.

Расстояние верное.

Сперва много плутали по кишлакам, потому что никто, даже караван-баши¹, не знает дороги. Наконец вышли на Чон-сол, обогнув и частью пройдя по соленому болоту, потом все [...] полями вперемешку с шором. В Чи-сор дьянь бедный, курный, одно помещение для всех, кровать расставить неудобно, будем [...]

¹ Руководитель каравана.

II. Исследование пещерно-храмовых комплексов Туюк-мазар и Безеклик

Ущелье Огненных гор¹ Туюк и Безеклик – местность на крутых обрывах реки Муртук в западной части долины Мутоу тех же Огненных гор на границе пустыни Такламакан недалеко от Идикут-шари (совр. Гаочан) – исключительно богаты историческими памятниками. Туюк² – название поселения и реки – дало наименование группе пещерных монастырей Туюк-мазар, расположенных в 55 км на восток от Турфана по обоим берегам р. Туюк. Уже по их названию свое наименование получил и оазис Туюк-мазар. Комплекс пещер Безеклик, лежащий к северо-востоку от Турфана и известный как «Пещеры 1000 будд», составляет вместе с Туюк-мазаром сокровищницу мировой культуры. Значительная часть этой сокровищницы погибла в силу неблагоприятного влияния природных факторов или человека (исследователей, местных жителей). Тем большей ценностью обладают документы, которые дают представление об утраченных памятниках культуры.

И Безеклик, и Туюк-мазар стали предметом пристального внимания европейских исследователей с конца XIX в. В 1898 г. эти памятники исследовал Д.А. Клеменц. Он полагал, что пещеры в Турфане служили не исключительно жилищами для монахов и могли использоваться в качестве храмов. Клеменц описал формы и размеры пещер, их наиболее распространенные конструкции. Он выделил наиболее массовый тип пещер в Туюк-мазаре (помещение с длинным четырехугольным входом, плоской крышей и прямыми стенами), однако именно в таких пещерах ему не удалось обнаружить росписей, хотя он фиксировал находки многочисленных фрагментов штукатурки. С другой стороны, в Безеклике Клеменц обнаружил многочисленные памятники настенной живописи. По его подсчетам, в Яр-хото насчитывалось 40 пещер, в Сенгим-Агызе – 15, в Безеклике (Муртуке) – 32, в Туюк-мазаре – 75. Клеменц подчеркивал, что все пещеры лежат на берегах рек, но что их число, указанное в отчете, может оказаться неточным, так как многие пещеры были занесены песком и легко могли ускользнуть от его внимания.

Клеменц посвятил отдельный раздел особенностям стенописи в пещерах³ и памятникам письменности (ничего, однако, не воспроизведя)⁴; тем не менее он не собирался вдаваться в подробное описание увиденного и найденного, ограничившись выводом о невероятном богатстве материала в этих пещерах для исследователей древних культур⁵. Этот вывод немедленно привлек несколько волн европейских ученых – археологов, искусствоведов, филологов различных специальностей (А. Грюнведель в 1905–1907 гг., М.А. Стейн

¹ Огненные или Пылающие горы (кит. 火焰山) – цепь пустынных эродированных холмов, вытянутая с запада на восток по северо-восточному фасу пустыни Такламакан. Располагаются в центральной части Турфанской впадины к востоку от г. Турфан. Горы являются одним из отрогов Тянь-Шаня, имеют длину 98 км и ширину 9 км, самая высокая точка – 832 м над уровнем моря. Свое название горы получили из-за наблюдаемого в определенное время суток визуального эффекта, напоминающего вид пламени, который является результатом сочетания красного цвета песчаника и восходящих потоков сильно разогретого воздуха.

² Тоюк в транскрипции Д.А. Клеменца (Klementz 1899: 35).

³ Отмечаются, в частности, грубость живописи в Туюк-мазаре (очевидно, имеются в виду пещеры наименее распространенных типов; см. выше), источники влияния (китайское, преобладающее в Яр-хото и Безеклике, и индийское, доминирующее в Туюк-мазаре; при этом Клеменц отметил большее влияние Индии на развитие местной живописной традиции; в пещере 38 в Туюк-мазаре Клеменц отметил ближневосточное влияние), основная цветовая гамма, манера росписи определенных типов пещер, опубликовано несколько зарисовок (Klementz 1899: 39–46. Fig. 13–23).

⁴ Klementz 1899: 46–50.

⁵ Klementz 1899: 35–38.

в ноябре 1914 г. – январе 1915 г.¹) и охотников за древностями (А. фон Ле Кок в 1905–1907 гг.) в Восточный Туркестан в целом и Туюк-мазар и Безеклик в частности.

Наиболее заметный и не во всем однозначный след в изучении Туюк-мазара и Безеклика оставили немецкие исследователи. На этих памятниках в феврале – апреле 1905, 30 сентября – 26 ноября 1906 (Безеклик) и 31 декабря 1906 – 11 января 1907 г. (Туюк-мазар)² активно работали II и III Прусские Императорские Турфанские экспедиции (ПИТЭ), которыми руководили А. фон Ле Кок (II ПИТЭ) и А. Грюнведель (III ПИТЭ). Грюнведель составил подробные планы пещер, зарисовал наиболее значимые памятники стенописи (будучи сыном художника и искусствоведа, Грюнведель принципиально отказывался от фотографирования предметов искусства), отметил расположение надписей (однако ни одной не воспроизвел, хотя имел необходимую филологическую подготовку). История четырех немецких экспедиций в Восточный Туркестан кратко, но красочно описана в недавно отрецензированной нами книге³, в которой приводятся документальные свидетельства того, что Туюк-мазар немецкие исследователи посещали еще в 1903 г., когда их работы велись в Идикут-шари⁴.

В числе последних прибыли в Безеклик и Туюк-мазар российские исследователи во главе с академиком С.Ф. Ольденбургом. В «Кратком предварительном отчете» Ольденбург выделял различные фазы развития Безеклика (манихейскую и буддийскую), отмечал высокий уровень работ экспедиции Грюнведеля, издал общий план памятника, подготовленный Д.А. Смирновым осенью 1909 г., ряд копий орнамента и элементов стенописи, обрывки надписей⁵. Обращаясь к Туюк-мазару, Ольденбург указывает на своих предшественников по исследованию данного комплекса памятников, сетует на варварское его разграбление, уделяя практически все внимание пещере № 38⁶. Эти памятники были исследованы и в ходе Второй Русской Туркестанской экспедиции в 1915 г. Подробно и компактно результаты исследования Туюк-мазара и Безеклика приведены в полевых записях Ольденбурга.

В «Записной книжке для эскизов и технических чертежей»⁷ издания К. Неслуховского Ольденбург делал записи в ходе работ 1915 г. На обложке его рукой проставлена дата: 1915. Записи делались черными чернилами на миллиметровой бумаге. Почерк достаточно четкий, однако сокращения, которые использовал в записях Ольденбург, делают некоторые фрагменты текста нечитаемыми. Весьма затрудняет чтение записных книжек произвольная расстановка скобок и практически полное отсутствие знаков пунктуации.

Значение этих записей исключительно велико. Многие предметы живописи и надписи подвергались стремительному разрушению уже в ходе работ европейских исследователей в начале XX в. Многие погибли безвозвратно. Ольденбург был вынужден идти по стопам Грюнведеля и Стейна, что в значительной степени осложняло его работу: многое было вырезано и увезено, многое разрушено. Он часто полемизирует с Грюнведелем, указывая на неточности в его интерпретациях и методике работы. Записные книжки Ольденбурга – важнейший

¹ Stein 1916: 44–46. Судя по отчету, Стейн ограничился расчисткой единичных памятников и их общим осмотром. Впервые краткий визит в долину Турфана Стейн нанес еще в 1907 г. В более ранней работе (Stein 1909: 252) исследователь не назвал памятники, которые посетил, однако судя по тому, что он шел в этом районе по следам Грюнведеля и Ле Кока, в Туюк-мазар и в Безеклике (Муртуке) он побывал. Названы эти памятники были позднее: Чон-Хиссар, Туюк-мазар, Кара-Ходжа, Яр-Хото и Безеклик (Stein 1912. II: 359–360).

² Grünwedel 1912: 223–311; 317–332.

³ Dreyer 2015: 104–109, 114–121; см. рецензию: Бухарин 2016b: 1051–1054.

⁴ См.: Grünwedel 1909.

⁵ Ольденбург 1914: 44–48.

⁶ Ольденбург 1914: 50–53.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 193. Л. 238–269.

до сих пор не изданный источник, позволяющий уточнить наши представления о важнейших культурных памятниках, некоторые из которых утеряны безвозвратно.

Публикуемый ниже фрагмент записных книжек Ольденбурга начинается с описания Туюк-мазара. Важность обращения к нему состоит в том, что именно дневниковые записи Ольденбурга позволяют локализовать важнейшие памятники эпиграфики из Восточного Туркестана, погибшие уже после их открытия в результате варварского обращения. Ряд фрагментов публикуемых надписей имеет очевидные сходства, вплоть до буквального совпадения, с надписью, скопированной Ольденбургом в Безеклике в ходе работ I РТЭ (см. ниже). Тем не менее текст раздела «Из монастыря левого берега» представляется совершенно неделимым, и приводимые Ольденбургом тексты следует локализовать в Туюк-мазар и считать их происходящими из так называемой «Пещеры аскетов».

Часть надписей, обозначенная Ольденбургом как «Нижний ряд надписей над нижним панно», в части В имеет явное содержательное сходство с «Сутрой об основании буддийской сангхи» (Catuspariṣatsūtra), а также с «Сангхабхедасту» (I. 95–96). Определенно, в этом фрагменте речь идет о диалоге Будды с царем Магадхи Бимбисарой в тот момент, когда Будда оказался в столице Магадхи Раджагрихе (в надписи обозначенной как *purottama* – «наилучший», «наипрекраснейший» из городов) и пребывал в пещере Яштивана и Супратиштха-чайтхе (27c)¹. Фрагмент С сильно поврежден, однако судя по присутствию тех же топонимов (Магадха), речь идет о продолжении диалога Будды с Бимбисарой.

Второй ряд надписей (В) поврежден еще сильнее, читаются только отдельные знаки, и определить оставшиеся фрагменты едва ли возможно. Третий ряд надписей определил сам Ольденбург, связав их с сочинениями жанра «Прашноттара», представляющими собой ответы Будды на вопросы канонического характера. Среди этих фрагментов можно выделить восходящие к таким текстам, как «Ратнамалавадана», «Деватасутра», «Альпадеватасутра». Безеклику посвящен отдельный краткий раздел, выделенный в оригинале особым заглавием.

В публикации не приводится полный перевод надписей, переводятся лишь некоторые фрагменты и обороты. Фактически эти тексты лишь недавно – при обращении к полевым дневникам Ольденбурга – заново «открыты» для науки. Они нуждаются в уточнении чтений, сравнительном анализе с другими текстами из Восточного Туркестана, а также с иными буддийскими сочинениями. Эта работа ведется, однако данную публикацию следует рассматривать как предварительную.

¹ См.: Kloppenborg 1973: 80–81.

[238] 21.II. Осматривали оба комплекса зданий в ущелье Туюка и пещеры левого берега. Впечатление подавляющее. Все почти развалилось и разрушено: оказывается, летнее землетрясение имело здесь опустошительное действие, кроме того, очевидно, здесь еще хозяйничали туземцы и затем еще копано (очевидно, Штейн). Пещеры тоже пострадали, хотя часть плафонов двух пещер с *nakṣatra*¹ сохранилась (надо снять). Фрески храма правобережного монастыря и Клеменц 6 и *Mucilinda Höhle*² и часть росписи *Asketenhöhle*³ носят светский характер: орнамент, композиция, сюжет, но краски другие: особенно много светло-голубого и зеленого.

[239] В пещере со сценами (у Грюнведеля) много желтого, красного, коричневого. При настоящих условиях в несколько дней ничего не сделать, бесполезно и начинать; впрочем, и располагая большим временем мало что можно уже сделать.

[240] 22.II. Развалины начинаются еще перед входом в ущелье еще в пределах местечка Туюк (по объяснению Ахмед-джана, значит «горный тупик»), по обе стороны речки. Их можно разделить на две группы: строения (*caitya*, *vihāra*, *saṃghāgāma*⁴) и пещеры. Строения находятся выше над рекою и лежат частью очень высоко. Больших групп три: первая на левом берегу еще до самого входа в ущелье на высоком холме, вторая примерно на расстоянии 1 версты [5] от первой группы построек; она приходится перед загибом ущелья, и ею оканчиваются, по-видимому, буддийские древности Туюка, так как выше по ущелью только один гумбаз, может быть, и мусульманский, и слабые остатки пещер без всяких следов росписи. Третья группа – это монастырь на левом берегу, к которому снизу шла лестница, ступени которой частью были вырублены в камне, частью были кирпичные. Первая и вторая группа особенно сильно пострадали от землетрясения, следы которого видны во всем ущелье. Кроме этих больших трех групп есть отдельные строения, разбросанные по обоим берегам, без съемки не объяснить их расположение. Близь тропинки, тянущейся по высокому верху правого берега и приводящей к большому монастырю, находится разваливающаяся *caitya*, которая была пуста внутри; виден у ней еще и остаток карниза, кладка [...] из больших сырцовых кирпичей (в среднем).

[241]

[242] Правобережный монастырь: в нем обвалился храм, но сохранилась еще часть росписи.
Пещера Клеменц 38
(с кабаньими головами)

От росписи этой пещеры теперь сохранилось только: на А. Вода с деревьями, лотосами (с выходящими из них головами и бутоны) и утками – в высоту 7 рядов, впрочем, может быть, еще один ряд к 7 в ширину (слева после 7 ряда другой кусок воды с уткой) и еще рамка воды, где тоже утка. Справа сидит под деревом монах с пламенем и облаком, под ним его сапоги. Над деревом утка (не павлин) с ожерельем в клюве (ср. Кучар⁶). Ниже полоса орнамента, под ней сцены, как будто они кончались у двери в маленькую пещеру-нишу, но, может быть,

¹ *Nakṣatra* (санскр.) – созвездие.

² Мучилинда – имя царя нагов (*nāgaṛāja* – змееподобных божеств), образ которого часто встречается в турфанской иконографии. Под пещерой Мучилинда Ольденбург имеет в виду пещеру в Туяк-мазаре, ранее исследованную Грюнведелем (см.: Grünwedel 1912: 80, 96, 119, 214, 315, 317, 324–327).

³ «Пещера аскетов» (нем.) – одна из пещер в Туяк-мазаре, расположенная рядом с пещерой Мучилинды и также ранее исследованная Грюнведелем (Grünwedel 1912: 327–331).

⁴ *Caitya* (санскр.) – как правило, обозначает буддийскую ступу; *vihāra* (санскр.) – «место обитания», «монастырь»; *saṃghāgāma* (санскр.) – «место собраний для (буддийской) общины».

⁵ Рукou Ольденбурга в левом верхнем углу проставлен номер страницы: 3.

⁶ Оазис, памятники которого исследовались I РТЭ в 1909–1910 гг. Очевидно, имеются в виду утки с бусами из жемчуга в клювах с декоративного фриза из Большой пещеры в храмовом комплексе Кызыл близ Кучара, опубликованного А. Грюнведелем в экспедиционном отчете. См.: Grünwedel 1912: 78. Fig. 172.

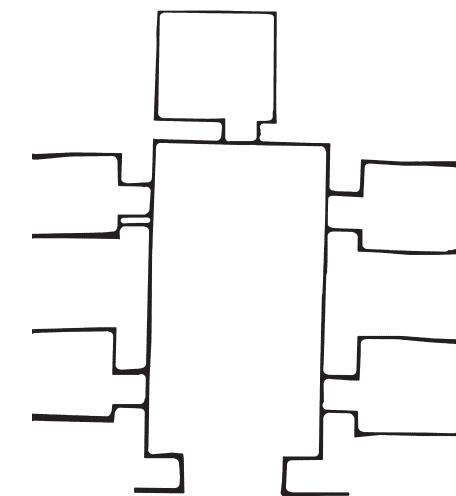
стена туры была сплошь заделана. Ниже сцены опять орнамент, под ним полоса с узорными фестонами плохой уже сохранности. Этим исчерпывается вся роспись самой пещеры. Остальное уже в преддверии, которое как будто имело купол, судя по орнаменту середины плафона (ср. отшельнические пещеры левого берега¹). Видны остатки круга, в котором, по-видимому, был и лотос, затем расходящиеся фестоны с узорами и материей в складках между ними (тона: голубой, серый, коричневый, белый, красный). Далее серая окаймляющая черта и затем белый фон, на котором видны большой круглый лотос и бутоны (все вейского² типа). На стене С преддверия видна еще внизу красная широкая полоса и вверху по белому фону складки голубой и красной материй. Кабаньи головы между ними вырезаны (ввиду³ следы спилки). У нас фотография 1909 и калька 1915.

Из монастыря левого берега

Большое сходство по орнаментации представляет помещение А4, по определению Грюнведеля, „*Asketenhöhlen*“. А (снизу) 1. Фестоны с богатым по разнообразию орнаментом; самый низ засыпан, но, по-видимому, шел тут же, [нрзб.] видны концы фестонов. 2. Орнаментальная полоса, по-видимому, одна для АВС. 3. Сцены. Направо от двери: что сперва, не видно, затем 2 коленопреклоненные фигуры, обнаженные до пояса. Одна подносит корзину (желтая с черными полосами) с какими-то черными и зелеными круглыми предметами. Перед ними сидит фигура с поднятыми руками, обращенная лицом к подносящим (*padmāsana*⁴), рядом другая фигура с приподнятой правой ногой, на колено которой опирается правая рука, касающаяся головы, как бы в жесте печали, обе с нимбами. Далее желтый, теперь пустой картуш и угол. Слева почти все ободрано, видны только слабые следы фигуры и желтый, теперь пустой картуш. 4. Орнаментальная полоса, красно-коричневый фон, на нем черные круги, внутри них бусина и вокруг тоже орнамент сидения 2 фигур) снизу, – сверху – узкая зеленая полоска.

5. Выше монах под деревом, перед ним китайский картуш, выше 6 орнаментная полоса между 2 зеленых полосок. Опять 7 монахов, почти стерто, то же и слева <от> двери, только еще более разрушено. Посредине, на высоте первой полосы монахов и до потолка, в рамках (с обеих сторон) вода, с лотосами и утками, между 2 коричневыми каемок 7×7=49 квадратов с деревьями на воде и бутонами лотоса – очень все затерто и неясно, но, очевидно, то же, что в 38⁵.

В и С см. дальше. Книжные обрывки потребовали бы массы времени, чтобы в них разобраться. Это, почти несомненно, джатаки⁶ или авада́ны⁷.

¹ Имеются в виду так называемые „*Asketenhöhlen*“ – «пещеры аскетов», см. также выше.

² Имеется в виду Вэй – китайское государство эпохи Троецарствия (220–261 гг. н. э.).

³ Возможно, Ольденбург имел в виду «видны».

⁴ *Padmāsana* (санскр.) – поза лотоса: ноги скрещены на бедрах, руки опущены, ладони развернуты.

⁵ Имеется в виду пещера Клеменц-38 (с кабаньими головами); см. выше.

⁶ Джатака – повествование о земных воплощениях Будды.

⁷ Авадана – жанр буддийской литературы – рассказ о благих и греховных деяниях и их отражениях на перевоплощениях того или иного лица.

[247] NA. NB₁NB₂ и NC₁NC₂ расписано по побелке одинаковыми образами. Низ – орнамент. Выше красная полоса с белыми четырехугольниками. Выше на каждой стене монах, сидящий под деревом, около него или зверь, или демон, или еще какое-нибудь существо. В NA на D₃ (под нишкой, которая в D₃ каждой N) крадется тигр (это, несомненно, голодный сухопарый тигр, у него не 3 когтя, а 4 или 5). Он крадется к монаху на D₁N. Все страшно пострадали от варварства посетителей, исцарапавших и исписавших их, включая до голых женщин, набросанных европейским опытным карандашом (нами стерты). На С в NA подозрительно новое архаическими письменами, вцарапанное в потолок.

[248] Вход частью заделан кирпичом, так что роспись на Е, следы которой, однако, видны, закрыта теперь. На F уже сохранилось меньше, чем при Грюнведеле.

[249] D₁ нам представляется немного иначе, чем представлялось Грюнведелю. Мы видим только 5 фигур бодисатв, считая снизу: 2+2+1. Место для шестого¹ мы не находим, ближе к В цветы. Между верхним и вторым рядом сохранилась черная полоса с остатками надписей. Мы читаем, считая от Е: – куā (pa²psa²) g.m-su – g³jayākhuā bhū[mī]² (часть bh почему-то закрашена зеленой краской). Далее еще краска и натек глины, через 20, примерно, akṣara: – bodhisattvabhūmi³. На D₁,₃, значит, были изображены эти bhūmi, по-видимому, 5+5=10. Изображены сидящие бодисатвы, вокруг цветы . Около 3 справа как будто облако, около 2 вода (китайский [нрзб.] белых линий по синему), на берегу ее скала, на которой растет деревцо.

[250] От 20 панно В и С теперь сохранилось так мало, что ничего сказать нельзя (в М.А.Э.⁴ нижний кусок панно 5, ближний к D₁). То же приходится сказать о почти разрушенном постаменте, где профессор Грюнведель еще видел значительно сохранившуюся роспись; к его описанию можно прибавить, что С⁵ имело изображение 7 ratna⁵ и, по-видимому, было Tuṣita⁶ с джалцаном⁷, а В⁶, может быть, Sukhāvati⁸ с танцовщицей. Пещера особенно любопытна надписями; кроме уже упомянутых на D и надписей над панно под Mahāraṅgīnīgvaṇa, о которых говорит Грюнведель, но которых мы уже не застали, есть⁹ категории надписей: 1. две черных полосы на В и С, одна над нижним рядом панно, другая, отделенная от первой полоской красивого, но до неузнаваемости испорченного орнамента, под вторым верхним рядом панно. Обе эти полосы, заимствованные из канонических текстов, говорят о содержании панно. 2. Одна черная полоса над первым рядом малых панно заключает в себе ответы Будды на вопросы божества; см. ниже. Все эти ряды дают теперь белые буквы по почти черному фону; размер их сравнительно крупный. Малых панно в каждом ряду не 24, а 25, всех 200 (25×8). Проверено после меня Б.Ф. Ромбергом и Гр.Г. Черниковым. 2 надписи под и над маленькими панно (8 рядов) и второй [...] ¹⁰ первый нижний ряды¹¹ (над первым рядом панно) написано тоже белым (теперь по черному, но более мелкими буквами, чем надписи под первым маленьким панно. Остальные три ряда с каждой стороны написаны черным по желтой бумаге, приклеенной к штукатурке.

¹ При описании «Пещер аскетов» А. Грюнведель действительно опубликовал план расположения шести фигур на задней стене внутреннего прохода (Grünwedel 1912: 329); две из этих фигур, однако, были уничтожены. К сожалению, план пещер в исследовании Грюнведеля отсутствует.

² Sudurjayākhuā bhūmi (санскр.) – одна из степеней просветления в буддизме махаяны.

³ Akṣara (санскр.) – «знак на письме», «буква».

⁴ Bodhisattvabhūmi (санскр.) – одна из десяти степеней просветления в буддизме махаяны.

⁵ МАЭ – Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера), Санкт-Петербург.

⁶ Ratna (санскр.) – «сокровище».

⁷ Tuṣita (санскр.) – в буддийской космологии один из шести уровней местопребывания богов.

⁸ Джалцан – в буддизме цилиндрическое знамя.

⁹ Sukhāvati (санскр.) – Чистая Земля будды Амитабхи, Западный Рай.

¹⁰ Здесь вычеркнуто: «две».

¹¹ Здесь строка оборвана, текст продолжается строкой ниже.

Так в тексте.

Все надписи пострадали сильно и, как вообще все древности Восточного Туркестана, больше всего от европейских путешественников и бессистемного вырезывания. 2-я категория представляет текст типа Praçnottara – Devatāparipṛccha – беседу Будды и божества на тему катехизического характера. Полосок этого текста первоначально было 400.

Нижний ряд надписей над нижним панно¹

В

1. Bhagavām _____ kālam upa _____

2. _____ thāgate _____ e va khalu _____ jñeya ? peṣu²

nimittagrahi syād iti vistareṇa sa _____

3. Yaṣṭivana b³ahucaitye supratīṣṭhita khyāpīte _____ crutvā _____

4. purottame Rājagṛhe Buddho _____ neya karyārthaṃ

sārdhaṃ samṅghena _____ yara a to nigranthaḥ _____

nti ka _____ māpyāropayatu² ≈ sva² gehe Buddhaṃ nimantrya

bhukṣyārthavacanam ṣrutvā _____ hy a _____ kair aneya _____

ko bhavatam ≈ ||

5. Кроме нескольких случайно разбросанных букв ничего не сохранилось.

С

1. Только отдельные буквы.

NB. Это второй ряд. Ниже него только случайные буквы

2. [_____ ma]hāmum me _____ bhavat _____ suṣṭo _____]

3. Отдельные только буквы и в конце мелко несколько знаков как будто на кучарском языке, очень неясных уру кпу² ? ṣṣi²

4. _____ tā _____ danḍa tato kāyadaṇḍaṃ ābravit

_____ tathāgata _____ ≡ tathāgatasya _____

видны буквы, но чтение очень сомнительно

5. || Magadhe _____ u _____ gra³d _____ tāṇḍyabrahmaṇasya nirargaḍe² _____ upa

sthiteṣu yajñeṣu yajñ _____ pā _____ pṛ _____

_____ prāha gavām ahaṃ ṣoḍaṣa _____ ai vi _____

Второй ряд надписей

В

1. Ekajavākhyā _____ ai ra _____ ṃ oḥaram _____

2. Ничего.

3. Trayastriṃṣ _____ ṇḍa⁴palāṣo svā² _____ lokanāyaka

_____ nava⁵ mu _____ rthaṃ _____

4. Не разобрать уже.

5. _____ pṛāg evāyusmato _____ tayā ≡ || очень все исцарапано.

¹ Надписи воспроизводятся по записи Ольденбурга; вопросительные знаки расставлены самим Ольденбургом.

² Первое слово в строке, очевидно, начинается с утерянного слога ta. Третий знак последнего слова в первой полуплоке в транскрипции Ольденбурга залит чернильным пятном. Судя по наличию точки под строкой, имеется в виду часть слова, заканчивающаяся на -peṣu. Один штрих указывает на то, что перед -peṣu стояла одна акшара.

³ Сверху над первым знаком надписано: «ṣ?».

⁴ Сверху надписано: «ṇi?».

⁵ Сверху над первым знаком надписано: «t?».

Третий ряд надписей

Первый ряд

Praçnottara. Ответы Будды

Сначала примерно 3¼ панно стерта полоса, потом ni-⁴dhyate || _____

⁵ājñāya nirvṛte buddhe _____ || || ⁶ _ ṣatr _____ jatasya vai nandī nandijātsya?

[256] vai niya²me a [полпанно неясно, затем над ⁷ целыми полосами вырезано] || ¹⁸praḍuṣṭasya _ syā
duṣyate ṣuddhasya pāpasya niraṅgaṇasya² pratyeti balaṃ _____⁹na sā devatayā imāṃ gāthāṃ ar-
thayuktāṃ bhikṣugaṇasya purasthāt praviṣkāṛṣid³ Bhagavāṃ || ¹⁰thatāgato tam evārtham⁴ tatvenodeṣya
bhikṣūṇāṃ _ auṣ²inanarakanāṃ _____ mā _____ va⁵¹¹sahāsītā sadbhi _ ku _ i _____ ca maṃ sa _
____ m eṣāṃ⁶ jñāyācreyasyānta tu pā [под одним ¹² панно вырезано] mi _ ya _ ¹³ti cchitvā ājāla _____ jā
ye dhyānāt⁹ u²pasamprodyā pritisaukhyā sama _ i? tāḥ || || na¹⁴kāraṃ brāhmaṇasyāsti kṛtārtho brāhmaṇa
smṛt [примерно вырвано 10 akṣara¹⁵ m⁷ timāṃ bhikṣu suvimukta citta akāṃkṣamā[n_] около одного
панно вырвано] ti sam¹⁶panno dhyāya dhyānarato _____ yāvajyaya² || || ¹⁷ _____ ṣamūrasāgandhā⁸ sparṣā
[257] dharmāḥ ca keval[ā] _____ vadantīti hy²ucyate || || [сейчас за этим над строкой мелко и более
курсивно рукою ¹⁸Bhagavān āha⁹] tam eva yadī vā затем примерно 17 akṣara, настолько поблед-
невших, что я не мог их прочесть с уверенностью. Далее вырвана надпись почти [нрзб.] пан-
но сохранилось только в конце _kto² _¹⁹mi || || ²⁰ekāṣcid²⁰ icehā vividhaḥ ca kāmṣā dhātuḥ cānekeṣu
prthag vīraṇā¹⁰ ajñāna mūlā _ pratha _ Далее вырвано 21 22 под двумя панно. Karya²³ yamut² _ o
_ далее оборвано до конца с небольшим под двумя 24 25 панно.

С (считая от А)

[258] Под 8 первыми панно все вырвано, в конце 9-го: три неясных akṣara, затем samam samṣṭ-
to dīrghvam adhvānam _____ и 4 неясных akṣara kin tavānena pā piyam tatvam dukḥasya pa
[неясный akṣara] затем вырезано под 7 панно; над концом 6-го видно кусок надписи: d _ dh
tam внизу более мелкой и курсивной рукой Bhāga [верно, vān āha] ¹⁸nateṣvavanata • [s]tr[i]yaḥ¹¹
cāvanate natā • striya¹² kriḍamti bālebhīr dham sibir vā kumārakāḥ² || || ¹⁹hitvā grhāṇa pravrajit-
vā hitvā putrapaṣupriyāṃ rāgadveṣār ubhau yeṣāṃ¹³avidyā ca virāgitā¹⁴ avā¹⁵ _ || || ²⁰ _____ suptā
_____ supteṣu jāgarā aham etad vijānāmi prativakṣyamy aham tava || внизу мелкой курсивной ру-
кой yāvat || || tamo²¹nudena nabhasi prabhākaram¹⁶ virocaṣu – дальше так поблекло, что не ра-
зобрать, до конца 3½ панно.

¹ Здесь вычеркнуто: «hya».

² Третий и четвертый знаки подверглись исправлению, чтение не вполне определено.

³ Третий знак был написан с долготой (ā), которая затем была частично зачеркнута.

⁴ Первый знак в транскрипции Ольденбурга больше напоминает сплюснутый b, написание e – предположение издателя; возможно чтение svārtham.

⁵ Над первым знаком надписано: «с?».

⁶ Между m и e знаками проведена разделительная черта.

⁷ Сверху надписано: «верно smṛ».

⁸ Чернила при написании знаков в середине слова растеклись, и по этой причине чтение не очень надежное.

⁹ Санскр.: «Сказал Благословенный».

¹⁰ Над третьим знаком надписано: «с?».

¹¹ Изначально написанная долгота предпоследнего знака перечеркнута.

¹² Изначально написанная долгота последнего знака перечеркнута; написанный в конце знак ṣ зачеркнут.

¹³ Вероятно, именно к этой надписи Ольденбург обращался в ходе работ I РТЭ, отраженных в том числе и в его (недатированных) дневниковых записях. Данная строка была транскрибирована с некоторыми отличиями: hitvā grham pravrajitvā hitvā putra paṣuṃ priyāṃ rājavdveṣāv ubhau jeṣam (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 193. Л. 471).

¹⁴ Конечный v зачеркнут. В данной строке приводится стандартный набор «грехов»: страсть (rāgaḥ), гнев (dveṣaḥ), незнание (avidyaḥ).

¹⁵ Сверху надписано: [yāvat?].

¹⁶ Последние три знака подверглись исправлению, разобрать чтение довольно сложно.

В

Вверху I-го ряда панно, считая от D¹

I. 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 (29)(30)31 (32)(33) [259]

(34)(35)(36)(37)(38)(39)(40)41 42 43 44 45 46 47 48 49 50

II 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30

31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50

III 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24

25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50

IV 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24

25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50

С

I 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24

25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50

II 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24

25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50

III 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24

25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50

IV 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24

25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50

сверху мелко devat[ā] prāha²

29. kiṃ tvihā _____ ya na _ i _ rā _ di _ hi _ ||

30. || dharmen²a s²uvinita ye paravādāna ye _____ lam teṣāṃ pra-dhate

32. || kad²vittaṃ hastaka ye dharmā _ ddi _ āpa _ e pravane sti? kati nā _ māṇāṃ atrpta
ana _ papannas tvam hi _____ ||

33. || devatā prāha: nāsprṣamtaṃ sprṣed jātu sprṣamta² hi sprṣamti namam nā
sprṣamtaṃ sprṣet tasmāt ladu _____

34. || _ hutāpyaham pravibh _____ e _ ā khātohi nāyito dharmā: samkṣepatas tu
vakṣyāmi yāvame manas _____ y _ pāpaṃ || внизу мелко u² p²a dya _____

35. || puruṣa[s]ya _____ tasya _____ tanni hātmānam vācā durbhāṣita vada maṃ
c_ || * yāvatam *** мелко

36. || devatā prāha: kebhīr eva sahāsita kebhīr ku ya² nasamstava maṃ keṣāṃ sad
dharmam ajñāya: çreya syāntantu pāpakam _____ (мелкоцифры)

37. || devatā prāha: ku² niçartha³ samutpanna: ko nu vartayate _____ ni k _____
_ n mradhyate _____ ||

38. || devatā prāha: te vai tiṣṭhāṃgamā² pyātikamṣam vā maçakaṃ mṛ _____ ye smṛtiṃ
pratilapsyanti ekāgrā susa māhi[tā] _____

39. || dāmani prāha: _____ hmanena pra _____ sitā kāmā ¹⁷ nā
viprahānārtham taṃ hi kāmṣatya || мелко sauha²vā²ç²aṃ

40. || bhikṣu _ danavadāmibhikṣu

Пр 1–13 ничего, кроме случайных кусков букв, не сохранилось.

14. _____ ā bhohilo _

15–36 ничего

¹ Можно предположить, что указанные здесь обозначения относятся к порядковым номерам акшар (знаков) в строках надписей.

² Санскр.: «Божество сказало».

³ Долгота над четвертым знаком зачеркнута.

37. devatā [prā]ha _____ n'arasdh'ana
38. subhā _____ tyupagamasyaca
39. meghā _____ pradyotakāti lokasya yairloka'sam_ kaṣya_ e _____ ¹
- 40–50 ничего
- III р. 1–13 только отдельные буквы
- 14|| Bhagavā _____ tvā su __ te krodhaṃ ha _____ te krodhasyati _____ ²
- CI
36. только конец _ ne athavā supya* te sapa _ ? ṅane*
37. || ka en'a moha _____ tātrindivam atamtrita anālabepatiṣṭhe ca ko gaṃ bhireṇa sidati сверху в начале мелко c'andaca devaputro prāha
38. || labhijaṃ bhadānta lokāntaṃ gamanena prāptum iti Roh itācva devaputro pī'ndra cu³ praṇam praṇavaṃ || ||
39. || devatā prāha' kiṃ ṣilaṃ kiṃ samācāra'kim⁴ guṇa' kena karmaṇā⁵ kathaṃ vihāriṇa prājñā ke janā' svargagamina⁶ ||
40. || devatā prāha' kiṃ svid agnir na dahati bhinatti ca na māruta kiṃ svim na kledayaṃtyā[paḥ]||⁷
42. __ dāva pratyuktā d __ a hi tāv ubhau padau vanditvā mahārṣinārthaṃ bhāṣanti pratyekaṃ ||⁸

* Мелко внизу (прим. С.Ф. Ольденбурга).

¹ В рукописи Ольденбурга сначала идет строка 39, затем 38.

² Эту строку можно сопоставить с фрагментом «Ратнамалаваданы» (8. 60–61): krodhaṃ hatvā sukhaṃ śete krodhaṃ hatvā na śocati / krodhasyaikasya... Она же, определенно, встречается и в «Деватасутре» (2.31): bhagavān āha krodhaṃ hatvā sukhaṃ śete krodhaṃ hatvā na śocati / krodhasyaikasya dharmasyavadhaṃ śaṃsāmīsaṅvadā – «Благословенный сказал: “Разрушив гнев, он остается спокойным. Разрушив гнев, он не жалуется. Я всегда восславляю разрушение одной субстанции гнева”».

Очевидно, что данная строка восстанавливается следующим образом:

krodhaṃ hatvā sukhaṃ śete krodhaṃ hatvā na śocate / krodhasya...

Форма śocate (atmanepada) стоит вместо śocati (parasmaipada).

³ Надписано сверху.

⁴ Слово в транскрипции Ольденбурга подверглось исправлению, чтение неопределенно.

⁵ Эта строка содержательно совпадает с фрагментом «Альпадеватасутры» (Ads): kiṃśīlāḥ kiṃsamācārāḥ ke guṇāḥ kena karmaṇā (GBM 1545.7) – «Какой камень, какое поведение, какие свойства какими действиями...»

⁶ Вопрос ke janā svargagamina имеет почти дословный аналог в «Деватасутре» (Диалоге Будды с божеством): ke narāḥ svargagāmināḥ (2. 1 по изданию Vinīṭā 2010, 266) – «что за люди идут на небо?».

Всю шлоку можно было бы перевести следующим образом:

«Божество сказало: “Какой камень, какое поведение, какое свойство какими действиями, как идут к знанию? Что за люди идут на небо?»».

⁷ В «Кратком предварительном отчете» Ольденбурга (Ольденбург 1914: 47) воспроизведен следующий фрагмент аналогичной надписи Безеклик 43 (менее вероятно, что речь идет об этой же самой надписи; см. выше): kiṃ svid agnir na dahati / bhinatti ca na māruta / kiṃ svim na kledayaṃtyā<paḥ>. В третьей строке вместо svim в записных книжках читается svima, kledayaṃtyā<paḥ> читается раздельно: kledayaṃty ā<paḥ>. Ольденбург сближает этот фрагмент с Devatāraḡiṛccha («Диалоги божества» – Ратнамалавадана. 8. 36). Ср. также Деватасутра (9):

kiṃ svid agnir na dahati na bhinatti ca mārutaḥ (Ds; GBM 1543.7)

kiṃ svim na kledayaṃty āpaḥ plāvayanto vasundharāṃ

По изданию Vinīṭā 2010 (2a[26]):

devatā prāha –

kiṃ tad agnir na dahati na bhinatti ca māruta

kiṃ tan na kledayaṃty āpaḥ.

Всю шлоку можно перевести так:

«Божество сказало: “Что не пожрет огонь, не разгонит ветер, что не увлажнит вода?»».

⁸ В ходе работ I РТЭ эта шлока была транскрибирована следующим образом:

dūguratyu imadgr __ hitāv ubhau

44. || mahādhanā mahābhogā rāṣṭravanti su' _____ tyā maṇikāṃ kaṃ na kūmair analatāṃ gatā' iti yāvat ||¹
45. devatā prāha' ko nu vai jagratāṃ supta' ko nu supteṣu jagāra' _ nvetad abhi jānāti ko nu māṃ pravicaṣyati ||
46. || Buddha vira namaste stu vipramuktāya *очень неясно* vistareṇa ||
47. devatā prāha' na te sukhasya lapsyanti далее неясно.

Заметки о пещерах Безеклика

[263]

Заметки эти имеют в виду служить дополнением к описанию Грюнведеля или указывать на наше разногласие. Прежде всего, мы полагаем, что Безеклик был сперва манихейским поселением. На это указывают остатки надписей и фреска пещеры 23 (25 Грюнведель), которые не объясняются буддизмом.

Весь же буддийский Безеклик мы относим к позднему времени – к минской, в крайнем случае юаньской династии. За исключением №№, служащих² подражанием Сенгим-агызу, № 1 и № 8, подражающего Туоку и Чикан-кёлю и только имеющего архаизирующую рос-

[264]

пись, все пещеры носят явно минский характер как по бедности орнамента, грубой яркости несложной гаммы красок, так и по характеру композиций и рисунку фигур.

Пещеры с росписью на площадке обрыва правого берега примыкают с севера и с юга к пещерам, по-видимому, могильным³. Имели ли эти пещеры с самого начала погребальное значение или получили его только потом, во всяком случае, теперь в них находились и частью еще находятся следы погребения. О северных см. у Грюнведеля. Южных 7. Из этих 7 две недоступны без специальных приспособлений (пустая), с [...], с 15 № (см. схематичный план). Еще две погребальных, в первой и теперь еще кости и остатки скелета.

[265]

Среди северной группы погребальных пещер – маленький храм, описанный у Грюнведеля, который теперь почти совершенно разрушен.

Затем идет одна пещера Грюнведель № 1. Она со столбом, столб первоначально был гораздо меньше, а проходы шире, столб тогда был вырублен в лёссе, теперь он обложен кругом кирпичом, чем сужены проходы, по кирпичу уже штукатурка, по которой роспись, грубая, минского типа. К подробному описанию Грюнведеля можно только прибавить, что надписи в картушах уйгурские и китайские.

Далее следует пять групп построек:

1. Монастырь Гр. № 2. Здесь только побелка, красные линии, над одной нишей изображение верха чайтгы, так называемые камины (вряд ли это были камины, потому что около них нет дымоходов) с орнаментом. Описано Грюнведелем, теперь очень сильно обвалилось, многое исчезло со времени нашего последнего посещения.

[266]

padau vanditvā mahārṣinārthaṃ

bhaṣanti dāva

(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 193. Л. 471).

¹ В ходе работ I РТЭ эта шлока была транскрибирована следующим образом:

mahādhanā mahābhogā rāṣṭravanti ||

maṇi kaṃkana kāmair analatāṃ gatā' iti yāvat ||

(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 193. Л. 471).

² Сверху надписано: «Грюнведель 3 и 27, 28, 30, 32, отчасти 4, отчасти 6 и 7». Имеются в виду номера пещер (М.Б.).

³ Сверху и снизу написано: «О зданиях второго уступа ближе к реке, из которых одно расположено немного выше, мы ничего сказать не можем, они настолько разрушены, что и раскопки вряд ли окончательно выяснят их план».

2. В этой группе объединены два помещения: Гр. 3, 4, 5.
3. В этой группе две пещеры: 6, 7 и N между ними.
4. Одна пещера со столбом и преддверием: Гр. 8 и 4 боковых помещения.
5. Храм с обходной галереей и боковая пещера Гр. 9.

[267] Мы никак не можем согласиться с группировкой пещер профессора Грюнведеля, который относит к одной группе «уйгурские» 6 и 7, считает 3, 27, 28, 30, 32 более новыми. Мы совершенно выделяем «индийскую» пещеру № 6, к которой примыкает 7 и 3. Нельзя из-за тибетского влияния (которое, впрочем, менее видно в № 3) считать пещеры поздними. Буддана D₁ и D₂; преддверия № 8 мы не считаем более древними, а видим в них только другого мастера. № 9 мы не знаем, так как из него ничего не сохранилось.

[268] Нельзя не пожалеть о методе работы как профессора Грюнведеля, так в особенности фон Лекока, которые необыкновенно затруднили работу другим; и многое погибло незафиксированным, что они видели и что должны были сохранить. Отсутствие фотографий прямо непонятно и отозвалось гибельным образом на их работе. Вырезывание фресок, особенно при отсутствии фотографий, – громадное зло.

Беш-хан или Беш-карга¹ в теперешних остатках росписи указывают на ее минское происхождение: и здесь рисунки профессора Грюнведеля дают, как и в Безеклике, неверное представление о стиле, утончая грубость письма. Сняты Б.Ф.² фотографии. Взято из Безеклика № 6³ 40-е панно: внизу джерены на ковре сиденья Будды (еще Будда был вырезан), а из № 7C у D₂ внизу голова живописца.

¹ Беш-хан или Беш-карга (кит. 拜西哈口) – небольшой пещерный комплекс, расположенный в 2 км к северу от Безеклика (IX в.). В переводе с уйгурского означает «пять пещер». В 3-й и 4-й пещерах комплекса настенная живопись сохранилась достаточно хорошо.

² Имеется в виду Б.Ф. Ромберг.

³ Сверху шариковой ручкой подписано: «43».

III. Исследования Идиукт-шари и Яр-хото

Надписи данного раздела носят обрывочный характер, часть листов определенно утеряна. Тем не менее, судя по содержанию, раздел III тесно связан с записями, сделанными по Безеклику и Туяук-Мазару.

* * *

6 III 915

[381]

С утра ехали в Идикут-шари – поражает победа распаханной земли и уничтожение зданий; причем последнего две: увоз земли на поля и лихорадочные раскопки, когда приезжают европейцы, чтобы найти что-нибудь и продать. Один сарт приносил охапку кусочков рукописей, уйгурских и китайских, и кусочков образов на шелковой материи, хотел 100 лан, не опустил ниже 30: «Копал, мол, 2 месяца!» 101 саіуа я найти не мог, точно так же как ступу северо-западного угла. Z и Y почему-то мало изменились. В β разрушен большой саіуа внутри храма, говорят, копальщиками. Сенгим мало изменился, Безеклик – сильно – бессмысленное срезание фресок, начатое германскими и прусскими экспедициями, продолжилось и дошло почти до полной невозможности осмыслить роспись Безеклика. Между тем отсутствие фотографий у Грюнведеля и стилизация его рисунков и калек делают его книгу, единственный серьезный материал по Безеклику, не вполне надежным руководителем, особенно ввиду основной хронологической ошибки.

[382]

Хозяин ватного завода.

Сын прежнего дароги, умершего, сообщил, что [...]

Пещеры на правом берегу Яра

[389]

2 с росписью. Рис. 24.

A – вверху какой-то громадный parivāra.

A₁, A₂, по-видимому, Mañjuśrī и Samantabhadra. Из A₂ виден бодисатва на лотосе, под которым [...], по-видимому, какой-то зверь? В правой руке бодисатвы книга, из которой выходят три луча (лучи часты в Безеклике). В b 2 ряда относительно нижнего неизвестно [...] по 11 будд (padmāsana) с parivāra. 11×2×2=44.

[...] 4 + 4 ряда [...] с китайскими картушами.

B N A не видно. NB и NC. Внизу. Вверху молящиеся. На обломках [...]

NE и NF по большой фигуре devatā с [...]

Ближе к A будда (padmāsana) на B. На F видно nāga за головой фигуры [...]

Вторая пещера¹ близка к Туяюку. E, G, F – маленькие будды. D₁ – маленькие будды, вверху «2 будды». D₂ сначала сидящие, потом стоячие, вверху какая-то коленапреклоненная фигура, простирающая руки к двери. ABC – маленькие будды и посередине по панно (Buddha и parivāra – почти стерто).

[390]

P. между двумя полосками орнамента. Посередине зеленое поле (вода) – плавают большие розетки лотосов, бутоны cintāmaṇi, утки.

¹ Здесь вычеркнуто: «кажется точно архаизированной, очень близка к Безеклику 8».

«Предварительный беглый осмотр пещер Чан-фо-дуна»¹. Возможно, коллеги решили разделить, с тем чтобы обменяться затем впечатлениями, не определяя выводов друг друга в процессе работы. Не будучи профессиональным геологом, значительное внимание в ходе путешествия Дудин уделял геологической составляющей ландшафта – в этом аспекте Дудин идет по стопам Д.А. Клеменца – этнографа, археолога, дневниковые записи которого в значительной степени посвящены геологии районов ведения работ². С географии и геологии Цянфодуна, с описания окружающей его растительности (а это, как выясняется в дальнейшем, – важнейший аспект для датировки пещер) он начинает описание главной цели экспедиции. Дудин четко разделяет пещеры на китайские (собственно Цянфодун) и тибетские. Далее он переходит к выделению господствующих цветов в разных пещерах, характеризует стиль по контурам, определяет расположение пещер в зависимости от их возраста. Здесь он бросает упрек своим коллегам: «Вообще по части определения возраста пещер большое подспорье могло бы оказать тщательное изучение истории их перестройки и ремонта. Но, к сожалению, ни Сергей Федорович, ни Биркенберг на эту сторону вопроса не обратили никакого внимания: небесплезное [...] по тому же вопросу могут дать (и дают) деревья, растущие вдоль линии пещер непосредственно у самого обрыва» (л. 22). Дудин самостоятельно решает вопросы, которые коллеги не поставили и, соответственно, не рассматривали. Далее Дудин признается, что и выбор деталей для фотографирования оставался за ним, Ольденбург указывал лишь общие темы.

Дудин выделяет типы пещер, различных элементов их конструкции, подробно указывает, сколько фотографий в какой пещере должно быть снято.

Важнейшим разделом дневника С.М. Дудина является описание некоторых пещер. Оно не дублирует описание С.Ф. Ольденбурга, а является ценным к нему дополнением. К сожалению, дневник сохранился не полностью, и в этом разделе имеют место содержательные лакуны.

В дневнике С.М. Дудина можно выделить и важнейшие методологические аспекты археологических работ: в случае опасения повредить тот или иной фрагмент его не трогали, предпочитая остаться без материала, чем с испорченным памятником: «...боязнь порчи росписи не позволила мне сделать больше проб», – пишет Дудин.

Описав несколько наиболее характерных пещер, выделив типы росписей, Дудин сумел выделить и несколько художественных стилей и локальных направлений, господствовавших как в Цянфодуне, так и в других наиболее значительных регионах Восточного Туркестана (в частности, в Шикшине). Всего им выделено 4 стиля и 2 стилиевые разновидности.

«Дневник поездки в Дун-хуан» выдает в С.М. Дудине не только опытного путешественника, привыкшего ко всем трудностям походной жизни, но и зрелого искусствоведа, способного самостоятельно реконструировать историю буддийской архитектуры и живописи на примере столь сложного памятника, как пещеры Цянфодуна близ Дуньхуана.

Дневниковые записи С.М. Дудина содержат важную искусствоведческую информацию, раскрывающую многие художественные и технологические особенности дуньхуанской стенописи. Особенно в этом отношении важны его заметки с описанием художественного оформления отдельных пещер комплекса, в частности, о цветовой палитре, составе красок и самой манере живописи. Эти сведения уникальны, поскольку были получены у первоисточника и зафиксированы специалистом, обладавшим как тонким вкусом и художественным чутьем, так и значительными познаниями в азиатском искусстве в сочетании с большим профессиональным опытом.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 173; см. следующий (V) том серии «Восточный Туркестан и Монголия...».

² См.: Бухарин, Инкина 2018: 207–274.

Наблюдения С.М. Дудина о цветовой палитре пещер Дуньхуана восполняют собой один из главных недостатков работ всех иностранных экспедиций, которые изучали пещерный комплекс в первой четверти XX в., – черно-белую фотофиксацию памятников. Последняя, насколько это было возможно по техническим условиям того времени, была отлично исполнена П. Пеллио и другими участниками русских, германских и британских экспедиций. Цветные фотографии пещер Дуньхуана были сделаны значительно позднее и, к сожалению, уже не могли передать всей полноты оригинала цветовой палитры, чему причиной были многочисленные, часто непрофессионально исполненные, реставрации, которые непрерывно осуществлялись в Дуньхуане начиная с 1930-х гг.

Заметки С.М. Дудина о цветовой гамме фресковой живописи пещер Дуньхуана имеют чрезвычайно важное значение для современных реставрационных работ, ведущихся на историко-культурном памятнике в рамках китайских национальных и международных программ. В этом смысле ввод в научный оборот дневников С.М. Дудина имеет важное практическое значение и расширяет международное научное сотрудничество по тематике дуньхуановедения и в вопросах сохранения историко-культурного наследия на трассах Великого шелкового пути.

Дневник С.М. Дудина написан чернилами. Многие слова исправлены.

[1]

12/V. Снаряжение экспедиции начато в конце апреля и было закончено к 12 мая. Перечень инструментов и материалов для работы, а также и хозяйственное снаряжение экспедиции – см. записную книжку № 1.

Значительный багаж и трудность достать по тракту Семипалатинск – Чугучак достаточное количество лошадей заставили С.Ф. Ольденбурга разделить экспедицию на два отряда. В первый вошли я и Биркенберг, во второй – Сергей Федорович, Смирнов и Ромберг. Наш отъезд назначен на 20 мая. Сергей Федорович выедет 27–30, в зависимости от того, как он сумеет выпустить отчет по прошлой экспедиции, печатанием которого он сейчас занят¹.

Поездка в Париж по поручению Сергея Федоровича дала мне возможность проверить мое фотографическое снаряжение, купить кое-что, чего у меня не было, для освещения при съемке темных пещер и, что важнее всего, познакомила меня благодаря любезному содействию В.В. Голубева² и Пелио с полем работ. Снимки Пелио (около 450) настолько хороши и подробны, что позволяют почти точно установить план работ. Сохранность росписи такова, что калькирование и фотографирование должны дать вполне четкие результаты. Условия работы, по-видимому, почти те же, с какими приходилось считаться в прошлую поездку (1909 год), т. е. большинство снимков можно будет исполнить при обыкновенном дневном свете. Часть же придется снимать при ацетилене³ и вспышке молнии⁴. Ацетилен пригодится и при калькировании в темных местах.

План работ более подробный установится на месте. Сейчас же я думаю, что все внимание будет обращено на снимки иконографического характера и на изучение техник росписи, их различий и т. д. Таким образом, фотографии разобьются на снимки общего характера (виды пещер и т. под.), снимки сборные и снимки подробные к сборным, в зависимости от важности росписи в том или ином масштабе. Кальки – главным образом, контуры характера с прокладкой заметных тонов. Остальные – законченные. Затем несколько акварелей, передающих не только рисунок и тоны росписи, но и ее общее впечатление. Прием – контур по фотографическим снимкам большого масштаба, затем письмо с натуры.

[1 об.]

Очень хотелось бы захватить в [...] и кое-что закончить там фотографированием.

Пересматривая дневник прошлой поездки, я начал на отдельном листке список станков от Чугучака до Урумчи с пометками часов отъезда и приезда, количества верст и характера воды. Выписываю его снова, так как это очень пригодится в пути.

1. Чугучак – Шиботу. 35 верст (?). 9 часов утра – 2½ ч. дня. Арычная вода.

Шиботу – Дурбульджин. 25 верст. 5 часов вечера – 9 часов вечера. Река Эмель⁵. Надо проехать город и остановиться у реки.

2. Дурбульджин – Курте, Курте – Харахулсын⁶ – 55 верст. Вода речная, мутная, но годная для питья. Курте-Харахулсын. Большой арык, вода сносная.

3. Харахулсын – Толу. 7 часов утра – 12 часов дня. 23 версты. Ключевая хорошая вода.

Толу – Ямату. 3 часа дня – 8 часов вечера. 27 верст. Хорошая вода, речка.

¹ См.: Ольденбург 1914.

² Голубев, Владимир Васильевич (1884–1954) – математик, механик, организатор и первый декан механико-математического факультета МГУ (1933–1935, 1944–1952), член-корреспондент АН СССР (1934); к моменту написания письма, в 1913–1914 гг., В.В. Голубев стажировался в университетах Геттингена и Парижа (1913–1914 гг.); см.: Белоцерковский, Ишлинский, Кочина, Шабат 1985: 225.

³ Ацетилен горит ярким белым пламенем, комфортным для фотографирования и калькирования.

⁴ Здесь – магниевая вспышка.

⁵ Точнее – Эмель.

⁶ Точнее – Сары-хулсын.

4. Ямату – Кульденен. 6 часов утра – 10 часов утра. 25 верст. Ключ, хорошая вода. Кульденен¹ – Оту. 12½ ч. дня – 4½ ч. дня. 20 верст. Илистая плохая вода.

5. Оту – ключ за пикетом Сарджак. 20 верст. 6 часов утра – 10 часов утра. 20 верст. Чистая солоноватая вода.

Сарджак – Олон-булак. 12½ ч. дня – 3 часа дня. 15 верст. Солоноватая вода.

6. Олон-булак – Куль. 6 часов утра – 10½ ч. утра. 30 верст. Вода гнилая из колодца.

7. Куль – Чипейдзы. 6 часов вечера – 1 час ночи. 30 верст. Речная илистая вода.

Чипейдзы – Тхеуте. 12 часов дня – 6 часов вечера. 25 верст. Вода из колодца, плохая.

8. Тхеуте – Шихо. 8 часов вечера – 3 часа утра. 20 верст. Дорога кочковатая. Вода речная.

9. Шихо – Кийтым. 9½ утра – 3 часа дня. 30 верст. Хорошая вода.

Кийтым – Янцыхай. 8 часов утра – 3 часа дня. 35 верст. Вода отвратительная.

10. Янцыхай – Сандохоза. 7 часов вечера – 1 час ночи. 22 версты. Вода плохая.

11. Сандохоза – Улан-усу. 9 часов утра – 1 час дня. 20 верст. Чистая, но болотная вода.

Улан-усу-Шихо-дзы.

11 июня. Чугучак. Из Санкт-Петербурга мы, то есть я и Биркенберг, выехали 20 мая в 8 ч. [2]

35 м. вечера. В Омск мы прибыли в 4 часа утра. Из Омска выехали в 8 часов вечера, точнее дня, на пароходе «Михаил Плотников»². В Омске при перевозке вещей с вокзала на пристань возчик опрокинул воз, и чемоданы, вернее ящики, попадали в лужу, и кое-какие вещи подмокли. Во всю дорогу до Семипалатинска прекрасная летняя погода с дождиками. Вода в Иртыше высокая, и до Семипалатинска мы дошли в срок и без всяких приключений. До Павлодара с нами ехала партия переселенцев-хохлов из Таврической губернии (12 семейств): девчат и ребят всех возрастов, человек около 30. По вечерам, разумеется, формировалось пение. Песни – больше фабричные, несмотря на малорусский говор. Напевы – монотонные и тоже напоминающие частушки и проголосные³ фабричные песни. На пристанях обычная толкотня казачек и казаков в интернационально-сибирском одеянии, представляющем какую-то смесь фабричного франтовства с чисто бродяжеским <18>80-х годов. Бабы торгуют яйцами, молоком, рыбой. Рыба мелка и дорога. А сварить ее или изжарить в буфете стоит еще дороже.

Наш опыт в этом роде – уха из 4-х стерлядок обошлась: 50 копеек за стерлядь, 1 рубль за варку. И мы получили какую-то переваренную дрянь из 2-х стерлядей в количестве 2-х неполных тарелок! Конечно, после такого опыта мы уже не рисковали покупать ничего. Буфет на пароходе отвратительный и дорогой.

Публика 1-го класса – какой-то актер-певец со своей женой, или, вернее, подругой жизни. Актер – Орлов – держал себя орлом. Она – играла в преферанс и блистала, красавица 45-летнего возраста. Лучше были 2 наивности из Казани и из Санкт-Петербурга – ученицы рисовальных школ. По крайней мере, тут красоту заменяла неподдельная молодость, а знания

¹ Так в тексте: строкой выше этот топоним написан с у: Кульденен.

² Возможно, имеется в виду один из пароходов, принадлежавших «Товариществу М. Плотников и сыновья», осуществлявших «без особого расписания» рейсы между Омском и Семипалатинском.

³ Проголосный – длинный, протяжный.

и умение – молодая вера в светлое будущее и в талант. Любопытен был студент из Казани – вернее, несколько студентов. Поражает в них их изумительная необразованность. Впрочем, может быть, это исключительные экземпляры! Кроме своего курса люди ничего не знают, ничего не читали, ничего не видали... Впрочем, в преферанс все они играют великолепно и, кажется, пьют не хуже.

Путь от Омска до Семипалатинска тянется ровно 4 дня, на 5-й в 7 часов утра мы были в Семипалатинске.

[2 об.] Состав экспедиции: С.Ф. Ольденбург, С.М. Дудин, Н.А. Смирнов, В.С. Биркенберг, Б.Ф. Ромберг. Казаки: урядник Горшков, Веревкин, Горбунов, Михин, Манохин, Гомонов, Черников.

ОТ ЧУГУЧАКА ДО УРУМЧИ

Выехали на 4 фургонах. Багаж (135–140 пудов). Лошадей упряжных – 9, верховых – 5.

17/VI. У реки Эмиль. Из Чугучака выехали в 12 ч. 30 м. Фургоны едут, но благодаря тому, что и лошади, и люди не привыкли к дышловой упряжке¹, на каждом арыке и болотине случались остановки: вытаскивали фургоны на руках и тому подобное, до поломок дышл включительно. Дорога рыхлая местами, корм подножный всюду. Поехали мы прямо на Курте, а на остановку прибыли около 12 часов ночи и палаток не разбивали. Ночь свежая.

Дорога по глинистому грунту, кочковатая. Дересун, караганник². Поближе к Эмелью камыш.

18-го вечер. До Эмелья³ верст 8. Характер дороги тот же. Эмель мелок. Дно прочное. До Курте верст 15–16. Курте – дрянная сартовская деревушка⁴. Обрывистый берег реки. Спуск пологий и удобный. Дно крепкое. Верст 8 дороги идет по глине среди дересуна, затем до Шамол-уртона⁵ великолепная мелкогалечная дорога. Остановка не доезжая до Уртона. Пасти лошадей можно по речушке. Корма, впрочем, немного. Вода из арыка. Вода свежая, хорошая, чистая, без какого бы то ни было привкуса. Арыки, пересекающие дорогу до остановки, сейчас не богаты водой, кроме последнего перед станком. Вокруг них корма нет.

Автомобилю проезд возможен.

19/VI. От Шамол-уртона до Толу. Толу – китайская деревушка в 3–4 дня. Здесь прелестные, но страшно запущенные ключи с чистой, почти пресной водой. Корм только покупной. Сноп клевера – 20 копеек. Остальные продукты в том же роде. Яйца – 60 копеек десяток, баран средний – 10–12 рублей. Дорога на всем протяжении хорошая: вначале глина, затем, с 7-й версты, галька с глиной, твердая и прочная. Проезд автомобиля возможен. Наш фургон опоздал на 1½ часа. Причина – усталость лошадей. Мне сдается, что усталость эта объясняется непривычкой лошадей ходить в дышловой упряжке, которая упряжь куплена в Семипалатинске. Дурное управление лошадьми и только отчасти высокая нагрузка фургонов (35–40 пудов). Сделали попытку запрячь тройку, и поэтому остановились на ночевку.

[3] 20/VI. К вечеру дождь, дождь всю ночь. Понижение температуры настолько сильное, что зимние одеяла оказались недостаточны. К 11 часам утра несколько разъяснено, и явилась

¹ Дышло – одиночная оглобля в парной упряжи, размещаемая между лошадьми и прикрепляемая при помощи постромок (ремней).

² Карагай или Карагана – *Saragana Lam.* – род листопадных кустарников или небольших деревьев семейства бобовых (*Fabaceae*).

³ Так в тексте: название данной реки Дудин пишет то Эмиль, то Эмель.

⁴ Не совсем точно: на пикете Курте (30 дворов) проживали китайцы, дунгане и казахи, которые не относились к сартам. См.: Васильев 1912: Маршрут № 3: 8.

⁵ Название не встречается на русских военных картах и в маршрутных описаниях того времени. Очевидно, речь идет о Сары-хулсыне в местном варианте его названия.

надежда, что дождя не будет. И мы выехали. Припряжные лошади везут великолепно. Но дорога от дождя стала хуже. Грязь облепляет колеса, колеса врезаются в грунт. И на подъеме пришлось тащить фургоны пятью лошадьми. Дождь с перерывами шел почти до вечера. Понижение температуры продолжалось во весь день и всю ночь. На Кара-оба – снег. Дорога в смысле автомобильного сообщения вполне подходящая при условии сухого состояния. В мокрую погоду идти будет несколько трудно. Подъемов 2 длинных и достаточно крутых, также глинистых. Спусков длинных 3. Ямату. Кормов подножных нет. Цена на клевер 20 коп. сноп. Барана можно купить. Цена 6 рублей 50 коп. за среднего барана.

21/VI. Опять во весь день холод и к вечеру (3 часа – и так далее) дождь и понижение температуры. Ущелье до 5-й версты и далее совершенно проходимо для автомобиля, несмотря на некоторую каменистость пути, что, конечно, вызовет только сильно замедленный ход. На 5-й версте необходимы или небольшие подрывные работы, или просто заложение камнями и щебенкой тех уступов от обвалившихся камней, которые есть сейчас. Дальнейшие подъемы и скатки удобны и для автомобиля, и для всякого другого передвижения, даже в дождливую погоду, так как грунт твердый (песчано-каменистый). В Кульденене (до него 20 верст) мы не останавливались. Здесь небольшой ключ с прекрасной питьевой водой, выбивающийся из гранитной россыпи. Небольшая полянка с подножным кормом. Можно купить корм лошадям. До Оту – 22 версты, хорошей дороги поменьше. Подъемов мало, и все более или менее пологие. Горы низкие в виде холмов, типичные для гранитов (ущелье Ямату местами очень живописно из-за обрывистых скал, красивых гранитных склонов и смелого рисунка гор и зелени, покрывающей склоны гор. Перевал пологий. На нем обычное обо¹. Спуск тоже пологий и покойный). За Кульдененом много могил (калмацких). Кругом обведены каймами из камней и в них каменных куч. В Оту вода на этот раз более приличная, но с привкусом соли. Подножный корм в стороне от станка.

К вечеру ветер усилился, температура понизилась градусов до 6. Пасмурно и срывается дождь.

У Оту любопытны формы выветриваний гранита, здесь он носит пластовый характер, и отдельные глыбы его напоминают фигуры зверей, дома, [...], хлебы и т. п. На холмиках масса обо.

[3 об.]

22/VI. Ночью дождь и ветер продолжался. Утро – холодно, но светит солнце. День обещает быть хороший. Дорога дальше может быть высохшей, и опасения грязи на Куле и далее начинают рассеиваться. День облачный, но без дождя. До Сарджака дорога великолепна благодаря тому, что сухо (глина и галька) среди куполовидных гор. От Сарджака характер дороги тот же, пейзаж тот же, только горки ниже. На середине дороги выходы каких-то изверженных пород, сильно выветрившихся. Они чернеют среди зеленоватого фона какими-то странными лучами, неправильными и иногда жуткими. Блестящая черная, черно-красная поверхность их придает им вид залитых кровью жертвенников, разрушенных и забытых. На пути 2 крутых спуска. На первом из них, благодаря неосторожности нашего возницы, один из фургонов опрокинулся и сломал дышло. К счастью, это был кухонный воз с вещами, не боящимися боя и поломки. Дорога большей частью идет руслом сухого ручья по ущелью среди низких куполов гор. У Олон-булака² меняется и подножный пейзаж – появляется саксаул, и карагайник и другие травы исчезают. Граниты заменяются глинистыми сланцами. По дну сухого ручья – местами то показываясь, то опять пропадая, бежит ручей с приличной на вкус и прозрачной водой. В Сарджаке ключ занесен брекчией³, но еще существует. В Олон-булаке – тот же ключ

¹ Обо – от *монг.* овоо – «куча», «насыпь» – культовые места в культуре тюрко-монгольских народов Центральной Азии; представляют собой нагромождения камней, деревьев, часто украшенные ленточками.

² Олон-булак – пикет, на котором имелось три постоянных двора и импань для небольшого китайского караула. С сентября по июнь близ пикета размещался казахский аул в 20 юрт.

³ Брекчия – горная порода, сложенная из угловатых обломков (размерами более 1 см) и сцементированная.

с солоноватой водой, годной для питья. Барана здесь мы не достали. Оводов пока нет (в прошлую поездку они начинались отсюда).

23/VI. Утром свежо. Проехали до Куля. Ветер сделал кожу нечувствительной. До 15-й версты – дорога по галешнику, среди низких холмиков, с 16-й версты – талыры¹, покрытые тамариском, караганником вперемешку с саксаулом. Дорога глинисто-песчаная, мягкая и трудная для телег. Остановка в 11 ч. 10 м. дня. Думаем выехать вечером в 8 часов. Оводов на пути до Куля не было. На Куле [. . .] и, таким образом, можно надеяться, что до Чипей-дзы оводы будут, и потому необходимо ехать ночью. За 4 года Куль не изменился: те же дяни, та же грязь, та же бедность пейзажа. Скрашивают его лишь горы Боро-хото, видные направо от дороги. На этот раз они видны отчетливо ясно и кажутся длинной неизменяющейся лентой кучевых облаков, застывших на голубом безоблачном небе, а массивы гор – тем же небом, только чуть-чуть потемнее и полиловее. Вода на Куле, как и раньше, – солоноватая и горьковатая, но чище и холоднее.

[4]

24/VI. Из Куля выехали в 8 часов 10 минут вечера. Оводов, благодаря этому, почти не было. Ночь светлая, лунная. Дорога по равнине то с твердым глинистым грунтом, то мягкая, песчано-глинистая. Солончаки с глауберией². Около 12-й версты начинают встречаться деревья – джигды, осины, тал и ивы, группами и в одиночку. Всюду, почти что от самого Куля, следы больших и малых арыков. У Эрдхе³ деревья гуще и больше (на 15-й версте) и тянутся таким образом до самого Чипей-дзы. В Чипей-дзы мы прибыли в 12 часов ночи и остановились за селом на левом берегу среди ивняка, джигды и других деревьев, окаймляющих оба берега. Речка Кийтым⁴ мутная, быстрая, с горьковатой медленно отстаивающейся водой. На вкус вода илистая, горьковатая, но для питья годная. Берега обрывистые и глинисто-песчаные, так что купаться было неудобно и поэтому, и потому, что вода слишком грязна. Село – 5–6 дворов с чайной и лавчонками. Через реку прочный, хороший мост. Корм – 15 к. за сноп клевера (в Куле – 30 к.). Яиц нет. Барана купили за 10 рублей. Овощей тоже нет. Остановились дневать с тем, чтобы выехать снова ночью, так как оводы не позволяют ехать днем, да и лошади не успели бы отдохнуть.

25/VI. Путь от Чипей-дзы до Тхеуте (22 версты) и от Тхеуте до Шихо прошли к 6½ часам утра. Дорога везде приличная, кроме немногих таких мест у самого Шихо (верст 8 не доезжая до города и за 2–3 версты). У Шихо великолепные шоры белые. Ветрено. Белая пыль курится в воздухе. Впечатления. Жарко. У Шихо много новых заимок. Рисовал поле. Городок несколько вырос. Речка вся заросла камышами. Вода чиста, хотя несколько илистая. Остановка при въезде в город. Стояли целый день, чтобы дать отдохнуть лошадям. Отправили письма с китайским конвоем.

26/VI. Выехали в 8 часов утра. Дорога сперва рыхлая, потом, приблизительно с 10-й версты, верст 6 – по галечниковой россыпи реки Кийтына. Кийтын распадается на несколько мелких, но быстрых протоков. Переезд через них произошел вполне благополучно. От реки Кийтына до пикета Куйтуна опять по глине. До реки Кийтына несколько размытых арыков. Равнина, неровности с деревьями, направо горы, но видно их из-за сухого тумана плохо. Облачно, изредка тень. День жаркий.

P.S. В Шихо цены: мясо – 15 копеек фунт. Клевер 1½ копейки сноп. Вода из реки без соли, чистая.

¹ Очевидно, такыры – *тюрк.* «гладкий, ровный, голый»; имеется в виду форма рельефа, образуемая при высушении засоленных почв.

² Имеется в виду глауберит: природная двойная соль – сульфат натрия и кальция. Глауберит бывает бесцветным, красноватого, желтоватого или сероватого оттенка, блеск стеклянный или жирный.

³ Небольшое заброшенное село.

⁴ В маршрутных описаниях название реки – Чапаиза. См.: Васильев 1912: Маршрут № 3: 23.

Куйтун – станок с 2–3 китайскими дянями. В одном из них, в котором мы остановились, колодец с чистой, приличной водой.

27/VI. От Куйтуна до китайского дяня на 12-ой версте ровная, хорошая дорога. То же до станции Янцыхай. Отсюда дорога идет по мягкому лессовому грунту среди карагача и других деревьев, все время пересекая протоки речки. Дорога сильно размыта и загрязнена. Колеса наших фургонов местами увязали по ступицу, и на пространстве около 3 верст их пришлось тащить, впрягая по 5 лошадей, что, конечно, отняло у нас немало времени. К остановке на одной из протоков реки, вызванной усталостью лошадей, присоединилось еще следующее неприятное обстоятельство. Виктор Сергеевич, не доезжая 7–8 верст до китайского дяня, на полудороге отъехал в сторону, чтобы поохотиться на коз, во множестве встречающихся на этом станке. Он не явился в Янцыхай, несмотря на остановку, длившуюся более 2½ часов. Выглядывать его послали казака. Через 1½ часа казак доложил, что не видел Виктора Сергеевича. Пришлось изменить дальнейший переход. Именно: Сергей Федорович и Борис Федорович с урядником отправились отыскивать Виктора Сергеевича, захватив для этого нескольких китайцев с Янцыхая. А мы отправились далее. Так как на остановке пили чай и кормили лошадей, то с нее мы отъехали только в 8 ч. 25 м. вечера. К этому времени небо обложили тучи, собралась гроза. Но дождь только погрозили и слегка накрапывал около ¼ часа. Гроза прошла горами. Дорога от Янцыхая верст 14 твердая по степи. Затем она идет опять на заросли карагача и делается более мягкой, опять попадаются размытины от арыков и безымянной речушки, протекающей у китайской деревушки Сандохоза. До деревни Сандохоза такой дороги около 8 верст. Остановились мы у самой деревушки. Невдалеке от того места, где ночевали и в прошлую поездку, то есть перед арыком на площадке перед громадными карагачами, за 4 года сильно возросшими. Вода в Куйтуне из колодца в китайском дяне направо от дороги, свежая и недурная на вкус (слегка горьковатая).

В китайском дяне на полудороге (на 12-й версте) из колодца глубиной в 50 аршин, вырытого недавно, <вода> серная, горьковатая, в несколько большей степени, чем в Куйтуне. Плата – 2 коп. за ведро. В Янцыхае вода мутная, отстаивается очень медленно и никогда до полной прозрачности, горьковатая. В Сандохоза – из ямы, наполняемой из арыка (направо от дороги в одном из сартовских дворов). Отстаивается так же медленно и не до полной прозрачности. На вкус горьковатая, но в слабой степени. Вообще эти воды плохо утоляют жажду. Прибавка клюквы или какао значительно улучшает их вкус и жаждуутоляемость. Корм для лошадей везде надо покупать. Цены сносные. Для людей – можно достать китайский хлеб и яйца. В Сандохоза – и баранину.

[5]

28/VI. Утро. Сергей Федорович и Борис Федорович не возвращались.

P.S. От Тхеуте до Шихо на 14-й версте мост через реку Кийтын, слабенький, и 3 плотины, плохо содержимые и потому с выбоинами и грязью.

P.S. Вода в речке у Янцыхай минимальная около 4 часов дня. Утром наиболее свежая. Ведь в протоках она очень теплая, что еще более ухудшает ее годность для питья. Кипячение почти не помогает осадить глины.

P.S. Вчера от жары (без ветра) прихворнуло трое казаков, но, к счастью, к вечеру оправились совершенно.

В 2 часа дня возвратились Сергей Федорович, Борис Федорович и Виктор Сергеевич. Оказывается, что у Виктора Сергеевича убежала лошадь, таким образом, то, что мы и ждали, – лошадь не найдена, но распоряжение о поимке ее сделано.

29/VI. Утро несколько облачное, потом ясно, но жары не было. Прохладный ветерок умерял пекло солнца. До Улан-усу дорога мягкая, но сносная. За Улан-усу до деревни перед Манасом (не доезжая 6–7 верст) дорога проходит между камышами по гатям и без них. Состояние

их настолько ужасно, что колеса фургонов загружают по ступицу, что при неровности выбоин делает переправу еще более затруднительной. Один из фургонов на 2-й загоре¹ (в 1 версте от 1-й) опрокинулся, соединенными усилиями казаков и троих из нас он был быстро поставлен снова. Но я боюсь все-таки, что часть пластинок пострадала. До камышовых зарослей дорога идет по зарослям карагача и других деревьев. Китайские деревушки или [...] дворы идут почти без перерыва от Сандохоза. Все они почти заброшены. [...] мяо и поля неряшливы так же, как и города. У дороги – роскошные карагачи, часто гигантских размеров. Очевидно, раньше здесь жили [...] лучше. Об этом, впрочем, свидетельствует и масса развалин фанз, дувалов² и т. под. Направо от дороги – те же горы. На этот раз они загорожены густой стеной облаков, прорывающейся лишь изредка. Деревня ...³ верст за 7 до Манаса, довольно велика и больше встречавшихся раньше (от Шихо). У Манаса года 4 тому назад был дьянь, теперь он заброшен. Переезжают выше дьяня, а не ниже. Вода в месте перевоза в одном из рукавов выше ступицы сартовской арбы (на вкус вода приличная, хотя и мутная). Пришлось остановиться на ночевку⁴, так как, по словам перевозчиков, на заре вода всего ниже.

При въезде в деревню Улан-усу любопытна цилиндрическая башня из обожженного кирпича. Снята. При съезде в деревушку перед Манасом (Шан-за-ха) развалины сторожевой китайской башни, глинобитной. И башня круглая и сторожевая направо от дороги. В Улан-усу – развалины китайской крепостцы обычного типа.

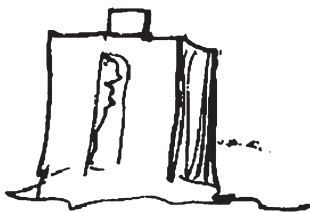
30/VI. Вода в Манасе к утру (6 часов утра) убыла на 3 вершка. Утро пасмурное, прохладно. Переезд произошел вполне благополучно, но затянули, благодаря необходимости разгрузки фургонов, на 5 часов времени. Быстрота движения воды в Манасе около 7 верст в час. Глубина – выше ступицы колеса фургона, то есть более 1 аршина. От нынешнего места переправы до Манаса верст 6–7. Дорога хорошая. Манас – небольшой китайский городок с обычной вонью и грязью. Любопытны в нем остатки старой крепостной стены и ворот (западная сторона), типа развалин 16 века. На базаре мы встретили урюк, плохие дыни и арбузы. Из Манаса выехали часов около 7. Ночевали перед городом на берегу мутной горной речки. Вода годная для питья, но горьковатая.

1/VII. Путь через Да-ши-хо, Ло-то-и, Тухуну. До хуторка Нань-са-дза по лёссу, мягкому, глубоко размокающему от арычной воды и потому затрудняющему грузовое движение. Все безымянные речки в сильном разливе, что делает дорогу еще более дурной и трудной. Вода везде мутная, арычная, горьковатая. В Нань-са-дза колодец с чистой, но тоже солоноватой, пахнущей срубом водой. У хутора в 1½ версте далее деревушки, где можно достать клевер и кое-какую пищу, вроде яиц и тому подобное. Погода: облачно, не жарко, но душновато. Ночью дождь и ветер. Ночь свежая.

2/VII. С утра пасмурно и прохладно. Так и во весь день.

P.S. Дорога обсажена деревьями. По пути много брошенных фанз. Китайское население, по-видимому, теперь более сильно в крае, чем 4 года назад. В двух деревнях мы встретили китайские сторожевые разрушенные башни с лесенками, вырубленными в толще башни.

От ночевки до Цзхань-цза характер дороги тот же. Из-за дождей в горах, реченьки некоторые на карте, размылись массой глубоких быстрых проталин, через некоторые из них

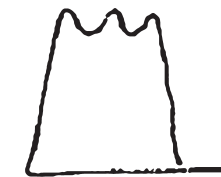
¹ Загор – скопление донного льда; здесь – скопление воды, глубокая лужа.

² Дувал – глинобитный забор.

³ Многоочие оставлено С.М. Дудиным. Скорее всего, речь идет о крупном селении Ши-хо-цзы, отстоявшем от Манаса в 13 верстах. Других крупных селений на участке маршрута от Улань-усу до Манаса не имелось.

⁴ Так в тексте вместо «ночевку».

мы переправились с большим трудом. В Джунгарской крепости плотина, дурно содержалась, но на этот раз она была более или менее прилична. Долины речек галешниковые. Дно речек более или менее твердое. Хотуба и Ухан-цза – большие деревни, населенные дунганями. Ячменя нет. Клевер, мясо и тому подобное можно достать по приличным ценам. По пути местами встречаются верстовые столбы из глины по 5 штук. В деревушке Хотуба – любопытный китайский гумбарий (см. фотографию) с глиняными вставками из терракотового орнамента.

За Хотуба нас встретил джигит консула и много помог нам при переправах.

3/VII. Переход до Урумчи. Две речушки, разлившиеся после дождей, – за деревней Цзхань-цза и далее. Остальная часть дороги вполне хорошая. В Урумчи прибыли около 4-х часов дня. Остановились в консульстве. Консул господин А.А. Дьяков встретил нас верст за 8 перед Урумчи с конвоем казаков.

4/VII. Стоянка в Урумчи.

Необходимость докупить несколько лошадей, починка фургонов и т. п. заставили нас простоять в Урумчи девять дней. В это время мы сделали визиты, к слову сказать, совершенно бесполезные ввиду тупости и недоброжелательности местных китайских властей, да, кстати, и консула, занятого лишь собою и соблюдением престижа, кстати сказать, крайне оригинально им понимаемого. Местным властям¹. Были у почтового чиновника англичанина и у миссионера.

12/VII. Сегодня выехали из Урумчи. Верстах в 2 за городом остановились для того, чтобы дать возможность местной русской колонии почтить нашу экспедицию проводами. В бухарской палатке наскоро был скомпонован восточный завтрак – чай, шашлык и шампанское. Присутствовали купцы с Чанышевым во главе, консул Дьяков с женой, офицер Анатолий Петрович Михайлов², доктор Пер Франсуа³ – миссионер, начальник почтово-телеграфной конторы англичанин Т. Гоп⁴. Консул пожелал нам счастливого пути и удачи. Сергей Федорович благодарил за гостеприимство и участие. И мы выехали далее. Дорога вскоре входит в ущелье, по которому бежит густо заросшая зеленью здесь же из десятка ключей образующаяся речонка с чистой прозрачной пресной водой. На ней десятки китайских мельниц сартского типа и толчей. На Орисонте⁵ (на 8–10 версте от города) расположены кумиренки на горке, наскоро разбитые харчевни и чайхона. Завод для чеканки монет. Театр. Масса китайских приезжающих погулять, попить целебной воды и, кстати, поиграть в карты и кости. Все ущелье очень живописно. Его виды скрашивает Богдо-ула, видимое потом на всем пути до деревушки Гумиди (Кумиди), расположенной на той же речушке. За Орисонтом речушка течет по глубокому, достаточно широкому пологому, прорытому в толще брекчии. Глыбы обвалившихся стен [...] местами чрезвычайно дики и живописны, особенно там, где выветрившиеся глыбы носят причудливый странный характер. Далее, то есть версты 2–3–4, долина расширяется. Начинаются пашни. До Гумиди 2 деревушки. В Гумиди красивы кумиренки. Невдалеке от Гумиди небольшое кладбище с тремя разрушившимися памятниками, 4-угольным, круглым и шестиугольным. Типом напоминают ступы. Это, конечно, современный памятник. В Гумиди базар. Можно достать зелень, мясо, корм для лошадей. Вода с реченьки сравнительно чистая и пресная, свежая, легко отстаивается. Цены те же почти,

¹ Так в оригинале: фраза не окончена.

² О нем см. выше.

³ На левом поле стоит чернильная приписка, сделанная другим почерком: (Hoogers). Она позволяет опознать в отце Франсуа бельгийца Франса Хоогерса; о нем см. выше.

⁴ Искаженное написание фамилии, следует: Тадхоуп. О нем см. выше.

⁵ Очевидно, одно из местных названий пригородного селения Читаун. На русской 40-верстной карте южной пограничной полосы Азиатской России – Читаун. С.М. Дудин в своем маршрутном описании «От Чугучака до Чанфудуна» (см. ниже) сообщает, что монетный двор и базар располагались в местечке Читаун в 10 верстах от Урумчи.

что и в Урумчи, то есть недорогие. От Урумчи до Гумиди – 20–22 версты. Выехали мы с 11 часов утра (с остановкой и привалом), приехали в 2 часа 20 минут.

[7 об.]

13/VII. Переезд до селения Фукан почти на всем пространстве идет по холмам лесса. Небольшие солончаки перерезают дорогу у селения Гумиди. На полудороге – китайский дянь с колодцем со скверной соленой водой. Под Фукан верст за 8 начинаются поля гаоляна, пшеницы и т. под. Масса арыков.

Богдо-ула видна, но плохо из-за сухого тумана, усилившегося перед дурной погодой. Фукан – городок обычного китайского типа с неизбежной крепостью, лавками и т. д. Остановились мы за городом, повернув по проселочной дороге к югу версты на 1½. Арык. Приличная вода, хотя несколько мутная.

14/VII. С вечера 13/VII небо затянуло тучами. Около 12 часов сильный ветер и дождь. Дождь мелкий упорный почти во весь день. Дороги заречили, арыки переполнены грязной дождевой водой. Выехать ввиду этого, конечно, нечего было и думать. Отъезд отложили на 15-е на 9 часов утра, в зависимости от погоды. Ветер может просушить несколько дорог, а речная вода значительно сбудет.

P.S. Лошади, несмотря на продолжительный отдых в Урумчи, идут плохо. Правда, в Урумчи несколько увеличен груз (серебра на 6000 рублей, то есть около 19 пудов!). Главная причина – не привили лошадей к гороху и гаолян, отсутствие ячменя и овса и невозможность добыть свежий клевер (2-я жатва не поспела, 1-я вся уже выщипана)

P.S. На пути тоже никаких караванов, движение вообще ничтожно. Арбы и китайские повозочки, встречавшиеся нам в очень, правда, ограниченном количестве, – все местное сообщение, таким образом, соседних деревень, а не дальнего следования. По-видимому, лето – самое небожкое время для караванов.

[8]

15/VII. Переход до середины между Фукан и Цзы-ни-шуань до постоянного двора Да-чуань на 20-й версте. Дорога глинистая, прорезана множеством арыков. Направо-налево тот же пейзаж, что и раньше. У деревни Фукан те <же> заросли карагача, джигды и т. д. Пашни. Не доезжая верст 6 до постоянного двора растительность прекращается и дорога делается степной. За постоянным двором – солончаки. Шоры заросли местами чиём, тамариском, саксаулом (в небольшом количестве), колочкой. Почва – то сравнительно твердая, то от дождей оборотившаяся в топкую грязь, в которой лошади увязают по брюхо, а колеса – по ступицу. На всей дороге до ночевки, то есть на протяжении около 5 верст, караван еле плелся. Лошади устали, и фургоны приходилось тащить чуть ли не на руках. Один из них увяз так, что опрокинулся, и его пришлось вытаскивать. К счастью, все обошлось более или менее благополучно, вещи, по-видимому, не подмокли (калька и стекло). Остановились на полянке, несколько более сухой, чем окружающее место, среди чиевника (от разлившихся арыков и сухих ручьев степь на больших участках затоплена). Красивый тихий вечер. Чудная ночь с неполной луной. Красивые горы.

16/VII. Переход до разрушенной деревни Курету (22–23 версты от вчерашней остановки) у великолепного, хорошо содержимого арыка с чистой, совершенно пресной (1-й раз за всю дорогу) водой. Дорога сначала по шорам, потом в шоре за деревушкой Цзы-ни-шуань, опять по карагачевым зарослям, с целым рядом мелких арыков. Мостики частью целы, но для автомобиля, безусловно, не подходящие. Горы особенно красивы, контуры их, изменяясь, приобрели очень красивую линию. Чистый воздух позволял видеть все детали. Особенно хороши они были вечером – залитые розовым светом. Виды их тонут в глубоких сумерках. Верхушки медленно гаснут, секунда за секундой, меняя розовый тон на оранжевый и светлый соломенный. Развалины дяня. Относятся, по-видимому, к <18>70<-м> годам (дунганское восстание¹). Заимки на всем

¹ Имеется в виду восстание дунган в Западном Китае (1862–1877).

пути довольно частые, но жалки и бедны. Запашки ничтожны. В соседней деревушке можно достать корм для лошадей и баранов.

17/VII. Переход до Сан-тая. Дорога по лессовому грунту, множество разлившихся арыков. Осмотрели одну разрушенную кумирню, похож<ую> по плану на монастырь в Яре¹. При ближайшем рассмотрении сходство оказалось поверхностным. 2-я кумирня у деревушки на полудороге того же типа. Много лепных украшений. Комплекс кумирен у Сантая на красивой горке (лессовой), очень недурных по постройке и <с>лепным украшениям, мы осмотрели вскользь. Во всех сохранились остатки скульптуры, грубо окрашенных фигур, техника их та же, что и в Турфанских старых пещерах. Сантай – большая деревня, частью китайская, частью сартовская. По пути много разрушенных фанз [...] Сами деревни все выстроены на новом месте – несколько далее кумирен.

[8 об.]

18/VII. Путь до Изими-сара не совпадает по количеству верст с картой. Не совпадают и названия деревень на всем почти пути от Урумчи до Ирчена. Мне кажется, что объяснить это можно тем обстоятельством, что на карте приведены не китайские названия, а сартские. Кроме того, некоторые из деревень, обозначенные на карте, исчезли и выстроились на другом месте².

Путь – тот же характер, что и вчера: деревья по пути направо и налево, разлитые арыки сильно затрудняли дорогу (один воз опрокинулся, с тем же возом два раза возились, вытаскивая из грязи около двух часов).

Джемиссар – скверный китайский городишко, залитый вонючей грязью.

Развалины Почензы мы не осматривали, так как до них около 8 верст в сторону степи. В 5 часов вечера мы поехали к буддийской китайской кумирне, где, по словам местных жителей, находится будто бы открытый в реке Будда каменный. Кумирня живописно расположена на верхушке невысокого предгорья (очень перемешанного с гальками). Построена она лет 10 тому назад. В ней театр и, кажется, что-то вроде публичного дома. Мы застали какую-то пьесу. Будду мы рассмотрели. Он расположен в задней части обхода пещеры. Окружен мелкими статуэтками. В боковом проходе – фигуры архатов (коротконогие, головастые), по-видимому, не современные, но и не очень старые. Монахи – в синем с черными цилиндрическими шапочками. Между ними много пьяных. Сегодня попался навстречу большой караван с грузом шерсти (монгольские телеги).

19/VII. Еще караван поменьше с тем же грузом (груз, однако, не из Хами, а местный, как оказалось из расспросов). Путь до половины расстояния (18 верст) среди полей, деревьев и разлившихся арыков. До Гучена – по чиевой степи. На первой половине пути много хороших, чистых арыков с пресной водой. На второй половине – несколько (3–4) частью пересыхающих ключей. Гучен – большой китайский город, обычного для здешних мест типа. Остановились за городом в версте или несколько больше на казенной мельнице с терраской, живо напомнившей мне Янгибах, у пресного, светлого, прохладного арыка.

[9]

20/VII. Стоянка в Гучене.

21/VII. Переезд до Чи-тей-сян по ровной галечниково-глинистой дороге. Пасмурно. Изредка дождь. На полудороге 2–3 дяня с колодцем, с чистой, хорошей водой. Остановились у города (не проезжая его). Вода из большого арыка, чистая и хорошая. Дождь с вечера, дождь всю ночь. Тихо.

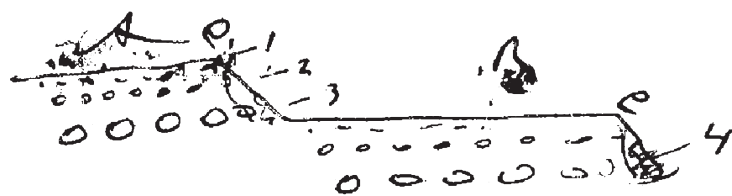
¹ Имеется в виду в Яр-хото.

² Здесь С.М. Дудин дает совершенно верное разъяснение причин частого несоответствия географической титулатуры на русских картах местной топонимике. К этому следует добавить, что в основной период русского картографирования Синьцзяна (1870–1905) преобладающим населением провинции были неханьские народы, и, соответственно, доминировали географические названия на местных языках, которые и использовались русскими путешественниками и военными топографами. По мере усиления ханьской колонизации края и введения китайской администрацией практики дублирования (или полной замены) географических названий на китайский язык топонимы на местных языках стали все реже использоваться. Этот процесс широко стал развиваться в республиканский период, что и было совершенно верно отмечено С.М. Дудиным.

22/VII. С утра продолжается дождь и идет до 11 часов дня. До половины станка дорога по лессовой степи, вторая половина – по узкой долине между пологими невысокими холмами, тоже лессовыми и, частью, черноземными, занятыми богорными полями (пшеница и горох). В этом регионе дороги засыпаны более или менее крупными гальками и плохи. Деревня Мулихе – большая, красиво расположенная на холме и по низу за каменной долиной сухой реки. Речка, полная великолепной воды, проходит через деревню. (Мост) среди лессовых обрывов (лесс ветряного образования). Татары приготовили встречу за городом, но мы до этого места не доехали. Баран, кумыс и всякая благодать были принесены к нам в палатку. Договорили две арбы для перевозки клевера и ячменя от 4-го станка, считая от сегодняшнего, по 7 лан в день. Первые три станка обеспечены разрешением китайских властей приобретать фураж из казенных запасов на станках.

23/VII. Всю ночь – мелкий дождь. В 4 часа 29 минут ощущалось легкое землетрясение, продолжившееся около 1/4–1/2 минуты, утро холодное (около 11 градусов), пасмурное: срывается дождь. К 7 часам утра дождь перестал, а еще часа через два ясно! Дорога идет по увалам¹ глинисто-галечниковым. Увалы с половины (приблизительно) станка принимают однообразную форму, как бы террас с наклонными (к E²) плоскостями и т. д. На первой трети приблизительно ручей с дождевой водой (?), далее сухая речка. Остановка в Санго-Чуанза³. (3 колодца). Все они (колодцы) налицо. Вода, годная для питья, <в> одном довольно опрятно содержимом. Солоноватая, но вполне годная для питья. Корм достали казенный. Для частных надобностей корма нет. В 4 часа 21 минуту было легкое землетрясение с W на E⁴. Б. Ромберг наблюдал его в китайской кумирне. Здесь он слышал скрип балок и наблюдал легкое отклонение колокола. День жаркий, но сильно умеряемый ветром.

24/VII. Холодное яркое утро. Тянет ветерок, тоже холодный и резкий. К полудню ветер стих, но временами его порывы сильно умеряли жар. Хорошая дорога, там же, что и вчера, то есть по увалам. Грунт – лесс с мелкой черной брекчией. На 32 версте вошли в горы – черные, блестящие на солнце, словно выполированные, обнажения пород в связи с бедным травяным покровом, производят впечатление некоторой жуткости и дикости. Горка не высока. Ущелье, по которому мы ехали до станции Ташету, узкое, извилистое, по дну протекает небольшой булак. Кое-где поле пшеницы, значащиеся на карте дяни все разрушены. В степях видятся дикие лошади (соседи с этим скотом) и козы, сбегаящие с гор. Косяки лошадей иногда достигают большой величины. Растительный покров около дороги – полынь, соляник, мелкий кустарничек, похожий на саксаул. Много ящериц 2-х видов. Вода в булаке солоноватая и илистая. В городе много киргизских летонок. Дяни, импань и мяо, образующие станцию Ташету, довольно живописно раскинулись, частью приткнувшись к склонам горы, частью – на дне ущелья. Солдаты и здесь, в импане, и в предшествующем Мэпо. На прошлом станке они ушли к киргизам «добывать» баранов, разумеется, даром. Гора из древних, частью кристаллических, частью микрокристаллических пород, сильно размыта и выветрена. Об увалах необходимо сказать, что (см. рис.):

¹ Увал – вытянутая возвышенность с плоской, слегка выпуклой или волнистой вершиной и пологими склонами.

² К востоку.

³ На русской 40-верстной карте южной пограничной полосы Азиатской России – Сан-го-чуан.

⁴ С запада на восток.

1) мелкая брекчия; 2) брекчия и галька покрупнее; 3) еще крупнее; 4) разные смывы, величина одинакова в А и В брекчии, гальки и цемента, но кажется, что С и С₁ служили продолжением друг другу – за Саго-чинза характер правильности следования увалов несколько маскируется и у входа в горы совершенно пропадает. В склоне увала носит приблизительно следующий характер (см. рис.)

25/VII. Пятница. Путь до Куфи ущельем среди тех же невысоких гор все время подъемом. Версты через три ущелье расширяется в высокую широкую долину. Подъем продолжается. Характер дороги: глина-брекчия, иногда по головам пластов (сланцы, затем кристаллические сланцы и другие зелено-каменные породы). На 17-й версте разрушенный импань и великолепный ключ с холодной чистой водой. Вода слегка пахнет сероводородом, но кажется, что запах исходит от нечистот, разлагающихся на дне колодца (глубина около 1 аршина), а не от самой воды. В полуверсте далее на подъеме – поворот на баркульскую дорогу¹ (на повороте лежит плита с китайской надписью). Подъем продолжается до перевала на 22<-й> версте. С перевала крутые и длинные спуски среди горушек сильно выветренных кристаллических сланцев по узкому ущелью. Остановка у импаня и дяня, где ущелье еще более суживается и идет среди утесов, не лишенных некоторой живописности. Несколько ниже дяня направо от дороги выходит небольшой светлый ключик с горьковатой, но годной для питья водой. Ключик бежит далее по ущелью таким же чистым и прозрачным. На всем пути, описанном сейчас, растительность чрезвычайно бедна (полынь, редкие кустики со мхом. В ущелье, где подходит почвенная вода, – чий и другие родственные злаки). Проезд по дороге ничтожный и не товарный, и, так сказать, сельский – местный.

Красивая лунная ночь, но не холодная, а сухая и теплая. Корм для лошадей отменный.

26/VII. Светлое теплое утро. Дорога идет ущельем, что дальше, то больше и больше грозным, диким и красивым. Направо и налево высокие обрывы гор из шлиферов, поставленных на головы. Изредка эти пласты пронизаны [...] жилами-пластами каких-то изверженных пород, то черных, то зеленых. Шлифер мелкими кусками в осыпях образует громадные конусы накопления. В начале дороги по дну ущелья продолжает течь ключик. Затем через версты 2–3 пропадает и через несколько верст (2–3) появляется снова. Вода только солоноватая, но холодная и светлая. Отдельные виды ущелья поразительно красивы благодаря смелому рисунку утесов, обрывают их и громадиной скал. Растительности почти нет. Невдалеке от выхода начинаются большие размытые полотна конгломерата – выстилавшие дно ущелья и размытые. По поверхности такого плато степь усыпана черной брекчией, выезжаем в долину, занятую бугристыми песками, на которой расположена станция

¹ Имеется в виду дорога на Баркуль – небольшой город близ одноименного озера, через который проходила Большая императорская дорога на Урумчи.

[9 об.]

[10]

[10 об.]

Чигичинза. Бедный дьянь. Импань. 2 колодца. Бугры, разделенные тамариском, достигают 2–8 аршин высоты. Они ведут упорную борьбу с песками (серыми) плато. Господство северного ветра обещает им (пескам) временную победу. Кажется, однако, что в другое время года здесь доминируют другие ветры, доставляющие более питательную для тамарисков почву, и лесс, и желтоватый глинистый песок. Дорога с ущелья очень камениста. Спуски пологие, и на все 20 с лишним верст ни одного подъема. По плато характер дороги тот же. В песках грунт слабый. Вода хорошая, но слегка солоноватая. День жаркий, умеряемый ветром. Ночь душная, теплая. Сухая.

27/VII. Переход сперва по пескам и погибшему тограковому лесу. Затем версты через 3–4 начали пологий подъем в горы по брекчиевой поверхности наноса с редкой порослью саксаула и колючки. В горы – низкие, изрытые, сложенные из песчаников красного, серого и багряного цвета – вошли на 15–16 верст и пришли узким ущельем, извилистым, как все ущелья, до дьяней пикета Чеголу. По ущелью такой же пологий подъем. Дорога трудна, так как почва мягка и на песках, и в ущелье, где, кстати, езда затрудняется трением мелкой брекчии. Горы безжизненные. Жарко, но ветер, временами очень сильный, значительно умерял жар. На пикете два колодца. Лучшая вода в колодце за дьянями ниже мяо. Проточная, холодная и слегка только минерализованная. Ночь прохладная, с сильным ветром, к утру порывами. Во весь день слегка облачно, к вечеру – пасмурно. Но дождя не было.

[11] 28/VII. Утро ясное, ветрено. Ветер во весь день. Переход версты 2 по ущелью, затем по увалам длинным и пустынным, засыпанным брекчией и прорытым глубокими оврагами. Горы на юге и востоке шеренгой из песчаников и конгломератов. Грунт мягкий. На 5-й версте разрушенный дьянь и два колодца с приличной водой. Ивончинза на ровном увале у сухого ручья. Колодец со свежей, несколько пахнущей деревом солоноватой водой. В 4-х верстах к югу – ключи, бьющие из зашоренной горки-островка. Хороший подножный корм – трава и камыш. Вода глауберовая, но годная для питья. Ночью большой ветер.

29/VII. Ветер с утра несколько утих. Свежо, но не настолько, чтобы одеваться теплее. Ветер во весь день почти не стихал. Пасмурно. Дорога по увалам бесконечно пологим, засыпанным сплошь острой брекчией. Грунт – глина с песком – мягкий. Подъемы и спуски. Ночевка на станции Лёдун. Несколько дьяней. Вода из карызя. Есть и колодец. Вода хорошая без всякого привкуса. Ночь облачная, теплая. По пути на всех подъемах по несколько небольших и более крупных обо. В Лодуне любопытна старая сторожевая башня (смотри фотографию).

30/VII. Характер дороги тот же, но подъемов и спусков меньше. На 8-й версте, на 12-й ключи с хорошей водой и травой в небольшом количестве. Характер грунта только немного менее рыхлый. Брекчия мельче. Остановка на станции Таранчи. Великолепный ключ за деревней [...]¹ несколько. Пруд и деревья. Огороды, несколько дьяней.

Погода пасмурная во весь день.

31/VII. Переезд до Тогучи – прелестной сартовской деревушки, утонувшей в яблочных и сливовых садах. Дорога по сплошь засыпанной брекчией лессовой (намывной) степи. Перерываемый на 14-й версте великолепным родником (карызь) с хорошей пресной водой. Население, по обыкновению, глазело на нас до сумерек. Мы проехали сперва к развалинам на Иликоль в 3½ верстах по пути к Хами налево от дороги (в 1 версте). Об том напишу в Хами. Дорога из Иликоль идет через деревушку среди лессовых обрывов и оврагов, по которым с шумом бегут великолепные ручьи чистой холодной воды. В деревне китайцев почти нет. Сарты – красивый рослый народ. Женщины во многих случаях недурны. Особенно хороши дети. Костюм сартовский – типа турфанских сартов. У более богатых смесь с китайским.

¹ Чернила размыты, слово не читается.

1 августа. Переезд до Топули (?). На 15-й версте деревня Астана с великолепным кладбищем среди белых тополей (см. фотографию). На 5-й–6-й версте остановки. До Астаны путь среди лессовых увалов. Грунт мягкий, пальный¹. От Астаны – то же. Направо и налево – поля пшеницы (дозревает), ячмень (жгут). Овес (дозревает), иногда еле-еле распустившийся хлопок. Несколько арыков. Вода везде годная для питья. На 3-й–4-й версте в лессовом обрыве у дороги (налево) нишка с нимбом и пещерка, сильно разрушенная, и следы разрушенных пещер. Деревня Топули – ничтожна, всего несколько дворов. Остановка у пруда, очень живописного, на плотине – заросли громадными ивами у мельницы.

Во весь день жарко, но нежный ветер смягчает жар.

2 августа. Путь до Хами идет по той же галешниковой топи, прерываемой шорами и песками. Под самым Хами она идет по лессовой степи. Местами дорога трудна и теперь (на песках и на шорах). В сырое время года она вся плоха. Верстах в 8 (?) от Хами дьянь с мутной арычной, но сносной для питья водой. Хами от дороги выглядит недурно благодаря садам и украшенной изразцами усыпальнице и китайским постройкам. При проезде через город это впечатление изменяется. Не доезжая 1-й версты до города нас встретили два приказчика торгующих здесь 2-х татарских фирм (покупка шерсти в Хами, Бор-куле и Анси). Угостили дынями, арбузами, яблоками и двумя сортами винограда. Остановились мы в центре города в доме местного сарта. По плану и типу дом совершенно напоминает дом богатого ферганского сарта, с той, пожалуй, разницей, что двор и постройки несколько скученные и грубые. Но остальное, т. е. устройство дома, веранда и т. п., – все то же самое.

Характеристика Хами. Хами – несколько десятков небольших сартовских кишлаков, скученных на более или менее значительной площади. Среди города много пустырей – полей, занятых пашнями хлопка и др., а то и просто пустующих, – под пастбищем для местных лошадей, и коров, и овец. Улицы – их несколько, узкие. Перекрыты в базарной и ремесленной частях камнем – сильно напоминают город Фергану. Торговля бойкая. Посещение вана². Русская мануфактура и торгующие скобяным товаром и т. д. Местные продукты – сартовского жанра, много дынь и яблок и некоторые и другие великолепны на вкус, крупны и стоят буквально гроши (мелкие яблоки – 1–2 к.!).

После визита вану в его дворце и его ответного визита, который я описывать не буду, так как они похожи на визиты наши и ответные наши китайским властям, с той только разницей, что здесь к китайскому ритуалу прибавились сартовские [...] и до некоторой степени сартовское добродушие³. Дворец вана тоже представляет нечто среднее между китайским и чисто сартовским сооружением. Отрадное впечатление производит сравнительное изобилие ковров больших размеров и средних на полах, на тахтах и т. д. Ковры – кашгарские, самого нового производства и потому совершенно не интересные⁴.

Усыпальница. Архитектурой напоминает старые ферганские и кашгарские сооружения. Грубая облицовка из кафели, расписанной синим шелкообразным узором. Находится за городом. Состоит из нескольких [...], из них, по-видимому, старый только один, остальные пристроены позже⁵.

¹ Имеется в виду «горелый».

² Эта фраза обведена чернилами.

³ Фраза не окончена. Так в оригинале.

⁴ Эта запись отражает общий интерес С.М. Дудина к ковроделию в Восточном Туркестане – к теме, которую он обстоятельно изучал в период поездки в Кашгар в 1901 г.

⁵ Речь идет о группе усыпальниц (гумбазов) исламских владетельных правителей Хами. Самой большой постройкой является усыпальница Боксыра (седьмого правителя Хами), возведенная в 1868 г. Сооружение выполнено в традиционном среднеазиатском стиле, имеет в плане форму прямоугольника, входной портал (айван), помещенный между двух боковых минаретов, и покрыта глазурованными изразцами.

Узор тот же, как и всегда в мусульманских религиозных сооружениях.

После ответного визита ван угостил нас принесенным нам на квартиру китайско-сартовским обедом. Тут были китайские всевозможные пирожки, мясные и сладкие, были гнезда ласточки, перепонки, акульки плавники, морская капуста и т. д. и много шурпы, и пилав, и бесподобный пилав, изготовленный по тому же бессмертному рецепту – много великолепно сваренного пропитанного жиром риса, немного мяса, моркови и рому, и урюку (сушеного). Сергей Федорович, не любящий такой кухни, почти ничего не ел. Мы же, т. е. я и Смирнов, Биркенберг и Борис Федорович, отдали честь всей стряпне ванских поваров.

Получили известие (телеграмму от консула в Урумчи) о начале против России военных действий Германией, о присоединении к России Франции. Это известие произвело на всех нас удручающее впечатление. Перед моими глазами словно сквозь прорванную завесу мелькнула мысль: пропала, погибла Россия. Неподготовленная к войне, дурно управляемая, бедная, без промышленности, способной выдержать отсутствие иностранной [...] – она будет разбита через 3–4 месяца Германией. То же будет, разумеется, и с Францией. Горькие слезы закипали в горле. Я не выдержал и расплакался.

Но прошло это. Как-никак, пусть там воюют, дерутся, у нас свое не менее важное дело, а для дела нужны здоровые силы, здоровые нервы...

Ван обеспечил наш караван кормом на весь путь до Анси. Это хороший, и ценный, и нужный подарок. Для свозки корма нашли арбакашей, которые выступили несколько перед нами.

Окрестности Хами – по выезде те же, как что и при въезде. Это ряд пустырей, построек, пашен, т. е. попросту то, что предшествует всякому большому сартовскому городу в Средней Азии. [15] P.S. Землетрясение (см. выше) в Хами было настолько сильно, что повалено несколько стен и многие фигуры дали трещины. В Чан-лю-шуй упало несколько стен (см. фотографию). Час приблизительно [...] землетрясение 2° не отмечалось. На следующем станке тоже отмечено было землетрясение, но слабое (стены целы). В Куфи [...]²

[12 об.]

5 августа. Выехали из Хами в 2 часа дня. Путь за городом по песчаной брекчиевой степи 13 верст, переходящей в бугристые пески, сильно зашоренные³ на больших пространствах, покрытых колючкой и камышом. На 20 версте дьянь и колодцы с хорошей водой. Хуан-лу-кон через 8 верст. Очень красивый издали с ивами, тополями и другими деревьями. Вода в колодце несколько горьковатая и слегка мутная, но годная для питья. День солнечный сначала, к вечеру слабая облачность. Легкий ветер во весь день.

6/VIII. Дорога до Чань-лю-шуй идет слегка в гору по шору, заросшему камышом и колючкой. Местами мелкие тограки. Путь трудный из-за мягкого грунта. Судя по колеям, в распутицу проезд еще затруднительнее, возможны сильные увязания груженых телег. Над слоем шора – песок с глиной (не лесс ли это, засеянный южными ветрами?). В пути приблизительно на равном расстоянии два разрушенных дьяня и два колодца, по отзывам китайских конвойных, с приличной для питья водой. Станок – дьянь, кумирня. Импань. Группа деревьев. Прекрасный оправленный в дерево колодец с прекрасной питьевой водой.

Погода – отлично с утра. С 11 часов дня – солнце. Жарко. Легкий ветер.

7/VIII. Переход до Ян-дуня. До 8-й версты идем под гору по шору, имеющему [...] характер. На 6-й версте налево от дороги – булак с питьевой водой, густо заросший травой и водорослями. [...] Дождь. Тограки и другие деревья. После подъема – степь без следа растительности,

¹ Из-за неаккуратного исправления слово в рукописи не читается.

² Здесь стоит знак абзаца, предложение не закончено.

³ Здесь – покрытые шором.

сплошь усеянная полугалькой-полубрекчией. С утра миражи довольно красивые, но простые. До Ян-дуня дорога идет – см. схему (высоты, кажется, увеличены, длины линий сокращены). Ян-дунь помещается на дне широкого протока. Затем выходы пород:

конгломерат, галька, цемент глины с песком, прослойки песка. Красная глина [...] и столбчатая отдельность¹.

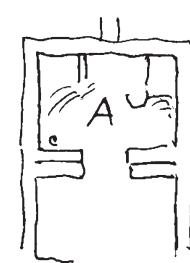
Несколько полуразрушенных дьяней. Посреди [...] Между ними колодец с негодной для питья водой (слабый вкус солоноватый и слегка горький).

8/VIII. Характер дороги до Кушуй (Куфи) тот же. Появились только низенькие глинисто-конгломератовые размельные горки. На некоторых из них ветер проделал очень интересные формы выветривания².

* * *

Развалины Или-көль. Эта группа развалин помещается в одном из лессовых оврагов, расположенных выше селения Тогучи и Или Көля по обеим сторонам большой горной речушки Кара-голь³, прихотливыми извивами выходящей на дне лессового оврага, довольно широко здесь. Развалины распадаются на 4 отдельных комплекса (вернее, на 6). Три из них (скорее 4) расположены на правых массивах лесса (и снизу) правой стороны реки. Один (т. е. 2) – на левом. Наибольшее место занимает комплекс, ближайший к речке и самый нижний, если не считать чайтьи и какого-то храма, расположенных на том же берегу, но шагах в 500 южнее. Он состоит из храма, нескольких вихар, частью связанных с главным храмом, частью выстроенных отдельно. В массиве лесса, на котором расположились сооружения этого комплекса (по-видимому, монастыря), пещера с обычным круговым обходом, выходом обращенная почти прямо к северу (NNE⁴). Беглый осмотр сооружений показывает, что источник нескольких ошибок – план, схематично изображенный Грюнвелелем, довольно верно передает остатки комплекса и зданий его в их взаимных отношениях. От них сохранились частью стены почти во всю высоту, частью только следы, дающие возможность заключить о том, что были стены. Многие из стен сметены совершенно. Храм А состоит из переднего помещения, по-видимому, пристроенного несколько позже, и собственно помещения храма, представляющего квадратную высокую комнату;

[13]

в задних углах сохранились остатки парусов и купола, которым был перекрыт храм. Среди мусора можно заметить остатки статуи Майтреи (сохранилась левая голень со складками одеяния. На одеянии следы окраски красным тоном по белой побелке глиной). Налево от ноги из мусора высовывается кусок почти руки – видны камышовый каркас и обмазка глиной в 2 слоя. В углу С на стене входа – следы росписи, совершенно неразличимые. Роспись, кстати сказать, очень слаба и легко стирается пальцем. На местах, прикрытых песком и строительным мусором, сохранность росписи несколько лучше, но удаление следов пыли при самом

даже осторожном обращении стирает и самую роспись. Переднее помещение свободно почти от мусора. Постамент статуи разбит на большую глубину, очевидно, в поисках (рыли несколько

[13 об.]

¹ Столбчатая отдельность – проявление трехмерной сети трещин, образующейся при остывании лавовых потоков, и ряда других малоглубинных интрузий. Породы, по которым образуется столбчатая отдельность, чаще всего – базальты и долериты.

² Далее следует текст, не связанный содержательно и хронологически с предыдущим повествованием.

³ Первая часть названия зачеркнута карандашом, сверху надписано: Крык. Во второй его части первый знак исправлен чернилами на Г. Таким образом, дважды исправленное название следует читать как Крык-Голь.

⁴ Север – северо-восток.

времени тому назад два англичанина) за рукописями¹. Кладка стены обычная: кирпичи 42×21×10 см, цемент, толстый слой глины. Кладка кирпичей в постаменте беспорядочная.

С западной стороны к зданию подходит двор, огороженный зданиями частью одноэтажными, частью двухэтажными. Возможно, что это были кельи монахов и вихары. На линии к южной и северной последнее предположение почти несомненно, судя по конструкции стен и по остаткам перекрытий. С северной стороны к массиву, на котором расположены постройки, окружающие двор, и стоит храм, отчасти же и к самому храму примыкает сооружение, которое тоже было небольшим храмом. С южной стороны – вихара, перекрытая плоским куполом, пропорциями и типом напоминающим мавзолей 3-й восточной стороны (правый) в Шахзинде² и многочисленные мазары края. В корпусе и куполе совершенно сохранилась северная и южная сторона (см. фотографии мои и Ромберга). Остатки росписи наблюдаются и в других зданиях, кроме главного храма, но в ничтожном количестве. Скос стен – тот же, что и в турфанских старых сооружениях.

Под храмом остатки разрушенной спереди пещеры с круговым обходом. Пещера засыпана почти наполовину, если не более. На потолке местами сохранились обмазки из глины со следами росписи. Потолки сильно закопчены. Стены сыроваты, и потому ждать находок росписи под мусором, по-видимому, невозможно. Размер пещеры довольно значителен (среди пещер Безеклика).

Прямо к северу от храма – с монастыря, отделяясь от него узкой и глубокой промоиной, расположена на высоком массиве лессовая вихара небольших размеров, узкая и высокая, однокамерная. Средину ее с виду раскопана на значительную глубину.

Комплекс 2-й отделен от храмов каким-то широким оврагом, расположенным к NNE. Он занимает почти изолированный лессовый массив. Внизу в нем ориентированы на юг две пещеры – одна восточная – представляет одиночную пещеру. Другая – более западная – тоже одиночную пещеру. Обе сильно засыпаны – на всю высоту стен строительным мусором и песком. В восточной на стене против входа сохранилась роспись, изображающая 1000 будд. Роспись сильно закопчена. По росписи выцарапаны изображения грубых китайских музыкальных струнных инструментов – все, несомненно, недавнего происхождения. Из восточной пещеры прорублено недавно отверстие, ведущее в большой пещерный храм с круговым обходом. Обход завален обломками потолка. Здесь тоже следы росписи уцелевшей обмазки. Засыпана пещера тоже до начала свода. Кстати сказать, все пещеры сводчатые³. Над пещерой восточной сохранились отверстия балок, поддерживавших крытую галерею перед ней. Стена, в которой вырыт вход в пещеры, сохранила следы обработки [...], она ровная, гладкая и, несомненно, была обмазана глиной. Здания на массиве над пещерой расположены в 2 этажа. С южной стороны между 1-м и 2-м этажом лестница, осыпавшаяся, но ясно выраженная. К основанию здания 1-го этажа с западной стороны примыкает вихара. С восточной стороны особняком под углом к лестнице тоже была расположена вихарка. С NE⁴ стороны вихара с купольным

[14]

¹ По всей видимости, речь идет о работах А. Грюнведеля на городище Или-коль в сентябре 1906 г. В течение недели он исследовал группу буддийских храмов, снял планы, произвел фотофиксацию и описал сохранившиеся фрагменты настенной живописи и скульптуры. Упоминаемые Дудиным постаменты находились в помещениях храма, который в опубликованном отчете об экспедиции получил название Tempel b. См.: Grünwedel 1912: 217–223. Члены немецкой экспедиции вполне могли быть приняты местным населением за англичан, которые были более известны в регионе, чем немцы. В Китайском Туркестане иностранцы часто именовались «инглиз» (англичане). Вместе с тем нельзя исключить и Аурела Стейна, который бегло осмотрел городище Или-коль в начале ноября 1907 г. Стейна сопровождал пандит Лал Сингх (R. B. Lal Singh), которого местные жители не могли принять за «инглиза». Кроме того, Стайн, в отличие от Грюнведеля и его коллег, не располагал временем для каких-либо раскопок (провел на городище всего два дня). См.: Stein 1912: 351.

² Шах-и Зинда («живой шах» – перс.) – комплекс мавзолеев и культовых построек XI–XIX вв. в Самарканде.

³ Далее следует зачеркнутый текст: «Здания на массиве расположены в два этажа. Снаружи к ним ведет осыпавшаяся, но ясно выраженная лестница».

⁴ Северо-восточной.

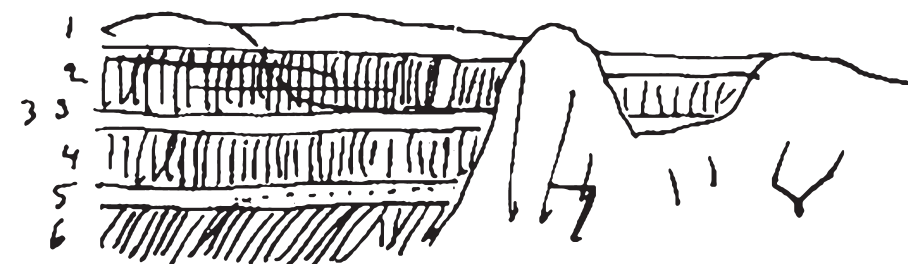
перекрытием, уцелевшим почти целиком. Перед входом (арочным) крытая аркой передняя. Внутри следы росписи, незначительно, дурно сохранившиеся.

P.S. Пещерный храм выходит на E¹. Выход совершенно почти засыпан. Несколько дальше к N² и выше – площадка вихары с купольным перекрытием, о которой я сейчас говорил. Верхний этаж состоит из храма с круговым обходом. С восточной стороны к нему примыкает несколько меньший храмик – вихара с постаментом посередине в боковых галереях справа и слева. У стен храмика собственная площадка. Такая же площадка и перед входной стеной (см. план записной книжки). Следов росписи здесь нигде не сохранилось.

Вихара на левом берегу тоже расположена на вершине лессового массива, внизу его выходом на север одна над другой расположены 2 пещеры: одна, более северная и более нижняя, не имеет никаких следов росписи. 2-я более южная и расположенная несколько выше 1-й. 1-я представляет просто нишу с арочным потолком и подъемом площадки от середины пещеры у задней стены. 2-я сложена по плану и состоит как бы из двух отделений. В I отделении сохранились следы росписи на N стене – храмик, ограда и т. д. В другом отделении ничего не сохранилось. Оба отделения сильно засыпаны мусором и пылью. Над пещерой (см. план № II) расположена вихара (см. план № III), представляющая храмик с обходом. На стенах внутри среднего помещения сохранились следы росписи, но слабо различимые³.

Продолжение 8/VIII. Строеение станка сводится грубо к следующему:

[14 об.]

1. Намывной лесс с громадной примесью песка, и местами (ближе к Куфи) доминирует песок. Верх – примесь брекчии и гальки от размера лесного ореха и меньше до крупных кусков, превышающих 10–15 см. Среди галек много кварца, кварцита. Встречается яшма красная, куски глинистого сланца, базальта и зерна гранитов. По этому грунту дороги ужасны ввиду рыхлости слоя. И такой дороги большая часть до Половинного дьяна и вся сплошь остальная часть за немногими исключениями. 2) Красная глина со столбчатой отдельностью с включением гипса с кристаллами. Конгломерат, выше (33) сцепленный глинисто-известняковым цементом, а в верхних слоях и почти чисто глинистый. Ниже (5) очень прочный. 6, по-видимому, ангидрит⁴ со слегка скорлуповатой отдельностью. 7, 8 – ближе к Куфи выходы сланцев прорезаны жилами кварцита. Дорога идет по широким ложам сухих ручьев-рек, вернее протоков, очень широких, с ровным дном, и по увалам между ними, тоже ровным. Горы на увалах представляют продолжение вверх напластований, нарисованных выше (см. пунктир). Дорога по глинам несколько тверже. Часть [...], часть глин покрыта россыпью галек, оставшихся разносом глины ветром и водой. Куфи – среди небольшой сравнительно поляны, занятой невысокими бугристыми песками, поросшими камышом и колючкой: 3–4 дьяна, стены из красной

¹ Восток.

² К северу.

³ Далее идет текст, содержательно не связанный с предыдущим описанием.

⁴ Ангидрит – минерал класса сульфатов, безводный сульфат кальция. При добавлении воды превращается в гипс.

[15 об.] глины. В конце улицы направо колодец с деревянным срубом и каменным водоносом. Вода вонючая (гипс), но прохладная и чистая. Местные обыватели пьют ее довольно охотно (заедавая хлебом). Во весь день сильный восточно-юго-восточный ветер, переходящий в восточный. Не жарко, хотя солнце светит всю.

По пути мы встречали через каждые 30 ли юрты, сложенные из сырца, — для отметки числа ли и для защиты от ветров зимой. Дянь на полудороге (на 23-й версте). Новый, просторный, светлый с кумирней. Воды нет. Она доставляется из Яндуна. Пруд у дяня мы нашли совершенно высохшим (он, кстати, очень неглубокий). Живут в нем два китайца.

На всем переезде ни травинки, ни кустика. За редкими исключениями — на дне протоков. Ящериц даже встречается мало (3 штуки за весь день). Весь переход до Куфи — 51–52 версты. Лошади наши несколько подбились и еле дошли, помогли перепряжки свежих лошадей (раза 3 перепрягали захворавших, даже верховых), и караван все расстояние сделал, не считая остановок, в 11½ часов (6½ часов утра — 9½ вечера).

9/VIII. Пасмурное, но сухое утро. Ветер, дувший всю ночь, продолжается во весь день. Около 8 часов до 12 — ясно. Миражи. Затем пасмурно до вечера. Ветер усилился и дул все время до ночи и ночью. Дорога до 18 версты идет по плато. С 18 версты тоже плато, но по нему разбросаны невысокие частью глинистые, частью сланцевые и песчаные горки, сплошь усыпанные продуктами выветривания — то красные, то черно-серые, то совершенно черные. Ни кустика, ни травинки. Цепи холмиков на горизонте дают мягкую капризную зубчатую линию и кажутся чрезвычайно низенькими, мизерными. Дорога до 20 верст по песку, прикрытому брекчией (черной), в горах — несколько тверже.

Подъем всю дорогу, но слабый и нетрудный для лошадей. Станция Сичинза — несколько разрушенных дяней (из-за прекращения товарного движения, вот уже несколько лет). Оперирует только один с 2 старыми китайцами. Два колодца к югу от дяней, у более восточного — ручей, замирающий в песке сажень в 20–30 от истока. Вода плохая (сероводородная с солью). На 16-й версте — дянь с колодцем с серной отвратительной водой. У дяня небольшая высохшая цистерна. Как здесь ходит почта? Дело в том, что, по сведениям англичанина с Урумчи, от Хами до Анси она идет 3 дня, между тем на нескольких дянях, вроде Си-чанза, половинных дянях и т. д. мы не встречали казенных лошадей!

[16] Из расспросов выяснилось, что почта из Хами идет 2 раза в неделю. Ход ее три дня. Она верховая, а верховая — везет от станка до станка, на казенных, имеющих для этой цели на станциях лошадях.

10/VIII. Переход до Шин-шин-ся. Во весь день пасмурно и довольно свежо. Накрапывает дождь, с полудороги сделавшийся настолько серьезным, что пришлось одевать плащи. Тихо. Дорога сперва песчаная и трудная для лошадей, а при входе в ущелье (на 10-й версте?) — песчаная и каменистая почти до самой станции Шин-шин-ся. До входа в ущелье характер пейзажа вчерашний, мелкие горки. На плато, покрытом брекчией. С 12-й версты ущелье сперва узкое, спертое все теми же низкими горками, сложенными уже не из сланцев, а из гранита. К полустанку — Хули-янза — оно расширяется и занято бугристыми песками, заросшими камышом и тамариском. Полустанок новый. Насупротив него прекрасный, хотя и небольшой, обложенный гранитом колодец с вполне приличной, лишь слегка солоноватой водой. За станцией ущелье снова суживается, горы становятся все выше и выше. Сланцы — углистые и кремнистые — дают им дикий странный рельеф, особенно при осмотре на восток и запад, т. к. видел их в ракурсе, и они имеют вид острых, как бы нарочно вырытых вершин, тем более что серое освещение и легкая дымка дождя делает их плоскими. Сланцы то черные как уголь, то серые. Между ними кварциты, известняки (?), белые, серые и желтоватые, и граниты, пронизанные жилами кварца и изъеденные ветром. Не доезжая 2-х–3-х верст до станции Шин-шин-ся

горы окружают ущелье еще выше, и дорога идет по подъему, отчасти прорубленному в скале (гранитной). Подъем крутой и неровный. Спуск отличается теми же качествами. На подъеме — кумирня, заполненная знаменами с надписями, курительными и горящими свечами — приношениями верных. По обоим концам подъема и на нем самом массы обо — кучек камней, сложенных верующими, перешедшими с подъема. Шин-шин-ся — группа заброшенных дяней с китайской кумирней и дунганской молельней. При статуе импань. Все это приютилось среди высоких утесов серого гранита, прорезанных кварцевыми жилами и изъеденных ветрами и непогодой — дыры, гнезда, ямы.

По гребням их масса обо — многие из них имеют форму, очевидно, сознательно приданную, человеческих фигурок и производят, особенно в сумерки, когда они силуэтируют на небе, несколько дикие фантастические впечатления. Колодец, 2 или даже 3 (заброшены оба). Виды такие же, как и на полустанке. Перед нашим проходом здесь был, по-видимому, большой дождь, и утром было очень холодно и выпала обильная роса, покрывшая верхи палаток. Ночь тихая. Ветер вполне осенний.

[16 об.] 11/VIII. Утро светлое и тихое. День жаркий. Переход до Малечинза¹. 32–33 версты. Остановка у разрушенного дяня. Дорога пролегает по выходе из ущелья Шин-шин-ся (на 2-й версте) по плоской равнине, пересеченной с Е на W (грубо) неглубокими, но очень широкими протоками (сухие речки). По пути два подъема через невысокие хребтики. И спуск, и подъем ([вскоре] после границы) через сухую речку, проходящую через размытые террасы в красных глинах, прикрытых конгломератом. Глины и конгломерат те же, что и 8/VIII². На 10 верст от Шин-шин-ся <проходят> границы Синцзянской провинции и Ганьсу. Это маленькая часовенка с доской, исчерченной иероглифами. Перед ней 2 столба. Еще ниже — обо с воткнутыми в него двумя столбиками, вымазанными соломой, маслом и т. п. Любопытно, что на подъеме из речки (сухой) среди глин поставлен камень, имеющий тыквообразную форму и тоже обмазанный маслом — очевидно, жертвоприношение проезжающих.

После подъема — опять слегка всхолмленная (граниты — гнейсы, слюдяные сланцы и т. п.), как и до него, равнина, засыпанная гравием. Затем она делается более ровной, и постоянно дорога проходит прямо по головам сланцев. Кварц в виде зерен — белый почти всю дорогу. Растительность очень редка и по ручьям исчерпывается просом, а по степи изредка саксаулом, колючкой и каким-то похожим на саксаул кустарником с мясистыми листьями. Изредка примелькивается полынь.

Малечинза. 2 или 3 колодца с болотной водой, но без привкуса соли или гипса. Расположен станок у сухой речки. Дорога местами твердая (главным образом во 2-й части пути), в остальной — такая же мягкая и тоже затруднена мелкой брекчией, как и на предыдущих станках. Вечер ветреный, прохладный.

[17] 12/VIII. Ночь холодная. Утро тоже. Мелкий дождь. Тихо. Через час-другой выяснилось. Легкий ветерок. Переход до Да-чуань³ идет по плоской возвышенности, по которой в направлении с Е на W пролегают два нешироких (версты по 1½–2) хребтика: один на 6-й версте, другой на 16-й (?). Первый — кварцитовый, второй из кристаллических сланцев того же типа, что и Шин-шин-ся. Возвышенность частью покрыта лессом с мелкой галькой, частью обнажена (породы поставлены почти прямо на головы). Дорога то твердая, то мягкая. Горы-холмики как бы беспорядочно нагромождены друг возле друга и почти сплошь засыпаны продуктами выветривания. На них никакой растительности — по возвышенности — степи — камыш,

¹ На русской 40-верстной карте южной пограничной полосы Азиатской России — Ма-лянь-цзин-цзы.

² Здесь Дудин имеет в виду, что породы, которые он описывает 11 августа, те же, которые он встретил тремя днями ранее.

³ На русской 40-верстной карте южной пограничной полосы Азиатской России — Да-цюань.

колючка, редкий тамариск. Почва то лессовая, то песчаная, то почти освобождена от шора, то сильно зашоренная на местах пониже и свободная от дождевых протоков (таковы места ее у Ди-чуань и у Ма-ли-чинза). По рассказам туземцев, здесь много диких коз – сайгаков. Встречаются часто дикие верблюды и дикие лошади. Утром 13<-го> я видел целое стадо сайгаков, очевидно, приходивших к здешнему ключу.

На станке 2 или 3 дьяна, также заброшенные кумирни. В дьяне – колодец. За станцией – 2 ключа. Местами обыватели провели воду в огород и возделывают капусту, редиску и морковь. В лужицах перед огородом и по арыку – стайки куличков, то и дело перелетают с места на место, почти не боясь людей. Я сфотографировал сценки их кормления. Вода в ключе и колодце чистая, холодная, но противная на вкус. Пить можно, лишь подбавляя клюкву в неумеренном количестве и только пока эта микстура горяча (присутствие гипса и других солей). Вечер великолепный. Чудные яркие тона заката: багровый отсвет степи, лиловый густой тон далеких горюшек, бесконечная даль степи... Тихо. Ночь светлая, холодные звезды горят как жар. Млечный Путь ярок и отчетлив. С вечера еще свежо. Ночью холодно. К утру пришлось мобилизовать всю теплую укрывательную наличность (два одеяла и накидку – бурка подостлана как тюфяк). Росы нет. Утро 13/VIII ясное и тоже холодное.

[17 об.]

13/VIII. День жаркий. Тихо. Дорога – то мелкий песчаник, то твердая. Она опять проходит по плоскогорью, перерезанному с Е на W¹ неширокими низенькими хребтиками из сланцев и изредка из гранитов. Преобладающий цвет их черный, серый, так как они все засыпаны продуктами разрушения. Выходы лишь на грунте дороги. Слоев нет – очертания пород мягки и округлы. Ущелистый проход лишь перед станцией Хунь-лю-юань. Растительности никакой. По долине, или, вернее, по плоскогорью, ни сухих речек – мелких и широких. Ирисы (желтые). Колючки ползучие и не ползучие, изредка тамариски и саксаул. Много ящериц и хамелеонов, мелких, сереньких. Много коз. Виктор Сергеевич подстрелил одну в 1½ версты от станции. Станок Хунь-лю-юань – то же, что и остальные станки. Они, впрочем, несколько живописнее своими полубодранными мезонинами. Он резко рисуется в строгих пятнах на фоне мелкозубчатых черных или угольных гор. Фотография не передает, к сожалению, характера пейзажа, берет лишь кусочек панорамы, она не передает всей грандиозности ландшафта. Вы едете в каком-то заколдованном кругу, все время вокруг вас тянутся горки черно-серые, низкие, и из них нет выхода – вот впечатление всей почти дороги от Хами до предпоследней станции перед Анси.

В кумирнях, ободранных и жалких, образа смешанного типа (конфуцианские и буддийские). Население совершенно равнодушно не только к благолепию храмов, но и к тому, для чего их строят. Но кумиренок больших и малых много. По-видимому, это заботы того времени, когда тракт был более оживлен. Теперь здесь нигде нет проезда, нет и ревнителю веры. Вода – колодец с серноватой водой, но лучшей несколько, чем на предыдущей станции. Ночь менее холодная.

14/VIII. Утро пасмурное, свежее, но не холодное.

С 8 часов утра солнце. Дорога каменистая, во многих местах зашоренная. Легкие черные горки сменяются на 23-й версте большими кварцевыми подушками того же типа. Подъем продолжается до 24-й – 25-й версты, затем небольшой спуск. На 14-й версте разрушенный дьянь, сложенный из камней. Станция Бай-дунь-цзы стоит у ключа, выбивающегося из северного склона небольшого холмика. Вода такая же, как на предыдущем станке, разве с несколько меньшим привкусом серы. Несколько дьяней заброшены, как и прежде. Сторожевая башня с неизбежными 5-ю потаями. Две кумирни одна другой гаже. Пустынно и голо. Встретили какой-то верблюжий караван на отдыхе. Вечер тихий, ясный. Облака не предвещают дождя.

[18]

¹ С востока на запад.

15/VIII. До Анси верст 6–7. Дорога тянется среди мелких горок спуском, по которому на одну-другую версту протекает небольшой ручеек. Затем она идет по спускающейся очень полого засыпанной щебнем равнине, иногда всхолмленной, до р. Булундзир¹. За Булундзиром идет изрытый ветрами лесс, заросший колючкой. Среди него раскинулась крепостца обычного китайского типа – Анси. Она наполовину занята пустырями, наполовину – мазанками жилыми и лавками, бедными и жалкими. Среди них несколько кумирен, по стилю мало чем отличающихся от урумчийских. Все они загажены до последней возможности, те же, которые стоят несколько вдали от жилой части города, и полуразрушены. Идолы грубой детской работы, пестро и безвкусно раскрашенные, закутанные в пестрые тряпки, по-видимому, не пользуются особенно большим уважением. Нечего и говорить, что никакого художественного интереса они не представляют. Это жалкие провинциальные изделия неумелых мастеров. То, что постарше, – немногим лучше. Живопись подстать скульптуре. Грубые контуры, сбитые формы, пестрые раскраски и т. д. Не доезжая 4-х верст до города по дороге – кумирня, такая же, впрочем, как и в городе. Сергей Федорович нашел в ней посуду и еще какие-то божества. Мне кажется, дело проще: не в смешении культов, а в заимствовании чужих форм для божества. Таких заимствований много, и от них до смешения культов, до буддийского влияния еще очень далеко. Особенно в силу естественных путей, это китайские буддийские формы, и чисто индивидуальные при этом.

Река Булундзир – течет в низких глинистых берегах. Всегда разобранная на арыки, течет неглубокими ручьями, не достигает глубины ½ аршина. Она мутна и [...] не совсем годна для питья, так как жители города пользуются колодцами. В колодце недалеко от телеграфной станции она чиста и хороша на вкус. День жаркий, но вполне переносный. На реке остаток деревянного моста.

[18 об.]

Жители относятся к нам самым дружелюбным образом, верят, когда берем товар и не платим, обещаем заплатить потом. На почте и телеграфе предупредительно вежливы и обходительны. Несколько надоедает на станке публика глазающая, но и это они делают без назойливости и навязчивости.

Арбузы – недурны. Груши сочны, но – деревянисты. Яблоки – плохи, мелкие и грубы. В центре города 4-рядовый базар овощей любопытный, потому что в нем, кажется, собралось все население города. Масса свиней и безобразных собак. Пыль и полураздетые нищие дополняют картину улицы.

16/VIII. Усталость лошадей и необходимость организовать доставку корма до Чан-фо-дуна заставили нас переждать в Анси весь этот день.

17/VIII. До станции Хваджа – около 22 верст – дорога идет по долине р. Булундзир, занятой редкими хуторками, разбросанными среди полей и пустырей, поросших сорной травой. Грунт лессовый достаточно твердый, почти сухой, но быстро и сильно размокающий. По пути несколько арыков, и на пространстве около 5 верст залитая водой дорога. В версте от города развалины крепости. На 10-й версте такая же развалина [...], залитая водой. Подъем

¹ Булундзир – монгольское название реки Сулей-хэ, встречается наряду с названием Сурингол. Булундзир подробно описан В.И. Роборовским:

«Вскоре после того, как покинули ночлег, мы подошли к реке Булунд-зир, идущему широкою водною лентою недалеко вдоль высот Мушикшина, из болот Иргыцк, с северо-северо-востока к р. Байн-голу, в который он впадает. Берега его, солончаково-глинистые, совершенно лишены растительности. Дно такое же глинистое, вязкое. Ширина реки до 50 шагов, глубина местами доходит до 4–5 футов. Вода грязная, солоноватая; но, несмотря на это, наши животные при переправе останавливались пить, и только понуждения наших людей заставляли их двигаться вперед и избавляли от опасности быть затянутыми чрезвычайно липкой глиной. Переправа при общей усиленной деятельности всех участников каравана окончилась благополучно» (Роборовский 1949: 278).

в гору – по каменистому склону, очень пологому – версты за 2 до станции Хваджи. Два дьяна – очень бедные и грязные. Два колодца. Вода в обоих солоноватая, причем в первом (налево от дороги) вода более свежая, чем во втором. Черпают плетеными из травы ведрами. День жаркий, слегка облачный. Легкий ветерок. Вечер погожий.

18/VIII. Переход до Тан-фи-чинза через полустанок, отмеченный на карте Лу-соголон, идет по тому же пологому предгорью из наносных новейших образований (лесс, перемешанный с мелким гравием, причем поверхность кажется гравийной). Налево тоже размытая глинистая горка с небольшими выходами каких-то пород. Глина – гипсоносная, чем и объясняется отвратительный вкус воды и на прошлом станке, как сегодняшнем, где вода имеет еще более противный вкус и где ее настолько мало, что вечером мы не могли напоить достаточно наших лошадей (27 штук). На станке два небольших заброшенных дьяна и неизбежная кумирня, в которой, как, впрочем, и во всех до сих пор попадавшихся, наши юные путешественники (двое) нашли интересную статую. Дорога – лесс с сильной примесью гравия – тяжела для лошадей в большей части станка, твердые места попадают редко. На полустанке Лу-соголон – почти высохший ручей с той же ключевой водой, которую здесь не могли пить даже лошади. Около – сухое болото, заросшее камышом. На пути из болот, лежащих ниже дороги, много коз. Несколько из них перебежали наш путь шагов в 40–50, но, к счастью, ни одна коза не была убита, несмотря на все усердие наших немвродов¹.

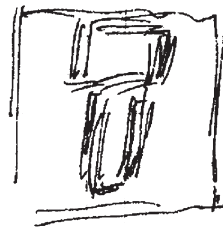
День томительно жаркий. Ветра почти нет. Вечер тихий, обещающий такую же душную ночь, как и вчерашняя.

Из разговора с проезжим китайцем, везущим с Анси груши и персики (зеленые, горьковатые, мелкие, но сочные), выяснилось, что вода в Чен-фу-дуне плохая (гипсовая). Китаец хвалил воду только ключа, находящегося на правом берегу ручья верстах в 4-х (на карте – в 8–10) от Чен-фу-дуна. Я, однако, сильно сомневаюсь в достоинствах этой воды, так как она вытекает из тех же пород, какие дают гипсовую воду ченфудунского ручья, колодцев по пути к нему и ручья в Лу-соголон. То обстоятельство, что Пелио и Штейн хвалили воду, объясняется тем, что они работали здесь в период, когда в ручье было много воды (период снега и дождей, т. е. зима и весна – до мая или июня в зависимости от большого или маленького количества осадков в зимние и ранние весенние месяцы). Мы же попадаем на истощенные ручьи и колодцы и потому сильнее насыщенные солями.

P.S. Гравийная поверхность, как и лессовая, на всем пути от Анси более или менее зашорена.

19.VIII. Переход до Кода-чинза по такой же равнине предгорья, слегка зашоренной и засыпанной гравием. В колодце на станции вода серная, отвратительная, и ее оказалось так мало, что лошади еле напились, и то лишь благодаря тому, что колодец был нами (В.С. Биркенберг) расчищен. День жаркий. Ночь. Душная сначала, затем сносная. Качество дороги то же, что на предыдущем станке. На 11-й версте неизбежный потай. 6-угольной формы, а не 4-угольной. У потая ручей с серной водой.

20/VIII. Переезд до потая на 12-й версте по сильно зашоренному сухому болоту, заросшему камышом, редким тамариском и колючкой. Местами солончаки. На 8-й версте дьянь и около – колодец с серной, но несколько более приличной на вкус водой. Колодец вырыт недавно. Около потая дьянь и кумирни. Это окраина дунхуанского оазиса. Арык из Дунхуана с мутной, но совершенно пресной водой. От потая совершенно ясно видно ущелье Чен-фо-дуна. Мы проехали к нему прямо по гравийной степи. На 4-й версте от потая громадное кладбище с насыпными курганами 4-угольной формы с оградой.

¹ Немврод – библейский персонаж, охотник.

По-видимому, не особенно старого происхождения. Дорога по болоту – трудна ввиду ее мягкости. По гравию несколько легче. Наши лошади окончательно выбились из сил. Их перепрягали дважды, и только к 4 часам дня кое-как они дотащили груз.

* * *

Отъезд из Чанфудуна 21<-го> утром. Ветер, холодно при ясном дне. К ночи мороз. Степь серая, мутное небо, на всем [...] серого сухого тумана. Дьянь маленький и тесный. Приехали рано. Устроили карты и засели в преферанс. [24]

22 октября. Выехали в 7 часов утра, проехали 2 станка. День ясный и теплый. Туман по-редел. С утра мороз, но к 10 ч. утра тепло. К вечеру опять холодно, но менее, чем вчера, так как ветра не было. На полустанке между последним станком до Анси – масса воды в реке, где ее не было в наш проезд в Чанфудун. Вода, кстати, светлая, но отвратительного горького вкуса. Ею наполнены не только реки, но и занятая камышами площадь не доезжая до речки. Ночь великолепная, но морозная. Дьянь тесный, но менее грязный.

23 октября. Переезд до Анси. Повернув со станции на левую дорогу, мы сократили путь на несколько верст. Осмотрели заброшенную крепость верстах в 5 от станции и по полям вышли снова на дорогу, прочерченную среди полей, пашен и фанз почти до Анси. День теплый, погожий. Тихо. Михин и Ахмеджан выехали вперед еще за день и подготовили арбу и т. д. для дальнейшего переезда. Но выбрать на следующий день арбы, по обыкновению, не смогли, так как у них не кованы лошади и т. д. У нас также оказались маленькие препятствия в виде невозможности разменять крупные ямбы на бумажные тезы. Дело в том, что сюда дня три тому назад прибыл какой-то важный чиновник из Ланджоу¹ и забрал всю мелкую монету. Кое-как мы все-таки наменяли около 50 лан серебряной монетой. Ни сапог, ни меха для шуб казакам мы не нашли.

Отъезд из Анси, таким образом, пришлось отложить на 25 октября.

24 октября. Пятница. Стоянка в Анси. Тихо, с утра мороз. Днем тепло. Смотрели ученье новобранцев – возраст самый разнообразный: от 16–15 лет до 25 и старше. Костюмы – обычные китайские. Стоят в 2 шеренги со знаменами и флагами на длинных палках. Цвета – зеленый, белый и красный. Между шеренгами – начальство, офицер в картузе, барабанщик в японской фуражке (желтый кантик по черному) барабанит однообразно команду, и солдаты тянут ружьями, не в ряд, а постепенно, человек за человеком. Потом они ходят, прицеливаются и т. д. Публика глазееет, наполняя двор и ворота, где происходит учение. [24 об.]

Базар пуст совершенно. Мы сидим и играем в преферанс.

25 октября. Суббота. День ветреный, холодный, но к 1 часу дня тепло настолько, что можно было ехать без теплого пиджака. Дорога такая же, как и в передний путь. По пути встретилось много всадников-китайцев с лошадьми в поводу. Что это значит, мы узнать не могли без переводчика. На пикете – поезд китайского чиновника из 4 арб. Корм везут с собой в виде резанного соломенного. Каждая арба запряжена 5 лошадьми. Топливо тоже с собой. Дьянь просторный, но грязный. К вечеру холодно. Небо красное – грозящее ветром. Вода такая же, как и в проезд передний.

26 октября. Воскресенье. Холодный ветреный день (юго-восточный). Холодно, пыльно. Пейзаж не изменился. Только местами, особенно у разрушенного дьяня на полудороге, – слабее выступают солончаки – налеты глауберии. Иногда это дает иллюзию снега. С утра пасмурно, потом к 1 часу дня проглянуло солнце. Но теплее не стало. На пикете Хунлиуюн² на северной стороне фанз местами небольшими сугробами нарастающий снег.

¹ Административный центр провинции Ганьсу.

² Точнее – Хунь-лю-юань.

Дянь грязный, холодный с вырезанными окнами. Без дверей. Корм есть на пикете, хотя и в небольшом количестве. Источник несколько беднее водой, чем в передний переезд. Тоже надо сказать и относительно источника на станке Болдун-дзы. Вкус воды без перемен.

По пути опять мы встретили, хотя и в несколько меньшем количестве, чем вчера, верховых с лошадьми в поводу.

[25] 27 октября. Понедельник. Переезд до Да-чуань. День теплый, тихий, на северных склонах холмов в рытвинах и под кустами колючек пятна снега. Любопытно, что снег не тает, как мы привыкли то видеть, он исчезает, и почва вокруг пятен не смочена. Правда, в тени во весь день температура, по-видимому, ниже нуля, но и на солнце, где температура несомненно выше нуля, наблюдается такое явление. Ключ на полудороге – на этот раз имеет больше воды. Лошади пьют ее очень охотно. Встретили поезд вана хамийского – больше 10 арб с флажками желтого цвета с грузом дров, корма и т. п. Карета и еще какие-то подводы. Затем конвой сартов с винтовками на сошках¹ на хороших, хорошо кормленных лошадях, чиновники, переводчик, известный нам по Хами. Без переводчика мы, конечно, ничего переговорить не могли. Поздоровались и расстались.

На станке – вода в том же количестве, что и летом, и такой же вкус. Наш конвоир – недурной музыкант, – и мы слушали его музыку – 3–4 ноты и горловые звуки производят далеко не неблагоприятное впечатление.

Сдвоить станки² сегодня мы не смогли, так как лошади наши хотя и в недурном состоянии, но подставные плохи, и рисковать здоровьем верховых мы, конечно, не можем.

28 октября. Переезд до Малячинза. Погожий тихий день. С утра холодно. На полудороге В.С. Биркенберг подстрелил дикую лошадь. Это случилось в версте или несколько более от дороги. Первая рана была сквозная из берданки в брюхо навывлет. Но эта рана не оказалась смертельной, так как лошадь еще бежала. Биркенберг добил ее выстрелом в голову. Я видел ее в то время, когда, окруженная казаками, она силилась еще уходить и защищалась и зубами, и ногами. Сколько предсмертного ужаса и тоски в больших блестящих глазах! Потоки крови из горла и раны не позволили мне хорошенько видеть это животное в его предсмертной борьбе. Рост ее с большого ишака (28½ вершка до холки от копыта). Масть – в цвет степной пыли с легкой крапинкой. По спине – темно-коричневая полоса, грива короткая, еле намеченная, хвост ишачий с той одной разницей, что кисточка не розовая, как у ишака, и начинается от задницы постепенно, цвет – коричневатый-черный. Копыта мягенькие и чувствительно грациозные... Шкуру сняли и взяли с собой.

[25 об.]

На станке все по-прежнему, но на крышах дяней мы заметили большие запасы камыша, как и на прошлом дяне. Здесь мы имели случай увидеть небрежливость китайцев. Во-первых, китайка несла хорошо ободранную тушу щенка, во-вторых, те куски мяса, которые выброшены были В.С. Биркенбергом от ног лошади при окончательной очистке шкуры, китайцы забрали себе как лакомство.

29 октября. Среда. Переезд до Шиншинся. Резкий, хотя и слабый ветерок. Холодно. Кстати, даже когда я отмечаю тепло, В.С. Биркенберг и Н.А. Смирнов едут в теплых, подбитых овчиной пиджаках и штанах. Я еду в верхней рубашке, нижнем теплом пиджаке и Лиден-Мантель³, и только когда особенно тепло, приходится снимать теплый пиджак. Ноги стыннут в теплом чулке и ботинках. Валенки не лишни. На станке есть горох для лошадей и камыш. Дяни все без исключения отвратительны – грязны, нет дверей, места и т. д. Утром было страшно холодно, и мы еле согрелись чаем.

¹ Сошка – подставка, упор под ружье.

² Здесь – совершить двойной переход.

³ Здесь – плотная шерстяная накидка.

Китайцы едут ночами, выезжая около 4–5 часов дня. Почему они находят это более удобным, не понимаю.

По пути опять встречали верховых китайцев, партии 3–4, или по 8–10 лошадей при 5–7 всадниках, и один верблюжий караван с товарами из 16 голов. Все они ехали на Анси.

30 октября. Четверг. Переезд до Сачуанза. День тихий со слабым ветром. Свежо. Опять ряд всадников и караван с железом (12 верблюдов) из Семипалатинска. Гоби далеко не так пустынна. Дикие места. Козы. Птички – одни [...], жаворонки. [...] хамелеоны и ящерицы. Характер пейзажа все тот же, как и летом, только свет холоднее. Миражи меньше и жиже.

Вода в колодце настолько сносна, что свой запас мы отправили вперед. Корм – камыш и здесь есть. Есть также и горох для лошадей. [26]

Дянь – отвратительный без двери. Кстати, размер помещения 4×5 аршин и редко больше. Плата с нас за дрова и помещение – до 5 лан бумажками.

31 октября. Пятница. Переезд до Куфи. Ветренный холодный день. Те же ветры, что и вчера. Унылая равнина еще унылее, еще суровее, и сил менее. Дянь – темный, скверный, тоже без двери... Разболтаны за два дня пути, вода только-только что сносная для питья. Вчера вечером при подсчете предстоящих нам расходов получилось, что суммы в 500 (строго 490) лан нам не хватит до Урумчи (около 100 лан)¹. Дело в том, что при подсчете в Чанфодуне была пропущена в счете расходов в передний путь на тот же перечень значительная сумма корма и баранов, подаренных ваном. Затем не принята в расчет плата за дяни и за большое количество дров, а также и за корм, которого мы тратим теперь больше, чем мы тратили в передний путь, а также то обстоятельство, что цены на корм здесь раза в 3–4 выше, чем в Хами и Анси. Пяти пудов на 18 лошадей не хватит, так как камыш лошади едят крайне неохотно, и нам приходится добавлять ячменя (гороха) от 3 до 4 пудов ежедневно.

Оказалось также, что лошади, подкормленные за 2 недели до нашего отъезда, быстро спали с тела, и штуки три, взятые на подставу, отошали настолько после 2-х упряжей, что дальнейшее их употребление невозможно. Чтобы ехать дальше без риска заморить лошадей, необходимо продать ослабевших и купить пару или тройку новых, а на это у нас совершенно нет средств. Надежда занять у доверенного Чанышева более чем сомнительна, но пока это все, что у нас осталось.

Вечер холодный, пасмурный, как и весь день. Солнце было лишь от часу до 4 вечера.

1 ноября. Суббота. Выехали в 5 утра с небольшим лишком. Великолепная предрассветная ночь. Небо глубоко и синее, как ни на одном юге. Рог месяца блестит с силой полной луны, звезды положительно лучшие. Холодно. День теплый, с летним ветерком, который, однако, прохватывает острым холодом. На станок приехали в 3 часа дня. Почти все дяни заняты, но нам отвели довольно большой с дверью дянь. Правда, в двери щели по пальцу, отверстие в потолке и т. д. и т. д. На полу кучи мусора (дянь замели!). Но все-таки он лучше других, в которых мы были до сих пор. Кстати, все дяни покрыты камышом черно-серым, слоим² копоти и пыли. Внутри вымазаны, как и снаружи, желто-серой глиной с кизяком или соломой. Колья высотой в аршин, аршин с четвертью и ниже. Стороны той же [...] и обычно замелены. [26 об.]

P.S. С пикета Сачуанза показались горы Корлык-таг³. От Куфи они великолепно видны благодаря поразительно чистому воздуху. Сейчас на них масса снега. Снег лежит не только

¹ Следует понимать так, что 100 ланов, выделенных из оставшихся средств экспедиции (490 ланов), не хватит на покрытие дорожных расходов до Урумчи.

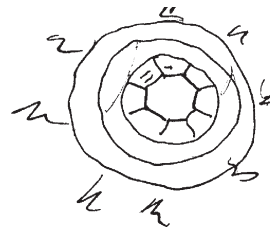
² Здесь начальная часть слова зачеркнута и не читается.

³ Корлык-таг или Карлык-таг – хребет в крайней восточной оконечности Тянь-Шаня, вытянут с северо-запада на юго-восток, высотная часть с ледниками имеет протяженность порядка 40–45 км, высшая точка – г. Томорт (Томур) – 4886 м.

на главной части хребта, но и далее по его западному продолжению¹. Думается, что на №2 склоне масса снега значительно большая, и за перевалом нас захватит то переходное время между глубокой осенью и зимой, которое мне пришлось провести в дороге от Урумчи до Чугучака в 1909 г.³

У Яндуня у переднего воза соскочила шина. Заменяли колесо.

Вечером какое-то китайское моление. Описать его трудно, так как много подробностей, по-видимому, это поминки? или что-то в этом роде. Моление проходило у восьмиугольника, вокруг которого начерчены три concentрических круга, заполненных иероглифами. Перед кумирней круги и иероглифы насыпаны белым песком. Служили два бонзы⁴ в черных халатах – один с веревочным тонким жгутом. Музыка – барабан, торжественные колокольцы. [..]. Жгли

[27]

бумажки. Перед каждым сожжением молитва. Сопровождается музыкой, стоящими на 4-х концах и посередине. Потом принесли петуха. Из него перед столом при входе в кумирню (1-й священник) выдернули и сожгли несколько перьев. Потом после несколько раз повторявшейся оглушительной музыки петуху на 8-угольнике отрезали голову. Тело выбросили вне круга, и 2-й поп ударил его несколько раз кнутом. Молитва. Тело бросили в центр круга. Перед этим мальчик сложил на круг те [..], которые были воткнуты по 4-м сторонам круга и в центре. В центре какая-то фигура. [..] в чашках.

[..] кое-что от этого моления, я не досмотрел – надоела музыка.

2 ноября. Воскресенье. Переезд в Чанлюшуй. Ветрено.

3 ноября. Понедельник. Решили сдвоить и проехать прямо в Хами, для этого выехали в 1 час утра и к 11 были в Хами. День теплый, солнечный. Тихо.

4 ноября. Вторник. Стоянка в Хами.

5 ноября. Среда. Стоянка в Хами.

В Хами мы принуждены были остановиться во-первых для того, чтобы дать отдохнуть лошадям, которые наполовину выбились из сил, а две совершенно никуда не годятся, так что их пришлось бросить, так как тащить их за собой значило бы лишь тратить даром корм, к зиме порядочно воздворожавший. Их поэтому мы отдали нашему хозяину, у которого остановились (имя его я забыл. Он – доверенный фирмы ...⁵, торгующей в Хами всяким товаром и скупающей здесь шерсть, кожи т. п.), вместе с тремя седлами (25 лан оценены им же). Затем необходимо было наложить обоймы на колеса, так как вследствие плохой перетяжки шин в Дунхуане они начали спадать, а эта работа при неумелости кузнецов затянулась ровно на два дня. Кроме того, надо было купить казакам шубы, меха и калоши. Хотя и с трудом, однако все это было найдено и куплено. Цены на все очень высокие. Еще прошлый подсчет показал, что денег у нас не хватит. [..] же [..] цена – оказалось, что нехватка большая, чем мы рассчитывали. К счастью, нам удалось занять двести 50 лан у доверенного Чанышева, который так, <как>

[27 об.]

¹ Западным продолжением хребта Корлык-таг является хребет Баркель (Баркуль), который имеет меньшую высоту, но также несет оледенение. Связывает хребет Корлык-таг с основным массивом Тянь-Шаня. Корлык-таг был пройден Н.М. Пржевальским во время 3-й Центральноазиатской экспедиции (1879–1880).

² Северном.

³ Имеется в виду участие С.М. Дудина в работах Первой Русской Туркестанской экспедиции.

⁴ Здесь – монахи, священнослужители.

⁵ Многогочие оставлено С.М. Дудиным.

Получили почту (газеты), перечитали и отправили дальше в Чанфодун, за что и уплатили 4 теза.

6 ноября. Среда. Выехали из Хами около ½ 9-го. День на диво теплый и ясный. Тихо. Проехали [..] и заночевали в Тогучи.

7 ноября. Четверг. Переезд до Сандаочинза. Пасмурно, но тихо и сравнительно светло. В 17 часов было солнце. Дянь и в Тогучи и далее такие же, как и раньше. Тоже грязь, холод, теснота и т. п. прелести. Захворала еще одна лошадь.

8 ноября. Пятница. Переезд до Ляодуна¹. Полусолнечный, полупасмурный день. Свежо. Дорога страшно тряская и тяжелая. На прошлом станке арбакеши потеряли нашего барана. Приходится покупать здесь другого. Чтобы заставить их нарочно [..], я решил купить барана за их счет или, по крайней мере, хоть половину этого расхода сложить на них. Переезд удивительно пустынен. Почти не встречали ни всадников, ни арбы. То есть то же, что было летом.

9 ноября. Суббота. Переезд до Чеголу через Ивончинза. Великолепное утро. Облака над горами тяжелыми фантастическими громадами ползут по ущельям. Клочки их самых странных очертаний отрываются от масс и уплывают в небо, словно стая. Так дело шло до полудня. На горах местами снег, местами он как бы присыпал их. С полудня жестокий №2 ветер. Пришлось закрываться в фургоне. Оба станка дорога тряска как нигде. Во всю дорогу и как никогда и нигде. Все же – изрядно – галья достаёт местами до ½ аршин в диаметре и устилает дорогу глиной. На станок пришли около ½ 6-го вечера. Здесь встретили странствующих актеров-китайцев, идущих из Андижана, или, вернее, из Толу. Труппа в 11 человек. 3 ребят и 8 взрослых. С ними ручной тибетский медведь. Ночь холодная, но тихая и ясная.

[28]

10 ноября. Воскресенье. Переезд до Чегичинза. Дорога хорошая, все время под гору. День тихий и ленивый. Тепло на солнце. Приехали в ½ 12-го, выехали в ½ 8-го². По пути встретили 8 арб, но не с товарами, а путешествующими семьями китайцев.

11 ноября. Понедельник. Переезд до Тушуй. Облачно и ветрено. Температура ниже ноля. Ветер, однако, дул в спину, и потому в фургоне тепло. На станке – корм, большой запас. Ячменя нет, горох.

12 ноября. Вторник. Переезд до Тошету. Ветрено (в спину). С утра облачно и ветрено, только ниже ноля. К полудню солнце. Температура в тени та же. На солнце тепло. На станке – клевер, солома, [..]. Ячменя нет, горох.

13 ноября. Среда. Переезд до Сангочуанза. Хорошая, лишь местами тряская дорога. По выезде из ущелья показалась вдали Богдо-ула. День теплый. Ветер слабый и тоже нехолодный. Пыльно. Корма на станции много. Дорога рысью³ почти все время, верст не 45, а 50.

14 ноября⁴. Сдвоили станки и прибыли в Читейсянь. Дорога хорошая до Мулихе. От Мулихе по ущелью каменисто и тряско. С половины дороги – от Мулихе сухая твердая дорога. Богдо-ула засыпана снегом и видна великолепно. Горы вдоль дороги также присыпаны снегом. На ровных местах снег попадает в рывтинах и на северных склонах холмов небольшими участками за несколько верст не доезжая до Мулихе и все время до Читенся. День солнечный. С утра свежо, к полудню только несколько холоднее, чем вчера. Ветер слабый, северный, нехолодный.

15 ноября. Пятница. Переезд до Гучена. День ясный, теплый. Над горами мгла. Дорога до половины перегона очень тряская. Затем хорошая. Пыльно. Легкий ветер. В Гучене посетил

[28 об.]

¹ Точнее – Лодуна.

² Северный.

³ Слово скрыто чернильным пятном, но все равно читается.

⁴ День недели, как выше, не обозначен.

нас русский комиссионер от фирмы Цидель¹ и местный дифангуань. По словам последнего и других местных обывателей, теплая погода сейчас – явление необычное. Гучен очень оживлен, много товаров, много народа. Очевидно, кочевники, летом живущие в горах, к зиме приближаются к городу. Отсюда оживление, увеличение торговли и т. д. Остановились у местного русского аксакала в сартовской части города.

16 ноября. Суббота. Переезд до Сантай. Весь день ветер, холодно и пыльно. Облачно. Дорога сухая. Почти все арыки без воды. Дянь в Сантае переполнен, и мы с трудом нашли помещений. Ночь теплая.

17 ноября. Воскресенье. Переезд до Цзынишуань в 8 верстах от Курету. День холодный и очень ветреный. Облачно. Горы в облаках и тумане вчера и сегодня. Осмотрели водочный завод. Приемы самые первобытные. Материал – просо².

18 ноября. Понедельник. Переезд до города Фукан³. Дорога пыльная и сильно выбитая. Арыки почти все пусты. День пасмурный с легким ветром (W). Свежо, но не холодно. Между постоянным двором и Фуканом – село на 8-й версте.

19 ноября. Вторник. Переезд до Урумчи. Дорога затруднительна из-за гальки от Фукана до Чуму, а затем потому, что сильно разрушена. Пасмурно. В Урумчи снег. Проехали не через завод, а мимо, и это было короче и удобнее.

20 ноября. Среда.

21 –“–. Четверг.

22 –“–. Пятница. – Стоянка в Урумчи.

23 –“–. Суббота.

24 –“–. Воскресенье.

[29] 25 ноября. Понедельник. Лошадей мы продали, так как они не довели бы нас до Чугучака. Правда, у нас было около 4–5 лошадей, которые с грехом пополам выдержали бы дорогу, но к ним надо бы прикупить 5–4 [...]. Потом поскорей было сегодня [...] нанять возчиков, несмотря на высокую цену – 150 руб. Это мы и сделали.

В Урумчи все эти дни пасмурно, сыпал изредка небольшой снежок. День, однако, был наполовину солнечный. Время у нас ушло на посещение базара и т. п. мелочи. Несколько отдохнули.

Переезд до Санчи (Цхахзи). Дорога тряская вначале, затем сносная и легкая. Пасмурно. Морозит.

26 ноября. Вторник. Переезд до Хотуби. Дорога хорошая. Пасмурно. Морозит. Снега меньше, чем в Цхахзи и вчера.

Дянь просторный, такой же как и в Санчи, но, конечно, грязный и холодный.

27 ноября. Янцыхай.

28 ноября. Кийтын.

29 ноября. Шихо.

30 ноября. Чипейдзы.

1 декабря. Олон булак.

2 декабря. Оту.

3 декабря. Ямату.

4 декабря. Хорахулсын.

5 декабря. Сетер. Ночевка в киргизской зимовке.

¹ Имеется в виду московская мануфактурная фирма «Эмиль Циндель», располагавшая торговыми отделениями в Ташкенте, Верном, Омске и некоторых городах Синьцзяна.

² Здесь текст залит чернилами, однако чтение вполне надежное.

³ Населенный пункт в непосредственной близости (к северо-востоку) от Урумчи.

6 декабря. Чугучак.

7 декабря. Чугучак. Сдали на почту посылки. Рассчитаны казаки и возчики.

8 декабря. Выехали из Чугучака в 2 часа дня.

12 декабря. Ночью приехали в Семипалатинск.

14 декабря. Выехали из Семипалатинска.

18-го утром приехали в Омск.

19 декабря выехали из Омска (в 9 утра по местному времени, в 6 по Санкт-Петербургскому).

В Санкт-Петербург приехали в ночь с 23 на 24 декабря.

По пути от Сергиополя до Семипалатинска одну ночь проехали по степи, так как сбились с дороги (в 1½ верстах от дороги и 6 верстах от станции) благодаря бурану. Но ночь прошла благополучно и для нас, и для лошадей, так как мороз был слабый.

* * *

Чен-фу-дун. Географическое положение его определяется следующим образом. Он расположен в 15 верстах к востоко-юго-востоку от китайского городишки Дун-хуана, в 4-х станциях к W от Анси, недалеко от устья ущелья, по которому протекает исчезающая в песках в версте от монастыря речушка, берущая начало в [...] и прорезающая каменистый хребет, тянущийся с E на W. Ущелье в 3 верстах от монастыря проходит среди эруптивных пород². К ним прилегают изогнутые в массивах пласты древних конгломератов, которые вскоре принимают почти горизонтальное положение с легким, правда, падением к северо-западу. Конгломераты размыты террасами более или менее значительной высоты (общая высота – более 20 саженей), частью засыпанными продуктами разрушений и песками, подходящими с запада со стороны Дунхуана. Самая площадь плато засыпана песками у хребта на правом берегу ущелья от обрыва до гор и на левом берегу ближе к горам, где пески образуют большие барханные скопления, такие же барханы имеются и на правом берегу. Устье ущелья тоже обрывисто и выходит на широкую покатую к N и W равнину. Ширина ущелья в том месте, где расположен монастырь, теперь наибольшая и не превышает [...] саженей (см. план). На наносе новейшего происхождения из песка с примесью перегноя и гальки разбросаны поля и деревья у арыков, выведенных за ¼ версты от первых пещер. Здесь же расположены фанзы монахов (общие с кумирней, хозяйственными постройками, конюшнями, дянь и т. п.) и разбит маленький фруктовый сад (персики, груши, яблоки). По окраинам растут тограки, ивняк и джигда. Возраст некоторых тограков определяется в 120–130 лет, других от 30–60 лет. Много молодняка посажено года 4–5 тому назад. В песках вокруг Чен-фу-дуна растут только саксаул, тамариск и колючки. Колючки, колючий карликовый камыш, перекасти-поле и ползучее молочайниковое растение встречаются по всему ущелью. Последнее, впрочем, только в границах монастыря, где красиво обвивает старые простенки и куски камней, свалившихся сверху, и нехитрые изгороди монастырских построек, и к стати и прибрежные кустарники джигды и ивы. Гирлянда его пушистых [...] образует красивые фонтаны – водопады странного вида и по-своему красивы<e>.

В обрывах 1-й и 2-й террас и вырыты массы пещер, образующих два комплекса, из которых более нижний и наиболее интересный, и носит название Чен-фу-дуна. Другой, заканчивающий северную часть пещер, называют тибетским, и <он> отделяется от первого небольшой перемышкой неизрытого обрыва. Попасть в пещеры можно по ложу реки и по плато, спускаясь

¹ Здесь в рукописи оставлено свободное место.

² Имеются в виду горные породы, образовавшиеся в результате остывания и затвердевания магмы.

³ Здесь в рукописи оставлено свободное место.

или у последних пещер, или у первых (к югу и северу) по выучным тропинкам, проложенным кочевниками, довольно усердно посещающими поселок.

Тибетские пещеры тянутся на пространстве, несколько большем сотни саженей¹, и представляют смесь жильевых, храмовых и погребальных пещер. Их взаимное расположение, внешнее устройство и т. п. можно видеть на фотографиях. Внутри они частями связаны переходами, частью вырытыми одновременно с ними, частью в более позднее время. В жильевых пещерах имеются такие же ниши и задние комнаты, как в Яре, например. Во многих из них сохранилась глиняная с соломой обмазка, местами тибетские надписи. Из храмовых пещер хорошо сохранились две. В одной из них на стенах много уйгурских надписей. В ней я не был. Другая состоит из двух помещений: переднего и храма собственно. Роспись в ней сохранилась вполне прилично. Пошиб ее тибетский. Тона – темная гамма: синий, зеленый, черный, грязно-розовый и коричневый. Краски легко стираются. Коричневые тела – по тону похожи на тона 149, 148 и др. пещер южной группы. Контуры – тушь. Лепка отсутствует (все пещеры занесены пылью и песком). Вокруг постаментов чайтйи, возвышающегося посредине пещеры, и на его ступенях валяется множество обломков скульптур, по типу сильно напоминающих позднейшие скульптурные фрагменты Туек-мазара. Любопытно в них то обстоятельство, что их корпус – деревянные болванки, а не камень или солома. Слои глины, дающий форму, очень тонкий. Характер украшений и их расписной стиль туюк-мазарский² и по типу, и по качествам работы. Характер живописи – см. фотографии. Тона положены ровным слоем, без всяких признаков лепки. Насколько они выгорели и изменились, я ввиду беглого осмотра судить не берусь.

[21 об.]

Могилы все ограблены и замусорены.

Пещеры южной группы. Начинаются саженях в 70 к югу от тибетских пещер и тянутся на протяжении около 300 саженей. Расположены они в два, три и четыре яруса. Усмотреть какую бы то ни было систему в их расположении невозможно. Они грубо тянутся ярусами одни над другими и рядом друг с другом, следуя извилам, правда, очень слабым, обрыва. Установить последовательность их отрытия по одному их внешнему виду тоже невозможно. Только совокупность всех признаков, сохранившихся внутри и снаружи пещер, пожалуй, может дать грубую картину их последовательного появления. Очень важным признаком здесь является, между прочим, роспись. Если руководствоваться только ею, то центр занимают наиболее старые пещеры. Южные же и северные части заняты более молодыми. Однако и среди старых включены более молодые. Возможно, конечно, что эти пещеры являются молодыми лишь своей росписью, а вырыты одновременно со своими старыми соседями. Старые пещеры, кроме того, располагаются во 2-м и 3-м этажах. 1-й этаж занят более молодыми.

Почти все входы в пещеры переделаны из широких и высоких на более низкие и узкие. Роспись сходная – так называемого черно-зеленого и красно-зеленого типа (см. ниже). Любопытно, что наружные стены пещер некоторых носят часто три слоя расписной штукатурки. Внутри встречаются тоже по 2 слоя (типична в этом отношении пещера 92). Таким образом, были два больших ремонта в эпоху красной и черно-зеленой росписи: кроме того, на фасаде сохранились следы обмазки с росписью иного типа, чем только что упомянутые. Это 3-й ремонт, но возраст может быть грубо определен таким образом: [...]³ Вообще по части определения возраста пещер большое подспорье могло бы оказать тщательное изучение истории их перестройки и ремонта. Но, к сожалению, ни Сергей Федорович, ни Биркенберг на эту сторону

[22]

¹ Здесь часть текста залита чернилами.

² Далее по левому краю приписка: «Расположены грубо в 3 этажа, местами в 2 и в 4».

³ Далее в нижней части листа оставлена значительная лакуна, которая, очевидно, должна была быть заполнена позднее, когда выводы о возрасте пещер были бы сформулированы определенно.

вопроса не обратили никакого внимания. Небесполезное уточнение по тому же вопросу могут дать (и дают) деревья, растущие вдоль линии пещер непосредственно у самого обрыва. Дело в том, что в пещеры №№¹, передние части которых обвалились, входят ветви довольно толстых тограков (род топольника). Один из тограков такой же приблизительно толщины был срублен монахами на дрова для наших потребностей (за дрова мы хорошо платили и изводили их довольно много для надобностей кухни и потом и для обогрева пещер, в которые переехали из-за ночных холодов к концу нашего пребывания в Чанфудуне). На этом тограке мной было насчитано более 180 слоев. Точнее цифра не могла быть установлена из-за порчи сердцевины той части дерева, которую я исследовал (пень – оставшийся на земле). На тограке, срубленном ранее, – по приблизительному расчету лет 5–6 тому назад – я насчитал от 150 до 200 слоев. Но эти тограки расположены были в расстоянии нескольких десятков саженей от обрыва и имеют, таким образом, только поддерживающее значение для утверждения положения, что тограк, сучья которого вросли в пещеры, упомянутые выше, имеет сейчас около 200 лет возраста. Таким образом, упомянутые сейчас пещеры рухнули, во всяком случае, до того времени, как был посажен этот и другие тограки, соседние с ним.

Типы пещер – храмовых:

[22 об.]

С шатровым перекрытием заднего помещения и двускатным перекрытием на деревянной конструкции переднего помещения. Обходы – плоские перекрытия.

Вихары старые – шатровое перекрытие, и в новых пещерах повторяется та же конструкция не только потому, что они переписаны, но и при самой постройке – сохранена конструкция старого типа.

Типы столбов. 1) обычный [...] – с статуей 2) Вейский – с драконами и т. под.

¹ Здесь в рукописи оставлено свободное место.

* * *

[20] По предварительному осмотру было предположено снять фотографии в более или менее значительном количестве в следующих пещерах, кроме калек и ряда полископических снимков:

№	
1 – 12	151 – 6
6 – 12	154 – 6
7 – 10	155 – 4
8 – 28	157 – 14
10 – 6	160d – 3
12 – 8	162 – 4
17bis – 26	162c – 10
19 bis.–26	166 – 12
66 – 7	165 – 20
74 – 30	167 – 22
76 – 16	167a – 7
81 – 17	168 – 10
92 – 10	169 – 2
102 – 16	170 – 3
104 – 1	171a – 6
117 – 30	169c – 2
118o – 4	160d – 10
135c – 4	155 – 4
138a – 6	150 – 14
139a – 7	136g – 6
139 – 10	136f – 3
139a – 7	136c – 5
139b – 5	135 – 20
144 – 20	110 – 15
145 – 12	103 – 10
146 – 15	105 – 24
148 – 10	101a – 8
149 – 7	95 – 6
150 – 14	120n – 24

Осмотр продолжался три дня. Посещены все пещеры, кроме немногих недоступных и при условии имеющихся налицо лестниц.

Для фотографирования я получал от Сергея Федоровича списки с темами, которые и сохраняю. Детали я выбирал почти все сам и, кроме того, добавлял темы, которые, по моему мнению, могли более или менее подробно характеризовать живопись пещер. К сожалению, недостаток времени не позволил мне сделать это с той подробностью, которая была бы необходима. Тот же недостаток времени не позволил мне достаточно внимательно изучить техническую сторону росписи, что было бы для меня очень любопытно.

* * *

- 2 – общий вид [20 об.]
- 3 – общий вид
- 4 – [...] калька
- 5a – полископ
- 17... – вход пещеры – калька ([...]) [...] – 1 фото [22]
- бок правый – калька
- фото всех – 26 фото
- 17 [22 об.]
- 19
- 19 bis
- 21¹
- 23 – оригинал. Калька
- 25 – ниши – полископ.
входная стена – калька
помещение – полископ
входная стена. Наружный <вид>. Калька
- 27 – калька. Вход поперек
передняя – фото, полископ
Орнамент
Полископ
- 29 – Часть входной наружной стены – калька.
Внутри – орнамент
полископ
- 18 – передняя – [23 об.]
внутри – 2 фото.
- 20 – полископ
- 22 – полископ ([...] и новые краски на входе)
внутри – 1 фото
- 24 – полископ
- 26 – полископ
- 31 – передняя – полископ [31]
внутри – 1 стена – 2 фото
орнамент – калька
- 33 – полископ. Передняя – полископ
внутри. Общий вид – фото, 2 фото
плафон – 1 фото
вход – калька
- 33 bis – калька
- 37 – внутри. Общий вид – калька.
- 41 – полископ – 1.
- 45 – плафон. Внутри – 1 фото и калька.
[...] внутри – полископ.
- 47 – полископ.

¹ Указатели снимков для пещер 17, 19, 19 bis и 21 прочесть невозможно, так как поверх записан чернильный текст с характеристикой пещер.

- 143 – Общий вид – 1
[.] фигур
- 144 – Плафон над статуями – 1
Остальное – 20
Кальки нарисованные
[.]
- [35 об.] 145a – полископ
145b – полископ
145c₁ – 1 фото
- [35] 146a – стена, 2 фото
калька
146b – полископ
147a – ничего
147b – правая стена – 2 фото
147c – ничего
148a – ничего. Плафон, полископ
- [34 об.] 150 – все – 14 фото
150a – полископ
153 – полископ
155 – калька, 4 фото
156 – Часть стены левой – 1
156a – ничего
158 – заперта
- [34] 158a – полископ. Стена против входа – 1 <фото>
158b –
158c – правая стена. Калька и полископ – 1 <фото>
158d – правую стену – 1 <фото>
158e – одновременная роспись. Правую стену – 1 фото
- [32] 159a – полископ
159b – испорчена
159c – (очертания) – полископ
160 – передняя (вчерне) заперта
160a – внутри, калька [.]
160c – недописанная (2 росписи)
две пещеры рядом (160c₁)
160d – стена правая и левая и против входа.
Плафон¹.
- [32 об.] 161d – 1 фото
162 – стена и потолок – 4 фото
163 – полископ (большая пещера)
164 – [.]² и стена – 2 фото
165 – [.] – 20 <фото>
166 – передняя – 1 фото
– внутри – 10 фото

¹ Характеристика пещер 160c и 160d перенесена с л. 34.

² Запись перекрыта другой записью, чернильной, фиксирующей проезд через те или иные места и сделанные покупки.

- 167 – ([.] огорчений)
боковая ниша пещеры – 2 фото
внутри и [.] – 22
(неоконченная роспись)
- 171b – 1 фото
- 171c – испорчено
- 171d – Вихары² в Холуе – наверху
Полископ: вид наружу
Внутри фотографии – 2
- 171e – Общий вид ущелья сверху – 1 фото

[33 об.]

¹ Лист 33 занят списком покупок с указанием сумм, потраченных на продукты.

² Слово «вихары» вписано поверх вычеркнутого «башенки».

Пропуск – В пещере № этой живописью обработаны только стенки прохода. Таким образом, она, по-видимому, позднее остальной росписи пещеры. Однако под ее слоем не оказалось ни кусочка прежней росписи. Но, так как участки, которые я пробовал ковырять, были слишком незначительны (нижняя же часть совершенно отсутствовала), а боязнь порчи росписи не позволила мне сделать больше проб¹. Таким образом, утверждение, что роспись эта позднейшая, может быть сделано лишь на основании сходства положений. Что касается росписи внутри пещеры – то они все расположены в один слой прямо на породе и исполнены на обычной глиняной с соломой поддержке.

В пещере N [...] ² новая роспись. Похожая по пошибу, но лишь отчасти. Образчик ее опять [...]. Обрушившаяся часть в передней части пещеры (веранда). Внутри – таким образом расписаны пояса внизу большой стены – правый и левый. Контуры черные, грубые. Краски темные – красная, черная, серая, белая – грубы и темны.

[37 об.]

Пещера 171а. Все почти скалькировано мной и отснято самым подробным образом. Ее краски тусклые и вылинявшие в связи с великолепным контуром очаровали и меня, и Ромберга, и Биркенберга. Пещера эта вызвала ряд споров с Сергеем Федоровичем, утверждавшим ее позднейший возраст, и мной, склонным отнести ее к храмам минской династии³. Одно из оснований, <которое> приводилось в доказательство моей ошибки, было утверждение, что эта роспись одинока в ряду ченфудунских росписей. Мои поиски, однако, доказали совершенно противное. А именно. Не только тот же стиль, но тому же мастеру принадлежала роспись следующей пещеры, т. е. № 171d (соседней к северу), где мной на левой от входа стене найдены следы росписи такого же характера и по краскам, и по контурам, и по типам фигур, обилию деталей, характеристике ушей, глаз, пальцев, складок и т. д. Краски на этой росписи почти не сохранились, хотя местами уцелела позолота. Роспись эта была почти сложной миниатюрой и поражает изобилием фигур и их трактовкой. К сожалению, я не успел за рядом более неотложных работ ее зафотографировать, так как фотографировать ее возможно было лишь при условии освещения прожектором, так как контуры очень слабо видны, и освещение дневное было уже недостаточно благодаря позднему времени года.

В восточной пещере на юге, т. е. № ⁴, на правой боковой стене веранды пещеры под двумя слоями росписи я нашел и скалькировал куски росписи того же мастера. На них прекрасно сохранились и краски. Представляя ту же небогатую гамму, они значительно ярче и свежее, чем потушенная временем гамма тонов пещеры 171е.

[38]

В пещерах нижнего этажа №№ ⁵ я нашел контуры если не того же мастера, то той же манеры, которые были, по-видимому, замазаны и обнажились сами – благодаря отпадению штукатурки, нанесенной поверх этой росписи. Красок на них не сохранилось. Что эта роспись была заштукатурена, показывает то обстоятельство, что на такой же штукатурке, на какой исполнена роспись наружной части входной стены, на внутренней стене пещеры сохранилась эта позднейшая штукатурка. (Кстати, штукатурка эта во всех сейчас упомянутых здесь пещерах одна и та же, т. е. известка с большей примесью песку.) Попытка увидеть и здесь, на этой стороне стены, живопись под замазкой не увенчалась успехом, так как замазка снималась небольшими участками вместе с нижней известковой штукатуркой. Может быть, тут влияла сырость стены, может быть, что более вероятно, – моя торопливость и отсутствие других инструментов,

¹ Предложение выглядит незаконченным. Так в оригинале.

² Здесь в рукописи оставлен большой пробел для постановки номера пещеры.

³ Династия Мин правила в Китае с 1368 по 1644 год.

⁴ Лакуна для последующего заполнения оставлена С.М. Дудиным.

⁵ Лакуна для последующего заполнения оставлена С.М. Дудиным.

кроме перочинного ножа: следует здесь же заметить, что роспись остальной пещеры исполнена по слою обмазки, непосредственно лежащей на породе. Таким образом, входная стена ремонтировалась два раза. Причем первый ремонт был именно известково-песчаный.

Наконец, в пещере № в том же этаже – весь проход занят росписью того же характера, но не по известковой, а по глиняной поддержке. Мастер здесь был, несомненно, другой, так как, кроме некоторых особенностей, рисунки чисто индивидуального характера, затем и иная гамма, и роспись. А именно общее впечатление серовато-голубого. Этот тон доминирует. [...] сводились к игре на этом общем тоне против тонов черного, ярко-зеленого (малахитового) золота. Охры содержат¹ тона красные (киноварь покрывала?), так как тон не прозрачный, а корпусный. На росписи – уйгурские надписи. Головные уборы мужчин и женщин те же, что и в пещере 171е.

[37]

Наконец, в пещере 2-го или 3-го этажа на внутренней стороне передней стенки прохода внизу сохранился еще кусочек росписи того же пошиба, но отличного и по приемам, и по мелким подробностям манеры. Штукатурка и этого кусочка – известка с песком. Красочная гамма – доминирование красных тонов (сьена жженая), чернил и желтой охры.

Пещера 54. Роспись входной стены внутри пещеры – доминирует контуровка. Однотипно с росписью под стать росписи в пещере 1-го этажа № (см. записную книжку) с тем же приближением зеленых тонов и белых пятен. Контуры хорошего большого рисунка, напоминающие контуры и тип рисунка в пещере 9 в Шикшине и др.

135f. Три слоя росписи.

144 – графья.

138 – Вход заложен. 2 росписи.

138a – 2 слоя. [...]

160g – ряды стен переписаны?.

140e – недописанная. 2 слоя росписи.

158e разновременная роспись.

Пещера 71. Типа пещеры 70. Доминируют черный холодный и черно-коричневый тон. Последний для лиц. Первый же, несомненно, служил прогрунтовкой, по которой наносились дальнейшие тона – бирюзовый, зеленый светлый, охряно-красный. Голубой и светлый, и темный во всей росписи исполнены одной краской, но то на белом, то на черном грунте. Первоначальная контуровка – тушь. Лессировки² – доказываются простым смыванием. Это ни в каком случае не переписка. Лица белые – замазаны белой краской в позднейшее время. Черный холодный тон положен густо. Охряно-красный тон на некоторых лицах и на орнаментах положен жидко.

[38 об.]

Письмо и по белому грунту; см. панно 2, часть 3-го и 4-е на левой стене.

На белых ликах лепки не было. На черных – также, по-видимому, не было (нет сероватых побежалостей³ или налетов, все они кажутся плоскими однотонными). На одеяниях заметна лепка в два тона. Что черные лики такими не были, доказываются остатками желтого (тердесьена⁴ натурального) тона на ликах некоторых фигур как <на> правой, так и на левой стенах. Это могло и должно было случиться при работе росписи, когда вместо одного тона по недостатку или по небрежности брали другой похожий по характеру цвета, но потом

¹ Здесь слово то ли вычеркнуто, то ли исправлено, но так неудачно, что прочесть исправленный вариант не представляется возможным.

² Лессировка (нем. Lasierung – глазурь) – техника получения глубоких переливчатых цветов за счет нанесения полупрозрачных красок поверх основного цвета.

³ Побежалость – окисная пленка, меняющая цвета на поверхности металла или минерала.

⁴ Разновидность пигмента.

оказавшийся совсем совершенно неодинаковым по сохранности, по сопротивлению влияниям света, сырости, вредным газам и т. д. и т. под. То же явление отмечается и в других пещерах, и не только на лицах, а и на других частях композиций. Киноварный тон, по-видимому, является результатом потемнения киновари. Она слегка коричневатая. На левой стене больше письма по белому грунту – фону. На правой стене наоборот. В письме правой стены много сходства с письмом пещеры 149 (правой стены). В панно левой стены необходимо отметить сходство с письмом пещеры 70. Таким образом, пещера, по-видимому, расписана двумя мастерами – (см. фотографии).

[39] Пещера 129. Тип танский (?), тона те же. Панель исполнена тонами черным, зеленым и тердсеньной жженой. Серый тон, по-видимому, выгорелый красный, так как он по характеру тот же, что и на физиономиях маленьких будд. Зеленая бледная. Остальное то же.

Пещера 167. Пещера расписана тонами красным и зеленым, как, например, пещера 46, но гораздо [...]¹

Исполнена роспись по желтоватому грунту. Контуры подготовочные скрыты росписью. Подобновлены контуры лишь для лиц и орнамента, в остальной росписи оставлен лишь просвечивающий контур. На фоне доминируют тона красный и ярко-зеленый, переливающийся с коричневым (осыпающимся) тоном и с бледным синим – голубым. Зеленых тонов два – очень светлый холодный (Поль Веронез²) и более темный и теплый (хром зеленый). Для одеяний применена лепка, так же как и для лиц некоторых фигур. Остальное все в одной плоскостной раскраске плаката. Краска с грунтом сцеплены довольно прочно. Роспись [...]³

Пещера 95. Типа вейских пещер, т. е. красная и черная. Все тона – черно-зеленые, ультрамарин, красный, охра и киноварь-лазурь. Статуи сохранили окраску и роспись и позолоту. На некоторых статуях лица – холодного серого тона, т. е. такие же китайские лица мелких будд в тех же пещерах и бодисатв в более новых пещерах – несомненно почерневший телесный тон (пещера № показывает это с очевидностью. В ней часть маленьких будд была заложена кирпичом и, не подвергаясь действию света, осталась такой, какой была, т. е. телесного цвета), слегка красноватый, в части же стены подвергшийся действию света после разрушения закладки, и в других частях стен не заложены – все будды почернели (по стене).

[39 об.] Пещера 138. В росписи преобладают зеленый и черный тона. Лики коричневые и белые при условии осыпания краски. По типу напоминает пещеру 70. В нише – рисунок бодисатв походит на черно-зеленую манеру, краски же такие, как в пещере 70. В правом панно в [...]⁴ в одеяниях и в аксессуарах – ультрамарин. Подготовительные контуры забиты красками росписи. Лепка применена только для зеленого тона для ликов. Для ультрамарина и зелени – два плана. Часть лиц сохранилась почему-то красно-охряными, но роспись их не носит негативного⁵ характера, т. е. света не темнее и не светлее теней*. На этих лицах черный контур

* В других росписях особенно не старых пещер, например в пещерах красно-зеленой манеры, лица носят темные пятна именно на световых частях и потому производят впечатление как бы негативных снимков или позитивов или иногда кажутся как бы освещенными снизу (см. фотографию) (прим. С.М. Дудина. – М.Б., И.Т.).

¹ После слова «гораздо» в рукописи оставлено свободное место.

² Имеется в виду Паоло Веронезе (Калиари) (1528–1588) – живописец венецианской школы, предпочитавший холодную серебристую гамму.

³ Так в оригинале. Фраза начата, но не окончена.

⁴ Лакуна для последующего заполнения оставлена С.М. Дудиным.

⁵ Имеется в виду не эмоциональная оценка, а соответствие цветов по схеме «позитив – негатив».

отсутствует. В нише те же тона. На орнаментах тоже. Писано по побелке. На левом панно схематичный пейзаж. Середина так же, как и в правом, но мельче по рисунку и беднее по краскам. Работа, несомненно, другого мастера. Перед входом пещеры сохранились остатки контура манеры 171а. Любопытно, что входная стена и вход исполнены позже росписи внутри пещеры, а преддверие – позже входной стены. Роспись входа (вверху, так как внизу роспись манеры 171а) красно-зеленая. Отличие штукатурки росписи типа 171а и 117 – она без примеси соломы и сыплется при трении / остальная штукатурка вся с примесью соломы. Остатки росписи в панно двери пещеры 138b также типа 171а. Характер штукатурки тот же. Детальное изучение контуров 171а, 117 (преддверия) и этих остатков, несомненно, подтверждает, что это работа мастера одного и того же, которым исполнена роспись*.

Пещера 120g. Роспись так называемого красно-зеленого типа. Исполнена по желтоватому грунту. Контуры – тушь, живописью не закрыты. Преобладают тона яркий зеленый и охряно-красный (т. е. съена жженой?). Первоначальные контуры, таким образом, благодаря и сохранению и просвечиванию играют большую роль. Линии контура разной силы по степени толщины, подробны, и роспись, таким образом, имеет второстепенное значение. Синий тон (грязный ультрамарин) встречается на панно налево в украшениях будды и в небольших пятнах в пещере; в панно направо – лишь в волосах и нимбах. Лики частью белые с красным контуром, исполнены поверх слабого контура тушью. Часть ликов темно-коричневые почерневшие, часть ликов (см. правую сторону панно) охряно-красные. На этих лицах заметна слабая лепка, белые лики не леплены вовсе. Киннари¹ – темным слабым тоном. На некоторых черных лицах сохранился непочерневший охряно-красный тон. Белый тон взят белилами. Краски все прочно связаны с грунтом, кроме зелени, которая стораеет слегка. При красных контурах белых ликов и тела вообще брови и зрачки черные. Все тона, по-видимому, были чистыми, без подмеси, кроме тонов на кое-каких аксессуарах, где к тердсеньной жженой (как и всегда) подмешивалась, по-видимому, сажа или что-то похожее в этом роде. Тон сажи взят и для волос, белых и многих почерневших ликов. Характер контура, тип его – см. фотографии. В штукатурке грубая солома, теперь перегнившая и потому очень ломкая. Вход здесь, как и во многих других пещерах, более поздней росписи, чем внутренняя поверхность пещеры.

138е. Живопись по штукатурке с большой примесью волокна (не соломы), что дает ей возможность сгибания в небольших кусках. Побелка из тонкой глины. Краски. Общее впечатление для потолка – черная и синяя (черно-ультрамариновая и светлая зелень). То же и для ниши. На стенах – красный и охра для фона. Фигуры – черные и ультрамариновые и зелень. Краски – охра мягкая, киноварь потемневшая, ультрамарин с белилами, сажа, зелень по тону средняя между Поль Веронезом и [...]. Все краски легко смываются. Контуры исполнены тушью, и почти все забиты красками, белилами, исполнены тяжело, [...]², и т. п. поверх красок.

[40 об.]

148. Шатровая. Ниша перед входом исполнена в зеленых ярких и синих тонах. Лики черные. На платьях охра. Орнамент вокруг ниши исполнен по коричневому фону тонами зеленым,

* Пещеры 171а и следующие, к сожалению, сохранившие лишь ничтожные следы внутри пещеры. Признаки эти: манера и рисунки складок, манера положения складок, манера усиления и утончения контуров. Для мест с большей сохранностью манера рисования конца пальцев, уши, глаза и, наконец, типы лиц, носов, украшений на одеяниях и украшений вообще. Кроме орнаментации кайм на одеяниях и обрамлений картин широкой рамой (см. фотографии) (прим. С.М. Дудина. – М.Б., И.Т.).

¹ Танцовщицы.

² В рукописи четко читается сокращение «отживш», однако в точности суть данного определения остается неясной.

синим и белым. Стены и паруса потолка – будды-обои. Панно на правой и левой стенах – будды по трафарету. Общий фон панно – коричневый. Лица розоватые, глухого тона, платья, деревья и т. под. – сильна зелень и киноварь. Платье будды на левом панно серое, на правом розоватое (розовое). Орнамент вокруг панно тот же, что и около ниши. Техника письма: последний слой штукатурки – глина с растительным волокном. Побелка – по-видимому, тонкий слой глины или гипса, хорошо вылощенный. Контуры – тушь, очень тщательные и подробные. На орнаменте: коричневый фон, легко смазывающийся в сухом виде, – по фону роспись. Панно все, кроме белых мест, записано тем же коричневым тоном, кроме мест, записанных киноварью и зеленью. Контуры не выступают из росписи, доминирует она, а не они. Тела фигур, во всяком случае, покрыты коричневой подготовкой*, но с расчетом, что контуры просвечивают, затем покрыты розоватым тоном (телесным?). Украшения – ультрамарин, зелень, написаны на них и на аксессуарных частях поверх тона.

[41] 149. Панно на левой стене во всю стену, по-видимому, писано тем же мастером, что и панно в пещере 148. Та же манера, та же техника, такой же уверенный бойкий и точный рисунок. Те же тона. На лицах многих фигур сохранилась покрывка розовым тоном и контуры глаз, носа, рта и губ по этой покрывке (снята нижняя часть панно, кроме 2-х концов ее). Левое панно частью не окончено, частью стерто. Однотипность контуров на белых записанных розоватым тоном лицах с контурами подготовки (если этот коричневый тон – подготовка) необходимо установить тщательным сравнением. Возможно два предположения:

1) или это действительно подготовка черная для лессирования или 2) это переписка хорошим мастером. Плохих переписок, т. е. грубых замазываний по коричневым лицам, здесь много.

139. Родственна пещере 149. Рисунок другого мастера. Тона панно – светлый зеленый, съена – жженая и голубовато-серый для одеяний. Тела черно-коричневые, на некоторых сохранились следы лессировок (?) оранжевого и красного тонов, т. е. лепки. Принцип лепки – в обе стороны по выпуклости, т. е. свет прямо перпендикулярно из плоскости картины. Тем же коричнево-черным тоном сделаны украшения и другие аксессуары; по ним детализовка светлыми тонами – зеленым, белым и голубым. Первоначальные контуры исполнены тушью, слабо просвечивают и видны лишь местами. Новые контуры (т. е. надрезные) – светлым тоном. Тени на одеяниях – по светлому основному колеру. Остальная стенопись того же характера. Фон, по которому исполнена роспись, белый. Он же остается во многих местах как граница между тонами по контуру.

На левом панно – кроме упомянутых выше красок – охра мягкая и выгоревший в голубой тон ультрамарин (в платьях, украшениях и на павлинах). Волосы – синие, брови – зеленые. У Будды плащ серовато-красный – результат измененного, по-видимому, тона¹ киновари, на которой была сделана какая-то примесь с целью сделать тон более густым и темным. Тона скульптур – те же, на них много позолоты. На орнаменте те же тона. Все почти тона пачкают фон-пропись. Глина с волокном, но хрупкая. Плафон пестрый, яркий, но грациозный. Пещера вообще сохранилась хорошо. См. снимки.

139а. Характер росписи как у 139. Тона – те же, но встречается киноварь. Прием письма тот же. Однако на левом панно много ультрамарина, а на правом и еще больше. То же и на плафоне. По качествам хороши и все панно, и будда. Окраска их сохранилась слабо. Тона на правой

* Если это только подготовка? а не почерневший тон (прим. С.М. Дудина. – М.Б., И.Т.).

¹ Здесь чтение затрудняет чернильное пятно, однако прочесть слово возможно.

стороне входной стены – на лице и руках Авалокитешвары – сохранилась «[лессировка?]» телесного тона [в светах]¹ и оранжевого в тенях. Лепка несколько груба и примитивна, но сильна и правильна.

Листья на деревьях синие и зеленые. К сожалению, белый фон переписан (вернее, замазан) серовато-желтым тоном.

146. На обеих боковых стенах прием росписи тот же, что и в пещере 144 на правой стене, т. е. это та же широкая манера с небольшим числом красок (бедность красок), но композиция несколько менее скучена (художник Ву-доо-дзы)². Входная стена и плафон ближе по типу их росписи левой стене пещеры 149, но работа эта другого мастера, хотя в типах головок женского характера наблюдается сходство с 149 для правой стены. На плафоне и на входной стене доминирует зеленый тон, причем на входной к нему прибавляется еще в значительном объеме киноварь.

145. Характер росписи, особенно правого панно, как у 148. Краски те же. На обоих панно доминирует ярко-зеленый (теплый малахитовый) тон и синий (сероватый от ультрамаринового до индигового). Лица фигур замазаны в более позднее время розоватой глухой краской. Кроме доминирующих тонов – красная охра в очень ограниченном количестве и (внизу левого панно на фигурах и на будде; в правом все краски исчерпываются указанными до красной охры или киновари на одеянии будды. Фон – серая глина. Краски красные не отстают, коричневая и зелень – местами слезают. Кое-где [...] признаки рисовки золотом. Белые места писаны белилами (белой краской, может быть, мел), сохранившими чистоту и яркость.

144. То же, что 145. Коричневый тон ярче, местами он несет фиолетовую побежалость, как и в левом панно пещеры 149. Этот тон держится очень слабо и легко стирается с росписи. Таким образом, коричневый тон является как бы подслоем для него. Музыканты и танцовщицы похожи на те же фигуры со 145. Возможно, что есть и другие работы одного и того же мастера. На правом панно в углу снизу на фигурах женского типа сохранились куски лимонно-желтой яркой краски в тех местах, которые соответствуют украшениям (золотым, конечно). Письмо в несколько тонов прозрачными красками. Тона те же, что в пещере 149, и киноварь.

137d (вейская династия?). Фон – красный (тер де съена жженая). Будды – ультрамарин выцветший и тердесъена в шашку для отделки образов, причем лица все серые с черными (коричнево-черными) пятнами и белыми бликами светов, т. е. представляют продукт измененного тона телесного цвета и его теней. Венчики – сурик и черно-зеленые, все почти выгоревшие, сохранившиеся лишь местами, и ультрамарин. Костюмы жертвователей – ультрамариновый, сурик. Съена – жженая и черная. Панно на стене против входа: тела – черно-коричневые с синеватой побежалостью (в тенях более светлой, чем в светах), легко смахивающейся пальцем. Одеяния ультрамарин и зелень (эмераль³ светлая) – ультрамарин и как бы разбелен. Зелень деревьев – эмераль. Она вписана в пятнах побелки. Все блики исполнены белилами. Рисунок грубый. Лепка с костюмом отсутствует. В плафоне, похожем на 120а, доминирует ультрамарин черный нейтральный, зелень и выгоревший красно-охряный тон. Тела – почернели и обратились в серый с черным и белым. Орнамент схематичный – наполнен ультрамарином,

¹ Здесь чтение затрудняет чернильное пятно.

² У Даоцзы (кит. 吳道子, 680–740) – китайский художник династии Тан. В китайской художественной традиции рассматривается как один из основателей китайской живописи.

³ Имеется в виду эмеральдовый оттенок, напоминающий цвет изумруда.

сьеной жженой, нейтральной черной, желто-охряной сероватого оттенка и белил. Контуры на белых местах – разжиженная террдесьена жженная, на ультрамарине разжиженные черные.

[42 об.]

Пещера 117. Входные стены писаны по штукатурке с соломой, нанесенной на старую роспись. Рисунок – с доминирующим контуром*. Контур сильно напоминает по приемам 171а – та же красивая уверенная линия, та же лепка линиями, тот же прием изображения изломанных и прямых складок. Одинаковость эпохи помимо орнамента доказывается одинаковостью головных уборов. Тона для лиц – черные (коричневые). Затем следует золото для украшения. Через выгоревший киноарный тон – светлая зелень. Выгоревший ультрамарин для одеяний. Монахи на правой стене – серый и красный – киноарный темный. Контуры – съена жженная. Пейзаж – голубой (ультрамарин с белилами). Светлая зелень, как и на костюмах, и грунт – белила. Аксессуары – ультрамарин и золото, темно-синий, черный. Лепка костюмов слабая.

Под этой живописью мною открыты пятна черного и съены жженой тонов, но рисунка на ней мною замечено не было. Куски, открытые мной, были, правда, незначительны.

[43]

Роспись остальной пещеры совершенно отличного плана. Контуровка черная. Тона красный и зеленый являются доминирующими. По рисунку – это одна из хорошо исполненных пещер этого типа, среднего между так называемыми красно-желтыми и черно-зелеными пещерами. На задней стене – ряд пейзажей, среди которых есть очень хорошие вещи. На входной стене фигуры жертвователей в натуре¹ (см. фотографии).

Роспись внутри пещеры – на грунте, положенном, по-видимому, прямо на породу. Но так ли это – утверждать не берусь, так как из боязни порчи росписи – пробных выемок я не делал и сужу лишь по входной стене и по кускам боковых, обнаживших местами грунт от росписи.

114. Типа 70. Тона – красный, охряный, зеленый, черный, немного грязно-синего. Контуры сделаны инком² и просвечивают довольно сильно сквозь краску. Роспись по побелке. Рисунок того же пошиба, что и у 70, но более слабый (коричневый местами просвечивает и равняется по тону натуральной стене, но чуть-чуть более ее оранжевый). Особенно хорошо это заметно на правом и на левом краях панно и на полосах орнаментных стен. Орнамент исполнен по украшенному фону голубым, сероватым, зеленым светлым и белым тонами.

[43 об.]

Пещера 67. Образ на белом фоне. Коричневый тон лика замазан розоватым тоном, как в пещере 149 и др. Голубые тона на одеянии и престоле сероваты. Контуры тушь. Скрыты красками, но проступают несколько более, чем в других. Зелень на одеяниях будды яркая. Хитон у будды грязный, охряно-красный, выгоревший. Другое панно в том же роде, но хитон ярче по тону. Фон – мелкие будды по террдесьена с желтыми пятнами зелени. Почерневшие лики их без лепки. Статуи в нише старые. По бокам более новые (новейшие).

* Все пещеры делятся по контуру на два типа – пещеры с преобладанием контура над живописью и, наоборот, с преобладанием живописи над контуром. В первом случае контур везде проступает ясно, он разнообразен по силе и толщине линии; богат количеством линий и позволяет разбираться и в фигурах, и в деталях без помощи окраски. При затерах от размазывания красками он бывает возобновлен. Роспись исполнена жидкими красками, сквозь которые контур проступает более или менее свободно (может быть, это еще происходило от густоты туши, которой исполняли контур). Во втором случае контур еле сквозит через роспись, исполненную по обыкновению более густыми красками. Его восстановление делается лишь на милых редких в подробностях украшениях. Самый контур [43] слабый, монотонный, однообразный, почти потому не выступающий из массы красок и без их помощи плохо позволяющий разбираться с компоновкой. Детализировка им почти не делается, а если и делается, она все равно исчезает в конце краски, особенно в случаях, являющихся почти общим правилом, замазывания в сторону от внешних границ контура.

Промежуточные типы живописи между этими крайностями, по-видимому, не существуют, если откинуть разницу в манере первого типа. Контуры менее богатые деталями и с менее ярко выраженной системой углощений для лепки в контуре (прим. С.М. Дудина. – М.Б., И.Т.).

¹ Имеется в виду – в натуральную величину.

² Инк – чернила.

Пещера 69. Однотипна с 67. Статуи сохранили пеструю окраску стены, кроме будды. Лик у будды – охряно-красная и черная. Каймы – ультрамарин. Остальное в тех же тонах, плюс яркая зелень. Лик будды охряно-красный (или терра ди съена жженная). Мелкие будды на стенах почернели. Бодисатвы по панелям стен черные и синие с зеленью писаны на белом же фоне. Контуры скрыты краской и еле сквозят.

Пещера 46. Контуры красный и черный. Красные контуры имеют значение подрезных и употреблены почти исключительно для ликов. Контуры однообразно тонки, усиления редко встречаются. Преобладающими тонами являются террдесьена жженная и охра. Зелени мало, она двух нюансов, разбеленная и поджелченная и зеленая холодная. Общее впечатление росписи – красная с пестринами желто-охряного и зеленого тонов. Краска тоже – охра мягкая и съена жженная. Орнамент как в 19 ...¹ тип росписи пещеры № 6, 17bis и т. под. Разница невелика. Лица не леплены вовсе. Костюмы слегка пролеплены тоном. Тона беспокойны несколько из-за лиц, намазанных белилами. Фон для росписи желтоватый = лёссовый.

Живопись чанфодунских пещер

[44]

1-я манера. Штукатурка, по которой сделана роспись, чаще всего светло-охряная, т. е. из желтоватой глины. Контуры – красные для лиц, рук и других частей рисунка и черные для аксессуаров. Доминирующими тонами являются охряно-красный и зеленый. Лица и руки или белые, или желтого цвета. Лепка складок и лиц или совершенно отсутствует, или выражена не более чем двумя планами и далеко не везде. Линии контуров тоже однообразные [...] усиления почти нет, а то и нет вовсе. Рисунки не всегда точные. Манера рядовой руки.

Следки или Складки

Глаза

См. фотографии.

Уши

Складки закруглены, вялы, не энергичны. Лепка или отсутствует, или сильно слабая (повторный мазок тоном направо и налево – т. е. свет прямо). В [...], встречающихся в пещерах этого типа, контуры отсутствуют, серые, они закрыты тонами и повторены снова крайне мало.

2-я манера. Черно-зеленая. То обстоятельство, что в некоторых пещерах наряду с доминирующим черным и зеленым тонами сохранились тона желтый и красный, и то обстоятельство, что в пещерах 1-й манеры местами те же тона отсутствуют на некоторых частях панно, где они встречаются, заставляет думать, что кроме умеренно черного и зеленого тонов в росписи были тона красный и желтый, но от действия света они выгорели.

[45]

3-я манера. Пещеры 171а, 170, 138b, 138 наружной стороны. Фон белый для 138b и 138 и серый для 171а и 170, причем для всех них одинаково хрупкий, т. к. не имеет примеси соломы или другого растительного волокна.

[46]

4-я манера. Как в Идикут-шари и Сенгим-агызе, особенно см. пещеру № часть левая входной стенки (фигуры мирян). Похожа на эту же живопись в пещере 3го яруса, где большой будда в нирване¹ ...² – затем та же манера в пещере внизу, занесенной песком (еще больше напоминает живопись Сенгим-агыза / (монастырь) 1-й на горке. С музыкантами и т. д.).

¹ Многоточие оставлено С.М. Дудиным.

² Многоточие оставлено С.М. Дудиным.

[47]

Вообще возможно разделить всю живопись Чанфудуна на два типа – живопись, в которой доминирующее значение имеет контур (171а, нижняя штукатурка 92, входная стена внутри пещеры 54 и ее боковое панно) и краски являются несущественной деталью. Доминирование это или выражается с такой силой, как в указанных пещерах, или несколько смягчено тем обстоятельством, что контур очерчивает только границы просмотра и дает подробности рисунка скучной однообразной лепкой (пещеры красной и черно-зеленой манеры), или, как в 171а, контур изменением толщины линий дает лепку фигурам и деталям и, таким образом, является существеннейшей частью декоративного устройства пещеры.

Следующий тип, наоборот, считается с контуром лишь как с первоначальной границей, которую не должны переходить краски. Он записывается ими. Лепка получается существенным сгущением тонов, а подчеркивание [...] подробностей (глаза, уши, пальцы, украшения) контуром делается лишь в немногих необходимых случаях, где работа пятном или была неудобна, или трудна для живописца (пещеры 149, 148 и др.).

Б.Ф. РОМБЕРГ

**ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК
(1914–1915)**

В Санкт-Петербургском филиале архива РАН в фонде академика С.Ф. Ольденбурга хранятся зарисовки¹ и записи², сделанные в ходе работ Второй Русской Туркестанской экспедиции Борисом Федоровичем Ромбергом. Хотя они разделены на два архивных дела, фактически же – составляют единое целое. Разница между повествовательной частью дневника и иллюстративной состоит в том, что первая сопровождается четкими датировками, хронология же зарисовок едва ли поддается полной и точной реконструкции: часть рисунков не датирована, а часть еще и не подписана. Тем не менее большую часть иллюстраций можно совместить с текстовой частью дневника.

Описательная часть дневника состоит в основном в фиксации дат, мест, погодных и дорожных условий, описания наиболее ярких достопримечательностей. Также определенное внимание Ромберг уделил описанию памятников буддийского искусства. Ценность записей Б.Ф. Ромберга состоит в точном описании всего маршрута, который он прошел с С.Ф. Ольденбургом, а также в художественной передаче как атмосферы, царившей внутри экспедиции, так и внешнего антуража. Как истинный художник, Б.Ф. Ромберг в основном зарисовывал то, что привлекало его внимание: участников экспедиции, пейзаж, случайных встречных, постройки, орнамент и даже надписи на китайском языке.

Дневник написан чернилами на клетчатой бумаге достаточно четким почерком. Написание географических названий не систематизировано: одно и то же название может быть написано по-разному в соседних строках. В остальной работе с письменной частью дневника Б.Ф. Ромберга проблем не создает.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180.

² СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 181.

[1]

Дневник Б. Ромберга, начат 14 июня
Русская Туркестанская экспедиция, 1914–1915 г.

[2]

14 июня 1914 г. – приехали в Чугучак ночью на 15 июня.

17 июня. Выехали из Чугучака в 12¼ дня. Первая остановка в 2 часа до 4½ – причиной остановки главным образом была отставшая телега. Накануне отъезда выпал дождь, и местами были большие лужи, через них иногда очень труден был переезд на фургонах (тем более что непривычные лошади рвались в разные стороны и недружно двигали фургоны). Дорога шла по зеленой степи, было нежарко после вчерашнего дождя, местами сверкал свежевывавший снег на шорах. Дорога все время была ровная, и горы кольцами замыкали горизонт, далекий и голубой. Самым большим затруднением была переправа через небольшое болотце в верстах двадцати от Чугучака, приходилось выпрягать лошадей и вытаскивать застрявший фургон веревками, казаки с большим усилием вытаскивали фургоны. Ехали всю дорогу переменным аллюром со скоростью в среднем 7 верст в час. День был нежаркий, дул свежий ветер. Около восьми часов стало свежо совсем, пришлось одеться теплее.

[2 об.]

Всю дорогу сопровождали китайские солдаты от чугучакского амбана, совершенно безучастные ко всему происходящему. На ночевку остановились в 10 часов около китайского пикета Сетера. На остановке вода была хорошая из арыка.

18-го выехали в 9½ утра, дорога шла по ровной степи, характер местности изменился, растительность становилась более скудной и земля покрывалась мелкой черноватой галькой. В 11¼ впервые появилась река Эмиль, шириной сажени 3, берега ее поросли низким кустарником и травой. До переправы через Эмиль доехали в 12 ч. 10 мин., после небольшой остановки, вызванной застрявшей телегой. Около 1 часу выехали дальше. В 3 ч. 30 мин. приехали в Курте. Дорога от Курте начала очень медленно подниматься, и издали в тумане видны были деревья. Остановка была Хара Хулсын¹ – в 7½ вечера солнце садилось². В день проехали, по-моему, верст 45. Дальше дорога шла между гор далеких, холодных. Остановились на ночлег невдалеке от хорошего арыка, полного водой. Лошади паслись внизу около ручейка и маленького болотца с жидкой низкой травой.

[3]

19 июня. Встали 5½ часов утра, выехали в 8 ч. 3 м. – приехали в пикет Толу без 2 минут 12 часов. Дорога все время шла медленно в гору, но подъем был почти незаметный. Дорога все время отличная, крепкая. День был нежаркий, дул легкий ветерок, на небе легкие перистые облака. Перед пикетом Толу находятся небольшие поля люцерны и других посевов. За пикетом находится очень хороший источник с чистой ключевой водой. В 1½ часа дня пришли фургоны в Толу. В Толу пришлось остаться ночевать из-за того, что сильно утомились лошади.

[3 об.]

20 июня. Всю ночь шел дождь. Утром дождь продолжался. Выехали <в> 11¼ под дождем. Дорога шла, медленно поднимаясь вверх. Встречались террасы невысокие. В этот день на вершинах выпал снег, довольно низко, густым слоем. Все время дул холодный ветер. Дорога была трудная из-за глинистой мягкой почвы, покрытой местами мелкой галькой. В 6 ч. 10 мин. доехали до пикета Ямату и остановились там ночевать, у самого входа в ущелье. Самое трудное место дороги было за час езды до Ямату, был подъем, и довольно крутой.

21 июня. Погода ветреная, облачная. Выехали из Ямату <в> 9 ч. 40 м. Дорога по ущелью идет все вверх, между камнями извиваясь. Грунт – песчаник каменистый. После часа езды шагом попадает несколько мест, очень трудных для телег. Телеги по пути сильно отставали. До самого трудного места доехали в 10 ч. 50 м. и ждали лошадей с телегами до 11 ч. 10 м.

¹ Точнее – Сары-Хулсын.

² Фраза «солнце садилось» зачеркнута, однако вместо нее ничего не вставлено.

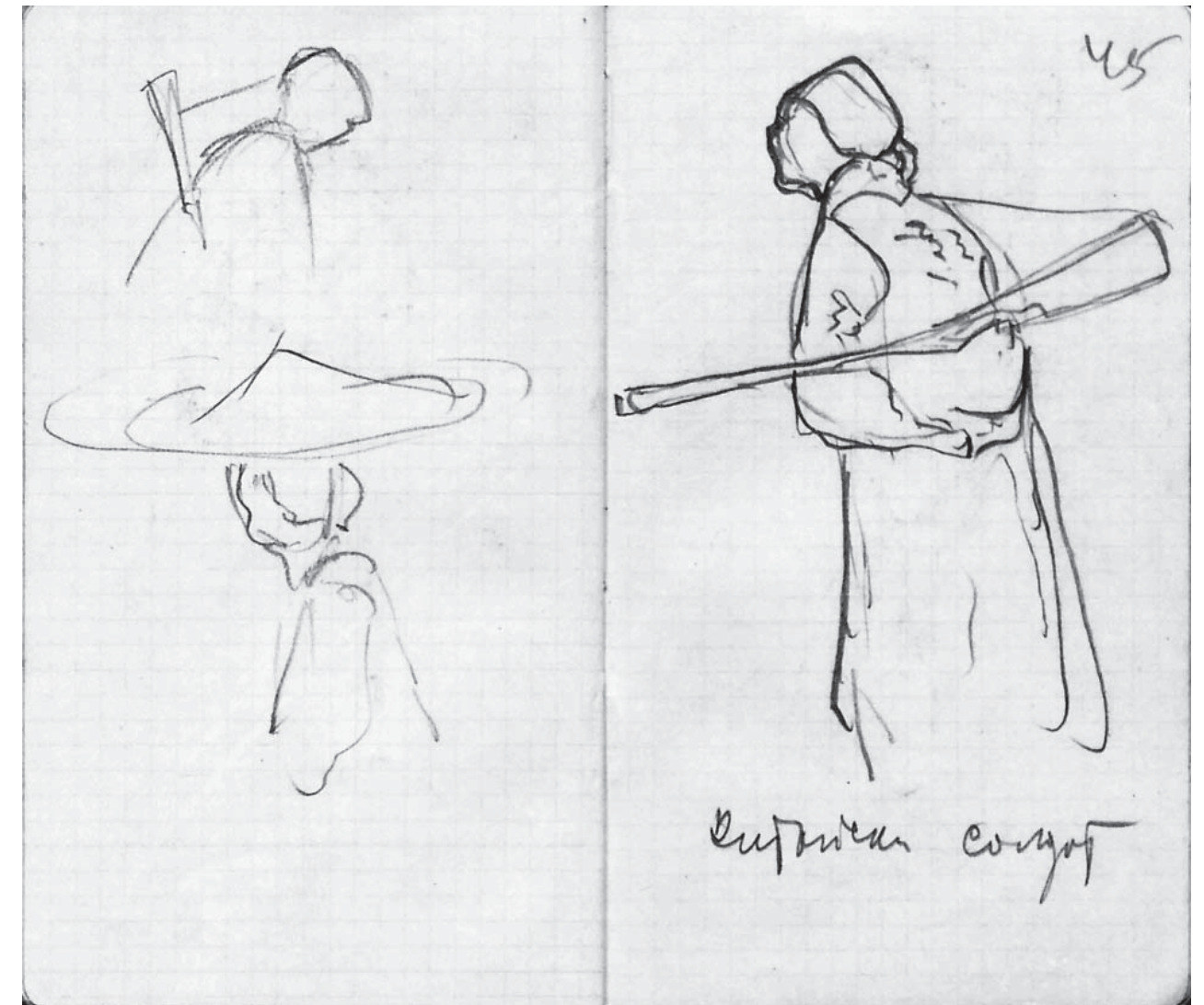

Рис. 1

Китайские солдаты

(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180. Л. 45)

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Появились телеги. Задержка из-за вытаскивания телег через камни была 45 м. <В> 1½ были на перевале Джаир, и пошел мелкий дождь. В Кюльденене¹ были без 10 м. 2 часа. Всего отъехали от Ямату верст 15–16. От Кюльденена до Ямату (4 ч. 40 м.) проехали около 22 верст. [4]

Всю дорогу шел дождь мелкий. В Оту вода хорошая.

22 июня. Выехали из Оту – 9 ч. 10 м. при облачном небе. Из Оту виден был вдали покрытый облаками Тянь-Шань. В 11¼ доехали до перевала, при спуске с него одна из телег упала, сломалось дышло, пришлось провозиться 1 час, пока вновь не двинулись дальше. Дорога шла все время по буграм, то поднимаясь, то вниз. Дорога была удобна для проезда, лошади везли быстро, местами только попадался гравий и колеса двигались с трудом.

¹ Точнее – Кульденен.

Рис. 2
Китайские солдаты
(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180. Л. 45 об.)
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

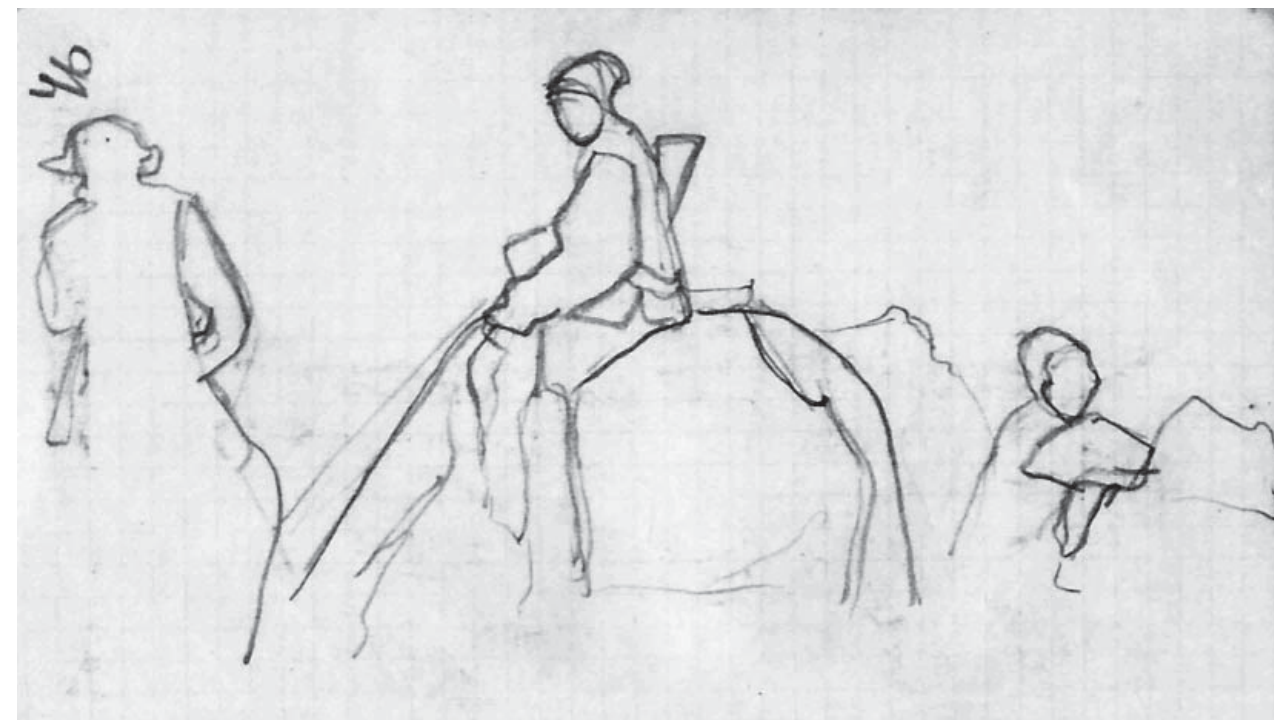

Рис. 3
Китайские солдаты
(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180. Л. 46)
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

По пути пришлось остановиться еще раз на 1 час для исправления шкворня, соскочившего на передке. В 5 ч. 35 мин. приехали на стоянку в Олон-булак. Общий путь, пройденный за день, равняется приблизительно: от Оту до Сарджака 15 верст и от Сарджака до Олон-булака 27 верст. Всего 40 верст. Вода в Олон-булаке была слегка соленая, но свежая. Достать из провизии удалось только редиску и немного яиц. С холмов за Олон-булаком открывалась панорама Тянь-Шаня вечером.

[4 об.]

23 июня. Из пикета Олон-булак выехали в 7 ч. 10 м. Дорога шла по песчаной почве вниз. Все время дул легкий ветер. Кругом рос цветущий тamarиск. Встречались по дороге большие лужи вязкие, приходилось их объезжать. В пикет Куль приехали <в> 10 ч. 50 м. Вода в Куле, в колодце, солоноватая. Верст от Олон-булака до Куля приблизительно 30. Дорогой ехали быстро, телеги отлично поспевали. Был хороший солнечный день с легким ветерком и потому не жаркий. В Куле оставались до 7 ч. 50 м. из-за того, что лошадей били [...] и лошади спокойно не могли продолжать путь. От Куля до Чипейдзы дорога шла между порослями тамариска, деревьями джигды, тополями. В семи верстах от Чипейдзы были развалины, может быть, Эртхе. Дорогой ночью ехать было превосходно. От Куля до Чипейдзы приблизительно верст 28.

[5]

В Чипейдзы остановились за селением на берегу мутного Кейтына¹, в порослях тамариска и джигды.

24 июня. Дневка в Чипейдзы. Чипейдзы – маленькое селение, через него протекает совсем мутная река Кейтын. В глубоких берегах река быстро несет огромное количество глины. Вода

¹ Имеется в виду река Кийтын.

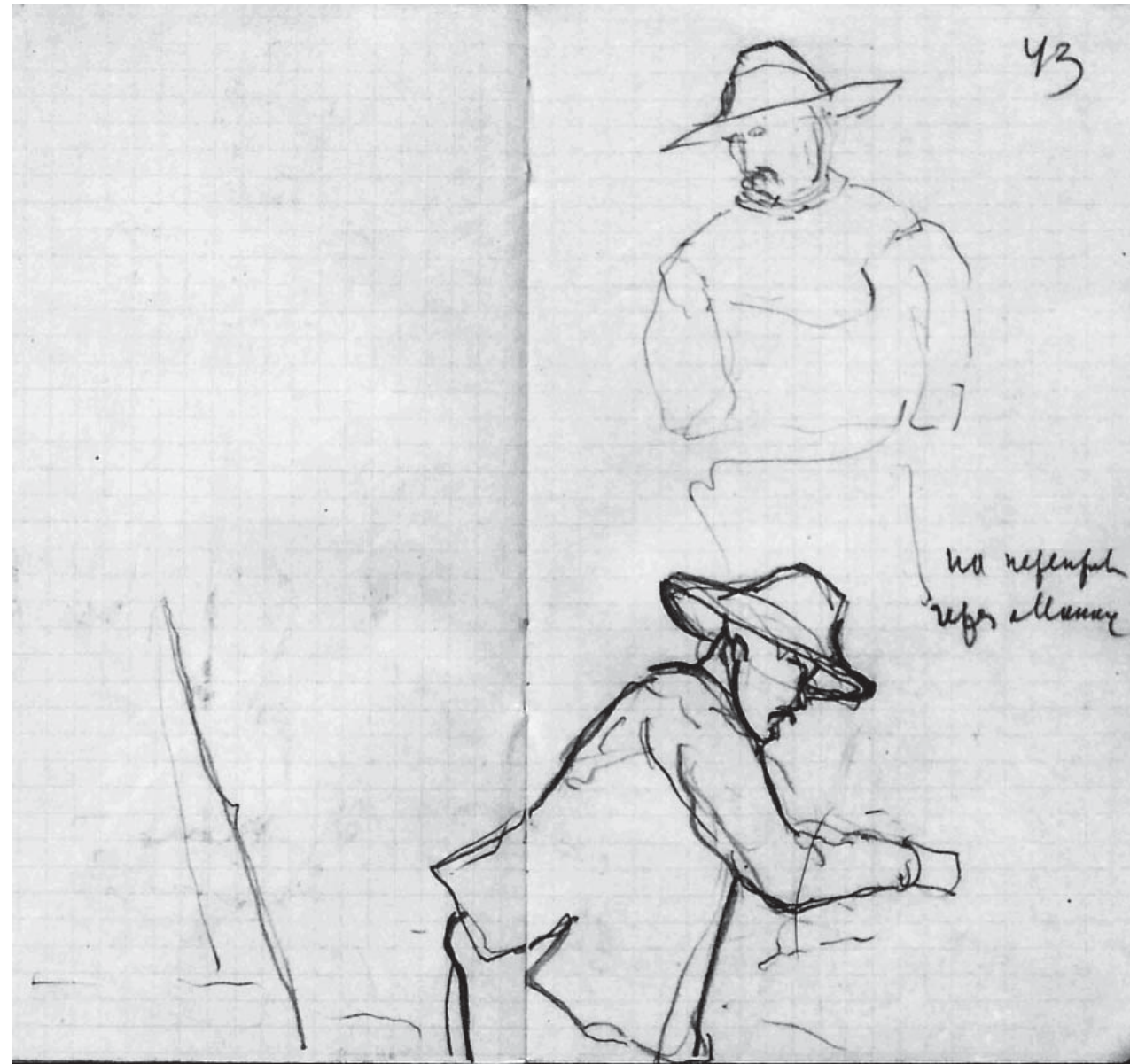

Рис. 4

На переправе через Манас. 30 июня 1914 г.
(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180. Л. 43)
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

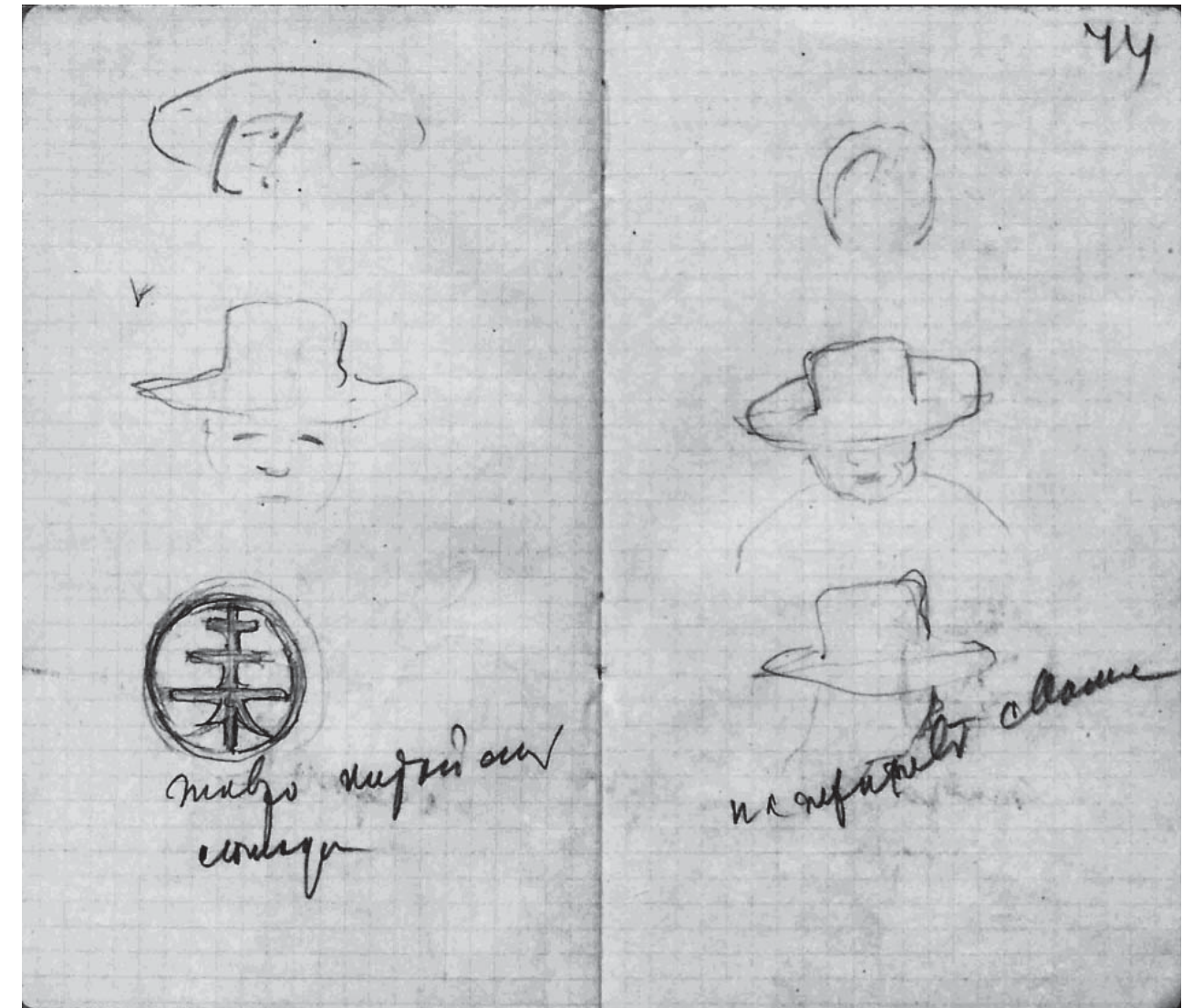

Рис. 5

Тавро китайской лошади (а). На переправе через Манас (б)
(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180. Л. 43 об. – 44)
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Кейтына в ведрах отстаивается очень медленно и имеет солоноватый вкус. В селении Чипейдзы, кроме одной лавки сартской, дьяна и двух мяо, ничего нет. День был солнечный, без ветра. Выехали из Чипейдзы в 7 ч. 48 мин. при луне. Дорога была хороша, ехали быстро. Дорогой несколько раз телеги застревали в топких местах. От Чипейдзы до Тхеуте, состоящего из одного дьяна и 1–2 еще каких-то построек, всего 23 версты, потому что ехали от 7 ч. 48 м. до 11 ч. 25 м. переменным аллюром. Дорога шла по местам, поросшим лесом тограка, тамариска, местами попадаются заросли камыша. От Тхеуте до Шихо ехали до 6 часов утра.

[5 об.]

25 июня. Весь день 25 июня провели в Шихо. Шихо – небольшое селение с базаром, можно было достать овощи и мясо. Продавали огурцы, редиску.

26 июня. Выехали в 8 ч. 10 м. В 10½ часов были у переправы. Переправа через Кийтын была довольно трудная. Место переправы тянется около двух верст (12 китайских столбов телеграфной линии). Трудность переправы заключается в том, что река разбивается на массу мелких и глубоких протоков. Часто приходилось припрягать лошадей, чтобы вытянуть телегу из воды. До дьяна Кийтын дошли в 2 часа дня и остановились ночевать из-за того, что дальше воды хорошей не было. В дьяне Кийтын вода хорошая, колодезная.

[6]

27 июня. Выехали в 5¾, приехали на пикет в 6 часов. Дорога хорошая, почва потрескалась от жары. Дорогой попадались джираки¹. Против пикета китайского видны ледники Тянь-Шаня. Вода из колодца в безымянном пикете отдает слегка серой. Выехали из китайского пикета <в> 8¾ ч. Дорога от пикета идет очень хорошая до первого арыка, после начинается лесс, и вся дорога изрезана массой арыков с сильно загрязненной лессовой водой. Дорога для лошадей была очень трудна, постромки рвались, и телеги застревали на каждом отрезке. В 1½ ч. проезжали селение Янцыхай² с базаром, деревьями. К большому ручью приехали в 2 часа. В 7 часов поехали на поиски Биркенберга³. Остановились в селении Янцыхай у [. . .]. День был жаркий.

[6 об.]

28 июня. Выехали с Биркенбергом из Янцыхая, день был прохладный. Приехали в Сандахоза в 12 часов дня. Весь день останавливались в Сандахоза. В 2 часа пошел сильный дождь, на горах выпал снег. Ночевали в Сандахоза.

29 июня. Выехали из Сандахоза – 8¾ в Улан-су. Около китайской балки были в 10 ч. 10 м. В 12½ проезжали болото – сернистое, черное. 1 воз упал на бок, пришлось вытаскивать. <В> 3 ч. 53 м. проезжали китайское селение. Перед селением верстах в 5 начинается большое болото. Версты за 2 до р. Манаса стоит старый китайский дьянь. В 5½ часов приехали на речку Манас и на берегу остановились на ночевку.

[7]

30 июня. В 7 ч. 8 м. началась переправа через Манас. Кончилась переправа в 12. Приходилось перегружать весь груз на арбу. Арба переходила каждый раз на эту сторону и обратно в течение 40 м. На другой стороне Манаса вновь нагрузив телеги, отправились в 2 ч. 13 м.

1 июля. Выехали в 7 ч. 15 м. Доехали до селения Дашихо в 9 часов. Дорога была хороша. В 10 – доехали до развалин какого-то брошенного селения. В 10 ч. 12 м. доехали до селения Отой. В 11 ч. 15 м. до селения Тухуху – 1 ч. 7 м. – выехали из Тухуху в 1 ч. 50 м. В 3 ч. 10 м. приехали в Нансадзы. Остановились за селением недалеко от колодца с хорошей водой, близко от пересекающего дорогу мутного арыка. Невдалеке были рисовые поля. Ночевка в Нансадзы была устроена из-за того, что устали очень лошади у одной из телег.

2 июля. Выехали из Нансадзы в 8¼. Ехали по хорошей дороге, в 9 ч. 12 м. проезжали первое селение. В 10 час. 15 м. переезжали реку Дзаян, состоящую из массы протоков. Переход через реку был довольно затруднительный, вода достигала до осей телег, лошади едва-едва

¹ Имеется в виду антилопа джейран.

² На русской 40-верстной карте южной пограничной полосы Азиатской России – Аньцыхай.

³ Как следует из дневника С.Ф. Ольденбурга, В.С. Биркенберг отправился на поиски вырвавшейся лошади; см. раздел: С.Ф. Ольденбург. Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг.

вытаскивали из быстрой мутной реки телеги. На переправу потратили ¾ часа. Река с протоками занимает пространство около версты. В 11 часов переправа кончилась. В 11 ч. 15 м. – были в Хутуби. В 3 часа были в Джунгарской крепости¹. В 5 час. 30 м. переправлялись опять через реку и через множество протоков. Опять телеги застревали, и приходилось их вытаскивать. Всего за сегодняшний день прошли три больших переправы. День был прохладный, было пасмурно, только к вечеру вышло солнце. Всего в день проехали больше 50 верст.

[7 об.]

Приехали в Соцза² в 7 часов и остановились у местного аксакала.

3 июля. Выехали из Нансадзы³ в 8½ ч. В 9 часов переезжали сильно разлившуюся реку Тутунху⁴. Река – на массу рукавов. В 9¾ – проезжали маленькую <речку> Сонджи⁵. В 12 часов доехали до деревни Туду – с маленьким базаром и чайханой. Дальше дорога шла вниз с холма и вдали показалась деревушка Даяпу. Дальше дорога, обсаженная деревьями, справа шумит арык. В 3 ч. 10 м. показалось Урумчи. Через мост с большими арками проезжали в 3 ч. 20 м. дня, проехали предместьем, въехали в город Урумчи. Доехали до дома консула в 4 часа. Проезжали через базары китайский и сартковский. Остановились в доме у консула во флигеле, где раньше жил секретарь.

[8]

С 4 июля по 11 июля включительно пробыли у гостеприимного консула Дьякова. В Урумчи купили добавочных 8 лошадей, починили телеги, Сергей Федорович нанял переводчика Ахмет-джана.

12 июля. Выехали <в> 9 часов 15 м., возы отправились за нами. Дорога была отличная. На расстоянии версты от Урумчи поставлена была палатка, в ней собрались местные торговцы из факторий Урумчи. Приехал миссионер Ф. Ноогерс⁶ и и начальник почты мистер Мейсон⁷. После очень сердечных проводов поехали дальше. Было 11 часов.

[8 об.]

Дорога от стоянки шла обсаженная талом, арык был с правой стороны дороги. В 5 верстах, в селении Ароски⁸, было представление в китайском театре, толпилось множество китайцев около играющих во что-то. Проехали Ароски быстро. Всю дорогу справа был виден хребет Богдо-ула. Остановились не доезжая селения Гумиди, в ½ версте на берегу арыка. Проехали около 23–24 верст.

13 июля. Отправились в 8½. Через час пути проезжали невысокие пологие холмы. В 12 часов остановились в китайском дьяне Канчи-фу⁹. Выехали <в> 12 ч. 50 м. Дорога до Фукана была хорошая. Доехали до селения Фукан в 5½ ч., остановились ночевать за стеной селения, на берегу маленького арыка. Вечер был душный, небо обложено тучами. Часов с 10 поднялся сильный ветер и начался дождь, и продолжался всю ночь.

[9]

14 июля. С утра шел дождь до 6 часов вечера, то переставая, то вновь усиливаясь. На горах выпал снег, дорога сильно испортилась, арыки выступили из берегов – весь день оставались в Фукане.

15 июля выехали в 9 ч. 10 м. Проезжали большой мост с арками через час езды после Фукана. Селение Джюлунчай проезжали <в> 10 ч. 25 м. Селение Ди-гуань – <в> 1 ч. 15 м. Дорога

¹ Имеется в виду старая джунгарская крепость, располагавшаяся между селениями Хутуби и Цханцзи.

² Населенного пункта с таким названием не встречается на повременных русских картах и в маршрутных описаниях. Очевидно, имеется в виду селение Цхан-цзи.

³ Буквально «южная Соцза», следует понимать как южную оконечность селения Соцза (Цхан-цзи).

⁴ Точнее – Тутунхэ.

⁵ В маршрутных описаниях – Чон-диопу. См.: Васильев 1912: Маршрут № 4: 25.

⁶ См. выше.

⁷ См. выше.

⁸ В описаниях участников II РТЭ название этого пригородного селения разнится: Ароски – Б.Ф. Ромберг; Орисонте – С.М. Дудин; Щемаку и Арасан – Н.А. Смирнов. Как отмечалось выше, речь идет о селении Читауан.

⁹ На русской 40-верстной карте южной пограничной полосы Азиатской России – Ганчан-фу.

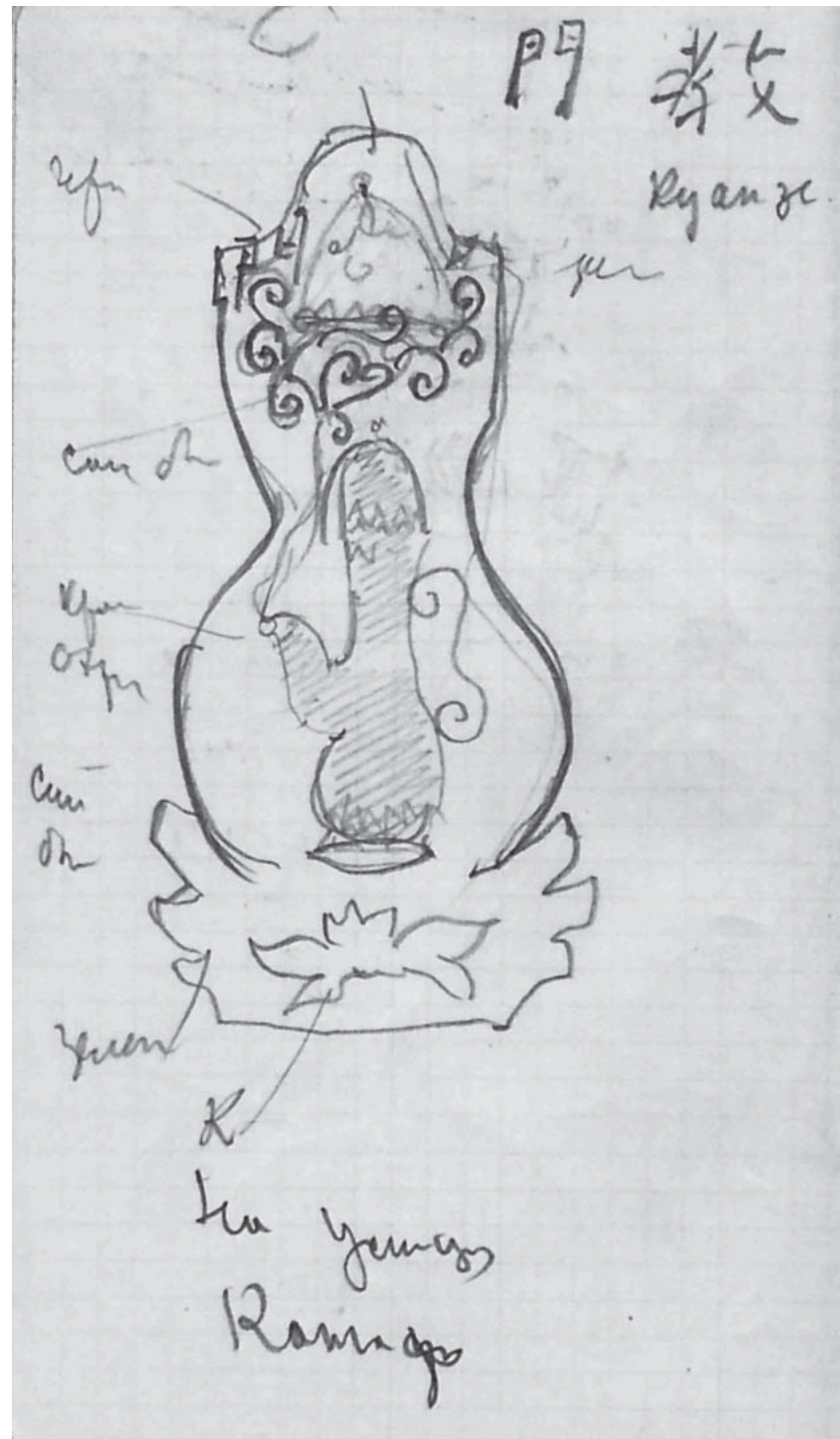

Рис. 6

Куан-це. На улице Канчи-фу. 13 июля 1914 г.
(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180. Л. 40 об.)
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

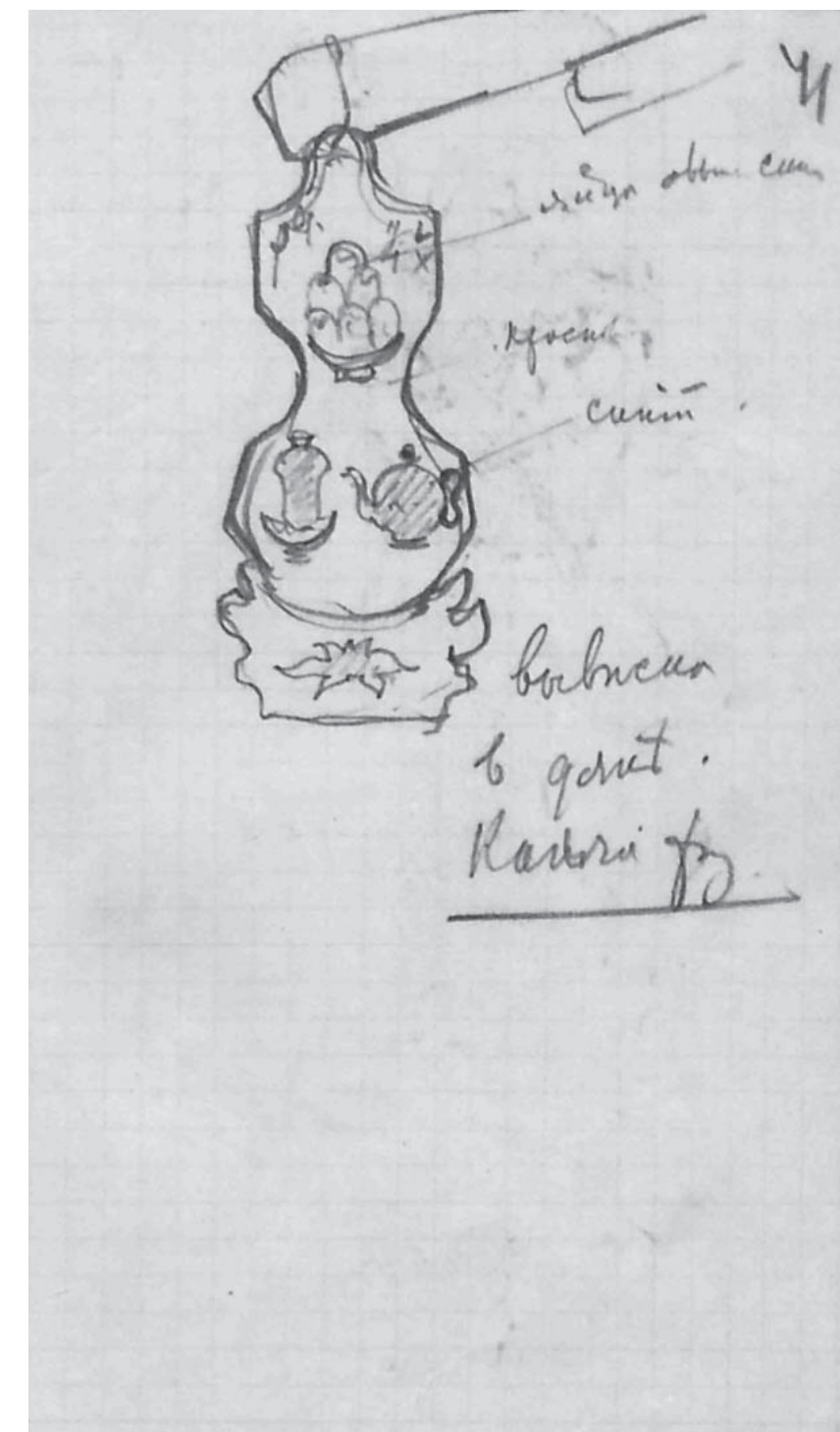

Рис. 7

Вывеска в дяне Канчи-фу. 13 июля 1914 г.
(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180. Л. 41)
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

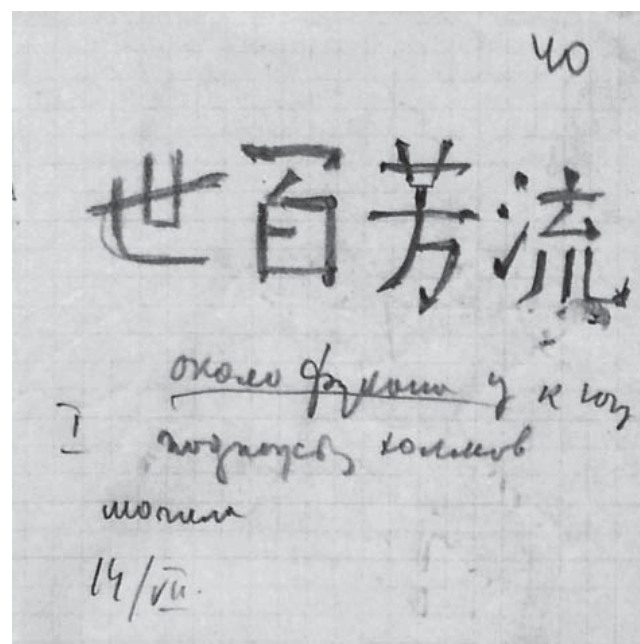

Рис. 8

Около Фукана. К югу-[...] холмов. Могила. 14/VII.
(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180. Л. 40)
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

от Фукана шла через массу мелких арыков и луж. Телеги часто вязли в грязи, лошади двигались очень медленно. В 3½ лошади настолько устали, что пришлось остановиться на ночлег – около стоянки были настолько топкие места, что ноги лошадей уходили почти по колена. Вся почва была покрыта тонким слоем соли и была очень топкая.

[9 об.]

16 июля. Выехали в 9 ч. ½. В 11 ч. ½ приехали в Цзынь-шуань¹. Дорога шла сплошь по солонцевой почве. Иногда дорога шла по просохшему грунту, и лошадям было легче. В селении Цзынь-шуань достали лепешек, немного перекусили и поехали дальше. Дорога все время шла у подножья Богдо-<Ула>, и всю дорогу он был великолепно виден. В 2 часа приехали на стоянку – пришлось остановиться так рано, потому что дальше предстояло пространство больше 30 верст без воды, и для лошадей этот переход был бы слишком утомительным. Остановились около арыка с очень хорошей водой, среди деревьев. Вечером был великолепно виден хребет Богдо-<Ула>.

[10]

17 июля. Выехали в 8 ч. 20 м. Проезжали через селение Сотеличинза – 10 ч. 22 м. Из дьяна, в котором немного отдохнули, – <в> 10 ч. 50 м. В 1 ч. 50 м. приехали в селение Сантая. Дорога была весь день отличная, можно было ехать быстро. В верстах двух от Сантая встретили развалины. Развалины были недавней постройки, из жженого кирпича с множеством всяких украшений и остатками стенописи, по словам Самуила Мартыновича, китайского происхождения. Местами сохранились следы фигур – будды, остались только ноги до колен. В верстах двух от Сантая встретили караван из монгольских арб, нагруженных углем².

18 июля. Выехали в 7 ч. 10 м. Остановились <в> 8 ½. Проезжали Учань-иол <в> 7 ч. 50 м. Санда хоза <в> 10 ч. 50 м., Цимисар <в> 1 ч. Дорога шла по оазису с деревьями, часто поперек

¹ На русской 40-верстной карте южной пограничной полосы Азиатской России – Цзы-ни-шуань.

² В соседних с Урумчи отрогах Тянь-Шаня имеются значительные запасы ископаемого угля.

Рис. 9

Перед отправлением. 16 июля <1914 г.>
(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180. Л. 39)
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Рис. 10
Перед отправкой
(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180. Л. 54)
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

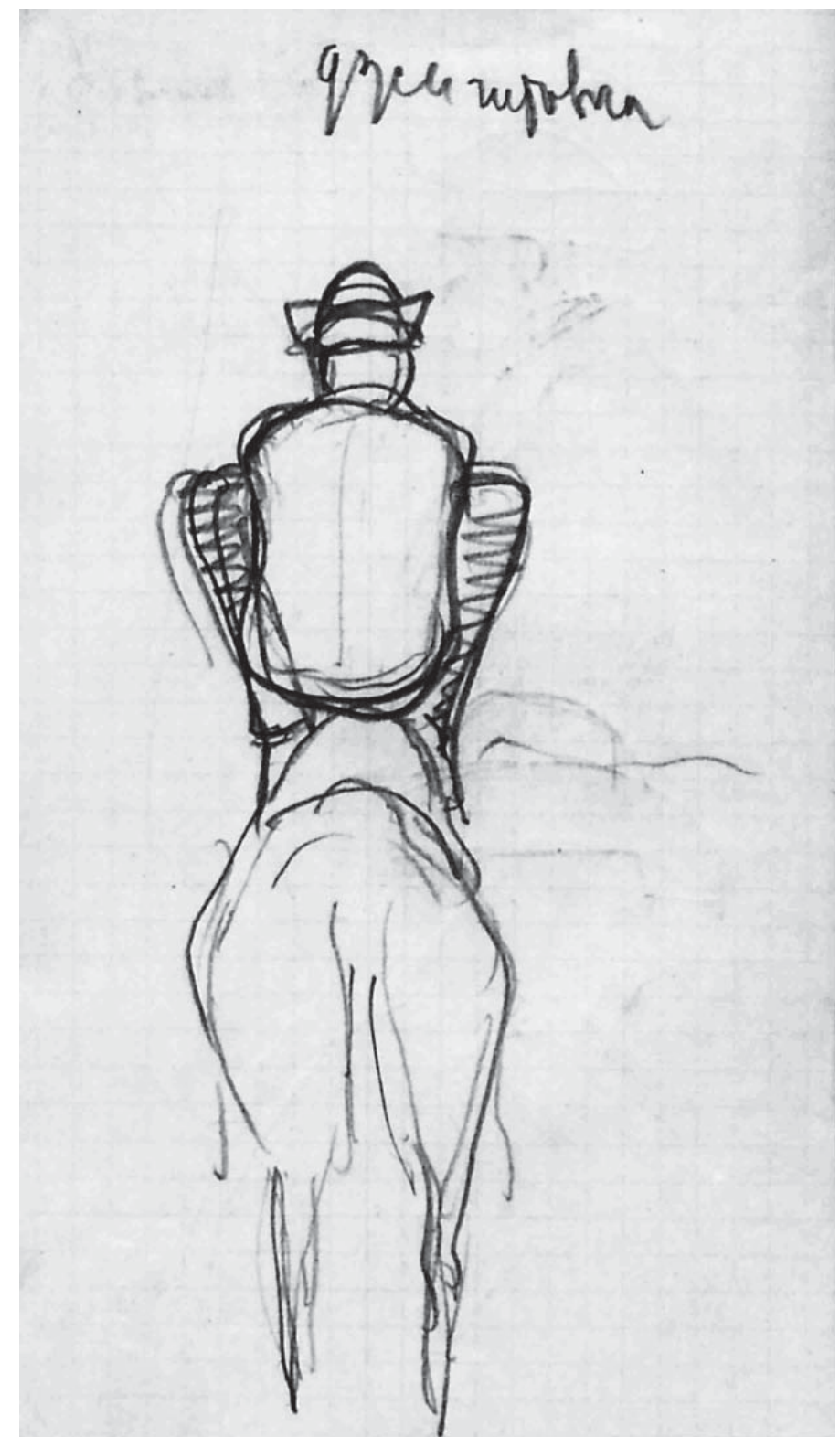

Рис. 11
Джигитовка
(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. Д. 1. 180. Л. 53 об.)
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

дороги протекали арыки и встречалось несколько огромных луж, в одной из них телега застряла, и стоило больших усилий ее оттуда вытащить, а другой раз телега опрокинулась.

[10 об.]

В 1 час приехали в Цзамисар. Под вечер отправились недалеко в монастырь, приблизительно около часу езды. Дорога в монастырь шла по большой дороге, с левой стороны на шестах висели фонари деревянные, из красного кумача сделаны были стенки вместо стекол. Дорога шла вверх. Шесты с фонарями были приготовлены для проезда какого-то чиновника. Не доходя до монастыря на дороге встретился какой-то монах с сильно суковатой палкой. В монастыре в длинном коридоре лежит огромный потемневший будда. Лицо будды темное с красноватыми полосами, на носу просвечивает красноватый лак, получается впечатление, что лицо сделано из красной старой меди. Лицо исполнено удивительного покоя, и черные глаза с устремленным взглядом при свете мерцающего света очень красивы. Вся фигура Будды покрыта красным покровом, по стенам много изображений [...]. По стенам за поворотом направо в нишах стояли архаты с выражениями радости, гнева, созерцания. Фигура Будды надолго остается в памяти. В то время как мы были у статуи – из соседнего помещения шли резко визгливые крики какой-то театральной китайской труппы, дававшей представление.

[11]

19 июля выехали в 8 ч. 10 м. По дороге остановились немного в дяне <с> 9 ч. 50 м. до 11 ч. 15 м. – дянь Да-гуань. 12 ч. $\frac{3}{4}$ – дянь Шорчук. В 1 ч. 50 м. остановились в Гучене. Целый день погода была жаркая, дорогой везде вода была хорошая. Последние 16 верст ехали быстро с Сергеем Федоровичем, Николаем Арсеньевичем и Виктором Сергеевичем, чтобы поспеть взять с почты письма. Остановились на мельнице за городом под китайским навесом около хорошего большого арыка с прозрачной водой.

20 июля. Целый день пробыли в Гучене, потому что пришлось перековать большую часть лошадей. Днем ходили по Гучену. Самуил Мартынович и я сделали много снимков с башен и китайцев в лавках. Нужно заметить, что всюду к нам китайцы относились при снимании фотографий очень хорошо. Толпа ходила за нами и расступалась при каждой просьбе, снимали колпаки со снимаемых предметов, охотно позировали в случае надобности.

[11 об.]

21 июля. Выехали в 8½ ч. Селение Чаотанзе <в> 11 ч. 10 м. Селение Читейсянь – 2 ч. 18 м. Из Гучена выехали в 8½. В Читейсяне остановились не доезжая селения, у очень хорошей речки с совсем чистой водой. С утра небо было в тучах, и время от времени шел мелкий <дождь>. Горы были совершенно окутаны облаками.

22 июля. Выехали в 8¾ ч. – в селение Шиджир приехали 10½ в селение Мулихо приехали. Весь день с утра шел мелкий дождь. Дорога была сначала липкая, глинистая, промоченная дождем. К концу пути дорога становилась все лучше и лучше. К Мулихо, верст за 8 до селения, местность начала медленно подниматься, дорога шла через пологие холмы. Перед самым Мулихо был спуск довольно крутой, пришлось прибегнуть к тормозам. В Мулихо остановились недалеко от базара, выше по ручью с великолепной водой.

[12]

23 июля. Около 5 часов утра можно было ощущать несколько коротких подземных толчков, отрывистых и сильных настолько, что встряхивались кровати в палатке, как будто их кто-то толкал. Толчки продолжались менее минуты.

Выехали в 8 ч. 35 м. В дянь – 10 ч. 50 м. Дорогой родник с соленой водой. Остановились от 11 ч. 55 м. до 12 ч. 25 м. В Санчи-гуан приехали в 2 ч. 53 м.

Дорога от Мулихо шла по степной местности и пологими отрогами хребтов. Отроги медленно спускались вниз в степь. День был прохладный, с ветром легким. Остановились в селении Санчи-гуан, там находились два мяо: одно постарше, с сильно выкопченной стенописью, другое – кумирня с новыми рисунками на стенах. Около пяти часов вечера было небольшое землетрясение, в это время Виктор Сергеевич и я находились в мяо. Скрипели подпоры, закачался колокол. Сделал несколько рисунков со стенописи. В Санчи Гуан вода отличная из колодца. Остановились внизу у дяня.

Рис. 12

Узор на штанах у киргиз в Да-Гуань. 19 июля 1914 г.
(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180. Л. 39 об.)
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

24 июля. Выехали в 8 ч. 7 м. Ехали по равнине, в 12 ч. 50 м. въехали в горы. Приехали в Ташету около четырех часов? Дорога шла все время медленно повышаясь по пологим холмам. До Ташету останавливались около ручья в ущелье. Остановились недалеко от дяня на ручье, в местности, покрытой травой зеленой. В этот день впервые увидел яков, они паслись около дяня. Поднимались на соседние вершины.

[12 об.]

25 июля. Выступили в 8 часов 45 м., в 11 ч. 20 м. были около развалин старого дяня. Приехали в Шушуй. Дорога шла холмами между скал. Дорогой было два спуска, когда приходилось прибегать при спуске телег к тормозам. Местность состоит из скалистых холмов невысоких, перед самым Шушуйем есть спуск довольно крутой. Остановились в Тушету за дянем, в ущелье между скал, около речки маленькой с чистой, слегка горьковатой водой. Для лошадей был подножный корм.

[13]

26 июля. Встали утром в 4½. Выступили в 7 час. 34 м. В 8 ч. 22 м. проезжали ключ маленький с солоноватой водой. В 12 ч. 27 м. выезд из гор.

В 2 часа приехали в Чигичинзе.

Все время дорога шла между скал по ущелью, всюду видны были то вертикальности, то горизонтальные слои каких-то темных горных пород. Чем ближе приближались к выходу

Рис. 13
В Чигичинзе
(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180. Л. 37)
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

из ущелья, местность становилась более пустынной, последние 8 верст шли по мелкому щебню серого цвета, внизу виднелось небольшое пространство, покрытое травой и тамариском. Издали были видны телеграфные столбы из Турфана¹. Остановились в Чигичинзе недалеко от дьяна, среди больших зеленых кочек, покрытых порослями тамариска. Вода в Чигичиндзе отличная, из колодца, холодная и чистая. Видна была издали дорога через холм. Завтра по ней поедем.

[13 об.]

27 июля. Утром встали в 4 ч. 40 м., выехали в 8 часов, остановились в первый раз в 12 ч. 10 м. до 1 ч. 15 м. в Чиголу. Дорогой останавливались на ¼ часа. Вся дорога от Чигичинзе до Чиголу идет вверх между низких скал, но по почве, усеянной мелкими камешками, и довольно трудна для телег и лошадей с фургонами. Из-за этого фургоны отстали от верховых на целый час.

28 июля. Встали в 5 час. Выехали в 8½. Телеги приехали на станок в Иван-чинзе в 12 ч. 50 м. Дорога шла все время по каменистому грунту, встречаются дорогой глубокие овраги.

¹ Линия телеграфной связи, соединявшая Турфан с Урумчи, являвшаяся частью телеграфной линии Ланьчжоу – Урумчи.

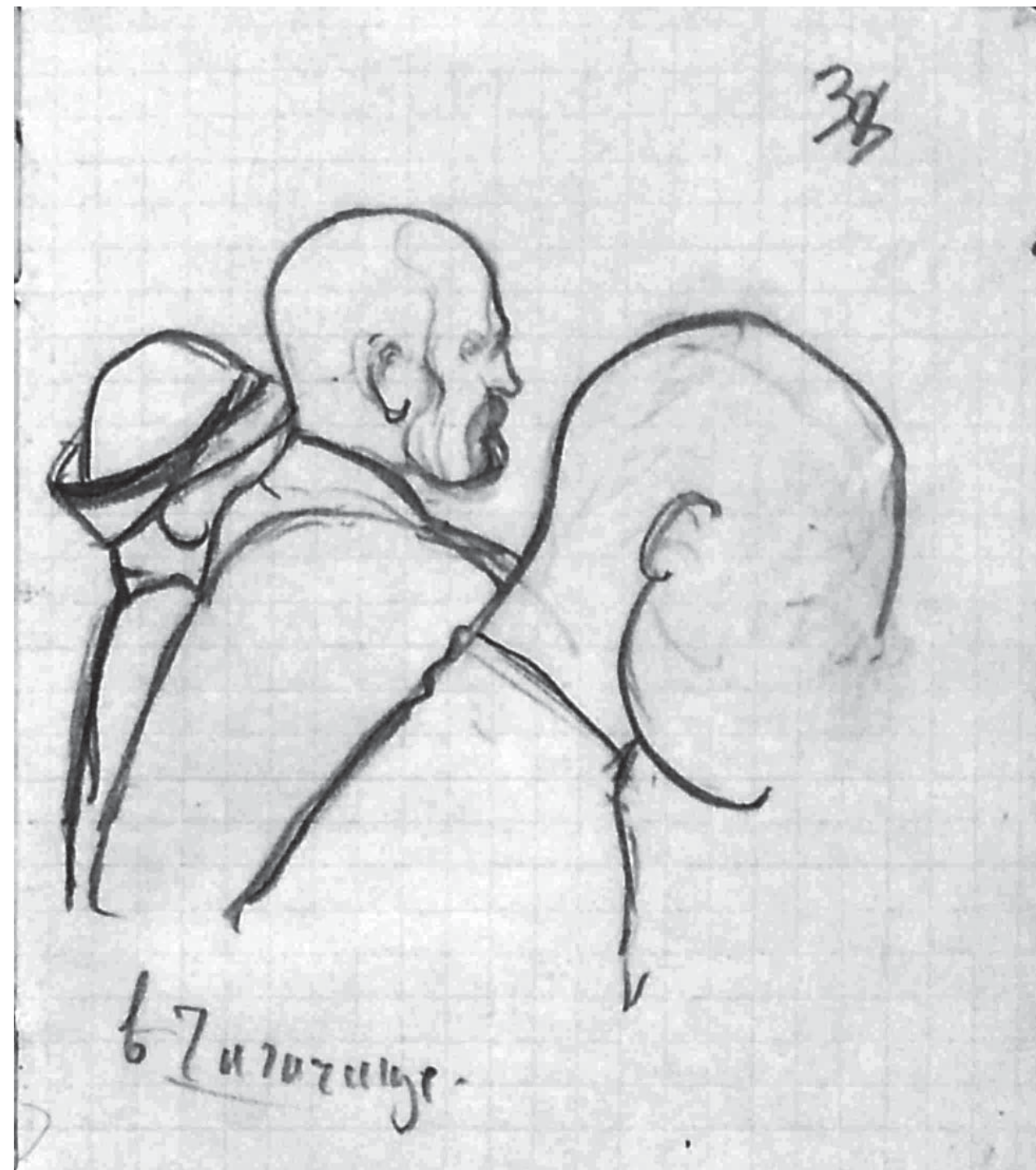

Рис. 14
В Чигичинзе
(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180. Л. 38)
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

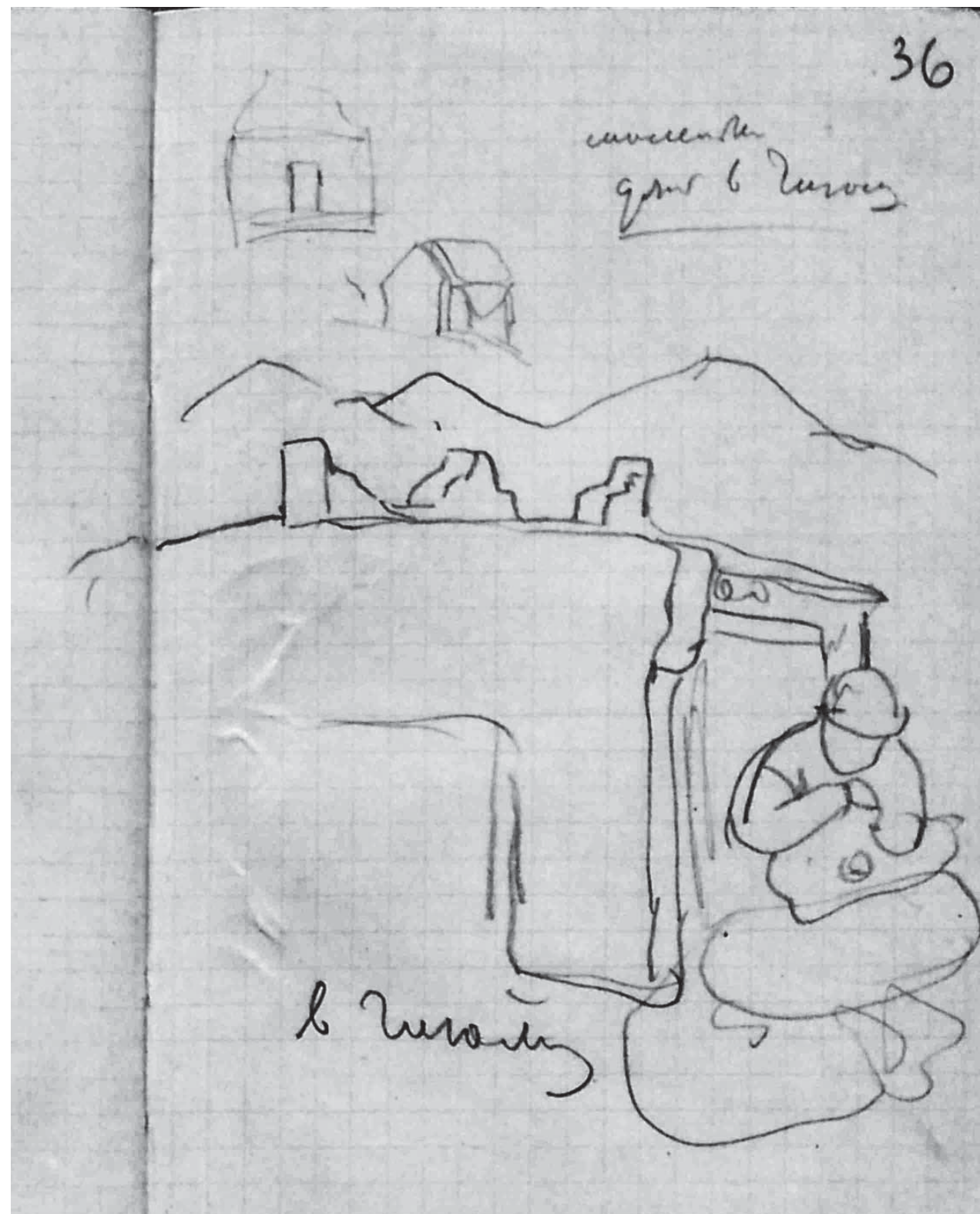

Рис. 15

Молельня дорогой в Чиголу
(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180. Л. 36)
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Воды дорогой не попадалось. В Иван-чинзе остановились около дьяна. В 4 верстах от Иван-чинзе находится небольшой зеленый холмик, поросший камышом и густой травой, из-под него течет маленький источник. За холмиком есть несколько кустов шиповника, уже отцветшего. Иван-чинза представляет из себя небольшой дьян, забор, [...] местность кругом покрыта вся [14]

29 июля. Ночью в 12 часов поднялся ветер. Палатку стало трепать, пришлось укреплять края палатки камнями. Ветер то дул с большой силой, то ослабевал. Продолжался ветер до утра. Встали в 4 ч. 10 м. Выехали со станка в 6 часов 20 мин. В 11 часов 25 мин. подъехали к месту, поросшему травой. В 11 ч. 55 м. приехали в город Ляодун¹. Телеги запоздали на час. Ляодун – очень маленькое селение, в нем можно достать баранов и клевер. Достали немного винограда и яблок. До Ляодуна шла дорога все время по мелкому <ущелью> с речными камешками. Дорогу несколько раз перерезали глубокие овраги. Дорога для телег довольно трудна.

За полчаса не доезжая до Ляодуна появилась трава. В Ляодуне находится [...] башня сторожевая, по-видимому, из глины с внутренней деревянной приставной лестницей. Находится также мяо, сильно запущенное. Весь день дул ветер, но не очень сильно.

30 июля. Выехали из Ляодуна. В 10 час. 5 м. проезжали глиняную башню – дунь². В 11 часов попались деревья и родник, маленький с хорошей водой. В 11³/₄ проезжали мимо большого потая³, около потая находится маленькое мяо и источник воды. В 2³/₄ попался маленький оазис – деревья, посева, живут сарты в маленькой постройке. В 3 ч. 50 м. приехали в оазис Таранчи. Там находится несколько сартовских построек, есть огороды, деревья, большей частью ивы. Родник довольно большой, с очень хорошей водой, свежей и чистой, без всякого привкуса. Остановились в Таранчи – против мяо недавней совсем постройки. К вечеру стал собираться дождь. Упало несколько капель, но дождь не пошел.

31 июля. Выехали в 7 ч. 20 м. В 9 ч. 1/2 проезжали оазис Дуфугуан. В 11 часов – две новых башни около селения Туголу⁴. Приехали в этот день вперед возов – затем, чтобы осмотреть развалины около Иликуль. Около 12 часов приехали на развалины Иликоль. Развалины Иликоль находятся на расстоянии 3/4 часа езды от Туголу. В глубоком овраге протекает речка с родником посередине. Развалины можно разделить на 3 группы. В самой высокой группе развалин – в центре находится фигура Будды очень больших размеров. От фигуры Будды сохранилась одна (левая) нога от колена. Будда, очевидно, сидел по-европейски. На ноге Будды сохранились две складки платья, ступня засыпана. Налево от самой большой группы развалин находится другая группа – меньшая. Внизу этой группы зданий находится несколько пещер с остатками изображений будд в огромном количестве по стенам. Все стены испещрены изображениями. В первой пещере изображения будд очень закопчены, и какой они были окраски, судить нельзя. В соседнем мяо, туда надо ползти на четвереньках вниз, есть следы раскраски красной (цвета красной охры) и черной. В некоторых пещерах сохранились выпуклые следы нимбов, больших от всей фигуры Будды и маленьких от головы его. В третьей группе развалин, против главной группы, следов росписи осталось мало, есть только следы рисунка китайского домика, сделанного красной краской. В разных частях зданий по углам можно найти куски орнаментов, нарисованных, но очень мало, и разобраться в них и связать их между собой очень трудно, а времени было очень мало. Около 6 часов. Ночевали, не доезжая селения Тогулу, около речки с очень хорошей водой. [15]

¹ Точнее – Лодун.

² Дунь (кит. 墩) – курган, насыпной холм, постамент; дуньтай (кит. 墩台) – дозорная вышка для сигнального огня.

³ См. выше.

⁴ Точнее – Тогучи.

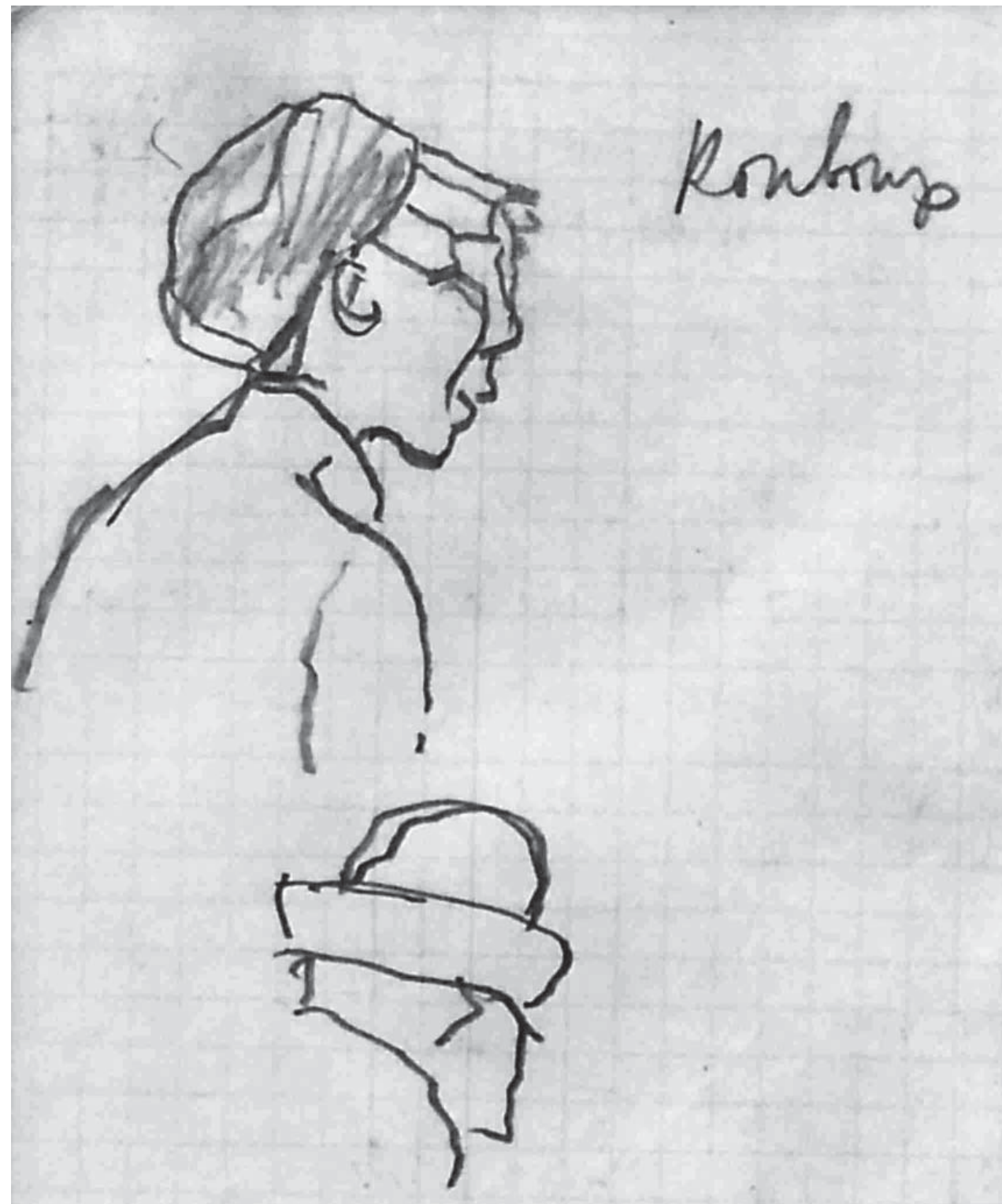

Рис. 16

Конвоир

(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180. Л. 104 об.)

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

1 августа. Выехали в 8 час. 5 м. Через час пути проезжали холмы леса, покрытые песком. Дорога была хорошая, проездом останавливались в селении Астана. Часов около 2 доехали до селения Сум-карга¹, там и остались ночевать около пруда, заросшего тиной, около мельницы сартовской. Вода была очень хорошая. Поселение Сум-карга – сартовское.

2 августа. Выехали в 7 ч. 55 м. Проезжали по шорам. В 9 ч. 30 м. проезжали развалины какого-то дьяна. В 10 ч. ¼ проезжали песчаный холм. В 10½ – старый дьян. В 11¾ – проехали маленький дьян. Туек – с деревьями, там можно было достать немного молока. В 1½ доехали до Хами. У самого города нас встретили купцы хамитские под зонтиками и привезли немного дынь, арбузы и винограду. По приезде в Хами получили известие, глубоко взволновавшее нас, о войне с Германией. [16]

3^е августа. Дневка в Хами. Были у хамийского вана.

4^е августа. Осматривали вечером в Хами гробницы и мечеть при въезде в город. Усыпальница выложена кафелями с голубыми и зелеными рисунками. Внутри такие же кафели, как и снаружи. Постройка усыпальниц недавняя. Кроме усыпальницы с кафелями есть несколько деревянных павильонов с гробницами, вход закрыт деревянными решетками. Крыши обыкновенные, китайские с загнутыми углами кверху. В городе Хами очень сильно влияние мусульманское, а китайских башен и построек – мало.

5 августа. Встали <в> 5½ ч. Выехали в 12 ч. из Хами. В 12½ выбрались из селения Хами. Полчаса за Хами нас провожали переводчик вана и купец-татарин, русский подданный. Дорога шла все время оазисом. <В> 1¾ оазис кончается и идет степь. В 3 часа начался глубокий песок, и дорога стала затруднительной. Песок попадает с шором... Без 2 мин. 4 часа – селение Кара-мукчи – маленькое селение. 20 м. – остановились в Кара-мукча. Доехали до Кун-мо – китайское название, по-сартовски называется селение Сай-булак. В этот день сделали 28 верст. В Сай-булаке остановились за селением около пяти башен. Вдали видны были горы со снежными вершинами, у подножья гор находятся два селения: Аратам и Бакдаш с садами, в них обыкновенно переселяется хамийский ван и проводит несколько месяцев ежегодно. [16 об.]

6-го августа встали в 6 часов. После чтения св. Евангелия отправились в 8½ часа. Всю дорогу попадались шоры. В 10½ – колодец и развалины. Чаопанзе – колодец со срубом, вода в нем пресноватая. Кругом растет камыш. В 11½ немного отдохнули и поехали дальше до без 5 м. 12 час. Через 20 минут проезжали развалины какого-то дьяна. Всего от Сай-булака до Аль-темира – около 24 верст. Дорога все время шла между низами очень [...]², у лошади даже в сухую погоду проваливается копыто, всюду встречается кустиками молодой камыш. В Чан-мо-туй есть мяо. [17]

При входе – двор, направо у стены небольшой кумирни – статуя раскрашенная старика сидящего. Дальше под навесом направо и налево фигуры с лошадьми, дальше через дворик – кумирня с 5 фигурами. В середине большая фигура и по бокам две маленькие, и две фигуры большие справа и слева от середины. Фигуры раскрашены, по-видимому, недавно. Справа от входа в это мяо есть еще более старое мяо с 7 сидящими фигурами, сохранились только ноги. На оштукатуренных стенах – остатки живописи, можно разобрать, что были орнаменты, нарисованные на стенах, а больше ничего.

7 августа. Встали в 6½. В 9 ч. 15 м. – выехали. Через 4 версты в сае – ключ, засоренный, заросший травой, кругом кусты ив. Около ключа есть развалины каких-то построек. В 1 ч. 55 м. проезжали сухое русло реки, ширина русла – расстояние между двумя телеграфными столбами. В 2 ч. 53 м. приехали телеги в селение Ян-дунь. Ян-дунь состоит из небольшого мяо, в котором ничего нет, в нем остановились арбакешы. Селение очень маленькое, с очень [17 об.]

¹ На русской 40-верстной карте южной пограничной полосы Азиатской России – Сумкаго (Топули).

² Слово было исправлено, чтение затруднено.

скверной водой. Всю дорогу дул ветер и перестал, когда приехали в Ян Дунь. В Ян Дуне находятся два маленьких дяня. В верстах двух от Ян Дуня проходила раньше дорога, там стоит потай. Около потая раскинуто селение, занесенное наполовину песком и, по-видимому, недавно брошенное. В селении находится три мяо. В первом, оно больше всего бросается в глаза своим жилым видом – дверью и лучше всех сохранившейся постройкой, – в нем находится 8 фигур. При входе – два стража, направо и налево. В центре фигура с красным лицом и черной бородой – сидит с поднятой правой рукой и выставляет указательный палец. Вся одежда раскрашена в синий и зеленый цвета, у центральной фигуры были раньше две маленьких, одна из них хорошо сохранилась слева, а справа фигура упала и лежит с оторванной головой. Справа и слева от центральной группы две фигуры большие: справа с красным лицом, слева – с синим. Слева фигура шестирукая.

[18]

Второе мяо, при входе камень из серого мрамора с длинной надписью и вверху рисунком дракона, справа от входа. Внутри три фигуры: две сидят около стен по бокам, а в центре от фигуры остались только ноги и лежит оторванная голова. Мяо маленькие.

Был уже вечер – темно, и трудно было дальше различить. Мы с Николаем Арсеньевичем спустились вниз по песку, как будто по старой главной улице, прошли в другой конец селения и увидели еще мяо. Там в середине небольшого помещения есть еще постройка, в ней сидит фигура, голова лежит на коленях у ней оторванная. Спина к этой фигуре, на том же пьедестале, сидит другая фигура, голова тоже лежит рядом. Рассмотреть все не удалось как следует, потому что сильно стемнело и надо было идти к палаткам. Скоро просмотрев остальные остатки построек, большей частью похожих на брошенные дяни, как бы жилые постройки, засыпанные до половины песком, мы прошли до лагеря около 20 минут.

[18 об.]

8 августа. Встали в 4½. Выехали в 6 ч. 5 м. В 8 часов проезжали маленькую будку, сложенную из сырцового кирпича, с маленьким входом. В 10 ч. 25 м. проезжали другую будку, такую же. В 11 ч. 50 м. Ипейсы – Джанидзы – половина пути, остановились до 12 ч. 40 м. В 4½ еще такая же будка.

Приехали в Куфи (Кушуй) в 8½. Лошади за длинную дорогу, приблизительно 50 с лишним верст, сильно утомились, приходилось припрягать верховых лошадей, а самим садиться на уставших лошадей вожовых. Для телег до Куфи дорога довольно трудна, все время тянется по глубокому песку, только перед самым дянем дорога немного становится твердее. Перед самым дянем идут какие-то поросли, но разобрать их было трудно – было уже темно совершенно. В Куфи две кумирни – очень маленьких: одна с примитивной фигурой, сидящей, и вставленными кусочками горного хрусталя. Фигура сделана из глины и по примитивности похожа на полинезийских идолов. Вода в Куфи очень соленая и отдает серой. Всю дорогу до Куфи дул ветер, к вечеру стих.

[19]

9 августа. Выехали в 11 ч. 15 м. Дорога шла по глубокому песку. В 3 ч. 10 м. приехали в дянь, возы выехали из дяня в 3 ч. 50 м. В 4 ч. 30 м. доехали до каменистых холмов, сверху была мелкая галька, а внизу порода.

Приехали в дянь Ша-чуанзе¹ в 6 ч. 52 м. – вода горько-соленая. Весь день был серый. Остановились за дянем, недалеко от колодца.

[19 об.]

10 августа. Встали в 5 ч. 30 м. С утра накрапывал мелкий дождь, все небо было в тучах. В Ша-чуанзе есть на холмах небольшая кумирня. В ней посередине большая сидящая фигура с тремя глазами ●●● (расположенными так). Справа от фигуры без головы – маленькая фигура, по словам Сергея Федоровича, хошана. Маленькая фигура сохранила следы окраски и была хорошей работы, по-видимому. Слева от большой фигуры – голова на подставке. Следов росписи

¹ На русской 40-верстной карте южной пограничной полосы Азиатской России – Са-чанза.

на стенах не сохранилось. Выехали из Ша-чуанзе в 8 ч. 12 м. В 11 ч. ½ проезжали по степи с цветущим тамариском, на этом же месте попадались заросли травы. Дорога идет между низких холмов, местами очень каменистая, местами песчаная. На полпути до Шин-шин-ся дянь Шоу-ху (ху – камыш, шоу – маленький)¹. Около дяня можно было покормить лошадей молодым камышом. От дяня до Шин-шин-ся остается, по словам китайцев, 50 ли. Проехали 40 ли – около дяня есть мяо с тремя развалившимися сидящими фигурами. Средняя – с прямо стоящими на пьедестале ногами, правая и левая – с подогнутыми: правая – правой ногой, левая – левой. Выехали из дяня <в> 12 ч. 20 м. Накрапывал мелкий дождь, потом перестал.

[20]

В 4 ч. 22 м. приехали к подъему на перевал. Перед перевалом находится бесчисленное множество разных обо, сложенных столбиками, иногда напоминающими китайские башни

Вот так. Есть довольно высокие обо. Поднявшись на перевал, увидели кумирню. Пройдя двор, поднялись вверх по лестнице. В кумирне было совершенно темно, все завешено красивыми коленкоровыми тряпками с черными надписями. Центральная фигура сидит в нише, ее не видно из-за груды одежд. Перед ней справа – фигура с коричневым лицом без бороды, слева – с бородой и тоже коричневым лицом. В двух нишах справа и слева от главной фигуры есть еще две с маленькими фигурами по бокам. Справа – фигура, сидящая на ишаке (по словам китайцев – на быке), разглядеть все было трудно из-за темноты внутри. В кумирне живет какой-то китаец. От кумирни шел каменистый спуск ступеньками, должны были осторожно спускаться.

[20 об.]

В 5 ч. 30 м. доехали до Шин-шин-ся и пошли с Виктором Сергеевичем смотреть мяо. Мяо новое, с массой материй, но без фигур. На стенах есть рисунки, приклеенные на стену. На одном рисунке есть изображение лодки с парусом и народом, на другом – женская фигура, сидящая с ребенком на олени.

На всех скалах есть много обо, некоторые из них большие. Ночевали у стен инпаня.

11 августа. Встали в 5½ ч. На скале в Шин-шин-ся есть мяо. На пьедестале лежат обломки статуй, есть между ними маленькие торсы. В особенности интересна голова очень хорошей работы с слегка отбитым носом.

На стенах, сильно закопченных, находятся следы росписи. На правой стене от входа есть изображение очень хороших фигур, мужских и женских, в позах молящихся и танцующих. В левом углу есть фигура с птичьими ногами среди пламени, есть фигуры в облаках. По-видимому, роспись была хорошей работы. Выехали в 8 ч. 5 м., в 8 ч. 25 м. выехали из ущелья в более степную местность с очень пологими холмами. В 9 ч. 10 м. проезжали мимо кустов тамариска и каких-то хвойных кустов². В 10 ч. 42 м. проезжали через границу Синь-цзянской и Ток-суйской³ провинций. На границе стоит очень маленькое мяо и две палки, сильно обмазанные [...] черным и густым. В 11 ч. увидели множество красноватых конусообразных холмов. В 12 часов остановились на полчаса и посидели в тени каких-то развалившихся стен. На стоянку приехали в 3 ч. 7 м. – в Мален-чинзе⁴.

[21]

12 августа. Выехали в 8 ч. 20 м. Дорога шла все время с холма на холм. В 11½ проезжали развалины. Остановка – 22 м. Без 2 м. 1 ч. проезжали через пологие холмы. В Да-гуань⁵ приехали – 2 ч. 37 м. В Да-гуань находится три мяо, только в одном из них есть маленькая статуэтка плохой работы. Остальные мяо совершенно пусты. Вода в Да-гуань чиста, но солоноватая. Останавливались за селением против мяо.

[21 об.]

¹ Очевидно, сильно искаженный топоним: сяолу (кит. 小芦) – низкорослый камыш.

² Слово «кустов» в рукописи зачеркнуто, но ничем не заменено.

³ Так в оригинале, правильно – Ганьсуйской.

⁴ Точнее – Ма-лянь-цзин-цзы.

⁵ Точнее – Да-цюань.

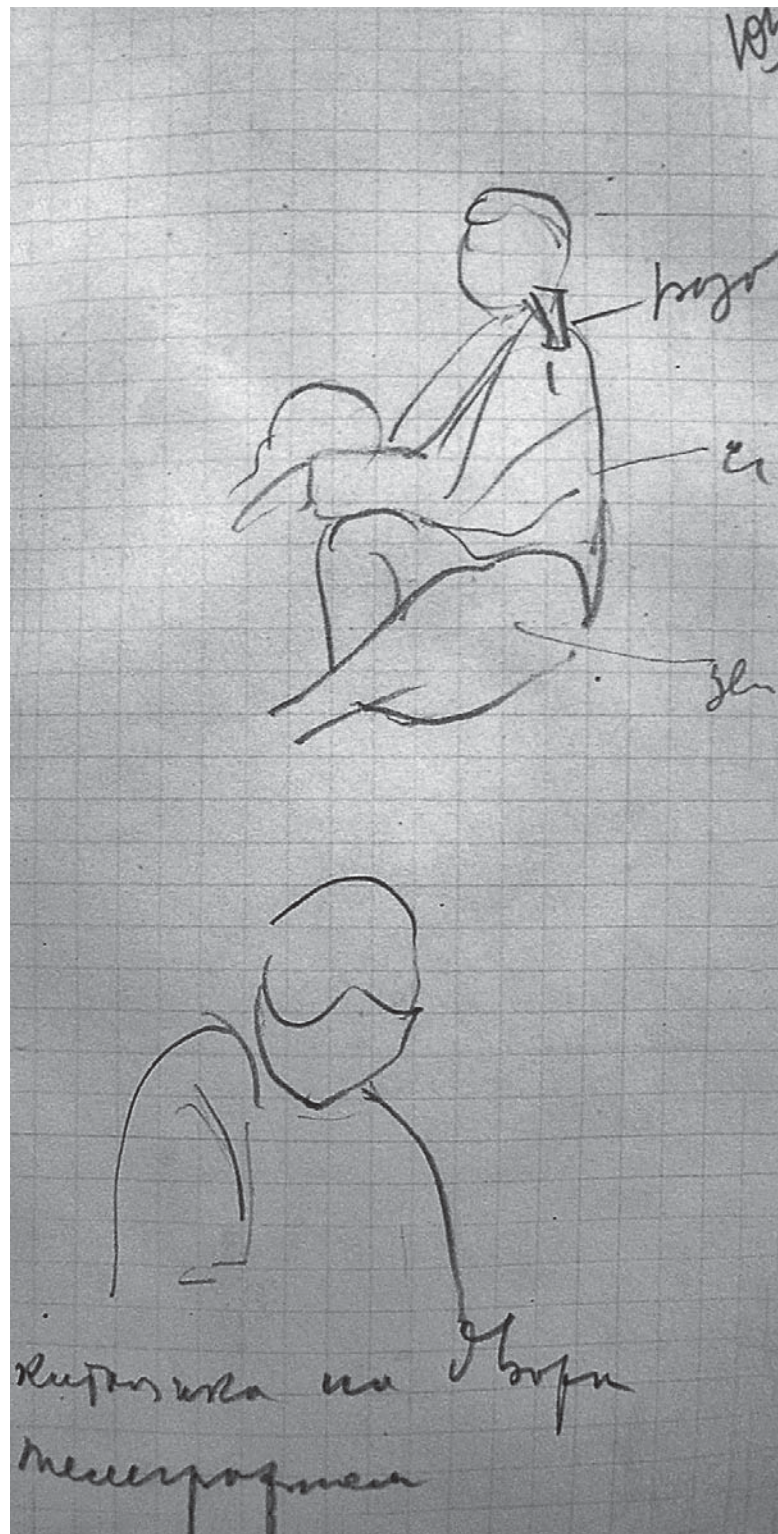

Рис. 17.

Китайка на дворе; телеграфист.

15 августа 1914 г.

(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180. Л. 103)

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

13 августа. Встали в 6 часов. Утро было свежее, дул ветер. Выехали в 9 ч. 50 м. Спуск с холма. Проехав верст 8, встретили развалины дьяна и ключ. В 11½ проехали полпути. После 30 минут остановки проехали дальше. <В> 2 ч. 25 м. проезжали горы. В 3 ч. 38 м. остановились в селении Хунь-ли-юань¹, остановка перед селением. За селением на горке есть два мяо. В первом дворе при входе есть новый образ и фигура справа. Во втором мяо – старые стенописи в два слоя. На верхнем слое живописи, слева от входа, есть много изображений лошадей, под этим слоем есть другой. Верхний слой я оторвал, и там хорошо сохранившаяся стенопись с фигурами всадников.

[22]

14 августа. Встали в 4 ч. 40 м. Двинулись в 8 ч. 45 м. В 10 ч. 15 м. спускались с холмов. В 11 ч. 12 м. – около развалин – полпути – небольшая остановка. В 12½ были около мяо. Телеги приехали в Анси в 4 часа ровно.

15 августа. Дневка в Анси. Осматривали массу ансийских кумирен, одна недалеко от телеграфа, где мы дневали. В этом мяо есть золотое изображение статуи Маричи² с изображениями: справа – Самантабхадра³, слева – Манджошри⁴.

17 августа. Выехали в 3 часа из Анси, ожидаем почты, телеги выехали раньше нас. Дорогой потеряли путь, ехали через какое-то селение и, выехав к невысоким холмам, попали на настоящую дорогу. Дорога видна была очень слабо. Доехали до стоянки уже поздно, палатки давно были расставлены, и было совсем темно. Остановились в местности Куа-джу-хуза.

[22 об.]

18 августа. Выехали в 8 ч. 20 м. Проезжали в 10 ч. 50 м. потай около башни. Недалеко от потая оставалось немного воды, очень грязной. Недалеко от потая растет много камыша. На половину дороги приехали <в> 12 ч. 10 м., выехали в 12 ч. 53 мин. Остановились в Танфидинза.

19 августа. Выехали в 8 ч. 9 м. <В> 10 ч. 12 м. проезжали китайский дун и ручеек с мутной водой, лошади ее пьют. Дорога хорошая. От дуна до Танфичиндзы – 12 верст приблизительно. В 3 часа проезжали воду. В Тарачинза – кумирня, импань и развалины. Гадачинза – кумирня, на горке, со следами [...] в кумирне. День был солнечный, без ветра.

20 августа. Выехали в 8 ч. 20 м., день был солнечный. <В> 9 ч. 40 м. проезжали дьянь. В 11 часов ровно приехали к арыку с хорошей водой за кумирней. Через полчаса выехали прямо к песчаным холмам, без дороги, прямо через песок. <В> 12 ч. 40 м. проезжали кумирню. Лошади сильно стали уставать от тяжелой дороги, и приходилось перепрыгать. Все время ехали по глубокому песку. Скоро показалось русло сухое, покрытое гравием. Дорога тянулась дальше, показались невысокие холмы, и вдали, сквозь пелену желтоватой пыли, видны были деревья, за ними скалы. Это видится Ченфодун. Мы (Биркенберг и я) поехали побыстрее и так обрадовались, что забыли посмотреть, который час.

[23]

Сергей Федорович, Дудин и Смирнов уже были там и говорили радостно. Оставили лошадей и пошли ходить из одной пещеры в другую. Так было хорошо, что просто не описать. Вечером на берегу ручейка около последних деревьев Ченфодуна белели 4 палатки, разостланы были кошмы. А на завтра предстоял обход пещер.

[23 об.]

¹ Точнее – Хунь-лю-юань.

² См. выше.

³ См. выше.

⁴ См. выше.

⁵ Исправления затрудняют прочтение фразы.

Обратный путь

27/I 1915 г. – встали в 6 часов. Утром снимали полископом Ченфодун последний раз. Сняли портреты монахов Чана и Ван-дао-ши¹ и писаря. Снимали отправление и переправу через реку. Переправа была довольно трудная для ишаков, они все время скользили и падали на льду. Приходилось посыпать лед песком, чтобы их перевести. Дорогой дул ветер, небо было серое. Дорога шла по шорам. В 6 ч. 40 м. приехали в селение Гисар. Ночевали в дяне, вода была хорошая. Наш караван-баши оказался человеком, совершенно не знающим местности, и было очень трудно заставить его ехать более коротким путем, не через Дун-хуан, как он хотел.

[24]

28/I. Утром встали в 6 час. Отправились в 10 ч. 40 м. Нагрузка каравана происходила очень долго. Люди оказались непривычными. Дорога по шорам затерялась. Около 12 часов проезжали развалины башни и затем стен. Сделали дорогой несколько снимков и доехали до [...] в 4 ч. 20 м., а в 6 ч. 5 м. пришел караван. В верстах шести от селения находится река с болотистыми топкими берегами, поросшими мелким камышом. Речку перешли по льду. Все время дул холодный ветер, но было не очень холодно. Ветер под конец пути немного стих, и пригревать стало. Остановились в очень чистой фанзе у хорошего хозяина, у него было много всякой снеди. Селение называлось Ляоджуан.

[24 об.]

29/I. Выехали из Ляоджуана в 7 ч. 50 м. Ехали всю дорогу по ровной степи. В Дигода приехали в 3 ч. 18 м. Утро было холодное. К 12 часам поднялся ветер и дул в спину до самой стоянки в Дигода. В Дигода ничего нет. Стоят три стены, совершенно разваленные, и маленький колодец. Из колодца воды достать нельзя было, потому что вода замерзла и он был завален навозом сверху. Приходилось топить снег для кипятку. Дрова были взяты с соседнего станка. Ночью было холодно, ночевали в палатках, но ночь была очень хорошая. На морозе спалось отлично, утром проснулись – кругом были сосульки.

30/I. Выехали в 7 часов, дорога шла все вверх по равнине. В 8 верстах – Дунь – вода была хорошая. В этот день выехали мы на большую дорогу в Хулуяндзы и поехали тем же путем, что и вперед. Дневник не писал до 16/II, когда мы повернули у Чигичиндзе³ на Турфанскую дорогу.

[25]

Встали в 5 часов в Чоголу, в 6 ч. 55 м. встали верблюды. Чигичиндзе проезжали <в> 12 ч. 20 м. В 2 проезжали камень у разветвления дорог Гученской и Турфанской. Камень сфотографировали. Дорога до Отунгозе⁴ – ровная, хорошая. От Чигичиндзе до дунганского мазара в Отунгозе – 30 верст. Доехали до Отунгозе <в> 2 часа.

17/II. Встали в 5 часов. Верблюды выехали в 7 часов. В 9 часов проезжали вход в горы, на 17ой версте приблизительно от Отунгозе. 11 ч. 20 м. – 11 ч. 55 м. проезжали Курам-таш. Место Курам-таш представляет из себя покинутый обгорелый дянь, покинутое мяо, колодец, засыпанный камнями⁵.

¹ Имеется в виду Ван Юаньлу (кит. 王圆箎) – даосский монах и настоятель монастыря в Цяньфодуне, который во время реставрации одной из пещер (ныне – пещера № 17 или «пещера с библиотекой») обнаружил замурованную монастырскую библиотеку древних рукописей. Значительная часть этого собрания была продана им А. Стайну и П. Пеллио.

² Здесь в рукописи оставлена лакуна.

³ Точнее – Чиги-чинза.

⁴ На русской 40-верстной карте южной пограничной полосы Азиатской России – У-тун-о-цзы.

⁵ На русской 40-верстной карте южной пограничной полосы Азиатской России Курам-таш показан как крупное село. Наблюдение Б.Ф. Ромберга может быть лишним подтверждением того факта, что со времени основных топографических работ в районе Хами-Турфан, которые велись русскими путешественниками и военными топографами в 1870–1890-х гг., топографические объекты подверглись значительному изменению, особенно в части населенных пунктов. Это могло быть следствием серии военных конфликтов в Западном

Переход через перевал – 2 ч. 4 м. В Шиаши приехали в 4 часа. Шиаши лежит у подножья холмов у входа в ущелье. Внизу соль и каменная дорожка. Расстояние – 30 верст.

18/II. Выехали в 6 ч. 55 м., до перевала доехали в 7 ч. 30 м., 12 ч. 3 м. – проезжали перевал, 12 ч. 50 м. – колодец без воды, 2 ч. 33 м. – дянь, 3 ч. 35 м. – развалины дяня, 4 ч. 50 м. – Кар-уртан. Все время дорога шла по ровной пустынной местности. Спуск с перевала шел очень медленный. Расстояние всего 40 верст.

[25 об.]

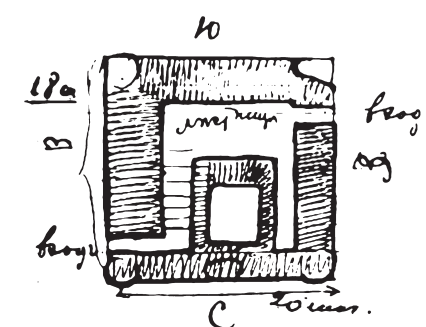
19/II. Встали в 7 час. Выехали в 8 ч. ½. Приехали в Чиктым в 11 ч. 50 м.

20/II. Встали в 6 ч. Выехали <в> 7 ч. 50 м. В 8 ч. 50 м. – Буры-булак. <В> 9 ч. 40 м. – карызи, спуск вниз. <В> 9 ч. 50 м. – Тазы-Чарыр пол – дянь, мечеть. В 10 ч. 10 м. проезжали башню. Башня на вершине холма показалась. <В> 1 ч. 35 м. доехали до башни. Маленький поселок с клеверными полями.

21/II. Встали в 5 ч. Верблюды выехали в 7 час. В 7 ч. 55 м. – Ачик – маленькое селение. В 9 ч. 10 м. – проезжали холмы. 9 ч. 45 м. – речка, 10 ч. – речка маленькая, 10 ч. 25 м. – селение, деревья. В 10 ч. 40 м. – Лемжин, 10 ч. 55 м. – селение Лемжин.

[26]

Проезжали большой Дун. В разрезе он представляет из себя следующую фигуру (см. набросок).

Въехали в ущелье Туяк <в> 1 ч. 5 м. С 21/II по 25/II провели в Туяке, остановились там у шейха.

25/II. Из Туяка выехали в 8 ч. 04 м. Проезжали урочище Сикха <в> 10 ч. 19 м. <В> 11¼ – мазар.

12 ч. – Муртук, 4 ч. – Безеклик.

С 25/II – 10/III работали в Безеклике, Сенгиме, осматривали ущелье около Турфана и Яр<-хото>.

[26 об.]

10/III. Выехали из Турфана <в> 7¾. В Яре были в 8¾. Подъезжали к постройке 101 чайтъя. Средняя чайтъя сохранилась, а <от> второй остался один этаж. Осматривали

и другие постройки в Яре: монастыри и подземные залы. Было сделано несколько снимков полископом. От Турфана ехали на арбах вещи.

10/III. Записи сделаны верхом. Их трудно разобрать¹. Остановились у дунганской мечети.

11/III. Встали в 5½ часов. Выехали в 7 ч. 14 м. <В> 8.30 – проезжали ручеек с хорошей водой. <В> 9 ч. 3 м. – вода у Кабирчи. <В> 3 ч. 50 м. – Хоглу – между гор много деревьев. Отличная река, снято 2 вида и мальчик Касим, горец, который встретился дорогой в Хоглу.

Встали в 5 часов. Арба выехала в 6 ч. 40 м. <В> 7 ч. 12 м. начался подъем на перевал. Подъем был сложен: не очень крутой для лошадей, тяжелый из-за глубокого гравия. В 8 ч. 30 м. проезжали самый перевал, потом проезжали спуск, довольно крутой. После бугра опять крутой подъем, тяжелый для лошадей. В 9 часов – вершина перевала Даван². <В> 9 ч. 12 м. начался первый спуск,

[27]

<в> 9 ч. 58 м. – конец спуска. В 10 ч. 17 м. – китайская таможня, проехали мимо. <В> 11 ч. 08 м. – базар <селения> Даван<чин>³, из Даван<чин>а – в 11 ч. 15 м. В 12 ч. 35 м. приехали в селение Тудунза. В 1 ч. 5 м. приехали в дянь и остановились на ночлег. Арбы приехали в 2 ч. 3 м.

13/III. Тудунза. Встали в 5 часов, выехали в 7 часов, в 10 ч. 15 мин. проезжали курганы у Саепу. Выехали из Саепу в 10 ч. 48 м. Проезжали развалины дяня в 12 ч. 25 м., вторые

Китае – антицинское восстание мусульманских народов (1862–1877) и дунганское восстание 1895 г., которые привели к упадку экономики региона и сокращению караванной торговли. Последнее в значительной степени повлияло на условия жизни в городах и селениях, которые располагались преимущественно вдоль караванных маршрутов. Неслучайно в дневниковых записях участников II РТЭ имеются частые упоминания о заброшенных селах, постоянных дворах и объектах религиозного культа.

¹ Так в оригинале. Очевидно, имеются в виду собственные дневниковые записи Б.Ф. Ромберга. В сравнении с дневником С.М. Дудина чтение записей Ромберга не столь сложно.

² Точнее – Даванчин.

³ На пути из Турфана в Урумчи за перевалом Даванчин располагалось одноименное село.

развалины в 12 ч. 42 мин. В 1 ч. 30 мин. – башня развалившаяся. В 2½ ч. – Джузенсодзе. Арбы пришли в 6 ч. 5 м. Вечером стал накрапывать дождь.

14 марта. Встали в 6 часов. Была великолепная солнечная погода. Вдали виднелся Шихинский хребет¹, покрытый снегом. В 7 ч. 23 м. выехали из Дзизсисодзе. В 9 ч. 25 м. – ворота Урумчи. Встретил нас консул Дьяков у самых ворот дома. У Дьякова пробыли до 18^{то} марта. Со времени нашего первого приезда произошло много перемен у урумчийского консула. Им куплен большой двуглавый орел для здания консульства, укреплен большая мачта с флагом на крыше здания консульства.

По случаю взятия крепости Перемышль², случившегося как раз на другой день после нашего приезда, были вывешены флаги, приходили депутации от жителей русской фактории.

[28] 18 марта. Утром консул с супругой выезжали провожать нас, было высказано много пожеланий и приветствий. От проводов, на расстоянии версты с лишним от Урумчи, выехали в 1 час. Первое селение проехали в 3 ч. 7 м., второе – в 3 ч. 52 м. Вторая башня – у потая – в 4 ч. 15 м. В 5 ч. 25 м. – проезжали селение. В Уханзы приехали в 6 ч. 23 м.

Дороги были местами очень грязные, приходилось ехать очень медленно. Обоз наш состоял из трех телег. Правил брат двоюродный джигита консула Садык, на других телегах сидели Бинвер и Нияз, помощники Садыка.

19/III. Встали в 6 ч., выехали в 7¾. Первое селение проехали в 8 ч. 10 м. [...] 50 м. – река Манас³. 10 ч. 01 м. – селение, 10 ч. 58 м. – старый город и селение. <В> 10 ч. 10 м. грязь ужасную проехали около башни и потая. 12 ч. 50 м. – импань и селение. 2 ч. 27 м. – потай и остатки башни, проехали речку с хорошей водой. 4 ч. 55 м. – Хутуби.

[28 об.] 20/III. Встали в 6 час. Со двора Хутуби выехали в 7 ч. 15 м. За селение выехали в 7 ч. 40 м. Ехали по глубокой грязи. В 8 ч. 40 м. – почва стала твердой. 9 ч. 17 м. – выехали. 10 ч. 30 м. – еще среди леса постройки. 11 ч. 12 м. – развалины старого мяо. <В> 12 ч. 12 м. проезжаем прошлогодние стоянки. 2 ч. 42 м. – потай и селение, 2 ч. 48 м. – Тухуху. <В> 4 ч. 03 м. проезжаем речку, в 5 ч. 40 м. – Лотои.

21/III. Встали в 7 ч. 40 м. Первое селение <в> 8 ч. 55 м.: потай и дунь, мяо и две фанзы. <В> 10 ч. 1 м. проехали деревья. 12 ч. 50 м. – проезжали Мипан. Из китайского города выехали в 1 ч. 12 м. Совсем покинули город в 1 ч. 35 минут. 2 ч. 42 м. – мост через Манас. <В> 4 ч. 25 м. въехали в селение. <В> 5 ч. 10 м. приехали в дьянь Шендзе.

[29] 22/III. Со двора выехали в 7 ч. 20 м., в объезд поехали. <В> 10 ч. проезжали селение. <В> 12 ч. 15 м. выехали на большую дорогу. <В> 12 ч. 26 м. башню проезжали.

23/III. В 6 часов <выехали> из Сандохоза. 8 ч. ½ – в лесу. В 9½ – речка около Янцыхая – 5 верст – в 9¾ Янцыхай. 9 ч. 48 м. – группа деревьев; в 1 ч. 55 м. – дьянь у дороги. 4 ч. 55 м. – дьянь – Куйдуй. Всего проехали верст 52.

24/III. Встали в 4 ч. Выехали в 5 ч. У Шихо были видны первые миленькие лиственницы⁴. В оазис въехали в 10 ч. 9 м. В 10 ч. 20 м. останавливались в дьяне, пили чай. В 12 ч. 48 м. по дороге несколько раз телеги сильно застревали в грязи, и больших усилий каждый раз стоило вытягивать их из луж. В 5 ч. 48 м. остановились ночевать в Отуходзы.

¹ Имеется в виду хребет Богдошань.

² Имеется в виду эпизод Первой мировой войны – капитуляция австрийской крепости Перемышль, которая состоялась 9 (22 марта) 1915 г. Взятие Перемышля – одна из крупных и успешных стратегических операций русской армии на западном фронте.

³ Название реки в рукописи зачеркнуто. В действительности река Манас отстоит значительно дальше к западу от описываемого в дневнике места.

⁴ Чтение «лиственницы» предположительно.

25/III. Выехали в 6 ч. 10 м. Танзин. 11 ч. 50 м. – сильно застревали у грязи: на одной – 1 час, на другой – ½ часа. Почва болотистая. Из Тхеуте выехали <в> 12 ч. 20 м. Проезжали мост между двумя озерами с глубокой хорошей водой. В 2 ч. 34 м. – сняты две фотографии. В 5 ч. 57 м. приехали в Чигичиндзе, телеги были приблизительно в 6 часов у ворот. Снято болото, проезжающие сарты, телеги, застрявшие в грязи.

26/III. Встали в 4 часа. Выехали из Чипейдзы в 6 часов. В 6 ч. 45 м. – развалины мяо и дьянь. В 7 ч. 6 м. – старый импань и развалины дьяня. В 11 ч. 16 м. – Куль Ир Кун, выехали в 1 час. В 2 ч. 54 м. – развалины дьяня. Пошел дорогой дождь. Приехали в Олон-булак.

27/III. Встали в 6 часов, в 8 ч. 20 м. выехали возы. Утро было прохладное, вдалеке виден Тянь-Шань. В 11 ч. 25 м. проезжали развалины дьяня, в тени лежал еще снег. В 11 ч. 46 м. – мусульманский мазар проехали. Сияр-Бегрубай-киргиз на холмике. В 1 ч. 30 м. начали спуск с Джаира (снято), затем небольшой подъем в долину у Сарджаба в 1 ч. 40 м. В 1 ч. 55 м. – у Сарджаба спуск. В 5 ч. 53 м. – Оту.

28/III. Встали в 6 часов. Выехали из Оту в 7½ ч. Ехали под дождем со снегом. Проехали Кюльденен. Приехали в Ямату в 4 ч. 35 мин., раньше возов немного. Остановились в Ямату в импане, в старом помещении. Ночью одна из лошадей упала в яму во дворе, и приходилось вытаскивать с большим трудом, лошадь голодна была и ее не впрягали в телегу. В 1 ч. 30 м. – начали спуск. Дорога все время шла то спускаясь, то поднимаясь. В 4 ч. 30 м. – дорога шла вниз по столбам.

29/III. Встали в 4 ч. 50 м., выехали в 6 ч. ¾ в Толу. <В> 10 ч. 35 м. – из Толу. Проезжали развалины в 3 ч. 48 м. В Сара-Хулсын приехали <в> 5 ч. 26 м. Ветер дорогой был сильный.

30/III. Встали в 6 часов. Утро было великолепное. 8 ч. 10 м. – проезжали остатки дьяня и юрт... В 9 ч. 18 м., 11 ч. 13 м. – дорогой попадались форты – часто встречались киргизы.

31/III. Встали в 6 ч. 55 м. Эмиль проехали в 9 ч. 38 м. Эмиль был не глубокий и мутный, переправа была легкой. В 1 ч. 40 м. приехали на остановку Таутай. Последний раз поставили палатки, сделано было несколько снимков. Во время последних дождей со снегом погибло большое количество зайцев, масса трупов попадалось по дороге.

1/IV. Приехали в 6 ч. 25 минут в Чугучак. Остановились у того же татарина Латифова. За консула был Герасимов¹, очень любезный человек. В Чугучаке продали всех лошадей, дождалась караван верблюдов из Дунь-хуана и выехали на почтовой телеге через Бакты² на Семипалатинск, и далее на пароходе до Омска. 23 апреля были в Петрограде.

Рис. 18
До-Чукаб
(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180. Л. 42)
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Рис. 19
Музафарчик
(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180. Л. 55 об.)
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

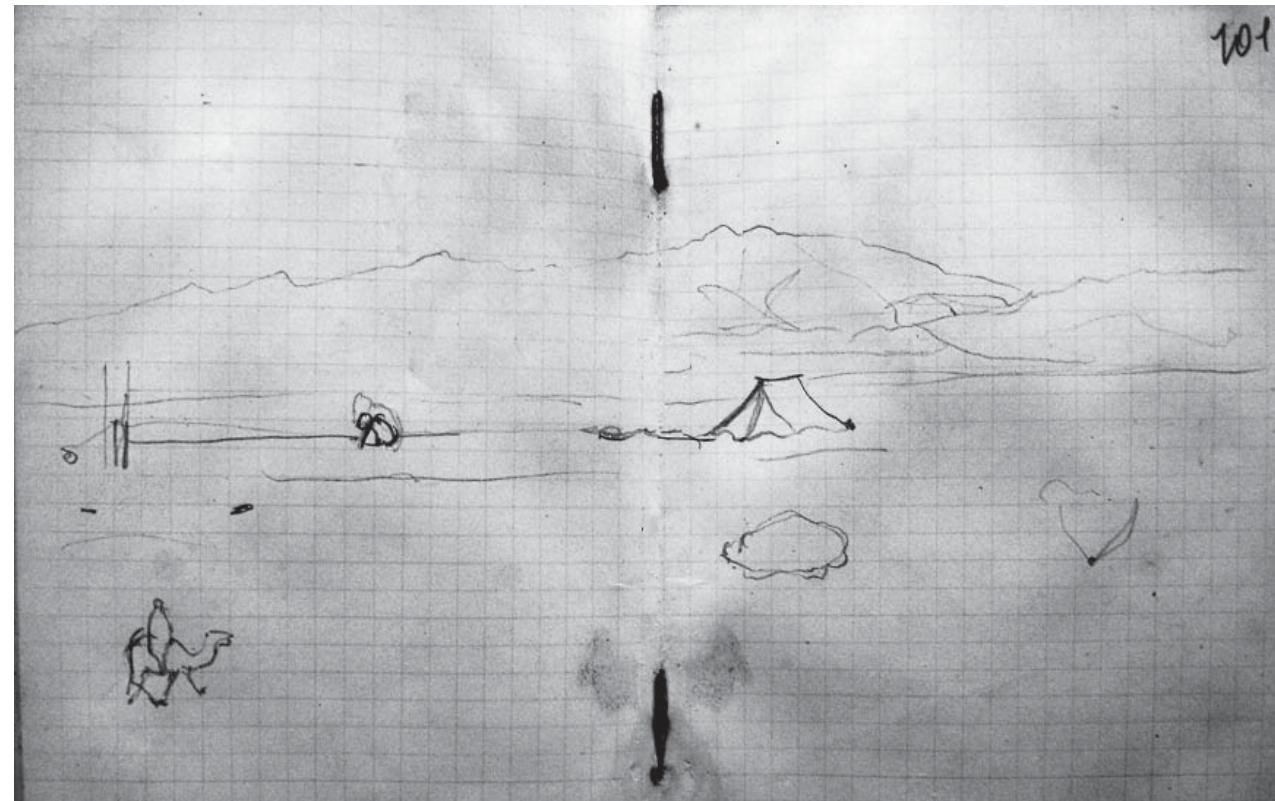

Рис. 20
Вид лагеря
(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180. Л. 101)
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Рис. 21
Гаруда
(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180. Л. 103 об.)
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Рис. 22
Едем <С.Ф. Ольденбург и С.М. Дудин>
(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180. Л. 54 об. – 55)
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

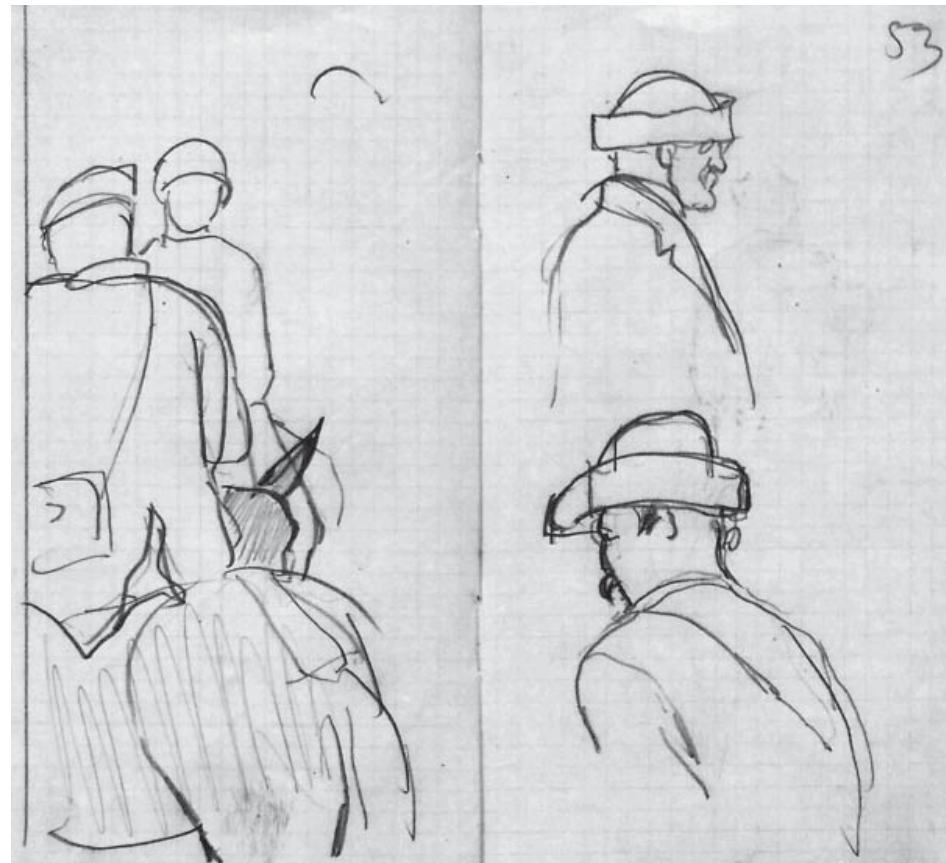

Рис. 23
 а. Без подписи;
 б. <С.Ф. Ольденбург и С.М. Дудин>
 (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180. Л. 53)
 © Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

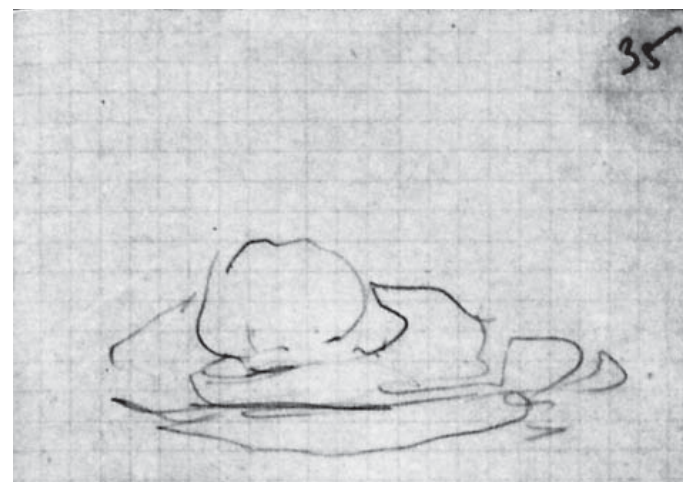

Рис. 24
 Без подписи
 (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180. Л. 35)
 © Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

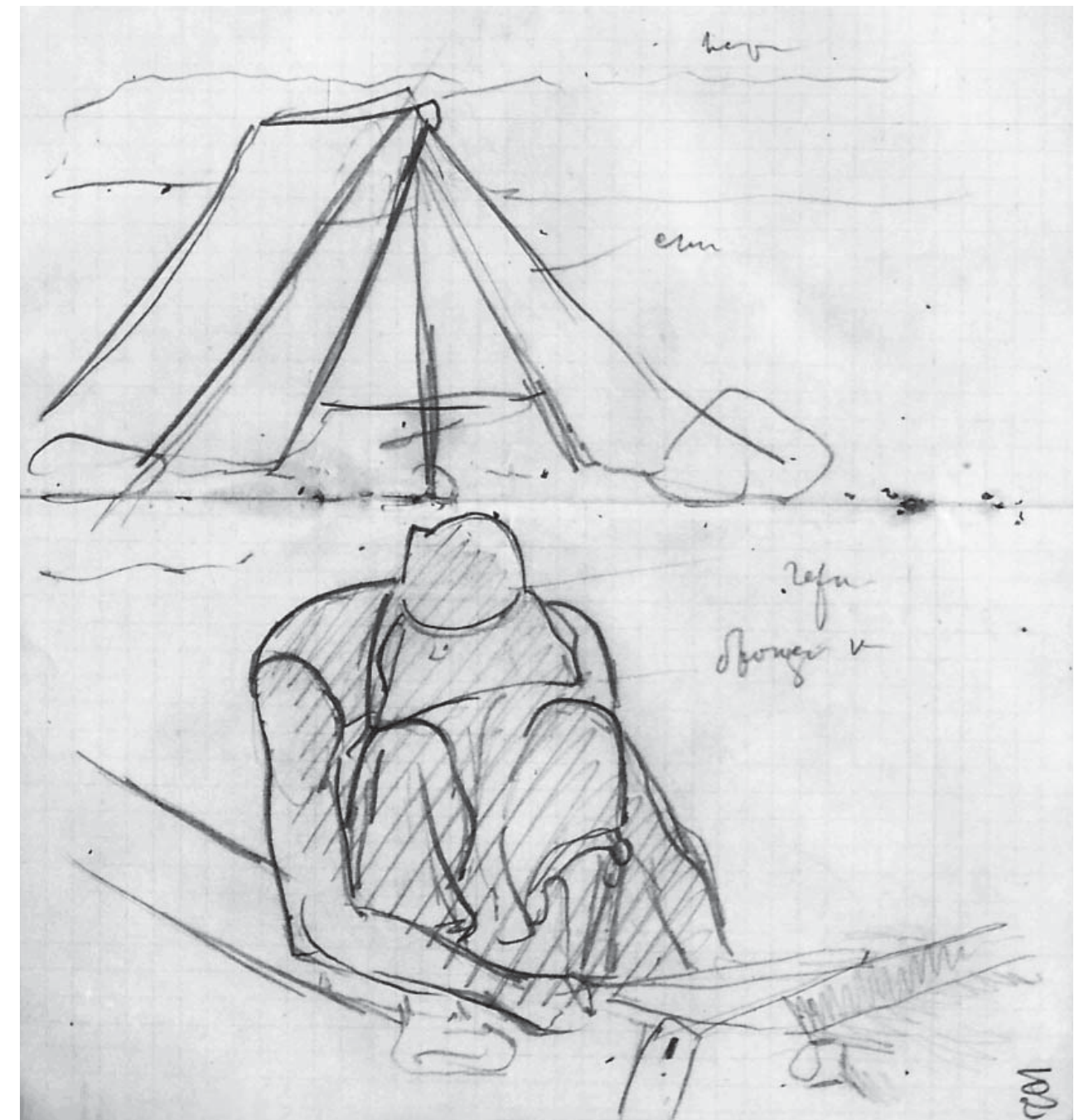

Рис. 25
 Лагерь
 (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180. Л. 102)
 © Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Н.А. СМИРНОВ

ДНЕВНИК

Как и все участники Второй Русской Туркестанской экспедиции (за исключением В.С. Биркенберга), дорожный дневник вел и Николай Арсеньевич Смирнов¹. С содержательной точки зрения этот дневник во многом дублирует информацию дневников С.Ф. Ольденбурга, С.М. Дудина и Б.Ф. Ромберга: указываются даты, названия населенных пунктов, через которые шел маршрут экспедиции, цены на продукты, качество питьевой воды, те или иные примечательные детали путешествия. Некоторые топонимы приводятся в форме, отличной от стандартной современной формы или использованной в других дневниках: Щчимисар/Щчимисар вместо Джимасар и т. д. Топонимика Северо-Западного Китая не имела устоявшейся формы, картографирование этого огромного региона не только не было завершено к началу работ П РТЭ, но даже и не начиналось на серьезном уровне. По этой причине неудивительно, что одни и те же названия могли слышаться кому-то в иной форме.

Дневник Н.А. Смирнова, однако, характеризуется теми чертами, которых лишены другие дневниковые записи: он богат иллюстрирован планами местностей, через которые шла экспедиция. Нельзя не отметить, что эти планы выполнялись на очень высоком художественном уровне.

Некоторые ошибки в дневнике могут указывать на то, что сохранившийся экземпляр – копия, исполнитель которой не имел отношения к Туркестанским экспедициям. Записи обрываются на полуслове. Возможно, это связано с тем, что переписчик не довел свою работу до конца.

Кавычки, в которые взяты географические названия, сняты. Числительные при передаче расстояний и времени в оригинале передаются и цифрами, и прописью; дублирование снято.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 106.

* * *

[1] Путь
Колл. 2491 Сд<еланы> от Семипалатинска
до Ченфодуна 260
6×13
Числ. в Музее
Другие в Азиатском музее
(Сергей Федорович)
Колл. 2578 от СПб до Ченфодуна
Ромберг и С.Ф. Ольденбург

[2] Путь
Смирнов Николай
19¹⁴/₁₅ год
Туркестанская Экспедиция

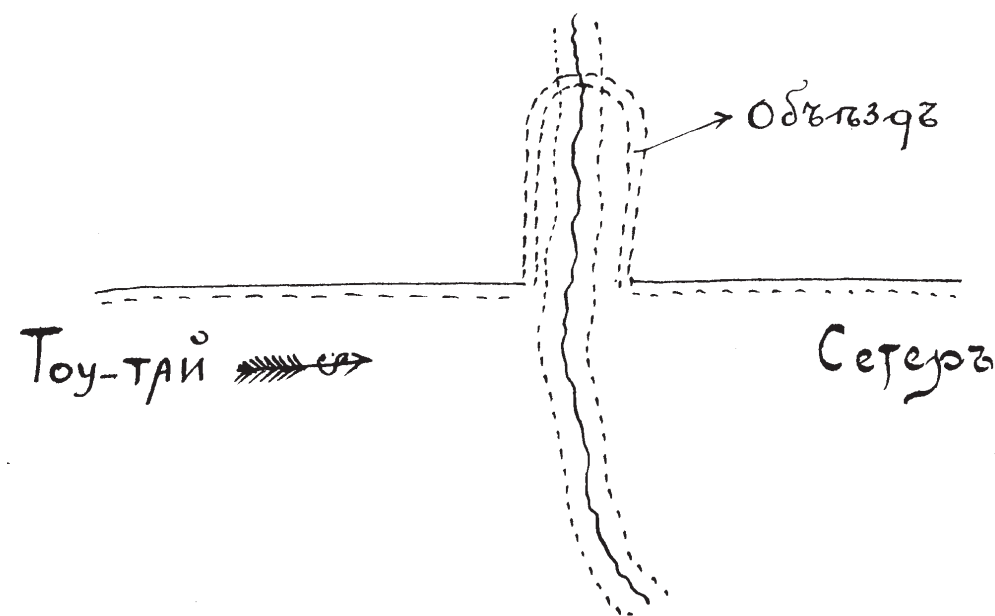
[3] [17 июня
Чугучак–Сетер
30 верст]

Мы выехали из Чугучака в составе нашего начальника экспедиции Сергея Федоровича Ольденбурга, Самуила Мартыновича Дудина – художника и фотографа, художника Бориса Федоровича Ромберга, Виктора Сергеевича Биркенберга и меня.

В качестве прислуги и охраны с нами поехали из Бахтов семь казаков. Наш обоз состоял из четырех очень нагруженных фургонов. Мы проехали около 30 верст и остановились на ночлег около пикета Сетер. День был хороший. Дул небольшой прохладный ветерок. Было около 30–35° градусов жары в полдень, но к вечеру дневной жар сменился прохладой.

Ночью было около 7°–8°. Дорога была хорошая, ровная. По дороге нам попалось несколько арыков, некоторые из них затруднили наш переход.

Арбы, сделанные из среднего материала, трещали при таких переходах. Несколько раз перепрягали лошадей и вытаскивали их людьми. Из более порядочных арыков можно отметить

3; первый в 5 верстах от Чугучака около пикета Тоу-тай, затем в 25 верстах от Чугучака и в 10 верстах от Тоу-тай по направлению к пикету Сетер и затем около пикета Сетер. Второй арык, точнее ручей, был самый серьезный. Переехать прямо его не было возможности, пришлось искать более отлогие места влево от нашей дороги. Поворот в сторону был около 2 верст. Русло ручья было около сажени. Общий вид представлен на схеме. Пунктиром представлен наш объезд.

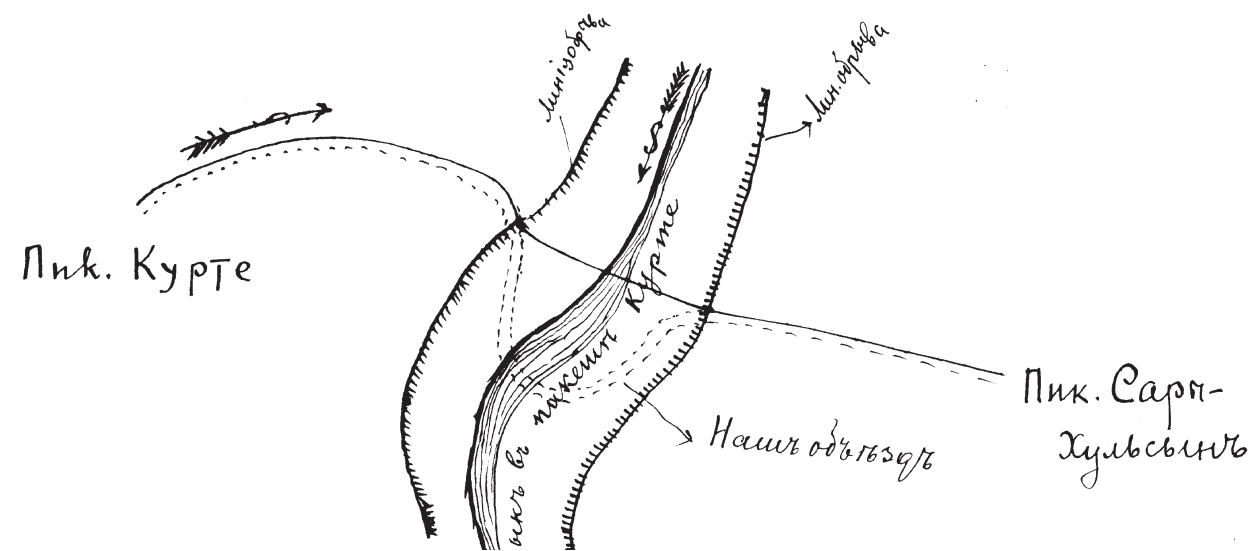
[3 об.]

[18 июня
Сетер–Сары Хулсын
50 верст]

Рано утром наш обоз двинулся далее по направлению к пикету Курте. Ровная дорога и хорошая погода благоприятствовали нашему скорому движению вперед. В 18 верстах от пикета Сетер по направлению к пикету Курте нами была пересечена река Эмиль. Переправа была благополучна: оказался прекрасный брод. Река Эмиль с быстрым течением. В бросе его глубина достигает аршина. Дно брода покрыто мелкими камешками. От Эмиля мы направились к Курте, который находится в 6 верстах от реки. Миновав Курте, мы направились дальше к Сары-Хульсыну, отстоящему от Курте в 26 верстах. Все время дорога была очень удобная. Местами попадалась довольно сочная трава. В Курте для переезда представляет некоторую трудность их арык; берега этого арыка высоки, и обвалы их достигают 1½ сажени. Переезд представлен на схеме. Наш переезд обозначен пунктиром. Брод около 1 аршина глубины, с мелкокаменным дном.

[4]

[4 об.]

[19 июня
Сары-Хульсын – Тоу
25½ версты]

В Сары-Хульсын великолепный арык. Вода без вкуса и совсем безвредна для людей. Почва галечная, покрытая полынью.

В 8 часов 10 минут утра мы выехали из Сары-Хульсын. Первые 5 верст дорога была неровная с небольшими перекатами. Почва глинистая. Дальше путь был гораздо удобнее: дорога,

благодаря галечной почве, была совсем ровная. Наши лошади, благодаря большой нагрузке, очень устали и едва добрались до Толу, в 25½ верстах отстоящего от Сара-Хульсын. Мы решили дать отдых лошадям, несмотря на ранний приезд. Обоз приехал во втором часу дня.

[5] Вода здесь хорошая – близ Толу находятся 3 ключа. Вода прозрачная и безвкусная. В Толу на все страшная дороговизна: так, за яйцо просили 10 копеек, за вязку клевера 20 копеек, тогда как обыкновенно она стоит 2–3 копейки.

[20 июня
Толу – Ямату
26 верст]

Всю ночь на 20-е шел сильный дождь, продолжавшийся до 10 часов. Вследствие этого мы отправились в путь в 12 часов. На восьмой версте начинаются отроги Джаирского хребта. Было несколько перевалов. Самый трудный на 21 версте от Толу и в 5 верстах от Ямату.

Дорога была неважная, так как глинистая почва, размякшая от дождя, прилипла к колесам арб и ногам лошадей. Все перевалы прошли благополучно. В наши арбы запрягали по пяти лошадей, чтобы втащить их в гору. В Ямату приехали вечером, около 7 часов.

[5 об.] В общем, дорога между Толу и Ямату не представляет ничего опасного. Вода в Ямату свежая без привкуса, здесь протекает маленькая горная речка. Сено здесь очень дорого. Подходящего пастбища для лошадей не нашлось, так как почва галечная, покрытая редкой полынью. Место горное. Здесь главный вход в горы. Дорога к перевалу Джаир идет горами, где и достигает высшей точки главного перевала. Дрова продаются в пикете. Пикет населен преимущественно китайцами. Стоит китайский гарнизон.

[21 июня
Ямату – Оту
37 верст]

В 10 часов утра мы отправились дальше. С пикета Ямату нашей стоянки начались Джаирские горы. Дорога шла ущельем и была достаточно удобна для экипажа. На пятой версте ущелье очень узко. Дорогу заграждают два большие камня. Мы с некоторым усилием протащили свои фургоны. С самого Ямату до перевала Джаир дорога шла в гору. Подъемов крутых нет. На 12-й версте перевал Джаир. Дорога дальше идет под гору, к пикету Кюльденену, отстоящему в 3 верстах от перевала. Мы проехали его мимо. Вода в Кюльденене доброкачественная, место немного болотистое. От Кюльденена до пикета Оту 22 версты. Дорога была ровнее, и доехали очень быстро. Шел мелкий дождь, и было довольно холодно. В Оту решили остановиться на ночевку. Вода приличная, безвкусная. Корм для лошадей средний, который, вероятно, совершенно отсутствует в жаркое лето. Дров не было, готовили кушанье на кизяке, которого было достаточно.

[22 июня
Оту – Олон-булак
43 версты]

Ночью на 22-ое шел дождь. Утром погода была пасмурная.

В [...] часов утра мы выехали из пикета Оту. Погода стояла ясная. В первый раз были видны вершины Тянь-Шаня. До Сарджака добрались благополучно. Дорога была хорошая. Были маленькие подъемы и спуски, но прошли их благополучно. По дороге попадались иногда маленькие островки высокой сочной травы. До Сарджака по нашим вычислениям вышло 18 верст. В Сарджеке вода хорошая. В одной версте от Сарджака был довольно большой

подъем. На спуске с этого подъема с нашим обозом случилось несчастье: один из фургонов, благодаря неосторожности кучера, перевернулся – казак, правящий этим фургоном, позабыл о тормозе, и телега раскатилась с горы, задела при крутом повороте за камень и перевернулась. Несчастья не было, возница остался невредим. Поломки вещей не было, т. к. по случайной случайности на возу оказались мягкие вещи: чемоданы, вязки с постельным бельем и кухонные принадлежности. Было поломано дышло. Через час мы снова тронулись. За 10 верст до Олон-булака у того же фургона сломался шкворень, но его очень скоро исправили.

За этот перегон – Оту – Олон-булак – мы с разными поправками стояли всего около двух часов. Дорога была местами очень хорошая, иногда же средняя. Хорошая дорога пред Олон-булаком! На седьмой версте от Сарджика она представляет из себя массу мелких камешков, служащих дном горных потоков. Приехали в Олон-булак в 5 часов 30 мин. вечера.

От Сарджика до Олон-булака 25 верст. Вода в Олон-булаке ключевая, немного соленая, но вполне пригодная для питья, даже в сыром виде. Подножного корма здесь нет. За 10 верст пред Олон-булаком Джаир начал менять свой вид и в пяти верстах превратился в холмы. В Олон-булаке Джаирские горы кончаются. Дальше наш путь идет солончаковыми долинами.

[23 июня
Олон-булак – Куль
30 верст]

Выехали в 7 часов 15 м. утра из Олон-булака в пикет Куль. На восьмой версте кончились джаирские холмы и продолжался ровный уклон. На 15-й версте джаирский уклон кончился. Впадина была около версты. Затем начался подъем, который продолжался до Тянь-Шаня. Все время видны снежные вершины этих красивых гор. Оводов было немного. Жара была около 30°. Дул прохладный южный ветер. Дорога довольно хорошая. В пикет Куль доехали благополучно. Здесь есть колодезь с довольно сносной водой. Подножный корм совсем отсутствует – все покрыто глиной и глауберовыми солончаками. Купили здесь прошлогоднего клеверу по 30 коп. за пучок. До восьми часов вечера пережидали жару в палатках.

[Куль – Чи-пей-дзы 28 верст] В восемь часов двинулись дальше. Дорога была великолепная. На 15-й версте начался лёс, продолжающийся до самого Чи-пей-дзы. По нашему расчету вышло от Куля до Чи-пей-дзы 28 верст. Эрхихе проехали мимо. Этот пикет отстоит в 7 верстах от Чи-пей-дзы. От Олон-булака до Куля 30 верст. В Чи-пей-дзы приехали в 12 часов ночи.

[23 июня] Здесь течет река Кийтын. Она очень быстротечная и имеет желтоватый вид от массы глины и песку. В таком виде она непригодна для питья. Отстоявшаяся вода вполне пригодна для питья в сыром виде и не содержит примеси соли. Лошади пьют воду из реки Кийтын довольно охотно. Подножного корма здесь мало, но много растет клеверу. Нам удалось его достать в довольно большом количестве. Платили за него по 15 коп. за пучок.

[24 июня] Весь день стояли в Чи-пей-дзы. Здесь много оводов. Жара была до 40°. Выехали вечером. Чи-пей-дзы довольно большое селение, все в зелени. Здесь 3 кумирни, лавка. В этом селении можно достать барана, в лавке спичек, чаю, ремешков на всякие поделки. Вообще пикет Чи-пей-дзы самый лучший в перегоне Курте – Чи-пей-дзы.

Ночь на 25 июня.

В 7 часов 50 минут вечера мы отправились в Шихо. Дорога до Тхеуте была очень хорошая. На 15-ой версте мы пересекли реку Кийтын. Мост довольно хороший. В Тхеуте приехали в 12 часов ночи. Расстояние по нашему расчету между Чи-пей-дзы – Тхеуте равняется 23^м верстам. Пикет Тхеуте состоит из 3-х китайских глиняных дворов, где ютятся китайцы.

Подножного корма нет. Мы не останавливались и отправились дальше к Шихо. 30 верст было великолепного пути. Дальше идут солончаки. Дорога становится труднее. В обозе лопнули гужи у одной подводки, из-за чего простояли целый час.

[8 об.] [25 июня Шихо] В Шихо приехали утром в 6 часов. Здесь течет река с очень хорошей водой и параллельно ей чистый арык, где мы даже купались. День был жаркий. Температура в полдень 40°–50°. Весь день мы отдыхали. В виду того, что лошади утомились за ночь, мы решили ехать днем 26°. Клеверу в Шихо достали очень скоро и платили полторы коп. за пучок. На базаре в Шихо можно достать все мелкие потребности, которые иногда столь необходимы путешественнику. Можно достать папирос, посуду, веера, упряжь для лошадей, даже костюм. Базар здесь даже лучше Чугучакского. Между Чи-пей-дзы и Тхеуте – 23 версты. От Тхеуте до Шихо – 40 верст. Всего проехали 63 версты.

[9] [26 июня] В 8 часов утра мы выехали из Шихо. Верст 5 за Шихо были прекрасные поля по направлению к Манасу. Здесь на полях растут кукуруза, клевер и всякая овощь. Первые 12 верст была прекрасная дорога. На 12-й версте пересекла нашу дорогу река Кийтын, разделившаяся на массу маленьких ручьев, которые разлились на 2 версты. Дорога на этом месте довольно плохая. Дальше идет превосходная дорога. До Кийтына от Шихо по нашему вычислению равна 27–28 верстам.

[Шихо – Кий-тун
27½ верст]

В Кийтыне прекрасная вода в колодце и отличный дьянь. Здесь есть подножный корм. Достали сушеного клеверу за недорогую цену. Дров здесь тоже порядочно, и не очень дороги. Здесь отлично можно остановиться даже зимой.

[9 об.] [27 июня] Погода стояла великолепная. Жара была около 40°. Дул по временам слабый прохладный ветерок. Мы решили сделать дневку в Кийтыне, чтобы завтра проехать 50–60 верст до Сандо-хоза. Все в довольно бодром настроении. От Чугучака еще никто не хворал и не чувствовал даже большой усталости. Все это благодаря опыту нашего начальника Сергея Федоровича Ольденбурга, также и Самуила Мартыновича Дудина, разумно распределивших наши стоянки.

[27 июня]

[10] В 6 часов мы выехали из Кийтуна. На 12-й версте попался безымянный китайский дьянь, где мы нашли великолепный 40-аршинный колодезь и яйца. Дорога до дьяня была великолепная. От китайского дьяня до Ян-цы-хая – 18 верст. Мы проехали довольно быстро. Дорога была хорошая, ровная. Пред Ян-цы-хаем находится великолепный лес, где можно достать доброкачественную воду. Ян-цы-хай мы проехали мимо. Дорога за Ян-цы-хаем идет по глинисто-иловатой почве на расстоянии 5 верст, прорезывающейся массой ручейков. Здесь дорога очень затруднительная. Мы впрягли по 5 лошадей в фургон, чтобы вывезти его из грязи, которая облепляла и засасывала все колеса. Вследствие такой трудной переправы казаки и лошади сильно утомились, и решено было остановиться на несколько часов для отдыха, выбравшись на хорошую дорогу. Мы стояли там от 2-х дня до 8 часов вечера. В 8 часов мы двинулись дальше к Сан-до-хозе и прибыли туда в час ночи. Дорога была хорошая, покрытая мелкой галькой. Перед Сан-до-хозой попадались местами иловатая (лессовая) почва, прорезываемая арыками. Мы проехали это препятствие довольно легко. Здесь мы решили ждать Сергея

Федоровича и Бориса Федоровича, отправившихся на розыски Виктора Сергеевича, отставшего от нас около Безымянного дьяня, увлекшись охотой за козами. [27 июня] Когда мы стояли около Ян-цы-хая, то посылали казака на розыски, но он, к сожалению, возвратился без всякого результата. Тогда мы решили отправить обоз ночевать в Сан-до-хозу, так как около Ян-цы-хая не было ни хорошей воды, ни корма, в сопровождении меня и Самуила Мартыновича.

Сергей Федорович с Борисом Федоровичем, как уже говорено выше, в сопровождении нашего урядника Горшкова отправились на вторичные розыски Биркенберга.

От Ян-цы-хая до Сан-до-хозы 25 верст. В Сан-до-хозе средняя вода, которая берется из прудка, сообщавшегося с арыком. Достали лошадям клеверу и ячменя и зарезали барана.

[10 об.] [28 июня] Весь день были в Сан-до-хозе. Сюда прибыли Сергей Федорович, Ромберг и Биркенберг. Оказывается, что у Виктора Сергеевича убежала лошадь, оставив его одного среди дороги. Он усталый едва добрался до Кийтына и там нашел арбу и поехал в Ян-цы-хай. Пред Ян-цы-хаем встретили его сарты, посланные Сергеем Федоровичем на розыски. Виктор Сергеевич здоров и добрался до Сан-до-хозы в бодром настроении. Все мы были очень рады его возвращению.

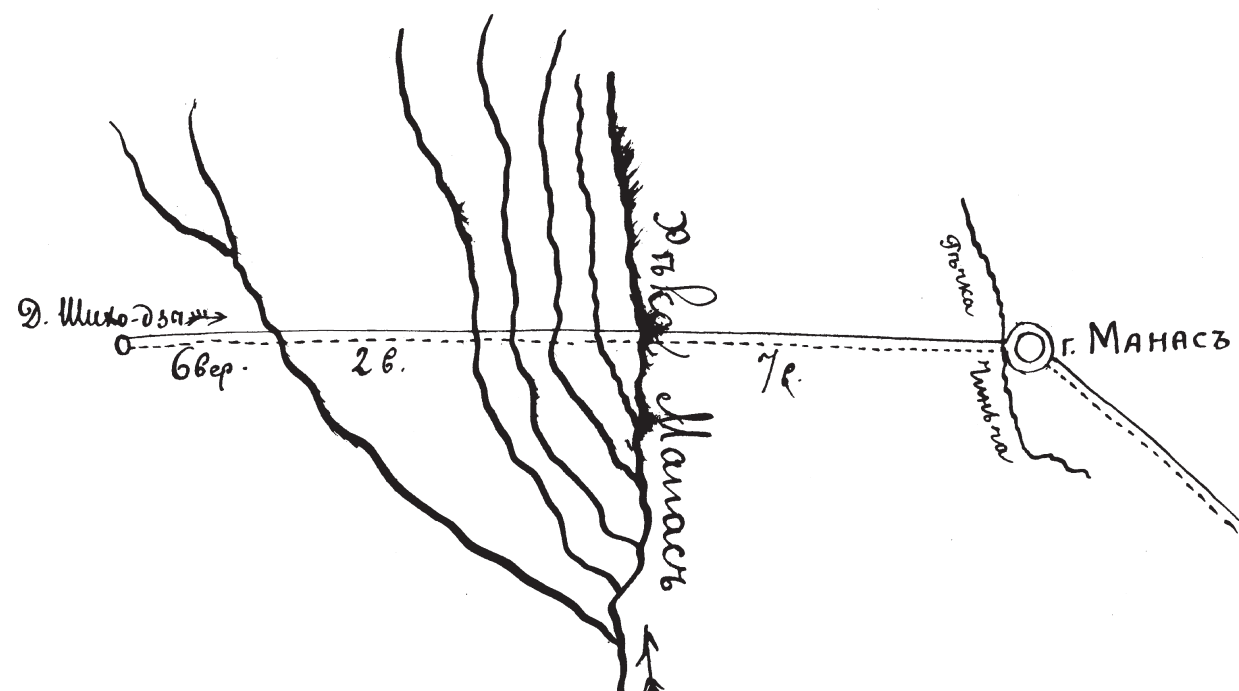
[29 июня] В 7 часов выехали дальше к Манасу. Среди жителей в Сан-до-хозе встретили христианина по имени Tchou-chau-iu. Имя его написано на китайской книге каким-то англичанином. Китаец этот был очень гостеприимен и предложил нам чаю и орехов. В доме у него на видном месте нарисован красной краской крест, а под ним изображение Св. Девы Марии с Младенцем. Подписи на этой иконе все были китайскими буквами. Жена этого китайца при нашем входе читала какую-то книгу, что доказывает некоторую культурность. По виду они гораздо чище остальных китайцев. В Улан-Усу приехали в 10 ч. 30 м.; по нашему вычислению, проехали 17 верст. Дорога, благодаря глинистой почве и раздувшимся арыкам от дождей, была тяжелая, скользкая. В Улан-Усу мы не нашли ничего из провианта. Едем дальше. Дорога не улучшается, опасных мест пока нет. На одиннадцатой версте от Улан-Усу нам попалось очень трудное место. Нашу дорогу пересекал арык, поросший камышом. Проезд был весь разрыхлен, и лошади вязли по брюхо [29 июня]. Здесь мы нашли китайцев, которые отдыхали под арбами; причем одна из их арб была завязана в грязи. Мы исследовали хорошо грунт, навалили камышу в опасных местах и благополучно проехали. В полверсте отсюда нам попалось более опасное место. Один из возов перекувырнулся, тогда нам всем пришлось по пояс лезть в грязь, чтобы поднять фургон и помогать вывозу остальных. Приехали в Манас в 5 час. 30 минут. На переправе были 2 часа 15 минут. Пред Манасом в восьми верстах находится селение, не помеченное на карте. Там можно достать баранов для людей и клевера для лошадей. От этой деревни до Манаса дорога очень хорошая, так что доехали очень быстро. В этот день мы проехали 45 верст.

[30 июня
Река Манас – город Манас
(9 верст)]

[11 об.] С самого утра начался перевоз. Река Манас довольно быстротечна. В двух местах глубина достигает до двух аршин. Здесь перевозит одна частная арба за произвольную плату (кто сколько даст). Ввиду того, что в нашем обозе все фуры могли выдержать пол-аршинную глубину, мы решили все фуры перегрузить и по частям перевезти на арбе. Эта арба большого типа с громадными колесами. При переезде дно арбы остается сухим, а потому вещи положили довольно спокойно, не опасаясь их подмочить, и обвязывали их, чтобы они не рассыпались.

[12] Начали переправу в 7 часов и кончили в 12 часов. Всех арб было 7, т. е. арба перевозила вещи с 4-х фургонов 7 раз. Вся переправа кончилась благополучно – все было цело – не поломано, не подмочено. Выехали к Манасу в 2 часа 25 мин., приехали в 4 часа.

Город Манас отстоит от реки в 7 верстах. Здесь мы обнаружили серьезную ошибку в карте¹. Схематический чертеж нашего пути таков.

[12 об.] [30 июня] Река Манас широко разлилась в низком каменистом месте. Она разделяется на массу рукавов. Ширина каменистого грунта равна двум верстам. В городе Манасе мы остались ночевать, так как наши лошади несколько ослабли без корма при переправе. Город Манас преимущественно китайско-сартский, причем китайцев большая половина. Базар этого города не хуже чугучакского. Особенных достопримечательных мест нет. Здесь стены не идут замкнутым кольцом вокруг города, а виднеются местами. Въезд со стороны Шихо без ворот и стен, а со стороны Урумчи – великолепная башня и высокая стена.

На базаре накупили много овощей, орехов. Лошадям достали хорошего клевера. Вода в реке Чинь-чи² довольно сносная, хотя и мутная, как во всех китайских реках.

[13] Выехали из города Манаса в 7 ч. 15 м., надеясь доехать до китайского пикета Ху-ту-би, отстоящего в 60 верстах от Манаса. На 15-й версте от города мы переезжали речку. Она оказалась неглубокой, а потому переправа окончилась скоро и благополучно.

[1 июля] На 25-й версте от Манаса доехали до китайского селения Lotoi³, там можно достать огурцы, соль, китайские лепешки, мясо и клевера для лошадей. Вода средняя. Дорога из этой деревни в продолжение 5 верст по направлению к Туку-ху очень посредственная,

¹ В действительности 40-верстная карта южной пограничной полосы Азиатской России, которой пользовались члены II РТЭ, правильно отображала положение г. Манаса относительно р. Манас. Н.А. Смирнов ошибочно принял правый приток р. Манаса – р. Син-ча, который протекал в непосредственной близости от города, за основное русло р. Манас, которое несколько отклонялось к западу от города.

² Точнее – Син-ча.

³ В маршрутных описаниях – Ло-то-чи. См.: Васильев 1912: Маршрут № 4: 20.

а местами совсем плохая. Дальше дорога хорошая. В Туку-ху мы стояли минут 20. Здесь мы пили чай из мутной воды, но он нас подкрепил.

Туку-ху селение плохое. Там можно достать мяса, а что касается клевера, то он привозится туда китайцами в сухом виде, а потому корм временный. От Туку-ху мы направились к Ху-ту-би, но наши лошади так устали, что мы решили переночевать в местечке Нан-за-дзы, отстоящем в 15 верстах от Ху-ту-би и в 15 верстах от [...]. Здесь мы нашли у сарта колодезь с прекрасной водой, а поблизости у китайца купили барана (на которого совсем не рассчитывали) за очень сходную цену – 5 рублей 50 коп. У другого китайца, в полверсты от сарта, закупили сушеного клевера по 6 коп. пучок и 11 штук яиц по 3 коп. за штуку. Вообще мы очень были довольны, что все обошлось так удачно. День был прохладный. Было не более 35° жары. Ночью дул сильный ветерок и шел дождь.

Селение Нан-за-дзы лесное, а потому дров было очень много. Мы решили завтра встать пораньше, чтобы побольше пройти и поскорее добраться до Урумчей. По-местному считалось от Ху-ту-би до Урумчей – 70 верст.

[2 июля
Нан-за-дзы – Цхан-цзи
54 версты]

Выехали из Нан-за-дзы в 8 час. 15 мин. В 9 час. 30 мин. в 5 верстах от этого селения переехали рукав реки Цзи-лянь-дза шириною в 25 сажень. Дно каменистое, глубина около аршина. В 10 часов в 9 верстах от Нан-за-дзы переехали речку Цзи-лянь-дза шириною в 25 сажень. Дно каменистое, глубина около аршина. В 10 часов в 9 верстах от Нан-за-дзы переехали реку Изи-лянь-дзи. Ширина ее с рукавами около двух верст. Самая глубокая часть 1½ аршина. Течение быстрое, дно каменистое. В 11 часов прибыли в Ху-ту-би. В этом пикете мы на базаре достали огурцов, лепешек. Это селение довольно значительное. Между прочим, здесь построена мечеть, построенная в китайском вкусе. Население сартско-китайское. Базар довольно хороший. Можно достать пшена, ячменя, кукурузы, клеверу и т. п., что так необходимо для провианта людей и лошадей. Вода доброкачественная. Всего от Нан-за-дзы до Ху-ту-би около 13 верст. Дорога в общем была плохая, большей частью пришлось ехать водой. Выехали из Ху-ту-би в 11 часов и в 3 часа были в Джаирском укреплении. Проехали от Ху-ту-би до Джаирского укрепления 20 верст. В 5 часов в 14-ти верстах от Джаирского укрепления мы переехали безымянную речку. Обоз наш стоял [...] минут. Переправа кончилась благополучно. Еще через версту переехали реку Хабалу. Обе эти речки неглубоки с каменисто-иловатым дном и с быстрым течением. Дорога до Цхан-цзи местами была очень хорошая, но местами, где ее перерезали арыки, довольно плохая, вследствие или плохих мостов, или маленьких перевалов, как видно из схематического чертежа.

В Цхан-цзи приехали вечером. Всего проехали:
5+9+20+14+4=54 версты

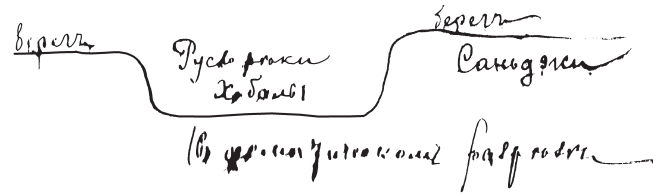
[3 июля
Цхан-цзи – Урумчи
34 версты]

[13 об.]

[14]

[14 об.]

Выехали из Цхан-цзи в 8 час. 30 мин. Это селение с базаром и с хорошей водой. Там мы ночевали у одного сарта. Он угостил нас очень вкусным пилавом из риса. Мы тут очень хорошо отдохнули и приготовились к Урумчам. В 9 часов мы были на реке Хабале в расстоянии 2½ верст от Цхан-цзи. Переезд реки был около 30 минут. Река имеет такой вид:

[15] Выехали в 9 часов 30 минут. На правом берегу Хабалы стоит китайское селение Сань-джи. Река Хабала очень маленькая, но общая ширина ее русла равна одной версте. Дно глинисто-каменистое. Глубина достигает аршина. Вода мутная с желтоватым цветом, как и все китайские реки. В Сань-джи находится ключ. В этом селении можно достать огурцы, лепешки и клевер.

[3 июля] В 11 часов 40 минут мы были в селении Дади-хо-пу, в расстоянии 15½ верст от Цхан-цзи. В этом селении тоже есть дыни, арбузы, клевер и источник. Между селениями Дади-хо-пу и Со-пу-бу в 12 час. 15 мин. мы остановились для поисков запасной лошади, оторвавшейся от задка фургона. Стояли здесь до 1 часа 7 мин. В 1 ч. 20 мин. мы были в Со-пи-бу в 19½ верстах от Цхан-цзи. В 2 часа в 8-ми верстах от города Урумчи нас встретил консул Алексей Алексеевич Дьяков. Затем мы прибыли в Урумчи. Для нас Алексей Алексеевич приготовил флигель, где мы удобно расположились. Всего проехали 34 версты (2½+1+12+4 2+4½+8)

[г. Урумчи] Были в Урумчах. Наши фургоны так поломались за дорогу, что их пришлось чинить все. Куплено 8 лошадей и продано 2 старых. Делали необходимые визиты ду-ду¹ и комиссару. Заготовили ямбового серебра на сумму около 6000 рублей.

Все подробности находятся у нашего начальника Сергея Федоровича Ольденбурга.

[г. Урумчи – Гумуди
21 верста]

[16] Утром выехали из Урумчей. В двух верстах русская колония нам устроила палатку и угощали нас шашлыком и чаем. Нас провожал консул Алексей Алексеевич Дьяков и его супруга Валентина Евгеньевна, начальник почты англичанин мистер Tudhope, который нам любезно предложил маршрут до Анси-чжоу, начальник гарнизона Анатолий Михайлов, доктор и голландский миссионер Per Hoogers. В расстоянии 10 ли от Урумчей мы проехали монетный двор под названием Щемаку, по-сартски Арасан.

Приехали в 2 часа 10 мин. в селение Гумуду, отстоящее в 21 версте от Урумчей. Все время была очаровательная дорога, пролегавшая по роскошному оазису, окаймленному горами. Здесь очень красивый вид на Богдо-Олу. Под Урумчами из гор вытекает источник, который потом превращается в порядочный ручей, где масса устроена водяных мельниц. Всюду роскошная растительность. Мы расположились лагерем недалеко от селения на берегу хорошего

¹ См. выше.

арыка Гумуди с базаром, где мы достали весь необходимый провиант: мясо, огурцы, редиску, муку, а для лошадей сухого клевера и фуражу. К вечеру почувствовали себя плохо урядник Горшков и казак Веревкин, но они к утру 13 июля оправались.

[13 июля
Гумуди –
Фукан
40 верст]

Выехали в 8 час. 15 мин. Новые лошади, впряженные в фургоны, не были еще привычны к упряжи, а потому наш обоз двигался довольно плохо.

В 9 часов в расстоянии 3-х верст от Гумуди проехали селение Цзы-чуан-за, где можно достать необходимых припасов путнику. Есть вода, годная для питья. В 10 ч. 30 м. мы въехали в горы, точнее большие волнообразные холмы, почти без всякой растительности. Впечатление было такое, что как будто въезжаем в пустыню и совсем покидаем прекрасный оазис с богатой растительностью. Горы эти идут до самого Фукана. Дорога пролегает краем гор, но потом горы все время находятся вправо. Перед Фуканом они отходят.

На горизонте с южной стороны видны значительные возвышенности, которых на карте совсем нет.

В Фукане хороший базар и прекрасные арыки. Здесь мы решили устроить дневку, т. к. лошади едва дотащились и пошел дождь.

[17] Перед Фуканом в 12 часов мы приехали в дьянь Канчафу, находящийся на 21<-й> версте от Гумуди. В этом дьяне прекрасная вода, здесь мы дали часовую передышку лошадям. Выехали в 1 час дня и в 4 часа прибыли в Фукан. Здесь, как уже говорено раньше, остались ночевать для отдыха лошадей.

Верст 5 перед Фуканом роскошная растительность, вследствие прорезавших местность арыков, текущих с севера на юг. Расстояние между Фуканом и Гумуди – 40 верст.

Дорога была все время хорошая по галечно-лѣсовому грунту. Опасных арыков совсем нет.

Вечером 13 июля обнаружили стертые спины лошадей вследствие плохой пригонки сидел. Мы решили исправить этот промах и устроить дневку. С самого утра шел дождь. Все арыки вздулись и сделались желтыми. Сергей Федорович плохо чувствовал себя утром, но к вечеру настолько оправился, что даже все мы отправились гулять по направлению к северу к горам.

[14 июля
Стоянка в Фукане]

Выехали из Фукана в 9 часов, ехали селением 20 минут. В 10 часов на расстоянии 4 верст от Фукана перешли два очень хороших моста на расстоянии 100 сажень один от другого. В 10 час. 25 мин. в 7 верстах от Фукана переехали хороший арык, миновали селение Джун-чай. В 11 час. 55 мин. в 10 верстах от [...] переехали еще арык. В 11 час. 40 мин. были в деревне Бохдзу. Около этой деревни в 10^{ти} минутах езды от нее кончается Фуканский оазис. Все время дорога была ужасна, благодаря размытому дождем лѣсу. В 12 ч. 45 мин. начались солончаки с хорошим подножным кормом. В 1 час 15 минут приехали в дьянь Чинзоу. Там пили чай. Выехали в 2 часа. До этого дьяня мы считаем верст 15. Дальше ехали очень медленно. Солончаковая почва расплзлась, и ноги лошадей скользили и мало подавались вперед.

[15 июля
Фукан – степь
20 верст]

[18] Через час езды лошади совсем обессилели, и мы решили переночевать среди степи. Перед нашей стоянкой один воз перекувырнулся, но благодаря дружным казачкам его скоро подняли на руках. Проехали в этот день всего 20 верст. Пред нашим лагерем была очаровательная картина. На юге и юго-востоке были видны снежные вершины Богдо-Ула, а в остальных местах ровная степь, покрытая высоким чиём.

[16 июля]
[Фукан – степь
23 версты
(всего 43)
[20+23]]

[18 об.] Выехали в 8 час. 30 мин. Дорога чрез верст 5 по направлению к Гучену переменялась к лучшему. Она окрепла, и лошади шли гораздо лучше. В 11 ч. в 15 верстах от стоянки и в 35 верстах от Фукана приехали в Чимичанцзы. На базаре можно достать барана, лепешек, дынь и корму для лошадей. Выехали в 12 ч. 23 мин. Все время шел прекрасный оазис. Проехали массу арыков. Почти через все арыки есть довольно сносные мосты. На последнем арыке этого оазиса мы решили переночевать ввиду того, что кормы прекратились, а до следующего станка осталось довольно далеко. Проехали 8 верст от Чимичанцзы. Всего от Фукана проехали 43 версты. Вода в арыках прекрасная.

[17 июля
30 верст
Степь – Сантай]

Выехали в 8 час. 15 мин. Дорога была хорошая. Попадалось много арыков. Мостов не было. Вода была свежая, прозрачная и текла из гор. День был ясный, с утра прохладный, к полудню жаркий. С юга неизменный вид на снежные вершины Богдо-Олы. С остальных сторон была голая степь, покрытая галькой. По дороге попадалась масса развалин, следы Дунганского восстания. В 10 верстах от стоянки в 10 часов мы были в дяне Сотеличанза, где есть отличный колодезь. Корма нет, есть яйца. Выехали из дяня в 10 час. 30 мин. В 11 час. 15 мин. холмы отрогов Богдо-Олы приблизились к нам на 100–150 сажень и шли параллельно дороге.

[19] В 12 час. 25 мин. проезжали разрушенный дунганский город Фучайшинь. Растительность была там великолепная, масса арыков, полей гаоляна, риса, клевера и гороха. Остановились в деревне Сантае. Проехали в этот день 30 верст. Здесь прекрасная вода, масса арыков, хороший базар, где можно достать все необходимое в смысле провианта как для людей, так и для лошадей. Доехали благополучно.

[18 июля
28 верст
Сантай –
Щимисар]

Выехали в 7 часов 10 минут. В 7 часов 50 мин. проехали селение Учэнь-ёль. В 8 час. 7 мин. проехали речку. Вся дорога состояла из моря воды, образовавшегося из разлившихся арыков, которые текли параллельно дороге и заливали ее. В 8 час. 15 мин. фургон с кухней завяз в грязи. Простояли больше часу. Казаки разделись, впрягли еще 2-х лошадей

и помогли коням вытащить фургон на сухое место. Дальше дорога была ужасная до самого конца оазиса, который мы проехали в 9 час. 50 мин. Приехали в селение Сандо-хозы в 10 ч. 50 мин. Выехали в 11 час. 55 мин. Встретили развалины и речку в 12 час. 30 мин. Приехали в селение в 12 часов 45 мин. Дорога все время после оазиса была довольно хорошая. Проехали в этот день до Учэнь-ёль – 4 версты, до речки – 2 версты. Длина оазиса от деревни 8 верст, до следующей деревни Сандо-хозы – 6 верст. До селения Щи-мисар – 16 верст.

Всего 28 верст.

Выехали в 8 час. 40 мин. В 11 час. 10 мин. были в селении Дачуань; стояли до 11 час. 55 мин. Приехали в Гучен в 2 часа; проехали всего 36 верст. Дорога была хорошая. От селения Дачуань были прекрасные кормы. Чий рос в 1½–2 аршина высоты. Вода везде была чистая, свежая.

[19 июля
36 верст
Щчимисар –
Гучен]

Гучен довольно большой город; он гораздо больше Манаса и Чугучака. Здесь сохранилось довольно много городских башен с китайскими украшениями. Некоторые из них на 3 больших [...] внутри города и покрыты китайской крышей с резьбой по дереву, разукрашенные в разные краски и с черепицей на крыше.

Стены крепости сохранились очень хорошо и содержатся в порядке. Управление Гученом принадлежит дифангуаню в административном отношении, а в военном – даотаю. Нас очень любезно встретил аксакал и показал прекрасное место на мельнице с чудесной водой в полверсте от города.

[20 июля
Гучен]

Нам сделали визиты – дифангуань и начальник монголов. Приходили русские подданные сарты и преподнесли нам хлеб-соль – арбузы и виноград. Они были очень рады нас видеть и крайне сожалели, что поздно узнали о нашем приезде и не могли предложить теплого помещения. Дифангуань нам обещал выдать клевер нашим лошадям на 3-х станках, где клеверу продажного нет в окрестных местах, а запасного клеверу всегда много в китайских военных пикетах. В Гучене мы ковали лошадей. Закупали фураж.

[21 июля
33 версты
Гучен –
Читэйсэнь]

Выехали в 8 час. 30 мин. День был пасмурный. Изредка капал дождь. Дорога была очень хорошая, сначала за Гученом была великолепная трава, но потом она на 10-ой версте сменяется галечной почвой с колючей редкой травой. На 18-ой версте в 11 час. 30 мин. мы приехали в дянь Чадандзы с чистым 30-саженным колодезем. Там мы пили чай. Выехали из дяня в 11 час. 50 мин. Дорогой захворал казак Веревкин; он жаловался на живот. Приехали в Читэйсен в 2 часа. Проехали 15 верст от дяня и 33 версты от Гучена.

В Читэйсене достали зеленого клеверу, винограда и барана. Вода здесь весьма хорошая – течет горная речка. Цены на все умеренные. Вечером Веревкину стало лучше.

[21]

Выехали в 8 час. 45 мин. Были в 10 час. 25 мин. в селении Шци-чир. Были видны леса по северным склонам гор. Всю дорогу шли поля с гаолянном, ячменем и клевером. Попадались изредка лен. Проехали несколько арыков, точнее горных речек. Вода везде была очень хорошая, безвкусная, прозрачная. День был пасмурный, и изредка капал дождь. Температура была около 15°–20° жары. Ехали в бурках. В 10 час. 45 мин. в 10^{ти} верстах от нашей стоянки кончился оазис и начались холмы. Дорога до этого места, вследствие дождя, была довольно тяжелая, но гиблых мест не было. На холмах дорога стала совсем сухой, но местами каменистой. Крутых подъемов не было. В 12 часов в 16^{ти} верстах от стоянки был дянь Дурхол.

[22 июля
27 верст
Читэйсен –
Мулихе]

От дяня до Мулихэ 11 верст. Дорога шла большими холмами, но с очень удобными подъемами и спусками. Всего проехали 27 верст. Мулихэ – довольно большое торговое селение. Здесь порядочная горная речка. Нам сказали еще в Гучене, что следующие 6 станков будут без клевера. Благодаря любезности дифангуаня нам приготовили в первых трех станках клевер, а для следующих трех мы купили 200 снопов клевера и 35 пудов фуража для 30 лошадей и наняли 2 арбы для перевоза по 8 лан каждая в сутки.

[21 об.]

Названия селений без клевера следующие:

1. Сангочуанза
2. Таши-ту
3. Ту-шуй
4. Чиги-чинза
5. Чеголю и
6. Иванчинза

Всю ночь на 23 шел мелкий дождь. Было маленькое землетрясение. У Манохи-на, который был на часах и сидел у костра, рассыпались щепки, а китаец, сидевший на корточках, упал на землю. У меня кровать затряслась, и я моментально проснулся. Утро было ясное. Был дивный вид с высоты Мулихэ на снежную вершину Богдо-Олы. На голубом фоне неба и зеленом очертании холмов выдвигается вся в серебре вершина Богдо-Олы.

[22]

[23 июля]

Выздоровел Веревкин. Русские подданные сарты очень радушно встретили в Мулихэ и построили нам палатку в 5 верстах от селения, но мы отказались от их любезности ввиду наших закупок клевера и фуража.

[36 верст
Мулихэ –
Санго-Чуанза]

Выехали в 8 час. 50 мин. В 10 час. 50 мин. были в дяне. Стояли с 11 час. 56 мин. до 12 час. 25 мин. Приехали в 2 часа 45 мин. Всего проехали 36 верст. Дорога была великолепная и все время проходила холмами, покрытая галькой. Ночью пришли арбы с клевером и фуражом. Селение Санго-чуанза довольно маленькое, и достать решительно нечего ни для людей, ни для лошадей. Благодаря гученскому дифангуаню нам выдали клеверу из китайского

416

пикета. Здесь есть 3 ключа, что видно из названия – Санго – три, чуанза – колодец-ключ¹. На каждом ключе устроены колодцы. Вода доброкачественная, без примеси соли и серы. Ночевали близ селения.

[22 об.]

[24 июля
45 верст
Санго-Чуанза –
Ташити]

Выехали утром около 8 часов. Все обстояло благополучно. День был ясный и с прохладным ветерком. Ехали довольно быстро. Дорога была ровная, как скатерть. Всего проехали 45 верст. На 37<-й> версте мы вступили в горы, которые были средней величины с черными, как облитыми варом, скалами. Дорога горами была тоже хорошая. Перед селением Таши-ту попадались в горах лужайки, на которых паслись наши лошади в ночь на 25ое июля.

Селение Таши-ту состоит из 4–5 китайских дворов, в которых нельзя ничего достать. Нет готового корма для лошадей. Мимо протекает арык (горная речка) с достаточно хорошей водой.

[25 июля
Ташити
Ту-шуй]

Выехали в 7 час. 45 мин. утра. Дорога была горная, но неопасная. За этот день проехали всего 25 верст. На 17-ой версте по направлению к Тушую наша дорога разделяется на 2; одна из них идет в Ляодун², другая на Баркуль. На карте изображено совсем неверно³. В Тушую мы расположились в ущелье, где течет прекрасный ручеек-ключ. Клевер нам был приготовлен.

[23]

[26 июля
34 версты
Ту-шуй –
Чигичинза]

Выехали в 7 час. 30 мин. утра. Ехали ущельем на протяжении 22-х верст. Ширина ущелья в некоторых местах доходила до 10-ти сажень. Высота скал равна 50–75 саж. Место довольно дикое, без всякой растительности. Это ущелье довольно интересно для геологической цели. В 6 верстах от Ту-шуя по направлению к Чиги-чинзе находится довольно большой ключ. Он вытекает из ущелья и течет по дороге, затем ущелье расходится и скалы делаются низкими и плоскими. Дорога здесь очень камениста. Горами едем около двух верст. Дальше идет ровная долина, сплошь покрытая черной галькой. Дорога становится немного лучше. Галькой едем 8 верст. Потом галька кончается, и начинается песчаная почва, густо покрытая тамарисками. Здесь примыкает турфанская столбовая дорога, идущая в Хами.

[23 об.]

¹ Саньгэчуанцзы (кит. 三个庄子, букв. «три хутора») – современный город в составе уезда Цитай Чанцзи-Хуэйского автономного округа СУАР.

² Точнее – Лодун.

³ Не вполне ясно, что понимает здесь Н.А. Смирнов под неправильностью отображения путей на карте. На 40-верстной карте южной пограничной полосы Азиатской России, лист XXI (Хами) совершенно ясно показано, что у селения Чиги-чинза от основной дороги Урумчи – Хами отделяется в северном направлении боковая дорога, выводящая к Ту-шуй-гэй-цзы – селению на северной дороге в Хами через Баркуль. Вероятно, Н.А. Смирнов перепутал названия, ошибочно приняв Чиги-чиназа за Тушуй (Ту-шуй-гэй-цзы). Как представляется, он недостаточно прочно владел основами топографической съемки, что в сочетании с пребыванием в незнакомой местности с многоголосьем местных названий несколько дезориентировало его в вопросах топографической привязки к местности.

417

Тамариски растут на протяжении двух верст. Всего проехали до Чиги-чинзы – 34 версты. Название селения указывает на существование здесь 7 прекрасных колодцев, довольно чисто содержимых. Кормов здесь никаких нет. Кормили лошадей запасным клевером, привезенным арбами. Ночевали около селения. Погода стояла ясная. Днем у казаков болели головы. Ночь была теплая, и в первый раз спали под легкими одеялами.

[27 июля
25 верст
Чигичинза –
Чеголю]

[24] Выехали в 8 часов утра. Через 5 верст тамариски и иловатая почва сменились галькой. Начался подъем на 1510 футов до станка Чеголю. Дорога все время идет галькой. На 20^{той} версте мы въехали в горы. На 25-й версте находится Чеголю. Там прекрасный колодезь. Селение это лежит в горах, где нет зелененького листочка.

Кормили лошадей привезенным клевером. Ночью на двадцать восьмое сильно захворал лихорадкой казак Горбунов. Достать съестных припасов в Чеголю нельзя.

[28 июля
18 верст
Чеголю –
Иван-Чуанза]

Выехали в 8 часов 43 мин. 4 версты ехали горами. Затем мы въехали в Гоби. Вся местность покрыта крупной галькой. Дорога чрезвычайно тяжелая, но ввиду подъема в 300 футов терпима.

В Иванчуанзе есть довольно сносный колодезь. Станок этот представляет единственный дьянь среди голых камней. В 4-х верстах к юго-востоку есть ключ с малым количеством соли. Там около ключа – великолепное пастбище для скота. Всего проехали 18 верст.

[29 июля
27 верст
Иван-Чуанза –
Ляодун]

[24 об.] Выехали в 6 час. 35 мин. Приехали в Ляодунь в 12 часов. Проехали 27 верст. Дорога все время шла по Гоби. Вся местность покрыта большими гал<ьками>.

В Ляодуне прекрасная вода. Протекает вода через чистый прозрачный пруд. В Ляодуне около 10 дяней в два посада. Мы здесь в первый раз после Урумчей достали ячменя для лошадей. Погода была прохладная. Ночью был ветер.

[30 июля
38 верст
Ляодун –
Сандао-
Чинза]

Выехали в 8 час. 5 мин. На 8-ой версте от Ляодуна проехали очень хороший оазис с великолепным подножным кормом. Там есть дьянь Садунза. Стояли там 45 минут. В это время паслись верховые лошади, а казачки поправляли фургоны. В 11 час. 30 мин. в 6 верстах от Садунзы нам попался ключ. В 12 часов приехали в дьянь Тизагуань с хорошим ключом.

Около этого дьяня есть камыш, где могут пастись лошади. Выехали в 12 часов 30 мин. Опять началось Гоби.

Дорога была довольно сносная, а местами даже хорошая. Все покрыто мелкой галькой. [25] Приехали в 3 часа 50 минут в пикет Сандаолинза. Проехали всего 38 верст. В этом селении прекрасный ключ с очень хорошей водой. Здесь мы достали камыша для лошадей, а для себя молока. В этом селении около 8–10 дяней.

[31 июля
23 версты
Сандао-чинза –
Тогучи]

Выехали в 8 час. 30 мин. Приехали в Тогучи в 2 часа. Всего проехали 23 версты. Дорога была ровная и довольно плотная. Почва густо покрыта мелкой галькой. К северо-востоку от Тогучей в расстоянии 8 ли (около 3 верст) находятся развалины буддийских монастырей. Там был немецкий профессор Грюнведель и дал описание. Он нашел там остатки скульптуры. Обнаружил колоссальную статую Будды и несколько фресок.

Мы осматривали это место – Иликель, название развалин относится к названию ближайшего селения Иликель, во владении которого лежат развалины. Мы решили, что в малое количество времени мы ничего не можем снять целого, так как весь монастырь обрушился и был засыпан лёссом, песком и кирпичами. Мы нашли две фрески, старые, с едва заметными признаками живописи 1000 будд – и остатки колоссальной статуи Будды, об которой писал Грюнведель. От нее осталась только голень левой ноги, которая вся была завалена остатками кирпича. Мы попытались докопаться до ступни, но ввиду того, что с нами не было подходящих инструментов, нам и это не удалось. Мы закончили нашу раскопку руками на второй складке голени. [25 об.]

Я снял небольшой схематический планчик. Вот общая его схема. Поскольку возможно, я взял несколько горизонталей, которые, несмотря на примитивность съемки, все-таки дают достаточно ясное представление о месте, где находятся пещеры, которые у меня обозначены буквами:

1. а
2. а
3. β

где находилась колоссальная статуя Будды.

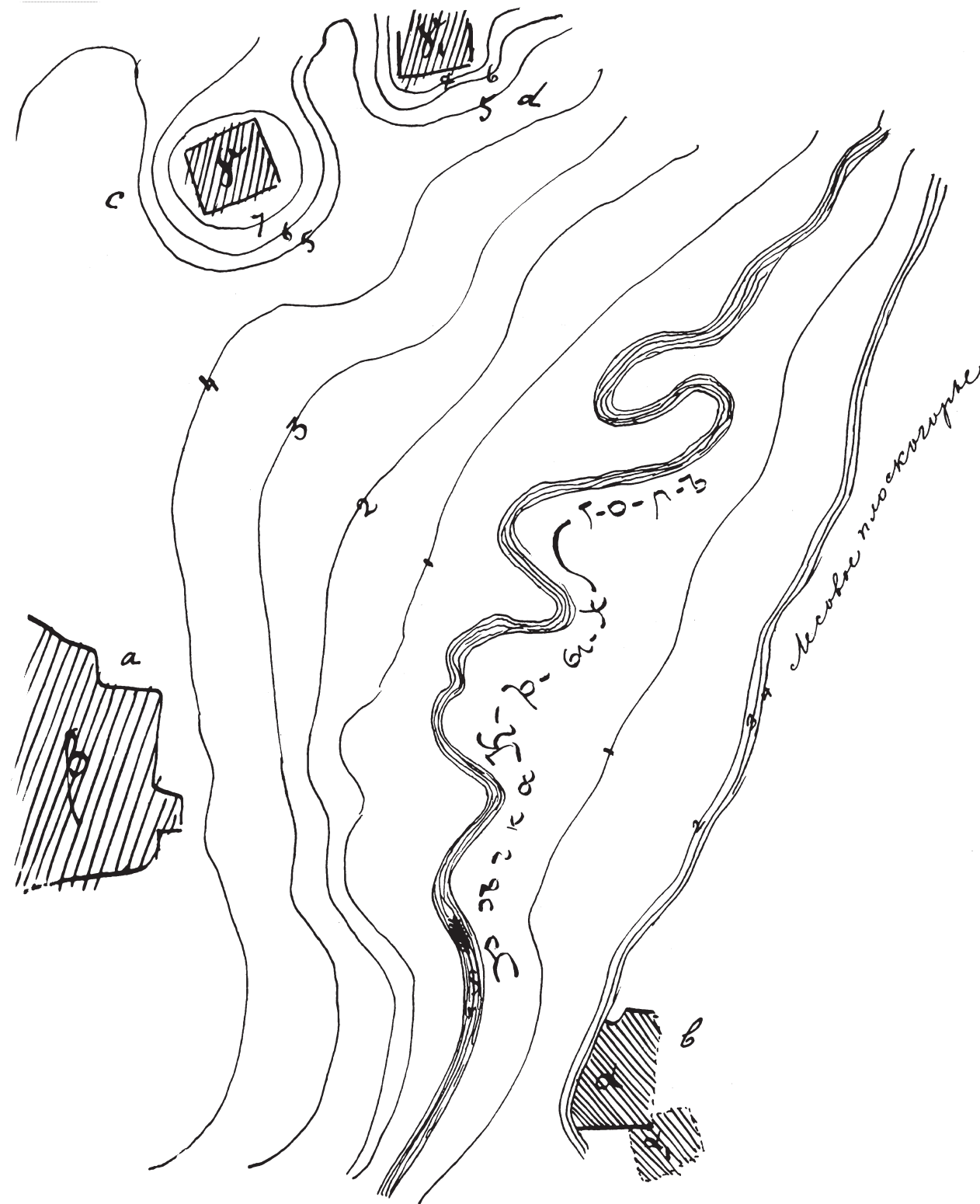
Два последние монастыря целиком почти завалены лёсом. В монастыре а сделано несколько пробных раскопок, но они далеко не кончены – землю надо вынимать еще около сажени, чтобы обнаружить живопись. В храме β сохранился кусок громадного купола и два паруса. Стены находятся в довольно ветхом состоянии.

Тогучи – довольно большое селение с богатыми садами – яблоками, персиками. Цены на все умеренные. Мы без затруднений достали провиант для людей и лошадей. Вода очень хорошая – течет горный ручей, в котором есть даже небольшая рыба.

[1-ое августа
22 версты
Тогучи –
Сум-карга]

Выехали из селения Тогучи в 8 часов. В 8 час. 30 мин. проехали оазис с массой плодовых деревьев, высокими тополями и возделанными полями. В 8 часов 40 минут переехали речку

[26 об.]

Крык-толь. Затем дорога стала повышаться. В 9 час. 30 мин. мы достигли наивысшей точки и стали спускаться. В 9 час. 45 мин. мы проехали ключ. Это место представляет из себя маленький оазис с сартской хижиной и мягкой зеленой травой. В 10 час. 37 мин. приехали в селение Астана, находящееся в 15 верстах от Тогучей. Эта деревня почти вся населена сартами. Там есть мусульманский базар и кладбище. Мы там стояли около часу, исправляли дышло и закусывали.

[27]

В этом селении есть корм – клевер и фураж для лошадей. Выехали в час дня. Приехали в Сум-карга (по-сартски), Туфану (по-китайски). В 2 часа 15 мин. в 7 верстах от Астана находится это селение. Всего проехали от Тогучей 22 версты. Дорога в общем очень хорошая, исключая подъем между Тогучами и Астаной, в протяжении около 4-х верст. Оазис Сум-карга очень красив и богат плодовыми деревьями. Мы остановились на берегу проточного пруда под старыми ивами. Фураж и клевер для лошадей достали без затруднений.

[27 об.]

[2 августа
23 версты
Сум-карга
Хами]

Выехали в 7 часов 55 мин. В 9 час. 30 мин. проехали мимо разрушенного дяня с великолепным чистым колодцем со свежей водой. В 11 часов приехали в дянь, в котором есть клевер и молоко. Вода там ниже средней – очень мутная, но без всякого привкуса. Выехали в 12 часов 10 мин. Приехали в Хами в 1 час 15 мин. в 8 верстах от дяня.

Всего проехали 23 версты. Вид на Хами со стороны нашей дороги очень красив – тянется громадный оазис почти с самых гор и теряется далеко в пустыне к югу. Нас поместили в большом просторном дяне у купца Чанышева, в котором поместились и казачки. Лошадей разместили в соседнем дяне, т. к. в нашем дяне не было навеса. Мы получили в подарок от вана 2 воза дров, 2 воза клевера, 10 мешков фуража и 4 барана.

Вечером мы получили нашу корреспонденцию, подействовавшую на нас весьма удручающе. Во-первых, получена телеграмма от урумчийского консула, что у нас война. Россия в союзе с Францией и Англией идет против Германии и Австрии. 19 военных судов уже потоплено английской эскадрой. Во-вторых, брат Сергея Федоровича Федор Федорович скоропостижно скончался. Эти два обстоятельства очень тяжело отозвались в наших сердцах, у всех было самое скорбное настроение. Мы даже не знали причины войны и ее первые результаты и предполагали всевозможные исходы, не имея никаких фактов. Мы сообщили об этом казакам и помолились за дарование победы.

[28]

[3 августа
Хами]

К нам приезжали с визитом хамийский ван, дифангуань и военный начальник. Мы ездили к вану, где выяснили, что дорога между Хами и Ан-си-чжоу – одна из самых трудных. Перегон между этими городами равен 11 дням. Корму нет ни на одном станке. Вода на 2-х станках горькая. Мы решили отправить вперед арбы с клевером и фуражом на весь путь в количестве 6 арб. Снарядить арбы нам обещал помочь хамийский ван. Ему преподнесли в подарок серебряную чашку с блюдечком, кубок и ложку с золотой амальгамой. Он остался очень доволен этими подарками.

[28 об.]

[4 августа
Хами]

Идет усиленная работа по снаряжению арб, обковываются фургоны, починяются колеса, чистятся лошади.

Хамийский ван снарядил нам 5 арб клеверу – всего 1000 снопов. 75 пудов фуража на всю дорогу до Ан-си-чжоу, т. к. путь проходит по пустыне Гоби. Арбакеши наняты нами по 6 лан в день. В этот день плохо чувствовал себя казак Горбунов.

[29]

[5 августа
28 верст
Хами
Хуан-Лучан]

Выехали из Хами в 12 час. 15 мин. В 1 час 45 мин. проехали Хамийский оазис. Он весь состоял из возделанных полей, где было видно множество разбросанных китайских и сартских хижин. Место очень красивое. Оазис продолжался около 8-ми верст. По дороге проехали много арыков с прозрачной горной водой. За оазисом опять пустыня Гоби, покрытая мелким речным песком с камешками. На 15-й версте начинаются сыпучие пески, которые тянутся до китайско-сартского Икошурр (по-китайски)¹, Харамакча (по-сартски). Там хорошие колодцы. Вода без привкуса. Мы проехали с обозом до Хуан-Лучан. Между этими селениями находится подножный корм, состоящий из молодого камыша. Между Харамакча и Хуан-Лучаном – 8 верст. Всего проехали 28 верст. Хуан-Лучан состоит из 10 дяней с хорошим колодцем. Вода удовлетворительная. Продажных кормов нет.

[6 августа
28 верст
Хуан-Лучан –
Чанлюшуй]

Выехали в 8 час. 30 мин. Сначала по дороге были корма – всюду рос молодой камыш, который к Чанлюшуй становится реже и реже. На 20-й версте попадались тограки. Приехали в Чанлюшуй в 1 час 45 минут. Всего проехали 26 верст. Вода в селении великолепная, есть хороший ключ, обделанный в хороший деревянный сруб. Запасли 6 бидонов воды для следующих двух станков, вследствие их дурной воды, совсем непригодной для людей. Кормов продажных нет. Лошадей проезжие кормят какой-то мокрой мякиной.

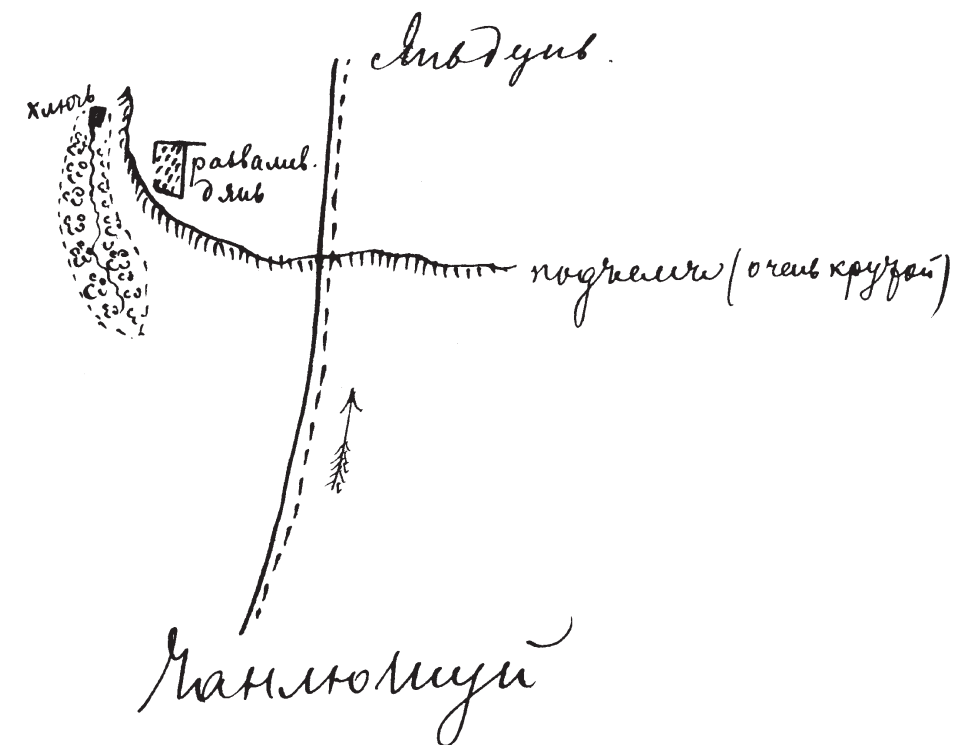
[29 об.]

[7 августа
28 верст
Чанлюшуй –
Янь-дунь]

Выехали в 9 час. 10 мин. В 9 час. 27 мин. проехали холмики. Начался спуск в долину. Кругом лёссовая почва со слабым выступлением соли. В 9 час. 40 мин. спустились в долину, которая вся покрыта колючей травой и камышом. Дорога лучше средней. Фургоны идут легко. День ясный с легким прохладным ветерком. В 10 часов почва изменилась – она состояла из лёсса, густо перемешанного с речным песком и галькой. Грунт крепкий. Нет никакой растительности. Дорога идет в гору. Обширные плоскогорья. В 10 час. 15 мин. дорога пошла на 6–7 сажень вверх на плоскогорье. Дорога песками очень затруднительная. Недалеко

[30]

¹ Сильно искаженное название, не соответствующее китайской фонетике.

в сторону от дороги есть ручеек с чистой прозрачной водой. По руслу ручейка густо растут молодые ивы. Здесь же находится и корм для лошадей. Ручеек длиной около 100 сажень. Вблизи находятся развалины бывшего дяня. Общий план местности таков.

Дальше начинается пустыня Гоби. Все покрыто мелкой галькой с лёссом. Растительности никакой. На горизонте явились миражи озер и гор. В 10 час. 50 мин. подъем на 4 сажени на следующую террасу. Место слегка холмистое, волнообразное. В 11 час. 20 минут подъем в 6 сажень, в 11 час. 25 мин. спуск на ту же [...]. Обоз стоял с 12 час. 15 мин. до 12 ч. 55 мин. В 1 ч. 30 мин. спустились в котловину. В 2 часа поднялись и переехали русло речки.

[30 об.]

По песку видно течение слева направо.

Очевидно, что во время усиленного таяния снегов в горах здесь бывает вода. Обоз приехал в Янь-дунь в 2 часа 53 мин. Всего проехали 28 верст. Селение Янь-дунь состоит из 5 дяней. Расположено в котловине. Кругом нет никакой растительности. Вода минеральная, непригодная для людей, лошади эту воду пьют.

[31]

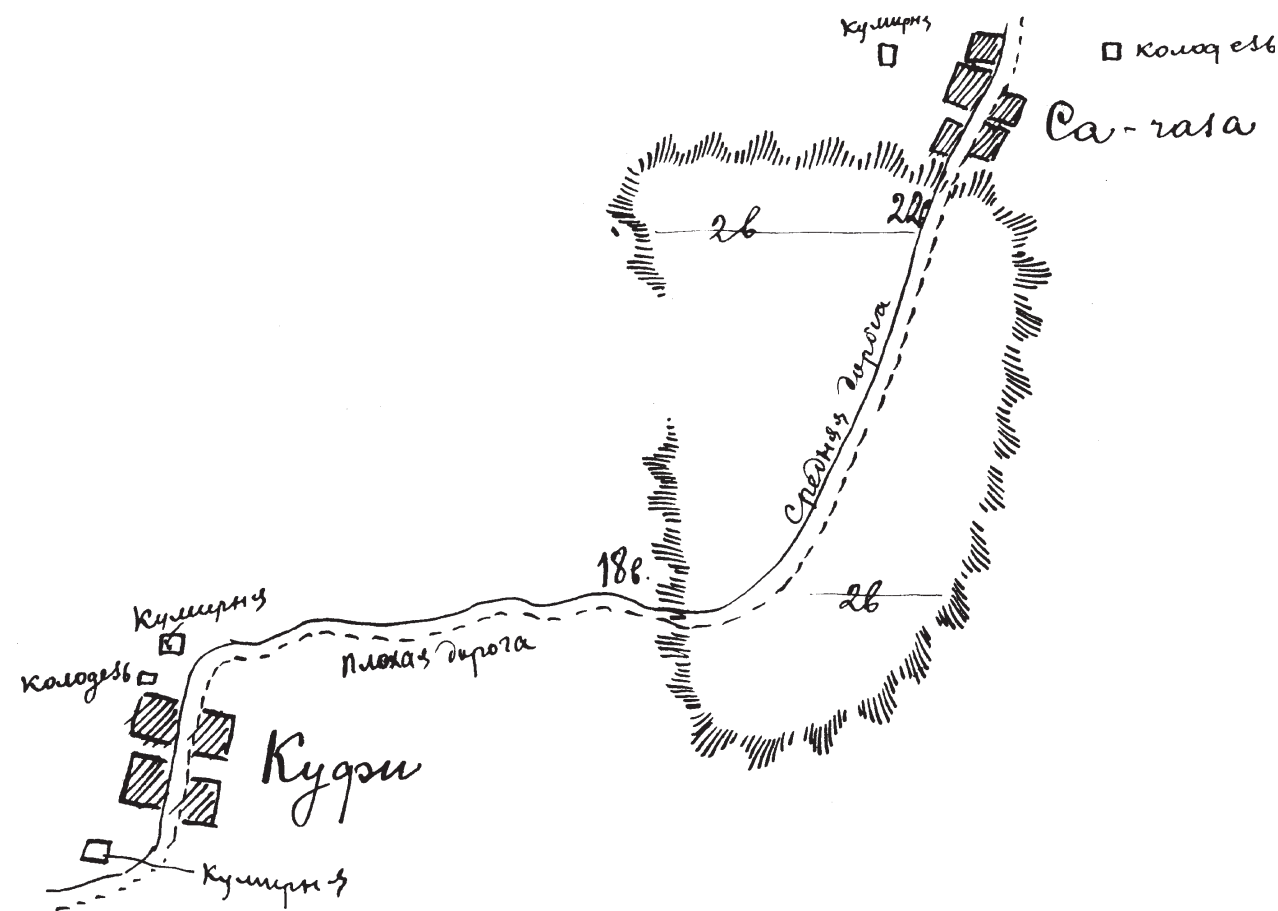
[8 августа
52 версты
Янь-Дунь –
Куфи]

Выехали в 6 час. 37 мин. Сначала ехали по ложине, как бы по сухому руслу большой реки. Затем, чрез полверсты, поднялись сажени 3 на плоскогорье. Пред нами открылась ровная пустыня Гоби с глинисто-лессовой почвой и массой мелких камешков. Дорога ровная, но страшно выбитая арбами.

[31 об.]

Наши фургоны, вследствие меньшего расстояния между колесами, чем у арб, шли боком – одним колесом в колею, другим посреди дороги. В 9 час. мы поднялись выше на террасу, сажень на 8. В 8 час. 30 мин. в расстоянии 9^{ти} верст от Янь-Дуня стоит китайская будочка. По китайскому счету она поставлена в 30 ли от Янь-Дуня. Затем проехали вторую будочку в 60 ли от Янь-Дуня. Потом приехали в дьянь, стоящий на половине дороги между Куфи и Янь-Дунем. Вода здесь непригодна для людей. В дьяне никого нет. Мы перепрягли лошадей. До дьяня считаем 23 версты от Янь-Дуня. Его называют Ибейсы-джаоданза (половина 140 ли).

Выехали в 12 час. 45 мин. В 2 часа 50 мин. нам попала вправо от дороги глиняная скала, высотой 50–60 футов. Она отстоит в 5 верстах от дьяня. Дальше в 4 верстах от первой скалы и в 9 верстах от дьяня находится вторая скала, немного пониже первой. С дьяня начинается холмистая местность, прекращаются большие долины. На горизонте к югу видны горы. Дорога

очень плохая. Всего проехали 29 верст от дьяня до Куфи, а от Янь-Дуня 52 версты. Куфи состоит из 5–6 дьяней – очень плохое селение. Жителей почти совсем нет, 3 дьяня брошены. Есть хороший колодезь с сернистой водой, непригодной для людей. Скот пьет довольно охотно. Все кругом пустынно и голо. [32]

[9 августа
31 верста
Куфи –
Са-чанза]

Выехали в 11 час. В 16 верстах был дьянь с колодцем. Вода сернистая. В 18 верстах от Куфи вступили в холмики. Через 100 сажень за холмиками началась долина, покрытая галькой. На 22ой версте начались опять холмики каменных пород. Общий характер дороги таков:

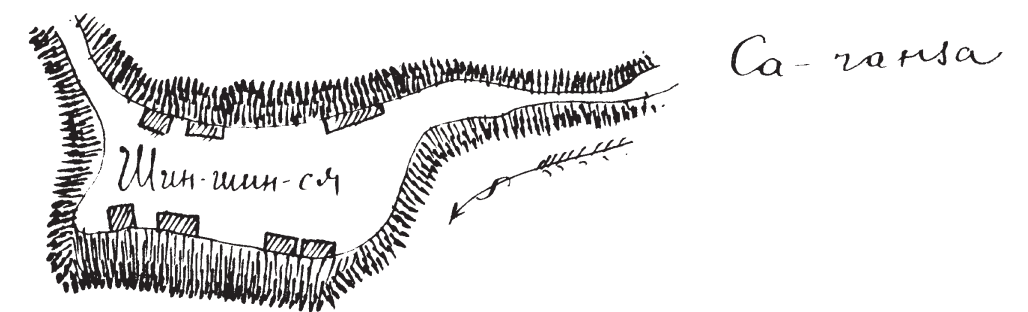
[32 об.]

Дорога от Куфи до начала гор (18 верст) песчаная, довольно тяжелая для обоза, а горами до самого станка Са-чанза довольно сносная, грунт крепкий, крупных камней нет. Всего проехали 31 версту. Вода в Са-чанза горько-соленая. Есть два колодца. Кругом каменные породы с малыми холмиками.

[10 августа
32½
версты
Са-чанза –
Шин-шин-ся]

Выехали в 8 час. 15 мин. Были маленькие холмики. В 11 час. 25 мин. в расстоянии 13 верст от Са-чанзы были в дьяне с хорошим колодцем; вода там довольно сносная, немного минеральная. Вблизи от дьяня есть подножный корм из камыша. Выехали из дьяня в 12 час. 20 мин. В 2 часа в 7 верстах от дьяня и в 20 верстах от Са-чанза холмы перешли в горы. В расстоянии 15 верст от дьяня и в 28 верстах от Са-чанзы мы прошли чрез высеченный в граните проход. Здесь стоит кумирня. Общий вид представлен на схематическом планчике. [33]

Маму-чунта

Этот проход довольно серьезный, очень узкий с большим подъемом и крутыми поворотами. Дальше дорога идет по выветрившемуся граниту и сланцу. До Шин-шин-ся 32–33 версты. Этот пикет находится между гранитными скалами, круто обрывающимися книзу. Общий вид дан на схеме. В этом селении прекрасный колодезь.

[11 августа
31 верста
Шин-шин-ся –
Маля-чинза]

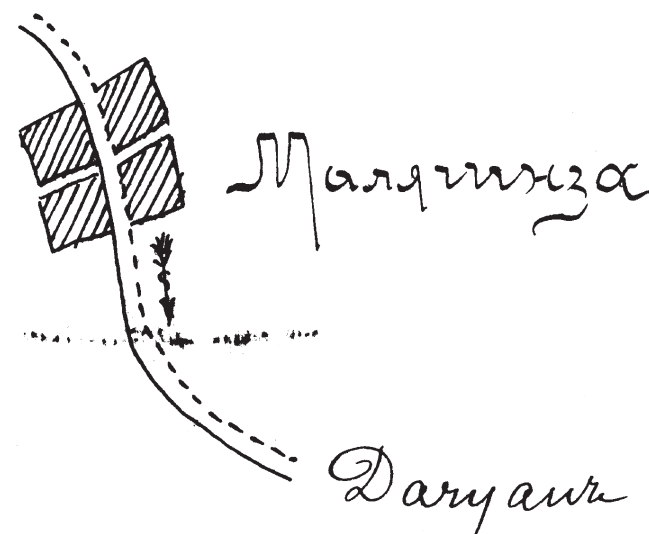
[33 об.]

Выехали в 8 час. 15 мин. Сначала дорога была сильно песчаная – очень тяжелая для фургонов. В 9 часов выехали в долину, – дорога сделалась немного лучше, грунт более крепкий. В 10 часов въехали в холмы, которые тянутся до развалившегося дяня, отстоящего в 18 верстах от Шин-шин-ся. Дальше дорога пошла по громадной ровной долине; она была довольно хорошая – крепкий грунт и отсутствие гальки.

Малячинза, куда мы приехали, – довольно маленькое местечко из 4 дяней, причем 2 брошенных. Там есть колодезь с приличной водой. Вблизи Малячинзы есть немного подножного корма, где пасутся 5 овец и 2 козлика. У китайцев имеется запасной рубленый чий для лошадей.

[34]

Селение Маля-чинза находится посередине большой равнины, которая тянется с самых развалин.

[12 августа
28 верст
Малячинза –
Дачуан]

Маля-чинза принадлежит к провинции Ганьсу. Здесь бумажные тезы Синь-дзянской провинции шли с большим трудом. Выехали в 8 час. 20 мин. Ехали сначала по равнине, покрытой кормовыми травами на протяжении 4-х верст. Потом началась галька на 7 верст, направо были горы, а налево была ровная долина с галькой. До гор налево считается верст – 20. На девятой версте горы уходят влево.

Мы въехали в огромную равнину. Дорога стала много лучше. В 11 час. 20 мин. в расстоянии 13–14 верст от Маля-чинзы встретили развалины бывшего дяня. Нашли следы бывшего колодца, засыпанного песком. На 18-ой версте мы переехали маленький хребтик шириною до 2-х верст с прилегающими холмиками. Холмы пересекли, и мы въехали снова в долину. Селение Дачуань состоит из 5 дяней, расположено также среди безжизненной пустыни. Здесь есть колодезь и ключ за селением около дороги. Вода средняя с малым количеством серы. Подножных кормов нет. Всего проехали 28 верст.

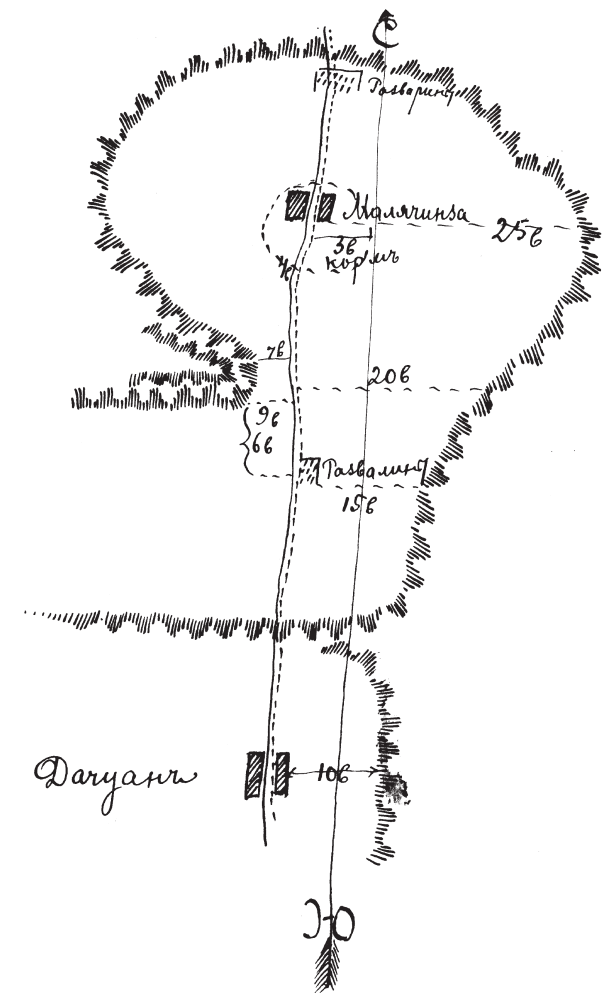
[13 августа
31 верста
Дачуань
Хунь-лю-юань]

Выехали из Дачуана в 8 часов 30 минут. Дорога была довольно хорошая. В 10-ти верстах от Дачуана проехали развалины бывшего дяня Са-чуань (малый ключ). Около этих развалин находится немного подножного корма. Здесь есть ключ, годный для питья. В 11 час. 50 мин. сделали остановку для лошадей. До этого места дорога шла по медленному подъему и была около 300 футов выше Дачуана. На 8 версте мы вступили в горы. Всего 4 маленьких долинки до Хунь-лю-юаня, прерываемые узкими хребтиками. Селение Хунь-лю-юань состоит из 5 дяней, из них 3 брошены и 3 кумирни, фотографические снимки которых находятся у Бориса Федоровича.

Вода там сильно сернистая, но вполне пригодная для питья. Хунь-лю-юань лежит в горах. Всего проехали 31 версту.

[14 августа
29 верст
Хунь-лю-юань
Бай-дунь-дзы]

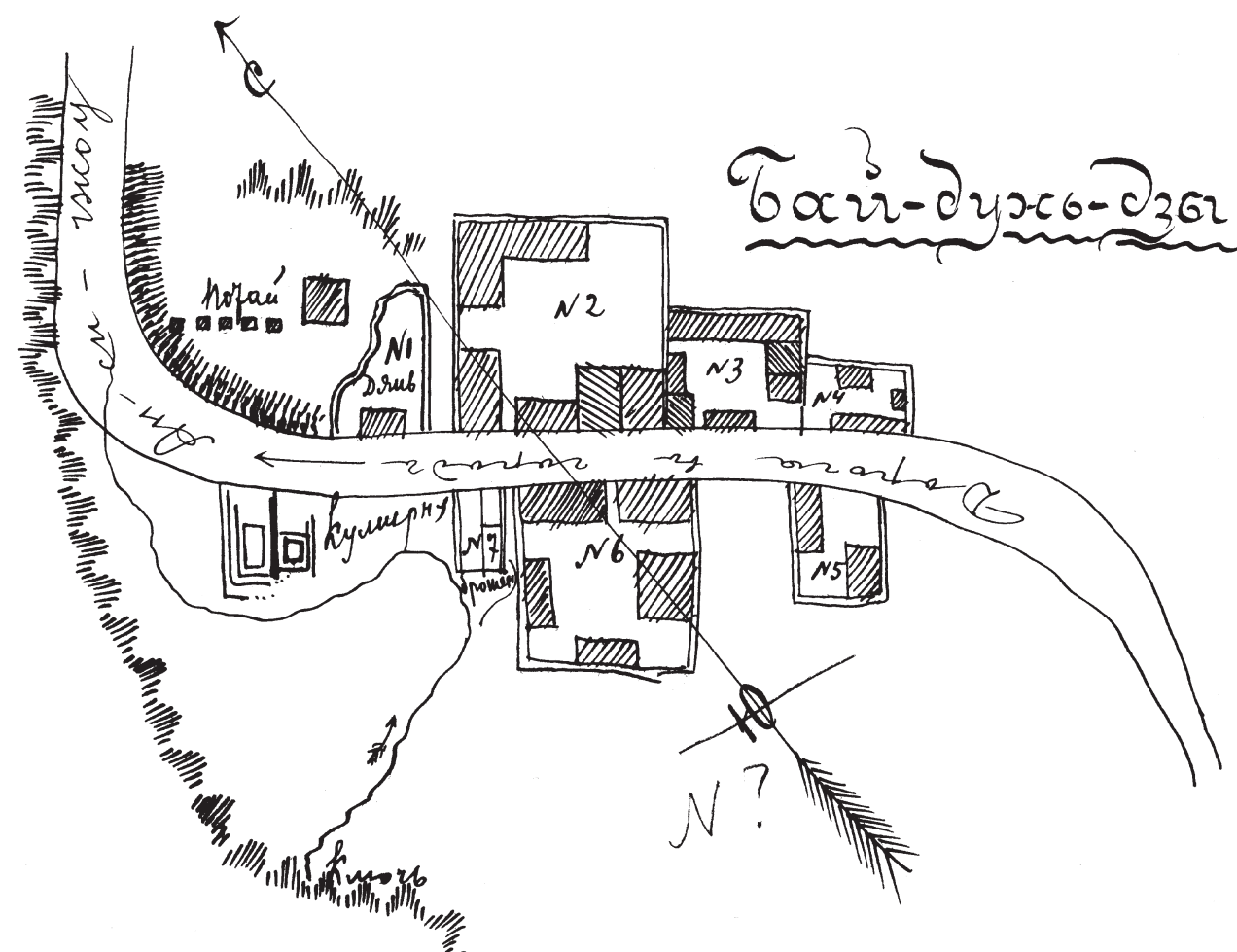
Выехали в 8 час. 7 мин. Дорога была средняя – преобладал песок. В 8 час. 30 мин. въехали в горы. Затем дорога изменилась – стала попадаться галька и невыветрившийся гранит. Около

[34 об.]

[35]

селения Бай-дунь-дзы находится камыш. В этом поселке есть ключ. Вода немного сернистая, которая действует как слабительное на желудок. Половина наших лошадей сильно испортили ею свои желудки. Всего проехали до Бай-дунь-дзы – 29 верст.

РАЗРОЗНЕННЫЕ ЧАСТИ
ОТЧЕТОВ И НАУЧНЫХ ТРУДОВ УЧАСТНИКОВ
РУССКО-ТУРКЕСТАНСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ
1909-1910 и 1914-1915 гг.

[15 августа
36 верст
Бай дунь-дзы
Ан-си-чжоу]

[36] Обоз выехал в 8 час. 15 минут, были 3 остановки: первая 6 минут, вторая – 10 минут и третий привал 20 минут. Приехали в Ан-си-чжоу в 4 часа. Всего проехали 36 верст.

На девятой версте проехали башенку около нее. На 1<-й> версте горы кончились и въехали в долину, которая имеет общий склон к Ан-си-чжоу. Перед самым городом переехали вброд реку Булуңдзир. Она, вследствие летнего периода, сильно обмелела и, благодаря лёссовым берегам, имеет мутную воду. Город очень маленький, величиной с Шихо. Базар незначительный. Торгуют больше грушами и арбузами. Есть много кумирен и одна из них буддийская. Ввиду того, что лошади сильно утомились за одиннадцатидневный переход, мы сделали дневной отдых.

[36 об.]

[16 августа] Здесь пришлось применить наши серебряные ямбы. Курсом 1 серебряный лан – 1500 ермаков. Дорога до Чан-фо-дуна без кормов, и нам было необходимо снарядить 2 арбы с клевером и фуражом. Куплено 150 снопов клеверу.

Среди архивных дел, содержащих документы по истории изучения Восточного Туркестана и Дуньхуана из собрания Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, особняком стоят «Разрозненные части отчетов и научных трудов участников Русско-Туркестанской экспедиции в 1914–1915 гг.», сохранившиеся в личном фонде руководителя Второй Русской Туркестанской экспедиции академика С.Ф. Ольденбурга¹. Особенностью этого дела является то, что документы, его составляющие, сохранились не полностью: в некоторых либо начало, либо окончание утеряны. Характер документов чрезвычайно разнится: официальные документы, маршрутные и дневниковые записи С.Ф. Ольденбурга и художника экспедиции С.М. Дудина, традиционные для путешественников, соседствуют с анализом методов археологической и искусствоведческой работы в Восточном Туркестане и замечаниями о военно-политической обстановке в регионе, а также с описями фотографий II РТЭ, составленными в соответствии с номерами пещер буддийского монастырского комплекса Цяньфодун вдовой академика, Е.Г. Ольденбург, не ранее 1938 г.

Личный фонд С.Ф. Ольденбурга поступал в Архив РАН частями на протяжении десятков лет, с 1934 по 1957 гг., поэтому материалы одного полевого отчета или доклада оказались разрознены по разным делам или вообще были утрачены². За исключением единственного раздела, составные части этого дела не имеют названий, возможно, потому, что они утеряны вместе с начальными листами. По этой причине названия для этих разделов даны публикаторами и взяты в угловые скобки.

Во введении С.Ф. Ольденбург говорит о начальном этапе путешествия. Интерес представляют два сюжета, затронутые в нем. Во-первых, в августе 1914 г. экспедиция пережила сильнейшее землетрясение. Землетрясение повлекло многочисленные разрушения археологических памятников Северо-Западного Китая. Это проявление сейсмической активности Синьцзяна оказалось важным не только как факт геологической истории Земли, но и как фактор, стимулировавший проведение срочных работ по поддержанию status quo памятников.

Прибыв в Китай, уже в Хами, в конце июля 1914 г., участники II РТЭ узнали о начавшейся Первой мировой войне и вступлении в нее России 1 августа, однако было принято решение не возвращаться на родину, а продолжать работу в Синьцзяне.

Следующий документ дела, условно названный «Делом о краже денег», отражает один из неприятных эпизодов работы экспедиции: кражу части денег из ящика с бюджетом экспедиции и попытку вычислить вора по отпечаткам летних туфель на снегу. В ходе Первой Русской Туркестанской экспедиции 1909–1910 гг. С.Ф. Ольденбург пережил нечто похожее: у него

¹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 182. 185 л.

² Тункина 2015: 20; Тункина 2016: 313–314; Tunkina 2015: 259.

был украден (пропал) револьвер¹. Конечно, такие случаи оказывали неприятное воздействие на ход работ, тем более что приходилось не только расплачиваться с рабочими, продавцами еды и хозяевами постоянных дворов, но и оплачивать покупки предметов древности. С.Ф. Ольденбург не указывает точную сумму, исчезнувшую из кассы, тем не менее проведенное следствие и факт наличия протокола допроса среди документов экспедиции показывают, что речь может идти о значительной сумме – от 200 до 300 лан.

Третий раздел дела, «От Чугучака до Чанфудуна», сохранился полностью. Он дает точную схему движения экспедиции с указанием пройденного расстояния между каждым пунктом, особенностей рельефа местности, наличия и проходимости дорог, источников воды и провианта, постоянных дворов, что в военном контексте важно как фактор, определявший скорость возможного передвижения войск по территории Северо-Западного Китая. Документ, составленный С.М. Дудиным, в значительной степени дополняет сведения из других архивных дел, которые позволяют в деталях реконструировать маршрут экспедиции.

Следующий раздел условно обозначен как «Маршрутное описание пути от Урумчи через Гучен и Баркуль в Хами».

Характер описания позволяет предположить, что характеристика обстановки потребовалась для оценки возможностей переброски российских войск из Туркестанского военного округа в Северо-Западный Китай.

Последний раздел дела – фрагмент доклада, посвященного некоторым итогам работ I РТЭ, сделанного в 1914 г. перед отъездом во II РТЭ, т. е. до 30 мая 1914 г. Из перечня сообщений в Восточном отделении Императорского Русского археологического общества, составленного С.А. Жебелёвым, известно, что в 1914 г. С.Ф. Ольденбург выступил с докладом «Обзор исследований северной и западной частей Китайского Туркестана в археологическом отношении»², который не был издан ни в полном виде, ни в виде резюме и не значится в списках трудов ученого. Скорее всего, публикуемые фрагменты являются подготовительными материалами к этому докладу. Связный текст, но без начала, заканчивается краткими тезисами о работах А. Стейна и резюме о несовершенстве методических приемов сбора и фиксации материала в ходе русских и зарубежных экспедиций в Китайский Туркестан. С.Ф. Ольденбург затрагивает важнейшие темы, неоднократно поднимавшиеся им и до начала работ, и после их завершения: губительность для археологических памятников грабительских раскопок, проводимых местными жителями, поверхностность большинства исследований из-за вынужденной спешки и непрофессионализма большинства путешественников по Восточному Туркестану. Он отмечает важность глубокой филологической подготовки участников экспедиций с целью научного комплексного исследования памятников, приоритетность картографирования и топографической фиксации руин, важность обязательной фото- и графической фиксации объектов, а также необходимость иметь достаточный запас времени для исследования определенных памятников.

¹ Бухарин, Камалов 2018: 567.

² Жебелёв 2017: 54, 146.

<Введение>

Археологическая экспедиция в Западный Китай, снаряженная Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в 1914–1915 гг., имела целью исследовать «Пещеры 1000 Будд» близ Дунь-хуана в Западном Китае около самой Великой Китайской стены и выехала из Петербурга 20 мая 1914 г. Определенная задача ставила экспедицию и в определенные условия – длинный путь, проходивший поперек значительной части Азии, не входил в задачи исследования, и поэтому на нем в общем не приходится останавливаться, так же как я не остановлюсь на обратном пути, во время которого был посещен Турфанский оазис, где были произведены некоторые проверочные работы по осмотру древних построек, пострадавших от землетрясений 1914 г., которые мы ощутили между Хами и Аньси на одной из стоянок. Земля колебалась под нами волнообразно, и в соседнем китайском заброшенном храме зазвенел колокол; в Турфане землетрясение много разрушило из старинных построек, с которых мы и сняли фотографии.

Не могу не отметить, что в Хами нас застала телеграмма с известием об объявлении войны. Возвращаться через всю Среднюю Азию, не сделав никакой работы, не имело смысла, и поэтому мы продолжили путь вперед.

20 августа 1914 г. в 2 часа 45 мин. мы подъехали к пещерам, художник С.М. Дудин и я, остальные наши спутники прибыли немного позднее; мы приступили к осмотру пещер, и наша работа началась. Через несколько месяцев мои спутники художник Дудин, архитектор Биркенберг и топограф Смирнов с частью казаков¹ выступили в обратный путь в Петербург, а художник Ромберг и я и двое казаков остались продолжать работу и вернулись уже только весной 1915 г., проведя почти год в экспедиции.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 182. Л. 16–17. Автограф С.Ф. Ольденбурга.

¹ Казачий конвой II РТЭ состоял из 7 человек и присоединился к экспедиции 14 июня 1914 г. в Чугучаке (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 179. Л. 2 об.; Д. 192. Л. 5–5 об., 71–72).

<Дело о краже денег>

Сегодня в 7¼ утра явился Черников¹ и доложил, что неизвестный вор, взломав окно в потолке и денежный ящик, утащил часть денег. Крепко спавшие казаки не слышали за стеною шума, также и вышедшие в 2 часа ночи Черников и под утро Гомонов² ничего подозрительного не заметили.

Урядник Горшков³ остался при ящике и поставил Гомонова сторожить проход на крышу, чтобы не замели следов от ног, обутых в китайские башмаки, которые видны были на снегу крыши. Прибыв немедленно с Б.Ф. Ромбергом, я осмотрел вместе с ними, Горшковым, переводчиком, Ахмед Джаном⁴ и китайцем, братом хозяина, место происшествия. Затем мною было осмотрено все помещение казаков и сартов, служащих у них, в присутствии Б.Ф. Ромберга и живущих в помещении, причем заранее предупредил казаков, что никаких подозрений против них не имею. Осмотр, как я ожидал, не дал никаких результатов. Я заявил китайцу, брату хозяина, что требую от него участия в розыскании виновных; как предварительную меру велел всем китайцам дать отпечатки ног на снегу; ни один след не совпал со следами на крыше. Прочие монахи и Ахмед Джан уехали в Дун-Хуан известить старшего монаха, и если понадобится, то и ди-фан-гуаня, о происшедшем. Совершенно ясно, что кража произведена не посторонним лицом, тем более что Горшковым было выяснено, что [...], как убедились сличением и Б.Ф. Ромберг, и я со следами на крыше, след летнего китайского башмака находится перед закрытой на замок дверью помещения № 163, где находятся капуста и тыквы китайцев. Все китайцы заявили, что у них нет подобных башмаков, но, конечно, не могли объяснить присутствие следов перед их помещением.

У ящика будет находиться бессменно часовой при заряженной винтовке, к ночи ящик будет перевезен в помещение казаков, где при нем тоже будет находиться по очереди один из казаков.

Дальнейшее будет зависеть от образа действий старшего монаха Ван-ши⁵. Украдено свыше 200 лан, менее 300 [руб.].

28 декабря 1914.

Чан-фо-дун.

Начальник Русской Туркестанской экспедиции академик Сергей Ольденбург.

Член Русской Туркестанской экспедиции Б. Ромберг.

4-й сотни 2-го Сибирского казачьего полка старший урядник Горшков.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 182. Л. 131–132. Автограф С.Ф. Ольденбурга.

¹ Черников, Тимофей (?–?) – казак, нижний чин казачьего конвоя II РТЭ.

² Гомонов, Захар (?–?) – казак, нижний чин казачьего конвоя II РТЭ.

³ Горшков, Матвей (?–?) – старший урядник 4-й сотни 2-го Сибирского казачьего полка, старший команды казачьего конвоя II РТЭ.

⁴ Тлеужанов, Ахмед-Джан (?–?) – проводник экспедиции, см. также выше.

⁵ Имеется в виду Ван Юаньлу; см. выше.

От Чугучака до Чан-фо-дуна

Г. Чугучак – в 18 верстах от русского укрепления – Бахты. В русском поселке имеются: консульство, почта и телеграф, отделение Русско-Азиатского банка, магазины, баня, постоянные дворы. В китайском городе – большой базар и китайские лавки. До пикета *Тоутай* – 22 версты дорога по глинистому грунту (летом – пыльная, но прочная; в распутицу – грязно и местами топко). Несколько больших арыков, местами кочки. На пикете вода арычная, годная для питья. Корм – подножный.

Тоу-Тай до Сетер 18 верст.

Дорога – по глинистому грунту. На 8-й версте переезд вброд через р. Эмиль. На пикете подножный корм. Вода – арычная, годная для питья.

Сетер – Курте. Дорога – по глинистому грунту. В Курте (деревня) небольшой базар, где можно достать фураж для лошадей (клевер и ячмень) и пищевые продукты (яйца, лепешки, баранину). Вода из речки, годная для питья. Несколько дяней.

<От> Курте до Сара Хулсына 25 верст.

(Хора Хул-сын, Шамал уртон) Дорога до половины пути по глинистому, местами кочковатому грунту, потом – по хрящеватому, очень прочному грунту. На пикете дьянь. Корм подножный. В дьяне бывает фураж. Пищевых продуктов нет. Вода арычная, годная для питья.

Сары-Хулсын – 25 верст. *Толу* (китайская деревушка). Дорога по хрящеватому грунту. На пикете несколько дяней. Можно достать фураж и пищевые продукты. Вода из ключа – хорошая.

Толу – 22 версты. *Ямоту* (китайское укрепление). Дорога по хрящеватому грунту. На пикете дьянь, где фураж бывает не всегда; пищевых продуктов нет. Подножный корм плохой и мало. Вода из речки хорошая.

Ямоту – 20 верст – *Кульденен*.

Дорога по ущелью каменная, но годная для тележного пути. Затем по выходе из ущелья по хрящеватому грунту, подъемы и спуски пологие. На пикете дьянь, где фураж бывает только зимой всегда. Пищевых продуктов нет. Вода из ключа хорошая. Подножного корма мало.

Кульденен – 22 версты – *Оту*.

Дорога – по хрящеватому грунту. Подъемы и спуски пологие. На пикете дьянь, где иногда (чаще зимой) бывает фураж. Пищевых продуктов нет. Подножный корм – в стороне от пикета. Вода из ручья солоноватая, но годная для питья и летом.

Оту – через 22 версты *Сарджан* – 21 версту – *Олон-булак* – 43 версты.

Дорога – по хрящеватому грунту. До Сарджана два крутых подъема и спуска. В Сарджане вода гнилая, солоноватая. В *Олон-булаке* – дьянь. Фуража и пищевых продуктов не бывает. Вода илистая, солоноватая, но годная для питья. Подножного корма нет.

Олон-булак – 30 верст – *Куль*.

Дорога в начале пути – по хрящеватому грунту, затем по солончаково-глинистому шоссе (в распутицу очень топкому). На пути много оводов, поэтому переезд необходимо совершать ночью. В дьяне летом можно достать клевер, а зимой клевер и ячмень. Пищевых продуктов нет. Вода из колодца илистая, солоноватая. Зимой соленый вкус почти совершенно незаметен.

Куль – 28 верст – *Чипенцзы*.

Дорога по солончаково-глинистому грунту. Много оводов. В дьянях можно достать фураж и пищевые продукты (лепешки, баранину, яйца, киргизские овощи и т. п.). Вода из речки Кейтым мутная, но вполне хорошая на вкус.

Чипенцзы – 22 <версты> – *Тхеуте*.

Дорога по солончаково-глинистому грунту, местами кочковатая. Много оводов. В дьяне ничего нет.

Тхеуте – 24 версты – *Шихо*.

Дорога по солончаково-глинистому грунту, местами кочковатая. У города на плотине (особенно в распутицу) очень топко. В Шихо много дяней и базар. Фураж и пищевые продукты достать можно в разное время (есть даже сахар, свечи стеариновые и т. п.). Вода из реки хорошая.

Шихо – 27½ <верст> – *Куйтунь*. Дорога до 10-й версты по глинисто-солончаковому грунту, потом по галешниковой россыпи, образованной разливами р. Кайтын. Через ее рукава приходится переезжать вброд, после – дорога идет снова по глинистому (такыр) грунту. На пикете несколько дяней. В одном из них колодец с хорошей водой. Фураж и пищевые продукты бывают, но не всегда.

Куйтун – 30 верст – *Янцыхой* (Янжи-хой).

Дорога по солончаково-глинистому грунту (в распутицу – местами совершенно непроезжая). На 12-й версте колодец с горьковатой водой. На пикете – дянь, где бывает фураж. Вода мутная, горьковатая.

Янцыхой – Сандохоза.

Дорога 14 верст по глинистому твердому грунту, потом 8 верст по зарослям карагача по мягкому грунту с рытвинами и ухабами, после чего несколько улучшается к деревушке Сандохоза. Несколько дяней, небольшой базар. Можно достать фураж и пищевые продукты (лепешки, яйца, баранину, овощи). Вода из пруда, наполняемого арыком, горьковатая.

Сандохоза – 15 верст – *Улан-Усу*, р. *Манас*. Дорога по мягкому глинистому грунту, затем до деревни перед Манасом (не доезжая 7 верст) по гатям среди камышовых зарослей, очень топкая¹. В деревне *Шиходзы* можно достать фураж и пищевые продукты. От Шиходзы до Манаса – 10 верст.

Переезжать р. Манас необходимо рано утром, когда вода стоит наиболее низко. Вozы приходится перегружать на специальную арбу.

До города Манаса от переезда верст от 4 до 7. В зависимости от места переправы, которое меняется довольно часто. В г. Манас большой базар, на котором достать можно все.

Г. *Манас*. До Лотон – 25 верст через деревни Даши-Хо, Лотон, Ту-ху-ку. От Лотон до хуторка Нань-са-дза – 15 верст. Дорога идет по мягкому лессу ([всегда почти] пыль и грязь в распутицу). В хуторе – колодец с солоноватой водой.

В деревне (1¼ версты от пикета) можно достать клевер и некоторые пищевые продукты (лепешки, яйца).

Нань-са-дза. 30 <верст> через Хотуба (15+15 <верст>). *Ухань-цза*.

Дорога по песковому грунту (в годы с сильным таянием снегов в горах – мелкие речушки, пересекающие дорогу от г. Манаса до Урумчи, своими разливами сильно портят дорогу и затрудняют проезд груженых телег). *Ухан-цза* – большая дунганская деревня. Несколько дяней. Вода пресная. Корм для лошадей и пищевые продукты.

Ухан-цза – 34 версты через Додихопу (15+19 <верст>) – *Урумчи*.

Дорога по лессовому грунту. Брод через 2 речонки.

Урумчи – 20 <верст> – *Гумиды* (Кумуди).

На 10-й версте *Читаун* (монетный двор, базар). Дорога по лессовому грунту. Вода, из речки, пресная. Несколько дяней. Корм для лошадей и пищевые продукты.

Гумиды – 40 <верст> – *Фукан* (село). Дорога по глинисто-солончаковому грунту. На полудороге дянь с колодцем с питьевой водой. В Фукане базар. Несколько дяней. Корм для лошадей и пищевые продукты. Вода из арыка, пресная.

Фукан – 20 <верст> – *Да Чуань* (дянь).

¹ На полях рукой С.М. Дудина карандашом сделана запись: «12 <верст> Шиходзы».

Дорога по солончаково-глинистому грунту (шор). Много переездов через арыки. Вода арычная, годная для питья. Корм для лошадей и пищевые продукты.

Да Чуань 22–23 <версты> через Цзи-ни Шуань до Курету.

Дорога по солончаково-глинистому грунту (шор), до *Цзы-ни Шуань* много переездов через арыки, причем на многих из них нет мостов. Дороги по более твердому грунту. В деревне можно достать корм для лошадей и пищевые продукты. Вода арычная, вполне годная для питья.

Курету – 30 <верст> – *Сантай* (деревня).

Дорога по лессовому грунту. Много переездов через арыки. В Сантае – базар. Несколько дяней. Корм для лошадей и пищевые продукты. Вода хорошая из арыка. По пути из Сантая и у самого Сантая несколько разрушенных кумирен с остатками скульптурных и живописных изображений¹.

Сантай – 28 <верст> – *Цзимеа* (Джемисар).

Дорога по лессовому грунту. В городе базар, на котором можно достать все. Вода арычная, вполне годная для питья (В [..]² верстах от города – монастырь с остатками древне(?) -буддийской скульптуры).

Цзимса – 36 <верст> – *Гучен*.

Дорога по лессовому грунту. Много переездов через арыки, особенно на первой половине пути. В Гучене – базар, где можно достать все. Вода из арыков, вполне годная для питья.

Гучен – 33 <версты> – *Читейсянь*. Дорога по глинисто-галешниковому грунту. На полпути – 2–3 дяня и колодец с хорошей водой. В Читейсяне – базар. Несколько дяней. Корм для лошадей и пищевые продукты. Вода из арыка вполне годная для питья.

Читейсянь – 27 <верст> – *Мулихе*. Дорога в 1-й половине пути по лессовому грунту, а во 2-й – по лессовому и черноземному грунту. Мулихе – большое село у горной речки с чистой хорошей водой. В базаре – несколько дяней. Корм для лошадей и пищевые продукты. Население смешанное. Китайцы и сарты.

Мулихе – 36 <верст> – *Санго-Чуанза* (Сяомагуанцзы). Дорога по глинисто-галешниковому и брекчиевому грунту. На пикете – дянь. Три колодца. В одном из них, содержанием опрятнее других, – вода чистая, годная для питья. Корма для лошадей и пищевых продуктов нет.

Санго-Чуанза – 45 <верст> – *Ташету*.

Дорога по брекчиевому с примесью глины грунту. На 32-й версте в ущелье – по каменистой россыпи. На пикете – ручей с илистой, солоноватой водой. Несколько китайских дяней. Подножный корм вверх по ущелью. У киргиз в горах можно достать баранов, но не всегда.

Ташету (Ташити) – 25 верст – *Туфи* (Кушуй). Подъем. Дорога по брекчиевому с глиной грунту. На 17-й версте – разрушенный импань с ключом с прекрасной питьевой водой (с легким серным запахом, от грязи на дне).

На 22 версте – перевал. С перевала – крутые и длинные спуски в обе стороны по узкому ущелью.

На пикете – два дяня. Вода из ключа горьковатая, но годная для питья. Корма для лошадей и пищевых продуктов нет.

Туфи (Тушуй) – 34 <версты> – *Чигичинза*. Дорога по узкому ущелью, каменистая. У станции Чигичинза грунт песчаный слабый, на станции дянь, импань, 2 колодца с солоноватой водой. Корма для лошадей и пищевых продуктов нет.

Чигичинза – 25 <верст> – *Чеголу*. Дорога сперва по рыхлому песчаному грунту, затем по небольшому подъему по брекчиево-глинистому грунту и, наконец, по каменистой россыпи среди

¹ Последнее предложение заключено в квадратные скобки.

² Пропуск в рукописи.

холмов. На станции – два дьяна и кумиренка. Два колодца. В одном вода соленая, но в том колодце, который за дьянями, – вода солоноватая меньше. Кормов для лошадей и пищевых продуктов нет.

Чеголу – 18 <верст> – *Иван-Чинза*.

Дорога по мягкому песчано-брекчиевому грунту. На 5-й версте 2 колодца с хорошей питьевой водой. На станции – дьянь. Импань и колодец со слегка солоноватой (годной для питья) водой. Корма для лошадей и пищевых продуктов нет.

Иван-Чинза. Лодун. Дорога – по увалам по брекчиевому мягкому грунту. В Лодуне (город) – несколько дьяней, базар. Вода из карызя и колодезная – хорошая. Корм для лошадей и пищевые продукты.

Лодун – 38 <верст> – Таранчи (Сандизи, Сандолинзы). Дорога – по пологим увалам по мягкому брекчиевому грунту. На 10-й версте – ключ с хорошей питьевой водой. На пикете – ключ с такой же водой. Дьянь. Корм для лошадей и пищевые продукты (в ограниченном количестве).

Таранчи – 23 <версты> – *Тогучи*. Дорога по мягкому брекчиевому и затем по лессовому грунту. На 14-й версте – ключ с питьевой водой. В Тогучи – речка с хорошей питьевой водой. Несколько дьяней. Корм для лошадей и пищевые продукты¹.

Тогучи – 23 версты – *Топули* (Сумкарга, Ту-фо-лу). Дорога по лессовому мягкому грунту. На 15-й версте деревня *Астана*, в которой корм для лошадей и пищевые продукты². Вода арычная, годная для питья. В *Топули* несколько дворов и дьяней. Вода из пруда, вполне годная для питья. Корм для лошадей и пищевые продукты (в ограниченном количестве).

Топули – 23 <версты> – *Хами*. Дорога – по галешниковой степи, прерываемой «шорами». В 8 верстах не доезжая до *Хами* – дьянь с мутной, но годной для питья арычной водой.

Хами. Город, большой базар, достать можно все. Есть кузнецы, плотники, колесники и т. п.

Хами – 28 <верст> – *Хуан Лукон*. Дорога сперва по мягкому лессовому грунту и брекчии, потом по мягкому песчаному грунту. На 20-й версте – дьянь с колодцем с хорошей питьевой водой. В *Хуан Лукон* вода горьковатая. Корм – в обоих дьянях. Пищевых продуктов нет.

Хуан-Лукон – 28 <верст> – *Чан-лю-шуй*. Дорога по мягкому шору, заросшему мелким камышом. В пути два колодца со сносной питьевой водой. На пикете – дьянь, импань, колодец с хорошей питьевой водой. Корм для лошадей. Пищевых продуктов нет.

Чан-Лю-Шуй – 28 <верст> – *Ян-дунь*.

Дорога верст 8 по «шору», затем по галешниковому и брекчиевому глинистому грунту. На 6-й версте – ключ с солоноватой водой. На станции – дьянь. Вода колодезная горько-соленая, негодная для питья. Корма для лошадей и пищевых продуктов нет.

Ян-дунь – 57 <верст> через *Кушуй*. Куфи. Дорога по галешниковому и брекчиевому глинистому грунту. На полпути – сторожка, воды нет (привозят из Куфи). На станции Кушуй – 3–4 дьяня и столько же колодцев. Вода летом горько-соленая, негодная для питья. Корма для лошадей и пищевых продуктов нет.

Куфи – 31 <верста> – *Сачанза*. Дорога сперва по брекчиево-глинистому, потом по песчаному грунту. На станции – несколько дьяней, 2 колодца и ручей. Вода в них во всех сернистая, негодная для питья.

Сачанза – 32½ <версты> – *Шиншинся*. Дорога до 10-й версты по песчаному грунту, а во входе в ущелье почти до стоянки – по каменистому грунту. На станции – 2 колодца с приличной водой. Несколько дьяней. Корм для лошадей не всегда. Пищевых продуктов нет.

¹ На полях карандашная помета рукой С.М. Дудина: «Тогучи – Селикколь 5 верст –?».

² На полях карандашная помета рукой С.М. Дудина: «до Тогучи на Астану 8 <верст>».

Шин-шин-са – 31 <верста> – *Малячинза*. Дорога до 10-й версты по твердому лессовому, иногда каменистому, грунту. Верстовой столб, обозначающий границу Синьцзянской провинции. Затем грунт дороги то твердый, то мягкий. На станции – два колодца с водой, илистой на вкус, но без привкуса соли. Корма для лошадей и пищевых продуктов нет.

Малячинза – 28 <верст> – *Да Чуань*. Дорога по глинистому, то твердому, то мягкому, грунту. На станции – 2–3 дьяня. Кумирня. Колодец. За станцией – 2 ключа с серным привкусом. Корм для лошадей бывает не всегда. Пищевых продуктов нет.

Да-Чуань (Да Юань) – 31 верста – *Хунь-лю-юань*. Дорога по глинистому то твердому, то мягкому грунту. На станции – дьянь, 2 кумирни. Колодец с водой с серным привкусом. Корма для лошадей и пищевых продуктов нет.

Хунь-лю-юань – 29 <верст> – *Бай дун дзы*. Дорога по галешниковому грунту, перебитому такырами и шорами. На станции – 2–3 дьяня. Ключ с сернистой водой, годной для питья. Корма для лошадей и пищевых продуктов нет.

Бай-дун-дзы – 36 верст – *Анси*. Дорога по галешниковому грунту, перебитому шорами и такырами. У города – брод через р. Булундзор. В городе – базар (небольшой). Корм и пищевые продукты. Несколько дьяней. Вода из реки мутная, но вполне годная для питья.

Анси-джоу – 22 <версты> – *Хваджа*. Дорога по лессовому, довольно твердому грунту. Много переездов через арыки. У станка (не доезжая 2-х верст) – два дьяня с колодцами. Вода в них горько-соленая, мало годная для питья. Корма для лошадей и пищевых продуктов нет.

Хваджа – *Тан-фи-чинза* через *Лу-Соголон*. Дорога – то по мягкому лессовому, то по щебенистому грунту. В Лу-Соголоне – ручей с горько-соленой водой. На станции – дьянь. Колодец с сернистой, очень дурной на вкус водой. Корма для лошадей и пищевых припасов нет.

Тан-фи-чинза – *Чанфудун*. До 10-й версты дорога по лессовому щебенистому грунту, затем по глинистому грунту и, наконец, по сыпучему песку до входа в ущелье. На 12-й версте – колодец с иловатой, но пресной водой. На 18-й – арык с пресной водой. В *Чанфудуне* – речка, теряющаяся летом в песках при входе в ущелье, вода в ней – с большим содержанием глауберовой соли (зимой ее содержание меньше). В 15–17 верстах к востоку на р. [...] г. Дун-Хуан, в котором можно достать корм для лошадей и пищевые припасы (хлеб в лепешках, рис, баранину, чай, сахар, свечи и т. п.).

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 182. Л. 41–56.

Автограф С.М. Дудина (чернила, перо) с карандашной правкой и вставками автора на полях.

¹ Пропуск в рукописи. На русской 40-верстной карте южной пограничной полосы Азиатской России – р. Данхэ.

<Маршрутное описание пути от Урумчи через Гучен и Баркуль в Хами>

Политика Российской империи на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. в целом интенсивно рассматривается в современной историографии. Как глобальные, так и относительно частные вопросы истории продвижения собственных политических и экономических интересов России в регионе, столкновения интересов различных держав, военных столкновений, в том числе как несанкционированных проникновений России и Китая на территорию друг друга, так и совместных операций двух держав против общего неприятеля¹, культурной экспансии, в том числе взаимосвязь всех этих аспектов, постоянно получают подробное освещение на страницах российской и зарубежной печати.

Российская внешняя политика на дальневосточном направлении в конце XIX – начале XX в. характеризовалась осторожностью, стремлением соблюсти баланс сил, оберегая при этом свои экономические и территориальные интересы. При этом успехи и территориальные приобретения Японии уже в Третьей дальневосточной войне 1885 г., а затем и в ходе русско-японской войны 1904–1905 гг., аннексия Кореи в 1910 г. заставляли Россию по-новому воспринимать Японию – как мощную силу, способную определять повестку дня не только военными операциями, но и дипломатическими возможностями². Стремление же поддерживать дружеские отношения с Китаем, основанные на взаимных уступках в начале XX в., видно, в частности, из позиции России, занятой при обсуждении Цицикарского протокола 1911 г.³

При этом отношения между Россией и Китаем, конечно, отягощались рядом проблем. После падения Цинской династии интенсифицировалась борьба соседних держав за преобладание в Монголии. Россия в этой борьбе оказалась сильнее⁴: по соглашению от 21 октября 1912 г. именно Россия гарантировала автономию Монголии, а 5 апреля 1914 г. Китай был вытеснен из Урянхайского края, и Тува оказалась под российским протекторатом. Клубок российско-китайских противоречий в Монголии оставался к началу Первой мировой войны неразрешенным⁵.

На рубеже 1900-х – 1910-х гг. российская политическая элита высказывала совершенно определенные опасения в связи со столкновением экономических и политических интересов на Дальнем Востоке. 15 февраля 1910 г. депутат Государственной думы Н.В. Некрасов на заседании бюджетной комиссии произнес речь, в которой, в частности, сказал: «[...] и мы не можем предсказать, какую ответственную роль придется еще сыграть Сибири в том великом столкновении экономических и политических интересов, которое, несомненно, надвигается на нас с Востока»⁶.

Основное внимание историков Первой мировой войны приковано к западному направлению, в меньшей степени к кавказскому. Показательно в этом отношении следующее высказывание относительно места Дальнего Востока в исследованиях по истории Первой мировой: «Роль Китая в Первой мировой войне была забыта не только западными учеными, но и китайскими историками»⁷. Участие Китая в Первой мировой войне и в российской историографии считается «малоизученным вопросом»⁸. Тем не менее основные пункты истории Китая

¹ Например: Киселев 2012: 144–153.

² См., например: Мясников 2014а: 82, 86.

³ См. подробнее: Мясников 2014б: 327–342.

⁴ О центральном событии – захвате монголами г. Кобдо – см.: Арчимаева 2014: 39–41.

⁵ Синиченко, Изаксон 2016: 134.

⁶ Цит. по: Речи сибирских депутатов 1910: 89–90.

⁷ “China’s role in the First World War was forgotten not only by the Western scholars but also by the Chinese historians” (Alexeeva 2015: 44).

⁸ Смертин 2014: 173.

в связи с началом мировой войны общеизвестны: Китай 6 августа 1914 г. объявил нейтралитет, не присоединившись ни к одной из противоборствующих группировок. Однако в дальнейшем страна оказалась втянута в конфликт мировых держав. Пока Китай вел переговоры о вступлении в войну на стороне Антанты, Япония, стремясь вытеснить британское влияние из Китая¹, в ночь с 7 на 8 августа приняла решение о вступлении в войну, 15 августа предъявила ультиматум, 23 августа 1914 г. объявила войну Германии, а 2 сентября напала на ее владения на территории Китая в провинции Шаньдун. В январе 1915 г. Япония выдвинула Китаю ультиматум – «21 требование». Китай не получил поддержки от США, Англии и Франции и, оказавшись перед сложным геополитическим выбором, 9 мая 1915 г. был вынужден признать с определенными оговорками претензии Японии, а затем и присоединиться к антигерманской коалиции: с января 1917 г. Китай отправлял в союзные державы, в том числе и в Россию², рабочую силу, в марте 1917 г. Китай разорвал дипломатические отношения с Германией, а в августе 1917 г. под давлением Японии и США официально вступил в Первую мировую войну на стороне противников Германии.

Не будет, однако, преувеличением сказать, что за фасадом этих масштабных событий немало обстоятельств, так или иначе влиявших на ход российско-китайских отношений, до сих пор оставалось «за кадром». В частности, положение дел в Синьцзяне в предвоенный период и в первые недели после начала Первой мировой войны едва ли можно считать совершенно выясненным и не нуждающимся в дальнейшем исследовании. Между тем Синьцзян – важнейший регион в истории отношений России и Китая. Важность его объясняется не только наличием общей границы, но и иными обстоятельствами: Северо-Западный Китай граничил не только с Россией, но и с Монголией, и в случае неблагоприятного для России развития событий он мог послужить путем переброски войск в северном, западном и в северо-западном направлениях.

Важно отметить, что политические и военные столкновения, экономическая конкуренция не исчерпывали форм соперничества между заинтересованными странами, развивавшего преимущественно в Маньчжурии и приморских провинциях Китая. В Северо-Западном Китае соперничество великих держав происходило также и в научной сфере. Так, Россия и Германия не сумели договориться о сферах раздела областей для проведения археологических раскопок. Идеалистические планы организации совместных экспедиций и исследования древних и средневековых памятников Синьцзяна в реальности уступили место погоне за артефактами. Российские археологи обвиняли коллег из Германии в нарушении ранее достигнутых договоренностей, вторжении на территорию, зарезервированную для российских исследователей, и ведении раскопок не столько с научной целью, сколько с целью заполнения наиболее броскими экспонатами музейных залов в Берлине. Германские коллеги упирали на то, что если та или иная договоренность и была нарушена, то только по причине неясных устных формулировок и их неоднократного пересмотра и того, что российская сторона и сама виновата в подобного рода провокациях³.

Российско-германское соперничество в научной сфере развивалось на фоне конкуренции в этой же области и между другими странами. Так, английские исследователи, в частности Е.Д. Росс и М.А. Стейн (последний внес значительный вклад в развитие археологического

¹ Тихвинский 2006: 160.

² См.: Дацышен 2007: 49–58. В статье на конкретных примерах показывается, что использование труда китайских рабочих в России имело более глубокую историю и восходит к 1870-м годам, однако именно Первая мировая война значительно интенсифицировала китайскую иммиграцию в Россию и придала ей практически официальный характер.

³ См. подробнее: Bukharin 2019: 85–102.

исследования Северо-Западного Китая и справедливо считается одним из основателей дуньхуановедения), как следует из частной переписки между ними, считали территорию, на которой им приходилось работать, «своей», и проезд через нее японских исследователей, в частности Тачибаны Цуичо – молодого коллеги и спутника графа Отани, – вызывал у них ярко выраженное раздражение¹.

В связи с постоянным наличием угроз перерастания локальных российско-китайских столкновений в полномасштабные, возможным развитием конфликтов не только с Китаем, но и с другими державами на китайской территории, вовсе не праздными выглядят усилия российских консулов и сотрудников российских консульских учреждений по всестороннему изучению географии, демографии Китая – значительные области соседней державы представляли для российских дипломатов и военных *terra incognita*, а постоянные стычки в приграничных районах подталкивали их к сбору информации о китайском военном потенциале в подотчетных им регионах. Так, в связи с обострением ситуации в Тарбагатайском округе в июле 1900 г. чугучакский консул С.В. Соков² сообщал в МИД сведения о численности китайских войск, их вооружении и дислокации. По данным российских дипломатов, военные приготовления проводились китайскими властями не только в Чугучакском, но и в Алтайском округах. Параллельно сбор сведений о китайской армии в приграничных районах России и Китая вела и японская разведка. Обострение русско-китайских отношений в связи с боксерским восстанием вызвало необходимость наращивания российской военной группировки у границ Китая в полосе синьцзянского участка границы. В 1900 г. в приграничном русском Хоргосе был развернут экспедиционный отряд (Джаркетский отряд) от войск Туркестанского военного округа для возможных действий в сопредельном Синьцзяне³.

Характерным примером взаимодействия в кризисной обстановке русских дипломатов и военных явился «Отчет по объезду округа консульства в Кашгаре, совершенному секретарем консульства», подготовленный секретарем русского генерального консульства в Кашгаре М.И. Лавровым.

Поездка М.И. Лаврова по консульскому округу состоялась 21 декабря 1904 г. – 14 апреля 1905 г. В период поездки Лавров в течение 84 дней покрыл расстояние в 2886 верст. Как отмечал сам Лавров, он был первым европейцем, которому удалось посетить ряд местностей на маршруте поездки (к примеру, от переправы в Татране через Черчен-дарью до Кечика)⁴. В коллекциях российских архивов имеются и другие аналогичные документы, многие из которых до сих пор остаются не введенными в научный оборот⁵.

Деятельность российских консулов по географическому изучению территорий и местностей Китая не ограничивалась Северо-Западным Китаем и распространялась на другие сопредельные регионы – Монголию и Маньчжурию. Особый интерес представляли районы, в которых наблюдалась повышенная активность японской и китайской разведок. Неудачный исход русско-японской войны во многом способствовал усилению такой деятельности. Одной из основных форм ведения разведки на дальневосточном театре после русско-японской войны стала нелегальная разведка, что потребовало развития более совершенных способов сокрытия разведывательной деятельности. В этой связи широкое распространение получили такие способы прикрытия разведывательных операций, как миссионерская деятельность и научные экспедиции, в том числе и археологические.

¹ Galambos, Kōichi 2012: 116.

² Соков, Сергей Васильевич (1863 – ?) – в 1909–1914 гг. генеральный консул Российской империи в Кашгаре.

³ Галиев 2010: 93–95.

⁴ Лавров 2018: 39–205.

⁵ Например, Строковский 1911.

Положение в Синьцзяне накануне Первой мировой войны отражало общее состояние международной обстановки на Дальнем Востоке. При общем относительно мирном характере международных отношений существовавшие противоречия между Россией, Китаем и Японией не были окончательно урегулированы. В период после русско-японской войны международные отношения на Дальнем Востоке непрерывно осложнялись внутривосточными событиями в Китае и вокруг Монголии, что объективно требовало от русской дипломатии и военных постоянной готовности к реагированию на кризисную обстановку в условиях различных геополитических и стратегических сценариев. Для эффективной внешней и оборонной политики на Дальнем Востоке российским внешнеполитическому и военному ведомствам требовалась достоверная и полная информация о наиболее значимых военно-политических и стратегических событиях в странах региона и на территориях Китая, Монголии и Кореи, непосредственно прилегающих к русской дальневосточной границе.

В качестве примера этой совместной работы внешнеполитического и военного ведомств России по изучению дальневосточного региона можно привести один редкий и малоизвестный документ, который имеет непосредственное отношение как к истории русского научного изучения Центральной Азии, так и к истории русской внешней и оборонной политики в отношении Китая. Рассматриваемый документ отложился в фонде академика С.Ф. Ольденбурга в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в деле «Разрозненные части отчетов и трудов участников Русско-Туркестанских экспедиций 1909–1910 и 1914–1915 гг.»¹. Исходя из содержания документа, его условно можно было бы назвать «Маршрутное описание пути от Урумчи через Гучен и Баркуль в Хами».

Летом 1914 г. академик С.Ф. Ольденбург развернул работы Второй Русской Туркестанской экспедиции, основная цель которой заключалась в исследовании пещерно-храмового комплекса Цянфодун близ Дуньхуана в провинции Ганьсу. Работа Ольденбурга и его коллег развивалась исключительно плодотворно, однако по условиям военного времени не могла быть осуществлена в полном объеме и была досрочно свернута в конце января 1915 г. Политика часто выступала определяющим фактором в развитии науки о Востоке, и часто, как это, к примеру, произошло в случае со Второй Русской Туркестанской экспедицией академика С.Ф. Ольденбурга, такое влияние политики на науку оказывалось негативным.

Публикуемый ниже документ сохранился в фонде С.Ф. Ольденбурга и относится к периоду работ II РТЭ. Он представляет собой описание рекогносцировки маршрута пути Урумчи – Хами. Рекогносцировка была проведена в связи с подготовкой штабом Омского военного округа серии военно-географических и статистических описаний округа и сопредельных территорий, предпринятой в рамках общей программы русского Генерального штаба по составлению подобных описаний применительно к приграничным военным округам (1908–1914). Как следует из начальной части текста, его составление диктовалось неназванными событиями 1907–1908 гг. Источником части сведений, приводимых в документе, явился китайский командующий кавалерийскими частями, т. е. лицо вполне компетентное и заслуживающее доверия.

Описание маршрута начинается с упоминания тех китайских воинских частей, которые прошли через Хами в Или (Кульджу). Затем автор суммирует данные о контингентах, прошедших в Гучен, Баркуль и Хами, причем добыты эти сведения были с 17 по 29 июля и в августе неуказанного года. Из дальнейшего следует, что автор совершил разведывательную поездку из Урумчи в Хами через Гучен и Баркуль. Подробному описанию района рекогносцировки и посвящен данный документ. Описываются географические и топографические условия местности, места стоянок, наличие продовольствия (с указанием цен), фуража, источников

¹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 182.

воды, время перехода от одной бивуачной стоянки до другой, характеризуется этнический состав населения.

Предполагаемая датировка документа 1909 годом основывается на ряде признаков. В тексте в частности, говорится: «Вышеозначенный Ван-чжан-хуа передал также, что в 35 году правления Гуань-суй придут в Хами на расквартирование 3 000 луцзюньских солдат из внутреннего Китая». Этот фрагмент позволяет «привязать» документ к определенной дате: тридцать пятый год правления под девизом Гуансуй падает на 1910 г.

Хотя текст упоминает «китайцев из партии гэ-мин-дан», а партия «Чжунхуа Гэминдан» была учреждена в июле 1914 г., в данном случае под гэ-мин-дан следует понимать революционеров вообще, безотносительно какой-то конкретной партии. Это обстоятельство также указывает на то, что события происходили в догоминьдановский период, т. е. до 1914 г.

С большой вероятностью авторство документа принадлежит подьесаулу 1-го Сибирского казачьего полка Георгию Николаевичу Путинцеву (1882–?), начальнику консульского конвоя при российском императорском консульстве в Урумчи (1909–1910). Это предположение основывается на следующих фактах. Прежде всего, автор документа является офицером. Документ составлен на профессиональном военном языке, что исключает возможность того, что авторство принадлежит гражданскому лицу, к примеру консулу. Подьесаул Г.Н. Путинцев сменил сотника И.В. Дорофеева в июне 1909 г. Среди отчетов Дорофеева за период пребывания в Урумчи не обнаружено донесений о совершенной им рекогносцировке маршрута Урумчи – Хами. Наконец, документ содержит одну немаловажную деталь – по тексту часто встречаются пояснения к китайским названиям в форме их перевода с китайского языка на русский. Это указывает на то, что автор в достаточной степени владел китайским языком. Известно, что подьесаул Г.Н. Путинцев еще до службы в Урумчи самостоятельно занимался изучением китайского языка. В 1910 г. он сдал в консульстве в Урумчи специальный экзамен по китайскому языку, за что получил от штаба Туркестанского военного округа премию в размере 360 руб. для дальнейшего изучения китайского языка и на приобретение учебных пособий¹.

Сведения, собранные Путинцевым, были использованы сотником И.В. Дорофеевым при составлении «Сборника маршрутов по Синьцзяну и Северной Монголии»². Сотник И.В. Дорофеев в 1906–1909 гг. командовал консульским конвоем при консульстве в Урумчи и отвечал за разведку в Западном Китае, снабжая информацией штабы Туркестанского и Омского военных округов. Вполне возможно, что Путинцев по просьбе Дорофеева совершил рекогносцировочную поездку из Урумчи в Хами с целью разведки маршрута и обновления сведений, которые были необходимы Дорофееву для работы над сборником маршрутов.

Документ отпечатан на машинке, текст имеет рукописную правку и вставки неустановленного лица, видимо, автора записки. Первый лист документа купирован в верхней части. Предположительно была удалена «шапка» документа – название должности и воинский чин составителя, дата, наименование органа военного управления, которому было адресовано донесение, и, возможно, гриф секретности. Кроме того, в документе отсутствует заключительная часть, которая относилась к оценке обрекогносцированного маршрута в военном отношении.

Отчет подьесаула Г.Н. Путинцева мог отложиться в фонде С.Ф. Ольденбурга при следующих обстоятельствах. В период пребывания Второй Русской Туркестанской экспедиции в июле 1914 г. в Урумчи консул А.А. Дьяков передал С.Ф. Ольденбургу отчет подьесаула Путинцева, в котором содержались топографические сведения и описание дорог в районе предстоящих

¹ Басханов 2018b: 470.

² Дорофеев 1910.

работ экспедиции. Сведения эти имели важное значение для организации движения экспедиционного отряда на участке Урумчи – Хами, а также для ведения полевых работ. В связи с тем, что документ являлся конфиденциальным и состоял на инвентарном учете в делах консульства, то Дьяков, при передаче Ольденбургу отчета Путинцева во временное пользование, высказал просьбу непременно вернуть документ по миновании надобности. В марте 1915 г. Дьяков выехал в Петербург и уже оттуда напомнил Ольденбургу о документе: «Листки мои с описанием характера пути от города Урумчи до города Хами не откажите прислать мне»³. По неизвестной причине отчет Путинцева так и не был возвращен С.Ф. Ольденбургом и впоследствии оказался среди других материалов в составе его личного фонда в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

* * *

[...] китайских войск в 1907 и 1908 годах, то вот точные данные, сообщенные лично мне в беседе – хамийским «ду-сы»³, командиром (шоу-бэй)⁴ кавалерии, г. Ван-чжан-хуа.

Во-первых, через Хами прошла в Или первая в минувшем году партия луцзюньских солдат – в 700 человек, вторая партия – в 800 человек, третья партия в 1 200 человек, четвертая партия – в 800 человек и пятая в 500 человек, а всего 4 000 человек. Конечно, каждая такая группа – вся за один раз – без значительнейшего транспорта пройти не может – по причинам, изложенным ниже. Отряд в 1 200 человек жил в Хами 4 месяца. Это, должно быть, – рекрута, приведенные майором Кунь-фу-таном и прибывшие в Урумчи. Вышеозначенный Ван-чжан-хуа передал также, что в 35 году правления Гуань-суй придут в Хами на расквартирование 3 000 луцзюньских⁵ солдат из внутреннего Китая.

Сведения о китайских войсках: 1) в г. Гучен добыты мной в начале июля сего года; 2) в Баркуль – добыты за время с 17 по 21 июля сего года; 3) в г. Хами – за время с 24 по 29 июля сего года.

Переходя теперь к обзору местности, по которой я проехал из Урумчи через Гучен, Баркуль в Хами, ее можно подразделить на три части, разные по степени населенности и свойству почвы. Во-первых, от Урумчи до станции Му-ли-хэ – это местность сравнительно населенная густо и орошаемая водой из арыков. Во-вторых, от Му-ли-хэ до Баркуля, собственно до урочища Кацзы (что в 15 верстах от Баркуля), – безжизненная степь «гоби». И в-третьих, от Баркуля до Хами сперва земледельческая полоса, затем предгорье, северная сторона Тянь-Шаньского хребта, покрытая елью и лиственницей, и отчасти березой, потом дорога идет через перевал Кошеты-дабан. Подъем вверх перевала облегчен устройством 22 откосов, огороженных перилами, или, иначе говоря, дорога идет зигзагообразно. От верхней точки перевала до пикета Наньшанькоу – сплошной спуск. Дорога хотя и колесная, но убийственная по обилию камней, вдобавок еле текущая небольшая – в то время – горная речка размывает дорогу. Но пушки по этой дороге провезти можно. От верхней точки дабана⁶ до пикета Наньшанькоу я положил, по времени езды, 15–18 верст. От Наньшанькоу до Хами около 60 верст. Это видно из того, что мы ехали до Хами 6 часов, выехав из Наньшанькоу в час ночи и приехав

¹ Текст цит. по: Бухарин 2018d: 597.

² Начало и конец документа отсутствуют. Пагинация машинописи, проставленная от руки неустановленным лицом, начинается 16-м листом и заканчивается 24-м листом.

³ Дусы (*кит.* 都司) – заместитель командира бригады в чине старшего капитана.

⁴ Шоубэй (*кит.* 守備) – помощник командира бригады по кавалерийской части.

⁵ Луцзюнь (*кит.* 陆军) – армия позднего цинского Китая, образованная после китайско-японской войны (1895), обученная и вооруженная по западному образцу.

⁶ Дабан (дабаан, даван) – монг.-тюрк. перевал.

в Хами в 7 часов утра, а ехали слишком быстро на выставленных Цинь-ваном¹ свежих лошадях. В Хами оказалась резкая перемена: от Баркуля дорогой через перевал было прохладно, а в Хами весьма жарко.

На карте² от г. Фоукана до г. Гучена отмечено семь речек, но на самом деле их не видеть, ибо вся вода из речек отведена в арыки, коих весьма много. Так, за один час дорогой из селения Саньтай в г. Цзимисар мы переехали 26 арыков. Почва на сельскохозяйственных участках – суглинок и лессовая, чернозема нет. Уезды Цзимисарский и Тученский богаты, пашень («ху-цзяр») много. В Цзимисарском уезде, как передали мне Тин-Гуань г. Вэй, около 20 000 жителей, а в стенах города – около 2 000 человек. Фоуканский уезд не так богат: в нем только 800 «ху»³ (то есть сельскохозяйственных участков), тогда как в Гученском уезде 3 600 «ху». От Гучена в селение Читэй сначала идет гоби и только около Читэй находятся пашни, хотя в этом пункте воды немного. Далее от Читэй в селение Мулихэ дорога идет сперва по каменистому грунту, в 15 верстах от Читэй есть деревушка под названием Сицзырь и небольшие пашни, затем – опять гоби, на середине пути – оазис и деревушка Дунь-чен-коу (где есть два колодца), затем – опять дорога пролегает по каменистому грунту и по ложбине между сопок, на коих китайцами посеяны маки и пшеница. В Мулихэ протекает вторая попавшаяся на пути речка (первая – вытекает из урочища Арасан, что в 7 верстах от Урумчи, и течет около дороги оттуда в селение Гумиди).

Выше было упомянуто, что от Мулихэ почти вплоть до Баркуля – безжизненная степь. Но здесь нужно оговориться, что среди таковой пустыни попадаются все-таки урочища, где проезжие могут остановиться, ибо имеются дьянь (постоялый двор) и вода. Так, на первой станции от Мулихэ к Баркулю, в селении Сань-гэ-цюань-цзы, есть три колодца, но воды в них мало: ее не хватит на 100 человек с лошадьми, если все сразу будут пить. На следующей станции Да-шитоу (в переводе – «большой камень») протекает ручей солоноватой воды. От Да-шитоу вплоть до станции Ци-ци-тай (в переводе – «высокий чий (трава)») нет пресной воды, а переход около 70 верст, нет отмеченных на карте (масштаб 40 верст в дюйме) фанз, вроде Сяо-шитоу, Са-пичоцза, фанзы теперь покинуты, и в них никто не живет; дорога идет крючками; в Цицицитае есть ключ пресной воды. Далее в 15–20 верстах от Цицицитае, в урочище Шагоу-цзынь (в переводе – «колодец в песчаном ущелье»), выкопан для поила верблюдов большой колодец с отличной водой, которая, оказывается, находится тут весьма близко от поверхности. На следующих станциях У-ту-шуй, Ла-ба-цюань и Ку-гэй-цюань имеются только дьянь и фанза для китайца, возящего почту. В селениях же Да-шитоу и Сань-гэ-цюаньцзы имеются два дьяня и, как сказано выше, по пикету в каждом.

В Баркуле воды пресной много, получается из колодцев. На первой станции от Баркуля в Хами – именно Кой-су – воду берут из колодца, а далее по дороге к станции в урочище Сунь-шу-тан (в переводе – «сосновый лес») попадают много горных ручьев, текущих с северного склона Тянь-Шаня от тающего снега.

В г. Хами протекает речка и воды достаточно.

Южной дорогой от Хами к Турфану встречаются, во-первых, два оазиса: это Сумкарга и Сань-дао-линцзы, где есть кишлаки (селения) и пашни, орошаемые водой из арыков, и, во-вторых, урочище Ляо-дунь, где пашен нет, а есть фанцзы. А далее вплоть до селения Чиктым безжизненная каменистая, а около Чиктыма – песчаная пустыня, хотя, конечно, имеются на больших расстояниях постоянные дворы (дьяни). Колодезная вода есть во всех дьянях

¹ Имя китайского уездного начальника.

² Здесь и далее автор ссылается на источник: Карта южной пограничной полосы Азиатской России. Лист XXI (Хами). Масштаб: 1:1 680 000. СПб., 1903.

³ Ху (кит. 戶) – семья, двор.

от урочища Ляо-дунь до Чиктыма; в последнем из-под китайского инпанчика, расположенного в стенах древней калмыцкой крепостцы, вытекает обильный ключ превосходнейшей воды. Между прочим в урочище О-тун-оцзы колодца нет, а есть ключ вонючей воды; путешественникам и кому придется – не рекомендуется пить эту воду, под опасением печального исхода, что со мной едва не случилось. В селе Чиктым начинаются знаменитые «карызы». Чиктымские пашни орошаются водами из 10 карызов, пичанские – из 16 карызов и одной речки; в селении Лямджин всего 25 карызов и две речки; в селении Астына (по-китайски: Сан-пу) 45 карызов и одна речка; в г. Турфан вода идет из 450 карызов и двух речек. «Карыз» – это система колодцев, внизу сообщающихся между собой узким каналом. Колодец при выходе воды на долину имеет глубину 2–3 аршина, тогда как последний колодец, который выкапывается возле гор, глубиной от 15 до 30 саженей. Вода течет в подземном канале (арык) снизу вверх, что объясняется напором подземных ключей.

Что касается фуража и сена, то от Урумчи до Гучена можно всегда достать пшеницу, отчасти ячмень и всегда горох («бурчак») и клевер («му-суй»). Эти же продукты имеются для продажи и в селениях Читэй и Мулихэ. Но от последнего до г. Баркуля летом пшеницы нет, а зимой изредка привозят ее на станции до Баркуля из Мулихэ, горох же всегда можно найти по этим станциям, клевера нет, а есть горная трава вроде моха и осока.

В г. Баркуль можно достать пшеницу, а ячменя весьма мало. В этом году едва ли можно будет покупать там в достаточном количестве последние продукты, ибо половина сельскохозяйственных участков в баркульском приставстве была поражена саранчой, что встречается довольно часто. В Баркуле имеется много камыша, на громадном пространстве растущего по восточную сторону Баркульского озера, а клевера нет. На станциях же от Баркуля до Хами: Кой-су, Сунь-шутташ и Нань-шань-коу путешественники могут приобретать для своих лошадей только горох и камыш. В городе Хами для лошадей можно всегда достать в изобилии горох, имеется пшеница, ячменя нет, а лошадей кормят камышом.

От г. Хами по южной дороге до г. Пичана ячмень и пшеница встречаются только на первых станциях: Сумкарга, Сань-дао-линцзы и Ляодунь, а далее все горох, клевера нет, а имеется солома. В г. Пичан для корма лошадей имеется пшеница, горох, гаолян и солома; в селении Астына можно всегда достать для лошадей пшеницу, ячмень и сено; в г. Турфан также можно всегда найти пшеницу, ячмень, горох, гаолян, клевер и солому.

Расценку фуража для корма лошадей в разных пунктах пройденной мной местности за июнь и август сего года имею честь представить в прилагаемой у сего таблице¹.

В городах Гучен, Хами и Турфан имеются телеграфные станции, а телеграфа от Гучена до Баркуля и от последнего до Хами нет.

Преобладающим элементом населения на северной дороге от г. Урумчи до г. Хами являются китайцы, преданные своему Богдохану; китайцев из партии «гэ-мин-дан» (революционеры) дорогой не встречал. В июле месяце встретил по дороге из Урумчи до станции Да-шитоу (что за Гученом) около 150 китайцев, идущих поодиночке, попарно и не более как вчетвером – из внутреннего Китая в «Шен-Чен» (то есть губернский город: Урумчи – тоже) на заработки. Со всеми разговаривал, то есть спрашивал, откуда, куда и зачем идут, – получал вежливые ответы. Только на тракте от селения Чиктым до станции Цигэ-цзынь, в горах, получил от встретившихся китайцев, едущих в сопровождении солдата, должно быть в Хами, – на мой вопрос: «Вы куда и зачем едете?» таковой ответ: «Ступайте вы своей дорогой, – а мы своей, вам какое дело, куда мы едем».

Дунган немного; сарты есть в Гучене.

¹ Абзац отчеркнут на полях, таблицы в приложении нет.

В г. Хами много китайцев и дунган, а более всего сартов («кумуллы»), подчиненных Цинь-вану.

Далее от Хами на южной дороге в таких пунктах, как Турфан, Астына, Лямчин и Пичань, преобладающее население сарты – турфанлыки.

В городах Фоукане, Цзимисаре, Гучене, Баркуле, Хами, Пичане и Турфане есть китайские базары. Причем торговля процветает в Гучене, Хами и Турфане. В частности, в Гучене имеются лавки урумчинских русских торговцев и проживающих там русскоподданных, коих всего в Гученском уезде около 100 душ. В г. Хами имеются две лавки урумчинских наших торговцев, в г. Турфане в августе месяце сего года я встретил около 20 русскоподданных, там имеется русский торговый старшина (аксакал).

Кочевников на пройденном пути не встречал. В указанных городах иностранцев или японцев нет.

Что касается самой вообще дороги, то от г. Урумчи до Хами дорога отличная – для проезда на телеге; арыки, попадающиеся на пути, неглубоки, и через них арбы отлично могут проходить. От Хами также до Турфана превосходно можно проехать на телеге, и от последнего – также до Урумчи, только в конце пути нужно будет ехать не через Даванчин-дабань, а южнее его вдоль речки Баян-хэ.

В заключение считаю долгом отметить, что пути от г. Хами до Пичана в данное время представляют в стратегическом отношении для [...]¹

*СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 182. Л. 83–91.
Машинопись с рукописной правкой неустановленного лица.*

¹ В этом месте текст обрывается.

<Сообщение об итогах работ в Китайском Туркестане в 1909–1910 гг.>¹

<...поте>ряли в значительной мере почву под ногами, т. к. туземец видит, что китайские власти не смеют отказать иностранному тюре², когда он занимается раскопками, которые часто приводят к разрушению зданий. Кроме мыслей о кладоискательстве на туземца действуют и обещания денежных наград за доставку предметов и рукописей, которые очень часто делают неосторожные путешественники, не отдавая себе достаточно отчета в том, каким образом будут добыты интересующие их предметы. Указанные обстоятельства должны были, казалось бы, показать путешественникам, что экстенсивным исследованием, при невозможности доводить работу до конца, при неизбежном предоставлении туземцу работать свободно кетменем, разрушая здания, планы некоторых не сделаны, наносится непоправимый вред научной обработке единственного в своем роде исторического материала. Обстоятельство это приобретает особенно серьезный характер, если принять во внимание, что при беглых описаниях древностей, неизбежных при применении экстенсивного метода исследования, точность и верность должны неизбежно страдать. Между тем, как я только что указал, очень часто вернуться во второй раз к исследованию того же памятника невозможно, ибо он исчезает навсегда, и таким образом остается лишь первое беглое, часто недостаточное и также часто неверное, описание.

Позволю себе подтвердить это на примере, который мне представляется особенно убедительным, так как в данном случае описание составлено таким первоклассным знатоком, как проф. Грюнведель, и, следовательно, дефекты описания могут быть объяснены исключительно недостатком времени: всякий, кому приходилось изучать полустертую фреску, пытаться читать надпись, от которой сохранилось лишь несколько очертаний, отлично знает, что лишь путем самого упорного всматривания, постоянно повторяемого, удастся разобраться в плохо сохранившемся памятнике. К северу от местечка Караходжа у входа в ущелье, в местности Сенгимаг'ыз (Сенгимаг'зы), находятся остатки небольшого храма, обозначенного Клеменцом и Грюнведем как № 1³. Коридор, идущий вокруг среднего помещения, на левой своей стороне (от идущего) заключает серию 20 будд, так называемые сцены *pranidhi*⁴, т. е. сцены обетов, данных какому-нибудь будде буддой *Śākyamuṇi* в одном из его прежних перерождений. Эти серии, которые очень удобны в декоративном отношении, излюблены иконописцами Китайского Туркестана для пещер и храмов. Профессор Грюнведель указывает на желательность определить лишь отдельные фигуры серии; надписи, очень пострадавшие (их вырезали, по-видимому, европейцы), позволяют даже при довольно беглом чтении определить имена будд: *Brahmakṣematkaḡa*, *Paṣra*. Несомненно, что еще несколько имен поддались бы чтению, и тогда, при помощи книжных источников, была бы восстановлена вся серия.

У профессора Грюнведеля мы встречаем важное указание, что на восточной стене, где видны остатки цоколя для скульптурной фигуры, была помещена сцена, служащая фоном для скульптурной фигуры; он справедливо замечает, что подобное соединение лепной фигуры с фреской часто встречается в Турфане. Но в данном случае мы имеем дело с двумя сценами,

¹ Сохранившаяся часть публикуемого документа имеет собственную пагинацию листов, проставленную С.Ф. Ольденбургом, – с 13 по 22 и далее пронумерованные автором листы с набросками тезисов выступления.

² Тюря (тюре) – обращение, которое тюркское население Русского и Китайского Туркестана использовало по отношению ко всем русским официальным лицам, подобно как в Британской Индии любой англичанин именовался *сахиб* («господин»). Среди мусульман этот титул мог носить только потомок пророка Мухаммеда, чье происхождение подтверждено документально.

³ В Сенгим-агызе I РТЭ работала по следам исследований Д.А. Клеменца, А. Грюнведеля, А. Ле Кока.

⁴ См. по данному вопросу недавние работы: *Konczak 2012: 43–75; Murakami 2017: 1031–1038.*

по обе стороны лепной фигуры; сцена эта имеет каждая свою центральную, живописную фигуру. Оговариваемся, что фрески настолько разрушены, что мы только после нескольких дней самого тщательного рассматривания могли различить центральные фигуры. Переходя к внутреннему помещению, мы должны, прежде всего, указать, что от многочисленных надписей, о которых говорит профессор, сохранились лишь жалкие остатки, которые лишь при упорной работе дали некоторые результаты, не лишённые интереса.

Профессор Грюнведель не говорит подробнее о надписях, указывая, что о них будет писать доктор Хут¹, их сфотографировавший и списавший. К сожалению, и теперь, через 11 лет после экспедиции², надписи эти не изданы и, несмотря на тщательные розыски профессора Грюнведела и мои, никаких следов этих фотографий и списков не найдено; правда, что фотографии мало могли дать при отсутствии специальных приспособлений и что доктор Хут не был ни опытным эпиграфистом, ни опытным фотографом; тем не менее, нельзя не жалеть глубоко об этой пропаже.

Из надписей профессор Грюнведель касается только помещённых на западной стене. Он видит в них лишь имена прежних будд, из которых некоторые действительно читаются на маленьких картушах, изображённых рядом с фигурами будд. При внимательном, однако, рассмотрении надписи оказываются гораздо более любопытными. Считаю нужным указать, что мне потребовалось несколько дней, чтобы понять изображения на этой стене, и что я разобрался лишь в части изображений. Кроме изображений будд на той же стене помещены небольшие алтари, на которых лежат книги – продолговатые с перевязями, как индийские и тибетские рукописи, и около них картуши с заглавиями. Стены очень пострадали (увы, и от европейцев), и мы с уверенностью могли прочесть лишь два заглавия буддийских книг *Attaravibhāṣā* и *Paramārthasaptāti*, начало одного: *Bhāṣa...* и конец другого: *śāstra*. Вероятно, что на этой стене были изображения особенно почитаемых книг и их заглавия. Наши более счастливые путешественники, вероятно, могли бы, уделив достаточно времени надписям (потребовалось бы его, конечно, немало), прочесть много ценного, что теперь погибло безвозвратно.

На той же стене у очень испорченного изображения *caitya* я прочитал (не без сомнений, впрочем) *Kaṇiṣkaḡā[.]*, т. е., по-видимому, название знаменитого буддийского царя, эра которого до сих пор представляет жесточайшую головоломку для индианистов. На восточной стене профессор Грюнведель в средней ее части не указывает надписей, между тем они есть, и тоже весьма любопытные: это серия буддийских технических терминов, которые носят названия *Dharmasamgraha*, *Dharmaśaṅga*. Мы имеем, по-видимому, и начало текста, т. к. стоит «*Buddhobhagavāṃ*» «Будда-Господь».

К сожалению, надписи очень пострадали, и на разборку немногочисленного оставшегося пришлось затратить немало времени. Много еще читается из остальных надписей, хотя и с трудом. Судя по калькам профессора Грюнведела, надписи хорошо читались в 1902 году. Теперь это уже *disiecta membra*³.

В отчете профессора Грюнведела совсем не упоминается о поле, между тем этот пол – живописный – чрезвычайно любопытен, он представляет собой одну из обычных композиций подобного рода полов буддийских храмов и пещер: пруд, из которого выступает лотос с фигурой

¹ Хут, Георг (Huth, Georg; 1867–1906) – немецкий востоковед – монголовед, синолог, индолог, тибетолог, специалист по центральноазиатской эпиграфике, сотрудник Королевского этнографического музея в Берлине, участник Первой Прусской Императорской Турфанской экспедиции А. Грюнведела (1902–1903).

² Соответственно, речь идет о 1914 г. – времени составления документа: 11 лет С.Ф. Ольденбург отсчитывает от 1903 г. – времени завершения работ Первой Прусской Императорской Турфанской экспедиции.

³ Сломанные члены, «отрезанные ломти» (*лат.*).

будды или бодисатвы, а в пруду плавают рыбы и утки, на нем покоятся лотосы и лотосные листья. В данном случае фигура бодисатвы (мы предполагаем по некоторым найденным нами остаткам, что центральная, лепная фигура была не будды, как предполагает профессор Грюнведель, а бодисатвы, вероятнее всего *Avalokiteśvara*). По бокам пьедестала на полу в картушах особой формы подражание китайским иероглифам: ни проф. А.И. Иванов¹, ни В.М. Алексеев², ни проф. Пеллио, которым мы показали эти части пола, привезенные нами в Петербург, не могли прочесть этих иероглифов и считают их лишь орнаментальным, стилизованным изображением. Пол до нас был кем-то сильно взломан, и земля у пьедестала прокопана до значительной глубины; на глубине 1½ аршина³ мы нашли листок из рекламного издания «<Посмертных> записок Пиквикского клуба», который туземцы радостно приветствовали как «хат» – рукопись⁴. Сам профессор Грюнведель, как сообщил нам, в храме не копал. Мы имели возможность уделить этому замечательному маленькому храму, воздвигнутому, может быть, индийскими монахами, только неделю, все же значительно больше, чем мог ему уделить профессор Грюнведель вследствие экстенсивного метода исследования.

Выбранный нами пример, из которого видно, насколько существенны эти добавления, которые могут быть сделаны при детальном изучении отдельного памятника, особенно в связи с тем, что было только что сказано об отношении туземцев к древностям, как кажется, с полной убедительностью доказывает необходимость изменить применявшийся и, увы, применяемый до самого последнего времени прием исследования. Ведь теперь при наличии даже наилучших специалистов (а ведь почти все лица, ездившие в Китайский Туркестан, не специалисты по буддийскому искусству или эпиграфике) у нас никогда нет уверенности, что все существенное отмечено при описании, проверка же часто, повторяем, становится невозможной вследствие исчезновения памятников.

Рассматривая результаты германской экспедиции 1902–1903, мы сталкиваемся еще со следующими двумя обстоятельствами, которые необходимо отметить: отсутствие инструментальной съемки и малое применение фотографий. Несомненно, что эскизы, планы профессора Грюнведела как таковые превосходны, как превосходны и его рисунки, но в спорных вопросах, а такие всегда и неизбежно явятся при повторных исследованиях, необходим материал с механическим воспроизведением и с инструментальной проверкой. Особенно приходится пожалеть об отсутствии плана Идикут-Шари, где германские экспедиции работали долго и все больше и больше распахивается город.

Громадны заслуги Грюнведела по отношению к фрескам, в его последней книге⁵ особенно собран громадный материал, важный особенно для композиции, привезенные образцы дают материал для суждений о стиле.

Итоги: собран богатейший материал, обнимающий время примерно XI–XV вв., туземный, индийский, уйгурский, китайский, иранский.

¹ Иванов, Алексей Иванович (1878–1937) – синолог, тангутолог, доктор китайской словесности (1913), экстраординарный профессор китайского и маньчжурского языков факультета восточных языков Петербургского университета (1913–1915).

² Алексеев, Василий Михайлович (1881–1951) – филолог-китаевед, коллекционер китайских лубочных картин; член-корреспондент РАН (1923), академик АН СССР (1929). С 1918 г. старший ученый хранитель Китайского отдела Азиатского музея РАН, доцент (1917–1918), профессор (с 1918) кафедры китайской словесности факультета общественных наук Петроградского университета, профессор ЛГИЛИ – Географического института, ЛВИ, РИИИ; действительный член Коллегии востоковедов (с 1921) и Института по изучению литератур и языков Запада и Востока.

³ Т. е. 1,06 м.

⁴ Об этом С.Ф. Ольденбург с иронией пишет в экспедиционном отчете: Ольденбург 1914: 39–40; Тункина 2016: 327.

⁵ Имеется в виду работа Grünwedel 1912.

Мало планов, нет цельных описаний, на каждом шагу вопросы из-за недоделанности, никакой согласованности.

Desiderata¹: карта, карты, выяснение путей, исторический материал, хронологические вехи, выяснение местоположения древностей. Светская архитектура, духовная, выяснение характера памятников.

Штейн² 1906–1908, 1913 (?)

Имел топографа, сам знал съемку, археолог, хороший фотограф. Но его интересовали находки, с одной стороны, географическая сторона, с другой.

Способ раскопок: туземцы копают, что находят – приносят.

Кора

Не смотрел Турфана и Кучара, потому что исследовано.

Калпын

Подведение итогов исследования пока, конечно, преждевременно, так как и в настоящее время в Китайский Туркестан отправляются экспедиции; там еще находятся исследователи, а другие только что вернулись или возвращаются оттуда. Если тем не менее я позволил себе предложить вашему вниманию мое сообщение, то я имею в виду, что необходимо для правильной оценки того материала, чрезвычайно богатого и разнообразного, который дал уже Китайский Туркестан, получить ясное представление о том, как он собирался.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 182. Л. 118–130.

*Автограф С.Ф. Ольденбурга (перо, чернила)
с правкой и вставками автора чернилами и карандашом.*

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА В ПИСЬМАХ

¹ Желаемое; то, чего недостает (*лат.*).

² Имеется в виду М.А. Штейн.

ПИСЬМА Р. ПИШЕЛЯ В.Р. РОЗЕНУ

Научным биографиям и роли профессора-индолога Рихарда Пишеля (Richard Pischel; 1849–1908) и академика-арабиста Виктора Романовича Розена (1849–1908) на страницах предыдущих выпусков «Восточного Туркестана и Монголии...» внимание уже уделялось¹.

В.Р. Розен был не только выдающимся ученым, но и организатором науки – управляющим Восточного отделения Императорского Русского археологического общества (1885). Барон, тайный советник Розен в 1890 г. был избран ординарным академиком Императорской Академии наук. В 1893 г. он стал деканом факультета восточных языков СПбУ (1893)².

Р. Пишель в 1886–1902 г. являлся директором библиотеки и управляющим «Германского восточного общества» (Deutsche Morgenländische Gesellschaft) – наиболее авторитетного научного общества Германии в области востоковедения. Наряду с Э. Куном (Ernst Kuhn; 1846–1920), А. Грюнведем и Э. Лейманом (Ernst Leumann; 1859–1931) Р. Пишель был избран представителем Германии в Международной ассоциации для изучения Центральной и Восточной Азии, сформированной в 1899 г., а в 1903 г. он был назначен председателем берлинского Турфанского комитета. Аналогичную должность в России занимал В.В. Радлов, однако вес Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии был выше, так как именно Русский комитет являлся центральным координирующим органом всей Международной ассоциации.

Наряду с генеральным консулом Российской империи в Кашгаре Н.Ф. Петровским (1837–1908) барон Розен стоял у истоков собирания и исследования материальной культуры Восточного Туркестана. Именно через В.Р. Розена в письме от 15 декабря 1892 г. Н.Ф. Петровский привлек к исследованию этого региона только начинавшего свой путь в большой науке приват-доцента Санкт-Петербургского университета С.Ф. Ольденбурга³.

Письма Р. Пишеля к В.Р. Розену ценны уже тем, что показывают: исследование Восточного Туркестана силами российских и немецких экспедиций основывалось на прочном фундаменте длительных контактов, личной заинтересованности во взаимном успехе. В отличие от переписки Р. Пишеля с В.В. Радловым, насыщенной сведениями по целому спектру направлений, письма Пишеля к Розену, казалось бы, беднее. Действительно, в основном они строятся вокруг благодарности за присылку очередных выпусков «Записок Восточного отделения

¹ Бухарин 2018с: 287–299; Бухарин, Тункина 2018а: 83–197.

² См.: Список лиц: 250; Васильева 2002: 488–494.

³ Бухарин, Тункина 2018а: 101.

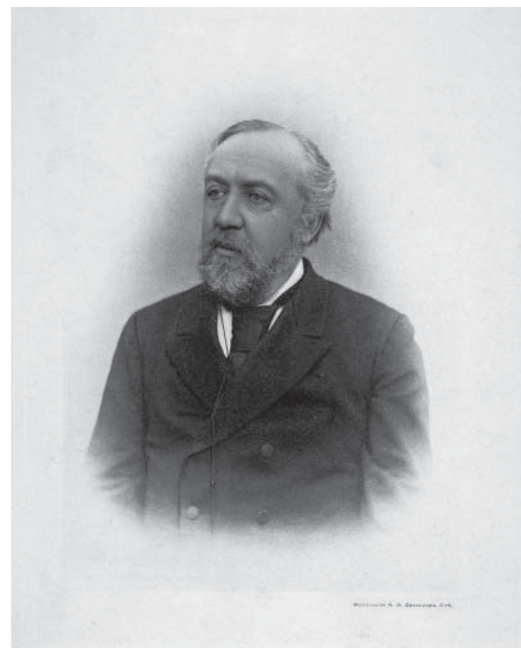

Рис. 1
Виктор Романович Розен
Фототипия А.Ф. Дресслера
(по: Островитянов 1964: 623)

Императорского Русского археологического общества». Главным предметом интереса Пишеля в этих выпусках были статьи С.Ф. Ольденбурга, о чем сам Пишель неоднократно пишет.

В письмах присутствуют сведения по истории востоковедения, не относящиеся к истории исследования Восточного Туркестана, как, например, о судьбе безвременно скончавшегося востоковеда Августа Мюллера и других коллег, работах по арабистике. Однако лейтмотивом всех писем остается личная заинтересованность Пишеля в углублении исследований в Восточном Туркестане. Немецкие ученые в конце XIX в. могли следить лишь издали за первыми успехами российских коллег, о которых свидетельствовали многочисленные публикации С.Ф. Ольденбурга в «Записках ВО РАО».

Результаты экспедиции Д.А. Клеменца в 1898 г. были представлены на XII международном конгрессе востоковедов в Риме. Для придания нового импульса работам в Восточном Туркестане там же в Риме была основана Международная ассоциация для изучения Центральной и Восточной Азии. В ноябре 1902 г., за три года до начала работ экспедиции М.М. Березовского и за семь лет до начала работ

Первой Русской Туркестанской экспедиции С.Ф. Ольденбурга, немецкие исследователи под руководством А. Грюнведеля прибыли в Восточный Туркестан и сосредоточились на работах в Идикут-шари.

Письма Р. Пишеля В.Р. Розену покрывают период 1892–1902 гг. и являются важнейшим дополнением к переписке Р. Пишеля с В.В. Радловым и в значительной степени дополняют контекст событий и атмосферу, в которой начиналось археологическое изучение Восточного Туркестана силами немецких археологов.

№ 1

Р. Пишель – В.Р. Розену

Барону В. Розену
Herrn Baron V. von Rosen
Professor an der Universität
Надеждинская, St. Petersburg
Nadeschdinskaja, 56

Hochgeehrter Herr Baron!

Freunde August Müller's haben angeregt, ihm ein Grabdenkmal setzen zu lassen. Der Aufruf soll demnächst erscheinen. Wir bitten um die Erlaubnis, auch Ihren Namen darunter setzen zu dürfen.

I.A.
Ihr ergebener,
R. Pischel.
Halle (Saale) den 23./9 92.
Schillerstasse, 8.

СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 357. Л. 1–1 об. Почтовая карточка. Автограф.

Перевод

Глубокоуважаемый господин барон!

Друзья Августа Мюллера¹ хотят поставить ему надгробный памятник. Скоро появится извещение. Мы просим разрешения поставить под ним и Ваше имя.

Преданный Вам
Р. Пишель
Галле (Заале), 23 сентября 1892 г.
Шиллерстрассе, 8.

¹ Мюллер, Фридрих-Август (Müller, Friedrich August; 1848–1892) – немецкий востоковед-филолог, арабист, тюрколог, исламовед; профессор университетов Лейпцига, Галле, Кёнигсберга. Совместная работа Р. Пишеля и А. Мюллера в университете Галле способствовала тому, что Пишель принимал участие в судьбе почившего коллеги.

В.Р. Розен отозвался на смерть немецкого коллеги речью, произнесенной на заседании Восточного отделения Императорского Русского археологического общества 29 сентября 1892 г. В своей речи Розен привел основные биографические сведения и оценил вклад А. Мюллера в мировое востоковедение. С самых первых работ, посвященных анализу поэзии Имру-ль-Кайса, Мюллер стремился к определенному идеалу в своей научной деятельности, который, по словам Розена, состоял в следующем: «Этот идеал – применение к арабской филологии строгого, точного метода, выработанного трудами Ф.А. Вольфа, Ф. Германа, К. Лахмана, А. Бока и других, поднятие арабской филологии на высоту классической. К вопросам, касавшимся древне-арабской поэзии, он больше не возвращался, но своему идеалу он оставался верным и в той области арабской филологии, которой он посвятил лучшие свои силы». Показательно и следующее высказывание Розена о роли А. Мюллера в формировании основ при работе с арабской рукописной традицией: «Всякий, кто знаком с положением арабской филологии, кто знает, как часто приходится нам опираться на совершенно не обработанные и, так сказать, сырые тексты, другими словами, строить прямо на песке, вполне оценит заслугу А. Мюллера. Если бы ему удалось таким же образом издать еще ал-Кифтия и Сайда Толедского, то мы для одной, по крайней мере, области истории арабской цивилизации получили бы твердый фундамент, на котором можно было бы продолжать строить без опасения катастрофы».

Halle (Saale), den 12. November, 1893

Schillerstrasse, 8

Hochgeehrter Herr Baron!

Ich sage Ihnen für die gütige Zusendung der Zapiski VIII, 1, 2 meinen herzlichsten Dank. Die Leitschrift ist für uns Orientalisten längst unentbehrlich geworden, und es ist bedauerlich, dass so wenige sich die Mühe nehmen, um Russisch zu lernen. Zu meinem Bedauern höre ich, dass von Oldenburg leidend ist, hoffentlich nicht schwer.

Wegen der MSS Thorbeckes zum Ahtal habe ich schon viel Mühe gehabt und viel Zeit verloren. Müller hatte sie auf seinen Namen entliehen und mir nicht gesagt, dass er sie an Salhani geschickt hatte. Nach Müllers Tode habe ich mit Frau Müller zweimal alle Kästen und Schränke nach den MSS durchsucht und sie bereits als verloren aufgegeben. Es ist mir deshalb doppelt erfreulich, dass sie wieder an die DMG zurückgekommen sind und ich sage Ihnen für Ihre Mühewaltung den besten Dank. Sie sind von Halle aus jetzt schon so oft belästigt worden, dass ich Ihnen weitere Mühe in dieser Sache wenigstens ersparen möchte. Ich schreibe gleichzeitig an Salhani und zeige ihm an, dass uns von Ihnen die MSS richtig zugegangen sind. Ich bitte Sie also sich nicht weiter zu bemühen. Müllers Zettel gebe ich an Frau Müller zurück, die auch sehr erfreut sein wird, dass das Gesuchte gefunden ist.

Dr. Rost ist nun doch pensioniert worden. Es ist nun einmal Gesetz geworden, dass 70 Jahre die Grenze für den Beamten sind, so dass er sich darein finden muss, so schwer es ihm wird. Sein Nachfolger Tawney ist ein humaner Mann. Für uns Sanskritisten ist der Wechsel dadurch wenigstens nicht gar zu schroff.

In dankbarer Ergebenheit,

Ihr R. Pischel.

СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 357. Л. 2–3. Автограф.

Глубокоуважаемый господин барон!

Сердечно благодарю Вас за любезную присылку «Записок» (том VIII, 1, 2). Для нас, востоковедов, журнал давно уже стал необходим, и можно только сожалеть, что совсем немногие предпринимают усилия по изучению русского языка. К своему сожалению я узнал, что фон Ольденбург болен, надеюсь, несильно.

Я потратил много сил и потерял много времени на работу с рукописью «Ахтал» Торбеке¹. Мюллер взял ее на свое имя, а мне не сказал, что он отправил ее Сальхани². После кончины Мюллера я вместе с фрау Мюллер дважды перерыл все ящики и шкафы и уже считал ее потерянной. Мне уже по этой причине вдвойне радостно, что рукопись вернулась в «Немецкое восточное общество»³, и я искренне благодарен Вам за эту дружескую услугу. Мы так часто загружаем Вас из Галле, что в этом вопросе я очень не хотел бы причинять Вам дальнейшие беспокойства. Я одновременно напишу Сальхани и укажу ему, что рукописи от Вас благополучно поступили к нам. Записку Мюллера я также отдам фрау Мюллер, и она также очень обрадуется, что пропажа нашлась.

Доктор Рост⁴ вышел, однако, на пенсию. Теперь, по закону, 70 лет является границей для чиновников, так что он поймет, как трудно ему будет. Его преемник Тони⁵ – гуманист. Для нас, санскритологов, эта смена не столь жестка.

С благодарной преданностью,

Ваш Р. Пишель.

В. барону фон Розену
Herrn Baron V. von Rosen
Надеждинская, 56
St. Petersburg
Nadeshdinskaja, 56

Hochgeehrter Herr Baron!

Bei meiner Rückkehr nach Halle in voriger Woche fand ich Heft 3 und 4 der Zapiski vor, und ich sage Ihnen für die gütige Zusendung den herzlichsten Dank. Leider habe ich in Genf weder Sie noch Oldenburg getroffen, dem es hoffentlich besser geht. Die arme Frau Müller hat ihren Bruder durch den Tod verloren. Das Unglück verfolgt sie unablässig.

Однако, на взгляд В.Р. Розена, основная заслуга А. Мюллера в области востоковедения состоит в издании им «Библиографии по востоковедению», в которой систематически учитывалась и русскоязычная литература: «Но самую широкую популярность, самое большое право на признательность уже не только арабистов, но ориенталистов всех специальностей, археологов, лингвистов, историков и филологов, сколько-нибудь заинтересованных развитием востоковедения – а кто ныне им не заинтересован? – приобрел себе А. Мюллер предпринятым им в 1887 г., по почину и с материальной поддержкой Германского общества ориенталистов, изданием «Orientalische Bibliographie». Поистине неоценимые услуги, которые это с каждым годом все более и более улучшавшееся издание оказывало и оказывает науке вот уже 5 лет, слишком очевидны для каждого, чтобы нужно было о них распространяться. Но на одну характерную черту этого издания, резко выделяющую его из других подобных библиографических сборников, я должен указать: это *систематическая* регистрация в нем русской литературы по востоковедению».

Эту мысль Розен развил далее отдельно: «Но его глубоко справедливая и вместе с тем деятельная, бодрая и в лучшем смысле практическая натура не могла успокоиться на бесплодных вздохах или примириться с бессмысленным глумлением: она заставляла его искать выход, могущий удовлетворить все стороны, и он нашел этот выход в остроумном предложении, чтобы всякий ориенталист, помимо общеизвестных трех-четырех главных европейских языков, изучал еще один из менее известных и затем от времени до времени давал по возможности подробный отчет об относящихся к его специальности трудах на данном языке. Соединяя слово с делом и проповедь с примером, он выбрал себе русский язык, не потому только, как он сам говорит, что этот язык был ближайшим к нему географически, но и потому, что «русские ученые давно уже показали, что нельзя игнорировать их труды». Подробнее см.: Розен 1892: 329–334.

¹ Торбеке, Андреас-Генрих (Thorbecke, Andreas Heinrich; 1837–1890) – немецкий востоковед-арабист, исследователь арабской поэзии и истории арабского языка; профессор университета в Галле (1887).

² Речь идет об издании дивана Ахталя арабским ученым Антуном Салихани (Сальхани) по Санкт-Петербургской рукописи; см.: Salihani 1891.

³ Немецкое восточное общество (Deutsche Morgenländische Gesellschaft (DMG)) – старейшее объединение немецких востоковедов; основано 2 октября 1845 г. Генрихом-Леберехтом Фляйшером (1801–1888). Секретарь общества профессор университета в Галле Р. Пишель возглавлял DMG в 1886–1902 гг.

⁴ Рост, Рейнгольд (Rost, Reinhold; 1822–1896) – британский востоковед широкого профиля немецкого происхождения, заведующий библиотекой India Office.

⁵ Тони, Чарльз-Генри (Tawney, Charles-Henry; 1837–1922) – британский востоковед, переводчик индийской классики, пришел на смену Р. Посту.

Ihr ergebener
R. Pischel.
Halle (Saale) den 4.10.94
Schillerstrasse, 8

СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 357. Л. 4–4 об. Почтовая карточка. Автограф.

Перевод

Глубокоуважаемый господин барон!

Вернувшись в Галле на прошлой неделе, я обнаружил выпуски 3 и 4 «Записок», и я сердечно благодарю Вас за любезную присылку. К сожалению, в Женеве¹ я не встретил ни Вас, ни Ольденбурга, которому, я надеюсь, уже лучше. Бедная фрау Мюллер пережила смерть брата. Несчастья неотступно следуют за ней.

Преданный Вам
Р. Пишель.

№ 4

Р. Пишель – В.Р. Розену

Halle (Saale) den 27. Februar, 1896
Schillerstrasse, 8
Hochgeehrter Herr Baron!

Ich erlaube mir Ihnen den herzlichsten Dank zu sagen für die gütige Zusendung von Band IX der Zapiski, der wieder voll ist von interessanten und wichtigen Artikeln. Für die Widmung an die DMG sind wir Ihnen noch besonders dankbar, wie Ihnen Saleman bereits ausgesprochen haben wird. Dass Russische macht mir immer noch insofern Schwierigkeiten als ich das Wörterbuch beständig brauchen muss, da ich merkwürdig schwer die einzelnen Worte im Gedächtnis behalte. Es ist mir ein Trost, dass es auch jüngeren Leuten ebenso geht, wie Dr. Fischer, den ich zum Studium des Russischen veranlasst habe. Ihrer gütigen Vermittlung verdanken wir beide wohl auch in erster Linie die *Восточные заметки*, die ich vorgestern erhalten und für die ich gestern Ihrer Fakultät gedankt habe. Gestatten Sie mir Ihnen auch dafür den besten Dank zu sagen. Gerade weil die Sprache doch immer noch Schwierigkeiten macht, ist es doppelt angenehm, russische Werke zum Eigentum zu haben, weil sie dann stets zur Hand sind.

Mit Freude habe ich gehört, dass es Prof. von Oldenburg jetzt besser geht. Sein Artikel in den *Заметки* ist sehr interessant.

In vorzüglicher Hochachtung
Ihr ergebener
R. Pischel.

СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 357. Л. 5–5 об. Автограф.

Перевод

Глубокоуважаемый господин барон!

Позволю себе сердечно поблагодарить Вас за любезную присылку тома IX «Записок», который снова полон интересных и важных статей. За посвящение «Немецкому восточному обществу» мы Вам особенно признательны, как Вам уже говорил Залеман¹. Русский язык для меня все еще очень труден, и я вынужден постоянно пользоваться словарем, так как мне невероятно трудно держать в памяти отдельные слова. Мне утешительно, что и молодым людям, как доктору Фишеру², которого я направил на изучение русского, он также дается с трудом. Мы оба благодарим Вас, прежде всего, за помощь с получением «Восточных заметок», которые я получил позавчера и за которые я вчера поблагодарил Ваш факультет. Позвольте мне поблагодарить Вас и за это. Именно потому что язык все еще доставляет мне сложности, мне вдвойне приятно обладать работами на русском языке, так как они постоянно под рукой.

С радостью узнал, что профессору фон Ольденбургу теперь лучше. Его статья в «Заметках» очень интересна³.

С низжайшим почтением,
преданный Вам
Р. Пишель.

№ 5

Р. Пишель – В.Р. Розену

Herrn Baron V. von Rosen, Exc.
Professor an der Universität
St. Petersburg
Wassili Ostrow, 7 Linie, 2

Halle (Saale) den 28. 11. 97
Schillerstrasse, 8
Hochgeehrter Herr Baron!

Ich sage Ihnen den herzlichsten Dank für die freundliche Zusendung von *Записки*, Том X, der mir äusserst wertvoll und willkommen ist, zumal die DMG ihr Exemplar bisher nicht erhalten hat.

In Paris hatte ich die Freude, von Oldenburg kennen zu lernen. Ich fand ihn frischer als ich erwartet hatte. Sie waren wohl fern geblieben. Leider haben die Sektionen diesmal sich sehr voneinander abgeschlossen, so dass ich viele Herrn gar nicht kennen lernen habe, die ich sehr gern gesprochen hätte. Der Hauptzweck solcher Kongresse war daher für mich in mancher Hinsicht verfehlt.

Ihr ergebener
R. Pischel.

СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 357. Л. 6–6 об. Почтовая карточка. Автограф.

¹ Имеется в виду участие в X международном конгрессе востоковедов в Женеве в 1894 г.

¹ Залеман, Карл Германович (1849–1916) – востоковед-иранист, ординарный академик ИАН (1895), директор Азиатского музея ИАН (1890–1916).

² Фишер, Август (Fischer, August; 1865–1949) – немецкий востоковед, арабист, семитолог, иранист; в 1889 г. закончил университет в Галле; в 1900–1930 – профессор университета в Лейпциге, заведующий кафедрой восточной филологии.

³ См.: Ольденбург 1896: 157–165.

Перевод

Глубокоуважаемый господин барон!

Сердечно благодарю Вас за любезную присылку «Записок» (том X), для меня в высшей степени ценную и приятную, к тому же «Германское восточное общество» свой экземпляр еще не получило.

В Париже¹ я был рад познакомиться с фон Ольденбургом. Я нашел его более свежим, чем я ожидал. А Вы оставались вдали. К сожалению, секции на этот раз были слишком разобщены, так что я не познакомился со многими господами, с которыми с удовольствием пообщался бы. Главная цель этого конгресса была для меня в некотором смысле не достигнута.

Преданный Вам
Р. Пишель.

№ 6

Р. Пишель – В.Р. Розену

Baron V. von Rosen, Excellenz
Professor an der Universität
St. Petersburg
Wassili Ostrow, 7 Linie, 2

Hochgeehrter Herr Baron!

Ich sage Ihnen den herzlichsten Dank für die freundliche Zusendung von Записки, Том XI. und XII, 1, die mir äusserst willkommen sind. Leider habe ich Sie in Rom vergeblich gesucht. Mit von Oldenburg, Radloff und Saleman war ich wiederholt zusammen.

Ihr ergebenster
R. Pischel.
Halle (Saale) den 16. November 1899.
Schillerstrasse, 8.

СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 357. Л. 7–7 об. Почтовая карточка. Автограф.

Перевод

Глубокоуважаемый господин барон!

Сердечно благодарю Вас за любезную присылку «Записок» (том XI и XII, 1), наиболее для меня занятных. К сожалению, напрасно искал Вас в Риме². С фон Ольденбургом же,

¹ Имеется в виду XI международный конгресс востоковедов (1897).

² Имеется в виду работа XII международного конгресса востоковедов в Риме (1899 г.), имевшего решающее значение для развертывания археологического исследования Восточного Туркестана. Именно на этом конгрессе в октябре 1899 г. были представлены результаты работ монголо-туркестанской экспедиции Д.А. Клеменца 1898 г. Тогда же академик В.В. Радлов выступил с инициативой о создании Международной ассоциации по изучению Центральной и Восточной Азии (Association Internationale pour l'Exploration Archéologique et Linguistique de l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient; Central and East Asia Exploration Fund). Окончательно ее создание было оформлено решениями XIII международного конгресса востоковедов в Гамбурге в сентябре 1902 г.

Радловым¹ и Залеманом мы были постоянно вместе.

Преданный Вам
Р. Пишель.

№ 7

Р. Пишель – В.Р. Розену

Herrn Baron V. von Rosen, Excellenz
St. Petersburg
Wassili Ostrow, 7 Linie, 2
Halle (Saale) den 28. 5. 00
Schillerstrasse, 8
Hochgeehrter Herr Baron!

Für die gütige Zusendung von Записки, Том XII, 4 sage ich Ihnen den herzlichsten Dank. Nachdem ich endlich meine grosse Prākritgrammatik fertig habe, komme ich wieder mehr zum Russischen, das ich nun eifrig pflegen will.

Ihr ergebener
R. Pischel.

СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 357. Л. 14–14 об. Почтовая карточка. Автограф.

Перевод

Глубокоуважаемый господин барон!

Сердечно благодарен Вам за присылку «Записок» (том XII, 4). После завершения моей большой грамматики пракрита² я снова вернусь более к изучению русского, который я очень хочу отшлифовать.

Преданный Вам,
Р. Пишель.

№ 8

Р. Пишель – В.Р. Розену

Baron V. von Rosen, Excellenz
Professor an der Universität
St. Petersburg
Wassili Ostrow, 7 Linie, 2

Halle an Saale den 26. Mai 1901
Schillerstrasse, 8

¹ Радлов, Василий Васильевич (Вильгельм Фридрих) (1837–1918) – выдающийся российский востоковед-тюрколог, ординарный академик ИАН (1884), директор Азиатского музея (1888–1894), Музея антропологии и этнографии (1894–1918), первый председатель «Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом, археологическом и этнографическом отношениях».

² См.: Pischel 1900.

Ew. Exzellenz sage ich für die sehr gütige Zusendung der Zapiski Tom XIII, Выпуск II, III meinen herzlichsten Dank. Die Hefte enthalten eine Fülle von Sprachen (und Drucktypen!) von denen man hier nichts kennt oder doch sehr wenig. Ich habe mich gefreut aus einer Zusendung Ihres Privatdocenten Herrn Dr. Schtscherbatskoi zu sehen, dass neben Oldenburg, das Sanskrit noch einen tüchtigen Vertreter hat. Ein dritter wird wohl bald Herr von Staël Holstein werden.

Mit bestem Danke,
Ihr sehr ergebener,
R. Pischel.

СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 357. Л. 8–8 об. Почтовая карточка. Автограф.

Перевод

Сердечно благодарю Ваше превосходительство за любезную присылку «Записок» (том XIII, выпуски 2 и 3). В выпусках много языков (и типографских шрифтов!), о которых здесь ничего не знают или знают очень мало. Ваш приват-доцент господин доктор Щербатской меня очень образовал своей корреспонденцией, из которой я узнал, что наряду с Ольденбургом изучение санскрита получило еще одного дельного представителя. Третьим явно скоро станет господин Сталь-Гольштейн¹.

С сердечной признательностью,
Преданный Вам,
Р. Пишель.

№ 9

Р. Пишель – В.Р. Розену

Baron V. von Rosen, Excellenz
Professor an der Universität
St. Petersburg
Wassili Ostrow, 7 Linie, 2

Halle am Saale den 23. September, 1901
Schillerstrasse, 8

Ew. Excellenz sage ich für die gütige Zusendung des letzten Heftes der Zapiski den herzlichsten Dank, etwas spät, da ich vier Wochen von Halle abwesend war. Die mich interessierenden Artikel habe ich bereits gelesen und bin für die Zusendung der wichtigen Zeitschrift, die ich mir allmählich ergänze, sehr dankbar.

Ihr ergebener,
R. Pischel.

СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 357. Л. 9–9 об. Почтовая карточка. Автограф.

¹ Сталь-фон-Гольштейн, Александр Августович (Staël von Holstein, Alexander Wilhelm Freiherr; 1877–1937) – барон, востоковед-индолог, буддолог, синолог; доцент Санкт-Петербургского университета (1909), с 1917 г. – в эмиграции в Китае (1918–1928), США (1928–1937); о нем см.: Elisseeff 1938: 1–8; Вигасин 2008: 503–506.

Перевод

Сердечно благодарю, пусть и с некоторым опозданием – меня не было в Галле 4 недели, Ваше превосходительство за любезную присылку последнего выпуска «Записок». Интересующие меня статьи я уже прочел и очень благодарен Вам за присылку важного журнала.

Преданный Вам
Р. Пишель.

№ 10

Р. Пишель – В.Р. Розену

Его превосходительство барон В.Р. Розен
Seiner Excellenz, Baron V. von Rosen
Professor an der Universität
St. Petersburg
Wassili Ostrow, 7 Linie, 2
Berlin, W50 den 15. 6 02
Passauer Strasse, 23

Hochgeehrter Herr Baron!

Für die gütige Übersendung von Zapiski XIV, 2, 3 sage ich Ihnen den herzlichsten Dank. Es ist mir jetzt noch wertvoller die Zeitschrift zu bekommen als in Halle, da die Benutzung der Bibliothek hier viel umständlicher ist. Auf der Königlichen Bibliothek sollen die Zapiski überhaupt nicht vorhanden sein, was mir aber nicht wahrscheinlich ist. Hoffentlich kommen Sie in September nach Hamburg.

Ihr ergebener,
R. Pischel.

СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 357. Л. 10–10 об. Почтовая карточка. Автограф.

Перевод

Глубокоуважаемый господин барон!

Сердечно благодарю Вас за присылку «Записок» (том XIV, выпуски 2 и 3). Здесь получение журнала для меня еще более ценно, так как пользование библиотекой здесь весьма затруднительно. В Королевской библиотеке «Записок», должно быть, вообще нет, что для меня, одноко, невообразимо. К счастью, Вы будете в сентябре в Гамбурге¹.

Преданный Вам,
Р. Пишель.

¹ Имеется в виду XIII международный конгресс востоковедов в Гамбурге (1902).

№ 11

Р. Пишель – В.Р. Розену

Барон В. фон Розен
Herrn Baron V. von Rosen
Excellenz
Professor an der Universität
St. Petersburg
Wassili Ostrow, 7 Linie, 2
Berlin W50, den 24. 11. 02
Passauer Strasse, 23

Eurer Excellenz sage ich für die gütige Zusendung von Выпуск IV des Tom XIV der Записки meinen herzlichsten Dank. Ich suche mir die Zeitschrift gelegentlich zu vervollständigen und besitze von den 14 Bänden jetzt bereits 9. Die fehlenden Hefte der Bände 2–6 hoffe ich mir bald zu verschaffen, so dass ich dann die wichtige Zeitschrift bequem benutzen kann.

Ihr sehr ergebener
R. Pischel.

СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 357. Л. 11–11 об. Почтовая карточка. Автограф.

Перевод

Сердечно благодарю Ваше превосходительство за любезную присылку выпуска IV тома XIV «Записок». Я стремлюсь при случае пополнить свою подборку журнала, и из 14 томов у меня есть 9. Недостающие выпуски томов 2–6 я надеюсь в скором будущем раздобыть, так что я смогу с удобством пользоваться важным журналом.

Преданный Вам,
Р. Пишель.

№ 12

Р. Пишель – В.Р. Розену

Herrn Baron V. von Rosen, Excellenz
Professor an der Universität
St. Petersburg
Wassili Ostrow, 7 Linie, 2
Berlin W50, den 4. 12. 04
Passauer Strasse, 23

Sehr geehrter Herr Baron!

Für die gütige Zusendung von Записки XVI, 1 sage ich Ihnen den herzlichsten Dank. Wir sind jetzt hier in grosser Spannung, ob unsere Expedition nach Turkistan Erfolg haben wird. Laut Telegramm, ist sie am 17. November glücklich in Turfan angekommen.
Am Donnerstag ziehe ich um. Von da an ist meine Adresse:

Berlin, Halensee
Joachim Friedrich Strasse, 47.
Ihr sehr ergebener,
R. Pischel.

СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 357. Л. 12–12 об. Почтовая карточка. Автограф.

Перевод

Глубокоуважаемый господин барон!

Сердечно благодарен Вам за любезную присылку «Записок» (XVI, 1)¹. Мы все здесь пребываем в сильнейшем напряжении в ожидании успеха нашей турфанской экспедиции. По телеграфному сообщению, 17 ноября она благополучно прибыла в Турфан².

В четверг я переезжаю. С этого дня мой адрес будет таков:

Berlin, Halensee
Joachim Friedrich Strasse, 47.
Преданный Вам
Р. Пишель.

№ 13

Р. Пишель – В.Р. Розену

Herrn Baron V. von Rosen, Excellenz
St. Petersburg
Wassili Ostrow, 7 Linie, 2
Berlin W50, den 26/11. 05
Passauer Strasse, 23

Sehr geehrter Herr Baron!

Für die gütige Zusendung von Записки XVI, II–III danke ich Ihnen herzlichst. Oldenburgs Aufsatz und die Bilder dazu haben mich sehr interessiert. Ich beneide ihn um eine Kenntnis der buddhistischen Kunst, die sehr schwer zu erwerben ist.

Ihr dankbar ergebener
R. Pischel.

СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 357. Л. 13–13 об. Почтовая карточка. Автограф.

¹ Первый выпуск тома XVI «Записок» вышел в 1904 г., выпуски II–III – в 1905, издание всего тома было завершено четвертым выпуском в 1906 г.

² Речь идет о работах II Прусской Императорской Турфанской экспедиции, работавшей с ноября 1904 по август 1905 г. под руководством А. фон Ле Кока в Турфанском оазисе.

Перевод

Глубокоуважаемый господин барон!

Сердечно благодарю Вас за присылку «Записок» (XVI, выпуски 2 и 3). Статья Ольденбурга¹ и иллюстрации меня в высшей степени заинтересовали. Я завидую его знанию буддийского искусства, которое очень трудно приобрести.

С благодарностью преданный Вам

Р. Пишель.

ПИСЬМА Д.А. И Н.А. СМИРНОВЫХ С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГУ

Авторы публикуемых писем, хранящихся в фонде С.Ф. Ольденбурга в СПбФ АРАН, – родные братья Дмитрий Арсеньевич¹ (1883–1945 или 1946) и Николай Арсеньевич (1890– ?) Смирновы². Подробно их жизненный путь описан в соответствующих главах раздела «Personalia», можно, однако, суммировать основные сведения следующим образом.

Д.А. Смирнов – участник Первой Русской Туркестанской экспедиции, к моменту ее начала, весной 1909 г., окончивший с отличием Горный институт. В экспедицию он был взят топографом, составителем планов и чертежей. Как следует из хронологически первого письма, точнее записки, Дмитрий Смирнов был знаком с С.Ф. Ольденбургом и членами его семьи еще до начала экспедиции. В записке он просит Сергея Федоровича вернуть ему некую рукопись. Возможно, это авторское литературное сочинение самого Смирнова; в более поздних письмах он упоминает о своих «литературных очерках» художественного и публицистического характера. Возможно, Д.А. Смирнов, уроженец Тверской губернии, получал начальное и среднее образование в одной из тверских гимназий и там каким-то образом познакомился с Ф.Ф. Ольденбургом, педагогом тверской земской учительской школы П.П. Максимовича, или с преподавательницей и начальницей той же школы Елизаветой Петровной Свешниковой³, близким другом семьи Ольденбургов, после 1905 г. проживавшей в Петербурге. И Елизавета Петровна, и Федор Федорович упоминаются в его письмах.

Основные рабочие экспедиционные материалы Д.А. Смирнова (полевой дневник – общая тетрадь в клетку в кожаном переплете) после передачи коллекций Русских Туркестанских экспедиций из Музея антропологии и этнографии попали в Отдел Востока Государственного Эрмитажа. Содержание дневника составляют краткие описания осмотренных объектов, пояснения к планам и чертежам, снятым Смирновым, а также некоторые соображения общего характера, связанные с особенностями выполняемой работы, например, о способах фиксации архитектурных памятников, наиболее целесообразных в условиях Китайского Туркестана. Там же находятся эскизные планы (кроки) наземных построек и пещер, обследованных I РТЭ в Карашарском и Турфанском оазисах, и, по-видимому, сами чертежи, выполненные на основе этих эскизных планов.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547.

² СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 549.

³ Свешникова, Елизавета Петровна (1847–1918) – педагог и литератор, начальница женской Тверской гимназии.

¹ См.: Ольденбург 1906: 213–223.

Тем более интересны его письма, которые, в силу особенностей жанра, предоставляют их автору возможность выражения более личного, субъективного отношения к происходящему и позволяют читателю увидеть то, что очевидно останется за рамками официальных документов и экспедиционных отчетов.

Два письма написаны и отправлены из Урумчи и Чугучака, где Смирнов и Дудин останавливались на обратном пути в Россию. В основном в них – краткие путевые впечатления, но есть и некоторые подробности, касающиеся их личных отношений, а также довольно откровенно высказанное мнение об особенностях характера и поведения Дудина. Особенно шокирует упоминание о стычках с экспедиционным конюхом Бисамбаем, «доходящих до рукоприкладства».

Отношения с Н.Н. Кротковым – русским консулом в Урумчи, – несмотря на внешнюю любезность и гостеприимный прием, оказанный им участникам экспедиции, были, видимо, все-таки испорчены, так как Кротков весьма неодобрительно отнесся к факту их преждевременного, по его мнению, отъезда. В письме Ольденбургу от 30 декабря 1909 г. он пишет: «...по моему мнению, Смирнов и Дудин не должны были покидать Вас; при желании помогать Вам у них должна была найтись работа. Если же они так соскучились по своим женам, что не могли остаться еще на 2–3 месяца, то, простите, что же это за путешественники?» В свою очередь и Смирнов высказывает в письме довольно резкие замечания в адрес Кроткова, называя его человеком неискренним, фальшивым и даже «костололюбивым».

Довольно подробно обсуждается проблема оплаты вынужденного перерыва в работе, связанного с тем, что часть чертежей и эскизных планов должна была прибыть в Петербург вместе с остальным экспедиционным багажом спустя полгода после возвращения Смирнова в Москву. Очевидно, Смирнов, связанный обязательствами по завершению экспедиционных работ, не мог приступить к поискам новой работы, а деньги на содержание семьи (его жена в это время уже ожидала ребенка) были необходимы. Отсюда настойчивые вопросы по поводу получения чертежей и их скорейшей доставки в Москву. Видимо, в результате часть чертежей переделывалась в спешке, что, возможно, сказалось на их качестве и вызвало неудовольствие со стороны Ольденбурга.

Следующие письма отправлялись с мест службы Смирнова: сначала из Крыма, потом из Горловки, где он служил помощником окружного инженера на Щербиновских рудниках.

Проясняется также история появления среди участников II РТЭ младшего брата Д.А. Смирнова Николая. Ранее только предполагалось, что Николай Смирнов был рекомендован Ольденбургу своим старшим братом, а в некоторых публикациях¹ они сливаются в одно лицо. В переписке с Ольденбургом Смирнов-старший часто вспоминал свою поездку в Китайский Туркестан. С течением времени тяготы и неприятные моменты этого путешествия, видимо, забылись, и, узнав о планах Ольденбурга организовать новую туркестанскую экспедицию, он пишет о своем желании поехать вместе с ним. Увы, семейные обязанности и проблемы на службе не позволяют Дмитрию Смирнову надолго покинуть Россию, и он предлагает Ольденбургу взять в экспедицию своего младшего брата Николая, на тот момент студента физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, рекомендуя его как человека работоспособного, непритязательного, физически крепкого и здорового, а для практической подготовки предлагает прислать его на месяц в Горловку, где они могли бы заниматься в условиях, максимально приближенных к условиям полевых работ в Китайском Туркестане.

¹ Ср.: Скачков 1993: 315.

Тяжелое впечатление оставляет последнее письмо Д. Смирнова от 7 октября 1917 года, накануне Октябрьской революции. Он хорошо понимает, насколько опасна ситуация полной анархии и беспорядка, сложившаяся на Донбассе, и особенно в Горловке, после Февральской революции, и в то же время не видит никаких реальных путей выхода из этой ситуации.

В фонде С.Ф. Ольденбурга сохранилось и 4 письма младшего брата Дмитрия Смирнова Николая, участника II РТЭ. Первое письмо от 22 ноября 1914 года написано через 3 недели после того, как три участника экспедиции (Дудин, Биркенберг и сам Смирнов) покинули Дуньхуан. Любопытное совпадение: пятью годами ранее этим же путем в Россию возвращались Дудин и Смирнов-старший. И лишь Ольденбург оба раза оставался на самый тяжелый и неблагоприятный для работы период, правда, в этот раз в компании художника Б.Ф. Ромберга. В письме весьма кратко и без всяких субъективных подробностей описан путь до Урумчи (впрочем, Смирнов и сам дает понять, что писать не о чем: «материала мало»), упоминается А.А. Дьяков, сменивший Н.Н. Кроткова на посту русского консула в Урумчи, последние новости с театра военных действий.

Следующее, довольно большое, письмо – уже из Петрограда – исполнение обещания, данного Ольденбургу, «написать о жизни и настроении в России». Затем следует небольшое сообщение из Англии – промежуточной остановки на пути в Америку. Объяснение, видимо, следует искать в письме Д.А. Смирнова, датированном концом 1915 г.: Смирнов-старший просит Ольденбурга помочь с устройством на работу «около войны» по линии Артиллерийского ведомства в группу по приемке снарядов в Америке. Видимо, в эту группу и попал его младший брат.

Последнее письмо, написанное после 10-летнего перерыва, отправлено из Ташкента с okazji. Неизвестно, был ли Ташкент местом постоянного проживания Н.А. Смирнова или он находился там в длительной командировке (в связи с работой в экспедиции). Видимо, Ленинград он покинул давно и с Ольденбургом они, вероятно, все это время не встречались.

№ 1

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу
Его превосходительству Сергею Федоровичу Ольденбургу

В. О. Академия Наук здесь

7 декабря [1908¹]

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Пришлите, пожалуйста, если можно поскорей, мне мою последнюю рукопись.

Извиняюсь, что напоминаю еще раз Вам об этом, но у Вас, вероятно, столько всяких забот и поручений, что не мудрено позабыть об этом.

Преданный Вам

Дм. Смирнов.

В. О., 16 линия, д. 61, кв. 7

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 1–1об.

№ 2

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу

Урумчи. 21 ноября 1909 г.

Дорогой Сергей Федорович!

Первый этап нашего возвращения, как видите, уже пройден. В общем, все сошло гораздо лучше, чем мы могли предполагать.

У аксакала в Турфане мы основательно простудились и подхватили сильнейшую хрипоту и насморк: до сей поры сказываются результаты его крайних забот о нашем тепле. Дорогу до Урумчей сделали меньше чем в 4 суток, хотя местами ехали со скоростью 7½ верст в час, но зато взяли упорством: почти ни одной ночи не спали путем, и не даром, а все ехали.

При спуске к Даванчен-голу мы ждали по крайней мере снега, а оказалась там к нашему необыкновенному удивлению оттепель. Выехали к Даванчену и тоже смотрим: тепло и снегу чуть-чуть кое-где. Всю дорогу ехали и удивлялись: здесь постоянно хорошая погода, что днем все ходят в легких пальто, и без всякого труда можно ходить в пиджаке. В Урумчах нам сообщили, что даже старожилы не запомнят такой долгой и теплой осени, потому что зима должна была наступить уже месяц тому назад, а ее и теперь нет.

Самуил Мартынович все время в размягченных нервах: очень уживчив и покладист; как видите, он выказывает чрезвычайное присутствие духа. Очевидно, дело и дальше так пойдет, так что мы доедем, Бог даст, без психологии.

В Урумчах мы покупаем, вместо дох, бараньи сартовские шубы, а вместо тарантаса едем на русской телеге, но эта беда не такая уж существенная. Нас пугают, что мы в Урумчах скоро не сможем найти упряжных лошадей в русскую телегу, но Бог милостив...

Кротковы очень любезны. Малов² еще здесь и, должно быть, не скоро еще выедет, ибо «куда ему спешить?». Вообще он человек странный по моим наблюдениям: крайняя инертность

¹ Почтовая карточка. Датируется по почтовому штемпелю.

² Малов, Сергей Ефимович (1880–1957) – выдающийся тюрколог, лингвист. В 1909–1911 гг. по предложению и при поддержке Русского комитета был командирован в Центральный и Северо-Западный Китай.

и решительное заключение, что в здешних краях зимой в арбе можно путешествовать с большим удобством, – мысли, как видите, довольно редкие.

Здесь невероятное количество сплетен: как видно, этим делом занимаются не только политики в ссылке. От Эмилии Александровны¹ писем нет. Очень боюсь, что здесь не только одна психология, и потому еду в Россию с беспокойной душой.

Очень желаю Вам неутомительного путешествия до Кучи, хорошей работы и приятного возвращения.

Ваш Дм. Смирнов.

P.S. Наши шикшинские ящики в Урумчах. В Россию приедут не раньше Пасхи. Там мои шикшинские планы, и раньше Пасхи, очевидно, я их не получу. Я просто теряюсь, что мне с этим делать. Вести работу по сдельной плате при таких обстоятельствах, очевидно, нельзя, а получать деньги за одно ожидание по меньшей мере совестно, а не ожидать планов и заняться чем-нибудь другим тоже нельзя. Одно горе. Выдумайте что-нибудь. Единственное, что я могу предложить, – это: те чертежи, какие есть у меня, обработать на прежних основаниях и заниматься только этим одним, и если к окончанию моей работы чертежи не придут – то пусть платит за это комитет. Это комбинация плохая – но лучшей мне не приходит в голову. Нельзя же сообщить весной, например, что я занят другим и чертить у меня нет времени.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 2–2 об.

№ 3

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу

Чугучак. 7 декабря 1909 года

Дорогой Сергей Федорович!

Как видите, мы сидим пока что в Чугучаке. Получили здесь Вашу телеграмму: спасибо за внимание. Мы Вас частенько вспоминали дорогой. Где-то Вы теперь? Вероятно, сидите в Курле у Магомет-аксакала, едите «палов», «пильмень» и прочую благодать? По ночам Вам предстоит еще мерзнуть в днях, а днями до тошноты, до одурения коротать время в арбе. Невеселая и крайне мало занимательная вещь зимнее путешествие! Мы с Самуилом Мартыновичем ладим с грехом пополам, хотя бывали моменты и жестоко неприятные, например, его сражения с идиотски нелепым Бисамбаем², вплоть до рукоприкладства. Бр...р! Впечатление несколько своеобразное, выражаясь скромно. В общем, против ожидания мерзли мало, но от джаней, признаюсь, временами дух захватывало. Представьте себе сырой, грязный сарай, у которого дует из всех углов, – вот вам и джань от Урумчей вплоть до Куля. Начиная с Куля (он вовсе не так страшен) мы уже имели в днях железные печки, а в [...] нас встретило полное бесковрие и оттепель. Самый скверный джань, по-моему, – это Кийтын, где холодно, очень сыро и очень грязно. Но так как впереди была родина – то на многое плохое не обращалось внимание: закутаешься, представляя себя уже прибывшим в Россию, и хорошо... Как будто нет ни холода, ни изморенных лошадей, ни безголового и подлого с ног до головы Бисамбая, ни джаней... Но ехать зимой на работу по этому пути физически невозможно.

От Эмилии Александровны получил два письма: оказывается, человек думал-думал, да и пришел к Вашим заключениям, что письма – это история и только, а суть дела

¹ Смирнова (урожд. Витвер) Эмилия Александровна (?–1956) – супруга Д.А. Смирнова.

² Коноух I РТЭ.

в телеграммах. Она с грустью сообщает, что вокруг нее одна за другой разваливаются молодые семьи ее приятельниц, так что ей трудно даже смотреть на этот развал. Нехорошее, видно, время!.. Вам просит передать большой поклон.

Денег я взял в Чугучаке 400 руб., ибо все равно их надо же откуда-нибудь брать – так отсюда их взять удобнее. 50 руб. я беру вперед – надо купить готовальню, бумагу... Я думаю, что Вы не будете в претензии на это. Буду ждать Вашего ответа насчет порядка оплаты моего ожидания ящиков: это глупо, но выхода, кажется, другого нет. Одно время я думал взять себе какую-нибудь другую дополнительную работу и тем удешевить свое ожидание, но, с другой стороны, Вы сами знаете инженерную работу: это с 8 утра до 6 вечера – где там найдешь время сделать еще что-нибудь лишнее. Если Вы согласитесь с принципом, то, я думаю, у нас с Вами не будет недоразумений в целом. Считаю по 1 руб. за рабочий час и примерно при 6 часов рабочих в день (чистой работы – 6 часов – больше не выйдет) – всего получится около 150 руб. в месяц. Такой мне кажется цена ожидания, а работа пусть остается считаной по 1 руб. в час, как я говорил раньше. Я скрепя сердце высказываю эти соображения, но не высказать их было бы еще хуже. Вообще нельзя брать денег за ожидание, но, ей-богу, не моя в этом вина. *Не ждать* ведь я тоже не могу... Что Вы на все это скажете?

С «подарком» Кроткова по моему личному впечатлению творится нечто неладное. Прежде всего, безусловно видно, что Кротков человек корыстный. Это для Вас, вероятно, звучит очень фальшиво, но то, как Кротков насмешливо отнесся к благодарности великого князя¹ – меня покорило. «Что это, – говорит, – в альбоме редкостей поместить?» Чего же ему надо? Чина, что ли, или ордена? Тогда это будет уже взятка, а не подарок. Простите меня за эти слова, но я очень боюсь чего-то очень нехорошего.

А так Кротковы к нам отнеслись довольно хорошо, хотя подпочвенная кислота все-таки чувствовалась. Разве мы нехорошо сделали, что уехали? И разве мы заслужили эту перемену отношений, хотя и легкую, но ясно чувствительную?² Обидно как-то...

Позабыл еще Вам сообщить счета Босука Темировича³: у него нами взято его денег 25 руб. 45 к. (русских), а им истрачено на его нужды наших денег 25 лан 5 чен. Закари⁴ взято дополнительно 1 лан 7 чен.

Всего самого хорошего.

Ваш Дм. Смирнов.

Передайте мой привет Босуку Темировичу и Закари: мы их частенько вспоминали. Босук Темирович просил еще меня в Турфане намекнуть как-нибудь Вам, что ему до смерти хотелось бы побывать в настоящей России, в Петербурге, например, но что Вам он не решается об этом сказать.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 3–4.

¹ Н.Н. Кротков весьма щепетильно относился к реакции Императорской академии наук на свои труды. В переписке с С.Ф. Ольденбургем (см.: Бухарин 2018f: 533–576) этот вопрос поднимается неоднократно. Кротков был избран членом-корреспондентом МАЭ и РКСВА, и В.В. Радлов сообщал Кроткову о готовности доложить императору о его трудах. В данном случае, вероятно, имеется в виду устная передача благодарности президента ИАН великого князя Константина Константиновича.

² Очевидно, Н.Н. Кротков не только письменно выразил свое недоумение С.Ф. Ольденбургу по поводу преждевременного отъезда членов экспедиции, но и в какой-то форме дал им это понять при встрече в Урумчи.

³ Хохо, Босук Темирович – проводник и переводчик I РТЭ.

⁴ Повар I РТЭ.

№ 4

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу

Москва. 27 декабря 1909 г.

Дорогой Сергей Федорович!

Пишу Вам из Москвы, хотя не надеюсь, чтобы Вы могли вовремя получить мое письмо в Куче. Как-то Вы поживаете? Меня очень интересует, какое впечатление произвели на Вас кучинские древности – Вы так много от них ждали. Каково ездить и жить зимой в Китайском Туркестане? Вчера я заходил в Шереметев переулок к Сереже¹, мне сказали, что уехал еще 18-го в Санкт-Петербург, и потом, что вообще он почему-то уехал с этой квартиры куда-то на Пречистенку. Мне было очень жаль, что не пришлось его повидать.

С Самуилом Мартыновичем мы мирно доехали до самой Москвы и расстались самым дружеским образом. Потому ли, что он ехал домой, или почему другому, но в дороге, несмотря на все его особенности, он очень мало напоминал туркестанского Дудина. Но, все-таки, и с мирным Дудиным ехать в одной кибитке 40 дней – 40 ночей – вещь несколько жестокая, особенно в зимнее время. Он в дороге был в таком приятном настроении, что много раз мне говорил про Вас, какой Вы хороший человек, и с грустью добавлял: «И то вот были редкие столкновения!» В общем, я мало чего понял в этих новых настроениях: доверять ему трудно, а не верить тоже странно: уж очень он искренно говорит об этом.

Должно быть, несомненно еще, что у него от Вас получилось в результате очень хорошее воспоминание... а впрочем, Бог его знает.

С материальной стороны в дороге мы, вероятно, сделали сильный перерасход (об этом Дудин, наверное, писал уже Вам), но что-нибудь другое трудно было приобрести. Ехать зимой с такой скоростью, как мы ехали, – вещь совершенно невыносимая, и потому понятно, что нервничали и переплачивали везде.

После Китая мне Москва даже кажется большой Европой. Все куда-то безобразно спешат, извозчики на улицах аккуратно разъезжаются, не задевая друг за друга, столбы у телеграфа все одинаковые – все это приятно поражает глаз.

А общественная жизнь в России, по-видимому, все такая же тяжелая и нудная. Газеты сплошь набиты своеобразными хрониками для уголовных романов бульварного типа, и это, по-видимому, главное, чем еще живы газеты. Ей-богу, очень мало поучительно знать, что в таком-то переулке совершено «ужасное преступление» с самыми поразительными подробностями... Государственная дума, кажется, понемногу превращается в труп, что признал даже, к моему удивлению, и сам Родичев².

Чертежи мои доехали благополучно: на днях сяду чертить их.

Всего самого хорошего.

Ваш Дм. Смирнов.

Эмилия Александровна Вам кланяется и просит поблагодарить за то, что Дмитрий Арсеньевич был возвращен ей не только целым и невредимым, но безусловно в усовершенствованном виде³.

P.S. Письма Ваши посланы в Санкт-Петербург.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 5–6

¹ С.С. Ольденбург – сын С.Ф. Ольденбурга.

² Родичев, Федор Измайлович (1854–1933) – российский политический деятель, один из основателей Конституционно-демократической партии, член Государственной думы I, II, III и IV созывов.

³ Приписка другим почерком, видимо, рукой супруги Д.А. Смирнова.

№ 5

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу
Почтовая карточка

Его превосходительству Сергею Федоровичу Ольденбургу

В. О. Академия наук. С.-Петербург
Москва Тверской бульвар, д. 48, кв. 23

15 апреля 1910 г.

Дорогой Сергей Федорович!

Я Вам послал в Петербург 3 письма. От Вас, кроме открытки, ничего не получал. Для розысков о чертежах необходимо знать:

- 1) № расписки
- 2) Число и месяц, *когда* было послано
- 3) Как именно было послано, т. е. заказной бандеролью, ценной посылкой и т. п.

Будет невероятно жаль, если пропадет: впрочем, мало вероятно, чтобы так случилось.

В начале мая я собираюсь приехать в Петербург искать себе работы. Мне бы очень хотелось устроиться на службе по горному надзору на Урале, и совсем не знаю, легко или трудно там устроиться. Привезу с собой все свои чертежи и писания. У Вас тогда будет время в них разобраться?

Что слышно о ящиках с фресками? Буду ждать ответа, чтобы начать формальные розыски, а так ничего не добьешься.

Ваш Дм. Смирнов.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 7.

№ 6

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу
Почтовая карточка

Его превосходительству Сергею Федоровичу Ольденбургу

В. О. Академия наук. С.-Петербург

Тверской бульвар д. 48, кв. 23

26 апреля 1910 г.

Дорогой Сергей Федорович!

Приблизительно через неделю я собираюсь быть в Петербурге, и до того времени мне очень хотелось бы кончить розыски чертежей. Что дали розыски в Петербурге? Где именно чертежи: в Петербурге, в Москве? Я все жду вестей об этом. Черкните, пожалуйста.

Ваш Дм. Смирнов.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 8.

№ 7

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу
Почтовая карточка

Его превосходительству Сергею Федоровичу Ольденбургу

В. О. Академия наук. С.-Петербург
Тверской бульвар д. 48, кв. 23

26 апреля 1910 г.

Дорогой Сергей Федорович!

Сегодня окончательно выяснилось, что без расписки никакого здесь толку добиться невозможно. Будет всего лучше, если в руках у меня будет даже не номер расписки, а она сама. На почтамте здесь такой кавардак, что только официальным путем и можно чего-нибудь добиться.

Ваш Дм. Смирнов.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 9.

№ 8

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу
Почтовая карточка

Его превосходительству Сергею Федоровичу Ольденбургу

В. О. Академия наук. С.-Петербург
Тверской бульвар д. 48, кв. 23

28 апреля 1910 г.

Дорогой Сергей Федорович!

Эмилия Александровна очень больна, и потому в Петербург я приеду в двадцатых числах мая, не раньше. Просто не знаю, что сделать с чертежами, если они в Петербурге. Можно ли их послать по почте после такого опыта, а с другой стороны, я сейчас сижу совершенно без дела. Сделайте, пожалуйста, как Вам самим покажется лучше.

Прикажите потом, пожалуйста, прислать мне 50 руб., если можно поскорее. На день, на два, если это нужно для дела, я мог бы приехать в Петербург и на этих днях, но не знаю, лучше ли это будет. Вам самим виднее в Петербурге все это, и Вы черкните, пожалуйста, об этих сообщениях.

Ваш Дм. Смирнов.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 10.

№ 9

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу
Почтовая карточкаЕго превосходительству Сергею Федоровичу Ольденбургу
В. О. Академия наук. С.-Петербург

Тверской бульвар д. 48, кв. 23

[5 мая 1910 г.¹]

Спасибо Вам за участие, дорогой Сергей Федорович!

Самое опасное время для Эмилии Александровны теперь уже миновало. Она теперь уже не все время лежит и чувствует себя сравнительно хорошо. Доктор говорит, что в середине мая ей можно будет переехать в деревню. Она Вам очень кланяется.

Ваш Дм. Смирнов.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 11.

№ 10

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу

19 мая 1910

Дорогой Сергей Федорович!

В Петербург приеду 26-го или 27-го мая, раньше приехать никак не могу. Привезу чертежи, денежный отчет и свои статьи о съемке – все это надо будет Вам непременно просмотреть. Здесь в почтамте мне сказали, что пропавшие чертежи *во всяком случае* находятся в Петербурге. Судя по всему, я буду занят у Комитета до середины лета, так что едва ли можно говорить *теперь* о [приискании] мне работы: с этим, вероятно, ничего теперь не выйдет. Еду главным образом для того, чтобы показать Вам сделанную работу, узнать о чертежах и о своей летней работе. Эмилию Александровну свез в деревню и вчера вечером только вернулся в Москву. Она себя чувствует сравнительно недурно, хотя в дороге и были очень нехорошие минуты.

До скорого свидания,

Ваш Дм. Смирнов.

Что ящики, прибыли в СПб?

Москва, Волхонка

д. Голофтьева, кв. 35.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 12–12 об.

№ 11

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу

Чибино¹

9 июня 1910

Дорогой Сергей Федорович!

Каковы у Вас новости? Получили ли из почтамта мои чертежи и какой вид у них? Получили ли ящики? Если нет, то каковы об них известия? Уехал ли Дудин в Берлин? Здесь у нас необыкновенный холод. По ночам перемерзли все овощи, и еще пришла сюда сибирская язва – настроение у местных хозяев самое удрученное. Эмилия Александровна здорова и чувствует себя сравнительно хорошо; брат ее благополучно выдержал свои экзамены. Я принялся за исправление чертежей; очень грустно это делать.

Черкните, пожалуйста, о петербургских новостях. Где теперь Сережа? У Вас мой паспорт? Я позабыл-таки Ключевского у Вас. Если у Вас будет минутка свободного времени, прикажите, пожалуйста, послать его по почте: я буду Вам очень благодарен.

Всего самого хорошего.

Ваш Дм. Смирнов.

Эмилия Александровна шлет Вам свой привет.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 13.

№ 12

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу
Почтовая карточкаЕго превосходительству Сергею Федоровичу Ольденбургу
В. О. Академия наук. С.-ПетербургСтанция Ильинская Тверской губ. Послано 19 июля
Имение Витвер²

23 июня 1910 г.

Дорогой Сергей Федорович!

Работа моя пришла к концу, а от Вас ни слуха. Из газет я узнал, что ящики уже получены. Где и что с моими чертежами?

Всего хорошего. Жду ответа и чертежей.

Ваш Дм. Смирнов.

Эмилия Александровна шлет Вам свой привет.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 14.

¹ Датируется по почтовому штемпелю.¹ По-видимому, имеется в виду деревня Чибино Тверской губернии Корчевского уезда (ныне не существует).² Имение родителей жены Д.А. Смирнова.

№ 13

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу

10 июля 1910 года

Дорогой Сергей Федорович!

Чертежи с Безекликом пошлите, пожалуйста, поскорей. Проще всего, конечно, послать их заказным, но только посмотреть аккуратнее за адресом, чтобы и на этот раз не вышло недо-разумение. Неужели еще не получили ящики? Попросите, пожалуйста, известить меня, когда они придут, если Вы будете так же заняты.

Работу свою я кончил. *Все* чертежи внимательно пересмотрел и сравнил с карандашными эскизами, сделал исправления на некоторых чертежах, довольно радикальные, чтобы не было «бликов», о которых Вы говорили, *все* чертежи заново залил тушью. На все это ушло очень много времени, и я кончил эту работу сравнительно недавно. Надеюсь, что на этот раз Вы будете довольны. Чертежи вышли менее красивыми, чем я желал бы, потому что, вообще говоря, чертежник я очень средний, но поручить их кому-нибудь, кроме меня, по моему мнению, нельзя было. Зато и Вы и я будем покойны за научную добросовестность, а при третьем лице совсем покойным быть очень мудрено. Неизвестно ли что-нибудь насчет моей судьбы?

Эмилия Александровна Вам кланяется.

Ваш Дм. Смирнов.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 15.

№ 14

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу

25 июля 1910

Дорогой Сергей Федорович!

Я боюсь, что Вы не совсем меня поняли, когда я говорил о «красоте» своих чертежей. Ни о какой «растрепанности» в чертежах и речи быть не может. Наоборот, все они вычерчены с большим вниманием к каждому штриху, каждой линии. Я потому именно и хотел вычертить их непременно сам, что боялся отсутствия внимания в постороннем человеке. По Вашему совету я все чертежи только что еще раз пересмотрел и исправил все, что увидел. Я и писал именно об этом, что с научной стороны мы можем быть покойны. Все дело в том, что у очень хорошего чертежника чертежи будут безукоризненные в чисто техническом смысле. Не знаю, поскольку это ценно. Мне казалось, что для научного издания почти безразлично, вычерчен план артистически или просто добросовестно и приемлемо с внешней стороны. Мои чертежи после исправлений и перекраски, по-моему, стали даже более «приглядистыми», чем были. А Вам самим казалось прежде, что они приемлемы и с этой именно точки зрения. Конечно, ни за какой чертеж в отдельности я не буду стоять и пере-черчу по первому Вашему желанию.

Если Вам кажется, что мне надо побывать у Вас (чтобы переговорить окончательно насчет этих чертежей), то я могу, разумеется, приехать. Мне думается, что лучше всего это сделать после того, как я начерчу Муртук. Только Вы непременно напишите мне, когда мне приехать, без этого я не поеду. (Я тогда бы мог захватить с собой на обратном пути и Шикшин.) Если

же Вы думаете, что мне *не надо* ехать лично в Петербург, то чертежи Шикшина чем скорее будут посланы сюда, тем лучше.

Всего хорошего.

Ваш Дм. Смирнов.

Эмилия Александровна чувствует себя совсем хорошо и шлет Вам свой привет.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 16–16 об.

№ 15

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу

Почтовая карточка

Его превосходительству Сергею Федоровичу Ольденбургу

В. О. Академия наук. С.-Петербург

28 июля 1910 г.

Дорогой Сергей Федорович,

Муртук – чертежи сегодня получил. Жду от Вас вести: пришлете ли мне сюда все чертежи или мне придется ехать в Петербург.

Всего хорошего.

Ваш Дм. Смирнов.

Показывал чертежи одному технику – он нашел их очень недурными с чисто чертежной точки зрения.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 17–17 об.

№ 16

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу

Почтовая карточка

Его превосходительству Сергею Федоровичу Ольденбургу

В. О. Академия наук. С.-Петербург

14 августа 1910 года

Дорогой Сергей Федорович!

На днях моя работа *совершенно* кончилась. Вышло 18 листов чертежей. Общий чертеж Безеклика вышел довольно приглядистым. Что мне делать дальше? Я с большим нетерпением жду или чертежей Шикшина, или приглашения приехать в Питер. Не выяснилось ли что-нибудь насчет моей судьбы в дальнейшем? Распакованы ли ящики? Как все доехало?

Всего хорошего.

Ваш Дм. Смирнов.

Эмилия Александровна шлет Вам свой привет.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 18.

№ 17

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу
Почтовая карточка

Его превосходительству Сергею Федоровичу Ольденбургу

В. О. Академия наук. С.-Петербург
Москва, Тверской бульвар, д. 14, кв. 23

21 сентября 1910 года

Дорогой Сергей Федорович!

Вчера я послал Вам оба чертежа, о которых Вы просили. В Шикшинских пещерах горизонталы проведены через 1 сажень, причем 1-я горизонталь соответствует – 0. Заштрихованное пространство – область возвышенностей, не нанесенных на план. Масштаб Шикшинских пещер – 50 саженей в 1 дюйме, масштаб самого Шикшина – 10 саженей в 1 дюйме.

Слышал от Сережи о Вашей операции. Желаю Вам скорого выздоровления.

Эмилия Александровна шлет Вам свой привет.

Всего хорошего.

Ваш Дм. Смирнов.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 19.

№ 18

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу

Его превосходительству Сергею Федоровичу Ольденбургу

В. О. Академия наук. С.-Петербург
Москва, Тверской бульвар, д. 14, кв. 23

8 ноября 1910 года

Дорогой Сергей Федорович!

Спасибо Вам за телеграмму. Мне предложили в Горном департаменте немедленно приступить к занятиям в департаменте, а в январе – ехать на место в Асхабад. Я в тот же день уехал в Москву и оттуда написал, что ехать в Асхабад – я согласен, но что к занятиям (по подготовке к этой поездке) могу приступить лишь в начале декабря. Не знаю, что они на это скажут. Жалованье предлагали – 200 руб. в месяц – для начала совершенно достаточно. Оставить Эмилию Александровну в ноябре одну в Москве я совершенно не мог. Если с ней что случится, при ней абсолютно никого нет. Думал-думал и решил написать в департамент, что могу приехать к занятиям лишь в начале декабря. Очень жаль было, что с Вами я не мог посоветоваться.

Сейчас мы все живем под впечатлением трагической смерти Толстого. Под впечатлением этой смерти – все, даже враги, прониклись к нему каким-то трогательным уважением.

Эмилия Александровна пока здорова и Вам кланяется.

Ваш Дм. Смирнов.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 20.

№ 19

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу

Москва

7 марта [1911 г.]

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Приношу Вам благодарность за Ваше письмо; ничего, что оно резкое. Последнее время неосновательная половинчатость меня так измучила, что я стал любить резкости. Но, все-таки, Ваше письмо или по своей краткости, или по новизне для меня Ваших суждений – оставило не совсем ясное впечатление.

Совершенно правильно, что последние полтора года я очень много *жил*. Так много, что прошлое мне теперь кажется ушедшим в какую-то несколько даже чуждую для меня даль. За это время страшно напряженной по всем областям жизни я *ни разу* не имел возможности как следует оглянуться на свое существование. Некогда было с духом собраться и осмотреться как следует.

Но может ли это быть основной причиной нехудожественности моих очерков? Ведь были же большие деятели и большие художники одновременно: Виктор Гюго, [. . .]. Или и у них деятельные и созерцательные моменты *следовали* друг за другом? Кто его знает, так ли это безусловно, как вы пишете? Ведь «Куда идти» написано все-таки *раньше*, чем «Эпизод», например, и я совершенно не думаю, чтобы после «Куда идти» (оно написано в октябре, если не ошибаюсь) у меня стал брать верх созерцательный элемент. Или «Эпизод» явился моим *исключительным* переживанием за это время?..

Во всяком случае, для меня несомненно, что такие исключительно резко очерченные натуры, как Гёте, с одной стороны, или наши многочисленные социал-демократы, с другой, были более естественны, более нужны, так сказать, в экономии природы, чем мода иного склада. И почему-то я никогда и никак не мог поверить в какое-нибудь свое исключительное призвание. Его нет у меня. Нет, не потому, чтобы не было идейности в моей жизни или способности к чему-нибудь, а нет по чему-то по другому. И потому-то закрыть, так сказать, некоторые клапаны моей души мне всегда казалось ненатуральным, неестественным. Пусть все живет. И я смею думать, будет жить не бесплодно, не безрезультатно. . .

Ваш совет подождать и пока не писать ничего я уже исполняю с ноября месяца. Теперь и до будущей весны я по горло буду завален работой по Горному институту, так что писать волей-неволей буду тогда лишь, когда через край тоскливо станет жить иначе. Все время думал побывать к Сереже, но за это время у меня случилось несчастье, сильно заболела жена, и поэтому я никуда не выходил. Теперь она почти совершенно выздоровела, и на днях я выберусь.

Вещь мою я бы просил, если возможно, у Вас оставить. Буду в апреле в Петербурге и тогда возьму ее.

Под конец я обращаюсь к Вам с одной большой просьбой: у меня есть брат, кончивший городское училище, лет 16 отроду. Вероятно, ему осенью или летом придется искать работы. Я слышал, что при типографии Академии наук есть какая-то школа для учеников типографии. Нельзя ли ему будет как-нибудь там устроиться? Какие условия для поступления туда? Я бы очень просил Вас, если можно, написать мне об этом.

Уважающий Вас Дм. Смирнов.

Мой адрес: Мясницкая, Малый Харитоньевский пер., д. Котова, кв. 10.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 46–46 об.

¹ Датировка предположительная; датируется по контексту: Д.А. Смирнов поступил на работу в Главное горное управление в январе 1911 г.

№ 20

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу

Москва, Тверской бульвар, д. 14, кв. 23

12 апреля 1911 г.

Дорогой Сергей Федорович!

Завтра я уезжаю в Екатеринослав¹. Перед отъездом мне хочется поблагодарить Вас за все то теплое внимание и участие, которое я встретил у Вас. Как-никак, я получил место благодаря *только* Вам, а кроме того целую зиму ждал его без всякого трагизма тоже благодаря только Вам и Вашему хорошему ко мне отношению. Так редки такие люди и так дорого такое отношение!

Уезжая из Петербурга, я взял с собой одну книжку из библиотеки и две Ваших. Эти книжки я посылаю на имя Елизаветы Петровны². От Географического общества мне было бы очень приятно получить инструкцию для изучения озер, и, если можно, я бы очень просил Вас попросить у Географического общества для меня эту инструкцию. Кроме того, мне очень хотелось бы получить Ваше письмо к Зернову³ в Севастополь. А к морякам, вероятно, можно проникнуть через Зернова? С месяц я пробуду в Екатеринославе (адрес до востребования), а дальше: село Саки Таврической губернии Евпаторийского уезда. Сучков⁴ вызывает меня к 15 апреля в Екатеринослав. Еду туда на свои скромные средства, а в Екатеринославе надеюсь разбогатеть: ведь дадут же когда-нибудь подъемные! Оттуда и надеюсь вернуть Вам свой долг. Эмилия Александровна в начале мая едет в деревню в Тверскую губернию, а дальше – врачи советуют нашу дочурку катать в Крым не раньше начала августа, а то, говорят, жарко и потому опасно.

Желаю Вам будущим летом написать отчет и разобрать все коллекции нашей экспедиции. Уведомьте пожалуйста, меня, что станет с моими чертежами.

Всего самого хорошего.

Ваш Дм. Смирнов.

Эмилия Александровна шлет Вам свой привет. Ф.Н. Чернышеву⁵ я посылаю письмо о своем назначении.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 21–22 об.

¹ До 1796 и в 1802–1926 г. – название г. Днепропетровск (Днепр).

² Имеется в виду Е.П. Свешникова.

³ Зернов, Сергей Алексеевич (1871–1945) – русский, советский зоолог, гидробиолог и общественный деятель, академик АН СССР (1931). С 1902 по 1914 год – заведующий Севастопольской гидробиологической станцией Академии наук.

⁴ Сучков, Сергей Николаевич (? – ?) – горный инженер, в 1899–1908 гг. – директор и ординарный профессор Екатеринославского высшего горного училища. В 1912–1914 гг. – занимает должность начальника Горного управления Юга России.

⁵ Чернышев, Феодосий Николаевич (1856–1914) – геолог и палеонтолог, директор Геологического комитета (1903), ординарный академик ИАН (1909).

№ 21

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу

Саки, Таврическая губерния

8 июня 1911 г.

Дорогой Сергей Федорович!

Давно собирался Вам написать, да все Бог часу не давал; хотел вместе с этим прислать Вам свой долг, а вот пишу одно письмо. Представьте себе, что я до сей поры не получил прогонов, а вычетов уже было доброе количество. С делами пока кое-как управился, а то здесь были такие залежи, что ужас. Пока живу один, Эмилия Александровна приедет недели через 1½–2. Саки оказались далеко не так страшны, как про них рассказывали. Жалованье около 2000 рублей в год; первое время приходится, конечно, туго, а потом, вероятно, «образуется» и жить можно будет. Дела у меня, главным образом, бумажные, но это с одной стороны и лучше.

В Екатеринославе меня все пугали, что я обленюсь непременно в Саках, но такие речи меня как-то мало трогают: все-таки деревня во многом лучше города, а насчет лени – своя голова на плечах...

Как вы поживаете? Собрались ли в Японию или остались в Питере? Пишете ли отчет о нашем путешествии? Работает ли в музее Дудин? Разобраны ли все коллекции? Был ли государь в Музее? И проч. и проч. – вопросов много, не соберетесь ли ответить хоть на некоторые? Как устроился Сережа в Мюнхене и как он поживает?

Адрес мой: Саки, Таврическая губерния, горному инженеру Д. А. Смирнову.

Всего лучшего.

Ваш Дм. Смирнов.

Привет Елизавете Петровне.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 23–23 об.

№ 22

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу

Саки, Таврическая губерния

17 октября 1911 г.

Дорогой Сергей Федорович!

Давным-давно собирался Вам написать, да все меня останавливало одно соображение. Дело в том, что на днях с несомненностью выяснилось, что недели через две или три я перейду помощником окружного инженера Горловского горного округа (мой адрес будущий: Щербиновский рудник Екатеринославской губернии). Я и хотел Вам об этом сообщить, да назначение мое неожиданно очень затянулось. Все вышло довольно странно и внезапно: помощник окружного инженера того места, где я буду, предложил мне поменяться с ним местами. Я согласился. Начальник Горного управления Сучков одобрил мое согласие, и вот скоро состоится перевод.

Я перехожу в очень бойкий угольный район с громадными рудниками, с синдикатом, с газом и прочими атрибутами бойкого угольного дела. Будем жить с Эмилией Александровной, вероятно, совсем в стороне от фабричного поселка (в версте), так что дочурке нашей не будет, надо думать, плохо. Содержание будет гораздо больше, деятельность живее – надо полагать,

и жизнь должна стать интереснее. Можно выписать побольше книг, рядом будет хорошая библиотека (на руднике) – все это говорит за преимущества этого места. Вот только хлопотно перебираться: только здесь устроились-пообжились, и переходим на другое место, в абсолютно новую обстановку жизни. Немножко жалко Саки – климат уж очень здесь хорош, а в общем моя цыганская душа будет довольна перемене.

Дочурка у нас очень выросла и чуть-чуть не ходит. Она очень жива и пока не обнаруживает никаких признаков того, что будет уметь злиться и сердиться, т. е. она очень добра и мила. Это нас с Эмилией Александровной очень радует...

Что у Вас в Питере? Как будто сонное настроение овладело всеми после смерти Столыпина¹ – никто не знает, чего надо захотеть. Что коллекции и что Дудин, т. е. работает ли он в музее²?

Если выберете как-нибудь минутку и черкнете мне – я буду очень рад: кроме Вас некому мне сообщить весточку о Вас и о всем, что около Вас, а с этим у меня много связано дорогих воспоминаний.

Большой привет Елизавете Петровне и Сереже и Федору Федоровичу³, если они случатся в Петербурге.

Эмилия Александровна посылает привет Вам и Елизавете Петровне.

Ваш Дм. Смирнов.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 24–25 об.

№ 23

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу

Почтовая карточка

Его превосходительству Сергею Федоровичу Ольденбургу

В. О. Академия наук. С.-Петербург

Саки, Таврическая губерния

21 ноября 1911

Дорогой Сергей Федорович!

Вышлите, пожалуйста, мне (или велите попросить, пожалуйста, выслать) «Топографию» Витковского⁴, которая лежит у Василия Васильевича⁵ в Музее. Мне она *очень* нужна, из продажи она вышла, и достать ее нигде не могу. Через месяц верну ее с благодарностью. У меня здесь срочная съемочная работа, и без Витковского совсем зарез!

Привет Елизавете Петровне. Через месяц или полтора перехожу на новое место.

Всего лучшего.

Ваш Дм. Смирнов.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 26.

¹ 1 (14) сентября 1911 года на премьер-министра П.А. Столыпина в Киеве было совершено покушение. От полученных ран Столыпин скончался.

² Имеется в виду Музей антропологии и этнографии ИАН (Кунсткамера).

³ Имеется в виду Ф.Ф. Ольденбург – брат С.Ф. Ольденбурга.

⁴ Витковский, Василий Васильевич (1856–1924) – русский геодезист и топограф, автор ряда фундаментальных трудов по геодезии и топографии.

⁵ Имеется в виду В.В. Радлов (1837–1918) – востоковед-тюрколог, ординарный академик ИАН (1884), директор МАЭ (1894–1918).

№ 24

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу

20 мая 1912 года

Почтовая станция Щербиновский рудник
Екатеринославской губернии

Дорогой Сергей Федорович!

В течение многих лет я так привык к регулярному общению с Вами, что и сейчас о многом бы мне хотелось побеседовать с Вами. Потому вот и пишу... хотя, увы, без надежды на ответ.

Случайно я узнал, что В.И. Каменский¹ умер в прошлом году. И жалко его стало... Даже не тому, что он умер (все мы умрем), а тому, что неумело и узко жил и мало, вероятно, что он узнал в жизни. Мир его праху!

Дудин выставил картину и даже получил какой-то приз. Это удивительно и грустно за Дудина: еще резче он будет стремиться к живописи, а туда ему незачем стремиться.

Каковы надежды на следующую экспедицию? Деньги есть, стало быть и экспедиция будет, только как и когда она будет? Да и мудрено теперь ехать в Китайский Туркестан: как раз можно попасть в переделку между сартами, китайцами-реакционерами, китайцами-республиканцами и прочими, кому есть охота устроить восстание.

Где Сережа и что он? Удовлетворен ли заграницей?

Я теперь в очень непривычной для себя обстановке. Прежде всего, как-никак я чиновник министерства торговли и промышленности и довольно важная персона в своей узенькой области – стало быть, в общественном и во всяком смысле стою выше всяких косых взглядов и подозрений. Скорее даже наоборот: много народу рассчитывает у меня встретить симпатии со стороны, совершенно мне несродной. Я никак все не могу привыкнуть к этой шкуре и никак не могу счесть это положение для себя нормальным.

С другой стороны, мое положение меня больше удовлетворяет. Горная инспекция (к которой я принадлежу) служит посредником между рабочими и администрациями рудников, а так как обиженной стороной почти всегда бывает слабейшая сторона, т. е. рабочие, то мы и специализировались до известной степени – как защитники и ходатаи рабочих. У всякого учреждения есть своя амбиция – есть она в этой области и у Горной инспекции. И по этой части я встретил удивительное явление: смотришь, какой-нибудь окружной инженер с одной стороны черная сотня чистейшей воды, а с другой – (по рабочему вопросу, где ему приходится действовать) он является не за страх, но и за совесть заступником рабочим и является убежденным поклонником довольно-таки радикальной рабочей программы. Вот после этого и ищи в людях цельности, а особенно в русских людях. Конечно, к нам за помощью идут прежде всего самые обездоленные: инвалиды, больные. Рабочее законодательство наше из рук вон плохо, и потому безвыходного горя приходится видеть очень много. Ни одно ведь крупное несчастье у кого-либо из рабочих моего района так или иначе не минует моих рук. Это тяжело, но... но необходимо: для самих рабочих, для жизни, даже для меня.

Потом идет за помощью крайне разнообразная группа неуравновешенных в общественном смысле людей. Здесь есть и те, кто выше и развитее остальных, а больше всяких несдержанных людей, пьяниц, лентяев и одержимых прочими пороками. Поле для общественной патологии широкое, и здесь особенно больно чувствуется неимение рабочими своих рабочих

¹ Каменский, Владимир Иванович (?–1911) – археолог, сотрудник МАЭ, участник I РТЭ.

союзов, где бы эти неуравновешенные люди в авторитетности организации видели бы более ясно свою линию поведения. Вместе и параллельно с рабочим вопросом приходится еще вести правила безопасности работ. На рудниках, как вы знаете, это большой, сложный и большой вопрос – вне всякого сравнения с фабриками. Хорошо то, что по этому вопросу многое уже сделано, и приходится, главным образом, расширять и дополнять это сделанное. Всякие хорошие меры безопасности стоят хороших денег, и администрация рудников охотно хороших денег не тратит. Здесь требуется с нашей стороны довольно упорное во многих случаях насаждение, что не легко и не просто, особенно с моим невыдержанным характером. Во всяком случае, поле для применения дипломатических способностей широкое. Есть много оборотов «насаждения»: милый разговор, «деловой» разговор, неофициальное замечание, деликатная запись в Инспекционную книгу, рекомендованная мера, «предложенная мера» и т. д. и т. д. вплоть до закрытия работ, если меры безопасности упорно не исполняются. Как умею, верчусь среди всех этих дипломатий, и что дальше из меня получится в этом направлении, совсем не предвижу.

Внешняя обстановка жизни здесь сносная: большая хорошая квартира с недурным садиком, недурные окрестности, пара лошадей и две тысячи с лишком жалования. Жить можно. Эмилия Александровна занята дочерью, огородом, музыкой и, кажется, довольна своей участью. Дочь наша растет и уже бегаёт, хотя [...] слабо.

Передайте мой привет Федору Федоровичу. Если у него сохранился интерес к провинциальной фабричной жизни и специально к угольному Донецкому бассейну, я прошу его черкнуть мне об этом, и я в изобилии напишу ему всяких здешних впечатлений. Как-никак здесь один из основных узлов русской промышленности.

Большой поклон Сереже и Елизавете Петровне. Эмилия Александровна шлет свой привет. Всего самого хорошего.

Ваш Дм. Смирнов.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 27–30.

№ 25

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу

п/о Щербиновский рудник

22/IX 1913

Дорогой Сергей Федорович!

Сейчас только что получил от моего брата Коли письмо с подробным описанием Вашего любезного и внимательного к нему отношения, и мне захотелось поблагодарить Вас и откликнуться на Ваше давнее-давнее письмо. Не отвечал так долго – все были переходные переживания, весьма далекие от того круга людей и мыслей, где Вы живете. Теперь все улеглось более или менее и пришло хотя и в малоутешительную, но все-таки ясность. Дело в том, что за это время я около 3-х месяцев исполнял свои и обязанности окружного инженера, а наш округ – самый проклятый округ в России. И в результате пришел к весьма неутешительному выводу: столько кляуз, подлогов, доносов и проч. и проч. И такая малая крупица настоящего дела. В результате у меня большая неудовлетворенность, у начальства – недоумение – что с таким беспокойным человеком делать должно. Казенная служба должна теоретически располагать к философскому эпикурейству, а получилась разъедающая рефлексия, конца которой не видно. В результате с завтрашнего дня начинаю поиски

частной службы на рудниках. Буду искать должность заведующего каким-нибудь крупным рудником (на оклад около 5000 руб.). Попробую там поработать – будет видно, что из этого выйдет. Получить легко хорошее место я мало рассчитываю: никогда еще я не работал на рудниках, но все-таки попробовать поискать должно. Да и застывает как-то мировоззрение, когда так глядишь по сторонам от одной печки. Надо посмотреть на мир и с другого края.

Коля¹ сообщил мне, что Вы собираетесь ехать в экспедицию. Куда и по что? Опять в Туркестан? А в каком положении находится Ваш отчет о нашей прежней экспедиции? Где и что Дудин и Василий Васильевич? Соблазнительно попроситься к Вам в экспедицию, но я теперь вошел в какое-то ярмо, и вылезти из него не так-то легко и просто. Если не найду подходящего частного места и останусь на казенной службе – можно бы и попробовать что-нибудь сделать. Я очень прошу Вас все-таки написать мне – какая экспедиция – куда – на какой срок – на какие средства и проч., хотя боюсь, что из этого получится только «пленной мысли раздраженье»².

Коля пишет, что у Сережи есть невеста³? Поздравьте его от меня и передайте самый теплый привет и лучшие пожелания. Я не знавал его невесту раньше? Простите меня за долгое молчание – право, кроме сумбура из письма ничего бы не вышло. Думаю я о Вас часто и забыть Вас, разумеется, нельзя, но писать я разучился.

Всего лучшего. Передайте мой привет Елизавете Петровне и Федору Федоровичу. Эмилия Александровна со чады кланяется.

Ваш Дм. Смирнов.

Эмилия Александровна, прочтя письмо, не одобрила слово «ярмо»; поясняю – я разумею ярмо деловое; у меня и в мыслях никогда не было считать за ярмо семью: до того-то я еще не огрубел.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 31–32 об.

№ 26

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу

2/X 1913

п/о Щербиновский рудник
Екатеринославской губернии

Дорогой Сергей Федорович!

Пишу к Вам в надежде получить от Вас скорый ответ.

Я решил окончательно уйти с того места, на котором я служу сейчас. Что со мной дальше будет и чем вообще кончится тот невероятный сумбур, что поднялся вокруг меня, – сейчас никак нельзя сказать. Все вопросы и вопросы кругом – одно ясно – надо уходить. Причем если бы можно было, например, с весны уехать в экспедицию, это был бы вполне возможный и резонный выход для меня. Я не скажу, чтобы это был самый желательный и наиболее простой выход, но все-таки...

¹ Имеется в виду Н.А. Смирнов.

² Здесь приводится цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Не верь себе» (1839).

³ Имеется в виду невеста С.С. Ольденбурга Ада Дмитриевна Старынкевич (1892–1946).

Вам бы, вероятно, не составило особенного затруднения добиться от Тимашева¹ моей командировки в экспедицию даже с сохранением моего содержания – тогда моя командировка имела бы несомненный резон даже в служебном и казенном смысле.

Но собираетесь ли Вы поехать весной? Или это все мечты, и о реальном выполнении их еще думать не приходится? Вот на это я и хотел бы получить от Вас скорый ответ. Нужно еще добавить – что около 20-го октября я собираюсь быть в Петербурге и надеюсь провести там недели две. Будете ли Вы это время в Петербурге? На это я тоже хотел бы получить скорый ответ, потому что ехать в Петербург и не видеть Вас – для меня предприятие совершенно нежелательное.

Всякие дальнейшие мои вопросы касаются деталей, и лучше о них толковать по выяснении главного.

Я мечу здесь на одно частное лицо. Вопрос этот решится, по моему мнению, около середины октября или попозже немного. Причем если я получу отказ от этого лица – мое желание найти другое частное лицо будет осуществимо уже вдвое труднее. Весьма скверно стоять на распутье и ждать у моря погоды.

Всего самого хорошего.

Привет Сереже и Елизавете Петровне.

Эмилия Александровна шлет поклон.

Ваш Дм. Смирнов.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 33–34 об.

№ 27

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу

п. о. Щербиновский рудник 20/XI 1913

Дорогой Сергей Федорович!

Как-то у Вас идут дела? Сделал ли Коля (мой брат) то, что нужно было сделать в чертежах? Отправились ли чертежи в печать? Говорили ли Вы с Авдаковым²? Здесь говорят, что Авдаков возвращается теперь почти исключительно в торговых и бюрократических кругах и едва ли знает близко, как дела на рудниках. Здесь страсти значительно улеглись к моему приезду, постараюсь их не раздуть снова. Мое непосредственное начальство уговаривает меня остаться на прежнем месте. Но все это очень мало радует мое сердце, и до смерти хочется уйти. Сделать это, судя по всему, непросто: скоро, по крайней мере, нельзя это сделать. А брать маленькое место *частной* службы с примерно таким жалованьем, что я получаю теперь, – глупо, по общему мнению. Через неделю поеду на рынок инженеров в Харьков – посмотрю, что там. К проекту поехать в экспедицию Эмилия Александровна отнеслась безо всякого энтузиазма. Перспектива с двумя малышами на год устраиваться совсем в новом месте – конечно, тяжелая. Кроме того, мое начальство уверяет меня, что можно поехать лишь с сохранением должности (получать содержание по департаменту, а не по Горному управлению), а сохранить *место* мне – нельзя. А это значит по возвращении иметь

¹ Тимашев, Сергей Иванович (1858–1920) – российский государственный деятель. С 1909 по 1915 гг. – министр торговли и промышленности, член Государственного Совета.

² Авдаков, Николай Степанович (1847–1915) – горный инженер, предприниматель, общественный деятель.

перспективу – ехать куда пошлют из Санкт-Петербурга, судя по нашей службе – в таком положении можно попасть в такое место, что не обрадуешься.

В результате этих соображений – я совсем отбился от дела и не нахожу себе места. Вы такое настроение во мне совершенно не одобряете. Памятуя это, а также наставления Эмилии Александровны, я стараюсь вести себя прилично в деловом смысле, но от этого мало кому лучше.

Всего самого хорошего. Привет всем Вашим.

Эмилия Александровна кланяется.

Ваш Дм. Смирнов.

P.S. Очень благодарю Вас, дорогой Сергей Федорович, за гостеприимство и за то, что в С.-Петербурге у Вас чувствуешь себя как дома.

Черкните, если будет время.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 35–36.

№ 28

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу

п. о. Щербиновский рудник

4/I 1914 г.

Дорогой Сергей Федорович!

Сегодня получил Ваше письмо и вместе с тем узнал из газет о смерти Феодосия Николаевича Чернышева. Бог мой, как жалко его. Геологический комитет осиротел без него. Старички уходят, а молодые не приходят им на смену...

Как Вы уже знаете из моего предыдущего письма, я не могу поехать в экспедицию. Моего брата при тех условиях, которые Вы ставите, я полагаю, можно взять в экспедицию. В смысле характера он человек дорогой, а кроме того и работоспособный и непритязательный человек, физически он крепкий и здоровый человек. Кроме занятий с топографом, Вы хорошо бы сделали, если бы прислали его на месяц ко мне, например с 15 апреля по 15 мая, или просто на апрель: я бы здесь его наладил окончательно. Мне кажется, что он с делом при такой подготовке справится. А вообще, я с большим одобрением отношусь к мысли взять моего брата: трудно найти военного с таким характером. Я его известил о Вашем желании взять его с собой в экспедицию, и он к Вам на днях явится. Его адрес: Станция *Лютново* Костромской жел. дороги, имение Варенцовых¹, Николаю Арсеньевичу Смирнову. Телеграфный адрес: Лютново, имение Варенцовых Николаю Смирнову. Он Рождество был здесь у нас и уехал отсюда всего 2 дня тому назад.

Привет всем Вашим.

Эмилия Александровна кланяется.

Ваш Дм. Смирнов.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 37–37 об.

¹ Имеются в виду родители жены Н.А. Смирнова.

№ 29

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу

П. о. Щербиновский рудник Екатеринославской губ.

7/III 1914

Дорогой Сергей Федорович!

Сюда приехал мой брат для занятий с мензулой¹ и уже приступил к этим занятиям. Для этих занятий здесь исключительно благоприятная местность: я живу на заброшенном, наполовину разрушенном руднике, почти совершенно необитаемом. Хотя древности эти всего 19-го века – но ведь для съемки особенного значения это иметь не может. Весь рудник расположен по склону не очень высокой горы, пересеченной оврагами, – все это более, чем что-либо, напоминает Турфан.

Вокруг моего жилища местность горная: горы не бог весть какой высоты, но, во всяком случае, много продольных возвышенностей, оврагов (глубоких), и совсем нет леса. Все это опять-таки напоминает Турфан.

Кроме этого, я хотел бы передать моему брату большое количество всяких указаний. Смею думать, что большая часть их пойдет на пользу, ибо кроме прежнего моего знакомства с работами такого рода и поездки в Китайский Туркестан – я уже 2 года преподаю геодезию в Горловской штейгерской школе.

Принимая все это во внимание, я предложил Коле остаться здесь для всяких занятий и записей по предмету будущих работ на месяц, т. е. в Петербург явиться около 10 апреля. По моему мнению, он здесь просидит с большей пользой для дела, чем в Петербурге. Мы с ним составили подробный перечень вопросов, о которых ему нужно будет в Петербурге потолковать и спросить совета и указаний у Напалкова². А отрывать от дела такого занятого человека, как Напалков, для занятий в Парголове, когда это можно сделать гораздо лучше здесь, не стоит.

На основании всяких этих соображений мой брат просит меня написать Вам, не разрешите ли Вы ему здесь остаться до Пасхи, т. е. в Петербург явиться около 10 апреля? Напишите, пожалуйста, сюда о Ваших желаниях по этому поводу.

У Вас имеется моя записка, переданная Вам 3 года тому назад, – «Об особенностях археологической съемки в Китайском Туркестане». Если не трудно, отыщите ее, пожалуйста, и передайте ее брату, чтобы эту записку взял с собой в путешествие: там на месте она ему пригодится. Так грустно сознавать, что я не поеду вместе с Вами.

Всего лучшего. Приветы всем Вашим.

Коля и Эмилия Александровна кланяются.

Ваш Дм. Смирнов.

У нас в феврале было большое горе: умерла здесь у нас мать Эмилии Александровны.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Он. 3. Д. 547. Л. 38–39.

¹ Мензула – геодезический инструмент, представляющий собой полевой чертежный столик, состоящий из планшета, штатива и скрепляющей их подставки. Используется при составлении подробного плана местности.

² Напалков, Петр Яковлевич (1874–1937) – топограф, капитан Военно-топографического управления, участник Монголо-Сычуаньской экспедиции П. Козлова 1907–1909 гг. После революции жил в Омске, работал гидрографом в Управлении Главсевморпути. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

№ 30

Н.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу

Урумчи 22/XI 1914 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Обещался Вам писать из каждого города, но материала так мало, что все поберег до Урумчей. Доехали мы благополучно. Все время была солнечная погода. Было совсем тепло, а в полдн даже жарко. В Чан-фо-дуне было гораздо холоднее, чем между Хами и Урумчами. Дорога до Гучена прежняя, но после него гораздо лучше: арыки пересохли, грязь исчезла, и шор обратился в пыль. Лошади довольно легко везли нас, но вследствие быстрого движения без дневок так изнурились, что только 7 лошадей пришли в Урумчи в удовлетворительном состоянии. Лошадей мы продали и наняли арбакеш, которых нашли с большим трудом, за 450 руб. Моя лошадь и Самуила Мартыновича пошли казакам Манохину и Горбунову. Приемка лошадей была здесь в Урумчах в присутствии хорунжего Михайлова и фельдшера. Казачьи лошади пошли тоже в продажу вместо 2-х наших всего за 220 рублей. Михина лошадь была у Аксакова, который на ней <все> время работал и испортил у ней ноги, а потому Михин себе искал новую лошадь.

Я в Урумчах получил целую серию писем от брата и из деревни, чему я очень рад. Митя шлет вам привет. Он обстоятельно описал военные действия и даже прислал много вырезок из разных газет, но все, к сожалению, нам уже известных сражений.

Вы, наверно, уже знаете, что у нас война с турками. Ночью на 16 октября турецкая эскадра без объявления войны бомбардировала Одессу, Феодосию и Новороссийск, но, к счастью, они не оказали нам существенного вреда. Сухопутный театр войны с турками ведется на два фронта. 1-ый в Закавказье, а 2-ой с восточной стороны Черного моря. (Про 2-ой фронт пишу со слов консула и Михайлова.) Наши войска отразили немцев от западных границ, которые были в 12 верстах от Варшавы. Офицер Михайлов сегодня отправился через Джаркент на театр военных действий. На его место вчера пришел конвой семиреченских казаков с подхорунжим во главе.

В Урумчах все по-старому. Валентина Евгеньевна¹ по-прежнему лечится, а Алексей Алексеевич² так же живет без секретаря, собирает коллекцию и жалуется на болезнь сердца. Они встретили нас довольно приветливо, за что им большое спасибо, и поместили в том же доме, где мы были летом. В Урумчах выпал первый снег, и вся пыль превратилась в грязь. Погода пока стоит теплая.

Как вы теперь устроились на новой квартире? Не холодно ли? И достаточно ли света? Вы скоро уже кончите описание пещер, и у вас начнется самая интересная работа. Очень жаль, что все-таки вам не пришлось написать о жизни и настроении в России. Как приеду, не держу ответом.

Всего, всего лучшего.

Остаюсь в глубоком уважении и таковой же преданности.

Ваш Н. Смирнов.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Он. 3. Д. 549. Л. 1–2 об.

¹ В.Е. Дьякова (1887–1965) – супруга русского консула в Урумчи А.А. Дьякова.

² А.А. Дьяков – русский консул в Урумчи. См. раздел «А.А. Дьяков – русский консул в Синьцзяне: малоизвестные страницы жизни» в данном томе.

Петроград. 23/1 1915 г.

Многоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

Очень прошу извинить меня в долгом молчании. В дороге не было спокойного настроения, и первые дни приезда не мог прийти в себя. Война так подействовала на меня, что я хотел поступить в военную школу, но я опоздал и прием уже кончился. Во всей России чувствуется волнение и трепетное ожидание русских побед. Газеты раскупаются нарасхват. Все волнуются и разговаривают исключительно о сражениях. Отзывчивая публика жертвует много денег на нужды армии, а более состоятельные открывают на собственный счет лазареты. В Петрограде очень много раненых, которых по выздоровлении отсылают опять на войну. Все пленные австрийцы и немцы находятся или в сибирских городах, или в прилегающих к Сибири губерниях. В центре России и ближе к театру военных действий находятся одни лазареты с ранеными, которых довольно много. Постоянно идут мобилизации и дошли до запаса ратников 1902 года, не говоря даже об солдатах, которых взяли из запаса 35 лет. Русского войска около 8–10 миллионов (10 миллионов надеются выставить весной). На фронтах на Западе теперь завязываются опять большие сражения. У германцев на передовых позициях участвует в бою 10 дивизий. Много немецких войск переведено на австрийскую границу. Русские войска пока все атаки германцев отбили. В скором времени должно произойти большое сражение – дожидаются теплой погоды. На турецком фронте нами разбито 3 турецких корпуса. Много взято в плен. Русский флот мешает туркам перевести войска на действия, а железной дороги в этом районе нет. В Константинополе очень много недовольных германским режимом. (Там все забрали германцы, и в турецких войсках масса германских офицеров.) Англичане высадились около Суэцкого канала и мешают туркам в военных операциях. Греция разрешила высадиться англо-французским войскам на ее территории. Германия подбивает Болгарию и Румынию объявить войну России, но пока обе державы сохраняют полный нейтралитет. ...

В России внутренняя жизнь не остановилась. Все государственные расходы, несмотря на войну и запрещение монополий, очень немного сократились. Смета по бюджету 1915 г. Государственной думой закончилась, теперь поступает на обсуждение в Государственный Совет. Торговля внутри страны стала немного лучше, благодаря недостатку товарных вагонов. Стало чувствоваться отсутствие немецких производств, но нужды особой нет. Лодзинские фабрики забрали немцы и успели провести уже несколько железных дорог. Русские фабриканты хотят мануфактурный центр перенести в Одессу, но это только еще проект. Вот пока главнейшие новости войны. Все определенно говорят, что Германии придется расстаться с флотом и оружием. Сейчас у них очень мало хлеба. Введен закон, чтобы каждый житель потреблял minimum хлеба. Ко всем булочным приставлены стражи.

Был у вас на квартире и видел Марию Дмитриевну¹ и Сергея Сергеевича, рассказывал, что мы видели, где работали, где получили вести об войне и т. д. Одним словом, все, что у нас было. Я узнал, что Вы уже благополучно кончили работу в Ченфодуне и едете в Турфан. Холодно сейчас ехать по пескам. Наверно, у Вас китайская шуба и теплые штаны? Желая Вам тихой погоды, а то при ветре ехать довольно трудно. Очень жалею, что я не могу быть в Турфане, ведь Вы там пробудете около месяца, а я, может быть, снял бы несколько планчиков, которые Вам и понадобились бы. Дома у меня все обстоит благополучно. Мои

¹ Бекарюкова, Мария Дмитриевна (1864–1946) – супруга Ф.Ф. Ольденбурга, двоюродная сестра И.М. Гревса.

два брата учатся, но только не в реальном, а <в> городском. Их не подготовляли и отдали туда, т. к. решили, что там дешевле... Приношу вам глубокую сердечную благодарность за все оказанное ко мне внимание. Я не могу выразить все в словах, но сердце полно самой теплой любви к вам. Я не могу подумать об экспедиции, не видя Вас. Это дорогое воспоминание я всегда буду носить в сердце. Здесь я сразу почувствовал Ваше отсутствие, и мне ни семья, ни братья не могут заменить всего душевного спокойствия, сколько я увидел от Вас. Если б я знал, что дома все благополучно, и яснее представлял свой отъезд, то сам со слезами бы просил меня оставить в Ченфодуне. Я все время помню Вашу фразу, что если кто других любит, того всегда полюбят. Сергей Федорович, это верно, но иногда бывает тяжело. Я привык любить сердцем, безотчетно, но не могу любить рассудком, а вообще понимать эту фразу в буквальном смысле, я могу любить других до известной степени – одних в большей, а других в меньшей. В любви и добрых началах у нас зиждется и вся жизнь человека, и у меня по этому поводу встречаются противоречия. Вторая Ваша мысль, что всегда надо стараться делать другим лучше, произвела во мне большую перемену, что в общем жить для других, не замечая себя, дает самый лучший отпечаток в собственной душе. У меня, может быть, произойдет перелом моих желаний и всех стремлений, но пока я жизни только коснулся, и еще многому следует поучиться. Сейчас живу в Петрограде и занимаюсь. Из Университета много ушло добровольцев. Лекции идут нормально. Желая Вам всего, всего лучшего: благополучно и скоро кончить работу, быть здоровым и к половине апреля возвратиться в Россию.

Глубокоуважающий и преданный Вам Н. Смирнов.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 549. Л. 3–6.

п. о. Щербиновский рудник Екатеринославской губернии

25 декабря 1915 г.

Дорогой Сергей Федорович!

Целую вечность я от Вас не слышал живого слова. Военные события как-то пришибают сознание, и ни для чего другого не остается головы.

От всех призывов по мобилизации я освобожден особым распоряжением военного министра как техник при копах, т. е. по своей должности. Одно время я с сокрушенным сердцем ждал своего призыва на войну. Вы представляете, какой бы я был солдат в поле, да еще в качестве нижнего чина. (Призыва Сережи ведь еще не было?) Но теперь мое сидение на обычном месте далеко в стороне от войны (у нас даже рабочих не брали) – становится все тяжелее и тяжелее. Как будто вся главная жизнь идет где-то в стороне, а я лежу в тихой заводи и занимаюсь своим обычным делом. На днях эта тихая жизнь была резко и болезненно потрясена: на Щербиновском руднике случился взрыв пыли. Произошел он от неправильного выпала динамита в руднике. Убито 25 человек, четыре тяжело ранено. Хотя прямой вины своей в этом я не вижу (мое начальство моей вины не признало тоже), но все-таки нельзя примириться с нормальностью таких явлений. И, вероятно, я до смерти не забуду скорчившихся фигур убитых рабочих, когда мы с директором рудника первые пробрались на место взрыва.

Вы, кажется, участвуете в Особом совещании по обороне. Не могли ли бы вы устроить меня на остальную часть войны где-либо около Артиллерийского ведомства. Мне этого очень хочется. Из работ около войны мне больше всего нравилась бы работа по приемке снарядов в Америке или в Японии. Для этого надо иметь звание инженера (что у меня есть), быть зачисленным в состав группы инженеров, которая поедет туда от Артиллерийского ведомства, кажется, в начале марта (что делается через военного министра или генерала Петрова¹, и обычным способом туда нельзя попасть), и перед поездкой надо месяца два заниматься в арсенале (что я готов сделать немедленно). Если есть у Вас возможность устроить меня там и если я не слишком затрудню Вас своей просьбой – этим сделаете мне очень большое дело – устройте, пожалуйста, меня туда. Единственное условие, которое имеет значение для меня, – сохранить мне мою должность помощника окружного инженера Горловского горного округа. Но, кажется, в военных командировках должность человека обычно сохраняется (во время войны), а жалованье полагается по командировке.

Эмилия Александровна и мои обе дочери здоровы. Одной сейчас 5 лет, другой 2½ года, и в данный момент они прыгают вокруг елки.

Передайте мой глубокий привет Марии Дмитриевне, Елизавете Петровне и всем Вашим. Ваш Дм. Смирнов.

Эмилия Александровна Вам кланяется.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 40–41.

№ 33

Д.А. и Э.А. Смирновы – С.Ф. Ольденбургу

13/III 1916

Дорогой Сергей Федорович!

Только что получил письмо от Сережи, где он сообщает, что зачислен «в ополчение по переосвидетельствованию». Я очень рад и за Вас, и за него. Это, собственно, и есть правильный и нормальный результат, и если бы было иначе – все походило бы скорее на случайность и на надрыв, чем на нормальное решение вопроса. На службе в полевых войсках Сережу я не представляю, особенно по части его здоровья.

Узнал, также, из газет, что Вы с комиссией осматривали [Архангельскую] железную дорогу. Как бы хорошо лично услышать от Вас впечатление о поездке. Я продолжаю сидеть у моря и ждать погоды. Мой брат Николай Арсеньевич в конце марта или в начале апреля едет в Америку принимать пулемет. Мог бы и я поехать с этой партией. Мои всякие предположения пока ничуть не выяснились. Должно быть, самое вероятное, что я перейду в Осотоп² на работу вместе с моим приятелем (в Петрограде). Осотоп насколько-то влиятелен, чтобы «старичков» убрали, но чтобы назначили на их место «осотоповцев» – это еще вилами на воде писано, хотя и возможно, конечно. Полагаю, что к Пасхе что-нибудь да выяснится.

Здесь у нас все благополучно. Весна, детишки здоровы, Эмилия Александровна чувствует себя хорошо и уезжать совсем не хочет. Передайте наш привет Марии Дмитриевне и Елизавете Петровне. Всего хорошего. Ваш Дм. Смирнов.

¹ Петров, Николай Павлович (1836–1920) – инженер-генерал, профессор, с 1900 года – член Государственного Совета.

² Особое совещание по топливу – комиссия смешанного состава, созданная в 1915 году для управления производством и распределением топлива во время Первой мировой войны.

Присоединяю свой сердечный привет Сергею Федоровичу и дамам. Предлагаю свою помощь в случае продовольственного кризиса: у нас торгуют решительно всем – и сахаром, и крупой, и овощами и т. д. Пусть при случае Елизавета Петровна черкнет словечко – мы сейчас же вышлем, что нужно.

Всего лучшего. Э. Смирнова.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 42–43.

№ 34

Н.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу

Открытка из Лондона с видом Вестминстерского аббатства.

Russia

Его превосходительству

Сергею Федоровичу

Ольденбургу

Академия наук 29

Петроград

Лондон 12/V 1916 г.

Многоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

Шлю Вам сердечный привет из давно знакомой страны – Англии. Мы задержались в дороге и только 15 выезжаем в Америку. Если встретится недоразумение в планах, я постараюсь, если это не будет поздно, исправить по приезде. Привет Борису Федоровичу¹. Всего лучшего.

Н. Смирнов.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 549. Л. 7.

№ 35

Д.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу

1 октября 1917 года

П. о. Щербиновский рудник

Екатеринославской губернии

Дорогой Сергей Федорович!

Я очень часто Вас вспоминаю, но, как видите, редко пишу. Жизнь идет чересчур быстро, и то, что хорошо сказать вчера, безнадежно устарело сегодня. Вы стоите в Петрограде, в центре современной политической жизни, я живу в глухой промышленной провинции, и мне хотелось бы знать: одно ли и то же у нас на душе.

Здесь плохо, безвыходно плохо. Погромов нет, довольно спокойно, отношения с людьми у меня несколько наладились, но все-таки мой оптимизм как рукой сняло. Громадная часть невежественных, неразвитых и самоуверенных людей «очумела» – другого подходящего слова я не могу найти. Все распоясались и пустили на поверхность самую хулиганскую часть населения.

¹ Имеется в виду Б.Ф. Ромберг.

Так называемые большевики вульгарного типа заслонили весь видимый горизонт. Центральные власти всякого вида признают лишь постольку, поскольку им это нравится. Всякий авторитет давным-давно выброшен в окно. Самый беспардонный, бессмысленный анархизм овладел всеми. Что же это такое? Откуда же придет хоть какой-нибудь авторитет? Дело не в организации власти, а в самом признании принципа власти. Свобода – значит никаких властей и никакого стеснения. Будь сам Ленин во главе – все равно, через две недели обругают его буржуем – врагом народа – и конец. Что говорят об этом в Петрограде? Коалиция или не коалиция – на местах, ведь власти все равно нет и, по-видимому, не будет. Одно время много говорили о трудовой повинности на рудниках, но через какую организацию можно провести эту трудовую повинность? Всякий встречный человек, помещенный у Достоевского в подполье, – возьмет руки в боки и заявит, что плевать ему на всякие законы и организации, – и никто ничего сделать не может. Не солдаты же заставят кого-нибудь и что-нибудь делать. Аппарата исполнительной власти нет. А как его можно создать среди той полной анархической каши, которая нас окружает?

Есть еще одна сторона дела: можно испугать людей, чтобы они пришли в себя. Но чем и как можно испугать? Всякий внутренний испуг убеждения (угроза национального развала, военного разгрома и проч.) уже не действует совсем. Никакого видимого испуга в этой каше тоже никто не организует, да и что это за ужас? Где же тот Назарет, откуда придет к нам спасение? Я начинаю ценить прямых и самоуверенных людей, чего раньше со мной никогда не было. Черкните, если будет время.

Привет Вашим. Эмилия Александровна кланяется.

Преданный Вам Дм. Смирнов.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 547. Л. 44–45 об.

№ 36

Н.А. Смирнов – С.Ф. Ольденбургу

Ташкент 21/IX 25 г.

Ассакинская 12

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Бесконечно раз вспоминаю о Туркестанской экспедиции и бесконечно благодарен Вам за возможность работать под Вашим руководством те немногие месяцы, проведенные в Гоби и Чан-фо-дуне. Буду счастлив увидеть фрески, орнаменты Чанфодуна, привезенные с экспедицией. Я очень сожалел, что наводнение в Ленинграде залило Ваш кабинет и подмочило редкие книги и труды экспедиции.

Прошу Вас, если возможно, разрешить подателю сего – товарищу по Туркменской экспедиции, Павлу Дмитриевичу Сабурову, передать что-нибудь из фотографий пещер 120^и и других – у меня ничего нет, и я, не имея возможности переговорить с Вами лично, желал бы оставить для себя. Прошу извинить меня за мою просьбу.

Прошу принять уверение в совершенном к Вам почтении и таковой же преданности.

Ник. Смирнов.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 549. Л. 8–8 об.

«КАШГАРСКИЙ БРОДЯГА»: ПОЕЗДКА ПОРУЧИКА КАВАЛЕРГАРДСКОГО ПОЛКА Д.В. КОССИКОВСКОГО В КАШГАРИЮ (1910–1911) ПО ЕГО ПИСЬМАМ К С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГУ

Во второй половине XIX в. вокруг Синьцзяна¹, удаленной и глухой провинции Китая, развернулось военно-политическое и экономическое противостояние России и Великобритании, получившее в историографии название «Большая игра». Каждая из сторон стремилась максимально усилить свое влияние в этом стратегически важном регионе Центральной Азии, разделявшем русские владения в Туркестане и британские – в Индии. Начало этому процессу было положено еще в конце 1850-х гг., когда Кашгарию посетили находившиеся на службе правительства Индии пандиты² и А. Шлагинтвейт (1857) и русский поручик Ч.Ч. Валиханов (1858–1859). Именно в этот период был дан старт так называемой «географической гонке» – борьбе России и Великобритании за первенство в области географического изучения региона, за обладание стратегически ценной информацией.

С начала 1890-х гг. в англо-русском соперничестве в Кашгарии наметился новый этап, которому известный британский историк и путешественник Басил Дейвидсон (Basil Davidson) дал меткое наименование – «археологическая гонка»³. Другой британский историк и писатель – Питер Хопкирк (Peter Hopkirk), посвятивший истории археологического изучения Синьцзяна отдельную книгу, дал этому явлению еще одно определение – «гонка за манускриптами»⁴. Старт этому относительно короткому по времени, но беспрецедентному по числу иностранных экспедиций и размаху археологических работ историческому эпизоду дали представители России. Русский генеральный консул в Кашгаре Н.Ф. Петровский, талантливый дипломат, востоковед и собиратель древностей, был первым европейцем, кто обратил внимание исследователей на археологические богатства Синьцзяна⁵.

¹ В настоящей статье географические названия приводятся в соответствии с традицией, принятой в русской географической науке в императорский период: Синьцзян – для названия провинции, Кашгария – для ее западной части. В историко-географической литературе встречаются и другие названия Кашгарии – Джетышар (Йеттишар), Восточный Туркестан, Китайский Туркестан.

² Специально обученные разведчики из числа народов Северной Индии.

³ Davidson 1957: 27.

⁴ См.: Hopkirk 1980: 44.

⁵ Ольденбург 1904: 369.

Впервые широкий интерес к древностям Синьцзяна в европейском научном сообществе проявился в связи с находкой в конце 1889 г. британским лейтенантом Г. Бауэром (Hamilton St Clair Bower) санскритского манускрипта, исполненного письмом гупта (разновидности письма брахми)¹. В августе 1890 г. Бауэр доставил манускрипт в Британскую Индию, изучением его немедленно занялся профессор Рудольф Хёрнле (A.F. Rudolf Hoernle), известный индолог на службе правительства Индии. Он высоко оценил рукопись, содержащую фрагменты нескольких санскритских сочинений. Сенсационное открытие Бауэра дало мощный импульс к началу археологического изучения Синьцзяна.

Шведский путешественник Свен Гедин (Sven Hedin) в период своей первой Центральноазиатской экспедиции (1893–1897) впервые провел археологическую разведку близ г. Хотана и на р. Керия-дарья. Им были обнаружены следы исчезнувшей буддистской культуры, некогда процветавшей в оазисах Южной Кашгарии и позже оказавшейся погребенной песками пустыни Такламакан. Первое научно организованное изучение археологических памятников Синьцзяна относится ко времени работ русской экспедиции во главе с Д.А. Клеменцем в окрестностях Турфана (1898)².

Находка Г. Бауэра, археологические рекогносцировки С. Гедина и Д.А. Клеменца послужили основой для организации серии европейских и японских экспедиций в Синьцзян. В короткий период времени – с 1901 по 1914 гг. – в Синьцзяне работало в общей сложности 14 экспедиций из пяти стран: Россия – 3 (М.М. Березовский, 1905–1908; С.Ф. Ольденбург, Первая (1909–1910) и Вторая (1914–1915) Русские Туркестанские экспедиции); Великобритания – 3 (А. Стайн: 1-я (1900–1901), 2-я (1906–1908) и 3-я (1913–1916) Центральноазиатские); Германия – 4 (А. Грюнведель: 1-я (1902–1903) и 3-я Турфанские (1905–1907), А. фон Лекок: 2-я (1904–1907) и 4-я Турфанские (1913–1914) экспедиции); Франция – 1 (П. Пеллио: 1906–1908); Япония – 3 (Отани Козуи: 1902–1904; Тачибана Дзуйтё: 1908–1909; Тачибана Дзуйтё и Ёсикава Коитиро: 1910–1914).

Собиранием древностей в Кашгаре занимались русский генеральный консул Н.Ф. Петровский и британский консул Дж. Макартни (G. Macartney). Они также информировали различные научные общества о наличии памятников древности в Кашгарии, оказывали широкое содействие европейским археологическим экспедициям в раскопках и отправке древностей в Европу и Индию. В вопросе покупки древностей для научных целей политика британских и русских властей имела совершенно разные подходы. Британскому консулу для покупки древностей правительство Индии регулярно выделяло значительные денежные средства и снабжало соответствующими инструкциями, составленными правительственным департаментом древностей и лично профессором Р. Хёрнле³. Консул Н.Ф. Петровский не пользовался финансовой поддержкой русского правительства и приобретал древности по собственной инициативе и на личные средства⁴.

¹ См.: Hoernle 1914.

² См.: Ольденбург 1917.

³ Подробности организации сбора древностей британским консулом Дж. Макартни отражены в документах, отложившихся, к примеру, в фондах Национального архива Индии (The National Archives of India, NAI). См.: NAI/ Foreign Department. Progs., Nos. 228–229, June 1906: Instructions that all further Central Asian Manuscripts that Mr. Macartney, special Assistant at Kashgar may be able to procure should be forwarded by him directly to the Director General of Archaeology, India at Simla; Ibid. Nos. 68–70, April 1906: Interim report by Dr. A. F. Rudolf Hoernlé on Central Asian manuscripts received from Khotan. Mr. Macartney instructed to follow up the search for fragmentary manuscripts; Ibid. Nos. 91–92 January 1903: Old coins and manuscripts, found in the Takla Makan desert, obtained [by Mr. Macartney] from the Aksakal at Khotan; Ibid. Nos. 38–65, December 1904: Acquisition of the certain Central Asian coins and manuscript and other antiquities, including a copy of the Turki translation of the Tarikh-i-Rashidi; Ibid. Nos. 183, January 1905: Central Asian manuscripts and antiquities.

⁴ О деятельности Н.Ф. Петровского см.: Тункина 2013.

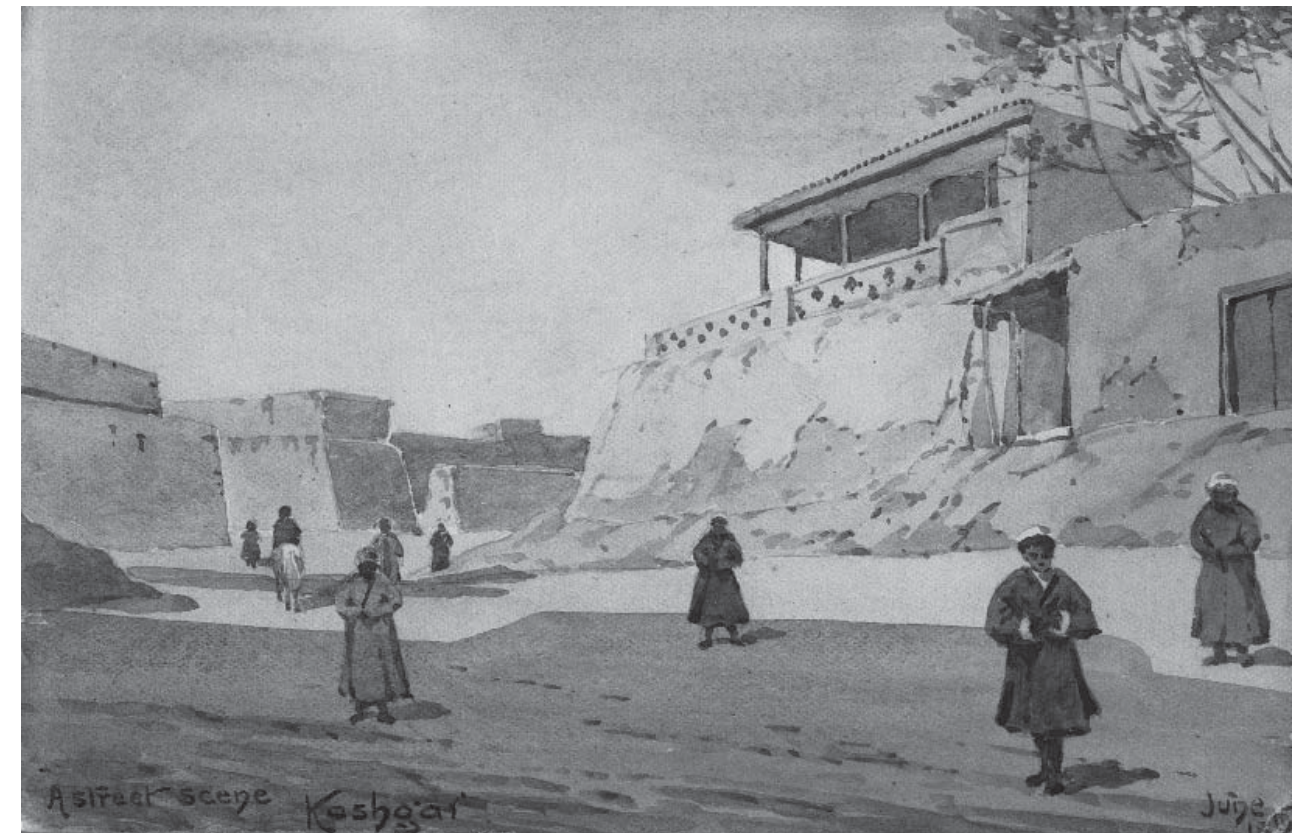

Рис. 1

Уличная сценка в Кашгаре, июнь 1903 г.

Акварель капитана А.Р. Шаттлуорта, исполняющего обязанности британского консула в Кашгаре.

© Частная коллекция, Великобритания

Одновременно с Н.Ф. Петровским приобретением древностей в Кашгаре занимался и секретарь русского генерального консульства Я.Я. Лютш¹. После того как Н.Ф. Петровский оставил свой пост в Кашгаре, эта деятельность была продолжена другими русскими консульскими представителями. С.А. Колоколов, сменивший в 1903 г. Н.Ф. Петровского на посту генерального консула, также приобретал в Кашгаре восточные рукописи и древности². В ноябре 1910 г. для этих целей он получил 500 руб. от Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении (далее – Русский комитет)³. Секретарь генерального консульства в Кашгаре М.И. Лавров в 1906 г. представил в министерство иностранных дел «пять ящиков с древностями» и отчет о поездке из Кашгара через Яркенд, Хотан, Керию и Черчен к Лобнору и обратно в Кашгар (1904–1905)⁴.

После учреждения в России в 1902 г. Русского комитета в деле археологического изучения Синьцзяна русскими исследователями наступил переломный момент. Появился научный орган, который, располагая значительными правительственными ресурсами, стал осуществлять

¹ См.: Акимушкин 2007: 210.

² См.: Памятники 1985: 15.

³ Протоколы 1911 (1): 4.

⁴ Протоколы 1907 (4): 3.

планирование и организацию научных экспедиций в Центральную Азию, а также системную обработку полученных научных сведений¹.

С самого начала своей деятельности Русский комитет установил тесные связи с военным министерством и Главным штабом. В состав комитета на правах его постоянного члена входил представитель военного министерства – начальник Азиатской части Главного штаба. В период 1903–1914 гг. членами Русского комитета являлись авторитетные военные востоковеды генералы Ф.Н. Васильев (1903–1907), С.В. Цейль (1907–1914) и М.М. Манакин (1914). Через них осуществлялось взаимодействие военного ведомства с Русским комитетом в вопросах содействия русским и иностранным экспедициям, направляющимся через территорию Туркестанского края в Кашгарию. К таким вопросам относились выдача разрешений на проезд по территории Туркестанского края и открытых листов на пересечение русской границы с Китаем в пределах Синьцзянской провинции, выделение вооруженных конвоев, содействие в отправке собранных научных коллекций. Кроме того, военное министерство на постоянной основе снабжало комитет новейшими военно-географическими и статистическими изданиями Главного и Генерального (с 1905 г.) штаба по азиатским территориям России и сопредельным территориям Востока, а также картографической продукцией Военно-топографического отдела. Значительным было и взаимодействие между Русским комитетом и Азиатской частью Главного штаба в вопросах сохранения исторических памятников на территории Туркестанского края.

В начале XX в. собирательство древностей в Синьцзяне стало весьма распространенным и рутинным занятием для многих иностранцев – путешественников, торговцев, сотрудников консульских учреждений. Коллекции приобретались с большим размахом, часто на скорую руку и бессистемно. В них нередко оказывались не только малозначащие предметы, но и подделки, к изготовлению которых быстро приспособился кашгарский антикварный рынок. Легкость, с которой в Кашгаре создавались целые коллекции древностей, не осталась незамеченной русской прессой. В одной из петербургских газет прозвучала критика в адрес Э.Л. Беренса, секретаря русского генерального консульства в Кашгаре (1911–1912). «Ученость этого господина сводится к тому, – отмечалось в статье, – что, будучи командирован в Восточный Туркестан, где каждый, кому только не лень, может закупить или собрать на месте целые груды модных теперь древностей, в течение нескольких дней² купил и накопил в Хотане коллекцию греческих древностей, и на основании этой коллекции прочел в одном, никем из ученых не посещаемом, обществе смехотворный доклад об открытии им точного маршрута похода Александра Македонского в Средней Азии – доклад, который если не для науки, то во всяком случае небесполезен для карьеры юного дипломата, особенно инородческого происхождения»³.

Ведущую роль в естественно-историческом и географическом изучении Синьцзяна сыграли офицеры русской императорской армии. За более чем полувековой период их деятельности в соседнем с Россией регионе Китая был получен уникальный массив научных сведений и картографического материала. Среди исследователей Синьцзяна были такие известные русские военные востоковеды, как Ч.Ч. Валиханов, А.В. Каульбарс, А.Н. Куропаткин, Н.М. Пржевальский, М.В. Певцов, Б.Л. Громбчевский, В.И. Роборовский, П.К. Козлов, Л.Г. Корнилов, К.Г.-Э. Маннергейм. Этот список может быть значительно расширен именами других военных исследователей, менее известных, но не менее значимых, чем их именитые коллеги.

¹ Подробно деятельность Русского комитета изложена в работе: Назирова 1992.

² Речь идет о коллекции древностей, приобретенных Беренсом во время консульской поездки в Хотан в сентябре 1911 г. – *Прим. авт.*

³ См.: Бурмистров 2007: 402.

Рис. 2

Вид русского императорского генерального консульства в Кашгаре, ок. 1910 г.

© Частная коллекция, Великобритания

Одним из малоизвестных эпизодов изучения Синьцзяна стала поездка по Кашгарии поручика Кавалергардского полка Дмитрия Владимировича Косиковского, состоявшаяся незадолго до начала Первой мировой войны. Несмотря на тот факт, что деятельность русского военного ведомства по изучению сопредельного с Россией Синьцзяна достаточно хорошо известна как по архивным документам, так и по значительному числу публикаций, поездка Д.В. Косиковского долгое время оставалась неизвестной. К настоящему времени в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) не выявлено документов, относящихся к этому событию. Отрывочные сведения о поездке имеются лишь в «Протоколах Русского комитета» – примерное время, указание на маршрут и характер проводимых экспедиционных работ. Сведения эти были крайне отрывочны, чтобы на их основе можно было бы реконструировать этот исторический сюжет.

Ситуация изменилась, когда в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН) были выявлены письма Д.В. Косиковского академику С.Ф. Ольденбургу. В личном фонде С.Ф. Ольденбурга имеется пять писем, написанных Косиковским в период с ноября 1910 по апрель 1911 г.¹ Можно предположить, что изначально таких писем было больше. На это указывает один из протоколов заседания Русского комитета, в котором упоминается,

¹ См.: Письма Д.В. Косиковского к С.Ф. Ольденбургу из Кашгара // СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 296.

Рис. 3

Поручик Кавалергардского полка Д.В. Косиковский
(по: Пашенный 1967)

что С.Ф. Ольденбург «сообщил содержание письма, полученного им от поручика Косиковского и заключающего в себе некоторые сведения о старых караванных путях в Китайском Туркестане и об изменении речных русел»¹. Между тем имеющиеся в фонде С.Ф. Ольденбурга письма Косиковского таких сведений не содержат.

Прежде чем перейти к изложению истории этой крайне интересной и интригующей поездки, следует кратко остановиться на личности поручика Д.В. Косиковского. Родился он 2 января 1882 г. в семье потомственного дворянина, действительного статского советника Владимира Владимировича Косиковского и его жены Марии Алексеевны Веневитиновой. В.В. Косиковский служил по министерству юстиции и имел придворный чин камергера. М.А. Веневитинова происходила из древнего русского дворянского рода и состояла в родстве с Д.В. Веневитиновым, известным русским поэтом, философом и переводчиком. Семья Косиковских имела значительный достаток и владела недвижимостью в Петербурге. Косиковский-старший состоял в управлении ряда промышленных и транспортных акционерных обществ. У Дмитрия имелась старшая сестра Александра (1875–1923), которая служила фрейлиной у великой княжны Ольги Александровны. У Александры был любовный роман с великим

князем Михаилом Александровичем, младшим братом императора Николая II. Михаил Александрович хотел обвенчаться с Александрой, для чего даже намеревался тайно бежать с ней за границу. Вмешательство императорской семьи и лично Николая II воспрепятствовало заключению брака. После того как о предстоящем побеге стало известно, Александра была немедленно удалена от двора и выслана за границу.

Дмитрий Косиковский получил образование в престижном Императорском училище правоведения (1903)². После окончания училища он круто меняет линию своей жизни и поступает вольноопределяющимся в Кавалергардский полк – элитную кавалерийскую часть русской императорской армии, в которой проходили службу офицерами представители известнейших русских дворянских родов. В августе 1904 г. Косиковский выдержал при полку экзамен на право производства в офицеры и получил первый офицерский чин в кавалерии – корнета. В самом конце

¹ Протоколы 1911 (4): 28.

² Пашенный 1967: 206.

Рис. 4

Знаменный расчет Кавалергардского полка на торжественном освящении храма Спаса на Крови, 6 (19) августа 1907 г. Поручик Д.В. Косиковский – ассистент знаменосца (второй справа)

© Частная коллекция, Великобритания

русско-японской войны он успевает принять участие в боевых действиях и удостоивается ряда наград. С окончанием войны он возвратился в родной полк, в котором в должности младшего офицера и чине штабс-ротмистра служил до начала Первой мировой войны¹. На фронт выступил в составе полка, участвовал в походе в Восточную Пруссию, был тяжело ранен. После выздоровления участвовал в боях на Юго-Западном фронте (1915–1916), за отличия произведен в ротмистры и награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, Георгиевским оружием. После большевистского переворота участвовал в Белом движении в составе возрожденного Кавалергардского полка, приняв над ним командование. В ноябре 1920 г. вместе с частями русской армии эвакуировался в Галлиполи. Был женат на Софье Дмитриевне Глебовой (урожденной Треповой), дочери генерала Д.Ф. Трепова, товарища министра внутренних дел и командующего Отдельным корпусом жандармов. В эмиграции проживал в Югославии, возглавлял кадр Кавалергардского полка. Скончался 21 апреля 1944 г. в Белграде, похоронен на Новом кладбище в Белграде.

Поездка Косиковского в Кашгар состоялась на фоне других соло-экспедиций в Центральную Азию, организованных после окончания русско-японской войны. За большинством из таких поездок, фактически военных рекогносцировок, стоял русский Генеральный штаб,

¹ Сборник 1908: 382.

заинтересованный в сборе стратегически важной информации о Китае, Монголии и Тибете. Этот интерес во многом мотивировался новой стратегической и геополитической ситуацией в регионе – качественно изменившееся положение Японии, усилившей свои позиции в Маньчжурии, провозглашение независимости Монголией и Тибетом, образование Китайской республики (1911).

В условиях политической нестабильности в регионе Генеральный штаб изменил схему изучения сопредельных восточных государств, отказавшись от организации крупных военно-географических экспедиций – дорогостоящих, сложных по организации, логистике и политическому сопровождению. Предпочтение стало отдаваться длительным поездкам хорошо подготовленных в военном и научном отношении офицеров по территориям, представлявшим наибольший интерес для русского военного планирования в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Считалось, что наиболее подготовленными для совершения таких продолжительных поездок по малоизученным территориям являлись офицеры-кавалеристы, преимущественно из гвардейских кавалерийских полков, дислоцированных в Петербурге – военной столице империи. В течение короткого периода времени в центральноазиатский регион совершили поездки сотник лейб-гвардии Казачьего полка П.Н. Шатилов (Западный Китай, 1905), поручик лейб-гвардии Конного полка А.П. Беннингсен (Монголия, 1910), поручик лейб-гвардии Гусарского полка Г.В. Кушелев (Монголия, 1911).

После русско-японской войны Восток приобрел для русского офицерства особое звучание. Война дала основу для осмысления причин неудач армии и побудила к серьезным реформам, в том числе и к коренному изменению дела постановки сбора сведений о странах и армиях Востока. В этот период значительное влияние на общий интерес офицеров армии, особенно служивших в Петербурге, к путешествиям в странах Востока имели два события – путешествие бывшего офицера Кавалергардского полка полковника барона К.Г.-Э. Маннергейма по Китаю (1906–1908) и выставка коллекций, привезенных полковником П.К. Козловым из Монголо-Сычуаньской экспедиции (1907–1909), которая открылась в Петербурге в начале февраля 1910 г. и пользовалась большим успехом у публики.

Среди офицеров гвардии поездки на Восток были весьма популярны. Они давали уникальную возможность не только отличиться по службе, сделать себе громкое имя в условиях мирного времени, но и усовершенствовать мастерство в конном спорте и навыки дальних поездок. К моменту поездки Косиковского в Кашгар в Кавалергардском полку уже были случаи, когда офицеры полка участвовали в продолжительных военно-географических экспедициях на Востоке: поручик А.И. Звягинцов совершил важную рекогносцировку Кореи (1898), поручик А.Н. Казнаков принял участие в Монголо-Камской (Тибетской) экспедиции П.К. Козлова (1899–1901).

К желанию Д.В. Косиковского совершить продолжительное путешествие по Китаю мог вполне сочувственно отнестись и помощник командира Кавалергардского полка по строевой части полковник князь А.Н. Долгоруков, получивший военно-востоковедное образование на офицерских курсах восточных языков при Азиатском департаменте МИД (1896–1899) и имевший личный опыт поездок на Восток¹.

Более того, поездка Косиковского вполне согласовывалась с политикой военного ведомства по оказанию содействия деятельности Русского комитета и привлечению офицеров к сотрудничеству с ним. К примеру, в феврале 1911 г. начальник Азиатской части Главного штаба полковник С.В. Цейль на заседании Русского комитета сообщил о предстоящей «военной командировке» в области, граничащие с Кашгарией, и рекомендовал комитету воспользоваться

¹ См.: Басханов 2005: 80.

этим мероприятием для получения интересующих сведений¹. Комитет поручил своему секретарю В.В. Бартольдзу разработать для участников рекогносцировки необходимые инструкции².

Таким образом, обращение Косиковского в Русский комитет с предложением совершить поездку в Кашгар следует рассматривать на фоне конкретных исторических событий, а также настроений и увлечений, господствовавших в среде гвардейских офицеров Петербурга.

Как представляется, поездка Д.В. Косиковского в Восточный Туркестан состоялась по инициативе Русского комитета, который был движущей силой всего проекта. Между тем официально она состоялась в рамках поручения ИРГО. В фонде Кавалергардского полка, отложившегося в РГВИА, удалось выявить один интересный документ, проливающий свет на историю поездки. В списках по старшинству Кавалергардского полка от 26 июня 1911 г. напротив фамилии Косиковского имеется запись: «В командировке в Восточном Туркестане для производства съемок и фотографий по поручению Императорского Географического общества, с сохранением содержания, но без расходов от казны на один год с 11 ноября 1910 г. на основании надписи штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии 1910 г. № 2861»³.

Из приведенного документа можно сделать вывод, что поездка Косиковского в Восточный Туркестан состоялась под эгидой ИРГО и не являлась служебной поездкой по линии Военного министерства («без расходов от казны»). Срок командировки составлял один год, начиная с 11 ноября 1910 г. По состоянию на конец июня 1911 г. Косиковский еще числился в командировке.

Появление ИРГО в сюжете с подготовкой экспедиции Косиковского в Восточный Туркестан выглядит несколько необычным. Вся переписка, отчеты, полевой материал были представлены Косиковским не в ИРГО, а в Русский комитет, что указывает на последний как на реального организатора поездки. Между тем этому может быть свое объяснение. На момент описываемых событий С.Ф. Ольденбург занимал важную позицию в Географическом обществе – председательствующий в отделении этнографии и одновременно член Совета общества. ИРГО являлось авторитетной научной организацией, не только находившейся под высочайшим покровительством, имевшей среди своих членов влиятельных сановников и аристократов, но и традиционно обладавшей широкими связями с военным министерством. В этом смысле ИРГО, взяв под свою эгиду экспедицию поручика Косиковского, могло значительно эффективнее пролоббировать поездку в военном ведомстве, чем менее известный и влиятельный Русский комитет. С.Ф. Ольденбург хорошо понимал эту разницу в «весе» и потому провел поездку Косиковского через Географическое общество.

Отправляясь в Кашгар, Косиковский, по примеру полковника Маннергейма, преследовал две цели – собрать сведения военного характера и произвести археологическую разведку памятников древности Кашгарии. При этом ни Военное министерство, ни Русский комитет не финансировали поездку, и она состоялась за счет собственных средств офицера. Русский комитет лишь оказал ему «нравственную поддержку»⁴. Как можно предположить из тональности писем Косиковского к С.Ф. Ольденбургу и В.В. Радлову – двум влиятельным членам Русского комитета, – он был хорошо с ними знаком и пользовался их расположением еще

¹ Имелась в виду рекогносцировка пограничной с Китаем полосы на Памире в связи с предстоящим пограничным размежеванием с Китаем от укрепления Иркештам до пер. Бейк. См.: Переписка с Главным управлением Генерального штаба и штабами воинских частей о рекогносцировке пограничной с Китаем полосы и командировании офицеров Генерального штаба для проведения топографических работ // РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1714.

² Протоколы 1911 (1): 5.

³ Список по старшинству в чинах генералам, штаб- и обер-офицерам и классным чиновникам Кавалергардского полка, составленный на 1 мая 1911 г. // РГВИА. Ф. 3545. Оп. 1. Д. 400; 401.

⁴ Отчет 1910: 7.

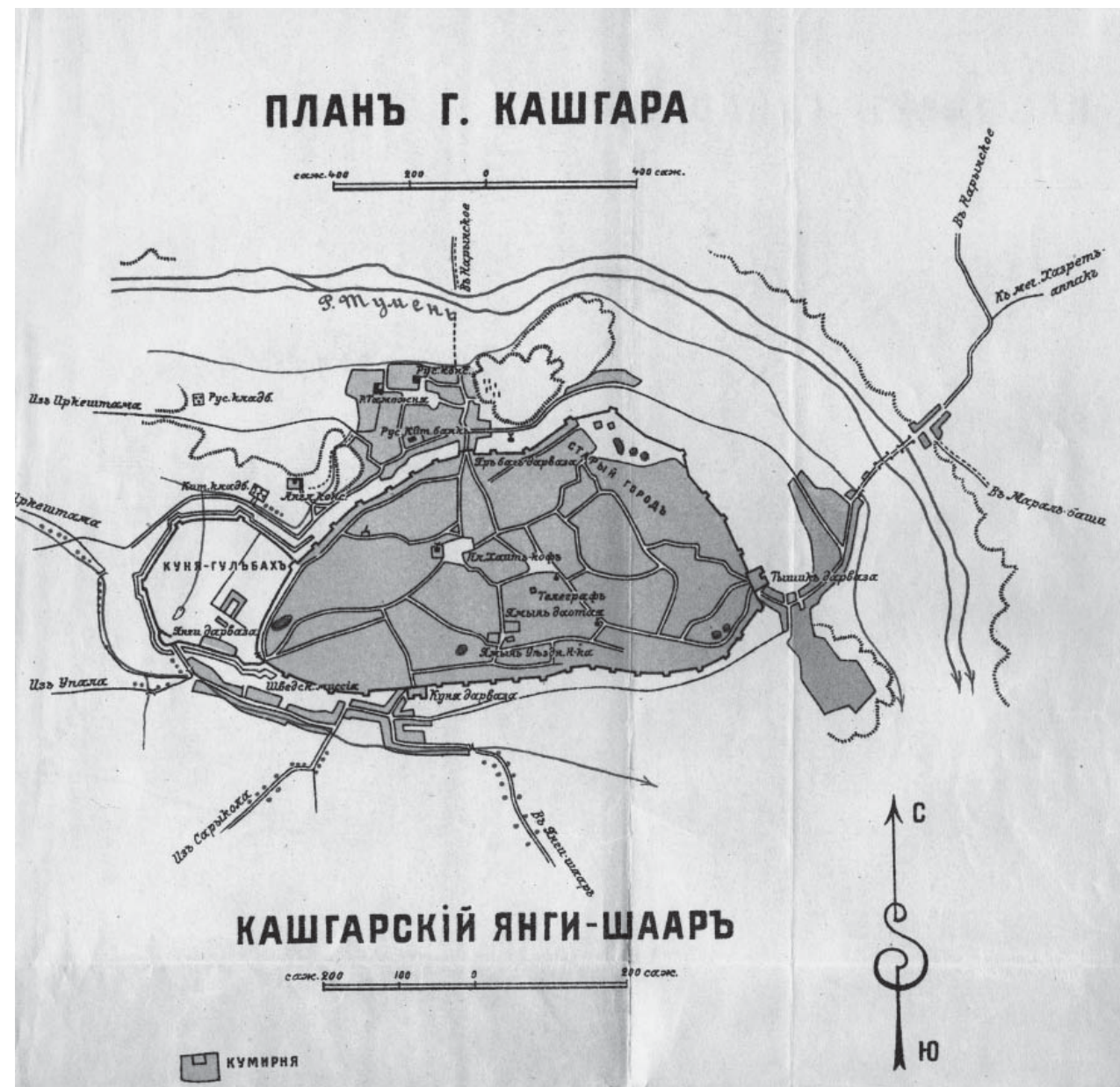

Рис. 5
План г. Кашгара, ок. 1905 г.
(По: Ласточкин 1911)

до поездки в Кашгар. Каков был характер этих отношений, остается пока не вполне понятным. Но не исключено, что Косиковский мог быть знаком с академиками через своего отца, влиятельного в Петербурге сановника.

Перед отъездом из Петербурга Косиковский получил от С.Ф. Ольденбурга специально составленную программу поездки, состоявшую как минимум из девяти пунктов¹. В ней содержались вопросы, на которые Косиковскому следовало обратить особое внимание в период

¹ Отчет 1910: 7.

поездки по Кашгарию. Большинство этих вопросов относилось к разведке археологических памятников в районе работ недавно завершившейся Первой Русской Туркестанской экспедиции, которой руководил С.Ф. Ольденбург. В задачу Косиковского входило выявление новых памятников, проведение их фотофиксации и составление планов объектов на местности с кратким топографическим описанием.

Что касается собственно военной части программы экспедиции, то она, насколько можно судить по письмам Косиковского к С.Ф. Ольденбургу, заключалась в сборе военно-статистического материала о китайских войсках в Западной Азии, рекогносцировке ряда новых маршрутов и военно-топографической съемке. При этом следует заметить, что к моменту поездки Косиковского в Кашгар русский Генеральный штаб уже располагал достаточно полными сведениями о географических особенностях страны, ее политическом, экономическом и военном положении. В 1899–1906 гг. штабом Туркестанского военного округа была реализована широкая программа по полномасштабному изучению и картографированию Кашгарию. К ее реализации привлекались офицеры Генерального штаба и строевые офицеры, направляемые на сменной основе в русское генеральное консульство в Кашгаре. В результате этих работ появились фундаментальные военно-географические и статистические описания и уточненные карты Кашгарию¹. Значительный массив сведений дала и поездка полковника барона К.Г.-Э. Маннергейма, который находился в Синьцзяне с августа 1906 по октябрь 1907 г.² В этой связи рекогносцировка, предпринятая Косиковским в инициативном порядке, не могла добавить принципиально нового к уже имевшимся сведениям, но позволяла дополнить отдельные описания и маршрутные съемки, выявить новые маршруты и вскрыть изменения в группировке китайских войск в Синьцзяне.

В конце октября 1910 г. Косиковский покинул Петербург и по железной дороге через Москву и Оренбург направился в Ташкент, куда прибыл 5 ноября. В Ташкенте он задержался на несколько дней, чтобы получить от туркестанских властей открытый лист на пересечение границы с Китаем. Там же он встретился с туркестанским генерал-губернатором А.В. Самсоновым³ и со своим однополчанином штабс-ротмистром князем А.А. Оболенским⁴, адъютантом А.В. Самсонова.

Из Ташкента по железной дороге Косиковский проехал до г. Андижана, конечной станции Андижанской ветви Среднеазиатской железной дороги, и направился в г. Ош – административный центр Ошского уезда Ферганской области. Ош лежал на древнем караванном пути из Ферганы в Кашгарию и был отправной точкой многих русских и европейских экспедиций, следовавших в Кашгарию, на Памир, в Индию и Тибет. В Ош Косиковский прибыл 12 ноября и через два дня выехал в Кашгар, воспользовавшись большой караванной дорогой через пер. Терек-даван. На перевале он с помощью anerоида сделал первые гипсометрические наблюдения, определив высоту пер. Терек-даван в 4000–4100 м (современное значение – 4131 м. – М.Б.). Направляясь на юго-восток, 22 ноября он достиг русского пограничного укрепления Иркештам, где сделал остановку на два дня. 24 ноября Косиковский двинулся из Иркештама в Кашгар долиной р. Кызыл-су. За Иркештамом его путь лежал уже по китайской территории. В течение шести дней он проехал через китайские укрепления и посты Нагара-чалды, Улугчат, Машраб, Оксалыр, Канджуган, Мын-юл до г. Кашгара (216 км), куда

¹ См.: Корнилов 1903; Ласточкин 1911; Маршруты по Синьцзяну // РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2135.

² См.: Маннергейм 1909.

³ Письмо Д.В. Косиковского к В. В. Радлову, 6 ноября 1910 г., г. Ташкент // СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Д. 133. Л. 1.

⁴ Оболенский, Александр Александрович (1885–1940) – ротмистр, князь. Окончил Пажеский корпус (1905), младший офицер Кавалергардского полка (1905), состоящий в распоряжении туркестанского генерал-губернатора, штабс-ротмистр (1910), ротмистр (1913). Участник Первой мировой войны. В эмиграции во Франции.

прибыл 29 ноября. С этого дня начинается продолжительное знакомство «кашгарского бродяги», как он себя назвал в письме к С.Ф. Ольденбургу, с далекой китайской окраиной.

В Кашгаре Косиковский был тепло встречен русским генеральным консулом С.В. Соковым, его супругой, Александрой Федоровной, и членами небольшой русской колонии в Кашгаре – секретарем консульства А.А. Вальтером, переводчиком консульства В.В. Гагельстромом и офицерами консульского конвоя. В Кашгаре Косиковский планировал пробыть 2–3 недели, чтобы подготовиться к предстоящей экспедиции – получить китайский паспорт, нанять проводника, переводчика и приобрести вьючных лошадей.

Косиковский хорошо представлял себе сложности и опасности предстоявшего путешествия и, находясь в Кашгаре, основательно к нему готовился. Он тщательно снаряжал свой небольшой караван и отработывал экспедиционные технологии, с которыми еще был недостаточно знаком. «Считаю благоразумнее набираться сведений», – сообщал он в письме к С.Ф. Ольденбургу¹. В короткий адаптационный период он стремился наиболее полно подготовить себя к дальней дороге – «поднять свою дороговоспособность», как он это называл. Представляется, что продолжительная поездка на Восток была для гвардейского офицера и желанной передышкой от бурной и стрессовой петербургской жизни, попыткой найти душевное равновесие на безлюдных просторах Центральной Азии. Рефреном этих настроений звучат строки письма к С.Ф. Ольденбургу: «[...] вовсе не тянет в Петербург, и здесь хорошо то, что соприкасаешься с людьми издали и больше их любишь»².

С первых дней пребывания в Кашгаре Косиковский обнаружил все неудобства, связанные с незнанием им тюркского языка. Поиск местного переводчика был очень непростым занятием, кандидаты или отказывались от участия в длительном путешествии, или требовали за свои услуги огромных денег. В этих условиях Косиковский приступил к самостоятельному изучению тюркского языка, чтобы «не быть слишком в зависимости от переводчиков». В короткий срок он уже был способен вести беседу на несложные темы.

Подбор вьючных животных всегда был критическим вопросом в организации дальних экспедиций в Центральной Азии. Косиковский, как кавалерийский офицер, понимал это в полной мере. В Кашгаре он посещал городские базары, встречался с лошадиными барышниками, лично осматривал лошадей, торговался, словом, занимался всем тем, что для офицера-кавалергарда в обычных условиях столичной жизни было просто немыслимым. Он также пытался приобрести лошадей у британского путешественника Уолласа, который накануне приезда русского офицера завершил путешествие из Пекина в Кашгар и распродал вьючных животных.

В Кашгаре Косиковский знакомится с британским консулом Джорджем Макартни, часто бывает у него в гостях. Макартни помимо своих прямых консульских обязанностей координировал в Кашгаре действия британской разведки. Как раз в это время он убеждал индийское правительство в необходимости учредить при британском консульстве в Кашгаре штатную должность офицера разведки³. Неудивительно, что он с большим вниманием отнесся к появлению в Кашгаре русского офицера. Вскоре Макартни выяснил, что Косиковский прибыл в Кашгар открыто, не скрывая принадлежности к императорской армии и не имея намерений вести тайную разведку. Узнав о желании Косиковского собрать коллекцию древностей и восточных рукописей, Макартни посоветовал ему быть осторожнее при общении с местными продавцами, которые нередко предлагали иностранцам фальшивые предметы. В то время

¹ Письмо Д.В. Косиковского к С.Ф. Ольденбургу, 15 декабря 1910 г., г. Кашгар // СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 296. Л. 5 об.

² Там же. Л. 6 об.

³ См.: NAI/Government of India. Foreign Department. Establishment – B. Proceedings, April 1911, Pro. No 96: The deputy Secretary of India in the Foreign Department to Lieut.-Col. K.D. Erskine, Resident in Kashmir, 4th April 1911.

Рис. 6

Русский консул С.В. Соков (сидит четвертый слева), секретарь русского консульства Э.Л. Беренс (сидит второй слева), британский консул Дж. Макартни (справа от С.В. Сокова) среди китайской администрации Кашгара, ок. 1912 г.

(По: Lundahl 1917)

в Кашгарию уже существовала целая индустрия подделки древностей. Макартни сам не раз становился жертвой местных фальсификаторов и потому дал русскому офицеру ряд советов и рекомендаций при покупке древностей. «Макартней, – сообщал Косиковский С.Ф. Ольденбургу, – был очень любезен и дал некоторые указания. Показал мне факсимиле рукописей и научил отличать настоящие от подделок»¹.

В первой половине декабря Косиковский намеревался совершить двухнедельную поездку на китайскую часть Памира и в Сарыкол, чтобы «взглянуть на хребет Мустаг»². Для Косиковского это был единственно удобный момент осмотреть китайский Памир, так как он не собирался возвращаться в Кашгар, а намеревался завершить поездку по маршруту, отстоящему далеко в стороне, – по вьючной дороге от Уч-Турфана через пограничный пер. Бедель в г. Пржевальск (ок. 300 км)³.

¹ Письмо Д.В. Косиковского к С.Ф. Ольденбургу, 9 декабря 1910 г., г. Кашгар // СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 296. Л. 4–4 об.

² Хребта Мустаг не существует, имеется гора Музтаг (Музтагата, 7546 м) в Кашгарском хребте (Конгурмузтаг).

³ Этот маршрут был известен еще со времен караванной торговли на Шелковом пути и хорошо изучен русским Генеральным штабом. Последняя рекогносцировка маршрута была осуществлена в 1904 г. помощником начальника Пржевальского уезда подьесаулом Н.С. Созонтовым. Непосредственно перед поездкой Косиковского в Кашгарию штаб Туркестанского военного округа издал подробное описание этого маршрута.

В середине декабря Косиковский, наконец, получил высланный ему С.Ф. Ольденбургом китайский паспорт. В связи с этим он пересматривает свои планы: отказывается от намеченной поездки на китайский Памир и решает приступить к основному путешествию, точнее, к его первой части – рекогносцировке караванной дороги Хотан – Аксу, более известной среди местного населения как Аксуйская дорога. Последняя была хорошо известна русскому Генеральному штабу еще со времен ее рекогносцировки Н. М. Пржевальским во время 4-го Центральноазиатского путешествия. Экспедиция Н. М. Пржевальского совершила переход из Хотана в Аксу 5 сентября – 16 октября 1885 г.¹ Буквально по пятам Н. М. Пржевальского по Аксуйской дороге проследовала экспедиция британского путешественника А.Д. Кэри (A.D. Carey)². В ноябре 1905 г. Генерального штаба подполковник В.Г. Ласточкин, состоявший в качестве офицера Генерального штаба при российском императорском генеральном консульстве в Кашгаре, совершил новую рекогносцировку дороги. На основе полученных сведений штаб Туркестанского военного округа в 1907 г. составил подробное описание маршрута Аксу – Хотан³.

Косиковский предполагал пройти по маршруту не полностью, а видоизменить его, чтобы, как он сообщал в письме к С.Ф. Ольденбургу, выйти к г. Маралбаши, «свернув из урочища Янгузкум на урочище Ават». В действительности такой поворот был невозможен в силу географических особенностей местности. Поворота от Янгузкума на Маралбаши не существовало. Косиковский должен был пройти по Аксуйской дороге еще 70 км в северном направлении, прежде чем достигнуть ур. Узунтам, где имелась паромная переправа через р. Тарим⁴. В этом месте он мог переправиться на левый берег реки и только тогда оказаться в ур. Ават (Абат). От Авата начиналась дорога на Маралбаши, которая шла в западном направлении по руслу р. Яркенд-дарья, огибая северный фас пустыни Такламакан. Именно эту дорогу и имел в виду Косиковский, когда сообщал С.Ф. Ольденбургу о намерении «срезать кусок Гоби». В русской географической традиции императорского периода пустыню Такламакан часто именовали «степь Гоби». Этот топоним, к примеру, часто встречается в географических работах А.Н. Куропаткина, Н.М. Пржевальского и Б.Л. Громбчевского, а также нанесен на некоторые русские карты⁵. Правильное название – пустыня Такламакан – уже используется М.В. Певцовым и нанесено на отчетную карту работ Тибетской экспедиции 1889–1890 гг.⁶

Рекогносцировка участка пути от ур. Ават до Маралбаши могла представлять интерес в военном отношении. В случае военного конфликта с Китаем при движении русских войск от Аксу на Кашгар этот путь выводил в тыл оборонительной позиции китайских войск у Маралбаши. Путь к Маралбаши по долине р. Тарим к моменту поездки Косиковского оставался малоизвестным, и его описание не обнаруживается в сводном труде штаба Туркестанского военного округа «Маршруты по Синьцзяну».

См.: Маршрут № 55. От гор. Пржевальска через с. Покровское (д. Сливкина) и перевалы Заука (Джуука) и Бедель до гор. Уч-Турфана (в Кашгарии) // Ахвердов 1910: 311–313. Причем пройти через пер. Бедель Косиковский мог только летом, в остальное время года этот перевал покрывался глубоким снегом и был непроходим.

¹ Семенов-Тянь-Шанский 1896: 541.

² См.: Carey 1887.

³ См.: Маршрут № 34. От г. Аксуйского Янги-шаара до г. Хотана по Хотан-дарье // РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2135. Л. 159–175.

⁴ Река Тарим (Тарим-дарья) – главная речная система Таримского бассейна, самая протяженная внутренняя река Китая (1321 км). Образуется при слиянии рр. Аксу-дарья и Яркенд-дарья. Недалеко от места слияния находилась паромная переправа, которой пользовались караваны при движении по Аксуйской дороге.

⁵ См.: Карта 1879.

⁶ См.: Карта 1895.

Таким образом, первая часть поездки по Кашгарии – «первая петля», по выражению Косиковского, – должна была состояться по следующему маршруту: Кашгар – Яркенд – Гума – Хотан – ур. Зиль – Маралбаши.

По совету консула С.В. Сокова Косиковский в качестве проводника нанял жителя Кашгара Хассан-ахуна, который ранее принимал участие в двух центральноазиатских экспедициях Аурела Стайна¹. Хассан-ахун представил русскому офицеру благодарственное письмо от А. Стайна, в котором последний высоко оценивал помощь расторопного *тугачи* (погонщика верблюдов). Следует заметить, что имя Хассан-ахуна действительно часто упоминается в экспедиционных отчетах Стайна². Именно Хассан-ахун был первым, кто подтвердил догадку Стайна о важном археологическом значении города-оазиса Ния. Когда Стайн достиг Нии (22 января 1901 г.), население города отмечало праздник Рамадан. «Вечером, – вспоминал Стайн, – я получил неожиданное подтверждение, что местность, которую мне предстояло посетить, имеет следы древней культуры. Хассан-ахун, мой любознательный молодой погонщик верблюдов, неожиданно встретил деревенского жителя, у которого имелись две деревянные дощечки с письменами. Эти дощечки он принес из той самой местности. Когда мне показали эти предметы, то к своей нечаянной радости я обнаружил, что надписи содержат древний шрифт, распространенный в свое время на крайней оконечности Северо-Западной Индии, известный как харошти и по типу близко сходный с тем, что имел широкое хождение в эпоху господства кушан в первые века новой эры»³.

Тот факт, что Хассан-ахун был рекомендован Косиковскому русским консулом, косвенно подтверждает версию, что Косиковский не был направлен в Кашгар с тайной миссией по заданию правительства. Консул С.В. Соков, прекрасно знавший о связях Хассан-ахуна

¹ Упоминание Косиковского о том, что Хассан-ахун принимал участие в экспедициях Свена Гедина, является неточным.

² Stein 1903; Stein 1912.

³ Stein 1903: 343.

Рис. 7
Хассан-ахун, проводник Д. В. Косиковского
(По: Stein 1912)

с британским консульством, вряд ли стал бы рекомендовать его в попутчики Коссииковскому для ведения тайной разведки.

Хотан как исходная точка рекогносцировки Аксуйской дороги был интересен Коссииковскому и в археологическом отношении. На важность Хотана в свое время настойчиво указывал Н.Ф. Петровский, которому в силу служебной занятости так и не удалось самостоятельно побывать в этом городе и прилегающих к нему местностях. Экспедиции Свена Гедина (1893–1897 и 1899–1901) и Аурела Стайна (1900–1901, 1906–1908) в Хотанском оазисе представили в распоряжение науки масштабный исследовательский материал, который позволил значительно продвинуть изучение древних цивилизаций на Шелковом пути. После обнародования результатов археологических работ интерес к Хотану как древнему историко-культурному центру значительно возрос. В короткое время мало кому известный небольшой город на стыке песчаной пустыни Такламакан и покрытых вечными снегами вершин Кунь-Луня приобрел славу археологической Мекки. Не исключено, что археологическая разведка Хотанского оазиса входила в один из пунктов «программы» С.Ф. Ольденбурга, составленной для Коссииковского.

Еще находясь в Кашгаре, Коссииковский разрабатывает план второй части своей экспедиции. В общих контурах он представлялся в следующем виде. Коссииковский намеревался в феврале 1911 г. достичь Маралбаши, откуда двинуться на восток по руслу р. Тарим через сел. Шах-яр на оз. Лобнор. На Лобнор он хотел попасть не позже апреля, чтобы в течение мая провести его изучение. В июле – августе (в наиболее жаркий период) он планировал совершить переход от Лобнора в район оз. Баграшкуль – крупного проточного водоема в отрогах восточного Тянь-Шаня. Район Баграшкуля, находящийся на высоте 1030 м над уровнем моря, в летние месяцы отличался более умеренным климатом (средняя температура воздуха +22°C). Летом Коссииковский также намеревался посетить Корла (Курля) и Куча (Кучар) – древние города на северном участке Большой императорской дороги («бэйлу»). Корла имела важное оборонительное значение. В семи километрах к северу от города находится узкий горный проход, через который проходил единственный удобный путь на г. Карашар и далее к г. Урумчи – административному центру Синьцзянской провинции. В период господства в Кашгарии Якуб-бека (1865–1877) в Корле располагалась ставка его войск, участвовавших в боевых операциях против цинского экспедиционного корпуса. Куча в свое время являлась столицей древнего буддийского княжества, занимавшего территорию вдоль южных отрогов восточного Тянь-Шаня между гг. Аксу и Карашар. Посещение Кучи было интересно Коссииковскому в археологическом отношении.

В начале XX в. в Куче последовательно работали археологические экспедиции: русские – М.М. Березовского (1905–1908), С.Ф. Ольденбурга (1909–1910); немецкие – А. Грюнведеля (1905–1907), А. фон Ла Кок (1913–1914); японские – Отани Козуи (1902–1904), Тачибана Дзуйтё (1908–1909). Не исключено, что интерес Коссииковского к Куче был связан с просьбой С.Ф. Ольденбурга произвести археологическую разведку памятников, которые еще не были известны по работам русских и иностранных экспедиций.

Предположительно, после завершения работ в районе Корла – Куча Коссииковский намеревался завершить свое путешествие и вернуться в Россию. Для этого он мог воспользоваться одним из двух маршрутов. Первый заключался в движении по караванной дороге на северо-восток до г. Урумчи и оттуда через г. Кульджу до русской границы в Семиречье. Второй маршрут предполагал движение в западном направлении на гг. Аксу и Уч-Турфан к пограничному пер. Бедель и далее к г. Пржевальску. На возможность возвращения в Россию по второму маршруту Коссииковский кратко упоминал в письме к С.Ф. Ольденбургу¹.

¹ Письмо Д.В. Коссииковского к С.Ф. Ольденбургу, 9 декабря 1910 г., г. Кашгар // СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 296. Л. 4.

7 января 1911 г. Коссииковский выехал из Кашгара и направился в Хотан. Проехав через гг. Яркенд (с остановкой на 2 дня) и Гума (2 дня), он достиг г. Хотана (26 января). Здесь Коссииковский вынужден был задержаться ввиду болезни и сложностей с приобретением верблюдов. Только 17 февраля он выступил из Хотана и направился по Аксуйской дороге на север, следуя долиной р. Хотан-дарьи. Начиная с ур. Ишак-сэйтэ, Коссииковский при помощи планшета и буссоли повел маршрутную съемку пути в 5-верстном масштабе. В соответствии с изначально разработанным маршрутом он двигался по руслу р. Хотан-дарьи через ур. Янгукзум к паромной переправе на р. Тарим и далее к с. Ават.

Достигнув крупного селения Ават, Коссииковский двинулся в западном направлении по руслу р. Яркенд-дарьи к г. Маралбаши. Пройдя по намеченному маршруту две трети пути, вместо дальнейшего движения к Гумбаз-мазару и далее к Маралбаши Коссииковский резко повернул на север, стремясь как можно быстрее выйти на караванную дорогу Аксу – Маралбаши. Сократить путь вдоль р. Яркенд-дарья Коссииковский был вынужден ввиду отсутствия воды в реке. По имевшимся у него предварительным сведениям, в это время года вода обычно имела в реке. Двигаясь на север от русла р. Яркенд-дарьи, Коссииковский пересек сухое в то время года русло р. Кашгар-дарьи и у с. Чадыркол (Чадыр-куль) вышел на большую караванную дорогу к Маралбаши. В письме к С.Ф. Ольденбургу он сообщал, что вынужден был изменить маршрут после того, как, пройдя 30 километров по пустынной местности, он не встретил источников воды¹. 13 марта 1911 г. Коссииковский благополучно прибыл в Маралбаши.

В результате работ первой части экспедиции Коссииковскому удалось составить 5-верстную маршрутную съемку участка Хотан – Чадыркол протяженностью 552 км. В поездке Коссииковский вел дневник, в который вносил подробное описание маршрута с указанием направлений движения, расстояний, топографических особенностей пути и пр. Кроме того, он вел фотофиксацию на всем маршруте движения, сделав около сотни снимков. В письме к С.Ф. Ольденбургу он сообщал: «Присылаю Вам непроявленные пластинки, на коробках наклеены бумажки с обозначением снимков, номера которых соответствуют записи в моей книжке, очень прошу, чтобы при проявлении они остались, и после вложить обратно. Надеюсь вернуться гораздо раньше, я захватил всего 8 дюжин, что заставило меня иногда пропускать интересное. Порядочно снимков ушло на китайцев, больших охотников до фотографий, остальные снимал больше, чтобы дать представление о пути»².

Менее известно о результатах археологической разведки на маршруте экспедиции, которые могли быть отражены в дневниковых записях Коссииковского. Известно, что в кишлаке Борасан (Бызым – на карте Громбчевского 1895 г.) близ Хотана им была приобретена небольшая коллекция древностей – «черепков глиняных верблюдов, поломанных обезьян, львиных морд, просто скверных рож»³. По возвращению в Петербург Коссииковский намеревался ознакомить С.Ф. Ольденбурга со своей коллекцией. При этом он допускал мысль, что приобретенные им предметы могли не представлять серьезного интереса в научном отношении или дублировать те, что имелись в распоряжении С.Ф. Ольденбурга.

Успешное завершение первой части экспедиции вдохновило Коссииковского на пересмотр планов и маршрутов всей экспедиции. Он решил отказаться от поездки к Лобнору, Баграшкулью и в район Корла – Куча. Им овладела идея реализовать программу-taxitum – совершить «большую поездку» из Урумчи через Ланьчжоу в Пекин (2800 км). В Урумчи Коссииковский надеялся прибыть в середине или в конце июня 1911 г. по дороге из Кучи. Движение

¹ Письмо Д.В. Коссииковского к С.Ф. Ольденбургу, 7 апреля 1911 г., г. Кашгар // СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 296. Л. 9 об.

² Там же. Л. 13–13 об.

³ Там же. Л. 13 об.

Рис. 8
Вид на г. Маралбаши, ок. 1906
(По: Mannerheim 1969)

к Урумчи по маршруту, который частично проходил вдоль русла р. Тарим, он исключил ввиду летней жары и «обилия ядовитых насекомых». В самом конце первой части путешествия Коссиковский получил укусы клеща, болезненные последствия которого ощущал в течение пяти недель. Британский консул Макартни также советовал Коссиковскому быть осторожней с клещами, поскольку их укусы нередко вызвали злокачественную лихорадку.

По пути из Урумчи в Пекин Коссиковский рассчитывал произвести археологическую рекогносцировку («попутную разведку») пещерного комплекса Дуньхуан, который после сделанных там громких открытий Стайна и Пеллио представлял для Русского комитета и лично С.Ф. Ольденбурга большой интерес. С военной точки зрения новый маршрут в виду осложнившегося внутривосточного положения в Китае также мог представлять определенный интерес. Поездка открывала возможность не только изучить внутренние районы Китая в военно-географическом отношении, но и проследить перемены, произошедшие в китайской армии после поездки полковника Маннергейма в 1906–1908 гг. При этом Коссиковский вполне представлял сложности такой поездки, что нашло отражение в его письме к С.Ф. Ольденбургу: «Предрешение такого длинного пути затруднительно, так как могут встретиться затруднения, которые более или менее выяснятся в Урумчи [...]»¹.

Мы не располагаем деталями этого плана, особенно по части финансирования и логистики, и не знаем, насколько был готов к его реализации сам Коссиковский. Вполне очевидна его другая сторона – амбициозное желание в какой-то мере повторить почти эпическую экспедицию полковника Маннергейма. На возможность осуществления такой головокружительной

¹ Письмо Д.В. Коссиковского к С.Ф. Ольденбургу, 7 апреля 1911 г., г. Кашгар // СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 296. Л. 12 об.

поездки Коссиковскому указывал и успех британского путешественника Уоллеса, накануне проехавшего из Пекина в Кашгар.

Осуществляя подготовку к поездке в Пекин, Коссиковский столкнулся с проблемой отсутствия необходимых средств. В связи с этим он был вынужден обратиться за содействием к С.Ф. Ольденбургу, у которого на счетах Русско-китайского банка в Кашгаре имелась некоторая сумма из остатков средств, выделенных Русским комитетом на Первую Русскую Туркестанскую экспедицию. Возможность такой «экстраординарной» меры была изначально оговорена между С.Ф. Ольденбургом и Коссиковским.

Между тем в плане «броска на Пекин» имелся один серьезный изъян – отсутствие переводчика китайского языка. Коссиковский решил воспользоваться услугами кашгарского жителя Босука Хохо, отлично себя зарекомендовавшего в период работ Первой Русской Туркестанской экспедиции. После ее окончания С.Ф. Ольденбург поручил ему посетить некоторые местности вблизи района работ экспедиции на предмет выявления памятников буддийской культуры. С.Ф. Ольденбург высоко ценил Хохо как знающего и надежного работника («прямо неоцененный человек») и потому лично рекомендовал его Коссиковскому.

Первая встреча Коссиковского с Хохо произошла в Маралбаши, куда кашгарец прибыл из Урумчи еще 6 марта. Предварительные переговоры ни к чему не привели, и Коссиковский предложил продолжить их в Кашгаре, откуда было легче снестись с С.Ф. Ольденбургом. Коссиковский предложил Хохо поступить на службу с оплатой в 30 руб. в месяц на маршруте до Урумчи и 40 руб. на пути от Урумчи до Пекина. Кроме того, он обязался оплатить расходы Хохо по возвращению домой морем с заездом в Мекку. Условия, предложенные Коссиковским, были достаточно привлекательными, но Хохо по ряду соображений отказался от участия в экспедиции¹.

Планам Коссиковского совершить поездку по внутренним районам Китая в Пекин не суждено было сбыться. В феврале 1911 г. русская дипломатия сделала попытку подвергнуть ревизии Санкт-Петербургский договор 1881 г., включив в него ряд новых положений. Китайское правительство энергично выступило против введения в договор новых статей, существенно расширявших русское политическое и экономическое влияние в Синьцзяне. Обстановка в Синьцзяне значительно обострилась после того, как русское правительство прибегло к демонстрации военной силы у китайской границы. С этой целью в Семиречье был развернут Джаркентский отряд и произведено усиление русских войск в Фергане². Находясь в Маралбаши, Коссиковский получил телеграмму от консула С.В. Сокова, который настойчиво рекомендовал ему вернуться в Кашгар. Еще не зная подробностей обстановки и мотивы, которыми руководствовался консул, Коссиковский 19 марта возвращается в Кашгар. В беседе с британским консулом Макартни Коссиковский также подтвердил, что вынужден был прервать экспедицию по настойчивой просьбе русского консула³.

¹ Незадолго после отъезда Хохо из Кашгара в русском консульстве в Урумчи была получена телеграмма С.Ф. Ольденбурга, в которой сообщалось о разрешении Русского комитета, чтобы Хохо сопровождал Коссиковского в планируемой поездке в Пекин. Очевидно, что при этом часть расходов на содержание переводчика также покрывалась комитетом.

² См.: Доклады по Главному управлению Генерального штаба и переписка со штабом Туркестанского военного округа о формировании и реорганизации войск в Семиреченской области, китайской революции 1911–1912 гг. и реорганизации вооруженных сил Китая // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3604. В августе 1911 г. напряжение на русско-китайской границе в Синьцзяне спало, и обстановка временно стабилизировалась. Русский экспедиционный отряд был введен в Кашгар через год после отъезда Коссиковского, 22 июня 1912 г., в связи с событиями Синьхайской революции.

³ British Library/OIOC/L/P&S/10/297/3537/1912: George Macartney, His Britannic Majesty's Consul-General, Kashgar, to the Resident in Kashmir, Srinagar, 10th April 1911.

Незадолго до возвращения Косиковского в Кашгар там прошли похороны шестнадцатилетнего британского юноши Орландо Хоббса, скончавшегося 15 января 1911 г. от оспы в г. Куча. Хоббс принимал участие в работах 3-й Японской археологической экспедиции под руководством Тачибаны. Это была первая и, к счастью, последняя жертва «археологической гонки» в Синьцзяне. На похоронах Хоббса присутствовали члены европейской общины в Кашгаре – русский и британский консулы, шведские миссионеры, а также Тачибана¹.

К середине апреля 1911 г. Косиковский все еще оставался в Кашгаре. Вместе с другими русскими офицерами – начальником консульского конвоя подьесаулом П.М. Горшковым, его помощником хорунжим Л.С. Помещиковым и офицером, прибывшим на смену Помещикову, он совершал конные прогулки близ Кашгара. Наличие в Кашгаре четырех русских офицеров настораживало консула Макартни, который нашел в этом подтверждение своей догадки, что русские готовятся к военному вторжению в Кашгар. О действиях русских офицеров он сообщал британскому резиденту в Кашмире: «Помещиков часто разъезжает по Новому городу (Янги-шаару. – М.Б.), где расквартирован китайский гарнизон. [Русский] консульский конвой перемещается по городу с определенными интервалами, казаки патрулируют дороги, ведущие в город, мало заботясь о полях с посевами. На днях в город прибыли шесть казаков с двумя мулами, груженными боеприпасами»².

В период пребывания Косиковского в Кашгаре там произошло несколько значимых событий, связанных с жизнью европейской колонии. В мае 1911 г. дипломатический статус Макартни был существенно повышен в связи с преобразованием британского консульства в генеральное консульство. На приобретенном в Кашгаре участке земли началось строительство нового здания британского генерального консульства – в европейском стиле, с высокой оградой и тенистым садом³. Назначение Макартни генеральным консулом существенно повышало британский уровень дипломатического представительства в Кашгаре и, соответственно, возможности в проведении британской политики в крае. Консул С.В. Соков сообщал в своем донесении: «Повышением этим г-н Макартней, прослуживший в Кашгаре свыше двадцати лет и только два года тому назад получивший звание консула, всецело обязан, как мне достоверно известно, пекинскому корреспонденту “Таймс” Моррисону⁴, который в ряде статей и корреспонденций из Кашгара, помещенных им в еженедельном издании того же “Таймс”, указывал на то громадное значение, которое имеет для английских интересов нахождение здесь великобританского консульства, а также на выдающиеся личные качества, опытность и знания г-на Макартнея. Корреспонденции эти обратили на себя внимание Foreign Office, а личные связи Моррисона в высших бюрократических кругах Лондона помогли ему устроить для своего протеже помянутое повышение»⁵.

¹ См.: Galambos 2011.

² British Library/OIOC/L/P&S/10/297/3537/1912: George Macartney, His Britannic Majesty's Consul-General, Kashgar, to the Resident in Kashmir, Srinagar, 10th April 1911.

³ NAI/ Foreign Department. Progs., Nos. 1–10, April 1911 (Secret): Purchase of a site for the construction of new Consulate building at Kashgar.

⁴ Моррисон, Джордж Эрнст (Morrison, George Ernest; 1862–1920) – австралийский путешественник, ориенталист и политик шотландского происхождения. В 1897–1912 гг. являлся официальным корреспондентом газеты «Таймс» в Китае. В 1910 г. совершил большое путешествие из Бирмы по внутренним районам Китая, Синьцзяну, Русскому Туркестану в Петербург и далее морем в Лондон. В течение 174 дней он покрыл расстояние в 6 тыс. км. Во время этого путешествия Моррисон останавливался в Кашгаре, где он познакомился с консулом Дж. Макартни.

⁵ Копия отношения Российского императорского консула в Кашгаре от 8 марта 1911 г. // АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 516. Л. 45.

В начале июня 1911 г. в Кашгар прибыл вновь назначенный секретарь русского генерального консульства Э.Л. Беренс. В течение непродолжительного пребывания в Кашгаре он совершил несколько поездок по стране и проявил большой интерес к кашгарским древностям. Не исключено, что Косиковский сообщил Беренсу о своей поездке в Хотан и о приобретении там коллекции антиков. Вскоре после отъезда Косиковского из Кашгара Беренс совершил поездку в Хотан и пополнил собственную коллекцию древностей.

Известно, что Косиковскому не удалось совершить поездку в Пекин. Складывавшаяся в то время в Китае политическая обстановка не позволяла проделать эту поездку без риска для жизни и политических осложнений. Подробности его пребывания в Кашгаре в течение нескольких последующих месяцев после возвращения из Маралбаши не вполне известны. Несколько проливает свет на этот предмет донесение консула Макартни: «[...] 30 июня я уже сообщал о русском гвардейском офицере поручике Косиковском, который путешествует по стране. Он возвратился в Кашгар. Одно время у него были планы совершить путешествие в Пекин, затем он [оказался от них] и захотел вернуться в Россию через Урумчи и Или (Кульджу. – М.Б.). Теперь же он сообщил мне, что возвращается в Россию через Ош. Эта шаткость планов дает мне основание заподозрить, что накануне возможных осложнений с Китаем, которые ожидаются в августе, г-н Соков отговорил Косиковского от дальнейших поездок по китайской территории. [...] Намеки, которые делал поручик Косиковский в частных беседах со мной, подтверждают уже имеющиеся сведения о возможности русско-китайского конфликта в самом ближайшем будущем. Кроме уже ранее сообщенных вам сведений относительно усиления [русского] гарнизона в Джаркенте, от него же я узнал о существовании плана наступления на Кашгар со стороны Маргелана и Оша. Поручик Косиковский проживает у г-на Сокова в консульстве, и его высказывания несомненно отражают мнения, которые там существуют»¹.

Из этого донесения следует, что Косиковский совершил из Кашгара еще одну поездку, которая и явилась второй частью экспедиции. Маршрут ее остается неизвестным, но следует полагать, что он не совпадал с изначальными планами. Можно было бы предположить, что вторая часть экспедиции могла состояться в район, расположенный к западу от Урумчи. На такую возможность косвенно указывает протокол заседания Русского комитета (13 мая 1911 г.), в котором была зафиксирована просьба к поручику Косиковскому – «произвести некоторые дополнительные исследования на месте развалин города Бишбалыка близ современного Гучена»². О наличии остатков древностей близ Гучена сообщал еще Г.Е. Грумм-Гржимайло в период работ Центральноазиатской экспедиции 1889–1890 гг.³ Топографическую съемку городища Бишбалык (*кит.* – Бейтин) провел в начале декабря 1914 г. Аурел Стайн в ходе работ 3-й Центральноазиатской экспедиции (1913–1916)⁴.

Однако посещение Косиковским Гучена выглядит достаточно проблематичным. Известно, что из второй поездки он вернулся в Кашгар около 18 июля 1911 г. и завершил экспедицию, вернувшись в Россию по тому же маршруту, каким прибыл в Кашгар. Этот факт косвенно указывает на возможность того, что в период между концом апреля и серединой июля 1911 г. Косиковский путешествовал в районах, прилегающих к Кашгару, и не посещал достаточно удаленных Урумчи и Гучена. В противном случае ему было бы удобнее вернуться в Россию через Кульджу и Джаркент, т. е. по маршруту, который он рассматривал еще зимой 1911 г.

¹ NAI/Government of India. Foreign Department. Secret – F. Proceedings No 104, September 1911: G. Macartney, His Britannic Majesty's Consul-General, Kashgar, to the First Assistant to the Resident in Kashmir, Srinagar, 5th July 1911.

² Протоколы 1911 (4): 28.

³ См.: Грумм-Гржимайло 1896: 212–213.

⁴ Stein 1933: 254.

Рис. 9

Могила генерал-майора Д.В. Коссиковского на Новом кладбище в Белграде

© Е.М. Бояринцев

Наиболее вероятным районом поездки второй части экспедиции можно считать местности в районе Куча – Курла – оз. Баграшколь, представляющие значительный интерес в археологическом отношении, посещение которых он планировал ранее.

Материалы экспедиции – фотографии и маршрутные съемки – Коссиковский через С.Ф. Ольденбурга передал в распоряжение Русского комитета. Фотографические пластинки были переданы для обработки С.М. Дудину. На руках у Коссиковского оставались коллекция древностей и экспедиционный дневник. На начало 1912 г. он все еще занимался его обработкой¹. К этому времени Русский комитет еще не располагал сведениями о маршруте второй части экспедиции Коссиковского².

Поездка поручика Д.В. Коссиковского в Кашгарию в 1910–1911 гг. представляет несомненный интерес для истории русского научного изучения Синьцзяна. Она состоялась на заключительном этапе «археологической гонки» в регионе, в которую оказались вовлечены крупнейшие европейские державы и Япония. Коссиковский вписал свое имя в летопись истории научного изучения Синьцзяна силами офицеров русской императорской армии, истории, у которой было немало славных страниц и выдающихся имен. Сама поездка в большинстве эпизодов и деталей еще остается малоизвестной, не до конца выяснены и ее научные результаты. Хочется надеяться, что материалы поездки – коллекция древностей, фотографии, маршрутные съемки и экспедиционный дневник – однажды станут достоянием науки, и тогда деятельность Д.В. Коссиковского, замечательного русского офицера и путешественника, предстанет перед нами во всей полноте и масштабе.

Хочется надеяться, что материалы поездки – коллекция древностей, фотографии, маршрутные съемки и экспедиционный дневник – однажды станут достоянием науки, и тогда деятельность Д.В. Коссиковского, замечательного русского офицера и путешественника, предстанет перед нами во всей полноте и масштабе.

ПИСЬМА Д.В. КОССИКОВСКОГО С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГУ

№ 1

Д.В. Коссиковский – С.Ф. Ольденбургу

30 ноября
1910 года
вторник
Кашгар

Милый Сергей Федорович, шлю Вам мой сердечный привет из Кашгара, куда я приехал вчера, 29 ноября. В Ташкенте я пробыл 5 дней, задержался больше, чем хотел, собственно, из-за моего товарища Оболенского (адъютант у Самсонова¹), которому, я думаю, было приятно повидать своего, т. к. он, думаю, немного чувствует себя заброшенным. В Оше пробыл 12, 13 и 14 вышел поздно с 4-мя местными лошадьми и керекешем², который ни слова по-русски не говорил. Первая ночь была в Каратаге, 17 верст от Оша, в небольшой дырявой мазанке в компании керекеша (проводника), 2-х лошадей и 5° мороза, но, благодаря вашему спальному мешку, выпался на славу одетым, что, впрочем, больше не повторял и остальные ночи в Равате³ и в юртах раздевался как дома, т. к. нашел, что лучше отдыхаешь.

Наблюдений сделал всего 15, т. к. благодаря тому, что не мог объясниться с проводником и он отчасти два первых дня был занят лошадьми, много времени уходило на варку пищи. Вообще до Улугчата (первый китайский пункт) был не особенно хорошо оборудован. На Тереке попал в буран, конечно, проскочил до Равата Кута Кункин (6–7 верст за Тереком), в нем мы застряли. До перевала на Тереке случился первый блин комом и не мог зажечь кипяtilник, потом оказалось, что мало было спирту. Большой anerоид⁴ привел меня в большое смущение, т. к. показал давление, соответствующее местности ниже уровня моря, думал, что испортил, оказалось, что его не хватило, и он начал второй круг. Малый показал 464,4 мм при –15°, что соответствует 4000–4100 метров, был очень горд подняться на такую высоту, лица у проходящих

¹ Самсонов, Александр Васильевич (1859–1914) – с 17 марта 1909 года туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа.

² Проводник, погонщик каравана.

³ Имеется в виду рабат – постоянный двор, караван-сарай.

⁴ Прибор для измерения атмосферного давления, действующий без помощи жидкости, используется также как высотомер.

¹ Протоколы 1912 (1): 2.

² Отчет 1911: 4.

кашгарлыков¹ были синие, смахивали на опухших покойников, посмотрев во взятое для этого места зеркало, оказался, что тоже был того же типа, впрочем, большой одышки не чувствовал. Снега было много, ущелье Комура (не доходя Терек-давана²) было местами порядочно занесено песчаником. Кашгарлыки выбивались из сил, так что пришлось одному предложить свою лошадь, т. к. он валился с ног и не мог доделать последние 100 м до Равата.

В Иркештаме³ пробыл два дня у хорунжего 6-го Оренбургского <казачьего> полка Богданова, который был замечательно гостеприимен и который приехал на один год служить в Иркештам, только что повенчавшись. В эти два дня вместе с казаками я поохотился и 24-го выступил на Кашгар. В Улугчате меня встретил джигит от даотая, благодаря настоянию С.В. Сокова, и с двумя людьми мне было значительно удобнее. Меня забавляло сравнение себя самого с каким-нибудь господином из сказки, т. к. они очень быстро меня понимали исключительно по моим знакам. Затем было забавно в юртах мое укладывание и вставание, т. к. киргизы опускали глаза и молчали, а керекеш по моей личной просьбе держал бурку как ширму, пока я раздевался и одевался.

Вчера приехал в Кашгар. Как раз во время мусульманского праздника, и вся русская колония обедала у русского сарта Ислама Зубайдулаева. К моей большой грусти пришлось очень влить в себя спирта, и на мое счастье меня спас здешний драгоман (не знаю еще фамилии) и вывел меня из грустного положения, уложив спать в 8 часов. Должен сказать, что после дороги это мне показалось серьезным испытанием. Живу я в доме того же Зубайдулаева, чудная комната с великолепной печкой.

Соковы приняли меня очень радушно и очень мило предложили у них остановиться. В Кашгаре думаю остаться не меньше 2 или 3 недели, чтобы ознакомиться, и затем главное затруднение – это достать переводчика. Во избежание большой зависимости просил мне достать учителя сартского языка и постараюсь набить язык.

До свидания, милый Сергей Федорович. Благодарю Вас за Ваше отношение ко мне. Крепко жму Вашу руку, всего Вам хорошего.

Дмитрий Коссиковский.

Будьте добры и передайте мой почтительный привет Василию Васильевичу Радлову.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 296. Л. 1–2 об.

№ 2

Д.В. Коссиковский – С.Ф. Ольденбургу

9 декабря
1910 г.
Кашгар
Четверг

Милый Сергей Федорович!

Пишу я Вам из Кашгара, где я крепко, как видите, засел, так как все еще нет переводчика. Вчера было нанят одного бывшего джигита, но он уже надул и просит отсрочку на 10 дней.

¹ Кашгарцы, кашгарлыки – крупнейшая этнографическая группа уйгуров, оседлые жители Кашгарского оазиса.

² Терек-Даван – перевал в восточной части Алайского хребта. Исторически служил главным проходом из Западного Туркестана в область бассейна реки Тарим.

³ Укрепление на границе с китайскими владениями, построенное в 1885 г. на правом берегу реки Кызылсу. Запирая ущелья, по которым шел путь из Китайского Туркестана в Фергану (перевал Терек) и в долину Большого Алая, Иркештам имел важное стратегическое значение.

В субботу я собирался идти в сторону Памира, чтобы посмотреть пик Мустага Ата¹, но, в общем, вероятно, придется отложить, так как лошадей еще тоже нет. Теперь я здесь [...] и в отношении практических вещей путевых думаю, что разберусь. Сегодня привели лошадей около 8 штук, но мог осмотреть только двух, так как пришел ко мне консул Макартней² и пришлось отложить осмотр остальных лошадей. Здесь я мало очень двигаюсь, так как уходит время на чтение, письма, дневник, который я в дороге написал, что из этого всего выйдет, не знаю, во всяком случае буду продолжать в этом духе. Пришлось сделать визиты всей колонии, Макартнею и китайским властям (сегодня). Не могу сказать, чтобы последние производили бы впечатление свежести, в особенности умственной. Даотай – рамолен³, уездный чиновник, и того больше, дипломатический чиновник, очень славный, но, говорят, никудышный. Один симпатичный – это начальник войск, но, к сожалению, к нему мы не успели. Холод здесь порядочный, и главное, полное отсутствие солнца, что для Кашгара, говорят, исключительное явление. Беру уроки сартского языка, но удалось только взять три урока, так как каждый день что-нибудь мешало (мой учитель сарт служит на почте и не всегда свободен). Делаю это, чтобы не быть слишком в зависимости от переводчиков. Единственный успех, который я сделал, – могу сказать, что мой слух разбирается в созвучиях языка, но самому говорить – недоступно. Насчет паспорта из Пекина ни слуху, ни духу, впрочем, еще не так много времени прошло. Вероятно, я уйду отсюда к Памирам на короткий срок и вернусь сюда либо к Рождеству, либо к Новому году. Это время хочу использовать, чтобы взглянуть на хребет Мустага⁴, так как думаю, что возвращаться буду через Уч-Турфан – Пржевальск. Макартней был очень любезен и дал некоторые указания. Показал мне факсимиле рукописей и научил отличать настоящие от подделок. Хо-хо (это зовут Вашего переводчика, никогда не слыхал такой клички от Вас) находится где-то около Курля – Кучара. Хочу ему телеграфировать и сговориться с ним встретиться, так как без переводчика будет очень трудно. Самому пройти без языка можно сколько угодно, но для моей задачи очень будет трудно без него. А здесь на переводчика надежда плоха.

Только что вернулся от Сергея Васильевича⁵ и его милой жены, у которых я ужинал по обыкновению; милые люди, у них себя чувствуешь уютно и хорошо. Не знаю, не придется ли отказаться от поездки в сторону Памиров, во всяком случае в скором времени, так как не хочу торопиться с покупкой лошадей, а то сегодня уже хотя приводили лошадей, но хотя не менее 100–150 рублей. Вероятно, думают, что мне очень к спеху, и потому заламывают цену. Писем получил всего 2 и с большим удовольствием получаю, хотя без них не горюю. Вероятно, на днях еще напишу Вам и надеюсь, что подниму свою дорожную способность. Поздравляю Вас с Новым годом и желаю всего, всего хорошего. Крепко жму Вашу руку. Искренне преданный Вам

Дмитрий Коссиковский.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 296. Л. 3–4 об.

¹ Мустаг (Музтаг) Ата – одна из высочайших вершин Кунь-Луны, расположенная на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. В переводе с уйгурского – «отец ледяных гор»; высота 7509 м.

² Макартней, Джордж (Macartney, George; 1867–1945) – британский консул в Кашгаре (1890–1918); генеральный консул в 1911–1918 гг.

³ От «рамоли» – устар. расслабленный, немощный, впавший в слабоумие человек.

⁴ Мустаг (Музтаг) – передовой северный хребет Западного Каракорума, образующий водораздел между бассейнами Инда и Тарима.

⁵ Имеется в виду С.В. Соков.

№ 3

Д.В. Коссиковский – С.Ф. Ольденбургу

Среда
15 декабря
1910 г.
Кашгар

Милый Сергей Федорович!

Сегодня получил от Вас китайский охранный лист, за который очень Вас благодарю. Хочу Вам сказать, что несколько изменяю свой план. Первым делом хочу направиться на Хотан без съёмки в качестве туриста, так как теперь все еще изрядно холодно и днем солнце мало греет. В Хотане пробуду некоторое время, осматривая интересное. Засим оттуда тронусь путем вдоль Хотан-Дарьи, выполняя задачу № IX, которую Вы считали для меня необязательной. Прилагаю бумажку, за чистоту которой извиняюсь, с обозначением местности, где я намереваюсь сделать поворот на Марал-Баши¹, так как: или сверну из урочища Янгуз Кум на урочище Ават, срезав кусок Гоби, или с караванного пути Хотан – Аксу, где-то около Яркенд-Дарьи есть поворот к Марал-Баши, по словам кашгарлыка Гассана, которого я нанял, участника и надсмотрщика за верблюдами у Свена Гедина и у Штейна. Последнего я взял благодаря хорошему аттестату от Штейна и по рекомендации известного консулу сарта-полицейского.

Когда я выйду, я еще не назначил времени, хотя начинается немного уже дорожная горячка, если она возможна без [...]. С другой стороны, считаю благоразумнее набираться сведений и должен сказать, что чувствую почву крепче под ногами.

Сегодня опять был у Макартнея, который очень любезен, чтобы не сказать больше. Снабдил меня планшетом, который для дальнейшей работы будет полезен, но в Хотан не возьму, так как предполагаю, что очень далеких засечек не придется делать по дороге Хотан – Аксу. Лошадей все еще нет, завтра иду на базар, кроме того буду смотреть лошадей проезжающего англичанина Воллса из Пекина в Лондон и остановившегося у английского консула². Чувствую себя хорошо, хотя, кажется, переел, так как Александра Федоровна Сокова, милейшая и добрейшая хозяйка, так усиленно и вкусно кормит, что соблазняюсь не в меру.

Зима здесь, по словам кашгарлыков, нередко суровая, и солнце здесь увидал в 10-й день после моего приезда. Думаю, что после участка Марал-Баши попробую пройти прямо на Шаяр³ и дальше к Лоб-нору⁴, куда очень хотел бы попасть не позже апреля и в мае покончить с ним, чтобы июнь и июль – август провести около Баграш-куля⁵, курорт Курля⁶ (для летних месяцев) и Кучара. В общем, не делаю детального распределения времени, так как ближе виднее. Большое смущение на меня находит при мысли, что у меня очень мало спирта для кипятильника, впрочем, думаю выписать из Оша. Около Марал-Баши, вероятно, буду около февраля, так что если Вы пошлете мне весточку о себе, то я ее получу там.

Глупейший случай со мной случился третьего дня. Поехали мы с подъяесаулом Горшковым и еще приедем инженерным офицером в Янги-шаар⁷ верхом на казачьих лошадях.

¹ Селение в 230 км от Кашгара.

² Так в оригинале.

³ Шаяр, Шах-яр – город на юго-восток от Аксу, на берегу реки Музарт, притока Тарима.

⁴ Ныне частично высохшее бессточное озеро на западе Китая, в юго-восточной части Кашгарской (Таримской) равнины.

⁵ Озеро в отрогах восточного Тянь-Шаня в 14 км от г. Карашар. Подробно описано П.К. Козловым и М.В. Певцовым, первые сведения даны у А.Н. Куропаткина в очерке «Кашгария» (1879).

⁶ Курля (Корла) – город в Восточном Туркестане, примерно в 20 км юго-западнее озера Баграш-куль.

⁷ В переводе с уйгурского «Новый город», город-крепость, которую строили около больших мусульманских городов. В этом городе разрешалось жить только китайцам, там находились органы управления, войска и т. д.

Остановившись подпоить лошадей, вошли в речку. Дура-лошадь, на которой я сидел, ничего не придумала лучше, как начать купаться со мной вместе, и я не успел сообразить, в чем дело, как лежал в воде; это было так неожиданно и глупо, что я много смеялся, в особенности видя удивленные лица моих спутников. Пришлось вернуться и отказаться от поездки в этот день.

Уроки сартского языка продолжаю и, бросив пока письма, практикуюсь в разговоре, так как в Хотан еду без переводчика. Немного мое ухо привыкло, и сам могу дать необходимые указания.

Пока соблазнился покупкой нефритовых безделушек, хотя они грубой работы, но я очень люблю нефрит, так что пить чай из нефритовой чашки меня веселит. Не хочу себя сглазить, но вовсе не тянет в Петербург, и здесь хорошо то, что соприкасаешься с людьми издалека и больше их любишь. Наверно, Вы недовольны последним словоизвержением, так как Вы, кажется, любите людей. Я же люблю легкий способ, и любить их издалека легче. Получил несколько писем, которые доставили большое удовольствие, сам никогда в жизни столько не писал, как теперь, и хотя целый день более или менее что-нибудь делаю, тем не менее не успеваю всего сделать. Вероятно, из-за моей неаккуратности.

Ну, до свидания, Сергей Федорович. Крепко жму Вашу руку и поздравляю с Новым годом, желаю много хорошего. Напишите кашгарскому бродяге. Ваше письмо мне будет очень приятно получить. Еще раз мой Вам сердечный привет.

Д. Коссиковский.

Простите за вид и смятые кроки.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 296. Л. 5–6.

№ 4

Д.В. Коссиковский – С.Ф. Ольденбургу

3 января
1911 г.
Кашгар

Милый Сергей Федорович, пишу Вам за несколько дней до выступления на Хотан, как я Вам писал. Я телеграфировал Хохо в Кучар, но ответили, что он ушел в Урумчи. Тогда я от имени С.В. Сокова телеграфировал консулу в Урумчи, чтобы Хохо вышел к ½ февраля в Марал-Баши. Боюсь, не превысил ли я свою распорядительность. Но с другой стороны, не могу без переводчика, а мой сарт далее пилава и чая мало понимает. Пока, во время 1-й петли (Кашгар, Яркенд, Гума, Хотан, по Хотан-Дарье, Зиль – Марал-Баши), справлюсь. Далее для выискивания развалин и вообще интересного будет труднее. Если будете так добры, то напишите, как мне быть с Хохо в отношении материальном и могу ли я его тащить с собой. У меня есть план маршрута, но не говорю о нем, так как сначала увижу наличные свои средства в смысле трудностей пути. Во время первой петли надеюсь, что к возвращению моему в Марал-Баши будет теплее, теперь же все холодно и солнца нет.

До свидания, Сергей Федорович! Крепко жму Вашу руку.

Д. Коссиковский.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 296. Л. 7–7 об.

7 апреля
1911 г.
Кашгар

Извините за пятна. Это [...]

В худшем случае [...]¹

Милый Сергей Федорович!

Уже три недели, как я вернулся в Кашгар, и только сейчас собрался Вам писать, но, так как все равно я бы не успел получить Вашего ответа, то предполагаю, что особенного вреда нету.

Вкратке опишу Вам петлю, на которую ушло почти 2½ месяца. Я выступил из *Кашгара 7 января на Яркенд*², где пробыл несколько дней, и оттуда, с остановкой в *Гуме* на 2 дня, дошел до *Хотана 26 января*. В Хотане нанял двух сартов, из коих один весьма мало плел по-русски. В Хотане пробыл до 17 февраля, так как отправились в *Карангутаг*³ (5–6 переходов на юг от Хотана), и, далеко не дойдя до него, простудился, что заставило меня вернуться в Хотан и запереться на три дня. Затем меня надували с верблюдами, которых нужно было нанять для дальнейшего передвижения по *Аксуйской караванной дороге*. После некоторого нравственного воздействия с моей стороны мне были доставлены верблюды, с которыми выступил из Хотана 17 февраля. В Хотане выставил обоих сартов и заменил их двумя [...], из которых один хорошо говорит по-русски. Из урочища *Ишак сүйтэ* (сэйтэ⁴), где есть астрономический пункт⁵, снятый Пржевальским, начал съемку, сначала с установленного планшета, но вскоре заместил буссолью⁶, так как легкая тренога с планшетом (не заслуживающая названия мензулы) трудно выравнивалась. Масштаб 5 верст – 1 дюйм. Путь не представлял трудностей, так как было самое благоприятное время и в *Юрункаш*⁷ вода текла протоком по руслу в месте всего моего следования, чего не бывает зимой и когда вода разбирается в арыки. Громадное количество клещей величиной с доброго паука, несмотря на февраль, – это было неприятно. По дороге жилищ нет до *Янгуз-Кума*, где пастухи живут оседло. Из *Янгуз-Кума* свернул на *Ават*, срезав кусок пустыни по карте, в действительности река пробилась 2 года тому назад русло западнее, так что без воды я прошел верст 30 (по маршруту дна).

Выйдя на *Ават*, который представляет огромное селение около 2000 дворов, остановился на 2 дня, оттуда спустился и снова на ЮЗ к *Яркенд-дарье* и вышел на большую дорогу у ст. *Чадыр-Куль*⁸, которую Вы, вероятно, знаете. Здесь я закончил маршрутную съемку, вышло 552 версты. Приехав в *Марал-Баши*, был удивлен телеграммой от С.В. Сокова, вызывавшей меня в Кашгар, что в связи со слухами о войне заставило меня поторопиться, и 19 марта вернулся в Кашгар, где ожидал более успокоительных известий. Так как известия здесь запоздалые и разноречивые, и хотя знаю о принятии условий ультиматума⁹, все же сильно сомневаюсь в грядущем

¹ Текст частично стерт, не читается.

² Выделенные курсивом слова (в основном топонимы) подчеркнуты, видимо, С.Ф. Ольденбургом.

³ Карангу-таг – хребет в горах Кунь-Луня к югу от Хотана.

⁴ Написано сверху карандашом.

⁵ Точка поверхности Земли, для которой с помощью астрономических наблюдений определены широта, долгота и азимут направления на земной предмет, являлись координатной основой для топографических карт.

⁶ Геодезический инструмент для измерения углов при съемках на местности.

⁷ Река в Кашгарии. Слиянием Юрункаша и соседней горной реки Каракаш образуется ключевая водная артерия пустыни Такламакан – река Хотан. Протекает в глубоком каньоне. На зиму практически пересыхает.

⁸ Кишлак Кашгарского округа.

⁹ 3 (16) февраля 1911 г. российское министерство иностранных дел передало китайскому правительству ноту, в которой потребовало обновления Санкт-Петербургского договора (1881 г.) с включением в него ряда новых положений.

спокойствию, то считаю далее ждать у моря погоды неправильным и 14 апреля собираюсь выходить из Кашгара прямо на *Уч-Турфан*, откуда спущусь через горы к *Тумиуку*. В этих горах есть развалины, виденные Босуком. Постараюсь выведать сведения. Выбираю этот путь, так как он мало исследован и может быть интересен в военном отношении.

Теперь насчет Хохо, который приехал из Урумчи 6 марта в *Марал-Баши*, куда я приехал из Хотана 13-го. Он мне говорил, что Вы перед расставанием с ним ему определили срок службы еще на 1 год, срок, кончавшийся в течение марта месяца. Это заставило меня призадуматься, так как я, конечно, не в силах платить жалованье, которое он привык получать. Совместная работа с ним меня, конечно, очень прельщала, во-первых, благодаря его опытности, засим, из-за более или менее его порядочности, что давало бы мне чувство большей уверенности в человеке, чего у меня нет по отношению к возницам, служащим у меня. Он мне говорил, что Вы ему дали поручение в сторону к *Дуньхуану*, но там ему китайцы чинят препятствия, которые при моем присутствии легко могли быть устранены. Чтобы выяснить его положение, я предложил ему поехать в Кашгар, где ждать известий от Вас, уплатив ему расходы, что он и сделал, где по прибытии в Кашгар он послал Вам телеграмму. Имея план выйти на Пекин в попутную разведку около *Дуньхуана*, я ему предложил принять место переводчика у меня (это предложение я ему сделал, если он не будет на службе у Комитета) в 30 р. жалованья до Урумчи, где я отпущу [...] и 40 р. в месяц от Урумчи до Пекина + его путешествие обратно морем, и просил его дать ответ через 3 дня. Ответ получился неожиданный: через 2 дня мне ответил через посланного мной человека узнать о его здоровье, так как он был нездоров, что завтра уезжает в Урумчи. Меня это очень удивило, и на другой день я его вызвал к себе. Надо Вам сказать, что еще при моем предложении он отговаривался то старостью, то боязнью мне не угодить, но я был уверен, что причины его нерешительности заключаются в другом, и предполагаю, что ему недостаточной представляется выгода. Помявшись некоторое время, он начал откровенно говорить. Его мысль следующая, как я понял: с нами, русскими, приятнее иметь дело, мы хорошо платили, но работа появляется урывками, он же китайский подданный и, принужденный с этим считаться, живя здесь, склоняется к постоянному заработку здесь. Перед получением моей телеграммы в Урумчи ему предлагали 2 места в школах, в одной учить китайчат – сартскому языку, в другой сартят – китайскому; в каждой школе жалованье 20 сар¹ и еще место переводчика, при ком, не помню, в 12 сар. Эти 3 должности он может занимать одновременно, что составит 52 сара при твердом, как он, по-видимому, считает, положении. Тут я счел нужным быть тоже вполне откровенным и, войдя в его положение, отметил про и contra. Несомненно, что выгода и спокойствие службы у нас большой плюс. Его служба при мне дала бы возможность скопить деньги, и путешествие морем с заездом в *Мекку* заняло бы почти год. Затем, если бы он служил при предполагаемой Вами экспедиции, продлило бы его обеспеченное положение; но я должен был ему сказать, что, во-первых, по теперешнему здесь положению представляет некоторый риск, хотя бы в том смысле, что мы не дошли бы до Пекина, затем, будущее настолько разнообразно в своих цветах, и может быть такое время, что будет не до экспедиций. Все это я ему насколько мог добросовестно учтил и сказал, что нисколько я не в претензии на его откровенность. В Урумчи я просил его лишь подыскать русско-китайского проводника.

13 апреля. Уже пять дней как я не трогал это письмо, так как предавался лени, полдня катаюсь верхом и остальное время читая *Куприна*² и *Кнута Гамсуна*³ перевод с норвежского и другие.

Нота фактически имела форму ультиматума и заканчивалась предупреждением, что в случае отказа китайской стороны от принятия новой редакции договора российская сторона оставляет за собой право принять «необходимые меры». Под последними имелся в виду ввод российских войск в Синьцзян со стороны Семиречья.

¹ Сар – название китайского лана у тюркского населения Синьцзяна.

² Куприн, Александр Иванович (1870–1938) – русский писатель, переводчик.

³ Гамсун, Кнут (Hamsun, Knut; наст. имя Knud Pedersen; 1859–1952) – норвежский писатель.

Рад, что читаю их в Кашгаре, так как в пути читать эти книги неразумно, так как это верное средство прийти в скверное настроение. Продолжаю про Хохо: я ему предложил подождать ответа на Вашу телеграмму, но он не изменил своего решения и в тот же день отправился в Урумчи (3 апреля). 5-го же апреля получилась телеграмма от Вас Хохо, и, посоветовавшись с С.В. Соковым, я ее вскрыл. Ваше письмо и телеграмму переслал ему вдогонку.

Не знаю, как Вы отнесетесь к моей мысли и проходу через Лан-чжу-фу – Хенань – Пекин, которая вызывается настоящим положением, и возможно большее знакомство с этой страной меня прельщает как военного. Предрешение такого длинного пути затруднительно, так как могу встретить затруднения, которые более или менее выяснятся в Урумчи, куда я надеюсь выйти в середине или в конце июня, пройдя из Кучара горами. К нижнему течению Яркенд-дарьи мне не хочется идти из-за жары и, главное, обилия ядовитых насекомых, пробуждение которых наблюдал в начале марта и при всей осторожности не избежал укуса клеща, причем ранка зажила через 5 недель, и то после обильного смазывания йодом. По словам Макартнея (английского консула), клещи прививают лихорадку. Эти причины, может быть, покажутся мелкими, но на месте доставляют много излишнего напряжения, в особенности ночью.

Я воспользовался Вашим разрешением взять из Ваших денег в банке 1000 рублей, так как писание чеков вызывает потери на курсе, который значительно выше стоит в Кашгаре, а имея деньги при себе, буду более поворотлив, так как сообщение с отцом требует много времени. Очень благодарю Вас за это предоставленное удобство, которым пользуюсь на основании опыта прошедших 2-х месяцев.

Присылаю Вам не проявленные пластинки, на коробках наклеены бумажки с обозначением снимков, номера которых соответствуют записи в моей книжке, очень прошу, чтобы при проявлении они остались и после вложить обратно. Надеюсь вернуться гораздо раньше, я захватил всего 8 дюжин, что заставило меня иногда пропускать интересное. Порядочно снимков ушло на китайцев, больших охотников до фотографий, остальные снимал больше, чтобы дать представление о пути. Остается у меня еще 37 дюжин, которые буду экономно расходовать. Очень Вас прошу написать мне несколько слов в Урумчи (через Бахты – Чугучак), так как, вероятно, у Вас есть интересные Вам места около Гучена и Дунхуана (Анси-чжоу), куда (к последнему) я, может быть, успею свернуть, это небольшой конец. Около Хотана в кишлаке Буразана¹ накупил битых черепков глиняных верблюдов, поломанных обезьян, львиных морд, просто скверных рож (извините). Купил за гроши, когда вернусь, Вам покажу, хотя думаю, что это неважные вещи и давно имеющиеся у Вас. Вместе с пластинками посылаю мою маршрутную съемку, которая требует моих поправок, так как я менял условные знаки, хотя направление, течение речки, конечно, останется так, как есть.

До свидания, Сергей Федорович, крепко жму Вашу руку, надеюсь, что не очень надоест читать мое послание. Очень прошу Вас написать мне несколько слов в Урумчи.

Да, прочел в «Новом времени» о кончине² В.В. Радлова, если это я не напутал, царствие ему небесное, милому старику, которого я буду добром поминать за теплое отношение ко мне. Если это недоразумение, долго ему жить. Еще раз прощайте, милый Сергей Федорович, всего хорошего, и главное здоровья, которое Вам нужно для Вашей работы.

Д. Коссиковский.

Ах да, между черепками есть монеты с лошадьё³. Черепки, если не будете их презирать, отдам. Рукописей не видал.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 296. 9–13.

¹ Селение в нескольких верстах западнее Хотана.

² В.В. Радлов скончался в 1918 г.

³ Не исключено, что речь идет о т. н. «хотанской монете с лошадьё» (III–IV вв.) – чрезвычайно редком типе монеты эпохи Юйтяньского (Хотанского) государства (56–1006).

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОСТОЧНОГО И ЗАПАДНОГО ТУРКЕСТАНА В ПЕРЕПИСКЕ С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГА И В.В. БАРТОЛЬДА

Российское востоковедение в XIX веке развивалось исключительно быстрыми темпами. В значительной степени его прогресс был связан с тем, что в XIX столетии территория России значительно увеличилась за счет тех регионов, территорию которых традиционно принято относить к Востоку, – Кавказа и Средней Азии. Присоединение новых земель вызвало подъем интереса к истории, литературе, языкам, религиям, распространенным на них. Для их исследования требовались новые кадры, что в свою очередь вело к созданию новых университетских и академических кафедр.

Ведущим учебным центром в области востоковедения был факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, который в 1893–1908 гг. возглавлял выдающийся ученый-арабист и организатор науки академик барон Виктор Романович Розен (1849–1908). Личные качества барона Розена – широчайший горизонт научных интересов, эрудиция, педагогический талант, обаяние, умение выстраивать отношения с людьми самых разных характеров, – а также его значительный административный вес привели к тому, что факультет выпустил целую плеяду блестящих ученых. Среди них выделяются фигуры индолога Сергея Федоровича Ольденбурга (1863–1934) и тюрколога, ираниста, арабиста Василия Владимировича Бартольда (1869–1930).

Оба они достигли многого в научном мире, однако их судьбы в науке сложились совершенно по-разному. Ольденбург пожертвовал четверть века своей жизни – наиболее ее плодотворный период – административной деятельности на посту неперменного секретаря Академии наук. Предпринятые им две Туркестанские экспедиции, 1909–1910 и 1914–1915 гг., казалось бы, вывели его в ряд наиболее выдающихся ученых – первооткрывателей мировых цивилизаций. Систематически на подлинно научном уровне (или стремясь приблизиться к нему) памятники Восточного Туркестана и Дуньхуана в начале XX в. исследовали кроме Ольденбурга лишь А. Грюнведель, П. Пеллио и А. Стейн. Однако плодотворная работа в Дуньхуане не принесла ни Ольденбургу лично, ни научному сообществу в целом желаемых плодов: ни он сам, ни его младшие коллеги не смогли издать подготовленный им к печати главный труд его жизни «Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дунь-хуана». С.Ф. Ольденбург – автор

Рис. 1
С.Ф. Ольденбург
АРАН. Ф. РХ. Оп. 10. Д. 31.
Л. 10.
© Архив Российской
академии наук

более 500 публикаций, однако в истории науки он остался в большей степени администратором, чем ученым¹. И он сам, и его родные, ближайшие друзья и коллеги осознавали эту драму, однако старались «не подавать виду»².

Академику Бартольду было суждено сыграть исключительную роль в становлении и развитии целого ряда отраслей востоковедения. Тюрколог, арабист, иранист, исламовед, историк науки, разработчик преподавательских программ и сам блестящий преподаватель, просветитель, редактор... – научная и образовательная деятельность В.В. Бартольда была многогранной и в высшей степени результативной. О таких ученых, как Бартольд, принято говорить громкими фразами: «оставил глубокий/неизгладимый след», «основал целое направление...» и т. д. Все это так. Несколько практически неизменных абзацев с основными вехами его биографии кочуют из одной публикации в другую. Однако эти слова говорят часто, что их значение в отношении к Бартольду значительно поблекло, а менее всего он заслужил, чтобы рассуждения о его заслугах перед наукой воспринимались как «общее место». Между тем далеко не все о жизненном и творческом пути академика Бартольда известно.

Попытки не только написать биографии Бартольда и Ольденбурга, но и дать очерк истории отечественной исторической науки конца XIX – первой трети XX века, не принимая в расчет их переписку, не достигнут желаемого результата. В наиболее полной биографии Бартольда³ переписка с Ольденбургом не учитывается вовсе, словно ее и не было.

«Я никогда не буду жаловаться на свою судьбу...»
В.В. Бартольд в письмах к С.Ф. Ольденбургу

Научная жизнь В.В. Бартольда протекала в тесном общении с коллегами как в столичной университетской (ординарный профессор с 1906 г.) и академической среде, так и в среднеазиатских ученых обществах и учреждениях высшего образования. Трудно сказать, сколько у Бартольда было друзей. Известно, что Бартольд в студенческие годы сдружился с П.М. Мелиоранским. К их числу, определенно, принадлежал и С.Ф. Ольденбург. Оба они (с разницей в шесть лет) окончили факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, оба считали В.Р. Розена своим учителем, оба (с разницей в пять лет: в 1908 г. – Ольденбург, в 1913 г. – Бартольд) были избраны ординарными академиками по одному разряду – история и литература азиатских

¹ Ср. из письма С.Ф. Ольденбурга В.И. Вернадскому от 29 апреля 1919 г.: «Мечтаю постепенно подготовить Ферсмана на свое место, хочется все-таки подвести итоги работам научным и не оставлять неоконченным начатое» (Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1197. Л. 7 об.).

² См., например, запись в дневнике Е.Г. Ольденбург – супруги Сергея Федоровича: «Ужасная трагедия, что жизнь общественного и государственного работника губит и убивает в нем ученого» (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 56. Л. 59).

³ Лунин 1981.

народов. Оба посвятили свои основные труды Туркестану: Ольденбург – Восточному (Китайскому), Бартольд – Западному (Русскому).

Переписка Ольденбурга и Бартольда охватывает приблизительно 35 лет истории российской науки о Востоке и дружбы и между обоими учеными. «Приблизительно» – так как часть документов не датирована.

С.Ф. Ольденбург и В.В. Бартольд делились в переписке друг с другом основными событиями в их жизни, однако так как они были коллегами по университету, академии, целому ряду научных обществ, то вполне естественно, что обмен сведениями в письменной форме начинался тогда, когда кто-то из них был в отъезде. Можно сказать, что обмен письмами между Бартольдом и Ольденбургом представляет собой «хронику текущих событий», фиксируя основные вехи в истории российского востоковедения конца XIX – первой четверти XX в. Письма В.В. Бартольда особенно ценны и как источник информации для восстановления биографии обоих ученых.

Во многих отношениях Бартольд был пионером в изучении тюрко- и ираноязычного мира, однако нельзя сказать, что биография Бартольда привлекла внимание, сравнимое с интересом к реконструкции жизненного пути Ольденбурга. С другой стороны, Ольденбург был не только, а по горькой иронии судьбы – и не столько ученым, сколько администратором от науки, общественным и государственным деятелем. В этой связи его жизненный путь был прочнее связан с судьбами российского (советского) государства и интересует не только историков науки, но специалистов по истории России первой трети XX в.

Тем не менее и при жизни, и сразу после кончины Бартольда появлялись работы, в которых давалась краткая, но емкая характеристика его научного и (в гораздо меньшей степени) его жизненного пути¹, а статьи о его вкладе в те или иные сферы истории Средней Азии появляются практически ежегодно².

В.В. Бартольд скончался в 1930 г., и Ольденбург, уже лишенный поста непереманного секретаря АН СССР в ходе «академического дела», не мог не отозваться на кончину друга и коллеги. Туркологический кабинет, организованный Бартольдом в 1928 г. и располагавшийся в его квартире, стал одной из составных частей Института востоковедения АН СССР, первым директором которого и был С.Ф. Ольденбург. Несмотря на краткость выступления Ольденбурга по случаю кончины Бартольда, вероятно, именно в нем перечислены основные его заслуги перед наукой и высшей школой: стремление вывести изучение истории Востока на те же принципы, что и изучение истории Запада, международное значение научного творчества Бартольда, создание высшей школы в Средней Азии и целого ряда университетских курсов по востоковедению, демонстрация важности путешествий для расширения кругозора ученого, объединение кабинетных и полевых исследований, тщательная работа по первоисточникам при максимально глубоком знании истории вопроса, освоение максимального количества языков как основа научной деятельности, смелая гражданская позиция в противостоянии государству, зачастую неспособному

¹ Умняков 1926: 175–202; Ольденбург 1931: 1–6; Крачковский 1934а: 5–18.

² Например: Арапов 2013: 130–138.

Рис. 2
В.В. Бартольд
АРАН. Ф. РХ. Оп. 16. Д. 52. Л. 1
© Архив Российской академии наук

понять не только фундаментальную важность научных исследований, но и их прикладную ценность, готовность жертвовать временем не только на исследовательскую и преподавательскую, но и на административно-организационную работу. Все эти обстоятельства дали С.Ф. Ольденбургу полное право назвать Бартольда основоположником научного изучения Средней Азии.

Тем не менее периодически появляются исследования книжного формата, претендующие (как минимум в заголовке) на всеобъемлющий охват жизненного пути и научного творчества В.В. Бартольда¹. Однако ограниченность в источниках, доступных исследователям, особенно работающим вдалеке от архивов Санкт-Петербурга и Ташкента, неизбежно ведет к значительным упущениям в изложении и анализе. Тем важнее введение в научный оборот переписки академиков Бартольда и Ольденбурга, которая позволит в значительной степени углубить и расширить биографические сведения о них обоих².

Показательно начало знакомства двух будущих столпов российской науки. В письме от 26 января 1894 г.³ (отметим, что это письмо – третье отправленное Бартольдом Ольденбургу из сохранившихся) Бартольд попенял своему корреспонденту на то, что тот неверно называл его имя: «Я получил Ваше письмо, любезный Сергей Федорович, и очень благодарен Вам за то, что Вы не забываете меня, хотя и забыли мое имя: меня зовут *Василием*, а не Георгием Владимировичем; Вы смешали меня с моим старшим братом».

Некоторое замешательство Бартольда вполне объяснимо: первое его письмо Ольденбургу из сохранившегося архивного фонда было подписано, пусть и кратким, инициалом, кроме того, оба они, и Бартольд, и Ольденбург, являлись выпускниками факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета (Ольденбург окончил университетский курс в 1885 г., и учился он в одно время с Георгием Бартольдом, Василий Бартольд окончил университет в 1891 г.), и оба ко времени начала переписки работали на одном и том же факультете: Ольденбург в статусе приват-доцента (с 1889) Бартольд – в том же статусе с 1892 г. (фактически с 1896 г. – по настоянию барона В.Р. Розена, декана ФВЯ и одного из учителей Бартольда, молодой ученый провел несколько лет в командировках в Западной Европе и Средней Азии⁴). При узости круга университетских востоковедов следовало бы, конечно, ожидать, что имена друг друга им хорошо знакомы.

В конце 1892 г. С.Ф. Ольденбург обратил внимание на деятельность российского консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского, усилиями которого в итоге началось планомерное археологическое исследование Восточного Туркестана. Свободное от работы время Петровский уделял сбору артефактов – рукописей, предметов искусства, монет, став фактически родоначальником целого ряда направлений как в исследовании данного региона, так и в востоковедении в целом. Однако Петровский не был профессиональным востоковедом, древних и средневековых языков он систематически не изучал (хотя владел чагатайским) и, конечно, стремился к тому, чтобы собранные им предметы попали в руки тех, кто мог бы дать им надежную атрибуцию. Так, в письме от 15 декабря 1892 г. Петровский пишет барону Розену: «Позвольте просить Вас переслать Ольденбургу, адреса и имени которого я не знаю, прилагаемое при сем письмо...». Письмо было приложено, и начиналось оно стандартным обращением: «Милостивый государь»⁵.

Переписка Бартольда с Петровским началась таким же образом. Так, кашгарский консул пишет: «Многоуважаемый господин Бартольд, не зная Вашего имени, принужден начинать письмо по образу иностранцев...»⁶.

¹ Акрамов 1963; Лунин 1981; Флыгин 2016.

² См.: Беккин 2018: 364–370.

³ См. ниже.

⁴ См. подробнее: Акрамов 1963: 24–33.

⁵ См.: Бухарин, Тункина 2018а: 101–102.

⁶ См.: Бухарин, Попова 2018: 306.

По иронии судьбы, и Бартольд, и Ольденбург вступали в мир большой науки в прямом смысле слова «без имени».

Началась переписка Бартольда и Ольденбурга в не самый благоприятный момент для Василия Владимировича: составляя свое первое (из сохранившихся) письмо Ольденбургу, он пребывал в Ташкенте, залечивая тяжелую травму – перелом ноги, полученный при падении с лошади во время экспедиционной поездки. А начиналась поездка как чрезвычайно многообещающее предприятие. В.В. Бартольд готовил грандиозную экспедицию по Русскому и Восточному Туркестану, возможно, и по Памиру. Во всяком случае, В.Р. Розен – наставник Бартольда – счел необходимым сообщить русскому консулу в Кашгаре Н.Ф. Петровскому необходимые подробности. Для начала была выслана статья молодого ученого¹, за которую Петровский благодарит Розена: «За присылку оттисков, а также за статью Бартольда (кажется, отличная статья) приношу искреннюю благодарность»². Не названная работа Бартольда неоднократно обсуждалась в переписке Петровского и Розена.

Далее, в письме от 18 июня 1893 г. Петровский уведомляет Розена о гипотетической экспедиции Бартольда в Восточный Туркестан, и планы по организации этой экспедиции вызвали у Петровского только настороженность:

«Недавно я получил от туркестанского генерал-губернатора³ извещение, что господин Бартольд и художник Дудин едут в Русский Туркестан для продолжения исследований об уйгурской письменности, и если они приедут в Кашгар, то нельзя ли им оказать содействие. Я отвечал барону Вревскому, что об исследовании древностей в Кашгаре меня уже спрашивало Восточное отделение ИРАО и я доложил Отделению, между прочим, что для этого дела нужно заручиться согласием и билетом пекинского правительства; то же могу посоветовать и г. Бартольду. Что все это значит? Не значит ли, что г. Бартольд предвосхитил мысль Отделения и желает исполнить то, что хотел С.Ф. Ольденбург и Щербатской⁴.

В настоящее время за памирским вопросом путешествие сюда совсем несвоевременно. Не могу также понять – какая Уйгурия в *Русском* Туркестане? Зачем нужно брать художника? Нынче, слава Богу, снимать может всякий, да и во всем Русском Туркестане много фотографов, которые дешевле исполнили бы нужные снимки. Вообще – мало понятно»⁵.

В двух письмах (от 2 и 15 июля 1893 г.) Петровский сообщает Розену о том, что Бартольд в Кашгар все еще не прибыл⁶. Определенно, узнав о неудаче Бартольда, Петровский вздохнул с облегчением: «Жаль, очень жаль Ольденбурга. А Бартольд, вероятно, сам виноват: знаю я всех этих вновь приезжих. Как приехал, сейчас же скакать верхом!»⁷

¹ Вероятно, речь идет о статье Бартольда 1893: 1–32. И хотя в следующем письме (от 30 января 1894 г.) Петровский пишет, что VIII том ЗВОРАО, в котором эта статья была опубликована, до него не дошел, тот факт, что статью прислал В.Р. Розен, управляющий ВО ИРАО, и то, что статьи в ЗВОРАО, как следует из переписки Бартольда и Петровского, верстались по отдельности (см., например, письмо от 12 октября 1908 г.: Бухарин, Попова 2018: 338–339), по мере поступления, и лишь после верстки всех статей формировался общий том, говорит в пользу того, что речь идет именно об этой работе. Кроме того, именно этой публикации Н.Ф. Петровский посвятил отдельную рецензию (Петровский 1894: 354–358).

² См.: Бухарин, Тункина 2018а: 111.

³ Вревский, Александр Борисович (1834–1910) – генерал-лейтенант, барон, начальник штаба Одесского военного округа (1884–1889), туркестанский генерал-губернатор (1889–1898).

⁴ Данная реплика Петровского – одно из редчайших свидетельств того, что в исследовании истории Восточного Туркестана собирался принять участие Ф.И. Щербатской. Ничего невозможного в этом нет – из Восточного Туркестана Петровский присылал фрагменты рукописей буддийского содержания, а Щербатской специализировался именно в области индийских религий и философских систем.

⁵ См.: Бухарин, Тункина 2018а: 113.

⁶ См.: Бухарин, Тункина 2018а: 115–116.

⁷ См.: Бухарин, Тункина 2018а: 119.

Так несчастный случай, произошедший с В.В. Бартольдом, свел на нет его планы по началу исследования Восточного Туркестана и фактически вынудил заняться историей Туркестана Западного (Русского). Тем не менее, как явствует из переписки с Ольденбургом, последний не оставлял надежд привлечь младшего коллегу к изучению истории Восточного Туркестана, в истории которого тюркоязычные народы оставили очень заметный след. Конечно, Бартольд не претендовал на то, чтобы исполнить задуманное Ольденбургом и Щербатским. Коллеги-индологи предполагали сосредоточить усилия на исследовании индийского слоя в истории и культуре Северо-Западного Китая, а привлечение Бартольда должно было дополнить их усилия по комплексному изучению региона.

Обратимся к развитию переписки. Первыми Ольденбургу написали братья Бартольды: старший брат ездил за границу, там отправил Ольденбургу письмо, получил ответное письмо и переслал его младшему (Василию). Ольденбург с осени 1893 по лето 1894 г. находился в командировке в Лондоне, Париже¹, а также в ряде городов Германии²; вполне вероятно, что именно во Франции или в Англии был в это же время и Георгий Бартольд.

В переписке В.Р. Розена и С.Ф. Ольденбурга впервые братья Бартольды упоминаются в письме от 21 августа / 2 сентября 1893 г. Так, барон Розен пишет: «О Бартольде я получил подробные сведения от его отца. Я его письмо здесь прилагаю, с просьбой вернуть мне его при случае. Бартольд-junior, во всяком случае, большой чудак и, очевидно, не признает существования телеграфа»³. Таким образом, в начале осени 1893 г. Ольденбург получил от В.Р. Розена письмо от Бартольда-отца, в котором, определенно, описывалась непростая ситуация Бартольда-младшего. Заочное знакомство В.В. Бартольда с С.Ф. Ольденбургом состоялось.

7 сентября 1893 г. Розен опять пишет Ольденбургу о Бартольде: «Более новых сведений нет ни о Бартольде, ни о Марре»⁴. 2/14 сентября следует новое извещение: «О бедном Бартольде известия становятся все хуже. Оказывается, что у него не растяжение мышц, а перелом бедра (на самом вершине). Лечили вначале неправильно. Останется искалеченным на всю жизнь: нога укорочена на 4 см и выворочена наружу! Родители в отчаянии. Ужасно это грустно. Я боюсь, что он совсем погибнет»⁵. В ответном (недатированном) письме Ольденбург впервые в сохранившейся переписке упоминает Бартольда: «Как грустно то, что Вы пишете о Бартольде, бедняга, он, верно, совсем подавлен?»⁶. И в дальнейших письмах к барону Розену, отправленных осенью 1893 г., Ольденбург не забывал спрашивать о «бедном Бартольде». Судя по тому, что зимой Бартольд уже пишет ответное письмо Ольденбургу, осенью 1893 г. Сергей Федорович должен был написать и самому незадачливому путешественнику.

В начальный период заочного общения Бартольд информирует Ольденбурга о своих текущих работах, о состоянии здоровья и при этом не забывает выражать трогательную заботу

¹ Каганович 2013: 28.

² См. письма С.Ф. Ольденбурга В.Р. Розену от 20 августа / 1 сентября и 21 августа / 2 сентября 1893 г. (Мишин, Сидоров и др. 2004: 242).

³ См. публикацию: Мишин, Сидоров и др. 2004: 243.

⁴ См. публикацию: Мишин, Сидоров и др. 2004: 245.

Март, Николай Яковлевич (1864–1934), востоковед-кавказовед, лингвист, археолог; академик ИАН (1912), профессор и декан (1919–1922) факультета общественных наук Петроградского университета, председатель РГК (1918–1919), РАИМК–ГАИМК (1919–1920, 1923–1934), заведующий Разрядом древних культур Кавказа и яфетического мира (1919), создатель (1917) и директор (1922) Кавказского историко-археологического института РАН в Тифлисе, директор Яфетического института – Института языка и мышления АН СССР (1920–1934) и Государственной публичной библиотеки (1924–1930), председатель бюро Коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН (1921–1930). См.: Востоковедение 1923: 22; Академическая археология 2013: 365.

⁵ См. публикацию: Мишин, Сидоров и др. 2004: 249.

⁶ См. публикацию: Мишин, Сидоров и др. 2004: 252.

о состоянии здоровья своего корреспондента¹, о своем круге общения, вынужденно узком. Очевидно, что в Бартольде уже в 1890-е гг. пылал дух не только ученого, но и просветителя. Ответные письма Ольденбурга были кратки и по-деловому сухи. Углубляться в переписку у него явно не было ни времени, ни желания. Весьма показательна финальная фраза из письма от 19 июня 1896 г.: «Мы поживаем довольно плохо». Тем не менее Ольденбург не забывает спросить Бартольда о наиболее важном для научной карьеры: продвижении работы над диссертацией. О том, что коллеги в отношениях конца 1890-х гг. занимали неравные ступени, свидетельствует просьба Ольденбурга, находившегося в командировке в Германии, высказанная в письме от 9 июля 1896 г.: найти старшего дворника и спросить, «все ли у нас в порядке». Университетский профессор мог себе позволить такую просьбу в отношении начинающего приват-доцента.

Краткое письмо В.В. Бартольда от 25 февраля 1900 г. обозначает важную веху в его научной биографии: разбор коллекции Н.Ф. Петровского, т. е. участие в работе над историей Восточного Туркестана, в которую уже почти 10 лет был втянут С.Ф. Ольденбург. И, видимо, степень активности, которую Бартольд проявлял в этой деятельности, была высока: именно он напоминает старшему коллеге, уже профессору университета и адъюнкту Императорской Академии наук (избран 5 февраля 1900 г.), чтобы тот не забыл прийти в ИРАО именно с этой целью. Впрочем, это же письмо говорит и том, что, несмотря на разницу в академическом положении, отношения у Бартольда и Ольденбурга в тот период были уже вполне равные.

В дальнейшем коллеги обмениваются сведениями по текущей работе Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении, членами которого они оба состояли, иных комиссий и обществ, библиографическими сведениями. Ольденбург, загруженный делами на посту неперменного секретаря АН, пишет значительно реже, какие-то дела (например, написание некролога Н.Ф. Петровского) отходят на задний план, и Бартольду приходится напоминать о данных обещаниях.

Однако как только Ольденбургу удается вырваться из столичных кабинетов на простор полевой работы в Восточном Туркестане, его перо становится значительно свободнее. Письма, отправленные Бартольду из Туяк-мазара 13 ноября 1909 г. и из Цянфоду на 6–7 ноября 1914 г., особенно интересны, так как в них перед Бартольдом предстает не Ольденбург-администратор, а ученый – археолог, искусствовед, рассуждающий о глобальных научных материях. Впрочем, и частностей, позволяющих в определенной степени реконструировать ход работ Первой и Второй Русских Туркестанских экспедиций, в этих письмах достаточно много: оценка работ немецких археологов, маршруты перемещения, характеристика местной жизни, деятельности отдельных исследователей. Важно отметить, что еще в 1909 г. Ольденбург ждал, что Бартольд напишет книгу о Восточном Туркестане. Впрочем, как следует из ответного письма, Бартольд не успевал приняться не только за тематику, для него относительно мало знакомую, но и даже за те начинания, в которых чувствовал себя значительно увереннее. Виной тому – занятость на постах секретаря Восточного отделения Императорского Русского археологического общества, освободившемся после кончины В.Р. Розена, и редактора «Записок» Восточного отделения РАО. «По-прежнему у меня для научных работ почти не остается времени; не приходится мечтать не только о той книге, о которой Вы упоминаете (о Восточном Туркестане), но даже об окончании давно начатых работ», – жалуется Бартольд в письме 14 января 1910 г. Следующие письма, вплоть до отбытия Бартольда

¹ В данном аспекте Бартольд был, возможно, недостаточно информирован: куда больше, чем свое собственное, С.Ф. Ольденбурга беспокоило состояние его сына Сергея.

в командировку по Европе и Северной Америке, полны текущими делами: доклады, планы, корректуры, заседания... «Наукой я пока не занимался вовсе, и персидской книжки, которую взял с собой [...] пока еще не вытаскивал», – сообщает он в письме от 18 июня 1911 г. Интересны его путевые заметки, сведения о тех или иных событиях, местах, рассуждения о ходе всемирной истории вне связи с историей Востока.

В 1912 г. В.В. Бартольд возвращается к теме Восточного Туркестана: как секретарь ВО РАО он просит С.Ф. Ольденбурга написать заметку о книге А. Грюнведеля, в которой подытожены работы немецких коллег в Восточном Туркестане¹. Ссылаясь на занятость в новом журнале «Мир ислама», Бартольд просит поискать нового секретаря для «Записок» ВО РАО, однако Ольденбург, определенно, на эту хитрость Бартольда не пошел, да и сам журнал просуществовал совсем недолго.

Вернувшись из-за границы, Бартольд окунается в пучину научной жизни, буквально бросаясь на новые рукописи. Он снабжает Ольденбурга сведениями из новых источников для лучшего понимания истории Ближнего и Среднего Востока. Впрочем, комиссии и комитеты снова поглощают значительную часть его времени.

Краткая записка от 28 декабря 1913 г. выделяется на общем фоне. Эти несколько строк характеризуют личность новоизбранного академика: он не стал до формального утверждения заказывать мундир (об утверждении он узнал из утренней газеты), посчитав это «неловким», а приходить во фраке он тоже позволить себе не может, так как это выделяло бы его из среды других академиков. Вот и придется ему сидеть среди публики в обычном костюме. Однако Бартольд пишет об этом не жалуясь, а информируя.

20 февраля 1914 г. В.В. Бартольд вновь возвращается к теме Восточного Туркестана. Снова он должен был напоминать С.Ф. Ольденбургу, что тот обещал заняться с ним и Н.И. Веселовским разбором восточнотуркестанской коллекции Н.Ф. Петровского. У Ольденбурга «не доходили руки» до самых нужных материй, которые годами ждали своей очереди, и Бартольд вынужденно брал на себя инициативу в «восточнотуркестанском вопросе». Ольденбург – чиновник, администратор – в петербургские периоды своей деятельности совершенно поглощал Ольденбурга-ученого. Писем от него нет, писать, видимо, некогда. Однако из Цянфодуна и Сенгим-агыза Ольденбург в 1914–1915 гг. снова шлет письма коллеге, в которых говорит прежде всего о большой политике и уже во вторую очередь – о науке. Однако значение письма от 6 сентября 1915 г. велико именно для науки. В нем, видимо, впервые дается характеристика буддийской стенописи Цянфодуна по историческим периодам. Кроме того, приобретенный экспедиционный опыт позволяет Ольденбургу высказать немало важного по организации археологических экспедиций в целом.

Переписка первых лет после возвращения из Восточного Туркестана (1915–1916 гг.) – скорее вынужденная, связанная в основном с кончиной коллег (великий князь Константин Константинович – президент Императорской академии наук, академик-иранист К.Г. Залеман) или информированием о срочных делах. Более подробны сведения ташкентских писем Бартольда советского периода, в которых мы снова видим ученого-просветителя. В этих письмах Бартольд предстает и в достаточно необычной ипостаси: жесткого критика советской действительности. Ранее в его письмах к Ольденбургу политический подтекст практически не прослеживался. Однако в письмах начала 1920-х гг. из Ташкента Бартольд смело пишет о крайне тяжелых условиях, в которых живут приютившие его (для академика гостиницы не нашлось) ташкентцы, о репрессиях в отношении коллег и знакомых. Однако тяжесть условий лишь возбуждает в нем еще большее любопытство, бодрость духа не покидает его. «Доехал, здоров,

¹ Grünwedel 1912.

Бартольд» – текст этой телеграммы как нельзя лучше характеризует его отношение к жизненным сложностям. В отчаянной бытовой ситуации Бартольд находит возможность для занятий наукой. Он пишет о новых рукописях, надписях, сопоставляет сведения различных источников: ташкентские письма Бартольда к Ольденбургу по своему значению не уступают научным статьям.

Завершает собрание писем В.В. Бартольда в фонде С.Ф. Ольденбурга опись корреспонденции, составленная, скорее всего, женским почерком. Судя по присутствию в описи документов, которые не отложились в фонде Ольденбурга, например записки М.А. Бартольд – супруги В.В. Бартольда, сохранившиеся документы не исчерпывают обмен письмами между великими учеными:

- 1) Открытка 1908
- 2) 4 апреля 1908
- 3) Открытка 1909
- 4) Открытка 1909
- 5) 1910. 14/I
- 6) 1911.29/III
- 7) 1911 18/5.VII
- 8) Открытка 1912 г.
- 9) 23/V 1911
- 10) 3/III 1911
- 11) 24/I 1913
- 12) 26.XII 1915
- 13) 1920 Ташкент 4 сентября
- 14) 1925 (?) Ташкент 15.VII. Гостиница б. Регина
- 15) Записка
- 16) Записка
- 17) Открытка 20 апреля
- 18) Записка 8 апреля
- 19) Закрытка местная
- 20) London W.C. 24/XI
- 21) Гельсингфорс 10/XI
- 22) Ташкент 4 ноября
- 23) Записка 4 сентября
- 24) 24 октября
- 25) Ташкент 26 января
- 26) Wien, Hotel Holler 21/VI/20/V
- 27) Самарканд 24/VI
- 28) Лондон 22 марта
- 29) 19 октября
- 30) 14 мая
- 31) Записка В.О. 4 линия 7, 20/IV
- 32) Записка 6/V В.О. 4 линия 7.
- 33) Ливерпуль 11.VII /18.VI
- 34) Чикаго 10.VIII /28.VII
- 35) 20 февраля В.О, 4 линия, 7 л.
- 36) Записка М. Бартольд

- 37) Некоторые соображения по поводу экспедиции в Восточный Туркестан¹.
 38) 21.VI.1923. К протоколу заседания Отделения историко-филологического.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 63–63 об.

«Всем, кто помнит меня, привет».
 С.Ф. Ольденбург в письмах к В.В. Бартольду

Письма С.Ф. Ольденбурга к В.В. Бартольду насыщены информацией, однако в них присутствует в основном Ольденбург-администратор. Ольденбург-ученый появляется в переписке лишь в те моменты, когда он оказывается оторванным от столичной бюрократической жизни в ходе командировок в Великобританию, Германию и Францию или во время экспедиций в Восточный Туркестан в 1909–1910 и в 1914–1915 гг. Еще в 1911 г. Бартольд оценил положение, в котором оказался его коллега: «Не знаю, не настало ли время Вам вообще отказаться от секретарства в академии, как Вы хотели. Само собой разумеется, что Вам лучше знать...» – писал он Ольденбургу 28 июля / 10 августа 1911 г. в связи с тем, что административная нагрузка не давала Ольденбургу сосредоточиться на подготовке и реализации второй экспедиции в Восточный Туркестан. В дальнейшем Ольденбург неоднократно пытался снять с себя груз административных забот, однако всякий раз осознание общественного долга брало верх над его научными интересами.

Ольденбург в 1920-е гг. пытается возвращаться к научной работе, готовит доклады, проекты, однако проекты эти остаются нереализованными. Так, вместе с В.В. Бартольдом С.Ф. Ольденбург принимал участие в работе Постоянной Туркестанской комиссии РАИМК, деятельность которой практически не привлекала внимание историков востоковедения. В исследовательской литературе о деятельности этой комиссии говорится: «В 1921 г. в Петрограде была образована Постоянная Туркестанская комиссия РАИМК в составе В.В. Бартольда, С.Ф. Ольденбурга, К.К. Романова², Н.Б. Бакланова³, А.П. Удаленкова⁴, С.М. Дудина. С 10 апреля 1921 г. по 9 марта 1924 г. состоялся ряд заседаний этой комиссии. Рукописные подписные экземпляры протоколов хранятся в бартольдовском архиве»⁵.

Между тем протокол первого заседания Постоянной Туркестанской комиссии РАИМК

¹ Речь идет об интереснейшем документе, сохранившемся в архиве Государственного Эрмитажа и составленном, судя по контексту, после 22 марта 1904 г. (Ф. 38. Д. 22). В.В. Бартольд как член Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии изложил свои соображения о составе и целях экспедиции в Восточный Туркестан, отправка которой планировалась с начала 1890-х годов. В частности, Бартольд настаивал на том, что экспедиция может быть отправлена только при условии, что ее будет возглавлять С.Ф. Ольденбург. Публикацию документа см.: Бухарин 2018е: 29.

² Романов, Константин Константинович (1882–1942) – архитектор, реставратор, археолог, действительный член ИРАО, член-корреспондент ИАК (1910), хранитель Отдела этнографии Русского музея Александра III (1911–1921). В дальнейшем продолжал сотрудничество с Н.Я. Марром в рамках РАИМК (ГАИМК), в которой занимал разрядом русского зодчества.

³ Бакланов, Николай Борисович (1881–1959) – художник, архитектор, член Комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского археологического общества (1913), член-корреспондент МАО (1914), профессор Института гражданских инженеров (1918), Института живописи, скульптуры и архитектуры (Всероссийская академия художеств) (1932), член ГАИМК, ученый секретарь московской секции (1919), член Союза архитекторов СССР (1933) и Союза художников СССР (1953).

⁴ Удаленков, Александр Петрович (1887–1975) – российский, советский архитектор, историк архитектуры, реставратор.

⁵ Здесь следует ссылка Б.В. Лунина: Протоколы заседаний Постоянной Туркестанской комиссии см.: Архив АН СССР. Ф. 68. Оп. 1. Д. 444 (1921–1924 гг.); см.: Лунин 1981: 138–139, прим. 1.

интересен для реконструкции научной биографии С.Ф. Ольденбурга уже потому, что, как следует из данного документа, Ольденбург, определенно, не оставлял надежды снова отправиться в Восточный Туркестан и продолжить там работу, не завершённую им в 1915 г.: «С.Ф. Ольденбург вносит предложение выяснить ту территорию, которая должна войти в компетенцию комиссии. По его мнению, она должна быть расширена, в ее границы должен, например, войти Китайский Туркестан»¹.

Письма Ольденбурга из-за границы и одновременные письма Бартольда, отправленные из Финляндии и Великобритании, показывают, что оба ученых были общепризнанными мировыми лидерами востоковедения. Но и за границей Ольденбург не находил времени для совершенно необходимых вещей: «Продолжаю перед самым отъездом – совсем затуркан массой дел, разговоров, посещений», – пишет он Бартольду 4–5 сентября 1923 г. При этом он не смог ознакомиться с дуньхуанской коллекцией Поля Пеллио, а именно это знакомство и должно было быть главной целью его визита во Францию.

По возвращении в Ленинград Ольденбурга ждала привычная жизнь: «Меня совсем затуркали перед отъездом, и я не успел зайти», – пишет он в первом же письме (от 15 мая 1924 г.). С другой стороны, Бартольд отбывает в очередную среднеазиатско-кавказскую командировку, пишет о встрече с коллегами и знакомстве с новым материалом, чтении лекций и написании статей. Даже ради торжеств по случаю 200-летия Академии наук Бартольд совсем не хочет прерывать свою поездку. Важную тему его писем этого периода составляет забота об организации дела по сохранению памятников истории и культуры.

Обрывается переписка С.Ф. Ольденбурга и В.В. Бартольда «на полуслове». Бартольд готовился к очередной командировке, а Ольденбург помогал ему в ее организации.

Ниже публикуются:

письма В.В. Бартольда С.Ф. Ольденбургу; всего 49 документов,

письма С.Ф. Ольденбурга В.В. Бартольду; всего 16 документов.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 192. Л. 82.

№ 1

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу¹15 ноября [1893 г.²]

Мое письмо, вероятно, очень удивило Вас, многоуважаемый Сергей Федорович, Оно [...] <неу>дачной фразой моего брата³: [...] он опять был болен, даже ездил за границу. Из этого я, конечно, заключил, что Вы теперь вернулись и здоровы. За Ваш скорый ответ я Вам очень благодарен и от всей души желаю Вам скорого и полного выздоровления, полного восстановления Вашей рабочей силы.

К сожалению, я, вероятно, еще долго не буду иметь удовольствие Вас видеть. Розен прежде писал мне, что я в Петербурге нужнее, чем в Ташкенте, чтобы я непременно вернулся, только это позволит состояние моей ноги, и отнюдь не думал о продолжении экспедиции. Вследствие этого, как только получил разрешение врачей, стал готовиться к отъезду, все уже было готово, как вдруг приходит телеграмма: «Ваша командировка будет продолжена на год, письмо объяснит. Розен». Признаюсь, меня такой сюрприз больше смутил, чем обрадовал. Мое несчастье отнюдь не уничтожило моей стр<асти к> путешествиям; я бы с величайшим удовольствием продолжал свои странствия; но [...] знает, поправится ли моя нога до весны настолько, чтобы дать мне возможность съехать. Пока все еще и ходить не могу без боли. Сидеть в Ташкенте отнюдь не весело; порядочных людей здесь найти крайне трудно; у меня есть несколько приятных для меня знакомств, но в общем я все-таки чувствую себя одиноким. Для [...] работы в здешней библиотеке недостает [...] во всяком случае, мне приходится ждать обещанного письма и потом решать, принять ли командировку или нет. Важен также вопрос, смогут ли здешние доктора дать мне ту же самую [...] помощь, которую я бы получил в Петербурге. [...] мне пришлось остаться зиму в Ташкенте, я, конечно, и здесь сумел бы устроиться; я стал бы практически изучать восточные языки и занимался бы как можно больше. По-моему, здесь порядочному человеку можно жить [...] человеку <в> случае, если он весь день занят и не имеет времени поддаваться тревогам, которые он встречает на каждом шагу.

Буду очень рад письмам от Вас, хотя, конечно, убедительно прошу Вас писать мне только тогда, когда это не будет представлять ни малейшей опасности для Вашего здоровья. Письма вернее всего дойдут по адресу, <если они будут> адресованы в здешнюю *контору страхового общества «Надежда»*.

Искренне преданный Вам В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 18–19.

¹ Письмо сохранилось плохо: правый верхний угол письма был залит водой, и на бумаге много разводов, уничтоживших чернильный текст.

² Датируется по контексту. Бартольд был командирован в Среднюю Азию в мае 1893 г., однако из-за перелома ноги был вынужден прервать поездку и вернуться в Ташкент (Бартольд 1897: 1).

³ Сведений о старшем брате В.В. Бартольда, Георгии Владимировиче Бартольде (1867–?), сохранилось немного. В «Автобиографии» В.В. Бартольд упоминает лишь, что старший брат учился на историко-филологическом факультете СПбУ и что его пример оказался для него тем фактором (излишний, по мнению Бартольда-младшего, акцент на древних языках и минимальные возможности для специализации; см.: Бартольд 1977: 789), которой предостерег его от поступления на ИФФ. Дата рождения устанавливается по студенческому личному делу: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 24553.

№ 2

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

1893¹

Ташкент, 18 сентября.

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Из письма моего брата я узнал о Вашем возвращении в Петербург; спешу поздравить Вас с выздоровлением и вместе с тем поблагодарить Вас за привет, который Вы посылаете мне через брата. К сожалению, мое положение хуже Вашего, и мне придется всю жизнь терпеть последствия совершенно случайного несчастья²; но все-таки и мое выздоровление, насколько оно возможно, идет вперед быстрыми шагами; я уже могу ходить, опираясь на палку, но без человеческой помощи. Очень печально, что моя экспедиция расстроилась таким образом. Но все-таки мне удалось открыть кое-что новое. Поездка Дудина, сделанная по моим указаниям, тоже не останется без результатов³. Кое-что я еще надеюсь сделать после выздоровления в Ташкенте и Ходженте, до возвращения в Петербург. Не знаю, когда состоится это возвращение, но можно надеяться, что еще до нового года.

Теперь меня очень интересуют Ваши планы на зиму. Надеюсь, что Вы теперь получили возможность осторожно и постепенно возвращаться к Вашим обычным занятиям. Сохранили ли Вы намерение составить библиографическую справку по истории Индии для исторического общества и побудить других ориенталистов сделать то же самое по своей специальности? Есть ли у Вас какие-нибудь другие планы, при осуществлении которых я мог бы быть Вам полезен? Каковы перемены в составе факультета? Оставлен ли при университете Позднеев-junior⁴, возвратился ли его старший брат⁵? Я был бы очень рад получить от Вас ответы на эти вопросы, если это Вам не слишком затруднительно. Очень жалею о смерти С.М. Георгиевского⁶; судя по отзывам студентов, он, несмотря на свои странные взгляды, был все-таки лучшим преподавателем, чем другие китаисты; к тому же он удивительно хорошо знал свой предмет.

С совершеннейшим почтением

В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 18. Л. 31–32.

¹ Вписано карандашом.

² Речь идет о тяжелой травме ноги, полученной после падения с лошади; см. выше.

³ Возможно, речь идет о командировке в Сырдарьинскую и Семиреченскую области; см.: О командировании ученика Императорской Академии художеств С.М. Дудина в Сыр-Дарьинскую и Семиреченскую области. 26 октября 1892 г. – 8 марта 1893 г. (АИИМК РАН. 1892. Ф. 1. Оп. 1. № 187).

⁴ Имеется в виду Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865–1937) – востоковед, специалист по истории Центральной Азии и Дальнего Востока, младший брат монголоведа Алексея Матвеевича Позднеева (1851–1920).

⁵ Позднеев, Алексей Матвеевич (1851–1920) – востоковед-монголовед, религиовед-буддолог; профессор СПбУ (1884), первый директор Восточного института (1899–1903), тайный советник (1905), директор Практической восточной академии (1910).

Речь в письме идет о возвращении А.М. Позднеева из командировки в Монголию по поручению министерства иностранных дел. В ходе командировки им была собрана огромная коллекция рукописей различного происхождения и бурханов.

Подробнее см.: Шастина 2003: 7–18.

⁶ Георгиевский, Сергей Михайлович (1851–1893) – востоковед-китаист, историк, филолог, специалист по древнему периоду истории Китая; приват-доцент Санкт-Петербургского университета (1886).

Ташкент 26-го января [1894 г.¹]
Контора компании «Надежда»

Я получил Ваше письмо, любезный Сергей Федорович, и очень благодарен Вам за то, что Вы не забываете меня, хотя и забыли мое имя: меня зовут *Василием*, а не Георгием Владимировичем; Вы смешали меня с моим старшим братом.

Научные новости были для меня, конечно, очень интересны: жаль, что орхонские надписи прочитаны², уже [...] барон Розен. Теперь только один интересующий <меня> вопрос остается неразрешенным³: оставлен при университете Позднеев-junior, и какие надежды вообще можем возлагать на него?

Что касается моей собственной научной деятельности, то я в эту зиму, конечно, сделал не особенно много, хотя кое-какие результаты все-таки будут. 11-ого декабря в Туркестанском отделе Общества естествознания, антропологии и этнографии был прочитан мой реферат, в котором я изложил те исторические и географические данные, на которых основывалась моя экспедиция; реферат теперь печатается в «Туркестанских ведомостях»⁴ и скоро выйдет отдельными оттисками; я пришлю несколько экземпляров в университет, причем один, конечно, будет предназначен для Вас. Кроме того, я напечатал в тех же «Туркестанских ведомостях»⁵ небольшую рецензию на книгу «Ислам», [...] Гаури, переведенную с английского языка Хомутовым⁶, здешним помощником губернатора. Я вообще хвалил книгу и перевод, хотя указал и на <промахи> автора и переводчика, к чести Хомутова надо сказать, <что он принял> мою рецензию очень хорошо и прислал мне в подарок экземпляр своей книги; разумеется, я письменно поблагодарил <его> и пришлю ему экземпляр только что полученного [...], а потом и реферата. В настоящее время <я занят> переводом отрывка «Мавераннахра» из Ибн-Хаукаля⁷.

<Нога> теперь поправляется очень хорошо, я хожу теперь пешком более двух верст, не испытывая почти никакой боли. Вообще мне живется здесь гораздо лучше, чем я мог ожидать, и настроение мое великолепно. Я составил себе здесь небольшой, но очень симпатичный круг знакомых, который меня вполне удовлетворяет, все эти люди относятся ко мне очень хорошо. Особенно приятно для меня сближение с Гейером⁸, молодым ссыльным, который

¹ Год устанавливается по контексту письма.

² См.: Radloff 1895.

³ См. предыдущее письмо.

⁴ Вероятно, речь идет о сообщении «К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане», которое было сделано на заседании Туркестанского отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии 11 декабря 1893 г.: сообщение о нем появилось в «Туркестанских ведомостях» уже в 1894 г. (№№ 5–7, 1–8 февраля 1894 г. н. с.). Именно эта работа вышла отдельным оттиском на 34 страницах.

⁵ См. Бартольд 1894а.

⁶ Хомутов, Петр Иванович (1848–1908) – сотрудник канцелярии туркестанского генерал-губернатора (1870–1883), чиновник особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе (1884–1890), помощник сырдарьинского военного губернатора (1890–1908); см.: Гаури 1893.

⁷ Интересно, что за мизерным исключением (Бартольд 1963: 123, прим. 9), данные «Книги путей и стран» ибн-Хаукаля при описании Мавераннахра в «Туркестане в эпоху монгольского нашествия» Бартольдом не используются. Не использовались они и в энциклопедической статье «Мавераннахр» (Barthold 1927: 415–416). Работа Бартольда над переводом работы ибн-Хаукаля не упоминается и И.Ю. Крачковским, прекрасно осведомленным о работе старшего коллеги (см. об ибн-Хаукале: Крачковский 2004: 198–199).

⁸ Гейер, Иван Иванович (1860–1908) – историк, этнограф-любитель, издатель; отбывал ссылку в Туркестане; секретарь Сыр-Дарьинского областного статистического комитета (1891), редактор «Сборника материалов для статистики Сыр-Дарьинской области» (Ташкент, 1891–1907).
См. письма Гейера в фонде Бартольда в СПбФ АРАН (Ф. 68. Оп. 2. Д. 62).

в свое время был осужден на смертную казнь, потом помилован и теперь служит здесь секретарем статистического комитета. Он принадлежит к тому типу неисправимых энтузиастов и идеалистов, который Вам, вероятно, хорошо знаком. Средних людей для них нет; им знакомы только два чувства к людям: или горячая преданность, или непримиримая вражда. Они готовы возводить в идеал каждого человека с честными убеждениями, хоть <бы> его способности были только посредственны. Таков и Гейер: при встрече с каждым порядочным человеком он полагает, что «открыл Америку» (его собственное выражение). При всем том он вовсе не ограничен; он начинает крайне живо и наглядно изображать всевозможные происшествия, так что слушаешь его всегда с большим интересом. Мне кажется, что, пока такие люди есть на свете и пока для меня возможны хорошие отношения к ним, я никогда не буду жаловаться на свою судьбу, какова бы ни была моя жизнь в других отношениях. Разумеется, таким людям, как Гейер, здесь мало дела, но кое-что все-таки есть. Он особенно усердно занимается переселенческим вопросом и действительно много сделал для разъяснения нужд переселенцев и для облегчения их судьбы. Кроме того, мой товарищ по гимназии, Тимаев¹ (он служит в военном суде), поднял в местной печати вопрос о народных чтениях; разумеется, и за это дело Гейер взялся со свойственной ему пылкостью. Таким образом, и в этом городе грубого разврата и военного деспотизма есть несколько светлых личностей, спокойно, [...] делающих свое честное дело. От контраста этого [...] труженики еще более выигрывают, так что [...] <теперь>, откровенно сказать, далеко не так тяжело в <Ташкенте, как> несколько месяцев тому назад.

Желаю Вам всего хорошего.

<С> приятнейшим почтением

Ваш В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 22–23об.

С.Ф. Ольденбург – В.В. Бартольду
На почтовой карточке; проставлены штемпели:

1/VI/96 (Gräfenberg)
22/VI/96 (Санкт-Петербург)
Gräfenberg bei Freiwaldau²
Oesterreichisch-Schlesien³

19.VI.96

Дорогой Василий Владимирович,
пошлю Вам корректуру⁴, полученную от Виктора Романовича, с большой просьбой: меня вдруг обуяла folie du doute⁵ – верна ли дата смерти Минаева 7 июня, не надо ли 1-ое⁶? Не спра-

¹ Личность не установлена.

² О деятельности К.А. Тимаева (трудно сказать, имеется ли в виду именно он) в ташкентской печати см.: Добросмыслов 1912: 294.

³ Город-курорт в нынешней Судетской области (Чехия), в настоящее время Есеник (Jeseník).

⁴ Официальное обозначение герцогства Верхняя и Нижняя Шлезия; с 1918 г. – в составе Чехословакии.

⁵ Определенно речь идет о корректуре некролога: Ольденбург 1896б.

⁶ Сумасшествие от сомнения (*фр.*).

⁷ Минаев, Иван Павлович (1840–1890) – основатель российской школы научного изучения буддизма, один из наставников С.Ф. Ольденбурга, скончался в Санкт-Петербурге 1 июня 1890 г.

витель ли? Я думаю, в канцелярии у нас¹ знают. Простите, что беспокою, но здесь негде справиться. Как Вы и как Ваша диссертация²? Мы проживаем довольно плохо³.

Всего хорошего

Преданный Вам Сергей Ольденбург.

СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 178. Л. 1.

№ 5

С.Ф. Ольденбург – В.В. Бартольд

Oesterreichisch-Schlesien
Gräfenberg bei Freiwaldau
3/15 VII 96
6/18

Дорогой Василий Владимирович,

Спасибо и за милое письмо, и за справку, и за статью, которую я унес с большим удовольствием (только какая чудовищная провинциальная безвкусица этот бордю, который они Вам устроили на обложке!). Я жалею, что перед тем перечел опять Ваших «Христиан»⁴, которые у меня здесь. Кстати, где находится лампа с неизвестными письменами, о которой Вы упоминаете на последней странице Вашей статьи (о христианах)⁵?

У нас все неважно, погода, за исключением двух-трех дней, отвратительная; у Сережи коклюш хотя и проходит, но зато сильный бронхит, и нам придется, верно, еще куда-нибудь съездить, где потеплее. Мама все хворает, да не могу сказать, чтобы и я был вполне как следует, вообще лето, по-видимому, *verfehlt*⁶!

О Маррах, как Вы знаете, слава Богу, лучшие вести. За джайнские рукописи не беритесь, ничего не сделаете, напишите ему, чтоб он подождал до моего возвращения.

Как жалко, что мы не можем поменяться местами: я бы так охотно сидел за работой в Петербурге!

Получили Вы корректуру?

Будьте здоровы.

Преданный Вам Сергей Ольденбург.

СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 178. Л. 5–6.

¹ Имеется в виду канцелярия факультета восточных языков СПбУ, на котором с 1889 по 1899 г. С.Ф. Ольденбург работал в качестве приват-доцента (до 1897) и профессора.

² Имеется в виду один из основных трудов Бартольда – двухтомник «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», за который в 1900 г. ему была присуждена степень доктора наук (Бартольд 1900).

³ Речь идет о состоянии здоровья Сергея – сына С.Ф. Ольденбурга.

⁴ Имеется в виду работа Бартольд 1893: 1–32.

⁵ Имеется в виду следующая фраза: «На берегу озера найдено много древних сосудов и т. п.; особенно интересна небольшая лампа с письменами, принадлежащими совершенно неизвестному алфавиту; одна буква, по мнению Лерха, напоминает манихейское письмо» (Бартольд 1893: 32).

⁶ Неудачное (*нем.*).

№ 6

С.Ф. Ольденбург – В.В. Бартольду

9/21 VII 96

Грефенберг

Дорогой Василий Владимирович,

Посылаю корректуру. Мы здесь, по-видимому, доживаем последние дни, погода гонит нас в места более теплые, так как Сережин бронхит все не проходит. Марр в Инсбруке, и ему, по-видимому, ничего себе. В.А. Жуковская писала мне, что они 15 июня поедут в Закаспийский край и что ей гораздо лучше; Мелиоранский¹ был с ними и тоже, кажется, молодцом. Надеюсь, у Вас все хорошо.

Конец лета, слава Богу, приближается, и надеюсь числа 20 августа Вас увидеть. Будьте здоровы.

Преданный Вам Сергей Ольденбург.

Если не трудно, загляните к нам и спросите старшего дворника, все ли у нас в порядке и благополучно, я ему писал, но он не ответил.

СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 178. Л. 2–3.

№ 7

С.Ф. Ольденбург – В.В. Бартольду

На почтовой карточке
проставлены штемпели:
31/VI/96 (Gräfenberg)
22/VI/96 (Санкт-Петербург)

Грефенберг

19/31.VII.96

Дорогой Василий Владимирович,

у меня к Вам большая просьба: мы остаемся здесь, и я засел за работу, мне очень нужен *Bendall Catalogue of Sanskrit Buddhist Manuscripts in Cambridge*². Можете Вы его взять из университета и прислать мне заказной бандеролью? Был бы Вам очень благодарен. Черкните про себя и про Петербург.

Всего хорошего.

Преданный Вам Сергей Ольденбург.

СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 178. Л. 4.

¹ Мелиоранский, Платон Михайлович (1868–1906) – востоковед-тюрколог, преподаватель восточного факультета СПбУ, профессор (1905); товарищ Бартольда со студенческой скамьи.

² Имеется в виду издание Bendall 1883.

№ 8

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

На почтовой карточке
Его превосходительству
Сергею Федоровичу Ольденбургу
Академия наук

[25 февраля 1900 г.]¹

Дорогой Сергей Федорович,
позвольте на всякий случай напомнить Вам, что завтра, в четверг 26-го, мы ждем Вас в археологическом обществе² в 7 часов для разбора коллекции Петровского³.

Ваш В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 3.

№ 9

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

[1905 г.]⁴

Васильевский остров, 4-я линия, 7

Дорогой Сергей Федорович!

Я получил сегодня Ваше письмо; само собой разумеется, что я ничего не могу иметь против Вашего предложения; конечно, Щербатской в Урге кроме исследования преподавания буддийской теологии воспользовался бы и случаем, если бы таковой представился, приобрести те или другие рукописи философского или другого содержания, так что и с формальной стороны, т. е. с точки зрения параграфов устава, не встретилось бы возражений. Лично для меня, впрочем, и без того ясно, что использование для науки такого исключительного случая, как пребывание далай-ламы и его свиты в Урге, входит в задачи Комитета, и раз далай-лама не хочет или не может ехать в Петербург, надо ехать к нему в Ургу. Из Вашего письма не видно, куда думает ехать Щербатской; так как ему, очевидно, понадобится более 500 рублей, то придется созвать экстренное заседание Комитета⁵ (очередного заседания до осени уже не будет).

Щербатского я, наверное, увижу сегодня в этнографическом отделении Географического общества, где Кауфман⁶ будет читать о переселенческом вопросе; я еще не успел переговорить с Щербатским по вопросу преподавания истории Востока для санскритистов.

¹ Датируется по почтовому штемпелю.² Имеется в виду Императорское Русское археологическое общество.³ Петровский, Николай Федорович (1837–1908) – военный служащий, дипломат, археолог-любитель, коллекционер, консул (1882–1895), генеральный консул Российской империи в Кашгаре (1895–1903). С 1886 г. присылал в Императорскую Академию наук и в Восточное отделение Русского археологического общества собиравшиеся им артефакты. Собрания Н.Ф. Петровского были переданы в Государственный Эрмитаж и в Азиатский музей (ныне – Институт восточных рукописей РАН).⁴ Предполагаемая датировка, основана на том, что Ф.И. Щербатской был командирован в Ургу для переговоров с Далай-ламой XIII Тхубтэном Гьяцо в апреле 1905 г.⁵ Имеется в виду Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении (далее – Русский комитет).⁶ Кауфман, Александр Аркадьевич (1864–1919) – юрист, экономист, политик, государственный, политический деятель (один из лидеров партии кадетов); действительный член РГО (1889), приват-доцент Московского университета (1907).

Маня¹ кланяется Вам и вместе со мной просит не забывать нас, когда у Вас найдется свободное время.

Ваш В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 37–37 об.

№ 10

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

14 мая [не ранее 1907 г.]²

Дорогой Сергей Федорович,

пока могу Вам сообщить только следующие скудные библиографические данные о русских мусульманах:

- 1) И. Гейер, Материалы по изучению бытовых черт мусульманского населения Туркестанского края.
И. Иманов (Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. I, 1891 г.).
- 2) Е.Т. Смирнов, Дервишизм в Туркестане (Туркестанские ведомости, 1898 г., № 55–58; есть отдельные оттиски).
- 3) Н.С. Лыкошин, Кадии (Русский Туркестан, сборник, т. I, 1899).
- 4) Статьи О.В. Пояркова «Из области киргизских верований», в Этнографическом обозрении, кн. XI и XX.
- 5) Статья А.А. Диваева под тем же заглавием в Известиях Общества археологии и т. д., Казань 1899, т. XV, выпуск 3.
- 6) Сборник материалов по мусульманству, составлен по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора С.М. Духовского, Санкт-Петербург 1899.
- 7) Н. Алипарин, Очерки литературной деятельности казанских татар-мохаммедан за 1880–1885 гг., Москва 1901.
- 8) К. Казанский, Суфизм с точки зрения современной психопатологии, Самарканд, 1905.

Ваш В. Бартольд.

Разумеется, Вам известны последние статьи Н.П. Остроумова³ в ЖМНП о мектебах и медресе⁴.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 29–29 об.

¹ Бартольд (урожд. Жуковская), Мария Алексеевна (1868–1928) — супруга В.В. Бартольда, сестра А.А. Марр (Жуковской), супруги Н.Я. Марра, и В.А. Жуковского.² В письме говорится о работе Н.П. Остроумова, вышедшей в 1907 г., следовательно, письмо не могло быть написано ранее.³ Остроумов, Николай Петрович (1846–1930) – историк-востоковед, один из основателей Туркестанского кружка любителей археологии (1893 г.), автор целого ряда работ по истории народов Русского и Китайского Туркестана.⁴ См. Остроумов 1906; Остроумов 1907.

№ 11

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

4 апреля [1908 г.]¹

Васильевский остров, 4 линия, 7, кв. 4

Дорогой Сергей Федорович,

я сегодня говорил с Николаем Ивановичем², он ничего не имеет против заседания на Страстной неделе; Валентин Алексеевич³ еще раньше дал мне такой ответ на вопрос о заседании «междуобщественной» (если можно, по аналогии со словом «междуведомственный», образовать такое слово) комиссии, созываемой бюро среднеазиатского комитета⁴. Придется только принять меры, чтобы заседания обеих комиссий не совпадали, так как в среднеазиатской комиссии участвуем мы все, в том числе и Вы. Кажется, заседание среднеазиатской комиссии предполагалось созвать во вторник; завтра зайду к Штернбергу⁵, еще раз переговорю с ним и условлюсь относительно рассылки повесток.

Ваш В. Бартольд.

Кстати, нельзя ли к изданию «Материалов по истории Золотой Орды» привлечь А.Ф. Хащаба⁶ (мысль принадлежит Маше)? Персидский язык он знает хорошо; если потребуются какие-нибудь примечания исторического характера, я мог бы предложить свои услуги.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 2.

№ 12

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

8 апреля [1908]⁷

Дорогой Сергей Федорович,

только что я получил Ваше письмо и все-таки надеюсь завтра Вас видеть в Комиссии. Я сегодня говорил со Штернбергом, и он также признает Ваше участие совершенно необходимым; приглашение Вам, должно быть, уже послано. Если Вы будете, то тогда же можно будет переговорить с Н.И. и В.А.⁸ о *нашем* заседании. Напоминаю, что главное затруднение не в этих

¹ О дате получения письма и ответа рукой С.Ф. Ольденбурга сделаны примечания:

Получено 5.IV.1908.

Отвечено 8.IV.1908

Год устанавливается по примечаниям С.Ф. Ольденбурга.

² Имеется в виду Николай Иванович Веселовский (1848–1918) – археолог-востоковед, действительный член ИАН (1914).

³ Имеется в виду В.А. Жуковский.

⁴ Вероятно, имеется в виду Русский комитет.

⁵ Штернберг, Лев Яковлевич (1861–1927) – историк, этнограф, географ, секретарь Русского комитета; о нем см.: Гаген-Торн 1975.

⁶ Хащаб, Антоний (Антон) Феодулович (1874–1920) — выпускник ФВЯ СПбУ, ученик В.А. Жуковского, в 1904–1917 гг. — там же лектор арабского языка по кафедре арабской словесности. Автор словарей и учебных пособий по данной теме.

⁷ Датируется предположительно по контексту: по предположению Е.Н. Груздевой (СПбФ АРАН), речь в письме, вероятно, идет о комиссии по учреждению и вручению медали имени В.Р. Розена, которая работала весной 1908 г. (см.: Жебелёв 2017: 49).

⁸ Имеются в виду Н.И. Веселовский и В.А. Жуковский.

членах, а в пятом – П.К. Коковцове. Кроме того, возможно, что Жуковские в четверг уезжают на Иматру¹, где проведут праздники. Впрочем, наше дело не очень спешно, так как едва ли предполагается назначить кому-нибудь медаль уже в этом году.

Ваш В. Бартольд.

Привет и поклон от Мани.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 16.

№ 13

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

[6 мая 1908 г.]²

Дорогой Сергей Федорович,

Только что я получил повестку на заседание совета Археологического общества, которое состоится завтра 7-го (в пятницу); среди «предметов занятий» есть и «представление Восточного отделения с проектом медали имени барона Розена». Такого представления я не писал; надеюсь, что его написал Николай Иванович по соглашению с Вами.

Надеюсь увидеться с Вами в субботу; жена, конечно, тоже ждет и шлет Вам привет.

Ваш В. Бартольд.

6.V.

Васильевский остров, 4-я линия, 7.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 31.

№ 14

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

20 февраля [1909]³

Васильевский остров, 4-я линия, 7

Дорогой Сергей Федорович,

так как Вы мне подали надежду, что когда-нибудь вечером зайдете ко мне, то на всякий случай предупреждаю Вас, что в субботу 21-го (завтра) меня не будет дома; буду в студенческом кружке ориенталистов.

¹ Популярный курорт на территории современной Финляндии.

² Письмо датируется по контексту. В самом письме указана дата: 6.м. V. Определенно, речь идет о 1908 г., так как именно в 1908 г. скончался В.Р. Розен, памяти которого ВО РАО хотело посвятить ряд мероприятий, в том числе учредить медаль.

В.В. Бартольд сообщает С.Ф. Ольденбургу, что на следующий день после написания письма – 7-го числа – планируется провести заседание Восточного отделения Русского археологического общества. Это указание согласуется с датой, поставленной в нижней части письма (6 мая), и не согласуется с датой заседания, указанной в «Записках» ВО РАО. Заседание, как следует из соответствующего редакционного сообщения в Записках ВО РАО (1910. Т. 19. Вып. 4. С. VIII), должно было состояться 20 марта 1908 г., через 10 дней после кончины В.Р. Розена. В повестке дня значился следующий пункт: «(4) войти в Общее собрание с ходатайством об учреждении медали в память В.Р. Розена, предварительно выработав в особой комиссии положение об этой медали». Вероятно, на заседании 20 марта вопрос о медали в честь барона Розена рассматривался в общих чертах, а 7 мая был представлен определенный эскиз.

³ Датируется предположительно по контексту. В письме упоминается написание «теперь» предисловия к тому XVIII «Трудов Восточного отделения Русского археологического общества». Судьбу этого тома детально

Кстати, мне хотелось спросить Вас, известно ли Вам, по каким причинам при жизни Виктора Романовича¹ не был выпущен 18-й том «Трудов»? Предисловие, написанное теперь Николаем Ивановичем², оканчивается словами: «Почему барон Розен сам не выпустил XVIII-го тома, мне неизвестно», с его согласия я остановил печатание предисловия до наведения справки у Вас.

Еще прошу не смущаться грубой ошибкой (кажется, я тут не виноват) на повестке в заседание, которое, конечно, состоится в *четверг* 26-го, а не в субботу. Надеюсь, Вы помните, что обещали в этот день прийти в 7 часов вечера, чтобы вместе с Николаем Ивановичем и мною разобрать коллекции Петровского³.

Пока всего хорошего, поклон от Мани.

Ваш В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 36–36 об.

№ 15

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу
На почтовой карточке

Его превосходительству
Сергею Федоровичу Ольденбургу.
Здание Академии наук

[14 марта 1909 г.]⁴

Дорогой Сергей Федорович,
не доставите ли Вы для протокола резюме замечаний, сделанных Вами в последнем заседании по поводу доклада Я.И. Смирнова⁵. Сверх того, позволяю себе напомнить Вам об обещанном Вами к концу февраля некрологе Петровского⁶.

Ваш В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 4.

изложил С.А. Жебелёв: «XVIII т. “Трудов” (496 с.), содержащий работы П.И. Лерха “Монеты Бухар-худатов” и архимандрита Палладия “Китайская литература магометан”, был начат печатанием еще в 70-х гг. XIX в. тогдашним управляющим Отделением В.В. Григорьевым, но вследствие неблагоприятных обстоятельств не мог быть выпущен в свет. Статья архимандрита (покойного) Палладия Кафарова была доставлена покойным иеромонахом (впоследствии епископом) Николаем Адоратским. Печатание статьи было закончено В.Р. Розеном, предполагавшим приложить к труду о. Палладия вводную статью о литературе предмета, но по недостатку времени он не успел ее составить. XVIII т. “Трудов” был выпущен в свет под наблюдением Н.И. Веселовского в 1909 г. XVIII т. “Трудов” печатался в типографии Академии наук (XXII т. – в типографии Яблонского). Издание “Трудов” обошлось в 2340 руб. 43 коп.». См.: Жебелёв 2017: 72.

Кроме того, в 1909 г. 21 февраля падает на субботу.

¹ Имеется в виду В.Р. Розен.

² Имеется в виду Н.И. Веселовский.

³ Имеются в виду собрания артефактов, собранных в Восточном Туркестане генеральным консулом в Кашгаре Н.Ф. Петровским.

⁴ Датируется по почтовому штемпелю.

⁵ Возможно, имеется в виду доклад, сделанный по поводу выхода в свет работы самого Я.И. Смирнова «Восточное серебро»; см.: Смирнов 1909а; Смирнов 1909б: XXVIII–XXXIII.

⁶ См.: Ольденбург 1912: 01–08.

№ 16

С.Ф. Ольденбург – В.В. Бартольду

Туюк-мазар
13.XI.1909

Дорогой Василий Владимирович,

Давно собирался написать, но все ужасно мало времени остается на писание, к вечеру обыкновенно так устанешь от работы, что трудно писать. Ходом работ я в общем доволен, хотя с одной иллюзией пришлось расстаться: расстояния здесь настолько велики и средства передвижения для людей с багажом настолько несовершенны, что объездить весь район в одну поездку, не скомкав всей работы, невозможно. Кроме привозки фактического материала в виде фресок и т. д., которому я не придаю особенного значения, самым существенным результатом я считаю выяснение необходимых методов дальнейшей работы и приблизительность ее размеров. В этом сможет нам особенно много дать Шикшин около Карашара. Жду я с большим нетерпением появления отчетов от экспедиции Лекока и второй экспедиции Грюнведеля. Признаюсь, что пока не понимаю совершенно их способа работы, но не хочу осуждать, не увидев отчетов. Одно только приходится сказать и теперь: копали Лекок и Бартус¹ варварски², и на их душах много бесповоротно испорченного драгоценного материала; фрески ими тоже спиливались часто не тщательно. Холода заставили нас переменить план: в Кучар еду я один, Дудин и Смирнов³ возвращаются⁴, ни чертить, ни калькировать они не могут при холоде, и оставаться им, конечно, не стоит. Мне же очень стоит быть в Кучаре. Лично я тоже поездкой очень доволен, считаю, что научился многому, многое понимаю гораздо яснее, не говоря уже о том, как много дает возможность думать почти исключительно о научных вопросах. Увы, впрочем, положение «начальника» экспедиции заставляет иногда отвлекаться в сторону разных административных дел, даже до суда над сартами включительно. От местного населения впечатление тяжелое, в нем все отрицательные черты забитого, рабского народа. Бичом для европейца является полное равнодушие сарта ко времени: ему решительно все равно, сделать ли сегодня, завтра, через три дня!

¹ Бартус, Теодор (Bartus, Theodor; 1858–1941) – немецкий мореплаватель, музейный работник. В 1902–1914 гг. – участник всех четырех Турфанских экспедиций под руководством А. Грюнведеля и А. фон Лекока.

² Тему варварского отношения немецких коллег к предметам живописи Ольденбург развивает и в переписке, и в научных работах довольно часто. Так, в отчете «Туркестанская экспедиция 1909–1910 г.» С.Ф. Ольденбург указывает:

«Много копано немецкими экспедициями, но с основною целью добыть предметы и, прежде всего, рукописи. Мы могли только заняться контрольным исследованием некоторых зданий, [...] фотографии, причем пришлось убедиться, что рисунки зданий, которые заменили собою планы, неизбежно должны были послужить источником ошибок. Копание без определенной системы, за которым следовало такое же копанье со стороны туземцев в поисках за вещами, дало печальные результаты по отношению к возможности восстановить план города. Это теперь задача спешная, и кроме произведенного разрушения каждый год разрушают, свозя землю на поля» (Бухарин 2018d: 68).

Примечательны и следующие его высказывания из дневника I РТЭ:

«Пилили пещеру с медальонами – от них жалкие оборывыши. Немецкие варвары – нехорошо, что Грюнведель рисовал и писал в пещерах».

«Нашли разные вещи в мусорных кучах перед пещерами. И здесь варварская пила» (Ольденбург 2018: 549, 551).

³ Смирнов, Дмитрий Арсеньевич (1883–?) – горный инженер, участник I РТЭ, в задачу которого входила съемка планов (см.: Бухарин 2018e: 62), см. выше биографический очерк о Д.А. Смирнове.

⁴ Как указывает С.Ф. Ольденбург в письме к Н.Н. Кроткову от 30 ноября 1909 г., С.М. Дудин и Д.А. Смирнов выехали в Россию из Караходжи 25 ноября 1909 г., так как в ходе экспедиции Дудин заболел лихорадкой (см.: Бухарин 2018e: 556).

Большую помощь оказал нам Кротков, который заботился и продолжает заботиться о нас. Он произвел на меня превосходное впечатление и как консул, и как человек, интересующийся востоком: он не пытается, как Грум¹, разрешить великие проблемы истории Средней Азии, а скромно собирает доступные ему материалы, совершенствуется в языках и вообще приближается, по-моему, к самому желательному типу местного работника. Мне очень хочется предложить его в члены Археологического общества, и Вы, верно, не откажетесь поддержать меня? Думаю, что он, несомненно, будет полезным членом Общества.

Недели через две-три, думается, удастся встретиться в Кучаре, куда дней 15 дороги, не считая остановки в Курле, где надо посетить одни развалины. Может быть, придется, на том же основании, остановиться в Бугуре. Переводчик у нас превосходный, и я рассчитываю от него немного научиться по-сартски, самые обыкновенные вещи кое-как понимаю.

Поражает здесь значительное русское влияние, русские товары попадают всюду и в большом количестве. Говорят, что около Кучара и дальше это влияние еще сильнее. Жаль, что, по-видимому, новые правила о пошлинах нанесут серьезный удар по русскому влиянию. После долгих разговоров с купцами и консулом я решил написать подробное письмо министру финансов, может быть, он еще переговорит с Котвичем², который, авось, его переубедит.

В Безеклике (Муртуке)³ мы несколько подмерзли, потому что нельзя было согреться, особенно неприятно было вставать и одеваться в палатке при -1 ; $+7$ мы считали уже блаженным состоянием: как меняются мерки: в Петербурге мы бы нашли, что в комнате при $+7$ холодно! Здесь мы под крышей, и потому значительно теплее. Кротков пишет, что приехал в Урумчи Малов⁴ и скоро будет здесь проездом в Су-чжоу; ему предстоит холодная дорога. Удивительно здесь плохо умеют туземцы договориться о самых элементарных удобствах: такой лени, как здесь, я нигде не видел, это что-то прямо феноменальное. И трудно себе представить, что их изменит: китайцы мало трогают местный быт, да, впрочем, и они работники неважные, по крайней мере, здесь на окраине я не видел хороших работников-китайцев, и русские в Урумчи говорят тоже, что китайцы здесь работают плохо. Жизнь поражает бедностью и малосодержательностью.

Взял с собой Ваше «Семиречье»⁵ и очень доволен, жалко, что не решился взять Ваш «Туркестан», боясь его размеров. Мой спутник Смирнов внимательно прочел Ваше «Семиречье» и стал Вашим поклонником: «Наконец-то вижу книгу о Востоке, где все ясно и написано хорошим языком». Присоединяюсь к его мнению, позволяю себе выразить надежду, что мыждемся от Вас книги о Китайском Туркестане⁶.

Как-то идут Ваши работы, что «Записки» и Восточное отделение? Еще не скоро узнаю.

Желаю Вам всего хорошего и крепко жму Вашу руку.

¹ Имеется в виду Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло (1860–1936) – географ, зоолог, исследователь Центральной Азии, участник нескольких экспедиций на Памир и в Тянь-Шань (1884–1887), Азиатской (Турфанской) (1889–1890) (в ходе которой была открыта Турфанская впадина) и Монгольской (1903) экспедиций; о путешествиях см.: Покровский 1913.

² Котвич, Владислав Людвигович (1872–1944) – востоковед-лингвист, с 1895 г. – чиновник канцелярии министерства финансов.

³ Безеклик – храмовый комплекс «Пещер тысячи будд» (V–XIV вв.), состоящий из 77 пещерных храмов и расположенный между Турфаном и Шаншаном (Лоу-ланем) на северо-восточной границе пустыни Такламакан рядом с оазисом Куча в долине Мутоу.

⁴ Имеется в виду лингвистическая экспедиция С.Е. Малова в Восточный Туркестан. Малов, Сергей Ефимович (1909–1911) – лингвист, востоковед-тюрколог, член-корреспондент АН СССР (1939).

⁵ См.: Бартольд 1898.

⁶ Этим надеждам С.Ф. Ольденбурга сбыться суждено не было: исследований по истории Китайского (Восточного) Туркестана Бартольд не издал.

Сердечный привет Марии Алексеевне.
 Всем друзьям поклон.
 Преданный Вам
 Сергей Ольденбург.

СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 178. Л. 7–8 об.

№ 17

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

14.I.1910.

Дорогой Сергей Федорович,

пишу Вам без большой надежды, что письмо дойдет до Вас; но все-таки очень хотелось сделать попытку, во-первых, поблагодарить Вас за память обо мне, во-вторых, выразить Вам, от жены и от меня, искреннее сочувствие по поводу постигшего Вас тяжкого горя, о котором я недавно узнал¹. Еще сегодня К.Г. Залеман сказал мне, что собирается писать Вам на урумчійское консульство, и потому я решил отправить свое письмо таким же способом, хотя и сомневаюсь в том, что его успеют Вам доставить.

Я был бы очень рад, если бы Вы при возвращении в Петербург хотя бы в области научной работы нашли какой-нибудь шаг вперед по сравнению с тем, что было при Вашем отъезде; но, кажется, на это мало надежды. Четыре дня тому назад была вторая годовщина смерти Виктора Романовича²; за эти два года чувство [...] сделалось еще более острым, чем было во время похорон. Кажется, у нас здесь нет ни одного общества, которое бы было поставлено настолько прочно, чтобы ответственные должности в нем могли быть замещаемы без затруднения. Новый и теперь уже окончательный отказ Ламанского³ снова поставил на очередь вопрос о председателе этнографического отдела в Географическом обществе – и опять, как прошлой весной, нет ни одного подходящего лица, которое бы согласилось взять на себя эту роль. Как трудно найти председателя, Вы можете видеть хотя бы из того, что настойчивым упрощиваниям подвергались Николай Яковлевич⁴ и даже я. Само собой разумеется, что мы оба, по понятным причинам, отказались от этой чести. По-прежнему у меня для научных работ почти не остается времени; не приходится мечтать не только о той книге, о которой Вы упоминаете (о Восточном Туркестане), но даже об окончании давно начатых работ. За книгу о Самарканде я в течение этого учебного года совсем не мог приниматься; исследование о Дербенте тоже не окончено⁵; не удастся приготовить к печати даже курс по изучению истории Востока в Европе⁶. Напечатал небольшую статью по истории Мерва⁷, в которой мне, кажется, удалось разобраться в некоторых вопросах, оставшихся неясными после книги

¹ Имеется в виду кончина матери С.Ф. Ольденбурга, которая застала его в ходе работ Первой Русской Туркестанской экспедиции.

² Имеется в виду В.Р. Розен.

³ Ламанский, Владимир Иванович (1833–1914) – историк-славист, ординарный академик ИАН (1900), редактор журнала «Живая старина», издававшегося Императорским Русским географическим обществом.

⁴ Имеется в виду Н.Я. Марр.

⁵ См.: Бартольд 1913: IV–V.

⁶ Имеется в виду работа Бартольд 1911.

⁷ См.: Бартольд 1910: 115–138.

Жуковского¹. Теперь занят разбором докторской диссертации Иностранцева: «Сасанидские этюды»² – уввы, книга имеет и французское название «Études Sassanides», даже французское оглавление, начинающееся фразой: «Caractère de l'histoire persane pendant l'époque Sassanide»³. К сожалению, это – такой факт, о котором я не считаю возможным умолчать на диспуте. Есть в диссертации и другие недостатки, но в общем она является ценным трудом, и, конечно, автор будет удостоен искомой степени. Мне говорили, что после этого он собирается вступить в число приват-доцентов факультета и, между прочим, хочет объявить курсы по этнографии Ближнего Востока. Тема настолько обширная и трудная, что я себе совершенно не представляю, какой характер будет иметь такой курс.

Новости, касающиеся нашей факультетской жизни (отъезд Щербатского в Индию⁴, вступление в число приват-доцентов Сталя⁵, Алексеева и Любимова⁶, магистерский диспут Кюнера⁷ и т. п.), вероятно, уже дошли до Вас; может быть, Вы имеете и известие о том положении, в котором очутился университет после вынужденного ухода ректора Боргмана⁸ и проректора Гримма⁹. Говорят, мало надежды, что пройдет спокойно. Не знаю, получили ли Вы письма кого-нибудь из участников съезда естествоиспытателей¹⁰. Ради секции географии и подсекции этнографии я был на этом съезде вместе с Ивановым и Штернбергом, даже читал небольшой доклад, но съезд произвел на меня, как и на моих товарищей, довольно грустное впечатление. Москвичи оказались очень плохими организаторами и даже, что мало соответствует репутации города, довольно негостеприимными людьми.

Об остальном надеюсь переговорить с Вами в марте и тогда же узнать еще некоторые подробности о Ваших заботах.

Оба, Маня и я, крепко жмем Вашу руку и шлем сердечный привет.

Ваш В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 5–6 об.

¹ См.: Жуковский 1894.

² Речь идет о докторской диссертации К.А. Иностранцева (защищена в 1910 г.); см.: Иностранцев 1909.

³ Характер персидской истории в сасанидскую эпоху (*фр.*).

Книга имеет не только французское название, фамилия автора также дана в латинской транслитерации по середине обложки в форме C. Inostrancev.

⁴ Ф.И. Щербатской был командирован в Индию Русским комитетом на срок с 1 декабря 1909 по 1 сентября 1910 г. для исследования рукописной традиции философских трактатов, легших в основу китайских и тибетских переводов, а также для ознакомления с системой исследования языков и литературы в самой Индии; см.: Вигасин 2008: 243–246.

⁵ Сталь-фон-Гольштейн, Александр Августович (1877–1937) – востоковед-синолог, тибетолог, буддолог, дипломат; приват-доцент по кафедре санскритской словесности на ФВЯ СПбУ в 1909–1917 гг.; о нем см.: Elisseeff 1938: 1–8; Вигасин 2008: 503–506.

⁶ Любимов, Александр Евграфович (1878–1945) – историк-востоковед, синолог, японист, архивист; приват-доцент по кафедре истории Востока на ФВЯ в 1910–1919 гг.; о нем см.: Смолин 1980: 81–97.

⁷ Кюнер, Николай Васильевич (1877–1955) – востоковед-историк, филолог, специалист по истории Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии; в 1909 г. представил магистерскую диссертацию «Описание Тибета»; преподавал на ФВЯ; о нем см.: Зенина 1962: 81–88.

⁸ Боргман, Иван Иванович (1849–1914) – физик, ректор СПбУ в 1905–1910 гг.; о нем см.: Голоушкин 1951: 255–263.

⁹ Гримм, Эрвин Давидович (1870–1940) – историк-антиковед, медиевист, в 1909–1910 гг. – проректор, в 1911–1918 – ректор СПбУ (ПГУ); о нем см.: Бузескул 1931: 212–214.

¹⁰ Речь идет о 12-м съезде естествоиспытателей, состоявшемся в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. под председательством Д.Н. Анучина.

№ 18

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу
На почтовой карточке

Императорская Академия наук
Господину непременно секретарю
Сергею Федоровичу Ольденбургу

25.IX. [1910 г.]

Дорогой Сергей Федорович,

только что узнал о Вашем возвращении домой; нельзя ли как-нибудь, если Вы себя чувствуете настолько хорошо, зайти к Вам по поводу Вашей корректуры и когда именно? Могу зайти во всякое время, кроме вторника 11–3 и среды 1–3². Кроме того, во вторник в 2 часа назначено заседание бюро; если у Вас есть предложения, которые требуют обсуждения в бюро, можете ли Вы к этому дню их доставить?

Оба шлем Вам сердечный привет и желаем скорее поправиться.

Ваш В. Бартольд.

25.IX. Васильевский остров. 4-я линия, 7, кв. 4.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 7.

№ 19

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

19 октября [1910 г.]

Дорогой Сергей Федорович,

Когда я был у Вас, я забыл сообщить еще об одном; по настоянию Котвича пришлось исключить из протокола заседания Комитета (§ 48) упоминание об «отношении Санкт-Петербургского градоначальника от 12 июня № 3611, с препровождением заграничного паспорта на имя С.М. Дудина», так как С.М. Дудин в этом году *Комитетом* никуда командирован не был. Если расход на эту командировку отнесен на средства Комитета (турфанские суммы), надо бы к следующему заседанию Комитета (в ноябре) составить документ, который мог бы быть представлен Комитету для утверждения этого расхода⁴.

¹ Год устанавливается по почтовому штемпелю.

² Имеется в виду время с 11.00 до 15.00 и с 13.00 до 15.00.

³ Письмо по контексту датируется тем же периодом, что и следующее, от 24 октября: в обоих упоминается «плякет». Речь идет о «плякете», т. е. проекте медали. Вероятнее всего, речь идет о проекте медали и знака памяти В.Р. Розена. Проект положения о медали и знаке имени Розена был утвержден Общим собранием РАО 29 января 1909 г.: «Было определено: предварительные работы по установлению внешнего вида медали или знака возложить на ту же комиссию (под председательством С.Ф. Ольденбурга, из членов В.В. Бартольда, Н.И. Веселовского, В.А. Жуковского и П.К. Коковцова), которою был составлен проект положения. В заседании 29 апреля 1910 г. С.Ф. Ольденбург представил от имени комиссии проект внешнего вида знака, заменяющего медаль имени В.Р. Розена. Было предложено заказать плакетки с изображением В.Р. Розена и соответствующей надписью скульптору И.Я. Гинцбургу» (Жебелёв 2017: 49).

И.Я. Гинцбург упоминается в следующем письме также в связи с «плякетками».

⁴ Возможно, речь идет о несостоявшейся командировке С.М. Дудина в Восточный Туркестан для завершения разведочных работ, не оконченных экспедицией 1909–1910 гг.

Ваш В. Бартольд.

Плякета¹ я сегодня не получил, надеюсь получить завтра.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 28.

№ 20

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

24 октября [1910 г.²]

Дорогой Сергей Федорович,

Не зная о Вашей поездке в Москву, я тотчас после заседания совета Археологического общества (в среду 20-го) написал Вам письмо; теперь не уверен, получили ли Вы его. Я писал Вам, что, по справкам Фармаковского³, в министерстве каждая новая медаль или жетон требуют высочайшего утверждения и что утверждение медали Уварова⁴ августейшим председателем⁵ было совершенно незаконно. Общее собрание предполагается 30-го или 3-го: этому собранию, конечно, будет достаточно предъявить плякеты, как и совету. При представлении на высочайшее утверждение (все равно, через министра или через августейшего председателя) надо будет, конечно, приложить рисунок. Так как от общего собрания возражений ждать нельзя, то признано желательным, для ускорения дела, теперь же, не дожидаясь собрания, заказать рисунок Гинцбургу⁶. Так как с Гинцбургом говорили Вы, я и просил Вас передать ему этот заказ; если тот, как я слышал, уехал на несколько дней в Париж, желательно было бы оставить ему письмо, с тем чтобы оно было передано ему потом, после его возвращения. Конечно, Вы это письмо составите лучше меня.

Я зашел бы к Вам сам, но, вероятно, придется просидеть несколько дней дома; вчера температура доходила до 39,3, сегодня утром 37,7; по-видимому, это – или инфлюэнца, или возвращение египетской лихорадки (я думал, что давно от нее избавился), или то и другое вместе.

Ваш В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 21–21 об.

№ 21

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

[не ранее 1910, не позднее 1917 г.⁷]

¹ От *plaque* (*фр.*) – дощечка; имеется в виду – памятная или декоративная медаль, имеющая форму многоугольника.

² Письмо датируется по контексту; см. выше предыдущее письмо от 19 октября.

³ Фармаковский, Борис Владимирович (1870–1928) – археолог, историк-антиковед, историк классического искусства, член-корреспондент ИАН (1914), профессор ПГУ/ЛГУ (1919).

⁴ Речь идет о медали в память графа А.С. Уварова (1824–1884), учрежденной РАО в 1885 г., после его кончины.

⁵ Имеется в виду президент Академии наук (1889–1915), председатель Русского археологического общества (1892–1915) великий князь Константин Константинович Романов (1858–1915).

⁶ Гинцбург, Илья Яковлевич (1859–1939) – скульптор, с 1918 г. – профессор-руководитель скульптурной мастерской Государственных свободных художественных мастерских (Петроград).

⁷ Год устанавливается по контексту.

Скорее всего, речь идет о 1910 г.: С.Ф. Ольденбург должен был показать проект медали в честь В.Р. Розена его вдове. Упомянутый в письме В.А. Жуковский скончался 4 (17) января 1918 г., а Н.И. Веселовский – 12 апреля 1918 г.,

Дорогой Сергей Федорович,

баронесса О.Ф.¹ просила Вас приехать к ней *завтра, в среду 20-го*, вечером около 8 часов и привезти оставшийся у Вас гипсовый слепок. Валентин Алексеевич будет. Гинцбургу я оставляю записку в Академии художеств. Если Николай Иванович² завтра будет в факультете, то я приглашу и его (баронессу я об этом факте предупредил).

Ваш В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 60.

№ 22

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

3.III.1911

Дорогой Сергей Федорович,

Большое Вам спасибо за все сообщения, – большею частью их я, конечно, воспользуюсь. Само собой разумеется, что о Тибете будет сказано дальше; в корректуре, бывшей у Вас, говорится только о путешествиях в Тибет *из Китая*; из этой категории путешествий мне казалось нужным выделить Рокхилля³, уже вследствие его знакомства с языками: китайским и тибетским. Краткость изложения в моей книге⁴ объясняется ее учебным назначением; я имел в виду дать только то, что должно быть известно будущим представителям *всех* отраслей востоковедения, отнюдь не задаваясь целью сообщить те сведения, которые студенты должны получить от специалистов. Об увлечении Индией и о некоторых книгах, где более всего отразилось это увлечение (и труды Шлегеля⁵ и о речи Уварова⁶), у меня говорится в другом месте. Сведения о миссионерах и [...] мне было бы легко заимствовать хотя бы из «Geschichte der Sprachwissenschaft» Бенфея⁷; но мне кажется, что эти сведения в моей книге едва ли необходимы.

Получил сегодня письмо от Н.П. Остроумова по поводу моей рецензии⁸ – вежливое и сдержанное, даже с благодарностями, но все-таки обиженное; упоминает о том, что находится «под расстрелом критиков общества востоковедения»; жалеет, что я не присоединил к своей рецензии «двух-трех строк о пригодности книжки для той цели, к удовлетворению которой она предназначалась». Мне кажется, что все, что можно было сказать в таком направлении, у меня сказано.

Еще раз благодарю Вас; поклон от жены. С удовольствием воспользуюсь опять Вашей любезностью, когда получу корректуру, где говорится о путешествии в Тибет и где приводится библиография ко всей этой главе. План всей книги в значительной степени определяется тем,

следовательно, упоминаемое в письме 20-е число может относиться самое позднее к 1917 г.

¹ Имеется в виду Ольга Феодосьевна (урожд. Веселаго) – вдова барона В.Р. Розена.

² Имеется в виду Н.И. Веселовский.

³ Рокхилл, Уильям Вудвилл (Rockhill, William Woodville; 1854–1914) – американский дипломат – посол США в России в 1898–1899, путешественник-востоковед, почетный член РГО (1907), основатель американской тибетологии; см.: Рокхиль 1901.

⁴ См.: Бартольд 1911.

⁵ Шлегель, Фридрих (Schlegel, Friedrich; 1772–1829) – немецкий философ, ученый-лингвист, один из основоположников сравнительного языкознания (см.: Schlegel 1808).

⁶ Имеется в виду речь президента Императорской Академии наук графа С.С. Уварова на торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта 1818 г. по случаю открытия в нем двух кафедр восточных языков.

⁷ См.: Benfey 1869.

⁸ См.: Бартольд 1912: 073–082.

что при чтении курса мне поневоле приходилось держаться порядка изложения, принятого в курсе Николая Ивановича¹ – единственном пособии, бывшем в руках студентов.

Ваш В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 8–9.

№ 23

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу
На почтовой карточке

Городское
Господину неперменному секретарю Академии наук
Сергею Федоровичу Ольденбургу.
Васильевский остров, Университетская линия, здание Академии

[9 марта 1911 г.]²

Дорогой Сергей Федорович,
Речь идет о рукописи Brit. Mus. Add. 23.980, f 123a–155b.
Ваш В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 13.

№ 24

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

29.III.1911.

Дорогой Сергей Федорович,
Вашу записку я вчера получил уже после того, как в Комитете³ был сделан соответствующий доклад; возражений в Комитете, конечно, не было.

Благодарю за корректуру, просмотренную Барановским⁴; кажется, так правда выходит гораздо лучше, и мы ему много обязаны. Не будете ли Вы так добры при случае передать ему это по телефону и в то же время спросить его, когда, приблизительно, можно ожидать возвращения остальной части «Bulletin»?

Залеман мне вчера сказал, что Вы не выходите, – я зашел бы к Вам сам, если бы не боялся Вам помешать. Желая Вам поскорее поправиться, не говоря уже о других причинах, еще и потому, что мне очень не хотелось бы в четверг (послезавтра) читать свой доклад без Вас.

Всего хорошего, поклон от Мани.

Ваш В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 10–10 об.

¹ Имеется в виду Н.И. Веселовский и его работа: Веселовский 1910.

² Датируется по почтовому штемпелю.

³ Имеется в виду Русский комитет (РКСВА).

⁴ Возможно, имеется в виду кто-то из родственников востоковеда В.П. Васильева, дочери которого были замужем за Всеволодом и Львом Степановичами Барановскими.

№ 25

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

На обороте визитной карточки¹

[май 1911 г.]²

Адреса для писем *poste restante*³.
Dublin – приблизительно 10–20 июня.
Quebec – первая половина июля.
Chicago – конец июля и начало августа.
New-York – августа приблизительно до 20-го.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 1–1 об.

№ 26

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

Дорогой Сергей Федорович,
мне очень жаль, что не удалось повидать Вас не в обстановке телефонных звонков и т. п. Теперь через несколько часов еду на дачу; зайду к Вам в субботу утром. На всякий случай еще раз жму Вашу руку, горячее спасибо Вам за все. Жена, как Вы заметили, теперь лучше, надеюсь, что летом она останется здоровой; но, на всякий случай, повторяю свою просьбу, и вместе с тем принял с другой стороны меры к тому, чтобы ни в каком случае не обращались к ее братьям.

Ваш В. Бартольд.
23.V.1911.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 11.

№ 27

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

Ливерпуль, 1/VII/18/VI [1911]

Дорогой Сергей Федорович,

Сегодня я должен был уехать в Америку отсюда на пароходе «Canada», но из-за стачки рабочих пароход не мог отойти, и мы принуждены остаться здесь, вероятно, на несколько дней. В конторе компании нам сказали, что пароход, может быть, отойдет завтра, но, может быть, только во вторник (4/21).

Пользуюсь этой невольной и крайне досадной задержкой, чтобы в ожидании того письма, которое я надеюсь получить от Вас в Америке, написать Вам несколько слов отсюда.

До сих пор мы едем очень удачно; останавливались в Берлине и Париже; в Лондоне пробыли, не останавливаясь в гостинице, один день, с утра до вечера, и притом как раз день

¹ Василий Владимирович Бартольд.

Профессор Санкт-Петербургского университета (л. 1).

² Дата устанавливается по контексту.

³ Корреспонденция до востребования (*фр.*).

коронации (22/9)¹; видели только небольшую часть процессии, потому что прибыли в такой час, когда сквозь кордон войска больше не пропускали. Из Лондона поехали в Ирландию, прожили несколько дней в Дублине, два дня в Killarney и один у Giant's Causeway²; все это «we have done»³ по всем правилам и получили полное удовольствие. В Ливерпуль поехали из Белфаста, где тоже пробыли полсуток, с утра до вечера, и успели посмотреть город.

Ориенталистов я на этот раз не посещал, ни в Берлине, ни в Париже. В Берлине я повел Юрия⁴ в Museum für Völkerkunde⁵, который, конечно, произвел на него большое впечатление, в Париже он без меня осмотрел часть Лувра, особенно antiquités asiatiques⁶. Я был, конечно, у брата Федора⁷ и застал его самого, его жену и детей здоровыми; брата Бориса⁸ я не видел, и Федя с ним тоже не видится.

Англия и Ирландия, по-видимому, очень понравились Юрию; особенное впечатление на него, по-видимому, произвели парки. Я старался, насколько возможно, следить по газетам за современной жизнью страны, но, конечно, об этом не мог бы сообщить Вам ничего нового для Вас. Для меня был новостью факт, что в Ирландии теперь есть движение в пользу искусственного оживления почти совершенно исчезнувшего ирландского (кельтского) языка.

Юрий приобрел два небольших сборника ирландских песен (конечно, на английском языке); некоторые из них очень красивы, хотя все, кажется, книжного происхождения. Любопытны песни патриотического характера, но я слишком мало знаю историю, чтобы судить о том, насколько они соответствуют фактам; не знаю, было ли когда-нибудь справедливо обвинение англичан в том, что they are hanging men and women now for wearing o' the green⁹.

Наукой я пока не занимался вовсе, и персидской книжки, которую взял с собой собой تاریخ بعد ناریه¹⁰, пока еще не вытаскивал; вероятно, сумею это во время неожиданной задержки в Ливерпуле. От жены имел письма в Дублине, пишет, что здорова; теперь она уже не одна, как в первую неделю после нашего отъезда.

Пока до свидания, оба шлем Вам поклон и сердечный привет, я сверх того еще крепко жму Вашу руку. Надеюсь, что Вы получите удовольствие от своей поездки в Бреславль и застанете в Геттингене Вашего сына здоровым и довольным.

Ваш В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 32–33.

¹ Имеется в виду коронация Георга V, состоявшаяся 22 июня 1911 г.

² «Мостовая гигантов» – объект природного наследия на северо-востоке Северной Ирландии.

³ Мы сделали (англ.).

⁴ Марр, Юрий Николаевич (1893–1935) — сын Н.Я. Марра, историк, филолог-востоковед, поэт-футурист.

⁵ Этнографический музей.

⁶ Азиатские древности (фр.).

⁷ Бартольд, Федор Владимирович (1873–?) – историк, литератор, журналист, революционер, в 1905–1912 гг. жил за границей, в 1912–1918 – в Финляндии, затем вернулся в Россию, дальнейшая его судьба неизвестна.

⁸ Бартольд, Борис Владимирович (1879 – после 1918?) – профессиональный революционер, член социал-демократической группы «Дело», партии эсеров (1903), неоднократно подвергался арестам и ссылкам, из которых ему удавалось бежать. С лета 1909 г. по май 1917 г. жил за границей – во Франции, Италии и Швейцарии. Умер от тифа в Томске.

В «Автобиографии» В.В. Бартольд упоминает только одного своего брата – Георгия.

⁹ В.В. Бартольд приводит слова ирландской баллады о судьбах сторонников революции 1798 г. («The Wearing of the Green»): «теперь они вешают мужчин и женщин за то, что они носят зеленое» (англ.).

¹⁰ Тарих-е ба'д-е Надирийа – персидская хроника событий после смерти Надир-шаха Афшара (ок. 1688 – 1747) Абу-л-Хасана ибн Мухаммада Гулистанского; см.: Mann 1891–1896.

№ 28

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

На бланке гостиницы
Blanchard Hotel
(Notre-Dame Square)
J. Cloutier, Proprietor

Quebec, 18/5.VII.1911.

Дорогой Сергей Федорович,

сердечное Вам спасибо за известие о здоровье жены и за замечания по поводу моей книги¹. Последние, конечно, справедливы. На качество бумаги я не обратил большого внимания; в виду назначения книги – быть учебником у студентов – этот вопрос казался мне неважным; но, конечно, следовало позаботиться о том, чтобы бумага не была «тончайшей». Насчет Одорика² я повторил чужую ошибку: речь идет о том главе тибетского духовенства, которого сам Одорик, если не ошибаюсь, называет abasei; конечно, это не далай-лама, которого тогда еще не было; но так толковали это известие едва ли не все комментаторы. Я был бы очень благодарен Вам, если бы Вы нашли возможным изложить свои замечания в печатной рецензии, хотя бы в ЖМНП. Рецензия, не говоря уже о ее полезности для читателя, будет полезна и для меня, притом не только для 2-го издания, которого книга едва ли дождет, но и для преподавания; при чтении курса я мог бы исправлять допущенные в книге ошибки.

Мое путешествие продолжается по-прежнему. Океан переехали при самых лучших условиях, не было ни бури, ни даже сильного волнения. 12/29 рано утром мы прибыли в Квебек, провели там два дня, потом совершили поездку на Lac St.-Jean³ и на реку Saguenay, откуда вернулись сегодня рано утром. За все путешествие мы пока испытали только один очень жаркий день – день приезда в Квебек; к тому же воздух в тот день был очень влажный; гулять по городу было для меня нелегко, и, кажется, в первый раз в жизни сердце у меня стало неправильно действовать. С тех пор, однако, все прошло, – теперь я и в жаркую погоду гуляю свободно; правда, такой жары, как в тот день, больше не было. В Европе (о море нечего и говорить) мы везде, и в Берлине, и в Париже, и в Англии, и в Ирландии, заставляли очень прохладную погоду.

О Канаде и канадцах пока говорить мне, конечно, еще трудно. Первое впечатление не особенно благоприятно. Особенно городское население отличается, по-видимому, всеми несимпатичными свойствами современного французского характера, хотя не имеет ничего общего с современной Францией и продолжает традиции Франции дореволюционной, на что постоянно, и в печати, и в проповедях, указывают представители духовенства. Особенно характерную проповедь мы слышали вчера в церкви в Chicostimi⁴. Задачи верующих были различны в разные периоды христианства: в века гонения христиан должны были терпеть и умирать; после торжества христианства, до реформации, им оставалось только благодарить Бога; после реформации быстро распространилось зло, положение церкви стало хуже, и задачи христиан (католиков) теперь, по возможности, géraget⁵ это зло. Таким образом, идеальным периодом признаются Средние века.

¹ Вероятно, Бартольд 1911.

² Одорик Фриульский (1286–1331) – путешественник, посетивший ряд регионов Юго-Восточной Азии и Дальний Восток. Описал путешествие из Венеции до Китая.

³ Озеро Сен-Жан.

⁴ Шикутими – город в провинции Квебек, в настоящее время – часть городской агломерации Сагеней.

⁵ Исправить (фр.).

Пока до свидания, еще раз сердечно благодарю Вас; Юрий¹ кланяется.
Ваш В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 12–12 об.

№ 29

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

Чикаго, 10/VIII/28/VII [1911 г.]

Дорогой Сергей Федорович,

вчера я в Чикаго получил Ваше письмо. То, что Вы пишете о своих нервах, меня очень смутило; я знаю, что Вы не только не преувеличиваете свои болезни, но и не любите говорить о них; раз Вы сами так пишете о себе, значит, Ваше состояние уже очень неважно. Мне остается только надеяться, что Ваша заграничная поездка, на которую Вы решились так неохотно, все-таки принесет Вам некоторую пользу; не говоря уже о свидании с сыном, несколько дней отдыха от академической канцелярии и беспрестанных звонков телефона могут, хотя бы немного, улучшить Ваше состояние. Не знаю, не настало ли время Вам вообще отказаться от секретарства в академии, как Вы хотели. Само собой разумеется, что Вам лучше знать; но дожидаться для этого Вашей второй поездки в Среднюю Азию, как Вы предполагали, было бы слишком долго, тем более что, насколько я знаю, Вы связываете эту вторую поездку с окончанием отчета о первой. После Вашего письма я, кажется, могу повторить еще решительнее то, что я уже давно говорил Вам: пока Вы остаетесь секретарем, Вам этого отчета не написать.

На том, что у Вас, при всех Ваших делах и при состоянии Ваших нервов, нашлось время для второй поездки в Уси-Кирко, я не буду останавливаться, бывают случаи, когда всякие слова благодарности показались бы неуместными и пошлыми; но благодарю Вас за известия о книге под редакцией Котвича² и т. п. Из Ваших слов не видно, касается ли эта книга только стран Западной Европы или также внеевропейского ориентализма. Не зная о книге Котвича, я выписал здесь из канадского альманаха данные о кафедрах восточных языков при канадских университетах и сообщил их в письме Крачковскому; может быть, если Котвич Канаду не принял во внимание, эти данные пригодятся ему при составлении дополнений к его книге.

Среди массы вопросов, о которых мне хотелось бы иметь известие и о которых я надеюсь поговорить с Вами при свидании, находится еще вопрос о рукописи Туманского³. Получили ли Вы теперь от Туманского ясное и недвусмысленное согласие на обработку и издание этого материала Вами и мной? Если да и если у Вас найдется время для этой работы, я среди своих работ поставил бы ее на первую очередь и отвел бы ей время, свободное от приготовления

¹ Имеется в виду Ю.Н. Марр.

² Имеется в виду работа Котвич 1911.

³ Туманский, Александр Григорьевич (1861–1920) – военный служащий (генерал-майор), востоковед-переводчик. Окончил курсы восточных языков МИД, на которых изучал арабский, турецкий и персидский языки. Вероятно, имеется в виду рукопись анонимного сочинения на персидском языке «Пределов мира» (Худуд аль-алам) (X в.), обнаруженная Туманским в Бухаре в 1892 г. Рукопись скопировал В.Р. Розен (об этом он пишет в письме С.Ф. Ольденбургу от 30 декабря 1893 / 11 января 1894 г. – см. Мишин, Сидоров и др. 2004: 278), а факсимиле издал В.В. Бартольд (Бартольд 1930). В переводе на английский язык сочинение вышло в 1937 г. (Minorsky 1937); о нем см.: Басханов 2005: 242–243. В письме к С.Ф. Ольденбургу от 7 октября 1893 г. В.Р. Розен говорил о своем живейшем интересе к рукописи Туманского (см.: Мишин, Сидоров и др. 2004: 265).

к лекциям и редактированию «Записок Восточного отделения», где меня уже теперь, вероятно, ждут корректуры указателя.

Билеты на поездку из Америки в Европу у меня уже в руках; мы идем на пароход, отходящий 2 сентября / 20 августа из Нью-Йорка в Гамбург. Путешествие по Канаде только что закончилось, и во впечатлениях этого путешествия я понемногу начинаю разбираться; путешествие по Соединенным Штатам только что началось. В Виннипеге, последнем канадском городе, я встретил довольно много людей из Галицкой Руси, с которыми мог говорить по-русски и читать издаваемые ими на галицко-украинском наречии две газеты. Их в Канаде теперь до 100.000, в западных областях они по числу уступают только англичанам, и, кажется, у них все недостатки русской психологии, и потому они, несмотря на свою многочисленность, не добились в Канаде ничего существенного. Им отвели худшие земли, их стремление сохранить свою национальность не встречает поддержки. Исландцы, которых гораздо меньше, добились учреждения кафедры исландского языка в Виннипеге; когда русины пожелали иметь в своих школах свои учебники, приспособленные к интересам их народа, им ответили, что будут допущены только учебники, переведенные с английского. Вообще обучение русинскому языку допускается только вначале, пока еще невозможно преподавание на английском языке, и только как переходная ступень.

В Чикаго мы с самого начала ознакомились с чисто американским городом, с небоскребами и т. п. Все это очень интересно, но жить здесь мне не казалось бы соблазнительным, и, кажется, мне не суждено под влиянием путешествия в Америку отказаться от своих симпатий к old countries¹. Но об этом говорить было бы долго, боюсь, что и так злоупотребляю Вашим временем.

Крепко жму Вашу руку и надеюсь увидеть Вас в сентябре более здоровым и бодрым, чем Вы были в начале этого месяца.

Ваш В. Бартольд.

Великолепен Field-Museum² не только своими натуралистическими, но также археологическими и этнографическими коллекциями.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 34–35.

№ 30

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

6 сентября [1911 г.]

Дорогой Сергей Федорович,

Так как мы надеемся, что Вы скоро соберетесь к нам, я на всякий случай предупреждаю Вас, что в четверг 8-го мы по исключению не будем дома (едем в Стрельну к сестре). Конечно, мне сверх того, о чем мы говорили вчера, хотелось бы переговорить с Вами еще об очень многом, между прочим, о журнале «Мир ислама»⁴, который, по-видимому, все-таки будет, и о вытекающей отсюда необходимости приискать нового редактора для «Записок».

Ваш В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 20.

¹ Досл.: старым странам (англ.), имеются в виду или родные края, или Европа как таковая.

² Музей естественной истории им. Филда (The Field Museum of Natural History) в г. Чикаго, США.

³ Датируется по контексту: в письме речь идет о планах по выпуску журнала «Мир ислама» под руководством В.В. Бартольда, реализованных лишь в 1912 – начале 1913 гг.

⁴ Первый том журнала «Мир ислама» вышел в марте 1912 г.

2/VI
20/V [1912¹]
Wien, Buggasse, 2
Hotel Höller

Дорогой Сергей Федорович,

В последних письмах, которые я получил из Петербурга, были не особенно утешительные вести о Вашем здоровье; надеюсь, что эти вести теперь устарели и что Вы, наконец, избавились от своего плеврита. Надеюсь тоже, что в Вашей канцелярии летом пореже будут раздаваться звонки телефона и что Вам можно будет проводить лето в Петербурге так, как Вы любите. Правда, я лично находил бы, что Вам лучше было бы на время куда-нибудь уехать; но я знаю, что на это Вы решитесь только при крайней необходимости.

Отрицательные стороны путешествия по Европе, как ресторанный жизнь и т. п., и меня теперь раздражают больше, чем прежде; думаю не без удовольствия о том, что первая неделя путешествия уже прошла. Утро провожу с пользой в библиотеке, но остальную часть дня чувствую себя каким-то паразитом. К сожалению, библиотека (рукописное отделение) открыта только до 2 часов, а по воскресеньям закрыта.

Из рукописей меня особенно заинтересовала рукопись Hist. Osm. 16d, очень кратко и неточно описанная в каталоге Флюгеля (№ 994)². Характерно, что даже насчет имени автора Флюгель неудачно поправил Хаджи-Хальфу³; автор везде называет себя Муххамедом, как у Хаджи-Хальфа, а не Махмудом⁴. К тому же этот сын Идриса Битлиси⁵ воспользовался бумагами своего отца в большей степени, чем сказано у Флюгеля, и значительная часть книги написана еще от имени Идриса, говорящего о себе в первом лице. В самом начале египетского похода Селим⁶ вызвал Идриса к себе в Дамаск, а после этого Идрис принимал участие в походе от Дамаска до Александрии, между прочим, сопровождал Селима и во время его паломничества в Иерусалим, о котором сообщает некоторые подробности⁷. В Александрии он в касиде, текст которой приводится, резко отозвался о порядках, введенных в Египте Селимом; чтобы показать, в каком духе написана касида, достаточно привести стихи:

مظالمی کہ بود رسم چرکس ناکس
چرا بدور تو افزون شود دریل اقطار

¹ Датируется по контексту: с одной стороны, в письме упоминается второй выпуск журнала «Мир ислама», который выходил под руководством Бартольда и в 1912, и в 1913 гг.; с другой стороны, Бартольд пишет о путешествии по Европе как о явлении продолжающемся («Отрицательные стороны путешествия по Европе [...] меня теперь раздражают больше, чем прежде»), следовательно, речь может идти о командировке в Австрию и Германию весной – летом 1912 г.

² Имеется в виду следующее издание: Flügel 1865–1867.

³ Хаджи Хальфа (Мустафа ибн-Абдаллах Кятиб-Челеби; ок. 1600 – 1658) – турецкий писатель, чиновник военного ведомства, библиограф. Главный труд, который упоминается в письме Бартольда, – «Кяшф аз-зонун», или «Раскрытие сомнений относительно имен книг и отраслей наук», в котором содержатся указания на почти 14 500 заглавий арабских, персидских, османских и тюрко-татарских книг и 8000 имен авторов.

⁴ Справедливости ради следует указать на то, что соответствующая оговорка в каталоге Флюгеля присутствует; см. во втором томе: «Der vierte Band enthält die Fortsetzung ذیل des Werkes in persischer Sprache vom Sohne des Verfassers Abû'İfâd I Maḥmud (be iḤ.Ch. Muḥammad)»: Flügel 1865: 219.

⁵ Мулла Хаким Идрис Бидлиси (1455–1520) – османский курдский историк, служивший при дворе Баязида II (1447–1512; султан в 1481–1512); главный труд – «Восемь кругов рая».

⁶ Селим I Явуз (Грозный) (1465–1520) – султан османской империи (в 1512–1520), сын Баязида II.

⁷ Речь идет о походе Селима I в Палестину (сентябрь – ноябрь 1516) и Египет (январь – апрель 1517).

Идрис настоял на том, чтобы касида была показана Селиму; по словам его сына, выражения касиды не могли не рассердить «самого кроткого царя своего времени» (так назван Селим!), и Идрис был отправлен с флотом в Константинополь. На обратном пути в Сирии к войску был призван сын Идриса Мухаммед, занимавший должность казия¹ в одной из [...] областей [...] где был переведен на ту же должность в Триполи (сирийский), и ему было поручено составление переписи для Триполи, Хамы и Хомса. Таким образом, и отец, и сын принимали в событиях довольно близкое участие и о многом могли писать как очевидцы; очень характерно, что и они не говорят ни слова ни об уступке халифата Мутаваккилем² Селиму, ни вообще о египетских Аббасидах³. Если по проверке окажется, что данные этой рукописи действительно еще не использованы в печати, я, может быть, предложу Вам (конечно, в установленном порядке, через К.Г. Залемана) статью о ней для академических «Известий».

Незадолго до отъезда я передал Залеману полученную мною из Ташкента рукопись работы Зимина⁴, посвященной ташкентской рукописи дневника индийского похода Тимура⁵ и лондонскому ظفر نامه | Низам-ад-дина Шами⁶; к сожалению, работа сделана настолько неудовлетворительно, что Залеман, пожалуй, не найдет возможным с ней возиться. Если до Вас дошло что-нибудь об этом, Вы, может быть, напишете мне несколько слов в Тюбинген (postlagernd), куда надеюсь подъехать, тоже для занятия одной рукописью, через неделю с небольшим. Был бы тоже очень благодарен за сообщение, какое впечатление произвела на Вас и других вторая книжка «Мира ислама» и обошлась ли без неприятных последствий глупая выходка Гордлевского.

Сердечно жму Вашу руку.

Ваш В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 24–25.

[не позднее 31 января 1913⁷]

Дорогой Сергей Федорович,

помимо возвращения корректуры, очень просил бы Вас сообщить мне, не могли бы Вы сделать в заседании 31 января сообщение о книге Грюнведеля «Altbuddhistische Kultstätten»⁸. При сем прилагаю расписание заседания для Вас и тех, кому Вы захотели бы его дать.

Ваш В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 62.

¹ Судья (араб.).

² Мухаммад аль-Мутаваккиль (аль-Мутаваккиль III; умер в 1543 г.) – последний каирский халиф из династии Аббасидов (1508–1516, 1517), свергнутый Селимом I Явюзом.

³ Аббасиды – династия арабских халифов (750–1258), ведущая свое происхождение от Аббаса ибн аль-Муталиба (ум. в 653 г.), дяди пророка Мухаммада. Под египетскими аббасидами имеется в виду линия халифов – потомков Хакима I (1262–1302), дальнего потомка багдадского халифа аль-Мустаршида.

⁴ Зимин, Лев Александрович (1886–1920) – археолог, историк-востоковед – тюрколог, арабист, иранист, ученик В.В. Бартольда, работал на Восточном факультете Азербайджанского государственного университета; по ложному обвинению в причастности к убийству 26 бакинских комиссаров расстрелян 10 мая 1920 г.

⁵ Тимур / Тамерлан (1336–1406) – тюрко-монгольский военачальник, основатель династии и империи тимуридов с центром в Самарканде. В 1398–1399 покорил Делийский султанат и вышел к Гангу.

⁶ Имеется в виду «Зафар-намэ» («Книга побед»; сост. в 1404 г.) персидского историка Низам ад-дина абд-аль-Васи Шами (? –1431) – единственная прижизненная история правления Тимура.

⁷ Датируется по контексту.

⁸ См.: Grünwedel 1912.

№ 33

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

На почтовой карточке
С.-Петербург.
Императорская Академия наук.
Господину непременно секретарю
Сергею Федоровичу Ольденбургу

Дорогой Сергей Федорович,
спасибо Вам за телеграмму и поздравление. Здесь все идет хорошо, мои расчеты, что новый «Мир ислама» создает некоторую рекламу старому, вполне оправдались; принимают очень любезно, все показывают. Люди, во всяком случае, идейные, с которыми приятно иметь дело. Надеюсь, что Вам скоро можно будет уехать и отдохнуть. Дружески жму Вашу руку.

Ваш В. Бартольд.
27/V [1913]¹.

Уеду отсюда, может быть, послезавтра; следующий адрес: Уфа, до востребования.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 14–14 об.

№ 34

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

Господину непременно секретарю Академии наук
Сергею Федоровичу Ольденбургу.
Университетская линия, дом Академии наук

Дорогой Сергей Федорович,
большое спасибо за приветствие; о своем утверждении я еще сегодня утром прочитал в газете. Завтра буду на заседании, но буду сидеть среди публики; в сюртуке; мундира у меня нет (казалось неловким его заказывать до утверждения), во фраке я бы тоже выделялся среди других академиков. Сердечный привет от жены и меня.

Ваш В. Бартольд.
28.XII. [1913 г.²].

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 17–17 об.

¹ Год устанавливается по контексту и почтовым штемпелям:

Оренбург
27.05.13
С. Петербург
30.05.13

² Датируется по контексту: речь идет об утверждении избрания В.В. Бартольда действительным членом Императорской Петербургской академии наук. Голосование по данному вопросу состоялось 12 октября 1913 г. (ЛРАН. IV. 230).

№ 35

С.Ф. Ольденбург – В.В. Бартольду

Почтово-телеграфный адрес
Чугучак
(мне)¹
Чан-фо-дун

6–7 ноября
1914.

Дорогой Василий Владимирович,

Спасибо за книжку, статью и за письмо. Спасибо за доброе слово о брате – это был лучший человек, которого я когда-либо знал, и многие, думаю, скажут то же, что и я. Для меня эта потеря слишком велика, чтоб я мог и говорить о ней². Будем, однако, жить, ибо жить такой же долг и такая же обязанность, как другие, только, иногда, очень трудная.

Смущает и меня псевдопатриотизм, заставляющий людей вести себя как немцы, которых они ругают. Вы знаете, что я никогда немцев не любил, но отрицать все великое и хорошее, что ими сделано для человечества, – нет. Вильгельм II³ и его приспешники создали эту ужасную войну – безрассудно, в первую минуту после известия о войне я подумал, что надо, может быть, вернуться, но затем ясно почувствовал, что я часовой, поставленный у дела, которое надо довести до конца. Мой взгляд на Дун-хуан, вернее Чан-фо-дун, оказался правильным, и я надеюсь, что удастся при помощи собранного и освещенного материала пояснить многое в истории буддийского и китайского искусства. Мой оставшийся спутник Ромберг⁴ – великолепный работник и отличный человек. Из уехавших – из ряда вон выдающийся работник Смирнов⁵: методичный, неутомимый, умный и добросовестный. Благодаря ему громадная работа планов доведена до конца. Он сплошь и рядом работал по 14 и никогда не меньше 12 часов. Вы сами увидите его работу. Третьего дня я купил за 50 л. (100 р.) найденные в одной пещере остатки китайских рукописей и сильно попорченные, но все же пригодные образа – штук 20; курьез, что это надо перетаскивать ночью, чтобы никто не видел, иначе монахи боятся продавать. Заломили сперва 200 лан! Куплю также несколько китайских свитков на риск, что будут известные тексты – во всяком случае, рукописи старые. Уйгурского или индийского ничего. Малов написал мне из Чархлыка, что купил в прошлом году в Турфане за дорогую цену немного уйгурщины⁶. Теперь вообще страшно дорожатся. Начинаются потемки и холода. Речка наша (серьезно соленая – мы, впрочем, привыкли к мутному и соленому чаю) почти замерзла. Но дни ясные, и в середине дня солнце даже греет. Спим ради тепла в пещере. Жизнь из-за китайской неурядицы и отсутствия правильного денежного обращения дорога, хотя и весьма мало обставилась культурными элементами обихода, но мы оба невзыскательны, казаки тоже, они народ хороший.

¹ Приписка в левом верхнем углу письма.

² Ольденбург, Федор Федорович (1861–1914) – педагог, общественный деятель, старший брат С.Ф. Ольденбурга; в ходе I РТЭ Ольденбург пережил утрату матери, в ходе второй – старшего брата.

³ Имеется в виду Фридрих Вильгельм Виктор Альберт Прусский (1859–1941) – император Германии и король Пруссии в 1888–1918 гг.

⁴ Ромберг, Борис Федорович (1882–1935) – художник, фотограф.

⁵ Смирнов, Николай Арсеньевич (1890–?) – инженер-топограф, сотрудник С.Ф. Ольденбурга по II РТЭ.

⁶ Имеется в виду следующий фрагмент письма от 7 сентября 1914 г.: «В Турфане, проездом весной, мне удалось приобрести за дорогую плату небольшую коллекцию уйгурских рукописей, из коих – часть буддийские тексты, а часть юридические документы» (Бухарин, Поникаровская 2018: 604).

Жаль Фортунатова – редкий был человек¹. Вы там у самой грани мировых событий, а мы в далеких песках. Китай среди буддийских пещер – какая разная жизнь. Крепко жму Марии Алексеевне и Вам руку. Будьте здоровы. Всего, всего хорошего.

Искренно Ваш преданный Сергей Ольденбург.

СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 178. Л. 9–10 об.

№ 36

С.Ф. Ольденбург – В.В. Бартольд

На бланке:

Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг.

6–9 1915 г.

Сенгим-агыз – Турфан

Дорогой Василий Владимирович,

Пользуюсь урывками между укладкой, чтоб Вам написать и сказать, прежде всего, большое спасибо за письмо, хотя и грустное. Мы кончили работу в Туяк-мазаре и Безеклике и через Турфан и Урумчи едем назад. Мы с Ромбергом испытали здесь, как много было работы в Дун-хуанском Чан-фо-дуна для понимания вещей здесь. Так, например, вещи, которые Грюнведель и за ним и мы все относили к IX–X в., оказываются, почти несомненно, минскими или самое раннее юаньскими. Вообще, если правильны те выводы, которые я делаю из изучения 442 пещер Чан-фо-дуна, то выясняются стили вейский² (или до-танский), танский³, сунский⁴, минский⁵; юаньский⁶ пока трудно выделить. Конечно, и ряд изменений внутри самих стилей, особенно танского. Не буду Вас утомлять этими подробностями, которые Вам все равно придется выслушать на заседаниях!

Ужасна сейчас картина китайской разрухи, которая особенно ошутительна в полном хаосе финансов, почти в каждой провинции, кажется, свои бумажные деньги, курс которых колеблется невероятно. Торговцы, чтобы не разориться, должны взвинчивать цены товаров. Цены ни в чем не похожи на прежние: за фунт (4 свечи) свечей 1 лан серебром, т. е. 2 рубля на наши деньги, в той же цене сахар, если его можно достать; подумайте, 2 руб.!! Фураж для лошадей, камыш (о клевере и сене помину нет) примерно в 3–4 раза дороже, чем в ту экспедицию⁷. На променах денег от необходимости держать разные деньги в разных местах я думаю, что мы потеряли до 2000 р., не говоря о страшных неудобствах размена.

Отношение народа недурное, большинство администрации плохое, здесь страшно развивается засилие дунган, которые вытесняют китайцев, но не в дружбе с другими мусульманами. Они держат в руках дуду, который, со своей стороны, держится опираясь на них. В Турфане только благодаря субсидиям, даваемым русскими купцами на развитие хлопководства, растет

¹ Фортунатов, Филипп Федорович (1848–1914) – лингвист, историк индоевропейских языков; член-корреспондент (1895), действительный член ИАН (1898).

² Период династий Северная Вэй (386–535) и Восточная Вэй (534–550).

³ Период династии Тан (618–907).

⁴ Период империи Сун (династия Чжао) (960–1279).

⁵ Период династии Мин (1368–1644).

⁶ Период правления монгол в 1271–1368 гг.

⁷ Имеется в виду I РТЭ (1909–1910).

хлопководство, с громадной быстротой, растет и город. Но это край в экономическом отношении совершенно русский: здесь, кроме русского товара, другого почти нет, купцы прямо говорят, что сколько ни привозишь, все раскупают. Война не отразилась совершенно на торговле здесь. Один русский подданный купец строит завод для очистки хлопка по 4000 пудов в день (сутки); чтобы показать, что это значит в Турфане, уточню, что здешний обычный завод работает 1000 джин (30–40 пудов) в день. Когда видишь эти открытые безобразия китайской администрации, хаос и беспорядок, то спрашиваешь себя, что дальше и куда ушло старое, великое?

Думаю, что Вы как историк признаете, что китайская цивилизация дала в свое время очень много, созданы многие «вечные ценности».

Упомянув об историке, хочу сказать, что, по-моему, именно как историк Вы не могли бы возражать против возложения ответственности на Вильгельма, кронпринца и военной партии в Пруссии. Будущее укажет нашим потомкам те глубокие, может быть, вековые причины, которые подготовили войну, но только мы, современники, можем указать истории, кто или что явилось непосредственной причиной войны. Можем ошибиться и мы, но тогда уже никто и никогда не определит непосредственный источник войны. А по-моему, определить его важно, ибо на жизни человеческой, на психике целого поколения остается глубокий след того или иного понимания переживания в известное время великих событий. Как представители двух противоположных направлений: Вы – непоправимого пессимизма, я – непоправимого оптимизма, мы, конечно, отражаем события разное, особенно так как я очень далек от событий и лишен другой, хорошей, чисто научной атмосферы. Признаю, что помимо самого ужаса войны как войны, сейчас много тревожного и мрачного, но много, много светлого и прекрасного, много работы, много спокойного самопожертвования. Как я рад, что Академия не опозорила себя изгнанием иностранцев¹, как некоторые русские университеты и французские ученые заведения. Как не понять бессмыслия и позора таких поступков? Ведь *избрания* не вычеркнешь, а суть-то в нем. Спасибо Вам, дорогой, за оба Ваши письма, очень ценю Ваше и Марии Алексеевны дружеское расположение. Передайте ей большой привет, пожалуйста. Хотелось бы передать Вам свою веру в жизнь: против этого год, один из самых тяжелых и трудных в моей жизни, и все-таки сохранить веру, могу думать, что с нею и умру. Верю и в смысл жизни, и в то, что, несмотря на все ужасное, она прекрасна.

Будьте здоровы. Если дороги не окажут слишком упорного сопротивления своей размытостью, надеемся быть в конце апреля в Петербурге.

Искренне преданный Вам, Сергей Ольденбург.

СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 178. Л. 11–12 об.

¹ В связи с начавшимися боевыми действиями в ходе Первой мировой войны, а также опубликованием 93 немецкими учеными воззвания «К культурному миру», оправдывавшего германскую агрессию и содержащего резкие антирусские выпады, 31 октября 1914 г. решением Совета министров «Об исключении подданных воюющих с Россией держав из состава союзов, обществ и других подобных частных, общественных и правительственных организаций и установлений» (кроме лиц славянского, французского и итальянского происхождения, а также турецких подданных христианских вероисповеданий) было признано недопустимым их участие в деятельности перечисленных организаций. Первым данное постановление претворил в жизнь Петроградский университет, примеру которого последовали многие другие вузы. Благодаря принципиальной позиции вице-президента ИАН П.В. Никитина академическое сообщество сумело отстоять свою позицию о несмешении науки и политики. Подробнее см.: Басаргина 2008: 495–508; Басаргина 2018: 896–902, 920–940.

№ 37

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

На почтовой карточке
 Санкт-Петербург
 Императорская Академия наук
 Васильевский остров
 Господину непременно секретарю
 Сергею Федоровичу Ольденбургу

Дорогой Сергей Федорович,

я знаю, что в первые дни после приезда Вы будете еще больше заняты, чем всегда, и потому не уверен, скоро ли мне удастся Вас увидеть; оттого мне хочется по крайней мере письменно приветствовать Вас с возвращением и крепко поцеловать Вас. Жена вместе со мною шлет сердечный привет.

Ваш В. Бартольд.

20 апреля [1915 г.¹].

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 14.

№ 38

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

Дорогой Сергей Федорович,

спасибо за извещение о времени перевезения тела покойного президента². Я, кстати, был очень поражен неожиданным извещением о его кончине и очень жалел, что в эти грустные дни мне не пришлось быть вместе со всеми. Привет от жены.

Ваш В. Бартольд.

Усикирко, дер. Киркоярви.

6 июня [1915³]

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 38.

№ 39

С.Ф. Ольденбург – В.В. Бартольду

27.IV.1917

Дорогой Василий Владимирович,

Вчера вечером достал Вашу корректуру⁴ и сейчас же прочитал, спасибо за присылку: читал и переживал многое, вспоминался Карл Германович, как я его узнал 36 лет тому назад,

¹ Год устанавливается по контексту. Возможно, в письме речь идет о возвращении С.Ф. Ольденбурга из второй Русской Туркестанской экспедиции 1914–1915 гг.

² Имеется в виду великий князь Константин Константинович Романов – в 1889–1915 гг. – президент Императорской Академии наук, скончавшийся 2 июня 1915 г.

³ Год устанавливается по контексту; см. примеч. 1.

⁴ Вероятнее всего, речь идет о корректуре статьи: Бартольд 1917.

вспомнились эти 36 лет, что я знал его, – большая часть его работы была им предпринята почти на глазах у меня, так как в студенческое и послестуденческое время я часто бывал у него. Некоторые практические замечания написаны на полях.

Очень оценил Ваши замечания о сложном и трудном положении двуотечественников¹ балтов и о политической психологии Карла Германовича. Мои наблюдения подтверждают Вашу характеристику. Одному Вы не дали места, тому, что, по-моему, является одним из главных объяснений незаконченности трудов Карла Германовича, – это отсутствие в нем административно-организаторского таланта, который заключается в понимании истины «не делай того, что могут сделать другие», он проделал невероятное количество черной работы, полагая, что сделает ее лучше других. А потом его увлечение работой других, отдачу себя другим я бы подчеркнул сильнее.

Еще раз большое спасибо за присылку статьи, которую читал не только глазами, но и всей душой.

Привет Марии Алексеевне!

Крепко Вас целую.

Сергей Ольденбург.

СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 178. Л. 14–14 об.

№ 40

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

Васильевский остров. 4-я линия, 7

20.IV

Дорогой Сергей Федорович,

завтра у нас в 3 часа заседание бюро; если у Вас есть какие-нибудь предложения для Комитета², Вы, может быть, будете так добры к этому времени прислать их в Этнографический музей³. Это относится, конечно, и к предложениям насчет Вашей собственной поездки. Привет от Мани; мы оба желаем Вам поправиться как можно скорее.

Ваш В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 30.

№ 41

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу⁴

Ташкент, 4 сентября 1920 г.

Дорогой Сергей Федорович,

Надеюсь, что Вы получили телеграмму Шмидта⁵ о моем прибытии в Ташкент. Я решил послать телеграмму на Ваше имя, а не на имя жены, потому что отправление официальной

¹ Имеются в виду российские подданные немецкого происхождения.

² Вероятно, имеется в виду Русский комитет.

³ В.В. Бартольд был директором Музея антропологии и этнографии РАН с 23 октября 1918 г. по 2 сентября 1921 г.

⁴ На бланке редакции и конторы журнала «Фотографические новости».

⁵ Имеется в виду востоковед Александр Эдуардович Шмидт (1871—1939); о нем см. далее (с. 596, прим. 8).

телеграммы мне казалось более обеспеченным, чем отправление частной. Донесение академика непременно секретарю о своем прибытии к месту командировки, как мне казалось, имело достаточно официальный характер, но Шмидт решил, что лучше, чтобы и отправителем телеграммы было должностное лицо, а не частное, и поэтому отправил телеграмму от себя, несколько изменив ее текст; я предполагал ограничиться тремя словами: «Доехал здоров Бартольд».

Мне теперь кажется, что ехать мне не следовало и что Семенов¹ ввел меня в невыгодную сделку. Здесь питание лучше, чем в Петербурге, и цены несколько дешевле (пуд риса 12 000 рублей, стакан молока 40 рублей, фунт мяса 500 рублей), но все остальное гораздо хуже; террор более беспощадный, «уплотнение» квартир еще более бесцеремонное. Меня приютила семья родственников Остроумовых, Жемчужниковых²; своей комнаты у меня, конечно, нет, и меня тяготит мысль, что я сижу на шее у хозяев; при всем дружелюбии ко мне экспансивная хозяйка дома даже прямо выразила мне надежду, что я здесь не задержусь и закончу свою командировку как можно скорее. Устроиться иначе нет никакой надежды, гостиниц нет, а частные семейства живут в такой тесноте, что для постороннего лица свободного места не оказывается; нанять себе особую квартиру мне при полном отсутствии хозяйственных познаний и способностей также было бы нецелесообразно. Условия жизни, таким образом, очень тяжелы и неприятны, но, конечно, для меня очень интересно ознакомиться с условиями здешней жизни. О подробностях я расскажу Вам при свидании, если то состоится (пока не хочу пожаловаться на свое здоровье). Часто бываю в публичной или, как она называется теперь, государственной библиотеке. Библиотека в хороших руках; заведующие ей горячо любят свое дело и поставили его недурно, так что сговориться об условиях соединения с академией будет нетрудно. Среди новых приобретений особенно интересных экземпляров нет, кроме двух новых списков Шейбани-намэ Бенаи, копии с экземпляра хивинского хана, о котором писал Самойлович; сегодня я вычитал оттуда точные данные о постройке загадочного самаркандского моста (его построил Шейбани в 908 г. х.³)! Сегодня же я надумал библиотекарей обратиться к властям с просьбой об охране библиотеки и архива, если таковые найдутся во дворце бежавшего бухарского эмира.

Не удалось пока сговориться с местными властями насчет археологии. Помимо составленных здесь самостоятельных и не всегда удачных планов, отчасти уже приводимых в исполнение, например в Самарканде, придется бороться с влиянием Москвы. Троцкая⁴ с успехом играет роль гр. Уваровой и совершенно игнорирует Академию истории материальной культуры, но разница та, что прежде Археологическая комиссия обладала властью, гр. Уварова – нет, теперь наоборот.

Интересны результаты небольшой поездки в Ургут, совершенной этим летом; вполне подтвердилось сообщение Вяткина о сирийских надписях на скалах приблизительно в той местности, где был, по Ибн-Хаукалю, несторианский монастырь⁵. Я видел сделанные

¹ Семенов, Александр Александрович (1873–1958) – востоковед, профессор (1921) Восточного факультета Среднеазиатского университета (Ташкент); о нем см.: Акрамов 1970: 71–92; Джумаев 2013: 258–306.

² Имеется в виду семья подполковника Николая Павловича Жемчужникова (?–1883) – героя штурма Ташкента в 1865 г. и его первого коменданта, дочери которого Александра (супруга Н.Н. Юденича) и Екатерина проживали в Ташкенте (см.: Рябов 2015).

³ Соответствует 1502/1503 гг. от Рождества Христова.

⁴ Имеется в виду Наталья Ивановна Седова (1882–1962) – вторая (гражданская) жена Л.Д. Троцкого, заведующая музейным отделом Наркомпроса в 1918–1928 гг.

⁵ Ибн-Хаукаль называет эту местность Вазкерд, Бартольд ее локализует в районе Ургута и Кара-тюбе. Возможно, имеется в виду холм Сулейман-тепе, расположенный в 2 км от Чор-Чинара, на котором расположены руины несторианского храма IX–XIII вв. 25 надписей, которые упоминает Бартольд, были найдены

на воске оттиски надписей и пробовал читать их перед зеркалом; по-видимому, это не надгробные надписи, а graffiti, вроде синайских. Встречается изображение креста, но простое +, а не как на семиреченских камнях. Во всяком случае, к числу мест, где найдены несторианские надписи, прибавилось еще одно.

Лекции в университете начнутся 15-го; хотелось бы перед этим съездить в Самарканд, но еще не знаю, удастся ли. Видел Андреева¹, Диваева², Лыкошина³, Кузнецова⁴ и других. Узнал о смерти Зимины (расстрелянного)⁵ и Шкапского (варварски замученного)⁶.

Ташкент, как все города, изменился к худшему: страшная пыль, часть деревьев вырублена на топливо. О подробностях надеюсь когда-нибудь рассказать, пока шлю сердечный привет.

Ваш В. Бартольд.

Помню, что сегодня первое заседание академии: очень беспокоюсь, жив ли Шахматов⁷, о болезни которого мне писала жена.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 39–39 об.

№ 42

С.Ф. Ольденбург – В.В. Бартольду

20.X.1920

Дорогой Василий Владимирович,

Спасибо за письмо. Вижу, что живется Вам нелегко, все же думаю, что очень хорошо, что Вы опять могли окунуться в восточный мир, который нам, восточникам, так много дает. Мне кажется, что просто даже один запах горящего кизяка должен действовать живительно.

Здесь мы все не можем примириться со смертью Шахматова: слишком велика потеря и научная, и личная. Были заседания и еще будут, пишут из многих университетов, что там устраивали заседания. И как же еще больше от этого.

на скале в ущелье Гуль-бог близ Ургута. Он указывает, что о существовании надписей ему сообщали еще в 1916 г., в 1920 г. были изготовлены восковые эстампажи надписей, с которыми Бартольд и ознакомился (см.: Бартольд 1894b; Бартольд 1922b: 18).

¹ Андреев, Михаил Степанович (1873–1948) – востоковед-лингвист, археолог, этнограф, путешественник, основатель и первый директор Туркестанского восточного института; член-корреспондент АН СССР (1929).

² Диваев, Абубакир Ахметжанович (1856–1932) – российский башкирский этнограф-фольклорист, лингвист-тюрколог; работая переводчиком в Военно-народном управлении в Ташкенте и в канцелярии Сырдарьинского военного губернатора, совершил ряд экспедиций по Русскому Туркестану. Диваев – один из организаторов Среднеазиатского университета (Ташкент); в 1920–1932 гг. – член Киргизской (Казахской) научной комиссии Наркомпроса Туркестанской автономной республики.

³ Лыкошин, Нил Сергеевич (1860–1922) – генерал-майор, военный губернатор Самаркандской области (1914–1917), один из основателей Туркестанского кружка любителей археологии (1895); автор ок. 800 публикаций по истории и этнографии Туркестана.

⁴ Кузнецов, Петр Евдокимович (1870–?) – историк-тюрколог, иранист, преподаватель Восточного факультета Среднеазиатского государственного университета. В 1932 г. выслан из Ташкента, сведений о дальнейшей судьбе нет.

⁵ О нем см. выше, письмо 31.

⁶ Шкапский, Орест Авенирович (1865–1918) – этнограф, географ, статистик, краевед; с 1892 г. работал в администрации Сырдарьинской области; в 1901 г. удостоен Золотой медали РГО (см. представление: Бартольд 1902b: 40–42); расстрелян в апреле 1918 г. в г. Верный (Алматы).

⁷ Шахматов, Алексей Александрович (1864–1920) – филолог, историк русского языка и литературы, диалектолог, действительный член ПАН: адъюнкт (1894), экстраординарный (1897), ординарный (1899) академик, профессор СПбУ (1910); скончался от перитонита.

Бесконечно жаль бедного Стрелкова¹, у которого умерла жена, которую он рассчитывал поправить на Кавказе. Он скоро возвращается.

Страшно интересно Ваше сообщение об ургутской сирийской надписи². Какова почва в тех местах? Можно ли чего серьезного ожидать от раскопок?

В Комиссии карт и путей³ мы начали собираться и выбрали председателем Фармаковского. Хотели печатать карту Шахматова по именам на -ять, -вичи, -енки⁴.

Набрана и будет скоро отпечатана статья по ойратам, дающая интереснейший материал и хорошую историографическую сводку во введении, особенно важную для монгольских и китайских.

Ваша статья о башне Кабуса⁵ в печати. Комитет иностранных дел жалеет о передаче Русского комитета в Комитет просвещения и хочет его взять назад, обещая всякие льготы по поездкам и печатанию. Федор Ипполитович⁶ будет по этому предмету в Москве. Его поездка на Запад решена, и он уедет, верно, в начале ноября.

Начинается холод, и мы уже сокращаем площадь жилую и рабочую, а кое-где и рабочие часы, как например в Азиатском музее, где сырой холод.

В Этнографическом музее есть шанс на уголь, так что, может быть, с занятиями пойдет лучше.

Было подробное письмо от Мервартов⁷, которые очень стремятся в Петроград из Владивостока, где они преподают.

Здесь побывали буряты, которые сообщили немало интересного о Дальнем Востоке, где шесть республик и полный хаос. И все-таки и там чувствуется, что русская культура единственная, объединяющая всех.

Срезневский⁸ поехал в Саратов, пытаться частями реэвакуировать наши рукописи, чего все очень жаждут. Надо только сделать это очень осторожно, потому что постоянно, говорят, разбирают, рваны⁹. Срезневский поехал с двумя сторожами очень толковыми. Раз начнем, то, верно, и кончим. Вам это будет приятно, потому что вернутся и рукописи Азиатского музея.

Хворают Федор Александрович Розенберг¹⁰, явно от сырости в музее.

В ближайшее время, по-видимому, начнутся занятия в Восточном институте¹¹. Самойлович совсем почти переехал в Москву, научно это его губит или, во всяком случае, портит. Думаю, что больше всего причиной его жена.

¹ Стрелков, Александр Семенович (1896–1938) – искусствовед, специалист по искусству Средней и Южной Азии, Ближнего и Среднего Востока доисламского периода.

² Имеются в виду несторианские надписи на скале в ущелье Гуль-бог близ Ургута; см. выше.

³ Имеется в виду Комиссия карт и путей РАИМК, в которую входили и Ольденбург, и Бартольд. Бартольд по поручению комиссии собирал материал, нанося на карту сохранившиеся памятники старины (см.: Лунин 1981: 139).

⁴ Возможно, имеется в виду следующая работа: Материалы по изучению русских древностей, исторической этнографии и древнейших судеб русского племени (СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 84), листы 128–134 которой занимают карты.

⁵ См.: Бартольд 1922а: 121–125.

⁶ Имеется в виду Ф.И. Щербатской.

⁷ Мерварт, Александр Михайлович (Густав-Герман-Христиан) (1884–1932) и его супруга Людмила Александровна Левина (1888–1965) – этнографы, лингвисты, в 1914–1918 гг. совершили экспедицию в Южную Азию, с 1924 г. – сотрудники Музея антропологии и этнографии; в 1930 г. арестованы в рамках «академического дела»; см., в частности: Бухерт 2017: 53–60.

⁸ Срезневский, Всеволод Измаилович (1867–1936) – историк литературы, археограф, библиограф, член-корреспондент ИАН с 1906 г. С 1901 г. – хранитель отделения славянских рукописей Библиотеки Академии наук.

⁹ Так в оригинале.

¹⁰ Розенберг, Федор Александрович (1867–1934) – востоковед-иранист, член-корреспондент РАН (1923); сотрудник Азиатского музея (1902–1931), с 1912 г. – старший ученый хранитель.

¹¹ Возможно, имеется в виду Центральный институт живых восточных языков, учрежденный осенью 1920 г. в Петрограде по инициативе В.Л. Котвича. Закрыт в 1938 г. О нем см.: Кононов, Иориш 1977.

Сейчас уже зима, со снегом, а у Вас, верно, тепло?

Марию Алексеевну навещаю постоянно, последнее время, верно в связи с погодой, у нее опять бронхит и астма. Порядочно мучила ее и лихорадка. Ал. Алексеевич бывает часто, навещает ее.

Всем, кто помнит меня, привет.

Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам,

Сергей Ольденбург.

СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 178. Л. 15–16 об.

№ 43

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

Гельсингфорс (Хельсинки) 10/XI [1922¹²]

Дорогой Сергей Федорович,

будьте так добры доложить в Академии, что 9-го ноября я в финно-угорском обществе читал доклад на немецком языке о новейших русских работах по изучению Туркестана в связи с отчетом о моей поездке 1920 г. Экземпляр этого отчета (оттиск из академических протоколов) мною передан профессору Микколе¹³, как и рукопись доклада. Доклад будет здесь напечатан в скором времени; я попрошу послать несколько экземпляров на Ваше имя в Академию и на имя Росса для меня в Лондон. Сегодня вечером еду на пароходе «Арктурас» в Англию, куда рассчитываю приехать 15-го. Дальнейшее доклады Академии, конечно, не подлежит и представляет интерес, кроме Вас, только для моей жены, которой Вы и без моей просьбы, как я знаю, покажете это письмо. Доклад прошел вполне благополучно, хоть я и несколько волновался перед его чтением; старался читать возможно громко и медленно, как меня заранее просили, в виду трудности большинства аудитории следить за немецкой речью. В награде мне был данный мне финскими учеными роскошный ужин со сливочным мороженым (уже не помню, когда я в последний раз ел его); после ужина многие из ученых, с председательствовавшим в заседании профессором Setälä¹⁴ во главе, проводили меня до моей гостиницы, куда мы пришли к 12-ти часам; гостиница была уже заперта, пришлось позвонить, и на глазах открывшей мне двери девушки произошла эффектная сцена прощания на улице – все были, по-моему, более чем любезны со мной; аудитория была довольно многочисленна; был и Игельстром¹⁵ (на ужине ни его, ни Микколы не было). Познакомился и с Викманном (Wickmann)¹⁶, от которого получил экземпляры т. XIV и XV «Finnisch-Ugrische Forschungen»; характерно, что эти томы,

¹² В Финляндию Бартольд попал 21 октября 1922 г.; см.: Бартольд 1924: 4.

¹³ Миккола, Иосиф Юлиус (Иосиф Андреевич) (Mikkola, Jooseppi Julius; 1866–1946) – финский лингвист-славяновед, тюрколог, профессор Хельсинкского университета (1921), член-корреспондент РАН (1925).

¹⁴ Сетяля, Эмиль Нестор (Setälä, Eemil Nestor; 1864–1935) – финский филолог, государственный деятель (председатель Сената (1917), министр иностранных дел в 1926–1927 гг.); основоположник финно-угорского сравнительно-исторического языкознания.

¹⁵ Игельстром, Андрей Викторович (1860–1927) – публицист, заведующий Русской библиотекой Гельсингфорского университета, преподаватель русского языка в Гельсингфорском политехническом институте.

¹⁶ Вихманн, Юрьё Йоосеппи (Wichmann, Yrjö Jooseppi; 1868–1932) – финский этнограф, исследователь диалектов финно-угорских народов на территории России; см.: Вихман И. Краткий очерк научной поездки к зырянам // Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 155.

вышедшие только в этом году, печатались с 1914 г.; т. XIV включает в себе библиографию за 1905 г.; т. XV – за 1906 г. (об этом, пожалуй, стоит сообщить Академии). Говорили со мной еще Кай Доннер¹, Гранэ² и несколько других.

С некоторым сожалением узнал, что «Арктурус» идет не по Кильскому каналу, а по Скагерраку и Каттегату: но остановка в Копенгагене разделит морское путешествие на две части, по двое суток каждая, так что перенести его даже в случае качки будет не очень трудно. Пишу это письмо утром и сегодня перед отъездом еще пойду в музей с Миккола, который зайдет за мной в гостиницу к 12-ти часам. О моих книжных занятиях Вы знаете из моего письма жене. Вообще временем, проведенным в Гельсингфорсе (и в Выборге, где я видел Андрея Дмитриевича³), я очень доволен. Я вынес впечатление, что в массах (в гостиницах, ресторанах, магазинах) в Финляндии говорят по-русски теперь гораздо больше, чем прежде; финны объясняют это тем, что во время войны здесь было очень много русского войска, но, насколько я помню, и в 1917 г., когда я в последний раз был в Финляндии (до Куопло), знание русского языка не было так распространено, как теперь. Дружески целуем Вас.

Ваш В. Бартольд.

Если собираетесь писать мне, можно послать письмо на имя Росса, Sir E. Denison Ross, London E.C., Emsbury Circus, School of Oriental Studies.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 40–41 об.

№ 44

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

Лондон, 22 марта [1923 г.]⁴

Дорогой Сергей Федорович.

Я с нетерпением, как Вы знаете, ждал «letter», обещанной в Вашей телеграмме; но, когда получил академический пакет, был сильно разочарован. Академическая бумага представляла только перифраз телеграммы; приложенный к ней список относящихся к истории изданий Академии включает в себе только русские заглавия, хотя все или почти все эти заглавия имеются в изданиях Академии во французском переводе; казалось бы, что если этот перевод для чего-нибудь существует, то именно для международных сношений. Кроме того, меня, как Вы знаете, интересовал вопрос о визе; жена писала мне, должно быть с Ваших слов, что виза будет мне послана Академией или через Академию, никаких указаний на это я в присланных мне бумагах не нашел; по-видимому, в Брюсселе даже не знали, что я нахожусь в Лондоне, и 20 декабря послали мне письмо в Петроград, которое и было переслано мне Академией и дошло до меня, вместе с другими бумагами, около 15 марта. Я написал в Брюссель и получил ответ, что теперь визу получить легче, не нужно являться в консульство самому, достаточно написать, но это надо сделать теперь же; со своей стороны, канцелярия конгресса ускорит

¹ Доннер, Кай (Карл) Рейнгольд (Donner, Kai (Karl) Reinhold; 1888–1935) – финский этнограф, лингвист, участник экспедиции в Сибирь в 1911–1914 гг.; доцент кафедры уральских народов Гельсингфорского университета (1924).

² Гранё, Йоханнес Габриэль (Гранэ, Гавриил Иванович; Granö, Johannes Gabriel; 1888–1956) – финский географ, исследователь Сибири и Монголии, участник экспедиций 1906, 1907, 1909 гг.; профессор университета Тарту (1919), Хельсинки (1923), ректор университета Турку (1932–1934).

³ Имеется в виду А.Д. Руднев (1878–1958) – ученый-востоковед, монголист-фольклорист, с 1918 г. – в эмиграции в Финляндии.

⁴ Год устанавливается по контексту.

дело представлением в министерство. Я все-таки пошел сам, и хорошо сделал; потребовали русский паспорт, английское свидетельство о регистрации и четыре фотографических карточки, кроме того, заставили заполнить анкету, так что дело вовсе не так просто. Сказали, что обращение секретаря конгресса в *département des affaires étrangères*¹ может ускорить дело, а то процедура иногда продолжается три недели.

Из бумаги, присланной мне, убедился, что на конгрессе допущен еще один иностранный язык, кажется, не допускавшийся прежде, – испанский, но никаких указаний на допущение русского или какого-либо славянского языка нет.

Если получу визу вовремя, конечно, поеду на конгресс, подчиняясь постановлению Академии, с которым я по-прежнему не согласен. Полное молчание о визе, несмотря на мои неоднократные запросы, и присылка заглавий только на русском языке, признаться, несколько удивили меня. Вы умнее меня и лучше знаете, как надо действовать; я только признаюсь в том, что для меня эти действия непонятны.

Если удастся, думаю после Бельгии поехать в Голландию, в Лейден и Утрехт, о чем вчера подал заявление в голландское консульство, с просьбой прислать мне визу в Брюссель. Написал о том же профессору Хаутсма². Постараюсь из Голландии проехать в Германию и оттуда вернуться в Россию одним из первых пароходов из Штеттина³; о разрешении мне проезда через Германию тоже позабочусь еще здесь.

О том, что я делал в Кембридже и здесь, Вы, вероятно, знаете от жены. По-прежнему занимаюсь рукописями, иногда приходится разочаровываться: так, рукопись, отмеченная в «list» как относящаяся к 1161 г. х. сочинение по истории кокандских ханов XIII века, оказалась сочинением, составленным в 1291 г. х., главным образом по истории Якуб-бека кашгарского⁴! Из здешних ученых, кроме известных, мне больше всего нравится молодой Гибб, и я буду очень рад, если он осенью или зимой, как предполагает, приедет в Петроград.

Если у Вас будет время и желание писать мне, то лучше всего писать в Берлин, *postlagernd*⁵. Надеюсь быть дома в мае. Поклон Вашей жене. Дружески целует Вас

Ваш В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 56–57 об.

№ 45

С.Ф. Ольденбург – В.В. Бартольду

13.VIII.1923.

Лондон

Дорогой Василий Владимирович,

Завтра еду в Париж, дальше не знаю, потому что очень темен германский горизонт. Здесь хорошо поработал три недели над штейновскими⁶ дунь-хуанскими образами, а в Reading

¹ Отдел внешних сношений (*фр.*).

² Хаутсма, Мартин Теодор (Houtsma, Martijn Theodoor; 1851–1943) – нидерландский востоковед, специалист по Ближнему Востоку, первый главный редактор «Энциклопедии ислама».

³ Совр. польский порт Щецин.

⁴ Якуб-бек Бадаулет (ок. 1820 – 1877) – основатель и правитель государства Йеттишар в Восточном Туркестане.

⁵ До востребования (*нем.*).

⁶ Марк Аурел Стейн в ходе Центральноазиатской экспедиции 1906–1908 гг. прибыл в провинцию Ганьсу в марте 1907 г., 16 марта он впервые посетил пещеры Цянфодун, а 21 мая в район исследования прибыла его экспедиция. Первой была исследована пещера № 17. 12 июня Стейн покинул пещерно-храмовый комплекс

Room¹ некоторые новые вещи. Смотрел индийский отдел и буддийский, они богаты, но плохо расставлены, определения нередко ошибочные. Немудрено, потому что за сокращением штатов этими отделами ведаёт египтолог, заведующий и египетским отделом: всего знать, конечно, нельзя. Значительная часть образов Штейна в идеальном порядке монтирована и т. д. Но, увы, Littlejohn², который так изумительно реставрировал, убит на войне, и преемника ему нет. Был у Броуна³ в Кембридже, он страшно постарел, но такой же милый, как и раньше. Видел и Джес-Кинеона⁴. На Centenary⁵ видел многих, а потом уклонился и занялся работой в Музее. В India Office⁶ был мало, надо бы тогда еще месяц остаться. Большой привет Марии Алексеевне⁷. Поклоны m-me Marie, Алекс<андре> Алек<сеевне>⁸ и Варваре Алексеевне⁹.

Крепко обнимаю, преданный Вам Сергей Ольденбург.

Адрес у Lévi: 9, rue Guy de la Brosse.

СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 178. Л. 17–17 об.

№ 46

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

[1923 г.]

Отвечено 4/XII
London W.C. 24/XI
3, Upper Bedford Place

Дорогой Сергей Федорович,

Сегодня утром я отправил написанное вчера вечером письмо жене, где я, между прочим, писал ей, что от нее никаких писем еще не получал, и через час получил в Oriental School ее письмо от 10 ноября, т. е. написанное две недели тому назад, в день моего отъезда из Гельсингфорса. Будьте так добры сказать ей об этом. Россу¹⁰ я передал ее поклон; lady Ross я еще не видел. Очень жалею, что так долго сказывались последствия ее бронхита, и еще раз благодарю Вас, что Вы так часто навещали ее.

и вернулся в Дуньхуан, вывезя из Цянфодуна четыре ящика с фрагментами стенописи (см. кратко хронологию работ: Wang Jiqing 2012: 1–6).

¹ Читальный зал (англ.).

² Литтлджон, Стенли (Littlejohn, Stanley; 1876–1917) – английский хранитель и реставратор живописи; с 1904 г. – в Британском музее, с 1908 г. – руководитель реставрационной службы; участвовал в работе с собранием Аурила Стейна; см.: Wang, Persson, Wood 2012: 4.

³ Браун, Эдвард Гранвилл (Browne, Edward Granville; 1862–1926) – востоковед-иранист, профессор арабистики в университете Кембриджа (1902), популяризатор науки, один из основателей Школы живых восточных языков. Браун поддерживал тесные связи с российскими учеными. Так, за два года до визита Ольденбурга Браун принимал у себя Ф.И. Щербатского, о чем последний писал Ольденбургу 25 октября 1921 г. (см.: Вигасин 2008: 352).

⁴ Личность не установлена.

⁵ Имеется в виду столетний юбилей Королевского Азиатского общества Великобритании и Северной Ирландии, основанного 15 марта 1823 г.

⁶ Имеется в виду отдел Британской библиотеки (The India Office Records).

⁷ Имеется в виду М.А. Бартольд – супруга В.В. Бартольда.

⁸ Жуковская-Марр, Александра Алексеевна – сестра В.А. Жуковского, супруга Н.Я. Марра.

⁹ В.А. Жуковская – вдова В.А. Жуковского, невестка супруги В.В. Бартольда.

¹⁰ Имеется в виду сэр Эдвард Денисон Росс (Ross, Edward Denison; 1871–1940) – директор Школы восточных исследований Лондонского университета в 1916–1937 гг., сотрудник Британского музея с 1914 г., работал с материалами экспедиций А. Стейна.

Неделю, которую я провел здесь, я посвятил исключительно библиотеке School of Oriental Studies и далеко еще не кончил там своих занятий, даже независимо от просмотра перевода моего «Туркестана»¹. Из изданий, еще не имеющих у нас, прежде всего изучил «The Eclipses of the Abbaside Caliphate» Амедроза и Марголиуса². Очень интересно до сих пор считавшееся утраченным сочинение Абу-Шуджа³, продолжателя Мискавайха⁴; к сожалению, он не выполнил своего намерения довести историю до своего времени и ограничился событиями 20-ти лет, 369–389 х., причем, как доказывают издатели, его труд есть только сокращение труда Хилала Сабии⁵; но так как этот последний труд до нас не дошел, то сочинение Абу-Шуджа имеет для нас значение первоисточника. Оказывается, что у Хилала гораздо подробнее, чем у Ибн-аль-Асира⁶, говорилось о сношениях между халифатом и Византией; в первом лице передается рассказ (кажется, до сих пор совершенно неизвестный) посла ابن شحرام⁷ о своем пребывании в Константинополе и переговорах с византийским правительством; новый предмет для занятий А.А. Васильева⁸. Приводится также рассказ о крещении Руси, почти в тех же выражениях, как у Ибн-аль-Асира, но несколько подробнее; очевидно, и здесь первоисточник – Хилал, чего Виктор Романович⁹ в свое время, конечно, не мог определить. Имени Владимира и здесь нет, и откуда его взял Ауфи¹⁰, остается неизвестным. Очень интересно также издание подлинника راحة السدور Равенди¹¹ по шеферовской¹² рукописи. Школа¹³ приобрела всю библиотеку Хартмана¹⁴; так, я нашел, между прочим, изданное Наджиб Асимом в 1918 г.¹⁵, по рукописи софийской мечети, старотурецкое произведение (дидактическое, в стихах того же размера, как Кудатку

¹ См.: Barthold 1928.

² См.: Amedroz, Margoliouth 1921.

³ Абу Шуджа Мухаммад ибн ал-Хусайн Захир ад-Дин ар-Рудравари (1045–1095) – историк, государственный деятель (визирь халифа аль-Муктади (1075–1094)), автор «Продолжения Книги испытаний народов и осуществления заданий» («Дайл Китаб таджариб аль-умам ва та’акиб аль-химам») – продолжения труда Ибн Мискавайха; арабский текст и перевод см.: Amedroz, Margoliouth 1921.

⁴ Ибн Мискавайх (?–1030) – арабский историк персидского происхождения; о нем см., в частности: Крачковский 1916: 539–546.

⁵ Абу-л-Хасан Хилал ас-Сабия (?–448 г. х. / 1056 г. X.) – арабский историк, автор «Книги о выдающихся лицах».

⁶ Ибн аль-Асир (полное имя Иззуддин Абуль-Хасан Али ибн Мухаммад аль-Джазири) (1160–1233/1234) – историк, путешественник, государственный деятель, просветитель курдского происхождения. Вероятно, В.В. Бартольд имеет в виду работу «Полный свод всеобщей истории» («Аль-камил фи т-тарих»), в которой говорится и о Византии.

⁷ Ибн Шахрам – арабский посол при византийском дворе Василия II в 982–983 гг.; см. подробнее: Amedroz 1914: 915–942.

⁸ Васильев, Александр Александрович (1867–1953) – российский, американский историк – византист, арабист, профессор Юрьевского (1904–1912), Санкт-Петербургского (Петроградского) университетов (1912–1925), председатель РАИМК (1920–1925), член-корреспондент РАН (1919), с 1925 г. – в эмиграции: профессор Висконсинского университета (1925–1938), родоначальник американской византистики.

⁹ Имеется в виду В.Р. Розен; см. выше.

¹⁰ Садид ад-Дин Мухаммад ибн Мухаммад Бухари Ауфи (конец XII – середина XIII в.) – персидский историк, литератор. Около 2000 рассказов исторического содержания содержится в «Собрании рассказов и светочи преданий».

¹¹ Персидское название Rāḥat al-sudūr («Успокоение сердец и знамение радости в истории Сельджукидов»; составлено в 1202/1203 – 1204/1205 гг.) курдского историка Мухаммада ибн Али Равенди написано весьма неразборчиво, однако нет сомнений в том, что имеется в виду именно оно.

¹² Имеется в виду рукопись Rāḥat al-sudūr, изданная в 1886 г. французским востоковедом-исламоведом, коллекционером рукописей Шарлем-Анри-Огюстом Шефером (Schefer, CharlesHenriAuguste; 1820–1898) в «Nouveaux mélanges orientaux» (Schefer 1886: 1–47).

¹³ Имеется в виду лондонская Школа восточных и африканских исследований.

¹⁴ Хартманн, Мартин (Hartmann, Martin; 1851–1918) – немецкий востоковед, исламовед, переводчик, профессор арабистики в берлинском Семинаре восточных языков, один из основателей журнала «Die Welt des Islams» (1912), под влиянием которого В.В. Бартольд основал журнал «Мир ислама».

¹⁵ См.: Necib ‘Aşim 1918.

Наджиб Асим (Necir Asım «Yazıksız»; 1861–1935) – турецкий ученый-историк.

билик¹) уйгурским шрифтом с арабской транскрипцией (автор احمد يوكئى² говорит, что пишет на кашгарском диалекте); не знал, известно ли оно Самойловичу. Видел еще рукописный список рукописей изхерской мечети, которых нет в «Сутахийе» (бывшей «Хедивийе»³), там, между прочим, упомянуты 24 тома истории Дамаска Ибн-Ачакира⁴, и экземпляр «истории везиров» Хилала. Познакомился с несколькими учеными, например, с профессором Арнольдом⁵ и дирижером J. Chagrenier (из Швеции)⁶.

О материальной стороне моей жизни я писал жене; об отрицательных сторонах (холод в спальне) мало беспокоюсь и чувствую себя хорошо. Дружески целует Вас Ваш В. Бартольд.

Федор Ипполитович уже два раза писал мне из Берлина.

25-го утром перечитал письмо и хотел его отправить, когда получил от Марров (от 22-го, из Лейпцига); они хотели 28-го ехать в Берлин.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 58–59 об.

№ 47

С.Ф. Ольденбург – В.В. Бартольду

4–5.IX.1923

Париж

Дорогой Василий Владимирович,

Спасибо за письмо. Продолжаю перед самым отъездом – совсем затуркан массой дел, разговоров, посещений. Очень много дало мне пребывание во Франции. К сожалению, не видел коллекцию Pelliot, кроме того, что у Guimet⁷.

У Pelliot умерла мать, и он не мог приехать до моего отъезда.

Привет Марии Алексеевне.

Рассчитывал написать как следует, не дали.

Напишу из Германии.

Крепко Вас обнимаю.

Преданный Вам Сергей Ольденбург.

12.IX. Еду сегодня.

СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 178. Л. 18–18 об.

¹ Кудатку билик («Благодатное знание») – произведение уйгурской литературы, написанное в 1069–1070 г. Юсуфом Хас-Хаджибом Баласагуни (?–1075) для кашгарского хана из династии караханидов; см.: Радлов 1890.

² Ахмад Югнаки (?–?) – узбекский поэт, богослов XII в. Единственное его сочинение, дошедшее до наших дней, – «Подарок истин» – известно в двух рукописях, написанных уйгурским и арабским шрифтом. Впервые издано Наджибом Асимом.

³ Название библиотеки в Каире.

⁴ Имеется в виду Абу-ль-Касим Али ибн аль-Хасан ад-Димашки (Ибн Асакир) (1105–1176) – арабский историк, путешественник, автор 80-томной «Истории Дамаска» (Тарих мадинат Димашк).

⁵ Возможно, имеется в виду шведский специалист по исторической фонетике английского языка Роланд Арнольд.

⁶ С другой стороны, можно предположить, что в данном случае Арнольд – не фамилия, а имя сэра Арнольда Талбота Уилсона (Sir Arnold Talbot Wilson; 1884–1940) – военнотружущего, дипломата, политика, ученого-ираниста; в «Библиографии Востока» за 1932 г. (Вып. 1. С. 84–88) С.Ф. Ольденбург поместил рецензию на его Bibliography of Persia (Oxf., 1930).

⁷ Личность не установлена.

⁸ Музей Гиме (Musée national des arts asiatiques-Guimet) – музей, основанный лионским промышленником и просветителем Эмилем Гиме (1836–1918) и посвященный искусству народов Центральной, Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока.

№ 48

С.Ф. Ольденбург – В.В. Бартольду

На бланке

Непременный секретарь
Российской академии наук

15.V.1924 г.

Петроград.

Дорогой Василий Владимирович,

Меня совсем затуркали перед отъездом, и я не успел зайти. Очень прошу Вас, если бы я не приехал к среде, заменить меня в *заседании* Историко-филологического <отделения>. Преданный Вам Сергей Ольденбург.

СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 178. Л. 19.

№ 49

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

[не позднее декабря 1924 г.]¹

Дорогой Сергей Федорович,

К сожалению, здоровье сегодня хуже вчерашнего, и мы боимся, что придется завтра вернуть билеты в кассу; если так, то уеду не раньше 9-го. Под представление о Штейне охотно поставлю свою подпись². Об Орбели³ я не думал, хотя и признаю его научные заслуги, и если Николай Яковлевич⁴ внесет предложение о нем, охотно подпишу⁵. О Штернберге ни сам, ни Щербатской, ни другие мне ничего не говорили.

Ваш В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 61.

¹ Датируется по контексту; речь в письме идет о выдвижении А. Стейна в иностранные члены Всесоюзной Академии наук (АН СССР), состоявшемся в 1925 г.; см.: Бухарин 2016: 37, прим. 23.

Кроме того, судя по письму, речь идет о выдвижении Л.Я. Штернберга в члены-корреспонденты РАН: его избрание состоялось в декабре 1924 г.

² См.: Бартольд, Ольденбург 1924: 568–569.

³ Орбели, Иосиф Абгарович (1887–1961) – востоковед-кавказовед, археолог, в 1934–1951 гг. – директор Эрмитажа, действительный член АН СССР (1935). Речь, вероятно, идет о выдвижении кандидатуры Орбели на выборах в члены-корреспонденты РАН, состоявшихся в 1924 г.

⁴ Имеется в виду Н.Я. Марр.

⁵ Соответствующий документ был подписан И.Ю. Крачковским, Н.Я. Марром и С.Ф. Ольденбургом: Крачковский, Марр, Ольденбург 1924: 574–576.

Ольденбург рассуждал вполне логично: составлять документ о выдвижении кавказоведа Орбели должен был кавказовед Марр.

№ 50

С.Ф. Ольденбург – В.В. Бартольд

Дорогой Василий Владимирович,

Что Вы об этом думаете?¹

Преданный Вам Сергей Ольденбург.

25.VII.1924

СПбФ АРАН. Ф. 68. Он. 2. Д. 178. Л. 21.

№ 51

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

30.8.24.

Дорогой Сергей Федорович,

вчера в совете Географического общества была речь об экспедиции Козлова² и о прикомандировании к ней нескольких лиц помимо Общества. Особенное неудовольствие вызвала бумага РАИМК; по ходу прений мне пришлось заявить, что как член и Географического общества, и РАИМК я оказываюсь в двойственном положении и потому заявляю о своем выходе как из совета, так и из членов Географического общества. Ю.М. Шокальский³, как потом оказалось, не расслышал моих слов; так как он ничем на них не отозвался и перешел к мелким текущим делам, я ушел из собрания.

Вечером Ю.М. был у меня и принес с собой письмо, где, между прочим, сказано, что между двумя учреждениями, к которым я принадлежу, «по существу никакого разномыслия и не происходило»; этим значительно изменяется то отношение к бумаге РАИМК, которое было проявлено к бумаге на совете, а потому, как и вследствие оказанного мне председателем личного внимания, мне пришлось взять свое решение обратно. Может быть, все это представляет для Вас некоторый интерес.

Ваш В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Он. 3. Д. 33. Л. 42–42 об.

№ 52

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

Баку, 23.XI.24

Писать можно через Университет

Дорогой Сергей Федорович,

Жена прислала мне циркуляр о доставлении сведений для академического отчета. Мне, конечно, следовало бы доставить эти сведения перед отъездом; может быть, я и догадался бы это сделать, если бы не болезнь. Здесь я по памяти, пожалуй, неверно восстановил бы заглавия,

¹ Контекст вопроса неясен.² Имеется в виду Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова 1923–1926 гг.³ Шокальский, Юлий Михайлович (1856–1940) – военный-географ, океанограф, в 1917–1931 гг. – председатель Русского географического общества.

и потому очень просил бы Вас или кому Вы бы поручили перечислить доклады в Академии наук, можно бы назвать представленную статью о Мусайлиме¹ и упомянуть о командировке в Баку². Для Академии материальной культуры я написал очень много, в том числе отзывы о работах Баллода (печатной, Приволжские Помпей³) и Кон-Винера⁴; кажется, ничего напечатано не было. Еще можно упомянуть о просмотре рукописи английского перевода моего «Туркестана» и о сдаче в печать (в Институте восточных языков) второго издания «Истории изучения Востока в Европе и в России». Разумеется, Вам лучше решить, в каких пределах можно исполнить мою просьбу и можно ли исполнить ее вообще.

Здесь пока чувствую себя здоровым, 20-го ноября начал чтение курса по истории прикаспийских областей, был несколько раз в обществе изучения Азербайджана, где на этой неделе надеюсь прочитать небольшой доклад (кроме того, от меня ждут большого публичного доклада). Вступительная лекция прошла хорошо, только моего голоса не хватило на огромную аудиторию с плохими акустическими условиями. Начал ознакомление с университетскими рукописями, их немного, всего 16, но сколько-нибудь удовлетворительного описания их нет; так, известная история Надир-Шаха Мекун-хана⁵ отмечена как «история маликов», без указания имени автора. Есть будто бы рукопись Анвари (я ее еще не просматривал)⁶.

Жму Вашу руку, поклон Елене Григорьевне⁷.

Ваш В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Он. 3. Д. 33. Л. 43–43 об.

№ 53

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

Баку, 2.XII.24

Дорогой Сергей Федорович,

Посылаю Вам прилагаемую газетную заметку (из сегодняшнего номера «Бакинского рабочего») в качестве вести о себе. Правды в ней столько же, сколько обыкновенно бывает в газетных заметках. Мой доклад был очень специальный, рассчитанный на тесный круг ученого Общества (и некоторые дополнения и поправки к «Краткому курсу истории Азербайджана» Е.А. Пахомова⁸), и многочисленность публики поставила меня в несколько неловкое положение, что я и выразил в самом начале докладной. «Оживленный обмен мнений» состоял из совершенно нелепых разглагольствований некоего журналиста Спиридоновича об изображении коровы или головы коровы как символа маздеизма, когда председатель, наконец, остановил эти разглагольствования, часть публики аплодисментами выразила сочувствие оратору и протест против действий председателя. О новом докладе меня просило не собрание, а председатель; потом мне передали

¹ Имеется в виду следующая статья: Бартольд 1925с: 483–512.² Командировка Бартольда в Азербайджанский государственный университет длилась с 25 октября по 26 декабря 1926 г. (Акрамов 1963: 80).³ См.: Баллод 1923.⁴ См.: Бартольд 1925а: 119–132; см. также краткое резюме: Акрамов 1963: 81–82.⁵ Надир-шах Афшар (1688 или 1699 – 1747) – государственный деятель в государстве сефевидов при Аббасе III, основатель династии Афшаридов.⁶ Авхад ад-Дин Али ибн Махмуд Анвари (ок. 1126 – между 1189 и 1191) – персидский поэт, астроном, предсказатель.⁷ Ольденбург (урожд. Клеменц, в первом браке – Головачева), Елена Григорьевна (1875–1955) – вторая супруга (с 1923 г.) С.Ф. Ольденбурга.⁸ См.: Пахомов 1923.

такую же просьбу главы местного правительства, Мусабекова¹; прочту, вероятно, на следующей неделе лекцию под заглавием «Краткий обзор истории Азербайджана»². Избран почетным членом археологического комитета и в пятницу, говорят, буду избран вместе с товарищем Мусабековым почетным членом общества изучения Азербайджана.

Составил краткое описание 12-ти восточных рукописей здешней университетской библиотеки и передал его заведующему рукописями, человеку восточному, но не востоковеду. Мне показали еще 9 рукописей, пока не записанных; ничего любопытного в них не оказалось. В пятницу надеюсь осмотреть другое собрание, Сабира³, кажется, тоже составляющее теперь общественное достояние; кроме того, есть совершенно частное собрание Аскарлова⁴.

Вот главное, что мне хотелось Вам сообщить; не буду задерживать Вас другими подробностями. Из петербургских знакомых встретил здесь, как Вы, вероятно, знаете, Фридолина⁵; он шлет поклон всем нашим ученым, кто его знает, особенно С.Ф. Платонову⁶. Мое здоровье пока хорошо, на нем не отражаются ни ресторанные обеды, ни страшный «Luftzug»⁷ от окон, хотя они и замазаны, ни холод по ночам, так как у меня нет ничего, кроме не особенно тепло-го пледа. Если бы знал, что придется жить в покинутой хозяевами частной квартире, конечно, взял бы с собой теплое одеяло. Надеюсь быть дома к концу этого месяца. Поклон Елене Григорьевне, сердечный привет Вам от Вашего

В. Бартольда.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 44–45.

№ 54

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

Баку, 19.XII.24

Дорогой Сергей Федорович,

Очень благодарен Вам за Ваше письмо и за исполнение моей просьбы насчет отчета. Теперь оканчиваю здесь свои занятия и надеюсь, если только достанут для меня билет (обещали достать), уехать отсюда в воскресенье 28-го, т. е. если на этот раз поезд не опоздает, быть дома в день Нового года.

Последняя моя лекция будет завтра. В пятницу 12-го читал еще публичный доклад «Краткий обзор истории Азербайджана»⁸; в среду 24-го предстоит еще доклад, тоже публичный: «Краткий обзор истории тюрков [так пишут здесь] до принятия ими ислама»⁹. Как видите, мне приходится здесь довольно часто выступать в мало свойственной мне роли публичного

¹ Мусабеков, Газанфар Махмуд оглы (1888–1938) – советский и азербайджанский политический деятель, Председатель СНК Азербайджанской ССР (1922–1930), Председатель СНК ЗСФСР (1932–1936). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (1925–1937).

² См.: Бартольд 1925b: 139–145.

³ Сабир – прозвище Мирзы Алекпера Зейналабдин оглы Таирзаде (1860–1911) – азербайджанского поэта-сатирика, путешественника.

⁴ Аскарлов, Акрам (?–1891) – ташкентский сарт, проводник, собиратель древностей, коллекция которого (ок. 11 000 предметов) поступила в Государственный Эрмитаж; см.: Бартольд 1895.

⁵ Фридолин, Петр Петрович (1876–1949) – историк, специалист по истории позднего Средневековья и раннего Нового времени; в 1919–1923 гг. – ректор Самарского университета, затем преподавал в Бакинском университете.

⁶ Платонов, Сергей Федорович (1866–1933) – историк, специалист по русской истории XVI–XVII вв., действительный член РАН (1920), в момент написания письма (в 1923–1925 гг.) – председатель археологического отделения факультета общественных наук Петроградского университета.

⁷ Сквозняк (нем.).

⁸ Опубликовано: Бартольд 1925b: 139–147.

⁹ Под таким заглавием данный доклад не опубликован.

лектора. Забыл еще, что в воскресенье 14-го читал лекцию о турках (или тюрках, как говорят здесь) в азербайджанском педагогическом институте (АПИ). Лекции, читанные в университете, хотели здесь напечатать, и записали стенографически, но в таком ужатом виде, что даже мои поправки не могли придать им приличную форму; легче было бы написать вновь. Первая корректура, которую мне показали (типографская вторая), была настолько ужасна, что я заявил протест и сказал, что предпочел бы, как я сделал в 1920 году после туркестанской командировки, послать из Петербурга конспект лекций. Несмотря на оговорку, что за внешнюю форму лекций я не отвечаю, мне не хотелось бы на старости лет ставить свое имя (вместе со своим званием академика) под чем-то абсолютно безобразным, хотя бы по внешности.

Здесь несколько светлее, чем в Петербурге (в ясные дни темнеет только в 4½), и, конечно, гораздо теплее. Снега нет совсем, в ясные дни на солнце и в защищенных от ветра местах можно сидеть на скамейке и греться. Но довольно часто льет дождь, иногда по целым дням, и образует ручьи, через которые иногда кладутся доски в виде мостов. Все время чувствовал себя хорошо, желудок если не совсем, то в значительной степени наладился, силы вернулись вполне. Не знаю, не отразится ли переход от здешнего тепла к холоду. Добрые люди теперь снабдили меня тюфяком и байковым одеялом, так что живу с большим комфортом, чем в первое время; к холоду в комнате и неприятному, крикливому еврейскому соседству привык.

Из здешних университетских деятелей мне больше всего нравятся [...] и Пахомов¹. О подробностях расскажу Вам при свидании. Здесь говорят, что Николай Яковлевич² сказал, что не пустит сюда Юрия³: боится, что он здесь сопьется – и эта опасность, действительно, вполне реальная. Вас хорошо помнит здешний (университетский) хранитель восточной библиотеки, Файзуллаев⁴, даже говорил мне, чтобы я в следующий раз приехал сюда вместе с Вами.

Всего лучшего, до скорого свидания, поклон Елене Григорьевне.

В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 47–48.

№ 55

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

27/VI [1925]⁵

Самарканд

Дорогой Сергей Федорович,

Жена пишет мне, что Вы хотели меня спросить, нужно ли писать в министерство о «Мусульманском мире»⁶ теперь или осенью. Вполне полагаюсь на Ваше решение, и заранее присоединяюсь к тому, что Вы найдете целесообразным. Лично мне казалось бы, что лучше всего

¹ Пахомов, Евгений Александрович (1880–1965) – нумизмат, археолог, один из основателей Музея истории Азербайджана, в 1922–1930 гг. руководил Отделом археологии и нумизматики Азербайджанского государственного университета; член-корреспондент АН АЗССР (1962); о нем см.: Акопян 2013: 310–329. Сохранилась обильная переписка Пахомова и Бартольда (СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 189).

² Имеется в виду академик Н.Я. Марр (1865–1934).

³ Имеется в виду Ю.Н. Марр; см. выше.

⁴ Личность не установлена.

⁵ Год устанавливается по контексту: по приглашению Среднеазиатского комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы В.В. Бартольд посетил Среднюю Азию в августе – декабре 1925 г. (см.: Бартольд 1926: 217–236).

⁶ Возможно, имеется в виду одноименная работа: Бартольд 1922с.

написать теперь же и через некоторое время напомнить, чтобы осенью можно было ссылаться уже на некоторый срок ожидания. Но, конечно, Вам лучше знать, какой способ действий при наличных условиях скорее приведет к цели.

Здесь мне очень хорошо, особенно после того, как прошла какая-то гастрическая болезнь – повторение того, что было со мной в Монголии в 1913 и в Греции в 1914 г. Погода для Самарканда прохладная; был один вечер, когда опускалось до 16° и приходилось спать под одеялом. Сегодня опять жарко, сему рады местные жители, уже боявшиеся за хлопок, рис и фрукты; кроме того, было бы мало воды, если бы таяние льда в горах происходило так медленно, как до сих пор.

Особенно интересных рукописей мне пока не попадалось, и купить я пока ничего не купил. Очень хорошее впечатление производит Самаркандский музей, в котором я видел даже не одну голову Будды, а две, найденные в разных (точно указанных) местах. Видел еще другие вещи в частных коллекциях. К сожалению, связь между коллекционированием и грабительскими раскопками пока продолжается, и трудно тут что-нибудь изменить.

В Бухаре думаю пробыть с 4-го до 11-го, так что написать мне туда Вы едва ли успели бы, если бы хотели. Последний адрес для писем – Асхабад (до востребования), куда надеюсь прибыть 14-го. Если меня не задержат в Баку с получением билета на Петроград, думаю вернуться домой еще в 20-тых числах июля. Крепко жму Вашу руку.

Ваш В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 26–27 об.

№ 56

С.Ф. Ольденбург – В.В. Бартольду
Телеграмма

25.V [1925 г.]¹

Гостиница «Регина»
Академику Бартольду
Из Ленинграда

Телеграфировал Петрову² отсрочке вызова три недели Ждите ответа Ольденбург

СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 178. Л. 22.

№ 57

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

Ташкент, 15.VII.25

Гостиница б. Регина

Дорогой Сергей Федорович,

Я был удивлен вчера Вашей телеграммой с просьбой ускорить ответ, давно мной посланный, хотя 13-го, в день отправления телеграммы, он еще не мог быть в Ваших руках.

¹ Телеграмма датируется 1925 г., так как она отправлена из той же гостиницы, что и следующее письмо.

² Вероятно, речь идет о Федоре Николаевиче Петрове (1876–1973) – революционере, в 1923–1927 гг. – руководителе Главного управления научных и учебных заведений наркомата просвещения РСФСР.

Очевидно, Вы думали, что спешная почта действительно заслуживает этого названия; на самом деле письмо шло ко мне дольше (29 июня – 7 июля, т. е. 8 дней), чем иногда идет по нормальной почте (7 дней), причем этот случай не единственный: мне привели здесь несколько таких примеров. Меня удивляет тоже, что турки и по их желанию Главнаука¹ так спешат, когда уже из академического ответа им было видно, что до окончания юбилейных праздников, т. е. до середины сентября, о моем отъезде в Турцию вообще не может быть речи; кроме того, мне несколько не хотелось бы вернуться в Петербург, после четырехмесячного отсутствия, только для участия в несколько не симпатичных для меня (как и для Вас, если не ошибаюсь) юбилейных празднествах, чтобы тотчас же снова уехать на еще более продолжительный срок. Как ни приятно было бы снова попасть в Константинополь и поработать там, но при таких условиях, пожалуй, придется отказаться от этого удовольствия.

Моя работа здесь, как Вам известно, принесла некоторые плоды, но в общем она тормозится кризисом, который переживает пригласившее меня учреждение – Средазкомстарис². Казалось, что за ним обеспечен этот титул и вытекающая из него компетенция; теперь снова решили, что такого учреждения для всей Средней Азии быть не может, так как нет соответствующих государственных учреждений для надзора за ним, поэтому Средазкомстарис должен войти в состав учреждений Узбекской республики и обратиться в Узбекомстарис³. Между тем ясно, что по состоянию наших научных сил, не только местных, но и центральных, для всей Средней Азии может быть только один комитет изучения памятников старины, как только один университет; в обоих учреждениях, как и следовало ожидать, несмотря на довольно частые столкновения между лицами, стоящими во главе их, работают одни и те же люди; без Шмидта, Семенова и Умнякова⁴ (несмотря на то, что способности этого последнего я отнюдь не склонен преувеличивать) Средазкомстарис не мог бы существовать. Мне пришлось, по желанию Нечкина⁵, беседовать по этому поводу с товарищем Зеленским, председателем Средазбюро РКП; сочувствия встретил мало. На днях (в субботу) еще придется беседовать с крупным деятелем из узбекских просветителей, Шакирджаном Рахими⁶; он производит очень симпатичное впечатление, но, говорят, тут больше хитрости и умения держать себя, чем искреннего сочувствия к просвещению. Таким умением держать себя вообще отличаются узбеки: Нечкина они совершенно очаровали, и он поехал к ним в Самарканд устраивать дела Средазкомстариса, отложив до своего возвращения все предполагавшиеся здесь предприятия; он должен был уже вернуться, но отсутствие его оказалось более продолжительным, чем он предполагал. Поэтому я сижу здесь без определенной работы для Средазкомстариса и до сих пор, со времени

¹ Главнаука – Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями в составе Академического центра Народного комиссариата просвещения (с 1921 г.).

Речь идет о длительной командировке В.В. Бартольда, которую руководство научной сферой стремилось не допустить. Так, Н.М. Акрамов цитирует следующее письмо «непременного секретаря АН» (не уточняя фамилии) Бартольду: «Дорогой Василий Владимирович..., насколько мне известно, вопрос идет о Вашем пребывании в Турции в течение 2–3 лет, но Академия наук признает совершенно невозможным Ваше столь долгое отсутствие из пределов СССР, так как Ваша работа слишком нужна Академии, и считала бы возможным согласиться на такую Вашу командировку, при Вашем согласии, лишь при условии ее продолжения не более, примерно, года, и то начиная со времени после юбилея Академии» (Акрамов 1963: 72). При этом указан следующий шифр СПбФ АРАН: Ф. 68. Оп. 1. Ед. хр. 432. Л. 121 (Акрамов 1963: 106, прим. 303).

² Среднеазиатский Комитет по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы.

³ Узбекский комитет по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы.

⁴ Умняков, Иван Иванович (1890–1976) – историк-востоковед, арабист, исламовед; с 1920 г. по рекомендации Бартольда – преподаватель Туркестанского Восточного института (Ташкент) и Восточного факультета Самаркандского университета.

⁵ Нечкин, Дмитрий Иванович (1885–?) – основатель архивной службы в советском Туркестане; см.: Исакова 2009: 8–14.

⁶ Рахими, Шакирджан (1893–1938) – узбекский просветитель, школьный педагог, редактор ряда периодических изданий и учебных пособий.

прибытия в Туркестан, безвыездно сижу в Ташкенте. Речь шла о моей поездке в Семиречье, но теперь для этого осталось слишком мало времени; хоть бы удалось попасть в Бухару и Самарканд.

Из совершающихся теперь (начатых до отъезда Нечкина) научных предприятий важнее всего, кажется, будет экспедиция Андреева, о которой я Вам писал в прошлом письме. Тогда я имел от него письмо из Уратюбе, вчера получил еще письмо из долины Зарафшана, ему удалось открыть в Фальгаре, в селении Курут (на карте Крут), такую же колонну, как раньше в Обурдане¹, но лучшей сохранности и еще более художественной работы. В орнаменте «есть и птичьи головы и в трех местах стилизованные человеческие лица небольших размеров». Местным жителям ничего не известно о происхождении колонны; по их словам, она появилась از غیب. О своих этнографических и лингвистических работах он не пишет, но, наверное, и тут будут интересные результаты, хотя научная их ценность, конечно, была бы еще больше, если бы в экспедиции, как рассчитывал Андреев, принял участие А.А. Фрейман².

Мог бы написать Вам еще о своих переживаниях, связанных с менее удачными работами местных деятелей, и о новом выступлении И.Н. Бороздина³, но не хочу отнимать у Вас слишком много времени, которого у Вас так мало.

Крепко жму Вашу руку, поклон Елене Григорьевне.

Ваш В. Бартольд.

Вам просили передать поклон Шмидт, Семенов и другие.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 49–50 об.

№ 58

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

26.XII.25

Дорогой Сергей Федорович.

Прилагаемые корректуры я получил 24-го к вечеру; к тому времени, когда снова откроется канцелярия, я буду уже далеко; поэтому у меня есть только один способ сдать их – бросить их в Ваш ящик; так мне и посоветовал Крачковский, извиняюсь за это и прошу распорядиться об отправлении одного конверта обычным путем по адресу и о передаче другого в издательство. Дальнейшие корректуры не откажется читать Игнатий Юлианович⁴.

Рад, что жена на некоторое время уходит из своей сырой квартиры. Весной она предполагает вернуться; не знаю, будет ли тогда больше надежды как-нибудь устроиться. Вы, вероятно, знаете, что В.А. Стеклов⁵ был у нас⁶, обещал сделать все возможное, жалел, что нет де-

¹ Обурдан (Аб-и Бурдан) – город в Таджикистане (Ходжентская область).

² Фрейман, Александр Арнольдович (1879–1968) – востоковед-иранист, член-корреспондент АН СССР (1928).

³ Бороздин, Илья Николаевич (1883–1959) – историк, археолог, секретарь Московского археологического общества; см. публикацию писем Бартольда Бороздину: Зайцев 2013: 58–64.

⁴ Имеется в виду И.Ю. Крачковский.

⁵ Стеклов, Владимир Андреевич (1863–1926) – математик, механик, действительный член ИАН (1912), вице-президент АН в 1919–1926 гг.

⁶ Личный визит вице-президента АН В.А. Стеклова к Бартольдам точно перекликается с той характеристикой методов управления, которую ему дал С.Ф. Ольденбург в посмертном слове: «Владимир Андреевич... говорил: “Ты приди сам и посмотри”, конечно, – прибавлял он, – если ты понимаешь что-нибудь в том, что должен осмотреть... Перегруженный работой, он всегда находил время помогать многим и советом, и всяческим другим содействием... “Помогать надо людям, если решишь помочь, не словами, а делами”. Так говорил и так поступал Владимир Андреевич всегда» (Ольденбург 1926: 4–5).

нег на переделку какой-нибудь квартиры и устройство новой кухни; потом деньги нашлись, но не для нас.

На прощание целую Вас, прошу передать мой поклон и пожелание скорейшего выздоровления Елене Григорьевне. Напишу из Турции¹, как только будет о чем писать.

Ваш В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 51–51 об.

№ 59

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

Почтовая карточка

Ленинград

Академия наук

Сергею Федоровичу Ольденбургу

Дорогой Сергей Федорович,

я не успел перед отъездом проститься с Вами, всего лучшего. Здесь вчера был в [...], где видел Гурко² (Бороздин уехал в Крым, вернется в пятницу), и в музее восточного искусства, где видел Денике³, видел и корректуры работ для издания «Культура Востока»⁴; есть не лишняя интереса статья о ступе в Термезе⁵. Если бы Вы захотели мне написать, можно писать хотя бы в университет, восточный факультет. Поклон Елене Григорьевне.

Ваш В. Бартольд.

20.IV.27.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 52.

№ 60

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

Дорогой Сергей Федорович,

так как Стрелков ни в какой степени не ориенталист, то его доклад, очевидно, более подходил бы для Академии материальной культуры, где больше интересуются Термезом, чем для коллегии. Мы могли бы созвать соединенное заседание нескольких разрядов и, если Стрелков привезет фотографии, приготовить для него диапозитивы и устроить доклад о фонарях.

Ваш В. Бартольд.

28.XI.27.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 53.

¹ Командировка в Турцию была предоставлена Бартольду с декабря 1925 по сентябрь 1926 г. (Акрамов 1963: 82).

² Гурко-Кряжин, Владимир Александрович (1887–1931) – этнограф, историк-тюрколог, кавказовед, иранист, дипломат; в 1922–1928 гг. – редактор журнала «Новый Восток».

³ Денике, Борис Петрович (1885–1941) – искусствовед, археолог, профессор МГУ (1925).

⁴ Вероятно, имеется в виду издание с другим названием – «Искусство Средней Азии».

⁵ Имеется в виду 12-метровая башня Зурмала – изначально буддийская ступа.

№ 61

С.Ф. Ольденбург – В.В. Бартольд

[после 1928 г.]

Дорогой Василий Владимирович,
Получил приглашение от Weller'a¹.
Преданный Вам Сергей Ольденбург.
6.IX.

СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 178. Л. 24.

№ 62

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

25.IV.29.

Дорогой Сергей Федорович,

У меня опять повышенная температура, и потому я вынужден просить провести сегодняшнее заседание комиссии без меня. По вопросу о выборах я остаюсь при прежнем мнении, что лучше было бы нам перейти к немецкой практике исполнения председательских и редакторских обязанностей по очереди; но я думаю, что и теперь мое мнение сочувствия не встретит. По вопросу командировки Генко я остаюсь при мнении, что коллегии без отзыва авторитетных специалистов (Генко, при всех его достоинствах, все же еще молодой ученый) нам таких командировок проводить не следует, подчинюсь решению большинства, каковым бы оно ни было, только прошу заявить о моем мнении.

Если будет избираться комиссия по вопросу о съезде, прошу в эту комиссию меня не избирать; мое отношение к съезду Вам известно. Конечно, активного сопротивления съезду с моей стороны не будет, и доклад, если он будет признан нужным, будет мною прочитан.

Поклон Елене Григорьевне.

Ваш В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 54–54 об.

№ 63

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

Б.Я. Владимирцов
Непременный секретарь
25.X.29²

Секретариат № 6472
23.X.29

Дорогой Сергей Федорович,

Возвращая при сем полученное мною письмо, я, надеюсь, не удивлю Вас, если выражу желание остаться в стороне от этого дела. Не признавая научного значения за книгой

¹ Имеется в виду Фридрих Веллер (Weller, Friedrich; 1889–1980) – немецкий индолог, религиовед-буддолог, профессор Лейпцигского университета (1928); основные труды – по истории центральноазиатского и дальневосточного буддизма; см.: Taube 1982: 237–253.

² Дата на штемпеле секретариата № 6472.

Григория Григорьевича¹, как вообще за историческими трудами, составленными без критического отношения к первоисточникам и без возможности пользования ими, я едва ли буду в состоянии дать одобрительный отзыв об атласе. За назначение из средств Академии большой суммы на срочное печатание такого атласа Вы, вероятно, и сами не будете стоять. Мне кажется, что проще всего было бы сказать автору, что Академия не располагает средствами для издания его труда в сколько-нибудь близком будущем и вынуждена мириться с фактом появления этого труда только в Харбине и только на монгольском языке.

Ваш В. Бартольд.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 33. Л. 55.

№ 64

С.Ф. Ольденбург – В.В. Бартольд

[1929²]
5 Rue Comeille
Hotel Comeille
IVe
Paris

Дорогой Василий Владимирович,

Спасибо за письмо. Разумеется, что с осени не могу читать курса – я не готов, хотя, по возможности, слежу за литературой. Меня не удовлетворяет то, что пишется, а большинство первоисточников даже не обработано предварительно. Древнейшие периоды одна тьма, потому что у нас нет уже легковерия наших предшественников, которые, по крайней мере, верили, что можно что-то знать. Мы же, в сущности, знаем только о своем невежестве (говорю не о себе лично, конечно, а о современном положении дела). Вижу и здесь, что чем больше человек знает, тем он более скептически подходит к делу. Раскопки в Mohenjo-Daro и Harappa³, к которым верно можно бы добавить очень много других, еще не сделанных, поставили ряд вопросов, на которые у нас абсолютно нет ответа.

Ясно одно, что человечество жило гораздо раньше друг с другом, чем мы это думали. Но как это было, где, когда, – этого мы еще не знаем. Поблагодарите от меня университет и скажите, что в этом году я еще не смогу читать, хотя и рассчитываю освободиться. Сижу целыми днями в библиотеке за праkritской рукописью, задача более скромная, чем история, но более реальная, хотя и трудная. Доклады прошли, как будто, хорошо. Они будут печататься здесь. Посылаю Платонову⁴ для Докладов статейку Пеллио о Термезе⁵. Здесь старшая пу-

¹ Имеется в виду Григорий Григорьевич Гульбин (1892–1941) – историк, этнограф-востоковед – арабист, тюрколог. Репрессирован по Большому академическому делу в 1930 и в 1941 г.

² Вероятно, письмо написано в ходе командировки 12 мая – 12 августа 1929 г. На 1929 г. указывает то, что А.Е. Ферсман занимал руководящий пост в АН СССР (вице-президент в 1927–1929 гг.), упоминается Е.П. Воронов – в 1929 г. заведующий Отделом научных учреждений Совнаркома СССР.

³ Мохенджо-даро и Хараппа – крупнейшие поселения Индской цивилизации, занимавшей обширную территорию вдоль долины Инда и в прилегающих регионах, систематическое археологическое исследование началось в 1921 г. в Хараппе и в 1922 г. в Мохенджо-даро, и его ранний этап связан в основном с именем директора Археологической службы Индии в 1902–1931 гг. Джона Маршалла (1876–1958).

⁴ Имеется в виду академик С.Ф. Платонов.

⁵ Имеется в виду следующая статья: Pelliot 1929: 297–298.

блика перегружена до невозможности. У Леви совершенно замученный вид. Как и следовало ожидать, Ваш английский Туркестан¹ многими основательно прочитан.

Очень огорчили вести Ваши о Кабинетах арабском² и иранском³. Напишу Ферсману⁴ и буду упорно настаивать. Какое глубокое непонимание того, что Азиатский музей должен быть библиотекой, а Кабинеты совершенно другое!

Елена Григорьевна и я шлем всем сердечный привет. Марров видели. Они сейчас в Бретани. Искренне Вас любящий Сергей Ольденбург.

Пишу Воронову о Вашей командировке⁵.

СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 178. Л. 23–23 об.

№ 65

В.В. Бартольд – С.Ф. Ольденбургу

30.IV.

Дорогой Сергей Федорович,

В ответ на Ваше письмо от 28-го, переданное мне сегодня, позвольте заметить, что в академическом отчете за 1927 год поездке научного сотрудника А.Н. Генко посвящено более 1½ страниц, причем в 1½ строках говорится и о поездке в Тифлис с целью обеспечения Азиатского музея регулярным поступлением местных изданий. Вся остальная часть отчета посвящена лингвистическим работам, не входящим, по моему мнению, в задачи Азиатского музея.

Искренне преданный

В. Бартольд.

Ю.М. вызвал Генко⁶.

Вторник

10 ч. утра

СПбФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

POSTFACTUM

¹ См.: Barthold 1928.

² Известные проекты по созданию центров арабских исследований относятся к концу 1920-х гг.: в 1928 г. И.Ю. Крачковский организовал Арабский семинарий, а 17 февраля 1929 г. И.Ю. Крачковскому были представлены проекты учреждения Кабинета арабской филологии и кружка арабистов имени В.Р. Розена (Кузнецова, Кулагина 1970: 62).

³ Иранский кабинет – научное учреждение при Отделении исторических и филологических наук РАН, проект открытия которого рассматривался в начале 1920-х гг. Предполагалось также открыть синологический кабинет, против чего возражал, в частности, В.М. Алексеев (Кузнецова, Кулагина 1970: 54, 61). Арабский и иранский кабинеты стали структурными единицами Института востоковедения АН СССР, созданного в 1930 г.

⁴ Ферсман, Александр Евгеньевич (1883–1945) – геохимик, академик РАН (1919), директор Минералогического музея РАН (1917), вице-президент РАН (1927–1929).

⁵ Приписка на полях л. 23.

Воронов, Ефим Павлович (1895–1957) – в 1929 г. – заведующий Отделом научных учреждений СНК СССР (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 107).

⁶ Приписано карандашом.

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПОСТОЯННОЙ ТУРКЕСТАНСКОЙ КОМИССИИ 8 ЯНВАРЯ 1921 г.

Коренной слом старой институциональной структуры русской науки после двух русских революций 1917 г. сопровождался постепенной ликвидацией старых и организацией новых научных учреждений, немалую роль в создании которых сыграли академики-востоковеды Российской академии наук.

Сразу после возвращения в Петроград из Второй Русской Туркестанской экспедиции (1914–1915) С.Ф. Ольденбург не оставлял надежды вернуться в Восточный Туркестан и продолжить незаконченные исследования, но его планам не суждено было сбыться из-за социально-политических потрясений, захлестнувших Россию. В тяжелейшие годы Гражданской войны, 19 октября 1918 г., Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении (РКСВА), который после смерти В.В. Радлова возглавил С.Ф. Ольденбург, принял решение о продолжении археолого-этнографической экспедиции в Китайский Туркестан и 21 октября того же года запросил Восточный отдел Наркомата по иностранным делам о выделении на эти цели средств¹, но инициатива РКСВА в условиях гражданской войны, иностранной военной интервенции и экономической разрухи не была поддержана. К 1921 г. РКСВА, размещавшийся в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамере) РАН, фактически прекратил существование², перенеся свою деятельность в Коллегию востоковедов и Российскую академию истории материальной культуры.

18 апреля 1919 г. на базе ликвидированной Российской государственной археологической комиссии (РГАК, бывшей Императорской Археологической комиссии, ИАК) решением Малого совета Совнаркома РСФСР была создана Российская академия истории материальной культуры (РАИМК). РАИМК стала головным археологическим учреждением страны. Оно состояло в ведении Народного комиссариата просвещения и работало в тесном контакте с Отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины, с целью исследования, учета и охраны памятников древности, искусства и старины по всей стране, организации планомерных археологических исследований (разведок и раскопок), теоретической разработки вопросов археологии и истории искусства, художественно-исторической оценки вновь открываемых памятников, издания научных трудов по археологии и истории искусств, сбора художественно-исторических

¹ СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 97. Л. 26, 79; Назирова 1992: 62–63.

² После переподчинения Наркомпросу с марта 1919 г. деятельность РКСВА едва теплилась. В условиях новой советской действительности комитет был окончательно ликвидирован в мае 1923 г.; см.: Назирова 1992: 31–32.

памятников, происходящих из России, для содействия распространению знаний по археологии и научным исследованиям в этой области и пр. Председателем РАИМК был избран академик Н.Я. Марр, в ее первый состав вошли С.Ф. Ольденбург, В.В. Бартольд и другие ученые – члены РАН и профессора Петроградского университета, бывшие члены РГАК, археологи, искусствоведы, музееведы, реставраторы, художники и др.¹

В РАИМК было создано три отделения – Этнологическое, Археологическое и Истории искусств, состоявшие из нескольких разрядов, названия и число которых с 1919 по 1923 г. постоянно менялись. В составе Археологического отделения действовали разряд археологии Древнего Востока во главе с Б.А. Тураевым², археологии Кавказа и яфетического мира, который возглавил Н.Я. Марр, археологии Ирана, Индии и Дальнего Востока под руководством С.Ф. Ольденбурга, археологии Средней Азии во главе с В.В. Бартольдом³. К январю 1926 г. Археологическое отделение, председателем которого был акад. В.В. Бартольд, включало разряд археологии Индии и Дальнего Востока (заведующий С.Ф. Ольденбург, ученый сотрудник В.М. Алексеев, научный сотрудник С.М. Дудин), разряд археологии Средней Азии (заведующий В.В. Бартольд, регистратор А.Ю. Якубовский⁴), разряд археологии и искусства мусульманского (заведующий Ф.А. Розенберг⁵, регистратор В.А. Эберман⁶)⁷. Разряд буддийской археологии, которым руководил С.Ф. Ольденбург, и разряд мусульманской археологии во главе с В.В. Бартольдом, упоминавшиеся в документах РАИМК в 1919–1920 гг., к этому времени были ликвидированы. В.В. Бартольд уже в 1919–1920 гг. планировал раскопки в Мерве, на городище Афрасиаб близ Самарканда и в окрестностях Хивы. Разведочная поездка академика состоялась в 1920 г. и обошлась РАИМК в астрономическую сумму в 250 тыс. руб. Так, в сентябре 1920 г. В.В. Бартольд вместе с А.Э. Шмидтом⁸, Е.К. Бетгером⁹, В.Л. Вяткиным совершил поездку в Бухару для осмотра памятников старины и принятия мер для их охраны.

¹ Фармаковский 1921; Пескарева 1980.

² Тураев, Борис Александрович (1868–1920) – востоковед-египтолог, специалист по агиографии; академик РАН (1918), действительный член РАИМК (1919–1920). Ординарный профессор историко-филологического факультета Петроградского университета (1911–1920), лектор Богословского института.

³ Алексин 2013: 101.

⁴ Якубовский, Александр Юрьевич (1886–1953) – археолог, историк-востоковед; член-корреспондент АН СССР (1943), выпускник историко-филологического (1913) и факультета восточных языков (1924) Петербургского / Петроградского университета, ученик В.В. Бартольда. С 1925 г. аспирант РАИМК. См.: Академическая археология 2013: 400.

⁵ Розенберг, Федор (Фридрих, Фридрих-Август-Герман) Александрович (1867–1934) – иранист; член-корреспондент АН СССР по Отделению исторических наук и филологии по разряду лингвистики (востоковедение, иранистика) (1923). Старший хранитель Азиатского музея РАН – Института востоковедения АН СССР (1912–1931), систематизировал и каталогизировал архивные и книжные фонды музея, опубликовал большое количество согдийских рукописей. Ученый сотрудник РАИМК (с 1919).

⁶ Эберман, Василий Александрович (1899–1937) – востоковед-арабист, выпускник факультета общественных наук Петроградского университета (1921), научный сотрудник РАИМК, Азиатского музея (1919–1930), Института литератур и языков Запада и Востока (1925), преподаватель ЛГУ (1924–1929). Репрессирован в 1937 г.

⁷ Наука 1926: 88.

⁸ Шмидт, Александр Эдуардович (1871–1939) – арабист, исламовед; член-корреспондент АН СССР (1926). С 1920 жил в Ташкенте, профессор Ташкентского восточного института. Профессор (с 1920), декан историко-филологического факультета (1920–1921), заместитель декана (1924–1925), декан (1925–1931) Востфака Среднеазиатского государственного университета. Заместитель председателя Ученого совета при Наркомпросе Туркестанской АССР. Член Научной комиссии по изучению быта коренного населения Туркестанского края при СНК Туркестанской АССР (1920–1921).

⁹ Бетгер, Евгений Карлович (1887–1956) – историк-востоковед, арабист, библиотековед, библиограф, переводчик. Выпускник историко-филологического факультета Университета Св. Владимира в Киеве (1914) и восточного факультета Среднеазиатского университета (1924), ученик А.Э. Шмидта. Член Комиссии по реорганизации Туркестанской публичной библиотеки (с 1918), директор Ташкентской государственной библиотеки (1922–1929).

Организационным результатом поездки В.В. Бартольда стало создание в ноябре 1920 г. Туркестанского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис), в состав которого с 1922 г. вошел представитель РАИМК А.А. Семенов¹.

С.Ф. Ольденбург как руководитель разряда буддийской археологии в 1920 г. также задумал провести разведки в Средней Азии для поиска буддийских древностей «в недрах земли Русского Туркестана». В обращениях к властям в связи с недостаточным финансированием РАИМК, поступавшим с постоянными перебоями и задержками, руководство академии неизменно подчеркивало, что необходима организация научной работы по соответствующим специальностям, независимо от территориальной или иной близости подлежащего изучению материала, имея в виду не только территорию РСФСР, но и сопредельные страны².

С начала 1921 г. вместе с В.В. Бартольдом С.Ф. Ольденбург принимал участие в работе Постоянной Туркестанской комиссии РАИМК, деятельность которой практически не привлекала внимание историков науки. Вот краткая информация из книги Б.В. Лунина: «В 1921 г. в Петрограде была образована Постоянная Туркестанская комиссия РАИМК в составе В.В. Бартольда, С.Ф. Ольденбурга, К.К. Романова³, Н.Б. Бакланова⁴, А.П. Удаленкова⁵, С.М. Дудина. С 10 апреля 1921 г. по 9 марта 1924 г. состоялся ряд заседаний этой комиссии. Рукописные подписные экземпляры протоколов хранятся в бартольдовском архиве»⁶. Б.В. Лунин, видимо, не знал, что самый первый протокол от 8 января 1921 г. сохранился среди бумаг личного фонда С.Ф. Ольденбурга, последующие протоколы находятся в личном фонде В.В. Бартольда в СПбФ АРАН.

Между тем протокол первого заседания Постоянной Туркестанской комиссии РАИМК интересен для реконструкции научной биографии С.Ф. Ольденбурга уже потому, что, как следует из данного документа, ученый и в начале 1921 г. не оставлял надежды снова отправиться в Восточный Туркестан и продолжить там работу, не завершённую им в 1915 г.

¹ Семенов, Александр Александрович (1873–1958) – филолог, историк, востоковед, специалист по иранской филологии, персидской духовной и материальной культуре, исмаилизму; член-корреспондент АН УзССР (1943), действительный член АН ТаджССР (1951). Выпускник Лазаревского института восточных языков (1900). Переведен в Ташкент из Ашхабада летом 1906 г. для работы в канцелярии Туркестанского генерал-губернатора Н.Н. Гродекова, с 1906 г. член Наблюдательного комитета за ведением дел Туркестанской публичной библиотеки и музея. Преподаватель (с 1919), профессор Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте. Научный сотрудник РАИМК. Действительный член Туркестанского отделения РГО, член Общества для изучения Таджикистана. См.: Наука 1928: 372; Васильков, Сорокина 2003: 345–346.

² Алексин 2013: 101–102, 103, 104.

³ Романов, Константин Константинович (1882–1942) – архитектор, реставратор, историк древнерусской архитектуры, этнограф, археолог, хранитель Этнографического отдела Русского музея императора Александра III (1911–1921). Профессор кафедры истории русского искусства в Высшем художественном училище Императорской академии художеств (1914–1918), профессор Петроградского университета – ЛГУ (1922–1928), член Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе при Всероссийском музейном отделе (с 1918), преобразованном в Реставрационные мастерские (1922). В РАИМК/ГАИМК: действительный член (1919), заведующий разрядом древнерусского зодчества (с 1919), товарищ председателя Комиссии по учету и охране палеоэтнологических памятников.

⁴ Бакланов, Николай Борисович (1881–1959) – художник, архитектор, профессор Института гражданских инженеров (1918), Института живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской академии художеств (1932), действительный член РАИМК (1919) и ученый секретарь Московской секции (1919), член Секции общей архитектуры РАИМК (на 1926). См.: Наука 1923: 7; Наука 1926: 89, 91; Пескарева 1980: 29; Академическая археология 2013: 330.

⁵ Удаленков, Александр Петрович (1887–1975) – архитектор, историк архитектуры, реставратор, специалист по восточному искусству. В РАИМК (1919–1929): действительный член (1919), председатель Комиссии по учету и охране палеоэтнологических памятников, заведующий Реставрационной мастерской и Секцией общей архитектуры (на 1926). Член Совета Общества «Старый Петербург – Новый Ленинград» (1921–1926). См.: Наука 1926: 89, 262; Пескарева 1980: 29; Академическая археология 2013: 391.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 444 (1921–1924 гг.); Лунин 1981: 138–139, прим. 1.

В этом контексте представляют значительный интерес и фрагменты протоколов заседаний ПТК от 12 июня и 27 ноября 1921 г. Судя по первому протоколу, С.Ф. Ольденбург продолжал внимательно следить за работой своих коллег по исследованию Восточного Туркестана:

«С.Ф. Ольденбург доложил, что он имеет в виду в связи с выходом в свет книги А. Грюнведеля “Alt-Kutchu”¹ сделать доклад в Российской академии материальной культуры. Для доклада С.М. Дудиным в настоящее время подготавливается согласно указаниям С.Ф. иллюстративный материал, в основу которого положены коллекции экспедиции М.М. Березовского и С.Ф. Ольденбурга»².

Оценка работы Грюнведеля, к которому Ольденбург относился с большим уважением, остается неизвестной. Гораздо определеннее было мнение Ольденбурга о работе П. Пеллио, высказанное на заседании ПТК 21 ноября 1921 г.:

«С.Ф. Ольденбург сообщил, что недавно вышли работы Пелио³, относящиеся к стенописям и т. п. Чанфудуна. Вышло пока только четыре выпуска, заключающих в себе фотографические снимки стенописей и т. п. (исполненные фототипией) без текста, если не считать небольшого – около двух страниц – объявления.

В нем г. Пелио все стенописи Чанфудуна относит ко времени между V и XI вв., с чем С.Ф.О. совершенно не согласен, так как среди упомянутых стенописей, несомненно, находятся работы, исполненные позже Сунской династии, например, при Минской династии, и целый ряд других, писанных значительно позже. Фототипии, помещенные в издании Пелио, нельзя считать безукоризненными, так как они не то что плохи технически, но исполнены и выбраны неумело, воспроизведены они мало удовлетворительно и, во всяком случае, хуже, чем те воспроизведения, которые помещены С.Ф. Ольденбургом в небольшой работе, имеющей называться в Известиях Института истории искусств; многие из них как бы смазаны и т. п. Когда появится текст, из объявления не видно»⁴.

Толчком к созданию Туркестанской комиссии, безусловно, послужила успешная командировка В.В. Бартольда 1920 г. Он доложил Туркестанской комиссии, что организация археологической экспедиции возможна только при условии открытия сообщения Петрограда с Туркестаном⁵. В результате уже в июне 1921 г. экспедиция РАИМК, возглавляемая А.П. Удаленковым, на средства академии провела обмеры в медресе Улугбека и мавзолее Шах-изинда в Самарканде «с производством чертежей, планов и рисунков», причем собственно археологические раскопки планом работ не были предусмотрены. Именно в Туркестанской комиссии сосредоточилась работа разряда археологии Средней Азии и разряда мусульманской археологии РАИМК. Главной задачей комиссии стала организация экспедиции в Туркестан совместно с Главным управлением музеев для изучения памятников мусульманской архитектуры в Самарканде и Бухаре⁶.

Тексты протоколов Туркестанской комиссии написаны ее секретарем С.М. Дудиным черными чернилами.

¹ См.: Grünwedel 1920.

² СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 444. Л. 5.

³ См.: Pelliot 1920–1924.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 444. Л. 10–10 об.

⁵ Алексин 2013: 104.

⁶ Алексин 2013: 104, примеч. 12.

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПОСТОЯННОЙ ТУРКЕСТАНСКОЙ КОМИССИИ 8 ЯНВАРЯ 1921 г.

Присутствовали: В.В. Бартольд, С.Ф. Ольденбург, Н.Б. Бакланов, С.М. Дудин.

Не присутствовал К.К. Романов.

<1.> По открытии заседания С.Ф. Ольденбург предложил заняться сконструированием комиссии, для чего избрать председателя и секретаря, причем от имени присутствующих предложил избрать председателем В.В. Бартольда, а работу секретаря <должен был вести> С.М. Дудин.

Принято единогласно.

В.В. вступил в исполнение своих обязанностей председателя комиссии.

<2.> С.Ф. Ольденбург ввиду необходимости пополнения состава комиссии, который будет нарушаться отъездами Н.Б. Бакланова, <предложил> дополнить ее приглашением архитектора Удаленкова.

Предложение принято.

<3.> Председатель В.В. Бартольд наметил ближайшую очередную работу, которую должна взять на себя комиссия для упорядочения работ по охране, изучению и реставрации исторических памятников Туркестана, предпринятых местным отделом. Такой работой покамест должно быть – ознакомление отдела с теми материалами по регистрации, описанию и обмерам, которые были в свое время исполнены для упомянутых памятников, главным образом г. Самарканда, и хранятся в различных ученых учреждениях г. Петрограда. Для этого необходимо немедленно приступить к регистрации упомянутых материалов, так как иной прием – в виде копий разного рода – за отсутствием необходимых принадлежностей и дороговизны работы сейчас совершенно почти невозможен. Регистрацию необходимо поручить какому-нибудь сведущему лицу.

Предложение принято.

4. С.Ф. Ольденбург предложил в качестве регистратора пригласить мусульманиста Эбермана.

Предложение принято.

5. Н.Б. Баклановым поставлен на обсуждение вопрос о снаряжении экспедиции в Самарканд для обследования местных исторических памятников и других ввиду того, что отделом также организуется экспедиция, которая имеет <цель> преследовать те же задачи. Отстаивая необходимость экспедиции, Н.Б. Бакланов объяснил, что местные работники не скрывают того, что среди них ощущается недостаток архитекторов, и они охотно станут работать в контакте с работниками из центра. Присутствие последних может оказать самое серьезное влияние на характер работы местных сил, удерживая их в пределах разумной, определяемой обстоятельствами данного времени реставрации и направляя определенным образом и все остальные работы. Отрицая безусловно перекладку и другие ответственные работы, Н.Б. Бакланов допускает только временное (рассчитанное на 5–6 лет) укрепление частей зданий,

грозящих падением, временные легкие перекрытия и т. п. Отделом, по сообщению Н.Б., все подлежащие обследованию памятники Туркестана разбиты на четыре группы по степени их важности для скорейшей обработки, а именно:

1-я группа: Биби-ханым¹, Мирза Улуг-бек², Гур-эмир³, Тилля-кори⁴, Шир-дор⁵ и Шах-зинде.

2-я группа: Хаджи-ахрор⁶, Намазга⁷, Ишрот-хана⁸, Хаджи-абду-дару⁹ и Чупан-ата¹⁰, обсерватория Мирзы Улуг-бека¹¹, Ак-сарай¹² и усыпальница Шейбанидов¹³.

3-я группа: памятники Бухарского ханства¹⁴ и

4-я группа: памятники Старого Мерва¹⁵ и Анау¹⁶.

Прежде чем решать, за что должно приняться экспедиции, нужно войти в сношения с отделом и установить план работ по соглашению с ним. Отдел от экспедиции получит, разумеется, все копии, а оригиналы будут представлены в распоряжение Российской академии истории материальной культуры. На замечание В.В. Бартольда, что копии сейчас очень нелегко сделать, Н.Б. отвечает, что их можно заменить временно фотографическими снимками, что и сейчас больших затруднений не составит. За посылку экспедиции говорит еще то обстоятельство, что она сможет прекратить ту слегка грабительскую тенденцию, которая имела место для всех почти местных экспедиций (выемка изразцов, случайные раскопки с целью находок и т. п.), что также будет весьма существенно в смысле охраны памятников.

По обмену мнений постановлено: экспедицию отправить. Что же касается характера ее работ, то в первую очередь необходимо закончить все начатые, но не законченные в свое время

¹ Мечеть Тамерлана Биби-ханым (узб. «старшая принцесса»), построена в 1399–1404 гг. в Самарканде, выдающийся памятник архитектуры.

² Имеется в виду медресе выдающегося ученого-астронома, математика, политического деятеля, поэта Улуг-бека (1394–1449) в Самарканде (постр. ок. 1420 г.).

³ Гур-Эмир (перс. «Гробница эмира») – усыпальница Тамерлана (Амира Тимура) в Самарканде (постр. в 1404 г.).

⁴ Тилля-кори (узб. «позолоченное» (медресе)) – выдающийся памятник среднеазиатской архитектуры, построенный в Самарканде к 1660 г.

⁵ Шердор (перс. «(медресе) со львами») – выдающийся памятник среднеазиатской архитектуры (постр. в Самарканде в 1636 г.); вместе с Тилля-кори и медресе Улугбека образует единый архитектурный ансамбль.

⁶ Хаджи-ахрор – ансамбль из зданий культового и духовно-просветительского назначения к югу от Самарканда; сложился в XV–XX вв. Ансамбль назван по имени Насыр-ад-дин Убайдуллаха ибн Махмуд Шаши, известного как Ходжа Ахрор (1404–1489), – крупного политического и религиозного деятеля Мавераннахра.

⁷ Намазга-тепе – важнейший памятник энеолита Средней Азии (V–II тыс. до н. э.); расположен в 80 км от Ашхабада.

⁸ Ишрот-хана (Ашрат-хана) – некрополь, предположительно предназначенный для представительниц тимуридов; возведен в Самарканде в 1451–1469 гг.

⁹ Абди-Дарун (Абду-Дарун) – комплекс зданий мемориального и духовно-просветительского назначения на Старом кладбище Самарканда, возведенных в XII–XX вв. у могилы известного исламского правоведа IX в. Абд-аль-Мазеддина.

¹⁰ Чупан-ата – возвышенность к северо-востоку от Самарканда с мазаром XV в., место постройки обсерватории Улуг-бека в 1424–1428 гг.

¹¹ Имеется в виду обсерватория Мирзы Улуг-бека, возведена в 1428 г. в Самарканде.

¹² Ак-сарай (узб. «Белый дворец») – резиденция Тимура в Шахрисабзе; построена в 1404 г.

¹³ Шейбаниды – узбекская династия правителей в Бухарском ханстве с центром в Самарканде и Бухаре (XVI в.); имеется в виду медресе Шейбани-хана (1451–1510) – основателя династии, расположенное в Самарканде.

¹⁴ Вероятно, имеются в виду многочисленные памятники Бухары, из которых выделяются постройки домонгольского периода – мавзолей саманидов и молитвенная площадка Намазгох (IX в.), минарет Калян (1127 г.), а также мечеть Магоки-Аттари (XII–XVI в.).

¹⁵ Старый Мерв – древнейшее городское поселение Средней Азии в 30 км от совр. г. Мары (Туркменистан); история Старого Мерва прослеживается вплоть до конца III тыс. до н. э.

¹⁶ Пригород современного Ашхабада (Туркменистан), богатый памятниками древности начиная с V тыс. до н. э.

работы по обмерам, а затем только приступить к обмерам остальных памятников, принимая в соображение степень их разрушения и художественную и историческую ценность.

6. По вопросу о необходимости иметь в отделе представителя от Академии материальной культуры постановлено по обмену мнениями: представительство возложить на профессора Семенова (научный сотрудник Академии материальной культуры), о чем его и уведомить.

7. По вопросу о раскопках по обмену мнений постановлено: от раскопок городища Афрасиаб воздержаться. Что касается чисто архитектурных раскопок в целях уяснения плана зданий и тому подобных, то таковые производить, соблюдая при этом все предосторожности в целях ненарушения целостности зданий.

8. Н.Б. Бакланов доводит до сведения комиссии, что отдел, предприняв ряд работ по реставрации памятников в Самарканде, не считает, по-видимому, необходимым испрашивать на этот счет указаний и санкции Академии материальной культуры.

По обмену мнений постановлено:

Настаивать на применении Устава.

Обе экспедиции – отдела и Академии материальной культуры – организовать под фирмой Академии истории материальной культуры и отдела.

9. По вопросу о дальнейших работах по организации экспедиции, определения деталей плана работ и т. п.

Постановлено: поручить это Н.Б. Бакланову.

10. Н.Б. Бакланов просит о содействии комиссии по выявлению материалов по обмерам и т. п. мечети Биби-ханым, медресе Мирза Улуг-бек, мавзолея Гур-эмир и мавзолея Шах-зинда.

Постановлено: оказать просимое содействие.

11. С.Ф. Ольденбург вносит предложение выяснить ту территорию, которая должна войти в компетенцию комиссии. По его мнению, она должна быть расширена, в ее границы должен, например, войти Китайский Туркестан. Подробные указания по этому <вопросу> С.Ф. отлагает до следующего заседания комиссии.

Постановлено: принять к сведению.

Председатель¹

Секретарь С. Дудин.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 192. Д. 80–82. Автограф С.М. Дудина.

¹ Подпись отсутствует.

И.А. ОРБЕЛИ АКАДЕМИК ОЛЬДЕНБУРГ – УЧАСТНИК В МУЗЕЙНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Имя Сергея Федоровича Ольденбурга неразрывно связано со всей историей отечественной науки первой трети XX в. Выдающийся ученый-востоковед, он принимал участие в становлении отечественной школы краеведения, развитии российской фольклористики, был не только непременным секретарем, но и чутким летописцем Академии наук (далее – АН). Многообразие научных интересов ученого отмечали уже его современники, пытавшиеся охарактеризовать основные направления его деятельности в выступлениях по случаю 50-летия «научно-общественной деятельности» С.Ф. Ольденбурга на специальном заседании АН 1 февраля 1933 г.¹, а также в траурном заседании Общего собрания АН 25 апреля 1934 г., посвященном памяти ученого².

Апрельская сессия 1934 г. занимает особое место в истории АН. Это была последняя сессия, прошедшая в Ленинграде. Декабрьская сессия 1934 г. состоялась уже после переезда АН в Москву. Проходила последняя ленинградская сессия с 25 по 28 апреля 1934 г., на ней «были рассмотрены и утверждены основные положения по планированию научно-исследовательской работы учреждений АН на 1935 год»³, но открылась она 25 апреля именно с траурного заседания, посвященного памяти С.Ф. Ольденбурга, скончавшегося 28 февраля 1934 г. Новый непременный секретарь АН академик В.П. Волгин, характеризуя в своем вступительном слове научный облик покойного коллеги, подчеркнул, что «всякая живая тема в области изучения Востока всегда вызывала к себе его научное внимание, всегда вызывала в нем живой отклик», при этом «круг его научных интересов был, несомненно, значительно шире, чем то, что могло найти и нашло отражение в печатной продукции». Характеризуя роль С.Ф. Ольденбурга в истории АН, он отметил: «Трудно найти среди членов Академии за последние годы человека, который столь разнообразно был связан со всеми направлениями жизни Академии»⁴. На заседании был заслушан ряд докладов, в которых характеризовались основные направления деятельности покойного

ученого: академик Ф.И. Щербатской выступил с докладом «Академик С.Ф. Ольденбург как индианист»; академик И.Ю. Крачковский – «Работы академика С.Ф. Ольденбурга по истории востоковедения»; академик В.М. Алексеев – «Академик С.Ф. Ольденбург как организатор и руководитель востоковедов»; академик А.Н. Самойлович – «Академик С.Ф. Ольденбург как директор Института востоковедения»; наконец, член-корреспондент АН СССР И.А. Орбели сделал доклад на тему «Академик С.Ф. Ольденбург – участник в музейном строительстве»¹.

Если роль и значение ученого для развития востоковедения в целом и индологии в частности получили в литературе определенное отражение и анализировались исследователями, то его участие в музейном строительстве, активно развернувшимся в советском государстве в первое десятилетие после Октябрьской революции, почти не привлекало внимания ученых. За исключением отдельных упоминаний в обобщающих трудах, единственной попыткой охарактеризовать музейную деятельность ученого следует считать небольшую статью многолетнего историографа Кунсткамеры и отечественной этнографии Т.В. Станюкович «Деятельность С.Ф. Ольденбурга в области музееведения и этнографии», опубликованную в сборнике, приуроченном к столетию ученого². В ней, однако, автор ограничивается кратким упоминанием о той роли, которую С.Ф. Ольденбург сыграл в пополнении коллекций и описании фондов петербургского Музея антропологии и этнографии, концентрируя основное внимание на его участии в краеведческом движении и организации этнографической науки. Вместе с тем сохранившиеся архивные материалы, практически не введенные в научный оборот, а также остающиеся не изученными опубликованные работы ученого по данной теме позволяют охарактеризовать и эту страницу многогранной деятельности С.Ф. Ольденбурга, во многом связанную с дальнейшей разработкой материалов, полученных в ходе Русско-Туркестанских экспедиций. Ученый, по словам Н.Я. Марра, «не покладая рук работавший и в пооктябрьских опытах революционного музейного строительства»³, был весьма заметной фигурой на первом этапе развития советского музейного дела 1920-х гг.

Музейная деятельность С.Ф. Ольденбурга, начавшаяся еще в дореволюционный период в связи с его работой над материалами Музея антропологии и этнографии и сотрудничеством в комиссии по устройству Этнографического отдела Русского музея императора Александра III⁴, на самом деле планомерной и последовательной стала уже в годы советской власти. Это было связано с общими усилиями ученого в области нового культурного строительства и общим курсом, взятым государством на новую организацию музейного сектора.

Когда в феврале 1919 г. в Петрограде состоялась Первая всероссийская конференция по делам музеев, председателем ее первого заседания, открывшегося докладом наркома просвещения А.В. Луначарского, был избран именно С.Ф. Ольденбург⁵. Он же совместно с академиком Н.Я. Марром сделал на ней доклад, посвященный созданию Музея восточной культуры⁶, и активно участвовал в обсуждении ряда других вопросов, связанных с общими принципами нового музейного строительства. Во многом девизом его последующей работы в этом направлении стали сказанные тогда в ходе обсуждения одного из докладов слова: «Следует выдвинуть известные теоретические построения и помнить, что мы желаем строить, а не чинить». Самым активным образом к этому строительству С.Ф. Ольденбург и приступил (точнее – попытался приступить) вскоре после завершения конференции.

¹ Часть материалов была издана тиражом 500 экземпляров под редакцией академика И.Ю. Крачковского (Крачковский 1934b). В сборник вошли следующие статьи: *Н.Я. Марр*. Академик С.Ф. Ольденбург и проблема культурного наследия (с. 5–14); *Ф.И. Щербатской*. С.Ф. Ольденбург как индианист (с. 15–24); *Марк Азадовский*. С.Ф. Ольденбург и русская фольклористика (с. 25–36); *П.Е. Скачков*. Материалы для библиографии трудов С.Ф. Ольденбурга (с. 37–49). Часть материалов осталась неопубликованной, напр., доклад И.А. Орбели «С.Ф. Ольденбург как искусствовед»; см.: СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 1. Д. 330 и ниже.

² СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 1. Д. 330. Л. 59–78.

³ Отчет ... 1935: 21.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 1. Д. 330. Л. 60–61.

¹ Отчет ... 1935: 21–22.

² См.: Станюкович 1986.

³ Марр 1934: 8.

⁴ См.: Станюкович 1978: 158–159; Станюкович 1986: 84–86; Турьинская 2008: 173 и др.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 228. Л. 4.

⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 228. Л. 40.

Уже в 1920 г., когда формировалась новая, советская система управления музейным делом, академик С.Ф. Ольденбург принял в обсуждении этих планов непосредственное участие. В архивных материалах конференции АН сохранилась его записка (автограф) о задачах музеев и создании Главмузея¹. В ней он формулировал свое понимание целей и задач современных музеев и предлагал новую систему их организации. Автор записки отмечал, что «взгляды на музеи как на собрания редкостей, кунсткамеры или как на собрания школьных наглядных пособий отошли в вечность. Мы теперь ясно сознаем, что музеи – ученые учреждения, которые при правильной постановке имеют громадное научное и вместе с тем и широко образовательное значение. В музее выявляется научный подход к исследованию явлений через вещь»². Таким образом, здесь ученый подчеркивал двойное значение музеев: как научных и просветительских учреждений, и это понимание специфики музейного института соответствовало наиболее передовым взглядам отечественного музееведения начала XX в. Далее он писал, что «общность задач создает и общий подход во всех музеях, как естественно-исторических, так и гуманитарных, включая сюда и художественные [...] В руках опытного специалиста этот громадный научно обработанный и научно подбираемый материал играет ту же могучую роль, какую в руках других исследователей играют таблицы цифровых данных в разных областях [...] Только этим путем массового собирания [...] мы выйдем на путь обоснованных, широких обобщений. Эта роль музея уже осознана»³. Понимание концептуального единства музейного института, вне зависимости от профильного содержания его фондов, в первой половине XX в. лишь начинало утверждаться в науке, где более частой была ситуация, при которой, по словам выдающегося отечественного философа и культуролога М.С. Кагана, рассуждения о художественных и нехудожественных музеях «не перекрещиваются, как два самолета, идущие разными курсами»⁴. Конкретным проявлением такого разделения было отсутствие единого руководящего всеми музеями органа и их подчиненность различным ведомствам, во многом (хотя и не полностью) определявшаяся именно профильными различиями музейных фондов. К этой проблеме С.Ф. Ольденбург и переходит. Он отмечает: «Ненормальное положение музеев по отношению к центральной административной власти ощущалось уже давно: при старом (правительстве. – В.А.) ведомственные случайности разбросали музеи по разным ведомствам [...] при Временном правительстве была сделана первая попытка создать центральную организацию, но неопределенность этого начинания не вылилась в конкретные формы»⁵. Даже при советском правительстве, хотя и был создан Музейный отдел, «часть музеев осталась в ведении научного отдела, и кроме того, разные специальные музеи остались в руках ведомств». Необходимо было создание центральной музейной организации. Для этого можно было бы предложить два пути: первый заключался в переходе музеев в ведение научного отдела, второй предполагал создание особого музейного сектора Наркомпроса. Рассматривая эту альтернативу, ученый признает, что первый вариант не может считаться удачным, так как функции музея шире собственно научных⁶.

Музейное дело имеет три «хотя и связанные друг с другом, но весьма различные стороны». Под первой понимаются «учет и охрана памятников в стране, которые служат или могут служить материалом для музеев или которые по тем или другим научным

¹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 1. Л. 24а–24е об.

² СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 1. Л. 24а.

³ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 1. Л. 24а–24а об.

⁴ Каган 1994.

⁵ Об этом см.: Жуков 1989: 39–55.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 1. Л. 24б.

или общеобразовательным соображениям могут стать сами музеями». Причем показательно, что кроме коллекционных музеев С.Ф. Ольденбург говорит здесь и о «музеях-городах» (таких как Новгород, Псков или Помпеи), и о зоопарках и заповедниках (Аскания-Нова, Йеллоустонский парк), приближаясь к современному пониманию типологии музеев, помимо коллекционных, включающей в себя также музеи ансамблевые и средовые. Подводя итог этой части своих размышлений, он замечает: «Вся эта учетно-охранная деятельность тесно связана с музеями и музейным делом и не может быть от него отделена». Вторая сторона – это «собираение материалов и их научная выставка как в общемузейные выставки, так и в научных кладовых-музеев. С этим связана каталогизация, инвентаризация, научное описание, техническая охрана и реставрация, в естественно-исторических музеях особая техническая обработка [...] материалов». Наконец, третья сторона подразумевает «культурно-просветительное использование музеев в связи с задачами школьного и внешкольного образования». При этом ученый выделяет и особый, технический аспект музейной работы. Важно отметить, считает он, что «музейная техника – нечто особое от работы ученых учреждений, и она должна в общем идти и развиваться своими самостоятельными путями, как и всякая техника [...] именно музейная техника слишком была слабо развита в европейских музеях вообще и русских в частности, вследствие недостаточной самостоятельности музеев. В этом отношении американские музеи далеко опередили европейские». Первые два из выделенных направлений музейной работы могут сблизить музеи с Научным отделом, а вот третья, естественно, приближает их к Отделу внешкольного образования. Поэтому и необходим самостоятельный центр управления музеями – Музейный сектор Наркомпроса, во главе которого стояли бы заведующий и музейная коллегия специалистов и заведующих подотделами. Для гуманитарных музеев консультационным органом могла бы стать петроградская Академия истории материальной культуры¹.

Кроме того, необходимым, по мнению ученого, было «создать и всероссийскую центральную организацию по музейному делу, задачей которой станет: помочь центральным музеям перестроиться по общему, тщательно проработанному плану и зажить полною, нормальной, творческой жизнью, выработать план музеев частных – по отдельным вопросам и разработать и осуществить вместе с деятелями местными сеть краевых, областных и т. п. называемых местных музеев». Во главе этой организации должен стоять председатель, с двумя заместителями – в Москве и Петрограде. При нем функционировала бы всероссийская коллегия, собирающаяся периодически в Москве и Петрограде, с центральным управлением в Москве и с двумя отделениями: московским и петроградским. Коллегия должна была включать четыре отдела: 1) учета и хранения, 2) музейный, 3) археологический и реставрационный, 4) охраны памятников природы, делящиеся на секции. «Подсобным органом» стали бы музейные конференции, собираемые ежегодно². Проект, предложенный С.Ф. Ольденбургом и, очевидно, обсуждавшийся с академическим сообществом (показательно, что материалы эти отложились не в его личном архивном фонде, а среди материалов конференции АН), должен был осуществить давнюю мечту музейных работников России о создании единого координирующего и направляющего деятельность всех музеев центрального органа, необходимость которого обсуждалась еще на Предварительном музейном съезде 1912 г.³ и впоследствии, весной – летом 1917 г., привела к разработке проекта создания особого министерства искусств⁴. Благодаря его созданию разнородная и уже достаточно обширная совокупность российских

¹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 1. Л. 24б об.–24в.

² СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 1. Л. 24г–24г об.

³ Разгон 1991: 16.

⁴ Ананьев 2016.

музеев могла бы превратиться в единую и упорядоченную музейную сеть, что, безусловно, вывело бы на новый уровень и саму музейную работу. Однако ситуация сложилась иначе. Хотя при Наркомпросе и был создан Отдел по делам музеев и охране памятников искусств и старины, он не сумел сконцентрировать в своих руках всю систему управления музейным сектором. Разобщенность в этом вопросе продолжала сохраняться¹. Более того, вскоре и сама целостность музейных коллекций стала вызывать определенные опасения.

Первый же музейный форум, состоявшийся в России после Октябрьской революции, выявил радикально новые тенденции, которые с установлением новой власти стали давать знать о себе и в музейном секторе. Новыми органами власти стали активно обсуждаться планы реорганизации старых и создания на их базе новых, центральных музеев. Возникла идея образования Национального музейного фонда, сформулированная в так называемой «Московской декларации», подготовленной для Первой всероссийской конференции по делам музеев, прошедшей в Петрограде в феврале 1919 г. Декларация была подготовлена Московской коллегией Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины и предполагала, что «все коллекции ныне существующих русских музеев должны быть рассматриваемы также как составная часть Национального музейного фонда. Распределение коллекций фонда должно происходить как в целях создания новых музеев, так и в целях пополнения уже существующих»². Участниками конференции декларация была отвергнута, однако она явно обозначила позицию новой власти по вопросу о неотчуждаемости и сохранении единства музейных коллекций³. Ширившаяся национализация культурных ценностей и ее возможная связь с тяжелым финансовым положением нового правительства не могли не беспокоить представителей интеллигенции. Вероятно, не в последнюю очередь со всем этим связано и следующее публичное обращение С.Ф. Ольденбурга к музейной проблематике. Им стала публикация в журнале «Наука и ее работники» небольшой статьи «Государственные музеи и их культурно-просветительное значение»⁴.

Статья представляет значительный интерес, так как, несмотря на всю ее краткость, в ней нашли отражение представления ученого о таких явлениях, как история музейного дела, специфика музейного феномена и положение отечественных музеев в условиях актуальной культурной политики. Нельзя не признать верным уже сделанное в начале статьи замечание о том, что «с Петра Великого и его Кунсткамеры начинается у нас музейное дело, если не считать много старшей Оружейной палаты»⁵. Здесь С.Ф. Ольденбург одним из первых в определении хронологии истории музейного дела в России обращает внимание на существование протомузейных форм, предшествовавших появлению собственно музеев, и выделяет самую значительную из них – Оружейную палату⁶. Проницательно характеризуется им и различие в прагматике между традиционным коллекционированием и собирательской деятельностью музеев, он пишет: «Прежний прием собирания наиболее примечательных вещей заменяется принципом систематических коллекций и серий и принципом выяснения хода эволюции самых разных сторон жизни и творчества»⁷. Такое понимание необходимой систематичности музейного собрания, безусловно, было связано как с опытом музейной работы С.Ф. Ольденбурга над этнографическими коллекциями, так и с его профессиональными интересами

¹ См.: Годунова 1989.

² Сундиева 2007: 74–79.

³ См. также: Ананьев 2011.

⁴ См.: Ольденбург 1921а: 10–12.

⁵ Ольденбург 1921а: 10.

⁶ Об этом см.: Сундиева 2005.

⁷ Ольденбург 1921а: 10.

востоковеда. Вообще именно этот аспект музейного собрания подчеркивался ученым особенно настойчиво и фигурировал уже в цитированной выше записке «О Главмузее». Там он писал, что чрезвычайно важна для современного музея «выборка из этого громадного материала того, что типично, характерно: музей не задается целью воспроизвести уголки природы или жизни людей, ибо это дело фотографии и фотографических, а не творческих приемов. Музей в своей выставке поступает как художник, творящий портрет или портретную статую: музей синтезирует и кроме того музей дает картину эволюции»¹. Текущая ситуация в культурной политике вызывала у ученого опасения относительно возможности для музеев и в дальнейшем осуществлять эту функцию.

Он отмечал, что «именно здесь (в Москве и Петрограде. – В.А.) и должны сосредоточиваться главные государственные музеи и что было бы непрослительным легкомыслием, если бы предметы этих музеев распылились по провинции, ибо [...] музейные предметы в одиночку, вне систематических коллекций и серий, представляют весьма ограниченный интерес, как научный, так и художественный». В этой емкой характеристике как нельзя лучше отразилось господствовавшее тогда в науке представление о важности систематического подхода к процессу формирования музейных коллекций. Причем важно отметить и то, что систематичность эта воспринимается С.Ф. Ольденбургом как неотъемлемое условие и для художественных, и для нехудожественных музеев. Он пишет: «Когда мы хотим дать ясное представление о каком-нибудь явлении, то мы должны представить его возможно многостороннее, когда мы хотим дать ясное представление о работе художника, мы должны постараться дать различные образцы его творчества из разных его периодов». Это верно и для художественных, и для этнографических, и для естественно-научных музеев.

При этом распределение старых коллекций между различными музеями было отнюдь не единственной угрозой, существовавшей для культурных ценностей в этот период. Еще более опасной была та тенденция, которая начнет реализовываться уже через несколько лет и в итоге приведет к продаже определенной части художественных ценностей за рубеж. С.Ф. Ольденбург прямо отмечал, что «сплошь и рядом приходится теперь слышать и читать фантастические, дикарские рассуждения о том, что можно свободно распродавать культурные ценности, сохранив какие-то лучшие образцы, точно речь идет о племенном скоте»². Он отвергает саму идею возможности подобного подхода. Возражения ученого носят как чисто прагматический, так и нравственный характер. С одной стороны, он подчеркивал тот урон, который подобные меры нанесут просвещению народных масс: «Вряд ли русского рабочего утешит мысль, что Рембрандты Эрмитажа будут проданы в Америку, Австралию, Африку или даже ближе – в Берлин, Париж или Лондон, ибо он отлично понимает, что при самом счастливом стечении обстоятельств, несмотря на всю современную быстроту сообщений, вряд ли один из ста попадет во все эти страны и города; да и кроме того, он отлично понимает, что как ни хороша память человека, мудрено сравнить через несколько недель одну картину с другой, виденной раньше, даже лучшая зрительная память тут не поможет»³. С другой – прибегал к аргументам, которые вызвали к чувству национальной гордости и едва ли могли быть востребованы в период активного насаждения исторического нигилизма и упрочивающегося в исторической науке господства школы М.Н. Покровского. Пытаясь отвести экономическую мотивацию продажи культурных ценностей, он писал: «Разве так восстанавливают разрушенное хозяйство? Его восстанавливают тем, что работают и работою создают

¹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 1. Л. 24а об.

² Ольденбург 1921а: 11.

³ Ольденбург 1921а: 12.

экономические ценности, а не тем, что распродают накопленное веками и предыдущими поколениями культурное богатство [...] Не для того создала среди великой разрухи новая Россия свою музейную организацию, чтобы отправить на международный рынок свои музеи, она создала ее для того, чтобы весь народ учился и наслаждался и рос духовно». Уже очень скоро слова С.Ф. Ольденбурга о том, что «государство своих музеев распродавать не собирается, ибо оно отлично понимает, что это было бы свидетельством культурного убожества», окажутся как нельзя более актуальными, и сам ученый предпримет все возможное для того, чтобы остановить музейные распродажи¹.

В первой же половине 1920-х гг. ситуация, казалось, складывалась иначе. По инициативе власти летом 1922 г. в Москве прошла конференция представителей центральных музеев. Как сообщали «Известия ВЦИК», передовицы которых в это время были посвящены проходившему в Москве процессу правых эсеров, задачей конференции было «рассмотрение материальных нужд крупнейших музеев Советской России и выработка действенных мероприятий, могущих облегчить их современное состояние»². «Узко-практические» вопросы, которые предполагалось обсудить на конференции, «в условиях НЭП являются вопросами жизни и смерти музеев»³. Среди представителей Петрограда был направлен на конференцию и С.Ф. Ольденбург⁴. Предполагалось, что он выступит с докладом на тему «Научная и просветительная роль и значение музеев»⁵. Однако в последний момент по неизвестным нам причинам этот доклад не состоялся, и вместо С.Ф. Ольденбурга с докладом на аналогичную тему выступил председательствовавший на конференции академик Н.Я. Марр, заметивший: «Сначала предполагалось, что доклад сделает Сергей Федорович. В научной области мы чересчур тесно связаны с ним, чтобы наши мысли оказались различными, не сомневаюсь, что он разделит мое мнение»⁶. Основное содержание доклада, представленное в усложненной, типичной для «позднего Марра» манере, сводилось к тезису о необходимости государственного участия в сохранении культурного наследия. Собственно специфике научной и просветительской деятельности музеев в нем было уделено не слишком много места⁷.

Для С.Ф. Ольденбурга этот вопрос, судя по всему, являлся предметом пристальных размышлений. В порядке подготовки второй всероссийской музейной конференции, летом следующего, 1923 г. было решено провести в Петрограде областную музейную конференцию с участием представителей ряда петроградских музеев и московского Отдела музеев. Ученый не только возглавил оргкомитет этой конференции, но и выступил на ней с докладом, посвященным именно проблеме научно-исследовательской деятельности музеев⁸. Доклад этот, вместе с рядом других материалов конференции, был опубликован в первом номере организованного в Петрограде журнала «Музей», в состав редколлегии которого входил

¹ Каганович 2006: 160–165.

² Известия ВЦИК. 1922. № 168 (1607). 29 июля. С. 5.

³ Известия ВЦИК. 1922. № 156 (1595). 15 июля. С. 5.

⁴ См.: Журналы заседаний 2009: 469 (заседание 24 июля 1922 г.): «Ольденбургу поручено выступить с заявлением о положении петербургских музеев».

⁵ Так в программе конференции, см.: СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 4. Д. 263. Л. 17.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 4. Д. 263. Л. 31.

В заметках, ведшихся Н.Я. Марром в ходе конференции, есть его карандашная приписка: «Потом будет мой доклад вместо доклада С.Ф. Ольденбурга». Она относится к утреннему заседанию 2 августа. Так как в подготовленной заранее программе еще значился доклад С.Ф. Ольденбурга, можно предположить, что замена произошла в самый последний момент.

⁷ Текст доклада был опубликован с предисловием А.В. Луначарского, см.: Известия ВЦИК. 1922. № 175 (1614), 6 августа. С. 5; № 181 (1620), 13 августа. С. 4.

⁸ Закс 1968: 34–35.

и С.Ф. Ольденбург¹. Эту свою работу он особенно отметил в годовом отчете, опубликованном в общем «Отчете о деятельности Российской академии наук», где говорилось, что за истекший 1923 г. непреременный секретарь АН «уделял много времени вопросам музейного строительства и участвовал в редактировании журнала “Музей”»².

В своем докладе С.Ф. Ольденбург вновь обратился к рассмотрению научной работы музеев в контексте всех функций этих институтов, что было очень важно для целостного понимания специфики музея как многофункциональной системы. Он выделял четыре основных направления в деятельности любого музея: 1) собирание, 2) хранение, 3) «научно-просветительная выставка», 4) использование научно проработанного и выставленного материала для просветительских целей. При этом ученый подчеркивал: «В тесном лишь единении этих четырех направлений и может правильно сложиться работа». Такая специфика музея ведет к соответствующим особенностям в профессиональном облике музейных работников. Каждый музейный работник соединяет в себе и «собирающего», и «технического хранителя», и «выставочника», и «объяснителя», и научного исследователя, – «тот музей, научные работники которого не в состоянии самостоятельно обрабатывать вверенные им собрания, есть мертвый музей, без всякого будущего». Специфика музейной работы, по мысли С.Ф. Ольденбурга, заключается в том, что она делает «из музейного работника научного специалиста совершенно особого типа, обладающего с одной стороны исключительным знанием каждой отдельной вещи, с другой – систематически привыкающего к группировке и классификации массы предметов, которые он научается и объединять, и расчленять». Кроме того, в гуманитарных музеях сотрудник «вырабатывает в себе исключительное знакомство с материалами, из которых готовятся вещи, вместе с тем и с техникой их изготовления». Таким образом, «материал, среди которого он живет, постепенно воспитывает музейного работника и делает из него совершенно своеобразный тип научного деятеля: с одной стороны это специалист, уходящий в самую глубину, увлеченный мельчайшими деталями, иногда до мелочности, с другой – это обобщатель, создатель самых широких теорий, навеянных на него массой и разнообразием материала, над которым он работает. Вместе с тем он постоянно побуждается к новым и новым сравнениям, к новым и новым обобщениям перегруппировкою материала, он начинает улавливать связь, благодаря счастливому комбинированию предметов, соотношения которых сначала были неясны»³. Здесь, через анализ научной работы музеев, вероятно, впервые в отечественной литературе столь подробно анализируется остающаяся актуальной и до сих пор проблема определения профессиональной идентичности музейного работника. Выводы, сделанные автором, могут быть применимы к сотрудникам любых музеев, так как, по его мысли, тип научной работы является для всех музеев общим.

Развивая высказанную выше идею о четырех основных направлениях музейной работы, С.Ф. Ольденбург пытается охарактеризовать современное состояние каждого из четырех «основных моментов в научно-музейной работе», т. е.: 1) собирание материала, 2) выставку, 3) научное исследование, 4) сохранение. При этом важно отметить, что все эти «моменты» основываются, по мысли ученого, на научной базе, без которой просто не могут существовать⁴.

Собирание материалов все еще проходит в музеях недостаточно. И тому есть несколько причин. В художественных музеях оно затруднено тем, что «государство не решилось ассигновать те крупнейшие средства, которые необходимы для планомерной закупки очень высоко ценных предметов искусства, и потому основные большие фонды в художественных музеях

¹ См.: Ольденбург 1923: 13–17. В оглавлении название статьи дано как «Научная деятельность музеев».

² Отчет... 1924: 36.

³ Ольденбург 1923: 13–14.

⁴ Ольденбург 1923: 14.

в том, что касается прошлого, могут подвергаться лишь случайным и частичным обогащениям». В музеях историко-культурных, этнографических и бытовых пополнения производятся за счет экспедиций, здесь «дело поставлено в общем на путь научный», но «интерес к приобретению музейных объектов зачастую перевешивает интерес научный, и там, где добыча представляет технические затруднения, как напр. при раскопках, больше зачастую интересуются добычей предметов, чем способом, что естественно отзывается на их ценности как научных объектов, так как, естественно, успех научной работы зависит от свойств и состояния обрабатываемых материалов». Это приводит к тому, что в фондах множится число предметов «неизвестного происхождения», что есть наследие старинных «кунсткамер». Биологические музеи полностью зависят от экспедиций, и здесь дело обстоит лучше, «как вообще в науках естественных», так как «приемы собирания значительно лучше выработаны». Лучше всего обстоит дело в музеях геологических и минералогических. Хуже всего, таким образом, обстоит дело с художественными музеями, и причин тому две: 1) «средства здесь нужны громадные, а их у государства мало», кроме того, старый материал как правило уже принадлежит тому или иному музею или коллекционеру и зачастую не может быть приобретен, 2) «крайний субъективизм в оценке предметов, подлежащих включению в музей». И его можно устранить лишь отчасти, так как «всякое творчество, именно в области искусства, неразрывно связано с крайним субъективизмом, являясь его особенно ярким выражением»¹.

Проблема пополнения остро стоит и перед другими музеями. Основной вопрос здесь: финансирование экспедиций, «почти полный отказ в кредитах». Выход из создавшегося положения С.Ф. Ольденбург видел в самом тесном сотрудничестве музеев с возникающими на местах краеведческими организациями: «... в интересах науки должно состояться здоровое, основанное только на интересах науки, соглашение, коим музеи местные добровольно и сознательно передадут в музеи центральные предметы уникального в научном или художественном отношении характера, получая с своей стороны помощь в определении и обработке материалов от специалистов центральных музеев, а также и дублиеты и специально для края важные и интересные предметы». При этом полностью заменить экспедиционной работы краеведческие организации не смогут никогда: «... никогда экспедиции не станут излишними, а теперь, при малочисленности и, в общем, слабости краеведческих организаций, экспедиции – единственный надежный путь к систематическому, научному пополнению музеев»².

Выставочная деятельность, по мнению ученого, – это «один из самых, в научном отношении, решающих и ответственных моментов музейной работы: ведь надо определить, что такое данный предмет, какое он должен занять место среди других аналогичных родственных или, напротив, чуждых ему непосредственно предметов; необходимо определить и то, как его выставить, чтобы выявить те его стороны, которые особенно важны и интересны». Все это определяет значение научной деятельности и в этом направлении музейной работы. С.Ф. Ольденбург вспоминал: «... мне в лучших европейских музеях приходилось наталкиваться и на ошибочные определения, и на неправильные группировки, проистекавшие из-за недостаточной подготовленности соответствующего музейного работника». Приводя удачные примеры экспозиционной деятельности петроградских музеев, он отмечал, «как много дают и специалисту и неспециалисту удачные группировки и выставки – в Геологическом музее палеонтологические группы, подбор метеорита, группы Зоологического и Минералогического музеев, в Эрмитаже скифские и в последнее время особенно сасанидские древности, фарфор и серебро и т. д., в Музее антропологии и этнографии его палеазиаты, в Русском музее новая перевеска картин

¹ Ольденбург 1923: 14–15.

² Ольденбург 1923: 15.

и витрины и щиты Этнографического отдела, Музей города с его планами городов, объясняющими и возникновение и рост городов, и возможность городов будущего, и картину социально-гигиенических условий городского быта». Но все это только основа, «на которой должна развиваться выставочная жизнь музея – его постоянные перегруппировки материала по отдельным вопросам». «Примеры таких выставок вам хорошо известны. Выставка исторических портретов в прежнее время, от которой пошло целое научное движение, выставка заупокойного культа Египта, Буддийская выставка, Сасанидская, ряд выставок КЕПС'а (мраморы, строительные материалы, лес и т. д. и т. д.)». Эта сторона должна быть расширена¹.

Третий важный «момент» музейной деятельности включает в себя научное исследование и издание музейного материала. Исследовательская работа «началась даже еще до поступления предмета в музей: чтобы искать его и найти, нужна была уже научная работа. Когда он поступил в музей, нужна была опять та же работа, чтобы выставить его действительно научным образцом. И потому, когда уже специалист – музейный работник доисследует предмет, чтобы написать о нем монографию, издать каталог или чтобы сделать какую-либо подобную работу, предмет оказывается в значительной степени изученным». При этом в таком подробном исследовании музейным работником предмета таится, по мысли ученого, и определенная опасность: «Слишком хорошее знакомство с предметами [...] выявляет для него в них постоянно новые и новые стороны, подлежащие исследованию, кроме того, создается и привычка работать над очень большим материалом и привычка действительно видеть постоянный приток новых материалов». В итоге «музейный работник медлит с изданием [...] углубляет и углубляет свои знания».

Наконец, четвертого выделенного им направления, а именно работ по хранению музейных предметов, докладчик касается лишь вскользь, упоминая о той большой деятельности, которую в этом направлении развивает созданный при Академии истории материальной культуры Институт археологических технологий.

Анализ значения научной работы для функционирования музея ученый завершает конкретными пожеланиями, связанными с теми мерами, которые могут быть приняты для улучшения положения музеев. Эти меры включают в себя: 1) для правильной постановки собирательной работы необходимы: а) для художественных музеев – планомерная закупка государством произведений всех современных направлений искусства и активное пополнение старых фондов, б) для прочих – систематическая организация музейных экспедиций для сборов и раскопок, в) связь музеев с краеведческими организациями и учеными учреждениями, снаряжающими научные экспедиции; 2) исследовательская работа в музее должна вестись в тесном общении с художественными и учеными учреждениями СССР и за границы; 3) особое внимание следует обратить на «специальные выставки по тем или иным группам музейных предметов»; 4) возможность издавать не только путеводители, но и каталоги и монографии; 5) необходимы финансовые средства для сохранения и реставрации предметов².

Научная работа, таким образом, рассматривается ученым как своеобразная основа для успешного выполнения музеем всех его функций, в основе этой научной работы лежит работа с подлинными предметами, памятниками прошлого, хранящимися в музеях. Уже в начале 1930-х гг. такой подход будет заклемен как «музейный фетишизм», и музеи станут призывать «освободиться от плена вещей» и избавиться от «осуществляемого ими насилия»³. Му-

¹ Ольденбург 1923: 15–16.

² Ольденбург 1923: 16.

³ Последняя формулировка принадлежит известному отечественному этнографу и музейному деятелю В.Г. Богораз-Тану. См.: Станюкович 1978: 200. Здесь музеи повторяли общий путь развития исторической науки. Достаточно вспомнить, что в то же самое время аналогичные процессы протекали, например, и

зеи будут объявлены политпросветкомбинатами, и единство музейных функций (в частности, научной и просветительской) будет нарушено, что неизбежно приведет и к сбою в работе самого музейного института¹. Пока же, однако, просветительская функция все еще оставалась производной от научной, и это упрощало участие в музейном деле представителей научной интеллигенции.

Особое внимание со стороны С.Ф. Ольденбурга к музейному делу, сохранявшееся на протяжении всех 1920-х гг., подтверждается отложившимися в его архивном фонде черновиками и набросками специальных работ, посвященных этой проблеме. Большинство из них так никогда и не были закончены, и это неслучайно. Одна из причин кроется в том живейшем участии, которое ученый принимал в деятельности АН и которое во многом мешало его собственной научной работе. Как отметил по этому поводу в своем докладе «Академик С.Ф. Ольденбург как искусствовед», прочитанном 1 февраля 1933 г. на юбилейном заседании, посвященном 50-летию научной деятельности ученого, И.А. Орбели: «Если ученый отдает себя всецело научной организационной работе в течение 25 лет, если он пропускает через свои руки тысячи и тысячи печатных листов чужих работ, не только ставя свою подпись, но и прочитывая каждую из этих работ, внося не один десяток полезных и нужных пометок, то нет ничего удивительного, что его собственная работа не двигается. Если ученый руководит громадным издательством в течение четверти века, если от него зависит установление очереди печатания, то нет ничего удивительного, что его собственные работы залеживаются»². Сохранившиеся в архиве черновики и наброски, однако, позволяют сделать некоторые выводы и в интересующей нас области.

Как следует из сохранившегося черновика начала рукописи ученого, озаглавленной «Современные международные задачи музейного дела»³, большое внимание уделялось им просветительским функциям музейных учреждений. Она начинается с утверждения: «При тех громадных переменах, которые происходят в области образования, при необыкновенном увеличении числа учащихся и при изменении во многих отношениях их состава музейный вопрос приобретает совершенно особенное значение»⁴. Пытаясь охарактеризовать положение в этой области, автор прибегает к анализу международного опыта, отмечая, что для того, чтобы приспособить гуманитарные музеи к новым задачам, в мире делается «в общем чрезвычайно мало». «У нас и, по-видимому, отчасти в Америке некоторые попытки в этом отношении делаются, но в таких странах, как Англия, Франция и Германия, наиболее значительные музеи остаются, в сущности, только хранилищами великих драгоценностей, хранилищами в большой степени немыми»⁵.

Вероятно, дальше предполагалось охарактеризовать положение музейного дела в этих странах, но этот замысел ученого так и не был реализован. Он кратко отметил лишь ситуацию в Германии, связанную с проектом тамошнего министерства народного просвещения разделить большие гуманитарные музеи на две категории: для широкой публики и для специалистов. Но у специалистов мысль эта поддержки не получила, так как научно разделить собрания

в археологии. В.И. Равдоникас в 1930 г. писал: «Эмпиризм опасен, потому что он представляет удобную ширму, за которой можно прятаться, уклоняясь от марксизма». С.Н. Быковский же в 1931 г. утверждал: «Вещеведение – показатель социального страха падающих классов». Цит. по: Формозов 2006: 58.

¹ См.: Закс 1970: 146–154; Юреньева 2003: 380–392.

² СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 1. Д. 330. Л. 47.

³ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 236. 70 лл. Собственно данная работа занимает только лл. 1–2. Далее следует составленная С.Ф. Ольденбургом библиография по индийскому и буддийскому искусству (в основном – англоязычная) с краткой характеристикой отдельных работ.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 236. Л. 1.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 236. Л. 1.

на две эти категории практически невозможно¹. На этом рукопись обрывается, однако, исходя из фактов биографии С.Ф. Ольденбурга, можно сделать некоторые предположения об обстоятельствах ее появления и возможном продолжении.

Как известно, с середины июня по начало ноября 1926 г. С.Ф. Ольденбург находился в заграничной командировке, целью которой было «развитие контактов РАН с научными учреждениями» Германии, Франции и Великобритании, «знакомство с новыми методами организации научной работы, а также занятия в библиотеках и музеях»². О впечатлениях, в ходе этой командировки полученных, ученый рассказал в статье, опубликованной в журнале «Научный работник»³. Фрагмент цитированного выше черновика близок по своему содержанию той части статьи, в которой речь идет о положении дел в Германии. В опубликованной работе автор также отмечает проект разделения всех музеев страны на две категории, из которых первая (музеи для широкой публики) должна была располагаться в Берлине, а вторая (музеи «специальные, несколько научно-магазинобразные, для специалистов») – в Далеме. При этом он отмечает, что министерство, выдвигающее этот план, «не окажется победителем», так как «музеи – и научные, и общеобразовательные учреждения». В целом автор достаточно низко оценивает состояние музейного дела в Германии, утверждая, что «... слабо работает в Германии музейная мысль. Могучее орудие науки и просвещения, музеи, за редкими исключениями, живут старой рутинной жизнью, копия богатства, несколько изменяя свою экспозицию, но ничего не предпринимая для коренного своего переустройства»⁴. Столь же негативна его оценка состояния музейного дела в Великобритании. Он пишет: «... в Англии, где музеи, вероятно, самые богатые в мире, музейная мысль не работает: ни общество, ни государство не приходят на помощь музейным работникам, ставя их в исключительно трудное положение»⁵.

Очевидно, что именно поездка 1926 г. дала материал для незавершенной статьи. Кроме того, следует отметить, что, хотя С.Ф. Ольденбург и признает значимость образовательной деятельности музея, конкретные пути реализации этой образовательной миссии остаются вне поля его зрения – в противном случае едва ли бы он мог оставить без внимания активно формирующуюся именно в этот период в Германии музейную педагогику – новое направление музейной деятельности, призванное искать пути для наиболее оптимального выстраивания отношений с музейным посетителем. Вероятно, здесь сказывалась определенная инерция мышления, характерная для многих представителей академических кругов начала XX в., так или иначе связанных с музеями. Напомним, что и на Первой всероссийской конференции по делам музеев 1919 г. важность просветительской работы также не отрицалась, но большинство участников «не признавали ее непосредственной функцией центральных музеев, а предлагали передать в ведение отделам по внешкольному образованию»⁶.

Противоречия между старой парадигмой развития музейного дела и той ее новой формой, которую начинала насаждать власть, становились все более и более ощутимыми. В августе 1928 г. вышло постановление ВЦИК и Совнаркома РСФСР «О музейном строительстве в РСФСР», в котором перед музеями ставились задачи помогать индустриализации и сельскому хозяйству, приближать экспозиции к запросам профессионально-технического образования и т. д. Научная функция музеев не отрицалась полностью, но уже и не воспринималась как необходимая основа

¹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 236. Л. 1.

² Каганович 2006: 133.

³ Ольденбург 1927.

⁴ Ср.: Ольденбург 1927: 90.

⁵ Ольденбург 1927: 100.

⁶ Закс 1982: 154.

всякой музейной деятельности¹. Музейный мир все явственнее подчинялся политическим требованиям. Аналогичные процессы происходили в это время и в системе академической науки. Именно летом 1928 г. «Ленинградская правда» открыла кампанию против АН, ставшую прологом к «Академическому делу»², одному из самых драматичных эпизодов в жизни С.Ф. Ольденбурга. Показательно, что и здесь музейная тема не осталась незамеченной.

В начале 1929 г. в «Красной газете» была опубликована статья В. Гросса «Когда же спящие проснутся?», обличавшая недостатки в современном музейном деле вообще и в системе музеев АН в частности. Уже через несколько дней, 9 января 1929 г., в той же газете была опубликована небольшая статья-ответ С.Ф. Ольденбурга «Наше музейное дело», ставшая, вероятно, последним значимым обращением ученого к проблеме музейного строительства³. Ученый отмечал: «Коренное отличие состоит в том, что теперь перед нами музеи – центры большой научной и культурно-просветительной работы, а не просто хранилища музейных предметов, доступные для обозрения посетителей. Это отличие показывает, что в музеях наших произошла революция, явившаяся на смену медленно шедшего эволюционного их развития. Музеи не остались в стороне от коренного переворота нашей жизни, а целиком вошли в него». Пытаясь использовать сложившуюся ситуацию в собственную пользу, С.Ф. Ольденбург писал, что одной из причин столь суровой критики является недостаточная информированность автора относительно реального положения дел в современных музеях, а это, в свою очередь, вызвано отсутствием «общемузейного печатного органа – настоящей трибуны музейного слова». «Если бы существовал и теперь тот общемузейный орган, который в свое время начал печатным словом объединять нашу громадную музейную работу и выявлять ее для всех, – писал ученый, имея в виду, вероятно, вышедший при его активном участии двумя номерами петроградский журнал «Музей», – то не было бы надобности т. Гроссу писать его статьи»⁴. Дело, однако, было отнюдь не в отсутствии общемузейного печатного органа, о необходимости которого говорилось еще на Предварительном музейном съезде 1912 г.⁵ Хотя статья С.Ф. Ольденбурга и была опубликована (с незначительными исправлениями)⁶, дела это не изменило. Уже через три дня, 12 января, в той же «Красной газете» появилась новая заметка В. Гросса под не менее красноречивым, чем первая, заглавием «Плохое пробуждение». В ней уже с самого начала был задан тон на дискредитацию «старого музейного дела» и музейной работы АН. Автор восклицал: «Это не сон – существование в Музее антропологии и этнографии кабинета Петра I. Это не сон, что в том же музее до сих пор многие коллекции сгруппированы в том виде, в каком они были пожертвованы тем или иным знатным дарителем. Это не сон, что из всех до революции существовавших литературных музеев Пушкинский Дом демонстративно сохранил музей Льва Толстого»⁷. В его дальнейших словах была четко сформулирована официальная точка зрения на новые задачи и функции музеев, которая получит развитие в решениях Первого всероссийского музейного съезда 1930 г. Развитие музейного

¹ См., напр.: Турьинская 2001: 90.

² Каганович 2006: 153.

³ См.: Ольденбург 1929. Рукопись статьи, лишь незначительно отличающуюся от опубликованного варианта, см.: СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 261; машинопись с карандашной пометкой «В дело С.Ф. 20/ХП» см.: СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 262.

⁴ Ольденбург 1929.

⁵ Разгон 1991: 15–16.

⁶ Выпущенным оказался раздел, в котором автор сравнивал идею создания крупных центральных музеев с практикой создания крупных библиотек: «Ведь и в библиотечном деле создание старых левиафанов-библиотек отжило свой век, а новой и жизненной является специальная научная библиотека или усиленно, постоянно обновляющаяся культурно-просветительная библиотека». Ср.: СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 261. Л. 4.

⁷ Гросс 1929.

дела напрямую связывалось с развитием классовой борьбы: «Культурная революция в музеях прежде всего означает коренную революцию в самой их установке и в их построении. Музеи должны превратиться из хранилищ, из неподвижных, сугубо научных учреждений в активные политико-просветительные организмы, тесно спаянные с основными задачами всей нашей работы на повышение. В соответствии с этим должно быть изменено и само построение музеев. На смену старому коллекционерскому методу приходит социологический марксистский». В целом ряде случаев эти новые цели и задачи музеями осознаются, они пытаются по-новому строить выставки и вести просветительскую работу. «Но большинство музеев продолжает существовать по старым канонам, катиться по удобным рельсам коллекционерского отношения к материалу. И к числу наиболее консервативных музеев, упорно не желающих понять, чего от них требует жизнь, снизить с высот олимпийской научности, принадлежат музеи Академии наук». Они – «разительный пример того, какими не должны быть советские музеи. Наши музеи не могут быть хранилищами, а прежде всего должны быть мощным оружием в наших руках для работы над повышением культурного уровня масс». Жирным шрифтом была выделена центральная мысль статьи: «В наших условиях пробуждение музеев означает прежде всего изменение установки их, принятие твердого курса на выполнение активной политико-просветительной функции в обществе, социологическое построение музейного материала». Завершающие слова звучали весьма угрожающе: «И упорно спящие музеи, и те, кто живут той жизнью, что иной раз хуже сна, должны быть разбужены повелительными требованиями жизни и задачами революционной борьбы за культуру»⁸. Конечно, это было предупреждение, напрямую связанное с новыми выборами в члены академии, в которых принимали участие и кандидаты-коммунисты. Провал трех претендентов на академические места из числа представителей советской научной элиты означал начало открытого конфликта, стоившего АН утраты самостоятельности, а многим ее сотрудникам увольнений и лишения свободы. Именно в связи с этими кардинальными изменениями в академической системе С.Ф. Ольденбург лишился поста неперемного секретаря. Научная и организационная деятельность ученого ограничилась руководством созданным по его инициативе Институтом востоковедения, однако силы его были уже подорваны, и в начале 1934 г. он скончался. Насколько можно судить, в эти последние годы жизни ученого музейное дело не привлекало больше его внимания. И дело было не только в физической слабости и желании сконцентрироваться на магистральном направлении работы. Само музейное дело слишком изменилось. На Первом всероссийском музейном съезде музеи были признаны «политпросветкомбинатами», научная работа изымалась из их ведения, а объектом экспонирования объявлялись «законы диалектики». Это привело к широкому распространению вульгарного социологизма и пренебрежению подлинными предметами как центральными элементами всякой музейной работы⁹. Представления С.Ф. Ольденбурга о музеях как научных учреждениях вступали в прямое противоречие с поддерживаемой государством практикой.

Ниже публикуется текст доклада «Академик С.Ф. Ольденбург – участник в музейном строительстве», прочитанного младшим коллегой С.Ф. Ольденбурга, Иосифом Абгаровичем Орбели, 25 апреля 1934 г. на траурном заседании Общего собрания Академии наук, посвященном памяти ученого. Насколько мы можем судить, текст этого доклада до сих пор не введен в научный оборот. Лишь незначительные фрагменты из него были опубликованы в траурной статье, помещенной в «Вестнике Академии наук»¹⁰.

⁸ Гросс 1929.

⁹ Закс 1970: 149–151 и далее.

¹⁰ С. III. 1934. Стб. 48.

Стенографический отчет общего собрания Академии наук, посвященного памяти академика С.Ф. Ольденбурга, от 25 апреля 1934 года. Председатель – академик Волгин. Содержание: вступительное слово академика Волгина, доклад академика И.А. Орбели.

И.А. Орбели.

Академик Ольденбург – участник в музейном строительстве

В течение всех лет, истекших после Октябрьской революции, Сергей Федорович всегда играл такую видную роль во всех вопросах, касающихся музейного строительства, что было бы чересчур большой смелостью взяться за характеристику его в этом направлении. Дать характеристику Сергея Федоровича как музейного работника, выполнявшего не только научную работу, но и колоссальную просветительскую работу, было бы очень трудно, потому что не было такой стороны музейной работы, в которой Сергей Федорович не был бы активным участником.

Не было такого съезда, на котором Сергей Федорович не выступал бы в качестве активного работника, всегда напоминавшего об очередных работах, всегда предупреждавшего от излишних увлечений. Когда 16 лет тому назад приходилось применяться впервые к различным типам музейных работников, первым признаком, по которому приходилось определять пригодность или непригодность, надежность или ненадежность данного работника, основным признаком являлось отношение к тем задачам музеев, которые игнорировались в царской России и которые выступают на первый план в наши дни, – это просветительская деятельность музеев¹. Тот экзамен, через который, желая или не желая, проходили все лица, соприкасавшиеся с музеями, Сергей Федорович выдержал блестяще, потому что задолго до Октября он был склонен рассматривать музеи в первую очередь как учреждения просветительского характера, призванные выполнять большую общественную работу, а не хранить в своих стенах накопленные сокровища².

Мы знаем, каким исключительным даром популяризатора обладал Сергей Федорович. Не трудно популяризировать, если вы стремитесь сохранить в нетронутом виде основные подлинники научные выражения, если не боитесь вульгаризации. Умея популяризировать деятельность величайшего научного учреждения даже для детей, он был свободен от всяких тенденций. Он умел объяснять маленьким детям, среди которых проводил много часов, – среди

¹ Это утверждение является широко распространенным и всячески поддерживавшимся властями в советское время стереотипом, лишь отчасти отвечающим действительному положению дел. Как показывают новейшие исследования, именно в конце XIX – начале XX вв. начинают формироваться традиции отечественного экскурсионизма, закладываются основы научно-просветительской деятельности музеев, формируются предпосылки для развития музейной педагогики. См.: Пархоменко 1991; Шляхтина 2009 и др. Хотя, безусловно, в качестве задачи государственной важности просветительская деятельность музеев выдвигается на первый план лишь в советский период (быстро начиная подменяться пропагандистской).

² Это утверждение также не полностью соответствует действительности. Безусловно, С.Ф. Ольденбург признавал, что «музеи – ученые учреждения, которые при правильной постановке имеют громадное научное и вместе с тем и широко образовательное значение». См.: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 1. Л. 24а. Однако при этом основное его внимание всегда привлекала научно-исследовательская деятельность музеев. Показательно, что именно этой теме посвящены были его выступления на музейных конференциях начала 1920-х гг. – Конференции центральных музеев (1922 г.) и Петроградской областной музейной конференции 1923 г. См.: СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 4. Д. 263. Л. 17; Ольденбург 1923. Ни в одной из его работ мы не найдем подробного разбора специфики просветительской работы музея или характерных для нее форм, в то время как научно-исследовательская работа характеризуется подробно и со знанием дела.

детей с красными галстучками и даже среди детей, которые еще их не получили¹. Им он объяснял самые сложные проблемы, но еще лучше он объяснял взрослым те проблемы, с которыми они были мало знакомы. Он обладал этим даром в максимальной степени, но сущностью указаний, которые он давал своим более молодым товарищам, являлось положение: в основе проведения работы должна лежать подлинная исследовательская работа, а выводы из своей работы, популяризация тем, разработанных самим популяризатором.

В этом смысле Сергей Федорович борется на музейном фронте, что было чрезвычайно трудно. Еще 14 лет тому назад была тенденция при излишне поспешной организации музеев отделить просветительскую работу от другой музейной работы. С этим приходилось многим бороться. Эта борьба была трудна, потому что в значительной мере кадры, которыми располагали музеи, не подходили для того, чтобы доверить им такую ответственную задачу, как введение в массы того, что можно извлечь из музеев, все выводы, которые можно сделать на основании памятников зримых, наиболее объективных и прочных, запечатлевшихся в памяти.

Сергей Федорович работу музеев понял очень хорошо. Он не объединялся с теми, которые имели тенденцию, являясь наблюдателями создания новых учреждений, перелгать на них исследовательскую работу, с тем чтобы музеи ограничивались экспозицией, развешиванием экспонатов по стенам, по плану, неизвестному даже ведущим развеску в данном музее.

На днях я принимал участие в Москве в одном совещании, посвященном выработке музейного профиля, и было странно слышать речи, которые еще 15 лет назад вызывали резкие и справедливые возражения и нарекания. Пришлось слышать, что задачи экспозиции должны разрешать чисто исследовательские институты, а отнюдь не музеи, музеи должны только выполнять экспозицию².

С этой точкой зрения Сергей Федорович никогда согласиться не мог. Ставя во главу угла научную работу, он соответственно разрешал проблему пополнения, роста музеев. В этой области он всегда говорил об экспедициях³. А как он выполнял сам экспедиции, как выполнял очень тяжелую работу, которая выпадает на долю тех, кто попадает в далекую страну, в очень сложную, физически неудобную обстановку, когда приходится сталкиваться, как говорил здесь академик Щербацкий⁴, со скрыванием достижений предыдущих работников, со скрыванием достижений тех, кто прошел через данную территорию, со скрыванием даже материала из того района, куда намечается экспедиция. Тем не менее Сергей Федорович умел и дал блестящие образцы музейной работы.

¹ Здесь нельзя не отметить письмо от Сомянского школьного музея Революции имени С.Л. Перовской, «п/о Черлак Омского округа Сибкрая», от 10 июня 1929 г. об избрании ученого почетным членом музея «им. Сони Перовской». Авторы письма просят «дорогого старого седого друга» не отказываться и прислать свою фотографию для музея, так как «отказ убьет энергию у нас, будьте отзывчивы как Соня Перовская». Подпись звучит весьма серьезно: «Ваша смена. Заведующий музеем Крошаков Виктор. Секретарь Шантин Илья». См.: СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 97. Л. 113–113 об.

² Показательно, что на постановление Наркомпроса 1930 г. о музейном деле новое, уже советское, руководство Центрального бюро краеведения и редакция его официального печатного органа «Советское краеведение» отреагировали предложением создать при всех областных и краевых бюро краеведения специальные «институты краеведения», которые бы сосредоточили в себе всю исследовательскую работу, оставив музеям лишь работу демонстрационно-выставочную и политико-просветительскую. См.: Турьинская 2001: 100–101. Очевидно, что это вело бы к прекращению эффективного функционирования музейного института.

³ Ср.: «...никогда экспедиции не станут излишними, а теперь, при малочисленности и, в общем, слабости краеведческих организаций, экспедиции – единственный надежный путь к систематическому, научному пополнению музеев». См.: Ольденбург 1923: 15.

⁴ Отсылка к прозвучавшей на том же заседании речи академика Ф.И. Щербатского «Академик С.Ф. Ольденбург как индианист». См.: Отчет ... 1935: 21.

Я согласен, что нельзя сегодняшнее заседание посвящать панегирикам, но пусть не будет воспринято как панегирик то, что вся экспедиционная работа Сергея Федоровича должна быть охарактеризована как работа вполне безупречная, несмотря на то, что прошло после этой работы 25 лет. Вопрос не в том, что нашел человек в том или ином месте, вопрос не в том, что выломала фрески немецкая экспедиция или не выломала. Вопрос важен тем, как с оставшимся обошелся тот, кто их нашел¹.

Мы прекрасно знаем, что остатки пещер Турфана и Кучара Сергей Федорович сумел обратить в то, что собранные им результаты все же в научном отношении занимают первое место в мире. Ибо единственный пункт на земном шаре, где можно полностью проследить историю развития живописи Средней Азии, единственный пункт, где можно изучить все школы, которые развивались и существовали в течение трех с лишним веков на территории нынешнего Синьцзяна, единственный пункт – Ленинград. И этим мы обязаны Сергею Федоровичу. Не важно, вывезена оттуда полная стена или вывезены обломки. Вопрос – как взяты эти обломки, как эти мелкие обломки подобраны, и вопрос в системе. Он на месте с исключительной добросовестностью фиксировал и приурочивал к тому месту на стене, на котором не осталось ничего, кроме 2–3 мелких обломков. Никогда Сергей Федорович не стремился к той экспедиционной работе, которая строится на погоне за ценными находками, но он стремился к той экспедиционной работе, которая дает действительные результаты, которая дает возможность человеку, не побывавшему на месте нахождения памятника, ясно и отчетливо его представить.

Сергей Федорович умел правильно ставить научную работу и в такой области музейной работы, как хотя бы в постановке той же экспозиции, которая, к сожалению, теперь еще расценивается как техническая работа². Вместе с Николаем Яковлевичем Марром Сергей Федорович бился за признание научной работы в отношении того, как строить музейную экспозицию. Мы знаем, что очень легко развесить картины, расставить скульптуру, если обладаешь художественным чутьем, если памятники определены. Но ведь задача заключается не в том только, чтобы в результате получилась выставка – приятная для глаза картина, а получилась связанная картина, из которой вы вправе прочитать одну-две страницы, но в которой вы вправе прочитать и всю мысль. Экспозиция как исследование, выраженное в вещах, независимо от того материала, который привлечен, будь то материал письменный, будь то материал устный, который почерпнут из фольклора, или материалы, извлеченные из дневника, – такую книгу признавал и умел писать Сергей Федорович. Мы это знаем по указаниям, которые давались им за несколько дней до смерти для построения экспозиций Турфана. Стремясь видеть

¹ К этой теме И.А. Орбели обращался и раньше. На юбилейном заседании, посвященном 50-летию научной деятельности С.Ф. Ольденбурга, 1 февраля 1933 г. им был прочитан доклад «С.Ф. Ольденбург как искусствовед». В сборник опубликованных материалов этого заседания доклад И.А. Орбели не вошел (см.: Крачковский 1934b), и он вводится в научный оборот в данном томе; см. ниже.

² Выдающийся отечественный искусствовед и музейный деятель Л.А. Мацулевич вспоминал о таком отношении к делу построения музейной экспозиции – его поручении непрофессионалам – в своих лекциях по музееведению, читавшихся во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. на историческом факультете Ленинградского университета: «Одно время считалось, что работник музея не может оформлять выставку, что ее нужно оформлять художнику. Помню, в длинный зал, как коридор, пришла группа художников. Им начинают говорить.

– Да нет, говорят, это неважно. ...

Не спрашивают даже, какая выставка. Мы говорим, что здесь не будет красочных картин, здесь будут материалы археологические.

– Нет, мы очень опытные. Мы устраивали декорации улиц, это же совершенно то же самое, вот так перекинем ...». См.: СПбФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 185. Л. 78–79.

О лекциях Мацулевича см.: Ананьев 2013.

в музее школу, которая должна принести пользу и больше, и меньше подготовленным слушателям, он умел избежать всяких перегибов.

Многие из присутствующих, наверное, хорошо знают, как в стремлении использовать музеи как просветительные учреждения доходили до отрицательного восприятия музеев. Это резко расходится с указаниями, которые принадлежат покойному Владимиру Ильичу, указаниями на то, что трудящийся, проработав 8 часов, имеет право отдохнуть в музее, не проходя в эту минуту школьной работы. Это задача музеев, которая не может быть исключена из нашей работы, потому что, если мы ее исключим, мы должны будем выхолостить все, что делаем в музее, и дать в невоспринимаемом виде все то, что можно видеть и понять в музее. На эту сторону дела умел обращать внимание Сергей Федорович. И нужно сказать, что здесь Сергею Федоровичу помогало то свойство, которым он обладал в такой степени, – это чувство меры и исключительно тонкое чутье, чутье, которое очень большое значение имеет тогда, когда вы должны зрителю, иногда не подготовленному к восприятию того, что ему предстоит видеть в музее, – вы должны показать ему памятники, осознать которые не легко и лицу, долго работавшему в этой области.

Основным принципом, который всегда рекомендовал Сергей Федорович, была полная свобода от прикрепления вещей к данному месту, участку стены. Будучи горячим сторонником комплексного метода экспозиции в полном и широком значении термина «комплексный метод экспозиции», он стремился к оживлению музеев дополнительными экспозициями, необходимыми для более легкого восприятия. При этом он восставал против нагромождения фотографий и текста, против недочетов, которыми страдало наше музейное строительство 8 лет.

До абсурда доведенное богатство экспозиции, в котором тонут подлинные памятники, которые призваны воздействовать на посетителей, затопление основной мысли бесконечным количеством деталей, примечаний, за которыми не видно мысли автора, а видна только эрудиция, – против этого восставал Сергей Федорович. Говоря о реконструкции обстановки, в которой памятники создавались, он всегда вел к тому, чтобы не реконструировать то, что в музейной обстановке реконструировать невозможно.

Помню предостережения, которые делались по поводу метода экспозиции турфанских фресок, искусственно построенных вещей, в обстановке, противоречащей той, в которой эти фрески были выломаны на месте. Такое восстановление пещеры возможно при наличии таких основ, которых ни в одном музее мира достигнуть нельзя. Всякое такое построение руками людей, которые не видели этого и не имеют того материала, скалы, породы, из которой высечена пещера, приводит к искажению представления о ней. Это представлялось Сергею Федоровичу неприемлемым, и в нарушении этого требования заключается основной недостаток музея в Берлине.

Вопросы реставрации – вопросы доделки памятников. Здесь, как вы знаете, в стремлении сохранить памятник, придать цельность иногда нарушается мера в такой степени, что приходится с трудом отыскивать подлинные черты памятника среди целого ряда нагромождений, приклеек, нашивок на подлинных обломках. От этого наука давно отказалась, этому насчитывается 2–3 десятка лет. Но все же остались приемы реконструкции, с применением которых приходится деятельно и энергично вести борьбу. И эту борьбу вел Сергей Федорович.

Примером может служить то, как проведены были раскопки Козлова¹ в Нойнуле и как энергично боролся Ольденбург с той реставрацией, которая велась помимо желания самого

¹ Козлов, Петр Кузьмич. О нем см. выше.

Козлова. Мы знаем, что в интересах эффективности находок Козлова в Ноин-уле¹ вещи эти были выстираны и выутюжены по самому обычному способу, как стираются и гладятся платки, рубашки, и мы знаем, что при этом пострадали исключительной ценности образцы, пострадали в такой короткий период – 2 ночи, которые потребовались, чтобы была проведена эта реставрация. Но зато никогда не будет проведена такая реставрация, потому что Сергей Федорович сумел дать урок тем, кто реконструкцию проводил, и тем, кто высказывался за эту реконструкцию².

Сергей Федорович стремился, чтобы в музейной экспозиции оборудование занимало возможно меньше места, только то, что необходимо для укрепления. Мы знаем, как трудно подобрать оборудование так, чтобы, помогая укреплению, оно не мешало видеть³. И Сергей Федорович выступал против всех тех увлечений, которые на сегодняшний день уже сданы в архив, но 4 года тому назад господствовали. Многие помнят, вероятно, фанерный период истории музеев, когда казалось, что чем больше применяется затейливых кружков и уголков из фанеры, тем понятнее вещь трудящимся. Тем, кто не связан с музеями, термин «фанерный период» непонятен. Тем же, кто видел эту экспозицию, хотя бы в Посудном отделе, – этот термин будет понятен.

Повторяю, во всем этом Сергею Федоровичу помогало его чувство меры и тот глаз, которым он обладал в высокой степени. Всем известно понятие «абсолютный слух», но мало кому приходилось сталкиваться с выражением «абсолютный глаз». Абсолютный глаз – умение вскрывать и фиксировать формы и сохранять для дальнейшего сопоставления даже на протяжении десятков лет. Этим свойством обладают очень немногие люди. Этим свойством обладал Сергей Федорович, и поэтому в целом ряде случаев, когда он далеко выходил за пределы своей специальности, ему помогал этот глаз.

В отношении музейной техники Сергей Федорович всегда оставался верен себе. Многие помнят, вероятно, как нервно относился он к пушинке на рукаве своего собеседника. Пушинка на рукаве собеседника привлекала его внимание, он всегда старался ее снять. Или опечатка в корректуре, которую вы держали в руках, вовсе не для того, чтобы показать ее Сергею Федоровичу, привлекала обязательно его внимание. Волнение, с которым он пытался выполнить непосильную задачу – сдвинуть с места тяжелую вещь, потому что она стоит иногда не так, как надо, – напоминает то, как он снимал пушинку с рукава. Но это, в сущности говоря, то же требование, которое мы вправе предъявить к каждому музейному работнику. Иногда за такой мелочью, как криво поставленная вещь, скрывается целый ряд опасностей для вещи и ее правильного восприятия. Не говоря об освещении, тут играет роль целый ряд обстоятельств, учесть которые в нашей музейной работе очень трудно.

Конечно, все это мелочи, и не стоило бы об этом говорить, беря на себя смелость характеризовать роль Сергея Федоровича в музейном строительстве. Мне хотелось еще остановиться на одном, самом главном, что делалось усиленно Сергеем Федоровичем, – это на его участии в выработке нормальной музейной сети, в размежевании музейных задач. Все знают, как трудно разрешить эти задачи в условиях, когда судьи и решающие должны были бы выступать

¹ Речь идет о Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова (1923–1926 гг.), раскопавшей в 1924 г. в горах Ноин-ула, севернее Улан-Батора, курганы-могильники хуннских шаньюев.

² С.Ф. Ольденбург выступал категорически против организации экспедиции Козлова: он полагал, что экспедиция плохо подготовлена в кадровом и методологическом отношении (см. подробнее: Юсупова 2016: 451–452).

³ Еще в мае 1911 г. руководство Русского музея императора Александра III обратилось к С.Ф. Ольденбургу с просьбой взять на себя руководство комиссией по приемке заказанных у фирмы Кюншерф шкафов и витрин для создаваемого Этнографического отдела музея. В комиссию вошли такие видные ученые, как Н.М. Могилянский и А.А. Миллер. См.: СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 97. Л. 62.

только в роли экспертов. Трудно убедить музейных работников, что та или иная вещь или целая коллекция должна быть изъята, потому что ей не место в данном музее, а место в другом, потому что вся проблема, которая должна быть отражена этой коллекцией, не входит в круг задач данного музея.

Разрешению нестерпимо трудной задачи размежевания музеев Наркомпрос посвятил 16 лет. Мы находимся на том же этапе, как 14 лет назад, но обсуждение этого вопроса имело место бесконечное число раз⁴. Во всех этих обсуждениях принимал участие Сергей Федорович, и как раз здесь, в самой сложной проблеме размежевания задач этнографических и историко-культурных вообще, он сумел с самого начала четко и ясно изложить свою точку зрения, и приходится радоваться, что хоть через 12 лет эта точка зрения одолевает; – правда, когда Сергея Федоровича уже нет. При этом он убеждал тем, что был свободен от местного патриотизма. Ему было безразлично, близок ли он к тому или иному учреждению, в составе которого хранится коллекция, которой здесь не место, было безразлично, что учреждение, которое он возглавляет, лишится ценных материалов, если они должны быть перенесены в обстановку, где они займут подобающее место.

Поэтому при этой свободе от местного патриотизма Сергей Федорович умел бывать особенно убедительным. Характерной чертой Сергея Федоровича была одна мелочь, которую иногда ему ставили в упрек: он умел воспринимать большие культурные явления в целом, умел, в частности, рассматривать наш Эрмитаж, скажем, как цельный и большой участок нашего культурного наследия, он умел его воспринимать во всем целом и ограждать интересы этого культурного наследия от слишком ретивых и поспешных действий наследников⁵. К счастью, в этом он был не одинок, и та поддержка, которую неизменно Сергей Федорович находил в руководящих органах, помогла охранить музейное строительство от больших ошибок. Те органы, с которыми Сергей Федорович вступал по этому поводу в связь, всегда шли ему навстречу.

Но ведь все это, хотя бы то же восприятие Эрмитажа в целом, вытекало из основного свойства, характерного для Сергея Федоровича как ученого. Ни в исследовательской работе, ни в своих интересах он не замыкался в круг востоковедения. Мы знаем очень хорошо, как пришлось бы характеризовать Сергея Федоровича, если говорить о нем как историке-литераторе. И лучшим напоминанием об этом были слова Николая Яковлевича Марра, сказанные в прошлом году по поводу выступления Сергея Федоровича на магистерском диспуте Н.Я. Марра 40 лет тому назад⁶.

Сергей Федорович умел сочетать в себе интересы и понимание Востока с интересами и пониманием тех явлений истории культуры Запада, которые неотделимы от Востока, потому что развитие ее зависело не от территории и не только от той страны и народа, который развивал культуру. Это Сергей Федорович умел выразить и в своей музейной работе, и в этом

⁴ В 1920 г. при Академии наук была, например, создана специальная Комиссия по организации центральных музеев (она же – Комиссия по объединению Русского музея с вновь учреждаемым музеем мирового искусства, Комиссия по объединению центральных музеев), в состав которой входил и С.Ф. Ольденбург. Возглавлял комиссию С.А. Жебелёв. См.: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 8. О ней см.: Ананьев 2017.

⁵ Здесь И.А. Орбели, определенно, имеет в виду деятельность С.Ф. Ольденбурга по защите фондов Эрмитажа от распродаж. Ольденбург и сам писал письма руководителям советского государства, и влиял на позицию коллег, в частности И.А. Орбели, который направил соответствующее письмо Сталину, вероятно, под влиянием Ольденбурга; см.: Пиотровский 2016.

⁶ Темой магистерской диссертации Н.Я. Марра были «Сборники притч Вардана. Материалы для истории средневековой литературы, исследование с переводами, подлинными текстами и описанием рукописей». По словам Н.Я. Марра, С.Ф. Ольденбург обратился к нему с вопросом: «Почему изучаемая вами средневековая литература трактуется как восточная, когда она по многим устанавливаемым у вас данным и западная, не менее западная, чем восточная?» См.: Марр 1934: 12–13. Об отношении С.Ф. Ольденбурга и Н.Я. Марра см. специальное исследование: Каганович 2016.

смысле особенно характерно то, что, будучи лучшим другом молодого организма – сектора Востока Эрмитажа¹, Сергей Федорович горячо, так горячо, как только редко он умел делать, выступил против проекта, который, казалось бы, должен всех нас привлечь, – против проекта создания Восточного музея: Восточного музея, в котором должны быть объединены и коллекции Эрмитажа, и коллекции Музея восточных культур в Москве, с тем чтобы был создан единый музей Востока. И Сергей Федорович сумел блестяще доказать всю нелепость этой идеи, всю нелепость изъятия восточного материала из всего окружения, в котором он должен быть изъят из сопоставления с памятниками античного мира, с памятниками всех культур, которые не подходят под понятие Востока. И здесь Сергей Федорович остался верен себе, для него не было Востока и Запада, для него была история развития человечества, развивающаяся и наслаивающаяся независимо от политических границ и независимо от нахождения в той или иной стране, в том или ином меридиане.

*СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 1. Д. 330. Л. 63 об. – 76 об.
Машинопись с карандашной правкой.*

И.А. ОРБЕЛИ С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГ КАК ИСКУССТВОВЕД

Многообразная научная деятельность академика С.Ф. Ольденбурга включала целый ряд направлений гуманитарного знания, так или иначе связанных с востоковедением. Особое место занимала в ней история искусства, прежде всего буддийского. Достаточно упомянуть лишь о том, что основная работа С.Ф. Ольденбурга – «Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дунь-хуана», составленная по итогам работы Второй Русской Туркестанской экспедиции 1914–1915 гг., – как раз и раскрывает генезис буддийской живописи в Центральной Азии на протяжении нескольких эпох. Неразделенность дисциплинарных полей истории искусства и археологии, характерная для рубежа XIX–XX вв., делала такое положение вполне логичным и практически неизбежным¹. При этом и самими современниками ученый и его труды зачастую связывались именно с контекстом исследования истории искусства. Вот лишь один пример: когда в марте 1923 г. кандидат в научные сотрудники Института истории искусств (Зубовского института) по разряду истории изобразительных искусств М.З. Крутиков подал на рассмотрение свою научную работу «Начала буддийского искусства», для оценки она была передана именно С.Ф. Ольденбургу. Сам Крутиков отмечал, что это лишь первая часть «из составляемого мною сборника “О буддийском искусстве”». Кроме нее вошли статьи: “Джатака и ее изображения в Бархутской, Гандхасской и Бозо-Будурской школах”, “Расцвет буддийского искусства”². Этот план остался нереализованным, и в итоге научных поисков Михаил Захарович переключился на русское искусство, став авторитетным музейным работником, но такое обращение именно к Ольденбургу от институции, основной задачей которой была разработка вопросов истории и теории искусства как самостоятельной области научной деятельности, говорит о многом.

Вместе с тем роль и значение Ольденбурга-искусствоведа – в отличие от, например, Ольденбурга – организатора науки, востоковеда или фольклориста – в отечественной науке все еще не вполне осмыслены, хотя результаты его научных экспедиций имеют огромное значение именно для области истории искусства. Неслучайно, что этот аспект деятельности ученого характеризовался в ходе торжеств, посвященных 50-летию его научной деятельности. Ему был посвящен доклад Иосифа Абгаровича Орбели, прочитанный 1 февраля 1933 г. Текст доклада сохранился в личном фонде И.А. Орбели в СПбФ АРАН. Судя по материалам архивного

¹ См.: Юзбашян 1986: 53–66. В октябре 1932 г. И.А. Орбели просил официального подтверждения согласия С.Ф. Ольденбурга занять «штатную должность профессора (т. е. действительного члена. – В.А.) по сектору Востока Государственного Эрмитажа». См.: СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 435. Л. 2. Вопрос, связанный с реорганизацией Эрмитажа «на научных основаниях», вызвал в музее большое волнение и негативное отношение руководителей ряда уже существующих отделов, не желавших допускать перераспределения фондов. С.Ф. Ольденбургу как члену совета Эрмитажа эта ситуация была хорошо известна. В его архивном фонде сохранилась записка И.А. Орбели о реорганизации Эрмитажа и отзывы на нее руководителей других отделов (1927 г.). См.: СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 97. Л. 9–32, 44–53.

¹ Ананьев, Бухарин 2018: 268–286.

² ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 65. Л. 160–160 об.

дела, работу над его текстом можно реконструировать следующим образом: перед заседанием 1 февраля 1933 г. Орбели подготовил тезисы доклада, записанные его ближайшей помощницей и коллегой Камиллой Васильевной Тревер. Они сохранились на небольших листах бумаги в конверте с надписью: «Конспект доклада И.А. Орбели, читанного 1 февр. 1933 г. о С.Ф. Ольденбурге. Писала под диктовку И.А. – К. Тревер»¹. На их основе Орбели был сделан доклад, содержание которого нашло отражение в стенограмме юбилейного заседания, соответствующий фрагмент которой сохранился в том же деле. Стенограмма велась со слуха и не была выправлена, в ней присутствуют отдельные пропуски имен собственных, вероятно, не разобранной машинисткой². Она весьма точно следует тезисам, расхождения между ними минимальны. Так, например, в тезисах есть запись: «Дело не в Непале; Аджанта»³. В докладе это положение не раскрывается. Не упоминается прямо и имя одного из научных антагонистов Ольденбурга, экспедиционные практики которого вызвали осуждение как самого докладчика, так и его героя, хотя в тезисах указано прямо: «Le Coq – Ольденбург»⁴. Данная стенограмма, вероятно, легла в основу отпечатанного на машинке доклада, два практически идентичных экземпляра которого сохранились в том же деле⁵. Один из них публикуется ниже. Доклад практически идентичен устному выступлению, зафиксированному в стенограмме. В нем отсутствуют лишь отдельные окказиональные фразы (типа отсылки к сделанному чуть ранее докладу Ф.И. Щербатского и т. п.), не влияющие на смысл и суть сказанного и несущие следы разговорной речи. Судя по указанному на первом листе объему в печатных листах, этот текст готовился к печати, как и прочие доклады, прочитанные на том же юбилейном заседании и составившие отдельный сборник⁶. Опубликован он тогда, однако, не был. Судя по всему, попытки его публикации предпринимались и позднее, так как в архивном деле сохранились комментарии к нему, явно послевоенного времени, составленные сотрудником Эрмитажа Н.В. Дьяконовой, внесшей весомый вклад в изучение научного наследия С.Ф. Ольденбурга⁷. Но и этот проект реализован не был. Конспект доклада, записанный К.В. Тревер, заканчивается тезисом, который можно рассматривать как обращение Орбели к следующим поколениям ученых: «Закончить, печатать»⁸. В некотором смысле этот призыв может быть обращен и на сам доклад Орбели, являющийся интереснейшим документом из истории отечественной науки, позволяющим лучше осмыслить рецепцию сделанного Ольденбургом в Восточном Туркестане его современниками.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 1. Д. 330. Л. 6.

² СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 1. Д. 330. Л. 10–22.

³ СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 1. Д. 330. Л. 1.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 1. Д. 330. Л. 3.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 1. Д. 330. Л. 42–48, 49–55.

⁶ См.: Крачковский 1934b.

⁷ Дьяконова 1995.

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 1. Д. 330. Л. 5.

С.Ф. Ольденбург как искусствовед

Доклад И.А. Орбели на юбилейном заседании, посвященном 50-летию научной деятельности акад. С.Ф. Ольденбурга.
1 февраля 1933 года.

Ни на одной стороне широта и разнообразие научной деятельности Сергея Федоровича Ольденбурга не отразилась так тяжело, как на его работе по искусству и археологии. Это совершенно естественно. Ученый, по своему складу – тип экспедиционного исследователя, производящего широкие изыскания далеко от кабинета, на деле был прикован к кабинету Академии, должен был заниматься такой работой, которая должна была производиться в Ленинграде.

Только дважды им были совершены большие экспедиции. Те, кто был знаком с Сергеем Федоровичем в те годы, кому приходилось видеть, как он готовится к экспедициям, те хорошо знают, как Сергей Федорович предусматривал все мелочи экспедиционной работы, все возможности во время поездки. В этом сказывается характер человека, самой природой предназначенного выполнять работу в экспедиции.

Самым главным наставлением Сергея Федоровича было указание, которое приходилось слышать и от его ближайших товарищей, двух крупнейших востоковедов, Н.Я. Марра и В.В. Бартольда, – это указание на то, что никакая экспедиция, никакие раскопки не могут предприниматься без большой предварительной подготовки, без детальнейшего изучения всех источников, связанных с предстоящими работами.

Такую серьезную подготовку в течение ряда лет проделывал Сергей Федорович, прежде чем приступить к экспедиции в Турфан – исследование литературных памятников и того, что добыто иностранными экспедициями, документов, найденных в Кашгаре, без изучения чего нельзя было приступить к исследованию целого ряда вопросов.

Несомненно, этой серьезной подготовкой, углубленной проработкой найденного уже участниками германской экспедиции, можно объяснить то, что Сергею Федоровичу в его работе удалось избежать тех промахов, которые были допущены предшествовавшими экспедициями, и дать образец экспедиционной работы.

Работа в Китайском Туркестане интересовала Сергея Федоровича давно, на это толкал его, между прочим, интерес к терракотам, которые являются и сейчас одной из тем его постоянной работы.

Интерес Сергея Федоровича к терракотам – явление не случайное: его посвященные искусству работы всегда были связаны с буддизмом. Если всмотреться в круг вопросов, которыми интересовался Сергей Федорович, чувствуется, что ему хочется всегда выйти из буддийского канона, за рамки буддизма; он искал выхода из эпох, где канон особенно давит, или за пределы страны, где он чувствуется. В кругу китайских памятников он интересуется вейскими памятниками: джайнские, в особенности ранние, привлекают его внимание, потому что там не чувствуется канона. Наконец, его интересовали находки П.К. Козлова в 1909–1910 и последующих годов – это те годы, когда была выполнена экспедиция Сергея Федоровича в Сериндию.

Темой его работы было монументальное искусство и специально монументальная живопись. Но богатейшие результаты экспедиции далеко выходят за пределы вопросов монументального искусства и искусства вообще: только недавно мы узнали, какие ценные документы были вывезены Сергеем Федоровичем оттуда, и мы знаем, почему они могли быть спасены и не претерпели той судьбы, которая была суждена сотням, тысячам других документов, недостаточно привлекательных по своему внешнему виду и поэтому брошенных на месте.

Основной метод работы Сергея Федоровича – это комплексный подход к изучаемому вопросу. Он не занимался изучением только вещественных памятников, их форм и того, что памятник может дать сам по себе. Каждой работе Сергея Федоровича сопутствует исследование литературных источников, данных фольклора, сопоставление которых с данным предметом дает возможность изучить памятник всесторонне.

Другой характерной чертой работы Сергея Федоровича является точнейшая документация. Когда вы читаете отчет Сергея Федоровича, она может показаться излишней, проявлением ненужного педантизма. Для чего, например, делать кальку с фрески, если она хорошо сфотографирована? Но если вы вчитаетесь в отчет, то узнаете, что такая двойная документация в целом ряде случаев являлась абсолютно необходимой, потому что только таким способом можно было гарантировать возможность воспроизведения этой фрески, когда вы будете оторваны от места нахождения памятника. Точнейшая фиксация всех маршрутов, каждый момент которых может характеризовать судьбы памятников со времени их появления до того момента, когда приступлено было к исследованию, – характеризует работу Сергея Федоровича.

Когда заходит речь о раскопках, вы видите, как он осторожно подходит к вопросу, и вы понимаете, почему нельзя было назвать его первую экспедицию иначе как разведочной. Действительно, здесь с максимальной заботой и вниманием руководителя экспедиции относились к каждой мелочи, и если вы сравните эту экспедицию с предыдущими на этой территории экспедициями, то станет ясно, какими именно путями должна идти археологическая наука. Но многие ли это тогда создавали? Следует отметить, что весьма высокие и авторитетные учреждения в те годы производили раскопки в местах, которые находились под постоянным контролем научных учреждений, и вели раскопки образцово. Образцом таких раскопок считаются раскопки в Олимпии. Но если раскопки велись вдали от постоянного надзора контролирующих учреждений, то это производилось так, как их не рекомендуется вести.

С такой картиной столкнулся Сергей Федорович в том месте, где он мечтал начать работу. Целый ряд пещер был разрушен не потому, что во время той или иной операции случайно погибли памятники – это еще было бы простительно, – но мы знаем, что часто стены пещер обламывались, чтобы вынуть очень эффектный, интересный кусок фрески. Мы знаем, что в ряде случаев начальник русской экспедиции находил вместо (недавно здесь находившейся) росписи только кучу мусора среди пещеры.

Это встречало резкое осуждение со стороны Сергея Федоровича, что вытекало полностью из всего характера, из всей программы его работы.

Самая знаменитая коллекция прославленных росписей из Китайского Туркестана находится в Берлине. Хотя здесь представлены богатейшие образцы стеной живописи Китайского Туркестана, изучить историю ее по этой богатейшей и наряднейшей коллекции невозможно. Изучать ее на месте больше нельзя. Изучать ее можно только в Ленинграде, потому что Сергею Федоровичу удалось из кучи мусора подобрать отдельные мелкие куски, которые не привлекли внимания музейных работников, собиравших для Берлинского музея, и получить полный подбор того, что необходимо, чтобы дать представление о развитии художественных течений в Китайском Туркестане.

Созданием этой коллекции наука обязана только одному Сергею Федоровичу. Ценность этой коллекции для всех, кому дороги интересы науки, повышается во много раз, если учесть то обстоятельство, что ни один кусок не был выломан насильственно, не был изъят со вредом для памятника.

Другой характерной чертой работы Сергея Федоровича являлся его живейший интерес к составлению подробнейших описаний всех маршрутов. Ему же, между прочим, принадлежала идея составления международного дорожника для того, чтобы последующие экспедиции

в те же районы имели возможность не повторять работы уже проделанные, а идти дальше. Не вина Сергея Федоровича, что его предложение не встретило надлежащего отклика. Если в дальнейшем будут экспедиции в эти районы и если не будет учтено предложение Сергея Федоровича, то, возможно, дважды будет изучаться один и тот же район и не будет рассмотрено то, что представляет большой интерес, но за недостатком времени останется вне круга внимания.

С такой же заботливостью относился Сергей Федорович и к материалам, добытым во время экспедиции, когда они попадали в музей. Трудно было бы назвать работника, ученого, связанного с музеем, который уже 20 лет тому назад выдвигал твердо, упорно, настойчиво вопрос о принципиальной невозможности устройства экспозиций с неподвижными памятниками. Вы знаете, к чему приводит устройство интересных характерных групп, воспроизводящих обстановку того места, откуда изъят памятник, если эта копия делается неподвижной.

Основное требование, которое выдвигал Сергей Федорович и в прошлые годы, и ныне, это – возможность постоянной перестройки музея в соответствии с требованиями жизни, – устройство такой выставки, чтобы каждый памятник пребывал в определенном сочетании с другими. Это требование комплексной экспозиции, которое сейчас представляется элементарным, но которое 25 лет назад казалось совершенно неожиданным и во многих случаях неприемлемым, особенно характерно для Сергея Федоровича. Естественно, что при предъявлении такого требования к музейному делу Сергей Федорович должен был испытывать много разочарований, когда он видел великолепные памятники индийской скульптуры в Лондонском музее, где они, правда, не прикреплены на железном стержне, но закреплены на десятки и сотни лет на одном и том же месте.

Сергея Федоровича всегда особенно интересовал вопрос монументального искусства, в частности архитектуры. Это может удивить тех, кто знаком с его печатными работами, потому что в них редко можно встретить трактовку вопросов архитектуры. Дело в том, что Сергей Федорович всегда стоял на совершенно правильной точке зрения, что нельзя разбирать вопросов архитектуры, если не имел возможности изучать памятник непосредственно на месте, если не видел его воочию, т. е. если не имеешь возможность полагаться на первоисточник, а можешь иметь дело только с воспроизведением. Хотя круг интересов Сергея Федоровича всегда включал и вопросы архитектуры, но он не считал себя вправе ставить целый ряд широких проблем архитектуры без изучения памятника на месте. Вопросы архитектуры поэтому получали освещение в его трудах лишь постольку, поскольку это было возможно в условиях кабинетной работы в Ленинграде. Его интересовал вопрос зависимости формы от материала, влияния одного материала на другой. Недавно при изучении новых памятников Сергею Федоровичу удалось найти подтверждение своей мысли о том, что целый ряд мастеров – создателей памятников Гандхары являлись специалистами по резьбе в кости. Этот момент характеризует исследователя, который, подходя к памятнику искусства, умеет чувствовать материал и определять технику обработки того или иного материала.

В связи с этим стоит и интерес Сергея Федоровича к терминологическому словарю. Одной из основных его работ сейчас является терминологический индийский словарь. Им внесен уже целый ряд поправок в то издание, которое появилось недавно, и в этих поправках сказывается всегдашний интерес Сергея Федоровича к вопросам техники. Речь идет не только о технике раскопок, об экспедиционной работе, а о технике создания самого памятника искусства, о выяснении тех приемов, тех орудий, с помощью которых они были созданы. Интересно отметить, что к этим вопросам техники, к которым лет 25–30 назад никто не проявлял интереса, к этому вопросу настойчиво и повторно подходил Сергей Федорович приблизительно в то же время, когда в анийской лаборатории Н.Я. Марра впервые создана была та

идея Института археологической технологии, осуществить которую при участии Сергея Федоровича удалось только после Октябрьской Революции, только в 1919 году.

Когда говорят о Сергее Федоровиче как об университетском деятеле, то обычно кончают характеристику его педагогической деятельности в высших учебных заведениях 1899 годом, когда Сергей Федорович не выдержал условий жизни в Университете и должен был из него уйти. На деле же именно тогда началось особенно настойчивое учительство Сергея Федоровича. Всякий, кто входил в соприкосновение с Сергеем Федоровичем, знает, как много он дает как руководитель, как учитель, много отдельно брошенных указаний, иногда целый ряд консультаций, которые могут быть приравнены к курсу лекций. Это особенно чувствуется всеми нами, музейными работниками, которым много труднее было бы работать, если бы мы не имели возможности всегда прибегать к консультациям Сергея Федоровича, даже тогда, когда вопросы возникают далеко не востоковедные.

Н.Я. Марр указал на тот вопрос, который был ему задан Сергеем Федоровичем на защите его магистерской диссертации. Вопрос этот очень характерен для Сергея Федоровича, который, занимаясь изучением памятников фольклора, изучением литературы, письменных памятников и памятников изобразительного искусства, всегда возвращался к одной и той же проблеме – к отрицанию границы между Востоком и Западом. Недаром одной из любимых работ Сергея Федоровича являлась Гандхарская проблема – т. е. вопрос о группе памятников, где Восток в собственном смысле слова переплетается с Западом в собственном смысле слова и где греческое искусство с искусством индийским, восточным переплетено так, что трудно провести границу в пределах одного и того же объекта.

Не случайно Сергей Федорович занялся руководством работ, ведущихся по исследованию материалов из раскопок П.К. Козлова, – здесь мы имеем такое же неразрывное переплетение, наиболее яркий пример невозможности делить культуру на культуру Запада и Востока, стоим перед необходимостью рассматривать этот вопрос под другим углом зрения. То построенное, которое сейчас кладется в основу нашей науки, отвечает на этот вопрос.

Трудно было бы дать не только более детальную, но даже ориентировочную наметку характеристики Сергея Федоровича как исследователя, если бы мы должны были бы руководствоваться только лишь печатными его трудами. Все мы знаем, как мало из того, что было сделано Сергеем Федоровичем, опубликовано. Тут мне придется вернуться к тому, с чего я начал.

Если ученый отдает себя всецело научной организационной работе в течение 25 лет, если он пропускает через свои руки тысячи и тысячи печатных листов чужих работ, не только ставя свою подпись, но и прочитывая каждую из этих работ, внося не один десяток полезных и нужных пометок, то нет ничего удивительного, что его собственная работа не двигается. Если ученый руководит громадным издательством в течение четверти века, если от него зависит установление очереди печатания, то нет ничего удивительного, что его собственные работы залеживаются.

В таком положении находимся мы, когда переходим к вопросу об издании трудов Сергея Федоровича. Когда в 1914 г. Сергей Федорович выпустил отчет первой своей экспедиции в Китайский Туркестан, то в Предисловии он выразил надежду, что он даст более полный отчет о своей экспедиции в дальнейшем. До сих пор мы этого не получили в силу тех причин, о которых я сейчас говорил. Но сейчас, когда нужно подвести по мере сил итоги того, что сделано Сергеем Федоровичем за первую половину столетия, когда хочется наметить перспективы дальнейшей работы, то мы должны остановить наше внимание именно на этом вопросе. Конечно, мудро было бы мечтать о продолжении экспедиционной работы Сергея Федоровича в Китайском Туркестане, когда с каждым днем враги китайского народа,

сильно озабоченные «умиротворением», т. е. обезличением Китая, грозят создать такие условия в Китайском Туркестане, что об экспедициях думать не приходится. Но то, что в наших руках, должно приковать к себе наше внимание. И если сейчас перед нами лежит колоссальный материал, добытый Сергеем Федоровичем во время экспедиции в Китайский Туркестан, то мы должны сделать так, чтобы с ним были знакомы и те, кому не удалось посмотреть эти памятники в натуре.

И сейчас нашей основной задачей должно быть, чтобы в ближайшие годы эта громадная работа Сергея Федоровича увидела свет и чтобы можно было всем убедиться в том, как далеко опередила свое время экспедиция Сергея Федоровича в Китайский Туркестан¹.

СПбФА РАН. Ф. 909. Оп. 1. Д. 330. Л. 42–48. Машинопись.

¹ Это пожелание И.А. Орбели выполнено: см. следующий том ВТиМ.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абдуллаев 2015 – *Абдуллаев К.Н.* Русские и восстание в Синьцзяне в первой трети 1930-х гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Вып. 4. № 2. С. 15–19.
- Академическая археология 2013 – Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / отв. ред.-сост. Е.Н. Носов. СПб., 2013.
- Акимушкин 2007 – *Акимушкин О.Ф.* К истории формирования фонда мусульманских рукописей Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН // Письменные памятники Востока. СПб., 2007. № 1 (6). С. 208–229.
- Акопян 2013 – *Акопян А.В.* Евгений Александрович Пахомов (1880–1965). Библиография научных работ Е.А. Пахомова // Эпиграфика Востока. 2013. Т. 30. С. 310–329.
- Акрамов 1963 – *Акрамов Н.М.* Выдающийся русский востоковед В.В. Бартольд. Научно-биографический очерк. Душанбе, 1963.
- Акрамов 1970 – *Акрамов Н.М.* Из неопубликованных писем А.А. Семенова В.В. Бартольду // Ученые записки Душанбинского государственного педагогического института им. Т.Г. Шевченко. 1970. Т. 66. С. 71–92.
- Акрамова 1969 – *Акрамова Х.Ф.* Жизнь и научная деятельность члена-корреспондента АН СССР Михаила Степановича Андреева. Душанбе, 1969.
- Алекшин 2013 – *Алекшин В.А.* Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / отв. ред.-сост. Е.Н. Носов. СПб., 2013. С. 100–159.
- Ананьев 2011 – *Ананьев В.Г.* Проект создания церковного музея на Первой всероссийской конференции по делам музеев 1919 г.: к истории взаимоотношений музея и Церкви // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 2. С. 126–132.
- Ананьев 2013 – *Ананьев В.Г.* Музееведение в преподавательской деятельности Л.А. Мацуревича: по материалам фонда ученого // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2013. Т. XXXII. С. 498–508.
- Ананьев 2016 – *Ананьев В.Г.* Проблема централизации музейного дела в дискуссиях 1917 года (по материалам совещания в Институте истории искусств) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. Кн. 3. С. 733–742.
- Ананьев 2017 – *Ананьев В.Г.* «Побольше уважения к культурным традициям» или «Хаос и бесхозяйственное ведение дела»: нереализованные планы объединения этнографических музеев Петрограда 1917–1920 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 66–71.
- Ананьев, Бухарин 2018 – *Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* История искусства и археология в образовательном пространстве революционной России: два неизвестных проекта 1917 г. // Вопросы образования. 2018. № 3. С. 268–286.
- Арапов 2013 – *Арапов Д.Ю.* В.В. Бартольд о Хорезме в Средние века и Новое время // Ираннамэ. 2013. № 3 (27). С. 130–138.
- Археологическая хроника 1913 – Археологическая хроника. Псковская губерния // Известия Императорской Археологической Комиссии. Прибавление к выпуску 50-му. (Хроника и библиография, вып. 24). СПб., 1913.
- Археологическая хроника 1914 – Археологическая хроника. Псковская губерния // Известия Императорской Археологической Комиссии. Прибавление к выпуску 52-му. (Хроника и библиография, вып. 25). СПб., 1914.
- Арчимеева 2014 – *Арчимеева Р.М.* Кобдинское сражение в Монголии (1912) // Сибирь в войнах начала XX века. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 3–6 декабря 2013 г. Красноярск, 2014. С. 39–41.
- Ахвердов 1910 – *Ахвердов И.В.* Сборник маршрутов по Семиреченской области. Ташкент, 1910.
- Баллод 1923 – *Баллод Ф.В.* Приволжские Помпеи (Опыт художественно-археологического обследования части правобережной Саратовско-Царицынской полосы). М.; Пг., 1923.
- Бармин 1998 – *Бармин В.А.* Советский Союз и Синьцзян, 1918–1941 гг.: (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул, 1998.
- Бармин 2015 – *Бармин В.А.* О сотрудничестве и взаимодействии российских консульств в Синьцзяне с белогвардейскими частями атамана Б.В. Анненкова в 1919–1920 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Вып. 3. № 2. С. 28–33.
- Бартольд 1893 – *Бартольд В.В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период (по поводу семиреченских надписей) // ЗВОРАО. 1893. Т. VIII. С. 1–32.
- Бартольд 1894а – *Бартольд В.В.* Библиографическая заметка. Иоганн Гаури, Ислам в его влиянии на жизнь его последователей. Перевод с немецкого П. И. Хомутова. Ташкент. 1893 // Туркестанские ведомости. 1894. № 3.
- Бартольд 1894б – *Бартольд В.В.* По поводу христианского селения Вазкерд // Туркестанские ведомости. 1894. № 21. 24.III – V.IV.
- Бартольд 1895 – *Бартольд В.В.* Рец.: Веселовский Н. Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае // Окраина. 1895. № 16 (25.II/9.III).
- Бартольд 1897 – *Бартольд В.В.* Отчет по поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг. (Доложено в заседании Историко-филологического отделения 19 мая 1895 г.). СПб., 1897 (Записки Императорской академии наук. Сер. VIII. Т. I. № 4).
- Бартольд 1898 – *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья. Верный, 1898 (Памятная книжка Семиреченской области. Т. II).
- Бартольд 1900 – *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 2. Исследование. СПб., 1900.
- Бартольд 1902а – *Бартольд В.В.* К проекту восточного института // Туркестанские ведомости. 1902. № 165 (1/14 ноября).
- Бартольд 1902б – *Бартольд В.В.* Отзыв о трудах Ореста Авенировича Шкапского // Отчет ИРГО за 1901 г. СПб., 1902. С. 40–42.
- Бартольд 1904 – *Бартольд В.В.* Рец.: Федоров Д. Опыт военно-статистического описания Илийского края // ЗВОРАО. 1904. Т. XV. С. 131–137.
- Бартольд 1909 – *Бартольд В.В.* Обзор деятельности факультета восточных языков 1855–1905, составленный проф. В.В. Бартольдом: С приложением обзора истории востоковедения в России до 1855 г. СПб., 1909.
- Бартольд 1910 – *Бартольд В.В.* К истории Мерва // ЗВОРАО. 1909. Т. XIX. С. 115–138.
- Бартольд 1911 – *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России. Лекции, читанные в Санкт-Петербургском университете. СПб., 1911.
- Бартольд 1912 – Бартольд В.В. Рец.: Остроумов Н.П. Исламоведение. I. Аравия – колыбель ислама (فريز جبرعلا). Ташкент, 1910 // ЗВОРАО. 1912. Т. XX. С. 073–082.
- Бартольд 1913 – *Бартольд В.В.* Новое известие о стенах Дербента // ЗВОРАО. 1913. Т. XXI. С. IV–V.
- Бартольд 1922а – *Бартольд В.В.* Башня Кабуса как первый датированный памятник мусульманской персидской архитектуры // Ежегодник Российского института истории искусств. 1922. № 1. С. 121–125 (отд. оттиск: Пг., 1922).
- Бартольд 1922б – *Бартольд В.В.* Отчет о командировке в Туркестан // Известия Российской академии истории материальной культуры. 1922. Т. II. С. 1–22.
- Бартольд 1924 – *Бартольд В.В.* Научная поездка в Западную Европу // Анналы. 1924. № 4. С. 3–19.
- Бартольд 1925а – *Бартольд В.В.* Археологические работы в Самарканде летом 1924 г. // Известия РАИМК. 1925. Т. IV. С. 119–132.
- Бартольд 1925б – *Бартольд В.В.* Краткий обзор истории Азербайджана // Бартольд В.В. Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925. С. 139–147.
- Бартольд 1925с – *Бартольд В.В.* Мусейлима // Известия Российской академии наук. 1925. Сер. VI. Т. XIX. С. 483–512.

- Бартольд 1926 – *Бартольд В.В.* Занятия в туркестанских библиотеках и музеях летом 1925 г. // Известия Академии наук. 1926. Сер. VI. Т. XX. С. 217–236.
- Бартольд 1930 – *Худӯд ал-‘алам.* Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930.
- Бартольд 1963 – *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М., 1963 (В.В. Бартольд. Сочинения. Т. I).
- Бартольд, Ольденбург 1924 – *Бартольд В.В., Ольденбург С.Ф.* Записка об ученых трудах сэра А. Штейна (Sir A. Stein) // Известия Российской академии наук. 1924. Сер. VI. Т. XVIII. С. 568–569.
- Басханов 2005 – Русские военные востоковеды. Библиографический словарь / сост. М.К. Басханов. М., 2005.
- Басханов 2018а – *Басханов М.К.* События Гражданской войны в Туркестане и Семиречье в отчетах и донесениях британского консула в Кашгаре подполковника П.Т. Эдertonна (1918–1920) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2018. № 21. С. 42–59.
- Басханов 2018б – *Басханов М.К.* История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб., 2018.
- Батурич 2014 – *Батурич Ю.М.* «Военно-ученые» экспедиции в Синьцзян, секретная «трасса Z» в 1937–1943 гг. и неизвестный эпизод дипломатического противоборства на китайском направлении // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова) / отв. ред. К.В. Чистяков; ред.-сост. Т.И. Юсупова; ред. Т.Ю. Гнатюк. СПб., 2014. С. 319–338.
- Батурич 2017 – *Батурич Ю.М.* История спецоперации по поставке советского оружия в Китай (1937–1943 гг.). М., 2017.
- Беккин 2018 – *Беккин Р.И.* Книга, в которой чего только нет (рецензия на: Флыгин Ю.С. Знаком Востока: Жизненный путь и научная деятельность академика Василия Владимировича Бартольда. Ташкент: Toʻrop zamīn ziyo, 2016. – 80 с.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 2 (36). С. 364–370.
- Белоцерковский, Ишлинский, Кочина, Шабат 1985 – *Белоцерковский С.М., Ишлинский А.Ю., Кочина П.Я., Шабат Б.В.* Владимир Васильевич Голубев (к столетию со дня рождения) // Успехи математических наук. 1985. № 40/1 (241). С. 225–229.
- Бердяев 1955 – *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955.
- Богоявленский 1906 – *Богоявленский Н.В.* Западный Застенный Китай: Его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских подданных / Н.В. Богоявленский, бывший консул в Западном Китае. СПб., 1906.
- Бузескул 1931 – *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX вв. Ч. 2. Материалы. Л., 1931.
- Бурмистров 2007 – *Бурмистров К.Ю.* Василий Розанов и Эдуард Беренс: штрихи к «интересному знакомству» // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2004/2005. М., 2007. С. 368–456.
- Бухарин 2013 – *Бухарин М.Д.* Письма А.А. Дьякова к С.Ф. Ольденбургу из собрания СПФ АРАН // Вестник истории, литературы, искусства. 2013. № 9. С. 440–448.
- Бухарин 2016а – *Бухарин М.Д.* «Мы оба работаем для России, для науки...»: переписка С.Ф. Ольденбурга и Н.Н. Кроткова из архивных собраний РАН // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. 5. М., 2016. С. 395–457.
- Бухарин 2016б – *Бухарин М.Д.* Рец. на: Dreyer C. Abenteuer Seidenstrasse. Die Berliner Turfan-Expeditionen 1902–1914. Berlin, 2015 // ВДИ. 2016. № 4. С. 1051–1054.
- Бухарин 2016с – *Бухарин М.Д.* “Life is too short for all one’s tasks...” (Письма М.А. Стейна С.Ф. Ольденбургу из собрания СПбФ АРАН) // Сергей Федорович Ольденбург. Ученый и организатор науки. М., 2016. С. 25–56.
- Бухарин 2018а – *Бухарин М.Д.* Из записных книжек С.Ф. Ольденбурга // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX вв. Т. 2: Географические, археологические и исторические исследования (Архивы Российской академии наук

- и Национальной академии наук Кыргызской республики). М., 2018. С. 405–478.
- Бухарин 2018б – *Бухарин М.Д.* Переписка А. Грюневельда и С.Ф. Ольденбурга // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX вв. Т. 1: Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания. М., 2018. С. 371–422.
- Бухарин 2018с – *Бухарин М.Д.* Переписка В.В. Радлова и Р. Пишеля // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX вв. Т. 1: Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания. М., 2018. С. 287–299.
- Бухарин 2018д – *Бухарин М.Д.* Письма А.А. Дьякова С.Ф. Ольденбургу // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX вв. Т. 1: Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания. М., 2018. С. 593–599.
- Бухарин 2018е – *Бухарин М.Д.* «Тяжелы эти окраины...». Изучение Восточного Туркестана и Монголии в конце XIX – начале XX в. Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века. Т. 1: Эпистолярное наследие из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания. М., 2018. С. 11–81.
- Бухарин 2018ф – *Бухарин М.Д.* Переписка Н.Н. Кроткова и С.Ф. Ольденбурга // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX вв. Т. 1: Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания. М., 2018. С. 533–576.
- Бухарин 2019 – *Бухарин М.Д.* Исследование пещерно-храмовых комплексов Туюк-мазар и Безеклик Второй Русской Туркестанской экспедицией в 1915 г. (по материалам записных книжек С.Ф. Ольденбурга) // Вестник древней истории. 2019. № 1. С. 806–829.
- Бухарин, Инкина 2018 – *Д.А. Клеменц.* Путевой дневник / изд. подг. М.Д. Бухарин, Н.В. Инкина // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX вв. Т. 2: Географические, археологические и исторические исследования (Архивы Российской академии наук и Национальной академии наук Кыргызской республики). М., 2018. С. 207–274.
- Бухарин, Камалов 2018 – *С.Ф. Ольденбург.* Дневник Туркестанской экспедиции, снаряженной по высочайшему повелению Русским комитетом по изучению Средней и Восточной Азии / введение, текст, коммент. подг. М.Д. Бухарин, А.К. Камалов // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX вв. Т. 2: Географические, археологические и исторические исследования (Архивы Российской академии наук и Национальной академии наук Кыргызской республики). М., 2018. С. 479–572.
- Бухарин, Поникировская 2018 – *Бухарин М.Д., Поникировская М.В.* Письма С.Е. Малова С.Ф. Ольденбургу // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX вв. Т. 1: Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания. М., 2018. С. 601–613.
- Бухарин, Попова 2018 – *Бухарин М.Д., Попова И.Ф.* Переписка Н.Ф. Петровского и В.В. Бартольда // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX вв. Т. 1: Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания. М., 2018. С. 299–341.
- Бухарин, Попова, Тункина 2018а – *Бухарин М.Д., Попова И.Ф., Тункина И.В.* Переписка С.Ф. Ольденбурга и Д.А. Клеменца // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX вв. Т. 1: Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания. М., 2018. С. 239–287.
- Бухарин, Попова, Тункина 2018б – *Бухарин М.Д., Попова И.Ф., Тункина И.В.* Русские Туркестанские экспедиции 1909–1910 и 1914–

- 1915 гг. // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века. Т. II: Археологические, исторические и географические исследования (архивы Российской академии наук и Национальной академии наук Кыргызской республики. М., 2018. С. 9–35.
- Бухарин, Тункина 2015 – *Бухарин М.Д., Тункина И.В.* Русские Туркестанские экспедиции в письмах С.М. Дудина к С.Ф. Ольденбургу из собрания Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 3. С. 107–128.
- Бухарин, Тункина 2017 – *Бухарин М.Д., Тункина И.В.* Неизданное научное наследие академика С.Ф. Ольденбурга (к 100-летию завершения работ Русских Туркестанских экспедиций) // Scriptaantiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2017. Т. VI. С. 491–513.
- Бухарин, Тункина 2018а – *Бухарин М.Д., Тункина И.В.* Переписка Н.Ф. Петровского, В.Р. Розена и С.Ф. Ольденбурга // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX вв. Т. I: Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания. М., 2018. С. 83–197.
- Бухарин, Тункина 2018б – *Бухарин М.Д., Тункина И.В.* Письма С.М. Дудина С.Ф. Ольденбургу // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX вв. Т. I: Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания. М., 2018. С. 577–592.
- Бухарин, Шувельчинская 2018 – Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX вв. Т. 3: Фотоархив Первой Русской Туркестанской экспедиции 1909–1910 гг. / изд. подг. М.Д. Бухарин, С.Л. Шувельчинская. М., 2018.
- Бухерт 2017 – *Бухерт В.Г.* «Необходимо укрепить изучение зарубежного Востока». Л.А. Мерварт – сотрудница Института истории АН СССР // Восточный архив. 2017. № 2 (36). С. 53–60.
- Васильев 1912 – *Васильев А.А.* Отчет о заграничной командировке Генерального штаба подполковника Васильева из г. Омска в Западный Китай, в г. Урумчи, в мае 1911 года. Омск, 1912.
- Васильева 2002 – *Васильева Н.Е.* Виктор Романович Розен – основатель русской школы востоковедения // ЗВОРАО. Новая серия. 2002. Т. I (XXVI). С. 488–494.
- Вахромеева 2008 – *Вахромеева О.Б.* (сост.). Бестужевка в цифрах: к 130-летию юбилею Санкт-Петербургских Высших женских курсов (1878–1918 гг.) / вступ. статьи О.Б. Вахромеевой, Т.Н. Жуковской, А.Г. Румянцев, Н. Тихонов-Сигрист. СПб., 2008.
- Вахромеева 2015 – *Вахромеева О.Б.* Их дань Бестужевским курсам (объединенная деятельность бывших бестужевок в 50–70-е годы XX века). СПб., 2015.
- Вахромеева 2018 – *Вахромеева О.Б.* Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918). М., 2018.
- Веселовский 1910 – *Веселовский Н.И.* Лекции по истории Востока, читанные профессором С.-Петербургского университета Н.И. Веселовским, просмотренные профессором В.В. Бартольдом. СПб., 1910.
- Веселовский, Клеменц, Ольденбург 1900 – *Веселовский Н.И., Клеменц Д.А., Ольденбург С.Ф.* Записка о снаряжении экспедиции с археологической целью в бассейн Тарима // ЗВОРАО. 1900. Т. XIII. Вып. 1. С. IX–XVIII.
- Весь Петроград 1917 – *Весь Петроград на 1917 год: адресная и справочная книга г. Петрограда.* Петроград, 1917.
- Вигасин 2008 – *Вигасин А.А.* Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008.
- Витфилд 2008 – *Витфилд С.* Взаимоуважение в отношениях ученых в период политического противостояния // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX века / отв. ред. И.Ф. Попова. Санкт-Петербург, 2008. С. 203–218.
- Волкова 2019 – *Волкова И.В.* Провинция Синьцзян в советско-китайских отношениях (1941–1942 гг.) // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 20–24.

- Воробьева-Десятовская 2011 – *Воробьева-Десятовская М.И.* Великие открытия русских ученых в Центральной Азии. СПб., 2011.
- Воробьева-Десятовская 2012 – *Воробьева-Десятовская М.И.* М.М. Березовский как археолог (По материалам Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН) // ВДИ. 2012. № 2. С. 176–182.
- Воробьева-Десятовская 2016 – *Воробьева-Десятовская М.И.* С.Ф. Ольденбург как исследователь буддийской культуры Центральной Азии // Сергей Федорович Ольденбург – ученый и организатор науки / отв. ред. И.Ф. Попова. М., 2016. С. 66–78.
- Востоковедение 1923 – *Востоковедение в Петрограде. 1918–1922.* Памятка Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской академии наук / сост. Вл. Котвич. Пг., 1923.
- Галиев 2010 – *Галиев В.В.* Особенности охраны российских консульств в Синьцзяне в начале XX века // Молодой ученый. 2010. № 5 (16). С. 93–95.
- Галкин 1888 – *Галкин А.С.* Очерк состояния вооруженных сил Китая в сопредельных с Россией областях Чжунгарии и Восточного Туркестана // СМА. 1888. Вып. XXXV. С. 1–156.
- Ганин 2004 – *Ганин А.В.* Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004.
- Гасанлы 2016 – *Гасанлы Джамиль.* Синьцзян в орбите советской политики: Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане, 1931–1949. М., 2016.
- Гаури 1893 – *Гаури J.* Ислам в его влиянии на жизнь его последователей / пер. П.И. Хомутова. Ташкент, 1893.
- Годунова 1989 – *Годунова Л.Н.* Органы управления музейным делом в СССР. 1917–1941 гг. // Музейное дело в СССР. Музейное строительство в СССР. Сборник научных трудов Центрального музея революции. М., 1989. Вып. 19. С. 13–42.
- Головчинер 2005 – *Головчинер В.Д.* Раздумья и размышления // Степан Петрович Яремич. Оценки и воспоминания современников. Статьи Яремича о современниках. Сборник. СПб., 2005. С. 101–119.
- Голоушкин 1951 – *Голоушкин В.Н.* Иван Иванович Боргман // Успехи физических наук. 1951. Т. 44. Вып. 2. С. 255–263.
- Гольцев 2009 – *Гольцев В.А.* Сибирская Вандея. Судьба атамана Анненкова. М., 2009.
- Гросс 1929 – *Гросс В.* Плохое пробуждение // Красная газета. Вечерний выпуск. 12 января, суббота, 1929 г. № 11.
- Грумм-Гржимайло 1896 – *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Описание путешествия в Западный Китай. Т. 1. Вдоль Восточного Тянь-Шаня. СПб., 1896.
- Дацышен 2007 – *Дацышен В.Г.* Китайский труд на Урале в годы Первой мировой войны // Уральское востоковедение. 2007. Вып. 2. С. 49–58.
- Дешпанде 2008 – *Дешпанде В.Г.* Пещеры тысячи будд: Российские экспедиции на Шелковом пути. К 190-летию Азиатского музея. Каталог выставки / науч. ред. О.П. Дешпанде. СПб., 2008.
- Джумаев 2013 – *Джумаев А.Б.* Александр Александрович Семенов – исследователь художественной культуры народов Средней Азии и Ирана // Иран-намэ. 2013. № 3 (1927). С. 258–306.
- Добросмыслов 1912 – *Добросмыслов А.И.* Ташкент в настоящем и прошлом. Исторический очерк. Ташкент, 1912.
- Дополнения 1910 – *Дополнения и поправки // ЗВОРАО. 1910. Т. XIX. С. 215–216.*
- Дорофеев 1910 – *Дорофеев В.В.* Сборник маршрутов по Синьцзяну и Северной Монголии / под руководством начальника штаба Омского военного округа Генерального штаба генерал-лейтенанта Тихменева. Составил сотник Дорофеев. Омск, 1910.
- Дудин 2016 – *Дудин С.М.* Архитектурные памятники китайского Туркестана. (Из путевых записок). Пг., 1916.
- Дуньхуановедение 2012 – *Дуньхуановедение: Перспективы и проблемы второго столетия исследований / отв. ред. И.Ф. Попова, И Лю.* СПб., 2012.
- Дьяков 1908а – *Дьяков А.А.* Русская торговля в Урумчи. Донесение управляющего консульством в Урумчи // СКД. 1908. Вып. II. С. 364–396.

- Дьяков 1908b – *Дьяков А.А.* Воспоминания илийского сибинца о дунганско-таранчинском восстании в 1864–1871 годах в Илийском крае // ЗВОРАО. 1908. Т. XVIII. С. 233–282.
- Дьяков 1914 – *Дьяков А.А.* Донесение императорского российского консула. Отчет о торговле в Урумчи за 1913 г. // ДИРКП. 1914. № 46. С. 59–77.
- Дьяков 1916 – *Дьяков А.А.* Донесение императорского российского консула в Урумчи. Сведения о русской торговле в городе Урумчи и других городах Урумчийского консульского округа за 1914 г. // ДИРКП. 1916. № 57. С. 59–117.
- Дьяконова 1995 – *Дьяконова Н.В.* Шикшин. Материалы Первой Русской Туркестанской экспедиции академика С.Ф. Ольденбурга 1909–1910 гг. М., 1995.
- Елихина 2015 – *Елихина Ю.И.* Гау-реликварий // «Обитель милосердия». Искусство тибетского буддизма. Каталог выставки / науч. ред. Ю.И. Елихина. СПб., 2015. С. 470–471.
- Жебелёв 2017 – *Жебелёв С.А.* Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Библиографический словарь членов РАО (1846–1924) / отв. ред., сост., вступит. статья И.В. Тункиной. М., 2017 (Ad fontes: Материалы и исследования по истории науки. Supplementum. 5).
- Жуков 1989 – *Жуков Ю.Н.* Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры, 1917–1920. М., 1989.
- Жуковский 1894 – *Жуковский В.А.* Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва. СПб., 1894 (Материалы по археологии России, изданные Императорской археологической комиссией. № 16).
- Журналы заседаний 2009 – Журналы заседаний совета Эрмитажа. СПб., 2009. Ч. II. 1920–1926 годы.
- Жэнь Лань Синь 2007 – *Жэнь Лань Синь.* Памятники пещерно-храмового ансамбля Дуньхуань в контексте буддийского искусства: на материале коллекции Государственного Эрмитажа: автореферат дис. ... кандидата искусствоведения : 17.00.09. СПб., 2007.
- Загорский 2005 – *Загорский А.* К истории атамана Дутова // Белая эмиграция в Китае и Монголии. М., 2005. С. 11–19.
- Зайцев 2013 – *Зайцев И.В.* Письма В.В. Бартольда И.Н. Бороздину // Восточный архив. 2013. № 2 (28). С. 58–64.
- Закс 1968 – *Закс А.Б.* Источники по истории музейного дела в СССР (1917–1941) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1968. Вып. VI. С. 5–54.
- Закс 1970 – *Закс А.Б.* Из истории экспозиционной мысли советских музеев // Труды Научно-исследовательского института музееведения и охраны памятников истории и культуры. М., 1970. Вып. 22. С. 128–165.
- Закс 1982 – *Закс А.Б.* Первая Всероссийская конференция по делам музеев. Февраль 1919 года (По материалам отдела письменных источников Государственного исторического музея) // Актуальные вопросы изучения фондов музея по истории советского общества. М., 1982. С. 149–157.
- Зенина 1962 – *Зенина Л.В.* Кюннер, историк Дальнего Востока // Очерки по истории Ленинградского университета. 1962. Т. I. С. 81–88.
- Зильберштейн 2005 – *Зильберштейн И.С.* Живое общение искусством // Степан Петрович Яремич. Оценки и воспоминания современников. Статьи Яремича о современниках. Сборник. СПб., 2005. С. 141–146.
- Иностранцев 1909 – *Иностранцев К.А.* Сасанидские этюды. СПб., 1909.
- Исакова 2009 – *Исакова М.С.* Д.И. Нечкин и становление государственной архивной службы Узбекистана (1919–1923 гг.) // Отечественные архивы. 2009. № 6. С. 8–14.
- Каган 1994 – *Каган М.С.* Музей в системе культуры // Вопросы искусствознания. 1994. № 4. С. 445–460.
- Каганович 2006 – *Каганович Б.С.* Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб., 2006.
- Каганович 2013 – *Каганович Б.С.* Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. 2-е изд. СПб., 2013.

- Каганович 2016 – *Каганович Б.С.* Сергей Федорович Ольденбург и Николай Яковлевич Марр // Сергей Федорович Ольденбург. Ученый и организатор науки / отв. ред. И.Ф. Попова. М., 2016. С. 136–152.
- Карта 1879 – Карта северной части Восточного Туркестана по сведениям капитана Куропаткина и маршрутной съемки штабс-капитана Старцева в 1876 г. СПб., 1879.
- Карта 1895 – Карта Восточного Туркестана и северной окраины Тибетского нагорья, составлена по сведениям, маршрутным съемкам и астрономическим наблюдениям экспедиции М.В. Певцова в 1889–90 годах. СПб., 1895.
- Киселев 2012 – *Киселев Д.* «Шитоулинское дело»: действия русских войск в Маньчжурии в период до 1900 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 2. С. 144–153.
- Клинов 2018 – *Клинов А.С.* К вопросу о событиях в Синьцзяне в начале 1930-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 1. С. 124–137.
- Кляшторный 1964 – *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
- Кожевникова 2013 – *Кожевникова М.Н.* Ботанические коллекции // Российские экспедиции в Центральную Азию: организация, полевые исследования, коллекции. 1870–1920-е гг. / под ред. А.И. Андреева. СПб., 2013. С. 233–265.
- Козлов 1923 – *Козлов П.К.* Монголия и мертвый город Хара-Хото. М.; Пг., 1923.
- Комиссарова 2004 – *Комиссарова Е.Н.* Белогвардейская эмиграция в Синьцзяне в 1920–1935 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. Барнаул, 2004.
- Корнилов 1903 – *Корнилов Л.Г.* Кашгария или Восточный Туркестан: Опыт военно-статистического описания. Ташкент, 1903.
- Краснов 1934 – *Краснов П.Н.* Сибирские казаки // Сибирский казак. Войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска. 1582–1932. Вып. I. Наше прошлое до Великой войны 1914 года. Харбин, 1934. С. 120–130.
- Крачковский 1916 – *Крачковский И.Ю.* Новая рукопись пятого тома истории Ибн Миска-вайха // Известия Академии наук. Сер. VI. 1916. Т. X. С. 539–546.
- Крачковский 1934a – *Крачковский И.Ю.* В.В. Бартольд в истории исламоведения // Известия Академии наук. 1934. Отделение общественных наук. С. 5–18.
- Крачковский 1934b – Академик С.Ф. Ольденбург. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Речи в заседании Академии наук 1 февраля 1933 г., посвященном чествованию акад. С.Ф. Ольденбурга / под ред. И.Ю. Крачковского. Библиография. Л., 1934.
- Крачковский 2004 – *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. М., 2004.
- Крачковский, Марр, Ольденбург 1924 – *Крачковский И.Ю., Марр Н.Я., Ольденбург С.Ф.* Записка об ученых трудах И.А. Орбели // Известия Российской академии наук. Сер. VI. 1924. Т. XVIII. С. 574–576.
- Кротков 1908 – *Кротков Н.Н.* Урумчийский консульский округ и русская торговля в нем в 1906 году // Известия ИРГО. 1908. Т. XLIV. Вып. 6. С. 361–387.
- Кротков 1913 – *Кротков Н.Н.* Краткие заметки о современном состоянии шаманства у сибирских живущих в Илийской области и Тарбагатае // ЗВОРАО. 1913. Т. XXI. Вып. II–III. С. 117–137.
- Кузнецова, Кулагина 1970 – *Кузнецова Н.А., Кулагина Л.М.* Из истории советского востоковедения. 1917–1967. М., 1970.
- Кузьмин 2014 – *Кузьмин Ю.В.* Иркутские архивные материалы о деятельности японской разведки в Монголии и Маньчжурии в начале XX в. // Сибирь в войнах начала XX века. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 3–6 декабря 2013 г. Красноярск, 2014. С. 28–32.
- Лавров 2018 – Отчет по объезду округа консульства в Кашгаре, совершенному секретарем консульства Михаилом Ивановичем Лавровым (1902–1906) / изд. подг. М.Д. Бухарин // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX вв. Т. 2: Географические, археологические и исторические исследования (Архивы Российской академии наук и На-

- циональной академии наук Кыргызской республики). М.: «Памятники исторической мысли», 2018. С. 39–205.
- Ласточкин 1911 – *Ласточкин В.Г.* Восточный Туркестан. Кашгария. Ташкент, 1911.
- Литвинский, Терентьев-Катанский 1988 – *Литвинский Б.А., Терентьев-Катанский А.П.* История изучения // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерк истории. М., 1988. С. 17–82.
- Литвинский 2000 – *Литвинский Б.А.* Архитектура и строительное дело // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: архитектура, искусство, костюм. М., 2000. С. 13–218.
- Логинова 2016 – *Логинова В.Е.* Российская духовная миссия в Китае во второй половине XIX века // Альманах Свято-Филаретовского Православно-Христианского института. 2016. Вып. 19. С. 61–83.
- Лунин 1981 – *Лунин Б.В.* Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда. Средняя Азия в отечественном востоковедении. Ташкент, 1981.
- Макшеев 1881 – *Макшеев А.И.* Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 год. СПб., 1881.
- Маннергейм 1909 – *Маннергейм К.Г.-Э.* Предварительный отчет о поездке, предпринятой по высочайшему повелению через Китайский Туркестан и северные провинции Китая в г. Пекин в 1906–7 и 8 гг. СПб., 1909 (Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXXXI).
- Марковчин 2010 – *Марковчин В.В.* Деятельность русской военной эмиграции в Северо-Западном Китае: 1920–1926 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Курск, 2010.
- Март 1934 – *Март Н.Я.* С.Ф. Ольденбург и проблема культурного наследия // Академик С.Ф. Ольденбург. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Речи в заседании Академии наук 1 февраля 1933 г., посвященном чествованию акад. С.Ф. Ольденбурга. Библиография. Л., 1934. С. 5–14.
- Маршрут 1904 – Маршрут от г. Джаркента до г. Урумчи / сост. сотником 2-го Сибирского казачьего полка Боковым // СССТВО. 1904. Вып. LVI. № 8. С. 22–36.
- Маршрут 1910 – Маршрут № 52. От г. Джаркента до китайского г. Урумчи // Сборник маршрутов по Семиреченской области / сост. Генштаба подполк. Ахвердовым. Ташкент, 1910. С. 282–307.
- Меньшиков 1963 – Китайские рукописи из Дуньхуана: Памятники буддийской литературы Сувэньсюэ / издание текстов и предисл. Л.Н. Меньшикова. М., 1963.
- Меньшиков 1993 – *Меньшиков Л.Н.* К изучению материалов Русской Туркестанской экспедиции 1914–1915 гг. // Петербургское востоковедение. 1993. № 4. С. 321–331.
- Михайлов 1941 – *Михайлов А.* Урумчинский конвойный взвод // Сибирский казак. Войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска. 1582–1932. Вып. II. Время Великой войны (1914–1917). Харбин, 1941. С. 42–47.
- Мишин, Сидоров и др. 2004 – Переписка В.Р. Розена и С.Ф. Ольденбурга (1887–1907) / Д.Е. Мишин, М.А. Сидоров и др. (публ.) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. II. М., 2004. С. 201–399.
- Муравьев 2012 – *Муравьев В.Б.* Московские легенды. По заветной дороге российской истории. URL: <https://www.litmir.me/bg/?b=204437&r=1> (дата последнего обращения: 21.08.2019).
- Мясников 2014а – *Мясников В.С.* Третья дальневосточная война 1894–1895 гг. и эволюция политики России в регионе // Мясников В.С. Кастальский ключ китаеведа. Т. 7. Китайская рапсодия. М., 2014. С. 71–87.
- Мясников 2014б – *Мясников В.С.* Цицикарский протокол 1911 г. // Мясников В.С. Кастальский ключ китаеведа. Т. 3. Договорными статьями утвердили. Россия и Китай: 400 лет межгосударственных отношений. М., 2014. С. 327–342.
- Наземцева 2004 – *Наземцева Е.Н.* Активизация антисоветской деятельности белой эмиграции в Синьцзяне в 1927–1930 гг. // Востокведные исследования на Алтае. Барнаул, 2004. С. 133–143.

- Наземцева 2010 – *Наземцева Е.Н.* Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.). Барнаул, 2010.
- Наземцева 2012 – *Наземцева Е.Н.* Русская эмиграция в Синьцзяне в коллекциях центральных российских архивов: проблемы научного поиска и анализа // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 94–97.
- Наземцева 2013 – *Наземцева Е.Н.* Русские эмигранты в Синьцзяне и интересы великих держав в первой половине XX в. // Российская диаспора в странах Востока: история и современность. М., 2013. С. 26–34.
- Наземцева 2015 – *Наземцева Е.Н.* Политико-правовое положение русской эмиграции в китайской провинции Синьцзян в 1930–1940-е годы // Русское зарубежье: история и современность. М., 2015. С. 80–92.
- Наземцева 2016 – *Наземцева Е.Н.* На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае в советско-китайских отношениях (1920–1940-е гг.). СПб., 2016.
- Назирова 1992 – *Назирова Н.Н.* Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении. М., 1992.
- Наука 1920 – Наука в России. Справочный ежегодник. Данные к 1 января 1918 г. / издан Российской академией наук и редакцией журнала «Природа» при содействии Книжной палаты / под наблюдением неперменного секретаря РАН академика С.Ф. Ольденбурга. Вып. 1. Пг., 1920.
- Наука 1923 – Наука в России. Научные работники Петрограда. Справочник. Данные к началу 1922 года / составлен Комиссией «Наука в России» при Российской академии наук под наблюдением неперменного секретаря РАН академика С.Ф. Ольденбурга. М.; Пг., 1923.
- Наука 1926 – Наука и научные работники СССР: Справочник, составленный Комиссией «Наука и научные работники СССР» под наблюдением и непосредственным руководством неперменного секретаря Академии наук академика С.Ф. Ольденбурга и председателя комиссии академика Е.Ф. Карского. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Ч. II: Научные учреждения Ленинграда.
- Наука 1928 – Наука и научные работники СССР. Справочник, составляемый Комиссией «Научные учреждения и научные работники СССР» под наблюдением и непосредственным руководством неперменного секретаря Академии наук академика С.Ф. Ольденбурга и председателя комиссии академика Е.Ф. Карского. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. Ч. VI: Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда.
- Образование Казахской АССР 1957 – Образование Казахской АССР. Сборник документов и материалов / под ред. С.Н. Покровского. Алма-Ата, 1957.
- Обручев 1951 – *Обручев В.А.* В джунглях Центральной Азии (записки кладоискателя). М., 1951.
- Обухов 2012 – *Обухов В.Г.* Потерянное Беловодье: история русского Синьцзяна. М., 2012.
- Ольденбург 1892 – *Ольденбург С.Ф.* Кашгарская рукопись Н.Ф. Петровского. СПб., 1892 (отд. отт. из: Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. 1893. 7. 1–4. С. 81–82. 1 табл.).
- Ольденбург 1896 – *Ольденбург С.Ф.* Буддийские легенды и буддизм // ЗВОРАО. 1896. Т. IX. С. 157–165.
- Ольденбург 1904 – *Ольденбург С.Ф.* Исследование памятников старинных культур Китайского Туркестана // Журнал министерства народного просвещения. 1904. Ч. CCCLIII. С. 366–397.
- Ольденбург 1906 – *Ольденбург С.Ф.* Краткие заметки о некоторых непальских миниатюрах // ЗВОРАО. 1904–1905 (1906). Т. XVI. С. 213–223.
- Ольденбург 1912 – *Ольденбург С.Ф.* Памяти Николая Федоровича Петровского. 1837–1908 // ЗВОРАО. 1910 (1912). Т. XX. С. 01–08.
- Ольденбург 1914 – *Ольденбург С.Ф.* Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 г., снаряженная по высочайшему повелению состоящим под высочайшим Его императорского величества покровительством Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Краткий предварительный отчет. СПб., 1914.

- Ольденбург 1917 – *Ольденбург С.Ф.* Экспедиция Д.А. Клеменца в Турфан в 1898 году. Иркутск, 1917.
- Ольденбург 1921а – *Ольденбург С.Ф.* Государственные музеи и их культурно-просветительное значение // Наука и ее работники. 1921. № 2. С. 10–12.
- Ольденбург 1921б – *Ольденбург С.Ф.* Русские археологические исследования в Восточном Туркестане // Казанский музейный вестник. 1921. № 1–2. С. 25–30.
- Ольденбург 1922 – *Ольденбург С.Ф.* Пещеры тысячи будд // Восток. 1922. № 1. С. 57–66.
- Ольденбург 1923 – *Ольденбург С.Ф.* Научная работа музеев // Музей. 1923. № 1. С. 13–17.
- Ольденбург 1925 – *Ольденбург С.Ф.* Искусство в пустыне // 30 дней. 1925. № 1. С. 41–52.
- Ольденбург 1926 – *Ольденбург С.Ф.* Владимир Андреевич Стеклов // Научный работник. 1926. № 5–6. С. 3–5.
- Ольденбург 1927 – *Ольденбург С.Ф.* Впечатления о научной жизни в Германии, Франции и Англии // Научный работник. 1927. № 2. С. 88–101.
- Ольденбург 1929 – *Ольденбург С.Ф.* Наше музейное дело // Красная газета. Вечерний выпуск. 9 января 1929 г. № 8.
- Ольденбург 1931 – *Ольденбург С.Ф.* Василий Владимирович Бартольд. 15/XI.1869 – 19.VIII.1930 // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1931. № 1. С. 1–6.
- Островитянов 1964 – История Академии наук СССР. Т. 2: (1803–1917) / Под ред. К. В. Островитянова. М.; Л.: 1964.
- Остроумов 1906 – *Остроумов Н.П.* Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. Часть I. 1906. Февраль. СПб., 1906.
- Остроумов 1907 – *Остроумов Н.П.* Мадрасы в Туркестанском крае // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. Часть VII. Январь. СПб., 1907.
- От главного редактора 2005 – От главного редактора, или долгий путь к изданию // Степан Петрович Яремич. Оценки и воспоминания современников. Статьи Яремича о со-
временниках. Сборник. СПб.: Сад искусств, 2005. С. 5–8.
- Отчет 1909 – Отчет о деятельности Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии за 1908 год // Приложение к Протоколам заседаний. 1909. № I. С. 7–11.
- Отчет 1910 – Отчет о деятельности Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии за 1910 год // Приложение к Протоколам заседаний. 1911. № 1. Заседание 5 февраля.
- Отчет 1911 – Отчет о деятельности Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии за 1911 год // Приложения к протоколам заседаний. 1912. № 1. Заседание 8 февраля.
- Отчет 1924 – Отчет о деятельности Российской академии наук за 1923 год. Л., 1924.
- Отчет 1931 – Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик за 1930 г. / сост. В.П. Волгин. Л., 1931.
- Отчет 1935 – Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик в 1934 году. М.; Л., 1935.
- Охотин, Рогинский 1999 – *Охотин Н., Рогинский А.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. URL: <http://pmem.ru/index.php?id=114> (дата последнего обращения: 20.08.2019).
- Памятники 1985 – Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 1 / издание текстов, исследование и комментарий Г.М. Бонгард-Левина, М.И. Воробьевой-Десятковской. М., 1985.
- Пан 2007 – *Пан Т.А.* Неизданный текст Н.Н. Кроткова «О шаманах у сибинцев» // Проблемы общей и региональной этнографии: (к 75-летию А.М. Решетова). СПб., 2007. С. 52–57.
- Пархоменко 1991 – *Пархоменко Т.А.* Музеи дореволюционной России во внешкольном образовании (вторая пол. XIX – нач. XX в.) // Музей и власть. М., 1991. Ч. 2. Из жизни музеев. С. 27–43.
- Пахомов 1923 – *Пахомов Е.А.* Краткий курс истории Азербайджана с приложением экскурса по истории ширваншахов XI–XIV вв. Баку, 1923.

- Пашенный 1967 – *Пашенный Н.Л.* Императорское Училище правоведения и правоведы в годы мира, войны и смуты. Мадрид, 1967.
- Пескарева 1980 – *Пескарева К.М.* К истории создания Российской академии истории материальной культуры // КСИА. 1980. № 163. С. 26–32.
- Петров 2003 – *Петров В.И.* Мятежное «сердце» Азии: Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003.
- Петровский 1894 – *Петровский Н.Ф.* Еще заметка к статье В. Бартольда «О христианстве в Туркестане в домонгольский период» // ЗВОРАО. 1894. Т. VIII. Вып. III–IV. С. 354–358.
- Петровский 2010 – *Петровский Н.Ф.* Туркестанские письма / сост. В.Г. Бухерт. М., 2010.
- Пиотровский 2016 – *Пиотровский М.Б.* С.Ф. Ольденбург и Государственный Эрмитаж // Сергей Федорович Ольденбург. Ученый и организатор науки / отв. ред. И.Ф. Попова. М., 2016. С. 253–258.
- Покровский 1913 – *Покровский С.В.* Путешествия Г.Е. и М.Е. Грум-Гржимайло. М., 1913.
- Полинов 1953 – *Полинов И.Г.* Синьцзян в период китайской революции 1911–1913 гг. Автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Ташкент, 1953.
- Полное собрание 1905 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIII. 1903. Отделение I. От № 22360–23838 и дополнения. СПб., 1905.
- Понькин 1997 – *Понькин А.Т.* Путь отца: Россия – Китай – Австралия. Сидней, 1997.
- Попова 2008а – *Попова И.Ф.* Вторая Русская Туркестанская экспедиция С.Ф. Ольденбурга (1909–1910) // Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX вв. СПб., 2008. С. 158–175.
- Попова 2008б – *Попова И.Ф.* Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX веков // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX века. СПб., 2008. С. 11–39.
- Постников 2005 – *Постников А.В.* Схватка на «крыше мира». Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке (монография в документах). М., 2005.
- Потанин 1891 – *Потанин Г.Н.* Урга // Всемирная иллюстрация. 1891. № 1178.
- Пржевальский 1883 – *Пржевальский Н.М.* Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. СПб., 1883 (Третье путешествие в Центральной Азии).
- Пржевальский 1888 – *Пржевальский Н.М.* От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима: 4-е путешествие в Центральной Азии. СПб., 1888.
- Прищепова 2017 – *Прищепова В.А.* Культурные объекты Бухарского ханства в фотоколлекции Б.Ф. Ромберга // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты в МАЭ РАН в 2016 г. СПб., 2017. С. 375–383.
- Прищепова 2011а – *Прищепова В. А.* Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX – начала XX века в собраниях Кунсткамеры. СПб., 2011.
- Прищепова 2011б – *Прищепова В.А.* К 150-летию со дня рождения С.М. Дудина – художника, этнографа (по материалам МАЭ РАН) // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 608–649.
- Протоколы 1907 (4) – Протоколы заседаний Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. [СПб], 1907. № 4. Заседание 10 декабря. С. 3.
- Протоколы 1909 – Протоколы заседаний Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. [СПб], 1909. № II. С. 1–10.
- Протоколы 1911 (1) – Протоколы заседаний Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. [СПб], 1911. № 1. Заседание 5 февраля.
- Протоколы 1911 (4) – Протоколы заседаний Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. [СПб], 1911. № 4. Заседание 13 мая.

- Протоколы 1912 (1) – Протоколы заседаний Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. [СПб], 1912. № 1. Заседание 18 февраля.
- Протоколы 1913 – Протоколы заседаний Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. [СПб], 1913. № III. С. 27–34.
- Протоколы 1914 – Протоколы заседаний Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. [СПб], 1914. № III. С. 35–46.
- Путеводитель 1904 – Путеводитель по Музею антропологии и этнографии имени Петра Великого: Отдел этнографический. СПб., 1904.
- Рагоза 1972 – *Рагоза А.Н.* К истории сложения коллекции рукописей на среднеиранских языках из Восточного Туркестана, хранящихся в рукописном отделе ЛО ИВАН // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1969. М., 1972. С. 244–261.
- Радлов 1890 – Кудатку-Билик: факсимиле уйгурской рукописи Императорской и королевской Придворной библиотеки в Вене / Издано по поручению Императорской С.-Петербургской академии наук В.В. Радловым. СПб., 1890.
- Разгон 1991 – *Разгон А.М.* Предварительный музейный съезд – итоги развития музейного дела в России // Музей и власть. М., 1991. Ч. 2. Из жизни музеев.
- Рерих 1994 – *Рерих Ю.Н.* По тропам Срединной Азии. Самара, 1994.
- Речи сибирских депутатов 1910 – Речи сибирских депутатов в Государственной думе // Сибирские вопросы: периодический сборник. 1910. № 22–23. С. 89–97.
- Решетов 1998 – *Решетов А.М.* Д.А. Клеменц и Музей антропологии и этнографии // Пигмалион музейного дела в России. К 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца. СПб., 1998. С. 59–94.
- Решетов 2002 – *Решетов А.М.* Академик В.В. Радлов – востоковед и музеевед (основные этапы деятельности) // Радловские чтения-2002: Материалы годичной научной сессии. СПб., 2002. С. 95–101.
- Рифтин 1972 – Бяньвэнь о воздаянии за милости: (Рукопись из Дуньхуанского фонда Инта востоковедения) / отв. ред. Б.Л. Рифтин. М., 1972.
- Роборовский 1949 – *Роборовский В.И.* Путешествие в Восточный Тянь-Шань и в Нян-Шань. Труды экспедиции Русского географического общества по Центральной Азии в 1893–1895 гг. / под редакцией, со вступительной статьей и комментариями Б.В. Юсова. М., 1949.
- Рогачев 2014 – *Рогачев А.В.* Москва: великие стройки социализма. URL: <https://www.litres.ru/a-v-rogachev/moskva-velikie-stroyki-socializma/chitat-onlayn/> (дата последнего обращения: 20.08.2019).
- Розен 1892 – *Розен В.Р.* А. Мюллер (Некролог) // ЗВОРАО. 1892. Т. 7. С. 329–334.
- Рокхиль 1901 – *Рокхиль В.В.* В страну лам: путешествие по Китаю и Тибету. СПб., 1901.
- Российские экспедиции 2008 – Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX века / отв. ред. И.Ф. Попова. СПб., 2008.
- Рукописи из Дуньхуана 1992–2001 – Рукописи из Дуньхуана в коллекции Санкт-Петербургского Института востоковедения Российской академии наук. Т. 1–17. СПб., 1992–2001.
- Русско-китайские договорно-правовые акты 2004 – Русско-китайские договорно-правовые акты. (1689–1916) / под общ. ред. В.С. Мясникова; [сост. И.Т. Мороз, В.С. Мясников]. М., 2004.
- Русско-китайские отношения 2010 – Русско-китайские отношения в XX веке: Материалы и документы. Т. III. Советско-китайские отношения. Сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг. М., 2010.
- Русское консульство 1895 – Русское консульство в Турфане // Туркестанские ведомости. 1895. № 60.
- С.Ш. 1934 – *С.Ш.* У гроба академика С.Ф. Ольденбурга // Вестник Академии наук. 1934. № 4. Стб. 48.

- Савицкий 1991 – *Савицкий Л.С.* Описание тибетских свитков из Дуньхуана в собрании Института востоковедения АН СССР. М., 1991.
- Сборник 1908 – Сборник биографий кавалергардов: 1724–1899: по случаю столетнего юбилея Кавалергардского Ее величества государыни императрицы Марии Федоровны полка. Т. 4. СПб., 1908.
- Сборник трудов 1892–1901 – Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. I–V. СПб., 1892–1901.
- Сводка 1913 – Сводка сведений военно-статистического отделения штаба Омского военного округа о Монголии и Китае за время с 1 июня по 31 августа 1913 г. Омск, 1913. С. 1–43.
- Семенов-Тянь-Шанский 1896 – *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1895. Ч. II. Отд. IV. СПб., 1896.
- Сизова 2010 – *Сизова А.А.* Российское консульство в Урге и жизнь русской диаспоры в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Общество и государство в Китае. 2010. Т. 40. № 1. С. 212–221.
- Сизова 2015 – *Сизова А.А.* Консульская служба России в Монголии (1861–1917). М., 2015.
- Синиченко, Изаксон 2016 – *Синиченко В.В., Изаксон Р.А.* Монгольский вопрос в годы Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Иркутской области) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 134–137.
- Словарь нищенского языка 1880 – Словарь нищенского языка, распространенного между нищими Семежовского и соседнего с ним приходом Слуцкого уезда, записанный священником Феликсом Сцепуро (К статье Этнографический очерк м. Семежова, см. № 16 Минские епархиальные ведомости) // Минские епархиальные ведомости. 1880. № 17. С. 377–390.
- Скачков 1993 – *Скачков П.Е.* Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг. // Петербургское востоковедение. 1993. № 4. С. 313–320.
- Смирнов 1909а – *Смирнов Я.И.* Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1909.
- Смирнов 1909б – *Смирнов Я.И.* О новом издании Археологической комиссии «Восточное серебро» // ЗВОРАО. 1909. Т. XIX. С. XXVIII–XXXIII.
- Смертин 2014 – *Смертин Ю.Г.* Китай в Первой мировой войне: поиски национальной и интернациональной идентичности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6. Ч. 1. С. 173–177.
- Смирнов 2011 – *Смирнов А.С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи (Очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М., 2011.
- Смирнов 2019 – *Смирнов С.В.* Русская военная эмиграция в Китае: 1920 – конец 1940-х гг.: автореферат дис. ... доктора исторических наук. Екатеринбург, 2019.
- Смолин 1980 – *Смолин Г.Я.* Китаевед-историк А.Е. Любимов: Очерк научно-педагогической деятельности // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. 1980. Вып. 5. С. 81–97.
- Смольников 2012 – *Смольников И.* Правда, которую мы не знаем об Оперном – 2. Новосибирские новости. 04.01.2012. URL: <http://nsknews.info/materials/pravda-kotoryu-my-ne-znaem-ob-opernom-2-117699/> (дата последнего обращения: 20.08.2019).
- Сорокина 2004 – «Там так легко дышится...». Из американского архива Георгия Вернадского / публ., прим. М.Ю. Сорокиной // Диаспора: Новые материалы. Вып. 6. М.; СПб., 2004. С. 620–696.
- Список лиц – Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1905 год. СПб., 1905.
- Станюкович 1978 – *Станюкович Т.В.* Этнографическая наука и музеи (По материалам этнографических музеев Академии наук). Л., 1978.
- Станюкович 1986 – *Станюкович Т.В.* Деятельность С.Ф. Ольденбурга в области музееведения и этнографии // Сергей Федорович Ольденбург. М., 1986. С. 84–90.
- Строковский 1911 – *Строковский В.А.* Описание прямого пути от Монаса до г. Зайсана, прой-

- денного в августе 1911 г. врачом при консульстве в Урумчи В.А. Строковским // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 32. Оп. 1. Д. 14.
- Сундиева 2005 – *Сундиева А.А.* Протомузейные формы в российской культуре // Обсерватория культуры. 2005. № 3. С. 74–77.
- Сундиева 2007 – *Сундиева А.А.* История одной декларации // Вестник Томского государственного университета. 2007. Т. 300. Вып. 1. С. 74–79.
- Сыртланов 1913 – *Сыртланов Р.А.* Материалы по Западному Китаю, собранные Р.А. Сыртлановым во время его поездки из Урумчи на Алтай в 1909 г. // СМА. 1913. Вып. LXXXVI. С. 53–241.
- Тихвинский 2006 – *Тихвинский С.Л.* Избранные произведения. Книга вторая. История Китая первой четверти XX века. Доктор Сунь Ятсен. Свержение маньчжурской монархии и борьба за республику. М., 2006.
- Тихвинский, Литвинский 1988 – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерк истории / под ред. С.Л. Тихвинского, Б.А. Литвинского. М., 1988.
- Тункина 2013а – *Тункина И.В.* Н.Ф. Петровский как собиратель древних памятников письменности в Восточном Туркестане (по материалам писем В.В. Розену и С.Ф. Ольденбургу) // Восток–Запад. Историко-литературный альманах. 2011–2012. М., 2013. С. 105–123.
- Тункина 2013б – *Тункина И.В.* Экспедиции С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан (1909–1910, 1914–1915) в документах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // Фундаментальная наука: Проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия. Материалы Международной научной конференции. Москва, Архив РАН, 4–7 июня 2013 г. / отв. ред. В.Ю. Афиани. М., 2013. С. 36–42.
- Тункина 2015 – *Тункина И.В.* Неизданное научное наследие С.Ф. Ольденбурга // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2014. СПб., 2015. С. 19–33.
- Тункина 2016 – *Тункина И.В.* Документы по изучению С.Ф. Ольденбургом Восточного Туркестана в Архиве Российской академии наук // С.Ф. Ольденбург – ученый и организатор науки / отв. ред. И.Ф. Попова. М., 2016. С. 313–347.
- Турьинская 2001 – *Турьинская Х.М.* Музейное дело в России в 1907–1936 годы. М., 2001.
- Турьинская 2008 – *Турьинская Х.М.* Этнографическое музееведение в России в конце XIX – начале XX вв. М., 2008.
- Тяньшань 2002 – Тяньшань гудао дунсифэн: Синьцзян сычжоу чжилу вэньу тэцзи [Тяньшань. Древние дороги. Место встречи Востока и Запада. Культурные ценности Шелкового пути из Синьцзяна] / гл. ред. Лян Фэн, Сунь Циган. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2002.
- Умняков 1926 – *Умняков И.И.* Бартольд В.В. По поводу 30-летия профессорской деятельности // Бюллетень Среднеазиатского государственного университета. 1926. № 4. С. 175–202.
- Фармаковский 1921 – *Фармаковский Б.В.* К истории учреждения Российской академии истории материальной культуры. Пг., 1921.
- Федоров 1903 – *Федоров Д.Я.* Опыт военно-статистического описания Илийского края. Ч. 1–2. Ташкент, 1903.
- Федоров 1906 – *Федоров С.А.* Русская торговля в Кульдже. Донесение консула в Кульдже // СКД. 1906. Вып. V. С. 359–378.
- Флыгин 2016 – *Флыгин Ю.С.* Знарок Востока: жизненный путь и научная деятельность академика Василия Владимировича Бартольда. Ташкент, 2016.
- Формозов 2006 – *Формозов А.А.* Русские археологи до и после революции // Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историкографические очерки. М., 2006.
- Хисамутдинов 2015 – *Хисамутдинов А.А.* «Огонек традиций»: Русские общественно-военные организации в Китае. Владивосток, 2015.
- Хмельницкий 2015 – *Хмельницкий Д.* «Пога-но работать на этих людей...» О дневниках Евгения Лансере. URL: <http://gefter.ru/archive/15714> (дата последнего обращения: 20.08.2019).

- Цзинь Мэй 2004 – *Цзинь Мэй.* Стенопись пещер Дуньхуана династии Тан : 618–907: диссертация ... кандидата искусствоведения : 17.00.04. М., 2004.
- Чай Цзяньхун 2016 – *Чай Цзяньхун.* История Дуньхуана. М., 2016.
- Чиркин 2006 – *Чиркин С.В.* Двадцать лет службы на Востоке: записки царского дипломата. М., 2006.
- Чугуевский 1981 – *Чугуевский Л.И.* Китайские юридические документы из Дуньхуана (заемные документы) // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1974. М., 1981. С. 251–271, 364.
- Чунакова 2019 – Рукописи из Восточного Туркестана. Среднеперсидские, парфянские и согдийские фрагменты в собрании Института восточных рукописей / введ., транслит., пер., коммент., прил. О.М. Чунаковой. СПб., 2019.
- Шастина 2003 – *Шастина Н.П.* А.М. Позднеев (подготовка к печати и примечания А.Г. Сазыкина) // Mongolica-VI. Повещается 150-летию со дня рождения А.М. Позднеева / сост. И.В. Кульгаек. СПб., 2003. С. 7–18.
- Шеметова 2013 – *Шеметова Т.А.* Задачи и характер политики «нейтралитета» китайской провинции Синьцзян в отношении событий в России в 1917–1920 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1 (21). С. 158–161.
- Шляхтина 2009 – *Шляхтина Л.М.* Генезис музейно-педагогической мысли (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. Т. 3. № 4. С. 275–280.
- Шматов 2013 – *Шматов В.Г.* «Советские крылья» китайской авиации (о строительстве и деятельности авиасборочного завода в Синьцзяне в 1938–1941) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. Вып. 4. № 1. С. 97–101.
- Эттинген 1902 – *фон Эттинген В.О.* Русская торговля в Урумчийском округе в 1901 году. Донесение управляющего консульством в Урумчи // СКД. 1902. Вып. IV. С. 261–273.
- Юбилейный справочник 2007 – Юбилейный справочник выпускников Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина Российской академии художеств, 1915–2005 / авт.-сост. С.Б. Алексеева; науч. ред. Ю.Г. Бобров. СПб., 2007.
- Юзбашян 1986 – *Юзбашян К.Н.* Академик Иосиф Абгарович Орбели. 1887–1961. М., 1986.
- Юренева 2003 – *Юренева Т.Ю.* Музей в мировой культуре. М., 2003.
- Юсупова 2016 – *Юсупова Т.И.* С.Ф. Ольденбург и организация изучения Монголии Российской академией наук // Сергей Федорович Ольденбург. Ученый и организатор науки / отв. ред. И.Ф. Попова. М., 2016. С. 450–458.
- Alexeeva 2015 – *Alexeeva O.V.* Forgotten Ally: China in the First World War // Representing World War I. Perspectives at Centenary / ed. by D. Hambly, L. Salem-Wiseman. Toronto, 2015. P. 42–78.
- Amedroz 1914 – *Amedroz H.F.* An Embassy from Baghdad to the Emperor Basil II // JRAS. 1914. P. 915–942.
- Amedroz, Margoliouth 1921 – *Amedroz H.F., Margoliouth D.S.* The Eclipse of the Abbaside Caliphate. Original Chronicles of the Fourth Islamic Century. Oxford, 1921.
- Barthold 1927 – *Barthold W.W.* Mā Warā' al-Nahr // The Encyclopaedia of Islam. 1927. Vol. III. P. 415–416.
- Barthold 1928 – *Barthold W.W.* Turkestan Down to the Mongol Invasion. Oxford, 1928.
- Bendall 1883 – *Bendall C.* Catalogue of the Buddhist Sanskrit Manuscripts in the University Library, Cambridge, with Introductory Notices and Illustrations of the Palaeography and Chronology of Nepal and Bengal. Cambridge, 1883.
- Benfey 1869 – *Benfey Th.* Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland seit dem Anfange des 19. Jahrhunderts mit einem Rückblick auf die früheren Zeiten. München, 1869.
- Benson 1990 – *Benson L.* The Ili Rebellion. The Moslem challenge to Chinese authority in Xinjiang, 1944–1949. Armonk, New York, 1990.

- Bukharin 2019 – *Bukharin M.D.* The *Maitres* of Archaeology in Eastern Turkestan: *Divide et Impera* // Masters and Natives. Digging the Others' Past (Welten Süd- und Zentralasiens / Worlds of South and Inner Asia / Mondes de l'Asie du Sud et de l'Asie Centrale. 123). Berlin: De Gruyter, 2019. P. 85–102.
- Carey 1887 – *Carey A.D.* A Journey around Chinese Turkestan and along the Northern Frontier of Tibet // Proceedings of the Royal Geographical Society. 1887. Vol. IX. P. 731–752.
- Carruthers 1913 – *Carruthers A.D.M.* Unknown Mongolia: a Record of Travel and Exploration in North-West Mongolia and Dzungaria. With three chapters on sport by J.H. Miller, F.Z.S., and a foreword by the Right Hon. Earl Curzon of Kedleston. London, 1913.
- Davidson 1957 – *Davidson B.* Turkestan Alive. New Travels in Chinese Central Asia. London, 1957.
- Drège 1999 – *Images de Dunhuang: Dessins et peintures sur papier des fonds Pelliot et Stein* / éd. par Jean-Pierre Drège. Paris, 1999.
- Dreyer 2015 – *Dreyer C.* Abenteuer Seidenstrasse. Die Berliner Turfan-Expeditionen 1902–1914. Leipzig, 2015.
- Etherton 1911 – *Etherton P.T.* Across the Roof of the World. A Record of Sport and Travel through Kashmir, Gilgit, Hunza, the Pamirs, Chinese Turkestan, Mongolia and Siberia. London, 1911.
- Elisseeff 1938 – *Elisseeff S.* Stael-Holstein's Contribution to Asiatic Studies // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1938. Vol. 3/1. P. 1–8.
- Flügel 1865–1867 – *Flügel G.L.* Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Kaiserlich-Königlichen Hofbibliothek zu Wien. 3 Bde. Vienna, 1865–1867.
- Forbes 1986 – *Forbes A.D.W.* Warlords and Muslims in Chinese Central Asia. A Political history of Republican Sinkiang 1911–1949. Cambridge, 1986.
- Galambos 2011 – *Galambos I.* An English boy in Chinese Turkestan: The Story of Orlando Hobbs // Studia Orientalia Slovaca. 2011. Vol. 10/1. P. 81–98.
- Galambos, Kōichi 2012 – *Galambos I., Kōichi K.* Japanese Exploration of Central Asia: The Ōtani Expeditions and their British Connections // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 2012. Vol. 75. P. 113–134.
- Gorissen 2003 – *Gorissen B.* “The Most Unfruitful Mission in the World”. CICM Fathers Frans and Jozef Hoogers in Xinjiang: 1895–1922 // The History of the Relations Between the Low Countries and China in the Qing Era (1644–1911) / ed. by Willy van de Walle, Noël Golvers. Leuven, 2003. P. 325–343.
- Grünwedel 1909 – *Grünwedel A.* Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902–1903 München, 1909 (Abhandlungen der Philosophisch-Philologischen Klasse der Königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 24. 1. 1906).
- Grünwedel 1912 – *Grünwedel A.* Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan. Bericht über archäologische Arbeiten von 1906 bis 1907 bei Kuča, Qarašar und in der Oase Turfan. Berlin, 1912.
- Grünwedel 1920 – *Grünwedel A.* Alt-Kutscha: archäologische und religionsgeschichtliche Forschungen an Temperagemälden aus buddhistischen Höhlen der ersten acht Jahrhunderte nach Christi Geburt. Berlin, 1920.
- Haslund 1935 – *Haslund H.* Men and Gods in Mongolia (Zayagan). London, 1935.
- Hedin 1936 – *Hedin S.* Big Horse flight. The Trail of War in Central Asia. London, 1936.
- Hedin 1943 – *Hedin Sven.* Reports from the Scientific Expedition to the North-Western Provinces of China under the Leadership of Dr. Sven Hedin. The Sino-Swedish Expedition. Publication 23. History of the Expedition in Asia 1927–1935 by Sven Hedin in Collaboration with Folke Bergman / transl. by Donald Burton. Vol. 2. Stockholm, 1943.
- Hoernle 1914 – *Hoernle A.F.R.* The Bower Manuscript. Bombay, 1914.
- Hopkirk 1980 – *Hopkirk P.* Foreign Devils on the Silk Road. The Search for the Lost Cities and Treasures of Chinese Central Asia. London, 1980.
- Jacobs 2016 – *Jacobs J.M.* Xinjiang and the Modern Chinese State. Seattle, 2016.
- Klementz 1899 – *Klementz D.* Turfan und seine Altertümer // Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg

- im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. Heft 1. St.-Petersburg, 1899. S. 1–53.
- Kloppenborg 1973 – The Sūtra on the Foundation of the Buddhist Order (Catuspariṣatsūtra) / ed. by R. Kloppenborg. Leiden, 1973 (Nisaba: Religious Texts Translation Series, I).
- Konczak 2012 – *Konczak I.* Origin, Development and Meaning of the Prañidhi Paintings on the Northern Silk Road // Buddhism and Art in Turfan: From the Perspective of Uyghur Buddhism [Buddhist Culture along the Silk Road: Gandhāra, Kucha, and Turfan – Section II]. Kyoto, 2012. P. 43–75.
- Mannerheim 1969 – *Mannerheim C.G.* Across Asia from West to East in 1906–1908. Vol. I. Oosterhout, N.B., Netherlands: Anthological Publications, 1969.
- Merzbacher 1908 – *Merzbacher G.* Further Exploration in the Tian-Shan Mountains // The Geographical Journal. 1908. Vol. 31. No 4. P. 278–288.
- Laufer, Schiff 1909 – *Laufer B., Schiff J.H.* Chinese Pottery of the Han Dynasty. Leiden, 1909.
- Lundahl 1917 – *Lundahl J.E.* På obanade stigar: Tjugofem år i Ost-Turkestan. Stockholm, 1917.
- Mann 1891–1896 – *Abu'l-Hasan b. Muhammad Amin Gulistāna.* Muġmal al-ta'rikh-i ba'd Nādiriyya / ed. by O. Mann. 2 vols. Leiden, 1891–1896.
- Ming Dong Gu 2013 – *Ming Dong Gu.* Sinologism: An Alternative to Orientalism and Postcolonialism. London, 2013.
- Murakami 2017 – *Murakami Shinkan.* Reconsidering Buddhism at Bezeklik Cave Temples in Karakhoja: Circulation of Prañidhi Paintings and Worship of Avalokiteśvara // Journal of Indian and Buddhist Studies (Indogaku Bukkyogaku Kenkyu). 2017. Vol. 65. P. 1031–1038.
- Necib 'Aşim 1918 – *Hibet ül-hakayik / müellifi Ahmed b. Maĥmūd Yüknēkī, Şarihi ve naĥili Necib 'Aşim.* Kısm I. Istanbul, 1918.
- Noda 2018 – *Noda Jin.* Japanese Spies in Inner Asia during the Early Twentieth Century // The Silk Road. 2018. Vol. 16. P. 21–29.
- Nyman 1977 – *Nyman L.-E.* Great Britain and Chinese, Russian and Japanese Interests in Sinkiang, 1918–1934. Stockholm, 1977.
- Pang 1998 – *Pang T.A.* N.N. Krotkov's Manuscript 'A Trip to a Sibe Buddhist Monastery in Autumn 1899' // Aetas Manjurica. 1998. T. 6. P. 77–122.
- Pelliot 1920–1924 – *Les grottes de Touen-Houang. Peintures et Sculptures bouddhiques des époques des Wei, des T'ang et des Song.* Tome I–VI. Paris, 1920–1924 (Mission Pelliot en Asie Centrale. I).
- Pelliot 1914 – *Pelliot P.* Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient // T'oung Pao. 1914. T. 15/5. P. 623–644.
- Pischel 1900 – *Pischel R.* Grammatik der Prakrit-Sprachen. Göttingen, 1900.
- Popova, Liu Yi 2012 – *Dunhuang Studies: Prospects and Problems for the Coming Second Century of Research / 敦煌學:第二個百年的研究視角與問題 / Дуньхуановедение: перспективы и проблемы второго столетия исследований* / ed. by I. Popova and Liu Yi. St. Petersburg, 2012.
- Radloff 1895 – *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. St. Petersburg, 1895.
- Salihani 1891 – *Şi'r al-Aḥṭal / Texte arabe publié pour la première fois d'après le manuscrit de St. Pétersbourg et annoté par le P.A. Salhani.* Bairut, 1891.
- Schefer 1886 – *Tableau du règne de Mouīzz Eddin Aboul, Sultan Sinjar par Mohammed Ibn Aly Ravendi.* Texte persan publié pour la première fois avec la traduction française par Charles Schefer // Nouveaux Mélanges Orientaux. Mémoires, textes et traductions publiés par les professeurs de l'École spéciale des langues orientales vivantes à l'occasion du septième Congrès international des orientalistes réuni à Vienne. Paris, 1886. P. 1–47.
- Schlegel 1808 – *Schlegel F.* Ueber die Sprache und Weisheit der Indier. Ein Beitrag zur Begründung der Alterthumskunde; Nebst metrischen Übersetzungen Indischer Gedichte. Heidelberg, 1808.
- Stein 1903 – *Stein M.A.* Sand-buried Ruins of Khotan: Personal Narrative of a Journey of Archaeological and Geographical Exploration in Chinese Turkestan. London, 1903.
- Stein 1909 – *Stein M.A.* Explorations in Central Asia, 1906–08 // The Geographical Journal. 1909. Vol. 34/1. P. 5–36.
- Stein 1912 – *Stein M.A.* Ruins of Desert Cathay: Personal Narrative of Explorations in Central Asia and Westernmost China. Vol. I–II. London, 1912.

- Stein 1916 – *Stein M.A.* Third Journey of Exploration in Central Asia, 1913–16 (From the Geographical Journal for August and September, 1916). London, 1916.
- Stein 1933 – *Stein M.A.* On Ancient Central-Asian Tracks: Brief Narrative of Three Expeditions in Innermost Asia and North-Western China. London, 1933.
- Taube 1982 – *Taube M.* Friedrich Weller (22.7.1889–19.11.1980) // *Sächsische Akademie der Wissenschaften zu Leipzig: Jahrbuch. 1979–1980.* Berlin, 1982. S. 237–253.
- Teichman 1937 – *Teichman E.* Journey to Turkistan. London, 1937.
- Tunkina 2015 – *Tunkina I.V.* The Personal Papers of Sergey F. Oldenburg as a Source for the History of the Russian Expeditions to Eastern Turkestan: New Archival Data // *Tocharian Texts in Context: International Conference on Tocharian Manuscripts and Silk Road Culture.* Vienna, June 25–29th, 2013 / ed. by Melanie Malzahn, Michaël Peyrot, Hannes Fellner and Theresa-Susanna Illès. Bremen, 2015. P. 259–275.
- Tyomkin 1997 – *Tyomkin E.N.* S.F. Oldenburg as Founder and Investigator of the St. Petersburg Collection of Ancient Manuscripts from Eastern Turkestan // *Tocharian and Indo-European Studies.* 1993. Vol. 7. P. 199–203.
- Vinītā 2010 – A Unique Collection of Twenty Sūtras in a Sanskrit Manuscript from the Potala. Vol. I, 1 / Vinītā B. (ed.). Beijing; Vienna, 2010 (Sanskrit Texts from the Tibetan Autonomous Region, 7/1).
- Wang 1999 – *Wang D.D.* Under the Soviet Shadow. The Yining Incident. Ethnic conflicts and international rivalry in Xinjiang 1944–1949. Hong Kong, 1999.
- Wang Jiqing 2012 – *Wang Jiqing.* Aurel Stein's Dealings with Wang Yuanlu and Chinese Officials in Dunhuang in 1907 // *Sir Aurel Stein, Colleagues and Collections / ed. by Helen Wang.* London, 2012 (British Museum online publication). P. 1–6.
- Wang, Persson, Wood 2012 – *Wang H., Persson H., Wood F.* Dunhuang Textiles in London: a History of the Collection // *Sir Aurel Stein: Colleagues and Collections / Helen Wang (ed.).* London, 2012 (British Museum online publication). P. 1–8.
- Waugh 2007 – *Waugh D.C.* Etherton at Kashgar: Rhetoric and Reality in the History of the 'Great Game'. Seattle, 2007.
- Whitfield 2004 – *Whitfield S.* Aurel Stein on the Silk Road. London, 2004.
- Whitfield 2008 – *Whitfield S.* Aurel Stein und die Archäologie an der östlichen Seidenstrasse // *Das grosse Spiel. Archäologie und Politik zur Zeit des Kolonialismus (1860–1940) / Ch. Trümpler (Hrsg.).* Essen, 2008. S. 167–177.
- Whitfield 2010 – *Whitfield S.* A Place of Safekeeping? The Vicissitudes of the Bezeklik Murals // *Conservation of Ancient Sites on the Silk Road: Proceedings from the Second International Conference on the Conservation of Grotto Sites, August 25–30, 2004 / ed. Neville Agnew.* Los Angeles, 2010. P. 95–106.
- Whitfield et al. 2000 – *Whitfield R., Whitfield S., Agnew N.* Cave Temples of Dunhuang: Art and History on the Silk Road. London, 2000.
- Wong, Agnew 2013 – The Conservation of Cave 85 at the Mogao Grottoes, Dunhuang: a Collaborative Project of the Getty Conservation Institute and the Dunhuang Academy / ed. by Lori Wong and Neville Agnew; with contributions by Chen Gangquan. Los Angeles, 2013.
- Wu 1940 – *Wu A.K.* Turkistan Tumult. London, 1940.

СОКРАЩЕНИЯ

- АВ ИВР РАН – Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской Академии наук
- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
- АГЭ – Архив Государственного Эрмитажа
- Журналы заседаний Совета Эрмитажа. СПб., 2001. Т. 1. 1917 – 1919; СПб., 2009. Т. 2. 1920 – 1926.
- ВТР – Восточно-Туркестанская республика
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
- ГЭ – Государственный Эрмитаж
- ГУГШ – Главное управление Генерального штаба
- ДИРКП – Донесения императорских российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным вопросам. СПб.
- ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения
- ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. СПб.
- ИАН – Императорская Петербургская академия наук
- ИВР – Институт восточных рукописей РАН
- ИРАО – Императорское Русское археологическое общество
- ИРГО – Императорское Русское географическое общество
- МАЭ – Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН
- НА РГО – научный архив Русского географического общества
- ПИТЭ – Прусская Императорская Турфанская экспедиция
- ПТК – Постоянная Туркестанская комиссия РАИМК
- РАИМК – Российская академия истории материальной культуры
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов
- РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
- РКСВА – Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях
- РТЭ – Русская Туркестанская экспедиция
- САОР – Синьцзян-Уйгурский автономный район
- СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
- СКД – Сборник консульских донесений. СПб.
- СМА – Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб.
- СССТВО – Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом. Ташкент.
- ЦГИА СПб. – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
- GBM – *Vira R., Chandra L.* Gilgit Buddhist Manuscripts (Facsimile Edition). Vols. 1–10. Delhi, 1959–1974.
- NAI – The National Archives of India
- OIOC – Oriental and India Office Collections

Интернет-источники:

- Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1519. Смирнов Дмитрий Арсеньевич (горный инженер). 1912. Саки. Таврич. губ. http://www.ras.ru/vivernadskyarchive/3_actview.aspx?id=2242 (дата последнего обращения: 19.08.2019).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббас III 583
 Аббасибналь-Мутталиб 565
 Абу-Бекр Мирза 24, 27, 51
 Абу-л-Хасан ибн Мухаммада Гулистанский 560
 Абу-л-Хасан ибн Мискавайх 579
 Абу-Шуджа 579
 Авдаков Н.С. 490
 Алабян К.С. 171
 Александр III 603
 Александр Македонский 502
 Алексеев В.М. 199, 451, 554, 592, 596, 603
 Ал Кифтий 457
 аль-Мустаршид 565
 Алипарин Н. 547
 Аллиманов Л.Н. 256
 Альфераки С.Н. 209
 Амедроз Х.Ф. 579
 Анвари 583
 Андреев М.С. 41, 573, 588
 Анненков Б.В. 241–244, 251
 Антонов Н.Н. 254, 256
 Анучин Д.Н. 554
 Апресов Г.А. 254
 Арандаренко В.И. 190
 Арнольд (профессор) 580
 Аскарлов А. 584
 Атанасовы (братья) 27, 52
 Ауфи Садид-ад дин 579
 Ахшарумова В.П. 179
- Баев Баба Мир-Шериф 69
 Бакич А.С. 240–242
 Бакланов Н.Б. 538, 597, 599–601
 Баласагуни Ю.Х. 580
 Баллод Ф.В. 583
 Барадин (Барадийн) Б. 43
 Барановский В.С. 558
 Барановский Л.С. 558
 Бардыгин М.Н. 228, 256
- Бармин В.А. 247
 Бартольд Б.В. 560
 Бартольд В.В. 43, 52, 170, 209, 507, 529–568, 570–578, 580–586, 588–592, 596–600, 625
 Бартольд Г.В. 532, 534, 540–542, 560
 Бартольд (Жуковская) М.А. 537, 547–550, 553–554, 558, 568–569, 571, 575, 578, 580
 Бартольд Ф.В. 560
 Бартус Т. 226–227, 551
 Бауэр Г. 500
 Баязид II 564
 Бейли Ф. 218
 Белинко Л.М. 57
 Белов А.И. 225
 Белова (тюремный врач) 257
 Беннингсен А.П. 506
 Бенуа А.Н. 23
 Бенуа Л.Н. 169
 Бердяев Н.А. 235
 Березовский М.М. 16, 24, 40, 50–51, 55, 62, 69, 71–72, 149, 215, 456, 500, 514, 598
 Березовский Н.М. 40, 50–51, 64, 149
 Беренс Э.Л. 502, 511, 519
 Берников А.А. 229
 Бетгер Е.К. 596
 Бехтеев Н.И. 255–256
 Биркенберг В.С. 18, 57, 167–171, 173, 194, 232–233, 265, 267, 269, 272, 278, 281–283, 285–286, 289, 316, 318–320, 323, 332, 342, 348, 356, 372, 380, 389, 391, 403–404, 409, 433, 471
 Биркенберг Е.К. 167
 Бисамбай 473
 Битлиси Идрис 564–565
 Боборыкин К.Н. 205
- Богданов (Малиновский) А.А. 192
 Богданов (хорунжий) 522
 Богданович К.И. 28, 33, 52
 Богораз-Тан В.Г. 611
 Богоявленский Н.В. 221, 226–227
 Бок А. 457
 Боков С.С. 223–224
 Бонвало Г. 209
 Бонен Ш.-О. 209
 Боргман И.И. 554
 Бороздин И.Н. 588
 Босук Темирович: см. Хохо Б.Т.
 Брешко-Брешковская Е.К. 180
 Броун (Браун) Э.Г. 578
 Бусыгин А.Г. 225
 Буханов П.А. 167
 Бухгольц И.Д. 250
 Быков М.С. 225
 Быковский С.Н. 612
 Быстров-Запольский А.Е. 248
 Бычков П.В. 237
- Валиханов Ч.Ч. 209, 499, 502
 Вальтер А.А. 207, 510
 Ван-дао-ши 392, 434
 Варенцов Н.Д. 193
 Варенцова О.Н. 193
 Васильев А.А. 225, 274, 579
 Васильев В.П. 199, 558
 Васильев Ф.Н. 502
 Веллер Ф. 590
 Веневитинов Д.В. 504
 Веневитинова М.А. 504
 Верёвкин К. 268–269, 271, 273, 276, 280, 286, 320, 415–416
 Вернадская Н.В. 177
 Вернадский В.И. 173, 177, 530
 Вернадский Г.В. 174, 176–177, 179
 Веронезе П. 358–359
- Веселовский Н.И. 41, 536, 548–550, 555–558
 Вильгельм II Прусский 567
 Викманн (Вихманн) Ю.Й. 575
 Витвер А.А. 184
 Витвер И.А. 184
 Витвер М.Ф. 187
 Витвер Н.А. 184
 Витвер Э.А. 184–185, 187, 192, 473, 475, 477–482, 484–486, 488–492, 496–498
 Витковский В.В. 486
 Владимирцов Б.Я. 590
 Волгин В.П. 602, 616
 Вологодский П.В. 238
 Вольф Ф.А. 457
 Воронежский В.В. 267
 Воронов Е.П. 591–592
 Воротников К.Г. 268
 Ворошилов К.Е. 254
 Вревский А.Б. 533
 Выдрин И.И. 23
 Вяткин (полковник) 256
 Вяткин В.Л. 180, 572, 596
- Гавро Л.М. 244
 Гагельстром В.В. 510
 Галкин А.С. 225
 Гамсун К. 527
 Гассан-ахун 513, 524
 Гаури И. 542
 Гедин С. 24, 32, 42, 52, 249–250, 254–255, 500, 513–514, 524
 Гейер И.И. 542–543, 547
 Генко А.Н. 590, 592
 Георг V 560
 Георгиевский С.М. 541
 Герасимов И.М. 395
 Герман Ф. 457
 Гёте И.-В. 483
 Гибб Г.А.Р. 577
 Гимэ Э. 580
 Гинцбург И.Я. 555–557
 Глебова (Трепова) С.Д. 505
 Гмыркин К.В. 251, 254
 Гнатт П. 57
- Головчинер В.Д. 22–26, 33, 50
 Голстунский К.Ф. 199
 Голубев А.Ф. 209
 Голубев В.В. 318
 Гомонов З. 268–270, 320, 434
 Горбунов К. 268, 275, 277, 282, 284–286, 292, 320, 418, 422, 493
 Горшков М. 268–269, 271–273, 275–278, 281, 285, 289, 320, 434
 Горшков П.М. 518, 524
 Гоэс Б. 24, 27, 52
 Гранэ Г.И. 576
 Гревс И.М. 177, 496
 Григорьев В.В. 550
 Гримм Э.Д. 554
 Гродеков Н.Н. 597
 Громбчевский Б.Л. 52, 502, 512
 Гросс В. 614
 Грум-Гржимайло Г.Е. 201, 222, 519, 552
 Грюнведель А. 16–17, 24, 43, 45–46, 49–50, 61–65, 67, 74, 87, 111, 113, 115, 117, 123, 209, 226–227, 284, 302, 304–306, 311–313, 333–334, 419, 449–451, 455–466, 500, 514, 529, 536, 551, 565, 568, 598
 Гульбин Г.Г. 591
 Гурко (Кряжин) В.А. 589
 Гюго Виктор 483
- Дейвидсон Б. 499
 Денике Б.П. 589
 Денисов Н.А. 241
 Джонсон У. 24, 32, 52
 Дзонхава 278
 Диваев А.А. 547, 573
 Дизи Г.Х.П. 52
 Долбежев Б.В. 222
 Долбежев В.В. 77, 206, 237, 241, 244, 267
 Долбежева (Борнеман) Е.А. 267
 Долгооруков А.Н. 506
 Доннер Кай (Карл) 576
- Дорофеев И.В. 213–214, 222, 225–227, 444
 Достоевский Ф.М. 498
 Дудин С.М. 16–21, 44–46, 49–50, 55–58, 65, 73, 77, 115, 169, 173, 179–180, 186–188, 194, 205, 232, 239, 265–269, 271, 273, 276–280, 282–286, 289, 315–317, 320, 324–325, 327, 331, 333, 337, 344, 356, 358–360, 362–363, 373, 376, 380, 391, 393, 399–400, 403–404, 408–409, 431–433, 436, 438–439, 470–473, 475, 486, 489, 493, 520, 533, 538, 541, 551, 555, 596–599, 601
 Дутов А.И. 240–241, 244, 251
 Духовской С.М. 547
 Дьяков А.А. 197–220, 224, 227–239, 241–250, 256–262, 272, 274–275, 373, 394, 412, 444–445, 471, 493
 Дьяков А.Д. 198
 Дьякова В.Е.: см. Селецкая В.Е.
 Дьякова (Мальцева) П.П. 198
 Дьякова Наташа 216, 220, 232, 236
 Дьякова Нина 220, 232, 236
 Дьяконова Н.В. 17, 55, 73, 74, 93, 95, 97, 99, 101, 103, 624
 Дютрей де Рен Ж.-Л. 24, 32, 52
- Екатерина II 185
 Ещин Л.Е. 197
- Ёсикава Коитиро 231, 500
- Жданов А.А. 171
 Жебелёв С.А. 432, 550, 621
 Жемчужников Н.П. 572
 Житанер М.К. 246
 Жонов И. 284
 Жуковская В.А. 545, 578
 Жуковский В.А. 42, 547–548, 553, 555–557
 Жуковский В.Г. 239

Загорский А.П. 240
 Закари (повар) 474
 Залеман К.Г. 67, 460–463, 536, 553, 558, 565, 570–571
 Зеленский И.А. 587
 Зернов С.А. 484
 Зиг Э. 16
 Зиглинг В. 16
 Зимин Л.А. 565, 573
 Зиморев С.Г. 167
 Зинькевич А.Н. 244, 245
 Златкин И.Я. 254
 Зубайдулаев И. 522

Ибн-аль-Асир 579
 Ибн-Ачакир 580
 Ибн-Хаукаль 542, 572
 Ибн-Шахрам 579
 Иванов А.И. 451, 554
 Иванов В.В. 257–258
 Ивановский А.О. 199
 Игельштрот (Игельштрот) А.В. 575
 Илларьев П.Д. 242
 Ильина Н.П. 174
 Имру-ль-Кайс 457
 Иностранцев К.А. 554
 Истерадер С.А. 56

Казанский К. 547
 Камалов А.К. 139
 Каменский В.И. 44, 49, 187, 268, 487
 Каменский Григорий 268
 Каменский Федор 268
 Карл XII 250
 Карпинский А.П. 188
 Карразерс Д. 219
 Кастальский Б.Н. 180
 Каульбарс А.В. 502
 Кауфман А. 546
 Квитко В. 56
 Керенский А.Ф. 234–235
 Кёбке Г.И. 270
 Кизерицкий Г.Е. 52
 Клеменц Д.А. 16, 24, 36–38, 40–41, 45, 46, 49, 51, 205,

223–224, 301, 304–305, 316, 449, 456, 462, 500
 Клеменц Е.Н. 41
 Ковалевский Е.П. 209
 Козлов П.К. 16, 33, 52, 205, 222, 492, 502, 506, 524, 582, 619–620, 625, 628
 Коковцов П.К. 549, 555
 Колоколов С.А. 501
 Колчак А.В. 241, 251
 Кон-Винер Э. 583
 Константин Константинович, великий князь 474, 536, 556, 570
 Константинова К. 183, 193
 Корнилов Л.Г. 218–219, 225, 502
 Косси́ковская А. 504
 Косси́ковский Д.В. 499, 503–526, 528
 Косси́ковский В.В. 504
 Котвич В.Л. 199, 213, 552, 555, 562, 574
 Краснов П.Н. 219
 Крауш О.А. 20
 Крачковский И.Ю. 542, 562, 581, 588, 592, 602–603
 Кротков Н.Н. 67, 117, 187, 209, 213–215, 219–221, 268, 289, 470–472, 474, 551, 552
 Крутиков М.З. 623
 Кручинкин Н.К. 253
 Крыжицкий А.Я. 56
 Кряжев (торговец) 275
 Кудашев Н.А. 235–239, 241, 244
 Кузнецов П.Е. 573
 Кузьмин А. 183, 193
 Куинджи А.И. 16, 56
 Кун Э. 455
 Куприн А.И. 527
 Куропаткин А.Н. 502, 512, 524
 Кушелев Г.В. 506
 Кэри А.Д. 512
 Кюнер Н.В. 554

Лавров М.И. 282, 442, 501
 Лал Сингх 334

Ламанский В.И. 553
 Ламздорф В.Н. 201
 Ланселл Г. 209
 Лансере Е.Е. 170
 Ласточкин В.Г. 512
 Латифов (житель Чугучака) 395
 Лаубе И.Н. 174
 Лахман К. 457
 Леви С. 592
 Лейман Э. 455
 Ле Кок А. фон 17, 24, 32, 43, 46, 49–51, 302, 449, 467, 500, 514, 551, 624
 Ленин (Ульянов) В.И. 248, 498, 619
 Леонтьев М. 174
 Лермонтов М.Ю. 489
 Лерх П.И. 544, 550
 Литвинский Б.Л. 74, 93, 107, 113, 115, 129, 130, 145
 Литтлджон С. 578
 Луначарский А.В. 603, 608
 Лунин Б.В. 538
 Лыкошин Н.С. 547, 573
 Люба В.Ф. 206–207, 237, 244
 Любимов А.Е. 554
 Лютш Я.Я. 501
 Ляпунов А.П. 268

Ма Хушань 255
 Ма Чжунин 252, 254–255
 Макартни Дж. 500, 510–511, 516–519, 523–524, 528
 Максимович П.П. 184, 469
 Малиновский А.А. 192
 Малов С.Е. 472, 552, 567
 Малышев М.А. 236, 272
 Мамлеев 274
 Манакин М.М. 502
 Мандрыгин (полковник) 256
 Маннергейм К.Г.Э. 210–212, 221, 225, 502, 506–507, 509, 516
 Манохин И. 268, 271, 273, 276–277, 280, 320, 416, 493
 Марголиус Д.С. 579

Марковчин В.В. 240
 Марр (Жуковская) А.А. 547, 578
 Марр Н.Я. 534, 538, 545, 547, 553, 560, 581, 585, 596, 603, 608, 618, 621, 625, 627–628
 Марр Ю.Н. 560, 562, 585
 Маршалл Д. 591
 Мацулевич Л.А. 618
 Мелиоранский П.М. 530, 545
 Мерварт А.М. 574
 Мерварт Л.А. 574
 Мерцбахер Г. 209, 212
 Миккола Й.Ю. 575–576
 Минаев И.П. 24, 33, 42, 51, 543
 Михаил Александрович, великий князь 504
 Михайлов А.П. 228–230, 325, 412
 Михайлов (хорунжий) 493
 Михайлов (офицер) 493
 Михин Я. 268, 270–271, 276, 320, 341, 493
 Миллер А.А. 620
 Миллер Дж. 219
 Могилянский Н.М. 620
 Молотов В.М. 171, 254, 255
 Морган Д. 209
 Морозов С.Т. 228
 Моррисон Дж.Э. 518
 Музаффар 274–276
 Мумид Джиса 274
 Мусайлим 583
 Мусабеков Г.М. 584
 аль-Мутаваккиль Мухаммад 565
 Мушкетов И.В. 209
 Мюллер Ф.-А. 457–460

Надир-Шах Афшар 583
 Наджиб Асим 579
 Напалков П.Я. 492
 Наумов Н. 174
 Нейгауз Г.Г. 191
 Некрасов Н.В. 440
 Немченко М.А. 251
 Неслуховский К.Ф. 302
 Нечкин Д.И. 587–588

Низамад-динабд-аль-Васи Шами 565
 Никитин П.В. 569
 Николай (Адоратский), епископ 550
 Николай II 215, 504
 Николай Николаевич, великий князь 246

Оболенский А.А. 509, 521
 Обручев В.А. 205, 209, 222, 268
 Одорик Фриульский 561
 Ольга Александровна, великая княгиня 504
 Ольденберг Г. 52
 Ольденбург (Головачева) Е.Г. 20–21, 55, 57, 266, 530, 583–585, 588–590, 592
 Ольденбург (Бекарюкова) М.Д. 494, 496
 Ольденбург С.С. 58, 288, 475, 479, 482, 485–490, 494–495, 535, 544–545
 Ольденбург С.Ф. 15–24, 40–52, 55–58, 61, 63, 73–74, 77, 79, 81, 83, 89, 93, 95, 97, 99, 101, 103, 107, 109, 111, 113, 115, 117, 119, 121, 125, 127, 129–130, 133, 139, 145, 149, 153–154, 158, 168–170, 173–174, 177–180, 184, 186–191, 193, 195, 220, 224, 231–233, 243, 265–269, 271, 276, 282, 284, 291, 299–300, 302–305, 308, 310, 315–316, 318, 320, 323, 325, 339, 348, 350, 356, 365, 372–373, 380, 391, 399–400, 403–404, 408–409, 412–413, 421, 431–434, 443, 445, 449–452, 455–456, 458–462, 464, 468–500, 503–504, 507–512, 514–517, 520–522, 524–526, 528–553, 555–571, 573–578, 580–586, 588–592, 595–599, 601–610, 612–629

Ольденбург Ф.Ф. 173, 183, 194, 265, 284–285, 421, 469, 486, 488–489, 496, 567
 Орбели И.А. 57, 581, 602–603, 612, 615–616, 618, 621–625, 629
 Орельский (Бовкун-Луганец) И.Т. 256
 Орлеанский А.-Ф.-М. 209
 Орлов (актер) 319
 Остроухов П.А. 177
 Остроумов Н.П. 547, 557
 Отани Кодзуи 18, 50, 153, 442, 500, 514

Павлов И.П. 257
 Палладий (Кафаров), архимандрит 550
 Паппенгут П.П. 251, 254
 Пахомов Е.А. 583, 585
 Певцов М.В. 24, 33, 38, 51, 52, 205, 222, 502, 512, 524
 Пекарский Э.К. 43
 Пеллио П. 18, 21, 24, 32, 40, 43, 47, 50, 153, 298, 317–318, 340, 392, 500, 516, 529, 539, 580, 598
 Перовская С.Л. 617
 Петренко С.П. 44, 187
 Петров А.Д. 246
 Петров Н.П. 496
 Петров Ф.Н. 586
 Петр I 606, 614
 Петровский Н.Ф. 15, 17, 24, 32, 38–41, 51–52, 201, 455, 499–501, 514, 532–533, 535–536, 546, 550
 Пещуров Д.А. 199
 Пильсудский (Пилсудский) Б.О. 43
 Пишель Р. 455–468
 Платонов С.Ф. 584, 591
 Плотников М. 319
 Позднеев А.М. 199, 201, 205, 541
 Позднеев Д.М. 541
 Покровский М.Н. 607

Полинов И.Я. 261
 Поло М. 24, 27, 33, 52
 Помещиков Л.С. 518
 Понькин А.Т. 241–242, 256–261
 Попелявский (есаул) 246
 Порт Г. 63, 226–227
 Потанин Г.Н. 204, 205
 Поярков О.В. 547
 Прайс М. 219
 Пржевальский Н.М. 24, 33, 51–52, 205, 209, 279, 344, 502, 512
 Проскуряков 250
 Путинцев Г.Н. 444–445

 Равдоникас В.И. 612
 Равенди Мухаммад ибн Али 579
 Радлов В.В. 40–42, 56, 117, 205, 209, 215, 455–456, 462–463, 474, 486, 489, 507, 509, 522, 528, 595
 Рахими Ш. 587
 Рахманов А.А. 267
 Регель А.Э. 209, 222
 Рембрандт Х.ван Рейн 607
 Ренат Й.Г. 250
 Рерих Н.К. 248–249
 Ризабаев А.-В. 69
 Роббиа Лука 288
 Роборовский В.И. 16, 33, 52, 221–222, 339, 502
 Рогачев А.П. 244
 Родичев Ф.И. 475
 Розен В.Р. 20, 455, 457–467, 529–530, 532–535, 540, 542–543, 548–550, 553, 557, 562 579, 592
 Розен (Веселаго) О.Ф. 557
 Розенберг О.О. 57
 Розенберг Ф.А. 574, 596
 Рокхиль У.В. 557
 Романов А.Н. 283
 Романов К.К. 168, 538, 597, 599
 Ромберг Б.Ф. 18–19, 21, 169, 173–181, 232, 233, 265, 267,

269, 271–272, 276, 278, 280–283, 285–286, 289, 306, 312, 318, 320, 323, 332, 356, 365–366, 373, 392–393, 403–404, 409, 427, 433–434, 471, 497, 567–568
 Ромберг Инна 180
 Ромберг Н.Н. 174
 Ромберг Ф.А. 174
 Росс Э.Д. 441, 578
 Рост Р. 458–459
 Руднев А.Д. 43, 576

 Сабир (Таирзаде А.З.) 584
 Сабуров П.Д. 498
 Сайд Толедский 457
 Сальхани А. 458–459
 Самойлович А.Н. 572, 574, 580, 603
 Самсонов А.В. 509, 521
 Сафонов В.И. 184
 Сафонов К.Я. 189
 Светозаров В.Н. 177, 179
 Свешникова Е.П. 469, 484–486, 488, 490, 496–497
 Седова (Троцкая) Н.И. 572
 Селецкая В.Е. 215–216, 232–234, 236, 275, 412, 493
 Селецкая Н.В. 216
 Селецкий Е.И. 215
 Селим I Явуз, султан 564–565
 Семёнов А.А. 572, 587–588, 597
 Семёнов П.П. 209
 Сетяля Э.Н. 575
 Сидоров П.И. 244
 Скайлер Ю. 209
 Скачков П.Е. 18, 154, 470, 602
 Скрыподчиков И.М. 218
 Смирнов В.А. 183–184
 Смирнов Д.А. 17, 44, 49–50, 73–74, 77, 83, 87, 89, 91, 93, 95, 97, 99, 101, 103, 107, 111, 115, 121, 123, 127, 146, 183–194, 302, 469–493, 495–498, 551–552
 Смирнов Е.Т. 547
 Смирнов М.А. 192

Смирнов Н.А. 18–19, 169, 173, 189–190, 193–195, 232, 233, 265–267, 269, 272, 275–278, 280, 282–283, 285–286, 318, 320, 332, 342, 373, 380, 388, 391, 403, 410, 417, 433, 469–471, 488–496, 498, 567
 Смирнова Е.Д. 191–192
 Смирнова Э.А.: см. Витвер Э.А.
 Смирнов Я.И. 550
 Собинов Ф.И. 257
 Созонтов Н.С. 511
 Соков С.В. 442, 510–511, 513, 517–519, 522–523, 525, 528
 Сокова А.Ф. 510, 524,
 Солнцев Н.П. 275
 Солодников П.И. 267
 Спиридонович (журналист) 583
 Срезневский В.И. 574
 Сталин И.В. 171, 254
 Сталь фон Гольштейн А.А. 464, 554
 Старынкевич А.Д. 489
 Стейн М.А. 17–18, 24, 32, 43, 46, 50, 153, 210, 298, 302, 304, 334, 340, 392, 432, 441, 452, 500, 513–514, 516, 519, 524, 529, 577–578, 581
 Стеклов В.А. 588
 Столыпин П.А. 486
 Стрелков А.С. 57, 574, 589
 Строковский В.А. 221–222
 Струве П.Б. 246
 Ступкин Н. 258
 Сучков С.Н. 484
 Сыроподчиков И.М. 218
 Сыртланов Р.Ш.-А. 225

 Тадхоуп Дж. 275, 325, 412
 Татибана Дзуйтё (Тачибана Цуичо) 231, 442, 500, 514, 518
 Тейчман Э. 258
 Тимаев К.А. 543
 Тимашев С.И. 490
 Тимур (Тамерлан) 565, 600

Тихвинский С.Л. 256
 Тихонов А.Н. 267
 Тлеужанов А. 275–276, 278–279, 281–285, 289, 341, 373, 434
 Токовнев А. 176
 Толстой Л.Н. 482, 614
 Тони Ч.-Г. 458–459
 Торбеке А.-Г. 458–459
 Тревер К.В. 57, 624
 Трепов Д.Ф. 505
 Троцкий Л.Д. 236
 Туманова О.А. 55
 Туманский А.Г. 562
 Тураев Б.А. 596
 Тхубтэн Гьяцо 546

 У Даоцзы 361
 У Чжунсинь 260
 Уваров А.С. 556–557
 Уварова П.С. 572
 Удаленков А.П. 538, 597–598
 Уифалви Ш. 209
 Улуг-бек 600
 Умняков И.И. 587
 Уоллес (Уоллас) 510, 517
 Уорнер Л. 242, 243
 Ушаков (полковник) 256

 Файзуллаев 585
 Фармаковский Б.В. 556, 574
 Ферсман А.Е. 530, 591–592
 Фёдоров Д.Я. 208–209
 Фёдоров С.А. 209, 215, 218–219, 221
 Фишер Август 460–461
 Флюгель Г.Л. 564
 Фляйшер Г.-Л. 459
 Форсайт Т.Д. 24, 32, 52
 Фортунатов Ф.Ф. 568
 Фрейман А.А. 588
 Фридолин П.П. 584
 Фриновский М.П. 253

 Хаджи-Хальфа 564
 Хаким I 565

Халь-Магомед 69
 Хартманн М. 579
 Харчиков (нотариус) 194
 Хаслунд Х. 249, 250
 Хаутсма М.Т. 577
 Хашаб А.Ф. 548
 Хеннинг Х. 249–250
 Хёрнле Р. 500
 Хилаль ас-Сабия 579–580
 Хобс О. 518
 Ходжа Ахрор 600
 Хомутов П.И. 542
 Хоогерс Ф. 275, 325, 373, 412
 Хопкирк П. 499
 Хорват Д.Л. 246
 Хохо Б.Т. 71, 74, 77, 126, 149, 231, 474, 517, 523, 525, 527–528
 Хут Г. 450
 Хяфизбаев А. 272

 Цагечин Бэйле 250
 Цатуров Г.М. 256
 Цейль С.В. 502, 506
 Цзинь Шужень 251–252
 Цинь-ван 446, 448

 Чан (монах) 290, 392
 Чан Кайши 250, 259
 Чанышев Р. 274–276, 284, 325, 343–344
 Чернев И.Г. 256
 Черников Т. 268, 282, 290, 306, 320, 434
 Чернов Е.Г. 171
 Чернышев Ф.Н. 188, 484, 491
 Чжан Пэйюань 255
 Чжан Цзолинь 242
 Чиркин С.В. 203
 Чижов Ф.В. 184
 Чуприенко С. 56

 Шалланд Л. 176
 Шаляпин Ф.И. 184
 Шатилов П.Н. 506
 Шаттлуорт А.Р. 501

Шахматов А.А. 573–574
 Шейбани-хан 600
 Шереметев С.Д. 201
 Шефер Ш.А.О. 579
 Шишмарев Я.П. 203, 205–206
 Шкапский О.А. 573
 Шлагинтвейт А. 499
 Шлегель Ф. 557
 Шмидт А.Э. 571–572, 587–588, 596
 Шмонин В.П. 219
 Шокальский Ю.М. 582
 Шомберг Р. 244, 247–248, 251, 254
 Штейн: см. Стейн М.А.
 Штернберг Л.Я. 43, 548, 554, 581
 Шэн Шицай 251–255, 259–261

 Щербатской Ф.И. 20–21, 464, 533–534, 546, 554, 574, 578, 580–581, 603, 617, 624
 Щёкин М.С. 203
 Щусев А.В. 170

 Эберман В.А. 596, 599
 Эдертон П. 218
 Эттинген В.О. фон 222

 Югнаки Ахмед 580
 Юденич Н.Н. 572
 Юсуп-Бек 71

 Ядринцев Н.М. 205
 Якуб-бек 514, 577
 Якуб-джан 274
 Якубовский А.Ю. 596
 Ян Цзэнсинь 219, 233, 237–238, 247, 251
 Яремич С.П. 22–23
 Яснецов А. 237

 Charpentier (дирижер) 580
 Laufer В. 286
 Meuson (начальник почты) 373

ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН И МОНГОЛИЯ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ
В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Том
IV

МАТЕРИАЛЫ
РУССКИХ ТУРКЕСТАНСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ
1909–1910 и 1914–1915 гг.
АКАДЕМИКА С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГА

Издательство «Индрик»

Оригинал-макет А.С. Старчеус

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by

www.indrik.ru

or by tel./fax: +7 **495 938-01-00**

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90 1/8. Печать офсетная.

82,0 п. л. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Август Борг»